ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

ФИЛАРЕТЪ

ВЪ СХИМОНАШЕСТВѢ ѲЕОДОСІЙ

(Амфитеатровъ)

МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ и ГАЛИЦКІЙ

и

ЕГО ВРЕМЯ.

Съ портретомъ и текстомъ факсимиле.

СОСТАВЛЕНО

въ трехъ томахъ

АРХИМАНДРИТОМЪ СЕРГІЕМЪ

(Василевскимъ).

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

КАЗАНЬ.

Типо-Литография И. С Перова, на Булакѣ, въ собственномъ домѣ.

1888.

ПРОВ. 1957

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется С.-Петербургъ, Сентября 19 дня 1887 года

Цензоръ Архимандритъ **Тихонъ**.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

11 73
57

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТДѢЛЪ I.

Глава I Общій характеръ управленія высокопр Филарета Кіевскою Митрополіею . Стран, 1— 12

Глава II. Распоряженія высокопр Филарета, касающіяся судныхъ дѣлъ по взаимнымъ претензіямъ духовныхъ лицъ и распоряженія административныя относительно всей паствы . . . . Стран. 13— 40

ОТДѢЛЪ II.

Глава III Факты, свидѣтельствующіе мужественное его представительство за духовенство предъ Высшею Властію и непрестанную заботливость о матеріальномъ обезпеченіи духовенства и о приведеніи въ приличное состояніе Православныхъ церквей . . . . . Стран. 41— 72

ОТДѢЛЪ III.

Глава IV. Попечительность высокопр. Филарета о сиротахъ и бѣдныхъ духовнаго званія. Заботы его объ улучшеніи низшихъ духовно-учебныхъ заведеній и открытіе новаго Кіево-Софійскаго училища . . . . Стран, 72—104.

Глава V. Столь же отеческая архипастырская попечительность и о Семинаріи. . . . . Стран. 105—143.

Глава VI. Заботливость высокопреосв Филарета о благосостояніи Духовной Академіи . , . Стран 144—178

Глава VII. Непосредственное руководство Наставниковъ и учащихся Кіевской Академіи.—Митрополитъ Филаретъ былъ по истинѣ свѣтильникомъ для этого высшаго святилища духовнаго просвѣщенія . . . . Стран. 179—219.

Глава VIII Личный, по преимуществу, выборъ имъ и назначеніе служебныхъ лицъ въ Академіи . . Стран. 220—236.

Глава IX. Извѣстность, которую пріобрѣла Духовная Академія при высокопр. Филаретѣ . . . Стран. 236—254.

Глава X. Отношенія высокопр. Филарета къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ . . . . . Стран. 225—265

ОТДѢЛЪ IV.

Глава XI. Избраніе Лавры постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ.—Забота о расширеніи домовой церкви Стран. 266—273.

Глава XII Устроиство внутренней жизни Лаврской Обители по правиламъ монашескаго житія, установленнаго св Преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими. Наставленія его братіи. Заботы о Лаврскомъ пѣніи . Стран. 267—302

Глава XIII Отношенія высокопр Филарета къ старцу Парѳенію и ко всей Лаврской братіи . . . Стран. 303—326.

Глава XIV. Отношеніе высокопр. Филарета къ оказывающимъ ослушаніе и строптивость.—Лица приближенныя къ нему и довѣренныя . . . . Стран. 327—354.

Глава XV. Собственная свято-подвижническая жизнь Митрополита Филарета . . . . Стран. 355—378.

ОТДѢЛЪ V.

Глава XVI Труды высокопреосв Филарета по храмосозданію. . . . . Стран. 379—402.

Глава XVII. Отношеніе высокопр Филарета къ дѣлу о сооруженіи «Памятника св. Равноапостольному Великому Князю Владиміру».—Возобновленіе Кіево-Софійскаго Собора — Окончаніе сооруженія «Десятинной» церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы . . . . Стран 403—422.

Глава XVIII Устроиство каменной стѣны вокругъ Лавры. устройство при Лаврѣ гостинницы. странноприимницы и странноприемной лечебницы и другія постройки, и учрежденія Голосѣева Пустынь; устроеніе ея Митрополитомъ Филаретомъ . . . . . Стран 423—459.

Глава XIX Схимничество Митрополита Филарета Стран. 460—477.

ОТДѢЛЪ VI.

Глава XX Личное участіе высокопр Филарета въ дѣлахъ Сунодальнаго управленія по званію Члена Св. Сунода. Стр 477—532.

Глава XXI Отношенія высокопр. Филарета къ столичному обществу.—Милостивые Рескрипты на его имя Царственныхъ Особъ. Посѣщеніе Кіевскихъ Святынь Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею . . Стран 553—588.

ОТДѢЛЪ VII.

Глава XXII Отношенія Іерархическихъ лицъ Православнаго Востока къ Митрополиту Филарету —Изложеніе устныхъ бесѣдъ и частныхъ разсужденій его о разныхъ предтахъ . . . . . Стран. 589—651.

ОТДѢЛЪ VIII.

Глава XXIII Болѣзнь высокопр Филарета, приближеніе и приготовленіе его къ кончинѣ . . Стран. 652—675.

Глава XXIV. Послѣдній день жизни, кончина и погребеніе высокопр. Филарета. Его духовное завѣщаніе. Стран. 676—694.

Глава XXV. Мѣсто погребенія въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета; надпись надъ его могилою. Рѣчи, произнесенныя на его могилѣ Преемниками его—Высокопреосвященнѣйшими Митрополитами—Исидоромъ и Арсеніемъ — Заключеніе . . . . . Стран. 695—712.

ОТДѢЛЪ I.

ГЛАВА I.

«Двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ паства Кіевская съ необычайною радостію, съ отверстыми объятіями сердца, съ высокими сладостными надеждами срѣтала великаго Архипастыря, о которомъ еще прежде слышала, котораго доблести и подвиги пастырскіе извѣстны были всей Россіи И оправдались наши надежды въ Тебѣ, Архипастырь незабвенный Ты былъ намъ радостію и утѣшеніемъ, былъ истиннымъ отцемъ и наставникомъ, мы уповали на Тебя, какъ на сильнаго молитвенника и ходатая предъ Богомъ, Ты былъ солію земли Русской, великимъ свѣтильникомъ Церкви Православной Твое преимущественное благочестіе обращало на градъ особенное вниманіе самихъ Вѣнценосцевъ Россіи и привлекало къ намъ благословенія небесныя «Такъ исполнились благія надежды твои, паства Кіевская» (1)!

«Сбылось твое слово предвѣщательное, Іерархъ приснопамятный! Я теперь на той самой каѳедрѣ, на которой двадцать лѣтъ возсѣдалъ ты съ толикою честію и славою. Но гдѣ тотъ высокій духъ и та благодатная сила и, опытомъ стяжанная, мудрость, съ которыми ты такъ благоуспѣшно и благоплодно управлялъ, ввѣренною тебѣ, древнѣйшею паствою въ Русской Церкви»?! .. (2).

«Управлять епархіею въ Западномъ Русскомъ краѣ далеко не то̀, что̀ управлять какою либо Великорусскою, напр. Владимірскою, Ярославскою и т. п. Судьба Православія въ въ Западномъ краѣ, историческая жизнь народа и духо-

---

(1) Изъ надгробнаго слова, сказаннаго бывшимъ Каѳедральнымъ Протоіереемъ, Докторомъ Богословія Иваномъ Михайловичемъ Скворцовымъ.

(2) Слова изъ рѣчи, сказанной высопр. Арсеніемъ Митрополитомъ Кіевскимъ при совершеніи первой, по прибытіи его въ Кіевъ, паннихиды на могилѣ высоконр. Филарета.

венства вѣками выработали и обусловили здѣсь особый складъ жизни, особыя понятія, особыя отношенія. Понять, изучать, примирять эти мѣстныя особенности, возводить частныя мѣры въ общія и общія въ частныя,—однимъ словомъ управлять въ Западномъ краѣ, хотя бы и епархіей, дѣло въ высшей степени не легкое» (1).—Такія и подобныя сужденія и отзывы во множествѣ появлялись въ разныхъ современныхъ извѣстіяхъ по случаю назначенія, въ 1868 г., преемника въ Бозѣ почившему высокопр. Іосифу (Сямашко), Митрополиту Литовскому (2). Мы тогда же отмѣтили ихъ въ главномъ содержаніи, чтобы приложить ихъ значеніе къ настоящему отдѣлу повѣствованія о служеніи высокопр. Филарета на Кіевской митрополіи. Въ самомъ дѣлѣ, если въ указываемую пору (1868 г.) были основанія такъ, а не иначе, опредѣлять status quo церковно-народной жизни съ разнообразными особенностями и условіями въ Сѣверо-западномъ краѣ, то что̀ сказать о бывшемъ status quo въ краѣ Югозападномъ за тридцать лѣтъ—именно въ 1837 г., когда послѣдовало Высочайшее назначеніе высокопр. Филарета Митрополитомъ Кіевскимъ. Сказанное о состояніи Сѣверозападнаго края по отношенію къ судьбѣ Православія, исторической жизни народа и духовенства и пр. не столько ли же относится и къ Юго-западному краю? А если принять во вниманіе при этомъ пространство времени, а съ нимъ ту не безъизвѣстную громадную разность между теперешнимъ и тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Западномъ краѣ вообще въ религіозно-церковномъ и даже политическо-народномъ отношеніи, то постъ, на который былъ призванъ въ ту пору высокопр. Филаретъ, имѣлъ еще бо̀льшее значеніе, высшую важность. Одно то́, что тогда требовался образъ дѣйствованія, въ извѣстной степени, возможно закрытый и

---

(1) Смотр. «Современный Листокъ» № 101, 18 Декабря 1868 г. и др. газеты.

(2) Преемникъ этотъ былъ высокопр. Макарій (Булгаковъ), впослѣдствіи—въ 1878 г.—возведенный въ санъ Митрополита Московскаго, скончавшійся 1882 г. 10 Іюня.

вообще обусловленный крайними ограниченіями, исходившими, притомъ, изъ двухъ источниковъ по духу и направленію, идущихъ въ большинствѣ въ разрѣзъ,—одно это составляло особеннѣйшій трудъ, чтобы не сказать, прямое и крайнее стѣсненіе и даже опасность... для всякаго, поставленнаго во главѣ дѣятелей въ положительномъ истинномъ духѣ и направленіи

Что же касается въ частности и собственно лично до указываемой дѣятельности, новопризваннаго на служеніе въ этомъ краѣ, высокопр. Филарета, то достаточно только знать, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ возсоединеніи Уніятовъ и совершителемъ самаго торжества этого, велико-знаменательнаго въ исторіи Церкви и государства, событія, (въ Витебскѣ 1838 г.),—возсоединенія не въ Сѣверозападномъ только краѣ, но простиравшагося и на Югозападный.—Равнымъ образомъ если взять во вниманіе состояніе собственно Кіевской епархіи по части религіозно-народныхъ особенностей и, притомъ, съ одной стороны образовавшихся и укоренившихся отъ самой колыбели христіанства въ Кіевѣ,—Матери городовъ Россійскихъ, а съ другой—привнесенныхъ со внѣ и успѣвшихъ тоже крѣпко привиться,—то совершенно справедливо приложить сюда вышеприведенныя сужденія, что «управлять Кіевскою епархіею далеко не то, что какою либо Великорусскою и даже Казанскою съ ея инородческимъ и нехристіанскимъ элементомъ». Потому, если высокопр. Филаретъ могъ и успѣлъ дѣйствительно, какъ увидимъ впослѣдствіи, понять, изучить, примирить мѣстныя разнохарактерныя особенности и самыя отношенія между элементами населенія Кіевской епархіи, то это составляло для него дѣло великаго труда и борьбы, а вмѣстѣ дѣло и великой важности въ судьбахъ тамошняго края.

При самомъ назначеніи высокопр. Филарета на Кіевскую Митрополію (17 апрѣля 1837 г.), Самъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Николай Павловичъ въ Рескриптѣ къ новому Митрополиту писалъ: «Я убѣжденъ, что вы, руководимые небесною благодатію, по стопамъ истинныхъ іерарховъ и учителей вселенской Церкви, въ духѣ любви и мира словомъ и примѣромъ послужите *къ живо-*

творному назиданію новой паствы своей, и Богоспасаемый градъ Кіевъ да свѣтитъ окрестнымъ странамъ лучами живой дѣятельной вѣры». За тѣмъ спустя два года (1839 г.), по личной волѣ Самого же Государя Императора, высокопр. Филаретъ былъ облеченъ особеннымъ довѣріемъ въ дѣйствованіяхъ его въ разсматриваемомъ отношеніи. Вотъ Августѣйшія слова, сообщенныя въ секретномъ, по Высочайшему повелѣнію, отношеніи на имя высокопр Филарета бывшимъ Оберъ—Прокуроромъ Граф Протасовымъ:—«Отличающія его (Митроп. Филарета), свойства христианской любви и кротости служатъ надежнымъ ручательствомъ, что онъ вполнѣ совершитъ ожиданіе Правительства, преподавъ ввѣренному ему духовенству такія личныя наставленія, кои послужатъ къ полному водворенію непарушимаго согласія и духовнаго единства между бывшими—отторгнутыми насиліемъ и теперь возсоединенными любовію въ отношеніи къ сохранившимъ неизмѣнно Православіе» (1).

Въ какой мѣрѣ успѣшно и благотворно оправдалъ такое довѣріе Самого Монарха высокопр. Филаретъ, мы увидимъ подробно въ своемъ мѣстѣ изъ подлинныхъ документовъ и фактовъ. Въ настоящей же разъ мы доскажемъ только то̀,—какъ высокопр. Филаретъ, и на самомъ, такъ сказать, порогѣ исхода изъ сей жизни, глубоко сознавалъ и труды и плоды своей двадцатилѣтней дѣятельности на разсматриваемомъ поприщѣ, за продолженіе которыхъ, въ томъ же духѣ и образѣ его дѣйствованія, онъ высказывалъ своего рода опасенія.—«Кто-то будетъ вмѣсто меня!! говорилъ онъ не однократно. Ахъ, пошли *Господи пастыря по сердцу Твоему*, и вложи въ *сердце его благая о паствѣ сей*. толико знаменитой и древностію и святынностію». И далѣе, (какъ читаемъ въ дневникѣ (2) дважды),—истинно,

---

(1) Это секретное, по Высочаишему повелѣнію, отношеніе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода Графа Протасова къ высокопр Филларету было отъ 30 Апрѣля 1837 г. за № 551. Предписывалось въ этомъ же отношеніи и то̀, чтобы подобнаго рода бумаги не были объявляемы и чтобы не сдавались даже и въ Консисторію,—о чемъ мы увидимъ впослѣдствіи.

(2) Дневникъ этотъ веденъ былъ бывшимъ Намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры Архим. Іоанномъ (нынѣшнимъ Архіеп Полтавскимъ)

по дару благодатнаго прозорливства, онъ самъ же предназначалъ двухъ, желаемыхъ имъ, преемниковъ,—именно бывшаго Экзарха Грузіи высокопр. Исидора, нынѣшняго Митрополита С.-Петербургскаго, и Варшавскаго Архіепископа Арсенія.—О первомъ читаемъ въ дневникѣ, (подъ 23 числомъ января 1857 г. утро), слѣдующее· «Обращаясь къ мысли о преемникахъ себѣ, св. Владыка сказалъ «Вотъ я написалъ Преосвященнѣйшему Исидору, что молю Бога, чтобы ему быть моимъ преемникомъ. Да, повторилъ еще Владыка, я желалъ бы, чтобы именно онъ, а не другой пока былъ мнѣ преемникомъ. Человѣкъ онъ разсудительный, кроткій, смиренномудренный.., да и по порядку служебному ему слѣдуетъ; а Иннокентія (разумѣется здѣсь Иннокентій Борисовъ, бывшій тогда Архіеп. Херсонскій и Таврическій (1)) не дай Богъ!!»—И еще читаемъ (подъ 14 числомъ Марта—вечеръ): «Я вотъ все думаю и желаю, чтобы на мое мѣсто поступилъ къ вамъ преосв. Исидоръ: это человѣкъ,—всегда скажу,—благоговѣйный, благоразсудительный, кроткій, смиренный, правдивый, *въ немъ же нѣсть лести*. Для епархіи, положимъ, и другой кто годится,—напр. Варшавскій, но для св. Лавры онъ болѣе всѣхъ. Впрочемъ и для епархіи здѣшней онъ тоже болѣе всѣхъ пригоденъ. Никому такъ не извѣстны положеніе здѣшняго края и отношенія Православныхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ латинянамъ, какъ

Начатъ онъ былъ съ 28 Декабря 1853 г. и былъ веденъ до конца 1856 г. изрѣдка; но за тѣмъ съ Января 2-го 1857 г., по самый конецъ жизни Митроп. Филарета, весьма полно. Дневникъ этотъ въ копіи былъ доставленъ покойному высокопр. Антонію (архіеп. Казанскому), который, знавши этотъ дневникъ еще прежде въ Кіевѣ, просилъ преосв. Іоанна доставить ему въ копіи, собственно въ виду составляемой мною біографіи.—Копія дневника состоитъ изъ *девяти* небольшаго формата тетрадокъ въ количествѣ 194 страницъ. Авт.

(1) Архіеп. Иннокентій даже и не дожилъ до времени преемства; онъ скончался, послѣ самой краткой болѣзни, 26 Мая 1857 г.—Какъ велико и искренно было это пожеланіе высокопр. Филарета, чтобы Иннокентій былъ его преемникомъ,—мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что при первой вѣсти о кончинѣ Иннокентія высокопр. Филаретъ перекрестился и сказалъ: «ну, слава Тебѣ Господи!.. Теперь я спокойнѣе буду умирать...—а тамъ,—увидимся, объяснимся предъ лицемъ Господа!!.

ему; онъ же болѣе всѣхъ знакомъ и съ состояніемъ возсоединенныхъ изъ уніятовъ (1). Относительно же, предсказаннаго высокопр. Филаретомъ, преемничества высокопр. Арсенія (Варшавскаго) есть отчасти намекъ и въ дневникѣ, гдѣ высокопр. Филаретъ отзывался объ немъ, что и онъ хорошо долженъ знать особенности и потребности страны и самой Кіевской епархіи, по смежности съ нею Волыни: но особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ.- На пути въ Москву на Коронацію, въ Августѣ 1856 года, высокопр. Арсеній заѣхалъ, (изъ Почаевской Лавры, бывшей тогда въ управленіи Варшавскихъ архіепископовъ), въ Кіевъ помолиться и повидаться съ высокопр. Филаретомъ. При окончательныхъ сборахъ въ дальнѣйшій путь иподіаконы спохватились, что забыли взять, въ числѣ ризницы, архіерейскій посохъ.—Когда доложили они объ этомъ своему Владыкѣ Арсенію, то онъ высказался про такую проруху иподіаконовъ Владыкѣ Филарету, примолвивши, въ смыслѣ полусуевѣрія, что это, кажется, признакъ чего-то недобраго.—Право же, какіе дурни-ротозѣи эти иподіаконы, говорилъ съ недовольствомъ А. Арсеній»... — «Погоди, Пресвященный, не жури ты ихъ.. и тутъ же, приказавши позвать къ себѣ Екклесіарха, (Архим. Мелетія), сказалъ ему,—иди въ ризницу и принеси тотъ мой посохъ, который обыкновенно употреблялъ я въ великіе праздники.—Взявши принесенный посохъ, Владыка Филаретъ обратился къ А. Арсенію: ты, Преосвященный, промолвилъ, что-де не взятіе иподіаконами посоха кажется тебѣ признакомъ чего-то не добраго.. А я скажу тебѣ на оборотъ. Во 1-хъ, вмѣсто мѣня пусть побывастъ на великомъ торжествѣ Священнаго

(1) Знакомство это приписывалось, очевидно, потому, что высокопр. Исидоръ до назначенія Экзархомъ Грузіи былъ Епископомъ въ двухъ западно-русскихъ епархіяхъ—Полотской и Могилевской, наполненныхъ элементомъ польско-латинско-уніятскимъ. Онъ же былъ, вмѣстѣ съ высокопр Филаретомъ, совершителемъ торжества возсоединенія Уніятовъ въ Маѣ 1839 г. въ г. Витебскѣ. Описаніе этого торжества было составлено мною подробно и напечатано въ 1864 г. въ Витебскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ.—Авт.

Коронованія хотя мой этотъ жезлъ (1), а я буду пламенно молиться, какъ бы предстоя тамъ съ этимъ жезломъ, равно и ты усерднѣе помолись и отъ себя и отъ меня. Потомъ, смотри, ты и не возвращай его изъ Москвы съ нашими (2),— а вези съ собой и служи съ этимъ посохомъ постоянно съ молитвою и за меня дотолѣ, пока самъ привезешь его обратно сюда въ Св. Лавру, и здѣсь онъ оттолѣ будетъ для тебя по праву твоимъ, какъ досель былъ моимъ —А дастъ Богъ, скоро сбудется это. Ты будешь здѣсь Митрополитомъ».

Все это дѣйствительно такъ и сбылось,—именно какъ по отношенію къ высокопр. Исидору, который, непосредственно послѣ кончины Филарета, прибылъ на Митрополію Кіевскую въ октябрѣ 1858 года, но былъ вскорѣ, чрезъ два съ половиною года, Высочайше назначенъ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ, такъ и по отношенію къ высокопр. Арсенію, назначенному вмѣсто высокопр. Исидора Митрополитомъ Кіевскимъ.—И вотъ, какъ свидѣтельствовалъ самъ высокопр. Арсеній, или точнѣе какъ бы исповѣдывалъ предъ всѣми въ рѣчи своей, сказанной имъ послѣ первой заупокойной Литургіи и панихиды на мѣстѣ поконща въ Бозѣ почившаго его Предмѣстника — Филарета, — исповѣдывалъ сколько о томъ, что совершилось прозорливое, бывшее ему, предвѣщаніе, столько же и о духѣ, о силѣ, характерѣ и образѣ бывшаго его высокопастырскаго служенія во благо паствы Кіевской и вообще мѣстнаго края. Повторимъ слова этой рѣчи съ подлиннаго текста. «Итакъ сбылось твое слово предвѣщательное, Іерархъ приснопамятный!... Я, по судьбамъ Божіимъ, на той самой каѳедрѣ, на которой столько лѣтъ возсѣдалъ ты *съ толикою славою*. Но гдѣ тотъ

---

(1) Высокопр. Филаретъ, по старости и слабости здоровья, отказался отъ прибытія на Коронацію, о чемъ писалъ и Оберъ-Прокурору оффиціально и имѣлъ дерзновеніе писать (отъ себя чрезъ Намѣстника и Каѳедр. Протоіерея) письмо и Самому Государю, препроводивши отъ себя чрезъ Намѣстника же и Каѳедр. Протоіерея Иконы Государю и Государынѣ.

(2) Разумѣются здѣсь—оо. Намѣстникъ и Каѳедральный Протоіерей Ив Мих Скворцовъ, командированные высокопр. Филаретомъ для присутствованія на Коронаціи.

высокій духъ и та благодатная сила, съ которыми ты такъ *благоуспѣшно и благоплодно* управлялъ, ввѣренною тебѣ, паствою? Почто ты не оставилъ ихъ своимъ преемникамъ?.. Для чего, по крайней мѣрѣ, меня, немощнаго духомъ и тѣломъ, не предварилъ ты, подобно Или, дабы и я, подобно Елисею, могъ испросить у тебя милоть твою и съ нею *духъ сугубъ, иже въ тебѣ*,—столь нужный и благопотребный для благосостоянія паствы сей, и вообще по обстоятельствамъ настоящаго времени, излишне прихотливаго и своенравнаго, и по всеобщему настроенію умовъ, не удержимо стремящихся къ перемѣнамъ не извѣданнымъ, къ нововведеніямъ не всегда безопаснымъ?.. А ты по любви твоей къ человѣчеству, вѣрно, не отказалъ бы мнѣ» (1). Да, одно это свидѣтельство ближайшаго преемника, конечно, болѣе чѣмъ замѣняетъ и превосходитъ тѣ современныя свидѣтельства, которыя слагаются изъ литературно-общественныхъ мнѣній, истекающихъ едвали не въ большинствѣ изъ выше указанныхъ въ рѣчи источниковъ, т. е изъ обстоятельствъ времени, излишне прихотливаго и своенравнаго и пр., и которыя, (и мнѣнія и свидѣтельства), едва ли не оказываются всего болѣе таковыми въ той именно области и средѣ, гдѣ предметы и интересы Церкви и Государства близко соприкасаются и совмѣщаются (2), а въ особенности тогда, когда въ самой области церковно-религіозной и государственно-общественной являются, въ силу историческаго и современнаго положенія дѣлъ, антагонистическія отношенія между элементами мѣстной населенности.—

---

(1) Смотр. Труды Кіев. дух. Академіи.

(2) Прекрасно объ этомъ сказано авторомъ статьи: «Церковь и Общество», въ слѣдующихъ строкахъ: «Когда, по новымъ потребностямъ народовъ, оказываются нужными важныя и многостороннія преобразованія въ государственныхъ положеніяхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ, должно съ особенно большою осторожностію прикасаться къ церковнымъ положеніямъ и учрежденіямъ. Не только опасно ихъ трогать, но и все гражданское, соприкасающееся съ церковнымъ, надобно тщательно обдумывать: *самыя благожелательныя и самыя, по видимому, добрыя* изъ нихъ, т. е. направленныя ко благу Церкви, могутъ оказаться, впослѣдствіи, вредными и для Церкви и для государства»...

Поэтому, какъ сказано въ самомъ началѣ, понять, изучать, примирять все это составляетъ истинно великій подвигъ, могущій быть выполненнымъ при великой мудрости и мужественной борьбѣ со стороны истиннаго призванника,— каковымъ и представится намъ въ своемъ полномъ ореолѣ высокопр. Филаретъ *съ толикою славою*, какъ сказано въ рѣчи его преемника, и такъ благоуспѣшно и благоплодно управлявшій, въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ, паствою Кіевскою.

Въ этомъ отношеніи было особенно интересно для насъ встрѣтить самое позднѣйшее, спустя почти тридцать лѣтъ (въ 1885 г.) по кончинѣ жизнеописуемаго Первосвятителя Кіевскаго, свидѣтельство самыхъ тѣхъ документовъ, которые обнародованы однимъ достопочтеннѣйшимъ лицомъ въ ихъ точнѣйшемъ подлинникѣ (1). На основаніи точнаго содержанія этихъ документовъ, обнародователь ихъ съ замѣчательною ясностію опредѣляетъ и характеризуетъ духъ и образъ дѣйствій высокопр. Филарета именно по отношенію къ управленію его Кіевскою паствою.—«Во всѣхъ, встрѣчаемыхъ нами, говоритъ онъ, доселѣ явившихся монографіяхъ, воспоминаніяхъ, матеріалахъ и замѣткахъ и въ недавнемъ очеркѣ г. Преображенскаго (2) больше говорится о святой, благочестивой жизни сего святителя Божія и, отчасти, объ его проповѣдяхъ и проповѣдничествѣ, но мало сказано объ административной его дѣятельности по управленію разными епархіями, особенно же Кіевскою. А между тѣмъ большую часть своей архипастырской дѣятельности покойный Митрополитъ Филаретъ посвятилъ Кіевской епархіи, управляя ею въ теченіи 20 лѣтъ (1837—1857 г.). Притомъ же, въ періодъ управленія Высокопреосвященнаго Филарета Кіевскою епархіею, въ предѣлахъ ея совершилось нѣсколько событій

---

(1) Мы разумѣемъ здѣсь три таковыхъ документа, обнародованныхъ въ 1885 г проф Кіев дух. Академіи г. Петровымъ (Іюль—стран. 435—459) и въ Историческомъ Вѣстникѣ 1885 г.—Два, изъ этихъ трехъ, документа читающіе встрѣтятъ съ особеннымъ интересомъ въ своемъ мѣстѣ.

(2) Очеркъ этотъ, довольно пространный, напечатанъ былъ въ Калужскихъ епарх. Вѣдомостяхъ въ 1884—85 годахъ.

первостепенной важности, имѣвшихъ близкое, непосредственное отношеніе къ епархіальной жизни. Таковы—введеніе, Высочайше утвержденнаго, положенія 1842 года касательно обезпеченія здѣшняго духовенства землями, домами, обрабатываемъ прихожанами участковъ земли и проч.,—введеніе инвентарей для урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами, причинившее не мало хлопоть и непріятностей и духовенству,—и какія-то глухія движенія между польскими, помѣщиками и крестьянами въ 1846 и 1847 гг., не ускользнувшія однако отъ вниманія Правительства, и проч. Поэтому интересно было бы прослѣдить по архивнымъ документамъ какъ обыденную административную дѣятельность Высокопреосвященнаго Филарета по управленію Кіевскою епархіею, такъ и его отношеніе къ выдающимся исключительнымъ обстоятельствамъ изъ жизни его епархіи не только съ религіозно-церковной стороны, но и народно-общественной и даже политической, чтобы освѣтить, по возможности, со всѣхъ сторонъ жизнь и дѣятельность этого святителя Божія, бывшаго свѣтильникомъ и украшеніемъ не только Кіевской епархіи, но и всей Русской Православной Церкви (1). Эти-то данныя, на сколько воз-

(1) «Обыкновенную административную дѣятельность святителя Филарета по Кіевской епархіи, говоритъ г. Петровъ, можно изучить главнымъ образомъ по архиву Кіевской духовной Консисторіи и уловить, въ консисторскихъ дѣлахъ и резолюціяхъ на нихъ, индивидуальныя черты личнаго характера митрополита Филарета, — и эта работа ждетъ еще изслѣдователя. Но что касается болѣе важныхъ дѣлъ по управленію митрополита Филарета Кіевскою епархіей, то мы имѣемъ основаніе думать, что значительная часть этихъ дѣлъ вовсе и не поступала въ Консисторію и, по смерти митрополита Филарета, расхищена была изъ канцеляріи Кіевскихъ митрополитовъ частными лицами. Это—большею частію конфиденціальныя сообщенія и секретныя дѣла, которыя высокопреосвященный Филаретъ, тщательно хранившій *тайну цареву* и тайну администратианыхъ лицъ, обыкновенно приказывалъ блюсти въ своей канцеляріи». NB. Съ своей стороны мы всеконечно не можемъ напередъ давать отвѣта, — на сколько могли мы дѣйствительно удовлетворить этому, вполнѣ справедливому, указанію достопочтеннаго заявителя, по извѣстному выраженію: ἀδεῖς - ἄπαντα, но позволяемъ себѣ сказать, что изложеніе нашего повѣствованія объ архипастырской жизни и административной дѣятельности высокопр. Филарета обнимаетъ собою ту

можно было бы собрать ихъ, только и могутъ сколько наболѣе характеристично и широко, и глубоко воспроизвести и облицевать историческую и современную жизнь и мѣстнаго духовенства, и самой населенности, столько же живо и рельефно изобразить и личность, и замѣчательную способность высокопр. Филарета къ возможно всесторонней дѣятельности.—Такъ, говоритъ цитуемое нами лицо, если остановиться на одномъ напр. дѣлѣ «о матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства»,—то одно оно рисуетъ высокопр. Филарета съ такой стороны, о которой доселѣ меньше всего извѣстно было въ печати,—именно со стороны его примѣрной заботливости о духовенствѣ въ матеріальномъ его состояніи, и, при этомъ, о его замѣчательной дальновидности и житейской мудрости и его мужественномъ предстательствѣ за свое духовенство предъ Высшею Властію; тогда какъ доселѣ обыкновенно вообще считали Митрополита Филарета исключительно строгимъ монахомъ—аскетомъ и по убѣжденіямъ, и по жизни и, потому, почти не заботившимся о земныхъ житейскихъ интересахъ и отношеніяхъ (1).

Въ предлежащемъ намъ повѣствованіи о служебной дѣятельности высокопр. Филарета на Кіевской Митрополитской каѳедрѣ, мы станемъ прежде всего, и вообще по преимуществу, излагать тѣ дѣйствія и распоряженія, по всѣмъ частямъ управленія Кіевскою паствою, которыя вызывались и требовались къ исполненію многообразными особенностями мѣстнаго края и самымъ временемъ, а о прочихъ, какъ общепастырскихъ и достаточно уже раскрытыхъ въ прежнихъ мѣстахъ его служенія—въ Калугѣ, Рязани и Казани, мы будемъ говорить только въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ

и другую со всѣхъ сторонъ и, главнѣйшимъ образомъ, именно на основаніи консисторскихъ и лаврскихъ архивныхъ дѣлъ и резолюцій, такъ что послѣднихъ (резолюцій) привелось намъ прочитать по домашнимъ секретарскимъ книгамъ не менѣе пяти тысячъ,—каковыя книги, чрезъ десять лѣтъ по его кончинѣ, (въ 1867 г. въ Іюлѣ—Августѣ), намъ самимъ приходилось отыскивать разложенными въ безпорядкѣ на подволокѣ подъ крышей и стряхивать съ нихъ огромные слои пыли.

(1) Труды Кіевской дух. Академіи 435—437.

и особенныхъ случаяхъ.—Мы начнемъ наше изложеніе съ обозрѣнія мѣстной духовной администраціи, образа и порядка дѣлопроизводства по разнымъ, болѣе или менѣе, характеристичнымъ предметамъ и явленіямъ.

ГЛАВА II.

«Все, что выражалось въ распоряженіяхъ и резолюціяхъ высокопр. Филарета, вытекало само собою по важности предметовъ и по мѣрѣ удобоприложимости къ исполненію, или свѣдѣнію и въ видахъ исправленія и улучшенія. Въ частности же, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ края встрѣчались неизбѣжныя столкновенія, здѣсь, въ свою очередь, высокопр. Филаретъ со всею пастырскою ревностію и нелицепріятностію употреблялъ рѣшительныя и настоятельныя мѣры, однако такъ, что нельзя указать ни одного примѣра, чтобы подобныя дѣйствія вызвали когда нибудь оппозиціи, или даже не сочувствіе» (1)

На самыхъ первыхъ порахъ являются, по преимуществу, распоряженія высокопр. Филарета, касающіяся дѣлъ судныхъ по взаимнымъ претензіямъ духовныхъ лицъ. Это не есть проявленіе одного лишь желанія, или манера видѣть вездѣ то, что бывало въ прежнихъ мѣстахъ служенія, какъ это не рѣдко бываетъ у иныхъ начальниковъ, чтобы показать только свою энергичность по усвоенной тактикѣ.— Нѣтъ,—здѣсь въ Кіевской епархіи сразу открывалась дѣйствительная и самая настоятельная потребность въ такихъ, а не иныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, которыя проявлять и приводить въ исполненіе обладалъ особенною способностію высокопр. Филаретъ.—Чуждый всякой торопливости и во всемъ исполненный духа любви, мира, сострадания,—словомъ всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя, какъ отличительныя, видѣли мы во всѣхъ предшествовавшихъ мѣстахъ его епархіальнаго служенія, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, неизмѣнно вѣрный своему правилу доходить до всего самому, не щадя ни силъ, ни труда,—высокопр. Филаретъ приступилъ такъ же точно къ управленію и Кіевскою епархіею. Прочитавши не менѣе пяти тысячъ резолюцій его, мы не

(1) Слова изъ послѣдующаго повѣствованія

нашли ни одной, гдѣ бы выражено было что либо противъ распоряженій до него бывшихъ, или вообще показывающихъ его собственный только личный взглядъ и чувство, и прямую настойчивость—«быть такъ, а не иначе, и непремѣнно по его». — Все, что̀ выражалось и поставлялось на видъ, опредѣляемо было по мѣрѣ важности предметовъ, равно какъ по силѣ надлежащей удобоприложимости или къ исполненію, или къ свѣдѣнію и въ видахъ исправленія, или улучшенія. Отсюда-то въ большинствѣ дѣлъ и распоряженій видимъ, что отъ частныхъ случаевъ и мѣръ возводилось все, по возможности, въ общее правило и порядокъ. Только гдѣ онъ усматривалъ, установившіяся и какъ бы освященные временемъ обычаи и дѣйствія въ средѣ православной паствы, прямо не согласные съ ученіемъ и практикою Церкви, тамъ со всею пастырскою ревностію и нелицепріятіемъ употреблялъ рѣшительныя и настоятельныя мѣры, однако такъ, что нельзя указать ни одного примѣра, чтобы подобныя дѣйствія вызвали когда нибудь оппозицію, или даже несочувствіе къ тѣмъ или другимъ его требованіямъ и вводимымъ порядкамъ. Все это, впрочемъ, покажутъ самые факты, взятые исключительно изъ подлинныхъ документовъ.

Слѣдя по резолюціямъ и распоряженіямъ по части дѣлопроизводства консисторскаго, мы убѣдились, что высок. Филаретъ дѣлалъ не рѣдкій и иногда очень понудительныя и настоятельныя распоряженія,—хотя нужно сказать, что это было только на первыхъ порахъ, именно въ теченіе двухъ-трехъ первыхъ годовъ. А это уже служитъ свидѣтельствомъ благоуспѣшности первоначальныхъ распоряженій. Главное, на что̀ было обращено вниманіе, и что̀ дѣйствительно требовало сказанныхъ понужденій, заключалось, во 1-хъ, въ чрезмѣрной проволочкѣ дѣлъ, а во 2-хъ въ самомъ ихъ существѣ и значеніи: многія не стоили вовсе того, что-бы давать имъ ходъ, или же легко и справедливо могли рѣшиться путемъ конфиденціальнымъ и т. п. Положимъ это общій недостатокъ и какъ-бы недугъ коллегіально-административной процедуры дѣлъ; но, вникая строго, нельзя не видѣть здѣсь особыхъ мѣстныхъ причинъ и условій, въ силу коихъ подобныя явленія имѣли особенное значеніе и

характеръ, свидѣтельствовавшіе вообще не въ пользу мѣстнаго духовенства. Устранить по возможности эти самыя причины и условія и имѣлъ собственно въ виду высокопр. Филаретъ въ сказанныхъ своихъ распоряженіяхъ, а не то, чтобы только довести дѣлопроизводство, какъ канцелярскую операцію, до возможной аккуратности, и вообще формальной исправности, послѣдствія которой, какъ извѣстно, бываютъ не рѣдко горшія, т. е. самою-то аккуратностію и внѣшнею формальностію не исправляется, а только лишь прикрывается внутренняя сторона зла. Высокопр. Филаретъ, какъ сейчасъ увидимъ, началъ и повелъ это дѣло такъ, что начавъ въ Консисторіи, какъ говорится, съ верхнихъ ступеней лѣстницы сметать соръ, въ то же время вычищалъ послѣдній и со всѣхъ прочихъ,—съ бывшихъ тогда духовныхъ Правленій, и вообще съ Благочинныхъ и наконецъ изъ самой среды епархіальнаго духовенства.—Чтобы видѣть въ чемъ именно состояли эти явленія, представимъ сперва болѣе общія и главныя распоряженія и дѣйствія высокопр. Филарета.

Мы замѣтили, что разсматриваемыя распоряженія и дѣйствія высокопр. Филарета относятся къ самымъ первымъ годамъ его служенія въ Кіевской Епархіи, но это отнюдь не значитъ, чтобы онъ поступилъ въ этомъ отношеніи, какъ говорится, съ горяча и съ плеча; напротивъ онъ выжидалъ до послѣдней мѣры своего терпѣнія, какъ самъ свидѣтельствовалъ даже въ нѣкоторыхъ резолюціяхъ. Въ этомъ такъ же нельзя не видѣть особенной черты мудрой тактики и пониманія духа, и состоянія мѣстнаго края, гдѣ такъ, называемый, гоноръ развитъ и господствуетъ съ особенною силою. Такъ или иначе не умѣренно затронуть послѣдній значило бы много вредить успѣху въ будущемъ.

Самыя первыя изъ излагаемыхъ распоряженій встрѣчаются не ранѣе, какъ спустя года полтора и при томъ не иначе, какъ при такихъ данныхъ, значенія которыхъ нельзя было не сознать всякому, кого бы онѣ ни касались.—Такъ, отъ 23-го Января 1839-го г., высокопр. Филаретъ написалъ на представленной ему вѣдомости о дѣлахъ, не рѣшенныхъ за предшествовавшій годъ: «Г. Секретарь изъяснитъ причину, почему къ прошедшему году оста-

валось (столько-то) дѣлъ не рѣшенныхъ, а къ настоящему—(столько-то)? Не соразмѣрность весьма большая». Когда же Секретаремъ доставлено было объясненіе, онъ написалъ: «Надѣюсь, что въ настоящемъ годѣ менѣе останется дѣлъ не рѣшенныхъ при ревностномъ стараніи Членовъ и канцеляріи Консисторіи».—За тѣмъ, въ то же время (отъ 9-го февраля 1839 г.) какъ бы въ указаніе причинъ сказаннаго накопленія дѣлъ, онъ, по поводу одного дѣла, написалъ слѣдующее: «Исполнить въ возможной скорости. Дѣло это можно бы покончить по крайней мѣрѣ въ три мѣсяца, а а оно продолжалось *три года*... Прошу Консисторію избавить меня единожды на всегда отъ сей крайне не сносной непріятности видѣть такую непростительную медленность, и принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію оной на будущее время. А. Г. Секретарю сказать, что ему надлежало бы вмѣстѣ съ симъ представить и (то-то), а по его опущенію еще на мѣсяцъ дѣло продлится. Долго ли испытывать мое терпѣніе». Относительно Секретаря онъ писалъ даже въ письмѣ Викарному преосв. Иннокентію: «Секретаря Консисторіи я отнюдь негоню изъ службы, но пошколить его надобно, дабы вразумлялся (1)». Далѣе, чтобы еще болѣе указать источникъ подобныхъ замедленій, высокопр. Филаретъ въ это же самое время на другомъ дѣлѣ написалъ: «Священнику М...му въ просьбѣ отказать и болѣе ничего не дѣлать и тѣмъ дѣло покончить. Съ запрещеніемъ духов-

(1) Письмо изъ С.-Петербурга отъ 10 Марта 1839 г.—Секретаря этого однако высокопр. Филаретъ нашелъ вынужденнымъ уволить.., и, какъ разсказывалъ высокопр. Антоній, послѣдующая судьба его вполнѣ оправдала нетерпимость его на службѣ въ Кіевской Консисторіи Этому же Секретарю, по разсказамъ высокопр. Антонія, по поводу одного, особенно лукаво-канцелярски составленнаго, очевидно, вслѣдствіе такъ называемой *благодарности*.., доклада высокопр. Фисаретъ сдѣлалъ лично такое вразумленіе· «Вотъ, господинъ, въ рукахъ у меня докладъ извѣстнаго содержанія... Читая его, я невольно поразмыслился не о содержаніи его только, а о самомъ значеніи слова «*докладъ*», и что именно родилось у меня въ головѣ при этихъ раздумываньяхъ,—это я сейчасъ и скажу съобща.—*Докладъ* есть то, что значитъ *доложено*. Это и видно, что отъ просителя было мало--толико *доложено*... Но отнимемъ отъ слова *докладъ* одну первую букву—д, выйдетъ, вѣдь, *окладъ*...; а если еще

нымъ Правленіямъ начинать дѣла безъ архіерейской резолюціи есть надежда, что такія пустыя дѣла, по между тѣмъ столь долго продолжающіяся, прекратятся. Надлежало бы *двумя строками* рѣшить сіе дѣло, а оно волочилось *болѣе 4-хъ лѣтъ*». Еще самой Консисторіи дѣлалъ онъ такія напр. предложенія: «Консисторіи единожды на всегда удержаться отъ своихъ произвольныхъ распоряженій». Видно, что подобныя дѣйствія Членовъ Консисторіи доходили до нетерпимыхъ крайностей. Въ письмѣ къ Викарному преосв. Иннокентію онъ писалъ: «Мнѣ кажется это дѣло о священникѣ N и рѣшеніе по нему *безтолковымъ*. Такія рѣшенія дѣлаютъ *срамъ* присутственному мѣсту. Крайне удивляюсь, что и о. Прот. Скворцовъ подписалъ. Видно—упрошенъ» (1). А чтобы предотвратить возможность и поползновеніе къ этому, Владыка, во 1-хъ, требовалъ, чтобы при представленіи консисторскихъ журналовъ по дѣламъ слѣдственнымъ, (по которымъ, какъ извѣстно, по преимуществу и происходятъ указанныя неисправности), прилагалось и самое дѣло въ подлинникѣ; во 2-хъ, справки по дѣламъ, касавшимся напр. состоянія лицъ и приходовъ, извлекалъ онъ самъ изъ

отбросимъ изъ этого послѣдняго слова тоже первую букву—о,—тогда выйдетъ—*кладъ*... Не такъ ли?! Ну а если отбросимъ букву первую—к—выйдетъ *ладъ*. Такъ въ этомъ-то именно докладѣ и видно и по содержанію, и изложенію, и по направленію всего дѣла, что тутъ все вмѣстѣ заключается—и *окладъ*, и *кладъ* и *ладъ*... А, вотъ, ну-ка отбросимъ еще букву—л .. тогда-то что уже выйдетъ?!. Выйдетъ чисто-на-чисто—*адъ*!!. А не прямо ли *въ адъ* и влекутъ такіе *доклады*, каковы настоящій, въ которомъ видимы превидимы и окладъ и кладъ и ладъ .. А кого же повлекутъ за это въ адъ?! Составителя ли только, или съ тѣмъ вмѣстѣ и *утвердителя* такихъ докладовъ?!. Ну, какъ ты хочешь..., а я больно боюсь ада... и тебѣ навѣки завѣщеваю,—трепещи сего, да и другихъ не вовлекай... Смотри же, чтобы отнынѣ никогда не представлялись мнѣ такіе доклады!! Передай это и всѣмъ, кто мастеритъ такіе доклады!!»—Впрочемъ, этотъ весьма остроумный филологическій анализъ слова *докладъ*,—говорилъ высокопр. Антоній,—не принадлежалъ, какъ оригиналъ, самому Владыкѣ--дядѣ, а извѣстенъ былъ ему отъ кого-то, но былъ употребленъ имъ только, какъ нельзя больше, кстати въ отношеніи къ лицу бывшему, дѣйствительно, мастеру составлять подобные доклады ..

(1) Письмо изъ С.-Петербурга отъ 7 Мая 1840 г.

клировыхъ вѣдомостей, кои потому и приказалъ представлять въ 2-хъ экземплярахъ—одинъ въ Консисторію, другой прямо къ нему, въ 3-хъ, весьма часто полагалъ резолюціи на рапортахъ благочинническихъ, или, прошеніяхъ разныхъ лицъ и возвращалъ прямо по принадлежности, а не сдавалъ въ Консисторію; въ 4-хъ, писалъ часто отъ себя прямо къ Благочиннымъ въ формѣ предложеній, или даже писемъ, что и какъ, по какимъ дѣламъ сдѣлать и ему донести.—Еще—не рѣдко полагалъ резолюціи весьма пространныя съ подробнымъ и отчетливымъ изложеніемъ дѣла и самымъ опредѣленіемъ по пунктамъ, такъ что Консисторіи оставалось только исполнить. Вообще же направлялъ ходъ дѣла такъ, чтобы не затягивать производство его на долгое время и не заводить длинной переписки. Для сего при немъ въ скоромъ же времени (въ 1839 г.) были составлены печатныя «*Правила для единообразнаго производства въ Кіевской епархіи изслѣдованій по дѣламъ, учиненнымъ духовными лицами*». Печатные экземпляры этихъ правилъ намъ приводилось встрѣчать и въ другихъ епархіяхъ, которыя во многомъ приняты въ руководство.

Наконецъ, многія дѣла высокопр. Филаретъ останавливалъ въ самомъ началѣ, или прекращалъ, предавая суду Божію, коль скоро находилъ явную безосновательность, или неопредѣленность иска. Безъименнымъ доносамъ не давалъ никакого значенія. Въ случаѣ же дѣйствительныхъ именныхъ доносовъ не прежде давалъ значеніе и ходъ дѣлу, какъ послѣ предварительнаго дознанія на мѣстѣ. При семъ поступалъ такъ, что если доносъ былъ отъ мірскихъ лицъ, то поручалъ дознаніе Благочинному, но *не мѣстному*, а *стороннему* и, при томъ, съ приглашеніемъ двухъ благонадежныхъ священниковъ; а если доносъ происходилъ изъ среды духовенства, то дознаніе произвести поручалось *тоже постороннему* благочинному, или члену духовнаго Правленія и съ участіемъ одного священника, руководясь въ этихъ случаяхъ прямою заповѣдію св. Апостола въ посланіи къ Тимоѳею: «*На пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтеляхъ*» (1 Тим. V, 19). Въ случаѣ же ссоръ и взаимныхъ жалобъ въ средѣ духовныхъ всячески склонялъ ихъ къ примиренію въ духѣ свято-еван-

гельскомъ, и подобнымъ дѣламъ не давалъ хода. Такъ же точно, въ томъ же свято-евангельскомъ духѣ, вразумлялъ всѣхъ тѣхъ, которые искали и просили перевода съ одного мѣста на другое безъ уважительныхъ причинъ, или ради только житейскихъ матеріальныхъ выгодъ. Въ дѣлахъ послѣдняго рода было исключеніе лишь для осиротѣвшихъ семействъ, въ прошеніяхъ коихъ высокопр. Филаретъ не только никогда не отказывалъ, но не рѣдко какъ бы ходатайствовалъ самъ объ удовлетвореніи ихъ. Что же касалось до лицъ духовныхъ, обличавшихся въ какихъ либо нравственныхъ порокахъ: въ нетрезвости, или сомнительной чистотѣ жизни, то здѣсь высокопр. Филаретъ тоже неуклонно слѣдовалъ заповѣди Апостольской: «*согрѣшающихъ обличай, да и прочіи страхъ имутъ*». (1. Тим. V, 20). А первый изъ этихъ пороковъ, встрѣчаемый въ духовенствѣ, былъ таковъ, какъ видится изъ слѣдующихъ напр словъ резолюціи, данной высокопр. Филаретомъ на журналѣ Консисторіи (1839 г. 7-го Апрѣля): «Предписать, чтобы при слѣдствіи было обращено особенное вниманіе на поведеніе священника N. и матери его, не преданы ли они оба гнусному пороку пьянства. Ибо нѣтъ въ мірѣ гнуснѣе пьяной женщины, и нѣтъ зла, на которое не рѣшилась бы женщина, преданная пьянству, *каковыхъ*, къ крайнему моему прискорбію и къ великому несчастію духовенства, *очень не мало* по *дѣламъ открывается* въ *Кіевской епархіи*» (1).

Смотря на этотъ перечень распорядительныхъ дѣйствій, само собою, нельзя не видѣть въ немъ много общаго съ подобнымъ же положеніемъ дѣлъ и состояніемъ духовенства и въ другихъ епархіяхъ; но, тѣмъ не менѣе, знакомый сколько нибудь съ исторіей и духомъ описываемаго края не можетъ не находить здѣсь и въ самомъ общемъ не мало частностей и особенностей. На свѣжій и опытный взглядъ всѣ подобныя явленія тѣмъ болѣе не могутъ не отзываться съ перваго же раза рѣзкою грустною отличительностію Входить въ подробныя объясненія всего этого было бы, само собою, здѣсь излишне и не умѣстно; но для примѣра коснемся хотя нѣкоторыхъ изъ подобныхъ явленій въ средѣ духовенства—Кіевскаго.

(1) Причина въ шинкахъ.

Касательно напр. нетрезвости лицъ духовнаго званія, само собою, нечего скрывать, что этотъ порокъ, или слабость существуетъ и во всѣхъ прочихъ епархіяхъ. Но то, что выражено въ резолюціи высокопр. Филарета, составляетъ, какъ всякій видитъ, рѣзкую особенность. Одно то, что онъ свидѣтельствуетъ здѣсь о зараженности этою слабостію даже лицъ женскаго пола въ духовенствѣ, есть, дѣйствительно, явленіе, едва ли не исключительно относящееся къ Кіевской и другимъ смежнымъ съ нею южнымъ мѣстностямъ. Строго говоря, это не есть слабость или порокъ, а народное, родовое, условливаемое образомъ жизни, явленіе, если только оно не выходитъ за предѣлы умѣренности и приличія. Въ этомъ краю женщины вообще пьютъ, и пьютъ даже не только въ домашнихъ и дружескихъ собраніяхъ, но и въ мѣстахъ, открытыхъ для продажи самыхъ питей, такъ какъ тамъ эти самыя мѣста, отличаясь самыми названіями (шинокъ, корчма) отъ великорусскихъ, отличаются и по понятію объ нихъ; наконецъ, въ глазахъ родителей и среди общихъ собраній позволяется пить даже и не взрослымъ, чуть не дѣтямъ,—и при томъ безъ различія пола. Эта черта, положимъ, общая—простому народу; но какъ духовенство въ большинствѣ было изъ необразованныхъ и малымъ чѣмъ выходило изъ общей среды и уровня во всѣхъ почти житейскихъ условіяхъ и отношеніяхъ,—то это явленіе считалось чуть не нормальнымъ, и само мѣстное начальство, какъ видно, смотрѣло на этотъ недугъ снисходительно въ случаѣ разбирательства по подобнымъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ видно, что смотрѣлось болѣе на внѣшнюю сторону факта, чѣмъ на внутреннее духовное значеніе сего порока, какъ зла грѣховнаго и пагубнаго и для подверженнаго ему лица, въ особенности священника, и для ввѣренныхъ ему душъ. А съ этой-то послѣдней стороны высокопр. Филаретъ и самъ смотрѣлъ и другихъ заставлялъ смотрѣть на порокъ нетрезвости. Для примѣра приведемъ резолюцію его, отъ 22 Февраля 1839 г.: «Священнику N, изобличенному въ пьянствѣ и буйствѣ, разрѣшить священнодѣйствіе, *какъ полагаетъ Консисторія*, и поручить души, искупленныя Кровію Христовою, и совѣсть и Божественные законы воспрещаютъ. Почему опредѣлить его на всегда на

причетническое званіе. Довольно для него, и дай Господи, ежели умѣетъ и свою душу избавить отъ вѣчной смерти сокрушеніемъ сердца, постомъ и слезными молитвами». Вообще изъ множества резолюцій видно, что высокопр. Филаретъ строго преслѣдовалъ нетрезвость и именно въ сей часъ сказанномъ смыслѣ, т. е. чтобы не хулилось имя священниковъ, *яко слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ*, на погибель имъ самимъ и во вредъ пасомымъ. Потому-то виновнымъ въ пьянствѣ онъ всегда запрещалъ священнодѣйствіе или на время, или съ низведеніемъ на низшія должности. Впрочемъ, замѣчательно, что при подобныхъ запрещеніяхъ разрѣшалъ священнодѣйствовать *четыре раза* въ годъ т. е. во всѣ посты, по одному разу, за исключеніемъ развѣ особенныхъ важныхъ случаевъ виновности.

Такъ же точно, если возмемъ во вниманіе и нѣкоторыя изъ другихъ вышеизчисленныхъ не рекомендательныхъ сторонъ въ жизни и взаимныхъ отношеніяхъ духовенства, напр. ссоры, доносы, жалобы,—то опять въ описываемомъ краѣ все это имѣло свои особенности, такъ какъ и вытекало изъ общаго духа народа, если не кореннаго, Русскаго, то привнесеннаго и значительно вошедшаго въ жизнь и характеръ его силою и вліяніемъ католическо-польскаго элемента. Духъ партій и интригъ, а отсюда протекціи, ласкательства, искательства, притѣсненія, а, съ симъ вмѣстѣ, упадокъ чистой нравственности, религіознаго истиннаго чувства и даже, въ извѣстной степени, самой религіи, обращенной лишь въ средства для цѣлей,—проявлялись въ духовенствѣ, начиная отъ обширныхъ религіозно-политическихъ и оканчивая самыми мелкими житейскими дѣйствіями. По сему, что̀ удивительнаго, если во всѣхъ инстанціяхъ мѣстной администраціи было едвали не систематическимъ дѣломъ—или возможно проволачивать дѣла̀, или всякимъ ничтожнымъ дѣламъ давать ходъ, или самоуправно предрѣшать тѣ или иныя дѣла, а чрезъ это открывать подчиненнымъ прямой поводъ и путь ко всякимъ искамъ и тяжбамъ въ надеждѣ если не на успѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ видахъ компрометированія своихъ собратій духовныхъ къ соблазну пасомыхъ и къ злорадству враговъ Православія и Русской народности.

Чтобы возможно ослабить и устранить все это въ средѣ духовенства, открыть ему глаза на самого себя, поднять его въ средѣ другихъ сословій и дать ему возможность къ собственному самоулучшенію,—не въ видахъ возвышенія личныхъ гражданственныхъ правъ и увеличенія средствъ къ матеріальному обезпеченію, (хотя, какъ увидимъ, было сдѣлано и это), а къ самоусовершенствованію въ нравственности, въ духѣ истиннаго благочестія и истиннаго пастырскаго достоинства, особенно желательныхъ для благоустройства паствы, высокопр. Филаретъ дѣйствовалъ со всевозможною, свойственною ему, архипастырскою ревностію. Доказательства на это видимъ въ самомъ значительномъ большинствѣ его резолюцій въ дѣлахъ, касавшихся собственно личнаго священнослужебнаго состоянія духовенства.

Излишне объяснять, что такой особенно образъ дѣйствованія исходилъ, прежде всего, изъ его личнаго благочестиваго настроенія, изъ чувства ревности о благѣ Церкви вообще, и въ частности древнѣйшей и знаменитѣйшей паствы Кіевской. А съ другой стороны—какъ самый корень зла произникъ въ свое время изъ духа и образа жизни, и дѣйствій, заклеймившихъ себя позоромъ, архипастырей, каковы Терлецкій, Рагоза и подобные имъ, и какъ примѣромъ и вліяніемъ ихъ часть Православнаго народа и духовенства увлечена была въ унію, а остальная подверглась стѣсненію и униженію и, подъ этимъ вліяніемъ и гнетомъ, принесла какъ бы невольную и неизбѣжную дань ослабленія и упадка въ религіозно-нравственномъ отношеніи,—такъ и теперь изъ противоположнаго только духа и образа архипастырскихъ дѣйствій и отношеній могли возродиться и придти въ сознаніе своего истиннаго положенія и Православное духовенство и народъ. Для большей ясности изложеннаго припомнимъ, что, въ самые первые годы служенія высокопр. Филарета въ Кіевѣ, созрѣвало уже и ожидало лишь увѣнчанія своего дѣло о «возсоединеніи Уніятовъ», въ которомъ высокопр. Филаретъ имѣлъ личное участіе въ бытность въ Петербургѣ (1), а затѣмъ, какъ мы уже видѣли, здѣсь—

(1) Смотри въ собственныхъ запискахъ, Лист. 3, стр. 1.

въ Кіевѣ онъ былъ облеченъ особымъ довѣріемъ самого Государя Императора, что, между прочимъ, выражено въ такихъ словахъ,—«Отличающія его (митрополита Филарета) свойства христіанской любви и кротости служатъ надежнымъ ручательствомъ, что онъ вполнѣ совершитъ ожиданіе Правительства, преподавъ, ввѣренному ему, духовенству *такія личныя наставленія*, кои послужатъ къ полному водворенію непарушимаго согласія и духовнаго единства (1). Отсюда понятно, что́ требовалось въ отношеніи къ возсоединеннымъ, тоже самое, и прежде всего необходимо было и въ отношеніи къ коренной паствѣ, дабы по преимуществу съ духовно-нравственной стороны не представлялось для первыхъ соблазнительнаго. Здѣсь то становится яснымъ весь смыслъ и того выраженія, которое было употреблено въ Высочайшемъ Рескриптѣ при назначеніи высокопр. Филарета на митрополію, гдѣ изъ *сердца Царева* излились столь глубокія чувства убѣжденія, что «высокопр. Филаретъ, руководимый небесною благодатію, по стопамъ истинныхъ іерарховъ и учителей Церкви Вселенской въ духѣ любви и мира, словомъ и примѣромъ послужитъ къ животворному назиданію паствы своей и пр.»...

Насколько указанные духъ и образъ дѣйствованія, какими водился высокопр. Филаретъ, дѣйствительно соотвѣтствовали, существовавшимъ въ мѣстномъ краѣ, особенностямъ и характеру народа, свидѣтельство на это, кромѣ тогда же послѣдовавшимъ благотворныхъ послѣдствій, встрѣчаемъ даже въ лицѣ другихъ позднѣйшихъ архипастырей въ томъ же краѣ. Напримѣръ, на Волыни, тамошній Архіепископъ въ позднѣйшее время взялъ себѣ почти за буквальный образецъ бывшія дѣйствія высокопр. Филарета (2). Не говоримъ уже о пресмникѣ (хотя и не-непосредственномъ) высокопр. Филарета Митрополитѣ Арсеніи, который желалъ

---

(1) Секретное, по Высочайшему повелѣнію, отношеніе г. Оберъ-Прокурора св Синода графа Протасова къ высокопр. Филарету было 30 Апрѣля 1839 года, за № 551.

(2) Смотри Современный листокъ 1869 года и Виленскія Епархіальныя Вѣдомости.

и молитвенно просилъ унаслѣдовать духъ Предмѣстника Филарета,—о чемъ читающіе видѣли уже въ его рѣчи, и въ чемъ убѣдились мы изъ положительныхъ данныхъ въ разсмотрѣнныхъ нами (1867 г.), по сонзволенію самого высокопр. Арсенія, многихъ дѣлахъ за время его управленія Кіевскою епархіею.

Обратимся теперь къ особенностямъ иного рода, гдѣ потребны и неизбѣжны были дѣйствія и мѣры не духовно-пастырскія только, но въ собственномъ смыслѣ административныя, какъ выраженія законныхъ правъ и власти и простиравшіяся не на одно лишь духовенство, но на всю паству, хотя во главѣ всего и здѣсь должно было являться духовенство же.

Представимъ тѣ изъ особенностей, которыя болѣе характеристичны и простирались на всю паству вообще и выражены были въ особыхъ экстренныхъ распоряженіяхъ высокопр. Филарета чрезъ предложенія Консисторіи.

Послѣ нѣсколькихъ обозрѣній епархіи въ первые же годы своего правленія, высокопр Филаретъ писалъ въ Консисторію, (отъ 8 Марта 1839 г.): «Замѣчено мною, что священники не возлагаютъ крестовъ на крещаемыхъ младенцевъ, вопреки обычаю и правилу Православной Греко-Россійской Церкви. Предписать повсемѣстно, чтобы священники старались располагать прихожанъ къ приготовленію малыхъ крестовъ для возложенія на ихъ младенцевъ при св. Крещеніи. А священно-служителямъ поставить въ непремѣнную обязанность, чтобы они какъ сами, такъ и жены и дѣти ихъ обоего пола носили на себѣ кресты въ примѣръ прихожанамъ, и, при всякомъ случаѣ, внушали бы о семъ и всѣмъ, ввѣреннымъ ихъ попеченію» Вскорѣ по распоряженію и самого Правительства были заготовляемы и разсылаемы не десятки, а сотни тысячъ подобныхъ крестовъ для безмездной раздачи въ употребленіе Православнымъ. Значитъ, потребность въ этомъ совершенно сознана столько же, сколько сознавалъ ее и самъ отъ себя предварилъ осуществленіе этой потребности высокопр. Филаретъ.— Почти одновременно съ этимъ, высокопр. Филаретъ сдѣлалъ распоряженіе о возможно – повсемѣстномъ распространеніи краткихъ Православныхъ молитвенниковъ Славянской печати

и отчасти гражданской,—хотя впослѣдствіи увидимъ, что онъ *совершенно воспретилъ* Лаврской типографіи печатать молитвенники и акаѳисты *гражданской* печати.

Въ то же время послѣдовало распоряженіе высокопр. Филарета по поводу одного брака, совершеннаго не по чиноположенію Церкви. Высокопр. Филаретъ, давъ резолюцію, чтобы сей бракъ признать незаконнымъ и подлежащимъ расторженію, писалъ (отъ 16 Февраля 1839 г), съ тѣмъ вмѣстѣ, въ Консисторію: «А какъ замѣчено, что въ Кіевской епархіи очень часто нѣкоторыми, забывшими свои обязанности и не достойными священниками, вѣнчаются лица разнаго званія въ избахъ,—(а въ иныхъ подобныхъ же случаяхъ оказалось еще,—что браки совершались даже въ корчмахъ [1]), а простой малороссійскій народъ такое вѣнчаніе, по своему невѣдѣнію, признаетъ дѣйствительнымъ: то въ прекращеніе такихъ безпорядковъ и злоупотребленій сдѣлать Консисторіи постановленіе *о распубликованіи по губерніи*, чрезъ кого слѣдуетъ, что таковыя не законныя вѣнчанія признаются Церковію не бракомъ, а—блуднымъ сожитіемъ». Останавливаться на объясненіи важности этого распоряженія излишне: существовавшее зло слишкомъ ясно и громко говоритъ само о себѣ. Нужно сказать только одно, что если это зло происходило отъ личнаго состоянія *забывшихъ свои обязанности* и недостойныхъ священниковъ, то не—независѣло ли оно, въ извѣстной долѣ, и отъ самаго состоянія тогдашнихъ Православныхъ храмовъ. Если и до днесь употребляются всѣ мѣры

---

[1]) Что послѣднее, къ крайнему удивленію, могло быть въ дѣйствительности, это зависитъ отъ того, что *корчмы* и *шинки* въ Западномъ краѣ вообще считаются далеко въ иномъ понятіи, нежели русскіе кабаки; во всякомъ случаѣ устройство этихъ заведеній, какъ жилыхъ зданій, гораздо удобнѣе и приличнѣе обыкновенныхъ избъ, или *хатъ*. Если не вѣнчаніе, то самое празднество свадебное происходитъ въ большинствѣ въ корчмахъ и шинкахъ, куда привозятъ празднующіе свои различныя съѣстныя приготовленія,—за то угощеніе питьями—водкой и пивомъ здѣсь всегда на готовѣ во всей достаточности. Въ Витебской губерніи мнѣ извѣстно было это во всей дѣйствительности Авт.

Правительства и почти истощаются средства разной благотворительности на приведеніе въ посильное благоустройство храмовъ въ Западномъ краѣ вообще, то излишне спрашивать, что было въ этомъ отношеніи почти за пятьдесятъ лѣтъ?!. При сказанной простотѣ и невѣдѣніи малороссійскаго народа и при невѣжественной небрежности священниковъ, что мудренаго, если, скудные по внѣшнему виду, Православные храмы не отличались отъ простыхъ домовъ, или даже послѣдніе какъ бы предпочитались первымъ, такъ что въ глазахъ и понятіяхъ простолюдиновъ могло быть почти безразлично совершеніе брака въ домахъ ли частныхъ, или во храмахъ, подобно тому, какъ совершается же не рѣдко св Крещеніе въ послѣднихъ. А какъ все это имѣло тѣсную связь вообще съ враждебнымъ Православію духомъ, то спрашивается,—сколько и какой требовалось мудрости и опытности и, въ тоже время, энергіи и ревности, чтобы привести все это къ возможному благоустройству и устранить разныя противодѣйствія?! Отвѣтъ на это покажутъ слѣдующія дѣйствія и распоряженія высокопр. Филарета.

Если судить только по многочастнымъ и разнообразнымъ резолюціямъ на репортахъ, прошеніяхъ и не рѣдко на письмахъ относительно построекъ и поправокъ церквей, то нельзя не придти къ утѣшительному убѣжденію, что дѣло это совершалось благоуспѣшно. Мы не могли имѣть, къ сожалѣнію, полныхъ статистическихъ данныхъ, чтобы опредѣлить съ точностію по крайней мѣрѣ въ общихъ цифрахъ, число храмовъ, вновь построенныхъ, или исправленныхъ во все время служенія высокопр. Филарета въ Кіевской епархіи; но то несомнѣнно, что оно было очень значительное. Главное же здѣсь имѣетъ цѣну то,—съ какимъ непосредственнымъ ревностнымъ участіемъ относился къ подобнымъ дѣламъ высокопр. Филаретъ. Это не подлежитъ ни какому сомнѣнію уже потому, что, какъ извѣстно, высокопр Филаретъ былъ преисполненъ самъ любовію къ благолѣпію храмовъ. Сколько ни общи по выраженіямъ своимъ его резолюціи, даваемыя на репортахъ, или прошеніяхъ подобнаго рода, но нельзя не замѣтить и не почувствовать, что въ нихъ изливалась вся полнота духовной радости въ благословеніяхъ и молитвенныхъ благожеланіяхъ на успѣхъ

въ дѣлѣ. Тамъ же, гдѣ онъ замѣчалъ или недостаточность въ чемъ либо, или какія либо затрудненія, онъ и ихъ всячески предуказывалъ и предустранялъ, если не всегда прямымъ дѣломъ, то словомъ ободренія, которое всегда всячески старался оправдать. Онъ самъ отъ себя посылалъ иногда, или указывалъ надежныхъ подрядчиковъ и хорошихъ мастеровъ, или дѣлалъ предварительныя измѣненія въ планахъ и проэктахъ, или присовокуплялъ указанія, когда и что́ лучше сдѣлать для успѣха и прочности въ работѣ.— О времени освященія, чтобы послѣднее въ чемъ либо не находило препятствія, самъ предупреждалъ распоряженіями и, такимъ образомъ, утѣшалъ христіанскою надеждою возможно-скорѣйшаго исполненія святаго желанія прихожанъ— видѣть храмъ вполнѣ готовымъ и освященнымъ.

Другаго рода дѣла встрѣчаемъ тамъ, гдѣ неизбѣжны были отношенія къ другой сферѣ, и гдѣ потребенъ былъ иной образъ дѣйствованія. На это-то обратилъ вниманіе высокопр. Филаретъ тоже съ самыхъ первыхъ поръ.—Существовалъ законъ о правахъ и условіяхъ, на коихъ разрѣшалось, такъ или иначе, устроять римско-католическіе костелы, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населенность была смѣшанная, т. е. изъ католиковъ и Православныхъ. За исполненіемъ, или нарушеніемъ этого закона и слѣдилъ строго высокопр Филаретъ, не смотря даже на то, что со стороны власти гражданской бывали тамъ или сямъ разрѣшенія. Напр. въ мѣстечкѣ Пятигорахъ Кіевскій гражданскій Губернаторъ разрѣшилъ въ новоустроенномъ костелѣ открыть богослуженіе; но высокопр. Филаретъ приказалъ спросить г. Губернатора: «такъ какъ изъ дѣла не видно, было ли дано дозволеніе на это отъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то пусть доставитъ» (1). Или напр. — Консисторія представила протоколъ по дѣлу о предположенномъ къ постройкѣ католическомъ костелѣ въ мѣстечкѣ Монастырищахъ. Высокопр. Филаретъ написалъ: «По моему личному обозрѣнію въ прошедшемъ году Православныя церкви въ мѣстечкѣ Монастырищахъ всѣ деревянныя и найдены въ жалкомъ

(1) Отъ 25 Августа 1838 г. № 1880.

положеніи: почему увѣдомить г. Гражданскаго Губернатора, что, во исполненіе благочестивой заботливости Государя Императора о приведеніи Православныхъ церквей въ приличное ихъ святости благолѣпіе, не прежде можно допустить построеніе каменнаго костела, какъ когда помѣщикъ, имѣющій всѣ способы, исполнитъ, лежащую на немъ, обязанность—исправитъ всѣ ветхости сказанныхъ церквей и снабдитъ приличною утварью» (1) Принимая управляющаго Кіевскою Палатою Государств имуществъ Генерала Шийко. Владыка весьма рѣзко отозвался о новомъ проектѣ Министра Муравьева касательно постройки церквей въ здѣшнемъ краѣ для государственныхъ крестьянъ.—«Предположеніе Министра вашего мнѣ чрезвычайно не понравилось, и я никакъ не могъ съ этимъ согласиться.—Какъ это можно?!—Какія онъ вздумалъ строить здѣсь церкви?!—Это стыдъ и грѣхъ: если гдѣ, то здѣсь-то особенно и должны быть устраняемы храмы со всѣмъ, подобающимъ мѣсту святому, благоприличіемъ. Здѣшніе костелы большею частію каменные, отличаются богатствомъ и изяществомъ постройки, а Православные храмы, по новому плану, не знать—что́ такое. Впрочемъ я представилъ свое мнѣніе Св. Синоду, Св. Синодъ вступился за это дѣло. Да и самому Муравьеву я писалъ тоже». Что́ дѣлать,—сказалъ Шийко, доселѣ у насъ въ этомъ отношеніи все было хорошо; немного осталось и построить новыхъ храмовъ, и вотъ вздумали экономничать Съ своей стороны, во время 12-ти лѣтняго управленія, я старался отъ всей души содѣйствовать въ устроеніи для поселянъ храмовъ Божіихъ.—Вотъ и недавно еще Ваше В—ство изволили дать благословеніе на постройку въ Ешпикахъ новаго храма усердіемъ прихожанъ. Я далъ свободу благочестивому ихъ усердію, и теперь храмъ этотъ готовъ; селяне пожертвовали на него 6000 руб.»—«Такъ и всегда дѣйствуйте, сказалъ Владыка, и Господь благословитъ васъ за то» (2).

Мы не приводимъ еще примѣровъ подобнаго рода, да и должно сказать, что ихъ было не много, но въ этой са-

---

(1) Отъ 10 Августа 1846 г № 2645.
(2) Дневн 1857 г 20 Декабря, стр 50 и на обор

мой немногочисленности всякій понимающій значеніе подобныхъ дѣлъ уразумѣетъ не иное что̀, какъ новую достойную черту административной опытности и тактики въ лицѣ высокопр. Филарета. Съ одной стороны, если допустить, что подобные факты были, то, значитъ, онъ умѣлъ относиться къ нимъ такъ, чтобы обходить ихъ безъ оффиціальныхъ переписокъ, и тѣмъ не подавать повода къ возбужденію непріязни и антагонизма и къ вчиненію процессовъ и т. п. А съ другой стороны, если дѣйствительно возникало мало такихъ дѣлъ, то, значитъ, его авторитетъ и образъ дѣйствованія на столько были сильны и дѣйственны въ глазахъ самыхъ противниковъ, что расчитывать на какія либо злоупотребленія, или сдѣлки имъ не приводилось послѣ испытанныхъ неудачъ, какія напр. видны въ вышеприведенныхъ фактахъ.

Но какъ факты, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, бывали, болѣе или менѣе, не независимы отъ личнаго состоянія самихъ, Православныхъ священниковъ,—гдѣ былъ плохой или безпечный пастырь, тамъ-то преимущественно и проявлялись описываемые случаи въ значеніи злоупотребленій со стороны, враждебной Православію,—то высокопр. Филаретъ съ особенностію строгостію слѣдилъ и старался всячески, чтобы въ приходахъ, въ коихъ жители состояли изъ Православныхъ и католиковъ и гдѣ особенно находились костелы, были священники возможно дѣльные и исправные. На это обращено было вниманіе, какъ видно изъ дѣлъ на самыхъ же первыхъ порахъ управленія Кіевскою епархіею высокопр. Филарета, именно еще съ 1838 г., когда онъ уже дѣлалъ очень не рѣдкія перемѣщенія священниковъ изъ одного прихода въ другой.

Вообще же относительно перемѣщенія священниковъ съ мѣста на мѣсто и опредѣленія новыхъ на открывавшіяся вакансіи высокопр. Филаретъ поступалъ съ строгою осмотрительностію и весьма часто просившихъ себѣ перемѣщенія не удовлетворялъ Большею частію давалъ резолюціи такого рода: «проситель долженъ, по слову Божію, оставаться въ той паствѣ, которая ему ввѣрена, какъ свойственно истинному пастырю». Если же онъ дѣлалъ, перемѣщенія по прошеніямъ, то непременно по строго дознан-

нымъ причинамъ и по преимуществу тогда, когда требовалось это состояніемъ самого лица перемѣщаемаго, какъ-то— недостаточностію поведенія, или добрыхъ отношеній къ прихожанамъ, или нетерпимою болѣе неуживчивостію съ прочими членами причта. Само собою, это служило ко благу самихъ же перемѣщаемыхъ, такъ-какъ они иначе не могли имѣть на своихъ мѣстахъ надлежащаго авторитета и вліянія на своихъ сослуживцевъ и пасомыхъ, что́ выражалось иногда и въ самыхъ резолюціяхъ съ подлежащимъ внушеніемъ впредь вести себя на новомъ мѣстѣ разумно, *да не горше что'* воспослѣдуетъ. Причинами перемѣщеній были иногда и требованія мѣста и времени по отношенію къ умиротворенію и политическому устройству края, что́ особенно строго взвѣшивалъ и понималъ высокопр. Филаретъ. Бывали случаи, что священно-служители замѣшивались иногда въ дѣла по возникавшимъ безпорядкамъ со стороны крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ. Въ этомъ разѣ благоразумнымъ и справедливымъ находилъ онъ всячески предохранять духовныхъ лицъ отъ возможности подобнаго вмѣшательства, и для того, такъ или иначе, прямо соприкосновенныхъ къ дѣлу или увольнялъ отъ приходовъ, или же перемѣщалъ на другія мѣста. «При важныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени, для сохраненія народной тишины, необходимо перемѣстить такого-то въ другой приходъ, о чемъ и изготовить отношеніе къ г. Военному Губернатору». Такія и подобныя распоряженія бывали обыкновенно въ разсматриваемыхъ случаяхъ. Впрочемъ объ этомъ собственно предметѣ, т. е. по отношенію къ бывшимъ общественно политическимъ движеніямъ въ народѣ и о замѣшательствахъ въ нихъ духовныхъ мы скажемъ подробно въ своемъ мѣстѣ.

Было обращено высокопр. Филаретомъ также особое вниманіе и на приходы съ раскольниками и унятами. Въ предупрежденіе поводовъ къ вынудительнымъ перемѣщеніямъ, священникамъ такихъ приходовъ предписывалось конфиденціально, чтобы относительно раскольниковъ не входить отнюдь ни въ какія присутственныя мѣста ни съ какими бумагами, а чтобы доносимо было *единственно ему въ собственныя руки секретно*; а относительно возсоеди-

ненныхъ унятовъ требовалось, если не вообще отъ всѣхъ священниковъ, то отъ нѣкоторыхъ, чтобы было постоянное наблюденіе за ними, и, по окончаніи каждаго года, было доносимо лично ему же. Относительно раскольниковъ читатели видѣли въ своемъ мѣстѣ (1) особый, составленный высокопр Филаретомъ, по порученію Высочайше утвержденнаго, существовавшаго въ свое время, *секретнаго Комитета*, проэктъ, которымъ онъ и руководился въ дѣлахъ по отношенію къ раскольникамъ.

Въ прочихъ случаяхъ и довольно частыхъ, требовавшихъ перемѣщенія, или назначенія вновь священниковъ въ приходы, высокопр. Филаретъ поступалъ не иначе, какъ съ предварительнаго одобренія и вообще согласія прихожанъ. Правда, такой порядокъ дѣйствованія вызывалъ и прежде, и въ позднѣйшее время толки и *за* и *противъ*; высказывалось и то, что будто бы сами Святители готовы выражать несочувствіе къ этому порядку дѣлъ, «опасаясь быть поставленными въ пассивное положеніе, когда имъ придется, или почти вмѣнится въ обязанность, поставлять лицъ излюбленныхъ отъ приходовъ» и пр. (2),— и что этотъ порядокъ, если и былъ умѣстенъ, то въ старину, когда кандидаты на священно-церковно-служительскія званія выходили изъ мѣстной же среды самихъ прихожанъ, тогда какъ теперь эти кандидаты совершенно иного рода и состоянія. Но, какъ видимъ, высокопр. Филаретъ, не-незнакомый, конечно, съ такими разсужденіями, оставался вѣрнымъ принятому имъ порядку, и не тогда только, когда сами прихожане предъявляли свои желанія и представляли одобренія, но и на прошеніяхъ желавшихъ занять то или другое мѣсто предлагалъ—«предварительно спросить о согласіи прихожанъ», и когда послѣдняго не было, отказывалъ просителямъ. За то поступалъ иногда и вопреки, имѣя на то вѣрно дознанныя причины, заключавшіяся въ введеніомъ съ-

(1) Это было изложено нами во *второмъ* томѣ нашего сочиненія. Авт.

(2) Смотр напр. Рязанскія епарх Вѣдомости № 11, 1869 г. и «Современный листокъ» № 26. 1689 г.

изстари обычаѣ, когда бывали не благовидныя побужденія и соглашенія со стороны прихожанъ и священниковъ и вообще членовъ причта.

Былъ напр. обычай, по преимуществу, слѣдующій Священникъ, или діаконъ, имѣя у себя сына, могущаго по возрасту занять отцовское мѣсто, и видя, что получить ему гдѣ либо мѣсто въ другомъ приходѣ трудно, или невозможно, старались сами заранѣе, подъ какими либо предлогами, проситься въ заштатъ въ тѣхъ собственно видахъ, чтобы передать свое мѣсто сыну, которому прихожане охотнѣе, чѣмъ кому либо неизвѣстному лицу, давали свои одобренія. Это-то и старался пресѣчь высокопр. Филаретъ, но не въ томъ однако смыслѣ, чтобы уничтожить всякое право и возможность поступать дѣтямъ на мѣста отцовъ и пр., какъ опредѣлено закономъ въ послѣднее время; нѣтъ, бывали многіе примѣры, что высокопр. Филаретъ всячески и самъ озабочивался, напримѣръ, о сиротствующихъ семействахъ, чтобы, по возможности, оставлять право на занятіе священническаго или другаго мѣста за сыновьями, или братьями въ замужество дѣвицъ—сиротъ. Но онъ имѣлъ въ виду преслѣдовать и пресѣкать собственно злоупотребленія этими условіями и вредныя отсюда послѣдствія. Зло заключалось собственно въ томъ, что просились и увольнялись въ заштатъ лица, какъ выше сказано, еще не старыя, и потому оставаясь еще на долгое время въ сожительствѣ съ преемниками—дѣтьми, и бывши свободны отъ службы и находясь внѣ начальственнаго вліянія, производили иногда не благопріятное вліяніе и на дѣтей—преемниковъ, и на причтъ, и прихожанъ, вмѣшиваясь въ дѣла приходскія (1). Зло заключалось и въ томъ, что отцы старались передавать свои мѣста дѣтямъ недорослямъ, недоучкамъ, или совершенно не-

(1) Такъ напр. высокопр. Филаретъ писалъ въ резолюціи по одному изъ таковыхъ дѣлъ: «священникъ N, какъ видно, руководился въ семъ дѣлѣ застарѣлою злобою на діакона *за отца своего, уволеннаго въ заштатъ*. Посему, послѣднему строго запретить вмѣшиваться въ исправленіе приходскихъ требъ и посѣвать раздоры между священникомъ—сыномъ и причтомъ (1848 г. Марта 8-го № 633).

учамъ (1). Сдѣлавъ оффиціальное распоряженіе, чтобы священниковъ увольнять въ заштатъ не ранѣе 60-ти лѣтняго возраста, если лицо не подвержено болѣзни, или особенной дряхлости, высокопр. Филаретъ имѣлъ въ виду и указывалъ другимъ еще ту собственно *цѣль, чтобы не распложать не ученыхъ священнослужителей.* Этимъ же самымъ распоряженіемъ достигалась и та благополезнѣйшая цѣль, что родители, потерявъ надежду имѣть себѣ преемниками дѣтей не ученыхъ, стали волей не волей отдавать ихъ въ учебныя заведенія и всячески озабочиваться, чтобы они оканчивали полный семинарскій курсъ; да и сами учащіеся менѣе всего могли подумывать о раннемъ выходѣ изъ заведенія;—тогда какъ на оборотъ это прежде было сплошь и рядомъ, особливо когда имѣлось въ виду преемничество отцу въ занятіи мѣста.

Наконецъ, предвидѣлъ ли, или нѣтъ, высокопр. Филаретъ извѣстное учрежденіе, такъ называемыхъ, *нормальныхъ штатовъ* духовенства во всѣхъ епархіяхъ,—во всякомъ случаѣ, когда пришла пора и необходимость вводить сказанные нормальные штаты, то вышеизложенное распоряженіе высокопр. Филарета послужило, какъ нельзя болѣе, кстати и ко благу самого же духовенства, хотя, конечно, оно находило прежде эту мѣру не безстѣснительною для него. Вотъ, что́ писалъ (отъ 31 Декабря 1846 г.) высокопр. Филаретъ тогдашнему Рязанскому Архіепископу Гавріилу, обращавшемуся къ нему за совѣтомъ въ слѣдствіе затрудненій по введенію нормальныхъ штатовъ въ своей епархіи: «Господь Богъ да поможетъ Вамъ преодолѣть затрудненія по случаю новыхъ штатовъ. Онъ только Одинъ и можетъ устроить сіе дѣло, *ими же вѣсть судьбами.* Почему и духовенству подобаетъ усугубить свои молитвы о семъ ко Господу Богу. *У насъ же обошлось сіе дѣло хотя и не безъ затрудненій, но несравненно легче Великороссійскихъ епархій.* Потому священники всѣ пристроены, да и вакансій было довольно». «Ибо (писалъ онъ же въ другомъ письмѣ) я не охотно производилъ *изъ неучи,* а теперь и со-

(1) Какое громадное число этихъ недоучекъ и неучей состояло на штатныхъ священническихъ приходахъ, увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

всѣмъ прекратилъ, исключая крайнюю нужду. А притомъ здѣсь очень мало двухштатныхъ и еще менѣе трехштатныхъ приходовъ».—Дѣйствительно, изъ дѣлъ видно, что высокопр. Филаретъ—«двуштатные приходы, по возможности, обращалъ въ одинъ штатъ; да и самые приходы сокращалъ въ численности, такъ что если священникъ умиралъ, а приходъ былъ малочисленъ, то причислялъ его къ другому ближайшему. Къ новостроющимся же церквамъ вообще не опредѣлялъ священниковъ» (1).

Что́ же касается до достоинства лицъ, опредѣляемыхъ на священноцерковнослужительскія мѣста, то, во первыхъ, діаконовъ изъ неокончившихъ курсъ высокопр. Филаретъ не производилъ во священники ранѣе 30-лѣтняго возраста, а въ діаконы—ранѣе 25-ти лѣтъ. Дьячковъ и діаконовъ, при подобныхъ случаяхъ, экзаменовалъ самъ и давалъ рекомендаціи въ самыхъ резолюціяхъ. Оказывалось много такихъ кандидатовъ, о коихъ писалъ: «Читаетъ плохо»; — или: «Проситель и читать-то исправно не научился, а просится въ діаконы; отказать».—Кромѣ сего, на прошеніяхъ діаконовъ, искавшихъ священства, писалъ нерѣдко: «Еще и кончившіе курсъ Семинаріи не всѣ получили священническія мѣста, а потому отказать просителю». За учившимися же въ Семинаріи и скоро имѣвшими кончить курсъ предоставлялъ не рѣдко мѣста по смерти ихъ родителей, къ чему указывалъ всегда основаніе и побужденіе въ самомъ состояніи сиротъ, коль скоро послѣднія оставались въ совершенной безпомощности. Въ подобныхъ же обстоятельствахъ, если не оставлялъ мѣсто за дѣвицею сиротою («ибо предоставлять мѣсто священно-служительское, писалъ онъ, за дѣвицами, не прилично)», то предоставлялъ достойнѣшему жениху изъ окончившихъ курсъ, коль скоро таковой находился. Правда, такой образъ дѣйствованія, какъ и читающимъ, быть можетъ, не безизвѣстно, въ послѣднее время подвергался многообразнымъ обсужденіямъ въ литературѣ не въ добрую сторону, а въ 1867 г. зачисленіе приходскихъ мѣстъ за родственниками и сиротами—сыновьями, дочерьми,

(1) Смотр. въ выпискахъ изъ дѣлъ по разнымъ предметамъ.

или женихами ихъ, особеннымъ законоположеніемъ отмѣнено и впредь воспрещено, такъ какъ, сказано въ опредѣленіи: «*подобная практика* обнаружила весьма многія печальныя явленія въ жизни Церкви и въ ея управленіи» (1). Значитъ, и высокопр. Филаретъ какъ бы только распложалъ въ свое время эти печальныя явленія; но въ сущности дѣла это не такъ. Во первыхъ, основанія, по коимъ дѣланы были зачисленія мѣстъ въ сказанномъ порядкѣ, утверждены были тоже закономъ государственнымъ, а именно—положеніе это было Высочайше утверждено 12 Августа 1823 г., и введено въ общій сводъ законовъ, томъ XIII, изд. 1857 г. уст. общ. призр. ст. 1617.—Во вторыхъ, хотя это положеніе состоялось тогда (какъ сказано въ самомъ положеніи) «по силѣ необходимости, сколько и по обычаю, и подъ тѣмъ условіемъ, если отъ сего не произойдетъ разстройства въ епархіальномъ управленіи», но, очевидно, исполненіе по нему требовалось и существовало на практикѣ,—лишь бы не было сказаннаго разстройства и вообще какихъ либо не благопріятныхъ послѣдствій. Было ли же что либо подобное въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, когда поступалъ такъ, а не иначе высокопр. Филаретъ? Отвѣта на это утвердительнаго, по крайней мѣрѣ, мы не могли встрѣтить въ дѣлахъ ни одного разу. Что же касается до самой необходимости и обычая, послужившихъ къ постановленію прежде существовавшаго закона, то они имѣли мѣсто и силу въ смыслѣ даже историческомъ, болѣе всего въ Кіевской и въ смежныхъ съ нею епархіяхъ, такъ-какъ въ нихъ, какъ древнѣйшихъ, отношенія родственныя имѣли свое особенное генеалогическое значеніе, равно какъ и самый обычай съискони вошелъ въ самый духъ и жизнь народа. Удовлетворить этой необходимости, соблюсти не нарушимо обычай предковъ съ одной стороны, а съ другой—сообразовать это съ современнымъ состояніемъ и потребностями паствы и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предустранить всѣ злоупотребленія, неизбѣжно вкрадывавшіяся въ среду самого духовенства и мѣстной

(1) Смотр Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. Оберъ-Прокурора св. Синода за 1867 г.

администрации,—вотъ, что́ предлежало высокопр. Филарету,—и это все онъ, дѣйствительно, выполнилъ съ своей стороны достойнымъ его опытности и свойственнымъ его личному духу и характеру образомъ. Смыслъ и цѣль разсматриваемаго бывшаго узаконенія заключались, между прочимъ, именно въ томъ, чтобы доставить способы вспомоществования и обезпеченія духовенству и ихъ семействамъ (1), такъ какъ и отмѣненіе самаго положенія послѣдовало по той главной причинѣ, что прежніе способы и мѣры къ обезпеченію, по возможности, замѣнены другими (2). Не выписывая самаго содержанія дѣлъ, приведемъ нѣкоторыя подлинныя резолюціи высокопр. Филарета, поясняющія это дѣло. «Поручаю о. Благочинному, на основаніи заповѣдей Божественнаго Евангелія о любви къ ближнему и милосердіи къ сиротамъ, убѣдить священника N., чтобы онъ просилъ себѣ другаго лучшаго мѣста, а занимаемое имъ недавно уступилъ просителю, кончившему курсъ Семинаріи студенту, отецъ котораго былъ, прежде не за долго, на этомъ мѣстѣ священникомъ».—Еще: «Паки и паки поручаю Консисторіи именемъ небеснаго Отца сиротъ, приходъ (такой-то) оставить вакантнымъ впредь до устроенія участи осиротѣвшаго семейства по Промыслу Божію». Или: «Ради Христа бѣдному человѣку семейному—заштатному причетнику,—дозволить построить хижину на пяти квадратныхъ саженяхъ церковной усадьбы и тѣмъ облегчить его жалкое состояніе»... Еще: «Священника N., яко притѣснителя вдовицы и сиротъ, запретить въ священнодѣйствіи, доколѣ не удовлетворитъ обиженныхъ въ выдачѣ имъ принадлежащей части доходовъ». . А такъ какъ подобныхъ обидъ со стороны священниковъ и жалобъ на нихъ даже штатныхъ членовъ причтовъ бывало не мало, то высокопр. Филаретъ сдѣлалъ такое распоряженіе: «По многимъ жалобамъ на священниковъ, не удѣляющихъ причту части земли и доходовъ, нахожу необходимымъ постановить *единообразное* для раздѣла между священноцерковнослужителями правило. Консисторія имѣетъ разсмотрѣть *съ крайнимъ вниманіемъ* этотъ предметъ и мнѣ представить».

(1) Смотр. тамъ же.
(2) Тамъ же.

Какими бы ни казались изложенныя дѣйствія высокопр. Филарета особенно теперь, когда такія мѣры признаны чуть ли не унижающими, будто бы, самое понятіе о достоинствѣ служителей Церкви, и пр.,—но въ описываемую пору онѣ были совершенно естественны и благодѣтельны, такъ какъ не даромъ онѣ были въ свое время опредѣлены и утверждены самымъ закономъ въ силу необходимости и обычая. Иначе, пусть всякій представитъ себѣ, до чего могло доходить жалкое состояніе бѣдствовавшихъ, сиротствующихъ семействъ. Приведемъ для примѣра хотя одно изъ слѣдующихъ распоряженій высокопр. Филарета: «Зѣло больно, писалъ онъ (отъ 20 Января 1837 г.) въ Консисторію, что священно-служительскія дочери—дѣвицы оспротѣвшія *напимаются въ работницы* и живутъ по чужимъ мірскимъ домамъ, подвергаясь опасности потерять добрую нравственность. Строго подтвердить, чтобы матери не отпущали своихъ дочерей въ работницы, а если не могутъ содержать у себя въ домахъ, то отдавали бы въ какой либо женскій монастырь. Подтвержденіе это распространить на всѣхъ подобныхъ сиротствующихъ».—А что, дѣйствительно, бывала опасность за потерю доброй нравственности, это видно изъ распоряженія, между прочимъ, о томъ, «чтобы Благочинные отмѣчали не опустительно въ клировыхъ вѣдомостяхъ о поведеніи даже дѣвицъ, начиная съ 14-ти лѣтняго возраста, равно какъ видно и изъ самыхъ, бывавшихъ не рѣдко, случаевъ исключенія изъ духовнаго званія дѣвицъ за недобродѣтельное поведеніе». Относительно же самыхъ вдовствующихъ отцовъ, имѣющихъ дѣтей, строго предписывалъ и приказывалъ наблюдать, дабы не имѣли въ домахъ своихъ, въ качествѣ прислуги, лицъ женскаго пола не стараго возраста и сколько нибудь сомнительнаго поведенія, чтобы не происходило въ семействѣ соблазна, или заразы для чистой нравственности самихъ дѣтей».

Но радѣя такъ объ участи сиротъ и, въ частности, объ устройствѣ дѣвицъ путемъ замужества за достойныхъ женіховъ, преимущественно изъ окончившихъ курсъ Семинаріи, высокопр. Филаретъ въ тоже время строго прослѣдовалъ тотъ, вышедшій въ обычай, порядокъ, когда родители дѣвицъ и самые кандидаты священства, обучавшіеся

въ Семинаріи, воспитанники входили между собою въ слишкомъ ранніе условія сватовства. Не пріятныхъ и вредныхъ послѣдствій отъ этого, естественно, могло быть не мало. Потому, на самыхъ же первыхъ порахъ, именно съ самаго перваго года служенія своего высокопр. Филаретъ обратилъ на это строгое вниманіе. Такъ, отъ 25 Ноября 1837 года, на одномъ изъ подобныхъ дѣлъ онъ написалъ: «Семинариста Л—го дотолѣ не производить въ священники и даже діаконы, доколѣ онъ вполнѣ не удовлетворитъ обиженную дѣвицу, и доколѣ обиженная дѣвица не утвердитъ письменно, что она удовлетворена. А на будущее время объявить чрезъ Семинарское Правленіе всѣмъ ученикамъ высшаго отдѣленія Семинаріи съ подпискою, чтобы они, до окончанія курса и до полученія дозволенія на вступленіе въ бракъ, не входили ни въ какія отношенія и условія съ дѣвицами и сродниками ихъ подъ опасеніемъ исключенія изъ духовнаго званія. Правило сіе наблюдать при началѣ каждаго курса». Такое распоряженіе тѣмъ болѣе было необходимо, что высокопр Филаретъ, впослѣдствіи, строго держался такого порядка, что́ окончившимъ курсъ давало преимущество при занятіи мѣстъ; а это-то преимущество и могло побуждать многихъ родителей заранѣе привлекать и заручать для своихъ дочерей подобныхъ жениховъ, въ надеждѣ, что мѣсто всегда будетъ дано. —Равно и воспитанники, смотря на себя, какъ на привелигированныхъ жениховъ, легко могли, по не разумной гордости, слишкомъ далеко простирать свои виды и права на невѣстъ и приданое и, при этомъ, злоупотреблять довѣренностію.

Впрочемъ, дѣлая предпочтеніе ученымъ кандидатамъ на священство предъ неучеными, высокопр. Филаретъ поступалъ не безусловно. Онъ нерѣдко предлагалъ и объ этихъ ученыхъ, чтобы предварительно спрошено было одобреніе и согласіе со стороны прихожанъ, а не руководился одними лишь аттестаціями семинарскими. Далѣе, и на самомъ мѣстѣ служенія, если отдавалъ предпочтеніе ученымъ, за то строго внушалъ и требовалъ, чтобы они отличались и особенными нравственными достоинствами, и служили примѣромъ для другихъ своихъ собратій, не смотря на молодость ихъ возраста, по слову св. Апостола Павла къ Тимоѳею:

«*Никто о юности твоей да не радитъ: но образъ буди вѣрнымъ—словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*». (1. Тим IV, 12). «Внушить, писывалъ высокопр. Филаретъ въ резолюціяхъ, такому-то, чтобы онъ, какъ получившій воспитаніе въ Семинаріи, отличался справедливостію, миролюбіемъ и т. п.» Или же выражался такъ: «Такой-то многому учился, но послушанію не научился».— Потому случалось, что отдавалось и не много учившимся предпочтеніе предъ кончившими полный курсъ семинарскій. На одномъ опредѣленіи Консисторіи, гдѣ было назначеніе священника на мѣсто, именно, на томъ основаніи, что онъ изъ кончившихъ курсъ,—Высокопреосвященный написалъ: «что священникъ N ученъ,—это не сомнѣнно,—но очень сомнительно, что онъ былъ бы уменъ, что подтверждается вполнѣ бывшими неблагоразумными его поступками на службѣ, мнѣ самому извѣстными, и почему-то въ справкѣ не вполнѣ ясно изложенными. Напоминается здѣсь слово Св. Ап. Іакова: (гл. III ст. 13) «*Кто въ васъ премудръ и худогъ* (ἐπιστήμων), *да покажетъ отъ добраго житія дѣлы̀ своя въ кротости и премудрости*».

Указываемыя дѣйствія не представляютъ, впрочемъ, примѣра и, при томъ, какъ бы единственнаго въ лицѣ высокопр. Филарета. Въ старину, дѣйствительно, наука понималась не иначе, какъ въ прямомъ отношеніи къ жизни и нравственности, и достоинство этого принципа и системы, несомнѣно, всегда постоитъ за себя предъ судомъ исторіи, какъ самое раціональное и практичное. Со стороны же высокопр. Филарета, особенно, надлежало ожидать подобнаго взгляда и убѣжденія, которые онъ, дѣйствительно и выражалъ и проводилъ и словомъ, и дѣломъ.—Читающіе припомнятъ, какъ высокопр. Филаретъ, въ бытность его еще Калужскимъ Епископомъ, говорилъ въ послѣдней своей бесѣдѣ, когда, прощаясь съ паствою, обратился къ Ректору Семинаріи предъ лицемъ всѣхъ воспитанниковъ съ слѣдующими словами: «попекитесь о дѣтяхъ,—пусть они будутъ имѣть нѣкіе недостатки въ познаніяхъ научныхъ, только бы были истинные христіане и добрые служители Церкви». Такъ же точно смотрѣлъ онъ даже и на получающихъ высшее академическое образованіе.—Въ 1826 году писалъ онъ племяннику

своему Я. К. Амф—трову, обучавшемуся въ Кіевской Академіи «Благодарю Господа, помогающаго успѣвать тебѣ въ наукахъ. Мнѣ очень пріятно, что ты въ числѣ отличныхъ студентовъ Академіи по ученію. Но будь *паче всего* отличнѣйшій *по благочестивой жизни* и Господь Богъ поможетъ тебѣ совершить подвигъ ученія и *приготовить себя служителемъ Церкви Его Святой* и пр.» И когда этотъ племянникъ получилъ назначеніе—быть Баккалавромъ при Академіи, онъ писалъ ему: «Потщись пріучить себя безропотно и безпрекословно, въ простотѣ духа, повиноваться велѣніямъ Господа. И сіе повиновеніе положи въ твердое основаніе твоего просвѣщенія; только старайся пріобрѣтать Евангельское просвѣщеніе» (1). Многое подобное мы увидимъ и въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о дѣйствіяхъ и отношеніяхъ высокопр. Филарета ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ въ Кіевской паствѣ, начиная съ низшихъ училищъ до Академіи, со включеніемъ и свѣтскихъ заведеній, какъ напр. Университета и Кадетскаго корпуса, и даже Института благородныхъ дѣвицъ.

Теперь слѣдовало бы, по порядку нашего изложенія объ епархіальномъ управленіи, продолжить о примѣрно-архипастырскомъ попеченіи высокопр Филарета о бѣдныхъ духовнаго званія и о возможно посильномъ обезпеченіи ихъ, но, мы имѣемъ въ виду настоящій разъ изложить свѣдѣнія и факты, на которые уже сдѣлано было предуказаніе, именно тѣ, гдѣ во 1-хъ, Православное духовенство подвергалось оговорамъ и даже обвиненіямъ во вмѣшательствѣ, будто-бы, въ общественно-политическихъ броженіяхъ въ мѣстномъ краѣ; а, во 2-хъ,—когда явились, Высочайше утвержденныя, правила относительно обезпеченія сельскаго духовенства домами, землями и обработываніемъ послѣднихъ прихожанами,—гдѣ тоже возникали прямыя подозрѣнія и тѣ-же обвиненія духовенства въ томъ, что будто-бы изъ-за этого происходили народныя движенія и столкновенія съ землевладѣльцами—помѣщиками. Изложенію этихъ свѣдѣній и фактовъ мы отдѣляемъ особую, сейчасъ слѣдующую, главу.

---

(1) Смотр. Я. К. Амфитеатровъ. Біографическій очеркъ. Соч. В. Лекоченскаго. Кіевъ 1857 года, стр. 6

ОТДѢЛЪ II.

ГЛАВА III.

«Эти дѣла изображаютъ и освѣщаютъ личность Высокопреосвященнаго Митрополита Филарета съ такой стороны, о которой, меньше всего, было извѣстно въ печати,—именно со стороны непрестанной его заботливости о матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства его Епархіи, о его дальновидности и житейской мудрости и опытности, и о его мужественномъ представительствѣ за свое духовенство предъ Высшею властію, тогда какъ досель считали Митрополита Филарета исключительно монахомъ—аскетомъ и по убѣжденіямъ, и по жизни, и потому мало заботившимся о земныхъ житейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ» (1)

По предмету и содержанію, указанныхъ въ предъидущей главѣ, фактовъ *перваго* рода мы имѣемъ подъ руками два дѣла (2) подъ заглавіями. 1) Дѣло о тайныхъ будто бы замыслахъ Поляковъ — помѣщиковъ къ мятежу (1846 г.); и 2) Дѣло по отношенію Кіевскаго Генералъ-Губернатора Бибикова «о разныхъ предосудительныхъ и вред-

---

(1) Смотр. эти слова въ самомъ изложеніи указываемыхъ дѣлъ въ настоящей главѣ.

(2) Эти оба дѣла напечатаны Профессоромъ Кіевской Духовной Академіи Н. Петровымъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1885 года (Сентябрь, страницы—540—566),—подъ заглавіемъ «Общественно-политическія броженія въ Кіевской губерніи въ 1846—47 годахъ». Обнародователь этихъ документовъ г. Петровъ сообщилъ, между прочимъ, не безъинтересное, сколько и прискорбное свѣдѣніе о судьбѣ этихъ и подобныхъ матеріаловъ. Онъ пишетъ «въ концѣ 1883 года умеръ въ Кіевѣ Протоіерей А. М Воскресенскій, занимавшій видное мѣсто въ епархіальной администраціи и бывшій профессоръ Академіи. По смерти его, бумаги его были проданы букинистамъ, или же евреямъ на вѣсъ, и только нѣкоторыя изъ нихъ успѣлъ онъ—Петровъ пріобрѣсти изъ

ныхъ для общественнаго спокойствія поступкахъ разныхъ священниковъ Кіевской епархіи (1847 г.)» Но, заглавіе послѣдняго дѣла, по изъясненію цитуемаго Автора, не совсѣмъ точно: оно, главнымъ образомъ, касается, распространившихся, въ 1847 г., въ Кіевской губерніи, слуховъ о возобновленіи *коліивщины*, или рѣзни ляховъ и жидовъ, и вообще о взаимныхъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками польскаго происхожденія. Такимъ образомъ, оба эти дѣла имѣютъ общественно-политическій интересъ и характеръ по части взаимныхъ отношеній между разноплеменнымъ населеніемъ Кіевской губерніи. Изложимъ, сначала, эти два дѣла съ подлинныхъ документовъ, обнародованныхъ авторомъ, хотя изложеніе наше будетъ по мѣстамъ въ сокращенномъ видѣ (1).

Первое дѣло началось по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ концѣ 1845-го, или въ самомъ началѣ 1846 года, послѣдовало секретное предписаніе, по резолюціи Кіевскаго

третьихъ уже рукъ. Между этими—то бумагами оказалось нѣсколько секретныхъ дѣлъ изъ Канцеляріи покойнаго Митрополита Кіевскаго Филарета, скончавшагося въ 1857 году. Вѣроятно, онѣ были захвачены кѣмъ либо изъ духовныхъ лицъ, участвовавшихъ при описи имущества или покойнаго митр. Филарета, или при преемникахъ митрополитахъ—Арсеніи и Филоѳеѣ». Съ своей стороны, смѣемъ утверждать, что, при описи имущества по кончинѣ митр. Филарета, никто не могъ этого сдѣлать,—такъ какъ и описывать было нечего, а главное въ томъ, что непосредственными участниками въ разборѣ всѣхъ бумагъ были тогдашніе родственники его —Ректоръ Кіевск Академіи, Архимандритъ Антоній (покойный Архіеп. Казанскій), и Намѣстникъ Лавры Архим. Іоаннъ (Архіепископъ Іоаннъ),—одинъ личный авторитетъ которыхъ, само собою, вполнѣ подтверждаетъ настоящее наше показаніе. Во всякомъ случаѣ мы съ величайшею радостію встрѣтили, извѣстные теперь, документы, такъ какъ нами сильно чувствовался пробѣлъ въ подобныхъ матеріялахъ для полной характеристики служенія высокопр. Филарета въ Кіевской Епархіи. Отыскать же ихъ, само собой, было не возможно, когда и самъ г. Петровъ былъ обязанъ только особенному счастливому случаю пріобрѣсть ихъ, какъ находку, и вырвать ее изъ рукъ букинистовъ и жидовъ.

(1) Дѣло же о томъ, какія возникли подозрѣнія и обвиненія духовенстра по поводу Высочайше утвержденныхъ правилъ объ обезпеченіи сельскаго духовенства домами, землею и проч.., будетъ изложено особо въ подробности.

Митрополита Филарета, духовенству Кіевской Епархіи относительно наблюденія за дѣйствіями поляковъ и духомъ, въ народѣ распространяемомъ. Вѣроятно, это предписаніе состоялось вслѣдствіе отношенія Кіевскаго Генералъ-Губернатора Бибикова, къ которому отсылались всѣ репорты, поступавшіе вслѣдствіе вышеозначеннаго предписанія.

Липовецкій протоіерей Іоанъ Шаббатовичъ въ репортѣ своемъ, отъ 16 марта 1846 года за № 24, доводилъ до свѣдѣнія высокопр. Филарета о нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) «14-го марта я узналъ отъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, что въ осеннее время минувшаго 1845 года во многихъ мѣстахъ Липовецкаго уѣзда, подъ предлогомъ травли звѣрей, собиралось необыкновенное число поляковъ изъ разныхъ, даже отдаленныхъ уѣздовъ, и, при семъ случаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, всѣхъ крестьянъ, бывшихъ на охотѣ, подчивали водкою и награждали деньгами, такъ что сами крестьяне, недоумѣвая, за что имъ оказываема была такая милость, съ подозрѣніемъ разсказывали о томъ другимъ». 2) «Въ то же время, т. е. осеннее, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, особенно Боршовкѣ и Красненькомъ, пронесена была молва, якобы послѣдовалъ указъ, что крестьяне должны платить дань, сверхъ подушнаго оклада, отъ всякой иконы, сколько таковыхъ будетъ въ домѣ: за иконы Спасителя и Божіей Матери по 30 копѣекъ, св. Николая 15, а за другихъ угодниковъ по 10 коп. серебромъ. О сихъ двухъ обстоятельствахъ, какъ, уповательно, уже бывшихъ подъ розысканіемъ полицейскимъ, я не сообщалъ никому. Слѣдующіе же пункты, за полученіемъ извѣстія, я, не медля, передалъ г. земскому Исправнику». 3) «Священникъ села Боршовки Еразмъ Волошкевичъ, 11-го или 12-го Марта, занимаясь полевыми работами, видѣлъ, что четыре человѣка поляковъ на верховыхъ лошадяхъ показались изъ чащи лѣса, куда не была проложена никакая дорога, и, какъ бы разсматривая окрестности, опять спрятались въ лѣсъ». 4) «По дорогѣ, идущей отъ мѣстечка Вилинецъ къ Жорнищамъ, совершаются необыкновенные разъѣзды поляковъ въ экипажахъ». 5) «Помѣщикъ села Якубовки безпрерывно обучастъ въ манежѣ большое количество лошадей». 6) «На свадьбѣ у одного однодворца села Боршовки, въ Февралѣ мѣсяцѣ сего

года, какою то мелкою шляхтою было произнесено: «Мы не подаруемъ Царю, что онъ лишилъ насъ дворянства и пожаловалъ всѣхъ въ однодворцы». Слова сіи, по увѣренію дьячка Духовскаго, слышали вдовствующая старуха Духовская и дочь ея. Всѣхъ таковыхъ свѣдѣній, дошедшихъ до меня, не выдавая за достовѣрныя, но по соображенію замѣчая, что и въ душахъ нѣкоторыхъ жителей Липовецкаго уѣзда кроется что-то злое и для спокойствія общественнаго небезопасное, я, по долгу вѣрноподданической присяги, спѣшу донесть о томъ смиреннѣйше Вашему Высокопреосвященству».

Другой репортъ принадлежитъ Благочинному 5-й части Радомысельскаго уѣзда, священнику Евстафію Ясинскому, и помѣченъ 17 Сентября 1847 года. «Вѣдомства моего,— писалъ Благочинный Ясинскій, — села Карпиловки Троицкой церкви діаконъ Ѳедоръ Хотинскій, 14 числа сего Сентября мѣсяца, донесъ мнѣ репортомъ, что 1-го числа Августа мѣсяца сего года, неизвѣстный ему по имени и фамиліи отставной солдатъ, (служившій прежде въ польскомъ войскѣ), пріѣхалъ въ село Карпиловку съ дворяниномъ Антоніемъ Добровольскимъ, находящимся нынѣ на жительствѣ въ городѣ Житомірѣ, и, пришедъ въ домъ діакона Хотинскаго, сказалъ ему, что господинъ его Антоній Добровольскій прислалъ просить его, діакона, приглашать чернь на сторону мятежниковъ. Хотя за вѣрность сего доноса я не ручаюсь и, при разслѣдованіи по сему дѣлу, доказать ничего не могу, но, дабы отвѣтственность на меня не пала въ случаѣ какого нибудь возмущенія, долгомъ поставляю донесть о семъ Вашему Высокопреосвященству съ приложеніемъ при семъ въ подлинникѣ репорта діакона Хотинскаго» (1).

(1) Вотъ самый репортъ діакона Хотинскаго: «Сего года 1-го Августа, неизвѣстный мнѣ отставной солдатъ, неизвѣстный мнѣ по имени и фамиліи, пришедши въ мой домъ, говорилъ мнѣ, что его прислалъ ко мнѣ господинъ его Антоній Добровольскій, чтобы я приглашалъ мужиковъ на сторону шайки мятежниковъ и говорилъ такъ: «что если сбунтуемъ чернь, то возьмемъ по самый Глуховъ, и для васъ будетъ очень хорошо Я же ему отвѣтилъ такъ: что у нашего Царя солдатъ много. А еще, спрашивалъ я его,—кого пригласили? но онъ отвѣтилъ, что еще только ѣздимъ и приглашаемъ.—А помѣщикъ Вержбицкій какъ вамъ помогаетъ?!—Онъ же отвѣтилъ, что даетъ денежное пособіе».

Еще: священникъ мѣстечка Бѣлиловки Бердичевскаго уѣзда А-ръ Мацкевичъ, со словъ крестьянъ, сдѣлалъ доносъ, будто бы помѣщикъ села Немиринецъ Аполлинарій Абрамовичъ имѣетъ у себя мятежническія оружія, хранившіяся прежде у тамошняго священника Лаврентія Волошкевича, и даже самъ рѣшился ѣздить съ Исправникомъ въ имѣніе помѣщика Абрамовича села Немиринецъ «для бытности при обыскахъ объ оружіи, спрятанномъ будто бы въ клунѣ».

Въ то самое время, когда священно-служители Кіевской епархіи получили и стали исполнять начальственное предписаніе относительно наблюденія за дѣйствіями поляковъ и духомъ, въ народѣ распространяемомъ,—въ это же самое время и возникло второе изъ предуказанныхъ дѣлъ. Гражданскіе чиновники съ своей стороны въ цѣломъ рядѣ доносовъ Кіевскому Генералъ-Губернатору Бибикову старались очернить въ его глазахъ мѣстное духовенство и обвинить многихъ священно-служителей въ разныхъ предосудительныхъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія поступкахъ. Обвиненія эти носятъ, между прочимъ, такой детальный бытовой оттѣнокъ, что указываютъ этимъ самымъ на болѣе близкій къ духовенству источникъ этихъ доносовъ, именно на польско-шляхетскую среду, имѣвшую возможность слѣдить за священно-служителями на каждомъ шагу ихъ жизни. Поэтому, можно думать, что доносы на священно-служителей были отместкою имъ со стороны польскаго дворянства и шляхты за наблюденія за ихъ дѣйствіями, сопровождавшеюся иногда доносами политическаго характера.

Сначала дѣлались на духовенство доносы съ обвиненіемъ его въ не исполненіи пастырскихъ его обязанностей и въ нравственныхъ недостаткахъ. «Мною получено донесеніе,—писалъ Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ Митрополиту Филарету, (13 мая 1847 года, за № 2,607), что нѣкоторые приходскіе священники Звенигородскаго уѣзда часто опускаютъ исполнять обязанность свою—читать прихожанамъ послѣ литургіи въ воскресные и праздничные дни назидательныя поученія; нѣкоторые же въ минувшую четыредесятницу исповѣдовали по нѣсколько крестьянскихъ дѣтей вдругъ, могущихъ уже хорошо понимать важность исповѣди, и, та-

кимъ образомъ, не испытывали ихъ въ грѣхахъ, но ограничивали исповѣдь одною предварительною молитвою, не возбуждая въ дѣтяхъ благоговѣнія къ святости Таинства; нѣкоторые же замѣчены въ нетрезвомъ поведеніи, чѣмъ подаютъ соблазнъ своимъ прихожанамъ». При этомъ Генералъ-Адъютантъ Бибиковъ препроводилъ къ Митрополиту Филарету списокъ 13-ти священниковъ Звенигородскаго уѣзда, не исполняющихъ въ точности своихъ обязанностей по разнымъ предосудительнымъ причинамъ, преимущественно по причинѣ пьянства. Высокопр. Филаретъ, провѣривъ этотъ списокъ, не во всемъ согласился съ нимъ и противъ нѣкоторыхъ именъ опороченныхъ священниковъ сдѣлалъ слѣдующія отмѣтки: «*хорошій*, «*молодой—исправный*», «*не зазорный*», «*старикъ* дряхлый». Въ другомъ отношеніи, (отъ 15-го Іюля того же года, за № 5,912,) Генералъ-Губернаторъ сообщалъ Митрополиту Филарету о шести священникахъ и одномъ діаконѣ Радомысельскаго уѣзда, которые, по полученному имъ донесенію, ведутъ себя несоотвѣтственно своему сану, будучи пристрастны къ горячимъ напиткамъ. Изъ этихъ священно-служителей одинъ, кромѣ того, имѣетъ за собою поступки, служащіе соблазномъ для прихожанъ, и другой очень часто безъ надобности оставляетъ свой приходъ и разъѣзжаетъ по ярмаркамъ».

Но, болѣе важнымъ и опаснымъ для духовенства, обвиненіемъ было обвиненіе его въ томъ, что «нѣкоторыя духовныя лица Кіевской губерніи дозволили себѣ распространять между простымъ народомъ возмутительные толки и мысли». — «По полученнымъ мною донесеніямъ, — писалъ Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ къ Митрополиту Филарету (отъ 9-го Августа 1847 года, за № 6,611,)—разсказы объ этомъ распространились уже во многихъ мѣстахъ смежныхъ уѣздовъ и породили безпокойства и опасенія. Какъ подобные случаи могутъ, при возбужденіи безпокойства между крестьянами, вовлечь духовенство въ тяжкую отвѣтственность, то я поставляю долгомъ, совершенно конфиденціально, обратить Ваше архипастырское вниманіе на эти безпорядки, съ тѣмъ,—не благоугодно ли будетъ Вашему Высокопреосвященству въ уѣзды-Таращанскій, Сквирскій, Звенигородскій, Бердичевскій, Уманскій и Липовецкій послать изъ

Кіева благонадежныхъ духовныхъ лицъ, которыя бы, не открывая никому цѣли своей поѣздки, совершенно секретно и подъ благовиднымъ предлогомъ, внушили мѣстному духовенству,—какъ оно должно вести себя, и отвергать всякіе слухи, которые могутъ безпокоить крестьянъ, и подавать собою примѣръ послушанія, кротости и доброй нравственности и успокоивать помѣщиковъ и крестьянъ тамъ, гдѣ разсказы о возникновеніи безпорядковъ могутъ ихъ обезпокоить. Увѣренъ будучи, что Ваше Высокопреосвященство не изволите оставить гражданское начальство безъ Вашей помощи въ столь важномъ дѣлѣ, поручаю себя Вашимъ архипастырскимъ молитвамъ, и проч.» Генералъ-Губернаторъ имѣлъ въ виду, распространившіеся тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слухи о возобновленіи якобы древней *коліївщины*, или о рѣзнѣ якобы ляховъ и жидовъ, весьма опасные для существовавшихъ тогда крѣпостническихъ отношеній между помѣщиками польскаго происхожденія и крестьянами.

Высокопр. Филаретъ, вызвавъ къ себѣ уѣздныхъ протоіереевъ, лично далъ имъ порученіе собрать секретно свѣдѣнія о состояніи умовъ въ народѣ и наставленія, какъ дѣйствовать имъ въ данномъ случаѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ два репорта уѣздныхъ протоіереевъ: Махновскаго—Михаила Дашкевича и Черкасскаго—Никита Дубницкаго, послѣдовавшіе во исполненіе распоряженій высокопр. Филарета.

Махновскій протоіерей Михаилъ Дашкевичъ отрицалъ существованіе слуховъ о существованіи коліивщины. Въ репортѣ, (отъ 19-го сентября 1847 года, за № 1,143,) онъ писалъ къ Митрополиту Филарету слѣдующее: «принявши отъ Вашего Высокопреосвященства, прошлаго августа 24-го дня, личныя наставленія въ дѣлахъ службы, спѣшу донесть, какія сдѣлалъ я по сему предмету распоряженія.—На 15-е Сентября созвалъ я Бердичевскаго уѣзда Благочинныхъ въ домъ свой, спрашивалъ ихъ наединѣ, не замѣчаютъ ли они какого волненія и неустройства въ народѣ, особенно въ крестьянахъ противъ помѣщиковъ? На что всѣ порознь и единодушно отозвались, что они совершенно ничего подобнаго не замѣтили; крестьяне какъ повиновались своимъ владѣльцамъ, такъ и теперь повинуются. Вмѣняется свѣтскою властію въ возмущеніе крестьянамъ то, ежели нѣкото-

рые жалуются власти и просятъ защиты ея въ притѣсненіяхъ и чрезмѣрныхъ налогахъ отъ помѣщиковъ. При семъ слѣдовало бы мѣстному свѣтскому начальству прежде испытать способы благоразумія, а не доносить высшему о томъ, чего совершенно не было. На будущее время также даны мною Благочиннымъ наставленія, какія преподаны мнѣ Вашимъ Высокопреосвященствомъ по сему дѣлу».

Черкасскій протоіерей Никита Дубницкій, въ докладной запискѣ своей, отъ 20-го сентября 1847 года, подтвердилъ существованіе въ народѣ слуховъ о возобновленіи коливщины и постарался опредѣлить ихъ происхожденіе. «Невыгодные слухи о возобновленіи якобы древней коливщины, или о рѣзаніи якобы ляховъ и жидовъ,—писалъ онъ,—произошли изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) «Изъ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», разосланныхъ по церквамъ во извѣстіе всѣмъ причтамъ церковнымъ. Ибо въ сихъ» Вѣдомостяхъ», въ описаніяхъ мѣстечекъ и городовъ уѣздныхъ, помѣщены *статьи о рѣзнѣ ляховъ и жидовъ, произведенной нѣкогда малороссійскими казаками.* А простоумные дьячки и пономари, черезъ нихъ же грамотейные крестьяне, да и нѣкоторые священники изъ дьячковъ и пономарей, читая неразумно и толкуя превратно таковыя, любимыя для края, статьи, начали выдавать прошедшее то за настоящее, то за будущее».

2) «Далѣе—отъ не осторожнаго составленія нѣкоторыми гражданскими чиновниками по помѣщичьимъ имѣніямъ инвентарей, кои хотя поручено имъ составить секретно, однако, составленіе ихъ между разговорами о новостяхъ передается другимъ посторонниимъ и духовнымъ лицамъ; но таковая передача сдѣлала инвентари для владѣльцевъ непріятными, а для крестьянъ вожделѣнными; отчего владѣльцы стараются поплотнѣе удержать свою власть надъ крестьянами по прежнему, крестьяне начинаютъ желать скорѣйшаго исполненія инвентарей». 3) «Отъ собранія священниками инвентарныхъ, подъ именемъ статистическихъ, свѣдѣній о владѣльцахъ разнаго исповѣданія, о крестьянахъ и жидахъ, производимаго ими по предписанію Епархіальнаго Начальства, сдѣланному вслѣдствіе требованій Губернскаго начальства. Ибо собраніе таковыхъ свѣдѣній производится нѣко-

торыми священниками слишкомъ просто и не осторожно, а владѣльцамъ и жидамъ представляется оно страннымъ, необыкновеннымъ и возбуждаетъ въ тѣхъ и другихъ подозрѣніе и негодованіе къ священникамъ; отчего всякій слухъ на нихъ, не благопріятный для владѣльцевъ и жидовъ, преувеличивается, перетолковывается въ опасную для тѣхъ и другихъ сторону, а, наконецъ, изъ мнимой предосторожности выводится на самое дѣло».

4) «Потомъ,—отъ сосѣдняго соревнованія помѣщичьихъ крестьянъ къ казеннымъ крестьянамъ. Ибо казенные крестьяне освобождены уже отъ всѣхъ повинностей городскихъ, кромѣ оброчныхъ статей въ пользу казны; а помѣщичьи крестьяне, соревнуя имъ, по мѣстному съ ними сосѣдству, и завидуя, но не видя у себя подобной имъ вольности, обращаются къ духовнымъ лицамъ съ вопросами любознательности,—будетъ ли и имъ когда либо такая вольность, какою пользуются казенные крестьяне, подобные имъ люди. А духовныя лица болтаютъ имъ:» «Да на то уже и похоже, что будетъ; да уже и была бы, если бы не ляхи и жиды». 5) «Отъ всегдашняго почти выѣзда духовныхъ лицъ на ярмарки, собирающихся въ мѣстечкахъ обыкновенно въ воскресные и праздничные дни. Ибо духовныя лица, встрѣчаясь съ своими прихожанами-крестьянами на таковыхъ ярмаркахъ и въ питейныхъ домахъ за частыми рюмками горячихъ напитковъ вступая съ ними въ разговоры о разныхъ новостяхъ, болтаютъ имъ о томъ, чего сами начитались дома, или наслышались отъ другихъ; а крестьянамъ, особенно пьянымъ, то только и желательно слышать и принимать къ сердцу, что относится къ ихъ выгодамъ и льститъ ихъ вольности».

Кромѣ письменныхъ донесеній высокопр. Филаретъ собиралъ и записывалъ и устныя свѣдѣнія о происхожденіи означенныхъ слуховъ. Въ дѣлѣ есть его собственноручная записка, писанная карандашемъ, съ изложеніемъ краткихъ, отрывочныхъ свѣдѣній по данному предмету. «Бердичевскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Дружковѣ,—писалъ высопр. Филаретъ,—статья изъ «Губернскихъ Вѣдомостей,» въ которой написана исторія гайдамаковъ, попалась въ руки женѣ эконома, которая, завернувъ въ бумагу пищу, послала въ поле. Экономъ бросилъ сію бумагу, которая попалась въ руки крестья-

нина. Сей принесъ бумагу къ священнику Шинкаржевскому для прочитанія, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1847 года.»—Много было въ Галиціи нищихъ, которые могли разсѣять слухи неблагопріятные.»—Въ селѣ Тхоровкѣ Земскій судъ на сходкѣ объявилъ, что есть указъ, чтобъ крестьяне работали на помѣщиковъ только три дня въ недѣлю.» «Тутъ помѣщикъ безмѣрно угнетаетъ крестьянъ.»

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ донесеній и свѣдѣній видно, что слухи о возобновленіи коліивщины первоначальнымъ своимъ происхожденіемъ не были обязаны духовенству, которое развѣ только не умышленно могло иногда содѣйствовать распространенію этихъ слуховъ. Но оно стояло близко къ народу и потому болѣе всего возбуждало подозрѣніе къ себѣ со стороны польскихъ помѣщиковъ и гражданскихъ чиновниковъ, которые, поэтому, слѣдили за каждымъ неосторожнымъ шагомъ и словомъ священниковъ и старались обвинить ихъ въ возбужденіи недоразумѣній между помѣщичьими крестьянами. Вотъ, два обвиненія такого рода, направленныя противъ священниковъ.

Въ отношеніи, (отъ 20 Сентября 1847 года, за № 7935,) Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ писалъ высокопр. Филарету слѣдующее: «Священикъ села Строкова, Свирскаго уѣзда, Мотылевичъ, имѣя неужиточный и крутой нравъ, возбуждаетъ распри между помѣщикомъ и крестьянами и рѣшается на весьма не благовидные поступки, напримѣръ: крестьянину Павленку, во время исповѣди, говорилъ, чтобы онъ укралъ для него одинъ улей господскихъ пчелъ; когда же тотъ отвѣчалъ, что воровать грѣшно, то Мотылевичъ грозилъ не допустить его къ исповѣди и причастію, о чемъ Павленко напоминалъ ему при многихъ крестьянахъ». «1-го Августа, когда ему—Мотылевичу не дано столько работниковъ, сколько онъ требовалъ для своихъ работъ, то онъ, выйдя къ крестьянамъ на дорогу, когда они шли на барщину, запрещалъ имъ идти на господскую работу, угрожая разбить голову тому, кто пойдетъ на работу.—Около 10-го Августа, проходя мимо работниковъ, снимавшихъ хлѣбъ, когда одинъ крестьянинъ, занятый работою, не снялъ предъ нимъ шляпы, то Мотылевичъ сорвалъ съ него соломенную шляпу, бранилъ самыми неприличными словами и тутъ же разорвалъ ее въ

куски и бросилъ.»—Въ заключеніе Генералъ-Губернаторъ просилъ высокопр. Филарета удалить священника Мотылевича изъ села Строкова. Высокопр. Филаретъ вызвалъ къ себѣ священника Мотылевича, который далъ слѣдующее объясненіе:—1) «Крестьянина Павленка я не только во время исповѣди, но и никогда не наущалъ украсть для меня господскихъ пчелъ,—тѣмъ болѣе, что, какъ пастырь, самъ взыскую каждаго изъ моихъ прихожанъ, замѣченнаго въ воровствѣ. 2) 1-го Августа я не возмущалъ крестьянъ не идти на господскія работы, исключая праздниковъ и высокоторжественныхъ дней, назначенныхъ праздновать, объявлялъ прихожанамъ не на дорогѣ, а въ церкви; экономію же извѣщалъ урядовою бумагою праздновать таковые дни, тогда какъ въ сосѣднемъ съ моимъ приходомъ селѣ,—имѣнии того же помѣщика, въ таковые дни производилась работа.—3) Проходя въ жнивное время около работниковъ, снимавшихъ господскій хлѣбъ, сказалъ: «Богъ въ помощь!» на что всѣ отвѣчали мнѣ благодарностію, снявши свои шляпы, одинъ же изъ нихъ, по имени Василій Клищикъ, человѣкъ безнравственный и безрелигіозный, не снялъ съ прочими своей шляпы, на что я не ругательствами, а словами пастырскими наставлялъ и даже обличалъ его передъ прочими за его явное неуваженіе къ пастырю, велѣвши стоявшему около него въ то время другому человѣку снять съ него шляпу».

Въ другомъ отношеніи, (отъ 11-го Декабря 1847 года, за № 10,338,) Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ писалъ высокопр. Филарету слѣдующее: «Имѣю честь препроводить при семъ на усмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства, въ копіи, полученную мною проповѣдь, говоренную священникомъ, Радомысельскаго уѣзда, села Кочарова Соколовскимъ, въ храмовой день тамошней церкви Покрова Пресвятой Богородицы, а также записку, при которой она представлена.—Не изволите ли сдѣлать какое распоряженіе, чтобы подобнаго рода проповѣди,какъ непонятныя для крестьянъ и могущія возбудить различные между ними толки, не были говорены».—Упоминаемой въ отношеніи записки не сохранилось, но сохранилась копія проповѣди. Въ ней священникъ Соколовскій, сдѣлавъ историческій очеркъ покровительства Божіей

Матери Русскому народу, между прочимъ, остановился на смутной эпохѣ самозванцевъ и на освобожденіи Россіи отъ поляковъ. «Недолго сидѣлъ онъ (Борисъ Годуновъ) на престолѣ, запятнанный подозрѣніемъ въ истребленіи послѣдней отрасли царственнаго дома.»—говорилось въ проповѣди. «Могъ ли онъ загладить недостатокъ права наслѣдственнаго? Недолго правилъ государствомъ и низложитель его Шуйскій скоро съ высоты престола онъ низринутъ въ плѣнъ, въ могилу. Россія осталась безъ Царя,—бѣдствіе самое ужасное и гибельное! Смуты сопротствующей Россіи отозвались и за предѣлами ея, *а сосѣди наши недруги* рады были злополучію отечества нашего. *Коварные и вѣроломные поляки* наперерывъ старались восхитить скипетръ Самодержавія. Терзаемая несогласіями внутри и тѣснимая нападеніями извнѣ *враговъ хищныхъ*, Россія готова уже была преклониться подъ иго *иноземное*, признать надъ собою владычество царя *не Русской крови*, возвесть на престолъ св. Владимира наслѣдника *гордаго и враждебнаго намъ царства* и проч». Полагать должно, что означенныя нами курсивомъ слова проповѣди священника Соколовскаго и показались для кого-то соблазнительными и опасными для общественнаго спокойствія. Если же вѣрно такое предположеніе, то нельзя не сдѣлать заключенія, что проповѣдь священника Соколовскаго не понравилась кому либо *изъ польскихъ* помѣщиковъ, или ихъ управляющихъ, экономовъ и поссессоровъ, видѣвшему въ историческомъ взглядѣ проповѣдника на участіе поляковъ въ смутахъ междуцарствія намекъ на современныя отношенія польскаго землевладѣльческаго класса къ Русскому крѣпостному населенію. Во всякомъ случаѣ доносъ на священника Соколовскаго былъ принятъ Генералъ-Губернаторомъ Бибиковымъ и сообщенъ Митрополиту Филарету, который вызвалъ священника Соколовскаго къ себѣ въ Кіевъ для наставленія.—Какой былъ результатъ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ въ значеніи формальной, хотя бы и конфиденціяльной, переписки, изъ дѣлопроизводства, которое мы заимствовали изъ напечатаннаго, не видно. Съ своей стороны мы должны замѣтить только то, что гражданское мѣстное начальство въ описываемую пору, очевидно, слишкомъ налегало на Православное духовенство, и самъ

Ген. Губерн. Бибиковъ былъ въ личныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ высокопр. Филарету (1). Но, чтобы составить понятіе, какого должно было ожидать результата со стороны собственно высокопр. Филарета, по личнымъ убѣжденіямъ и взглядамъ его относительно подобныхъ фактовъ, мы приведемъ здѣсь другой документъ, относящійся къ позднѣйшему времени и при самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ между высокопр. Филаретомъ и бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ Княземъ Иларіономъ Иларіоновичемъ Васильчиковымъ «Владыкѣ,—читаемъ въ дневникѣ (подъ 18-мъ Ноября 1857 г , слѣдов., за мѣсяцъ только до кончины его) прислано было отношеніе, въ которомъ сообщалось отъ гражданскаго Начальства, что люди (крѣпостные) г. Браницкаго,— въ бытность Государя Императора въ Кіевѣ, успѣли подать прошеніе объ освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія. Князь приложилъ и письмо о томъ же дьячка Златоустовской Кіев. церкви къ отцу, гдѣ дьячекъ выказывастъ живое сочувствіе къ тѣмъ людямъ —Выслушавъ, св. Владыка сказалъ: «чтожъ тутъ?!. Какая вина?!. Подано прошеніе Государю.—Если просьба законна, просители правы, если не основательна, отказать, и только. За что жъ истязывать? Кому не дорога свобода?!. Нельзя живому человѣку слова сказать, тотчасъ заговорятъ—Это мятежъ, бунтъ, непокорность властямъ .. Да какія власти-то? Что терпѣлъ отъ нихъ народъ? Въ Россіи дворянство Православное; значитъ, въ этомъ есть связь съ народомъ; а въ здѣшнемъ краю-католики, закоренѣлые враги Церкви и отечества... и чего не дѣлаютъ они съ крестьянами. И эти бѣдные страдальцы не смѣли вида подать, что они чувствуютъ свои страданія и имѣютъ нужду въ состраданіи. Слава Богу, что проэктъ объ освобожденіи крестьянъ уже обсуждается .. О, да поможетъ Господь Богъ Батюшкѣ Государю поскорѣе совершить этотъ великій подвигъ,—вырвать несчастный народъ изъ этихъ адскихъ рукъ! .» (2) Впрочемъ, такія благожела-

---

(1) Объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ съ изложеніемъ многихъ фактовъ изъ подлинныхъ документовъ.

(2) Дневникъ 18 Ноября 1857 г. стран. 24 на обор. и 25.

тельныя—молитвенныя чувства въ отношеніи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостничества особенно проявлялись и выражались отъ глубины души въ Бозѣ почившаго буквально до самыхъ послѣднихъ дней его жизни. Далѣе, даже на канунѣ самой кончины, читаемъ въ «послѣднихъ дняхъ» слѣдующія строки. «До болѣзни и во время болѣзни, Владыкѣ не случалось читать, только что вышедшаго, Высочайшаго Рескрипта Дворянству нѣкоторыхъ губерній Западнаго Края и отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ касательно новаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Теперь онъ вдругъ вспомнилъ объ этомъ. «Нельзя ли достать тѣхъ бумагъ?—сказалъ онъ; хотѣлъ бы я прочитать, пока еще дышу.. О! какое великое дѣло сдѣлаетъ Государь!. Далъ бы Ему Господь успѣшно совершить этотъ подвигъ: тогда онъ прославитъ Себя паче всѣхъ,—будетъ не только Благословеннымъ, какъ Императоръ Александръ Павловичъ, но преблагословеннымъ» (1).

Обращаемся къ дѣлу втораго рода: «Объ матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства», — на которомъ мы и остановимся подробнѣе, какъ наиболѣе характерномъ, широко и глубоко обнимающемъ историческую и современную жизнь мѣстнаго сельскаго духовенства, преимущественно, съ бытовой и экономической ея стороны (2). Это дѣло,—говоритъ достопочтенный Авторъ,—рисуетъ Высокопреосвященнаго Филарета съ такой стороны, о которой доселѣ, меньше всего, извѣстно было въ печати,—именно, со стороны его заботливости о матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства его епархіи, о его дальновидности и житейской мудрости и его мужественномъ предстательствѣ за свое духовенство предъ Высшею властію, тогда какъ доселѣ, обыкновенно, считали митрополита Филарета исключительно монахомъ-аскетомъ по убѣжденіямъ и жизни, мало заботившимъ-

(1) Послѣдніе дни жизни высокопр Филарета. Кіевъ. 1858 г. стр. 38.

(2) Изложеніе этого дѣла мы тоже заимствуемъ изъ статьи подъ заглавіемъ: «Попечительность Кіевскаго Митроп. Филарета о матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства Кіевской епархіи», сообщенной Проф. Н. Петровымъ въ Собраніи Церк.-Археол. общ. 12 Марта 1885 г.— Смотр. Труды Кіев. Дух. Академіи. Іюль. 1885 г. стран. 435—459.

ся о земныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Дѣло это можетъ имѣть интересъ и для настоящаго времени, періодически возбуждающаго вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства.

Излагаемое дѣло, говоритъ Авторъ, можно было бы точнѣе озаглавить такъ: «О примѣненіи и удобоисполнимости, Высочайше утвержденныхъ въ 1842 году, правилъ относительно обезпеченія сельскаго духовенства землями, домами и обработываніемъ прихожанами участковъ земли». Возникло оно вслѣдствіе неправильнаго смѣшенія его съ другимъ дѣломъ введенія въ юго-западномъ краѣ инвентарей, частію по интригѣ польскихъ помѣщиковъ здѣшняго края, частію по недоразумѣнію Русской администраціи.

«Высочайше утвержденное въ 1842 году, положеніе относительно обезпеченія здѣшняго духовенства землями, домами и обработываніемъ прихожанами участковъ земли стало приводиться въ исполненіе съ 1844 года и исполнялось постепенно и тихо, встрѣчая тормазъ единственно со стороны здѣшнихъ польскихъ помѣщиковъ, весьма не охотно поступавшихся нѣкоторыми выгодами своими въ пользу Православнаго русскаго духовенства и даже пытавшихся отнять у него и то́, чѣмъ оно владѣло дотолѣ».

«Но не успѣло еще придти въ исполненіе и окрѣпнуть дѣло матеріальнаго обезпеченія сельскаго духовенства Кіевской епархіи по проэкту 1842 года, какъ произошло въ Кіевской губерніи замѣшательство и волненіе между помѣщичьими крестьянами, вызванное совершенно не зависящими отъ духовенства причинами, но направленное въ значительной мѣрѣ и противъ духовенства. Волненіе это вызвано было «непомѣрнымъ отягощеніемъ польскими помѣщиками крестьянъ» и поддерживалось ложными слухами о дарованіи якобы крестьянамъ золотой царской грамоты на свободу отъ помѣщиковъ, скрываемой якобы священниками. Этими волненіями и хотѣли воспользоваться помѣщики польскаго происхожденія, чтобы не только свалить съ себя вину въ этихъ волненіяхъ на Православное духовенство, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ и добиться отмѣны, Высочайше утвержденнаго въ 1842 году, положенія относительно обезпеченія духовенства, или, по крайней мѣрѣ, «воспрепятствовать и затруднить

приведеніе въ дѣйствіе сего благотворнаго положенія, во вредъ ненавидимаго ими Православнаго духовенства». Они распускали слухи, съ чужихъ словъ повторяющіеся даже должностными лицами, будто-бы введеніе въ инвентари работъ для церковныхъ причтовъ послужило даже къ расторженію той тѣсной и благотворной связи, какая искони существовала между сельскимъ духовенствомъ и крестьянами, и что это даже было причиною безпокойства и волненія со стороны крестьянъ».

«Слухи эти были извѣстны, между прочимъ, Графу Александру Петровичу Толстому, когда онъ находился съ Нижегородскимъ ополченіемъ въ Кіевской губерніи въ Севастопольскую войну. Поэтому графъ А. П. Толстой, сдѣлавшись потомъ Оберъ-Прокуроромъ св. Синода,—20 Марта 1857 года, за № 1852,—обратился къ Высокопреосвященному Митрополиту Кіевскому Филарету съ слѣдующимъ отношеніемъ по сему предмету. «Въ числѣ предметовъ заботливости Правительства о доставленіи духовенству безбѣднаго содержанія,—писалъ графъ Толстой,—особенное вниманіе обращаетъ на себя обезпеченіе его землями, домами и единовременными пособіями отъ прихожанъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 1842 года. Цѣль сего положенія вполнѣ благотворительна, но какъ, съ приведеніемъ въ дѣйствіе предписываемой онымъ мѣры, прихожане уже закономъ обязываются къ построенію домовъ и къ обработкѣ участковъ земли для священниковъ, тогда какъ прежнія въ ихъ пользу приношенія и работы были совершенно добровольны; то изъ сего рождается опасеніе, чтобы отъ неосторожности исполненія не послѣдовало измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ между пастырями и паствою. Во время моего пребыванія съ Нижегородскимъ ополченіемъ въ Кіевской губерніи я имѣлъ случай слышать, якобы введеніе въ инвентари работъ для церковныхъ причтовъ послужило даже къ расторженію той тѣсной и благотворной связи, какая искони существовала въ тамошнихъ мѣстахъ между сельскимъ духовенствомъ и крестьянами, и что это было даже причиною безпокойства и волненія со стороны крестьянъ. По симъ соображеніямъ имѣя надобность, сколь возможно ближе, знать всѣ подробности хода дѣла касательно обезпеченія сельскаго

духовенства, обращаюсь къ Вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою объ увѣдомлении меня, и если можно—въ непродолжительномъ времени: гдѣ происходили и въ чемъ состояли безпокойства крестьянъ при обязании ихъ инвентарными работами? въ какой степени Вы, Милостивый Государь и Архипастырь, признаете сии безпокойства происходящими именно отъ обязательныхъ работъ на церковные причты? дѣйствительно ли замѣчается ослабление духовной связи между сельскими священниками и крестьянами? и если таковое ослабленіе замѣтно, то можно ли съ достовѣрностію приписать оное приведению вышеупомянутой мѣры въ дѣйствіе»?

«Вотъ на это-то отношение Синодальнаго Оберъ-Прокурора и послѣдовала обширная, основательная и всесторонняя отповѣдь Митрополита Филарета, показавшая въ составителѣ всю самую сердечную заботливость его о благѣ своей епархіи и глубокій политическій умъ. Въ этой отповѣди высокопреосвященный Филаретъ доказываетъ пользу и благотворность Высочайше утвержденнаго положенія 1842 года объ обезпеченіи духовенства, разъясняетъ истинныя причины крестьянскихъ волненій въ Кіевской губерніи въ 1855 году, не отрицая, впрочемъ, совершенно и прикосновенности духовенства, въ отдѣльныхъ случаяхъ, къ причинамъ этихъ волненій, раскрываетъ интриги поляковъ противъ Православнаго духовенства и въ заключеніе предусматриваетъ послѣднюю попытку поляковъ «къ осуществленію мечтательныхъ надеждъ своихъ, никогда ими не оставляемыхъ, на возвращеніе здѣшняго края подъ польское владычество и подъ папскую унію». Считаемъ вполнѣ интереснымъ привести здѣсь въ полномъ видѣ этотъ замѣчательный отвѣтъ высокопр. Филарета Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу А. П. Толстову.

«Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія Вашего Сіятельства ко мнѣ, отъ 20 минувшаго Марта, за № 1852, писалъ Митрополитъ Филаретъ,—честь имѣю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, слѣдующее:

1) «Благотворное положеніе, Высочайше утвержденное 1842 года, касательно обезпеченія здѣшняго духовенства землями, домами, обработываніемъ прихожанами участковъ

земли, жалованьемъ и единовременнымъ пособіемъ не отъ прихожанъ, а отъ казны, при вступленіи вновь священниковъ на приходы, въ теченіи пятнадцати лѣтъ получило силу закона и для истиннаго блага Церкви и государства должно быть сохраняемо ненарушимо».

2) «Положеніе сіе для здѣшняго края совершенно необходимо и имѣло уже самыя благотворныя послѣдствія. Отъ доброхотнаго подаянія въ здѣшнемъ краѣ никакъ нельзя ожидать достаточнаго обезпеченія причтовъ; ибо оно здѣсь совсѣмъ не то, что въ благословенной Россіи. Здѣсь прихожане помѣщиками-поляками приведены большею частію въ крайнюю бѣдность; при томъ въ Великороссіи между помѣщиками и духовенствомъ — связь единовѣрія и единоплеменности, а здѣсь — напротивъ. Между тѣмъ, положеніемъ 1842 года Православное духовенство поставлено какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи на тотъ степень благосостоянія и уваженія со стороны прихожанъ, который ему долженъ принадлежать для безпрепятственнаго исполненія пастырскихъ обязанностей. При вступленіи моемъ въ управленіе Кіевскою епархіею, къ крайнему моему удивленію, я нашелъ только *пятую часть* священниковъ, окончившихъ курсъ въ Семинаріи (1). Тому причиною была бѣдность духовенства, по которой не только причетники, но часто и священники не имѣли способовъ воспитывать дѣтей своихъ въ училищахъ и Семинаріи, отъ чего и число учащихся было, до поступленія моего сюда, крайне ограничено сравнительно съ числомъ причтовъ кіевской епархіи. Теперь, къ истинному моему пастырскому удовольствію, осталась только *едва двѣнадцатая* часть священниковъ, не окончившихъ курсъ ученія, и число учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ почти удвоились и сдѣлалось вполнѣ соотвѣтствующимъ потребностямъ епархіи. Извольте, Ваше Сіятельство, видѣть благотворность положенія 1842 года. Сохрани Богъ, если положеніе сіе нарушится. Тогда здѣшнее духовенство Православное лишится опять всѣхъ средствъ

(1) Объ этомъ будутъ представлены подлинныя данныя въ своемъ мѣстѣ. Авт.

къ содержанію своему и доведено будетъ до стоянія еще бо́льшей противъ прежняго нищеты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишится и способовъ къ образованію дѣтей своихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего упадетъ и въ нравственномъ отношеніи».

3) «Отъ приведенія въ исполненіе означеннаго положенія объ обезпеченіи духовенства отнюдь не послѣдовало никакого существеннаго измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ между пастырями и паствами ихъ, отнюдь не расторглась тѣсная и благотворная связь между духовенствомъ и крестьянами, и вовсе нѣтъ причинъ къ опасенію сего на будущее время. Ибо, хотя обработка участковъ священническихъ земель и другія выгоды, предоставленныя въ пользу духовенства, бывшія всегда со стороны прихожанъ добровольными, получили теперь силу законнаго обязательства, однакоже отнюдь не перестали и теперь быть добровольными, такъ какъ этимъ закономъ не введено что либо совершенно новое и необычайное, но частію только потверждаетъ прежній обычай, а частію для крестьянъ представляетъ ту выгоду, противъ прежняго порядка, что здѣсь прежняя денежная плата за исправленіе духовныхъ требъ замѣнена трудомъ, который для нихъ гораздо удобнѣе и легче, чѣмъ денежная плата. Между тѣмъ такой порядокъ, съ одной стороны, возвышаетъ въ глазахъ прихожанъ санъ священника, давая имъ разумѣть, что содержаніе его отнюдь не зависитъ отъ чистаго ихъ произвола, но и лежитъ на нихъ, какъ прямая и законная обязанность; съ другой стороны, и священниковъ болѣе обязываетъ нетолько по долгу пастырскому, но и еще по долгу благодарности и по силѣ закона любить своихъ прихожанъ и заботиться объ ихъ духовныхъ нуждахъ. Не расторгнута *вообще этою мѣрою благотворная* связь пастырей съ пасомыми, а расторгнуто *то́, что́ было* неприличнаго и унизительнаго въ *этой связи. Такъ, нынѣ* для пріобрѣтенія пособія отъ *прихожанъ священники* не имѣютъ надобности угощать ихъ до пьянства въ своихъ домахъ, ни при угощеніи ихъ самимъ предаваться тому же, ни потакать другимъ грубымъ слабостямъ и порокамъ простаго народа. Все же благотворное въ сей связи сохранено».

4) «Что́ же касается до слуховъ, которые дошли до Вашего Сіятельства и здѣсь съ чужихъ словъ повторяются нѣкоторыми даже должностными лицами, будто бы, какъ изволите писать,—«введеніе въ инвентари работъ для церковныхъ причтовъ послужило даже къ расторженію той тѣсной и благотворной связи, какая искони существовала между сельскимъ духовенствомъ и крестьянами, и что это даже было причиной безпокойства и волненія со стороны крестьянъ»,—то это—совершенная несправедливость. Работы для церковныхъ причтовъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда въ инвентари вводимы не были и даже ничего общаго не имѣютъ съ инвентарями. Инвентари составлены и введены здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ при бывшемъ здѣшнемъ Генералъ-Губернаторѣ Бибиковѣ, для облегченія крестьянъ, обремененныхъ работами на помѣщиковъ, а обработываніе прихожанами участковъ земли, принадлежащихъ духовенству, опредѣлено положеніями, Высочайше утвержденными въ 1842 году. Мысль же,—будто отъ приведенія въ исполненіе сихъ положеній произошло измѣненіе во взаимныхъ отношеніяхъ между пастырями и паствами и происходили даже, по поводу сего, волненія въ крестьянахъ,—порождена и распространяется помѣщиками—поляками, которыхъ закоренѣлое враждебное отношеніе къ Православному духовенству и вообще къ отечеству нашему, поддерживаемое католическими ксендзами, извѣстно Обезпеченіе Высочайшимъ положеніемъ Православнаго духовенства и видимое улучшеніе его состоянія и матеріальнаго и нравственнаго, вслѣдствіе этого, есть ножъ острый въ сердце католиковъ. Въ теченіе двадцати лѣтняго управленія моего Кіевскою епархіею я испыталъ тысящекратно, что всѣ ихъ усилія устремлены къ униженію въ глазахъ народа не только Православнаго духовенства, но и Православной Церкви нашей. Единому Богу извѣстно, сколько мнѣ стоило труда и скорбей приведеніе сельскихъ церквей въ возможное приличіе, подобающее святости храмовъ Божіихъ; а безпрерывные навѣты на Православное духовенство доселѣ не прекращаются и, вѣроятно, никогда не прекратятся. По сей-то ненависти своей къ Православной Церкви здѣшніе помѣщики-поляки и ихъ управители-поляки же искони употребляли

всѣ мѣры, чтобы привести Православное духовенство въ бѣдность и униженіе и чрезъ то поставить его въ полную зависимость отъ себя. Естественно, что, проникнутые такимъ духомъ, они съ сожалѣніемъ и досадою должны были смотрѣть на то, какъ Высочайше дарованнымъ духовенству обезпеченіемъ дѣло, стоившее имъ нѣкогда столь многихъ трудовъ и усилій, рушится и гибнетъ навсегда, а потому всѣми силами должны стараться, если не объ отмѣнѣ Высочайшихъ милостей, то, по крайней мѣрѣ, о всевозможномъ затрудненіи и воспрепятствованіи онымъ въ исполненіи, и разглашать, будто бы приведеніе въ дѣйствіе Высочайшаго положенія 1842 года служитъ причиною безпокойства и волненій со стороны крестьянъ. Это—совершенная несправедливость и явная хитрость поляковъ, чтобы собственную вину свою свалить на другихъ и даже на Россійское Правительство. Съ голоса лицъ, недоброжелательныхъ Православному духовенству и даже Правительству Русскому, неблагопріятные толки ихъ повторяли и повторяютъ нѣкоторые и изъ Русскихъ должностныхъ лицъ, не проникая въ истинную причину сихъ толковъ».

5) «Безпокойства, происшедшія въ Кіевской губерніи въ 1855 году, при вступленіи на Всероссійскій Престолъ Государя Императора Александра Николаевича, не имѣютъ ни малѣйшей связи съ обязательными работами прихожанъ на церковные причты, на основаніи Высочайшаго положенія 1842 года. Прошло тридцать лѣтъ отъ начала приведенія въ исполненіе онаго положенія, и никакой жалобы никогда не возникало со стороны крестьянъ на сіе положеніе. Настоящія же причины сихъ безпокойствъ первоначально заключаются въ непомѣрномъ отягощеніи польскими помѣщиками крестьянъ, приведенныхъ ими въ крайнюю бѣдность, потомъ въ стремленіи здѣшняго народа къ свободному состоянію, о которомъ у него осталось еще довольно живое воспоминаніе, такъ какъ здѣшніе крестьяне вообще порабощены помѣщиками польскими только въ недавнее время, въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтій,—и наконецъ въ распространеніи неблагонамѣренными людьми ложныхъ слуховъ о состояніи будто бы указа объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ. Ибо волненіе самымъ сильнымъ образомъ обна-

ружилось въ Корсунскомъ имѣніи князя Лопухина и Таганчѣ помѣщика Понятовскаго, гдѣ помѣщики и крестьяне всегда прежде благопріятствовали духовенству Православному, но гдѣ духъ крестьянства, водвореннаго здѣсь не болѣе 60-ти лѣтъ назадъ, еще не укоренился по недавности онаго, и наиболѣе было живо преданіе о свободномъ состояніи украинскаго народа, гдѣ потому были уже и прежде опыты волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ, именно въ 1820 году противъ князя Лопухина въ Корсунѣ и въ 1845 году противъ Понятовскаго въ мѣстечкѣ Шендеровкѣ, и гдѣ, наконецъ, хорошо сохранилось еще преданіе о Золотой грамотѣ, отъ имени будто бы Императрицы Екатерины данной архимандритомъ Мелхиседскомъ Желѣзняку, виновнику *Коліивщины* 1768 года, которою народъ Православный освобождался будто бы отъ работы польскимъ панамъ. Это слѣпое стремленіе къ свободѣ, при невѣжествѣ народа въ государственномъ призывѣ ко всеобщему ополченію, который впрочемъ на здѣшнюю губернію не простирался, хотя крестьянамъ по слухамъ былъ извѣстенъ, желало найти случай къ освобожденію отъ крестьянства, и самому Манифесту объ ополченіи приписало значеніе Мелхиседековой грамотѣ, которую и теперь будто бы должно было дать народу духовенство».

6) «Правда, къ крайнему прискорбію, бывшее въ 1855 году, волненіе крестьянъ вездѣ почти сопровождалось насильственными дѣйствіями ихъ противъ священниковъ и даже различными надъ ними поруганіями, что, повидимому, давало заключать, будто совершенно изчезло у народа то уваженіе къ священникамъ, какъ духовнымъ отцамъ и строителямъ таинъ Божіихъ, которымъ особенно отличался народъ здѣшній, засвидѣтельствовавшій свою преданность Православной вѣрѣ двухвѣковою кровавою борьбой съ гонителями Православія, и забыто было по мѣстамъ даже и самое благоговѣніе къ храмамъ Божіимъ. Но причина сего опять заключалось вовсе не въ томъ, будто бы Высочайшимъ положеніемъ 1842 года была нарушена тѣсная и благотворная связь духовенства съ крестьянами, а, главнымъ и ближайшимъ образомъ, въ слѣпо принятомъ ими вездѣ ложномъ убѣжденіи, будто священники скрываютъ у себя въ

церквахъ царскій указъ о вольности крестьянъ. А такое подозрѣніе и недовѣріе къ священникамъ произведено слѣдующими обстоятельствами. Извѣстно, что инвентари, введенные здѣсь при Генералъ-Губернаторѣ Бибиковѣ съ благодѣтельною цѣлію ограничить излишній и непомѣрный произволъ помѣщиковъ въ обремененіи крестьянъ работами на нихъ, положено было хранить въ церквахъ. Вслѣдствіе сего инвентарныя правила, послѣ торжественнаго объявленія ихъ въ сельскихъ церквахъ въ 1847 году гг. предводителями дворянства, при всенародномъ собраніи вручены были священникамъ, и при семъ объявлено крестьянамъ, что, въ случаѣ недоразумѣній, они должны обращаться къ священнику, который имѣетъ обязанность читать имъ инвентарь и объяснять смыслъ инвентарныхъ правилъ Такимъ образомъ, если не крестьянская повинность, то смыслъ инвентаря поставленъ Правительствомъ въ нѣкоторой степени подъ защиту священниковъ. Это объявленіе, въ совокупности съ отдачею инвентарей въ церкви, породило тогда же въ крестьянахъ первую ложную мысль, что «*священникамъ порученъ надзоръ за исполненіемъ со стороны владѣльца инвентарныхъ правилъ.* Между тѣмъ нѣкоторыя владѣльческія экономіи, весьма неохотно раставшіяся съ прежнимъ безусловнымъ пользованіемъ крестьянами, чтобы скрыть свои отступленія отъ инвентарныхъ правилъ, старались всякое, самое правильное, истолкованіе священниками инвентарныхъ правилъ представлять Правительству усиліемъ священниковъ возмутить крестьянъ противъ помѣщиковъ.—Вслѣдствіе сего возникъ рядъ помѣщичьихъ жалобъ и полицейскихъ доносовъ на священниковъ, имѣвшихъ цѣлію устранить священниковъ отъ дѣла, порученнаго имъ Правительствомъ. Цѣль эта была достигнута скоро и какъ нельзя болѣе. Обвиненія, возбуждаемыя предъ Епархіальнымъ начальствомъ на священниковъ за мнимое возмущеніе крестьянъ противъ помѣщика, и взысканія часто безъ слѣдствія, постигшія нѣкоторыхъ священниковъ, не смотря на благонамѣренность ихъ дѣйствій и несправедливость помѣщичихъ дѣйствій, побудили всѣхъ священниковъ Кіевской епархіи быть до того осторожными въ храненіи инвентарныхъ правилъ, что не только прекратили объясненіе положеній инвентаря, но и совсѣмъ должны

были отказаться отъ всякаго разговора съ крестьянами объ инвентаряхъ и барщинѣ.—Вскорѣ послѣдовало и отъ Правительства распоряженіе, чтобы священники отнюдь не объясняли, а только читали крестьянамъ инвентарь, и то не иначе, какъ въ присутствіи полицейскаго чиновника и лица со стороны экономіи. Но священники исполнять какую либо обязанность относительно инвентарей не желали; экономія еще болѣе имѣла причины желать, чтобы инвентарь не повторялся крестьянамъ прочтеніемъ, полиція съ своей стороны не охотно соглашались допускать это, опасаясь отвѣтственности за всякое, возможное по этому поводу, волненіе въ народѣ, а можетъ быть, и по другимъ причинамъ. И это новое распоряженіе о повтореніи инвентарей не имѣло той гласности, съ какою было объявлено крестьянамъ о обязанности священниковъ объяснять инвентарныя правила по требованію крестьянъ. Съ теченіемъ времени умножались въ народѣ сомнѣнія о смыслѣ инвентарей. Когда же крестьяне не получали отъ священника разрѣшенія своихъ недоразумѣній о барщинѣ и, въ то же время, оставались въ недоумѣніи, или неизвѣстности касательно новаго постановленія о чтеніи инвентаря, то, естественно, между крестьянами возродилась и другая мысль ложная, поставившая священниковъ прямо во враждебное отношеніе къ ихъ прихожанамъ, именно, что «*священники подкуплены помѣщиками, затаили ихъ права, пожалованныя Государемъ Императоромъ, и согласились съ ними угнетать крестьянъ, вопреки Царскому повелѣнію*». Вотъ. происхожденіе тѣхъ рѣчей, которыми сопровождались насилія и поручанія священниковъ въ Капевскомъ уѣздѣ! вотъ причина поисковъ въ церкви мнимаго указа, простиравшихся до забвенія о неприкосновенности святыхъ престоловъ». Ложная увѣренность въ томъ, что священники затаили инвентари, повела крестьянъ къ другому заблужденію, именно-будто они же могли затаить и мнимый указъ о вольности; а храненіе инвентарей въ церквахъ дало поводъ тамъ же искать и мнимаго указа о вольности Къ этому присоединилось новое обстоятельство—измѣненіе инвентарныхъ правилъ, съ которымъ еще болѣе усилились недоразумѣнія крестьянъ и подозрѣнія ихъ противъ священниковъ. Измѣненія эти, названныя дополненіями, остались

неизвѣстными священникамъ, которымъ первоначально ввѣренно было самое храненіе и изъясненіе инвентарныхъ правилъ. Священникамъ только дано знать, что дополненія не заключаютъ въ себѣ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Между тѣмъ, не измѣняя сущности инвентаря, дополненія измѣнили инвентарь во многомъ въ частности, а чрезъ это введены въ недоразумѣнія какъ священники, такъ и крестьяне. Крестьяне, видя, что экономіи требуютъ отъ нихъ болѣе того, что возложено на нихъ обязанностію отъ имени Государя Императора при всенародномъ объявленіи инвентарей, не хотѣли вѣрить такимъ дополненіямъ, и одно слово «дополненіе» уже рождало въ нихъ увѣренность въ незаконности происхожденія новыхъ требованій, тѣмъ болѣе, что къ этимъ дополненіямъ многое дополнялось экономіями и отъ себя непосредственно. А вина и за эти дополненія сваливалась крестьянами на священниковъ же первѣе всего. Можно было и въ прежнія волненія и во время настоящаго волненія въ особенности слышать такія рѣчи: «*Царь отдалъ наше добро священникамъ, а они его затайли. Паны насъ обижаютъ; къ кому намъ обратиться, какъ не къ священникамъ? Священники же видятъ наши обиды и за насъ не вступаются, ибо паны имъ сребромъ да златомъ глаза позальпливали*». — А между тѣмъ, по измѣненіи частныхъ положеній инвентаря, можно ли было требовать еще, чтобы священники въ какой нибудь степени исполняли первоначальное постановленіе о храненіи и чтеніи инвентарей? — Съ другой стороны, всякій сельскій священникъ могъ считать себя въ правѣ не исправлять въ понятіяхъ прихожанъ и ошибочныхъ мнѣній касательно частныхъ требованій инвентаря, такъ какъ Правительство не сочло нужнымъ сдѣлать священникамъ извѣстными, происшедшія въ инвентаряхъ, перемѣны, о которыхъ нѣкоторые священники дѣйствительно и не имѣютъ никакого понятія. — Вскорѣ, затѣмъ, послѣдовало даже запрещеніе вовсе читать инвентари священникамъ, — запрещеніе не гласное, тогда какъ объявленіе ихъ было торжественное. При семъ, впрочемъ, должно замѣтить, что вскорѣ послѣ случившихся волненій, когда заблужденіе крестьянъ миновалось, они глубоко и искренно раскаялись въ своей винѣ противъ священниковъ

и со смиреніемъ просили у нихъ прощенія, хотя, въ то же время, стремленіе къ освобожденію отъ помѣщиковъ, не уничтожилось».

7) «Если же гдѣ-либо собственно исполненіе положенія объ обезпеченіи сельскаго Православнаго духовенства порождало иногда несогласіе между священниками и нѣкоторыми изъ прихожанъ,—то, и въ сихъ случаяхъ, вина отнюдь не въ этомъ положеніи, а въ способѣ исполненія его на исполнителяхъ помѣщикахъ-полякахъ, или ихъ экономіяхъ, которые, какъ замѣтилъ я выше, всячески желали бы, если не отмѣнить, то, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать и затруднить приведеніе въ дѣйствіе сего благотворнаго положенія, на вредъ, ненавидимаго ими, Православнаго духовенства. Ибо въ казенныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ Православныхъ помѣщиковъ Кіевской губерніи вовсе не было никакихъ неблагопріятныхъ столкновеній прихожанъ съ священниками за исполненіе обязанностей, положенныхъ на нихъ проэктомъ объ обезпеченіи духовенства. Причина сего заключается въ томъ, что въ первыхъ имѣніяхъ назначеніе работъ на священническомъ участкѣ производятъ старшины изъ самихъ прихожанъ, а въ послѣднихъ добросовѣстному исполненію не только не препятствуютъ владѣльцы, но и сами содѣйствуютъ. Напротивъ того, во владѣніяхъ помѣщиковъ-поляковъ дѣло обезпеченія духовенства экономіи ихъ исполняли и исполняютъ часто весьма неисправно, весьма медленно и иногда даже злонамѣренно. Именно, Высочайшимъ положеніемъ опредѣлено: а) устроить постоянныя квартиры для причтовъ церковныхъ; б) отмежевать церковныя земли, и в) обезпечить содержаніе священниковъ обработкой священническаго участка земли. Исполненіе по всѣмъ этимъ тремъ статьямъ проэктовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Губернскимъ Комитетомъ оставлено преимущественно за экономіей, т. е. возложено на прихожанъ подъ распоряженіемъ экономіи, самый же способъ исполненія, принятыхъ на себя въ этомъ отношеніи экономіею, обязанностей и порождалъ, по мѣстамъ, неудовольствія крестьянъ противъ священниковъ».

а) «*Отмежеваніе усадебной земли.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усадебной земли при церквахъ было не полное

количество, или же таковая находилась въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церкви. Открылась необходимость отдать подъ церковныя усадьбы усадьбы крестьянъ, ближайшихъ къ церкви. Въ замѣнъ крестьянамъ отводились пустопорожнія мѣста, но не вездѣ они получали вознагражденія за неизбѣжные въ этомъ случаѣ убытки. Это по мѣстамъ было новымъ источникомъ неудовольствій на священниковъ».

б) «*Обработка священническаго участка земли.* Обработка священническаго участка земли подчинена вездѣ распоряженію экономіи. Но экономія рѣдко гдѣ сочла необходимымъ сдѣлать распредѣленіе работъ сего рода такъ, чтобы эта повинность исполнялась правильно, своевременно, и лежала бы на всѣхъ прихожанахъ-крестьянахъ. Однѣ экономіи вовсе уклонялись отъ добровольно принятой ими на себя обязанности производить нарядъ работъ и смотрѣть за обработкою священническаго участка земли; другія экономіи, освобождая отъ работъ сего рода крестьянъ, обязанныхъ барщиною, высылали для работъ священническихъ только бобылей, т. е. самыхъ бѣдныхъ изъ прихожанъ; многія экономіи предоставляли чистому произволу сотскаго и десятскихъ и тѣмъ открывали большое поле ежедневнымъ жалобамъ священника на прихожанъ и прихожанъ на священника. Самый нарядъ работъ на священническіе участки иногда производился въ такихъ выраженіяхъ, которыя представляли священниковъ произвольными угнетателями прихожанъ своихъ, а притязанія ихъ на исполненіе положеннаго по проэкту—произвольною выдумкою самихъ священниковъ».

«Кромѣ обезпеченія духовенства, Высочайшею волею повелѣно было еще привести въ приличное состояніе обветшавшія Православныя церкви, или построить вновь, и тамъ, гдѣ недостаточно было средствъ самой церкви, это возложено на обязанность помѣщиковъ. Но въ одномъ изъ обширнѣйшихъ имѣній Кіевской губерніи (графовъ Браницкихъ), а по примѣру ихъ и во многихъ другихъ имѣніяхъ, пособіе экономіи въ этомъ дѣлѣ ограничивалось отпускомъ лѣсу, который крестьяне сами за 100 и за 150 верстъ должны были вывезти, безъ вычету барщины, на собственныхъ подводахъ; пріобрѣтеніе же всѣхъ прочихъ строительныхъ матеріаловъ и наемъ мастеровъ возложены экономіями на

крестьянъ-прихожанъ. Для сбора суммы на этотъ предметъ учреждалась раскладка по 1 руб. и по 2 руб. сер. съ каждой души и учреждены были экономіею особые сборщики. Этотъ сборъ, значительный самъ по себѣ, при другихъ сборахъ государственныхъ, подушныхъ и рекрутскихъ, помѣщичьихъ, общественныхъ на устройство церковныхъ квартиръ, при недостаткѣ у крестьянъ въ настоящее время хлѣба и топлива, и при стѣснительныхъ мѣрахъ, допущенныхъ надъ бѣдными, въ дѣлѣ благочестія и доброхотнаго усердія, вынудилъ у крестьянъ ропотъ. Ропотъ этотъ, допущенный по злоупотребленію экономій, косвенно всею тяжестію своею падалъ на священниковъ за ихъ заботливость о благолѣпіи храмовъ Божіихъ».

«Впрочемъ несомнѣнно, что всѣ подобныя неблагопріятныя послѣдствія, сопровождавшія по мѣстамъ исполненіе положеній объ обезпеченіи духовенства, становятся рѣже, и я увѣренъ, что со временемъ и совершенно прекратятся, когда тѣ положенія вполнѣ утвердятся въ здѣшнемъ краѣ, если только гражданское начальство будетъ оказывать въ семъ дѣлѣ, надлежащее и вполнѣ благонамѣренное, содѣйствіе въ пользу духовенства, а не къ интересу помѣщиковъ-поляковъ. Съ своей стороны я всегда поставлялъ долгомъ имѣть тщательнѣйшее наблюденіе и строжайшимъ образомъ внушалъ священникамъ, чтобы они сами какими либо не благоразумными и не умѣренными притязаніями не подавали повода съ своей стороны къ неудовольствію отъ прихожанъ за возложенную на нихъ обязанность обработывать священническіе участки земли. Вообще же достовѣрно, что прихожане исполняютъ работы на священниковъ гораздо охотнѣе, нежели на помѣщиковъ. Ибо священники ихъ за работы обыкновенно накормятъ и поблагодарятъ добрымъ словомъ, а помѣщики и спасибо не скажутъ. А произвольныхъ работъ, сверхъ положенныхъ, насильно налагаемыхъ на прихожанъ въ пользу причтовъ, не бываетъ. Случаются только по мѣстамъ приглашенія прихожанъ на одинъ день, что̀ извѣстно подъ названіемъ *то́локи*; но сіи работы обходятся приглашающимъ не дешево, потому что надо всѣхъ рабочихъ напоить и накормить. Гдѣ же встрѣчались какія либо злоупотребленія со стороны самихъ духовныхъ лицъ, тамъ,

по первому о томъ свѣдѣнію, всегда принимаемы были надлежащія мѣры, и виновные подвергались строгому взысканію».

«Такимъ образомъ, еще свидѣтельствую предъ Вашимъ Сіятельствомъ и утверждаю архіерейскою моею совѣстію, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться, дабы приведеніе въ исполненіе Высочайшаго положенія 1842 года объ обезпеченіи духовенства могло когда либо произвести ослабленіе тѣсной духовной связи между священниками и прихожанами въ сельскихъ приходахъ, и еще менѣе основанія приписывать этой причинѣ, бывшія въ здѣшней губерніи, волненія. Истинная причина сихъ волненій—тяжкое и невыносимое положеніе здѣшнихъ крестьянъ подъ владычествомъ, большею частію, польскихъ помѣщиковъ и ихъ управителей поляковъ-же, ненавидящихъ и всѣми силами старающихся вредить Православной Церкви и отечеству. Они же употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы произвести въ крестьянахъ ослабленіе уваженія и духовной связи въ отношеніи къ ихъ пастырямъ—Православнымъ священникамъ, ко вреду ненавистнаго для нихъ Православія. Сохрани Боже, если они успѣютъ склонить Правительство къ отмѣненію, Высочайше дарованныхъ духовенству, милостей и даже къ какому либо, хотя несущественному, измѣненію въ нихъ, напримѣръ къ тому, чтобы уничтожить обработываніе крестьянами участковъ священническихъ земель. Въ такомъ случаѣ духовенство Кіевской епархіи будетъ поставлено экономіями помѣщиковъ опять еще въ болѣе затруднительное положеніе, чѣмъ въ какомъ оно было до 1842 года. Хотя въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и неудовлетворительно прихожанами исполняется обработка священническаго участка, все же за священникомъ остается право, по крайней мѣрѣ, за собственныя деньги имѣть извѣстное число работниковъ въ необходимое время, между тѣмъ какъ прежде священникъ часто не могъ имѣть работника и за деньги; и одною изъ самыхъ стѣснительныхъ мѣръ помѣщиковъ въ отношеніи къ священникамъ было то́, что помѣщикъ не только во всякое время могъ оставить священника безъ работниковъ, но даже отбиралъ въ барщину домашнюю прислугу отъ духовенства, не позволяя, въ тоже время, имѣть прислугу изъ крестьянъ другаго владѣнія».

«Нельзя допустить и того, чтобы трудъ прихожанъ всегда и вездѣ былъ замѣненъ взносомъ денегъ въ пользу священниковъ. Ибо хотя замѣнять обработку земли взносомъ денегъ предоставляется въ проэктахъ обезпеченія духовенства взаимному соглашенію священника съ прихожанами, и хотя эта мѣра въ нѣкоторыхъ приходахъ Кіевской епархіи принята,—но нельзя эту мѣру сдѣлать общею, ибо сборъ денегъ затруднилъ бы прихожанъ тамъ, гдѣ промышленность мало развита и гдѣ не удобенъ сбытъ продуктовъ на рынкѣ. Нельзя положить опредѣленной постоянной платы за обработку земли потому, что цѣна за трудъ въ различныхъ уѣздахъ и въ различныхъ мѣстахъ одного и того же уѣзда различна. Съ теченіемъ времени деньги теряютъ свою цѣнность, а трудъ напротивъ возвышается въ цѣнѣ; въ особенности это замѣтно въ Кіевской губерніи, гдѣ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе развивается фабричность. Какъ сборъ денегъ за обработку земли, такъ и отъ времени до времени увеличеніе суммы этого взноса не можетъ не порождать въ прихожанахъ новыхъ неудовольствій противъ священника; а прямымъ возмездіемъ за это неудовольствіе будетъ то, что прихожанинъ неохотно пойдетъ и за деньги работать священнику, или вовсе не пойдетъ. Несомнѣнно, что когда установится правильный порядокъ въ исполненіи прихожанами повинностей въ отношеніи къ матеріальнымъ выгодамъ священника и будетъ надлежащій надзоръ и отчетность въ семъ дѣлѣ,—тогда исполненіе проэктовъ объ обезпеченіи сельскаго духовенства будетъ дѣломъ весьма легкимъ и весьма удобноисполнимымъ вездѣ. Тогда нигдѣ и въ имѣніяхъ помѣщиковъ-поляковъ не будетъ случаевъ ропота прихожанъ противъ священниковъ за сбработку ихъ земли, какъ не было и нѣтъ его доселѣ въ казенныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ Православныхъ владѣльцевъ».

«Въ заключеніе всего, пользуясь настоящимъ случаемъ, пастырскимъ долгомъ моимъ поставляю свидѣтельствовать, что здѣшнее Православное духовенство, и при всѣхъ бывшихъ мятежахъ польскихъ, для Россійскаго Правительства служило самымъ вѣрнымъ и надежнымъ стражемъ и на будущее время представляетъ ненарушимый залогъ вѣрноподданической вѣрности Государю и Отечеству, при на-

стоящемъ образованіи своемъ, превышающемъ католическихъ ксендзовъ. Вотъ, главный источникъ недоброжелательства польскихъ помѣщиковъ къ Православному духовенству, котораго они не могутъ ни подкупить, ни обмануть, и въ которомъ видятъ непреоборимое препятствіе къ осуществленію мечтательныхъ надеждъ своихъ, никогда ими не оставляемыхъ, на возвращеніе здѣшняго края подъ польское владычество и подъ папскую унію» (1).

И такъ, при строгомъ глубокомъ вникапіи въ содержаніе всѣхъ трехъ изложенныхъ документовъ, особливо послѣдняго, остается достойно и праведно признать во всей полнотѣ, что—какъ здѣсь характерно и широко и глубоко обнимается и историческая и современная жизнь сельскаго духовенства въ Югозападномъ,—въ частности въ Кіевскомъ, краѣ съ бытовой и экономической стороны, а также въ отношеніи къ разнородной и враждебной Православію населенности,—такъ точно эти же самые документы, дѣйствительно, изображаютъ и освѣщаютъ самую личность высокопр. Филарета, съ такой именно стороны,—говоря словами цитованнаго автора,—о которой доселѣ меньше всего могло быть извѣстно и для достаточно знавшихъ въ Бозѣ почившаго Первосвятителя Кіевскаго. Сторопа же эта въ изложенныхъ данныхъ выступаетъ въ полной рельефности по части и его непрестанной заботливости о матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства, и дальновидности его, и житейской мудрости, и его мужественнаго открытаго предстательства за свое духовенство предъ Высшею властію.— Между тѣмъ обыкновенно считали и считаютъ высокопр. Филарета Кіевскаго исключительно монахомъ-аскетомъ и по убѣжденіямъ, и по жизни, и, потому, мало заботившимся о земныхъ дѣлахъ и житейскихъ отношеніяхъ.—Да, не даромъ и онъ самъ буквально *свидѣтельствовалъ и утверждалъ своею Архіерейскою совѣстію* предъ Высшимъ на-

(1) Этотъ отвѣтъ Синодальному Оберъ-Прокурору помѣченъ 27 Апрѣля 1857 г. (№ 354); слѣдовательно, за *семь* только мѣсяцевъ до кончины высокопр. Филарета и, потому, онъ можетъ служить какъ бы предсмертнымъ его завѣщаніемъ для послѣдующихъ временъ и соотвѣтствующихъ дѣйствій по подобнымъ дѣламъ. Авт.

чальствомъ, что онъ *всегда поставлялъ долгомъ имѣть тщательнѣйшее наблюденіе и строжайшимъ образомъ дознавалъ* всѣ свѣдѣнія и факты въ теченіи двадцати лѣтъ своего служенія. И, дѣйствительно, все содержаніе, хотя бы даже одного, приведеннаго нами, подлиннаго отвѣта его г. Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу А. П. Толстому, во всей полнотѣ и ясности доказываетъ истину свидѣтельства его. Наконецъ, если авторъ говоритъ, что «это послѣднее дѣло можетъ имѣть важный интересъ и для настоящаго времени, періодически вызывающаго вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи сельскаго духовенства вообще»,—то, во всякомъ случаѣ, какую громадную силу и значеніе должны были имѣть всѣ изложенныя архипастырскія дѣйствія высокопр. Филарета по отношенію къ status quo бытовой и экономической жизни духовенства Кіевской епархіи въ теченіи *пятнадцати* лѣтъ, т. е. считая со времени Высочайшаго утвержденія правилъ 1842 г. до самой кончины его. Впрочемъ, помимо этого предмета и дѣйствій высокопр. Филарета по обезпеченію вообще штатнаго приходскаго сельскаго духовенства, согласно Высочайше дарованнымъ правамъ и утвержденнымъ правиламъ,—мы сейчасъ увидимъ, какова была его же примѣрная попечительность о посильномъ обезпеченіи лицъ духовенства, не имѣвшихъ права на пользованіе дарованными средствами по положенію 1842 г.,—именно лицъ, состоявшихъ внѣ штата, и о сиротствующихъ семействахъ и, въ частности, о дѣтяхъ-сиротахъ, нуждавшихся особливо въ средствахъ къ обученію въ заведеніяхъ. — Объ этой попечительности и будетъ наша рѣчь въ непосредственно слѣдующемъ изложеніи.

ОТДѢЛЪ III.

ГЛАВА IV.

«Исторія Кіево - Софійскаго духовнаго училища представляетъ скромную, но, тѣмъ не менѣе, высокую христіанскую доблесть Высокопреосвященнаго Филарета Митрополита Кіевскаго —Не вольно благоговѣешь къ памяти въ Бозѣ почившаго Архипастыря, просматривая рядъ его благодѣяній Софійскому училищу Истинно какъ отецъ съ родными дѣтьми, онъ дѣлился съ учениками-сиротами какъ будто однимъ кускомъ хлѣба» (1)

Прежде было указано, и не однажды (2), что высокопр. Филаретъ имѣлъ особенное попеченіе о сиротствующихъ и вообще бѣдныхъ духовнаго званія и, для обезпеченія ихъ, то предоставлялъ мѣста въ приходахъ, то часть доходовъ, то предлагалъ и какъ-бы ходатайствовалъ предъ Епархіальнымъ Попечительствомъ о не прекращеніи, въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, положенныхъ пособій. Этотъ же образъ дѣйствованія видимъ и во все время служенія его и въ Кіевской Епархіи. Въ частности относительно попечительскихъ пособій, онъ обыкновенно выражался такъ въ своихъ резолюціяхъ на протоколахъ и журналахъ Попечительства: «Предлагаю производить прежній окладъ»,—или «продолжить еще выдачу пособія»,—или «сдѣлайте это пособіе изъ христіан-

(1) См. въ Историческомъ описаніи Кіево Софійскаго училища, напечатанномъ въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 1868 г.

(2) Именно въ изложеніи служенія высокопр. Филарета и въ Калужской и Казанской Епархіяхъ, о чемъ знаютъ читающіе.

ского снисхожденія»,— или «не отказывайте пока въ чаяніи милости Господней къ сиротамъ»,— или «доколѣ Промыслъ Божій откроетъ способы устроить сиротъ», наприм. доколѣ дѣти мальчики поступятъ въ училище и т. п. Такого рода ходатайственныя обращенія Епархіальнаго Архіерея, какъ главнаго и полновластнаго начальника, могли быть, само собою, равносильными почти прямымъ приказаніямъ; потому со стороны распоряжавшихся этимъ дѣломъ, естественно, не могла не чувствоваться стѣснительность, и тѣмъ болѣе, что средства у епархіальныхъ Попечительствъ вообще бываютъ очень ограниченны. — Но чтобы не колебаться здѣсь недоумѣніями на счетъ указываемой стѣснительности для исполнителей, поспѣшимъ разрѣшить этотъ вопросъ не словами, а самыми фактами и подлинными цифрами

Вотъ, предъ нами «выписка изъ благотворительныхъ книгъ Кіевскаго епархіальнаго Попечительства о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ пользу сего Попечительства высокопр. Митрополитомъ Кіевскимъ Филаретомъ, составленная 21 Сентября 1859 года» (1). Что́ же видимъ въ этой выпискѣ?.. Во 1-хъ, изъ года въ годъ неопустительно, начиная съ самаго перваго, т. е. 1838 г. до послѣдняго 1857 г., высокопреосв. Филаретомъ вносимо было въ попечительство изъ собственныхъ денегъ отъ 1,000 до 1,500 руб. асс.; во 2-хъ, имъ же единовременно внесено въ кредитное учрежденіе въ пользу того же Попечительства (2) сначала (въ 1854 г.) 5,000 р. асс., а потомъ не задолго передъ кончиною 3,000 руб. сер. съ тѣмъ, чтобы съ сихъ денегъ проценты ежегодно употреблялись въ пособіе бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ Кіевской епархіи по усмотрѣнію Попечительства. Такимъ образомъ, при жизни высокопр. Филарета Попечи-

---

(1) Выписка эта истребована была изъ Кіевскаго Попечительства бывшимъ тогда викаріемъ Кіевскимъ преосв Антоніемъ, (покоинымъ архіепископомъ Казанскимъ), собиравшимъ тогда разныя біографическія свѣдѣнія о высокопр. Филаретѣ, которыя и переданы имъ намъ всѣ для составленія настоящаго жизнеописанія.

(2) У насъ сохранилось черновое предложеніе о семъ Кіевскому Попечительству, писанное подъ диктовку высокопр Филарета рукою бывшаго тогда Ректора Кіевскои Акад. Архим. Антонія

тельство пріобрѣло собственно изъ рукъ его капиталъ въ пользу бѣдныхъ, равняющійся 42,500 р. асс. Сверхъ сего въ завѣщаніи высокопр. Филарета (пунктъ II) сказано: «Изъ денегъ, какія останутся по окончинѣ моей, *тысячу* рубл. сереб. употребить на мое погребеніе, (изъ нихъ *третью часть на нищихъ*), остальныя за тѣмъ раздѣлить по *равной части*—въ Кіевское *Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія*, и на содержаніе бѣдныхъ учениковъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища, и отдать въ кредитное учрежденіе». Согласно сему завѣщанію досталось на долю Попечительства, 1,585 руб. 25¼ коп. серебр. (1) Наконецъ, въ той же выпискѣ значится, что, собственно по личному содѣйствію высокопр. Филарета, пожертвованы были въ пользу Попечительства билеты кредитныхъ учрежденій нѣкоторыми лицами, а именно однимъ—1,428 руб. 57 коп. сер., другимъ 6,000 р сер. и третьимъ 500 р. сер.—Всѣ эти цифры не разрѣшаютъ ли всякое недоумѣніе относительно образа дѣйствованія высокопр. Филарета въ пользу вдовъ и сиротъ, когда онъ старался всячески удовлетворять ихъ нужды, при дѣланныхъ иногда ограниченіяхъ въ размѣрахъ пособій, или при совершенныхъ отказахъ бѣднымъ со стороны членовъ Попечительства?... Капиталъ, составляющійся изъ сложности всѣхъ вышепоказанныхъ цифръ, (въ сложности съ пожертвованіями), и равняющійся суммѣ болѣе 20-ти тысячъ серебр., очевидно, доставлялъ возможность Начальству распоряжаться своими средствами безъ стѣсненія и опасенія за ущербъ и истощеніе своего основнаго капитала. Правда, сообразно нынѣшнимъ обычаямъ и порядкамъ общественной благотворительности, казалось бы раціональнѣе назначить подобный капиталъ на устройство какого либо заведенія, или стипендій, напр. училища для сиротъ-дѣвицъ духовнаго званія, чѣмъ употреблять деньги такъ не производительно. Но само собою не намъ, да и едва ли кому умѣстно одолжать, по выраженію слова Божія, совѣтами такихъ дѣятелей, каковъ высокопр. Филаретъ, и, при

(1) Смотр. въ надгробной рѣчи, сказанной Ректоромъ Софійскаго училища Н Оглоблинымъ (*въ примѣчаніи*).

томъ, въ такихъ дѣлахъ, каковы дѣла христіанскаго милосердія, чтобы взвѣшивать и оцѣнивать ихъ на вѣсахъ, такъ называемой, общественной экономіи и какой либо спеціальности. Значеніе общественной благотворительности, конечно, не менѣе другихъ сознавалъ и самъ высокопр Филаретъ, а если не дѣлалъ этого, то, само собою, имѣлъ на это причины.—Была напр. проводима ему мысль объ учрежденіи училища для дѣвицъ духовнаго званія. Писалъ объ этомъ и одинъ Преосвященный (1), положивши начало устройства такого училища въ своей епархіи. -И вотъ, что онъ отвѣчалъ послѣднему: «Да поможетъ Вамъ Господь Богъ, между прочимъ, учредить заведеніе для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. А мои лѣта не дозволяютъ заняться симъ труднымъ дѣломъ Да много заботъ о воспитаніи многочисленныхъ дѣтей и мужескаго пола». Эти слова, кромѣ прямаго смысла, заключаютъ и тотъ, что высокопреосв. Филаретъ смотрѣлъ на подобныя заведенія не такъ, чтобы только устроить заведеніе, и для сего лишь бы только найти средства; но понималъ, что для этого потребенъ трудъ,—трудъ личный, непосредственный, соединенный съ прямымъ живымъ участіемъ и вліяніемъ, дабы заведеніе было не по формѣ только и не подъ фирмой лишь духовнаго,—словомъ разумѣлъ тотъ трудъ, то́ участіе, то́ духовно-нравственное благотворное вліяніе въ дѣлѣ воспитанія дѣвицъ, какіе сейчасъ увидимъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія дѣтей мальчиковъ,—будущихъ служителей Церкви; потому, очевидно, онъ и предпочелъ заботы о послѣднихъ заботамъ о первыхъ, для коихъ и въ наши времена, не Богъ вѣсть, какъ еще много сдѣлано, а, что главнѣе всего, въ эти духовныя училища много-много навѣяно свѣтскаго—въ родѣ напр. танцевъ, музыки, обученія языку французскому и воспитанницы не рѣдко смотрятъ за ограду своего званія (2).

---

(1) Преосв. Гавріилъ архіеп. Рязанскій.

(2) Послѣднія строки были приписаны собственною рукою въ нашей рукописи покойнымъ Владыкою Антоніемъ съ приказаніемъ внести ихъ въ подлинникѣ. Авт.

Перейдемъ къ повѣствованію о непосредственныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ высокопр. Филарета къ духовно-учебнымъ заведеніямъ.

Высокопреосвященный Владыка, въ заботѣ своей объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній, началъ дѣло не сверху, а снизу, съ корня и основанія его. Первое мѣсто въ этомъ основаніи занимаетъ устройство имъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища (1).

Никто не станетъ отрицать, что однимъ изъ крайне вопіющихъ недостатковъ и неудобствъ, всегда тяготѣвшихъ надъ судьбою нашихъ Православныхъ духовныхъ низшихъ училищъ, было и есть отсутствіе матеріальныхъ средствъ на устройство хорошихъ помѣщеній и на содержаніе учащихся нуждающихся, и самыхъ даже учащихъ. Судьба эта, по видимому, миновалась для этихъ училищъ вслѣдствіе, совершившихся въ послѣднее время, преобразовательныхъ улучшеній на осуществленіе которыхъ хотя и назначено отъ Государства 1500000 руб., «но пришлось и приходится доднесь вносить своего рода контрибуцію изъ всегда не богатыхъ средствъ церковныхъ—приходскихъ и выносить духовенству на плечахъ своихъ всѣ заботы и хлопоты чрезъ посредство съѣздовъ, общеепархіальныхъ и уѣздныхъ, и дѣлаемыхъ на этихъ съѣздахъ докучливыхъ учетовъ и ревизій.—Какъ глубоко принято къ сердцу и дорого оцѣнено было бы теперь любымъ изъ округовъ духовенства въ любой епархіи, если бы то́ самое, что̀ сдѣлано было въ свое время лично однимъ высокопр. Филаретомъ, совершилось и нынѣ; тогда какъ видно, что немного и почти вовсе не было тогда обращено на это дѣло вполнѣ должнаго вниманія, да и теперь едва ли болѣе, какъ на явленіе, принадлежащее къ эпохѣ давно минувшихъ дней, заклейменныхъ «*отсталостію*», а не къ сферѣ нынѣшнихъ общегласно проэктируемыхъ и обсуждаемыхъ вопросовъ и дѣяній» (2)... Въ

(1) Очень подробный очеркъ этого училища напечатанъ въ Кіев. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1868 г.—Мы будемъ заимствовать свѣдѣнія изъ этого очерка, восполняя своими данными.

(2) Эти строки—начиная со словъ «пришлось и приходится до днесь вносить своего рода контрибуцію»...,—приписаны были тоже высокопр. Антоніемъ.—Авт.

этомъ отношеніи и Авторъ исторіи Кіево-Софійскаго училища, какъ нельзя болѣе, достойно и праведно выразился, что «Исторія этого училища (1) представляетъ скромную, но за то примѣрно высокую христіанскую доблесть высокопр. Филарета». Этимъ онъ ясно и прямо далъ уразумѣть, что въ предпріятіи и исполненіи сего дѣла имѣлось въ виду не то́, чтобы вызвать лестный, хотя бы-то и вполнѣ достойный, голосъ одобренія и признательности, а чтобы совершить только истинно христіанское дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ назвать одно то́, что высокопр. Филаретъ не задумался ради вопіющихъ нуждъ своей паствы, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не обременяя, какимъ-либо сборомъ на этотъ предметъ, самого духовенства въ родѣ благотворительныхъ пожертвованій, а равно не истощая и средствъ общаго духовно-учебнаго капитала, рѣшился пожертвовать цѣлое обширное зданіе, составлявшее собственность митрополитскаго дома Это трехъ-этажное зданіе, съизначала занимаемое бывшею тутъ, братіею, а затѣмъ, за упраздненіемъ штата послѣдней съ 1786 г., по самое время поступленія высокопр. Филатета, т. е. по 1837 г., слѣдовательно, въ теченіи цѣлаго полустолѣтія, оставалось совершенно безъ всякаго употребленія. Но при всемъ этомъ приставники Софійскаго митрополитскаго дома не слишкомъ-то сочувствовали такому распоряженію высокопр. Филарета, и, потому въ послѣдствіи, позволяли себѣ не рѣдко такія выходки противъ училища, что начальство вынуждено бывало доносить объ нихъ въ репортахъ своихъ высокопр. Филарету, и сей послѣдній долженъ былъ подтверждать свои приказанія домовымъ приставникамъ съ явнымъ неудовольствіемъ (2).

«Къ сожалѣнію, говоритъ Авторъ, въ дѣлахъ архива нѣтъ ни представленія высокопреосвященнаго Филарета Высшему Начальству объ открытіи сего училища, ни разрѣшенія на его открытіе». И мы (пишущій) съ сожалѣніемъ же должны были отказаться отъ всякой попытки найти эти документы; за то мы, въ свое же время, получили несом-

(1) Кіевск. Епарх. Вѣдомости 1868 г. стр. 690.
(2) Тамъ же стр. 691 и 704.

нѣнныя свѣдѣнія отъ лица, заподлинно знающаго (1), что ходатайство высокопр. Филарета объ открытіи Софійскаго училища встрѣтило большія препятствія. Разрѣшеніе на него хотя и воспослѣдовало, но съ непріятными и весьма затруднительными для него ограниченіями. Перенести и преодолѣть все это могъ только высокопр. Филаретъ по духу его глубокаго христіанскаго смиренія

Въ изложенномъ Авторомъ описаніи Софійскаго училища читаемъ слѣдующее — «Когда еще не кончилось дѣло о самомъ сформированіи училища, не были еще представлены высокопреосв. Филарету всѣ надлежащія соображенія, учрежденнаго на этотъ предметъ, Комитета, онъ опасаясь, чтобы не пропустить время для открытія училища, именно съ начала учебнаго курсоваго года (1839 г.), предварительно уже послалъ отъ себя въ пользу будущихъ казеннокоштныхъ учениковъ *тысячу* руб. для заготовленія имъ провизіи. Затѣмъ, когда, по соображеніямъ Комитета, предназначено было изъ 397 казеннокоштныхъ учениковъ Кіево-Подольскаго училища отчислить для новооткрываемаго Софійскаго 110 человѣкъ (65 на полное и 45 на половинное казенное содержаніе), то, хотя всѣ эти ученики имѣли право на получаемое имп въ прежнемъ училищѣ содержаніе, но высокопр. Филаретъ тотчасъ же открылъ другія средства, такъ что изъ всѣхъ 110 учениковъ только 40,— (20 полнокоштныхъ и 20—полукоштныхъ), остались на содержаніи изъ штатной духовно — учебнаго капитала суммы. Остальное же большинство учениковъ (въ числѣ 70-ти) высокопр. Филаретъ назначилъ содержать, однихъ, — на сумму Кіево-Печерской Лавры, другихъ на попечительскую, (собственно изъ капитала, пожертвованнаго высокопр. Митрополитомъ Евгеніемъ), а прочихъ сначала 25-ть, а за тѣмъ вскорѣ (съ 1843 г.) 40 полнокоштныхъ учениковъ принялъ на свой собственный счетъ. Такимъ образомъ, собственно самимъ высокопр. Филаретомъ обезпечена была изъ бѣдныхъ воспитан-

(1) Разумѣемъ покойнаго Владыку Антонія (Архіеп. Казанскаго), который былъ живымъ участникомъ въ разсматриваемомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ былъ начальникомъ и устроителемъ этого училища — Софійскаго.

никовъ, по отношенію ко всему числу ихъ, почти половина, а по отношенію къ содержавшимся на штатной суммѣ, болѣе цѣлою третью. Далѣе, такъ какъ содержаніе, по мѣстнымъ цѣнамъ, постепенно время отъ времени становилось дороже, то высокопр. Филаретъ и въ этомъ отношеніи не оставлялъ Училища всемѣрною заботливостію о соотвѣтственномъ увеличеніи средствъ къ содержанію. Подавая самъ первый отъ себя примѣръ въ увеличеніи, жертвуемой имъ на содержаніе своихъ стипендіатовъ, суммы, именно начавъ съ 2000 р. асс. (571 р. 42 коп. сер.) и возведя до 916 руб. сер., слѣдовательно, чуть не удвоивъ сумму, онъ въ то же время предложилъ и Лаврѣ увеличивать взносъ денегъ, и наконецъ, ходатайствовалъ о томъ же и по отношенію къ штатной суммѣ. Сверхъ сего иные, изъ достойнаго подражанія его примѣру, другіе въ видахъ начальственнаго его на нихъ вліянія, дѣлали посильныя пожертвованія и взносы денежные, или единовременные, или постоянные изъ года въ годъ, или же въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (1).

Но высокопр. Филаретъ не ограничивался одними лишь, представленными сейчасъ, взносами, какъ опредѣленными стипендіями. Какъ главный фундаторъ и попечитель, или вѣрнѣе, какъ бы домохозяинъ и отецъ въ Софійскомъ Училищѣ, онъ коль скоро самъ усматривалъ нужды, или докладывали ему о какихъ либо недостаткахъ, расходы на покрытіе ихъ почти всѣ принималъ на себя. «Невольно благоговѣешь,—пишетъ, между прочимъ, Авторъ статьи,—къ памяти почившаго Архимастыря, просматривая рядъ постоянныхъ его благодѣяній къ Софійскому училищу, часто, правда, какъ будто малозначительныхъ, но за то выражающихъ истинно отеческія чувства и отношенія его къ ученикамъ—сиротамъ. Какъ отецъ съ родными дѣтьми, онъ дѣлился съ ними какъ будто *однимъ кускомъ хлѣба*» (2). Мы имѣемъ слѣдующія объ этомъ свѣдѣнія.

«Заботясь о нуждахъ сиротъ-учениковъ, высокопреосв. Филаретъ велѣлъ еще въ 1841 г. начальникамъ Софійскаго

(1) Смотр. подробную перечень жертвователей тамъ же стран. 701, 702, 703.

(2) Тамъ же стр. 703 и 704.

Училища репортовать ему о всѣхъ ихъ нуждахъ еженедѣльно При такихъ репортахъ онъ, бывало, почти каждый разъ спроситъ: «сыты ли дѣти, обуты ли, одѣты ли, бываетъ ли для нихъ баня и пр.? При одномъ же словѣ Начальника о недостаткѣ того или другаго, онъ сей часъ же дѣлалъ распоряженіе выдать изъ его экономіи необходимое. — «Выдать столько-то возовъ картофеля изъ моей экономіи,» — или же. «выдать дѣтямъ изъ моей экономіи столько-то тысячъ головъ капусты,» — или: «о. экономъ имѣетъ выдать на учениковъ казеннокошныхъ столько-то пудовъ сыру на сырную недѣлю,» и пр. — Такія и подобныя резолюціи Владыки встрѣчаются часто на репортахъ Начальниковъ училища. Не было въ Училищѣ лошади, Владыка приказалъ давать лошадей для Училищныхъ Начальниковъ изъ своей экономіи, или же совсѣмъ дарилъ лошадь для Училища. Когда же экономъ митрополичьяго дома отказывалъ въ чемъ нибудь Училищному начальству, Владыка подтверждалъ свое приказаніе съ явнымъ недовольствіемъ. «Экономy нашего дома еще поручаю безъ задержанія давать лошадей, по требованію о. Смотрителя Училища, ибо въ немъ обучаются *мои дѣти*». Еще: «Отпустивъ столько-то и такой-то провизіи, доставить на *домовыхъ же* волахъ, а что̀ еще купятъ для Училища въ Теремкахъ (загородный фольварокъ), такъ же привезть *на нашихъ волахъ*». И еще: когда тотъ же экономъ отказывался починять колодезь, находящійся въ Кіево-Софійскомъ дворѣ, на томъ основаніи, что имъ пользуется главнымъ образомъ Училище, высокопр. Филаретъ предписалъ экономy: «Содержать колодезь на счетъ митрополичьяго дома» (1). «Не

(1) Все это имѣетъ здѣсь то особенное значеніе, какъ мы замѣтили выше, что въ дѣйствіяхъ экономa выражалось не иное что, какъ интриги и непріязнь, на каковые дѣйствія и поступки у подобныхъ лицъ, едва ли не въ большинствѣ, имѣется какая-то особенная способность и призваніе, происходящія изъ ихъ, большею частію, грубаго невѣжества и надменности, или изъ мнимой и вообще не умѣстной ревности о сохраненіи интересовъ своего приставничества. Каково же видѣть и, такъ или иначе, выносить эту черную сторону подобныхъ дѣйствій, одно проявленіе которыхъ, при глазахъ самихъ же главныхъ

доставало ли у бѣдныхъ полукоштныхъ учениковъ обуви, или одежды, высокопр. Филаретъ со всею озабоченностію старался восполнить и эти недостатки, хотя таковые ученики, по самому положенію, имѣли право на пользованіе только столомъ и помѣщеніемъ. Онъ то приказывалъ надѣлять ихъ поношенною одеждою другихъ своихъ стипендіатовъ, то прямо давалъ свои деньги собственно на эти нужды, не въ счетъ прочихъ своихъ суммъ. Такъ напр. въ 1841 г. Владыка пожертвовалъ 100 р. на обувь и 500 р. изъ своей лаврской кружки на устройство теплой одежды для этихъ учениковъ.—Когда ученики, имѣвшіе и родителей, почему либо оказывавшихся несостоятельными, или неисправными въ доставленіи средствъ къ содержанію, то и здѣсь онъ замѣнялъ мѣсто отца.—Далѣе, когда не оказывалось вакансій для принятія на казенное содержаніе, а между тѣмъ были просившіеся изъ сиротъ, то Владыка и ихъ принималъ на свой же счетъ. Не рѣдко дѣти и не духовныхъ родителей, а чиновниковъ бѣдныхъ, и штатныхъ служителей, и даже новокрещенные евреи-мальчики воспитывались въ училищѣ на счетъ же (особый) высокопр. Филарета. Словомъ всѣ, открывшіяся такъ или иначе, нужды по Училищу были извѣстны ему и всѣ онъ съ готовностію и любовію удовлетворялъ не отложно. Не доставало наприм. при училищной больницѣ фельдшера, а училище, по своимъ средствамъ, затруднялось наймомъ его; Владыка на свой счетъ нанималъ фельдшера, а по временамъ даже и двухъ. Дѣлались ли значительныя иногда, по необходимости, передержки по училищной экономіи,—Владыка и ихъ большею частію принималъ на себя и восполнялъ изъ своихъ денегъ. Оказывалась ли временно особенная дороговизна на продукты, онъ и тутъ являлся первый на помощь. Такъ напр.

начальниковъ-архипастырей, даже и со стороны смотрящихъ приводятъ въ скорбное смущеніе, а для другихъ можетъ представляться чѣмъ-то, отзывающимся не въ пользу и самихъ послѣднихъ... Но, конечно, въ отношеніи собственно къ высокопр. Филарету всякому благомыслящему понятно, что здѣсь съ его стороны была видна лишь новая высокая черта христіанскаго благодушія, не останавливавшагося ни предъ какими препятствіями въ исполненіи благихъ желаній.

въ 1856 г. пожертвовалъ въ одинъ разъ 1,000 р. сер. по случаю особенной дороговизны.

Наконецъ,—пишетъ Авторъ,—«Святитель не оставлялъ заботиться о Софійскомъ Училищѣ и на смертномъ одрѣ; участь сиротъ и бѣдныхъ учениковъ занимала его и въ предсмертные часы». Дѣйствительно, во 1-хъ, во второмъ пунктѣ завѣщанія высокопр. Филарета сказано, что изъ всѣхъ денегъ, какія останутся по кончинѣ его, за исключеніемъ назначенныхъ на погребеніе и на нищихъ, половина должна быть отдана въ кредитное учрежденіе на вѣчное время на содержаніе бѣдныхъ учениковъ Софійскаго училища, и этихъ денегъ досталось на долю училища *1585 р. 25 к.* Во 2-хъ, за недѣлю только до своей кончины, высокопр. Филаретъ далъ въ Правленіе Кіевской духовной Семинаріи такое предложеніе (1): «Препровождая при семъ въ Правленіе Семинаріи *три тысячи* руб. сер., предлагаю учинить слѣдующее: 1) Деньги сіи теперь же внесть въ Кіевскую Контору коммерческаго банка въ пользу бѣдныхъ учениковъ Кіево-Софійскаго училища; 2) Если по кончинѣ моей преемникъ мой по каѳедрѣ митрополита изъявитъ согласіе отпускать въ Кіево-Софійское училище собственную сумму на содержаніе такого же количества учениковъ, какое содержалось на моемъ иждивеніи; то капиталъ сей внесть въ кредитное учрежденіе для всегдашняго обращенія, и ежегодные проценты съ него употреблять постоянно на содержаніе въ томъ же Кіево-Софійскомъ училищѣ четырехъ благонадежнѣйшихъ бѣдныхъ учениковъ; 3) Если же преемникъ мой не согласится жертвовать своею суммою, то капиталъ сей, по кончинѣ моей, употребить, въ продолженіи трехъ лѣтъ, на содержаніе учениковъ Кіево-Софійскаго училища, состоящихъ на моей суммѣ, по тысячѣ рублей въ годъ, доколѣ тѣ ученики выйдутъ изъ училища, или размѣщены будутъ на другія суммы». «Преемникъ въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета, высокопреосвящен. Исидоръ, изъ уваженія къ его памяти, сдѣлалъ по учеб-

(1) Предложеніе это писанное вчернѣ рукою тогдашняго ректора Академіи Архим. Антонія (покойнаго Архіеп. Казанскаго) имѣется въ нашихъ біографическихъ матеріалахъ. Авт.

ному начальству такое распоряженіе, чтобы на содержаніе по крайней мѣрѣ 20-ти Филаретовскихъ воспитанниковъ по 1-е Іюля 1859 г. (слѣдовательно на полтора года) было отпущено изъ вѣнчиковой, или сиротской суммы по 11 р. 42½ коп. въ годъ на каждаго, какъ на полукоштныхъ. Въ то же время Викарій Кіевской митрополіи Преосвященный Антоній, племянникъ почившаго Владыки, такъ же заботился о судьбѣ этихъ, оставшихся безъ всякихъ средствъ, сиротъ и разновременно присылалъ въ память дяди своего отъ себя жертвы на ихъ содержаніе» (1). Такимъ-то образомъ и составился особый Филаретовскій капиталъ въ 2357 руб. сер., т. е. онъ образовался какъ изъ остатка отъ вышесказанныхъ 3,000 руб., которые не могли быть израсходованы всѣ при сказанномъ пособіи со стороны высокопреосв. Исидора и преосв. Викарія Антонія, такъ и изъ тѣхъ 1585 руб. 25 коп., кои поступили согласно завѣщанію высокопр. Филарета.—Весь, сей-часъ сказанный, капиталъ, подъ именемъ Филаретовскаго, переданъ въ Кіево-Софійское Училище съ тѣмъ, чтобы на годичные проценты его содержалось здѣсь нѣсколько бѣднѣйшихъ сиротъ. Конечно, проценты эти, говоритъ авторъ, не значительны,—изъ нихъ подмога училищу небольшая; но за то, при такомъ распоряженіи, дѣло благотворительности незабвеннаго Архипастыря будетъ продолжаться изъ рода въ родъ» (2).

Дѣйствительно послѣдняя сумма не велика; но, сказать безпристрастно, справедливо ли и требовать большаго? Вопросъ этотъ ставимъ потому, что не намъ, конечно, однимъ приходилось подъ часъ слышать разглагольствія, подобныя напр. тому, что будто бы святители наши Митрополиты и съ тѣмъ вмѣстѣ священно-архимандриты знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ Лавръ,—получаютъ чуть ли не цѣлыя горы денегъ.... и что-де подобныя пожертвованія съ ихъ стороны, сравнительно съ получаемыми суммами, почти ничтожны... Не принимая на себя обязанности быть конт-

(1) Смотри тамъ же № 20, стр. 758, 759.

(2) Тамъ же стр. 759.

ролерами и представлять, такъ называемые, балансы особливо ради удовлетворенія сказанныхъ досужныхъ и явно неосновательныхъ толковъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, зная изъ вѣрныхъ свѣдѣній, сколько приблизительно получалъ высокопр. Филаретъ, мы должны сказать только одно: какъ еще доставало у него денегъ на всѣ расходы, которые, можно безъ исключенія сказать, едва ли и были у него иные, какъ лишь на благотворенія разнаго рода, а съ другой стороны показать, какъ онъ смотрѣлъ на появлявшіяся у него иногда деньги. Въ запискахъ о. Намѣстника читаемъ напр. слѣдующую замѣтку подъ заглавіемъ: «*Особенное горе Владыки*». Въ чемъ же состояло это горе!? «Собралось какъ-то у св. Старца, пишетъ о. Намѣстникъ, довольно денегъ, тысячъ до десяти. —И вотъ, Святитель Божій говоритъ «куда мнѣ дѣвать ихъ; такая пропасть!! И тотчасъ же сказалъ: отчислить изъ этой суммы по тысячи рублей въ пользу морскихъ и сухопутныхъ раненыхъ военныхъ чиновъ и отправить съ пожертвованіемъ братіи» (1). (Это было, какъ значится по времени записи, въ Крымскую войну). И наоборотъ,—читаемъ въ тѣхъ же запискахъ,—высокопр. Филаретъ чувствовалъ себя особенно хорошо, когда денегъ оставалось мало. Такъ напр. когда принесена была ему, по обычаю, извѣстная сумма денегъ, размѣненная на серебро, (эти деньги собственно назначались для раздачи нищимъ) и когда Владыка сказалъ: «ну, вотъ, эти-то деньги разойдутся, дастъ Богъ, до праздника», то, принесшій деньги, о Казначей счелъ нужнымъ предупредить его: «Да, Вашихъ-то, Владыка, не много уже остается денегъ». «И хорошо, отвѣтилъ Владыка: я такъ и желаю, чтобы ничего не оставалось послѣ моей смерти; такъ и тебѣ совѣтую распорядиться всѣмъ до смерти. Ничего не собирай, а раздавай все заблаговременно» (2).

И такъ, смотря на дѣло съ этой стороны, если бы и признать, что пожертвованія высокопреосв. Филарета въ

---

(1) Записки о. Намѣстника. Тетрад. I. стр 7.

(2) Тамъ же. Тетрадь V, стр. 16.

пользу Софійскаго Училища не слишкомъ значительны по количеству, за то значеніе ихъ особенно высоко по духу и качеству, какъ выраженіе и подвигъ истиннаго христіанскаго милосердія и иноческой нестяжательности. Впрочемъ и въ отношеніи количества если исчислить въ цифрахъ всѣ вышесказанныя пожертвованія въ пользу Софійскаго училища, то выйдетъ сумма приблизительно свыше *20 тысячъ* серебр.—сумма, само собою, не-незначительная. Съ другой стороны кто не знаетъ истины, что дорога милость и помощь во время нужды; потому самая *благовременность* всѣхъ, дѣлаемыхъ высокопр. Филаретомъ, пожертвованій составляетъ особую цѣну. Въ самомъ дѣлѣ если предположить, что высокопр. Филаретъ вмѣсто того, чтобы открыть немедленно Кіево-Софійское училище и постоянно, въ теченіе 18 лѣтъ, приносить въ пользу его такія пожертвованія, поступилъ такъ, что сталъ бы копить и составилъ бы, дѣйствительно, весьма значительный капиталъ, положимъ, на этотъ же самый предметъ...—что́ вышло бы?. Вышло ли бы то́, что́ засвидѣтельствовано напр. въ слѣдующихъ словахъ надгробной рѣчи, сказанной ректоромъ Кіево-Софійскаго Училища отъ лица всѣхъ облагодѣтельственныхъ учениковъ—сиротъ,—«тѣхъ безпріютныхъ безпомощныхъ сиротъ, которые, въ теченіи 18 лѣтъ, находили себѣ кровъ и пристанище въ дому первоначальнаго ученія православнаго, и получили возможность не только прокормиться и одѣться, а и просвѣтить себя первоначальнымъ свѣтомъ ученія Христова, чтобы такимъ образомъ приготовиться къ дальнѣйшему образованію и, потомъ, къ достойному вступленію на благочестивое служеніе Церкви и Отечеству. Если на каждаго изъ облагодѣтельствованныхъ такимъ образомъ сиротъ положить по шести лѣтъ училищнаго ученія, (а многіе изъ сиротъ оканчивали это ученіе и въ болѣе короткій срокъ),—то по меньшей мѣрѣ вышло 120 человѣкъ, (здѣсь разумѣются собственно содержавшіеся на счетъ высокопр. Филарета), приготовленныхъ къ дальнѣйшему образованію, которые иначе и вовсе не могли бы, по всей вѣроятности, даже и начать свое образованіе, оставаясь навсегда подъ гнетомъ убо-

жества и во странѣ невѣжества». (1) Равно вышло ли бы то́, что́ выводитъ Авторъ въ концѣ своего повѣствованія объ образовательной сторонѣ въ Кіево-Софійскомъ училищѣ, гдѣ онъ говоритъ: «Кіево-Софійское Училище, образовавшее въ разсматриваемый нами періодъ его существованія (т. е. при жизни высокопр. Филарета) сотни, болѣе или менѣе достойныхъ, причетниковъ, приготовило и для Семинаріи до полутысячи воспитанниковъ, по общему сознанію ихъ сотоварищей, лучшихъ латинистовъ и болѣе другихъ развитыхъ юношей, которые, впослѣдствіи въ большинствѣ, вышли достойными служителями Церкви, а нѣкоторые изъ получившихъ высшее образованіе въ Академіи стали вліятельными дѣятелями на разныхъ поприщахъ» (2).

При этомъ указаніи намъ живо припоминается слѣдующій, отчасти оригинальный въ своемъ родѣ, фактъ, бывшій въ 1858 г. (3). 1-го Мая въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ совершается особое торжество въ честь святителя Макарія, бывшаго митрополита Кіевскаго, св. нетлѣнныя мощи котораго почиваютъ въ этомъ соборѣ, и въ этотъ день обносятся вокругъ собора. Народу бываетъ обыкновенно огромное стеченіе и въ томъ числѣ всѣ ученики Софійскаго Училища обязательно бываютъ при этомъ Богослуженіи подъ надзоромъ начальства. — Въ описываемый разъ (въ 1858 г.) при самомъ обнесеніи св. мощей, при особенномъ неизбѣжномъ движеніи народа, случилось, что, бывшіе тутъ, нѣкоторые студенты Университета начали безцеремонно, чтобы пройти свободнѣе, толкать мальчиковъ училищныхъ; но бывшій тутъ Инспекторъ Училища вдругъ обратился къ студентамъ, произнося самымъ серьезнымъ тономъ тѣкія слова: «Господа, будьте осторожны и внимательны къ тѣмъ, кого

---

(1) Рѣчь, сказанная ректоромъ училища священникомъ Магистромъ Н. Оглоблинымъ при опущеніи въ могилу тѣла высокопр. Филарета, и подстрочное примѣчаніе къ ней.

(2) Смотр. Кіев. епарх. вѣдомости 1868 г. № 20, стр. 757.

(3) Этотъ фактъ былъ на моихъ собственныхъ глазахъ въ бытность мою студентомъ Академіи.

вы толкаете!! Знайте, что это—ваши будущие Новицкие и Гогоцкие!» (1).

Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, Софійское Училище, какъ дѣлаетъ выводъ изъ всей своей статьи Авторъ,—являлось таковымъ, что остается лишь желать, чтобы наши вообще духовныя училища нисшія и въ будущемъ заслуживали для себя такіе достойные отзывы въ средѣ самого общества, какіе получало Кіево-Софійское относительно превосходства въ достоинствѣ воспитанія, которое, сравнительно съ свѣтскими заведеніями, стоило гораздо дешевле, но стояло много выше по духу и характеру религіозно-народному и по самому школьно-дисциплинарному обученію,—и потому, по всему праву, оно считалось образцовымъ училищемъ между всѣми мѣстными епархіальными училищами и свѣтскими» (2).

Обращаемся къ сейчасъ сказанной сторонѣ учебно-воспитательной.

На взглядъ и судъ современныхъ заправителей—цѣнителей и вообще спеціалистовъ учебно-воспитательнаго дѣла приведенное свидѣтельство Автора можетъ, конечно, казаться преданіемъ старины, которому вѣрится съ трудомъ... Самое же названіе училища образцовымъ можетъ быть допущено развѣ лишь относительно къ той порѣ, когда собственно педагогическія понятія были еще только въ зародышѣ, и когда при общегосподствующей сферѣ, такъ называемой, рутины и ригоризма въ тогдашней учебно-воспитательной системѣ, и въ особенности въ духовныхъ заведеніяхъ, всякая, такъ или иначе являвшаяся, отличительная сторона могла быть принимаема за образцовую. И чтожъ,—конечно всему свое время, и всякое дѣло дорого въ свою пору, въ свою мѣру, лишь бы оно было истинно — полезное. За то позволительно напередъ сказать, что въ дѣйствіяхъ и рас-

---

(1) Смыслъ этого выраженія заключается въ томъ Новицкій и Гогоцкій были знаменитые Профессоры Кіевск. Университета, перешедшіе въ послѣдній изъ Академіи; но они оба были изъ духовнаго званія и были, слѣдовательно, въ свое время такими же училищными учениками, какъ и Софійско-училищные.

(2) Кіев. епарх. Вѣдомости, стр. 757 и 766.

поряженіяхъ самого высокопр. Филарета по части учебно-воспитательной, и, что всего главнѣе, въ его личномъ отеческомъ участіи и духовно-нравственномъ пастырскомъ вліяніи и на учащихъ, и на учащихся заключалась цѣлая сторона во всемъ строѣ учебно-воспитательнаго дѣла, которую нельзя точнѣе опредѣлить и выразить, какъ развѣ словами св. Апостола къ Коринѳскимъ его ученикамъ. *аще и многи пѣстуны* (παιδαγωγοὺς), *имате о Христѣ, но не многи отцы,—азъ вы родихъ*... (1. Кор. V, 15).

По свидѣтельству Автора, въ чемъ и мы лично могли увѣриться,—начальствовавшіе въ Кіево-Софійскомъ Училищѣ нерѣдко даже и въ оффиціальныхъ бумагахъ называли это училище училищемъ Его Высокопреосвященства, а самъ почившій Архипастырь иначе не называлъ его, какъ *моимъ*, и учащихся въ немъ своими *дѣтками*, или вообще своими *родными*. И если принять только во вниманіе все, сдѣланное высокопр. Филаретомъ для Софійскаго Училища по части матеріальныхъ средствъ къ его устройству и содержанію, то, дѣйствительно, по всему праву принадлежитъ ему наименованіе — Филаретовскаго. Замѣчательно однако, что ни самъ высокопр. Филаретъ, ни начальство ни при жизни его, ни въ послѣдствіи не придали даже ни одному изъ учениковъ прибавочной фамиліи—«Филаретовъ», какъ это нерѣдко дѣлалось и прежде и дѣлается нынѣ, чтобы ознаменовать и увѣковѣчить имя жертвователя. Не видно также и того, чтобы и Высшее начальство выражало высокопр. Филарету какую либо признательность за такое участіе къ училищу и вообще за попечительность о воспитаніи духовнаго юношества, какъ это часто видимъ нынѣ въ публикуемыхъ напр. опредѣленіяхъ св. Синода и пр. А потому и вовсемъ управленіи Кіево-Софійскаго Училища видимъ что-то семейно-родственное, равно и въ отношеніяхъ лицъ начальствующихъ къ высокопр. Филарету, и его самого къ нимъ и ко всѣмъ учащимся. Самый выборъ начальствующихъ происходилъ всегда исключительно отъ личнаго усмотрѣнія высокопр. Филарета и этотъ выборъ всегда вѣрно падалъ на лицъ достойныхъ: такъ самый первый начальникъ—ректоръ этого училища былъ никто иной, какъ, состоявшій въ то же время при Академіи Баккалавромъ, Іеромонахъ Антоній,—

бывшій родной племянникъ высокопр. Филарета (впослѣдствіи Ректоръ Академіи и наконецъ Архіепископъ Казанскій). При этихъ отношеніяхъ начальствующіе отнюдь не были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, коль скоро находили нужнымъ и могли сдѣлать что нибудь полезное, — на что дѣлалъ имъ постоянно свои указанія самъ высокопр. Филаретъ, или предлагалъ имъ представлять ему свои добрыя предложенія. Выпишемъ для образца нѣсколько строкъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности, подобнаго рода, напр бывшаго ректора училища Протоіерея Дубницкаго, который, какъ сказано у Автора, въ своихъ еженедѣльныхъ репортахъ часто выступалъ съ проэктами очень разумными и практичными и выполнялъ ихъ самымъ дѣломъ. «При немъ въ зимнее время утрени, или всенощныя для дѣтей отправлялись въ училищной залѣ; при немъ же назначенъ былъ для училища особый постоянный духовникъ, (1) при немъ заведены общія занятныя комнаты, отъ чего въ жилыхъ комнатахъ очищался воздухъ. При немъ отдѣлена была особая комната для училищной библіотеки. При больницѣ завелись лекарскіе ученики изъ своихъ же воспитанниковъ — одинъ изъ высшаго, другой изъ нисшаго отдѣленія. Здѣсь же, при больницѣ, содержалась особая старушка, которой обязанностію было присматривать за больными и мыть каждую субботу головы казеннокоштнымъ ученикамъ. Имъ же составленъ былъ отличный проэктъ и относительно училищныхъ служителей, а именно, чтобы выдавать имъ книги церковныя, дабы они въ свободное время учились по нимъ и приготовлялись къ причетническимъ должностямъ, такъ какъ они были большею частію изъ духовнаго званія (2). Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ кто не видитъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ во дни оны, заклейменные характеромъ отсталости и неподвижности, могло совершаться и совершалось столько истинно-прекраснаго въ училищномъ строѣ, начиная съ религіозно-

(1) Между тѣмъ,—замѣтимъ къ слову, въ нынѣшнія, хвалебныя по части духовно-воспитательной, времена только что недавно пришли къ мысли о назначеніи *духовниковъ* при духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

(2) Тамъ же стр. 731, 732.

духовнаго и оканчивая гигіеническимъ образомъ воспитанія,— и все это просто безъ педагогическихъ Совѣтовъ, безъ тревожныхъ для духовенства съѣздовъ и т. п.

Такимъ-то образомъ Кіево-Софійское училище въ разсматриваемой періодъ, (т. е при жизни еще высокопр. Филарета), не говоря о сотняхъ, болѣе или менѣе, достойныхъ причетниковъ, приготовило для Семинаріи до полутысячи воспитанниковъ, по общему сознанію самихъ сотоварищей, лучшихъ латинистовъ и болѣе другихъ развитыхъ юношей. И это достигалось, между прочимъ, тѣмъ, что,—тогда какъ рѣдкіе изъ тогдашнихъ вообще наставниковъ думали какъ о своемъ педагогическомъ усовершенствованіи, такъ и о посильномъ развитіи учениковъ,—въ Кіево-Софійскомъ Училищѣ видимъ, что при высокой образованности его начальниковъ и при той преданности къ наставническому дѣлу, которую возбуждалъ и поощрялъ самъ Устроитель его,— большинство изъ учителей училища доказали свое истинное призваніе и усердіе сколько своею долговременною службою, столько и постановкою учебнаго дѣла вполнѣ разумною и возможно улучшенною. Къ особенной чести Училища нужно сказать и то́, что въ немъ, въ числѣ учебныхъ книгъ, самое первое мѣсто занимало св Евангеліе на Славянскомъ языкѣ. Кромѣ обыкновенныхъ классныхъ чтеній изъ Евангелія по нему ученики высшихъ классовъ выучивали наизустъ, съ посильнымъ пониманіемъ, многія главы, избираемыя по усмотрѣнію преподавателей. Изученіе церковнаго устава ведено было не иначе, какъ практически; для этого еще въ 1841 г., по распоряженію высокопр. Филарета, былъ доставленъ въ Училище изъ Лавры полный кругъ всѣхъ церковно–богослужебныхъ книгъ и другихъ, сюда относящихся. Въ свободное же отъ занятій время нѣкоторые изъ учениковъ обучались иконописанію, и не безъ–успѣха. Начальство и нѣкоторые благотворители училища прилагали заботы объ устройствѣ училищной библіотеки. Для полной оцѣнки сей часъ сказаннаго нужно, само собою, имѣть въ виду и то̀, каково было положеніе служащихъ при училищѣ. Высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, избиралъ сюда, кромѣ достойныхъ начальниковъ и лучшихъ наставниковъ изъ студентовъ Семинаріи, и иногда и изъ Академіи; и нужно от-

дать всю справедливость и честь этимъ труженникамъ духовнаго образованія. Кромѣ личнаго истинно-отеческаго расположенія своего къ наставникамъ высокопр. Филаретъ не оставлялъ учителей и матеріальными пособіями, то предоставляя имъ помѣщеніе, по возможности, въ училищномъ домѣ, то приказывая отпускать дровъ на отопленіе; съ теченіемъ же времени (съ 1850 года) положено было выдавать каждому изъ учителей въ единовременное пособіе на первоначальное обзаведеніе отъ 20 до 40 руб. сер. А наконецъ учители, состоявшіе въ духовномъ званіи, всегда могли разчитывать на полученіе лучшихъ приходовъ въ Епархіи по вниманію къ заслугамъ ихъ по училищу.

Наконецъ, касательно собственно педагогической-воспитательной части, которая едва-ли не по преимуществу заклеймена, господствовавшею будто-бы во всѣхъ нашихъ духовныхъ училищахъ, забитостію и грубостію и т. п., Авторъ говоритъ, что «начальники Софійскаго Училища, большею частію люди высшаго образованія, руководимые отеческими чувствами высокаго Покровителя училища, не могли не гарантировать собою, лучшихъ сравнительно, отношеній между учащими и учащимися того времени». И далѣе, не отрицая возможность и дѣйствительность общихъ недостатковъ и пороковъ и въ средѣ Софійскаго Училища, Авторъ говоритъ:— «при всемъ томъ, въ этомъ училищѣ зарождались и развивались въ дѣтяхъ и добрыя качества: скромность, покорность, склонность къ усидчивому труду и набожность.»— «Что эти качества, говоритъ Авторъ, были не въ единичныхъ только личностяхъ дѣтскихъ, каковыя всегда бываютъ, само собою, по врожденнымъ свойствамъ, и что вообще воспитательная и вмѣстѣ учебная часть въ Софійскомъ Училищѣ были дѣйствительно на высокой, сравнительно, степени, и что, наконецъ, достоинство сего опредѣлялось не взглядомъ и свидѣтельствомъ только своихъ приставниковъ и вообще живущихъ въ училищѣ,—доказательство въ томъ, что Софійское Училище, съ первыхъ же поръ своего существованія, привлекало въ свои стѣны дѣтей и другихъ сословій. Для примѣра Авторъ приводитъ слѣдующія на это данныя: «Въ 1842 г. (22 Сентября), Кіевскій мѣщанинъ Маевскій просилъ принять его сына въ Софійское Училище,

именно потому, что въ духовныхъ училищахъ особливо наблюдается нравственность учениковъ. Въ 1843 г. (6 Сентября) нѣкто Данилевскій просилъ принять такъ-же его сына въ Софійское училище, такъ какъ видѣлъ превосходство духовнаго образованія передъ свѣтскимъ. Дворянка Базилевская, въ своемъ прошеніи о помѣщеніи сына ея въ Софійское Училище, въ 1845 г. (28 Августа), между прочимъ, такъ писала: «Будучи твердо увѣрена, что добрая христіанская нравственность и религіозныя чувствованія, поселенныя въ душѣ отроческой, составляютъ прочное основаніе временнаго и вѣчнаго счастія; будучи такъ-же увѣрена, что таковая нравственность и таковыя чувствованія надежнѣе всего могутъ быть вселены въ отрока при воспитаніи въ духовныхъ училищахъ, посему имѣя непреодолимое желаніе воспитать и своего сына въ духовномъ заведеніи, всепокорнѣйше прошу принять его въ Кіево-Софійское Училище». Въ 1846 г. купецъ Михайловскій просилъ принять его сына въ Софійское училище «изъ-за желанія воспитать его въ духѣ христіанскаго благочестія». «Подобныхъ просьбъ было тогда не мало» ([1]),—такъ что между дѣтьми духовнаго званія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Авторъ, въ Кіево-Софійскомъ Училищѣ находились всегда и дѣти свѣтскаго званія, называвшіяся обыкновенно разночинцами,—дѣти военныхъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и, даже крещеные мальчики изъ Евреевъ.

Но что̀ сказать о личномъ непосредственномъ участіи самого высокопр. Филарета въ положеніи Софійскаго Училища?—На это отвѣчаетъ Авторъ: «отеческія чувства и отношенія Владыки Филарета къ ученикамъ выражались въ самомъ непосредственномъ, живомъ общеніи и обращеніи съ ними, какъ отца съ дѣтьми. Онъ, какъ родной отецъ, готовъ былъ дѣлиться съ ними, какъ говорится, однимъ кускомъ. Нужно было видѣть святаго Старца въ кругу своихъ дѣтей-учениковъ напр. на такъ называемыхъ публичныхъ экзаменахъ, какъ онъ былъ съ ними простъ и ласковъ,»..

([1]) Тамъ же № 20, стр. 754, 755.

([2]) Тамъ же № 19 стр. 736.

Особенно же нужно было видѣть, когда Владыка, проживая по временамъ въ своемъ Софійскомъ митрополитанскомъ домѣ, являлся въ свое училище, иногда бывало не взначай, домашнимъ образомъ въ скуфейкѣ и съ простою клюшкой въ рукахъ. Тутъ онъ отводилъ свою душу въ общеніи съ дѣтьми; старческое лице просвѣтлялось тогда какою-то особенною радостію... Какъ отецъ въ своей семьѣ онъ тутъ позволялъ себѣ и невинныя шутки; кого-нибудь изъ дѣтей поласкаетъ, кого надѣлитъ однимъ, и кого другимъ гостинцемъ, а кого и *пожуритъ по-отечески*.. По общему отзыву воспитывавшихся въ Софійскомъ Училищѣ, дѣти всегда подходили къ нему далеко не съ такою запуганностію, съ какою встрѣчали иногда кого – либо изъ своихъ наставниковъ» (1). Однихъ этихъ словъ, кажется, болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы получить не только полный отвѣтъ на вопросъ о личномъ участіи высокопр. Филарета въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ въ расматриваемомъ училищѣ, но и самую точную характеристику этого участія, свидѣтельствующаго или, вѣрнѣе сказать, какъ-бы переливающаго въ душу все, что́ въ немъ содержалось и выражалось и какъ живо—дѣйственно отражалось во всемъ состояніи дѣтей, и переходило въ ихъ личную характеристику въ послѣдующей жизни, что́ мы лично слышали отъ нѣкоторыхъ, обучавшихся въ описываемую пору въ Софійскомъ Училищѣ (2).

Чтобы признать и восчувствовать силу и дѣйствіе такого вліянія, достаточно представить при семъ самое лице и званіе педагога-отца *не иначе, какъ Святителя*, умудреннаго высокою опытностію духовнаго святоподвижничества, а не водившагося наукообразными лишь и педагогическими свѣдѣніями и методами. Потому излишне и оговариваться,

---

(1) Тамъ же № 18, стр. 709.

(2) Эти лица, состоящія теперь на высокихъ степеняхъ служебнаго званія, при недавнихъ моихъ съ ними свиданіяхъ 1887 г., выражали искреннѣйшее желаніе и обѣщаніе доставить интересныя свѣдѣнія въ разсматриваемомъ отношеніи изъ личныхъ, бывшихъ съ ними, фактовъ,—но, къ сожалѣнію, замедлили исполненіемъ... Авт.

что сказанное обращеніе высокопр. Филарета съ дѣтьми-учениками имѣло характеръ не одной исключительной *ласки*, такъ нерѣдко граничащей *съ поблажкою*, и тѣмъ менѣе называемой нынѣшней *фомиліярности*, такъ незамѣтно и легко парализующей вліяніе старшихъ на младшихъ: вышесказанныя слова: «*кого изъ дѣтей поласкаетъ, а кого и пожуритъ отечески*,» достаточно объясняютъ нашу оговорку.

Это же самое должно сказать, говоритъ Авторъ, и объ отношеніяхъ высокопр. Филарета къ начальствующимъ и учащимъ въ училищѣ. При всей не стѣснительности дѣйствій и распоряженій начальствующихъ по управленію училищемъ, на основаніи какъ бы домашне-родственныхъ отношеній ихъ къ самому Покровителю училища, имъ не открывалось однако возможности къ какой нибудь вольности и безконтрольности и особливо въ отношеніи къ состоянію учениковъ. Такъ не справедливо было бы скрывать, что не рѣдко и у многихъ изъ начальниковъ духовныхъ заведеній бывала манера и система, во имя какой то ревности о благоустройствѣ заведеній и въ частности о возвышеніи степени общаго уровня успѣшности учениковъ въ ученіи, *очищать* (какъ обыкновенно выражаются въ этомъ случаѣ) заведеніе отъ малоуспѣшныхъ, дабы послѣдніе не препятствовали первымъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не отнимали напрасно у самихъ учащихъ времени и труда, могущихъ быть употребленными съ большею пользою для успѣха ученія. Путями и мѣрами къ подобному очищенію признавалось то, что, при самомъ поступленіи учениковъ, не принимали тѣхъ, кто оказывался сколько нибудь не приготовленнымъ, или на первый уже взглядъ казался мало способнымъ; а съ другой стороны при годичныхъ, и тѣмъ болѣе переводныхъ, испытаніяхъ была, особенная до излишенства, строгость начальства при оцѣнкѣ успѣховъ и самой способности, или неспособности учениковъ къ продолженію ученія. — Такой – то манеры и системы не чужды были по временамъ нѣкоторые изъ начальствовавшихъ въ Софійскомъ Училищѣ. И здѣсь - то со стороны высокопреосвященнаго Филарета выражалась вся внимательность и употреблялись самыя дѣйствительныя мѣры къ устраненію и пресѣченію такихъ дѣйствій. Хотя и тутъ видна одна господствую-

щая черта въ начальственныхъ распоряженіяхъ высокопр. Филарета: онъ, какъ говорится, не обрывалъ сразу подчиненыхъ, при видѣ ихъ сказанныхъ дѣйствій, и не насиловалъ своимъ авторитетомъ, принадлежащей имъ, власти, а старался направить ихъ на иной лучшій образъ дѣйствованія и особливо въ духѣ христіанскаго человѣколюбія. «Когда училищное начальство, читаемъ у Автора, отказывало нѣкоторымъ ученикамъ въ пріемѣ ихъ въ училище по ихъ неподготовленности, и они обращались съ просьбою къ Владыкѣ, онъ предлагалъ начальству принимать ихъ изъ состраданія. «Ради Христа принять означенныхъ отроковъ,» писалъ онъ на представленіи о нѣкоторыхъ сиротахъ, просившихъ о принятіи ихъ на казенное содержаніе, но *плохо читавшихъ*. Когда то же начальство увольняло нѣкоторыхъ учениковъ за малоуспѣшность, и они обращались съ прошеніями къ нему же,— милостивый Архипастырь весьма часто дозволялъ имъ продолжать ученіе, хотя въ качествѣ приватныхъ до усмотрѣнія» (1).

Замѣчательно, что въ самую эту пору, къ которой, по преимуществу, относятся, сейчасъ указываемыя, распоряженія высокопр. Филарета, и самъ св. Синодъ нашелъ нужнымъ сдѣлать именно подобное же снисходительное распоряженіе на счетъ, исключаемыхъ изъ училищъ, учениковъ. Въ опредѣленіи св. Синода (отъ 31-го Мая—11-го Іюня 1845 г.) по этому предмету сказано: «Принимая въ соображеніе, что ученики, исключенные изъ училищъ, болѣе или менѣе маловозрастны, а потому, съ одной стороны, не вдругъ обнаруживаютъ рѣшительную способность, или не способность къ ученію, а, съ другой,—если предаются лѣности, то по дѣтскому неразумію и отъ непривычки къ классическимъ занятіямъ, а не по закоренѣлому упорству, постановилъ: дозволить училищнымъ начальствамъ принимать обратно въ училище исключенныхъ учениковъ въ качествѣ приватныхъ до усмотренія на слѣдующихъ испытаніяхъ, а потомъ, если окажутся благонадежными, включать ихъ въ число дѣйствительныхъ учениковъ; въ противномъ

(1) Тамъ же № 18, стр. 707, 708.

же случаѣ уволнять изъ училища навсегда.» Съ своей стороны, желая дать возможно больше основательности въ подобныхъ дѣйствіяхъ, высокопр. Филаретъ поступалъ и такъ, что, назначаемыхъ къ исключенію, учениковъ особливо изъ высшаго четвертаго класса предлагалъ испытывать лицамъ изъ наставниковъ въ Семинаріи, дабы увѣриться, можно ли надѣятся, что таковые ученики въ состояніи будутъ проходитъ дальнѣйшее образованіе. Онъ преслѣдовалъ здѣсь, между прочимъ, ту цѣль, чтобы не дать ни ученикамъ, ни родителямъ, или родственникамъ ихъ возможности руководиться тѣми видами и разчетами, что и уволенному преждевременно все-таки дано будетъ мѣсто въ епархіи; отчего и составилось прежде огромнѣйшее большинство неучей и недоучекъ въ средѣ священно-церковнослужителей. Наконецъ, посѣщая по временамъ классы, онъ обращалъ особенное вниманіе на отмѣчаемыхъ не удовлетворительно и тоже дѣлалъ на экзаменахъ, даже называемыхъ публичныхъ.

Въ Кіево-Софійскомъ Училищѣ, читаемъ у Автора, всегда дѣлалъ публичныя испытанія самъ высокопр. Владыка Митрополитъ въ присутствіи властей духовно-учебныхъ и посторонихъ посѣтителей. Публичный экзаменъ всякій разъ былъ особеннымъ торжествомъ для училища: тутъ говорились учениками рѣчи, пѣлись концерты и канты—въ родѣ, напр. «Съ горняго трона, Тріипостасный, призри на насъ», или: «Радость сердца возвѣщаетъ Архипастырь нашъ святый», или: «Владыко, не оставь моленія твоихъ юнѣйшихъ сыновей» и пр. Канты замѣнялись иногда, по распоряженію самого Владыки, пѣніемъ священныхъ-церковныхъ пѣсней. Публичные экзамены заканчивались самыми торжественными для учениковъ минутами, когда награждались книгами и похвальными листами прилежнѣйшіе изъ нихъ. Въ позднѣйшія времена высказываютъ многіе свои сужденія не въ пользу публичныхъ экзаменовъ, составлявшихъ будтобы что-то въ родѣ праздныхъ и безполезныхъ церемоній и т. п.—По уставу духовно-учебныхъ среднихъ и низшихъ заведеній (1867 г.) эти экзамены тоже отмѣнены. Но судить прямо не въ пользу этихъ экзаменовъ, по меньшей мѣрѣ, было бы поспѣшно. Справедливѣе сказать, что значеніе публичныхъ экзаменовъ если и понизилось, то собствен-

но отъ того, что къ нимъ, время отъ времени, падало вниманіе и сочувствіе самихъ начальствующихъ и, во главѣ ихъ, епархіальныхъ Преосвященныхъ, изъ коихъ послѣдніе рѣдко-рѣдко когда удостоивали своимъ посѣщеніемъ публичные экзамены въ духовныхъ училищахъ. Но не то видится въ описаніи о публичныхъ экзаменахъ, бывшихъ въ Софійскомъ Училищѣ, гдѣ опять на первомъ планѣ является лицо Первосвятителя.—По словамъ Автора—«нужно было видѣть святаго Старца въ кругу своихъ дѣтей на такъ называемыхъ публичныхъ экзаменахъ, какъ онъ былъ съ ними простъ и ласковъ». Да и вообще нужно знать, что тогдашніе экзамены публичные не были въ родѣ, такъ называемыхъ, актовъ, къ коимъ едва ли не болѣе приложимы тѣ аттрибуты, которые приписываются первымъ; напротивъ, на нихъ, дѣйствительно, экзаменовались ученики при открытыхъ для всѣхъ дверяхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ въ присутствіи почетныхъ лицъ всякаго сословія, и по преимуществу духовнаго, среди коего большинство составляли родители и родственники учениковъ,—и слѣдовательно, здѣсь составлялась оцѣнка успѣховъ и вообще достоинства училищнаго образованія,—оцѣнка не отъ лица, избранныхъ отъ духовенства,—членовъ педагогическихъ собраній, имѣющихъ дѣло обыкновенно только съ цифровыми баллами, а по личному усмотрѣнію и чувству присутствующихъ.—Оцѣнка же эта тѣмъ болѣе была доступна и безпристрастна, что самая простота и ласковость примѣрно отеческая въ лицѣ самого Первосвятителя—открывали всю возможность ученикамъ съ полною дѣтскою искренностію и безъ стѣсненія обнаруживать свои познанія, хотя бы и съ неизбѣжными недостатками, такъ какъ на ряду съ лучшими учениками не забывались обыкновенно и слабые, при чемъ послѣдніе не были оставляемы безъ внушеній съ одинаково-отеческимъ сочувствіемъ и попечительностію объ нихъ. Авторъ прекрасно высказался, что «сколько одни изъ дѣтей радовались и ликовали, столько другіе скорбѣли и плакали»... хотя тутъ же почерпали и утѣшенія изъ устъ и сердца Старца—Архипастыря (1).

(1) Тамъ же № 19, стр. 742.

При высокопр. Филаретѣ экзамены вообще и, въ частности публичные, дѣйствительно, имѣли какое-то особенное значеніе и не отразимое глубокое назидательное вліяніе,— это видимъ даже на экзаменахъ въ самой Академіи. Казалось бы на взрослыхъ юношей, чуть не полныхъ мужчинъ, каковы студенты Академіи, не такъ, какъ на дѣтей-училищныхъ учениковъ, должно было дѣйствовать то же самое обращеніе, съ какимъ относился высокопр. Филаретъ къ ученикамъ Софійскаго Училища, т. е. обращеніе въ духѣ простоты и ласковости.—Къ слову и для образца приведемъ здѣсь одно изъ печатныхъ воспоминаній объ этомъ бывшаго студента Кіевской Академіи. «На экзаменахъ нашихъ *добрѣйшій Старецъ*, котораго мы сколько любили, столько и уважали за его познанія, до того хвалилъ наши и не совершенныя знанія, что намъ дѣлалось совѣстно, зачѣмъ мы не такъ хороши, какъ трактовалъ насъ Владыка. И потому какъ онъ—незабвенный, отъ полноты восхищенія за дѣтей своихъ, воспѣвалъ со слезами «*славу показавшему намъ свѣтъ*», такъ и мы отъ полноты умиленія пѣли со Старцемъ благодареніе Свѣтодавцу. Вѣруемъ и надѣемся, Святителю блаженный, что ты и за гробомъ сподобился воспѣвать славу Преблаженной Троицы. Не забудь же, просимъ, и тамъ насъ любить и заботиться о нашемъ духовномъ истинно-христіанскомъ просвѣщеніи, въ которомъ бы и намъ сподобиться узрѣть свѣтъ св. Троицы незаходимый» (1).

Далѣе относительно попечительной дѣятельности высокопр. Филарета по учебной собственно части, мы видимъ у Автора прямыя и несомнѣнныя данныя, что онъ не ограничивался одними лишь вышеописанными публичными экзаменами въ Софійскомъ Училищѣ. Самыя посѣщенія его учениковъ въ занятныхъ комнатахъ въ разную пору, само собою, не обходились безъ того, чтобы не спросить того, или иного ученика о чемъ либо изъ текущихъ уроковъ: а это равнялось тоже своего рода испытаніямъ (2). Иногда же Вла-

(1) Смотри Душеполезное Чтеніе. Октябрь 1865 г. отд. II, стр. 70—77 и № 18 того же года Владимірск. Епарх. Вѣд.

(2) Кіевск Епарх. Вѣд 1868 г. № 18. стр. 709,

дыка самъ лично дѣлалъ третныя испытанія учениковъ, состоявшихъ въ его пѣвческомъ хорѣ. Въ документахъ намъ (пишущему) встрѣчалось и слѣдующее еще свѣдѣніе. Высокопр. Филаретъ, бывшихъ въ свитѣ его въ С.-Петербургѣ, пѣвчихъ изъ учениковъ училищъ и Семинаріи экзаменовалъ самъ и списокъ съ собственноручными отмѣтками по успѣхамъ и поведенію препровождалъ по принадлежности къ начальству. Аттестація сихъ воспитанниковъ была буквально выражена такъ: «По произведеннымъ мною испытаніямъ ученики такіе и такіе во всѣхъ предметахъ оказали отличные успѣхи, а такіе-то очень довольно успѣли. Вели же себя всѣ весьма хорошо и благонравно». Во время поѣздокъ по обозрѣнію Епархіи, гдѣ въ свитѣ находились и пѣвчіе изъ учениковъ же училищныхъ, высокопр. Филаретъ поступалъ такъ, чтобы эти ученики непремѣнно брали съ собою на время поѣздокъ всѣ свои классные учебники. При остановкахъ въ сельскихъ приходахъ въ свободное отъ занятій по обозрѣнію время высокопр. Филаретъ требовалъ пѣвчихъ—къ себѣ и освѣдомлялся, кто изъ нихъ и что̀ учитъ и тѣмъ болѣе повторяетъ, такъ какъ это время бывало обыкновенно предъ экзаменами, и тутъ же иныхъ заставлялъ отвѣчать изъ своихъ уроковъ, и, что̀ нужно, объяснялъ.—А, большею частію, дѣлалъ это такъ.—Гдѣ либо, особенно на хорошей мѣстности, онъ самъ вылезалъ изъ экипажа, а съ нимъ и всѣ малые пѣвчіе, которые, нужно замѣтить, всегда ѣздили въ отдѣльныхъ экипажахъ всенепремѣнно въ слѣдъ за нимъ, тогда какъ прочей свитѣ онъ приказывалъ ѣхать впередъ его. И, вотъ, тутъ-то, окруженный своими малыми спутниками, онъ проходилъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, при чемъ и происходила своего рода экзаменовка по классно; кромѣ предлагаемыхъ имъ самимъ вопросовъ, онъ заставлялъ спрашивать учениковъ другъ друга взаимно, и въ случаѣ не знанія однимъ, требовалъ отвѣта отъ другаго, третьяго. Кто оказывался хорошо отвѣчавшимъ, тѣмъ были даваемы гостинцы, обыкновенно запасенные въ каретѣ, да и, по пріѣздѣ куда либо въ село, высокопр. Филаретъ не рѣдко обращался къ матушкамъ—попадьямъ, чтобы такихъ-то угостить послаще..—Впослѣдствіи на экзаменахъ въ Учи-

лищѣ Владыка самъ и заявлялъ начальству, что такіе-то хорошо репетировали, а другіе такъ и такъ..

Были еще столь же торжественные и радостные дни для учениковъ Кіево-Софійскаго Училища, какъ и другаго Кіево-Подольскаго. Это — рекреаціи, или майскія гулянья, бывавшія въ Митрополичьей рощѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ дѣти ожидали этихъ дней,—и съ какимъ восторгомъ проводились ими эти гулянья!! (1) Да, если по силѣ нынѣшняго устава, основаннаго на началахъ наукообразной современной педагогики, принято однимъ изъ благотворныхъ условій для всецѣлаго развитія силъ въ учащихся обязательное участіе послѣднихъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ въ положенные урочные часы и даже подъ руководствомъ особыхъ учителей,—то, бывавшія въ старину вышеозначенныя, рекреаціи и, происходившія вообще въ лѣтніе вечера во дворахъ заведеній, игры въ мячъ, въ бабки, свайку и др. подъ разными мѣстными названіями, очевидно, имѣли тоже значеніе гимнастическое, но едвали не болѣе практичное. Здѣсь все совершалось естественно, и при томъ въ товарищескомъ кругу, и игры выбирались самими же учениками, а не то, что въ гимнастическихъ упражненіяхъ, совершаемыхъ по приказу, по научнымъ своего рода пріемамъ, требующимъ тѣлесныхъ движеній, болѣе механическихъ и часто насильственныхъ. О бывавшихъ рекреаціяхъ довольно сказать только, или точнѣе снять съ натуры, какъ, несмотря на цѣлый почти день, проводимый въ играхъ, играющія дѣти не только никогда не утомляются, но становятся лишь рѣзвѣе, охотливѣе къ разнообразнымъ движеніямъ, ихъ лица разгораются сколько отъ моціона, столько же и отъ внутренняго не поддѣльнаго общаго удовольствія .. Это же все тѣмъ бо́льшее для нихъ имѣетъ значеніе, что подобныя игры происходятъ въ глазахъ ихъ начальниковъ и наставниковъ и не рѣдко сторонннхъ посѣтителей, у которыхъ всѣхъ они какъ будто въ гостяхъ, или сами у себя видятъ ихъ, какъ гостей и желаютъ доставить удовольствіе разными дѣтскими затѣйливо-свободными играми, перемежающимися иногда

(1) Тамъ же № 19, стр. 742.

хоровымъ дѣтскимъ пѣніемъ. Словомъ—это было что́—то родное, семейное, задушевное, такъ что и сами начальники и наставники и всѣ посѣтители подъ-часъ на перерывъ одинъ передъ другимъ, забывая свой возрастъ, участвовали то въ тѣхъ, то другихъ играхъ; при чемъ, въ пріятномъ воспоминаніи своего дѣтства, часто заводили свои прежнія бывалыя игры, и такимъ образомъ здѣсь совершалась живая не поддѣльная традиція духа жизни и пр. Съ другой стороны, здѣсь же открывалась прямая возможность къ наблюдательности сколько за личными свойствами и характеристическими чертами въ дѣтяхъ-ученикахъ, столько и за общимъ ихъ духомъ и направленіемъ и взаимными отношеніями,—что́ весьма трудно подмѣтить въ обыкновенной школьной жизни и дисциплинарной обстановкѣ. Наконецъ, на бывшихъ рекреаціяхъ всегда былъ обычай—доставлять дѣтямъ удовольствіе раздачей гостинцевъ по части лакомства; а вмѣстѣ съ гостинцами соединялись и разныя, вполнѣ умѣстныя, поощренія, особенно глубоко чувствуемыя учениками подъ вліяніемъ ихъ тогдашняго состоянія и всей чисто семейно-праздничной обстановки.

На этихъ рекреаціяхъ,—читаемъ у Автора,—являлся иногда и самъ высокопреосв. Филаретъ, такъ какъ и мѣсто имъ назначалось въ Митрополичьей рощѣ,—являлся въ томъ же видѣ и въ томъ же духѣ простоты и ласковости, какъ видѣли мы его посѣщавшимъ ученическія комнаты въ училищѣ «домашнимъ образомъ въ скуфейкѣ съ простою клюшкою въ рукѣ.—На описываемыхъ рекреаціяхъ онъ отводилъ свою душу въ общеніи съ дѣтьми, и старческое лице его просвѣтлялось какою-то особенною радостію,—а, смотря на него, и всѣ присутствовавшіе начальники и посѣтители, естественно, чувствовали себя въ томъ же пріятнѣйшемъ расположеніи духа, видя и къ себѣ самимъ тѣ же отношенія маститаго Первосвятителя, въ какихъ держалъ онъ себя къ дѣтямъ ученикамъ».

Такова истинно Архипастырская отеческая попечительность высокопр. Филарета о Кіево-Софійскомъ Училищѣ, которое, поэтому, и состояло на степени *образцоваго* въ ряду другихъ подобныхъ ему училищъ. Но что́ же сказать о послѣднихъ? Отвѣтъ понятенъ, т. е. другія училища, конеч-

но, были не въ такомъ состояніи, но это отнюдь не значитъ, что, сосредоточивъ все свое вниманіе и попечительность на одномъ училищѣ, высокопр. Филаретъ не заботился о прочихъ. *Образцовыя* учебныя заведенія учреждаются съ прямымъ нарочитымъ назначеніемъ быть имъ *образцовыми*, и, само собою, не въ ущербъ и не въ униженіе прочихъ таковыхъ же заведеній, а напротивъ: такъ точно и здѣсь. Во всякомъ случаѣ невозможно же было высокопр. Филарету съ такимъ же непосредственнымъ личнымъ участіемъ относиться ко всѣмъ прочимъ училищамъ въ своей епархіи по самой ихъ разномѣстности и отдаленности, но одинъ уже примѣръ и образецъ въ лицѣ его много значилъ для начальниковъ другихъ училищъ, чтобы возможно слѣдовать тому же духу и образу дѣйствій, какъ видѣли мы это на ближайшихъ начальникахъ Софійскаго Училища.

Не имѣвъ подъ руками данныхъ изъ архивныхъ дѣлъ прочихъ духовныхъ училищъ Кіевской епархіи, мы можемъ представить здѣсь только одно свѣдѣніе значащееся въ запискахъ высокопреосвященнаго Филарета,—именно: «въ Кіево-Подольскомъ духовномъ Училищѣ устроена церковь (домовая) Введенская» (1). Свѣдѣніе, очевидно, слишкомъ краткое, но значеніе его многосодержательно. Можно смѣло сказать, что устройство храма въ стѣнахъ заведенія, каково низшее духовное училище, едва ли не единственный примѣръ, особливо въ тогдашнее время. Устроеніе сего храма принадлежитъ мысли и желанію собственно высокопр. Филарета, да и возможность къ этому открылась собственно тогда только, когда открыто было имъ отдѣльное Кіево-Софійское Училище, чрезъ что и образовался значительный просторъ въ училищѣ Кіево-Подольскомъ. Излишнее, конечно, и говорить о великомъ значеніи храма для отроковъ—духовныхъ воспитанниковъ. Знаменательно здѣсь и то, что храмъ сей освященъ во имя Введенія во храмъ Преблагословенныя Богородицы, Богоизбранной Отроковицы. Нужно еще досказать здѣсь, что и самыя средства къ устроенію церкви,

(1) Смотри записки листъ 3, стран. 2.

какъ передавалъ намъ покойный высокопр. Антоній, были въ большинствѣ доставлены самимъ же высокопреосв. Филаретомъ.

Отъ нисшихъ училищъ перейдемъ къ дух. Семинаріи и Академіи.

ГЛАВА V.

«Истинно отеческая Архипастырская попечительность Высокопреосвященнаго Филарета, особенно явственно выразившаяся на Кіево-Софійскомъ училищѣ, составляла отличительную черту его характера и дѣятельности въ отношеніи ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ» Въ привѣтственной рѣчи Ректора Кіевской духовной Семинаріи кратко, но какъ нельзя болѣе, вѣрно охарактеризованы и выражены тѣ чувства и отношенія, которыя постоянно имѣлъ Высокопреосвященный Филаретъ къ духовнымъ воспитанникамъ во всѣхъ прежнихъ мѣстахъ его служенія, съ отеческою любовію и Архипастырскою ревностію заботясь, паче всего, о ихъ религіозно-нравственномъ состояніи, какъ будущихъ служителей Церкви Христовой» (1)

По случаю самаго перваго совершенія высокопреосв. Филаретомъ литургіи въ храмовой праздникъ—въ церкви св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, находящейся въ оградѣ Кіевской духовной Семинаріи, въ первый разъ посѣщена была имъ и Семинарія. Ректоръ Семинаріи привѣтствовалъ высокопр. Филарета истинно-прекрасною рѣчью,—прекрасною особенно въ томъ значеніи, что въ ней вѣрно охарактеризованы и выражены тѣ чувства и отношенія, какія постоянно имѣлъ высокопреосв. Филаретъ къ духовнымъ воспитанникамъ во всѣхъ прежнихъ мѣстахъ его служенія,—въ Калугѣ, Рязани и Казани, съ отеческою любовію и пастырскою ревностію заботясь паче всего о ихъ религіозно-нравственномъ состояніи, какъ будущихъ служителей Церк-

(1) Слова изъ Историч. описанія Кіево-Софійскаго училища и изъ повѣствованія въ настоящей главѣ.

кви Христовой. Говорившій эту рѣчь, очевидно, зналъ объ указанныхъ имъ дѣйствіяхъ высокопр. Филарета по отношенію къ прежнимъ семинаріямъ, а приложить ихъ къ своей Семинаріи могъ, конечно, потому, что эти же дѣйствія сразу открылись и здѣсь—въ Кіевѣ Поэтому излагать что-либо, одинаковое съ прежнимъ, было-бы здѣсь совершенно излишне для читающихъ, какъ вполнѣ уже знающихъ это изъ повѣствованія о другихъ семинаріяхъ—особенно Калужской и Казанской.

Что́ же касается частностей въ дѣйствіяхъ высокопр Филарета по отношенію къ Кіевской Семинаріи, то онѣ заключаются собственно въ попечительности его по учебной части. Высокопр. Филаретъ всячески озабочивался, чтобы въ Семинаріи находились достаточныя учебныя и ученыя средства и пособія. Для этого собственную свою библіотеку онъ назначилъ въ пользу духовной Семинаріи и, еще при жизни, исполнилъ это (1). Такъ же точно, въ 1847 г. (Марта 10 дня) на протоколѣ духовной Консисторіи о книгахъ, находящихся въ библіотекѣ Кіевскаго Николаевскаго монастыря на иностранныхъ языкахъ, высокопреосв. Филаретъ далъ резолюцію такую: «признаю полезнымъ и предлагаю теперь же передать книги на иностранныхъ языкахъ въ библіотеку Кіевской духовной Семинаріи, въ которой ощутителенъ недостатокъ въ твореніяхъ Отцевъ Церкви. Въ Монастырѣ же книги сіи вовсе не нужны, да и нѣтъ совсѣмъ мѣста для храненія ихъ, а хранятся въ Лаврѣ въ тѣсномъ мѣстѣ и могутъ подвергнуться порчѣ. Изготовить о семъ донесеніе въ Св. Синодъ съ приложеніемъ каталога».—Но обогащая Семинарію древлехранилищными источниками образованія, высокопр. Филаретъ, паче всего, возревновалъ открыть для нея источники живые, собственно для преподаванія класснаго воспитанникамъ Семинаріи и, въ особенности, по части наукъ Богословскихъ.—Эта сторона его благопопечительной дѣятельности составляетъ, справедливо сказать, ореолъ Святительскихъ заслугъ не для мѣстной только Семинаріи, но и для всѣхъ въ Россіи.

---

(1) Въ завѣщаніи собственною рукою Почившаго отмѣчено «Библіотека передана по принадлежности въ Кіевскую Семинарію».

Въ указываемомъ великомъ дѣлѣ онъ сколько самъ лично, не смотря на свои старческія лѣта, истиннымъ подвигомъ потрудился, столько же онъ, именно только онъ, умѣлъ избрать и достойнѣйшаго дѣлателя. На этомъ предметѣ мы остановимся съ особеннымъ вниманіемъ, чтобы изложить всю исторію этого дѣла (1), составляющую въ своемъ родѣ эпоху въ нашей отечественной Богословской литературѣ.

Первое изъ относящихся къ настоящему дѣлу данныхъ есть письмо высокопр. Филарета, писанное Автору (2) изъ С.-Петербурга отъ 9 Января 1842 г. Буквальное содержаніе этого письма слѣдующее: «Прочитавъ изъ догматики, тобою сочиняемой, введеніе и трактаты о Богѣ Единомъ и Триипостасномъ, зѣло утѣшаюсь о благодати Духа Святаго, свѣтомъ Своимъ озаряющаго твое доброе и дѣвственное сердце. Возгрѣвай, сыне возлюбленне о Господѣ, даръ Божій пребываніемъ въ молитвѣ и цѣломудріи и продолжай весьма полезный трудъ твой. Теперь ясно вижу волю Божію благую и благотворящую *намъ* въ назначеніи тебя въ Семинарію, гдѣ открывается для тебя и возможность, и обязанность собрать въ сердцѣ твоемъ и преподать ученикамъ всю Благословію, а не часть нѣкую, какъ бываетъ въ Академіи въ званіи баккалаврскомъ. Что̀ въ твоихъ урокахъ замѣчательно, это— главное направленіе къ Православію, преподобному намъ св. Вселенскою Церковію.—*Въ нынѣшнее особенно время такое направленіе весьма важно. Давать волю уму своему,* составлять Догматику изъ одного Священнаго Писанія, безъ наставленія и руководства Православной Церкви, значитъ

---

(1) Исторія этого дѣла во всей подробности изложена въ изданной нами Біографіи высокопр. Антонія (Амфитеатрова), бывшаго Архіепископа Казанскаго (изд. въ 1885 г.).—Этимъ изложеніемъ мы, по праву и по существу самого дѣла, воспользуемся въ настоящемъ мѣстѣ,—насколько и въ чемъ высокопр. Филаретъ былъ непосредственнымъ дѣятельнымъ участникомъ во всей процедурѣ этого дѣла *во всѣхъ его фазисахъ*,—о чемъ увидятъ читатели. Авт.

(2) Письмо это было къ бывшему тогда Инспектору и Профессору Кіевской дух. Семинаріи—Соборному Іеромонаху Антонію, племяннику высокопр. Филарета.

вводить въ школы религіозную демагогію, можетъ быть, болѣе вредную, нежели *политическая*. Замѣть сіе, чадо возлюбленное, *на всю твою жизнь*; ибо одна Православная Вѣра спасительно освящаетъ сердце наше».

Изъ содержанія этого письма всякій видитъ не только время начатаго труда и столь сочувственное отношеніе высокопр. Филарета, но разъяснительное указаніе на то́,— почему высокопр. Филаретъ рѣшился перемѣстить Автора изъ Академіи въ Семинарію и наконецъ,—какія побужденія были у него личныя внутреніе, чтобы немедленно приступить къ составленію системы Догматическаго Богословія въ такомъ именно видѣ и духѣ, и возложить это дѣло не на кого иного, какъ на свое *возлюбленное о Господѣ чадо*.

Здѣсь, прежде всего, вызывается вопросъ,— что́ именно разумѣлъ высокопр. Филаретъ въ тѣхъ, между прочимъ, словахъ письма, что «*давать волю уму своему составлять Догматику* изъ одного Священнаго Писанія и пр. значитъ *вводить въ школу религіозную демагогію*»... и что потому «*такое направленіе*, какое онъ сразу усмотрѣлъ въ прочтенныхъ имъ первыхъ отдѣлахъ новосоставляемой Антоніемъ Догматики, *весьма важно особенно въ нынѣшнее время*». Отвѣтъ на это въ свидѣтельствѣ, приведенномъ въ исторической запискѣ, которое прямо подходитъ къ настоящему предмету и вполнѣ оправдываетъ слова въ письмѣ высокопр. Филарета. «Лекціи Иннокентія отличались смѣлостію, даже нѣкоторою самонадѣянностію теоретической мысли, новымъ оригинальнымъ отношеніемъ къ вопросамъ богословской науки и часто поэтическимъ изложеніемъ богословскихъ трактатовъ. Все это возбудительно дѣйствовало на умы и пролагало новые пути для болѣе широкаго и сильнаго воздѣлыванія богословской науки... но такой *новый свободный* духъ лекцій Иннокентія вызвалъ опасенія у тѣхъ, которые носили на себѣ священный долгъ попеченія о сохраненіи цѣлости и чистоты Православія (1). Такимъ

(1) Рѣчь профессора В. Ѳ Пѣвницкаго на томъ же юбилеѣ «О судьбахъ Богословской науки въ нашемъ отечествѣ», — страница 193 – 194.

образомъ, если въ этомъ, получающемъ уже теперь историческое значеніе, свидѣтельствѣ не указано,— *въ комъ* именно и въ *какой мѣрѣ* вызваны были опасенія за этотъ свободный духъ и направленіе въ лекціяхъ Иннокентія, столь возбудительно дѣйствовавшіе на умы и пролагавшіе пути для дальнѣйшаго, болѣе широкаго и сильнаго, воздѣлыванія богословской науки въ этомъ же, конечно, родѣ,—то справедливо сказать, что вышеприведенное письмо высокопр. Филарета составляетъ документъ, достойный тоже историческаго значенія. Цѣнность же его здѣсь тѣмъ болѣе и выше, что высокопр. Филаретъ не только вѣрно понялъ духъ и направленіе тогдашняго богословствованія и не только выразилъ свои опасенія за это, по его столь меткому выраженію, «*введеніе религіозной демагогіи*,» но высказалъ положительный взглядъ на то, что особенно важно и благотворно въ этомъ дѣлѣ. Онъ же, наконецъ, не ограничился только словами и проектами, но немедлено приступилъ къ самому выполненію съ такимъ непосредственнымъ искреннѣйшимъ участіемъ, хотя, по свойственному ему смиренномудрію, и сохранялъ послѣднее до времени въ тайнѣ отъ другихъ, кромѣ избраннаго имъ же самимъ благопотребнаго для того и благонадежнаго призванника и дѣятеля.—Не даромъ же и въ самыхъ позднѣйшихъ, даже до настоящихъ дней, свѣдѣніяхъ объ этомъ дѣлѣ остается указаніе не болѣе, какъ въ значеніи неопредѣленнаго преданія, подъ выраженіемъ—«*говорятъ*»... Ясно, что это важное священное дѣло творилось, по слову Евангелія, въ *тайной клѣти* духовнаго дѣланія, почему и внушалось самому избраннику-дѣлателю «*возгрѣвать сей даръ Божій* и, слѣдовательно, самый трудъ пребываніемъ въ молитвѣ и цѣломудріи».

По поводу, однако, самой сокровенности совершавшагося дѣла—составленія Догматики, когда, наконецъ, она уже явилась въ свѣтъ, Авторъ ея не избѣгъ извѣстной, общей для подобныхъ явленій, доли по части толковъ и слуховъ о происхожденіи его труда.—Ходили слухи о томъ, что составленная система Догматическаго Богословія много зависѣла въ своемъ достоинствѣ отъ воспользованія трудомъ другихъ, преимущественно же бывшаго Ректора Академіи Димитрія. Самое же участіе и вліяніе въ отношеніи къ этому дѣлу со

стороны собственно высокопр. Филарета, представлялись не такими, чтобы послѣдній могъ обладать достаточнымъ запасомъ и силою научно-богословскаго вѣдѣнія и быть главнымъ самостоятельнымъ заправителемъ и цѣнителемъ настоящаго дѣла.

Извѣстны ли, или нѣтъ, кому изъ читающихъ эти, или подобныя свѣдѣнія, по какимъ либо дошедшимъ до нихъ сказаніямъ,—мы не знаемъ. Указываемъ же на нихъ здѣсь собственно потому, что мы не только знали объ нихъ въ разное время, но имѣли случаи слышать указанія на нихъ изъ устъ самого преосв. Антонія и даже вызывать его на нихъ, по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ при составленіи нами біографіи высокопреосв. Филарета, именно тамъ, гдѣ изложеніе касалось опредѣленія достоинствъ послѣдняго въ разсматриваемомъ теперь отношеніи. Однажды, помнимъ какъ теперь, преосв. Антоній сказалъ въ заключеніе изъ подобныхъ разговоровъ: «Ты самъ-то учился по составленной мною Догматикѣ и хорошо ее изучилъ? А читалъ ли и, тѣмъ болѣе, заучилъ ли ты то́, что́ поставлено тамъ эпиграфомъ и предисловіемъ?». И тутъ же повторилъ самъ до іоты: «*Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ* (Псал. 115, 1). *Мнѣ меньшему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія благовѣстити неизслѣдованное богатство Христово*... (Еф. 3, 8. 9. 12). *Всякою убо молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ..., да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ .. съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія*.., (6, 18. 19...). *Преклоняю колѣна... да дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія и просвѣщена очеса сердца вашего* и пр. до конца (Еф. 1, 17—20. 4, 14. 21). Немного помолчавъ, онъ продолжалъ: «Да, я знаю, что́ и какъ говорилось, и въ свою пору и впослѣдствіи, по предмету моихъ трудовъ; но, видно, ни кто не вникалъ въ самую суть дѣла; главнѣе всего занимало вниманіе всѣхъ то́, что я возведенъ былъ въ степень Доктора,—и это тѣмъ болѣе, что я явился съ этою степенью, будучи еще Ректоромъ Семинаріи... (1).

(1) Ректоромъ Кіевской духовной Академіи былъ въ эту пору Архим. Димитрій (Муретовъ), не имѣвшій степени Доктора. Въ силу

Между тѣмъ у меня на душѣ было не исканіе этой высокой степени, а лишь выполненіе долга, къ которому я былъ призванъ Владыкою, коимъ собственно предназначены были и самый эпиграфъ и предисловіе исключительно изъ словъ св. Апостола. Я помню, какъ онъ наизусть прочиталъ мнѣ къ Ефесеямъ почти все, отъ слова до слова, и сказалъ: «вотъ тебѣ и планъ и методъ, но, главное, самый источникъ и весь духъ и характеръ, которые ты долженъ осуществить въ твоемъ трудѣ по мѣрѣ вѣры и благодати, тебѣ данной»,—а потому и въ письмахъ и лично постоянно руководилъ меня въ этомъ же», На вопросы о достоинствѣ богословскихъ познаній самого высокопр. Филарета преосв. Антоній разъ, между прочимъ, отвѣтилъ такъ: «*я и теперь бы готовъ поступить къ нему въ «ученики»*. А когда, въ другой разъ, была проводима мысль, что не слѣдуетъ ли сдѣлать новое изданіе его Догматическаго Богословія въ исправленномъ и дополненномъ видѣ,—онъ какъ бы невольно высказался: «хотя я самъ подумывалъ и даже намѣревался сдѣлать это, но никогда не рѣшусь, чтобы не нарушить печати, какая *изнаменована* на этомъ трудѣ

сказанныхъ толковъ о томъ, что Догматика Антонія составлена изъ многихъ заимствованій изъ академическихъ лекцій Димитрія, и слагалось ходящее мнѣніе, что-де «*Докторство*» восхищено первымъ изъ-подъ рукъ и глазъ послѣдняго, къ тому же бывшаго Ректора Академіи.—На это преосв Антоній просто на-просто отвѣчалъ, что заимствованій, въ смыслѣ матеріаловъ, со стороны моей и не могло быть по самой невмѣстительности ихъ въ моей Догматикѣ и по содержанію и по объему ея, какъ учебника —По кончинѣ преосв. Димитрія было дѣйствительно опубликовано во многихъ газетахъ такое свѣдѣніе «Высокопр. Димитрій (Муретовъ), будучи глубоко ученымъ человѣкомъ и прекраснымъ профессоромъ, въ то же время отличался необыкновенною скромностію; *большая часть его лекцій*, съ его же согласія, вошла *въ извѣстный трудъ его ученика*—покойнаго митрополит. Московскаго *Макарія* (Булгакова)». Въ *Историческомъ* же *Вѣстникѣ*, (1884 г. Февраль, стр. 344) въ статьѣ автора В. К подъ заглавіемъ· «Памяти Архіепископа Димитрія Херсонскаго» значится даже такой фактъ, что (выписываемъ подлинныя слова) «Преосвященный Димитрій говаривалъ полушутливо, смотря на огромные томы Макарьевскаго Богословія: «*тутъ мой крестъ* (разумѣется *докторскій*), *а его* (Макарія) *цѣпочка*».

духомъ разума и вѣдѣнія въ Бозѣ почившаго Владыки, и не соглашусь никогда на это тѣмъ болѣе, что понятно, какъ мало поймутъ *этотъ духъ* нынѣшніе журнальные библіографисты и критики, хотя бы и богословы и *доктоpы* Богословія».

Съ своей стороны, касательно богословскаго вѣдѣнія высокопр. Филарета, мы могли бы привести многообразныя свѣдѣнія: но ограничимся нѣкоторыми для примѣра. Таковы свѣдѣнія, во первыхъ, тѣ, которыя внесла уже въ свои лѣтописи самая Академія. «Двадцать лѣтъ стоя на высокомъ свѣщникѣ первопрестольной каѳедры Кіевской, онъ—высокопр. Филаретъ—былъ поистинѣ *свѣтильникомъ* и *для высшаго святилища духовнаго просвѣщенія—Академіи*. Онъ, обладая самъ поистинѣ глубокомъ вѣдѣніемъ высокихъ истинъ христіанскаго ученія, съ столь же глубокою и опытно-тонкою наблюдательностію слѣдилъ за каждымъ движеніемъ мысли и слова (1). И самыхъ философовъ нашихъ Архипастырь-молитвенникъ научалъ и невольно преклонялъ плѣнять разумъ въ послушаніе вѣры, сдерживая ихъ смѣлыя парения (2). Когда онъ говорилъ (на экзаменахъ въ Академіи), то, казалось, говорилъ большею частію то́, что́ не могло быть неизвѣстно всякому изъ насъ; но въ устахъ его каждое слово имѣло такую жизнь и значеніе, что не новое для слуха было всегда ново для сердца, и давно принятое разумно и понятное какъ бы въ первый разъ дѣлалось понятнымъ по глубокому внутреннему смыслу (3).

Само собою эти краткія, но столь высокія и характеристичныя, свидѣтельства составляютъ результатъ не голословныхъ и не случайныхъ, а положительныхъ данныхъ; потому нѣтъ нужды приводить другія. А что-бы понять

---

(1) Смотр въ надгробн. рѣчи Архимандрита Филарета, бывшаго баккалавра, потомъ Еп. Рижскаго, сконч. въ Январѣ 1882 г.

(2) Смотр. Историч. записку по случаю юбилея Кіевской Академіи, стр. 118.

(3) Смотр. Слово, на панихидѣ въ первый годъ по кончинѣ высокопр. Филарета, бывшаго профессора академіи Наз. Ант. Ѳаворова, а теперь профессора Кіевскаго университета, Протоіерея и Доктора Богословія.

самый духъ и источникъ такого, соединеннаго съ простотою и глубиною, богословскаго вѣдѣнія въ лицѣ въ Бозѣ почившаго Первосвятителя, и, въ частности, духъ его ревности о сохраненіи цѣлости и чистоты самыхъ истинъ Вселенско-богословскихъ, довольно знать, какъ онъ прилагалъ самъ къ себѣ слова Апостола *«себе испытайте, аще въ вѣрѣ есте»*. Такъ напр. въ Бозѣ почившій, во время своихъ пощеній и говѣній, (неопустительныхъ во всѣ посты), прочитывалъ каждый разъ Катихизисъ—то Петра Могилы, то митр. Филарета Московскаго. Знавшіе это долго недоумѣвали и дивились. Наконецъ, когда спросили: «для чего это онъ дѣлаетъ?!» «Для того, смиренно отвѣчалъ онъ, чтобы напечатлѣть глубже въ сердцѣ своемъ истинное исповѣданіе Богоспасительной вѣры Христовой и провѣрить себя, не погрѣшилъ ли я, не поумствовалъ ли въ чемъ либо черезъ мѣру по личному своеразумію, хотя бы, по видимому, и благословному.—Не бось у васъ на умѣ-то, что я-де Докторъ Богословія, и что́ для меня Катихизисъ?? Ну нѣтъ! Когда потребуютъ *добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовомъ*, то, вѣдь, не по диплому докторскому».—Въ силу такихъ сужденій о самомъ себѣ, онъ также простодушно, но глубокомыслено разсуждалъ и отзывался и о другихъ представителяхъ тогдашней богословской учености, не исключая даже и самаго высокопр. Филарета, митроп. Московскаго.

На вопросъ, предложенный однажды преосв. Антонію,—«какое участіе и вліяніе имѣлъ Московскій Первосвятитель при разсматриваніи его Догматическаго Богословія, такъ какъ изъ біографическихъ данныхъ видно, что Владыка Филаретъ Кіевскій обращался къ нему по этому предмету?»—полученъ былъ такой, (представляемый здѣсь вкороткѣ), отвѣтъ: «Владыка Московскій принималъ участіе самое сочувственное, но не дѣлалъ никакихъ письменныхъ указаній и отзывовъ. Это тѣмъ болѣе, что онъ разсматривалъ первую часть системы въ ту пору, когда былъ вмѣстѣ съ нашимъ Владыкою въ Петербургѣ. Впослѣдствіи же въ письмахъ ко Владыкѣ Московскій Филаретъ выражалъ только то́, что онъ съ удовольствіемъ исполнялъ желаніе перваго, но что довѣрялъ ему въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ себѣ самому и вся-

чески ожидалъ скорѣйшаго исполненія всего труда. Впрочемъ, сказалъ въ заключеніе своего отвѣта просв. Антоній, иначе и быть не могло; нашъ Владыка, болѣе чѣмъ кто, понялъ бы сразу значеніе тѣхъ или другихъ указаній (1). Онъ сколько чтилъ и любилъ, можно сказать, до безпредѣльности, Московскаго Филарета, столько же, по самой ревности, бывало говаривалъ, когда прочитывалъ его проповѣди: «хорошо-то хорошо и назидательно, и говорить нечего; но больно ужъ умно и мудро. Чай, это несовсѣмъ *добро и пріятно предъ Самимъ Спасителемъ нашимъ Богомъ*. Вѣдь не даромъ же мы слышимъ постоянное воззваніе въ церкви: *Премудрость! Прости!* Вотъ Катихизисъ его (Митр. Филарета) я отъ всего сердца люблю и чту: все такъ кратко, просто, ясно.—Когда читаешь, то чисто самъ себя исповѣдаешь, какъ предъ лицемъ духовника».

«Другое дѣло, (продолжалъ по поводу того же вопроса преосв. Антоній) когда преосв. Григорій, бывшій тогда архіепископомъ Казанскимъ, поднялъ-было цѣлую бурю полемическую противъ моей Догматики (при пятомъ ея уже изданіи). Тогда и нашъ Владыка подвигнулся всею своею ревностію духа и силою своего богословскаго вѣдѣнія, чтобы застоять слово и дѣло истины. И здѣсь Владыка дѣйствительно проявилъ свою наукообразную сторону въ такой степени, что оправдалъ истину Евангельскую: «*пусть ученикъ надъ учителемъ*», такъ какъ преосв. Григорій на самомъ дѣлѣ былъ ученикомъ его въ Петербургской Академіи, когда Владыка Филаретъ состоялъ тамъ Инспекторомъ, и

---

(1) Замѣчательно, что мы, писавши эти строки, встрѣтили *совсѣмъ иное*, что свидѣтельствуетъ авторъ «*Очерка жизни Прот. І. П. Павскаго по новымъ матеріаламъ*» *о томъ же высокопр. Филаретѣ* М. Московскомъ и *по поводу подобнаго же труда* высокопр. Макарія, бывшаго Митроп. Московскаго. Вотъ его слова: «Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что *учебникъ* его (высокопр. Макарія) по *Догматическому Богословію нѣсколько лѣтъ пролежалъ подъ сукномъ на столѣ у Митроп. Москов Филарета* и могъ быть изданъ, съ одобренія Св. Синода, *не раньше*, какъ только уже *по кончинѣ Митр. Филарета*» .. (Смотр. «Русск. Старина», 1880 г. Январь, стр. 123, составл. проф. С.-Петерб. Академіи Н. И. Барсовымъ).

тогда же получилъ степень Доктора вмѣстѣ съ Ректоромъ Академіи Филаретомъ (Митропол. Московскимъ)».

Наконецъ, чтобы составить еще болѣе полное понятіе о степени богословскихъ познаній высокопр. Филарета и о томъ, на сколько, по этому, онъ могъ дѣйствительно быть руководительнымъ участникомъ при составленіи разсматриваемаго Догматическаго Богословія, нужно знать, что онъ носилъ титулъ «Доктора Богословія» не номинально, какъ поднесенный ему въ свое время въ смыслѣ только почетномъ. Въ теченіи службы академической инспекторской, и по преимуществу ректорской въ Московской дух. Академіи (1814—1819 г.), онъ, какъ видѣли читающіе, составилъ самъ Догматическое Богословіе, находившееся и въ разсмотрѣніи бывшей тогда Коммиссіи духовныхъ училищъ, а также «*толкованіе на книгу Прор. Исаіи*» съ общимъ введеніемъ къ истолковательному чтенію пророч. книгъ.

Это свое Догматическое Богословіе высокопр. Филаретъ далъ и назначенному ихъ Автору будущей системы—Инспектору Антонію для руководства и пользованія содержаніемъ въ нѣкоторыхъ особенно трактатахъ (1). Когда же на-

(1) Когда только въ первый разъ (въ 1848 г.) вышло въ печати Догматическое Богословіе А. Антонія, и были получены экземпляры его въ Уфѣ, то,—бывшій студентомъ въ Московской дух. Академіи въ 1-мъ курсѣ при ректорствѣ Архимандрита Филарета,—*Матвѣй Добровъ*, въ монашествѣ *Михаилъ*, бывшій Епископъ Уфимскій, а въ описываемую пору проживавшій на покоѣ въ Уфимскомъ Успенскомъ монастырѣ, говорилъ мнѣ (пишущему) лично слѣдующее: «Знаете ли, что я хочу вамъ сказать, или лучше—въ чемъ я готовъ какъ бы исповѣдаться.... Вѣрите ли, что чѣмъ болѣе и болѣе я читалъ нововышедшую Догматику Архимандрита Антонія, (племянника высокопр. Филарета Митроп. Кіевскаго), тѣмъ всё болѣе и глубже чувствовалось, что вотъ-вотъ такъ и дышитъ и вѣетъ во всемъ ея содержаніи духъ незабвеннѣйшаго бывшаго моего о. Ректора и Профессора въ Московской Академіи,—достоблаженнаго Филарета, который преподавалъ намъ Догматику же своего сочиненія.—А такъ какъ я здѣсь теперь привитаю въ томъ же самомъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда жилъ и онъ, бывши Настоятелемъ,—то у меня по временамъ до того живо расходилось воображеніе, что я готовъ былъ представлять его какъ бы лицемъ къ лицу въ томъ видѣ и состояніи, какъ, бывало, видѣлъ его и слушалъ истинно съ благоговѣніемъ лекціи его въ Академіи.

чалась работа по составленію Догматическаго Богословія, то, говорилъ высокопр. Антоній, Владыка—дядя не давалъ ни отдыха, ни срока, требуя, чтобы непремѣнно былъ представляемъ ему постепенно каждый отдѣлъ въ системѣ на разсмотрѣніе. Это я долженъ былъ исполнять съ такою точностію, что посылалъ ему отдѣлы и въ С.-Петербургъ. (Доказательство на это читающіе видѣли уже въ приведенномъ прежде письмѣ). Наконецъ когда уже вся система была мною окончена, Владыка не ограничился однимъ лишь прочтеніемъ ея, хотя и находилъ ее во всемъ удовлетворительною. Онъ требовалъ, чтобы въ теченіи, по крайней мѣрѣ, двухъ курсовъ, (двухгодичныхъ по тогдашнему), было опытомъ провѣрено и дознано,—на сколько эта система и по плану, и по содержанію, и даже по самому объему могла быть соотвѣтствующею усвоенію учениковъ и удовлетворительною по самымъ качествамъ ихъ успѣховъ. Бывая же на экзаменахъ полугодичныхъ и годичныхъ, Владыка и самъ особенно вникалъ и слѣдилъ, что́ и какъ оказывалось на дѣлѣ. А какъ въ эту же пору въ первомъ Богословскомъ отдѣленіи преподавалъ Догматическое Богословіе Ректоръ (Архимандритъ Евсевій) отчасти по Догматикѣ Терновскаго, отчасти же по издавна переходившимъ изъ курса въ курсъ запискамъ, то для Владыки было еще вѣрнѣе слѣдить и точнѣе опредѣлять сравнительно и достоинство самыхъ системъ, и качество, и степень развитія познаній самыхъ учениковъ. Владыка бывало слушаетъ-слушаетъ, затѣмъ сдѣлаетъ нѣкоторые вопросы ученикамъ, или обращенія къ Ректору и потомъ вдругъ, спроситъ: «а какъ у тебя въ системѣ сказано объ этомъ? Само собою немедленно отвѣтишь ему въ подлинникѣ отъ слова до слова... И онъ тутъ-то, бывало, спроста и скажетъ: «ну да... вотъ это такъ, хорошо: и коротко, и ясно, и понятно».

Затѣмъ, по прошествіи двухъ курсовъ, когда Ректоръ Евсевій былъ перемѣщенъ и Инспекторъ Антоній сначала былъ назначенъ временно-исправл. должность Ректора и преподавателемъ Богословія въ обоихъ отдѣленіяхъ, и наконецъ вскорѣ опредѣленъ былъ дѣйствительнымъ Ректоромъ и профессоромъ того же Богословія въ первомъ отдѣленіи, высокопр. Филаретъ лично распорядился, чтобы въ обоихъ отдѣ-

леніяхъ богословскихъ была преподаваема одна и таже система, составленная архимандр. Антоніемъ. Не смотря однако на законченность этой системы, высокопр. Филаретъ продолжалъ ея провѣрку на практикѣ еще на цѣлый двухгодичный курсъ, дабы убѣдиться, какъ одна и таже система, въ рукахъ не самого только автора, но и другаго стороняго, окажется вполнѣ удовлетворительною.

И вотъ, по минованіи уже этого послѣдняго срока, приступлено было наконецъ къ заявленію объ этомъ трудѣ оффиціальнымъ образомъ. По порядку этой послѣдней процедуры новосоставленное Догматическое Богословіе представлено было Авторомъ въ Конференцію мѣстной Академіи Кіевской. Здѣсь—въ Конференціи ни затрудненій, ни замедленія въ самомъ времени, естественно, и предполагать было бы излишне. Главнымъ представителямъ богословской спеціальности—извѣстнѣйшему тогда Доктору Богословія Прот. Ив. Мих. Скворцову, и тогдашнему Ректору Академіи архимандриту Дмитрію (1) представленный трудъ былъ извѣстенъ не заочно только и по слухамъ, а конфиденціально находился уже въ рукахъ ихъ еще прежде и вызывалъ полное сочувствіе и одобреніе. Потому оффиціальный отзывъ Конференціи былъ необходимъ для соблюденія только формы и порядка. Въ удовлетворительности же самаго отзыва по достоинству со стороны и труда и цѣнителей само собою не было и мѣста для сомнѣнія. Все это скорѣе тѣмъ и проще могло состояться, что самый трудъ былъ представленъ Авторомъ не въ видахъ соисканія степени Доктора Богословія, а лишь на разсмотрѣніе для права изданія его въ печати.

По представленіи Конференціею своего опредѣленія, высокопр. Филаретъ самъ уже отъ себя обратился въ Св. Синодъ по этому дѣлу; при чемъ *выразилъ прямо*, что представляемая система Догматическаго Богословія *была составляема* Авторомъ *«подъ его руководствомъ»*.

Св. Синодъ при имѣвшейся въ дѣлѣ рецензіи мѣстной академической Конференціи (Кіевской), опредѣлилъ,

---

(1) Бывшій *двукратно* Одесскимъ архіепископомъ, сконч. 14 Ноября 1883 г.

однако, подвергнуть новосоставленную систему *новой рецензіи*, именно чрезъ Конференцію же Академіи С.-Петербургской. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, высокопр. Филаретъ, (сказывалъ покойный владыка Антоній), крѣпко покачалъ головой и примолвилъ: «знаю, знаю все... Но пожденъ, увидимъ. а не увидимъ, такъ услышимъ, *что сіе хощетъ быти* и, главное, что изъ этого выйдетъ».

Рецензія со стороны Конференціи С.-Петербургской Академіи не замедлила послѣдовать. Главный членъ ея, тогдашній Ректоръ Академіи Архим. Евсевій (бывшій впослѣдствіи высокопр. Архіеписк. Могилевскій) (1) въ отзывѣ своемъ сказалъ, что сочиненіе, по тщательномъ разсмотрѣніи, найдено имъ соотвѣтствующимъ своему назначенію и по содержанію и изложенію, хотя и указалъ при этомъ на нѣкоторыя мѣста, требующія пересмотра и исправленія со стороны Автора. Что это дѣло вообще не замедлилось, видно изъ того, что въ томъ же 1847 г послѣдовалъ уже и Указъ изъ Св. Синода съ сказаннымъ сей часъ отзывомъ (2).

Высокопр. Филаретъ, говорилъ покойный влад. Антоній, прочитавъ сначала самъ, присланный при Указѣ, отзывъ, прямо отдалъ его мнѣ съ словами: «на-ко сообрази, что именно не ладно въ твоей системѣ сравнительно съ этимъ отзывомъ; и главное представь мнѣ поскорѣе. Я радъ и благодаренъ, что *тамъ* не замедлили, а намъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ задерживать дѣло; да я самъ сразу вижу, что тутъ не предстоитъ никакой серьезной работы».—Слова его оправдались дѣйствительно, такъ что отъ 11-го уже Февраля 1848 г. (3) (слѣдов. со времени полученія Указа съ отзывомъ ни-какъ не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ), высокопр,. Филаретъ прямо же отъ себя донесъ Св. Синоду,

---

(1) Сконч. въ Январѣ 1883 г.

(2) Указъ Св. Синода отъ 30 Декабря за № 14550-мъ.

(3) Донесеніе было отъ 11 Февраля 1848 г. за № 392.—Затѣмъ, 5 Апрѣля, Митроп. Филаретъ просилъ въ письмѣ преосв. Иннокентія, бывшаго въ Синодѣ, «употребить возможное содѣйствіе къ разрѣшенію напечатать Богословіе; ибо оно *прошло всѣ переходы для цензуры— самой строгой*».

что требуемое исполнено, и снова просилъ немедленнаго разрѣшенія и благословенія Св. Синода на напечатаніе системы.

Послѣ этого представленія не предвидѣлось уже препятствій къ разрѣшенію печатанія и оно послѣдовало скоро. Но затѣмъ Св. Синодъ вошелъ въ разсужденіе о достоинствѣ и пользѣ этого ученаго труда. И вотъ результатъ сего разсужденія Св. Синода, какъ значится въ подлинной выпискѣ изъ опредѣленія Св. Синода по этому дѣлу, которую сообщилъ, при отношеніи своемъ (1) на имя высокопр. Филарета тогдашній г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Графъ Н. А. Протасовъ. «1) Такъ какъ духовныя Семинаріи доселѣ не имѣютъ печатнаго руководства на Русскомъ языкѣ по классу Догматическаго Богословія, которое бы (руководство) вполнѣ удовлетворяло требованіямъ сей науки, составляющей главный и важнѣйшій предметъ духовнаго образованія, Богословіе же Архимандрита Антонія составлено имъ *подъ непосредственнымъ руководствомъ Преосвященнаго Филарета Митрополита Кіевскаго* и, по разсмотрѣніи, одобрено въ учебномъ отношеніи Конференціями С.-Петербургской и Кіевской Академій: то ввесть немедленно сію книгу въ классическое употребленіе во всѣхъ дух. семинаріяхъ. 2) Преосвященному Митрополиту Кіевскому Филарету за архипастырское руководствованіе въ составленіи сего, столь полезнаго въ учебномъ отношеніи, сочиненія, совершенно согласнаго съ духомъ ученія Православной Каѳолической Церкви, изъявить отъ лица Св. Синода полную признательность. 3) Архимандрита Антонія, въ уваженіе какъ вообще усердныхъ и полезныхъ учебныхъ трудовъ его по преподаванію богословскихъ наукъ въ Семинаріи, такъ, въ особенности, по вниманію къ настоящему опыту высшаго духовнаго просвѣщенія, представленному имъ во вновь составленномъ сочиненіи, возвесть на высшую ученую степень «*Доктора Богословія*».

Когда вскорѣ за симъ былъ полученъ дипломъ и самый крестъ *Докторскій*, и когда отъ всѣхъ, особливо искренно сочувствовавшихъ и труду и Автору, выражались разныя

(1) Отношеніе отъ 30 Ноября за № 15501-мъ.

привѣтствія, высокопр. Филаретъ, какъ передавалъ покойный влад. Антоній, тоже не скрывалъ и предъ другими своего полнаго удовольствія. «Я радуюсь, говорилъ онъ, конечно и тому, что твой трудъ увѣнчанъ честію и для тебя, но болѣе всего утѣшаюсь, что Господь благословилъ совершить это дѣло такъ, какъ душа моя хотѣла и радѣла. Я увѣренъ, что эта система должна будетъ выдержать себя на много лѣтъ, и хотя науки богословскія будутъ усовершаться съ теченіемъ времени и быстро, но эта система должна оставаться, какъ прочное основаніе. Если Св. Синодъ благоизволилъ выразить мнѣ полную признательность за посильное мое руководствованіе, то я съ своей стороны приношу мою всеполнѣйшую благодарность Св. Синоду и благоговѣйнѣйшую радость о Господѣ, что Онъ Своею, Богодарованною священно-начальникамъ паче же всего въ лицѣ Священнаго Собора, благодатію выну просвѣщаетъ и умудряетъ, *во еже быти намъ, по Дару Всесвятаго Духа, право правящими Слово Его истины.* Здѣсь собственно не лицо—авторское важно, а единеніе духа и вѣры въ союзѣ мира. Молю Того же Господа, дабы и преподающіе и изучающіе ученіе Вѣры Христовой и не только въ Семинаріяхъ, для которыхъ составлено настоящее руководство, но и въ Академіяхъ, держались вѣрно и неотступно изложенныхъ въ немъ истинъ, паче же всего уразумѣвали, что эти истины не философемы какія либо, а суть Глаголы Господа; а Онъ Самъ рекъ: *Глаголы яже Азъ глаголю—духъ и животъ суть.* . Тебѣ же говорю, что если ты и удостоенъ высшей чести, заключающейся въ учебной степени Доктора, то прими сіе съ одной стороны яко и достойное по Апостолу: «*Прилежащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17); а ты дѣйствительно *потрудился* много, и *прилѣжалъ добрѣ*; а главное, принявъ на перси твои крестъ Докторскій, внимай, что̀ на немъ означено (Матѳ. 5. 19.—*Иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небеснемъ).* Что ты еще молодъ для такого высокаго званія, это правда; но скажу словами того же Апостола къ св. Тимоѳею: «*никто о юности твоей да*

не радитъ (Тим. 4, 12), токмо *буди вѣренъ званію* по новой твоей степени, не по имени... и самъ же первый *не неради о своемъ дарованіи*, *да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ* (ст. 14, 15.—Однимъ словомъ, говорилъ покойный влад. Антоній, высокопр. Филаретъ повторилъ при этомъ чуть не все первое посланіе къ св. Тимоѳею, подобно тому, какъ, при самомъ началѣ поручаемаго имъ мнѣ составленія Догматич. Богословія, прочиталъ почти все посланіе къ Ефесеямъ Въ заключеніе же сказалъ: «Я и самъ почти въ твои же годы (1) получилъ степень Доктора; теперь же разница между нами та, что *мнѣ подобаетъ малитися*, *тебѣ же множитися*, (2) *множитися* не въ ученыхъ только званіяхъ и почестяхъ, а въ *преспѣяніи* и въ дальнѣйшихъ трудахъ и, дай Богъ, подобно же успѣшныхъ».

Наконецъ, для скорѣйшаго изданія въ печати и, главное, для возможно-тщательнаго и исправнаго напечатанія, дабы и опечатками, особенно на первый разъ, не ввести кого въ недоумѣніе и не подать повода къ какимъ либо кривотолкованіямъ, высокопр. Филаретъ настоятельно требовалъ, чтобы самая корректура не только проходила чрезъ руки автора, но оттиски по отдѣламъ были предварительно представлены лично ему. Вообще, сказывалъ покойный Антоній, Владыка-дядя радовался этому дѣлу, кажется, болѣе чѣмъ я самъ. «Я теперь, приговарилъ онъ, и умру спокойнѣе, что дождался, по милости Божіей, исполненія моего задушевнаго желанія. Вѣдь заслугъ у меня не много, а, можетъ и никакихъ; за-то дерзаю сказать словами Апостола: «*вѣру соблюдохъ*» (3).

---

(1) Высокопр. Филаретъ получилъ степень Доктора въ 1814 г, слѣдов. *на 35 году* его жизни, а высокопр. Антоній въ 1848 году, когда ему было отъ роду *33 года*.

(2) Это выраженіе буквально употреблено и въ письмѣ высокопр. Филарета къ извѣстному П. С. Алексинскому объ А. Антоніи, когда этотъ послѣдній находился на чредѣ въ С.-Петербургѣ (письмо отъ 11 Февраля 1849 г.). Письмо это будетъ приведено еще въ своемъ мѣстѣ.

(3) Это выраженіе значится и въ замѣткахъ рукописныхъ, имѣющихся у насъ, веденныхъ въ свое время со словъ самого высокопр. Филарета покойнымъ Влад. Антоніемъ.

Экземпляры новоставленной системы Догматическаго Богословія, какъ только появилась она въ печати, стали расходиться тогда же въ 1848 г. повсюду, хотя распоряженія о введеніи этой системы въ учебникъ еще тогда не послѣдовало. И самый трудъ и авторъ были почтены тогда же самыми достойными и лестными отзывами отъ разныхъ лицъ, какъ многихъ изъ тогдашнихъ Святителей, такъ и состоявшихъ въ нашей духовно-учебной администраціи, не исключая самого г. Оберъ – Прокурора Св. Синода Графа Н А. Протасова. Выписываемъ здѣсь для образца нѣкоторые, особенно характеристичные, отзывы (1). «Не могу и не знаю чѣмъ, хотя отчасти, выразить (писалъ высокопр. *Анатолій*—архіеп. Могилевскій) всеискреннѣйшую мою благодарность Вашему В—бію за пріятнѣйшій и по истинѣ благодатный даръ Вашъ. Съ душевнымъ наслажденіемъ, какого давно не испытывалъ, я просмотрѣлъ и съ половину уже прочиталъ Ваше Догматическое Богословіе, которое въ нашей отечественной Церкви по своей стройности раскрытія истинъ, твердости доказательствъ и ясной точности ихъ изложенія есть, по истинѣ, явленіе тѣмъ вожделеннѣе и восхитительнѣе, чѣмъ *неожиданнѣе*. Это благодѣяніе для нашихъ Семинарій и въ особенности для воспитанниковъ въ опыхъ, которые, Богъ вѣсть, за какой грѣхъ, болѣе тридцати лѣтъ будто *египетскимъ плинводъланіемъ* денно и нощно отягощаются списываніемъ, неизвѣстно какихъ, системъ. По сему если по изреченію св. Апостола «*слава и честь всякому дѣлающему благое*», то я и опредѣлить не въ состояніи, какой достойны славы и чести люди, которые, подобно Вамъ, отъемлютъ отъ нашихъ Семинарій

---

(1) Подлинныхъ писемъ съ таковыми отзывами имѣлось у насъ въ рукахъ болѣе *десяти*, а именно: отъ *Анатолія*, архіепископа Могилевскаго,—*Гавріила*, архіеп. Тверскаго,—*Иннокентія*, архіеписк. Херсонскаго,—*Гедеона* архіеп Полтавскаго,—*Гавріила*, архіеп. Рязанскаго,—*Иліодора*, архіеп. Курскаго,—*Аркадія*, архіеп Пермскаго,—*Николая*, епископа Тамбовскаго,—*Іереміи*, еписк. Кавказскаго, еще отъ Ректора Москов духов. Академіи архим. *Алексія*, и отъ г. Оберъ-Прокур. Св. Синода Графа Н. А. Протасова и отъ Директоровъ Дух. Учебнаго Управленія Карасевскаго и Сербиновича.

укоризну въ позорной ихъ скудости учебниками. И если бы это отъ меня зависѣло, то я немедленно ввелъ бы во всеобщее употребленіе Ваше Богословіе въ семинаріяхъ и пр.» (1). «Этотъ благословенный трудъ Вашъ, писалъ преосв. *Іеремія* бывшій тогда еписк. Кавказскій, зѣло обрадовалъ мою душу и по благопотребности его для Церкви Божіей, и по внутреннему достоинству его и важности, и еще потому, что сей превосходный плодъ возросъ въ томъ вертоградѣ, гдѣ и я былъ, *аще и не плоднымъ*, дѣятелемъ. Молю Господа, да и впредь во славу Его приносится плодъ въ тридесять, и шестьдесятъ, и во сто словомъ и дѣломъ, благимъ поученіемъ и житіемъ Вашимъ по Бозѣ» (2). Самъ г. Оберъ-Прокуроръ гр. Протасовъ писалъ по этому поводу на имя самаго высокопр. Филарата хотя въ выраженіяхъ, болѣе оффиціальныхъ; за то при первомъ личномъ и едставленіи къ нему Автора, прибывшаго вскорѣ въ С.-Петербургъ на чреду служенія, отнесся къ нему со всею благовнимательностію и благодарилъ его съ совершенною искренностію въ такихъ между прочимъ буквальныхъ выраженіяхъ: «*Вы оказали намъ великую услугу... Вы сняли съ насъ позоръ, что доселѣ не было въ Россіи своей системы Богословской*» (3).

Кромѣ писемъ на имя Автора съ отзывами о его трудѣ, были письма и прямо на имя самого высокопр. Филарета по этому же поводу. Хотя мы не имѣемъ ихъ подъ рукой, даже и въ выпискахъ, но содержаніе ихъ понятно. А какъ письма къ первому и второму были въ свое время взаимно читаны тѣмъ и другимъ, то высокопр. Филаретъ, по разсказамъ преосв. Антонія, и словъ не находилъ выражать свою духовную радость не столько уже за успѣхъ труда, сколько собственно о томъ, что въ лицѣ Святителей Русской Церкви сохраняется благодатію Божіею такой духъ и чувство ревности по Бозѣ о дѣлѣ истинно-православнаго просвѣщенія и о соблюденіи чистоты самаго ученія Христо-

---

(2) Письмо отъ 23 Ноября 1848 года.

(2) Письмо отъ 27 Декабря 1848 г.

(3) Слова эти буквально слышаны были нами изъ устъ преосв. Антонія при разныхъ случаяхъ.

вой Церкви. «Вѣдь это, говорилъ онъ, не какія либо ученыя рецензіи, хотя бы и высокоученыхъ людей, а голосъ и свидѣтельство всей нашей помѣстной Церкви».—Еще болѣе, кажется, радовался онъ духомъ, что Догматическое Богословіе принято учебникомъ и въ свѣтскихъ высшеучебныхъ заведеніяхъ.

Наконецъ, когда, при испрашиваніи разрѣшенія (въ 1853 г.) у Св. Синода на *пятое* уже изданіе Догматическаго Богословія, преосв. *Григорій* (Постниковъ) бывшій тогда Архіепископ Казанскимъ, поднялъ-было открытую оффиціальную полемику противъ нѣкоторыхъ пунктовъ, и когда преосв. *Иннокентій* (Херсонскій), находившійся въ эту пору въ числѣ Присутствующихъ въ Св. Синодѣ, сообщилъ объ этомъ въ письмѣ высокопр Филарету, тогда послѣдній не мало встревожился при одномъ слухѣ объ этомъ начавшемся дѣлѣ. Встревоженность его, говорилъ высокопреосвященный Антоній, имѣла тотъ смыслъ, чтобы по пословицѣ, «отъ искры не дошло до пожара». Владыка готовъ былъ выступить съ открытымъ не только апологетизмомъ, но даже протестомъ. Благо, что скоро доставлена была ему, сначала конфиденціально, буквальная копія съ того заявленія, которое внесъ отъ себя въ Св. Синодъ преосв. Григорій, съ изложеніемъ своихъ замѣчаній (*болѣе сорока*) противъ многихъ мѣстъ Догматическаго Богословія, а затѣмъ послѣдовалъ и указъ Св. Синода (отъ 31 Декабря 1853 г.) съ выпискою тѣхъ же замѣчаній. Увидѣвъ уже въ этой выпискѣ, въ чемъ дѣло, Владыка видимо успокоился, и, отдавая мнѣ для прочтенія, онъ сказалъ: «ну, не ахти же какая велемудрость! Впрочемъ ты-то, чадо, хоть и Докторъ, да готовься-ка къ экзамену, который я тебѣ самъ дамъ; а меня уже пусть проэкзаменуетъ самъ Св. Синодъ, коли я дожилъ до этого .. Эхма - Эхма! невольно скажешь словами блаженнаго старца о. Парѳенія. Есть же люди, которые отъ большаго-то ума если не являются, по слову св. Апостола, прямо *кующими мысли злы*, за-то оказываются оправдывающими на себѣ выраженіе: «отъ большаго-то ума всегда жди и ошибки или, напросто, глупости большой же». Повторялъ, онъ эти же, самыя выраженія почти до слова и при личномъ собесѣдованіи съ преосвященнымъ Иннокенті-

емъ (1) въ присутствіи моемъ, говорилъ преосв. Антоній. Владыка продолжалъ между прочимъ такъ: «Ну скажите, пожалуйста, Преосвященный, съ чего, кромѣ какъ съ бухту-барахту, пришло въ голову преосв. Григорію затѣвать это дѣло и, тѣмъ паче, проводить его путемъ оффиціальнымъ чрезъ Св. Синодъ.—Судя уже по тому одному, что преосв. Григорій съиздавна состоялъ Членомъ Св. Синода, онъ болѣе и ближе, чѣмъ кто, могъ бы сдѣлать подобное заявленіе или при самомъ первоначальномъ разсматриваніи Догматическаго Богословія, или, по крайней мѣрѣ, при первомъ, или второмъ изданіи».—«Да, страннымъ казалось это дѣло и тамъ, въ Св. Синодѣ, отвѣчалъ преосв. Иннокентій со всею откровенностію. Я самъ, какъ и нѣкоторые другіе, былъ даже противъ того, чтобы давать значеніе и ходъ заявленію преосв. Григорія, такъ какъ, изложенныя въ немъ, замѣчанія сразу оказывались и неумѣстными, и невыдерживающими своей силы и значенія, — но преосв. Григорій былъ тогда совершенно далекъ, чтобы согласиться на это. Въ послѣдствіи же, хотя онъ и былъ согласенъ уступить, по крайней мѣрѣ готовъ былъ перемѣнить свое прежнее изложеніе, но послѣднее было уже поздно, потому что замѣчанія его были уже препровождены Вашему В—ству въ выпискѣ при указѣ Св. Синода» (2).

Уступчивость со стороны преосв. Григорія сколько представлялась новою, своего рода, странностію, столько же она вызвана была другимъ, неожиданнымъ для него самого, обстоятельствомъ, изъ котораго онъ не могъ не понимать, что замѣчаніямъ его ясно давалось мало вѣсу. Дѣло было въ томъ, что въ описываемый промежутокъ отъ Духовно-Учебнаго Управленія, при предложеніи г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, послѣдовало представленіе о безотлагательной нуждѣ приступить къ новому выпуску Догматическаго Богословія А. Антонія по причинѣ, во множествѣ поступаю-

---

(1) Преосв. Иннокентій на пути изъ С.-Потербурга заѣзжалъ въ Кіевъ для свиданія съ Владыкою и даже нарочито, чтобы передать подробно о ходѣ дѣла.

(2) Указъ былъ на имя высокопр Филарета, отъ 31 Декабря 1853 года.

щихъ отвсюду, требованій на эту книгу, какъ учебникъ. И Св. Синодъ, не смотря на продолжавшееся дѣло по поводу замѣчаній преосв. Григорія, тутъ же опредѣлилъ «разрѣшить выпустить новое изданіе Богословія А. Антонія *немедленно въ прежнемъ его видѣ*».

Съ другой стороны, таже уступчивость, хотя и поздняя, со стороны преосв. Григорія объяснилась и изъ самаго содержанія его замѣчаній. Онѣ дѣйствительно были отнюдь не важны, по словамъ преосв. Иннокентія, и не выдерживали сами по себѣ силы и значенія, или, какъ выразился самъ высокопр. Филаретъ, представляли *не ахти какую велемудрость*... Это подтверждается уже и тѣмъ самымъ, что́ и какъ доносилъ высокопр. Филаретъ Св. Синоду въ отвѣтъ на указъ по этому предмету. Изъ *сорока* пунктовъ оказались важными, и то сравнительно, собственно *два пункта* а) о Богословскомъ терминѣ *Религія* и б) о Таинствѣ св. Мѵропомазанія, именно *о повторяемости и неповторяемости этого св. Таинства*. Послѣднему вопросу придавалъ и самъ Св. Синодъ особенную важность, такъ что, одновременно съ указомъ высокопр. Филарету о представленіи отвѣтовъ, поручилъ Духовно-Учебному Управленію отнестись къ другому автору Богословія, бывшему тогда Ректору С.-Петербургской духовной Академіи Доктору Богословія преосв. Макарію, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ свое мнѣніе касательно этого вопроса (1).

---

(1) По поводу разсматриваемаго дѣла самъ авторъ Догматики А. Антоній писалъ къ преосв. Иннокентію: «Вотъ уже третій годъ, какъ не давали мнѣ разрѣшенія печатать вновь мою Догматику, и наконецъ въ этомъ только мѣсяцѣ (письмо было отъ 23 Марта 1854 г.) получены при указѣ Св. Синода Владыкѣ замѣчанія, сдѣланныя на мою книгу *извѣстнымъ критикомъ*, послѣ *двухлѣтняго* содержанія ихъ *въ секретѣ*... Удивительно, какъ поступаютъ и поощряютъ у насъ ученые труды и самыя безкорыстныя пожертвованія вознаграждаютъ!.. Что́ же замѣчанія?... Онѣ противъ прежняго нѣсколько измѣнены, но въ основѣ тѣ же. Чѣмъ дальше и больше читать ихъ, тѣмъ,—скажу откровенно съ сыновнею довѣренностію Вашему Высокопреосвященству,—болѣе надо изумляться тому, что занимаются у насъ *такія лица* такимъ *школьнымъ ребячествомъ* и такъ тщательно и серьезно *процѣживаютъ комаровъ*!.. Замѣчанія присланы Владыкѣ на разсмотрѣніе

Составленіе отвѣтовъ на замѣчанія, равно какъ и нѣкоторыя по нимъ исправленія поручены были высокопр. Филаретомъ самому Автору А. Антонію. «И я, говорилъ онъ, дѣйствительно занялся этимъ дѣломъ весьма серьезно: отъ этого работа моя вышла очень значительная по объему. Но Владыка, — какъ только увидѣлъ мою рукопись, тутъ же замѣтилъ: «ну ты, кажется, и впрямь какъ на экзаменъ, или диспутъ написалъ цѣлую диссертацію. По моему же не стоитъ и не слѣдуетъ». Заставляя меня не разъ прочитывать по частямъ, онъ дѣйствительно настойчиво требовалъ выпускать очень многое, а наконецъ и самъ собственноручно еще болѣе сократилъ. Когда же пришлось представлять въ Св. Синодъ, то онъ окончательно передумалъ и оставилъ только то́, что́ касалось собственно двухъ вышеуказанныхъ пунктовъ—о терминѣ *Религія* и о Таинствѣ Мѵропомазанія.

Въ донесеніи своемъ Св. Синоду (1) высокопр. Филаретъ писалъ: а) что имъ поручено было автору Богословія разсмотрѣть сдѣланныя замѣчанія и, если гдѣ и что́ можно и нужно, исправить въ своей системѣ; б) это и было имъ сдѣлано, а именно: нѣкоторыя не значительныя выраженія замѣнены другими, по мѣстамъ вставлены цитаты, гдѣ ихъ не было; на нѣкоторыя догматы приведены свидѣтельства изъ св. преданія и изъ св. отцевъ (2); нѣкоторые §§ переставлены съ одного мѣста на другое безъ

съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ свое заключеніе. Не знаю, что́ онъ будетъ дѣлать съ ними. Впрочемъ самъ я не бросаю дѣла, а спишу и усовершаю свою книгу частію по замѣчаніямъ, а болѣе по своимъ соображеніямъ.

(1) Донесеніе было отъ 13 Ноября 1854 г. за № 3086.

(2) Эти свидѣтельства, какъ говорилъ преосв. Антоній, были и въ самой первоначальной моей рукописи; но Владыка же Филаретъ тогда еще сказалъ. «къ чему ихъ теперь на лицо?—и безъ того книга выйдетъ большая, такъ что лишь въ пору, чтобы усвоили ее всю учащіеся. А съ тѣмъ вмѣстѣ для чего такія *готовыя указки* для наставниковъ?—они при всемъ готовомъ-то, пожалуй, совсѣмъ сложатъ руки и не заглянутъ ни въ одно изъ святоотеческихъ твореній; а пусть-ка сами покопаются, почитаютъ и извлекаютъ все нужное.

измѣненія ихъ содержанія, и вообще сдѣлано только то́, что́ относилось лишь къ школьно - учебной сторонѣ дѣла. в) Но тѣ изъ замѣченныхъ мѣстъ, кои касались серьезной внутренней стороны, по его личному усмотрѣнію и соображенію, оставлены какъ было прежде. г) Касательно значенія и употребительности Богословскаго термина *Религія* и вопроса «о неповторяемости св. Таинства Мѵропомазанія» при семъ представляется особое изложеніе». Это изложеніе, во всей подлинной точности, помѣщаемъ здѣсь, какъ замѣчательное по своему содержанію.

I) «Не найдено нужнымъ и справедливымъ вытѣснять изъ нашего учебнаго Богословскаго языка слово—*Религія*. Ибо а) оно хотя не русское, а латинское, но усвоено уже русскимъ языкомъ и принято во всѣ европейскіе языки. Не заключая въ себѣ ни по составу своему, ни по значенію ничего противнаго истинѣ, и напротивъ весьма удачно выражая мысль, въ немъ заключающуюся, оно, подобно многимъ другимъ словамъ иноязычнымъ, вошедшимъ въ употребленіе на нашемъ языкѣ, напр. *догматъ, ѵпостасъ, сѵмволъ, канонъ, система, исторія* и проч., ничѣмъ не заслуживаетъ того, чтобы изгонять его, тогда какъ прочія указанныя слова терпятся и пользуются правомъ гражданства. б) Трудно согласиться съ тѣмъ, будто слово «*Религія*» можно вполнѣ замѣнить словомъ *Вѣра*, будто то́ и другое слово означаетъ одно и тоже, и будто два эти слова, употребляемыя для означенія одного и того же, производятъ только сбивчивость въ понятіяхъ. Напротивъ, слово *Религія* имѣетъ обширнѣйшее значеніе, а *Вѣра* тѣснѣйшее. Первымъ означается совокупность всѣхъ христіанскихъ истинъ, а вторымъ только часть ихъ. Понятіе *Религіи* заключаетъ въ себѣ и догматы, и нравоученія, и Богослуженіе, и каноны, а понятіе *Вѣры* только догматы, какъ и св. Апостолъ Павелъ опредѣляетъ вѣру: *Есть же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ*». (Евр. XI, 1.). Религія объемлетъ всѣ отношенія наши къ Богу; а Вѣра одно отношеніе — принятіе умомъ и и сердцемъ истинъ откровенія, и составляетъ не все, а только половину потребнаго ко спасенію, другая половина — добрыя дѣла, только по мнѣнію Лютеранъ, тождественна съ

вѣрою, и потому и вопросъ о добрыхъ дѣлахъ, какъ о чемъ либо отличномъ отъ вѣры, у нихъ не имѣетъ мѣста. А по Православному не такъ: посему и въ Св. Писаніи вѣра различается отъ добрыхъ дѣлъ. (Іак. гл. 11, ст. 14. 2 Тимоѳ. гл. 1, ст. 13). в) Что Цицеронъ толкуетъ слово *Религія*, по своему, въ смыслѣ не совсѣмъ благопріятномъ для насъ, это не важно: ибо Лактанцій и Августинъ, не менѣе Цицерона, знали свой природный языкъ, и они въ семъ случаѣ болѣе достойны довѣрія.

II) Замѣчено, что въ Догматикѣ не сказано въ ученіи о Таинствѣ Мѵропомазанія,—«какихъ отступниковъ нынѣ Православная Церковь принимаетъ чрезъ Мѵропомазаніе». Во 1-хъ, это относится болѣе къ Каноническому Праву и ученію объ обрядности церковной, чѣмъ къ Догматикѣ; во 2-хъ, не сказано это потому, что, по ученію нашей Церкви, Таинство Мѵропомазанія не совершается ни надъ какими отступниками, какъ только надъ тѣми, которые принимаются въ общеніе съ Православною Церковію, не бывъ прежде никогда мѵропомазаны, поелику это Таинство есть одно изъ трехъ *неповторяемыхъ* Таинствъ. Хотя же въ книгѣ: «Православно-Догматическое Богословіе» Епископа Винницкаго Макарія сказано, что «Мѵропомазаніе, будучи не повторяемо, подобно Крещенію, повторяется, однако-же, не подобно ему, надъ тѣми, которые отрицались отъ имени Христова и вновь обращаются къ Православію» (томъ IV, стр. 154): но *сей важный предметъ требуетъ предварительнаго глубокаго разсужденія Святѣйшаго Синода*. Ибо а) если допустить, что Мѵропомазаніе повторяется надъ обращающимися отступниками, то его нельзя уже называть *неповторяемымъ*, подобно Крещенію, иначе будетъ явное противорѣчіе: не повторяемое потому и не повторяемо, что не повторяется; если же оно повторяется, то уже не есть не повторяемо. Значитъ надобно будетъ измѣнить основное догматическое понятіе о Мѵропомазаніи и исключить его изъ числа *не повторяемыхъ* Таинствъ. б) Не вѣрно въ историческомъ отношеніи. Вопросъ о томъ,—какъ принимать отпадшихъ отъ вѣры Христовой, рѣшаемъ былъ въ Церкви издревле, еще во времена гоненій, и рѣшенъ былъ такъ, чтобы принимать ихъ чрезъ публичное покаяніе, проводя

чрезъ различные степени онаго, или эпитиміи, болѣе ничего не было узаконено и повтореніе надъ ними Мѵропомазанія не положено. в) Не согласно съ древними законами Соборовъ Вселенскій Соборъ II-й разсуждалъ о томъ, какъ присоединять иновѣрцевъ къ Церкви Православной, и указалъ въ 7-мъ правилѣ,—кого именно принимать чрезъ Крещеніе, кого чрезъ Мѵропомазаніе. Объ отступникахъ, вторично обращающихся, тамъ ничего не узаконено, и ни на какомъ другомъ Соборѣ, ни въ правилахъ отеческихъ также нѣтъ о семъ постановленій, хотя Трулльскій Соборъ въ 95-мъ правилѣ весьма близко касался сего предмета, и, повторивъ узаконенное въ 7-мъ правилѣ II-го Собора, дополнилъ оное, указавъ,—какихъ еретиковъ должно принимать въ Православную Церковь и безъ Мѵропомазанія, съ однимъ рукописаніемъ объ отверженіи еретическихъ мнѣній. г) Повтореніе Мѵропомазанія надъ отступниками отъ христіанской вѣры не согласно съ настоящимъ чиномъ Церкви нашей, издаваемомъ отъ Святѣйшаго Синода въ особой книжицѣ и взятымъ изъ древняго чина, изложеннаго въ большомъ Требникѣ Петра Могилы. Тамъ яснѣйшимъ образомъ указано, (см. лист. 56 на обор., 57, 58, 95 изд. 1837 г.), что принятіе обращающихся изъ отпавшихъ къ жидовству, или магометанству, послѣ извѣстной обрядности, должно оканчиваться разрѣшительною молитвою Таинства Покаянія съ наложеніемъ на нихъ только извѣстной эпитиміи, Мѵропомазаніе же совершать надъ таковыми указано только въ томъ случаѣ, когда, по тщательномъ распросѣ обращающагося, окажется, что надъ нимъ не было совершено Мѵропомазаніе, какъ-то надъ обращающимися изъ римско-католиковъ, прежде совершенія надъ ними Мѵропомазанія, которое отлагается у нихъ иногда на долго послѣ Крещенія, или изъ Лютеранъ и другихъ сектъ, вовсе не имѣющихъ сего Таинства. д) Хотя въ книгѣ Православнаго Исповѣданія Каѳолической и Апостольской Церкви Восточной сказано, что таинство Мѵропомазанія повторяется для тѣхъ, которые, отвергшись Имени Христова, опять обращаются: но сіе очевидно внесено въ Катихизисъ Петра Могилы предстоятелями Греческой Церкви, когда оный былъ ими разсматриваемъ, потому что въ Греціи въ то время былъ уже допущенъ обычай даже

крестить вновь всѣхъ иновѣрцевъ—Католиковъ и Лютеранъ. Ибо нельзя согласиться, чтобы Петръ Могила сказалъ въ Катихизисѣ своемъ одно, а въ Требникѣ написалъ совсѣмъ другое».

Донесеніе это высокопр. Филаретъ заключилъ такъ: «Долгомъ поставляю присовокупить, что *какъ первоначально Догматическое Богословіе* Архимандрита Антонія *составлено было подъ моимъ руководствомъ, неоднократно было разсматриваемо впослѣдствіи, такъ и въ настоящій разъ, разсмотрѣвъ всѣ, исправленныя имъ, мѣста, я нахожу ихъ достойными одобренія*; самую же книгу въ настоящемъ видѣ ея признаю тѣмъ болѣе достойною того мнѣнія, съ какимъ она первоначально была принята всѣми, удостоена была особеннаго вниманія Св. Синода и назначена имъ тогда же въ учебное руководство въ семинаріяхъ и также принята въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскихъ.—Но сіе съ глубокимъ смиреніемъ представляю благоусмотрѣнію Святѣйшаго Правительствующаго Синода».

Это донесеніе высокопр. Филарета представлено было, какъ сказано прежде, въ Ноябрѣ 1854 г.; а Указъ съ окончательно состоявшимся по нему опредѣленіемъ Св. Синода послѣдовалъ только въ Іюлѣ 1856 года. Причина такой продолжительности дѣла, по словамъ преосв. Антонія, заключалась въ томъ, что въ Св. Синодѣ хотя, сразу вполнѣ, соглашались съ содержаніемъ донесенія высокопр. Филарета и готовы были бы рѣшить это дѣло скоро, но выжидали, какъ отнесется къ нему лично самъ преосв. Григорій, или того времени, когда его не было бы въ самомъ Петербургѣ. Эти свѣдѣнія преосв. Антоній получилъ прямо изъ устъ преосв. Иннокентія въ бытность его въ послѣдній разъ въ Кіевѣ послѣ коронаціи (въ 1856 г.). Онъ (Иннокентій) говорилъ, что воспользовались именно отсутствіемъ преосв. Григорія ради его успокоенія, и чтобы положить конецъ этому дѣлу (1).

---

(1) По справкамъ здѣсь въ Казани у лицъ знающихъ оказалось, что преосв. Григорій получилъ въ 1856 г. увольненіе въ епархію въ Маѣ, и затѣмъ на другой день Успенія отправился на Коронацію, и

Въ чемъ же состоялъ этотъ конецъ?—Отвѣтъ на это—въ указѣ Св. Синода, посланномъ на имя высокопр. Филарета отъ 9-го Іюля 1856 г., который гласилъ такъ: «Принимая въ разсужденіе, что книга «Догматическое Богословіе» Архимандрита Антонія нынѣ имъ исправлена по замѣчаніямъ преосв. архіепископа Казанскаго Григорія, другія же мѣста одобрены Вашимъ Преосвященствомъ (М. Филаретомъ), Св. Синодъ опредѣляетъ I) Означенную книгу въ исправленномъ видѣ разрѣшить къ напечатанію новымъ изданіемъ. II) А какъ въ этой книгѣ, по особо возникшему вопросу, подлежитъ еще исправленію § 298 о Таинствѣ Мѵропомазанія, то сей § выразить въ новомъ изданіи слѣдующимъ образомъ. «Таинство Мѵропомазанія, однажды совершившееся надъ вѣрующимъ, простираетъ свое благодатное дѣйствіе на всю его жизнь».

Въ немедленно послѣдовавшемъ, послѣ этого указа, новомъ изданіи Богословія сказанный § 298 явился подъ § 295 подъ заглавіемъ: «*Неповторяемость Мѵропомазанія*», въ буквальномъ изложеніи согласно указу. Но къ этому § присоединено съ тѣмъ вмѣстѣ *примѣчаніе* такое: «Что́ касается Помазанія Св. Мѵромъ Благочестивѣйшихъ Государей при Вѣнчаніи ихъ на царство: то св. Церковь, по примѣру ветхозавѣтнаго помазанія царей, совершаетъ сіе для испрошенія Царствующимъ особенныхъ благодатныхъ дарованій, благопотребныхъ для ихъ высокаго служенія». Что́ же касается спорнаго термина «Религія», онъ остался въ новоизданной Догматикѣ въ прежнемъ употребленіи и силѣ навсегда.

Такимъ образомъ, продолжавшееся съ 1853 г. по 1856 г., дѣло по возникшей полемической перепискѣ получило наконецъ результатъ, вполнѣ достойный и самаго предмета и благопріятный для тѣхъ, кои не жданно, сколько и не заслуженно, вызваны были на поле полемики. Значеніе этого

съ той поры уже не возвращался, бывъ пожалованъ въ Коронацію Митрополитомъ, а въ концѣ Сентября назначенъ С.-Петербургскимъ Митрополитомъ. Слѣдовательно сказанное опредѣленіе состоялось въ отсутствіе его, какъ показываетъ и самое время Указа—9 Іюля 1856 года.

результата высокопр. Филаретъ съ своей стороны весьма мѣтко и характеристично выразилъ въ слѣдующихъ словахъ, какъ передавалъ самъ преосв. Антоній: «Держа въ рукахъ, только-что представленный ему, экземпляръ новаго изданія въ исправленномъ видѣ, Владыка Филареть сказалъ мнѣ. «Ты, вѣдь, получилъ бронзовый крестъ за минувшую войну Крымскую?! А обратилъ ли ты вниманіе, что́ на немъ написано на лицевой сторонѣ? А мнѣ такъ вотъ теперь же больно бросилось въ глаза,—знаешь ли что́? Догадайся-ка!. А вотъ тебѣ въ рукахъ монхъ живая ассоціація. Вѣдь на крестѣ-то изображены годы 1853, 1854, 1855, 1856, а твоя Догматика не точь ли въ точь, въ теченіи этихъ же самыхъ годовъ, подвергалась полемической *бомбардировкѣ*, хотя осталась крѣпче твердынь Севастопольскихъ. . и дастъ Богъ, устоитъ и впредь. Потому и намъ остается только исповѣдывать тѣ же слова, какія обозначены на томъ же крестѣ на другой сторонѣ—«*на Тя, Господи, уповахомъ, да непостыдимся во вѣки*»!!

Догматическое Богословіе, напечатанное въ первый разъ въ 1848 г. и въ 1856 г. вышедшее уже *шестымъ изданіемъ*, продолжало издаваться и распространяться болѣе и болѣе. Оно имѣло исключительное и господствующее употребленіе въ классно-учебномъ отношеніи *двадцать лѣтъ* и даже болѣе. Оно было введено въ употребленіе и въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, да и въ самыхъ Академіяхъ духовныхъ, едва ли не въ большинствѣ, употреблялось оно же при репетиціяхъ для экзаменовъ. Это же Богословіе можно встрѣтить и теперь едва ли не во всѣхъ церковно-приходскихъ библіотекахъ и у большинства духовныхъ лицъ — отъ священниковъ до архипастырей Во всякомъ случаѣ въ составленномъ высокопр. Филаретомъ Митр. Московскимъ и утвержденномъ Св. Синодомъ, каталогѣ книгъ, признанныхъ необходимыми для всѣхъ церковно-приходскихъ библіотекъ, Догматическое Богословіе А. Антонія поставлено было въ ряду первыхъ. Наконецъ изданіе и распространеніе этого сочиненія не ограничилось предѣлами только нашего отечества. Оно явилось въ переводѣ и печатномъ изданіи на *Новогреческомъ* языкѣ и тамъ введено въ учебныхъ

высшихъ заведеніяхъ въ классическое употребленіе (1). Сверхъ сего экземпляры Догматическаго Богословія на Русскомъ языкѣ въ немаломъ количествѣ распространялись по рукамъ многихъ лицъ въ Болгаріи, Сербіи и Молдавіи. Такое распространеніе совершилось прежде всего чрезъ лицъ, получившихъ образованіе въ Кіевской Академіи и Семинаріи. При отпускѣ ихъ на родины въ разныя времена и мѣста авторъ А. Антоній вручалъ имъ въ даръ по нѣсколько экземпляровъ; затѣмъ и послѣ посылалъ не мало, по ихъ желанію, для распространенія между другими образованными туземцами, могущими понимать достаточно Русскій языкъ.

Послѣ первыхъ изданій, Авторъ передалъ свой трудъ въ собственность Духовно-Учебнаго Управленія при Св. Синодѣ навсегда, но съ назначеніемъ цѣны не болѣе 25 коп. за экземпляръ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній (2). Такая цѣнность книги, заключающей въ себѣ *тридцать пять* печатныхъ листовъ самой убористой печати, само собою, должно бы равняться далеко бо́льшей стоимости; но въ этомъ дѣлѣ первый же самъ высокопр. Филаретъ поступилъ такъ, а не иначе, такъ какъ онъ же и на первое изданіе, хотя печатавшееся въ Кіево-Лаврской Типографіи, отпустилъ свои деньги. Первымъ изданіемъ, само собою, по преимуществу воспользовались всѣ ученики Кіевской дух. Семинаріи,—при чемъ, по расположенію высокопр. Филарета, были выданы безплатно экземпляры для учениковъ, не только для состоявшихъ на Казенномъ содержаніи, но и для всѣхъ, имѣвшихъ родителей, болѣе или менѣе, не достаточныхъ; выданы были экземпляры еще въ награду всѣмъ, особенно

---

(1) Свѣдѣніе это основываемъ, между прочимъ, на свидѣтельствѣ глубокочтимаго графа М. Толстаго въ его письмахъ изъ Кіева по случаю празднованія юбилея Кіев. дух. Академіи. Смотр. Душеполезное Чтеніе. Ноябрь, 1869 г. отд. II, стр. 53.—Греческій Король Оттонъ I, когда поднесенъ былъ ему экземпляръ, изданный на Новогреческомъ языкѣ, Догматическаго Богословія, изволилъ пожаловать Автору Архимандриту Антонію Греческій орденъ Спасителя 2-й степени.

(2) На послѣднихъ изданіяхъ печаталось положительное объявленіе такого рода «Цѣна сей книги, въ корешковомъ переплетѣ, для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній 25 коп сер.».

хорошо учившимся,—однимъ словомъ—почти всѣмъ, обучавшимся въ богословскихъ двухъ отдѣленіяхъ. «Пускай—говорилъ онъ, сбудется то́, что́ такъ справедливо мѣтко выразилъ въ письмѣ своемъ преосв. Анатолій (Могилевскій),—«воспитанники освободятся отъ тяготѣвшаго надъ ними, въ своемъ родѣ, *египетскаго плинвоодьланія*, денно и нощно утруждавшаго ихъ списываніемъ, не извѣстно, какихъ системъ».. (1).

Наконецъ ревность высокопр. Филарета не ограничивалась этимъ только избавленіемъ обучающихся Богословскимъ наукамъ отъ сказаннаго *египетскаго плинвоодьланія*. Онъ, лишь только изданъ было новосоставленное Догматическое Богословіе и Авторъ его лишь только немного успѣлъ отдохнуть, возъимѣлъ намѣреніе возложить на него новые труды по составленію системъ—*Пастырскаго Богословія*, или *Нравственнаго Богословія*.—Такое намѣреніе свое высокопр. Филаретъ поспѣшилъ бы осуществить и поскорѣе, если бы самъ будущій Авторъ не былъ отозванъ отъ мѣста своего служенія въ С.-Петербургъ на чреду. А что намѣреніе это было у него рѣшительное и, при первой возможности, не отложное, объ этомъ онъ не скрывалъ даже и отъ другихъ, отъ которыхъ собственно и узналъ самъ А. Антоній, находясь еще на чредѣ служенія въ С.-Петербургѣ.—Ему (А. Антонію) впервые сообщили въ письмахъ своихъ о настоящемъ дѣлѣ Архіепископы—Рязанскій Гавріилъ и Могилевскій Анатолій. Первый изъ нихъ писалъ, между прочимъ, такъ: «Послѣ Св. Пасхи (1849 г.) высокопреосв. Владыка Филаретъ,—нашъ общій отецъ и благодѣтель, писалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ, хотя и не скоро, Вашего возвращенія изъ Столицы въ Кіевъ, но имѣетъ уже въ виду занять Васъ составленіемъ или *Пастырскаго* или *Нравственнаго* Богословія». — Преосвященный же Анатолій писалъ: «Ликую духомъ, радуюсь, что Ваше В—біе, презирая *толки и предразсудки*, коими наши талантливые ученые удерживаются отъ составленія и изданія своихъ трудовъ,

(1) Это письмо преосв. Анатолія (Могилевскаго) читатели видѣли прежде.

собираетесь писать *Пастырское и Нравственное Богословіе*. Благодать Св. Духа да укрѣпитъ Васъ и да поможетъ Вамъ совершить такое благое намѣреніе. Во всякомъ случаѣ не отставайте отъ своего такого предположенія, и,—*за молитвами и воздыханіями семинаристовъ*, постоянно пишущихъ и списывающихъ, невѣдомо какіе, листики изъ системъ Богословскихъ,—Господь Богъ да поможетъ Вамъ совершить съ успѣхомъ Ваше предпріятіе» (1).

Когда только возвратился въ Кіевъ (въ Январѣ 1850 г.) А. Антоній, то высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, предложилъ ему взяться за составленіе которой либо системы—или по Пастырскому Богословію, или по Нравственному.—А. Антоніемъ была избрана, по указанію же впрочемъ самого высокопр. Филарета, система Богословія Пастырскаго, такъ какъ высокопр. Филаретъ имѣлъ съ своей стороны ту особенную цѣль, чтобы, возможно поскорѣе, направить учениковъ Богословія, какъ будущихъ пастырей, къ воспріятію духа и характера пастырства и къ усвоенію практическихъ правилъ и наставленій для будущаго ихъ служенія,—въ чемъ оказывался въ наличныхъ священникахъ особенно ощутительный недостатокъ. — Работа у А. Антонія пошла быстро и успѣшно, что̀ видно изъ его писемъ къ преосв. Иннокентію по этому предмету.—«Недавно получилъ я,—(читаемъ въ письмѣ отъ 7-го Іюля 1851 г.) разрѣшеніе печатать мои уроки по *Пастырскому Богословію*, и началъ уже печатать. Но нѣсколько опасаюсь: ибо разрѣшеніе послѣдовало прямо отъ Св. Синода,—безъ цензуры. А, кажется, принято за правило, чтобы подобныя сочиненія Св. Синодъ одобрялъ не иначе, какъ чрезъ посредство цензуры.—*Какъ бы не взяли назадъ свое разрѣшеніе*!! Науки этой у меня только половина. Надобно доканчивать, но не знаю, на новомъ мѣстѣ службы, (здѣсь разумѣется поступленіе его на ректорство въ Академію), достанетъ ли возможности». — Въ другомъ письмѣ (отъ 8 Января 1852 г. слѣдов. ровно чрезъ полгода) писано было, между прочимъ,

---

(1) Смотр. въ Біографіи высокопр. Антонія Архіеп. Казанскаго. Том. I. стр. 185.

объ этомъ предметѣ: «...Хотѣлось бы и Пастырское Богословіе продолжить и окончить... Но духъ бодръ, а плоть не мощна» (1). Первая половина, т. е. цѣльная первая часть системы, была все-таки употребляема, какъ учебникъ, въ Кіевской дух. Семинаріи, по личному распоряженію высокопр. Филарета, а продолженіе второй части было передано преподавателю Пастырскаго Богословія въ Семинаріи въ подлинныхъ запискахъ А. Антонія тоже для пользованія ими при преподаваніи.

Заботясь съ такою ревностію объ успѣхахъ учащихся духовныхъ воспитанниковъ въ богословскихъ познаніяхъ, высокопр. Филаретъ столь же ревностно заботился о нравственно-воспитательномъ дѣлѣ въ Семинаріи—Кіевской. Въ этомъ отношеніи онъ умѣлъ особенно избирать начальствующихъ лицъ—ректоровъ и инспекторовъ.—При немъ были преемственно ректорами Семинаріи архимандриты: Іеремія, Димитрій, Евсевій, Антоній Нектарій и Петръ. Эти главные начальники, съ которыми онъ самъ всегда находился въ близкихъ искреннихъ отношеніяхъ и руководилъ ихъ, сколько достойно проходили сами свое служеніе, столько же имѣли разумное вліяніе на всѣхъ сослуживцевъ—наставниковъ и на воспитанниковъ.

Правда по отношенію къ воспитанникамъ дѣло не обходилось безъ нѣкоторыхъ крутыхъ мѣръ, особенно на первыхъ порахъ, когда нужно было очистить Семинарію отъ малоуспѣшныхъ и ненадежныхъ воспитанниковъ, и приготовить наиболѣе достойныхъ кандидатовъ священства. Такое очищеніе, само собою, отзывалось тяжело на тѣхъ, на долю коихъ оно пало; но этого требовала самая сущность дѣла и того положенія, въ какомъ находилась самая Епархія по наличному составу и состоянію тогдашняго духовенства и собственно священниковъ. При самомъ вступленіи высокопр. Филарета (въ 1837 г.) во всей Кіевской епархіи состояло священниковъ 1,213; и что же? изъ этого числа было окон-

(1) Смотр. тамъ же; стр 175 въ подстрочномъ текстѣ.

чившихъ полный курсъ семинарскаго образованія только 377 человѣкъ, вышедшихъ изъ философскаго отдѣленія 95, а всѣ остальные 741 были—или изъ обучавшихся лишь въ низшихъ классахъ Семинаріи, или въ училищахъ, или наконецъ изъ не обучавшихся ни въ какихъ школахъ (1) Понятно, какія дѣйствія вызывались и долгомъ и чувствомъ ревности Первосвятителя, каковъ былъ высокопр. Филаретъ, особливо когда онъ ясно видѣлъ, что такой печальный низкій уровень образованія въ цѣлыхъ двухъ третяхъ всего наличнаго состава священниковъ систематически происходилъ именно отъ того, что въ Семинаріи, хотя число поступавшихъ въ нее было громадное, не было обращаемо вниманіе на качественную сторону—и по успѣхамъ, и по поведенію, и не были принимаемы и употребляемы правильныя дисциплинарныя и нравственно-педагогическія средства и мѣры съ строгою разборчивостью. Съ своей стороны и самые родители мало заботились о сыновьяхъ, чтобы они получали полное образованіе въ тѣхъ расчетахъ, что, хотя бы сынъ побылъ и не долго въ Семинаріи, онъ могъ со временемъ быть и священникомъ, за неимѣніемъ кандидатовъ изъ окончившихъ полный курсъ.

На это-то положеніе образовательнаго дѣла въ Семинаріи и обратилъ высокопр. Филаретъ свое особенное вниманіе, и наклонялъ къ этому же и бывшихъ начальниковъ Семинаріи, а съ ними вмѣстѣ и начальниковъ училищъ, изъ коихъ обыкновенно поступаютъ ученики въ Семинарію. Въ этомъ отношеніи достоинъ особеннаго вниманія и подражанія самый образъ дѣйствованія высокопр. Филарета. По заведенному имъ, однажды на всегда, порядку, онъ требовалъ, чтобы еженедѣльно, именно въ субботу, являлись къ нему съ обычными репортами о благосостояніи заведеній, и непремѣнно одновременно, какъ Инспекторы Академіи и Семина-

(1) Въ концѣ же его митрополитскаго служенія въ Кіевской епархіи, по вѣрнымъ даннымъ, состояло священниковъ, кромѣ протоіереевъ, изъ окончившихъ полный курсъ семинарскій 887, кончившихъ курсъ философскій 66 и прочихъ 286—изъ числа оставшихся изъ прежнихъ 741.

ріи, такъ и Смотрители училищъ. Здѣсь-то, въ присутствіи и въ слухъ всѣхъ ихъ безраздѣльно, (исключая развѣ самыхъ важныхъ, или секретныхъ случаевъ и предметовъ), онъ разсматривалъ репорты и выслушивалъ словесныя дополненія, и съ своей стороны высказывалъ, что́ находилъ нужнымъ. При этомъ, сводя, такъ сказать, къ одному знаменателю всѣ свѣдѣнія о благосостояніи трехъ разностепенныхъ заведеній, онъ все одобрительное предлагалъ къ общему исполненію и внушалъ имъ съобща и дружно содѣйствовать къ пресѣченію противнаго. Тутъ же давалъ онъ или письменныя резолюціи на репортахъ, или словесныя распоряженія,—какъ провести тотъ, или другой вопросъ путемъ формальнымъ. Ректоровъ Академіи и Семинаріи тоже принималъ не рѣдко вмѣстѣ, а иногда нарочито приглашалъ обоихъ одновременно въ тѣхъ же видахъ. При подобныхъ личныхъ представленіяхъ ко Владыкѣ, говорилъ покойный высокопр. Антоній, сто́ило великаго труда, чтобы въ иную пору, въ присутствіи его, не только начинать рѣчь, но и выслушивать сужденія его самого о тѣхъ, или другихъ вопросахъ, касавшихся учебно-административныхъ и педагогическихъ предметовъ.—«Бывало, явишься съ семинарскимъ журналомъ, или представленіемъ, въ которыхъ, напередъ знаешь, ничего нѣтъ особеннаго; но Владыка непремѣнно заставитъ, если не прочитать все, то передать на словахъ; и тутъ-то, гдѣ менѣе всего предполагалось, онъ не рѣдко останавливался съ особеннымъ вниманіемъ и высказывалъ столько взглядовъ и сужденій, что съ трудомъ сообразишь впослѣдствіи, какъ привести ихъ въ исполненіе. При этомъ Владыка обладалъ такою памятью, что избави Богъ надѣяться, что то̀, или другое пройдетъ безслѣдно. Если же случалось начинать рѣчь о чемъ нибудь въ видѣ предположеній, то, рѣдко-рѣдко, обходилось безъ такой примолвки съ его стороны: «понимаю, что́ ты хочешь сказать, — но не совсѣмъ такъ»... или: «хорошо это кажется, да на дѣлѣ-то не выйдетъ»... Особливо послѣ экзаменовъ,—на которыхъ онъ почти постоянно присутствовалъ, тѣмъ болѣе по предметамъ богословскимъ, и вообще по главнымъ предметамъ,— не одно, не два посѣщенія къ нему обыкновенно сопровож-

дались самыми многосторонними указаніями на недостатки и на мѣры и условія къ улучшенію. И здѣсь у него тоже была удивительная память, такъ что онъ указывалъ не только на извѣстныя мѣста въ системѣ, но и на отдѣльныя фразы; при чемъ весьма вѣрно опредѣлялъ и самыхъ преподавателей, коимъ и высказывалъ лично, что̀ до кого касалось, хотя въ тонѣ своего обычнаго простодушія, или въ видѣ какого либо подходящаго разсказа.—Наконецъ, когда онъ выражалъ словесно, или письменно свои положительныя, напередъ обдуманныя, распоряженія, тогда не умѣстенъ и напрасенъ былъ бы всякій намекъ на неудобство, или что либо подобное. «Сдѣлать, что̀ сказано, а какъ будетъ сдѣлано,—ладно, или неладно,—я самъ увижу и поправлю». Впрочемъ, въ случаѣ недоумѣпія, съ готовностію выслуживалъ предварительные словесные доклады,—и, сдѣлавъ всегда мѣткія указанія, снова настаивалъ на исполненіи. На сколько же неизмѣнны и настойчивы были требованія объ исполненіи, заведенныхъ имъ, порядковъ, видимъ напр. въ томъ, что когда высокопр. Филаретъ находился въ С.-Петербургѣ, то и оттуда предписывалъ (Инспектору Семинаріи—Антонію):—«Еженедѣльные репорты о благосостояніи Семинаріи предписываю неопустительно присылать ко мнѣ сюда, дабы я имѣлъ *всегда полныя свѣдѣнія* о Семинаріи и *обо всемъ, случающемся* въ оной.»—

И вотъ плодомъ такой-то общей попечительной дѣятельности Архипастыря и начальниковъ Семинаріи было то̀, что въ замѣнъ представленныхъ выше цифровыхъ данныхъ о количествѣ не ученыхъ священниковъ къ концу святительства высокопр. Филарета, состояло уже священниковъ, кромѣ протоіереевъ, изъ кончившихъ полный курсъ 887, кончившихъ филосовскій курсъ—66, а прочихъ недоучекъ только 286,—которые были собственно остававшіеся изъ прежнихъ 741, Тоже самое можно сказать и о числѣ студентовъ, поступавшихъ въ Кіевскую духовную Академію въ въ слѣдующей именно градаціи: въ 1839 году поступило *два* воспитаника изъ Кіевской Семинаріи,—далѣе — *четыре*, еще далѣе—*пять*, потомъ *тесть*,, а потомъ доходило и до *двѣнадцати* и болѣе, считая съ волонтерами.

Но замѣчательно, между прочимъ, здѣсь то, что, поступавшіе въ такомъ большомъ числѣ въ Академію, воспитанники не терялись собственно для Кіевской Епархіи. Въ продолженіи академическаго курса высокопр. Филаретъ постоянно имѣлъ ихъ въ особенномъ вниманіи, справлялся объ ихъ успѣхахъ и поведеніи у начальства Академическаго, на экзаменахъ полугодичныхъ и годичныхъ всегда непремѣнно вызывалъ ихъ, какъ своихъ, по выраженію его *доморощенныхъ питомцевъ*, и почти всегда, смотря по удовлетворительности отвѣтовъ, приговаривалъ то bene, то valde bene, а то и—optime, или вообще: ecce quomodo nostri»... Сверхъ этого приказывалъ, чтобы эти студенты приходили и къ нему иногда въ праздники, и тутъ-то онъ напередъ высказывалъ имъ, что желаетъ и надѣется увидѣть ихъ и на службѣ въ своей же родной для нихъ Епархіи, или на мѣстахъ учительскихъ въ Семинаріи, или въ училищахъ на должностяхъ смотрительскихъ и инспекторскихъ, или на мѣстахъ хорошихъ городскихъ въ санѣ священства. Въ большинствѣ такъ и оправдывалось по особенному же участію и распоряженію самого высокопр. Филарета чрезъ посредство Академической Конференціи, которой, по тогдашнему Уставу, предоставлено было право распредѣленія, окончившихъ курсъ, студентовъ на служебныя мѣста въ учебныя заведенія по своему Округу.—Наконецъ при Владыкѣ же Филаретѣ явились самые первые опыты, что присылались для образованія въ Кіевской духовной Семинаріи юноши и даже взрослые и изъ Славянскихъ единовѣрныхъ намъ земель—изъ Сербіи, изъ Болгаріи и изъ Молдавіи. Въ положеніи этихъ воспитанниковъ онъ же самъ первый принималъ самое искреннее участіе, и эти воспитанники, по окончаніи курса въ Семинаріи, почти всѣ поступали въ Кіевскую Академію, о чемъ будетъ рѣчь еще въ своемъ мѣстѣ съ указаніемъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ заграничныхъ воспитанниковъ.

Вообще, чтобы опредѣлить всю благотворность изложенныхъ попечительныхъ дѣйствій по отношенію къ мѣстной Семинаріи въ главныхъ цѣляхъ поднятія въ ней учебно-нравственнаго состоянія воспитанниковъ и приготовленія ихъ, какъ наиболѣе достойныхъ кандидатовъ священства,—остает-

ся лишь привести себѣ на память то́, что́ писалъ высокопр. Филаретъ въ отвѣтномъ отношеніи своемъ къ г. Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу А. П. Толстому по предмету доставленія мѣстному духовенству безбѣднаго содержанія. Приведемъ здѣсь тѣ слова, которыя прямо относятся къ разсматриваемому нами теперь предмету. — «При вступленіи моемъ въ управленіе Кіевскою Епархіею, къ крайнему моему удивленію я нашелъ только́ю *пятую часть* (изъ числа 1213) священниковъ, кончившихъ курсъ въ Семинаріи. Причиною тому была бѣдность духовенства, по которой не только причетники, но часто и священники не имѣли способовъ воспитывать дѣтей своихъ въ училищахъ и въ Семинаріи, отъ чего и число учащихся тамъ было, до моего поступленія, крайне ограничено сравнительно съ числомъ причтовъ въ Кіевской Епархіи.—Теперь же, къ истинному пастырскому моему удовольствію, осталась одна едва *двѣнадцатая* часть священниковъ, не окончившихъ курса ученія, и число учащихся въ духовныхъ заведеніяхъ почти *удвоилось* и сдѣлалось вполнѣ соотвѣтствующимъ потребностямъ Епархіи.—Изволите́, Ваше Сіятельство, видѣть благотворность «Положенія 1842 г.» объ обезпеченіи духовенства въ средствахъ къ содержанію. Сохрани Богъ, если Положеніе сіе нарушится. Тогда здѣшнее Православное духовенство, лишившись опять средствъ къ содержанію своему, лишится вмѣстѣ съ тѣмъ и способовъ къ образованію дѣтей своихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего опять уменьшится и число обучающихся и слѣдовательно будущихъ образованныхъ священниковъ, и чрезъ это упадетъ духовенство и въ нравственномъ отношеніи».

Къ особой заботливости высокопр. Филарета о Семинаріи нужно, наконецъ, отнести слѣдующій фактъ. При увеличившемся числѣ учащихся въ Семинаріи, естественно, стала оказываться тѣснота въ самыхъ помѣщеніяхъ и для классовъ (по причинѣ раздѣленія ихъ на два и на три отдѣленья) и для живущихъ въ семинарскихъ зданіяхъ казенно-коштныхъ учениковъ. Чтобы сдѣлать, насколько оказывалось возможнымъ, болѣе простора, высокопр. Филаретъ призналъ необходимымъ дать особое помѣщеніе для Ректора Семинаріи. И такъ какъ совмѣстно съ дворомъ Семинарскимъ

находилось *Лаврское подворье*, состоявшее изъ каменнаго двухъ-этажнаго довольно большаго дома, то высокопр. Филаретъ и воспользовался этимъ помѣщеніемъ для квартиры Ректору собственно въ верхнемъ этажѣ этого дома, съ оставленіемъ нижняго для помѣщенія въ немъ Лаврской книжно-торговой лавки. Объ этомъ онъ представилъ въ Св. Синодъ, испрашивая разрѣшенія на свое предположенное распоряженіе,—каковое разрѣшеніе и получилъ не укоснительно.

Въ слѣдующей и дальнѣйшихъ главахъ будетъ рѣчь о Кіевской духовной Академіи.

ГЛАВА VI.

«Геній Исторіи уже подпялъ трость скорописца, чтобы внести въ не истребимыя вѣками скрижали драгоцѣнное имя Филарета, христіански мудраго Покровителя, христіанскаго просвѣщенія, издревле завѣщаннаго Кіевской Академіи ея основателями» (1) «Въ Митрополитѣ Филаретѣ Кіевская Академія видѣла искреннюю отеческую заботливость о благосостояніи и ходѣ академическаго образованія Взглядъ на потребности духовнаго образованія былъ у него таковъ, что вообще отъ науки онъ требовалъ, паче всего, плодовъ жизни, плодовъ благочестія Самъ глубокій аскетъ, онъ аскетизмъ ставилъ выше учености. Подъ его вліяніемъ духъ аскетизма сильно развился въ Академіи, обнаруживаясь въ поступленіи въ монашество многихъ наставниковъ и лучшихъ студентовъ (2)

«Кіевская Духовная Академія должна достойно гордиться именемъ высокопр. Филарета,—говоритъ Авторъ Исторіи этой Академіи.— Извѣстныя слова Высочайшаго Рескрипта, послѣдовавшаго на имя высокопр. Филарета, не даромъ изображены Академіею въ память и поученіе вѣкамъ на столь видномъ мѣстѣ, какъ видитъ всякій посѣтитель. Безъ имени высокопр. Филарета Академія не могли бы и дать полнаго отвѣта всякому, вопрошающему о ихъ значеніи. Слова эти буквально слѣдующія: «Да образуетъ сей древнѣйшій въ отечествѣ вертоградъ наукъ смиренномуд-

(1) Смотр. въ Исторіи Кіев. дух Академіи. Соч. Аскоченскаго; стр. 175.

(2) Смотр. въ Исторической запискѣ по случаю юбилея Кіев. дух. Академіи, стр. 118.

рыхъ проповѣдниковъ слова Господня» ([1]). «Слова эти изрекъ, продолжаетъ тотъ же Авторъ, въ Высочайшемъ Рескриптѣ Своемъ, незабвенный по великимъ дѣяніямъ, Государь Императоръ Николай Павловичъ, отпуская высокопр. Филарета къ новому мѣсту высокаго служенія въ первопрестольной паствѣ, какъ Митрополита и какъ Протектора Академіи. И это изреченіе есть одно изъ самыхъ знаменательныхъ и соотвѣтствующихъ истиннѣйшему значенію и назначенію нашихъ высшихъ духовно-церковныхъ учебныхъ заведеній. И справедливо сказать, что если какая изъ духовныхъ академій, какъ духовно-церковныхъ учебныхъ заведеній, оправдала прямой положительный смыслъ сего изреченія, то это—именно Кіевская духовная Академія во всѣ періоды ея существованія. Мы разумѣемъ, въ частности, церковное проповѣдничество, начиная съ Кирилла Туровскаго, продолжая Св. Димитріемъ Ростовскимъ, не исключая Ѳеофана Прокоповича, продолжая знаменитымъ Левандой и заканчивая преосвященнымъ Иннокентіемъ Борисовымъ и Я. К. Амфитеатровымъ;—и мы видимъ, что духъ и характеръ проповѣдничества всегда господствовалъ въ стѣнахъ Кіево-братскаго духовнаго Училища, и это было всегда неизмѣнно, несмотря на участіе лицъ *всякаго званія и состоянія*, начиная отъ ясновельможныхъ Гетмановъ до простаго мѣщанина,—такъ что «отъ этого Училища, яко, говоря словами древняго писателя, отъ преславныхъ оныхъ Аѳинъ вся Россія источникъ премудрости почерпала и всѣ свои новозаведенныя училищныя Колоніи напоила и возрастила», всегда давая образованіе своимъ воспитаникамъ въ церковномъ духѣ и характерѣ.

Что же значило здѣсь имя и личность высокопр. Филарета? Что заключалось особеннаго, собственно къ нему относившагося? И чѣмъ все это оправдалось? Прежде всего не нужно скрывать, что имя высокопр. Филарета Митрополита Кіевскаго не славилось извѣстностію, какъ мужа особенно

([3]) Слова эти изображены рельефными вызолоченными буквами на ленто-образномъ свиткѣ, прикрѣпленномъ къ портрету Императора Николая Павловича, занимающему срединное мѣсто на стѣнахъ публичной залы въ ряду множества другихъ портретовъ, начиная съ портрета Митрополита Петра Могилы.

ученаго, какъ труженника и жреца науки, не смотря на то, что онъ былъ *Докторъ Богословія*. По крайней мѣрѣ это голосъ большинства какъ при жизни, высокопр. Филарета, такъ и до-днесь. Судя по этому, дѣйствія и отношенія его къ высшеучебному заведенію, какова Академія, казалось бы, не могли заключать чего либо особенно вліятельнаго и благотворнаго по части преуспѣянія Академіи въ дѣлѣ науки и образованія. Все это тѣмъ естественнѣе представляется, что высокопр. Филаретъ получилъ свое образованіе еще въ древнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Но, въ разсматриваемый періодъ времени, высшеіерархическія лица были почти всѣ стариннаго образованія, разумѣя сверстниковъ высокопр. Филарета, каковы: высокопр. митрополиты—Амвросій, Михаилъ, Серафимъ и даже Никаноръ, и самъ наконецъ высокопр. митрополитъ Московскій Филаретъ. Разность только въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ получили образованіе въ лучшихъ тогда по особому благоустройству заведеніяхъ. Между тѣмъ всѣ эти блаженной памяти Іерархи послужили дѣлу и успѣху науки и образованія такъ, что дай Богъ и всѣмъ послѣдующимъ принадлежать къ числу ихъ. И мы напередъ смѣло говоримъ и утѣшаемся тою увѣренностію, что время *двадцати лѣтняго* (отъ 1837 по 1857-й годъ) протекторства надъ Кіевскою духовною Академіею высокопр. Филарета, на страницахъ историческаго обозрѣнія всего ея прошедшаго, со времени бывшаго (въ 1819 г.) преобразованія, займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ періодъ особеннаго процвѣтанія ея и въ дѣлѣ науки, и въ дѣлѣ духовно-нравственнаго преуспѣянія. Да послужатъ въ этомъ свидѣтельствомъ и ручательствомъ слова, поставленныя нами эпиграфомъ: «Геній Исторіи уже поднялъ трость скорописца, чтобы внесть въ не истребимыя вѣками скрижали драгоцѣнное имя *Филарета*, христіански—мудраго Покровителя христіанскаго просвѣщенія, издревле завѣщаннаго Кіевской Академіи основателями ея» (1).

---

(1) Смотр. ист Кіевской духовной Академіи по преобразованіи ея въ 1819 г. Сочин. В. Аскоченскаго изд. 1863 г. стр. 175.

Приступаемъ къ изложенію нашего повѣствованія.

Авторъ Исторіи Кіевской духовной Академіи такъ описываетъ самый первый шагъ вступленія высокопр. Филарета въ этотъ *древнѣйшій вертоградъ наукъ въ нашемъ отечествѣ*: «не замедлилъ, (т. е. послѣ прибытія въ Кіевъ), высокій Протекторъ, Высочайше ввѣреннаго ему, «вертограда наукъ» посѣтить и питомцевъ онаго, съ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его въ той залѣ, которая напоминала имъ одного изъ величайшихъ благодѣтелей своихъ—*Рафаила Заборовскаго*. — «*Миренъ ли входъ твой, святче Божій*? — такъ встрѣтилъ Архипастыря словомъ Писанія говорившій привѣтственную рѣчь,—и годы, многіе годы отвѣтили вопрошавшему отъ лица всѣхъ, что не только *миренъ*, но и *благодѣтеленъ* входъ его въ сіе древнее святилище науки. При однихъ этихъ словахъ уже чувствуется, что вѣетъ какимъ-то особенно теплымъ любвеобильнымъ отеческимъ чувствомъ»... Но мы должны предпослать этому первому факту еще другой, чтобы составить полное понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, которыми заявилъ себя сразу высокопр. Филаретъ, не какъ Протекторъ по оффиціальному званію, но *яко отецъ, вселяющійся о чадѣхъ своихъ*, какъ питомцахъ, такъ и воспитателяхъ и начальникахъ. Въ бывшихъ подъ руками нашими подлинныхъ документахъ значится напр., что высокопр. Филаретъ на репортѣ бывшаго тогда Инспектора Академіи о состояніи Академіи, съ 11-го по 24 Мая 1837 года, (т. е. до прибытія еще высокопр. Филарета въ Кіевъ) написалъ такъ: «Какая благословенная страна, и какая счастливица Академія, что и больныхъ вовсе нѣтъ»... Еще: на письмо начальствующихъ и учащихъ въ Академіи съ принесеннымъ ему поздравленіемъ, онъ отвѣчалъ: «Привѣтствую взаимно священный вертоградъ Христовъ, знаменитую Академію, матерь всѣхъ русскихъ училищъ. Дѣлателей всѣхъ въ вертоградѣ семъ и начальниковъ, и наставниковъ, и воспитанниковъ заочно *лобызаю Пастырскимъ сердцемъ*. Надѣюсь скоро видѣть всѣхъ; предпосылаю всѣмъ Пастырское благословеніе». При этихъ свѣдѣніяхъ, въ связи съ сказаннымъ у Автора исторіи, всего несомнѣннѣе становится, съ перваго же раза проявившееся и навсегда сохранившееся, истинно—отеческое любвеобиль-

ное отношеніе новаго Протектора Академіи ко всѣмъ, сущимъ въ ней. Для наглядная изображенія этой отеческой любвеобильности высокопр. Филарета собственно къ студентамъ Академіи обратимся на время къ воспоминаніямъ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ. Вотъ что высказалъ онъ печатно въ своихъ воспоминаніяхъ: — «И мало ли чего истинно прекраснаго и высокаго знали мы въ незабвенномъ Святителѣ, что влекло души всѣхъ насъ въ благоговѣйную любовь къ нему и *соединяло насъ всѣхъ въ одну семью*, для которой Митрополитъ нашъ былъ по истинѣ отцемъ, такъ что всѣ и каждый изъ насъ не иначе и звали его, какъ *«нашъ возлюбленный дѣдушка.* Пусть эти слова, говоритъ воспоминатель, покажутся для кого нибудь слишкомъ наивнымъ излія-ніемъ чувствованій, но не объ этомъ пока рѣчь; за то и онъ съ такою же нѣжною, какъ бы до наивности, любовію относился и къ намъ студентамъ».

«Въ одинъ изъ академическихъ праздниковъ, по оплошности экономa, предложена была въ столовой студенческой не довольно хорошая рыба. Зашедши въ столовую прямо изъ церкви, Владыка откушалъ рыбы и уже не захотѣлъ затѣмъ идти къ настоятелю и Ректору нашему, сказавъ: «къ вамъ нынѣ нечего заходить; у васъ, конечно, хорошая трапеза. Но, вотъ, у студентовъ-то надлежало бы быть получше этой рыбы».

«Въ дни св. Пасхи Владыка удостоивалъ нарочито пріѣзжать въ Академію, чтобы христосоваться съ студентами. Однажды пріѣхалъ онъ въ то время, когда мы были еще у Литургіи. Владыка, пришедши въ храмъ, прямо направился въ то отдѣленіе храма, которое обыкновенно занимаютъ студенты Академіи. Но кто-то изъ помощниковъ инспекторскихъ изъ предосторожности, чтобы никто изъ студентовъ не вышелъ изъ церкви, вздумалъ запереть входъ въ отдѣленіе замкомъ. Владыка-Митрополитъ, пока искали ключъ, показалъ естественное не довольство, что держатъ насъ въ заперти, и, не дождавшись, вышелъ изъ церкви.

«Однажды (продолжаетъ воспоминатель) зашедши въ наши комнаты студенческія и замѣтивши въ одной изъ нихъ запахъ табаку, Владыка, вмѣсто ожидаемаго всѣми присутствовавшими строгаго выговора за куреніе, кротко

спросилъ одного изъ студентовъ: «скажи мнѣ—свѣжее или копченое мясо здоровѣе?»—«Свѣжее, отвѣчалъ спрошенный.—«За чѣмъ же вы себя-то коптите?» замѣтилъ святый Старецъ-Митрополитъ. Разъ, послѣ экзаменовъ, зашелъ Владыка въ наши студенческія комнаты, и въ одной изъ нихъ, взявъ книгу со стола, присѣлъ на койку и сталъ говорить какъ бы про себя: «вотъ какъ прекрасно здѣсь! Студенту можно и заняться и вмѣстѣ отдохнуть. То ли дѣло такъ по старому! А то заводятъ тамъ отдѣльныя общія спальни, общія занятныя комнаты· бѣдные студенты!»(1)..

Въ поясненіе всѣхъ этихъ фактовъ и, въ особенности, послѣдняго мы не можемъ не привести слѣдующихъ, изложенныхъ въ біографіи высокопр. Антонія (2), какъ лично къ нему относившихся въ бытность его ректоромъ Кіевской академіи, и въ особенности характеризующихъ личность высокопр. Филарета въ описываемыхъ отношеніяхъ его къ студентамъ Академіи.

Касательно всѣхъ случаевъ, изложенныхъ у воспоминателя, покойный владыка Антоній выразился прежде всего: «такъ-то такъ!.. честь воспоминателю, что онъ былъ столько наблюдателенъ и слагалъ такъ глубоко и свято въ сердцѣ своемъ все, видѣнное въ лицѣ и дѣйствіяхъ Владыки Филарета». «Но, продолжалъ онъ, въ этихъ воспоминаніяхъ все таки одна сторона медали, которая доступна была студентамъ. А надо знать и то́, что́ и какъ бывало въ этихъ же самыхъ случаяхъ въ отношеніи къ намъ—начальникамъ и приставникамъ.–Для меня особенно памятенъ и чувствителенъ былъ случай послѣдній, т. е. какъ Владыка отзывался, сидя на койкѣ, что безраздѣльность комнатъ занятныхъ отъ спальныхъ особенно прекрасна.—Эти слова, да и самое посѣщеніе комнатъ въ этотъ разъ были мнѣ не въ бровь, а въ глазъ. Благо, что студенты объ этомъ не знали, да и вообще вѣдали не многіе».

---

(1) Смотр. эти воспоминанія, напечатанныя въ Душеполезн. Чтеніи и въ Странникѣ.

(2) Смотр. томъ I стр 204—211.

«Дѣло было такъ,—продолжалъ покойный Владыка.—Еще находившись въ Петербургѣ и зная, что тамъ въ постановкѣ жизни студентовъ была большая разность съ нашею академическою, я и заочно конфузился, что у насъ такая патріархальность и халатность... Послѣднее, главнымъ образомъ, было въ томъ, что студенты занимаются подчасъ лежа на кроватяхъ и, при посѣщеніи Инспектора и даже Ректора, остаются буквально въ халатахъ. Объ этомъ-то я и высказывался не разъ предъ Владыкою. Онъ сначала пропускалъ, какъ бы мимо ушей; однажды же только сказалъ: «ну а что́ же? поди и въ самомъ дѣлѣ лучше по петербургскому-то!» По этому, не предвидя въ дальнѣйшемъ какихъ либо возраженій и тѣмъ болѣе рѣшительнаго отрицанія, я и взялся провести эту мысль болѣе рѣшительно. Онъ на это опять таки сказалъ только: «ну что́ же? ты, можетъ быть, уже и напроэктировалъ что нибудь касательно этого?!» Это выраженіе уже болѣе убѣдило меня въ возможности привести въ исполненіе свое намѣреніе. Я даже и потолковалъ кое съ кѣмъ, какъ бы устроить, и въ общихъ чертахъ написалъ домашнимъ образомъ. Вскорѣ представился случай, казавшійся мнѣ благопріятнымъ, чтобы доложить Владыкѣ окончательно, какъ приступить къ самому дѣлу. Но тутъ-то и объяснилось, что́ значила прежняя уклончивость.. Я не зналъ, какъ и поправить дѣло, особливо когда неосторожно позволилъ указать какъ напримѣръ—на Петербургскую Академію и назвать его настолько достойнымъ, что полагалъ бы излишнимъ и разсуждать объ этомъ».

«Вотъ тебѣ и на!, видимо раздраженно сказалъ Владыка,—этого только и недоставало, т. е. сравненія «*Вавилонскаго* съ *Сіонскимъ*» (1). Зналъ я и прежде тебя и побольше, что́ тамъ заведено... Тамъ есть и полицмейстеръ какой-то при Академіи, и въ баню-то сопровождаетъ студентовъ фельдшеръ, или лекарь, чтобы опредѣлять степень

(1) Это выраженіе употреблялось высокопр. Филаретомъ въ письмахъ изъ Петербурга въ бытность его тамъ по званію Члена Синода, именно въ послѣдніе годы, разумѣя подъ *Вавилонскимъ*—петербургское, а подъ *Сіонскимъ*—кіевское и въ частности кіево-лаврское житье свое.

жара и кому дозволить, а кому нѣтъ—париться.—Знай, что, пока я живъ, этого не будетъ; никто меня не убѣдитъ, чтобы студенты, уже столько взрослые, матерые держали себя на пружинкахъ и были какъ на иголкахъ. Эка бѣда, что студентъ въ халатѣ; халатъ съ пояскомъ, то же, что подрясникъ; а въ подрясникахъ ходятъ вездѣ и въ церковь; а, что студенты иные иногда уснутъ послѣ обѣда, это и естественно; и не думай, что спятъ отъ лѣности, отъ бездѣлья, а вѣрнѣе, чтобы отдохнуть и снова живѣе и усерднѣе заняться дѣломъ; лѣниваго-то и праздпаго и не уложишь въ эту пору; онъ скорѣе это время свободное употребитъ на что либо праздное, а если захочетъ и не въ пору полежать, то и въ отдѣльныхъ комнатахъ онъ не затруднится и не спроситъ, какъ это сдѣлать; самъ съумѣетъ лучше всякаго. Такъ оставь ты, что тебѣ втемяшилось по этому дѣлу. Смотри-ка, чѣмъ хотѣлъ урезонить: тамъ-де въ Петербургской Академіи такъ и такъ... Да *тамъ* и *ректоровъ* стали дѣлать *безмѣстными архіереями* (1)... Что же ты не говоришь, что и здѣсь бы такъ же нужно, тѣмъ болѣе, что здѣсь былъ уже Ректоръ-Архіерей (Иннокентій), хотя и въ другомъ значеніи, потому что онъ былъ здѣшній же Викарій и занимался дѣлами епархіальными. Не думаешь ли и ты о себѣ, чтобы быть Ректоромъ-Архіереемъ. Да если бы и вздумали *тамъ*, я ни за что не соглашусь».—По достовѣрному разсказу одного высокостепеннаго

(1) Первымъ Ректоромъ въ архіерейскомъ санѣ въ Петерб. Академіи былъ (съ 1842 г. по 1847 г.) *Аѳанасій Дроздовъ*, впослѣдствіи Епископъ Саратовскій и Астраханскій. По словамъ покойнаго влад. Антонія, это лицо было одно изъ сторонниковъ извѣстной партіи противъ *обоихъ Филаретовъ*, одновременно уволенныхъ навсегда отъ личнаго присутствованія въ Св. Синодѣ въ 1842 г., послѣ чего не замедлило послѣдовать и возведеніе въ санъ Епископа Ректора Академіи Аѳанасія. При немъ-то были и тѣ нововведенія, на которыя указывалъ высокопр. Филаретъ. А какъ сильно было несочувствіе Владыки Филарета, основанное на несомнѣнныхъ для него фактахъ, къ Аѳанасію, доказательство въ томъ, что когда Аѳанасій, предъ выбытіемъ высокопр. Филарета изъ Петербурга въ 1842 г., явился къ нему на прощаніе, — то Филаретъ сказалъ ему послѣднія слова такія: «Ὃ ποιεῖς, ποίησον τάχιον (Іоан. 13. 27). *«Еже твориши, твори скоро»*.

лица, А. Антоній, въ концѣ концовъ при этомъ случаѣ, желая смягчить тревожное состояніе Владыки Филарета, въ чувствѣ искренняго смиренія выразился было такъ, между прочимъ: «Что же, Владыка Святый, простите!—И я готовъ быть въ этомъ дѣлѣ предъ Вами *яко агнецъ безгласенъ* и пожертвовать своими убѣжденіями»... Но старецъ-Митрополитъ и тутъ ему сказалъ: «да! хорошъ ты больно *агнецъ*,—готовый на жертву... Агнцы-то *не брыкаются*, а ты куды было какъ *забрыкался*... чтобы устоять на своемъ.—Оставь, говорю, навсегда, что̀ втемяшилось тебѣ,—и только».

«Но этимъ однимъ разомъ, говорилъ преосв. Антоній, дѣло не кончилось. Ясно было, что Владыка былъ затронутъ за живое. Въ другіе разы онъ, видимо намѣренно, возобновлялъ разговоры если не прямо объ этомъ предметѣ, то о соприкосновенныхъ, гдѣ главная мысль была все таки объ образѣ и характерѣ отношеній къ студентамъ и вліятельныхъ и дѣйственныхъ. Любимыми выраженіями его при этомъ были изреченія Св. Апостола: «*Яко же доилица грѣетъ чада своя* .. такъ и начальники и всѣ наставники должны чувствовать себя и выражать свои дѣйствія къ воспитанникамъ, *послабляюще* имъ, по тому же Апостолу, и *самыя прещенія*, а главное, не насилуя ихъ положеніе одними казенными порядками по заведеннымъ формамъ и инструкціямъ. Послѣднія если и потребны, то опять-таки не на одинъ ладъ для всѣхъ мѣстъ». Такъ однажды, опять заговоривъ про отдѣльныя и спальныя комнаты, Владыка Филаретъ высказался, «что это раздѣленіе помѣщеній и въ видахъ гигіеническихъ-то здѣсь въ Кіевѣ излишне. Тамъ въ Петербургѣ напр. извѣстно, что двойныя оконныя рамы хоть цѣлый годъ не вынимай отъ сырости и перемѣнчивости погоды, потому и воздухъ, понятно, долженъ быть освѣжаемъ чрезъ перемѣну помѣщеній; а здѣсь чистая благодать; зимнія-то окна хоть и не вставляй,—а лѣтнія-то открывать можно съ Марта по Ноябрь... Да здѣсь, слава Богу, и больныхъ-то воспитанниковъ я вижу по репортамъ весьма мало. Да кстати,—я какъ теперь помню, что когда получилъ самый первый репортъ, въ бытность мою въ Петербургѣ еще до пріѣзда сюда—въ Кіевъ,—(репортъ бывшаго тогда Инспектора А. Димитрія о благосостояніи Академіи), то пере-

крестился, что больныхъ студентовъ не было ни одного. А какъ мнѣ приходилось въ Петербургѣ посѣщать тогда своего племянника студента (Егора Васильевича Амфитеатрова), бывшаго больнымъ, то я предъ тамошними Ректоромъ и Инспекторомъ прямо похвалился, что вонъ-де въ Кіевской Академіи не такъ,—больныхъ вовсе нѣтъ».

«Однимъ словомъ, по разсказамъ покойнаго влад. Антонія, вопросомъ о спальныхъ и занятныхъ комнатахъ вызывалось со стороны Владыки Филарета весьма много разсужденій. Однажды же Викторъ Ипатьевичъ, желая смягчить и сгладить самое состояніе Владыки Филарета, подсунулся было съ своимъ словцомъ, расчитаннымъ на то, чтобы, такъ сказать, ублажить его». «Да, Ваше В—ство, и сама исторія подтверждаетъ, что въ здѣшней Академіи былъ на столько освященъ порядокъ въ образѣ житья воспитанниковъ, что можно по традиціямъ опредѣлить,—кто, когда, въ какой камерѣ жилъ и гдѣ была его койка. Я напр. во весь курсъ помѣщался въ той комнатѣ, и моя койка была на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почивалъ, учившись въ Академіи, Святитель Димитрій Ростовскій».—Владыка, улыбнувшись, сказалъ: «Да ты бы хорошенько справился,—быть можетъ и самая-то кровать досталась тебѣ именно та, на которой почивалъ Святитель Божій?!» «Этого-то я не знаю», отвѣчалъ Аскоченскій. «Ну такъ я тебѣ скажу: если бы намъ съ тобою досталось хоть подъ кроватью-то Святителя Божія полежать, и то слишкомъ много бы чести. А если бы и предположить, что ты жилъ и спалъ въ той комнатѣ, гдѣ Святитель Димитрій, то ужъ несомнѣнно, что этимъ самымъ и комната и мѣсто, гдѣ стояла кровать Св. Угодника, обратилось тогда же *въ мѣсто запустѣнія* по пророку Даніилу, потому что, вѣрно, ты и *на мѣстѣ святѣ* не въ состояніи былъ воздерживаться отъ твоихъ пустыхъ и гнилыхъ рѣчей, и вмѣсто воскуренія ѳиміама и горѣнія елея предъ иконою, скорѣе всего воскурялся тамъ у васъ табакъ, а можетъ и бывали возліянія изъ называемой по здѣшнему *горѣлки*». «А вотъ и кстати», обращаясь ко мнѣ, сказалъ Владыка: «Вѣдь ты насмотрѣлся всего тамъ въ Петербургѣ-то и знаешь, что въ спальныхъ комнатахъ ставятся ночники въ видахъ какихъ-то особенныхъ, даже нравственно-вос-

питательныхъ; а я тебѣ предлагаю,—хорошо бы весьма завести порядокъ, чтобы въ каждой комнатѣ была предъ иконою лампадка и зажигалась бы, начиная со чтенія вечернихъ молитвъ, и горѣла до прочтенія утреннихъ. Это будетъ не то́, что́ ночники... Кто и проснется ночью, увидитъ, что свѣтъ исходитъ отъ св. иконы, небось, перекрестится». Лампадки дѣйствительно были и въ мое время и зажигались, по крайней мѣрѣ, на время молитвы, а на всю почь оставлялись на воскресные и праздничные дни, хотя не всегда и не вездѣ.

Что́ же касается безраздѣльности комнатъ на спальныя и занятныя, то этотъ порядокъ оставался не только до кончины высокопр. Филарета, но и послѣ. Студенты съ своей стороны были довольны этимъ положеніемъ и даже боялись, что оно скоро, или поздно измѣнится. Въ мое же время (въ половинѣ 1858 г.) дошло извѣстіе, по тогдашнему секретное, что вотъ-вотъ прибудетъ какой-то важный изъ Петербурга чиновникъ по Духовно-учебному Вѣдомству; и тутъ-то студенты подумывали, что существовавшій порядокъ въ житьѣ-бытьѣ ихъ болѣе всего бросится ему въ глаза и непремѣнно будетъ отмѣненъ. — Извѣстіе это дѣйствительно оправдалось; въ концѣ Сентября пріѣхалъ Директоръ Канцеляріи г. Оберъ-Прокурора Св. Синода—дѣйствит. стат. совѣтн. П. И Саломонъ. Назначеніе его, на сколько было доступно знать намъ,—студентамъ, послѣдовало будто - бы по поводу статей по разнымъ предметамъ церковнаго и духовно учебнаго управленія, напечатанныхъ въ пресловутомъ тогдашнемъ заграничномъ «*Колоколѣ*». Съ этимъ «Колоколомъ», привезеннымъ въ своемъ портфейлѣ, какъ говорили тогда, и осматривалъ прибывшій Директоръ все, что́ подходило подъ его программу, и, по преимуществу, по части воспитательной и экономической И чтожъ? Когда онъ посѣщалъ комнаты студентовъ въ существовавшемъ порядкѣ и видѣ, то студенты, какъ говорится, не вѣрили своимъ ушамъ, слыша, какъ посѣщавшій отзывался объ обстановкѣ студенческой жизни почти такими же словами, какія извѣстны были, по преданію, изъ устъ высокопр. Филарета. И тутъ-то имя и память послѣдняго еще болѣе стали благословляться.

Мы привели всѣ изложенные факты, чтобы ими и ограничиться въ разсужденіи разсматриваемаго вопроса и не говорить ни слова ни *за* ни *противъ*, общепринятыхъ въ послѣднее время, положеній, касающихся образа жизни студентовъ въ дисциплинарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ.— На все свое время. Въ приведенныхъ же фактахъ, какъ снятыхъ чисто съ натуры, для насъ важно одно, что въ въ нихъ дѣйствительно отражалась во всей полнотѣ задушевная простота и истинно-отеческая благопопечительность высокопр. Филарета въ отношеніи ко всѣмъ положеніямъ и условіямъ жизни студентовъ,—и что все это имѣло столь сильное глубокое вліяніе на всю среду студенческую, что, по свидѣтельству воспоминателя, «влекло сердца всѣхъ и каждаго въ благоговѣйную любовь къ нему и соединяло ихъ самихъ всѣхъ въ одну семью, для которой маститый Первосвятитель былъ по истинѣ отцемъ, или, какъ величали его всѣ возлюбленнымъ ихъ *дѣдушкою*».

Въ частности указываемое вліяніе высокопр. Филарета отразилось на чувствѣ призванія и наставниковъ, и студентовъ къ принятію ими монашества, — послѣдними, или во время самаго еще образованія въ Академіи, — или, болѣе или менѣе скоро, по вступленіи ихъ на службу. Упоминаемый прежде, Авторъ воспоминаній объ этомъ предметѣ говоритъ, между прочимъ: «подлинно Владыка столько любилъ монашество, что, казалось, и насъ всѣхъ студентовъ Академіи желалъ бы онъ видѣть монахами. По крайней мѣрѣ съ особенною любовію благословлялъ онъ на сей святой путь, избиравшихъ его по искреннему желанію, студентовъ, и обращался съ особеннымъ вниманіемъ, при своихъ посѣщеніяхъ Академіи, къ монашествующимъ студентамъ. И къ достойнѣйшей чести послѣднихъ должно сказать, что они оправдали свое избранническое званіе и служеніе. Изъ нихъ многіе уже давно достигли высшаго іерархическаго званія, а другіе позднѣйшіе достигаютъ его съ несомнѣннымъ достоинствомъ. Изъ числа первыхъ въ настоящее время состоитъ на святительскихъ каѳедрахъ въ санѣ епископовъ и архіепископовъ, считая съ умершими до 30-ти (1). Кромѣ сего, двое пи-

(1) Эти воспоминанія относятся, по времени ихъ напечатанія, за

томцевъ сей же Академіи, прибывшихъ изъ единовѣрныхъ намъ славянскихъ земель—Молдавіи и Сербіи—и поступившихъ въ монашество, теперь занимаютъ на своей родинѣ первосвятительскія каѳедры; одинъ изъ нихъ митрополитомъ Ясскимъ, другой Сербскимъ.—Что́ же касается вообще численности лицъ изъ среды воспитанниковъ Кіевской Академіи, принявшихъ священническое званіе, то она была значительна и превосходила число таковыхъ же воспитанниковъ въ другихъ Академіяхъ за описываемый періодъ времени».—Такой плодъ духовно-нравственнаго воспитанія, само-собою, говоритъ объ истинномъ достоинствѣ его, равно какъ и виновниковъ его. Подъ послѣдними разумѣются, кромѣ самого высокопр. Филарета, начальники и наставники академическіе, которыхъ Авторъ воспоминаній справедливо называетъ «достойнѣйшими воспитанниками, чадами его по духу иночества».

«Мы знали, говоритъ воспоминатель, высокопр. Филарета, какъ столпа Православія, знали и какъ доблестнѣйшаго подвижника, *умѣвшаго* притомъ и *воспитывать подвижниковъ*. Не говоря о ближайшей къ отеческому надзору его Лаврѣ, которая украшалась въ его время многими истинными монахами, насъ *истинно утѣшали* возвышенностію своего настроенія и безукоризненною чистотою жизни ближайшіе къ намъ постриженники Филарета, бывшіе наставники наши въ Академіи. Подъ вліяніемъ Митрополита Филарета,—(читаемъ и въ исторической запискѣ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея) «и духъ аскетизма, замѣтный и прежде, сильно развился въ Академіи, обнаруживаясь поступленіемъ въ монашество многихъ наставниковъ и лучшихъ студентовъ «Приведемъ еще здѣсь слова изъ одной надгробной рѣчи, сказанной именно лицемъ, испытавшимъ это вліяніе на себѣ и въ воспитанническомъ и наставническомъ состояніи,—и засвидѣтельствовавшимъ объ этомъ

двадцать слишкомъ лѣтъ; а послѣ этого до настоящихъ поръ удостоились сана святительскаго еще не менѣе двадцати лицъ, окончившихъ курсъ въ Кіевской Академіи при высокопр Филаретѣ съ 1851 г. по 1857 г.

при гробѣ въ Бозѣ почившаго отъ лица Академіи: «Двадцать лѣтъ стоя на высокомъ свѣщникѣ паствы Кіевской, Ты былъ по истинѣ *свѣтильникомъ и для высшаго святилища духовнаго просвѣщенія,—Академіи*. Мы видѣли въ Тебѣ глубокое знаніе самыхъ высокихъ истинъ христіанскаго ученія, которыя всегда умѣлъ Ты передавать намъ въ простотѣ Евангельской, а съ тѣмъ вмѣстѣ,съ духовною опытностію и проницательностію, остерегая наши мысли отъ всего чуждаго и вреднаго духу Православія. Мы видѣли въ Тебѣ, что́ особенно драгоцѣнно въ нашъ, скудный духовною жизнію, вѣкъ,—живой опытъ высоко-аскетической жизни по святому Евангелію,—отъ чего истина Евангельская, имѣя въ Тебѣ живой примѣръ силы и дѣйственности ея, намъ всегда казалась ясною, несомнѣнною. Ты училъ не словомъ только, но дѣломъ и истиною. Мы видѣли въ тебѣ непрестанное вниманіе къ намъ и самую дѣятельную заботливость о насъ. Особенно никогда не изгладится изъ нашей памяти тотъ подвигъ Твоего богопросвѣщеннаго вниманія къ намъ, который каждогодно, по дважды (разумѣются полугодичные и годичные экзамены), по нѣскольку дней, не смотря и на немощи старческія, совершалъ Ты въ вертоградѣ нашемъ, подвергая испытанію питомцевъ его, съ опытною и тонкою наблюдательностію не утомимо слѣдя за каждымъ движеніемъ ихъ мысли и слова, а съ тѣмъ вмѣстѣ являясь судіею и нашихъ (наставниковъ) мыслей и познаній; при чемъ въ самыхъ строгихъ твоихъ замѣчаніяхъ мы ощущали сладость отеческой любви, тихо и такъ животворно дѣйствовавшей всегда на исправленіе замѣчаемыхъ въ насъ недостатковъ. Полный духа благодатной жизни о Христѣ Іисусѣ, Ты былъ для насъ жизненнымъ духомъ, воодушевляя своимъ присутствіемъ и словомъ *равно и обучаемыхъ и обучающихъ* въ трудномъ подвигѣ науки и просвѣщенія, вливая въ тѣхъ и другихъ свѣжія силы къ новой дѣятельности и новымъ трудамъ какъ научнымъ, такъ и къ иноческимъ подвигамъ въ благочестіи» (1). — Объ этомъ же говоритъ и

(1) Рѣчь, сказанная бывшимъ Баккалавромъ Акад. Архимандрит. Филаретомъ, затѣмъ Ректоромъ оной же Акад. и наконецъ Еп. Рижскимъ

другой очевидѣцъ, что «Владыка Митрополитъ, съ особеннымъ вниманіемъ относясь къ студентамъ монашествующимъ на экзаменахъ, всегда поощрялъ ихъ при этомъ во всемъ, подобающемъ для нихъ, состояніи, говоря имъ прямо, что успѣхи ихъ въ наукахъ должны свидѣтельствовать и о ихъ внутреннемъ настроеніи, соотвѣтственномъ ихъ званію,—однимъ словомъ,—чтобы самое ученіе ихъ въ Академіи было духовноиноческимъ для нихъ подвигомъ» (1).

На сколько были дѣйственны и благоплодны всѣ сказанныя отношенія и личное вліяніе, представлявшаго въ себѣ живой образъ высокаго святоднижничества, Первосвятителя и Покровителя Академіи на юныхъ призванниковъ и избранниковъ иночества, свидѣтельствуютъ уже прежденриведенныя цифры, въ которыхъ значится достигшихъ Святительства *пятьдесятъ* лицъ, получившихъ образованіе въ Академіи собственно при жизни высокопр. Филарета. Изъ этихъ же самыхъ лицъ, принимавшихъ монашество еще во время обученія въ Академіи, лучшіе были избираемы,—по личному, главнымъ образомъ, усмотрѣнію, иногда же по настоянію самого же высокопр. Филарета непосредственно по окончаніи ими курса,—на службу въ Академіи, или въ Кіевскую Семинарію и въ Кіевскія же училища, гдѣ всѣ они так. обр. оставались подъ особеннымъ его личнымъ руководствомъ, какъ его чада духовныя. Многихъ изъ таковыхъ онъ самъ и постригалъ въ монашество въ Лаврѣ и въ особенности въ самыхъ святыхъ Пещерахъ. Что же касается до другихъ, начавшихъ службу въ Академіи еще до времени Первосвятительства высокопр. Филарета и оставшихся еще въ свѣтскомъ званіи, то и изъ этихъ нѣкоторые повременно не замедляли перемѣнять свое состояніе на иноческое. По ихъ же собственному признанію такая перемѣна совершалась въ нихъ исключительно подъ непосредственнымъ живымъ вліяніемъ на нихъ самого же высокопр. Филарета. Въ примѣръ этого достаточно указать только на двухъ лицъ, наилучшихъ Профессоровъ—Петра Семеновича *Авсенева* (въ монашествѣ *Θеофана*), и Дмитрія Ивановича *Макарова* (въ

(1) Душеполезное Чтеніе, 1865 г. Октябрь.

монашествѣ *Лаврентія*). Приведемъ здѣсь свѣдѣнія о послѣднемъ, которыя однѣ представятъ живую, самую характеристичную, сколько и глубоконазидательную для всякаго, картину истиннаго призванія къ святоиночеству и всю духовновлятельную силу, уразумѣвшаго и завершившаго это призваніе избранника,—самого высокопр. Филарета.

Димитрій Ивановичъ *Макаровъ* (1) опредѣленъ былъ, сверхъ наставнической должности, Помощникомъ Инспектора Академіи. Любвеобильное отношеніе къ ближнимъ особенно сказалось въ Макаровѣ при этой должности: онъ былъ не столько начальникомъ, сколько отцемъ студентовъ, и за то́ пользовался любовью и уваженіемъ. Въ это время, говоритъ Авторъ, на Святительской каѳедрѣ Кіевской Митрополіи находился мужъ богоугодный, преосвященнѣйшій Филаретъ (Амфитеатровъ), принимавшій всегда живое участіе въ дѣлахъ Кіевской духовной Академіи. Отъ его Архипастырскаго взора не утаилась благая дѣятельность преподавателя Макарова, и его смиренная личность полюбилась Святителю. Въ 1840 году, по его ходатайству, изъявлено Макарову одобреніе Святѣйшаго синода за ревностное прохожденіе службы по Академіи. 1841 года, по его же представленію, за «отличное преподаваніе порученнаго ему предмета» Бакалавръ Макаровъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго Профессора историческихъ наукъ. Димитрій Ивановичъ, во все время службы своей въ Кіевской Академіи, жилъ въ ней чисто по монашески, не любилъ участвовать въ обществахъ сотоварищей професоровъ, удалялся развлеченій мірскихъ, рѣдко даже когда выходилъ изъ стѣнъ Академіи въ городъ, развѣ по неотложному дѣлу. Сосредоточенный въ себѣ и занятый ревностнымъ исполненіемъ своей должности, любилъ онъ уединеніе келейное; но, тѣмъ не менѣе, не спѣшилъ онъ дать обѣты монашества. Этому причиной было его глубокое смиреніе и высокое благоговѣніе къ мо-

(1) Въ монашествѣ *Лаврентій*, впослѣдствіи Архимандритъ, бывшій прежде Намѣстникъ Кіево-Печер. Лавры, а затѣмъ Настоятель Иверскаго Первокласснаго Монастыря. Смотр. въ Душеполезномъ Чтеніи 1885 г. Августъ.

нашеству. Монашество казалось ему столь святымъ и возвышеннымъ подвигомъ, что онъ находилъ его себѣ не подъ силу, и, въ смиренномъ сознаніи своего недостоинства, предпочиталъ оставаться мірянином, чѣмъ быть плохимъ монахомъ. Не рѣдко Ректоръ Академіи, преосвященный Иннокентій, предлагалъ ему принять монашество, какъ болѣе всего свойственное наклонностямъ его души. Всякій разъ Димитрій Ивановичъ отговаривался своимъ недостоинствомъ и неготовностью къ этому святому званію. Самъ Митрополитъ Филаретъ при свиданіяхъ не разъ заговаривалъ съ нимъ о монашествѣ, старался склонить скромнаго Профессора промѣнять сюртукъ на рясу, но Димитрій Ивановичъ все медлилъ, все отказывался своею неготовностію. А что готовъ онъ былъ духовно, хорошо зналъ объ этомъ Владыка чрезъ старца подвижника Кіево-Печерской Лавры, іеросхимонаха Парѳенія, своего духовника, который издавна былъ такъ же духовникомъ и Димитрія Ивановича.

«Сколько ни медлилъ благоговѣйный чтитель монашества, пришло однако время, когда, предназначеное ему, иноческое званіе постигло его, и притомъ такъ внезапно, что самъ онъ потомъ изумлялся, какъ все это съ нимъ случилось. Вотъ собственныя откровенныя слова его объ этомъ событіи, знаменательномъ въ его жизни. «Всегда глубоко чтилъ я монашескій санъ, говорилъ онъ о себѣ откровенно, размышлялъ о немъ съ благоговѣніемъ и съ любовью, имѣя, такъ сказать, предъ глазами высокіе примѣры совершенства монашескаго въ лицѣ, во первыхъ, самого Владыки нашего Филарета, чудно являвшаго въ себѣ и аскета по духу, и администратора по должности. Дивился я этому мудрому сочетанію и буквально благоговѣлъ предъ нимъ. При частыхъ соприкосновеніяхъ къ нему по дѣламъ службы и вообще по его ко мнѣ расположенію, не рѣдко доводилось мнѣ бесѣдовать съ нимъ по цѣлымъ часамъ; я наслаждался божественною бесѣдой, я впивался, такъ сказать, въ его мысли и слова́, и глубоко западали онѣ въ мою душу. Не скрывалъ я ни одной своей мысли, или намѣренія; очевидно,—не утаивалъ и того, что я бы и непрочь принять монашество, но, понимая высоту его, а съ другой стороны сознавая недостоинство и немощи свои, недерзалъ рѣшиться

на это. Владыка былъ не согласенъ со мной въ этомъ, представляя мою склонность къ уединенію и средоточенію въ себѣ, какъ задатки добраго монаха, увѣщевалъ къ принятію монашества, но не могъ я рѣшиться принять то, что, по мнѣнію моему, превышало мои силы. Такъ *восемь лѣтъ* провелъ я въ этой нерѣшительности, со времени окончанія курса въ 1836 году и до 1843 года. Слѣдующій, такъ сказать, случай, если только можно назвать это случаемъ, положилъ наконецъ предѣлъ моему колебанію. Былъ я однажды по дѣлу у Владыки Филарета; по обычаю, милостиво посадилъ онъ меня подлѣ себя, и, по рѣшеніи дѣла, началась у насъ обычная бесѣда. Вдругъ, совершенно не къ рѣчи, а какъ бы случайно, говоритъ мнѣ Владыка, указывая на мой сюртукъ: «Долго ли же ты будешь ходить ко мнѣ въ этой *кутцѣ?*». Неожиданность вопроса и обычная моя трусость отняли отъ меня всякую возможность отвѣчать, и я молчалъ. Владыка снова повторилъ тѣмъ же ласковымъ, хотя и серьезнымъ тономъ. «я тебя спрашиваю, долго ли ты будешь еще въ этомъ ходить?» Не безъ смущенія и страха я наконецъ отвѣтилъ ему: «Владыка святый! Вамъ извѣстенъ образъ мыслей моихъ, отъ Васъ, какъ отъ отца своего, я не скрывалъ ничего; Вы знаете, что не дерзаю я принять монашество по высотѣ этого сана и по немощи собственныхъ силъ; притомъ же, притомъ же....» и тутъ я окончательно замялся. «Доканчивай, доканчивай, сказалъ Владыка,—что же еще «притомъ же»?. «Притомъ же, продолжалъ я, нѣсколько помолчавъ,—если бы могъ я надѣяться, что останусь частнымъ монахомъ на единственное попеченіе о душѣ моей; но, вѣдь, мы ученые не крѣпко на это разсчитывать можемъ; обыкновенно намъ поручаютъ управленіе монастырями, или еще того выше, а какой я пастырь, Владыка,—какой я монахъ?!.. «Слезы прерывали мои слова. Хотя я все еще упорствовалъ въ словахъ, но втайнѣ чувствовалось мнѣ, что наступила моя роковая минута; я всталъ и поклонился въ ножки Владыкѣ, самъ не сознавая, что и зачѣмъ дѣлаю. «Постой, постой, братецъ, возразилъ Владыка,—послушай, ты Профессоръ,—не тебѣ бы мнѣ это разъяснять, ты и самъ хорошо это понимаешь: если всѣ бы мы стали отказываться отъ возлагаемыхъ на

насъ обязанностей нашимъ недостоинствомъ, то оскудѣла бы до конца мятушка наша Церковь Православная пастырями; неужели мы, грѣшные, дерзнувшіе на величайшее дѣло управленія Церковью Божіею, уповали и полагались на свои силы и разумѣніе?! Божественная благодать, немощи наши врачующая и оскудѣніе наше восполняющая, сама совершаетъ пастырей Церкви своей, а что́ мы значимъ, скудоумные и грѣшные? Принесемъ лишь наше доброе произволеніе, не пощадимъ своихъ силъ и самой жизни во славу имени Божія, и Онъ Самъ нашъ Помощникъ во благое. Не отговаривайся же,— это пустая отговорка». Послѣ этого разговора, я уже не заставлялъ болѣе повторять себѣ о принятіи монашества, да и въ душѣ уже болѣе не колебался».

Воспоминая обо всемъ этомъ, уже въ старческихъ лѣтахъ впослѣдствіи, при разговорѣ съ одною образованною особой, просившею у него благословенія вступить въ монастырь, о. Архимандритъ Лаврентій откровенно признался, что смотритъ на этотъ случай, какъ на явное указаніе Промысла Божія— быть ему монахомъ; и всегда искренно благодарилъ въ Бозѣ почившаго Митрополита Кіевскаго Филарета, что своимъ богомудрымъ словомъ разъ навсегда положилъ конецъ его колебаніямъ.

«Сé время благопріятно, сé день спасенія!» повторялъ въ себѣ Димитрій Ивановичъ послѣ бесѣды съ Митрополитомъ Филаретомъ, и не медлилъ уже болѣе стать инокомъ по сану, каковымъ по душѣ онъ уже былъ. Въ началѣ 1843 года подалъ онъ прошеніе въ Совѣтъ Академіи о дозволеніи ему принять на себя монашескій санъ. Дозволеніе, конечно, послѣдовало. 22 Мая 1843 г. получилъ онъ письменные вопросы: гдѣ и когда желалъ бы онъ быть постриженъ въ монашество? На слѣдующій же день на эти вопросы онъ отвѣтилъ такъ: «Занятія по должности побуждаютъ меня отложить исполненіе своего намѣренія о поступленіи въ монашество до вакаціальнаго времени, какъ болѣе свободнаго отъ сихъ занятій, для достодолжнаго приготовленія себя къ постригу. По уваженію къ св. Кіево-Печерской Лаврѣ, я желалъ бы быть постриженнымъ въ монашество въ какой либо пещерной ея церкви, если Академическое Правленіе благоволитъ

сдѣлать свое распоряженіе объ исполненіи сего моего желанія.» Распоряженіе было сдѣлано. Самъ Первосвятитель Кіевскій Митрополитъ Филаретъ пожелалъ своеручно постричь боголюбиваго Профессора *Макарова* въ иночество. Въ томъ же 1843 году 10 Августа, на ближнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры, въ пещерной церкви преп. Антонія, что́ подлѣ его многоцѣлебнаго гроба, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ постригъ Димитрія Ивановича въ мантію и и наименовалъ его *Лаврентіемъ*, въ честь, празднуемаго въ тотъ день, св. мученика и архидіакона Лаврентія. Духовникъ Кіево-Печерской Лавры іеросхимонахъ Парѳеній при постригѣ былъ пріемнымъ отцемъ ему отъ св. Евангелія, и ему же молитвенно поручилъ Владыка новопостриженнаго инока. При таковыхъ богомудрыхъ наставникахъ, каковыми были Митрополитъ Филаретъ и іеросхимонахъ Парфеній, не оставлявшіе его своими духовными наставленіями, о. Лаврентій явилъ въ себѣ достойнаго исполнителя всѣхъ правилъ и законоположеній какъ монашества, такъ и священства и профессорства. Но Митрополитъ Кіевскій Филаретъ, хорошо знавшій о. Лаврентія, хорошо видѣлъ, что училищная служба въ Академіи—не то́ поприще духовное, на которое онъ предназначенъ свыше. Онъ пожелалъ сдѣлать его Намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры,—своимъ ближайшимъ помощникомъ въ управленіи ею. 10 Іюня 1844 года о. Лаврентій былъ возведенъ Митрополитомъ Филаретомъ въ санъ Архимандрита и переселился изъ Академіи въ Кіево-Печерскую Лавру, столь близкую его боголюбивой душѣ. Но оставляя Академію, *свою мать*, возродившую его духовно, какъ звалъ онъ ее всегда впослѣдствіи, не прекращалъ онъ общенія съ ней никогда.

По поводу, вышеприведенныхъ въ рѣчи, словъ о томъ подвигѣ особеннаго вниманія къ учащимъ и къ учащимся, который каждогодно совершалъ высокопр. Филаретъ на экзаменахъ въ Академіи, обратимъ нашу рѣчь теперь къ послѣднимъ. Приведемъ сперва свидѣтельство прежняго же Автора воспоминаній.

«На экзаменахъ въ Академіи присутствовалъ Владыка—Митрополитъ всегда съ участіемъ и обстоятельно испытывалъ знанія студентовъ. Но нѣкоторые предметы слушалъ

какъ-бы не-хотя, особенно напр. ученіе новѣйшихъ Германскихъ философовъ Иногда, отвѣтившему по этой статьѣ, студенту совѣтовалъ не стараться слишкомъ, чтобы помнить, что̀ онъ такъ усердно заучилъ... Однажды же, когда шла рѣчь на экзаменѣ о древнихъ философахъ, Владыка вдругъ подозвалъ десятилѣтняго мальчика изъ присутствовавшихъ на экзаменѣ (публичномъ), и замѣтивъ, что древніе философы не знали тѣхъ высокихъ истинъ, какія знаютъ у насъ даже дѣти, велѣлъ малюткѣ прочитать Символъ вѣры» (1). Въ другой разъ когда студентъ особенно твердо и бойко передалъ біографію Сократа, Владыка спросилъ: «а можешь ли ты такъ же твердо и подробно передать жизнь напр. св. Апостола Павла?» Были и мы (пишущій) сами личными свидѣтелями подобнаго же факта на публичномъ испытаніи въ 1857 г. (послѣднемъ въ жизни высокопр. Филарета). «По принятому въ Кіевской Академіи обычаю на публичныхъ экзаменахъ воспитанники, оканчивающіе курсъ, читали съ каѳедры небольшія сочиненія въ качествѣ пробныхъ лекцій, а переходившіе изъ низшаго въ высшее отдѣленіе читали опыты своихъ упражненій. И вотъ когда изъ числа послѣднихъ студентъ (2) вступилъ только на каѳедру и и произнесъ заглавіе своего сочиненія,—именно «ученіе о Богѣ по Платону,» высокопр. Филаретъ въ ту же минуту остановилъ его, сказавъ: «погодите читать,—а скажите прежде что̀ заключается въ вашемъ сочиненіи, или иначе въ самомъ ученіи Платона о Богѣ?... Студентъ, озадаченный и частію сконфуженный неожиданнымъ перерывомъ его чтенія, не успѣлъ еще собраться съ духомъ, чтобы отвѣчать, какъ вопросившій продолжалъ: «оставьте пока ваше сочиненіе и отвѣчайте мнѣ на мои вопросы: «видны ли звѣзды днемъ?.» Студентъ еще болѣе сконфузился при такомъ простодушномъ вопросѣ. Владыка же продолжалъ: «ну, конечно, нѣтъ».—А отчего? Отъ того, что днемъ свѣтитъ солнце, при которомъ звѣзды меркнутъ и становятся не нужны. Такъ и ученіе Платона и древнихъ мудрецовъ

---

(1) Смотр. прежніе цытаты.

(2) Нынѣшній экстр.-орд. профессоръ Кіевской Академіи П. А. Л—въ.

то́ же, что́ звѣзды по отношенію къ ученію, откровенному намъ въ Евангеліи Самимъ Господомъ, Солнцемъ Правды. Потому-то и поется въ св. Церкви. Рождество Твое Христе Боже нашъ возсія мірови свѣтъ разума..., такъ что, при первыхъ лучахъ сего явившагося свѣта, дотолѣ звѣздамъ служащіи научились покланятися Сему Солнцу Правды и Его Единаго вѣдѣти съ высоты Востока.» За симъ сказалъ студенту: довольно!»

Не мало сохранилось въ преданіи, изъ курса въ курсъ, и другихъ подобныхъ фактовъ; но дѣло въ томъ, что совершенно не справедливо видѣть здѣсь, (какъ нѣкоторымъ представлялось о высокопр. Филаретѣ) или непониманіе значенія науки—Философіи, или предубѣжденіе противъ нея, или же безсознательную антипатію. Усматривать и указывать что либо въ этомъ родѣ возможно со стороны лишь тѣхъ, кои сами не глубоко разумѣютъ науку—Философію, преклоняются лишь предъ однимъ ея именемъ и авторитетомъ представителей ея, особенно позднѣйшихъ. Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что высокопр. Филаретъ относился такъ собственно не къ философскимъ познаніямъ, а къ образу и мѣрѣ пользованія ими, особливо же въ области тѣхъ истинъ, которыя недоступны вѣдѣнію естественнаго разума, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, могли быть въ ущербъ истиннаго разумѣнія на основаніи прямого Богооткровеннаго ученія. А что онъ рѣзко и настоятельно иногда выражался въ подобныхъ случаяхъ, это совершенно естественно было для его богомысленнаго настроенія и вообще духовно-нравственнаго состоянія. По одному чувству святой ревности о Богоспасительныхъ истинахъ для него было слишкомъ ощутительно всякое прираженіе къ нимъ какихъ либо мнѣній и неумѣстныхъ изслѣдованій, отзывающихся не только возношеніемъ на разумъ Божій, но и сколько нибудь свободнымъ отношеніемъ къ этимъ истинамъ. За то онъ на тѣхъ же экзаменахъ при разрѣшеніи встрѣчавшихся вопросовъ, или объясненій положительныхъ истинъ весьма часто любилъ обращаться къ присутствующимъ на экзаменахъ профессорамъ, извѣстнымъ, или можно сказать, знаменитымъ по философскимъ познаніямъ, какъ наприм. къ протоіерею Ивану Михайловичу *Сворцеву*, или къ *Авсѣеву*—(Петру

Семеновичу, въ монашествѣ—архимандриту *Θеофану*), и выслушивалъ ихъ отвѣты съ совершеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, хотя иногда сдерживалъ ихъ, особливо послѣдняго, въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ; или на ихъ разсужденія излагалъ свои, и, при всей видимой простотѣ, всегда мѣтко и вѣрно опредѣлялъ самыя философскія положенія, хотя и помимо научно систематическихъ изслѣдованій, открывая и указывая коренныя, и, что̀ главнѣе, истинныя начала познанія истины въ единомъ источникѣ вѣдѣнія,—Христіанскомъ ученіи. Это совершенно естественно для его духовно-подвижническаго состоянія, въ которомъ обыкновенная мыслительность философская переходитъ въ духовную созерцательность, и гдѣ самыя истины изъ отвлеченныхъ понятій преобразуются и воплощаются въ духъ и жизнь.

Остановимся въ частности на личности о. Архимандрита Θеофана (Авсенева). Когда о. Θеофанъ хотѣлъ было съ философской каѳедры перейти на какую либо изъ богословскихъ, то, замѣчательно, бывъ возведенъ въ званіе ординарнаго Профессора философскихъ наукъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ оставленъ Владыкою на прежней каѳедрѣ (1). Далѣе, когда Авсеневъ, поступивши въ монашество, оставилъ Кіевскій Университетъ, въ которомъ онъ, состоя въ Академіи, дотолѣ преподавалъ философскія науки, и когда лишеніе такого Профессора не могло не быть не чувствительнымъ для какого бы то ни было высшаго заведенія, а потому и г. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа Князь С. Давыдовъ относился къ высокопр. Филарету съ просьбою о дозволеніи о. Θеофану продолжать чтеніе лекцій въ Университетѣ св. Владиміра, то Владыка далъ отъ себя полное согласіе и разрѣшеніе къ удовольствію истинныхъ любителей хрпстіанскаго просвѣщенія (2).

И такъ понятно, что если высокопр. Филаретъ не мирился, какъ замѣчено выше, съ наукой Философіей, то не собственно съ ней, а съ тѣми системами позднѣйшей Философіи, читая исторію которой и о. Θеофанъ (Авсеневъ)

---

(1) См. въ Исторіи Кіев. Академіи стр. 273.

(2) Тамъ же стр. 218.

долженъ былъ, какъ сказано въ исторіи Академіи, разоблачать призрачность философствованія, заносившагося въ туманную сферу не постоянныхъ и не состоятельныхъ идей и странныхъ понятій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю (ложную и опасную) восторженность послѣдователей послѣдняго представителя Германской философіи, видѣвшихъ въ немъ чуть ли не пророка» (1). Когда же высокопр. Филаретъ находилъ разумѣніе и преподаваніе этой же самой науки-Философіи въ томъ видѣ и духѣ, какъ являлось то и другое въ лицѣ о. Ѳеофана, который, по свидѣтельству той же исторіи,— «въ самыхъ глубокихъ изысканіяхъ шелъ твердо и неуклонно держась слова Божія и ученія Церкви Православной, всегда руководившихъ его въ самомъ напряженномъ мышленіи,—отчего и выходила у него гармонія знанія и вѣры, и являлась истина поразительною и дѣлалась сущею драгоцѣнностію для слушателей: тогда высокопр. Филаретъ относился къ философской наукѣ съ полнымъ сочувствіемъ, видя сообщеніе воспитанникамъ истинныхъ философскихъ воззрѣній и знаній». Впрочемъ нужно знать, (какъ сказано и въ исторической запискѣ по случаю юбилея Кіевской Академіи), что высокопр. Филаретъ во всю бытность свою Митрополитомъ Кіевскимъ, относился къ нравственно-религіозному преподаванію въ Кіевскомъ Университетѣ съ особенною наблюдательностію и не оставлялъ безъ своихъ внушеній самыхъ преподавателей тѣмъ болѣе, что послѣдніе были не только по Богословію, но и по Философіи изъ профессоровъ же Кіевской Академіи. Такъ, въ Исторической Запискѣ по случаю юбилея (стр. 119) говорится: «О. Архимандриту Ѳеофану, предподавшему Философію въ Академіи и Университетѣ, иногда тяжело обходились указываемыя внушенія. Ревнитель богословскій истины—Арипастырь рѣзко и строго выражался не рѣдко о философскихъ терминахъ и трактатахъ, гдѣ ему противны были не только философскія формулы, но даже самыя имена какого либо Спинозы, Гегеля, Фихте, Шеллинга (2). Архим. Ѳеофанъ, какъ глав-

(1) Тамъ же стр. 272.

(2) Владыка однажды на экзаменѣ какъ бы про себя, но въ полуслухъ сказалъ: «Фи! какія имена!! Истинно не человѣческія, а какъ

ный профессоръ философіи, вызывался къ наибольшей отвѣтственности за нее, особливо какъ монахъ. Онъ, однако, кротко покорялся своей судьбѣ, искренно уважая чистоту побужденій, въ слѣдствіе которыхъ нападали на его философствованіе». Приведемъ здѣсь одинъ фактъ, который передавалъ намъ покойный влад. Антоній съ объясненіемъ, что этотъ фактъ не ускользнулъ въ свое же время отъ борзописнаго пера В. Ип. Аскоченскаго, занесшаго его въ свои мемуары, какъ бывшаго личнаго свидѣтеля-слышателя.

«Однажды А. Ѳеофанъ, на лекціи въ Университетѣ, проводя, по обычной тактикѣ своихъ мистифирующихъ воззрѣній, параллель между духовнымъ и чувственнымъ бытіемъ, задался вопросомъ. «что̀ значитъ, что, когда рѣжутъ, напр., курицу, она такъ сильно трепещется и бьется?...» и разрѣшилъ это тѣмъ, что будто-бы не страхъ смерти и боль отъ рѣзанія приводитъ ее въ такое состояніе, а какое-то чувство восторга, что вотъ она (курица), назначенная въ пищу человѣка, чрезъ процессъ питанія обратившись въ соки организма, какъ существа высшаго тѣлесно-духовнаго, переходитъ изъ своего чувственнаго животнаго бытія въ высшее... и что она предвкушаетъ здѣсь какъ бы сладость того состоянія, котораго, по слову Апостола, чаетъ вся тварь: *яко и сама тварь освободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ*. Мысль эта, сама собою оригинальная и въ своемъ родѣ завлекательная, легко могла быть принята студентами-слушателями съ особеннымъ сочувствіемъ, чуть не съ восторгомъ и, въ слѣдствіе этого самаго, скоро изъ стѣнъ аудиторіи разнеслась и сдѣлалась извѣстною, кому слѣдовало знать, и наконецъ самому высокопр. Филарету. Послѣдній, воспользовавшись случаемъ, когда собирались къ нему начальствующіе и профессоры Академіи монашествующіе и другіе (1), попросту на домашній обѣдъ, завелъ рѣчь о предметахъ, близкихъ къ сказанному,

---

будто — клички, какія даютъ животнымъ. Сказанія этого высокопреосв. Антоній не отрицалъ.

(1) Какъ обычный завсегдатай при подобныхъ собраніяхъ у Митр. Филарета былъ и В. И. Аскоченскій.

и наконецъ поставивъ вопросъ, какъ разъ тотъ же самый, какимъ задавался о. Ѳеофанъ, вдругъ обратился къ послѣднему. «а ну-ка, отче, какъ бы ты рѣшилъ этотъ вопросъ по твоей велемудрой наукѣ?! Когда о. Ѳеофанъ началъ-было повторять свое мнѣніе, высокопр. Филаретъ обычнымъ простодушнымъ тономъ сказалъ ему: эхъ отче-отче Ѳеофане! Хотя имя твое значитъ «*Богоявленный*», по точному переводу съ Греческаго, но вѣрно, что такое разумѣніе не *Богъ явилъ* тебѣ, какъ речено Господомъ Спасителемъ св Ап. Петру, а *плоть и кровь*... а съ другой стороны, хотя ты, по имени, *Богоявленный*, но забылъ, видно, про того, кто не по имени только, а по благодатному дарованію вѣдѣнія *естество сущихъ уяснилъ* и который наименованъ св. Церковію *небоявленнымъ* (1),—разумѣй св. Василія Великаго! Но вѣдь и этотъ великій Таинникъ природы въ своемъ *Шестодневѣ* не доходилъ до такихъ откровеній тайнъ природы... А потому я вотъ что́ тебѣ скажу по моему не философско-метафизическому, а простому разсужденію. «Если намъ—монахамъ не положено по уставу упротеблять въ пищу куриць, а только яйца, то этимъ самымъ, по моему, и не дано знать, что́ чувствуетъ курица, когда ее рѣжутъ, и въ какой восторгъ приходитъ она отъ представленія, что, перевариваясь въ питательные соки съѣдающихъ ее, будто бы переходитъ въ какое-то высшее бытіе... А сказать прямѣе: развѣ животныя назначены были изъ начала въ пищу человѣку?! А вѣдь, по твоему толкованію, это необходимо слѣдовало бы .. Да и самый текстъ св. Апостола противъ твоего же толкованія. Сказано: *освободится тварь отъ работы истлѣнія*; а какъ она, при существованіи человечества въ этомъ земномъ мірѣ, не освободится, пока міръ измѣнится и пока онъ во *злѣ лежитъ*, то тварь и должна быть жертвою работы и истлѣнія... Какой же здѣсь для твари, слѣдовательно и для твоей курицы, восторгъ?! Не сказано ли прямо у того же св. Апосто-

(1) Выраженіе — «*естество сущихъ уяснилъ еси*»—буквальное въ тропарѣ Св. Василію Великому, а наименованіе—«*небоявленный*» тоже въ кондакѣ ему же.

ла, что, напротивъ, *тварь воздыхаетъ, страдаетъ, повинувшись суетѣ за повинувшаго ее человѣка?* Не такъ ли и ты разсудишь теперь?.. Постарайся же измѣнить, высказанное тобою предъ студентами, мнѣніе, представивъ его не болѣе, какъ въ значеніи парадоксальности и неумѣстной софистики; да и впредь-то не задавайся никакими подобными созерцаніями, которыя, какъ нельзя болѣе, справедливо уподобить *куриной* же *слѣпотѣ* въ значеніи, извѣстной подъ этимъ названіемъ, болѣзни глазъ. Для устраненія же этой куриной слѣпоты—мыслительной болѣзни запасись тѣмъ *коллуріемъ*, о которомъ сказано въ Апокалипсисѣ, и *помазывай чаще очи твои, да видиши* (Апок. 3, 18). Да и слѣдующему-то рядомъ стиху внемли, гдѣ речено отъ лица Самаго Господа: *Азъ, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся* (тамъ же ст. 19).

И такъ изъ сказаннаго видно, что личныхъ рѣшительныхъ несочувственныхъ воззрѣній и отношеній къ Философіи состоронъ высокопр. Филарета не было. Это сейчасъ увидятъ читающіе и изъ того,—какой высокой степени развитія и процвѣтанія достигла эта именно область вѣдѣнія въ самой Академіи во дни высокопр. Филарета.

«Въ послѣднюю пору, предъ самымъ временемъ протекторства высокопр. Филарета, философскія науки въ Кіевской Академіи, по описанію въ исторіи ея, доведены были до такого состоянія, что подобнаго преподаванія оныхъ едва ли можно было найти въ самыхъ лучшихъ Университетахъ Европы. Протоіерей *Скворцовъ*, *Новицкій*, *Михневичъ*, *Авсеневъ*—вотъ кватрумвираты, подъ руками коего воздѣлывалось широкое поле философствованія, согрѣваемаго лучами Вѣры Православной!... *Фихты*, *Шеллинги*, *Гегели* и другіе хитрецы нѣмецкой мудрости ложились ницъ предъ мощно—Русской вѣрующей мыслію и здоровымъ словомъ съ своими высокопарными темноглаголаніями, что̀ видѣли, хотя и юные возрастомъ, но возмужалые смысломъ питомцы богохранимаго училища, и сознавали, что у всѣхъ *оныхъ*, такъ называемыхъ, *геніевъ* мышленія, по русскому выраженію, заходилъ лишь умъ за разумъ» (1) Наконецъ, при протекторствѣ

(1) Смотр. въ Исторіи Кіев. Академіи стр. 154

Митрополита Филарета, изъ-подъ руководства сказаннаго кватрумвирата, не замедлили выступить на этомъ же поприщѣ и новые достойные дѣлатели въ составѣ тоже кватрумвирата: таковы—ранѣе всѣхъ *Гогоцкій*, затѣмъ *Постьховъ*, *Юркевичъ*, и позднѣйшій изъ нихъ (именно изъ самаго послѣдняго выпуска высокоп. Филарета въ 1857 г.) *Троицкій*, изъ коихъ послѣдніе—Юркевичъ и Троицкій, а равно и первый Гогоцкій чуть, какъ говорится, не на разрывъ приглашены были въ университеты—Московскій, Кіевскій, Казанскій. Остается только желать, чтобы эти представители философствованія и послѣдующіе ихъ преемники пребыли вѣрны всему, унаслѣдованному ими преемственно отъ своихъ знаменитыхъ учителей духу, характеру и образу мышленія и преподаванія, не уклоняясь на распутія туманности, и до-днесь господствующей въ головахъ нѣмецкихъ мыслителей и ихъ недоумочныхъ послѣдователей. Столько же желается и уповается, что и всѣ, *право правящіе слово божественной истины* и поставленные по званію своему на степени протекторства разсадниковъ высшаго духовнаго просвѣщенія и блюстительства за таковыми же свѣтскаго образованія,—столь же бодрственно, сильно, разумно—сдержанно и вліятельно могутъ всегда дѣйствовать въ разсматриваемомъ дѣлѣ, какъ высокопр. Филаретъ, который, какъ видитъ всякій, глубоко понималъ духъ своего времени и движеніе, и направленіе мысли человѣческой, и, не подавляя ея естественнаго правильнаго развитія, въ то же время умѣлъ постоянно удерживать въ истинныхъ предѣлахъ и указывать ей прямой и вѣрный путь.—А не въ этомъ ли и весь долгъ, и вся задача и цѣль протекторства, въ точномъ истинномъ значеніи слова и дѣла, необходимо простирающагося, съ полнымъ и живымъ духовно-нравственнымъ вліяніемъ, на всю внутреннюю жизнь и проявленіе ея въ заведеніи и въ составѣ сей корпораціи отъ студента до Доктора, а не въ видѣ только почетнаго титула и въ формѣ административнаго внѣшняго завѣдыванія имъ?!

Въ дополненіе и уяспеніе всего сказаннаго по отношенію къ философскому направленію и особенной стойкости высокопр. Филарета умѣрять стремленіе къ этому направленію въ лицѣ даже самыхъ ревностныхъ юныхъ привержен-

цевъ, мы представимъ слѣдующіе факты, тѣмъ болѣе умѣстные и интересные, что, разумѣемыя здѣсь, лица были ближайшіе родственники высокопр. Филарета.—Когда родной племянникъ высокопр Филарета, впослѣдствіи ординарный Професоръ Кіевской Академіи Яковъ К-чъ Амфитеатровъ, знаменитѣйшій гомилетистъ—проповѣдникъ, еще бывши въ Семинаріи, всей душой полюбилъ философскую науку и рѣшился было остаться въ среднемъ отдѣленіи, называвшемся тогда философскимъ, тогда высокопр. Филаретъ далъ ему такой архипастырскій и родственно-благожелательный совѣтъ: «не оставаясь въ философскомъ классѣ, постарайся продолжать и кончить съ отличнымъ успѣхомъ весь курсъ семинарскій, а когда, если угодно будетъ Богу, назначенъ будешь въ Академію, то тамъ и философію выслушаешь еще и математикою займешься». Далѣе, когда тотъ же племянникъ былъ уже въ Академіи, онъ писалъ ему, между прочимъ: «мнѣ очень пріятно, что ты въ числѣ отличныхъ студентовъ по ученію; будь же отличнѣйшій и по благочестивой жизни... Дежерандо же и Теннеманъ (извѣстные тогда философы) не на столько тебѣ нужны, чтобы имѣть ихъ собственными. Довольно прочитать ихъ хорошенько» (1). Понятно изъ этихъ строкъ, что высокопр. Филаретъ руководился не какими либо гадательными и, такъ называемыми, общими понятіями о значеніи философскихъ наукъ, но зналъ и опредѣлялъ ихъ достойно по своему содержанію на столько, чтобы руководить и другихъ въ этой области вѣдѣнія, и такъ вѣрно и благотворно, какъ оправдалось это на дѣлѣ не только въ лицѣ непосредственнаго его адепта, но и преемственно перешло на другаго.

Вотъ, что́ писалъ самъ уже Я. К. Амфитеатровъ, въ первые годы своей профессорской службы, родственнику своему Я. Г. Амфитеатрову, (бывшему Архіепископу Казанскому Антонію), тоже питавшему съ юныхъ лѣтъ особеную любовь къ Философіи. «Ты, я думаю, кончилъ теперь курсъ въ отдѣленіи философскомъ. Но по своей молодости и не

(1) Амфитеатровъ Яковъ Козмичъ. Біографическій очеркъ, В. Аскоченскаго. Кіевъ. 1857 г

зрѣлости души, мнѣ кажется, мало ты получилъ пользы отъ этой науки важной и солидной, или какъ называетъ Философію одинъ изъ германскихъ современныхъ мыслителей,—*науку наукъ*. Но и то уже хорошо, что ты хоть мало познакомился съ нею; классъ философскій есть цѣлая наша жизнь». И въ другомъ письмѣ: «еще о твоей философіи: Ты примешься (въ Академіи уже) за эту дивную науку, разумѣется, съ юношескимъ жаромъ: хорошо, очень хорошо! Но я не намѣренъ теперь превозносить предъ тобою оную до небесъ, откуда ее, прежде насъ съ тобою, стащили на землю и прежде насъ вопіяли: o philosophia, philosophia! dux vitae, lux veritatis, fons virtutum, vitiorum indagatrix и пр.—Я хочу только сказать тебѣ, что извѣстная система философіи Баумейстера только - что для начинающихъ любомудрствовать юношей, по моему мнѣнію, гораздо полезнѣе, чѣмъ высокопарныя заоблачныя системы новѣйшихъ мудрецовъ, коп вообще трудно понимать и коихъ часто не понимаютъ и тѣ сами, кои изобрѣли ихъ. Повѣрь, мой другъ, что удовлетворительной вполнѣ системы отъ начала міра не было и до конца не будетъ (1). Наконецъ еще писано было въ послѣднемъ изъ писемъ такъ:—«Я предчувствовалъ и былъ увѣренъ, что ты разстанешься съ твоею излюбленною философіею... и ты разстался .. Изучай же теперь, паче и паче, слово Божіе и прилежи къ Богословію. Здѣсь и только здѣсь—истинная мудрость, и слѣдов. и покой и постиженіе для души истиннаго вѣдѣнія; здѣсь же и глубокій единственно вѣрный взглядъ и на міръ и природу, и на время и на вѣчность... и пр.»..—И что же видимъ въ послѣдствіи въ лицѣ и направленіи получавшаго эти письма?! Довольно сказать,—что изъ этого юноши,—любителя Философіи, образовался великій въ своемъ родѣ, Богословъ—извѣстнѣйшій Авторъ Догматическаго Богословія,—Архіепископъ Казанскій Антоній,—тотъ самый, о которомъ замѣчательно мѣтко выразился одинъ Авторъ,—поставившій вопросъ о самомъ высокопр. Филаретѣ: «и такъ что же особеннаго оставилъ онъ послѣ себя для Цер-

(1) Тамъ же.

кви?! Онъ—Филаретъ оставилъ и завѣщалъ Церкви *дитя своего сердца*,—непосредственнаго воспитанника, роднаго племянника—Антонія Архіепископа Казанскаго».

Впрочемъ, сколько мы сами отъ себя готовы высказаться, столько же полагаемъ, не безъизвѣстно читающимъ, что и въ литературѣ и въ разсказахъ встрѣчаются имена *двухъ Филаретовъ* — Московскаго и Кіевскаго, какъ знаменитѣйшихъ въ свое время, Іерарховъ и бывшихъ постоянно нераздѣльными дѣятелями, въ такомъ сравнительномъ отношеніи, какъ выразился Авторъ сказаній о современныхъ Архіереяхъ,—«что въ какой мѣрѣ о Филаретѣ Московскомъ почти всѣ сказанія, и по количеству и по качеству, громки, о Кіевскомъ Филаретѣ представляются сказанія какъ бы подъ спудомъ»... Авторъ говоритъ даже прямѣе: «не мнѣ одному, а многимъ давно кажется удивительнымъ: — почему такъ много говорится, напр. объ истинномъ «монашествѣ» Филарета Московскаго, и при этомъ не упоминается, съ этой именно стороны, о Филаратѣ Кіевскомъ. Не дерзая ни слова сказать противу перваго, продолжаетъ Авторъ, — я все-таки имѣю право высказаться съ великимъ сожалѣніемъ, что монашество его (Филарета Московскаго) какъ будто совсѣмъ застилаетъ *втораго*, того именно Филарета Кіевскаго, который былъ, въ точнѣйшемъ смыслѣ, *истиннѣйшій монахъ*, и котораго, еще при жизни его, съиздавна звали не иначе, какъ «*нашъ ангелъ*»—т. е. представитель, именуемаго *ангельскимъ чиномъ*, званія и образа житія. Впрочемъ, кажется, о подобныхъ высокихъ людяхъ справедливо сказать извѣстную сентенцію: лучше всѣхъ тотъ, о которомъ не чего говорить... Имена и память подобныхъ людей (послѣдней категоріи) часто какъ то не находятъ для себя мѣсто и въ исторіи,—но за то переходятъ въ тѣ *житія* и въ тѣ *священныя сказанія*, которыя, дѣйствительно, хранитъ и свято чтитъ неизмѣнное преданіе въ цѣломъ народѣ.» «Но чтобы сказать все, продолжаетъ Авторъ—что мнѣ извѣстно объ истинномъ, неподдѣльномъ смиреніи этого истиннаго человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы и не дать пропасть сказанію, которое можетъ пригодиться для характеристики простой, но замѣчательной личности митрополита Филарета, запишу еще слѣдующее событіе, извѣстное

мнѣ отъ очевидцевъ, — родного дяди моего, профессора С. П. А—ва, и бывшаго генералъ-штабъ-доктора крымской арміи Н. Я. Чернобаева.

Когда юго-западный Генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ возвратился въ послѣдній разъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ назначенъ на должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ, то онъ посѣтилъ Митрополита Филарета и, разсказывая ему новости, какія считалъ умѣстнымъ сообщить его смиренію, привелъ слова Императора Николая Павловича о Церковномъ управленіи.

Слова эти, очень вѣрно сохраняемыя моею памятью, были таковы, что, будто покойный Государь, разговаривая съ Дмитріемъ Гавриловичемъ о разныхъ предметахъ, сказалъ:

— «О Церковномъ управленіи много безпокоиться нечего: пока живы Филаретъ мудрый, да Филаретъ благочестивый, все будетъ хорошо».

Услыхавъ это отъ Министра, Митрополитъ смутился и поникъ на грудь головой, но черезъ секунду оправился поднялъ лицо и радостно проговорилъ:—Дай Богъ здоровья Государю, что онъ такъ цѣнитъ заслуги Митрополита Московскаго.

— И Ваши, Ваше высокопреосвященство, поправилъ Бибиковъ.

Филаретъ снова смутился.—Ну, какія мои заслуги?... ну что... тутъ... Государю наговорили... Все «мудрый» Филаретъ Московскій, а я... что,—пустое.

Извините, Владыка: это не Вамъ принадлежитъ Ваша оцѣнка!

Но Митрополитъ замахалъ своею слабою старческою рукою.—Нѣтъ... нѣтъ, ужь позвольте... какая оцѣнка: все принадлежитъ мудрости Митрополита Московскаго. И это кончено, и я прошу Ваше Высокопревосходительство мнѣ больше не говорить объ этомъ» (1).

Въ совершенное соотвѣтстіе съ этимъ, открыто-безпристрастнымъ, свидѣтельствомъ Автора, мы и хотимъ сказать и о другой сторонѣ извѣстности обоихъ Первосвя-

(1) Смотр. у г. Лѣскова

тителей—сопменниковъ и современниковъ, — о сторонѣ умственной ученой. Въ какой мѣрѣ Филаретъ Московскій провозглашенъ былъ, еще отъ первыхъ дней своего служенія, и великимъ Богословомъ и великимъ Философомъ—словомъ, по буквальному выраженію въ самой литературѣ однимъ *изъ современныхъ мудрецовъ*, или главою мудрецовъ христіанскихъ, въ такой Филаретъ Кіевскій оставался въ безъизвѣстности, или прямо почитался и слылъ за *простеца* и по уму и, тѣмъ паче, по учености и всего болѣе сравнительно съ Филаретомъ — Митрополитомъ Московскимъ — Тогда какъ послѣдній готовъ былъ всегда вступить и вступалъ въ разсужденія по самымъ современнымъ философскимъ вопросамъ объ руку съ Шеллингомъ и Гегелемъ и К°,—послѣдній, какъ мы видѣли, не могъ и произносить и не любилъ слышать даже самыя имена послѣднихъ. Впрочемъ обратимся къ собственному свидѣтельству жизне-описуемаго въ этомъ именно отношеніи сравнительно съ Митрополитомъ Московскимъ. «Близкіе къ высокопр. Митрополиту Кіевскому, пишетъ Авторъ воспоминаній, изъ нашихъ наставниковъ академическихъ разказывали, что во всѣ четыре поста онъ говѣлъ и въ каждое говѣніе свое непремѣнно прочитывалъ пространный Православный катихизисъ весь сполна. Когда же его спрашивали,—для чего онъ это дѣлаетъ, то получили отвѣтъ: «для того, чтобы провѣрить себя, не отступила ли въ чемъ религіозная мысль моя отъ православнаго ученія святой Матери моей — Церкви Христовой»—Еще: «когда зашла однажды рѣчь о высокопреосв. Митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ, въ родѣ сужденія о его разныхъ достоинствахъ, и въ частности о его умѣ и учености, тогда высокопр. Филаретъ, изливши свои, можно сказать, благоговѣйнѣйшія чувства и достойнѣйшія похвалы въ отношеніи къ разсуждаемому лицу, выразился именно такъ: «о! я не могу и не умѣю высказать, какъ, я уважаю и почитаю его... Одного только какъ бы боюсь за него, что онъ больно уже уменъ и ученъ. Чай, это и не совсѣмъ угодно и Самому Господу Богу, особенно въ насъ, монахахъ и смиренныхъ служителяхъ Его.—Къ кому, какъ не къ намъ, ближе и прямѣе всѣхъ, должны относиться слова св. Апостола: «*не высокомудрствующе, но*

смиренными ведущеся». За достовѣрность сего послѣдняго факта мы на столько, впрочемъ, ручаемся, на сколько онъ былъ извѣстенъ и былъ въ ходу,—какъ живое преданіе, подтверждаемое и покойнымъ Владыкою Антоніемъ. Въ послѣдствіи же намъ приводилось слышать отъ А. Н. Муравьева объ этомъ нѣсколько иначе, а именно,—будто бы приведенныя слова были сказаны въ искренней духовно-дружеской бесѣдѣ между самими Святителями, въ частую бытность ихъ въ С.-Петербургѣ, и что будто высокопреосв. Филаретъ Московскій, при изданіи извѣстнаго собранія своихъ словъ и рѣчей съ приложеннымъ при немъ своимъ портретомъ, приказалъ начертать подъ симъ портретомъ свой фак-симиле именно словами св. Апостола: «*не высокомудрствующе, но смиренными ведущеся*»,—отмѣченными для себя будто бы имъ тогда же при бывшей бесѣдѣ съ высокопр. Филаретомъ Кіевскимъ въ память и духовно-руководственный урокъ себѣ, какъ полученный отъ такого духовнаго друга, о которомъ онъ впослѣдствіи при первой вѣсти о кончинѣ его, произнесъ въ чувствѣ несобъятной скорби такія слова: «теперь я ни живу, ни умираю: нѣтъ у меня болѣе духовнаго друга на землѣ» (1). Какъ бы-то ни было, но оба эти факта слишкомъ характеричны въ отношеніи къ высокопр. Филарету Кіевскому, и едва не всякому напоминаютъ они о словахъ св. Апостола, свидѣтельствовавшаго о себѣ предъ Коринѳскими христіанами, любившими словопренія: *аще и невѣжда есмь словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. XI, 6) *О да бысте мало потерпѣли вы безумію моему* (гл. XI,1) Да потерпятъ же, хотя, быть можетъ, замѣчавшемуся, невѣжеству на словахъ и, казавшемуся для многихъ, не великоумію въ Бозѣ почившаго и всѣ тѣ, кои почитали его таковымъ въ особенности по части философскихъ познаній!...

Да потерпятъ читающіе и намъ (пишущему), что мы такъ особенно пространно раскрывали и излагали настоящій предметъ. Это съ одной стороны требовалось самою неопредѣленностію и даже превратностію существующихъ, подобныхъ

(1) Смотри Душеполезное Чтеніе 1869 г. и Саратовск. епарх. вѣдомости 1869 г. № 17-й, статья Архиман. Григорія: «Нѣкоторыя черты изъ жизни Митр. Моск. Филарета.

вышеприведеннымъ, мнѣній о личныхъ достоинствахъ высокопр. Филарета; а съ другой въ такомъ изложеніи объ одномъ этомъ предметѣ, какова Философія, всякій безпристрастно можетъ видѣть напередъ, чего ожидать по части другихъ наукъ особенно Богословскихъ, когда и по *науке наукъ*, при всей его не спеціальности въ смыслѣ научномъ, высокопр. Филаретъ былъ достойнымъ и столь благотворнымъ для Академіи Протекторомъ По преподаваемымъ въ Академіи, въ особенности Богословскимъ, наукамъ составляющимъ, можно сказать, духовную его стихію, высокопр. Филаретъ по всему достоинству, говоря словами автора Исторіи, являлъ себя для Академіи Протекторомъ—Меценатомъ».

ГЛАВА VII.

«Сколько по личнымъ полномочнымъ распоряженіямъ высокопр. Филарета, столько и по ходатайствамъ его предъ Высшимъ Начальствомъ совершалось весьма многое и весьма важное во внутреннемъ строѣ и ходѣ научно-воспитательнаго образованія въ Кіевской духовной Академіи, сравнительно съ другими Академіями» (1).

«Внимательность его, при слушаніи лекцій, къ самымъ подробнымъ оттѣнкамъ мыслей была удивительная; и если находилъ онъ что либо не такъ, то тутъ же замѣчалъ Наставнику и тутъ же поправлялъ ошибки, прямо и ясно высказывая, что и какъ надобно. Вообще ясно и рѣшительно давалъ направленіе Наставникамъ въ ихъ наукахъ, которые потому весьма много ему обязаны» (2).

Мы уже видѣли свидѣтельство,—что высокопреосв. Филаретъ былъ «по истинѣ свѣтильникомъ для высшаго святилища духовнаго просвѣщенія,—полнымъ духа жизни и свѣта, возбуждавшимъ и въ обучающихъ и обучаемыхъ свѣжія силы и одушевлявшимъ ихъ на трудномъ поприщѣ науки и просвѣщенія». Въ уясненіе этого свидѣтельства мы могли бы привести многія, переданныя намъ лично, свѣдѣнія изъ устъ бывшихъ Профессоровъ Академіи по преподаваемымъ имъ наукамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не щадя своихъ профессорскихъ авторитетовъ, даже иногда на лекціяхъ своихъ свидѣтельствовали, что имъ приводилось слышать изъ устъ высокопр. Филарета такія свѣдѣнія, о коихъ въ самыхъ системахъ той, или другой науки не было даже и

(1) Смотр. въ Ист. Кіевской дух. Академіи.

(2) Изъ матеріаловъ біографическихъ.

намека. Намъ,—пишущему, какъ теперь помнится одно изъ подобныхъ свѣдѣній по предмету Литургики, именно относительно значенія Полунощницы,—и какъ нельзя болѣе живо представляется и то́ чувство и самый тонъ, съ какими самъ г. Профессоръ (1) относился тогда къ лицу, изъяснявшему значеніе Полунощницы... Воспроизведя, на сколько можно, подлинныя слова высокопр. Филарета, Профессоръ не могъ однако не сознаться, что онъ даже не въ состояніи передать всего и особенно выразить то́, что́, при самомъ слушаніи имъ объясненія изъ устъ Святителя, скорѣе и паче всего чувствовалось, или какъ бы вдохновлялось, нежели постигалось умомъ. Подобныя истины, сказалъ онъ въ заключеніе и въ назиданіе намъ, не могутъ быть достояніемъ науки и школьнаго знанія, а духовно-благодатнаго вѣдѣнія, особеннаго дара и пр.—А вотъ фактъ подобнаго же рода, изложенный въ приводимыхъ не разъ воспоминаніяхъ извѣстнаго Автора: «Даромъ духовнаго вѣдѣнія или частнѣе, различенія духовъ, *аще отъ Бога суть*, о которомъ говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ (1 Іоан. IV, 1), въ Бозѣ почившій Митрополитъ обладалъ въ высшей степени по свидѣтельству достопочтеннѣйшаго изъ наставниковъ Академіи. «Прочитавъ курсовое сочиненіе студента А—ва, говорилъ Профессоръ, Владыка отдалъ мнѣ его для прочтенія. Прочитавъ, я представилъ ему съ мнѣніемъ, что сочиненіе достойно степени магистра. — «Такъ ли полно»? возразилъ Владыка. Затѣмъ указавъ мнѣ въ одобренномъ мною сочиненіи начала такихъ мыслей, которыхъ, при собственномъ моемъ чтеніи, я не замѣтилъ и не подозрѣвалъ, но по указанію Митрополита ясно усмотрѣлъ, — Святитель присовокупилъ: «помяните мое слово,—этотъ писатель не кончитъ жизнь свою хорошо». Поразительно было вспомнить слова провидца, когда, года черезъ два, пришла вѣсть, что несчастный Л—въ кончилъ жизнь свою самоубійствомъ».

---

(1) Этотъ г. Профессоръ, и теперь здравствующій, состоитъ ординарнымъ заслуженнымъ Профессоромъ Богословія въ одномъ изъ университетовъ, куда онъ поступилъ изъ Кіевской Академіи въ 1858 г.

Впрочемъ, при представленіи настоящей научной стороны, не должно забывать, что здѣсь идетъ рѣчь о лицѣ, какъ Протекторѣ высшаго учебнаго заведенія, а не какъ о профессорѣ, занимающемъ опредѣленную каѳедру и спеціально разработывающемъ какую либо одиночную науку. Требовать всесторонняго и всеобъемлющаго знакомства со всѣми науками значило бы выражать скорѣе притязаніе, чѣмъ законное требованіе. Обращаясь же къ дѣятельности высокопр. Филарета, собственно какъ Протектора, мы напередъ должны сказать, что по этому званію, равно какъ и по частовременнымъ, поручаемымъ ему отъ Высшаго начальства, ревизіямъ, онъ, достойно всякаго подражанія показалъ не номинально, а оправдалъ самымъ дѣломъ значеніе и Протекторства и ревизорства. Сколько по его личнымъ полномочнымъ распоряженіямъ, читаемъ въ Исторіи Академіи, столько и по ходатайствамъ его предъ Высшимъ начальствомъ совершилось весьма многое и весьма важное во внутреннемъ строѣ и ходѣ научно-воспитательнаго образованія въ Кіевской Академіи сравнительно съ другими академіями, такъ что въ его время Кіевская Академія привлекала въ свои стѣны воспитанниковъ изъ другихъ странъ, и иныхъ даже вѣроисповѣданій (1). Все это происходило по иниціативѣ и по глубокой опытности и знанію дѣла самого высокопр. Филарета.

Начнемъ ли наприм. съ программъ по разнымъ наукамъ академическаго образованія, въ коихъ высокопреосв. Филаретъ находилъ необходимыми тѣ, или иныя измѣненія:— здѣсь увидѣмъ такое разумѣніе научныхъ предметовъ и въ ихъ содержаніи, и въ связи съ другими, и въ общей системѣ собственно-академическаго образованія, и наконецъ въ приложеніи ихъ къ самой задачѣ будущей дѣятельности получающихъ это образованіе,—что дай Богъ; чтобы, избираемые нынѣ, компетентные заправители этимъ дѣломъ въ составѣ цѣлыхъ комитетовъ могли выработывать что́ либо подобное... Не скроемъ, что, къ сожалѣнію, не всѣ благія предположенія высокопр. Филарета могли осуществляться по

(1) Смотр. въ Исторіи Кіевской дух. Академіи.

не зависѣвшимъ, впрочемъ, отъ него обстоятельствамъ; особливо, когда подобныя дѣла должны были проходить сквозь администрацію вновь учрежденнаго Духовно-Учебнаго Управленія, слишкомъ далекаго отъ духовно-учебной спеціальности, а погруженнаго лишь въ канцелярщину. Мы приведемъ, однако, хотя нѣкоторыя болѣе извѣстныя и важныя предположенія, чтобы понять ихъ значеніе и судить безпристрастно о самомъ виновникѣ ихъ.

Послѣ обревизованія Академіи, порученнаго высокопр Филарету въ 1845 г., онъ на опытѣ зная обширность и особенную важность Церковной Исторіи для изучающихъ ее въ Академіи, представилъ о раздѣленіи сего предмѣта въ такомъ видѣ, чтобы Исторія Церкви Ветхозаветной была прочитываема въ первомъ курсѣ—(въ низшемъ отдѣленіи), вмѣстѣ, притомъ, съ Библейскою Археологіею. «Чрезъ сіе распоряженіе, писалъ онъ въ своемъ представленіи, преподаватель Новозавѣтной Исторіи, для прочтенія которой употребляется до селѣ одинъ только послѣдній годъ, будетъ имѣть возможность прочитать ее съ бо̀льшею подробностію.» —Отъ него же послѣдовало тогда и другое представленіе именно, чтобы «классъ Польскаго языка, знаніе котораго не можетъ служить какимъ либо пособіемъ для Православнаго Богослова, и обучаться которому очень не многіе изъявляютъ желаніе, вовсе закрыть ([1]). Далѣе почелъ онъ необходимымъ и представилъ, чтобы «для строгой связи и единства между различными науками, преподаваемыми въ теченіе всего четырехлѣтняго курса, и для ближайшаго направленія ихъ къ главной цѣли, прочитывать въ началѣ курса, т. е. въ низшемъ отдѣленіи, общее Введеніе въ Богословіе въ обширномъ видѣ, или Энциклопедію Богословскую, чрезъ что, по замѣчанію его, «вниманіе учащихся въ самомъ началѣ сосредоточится на главномъ предметѣ ихъ

([1]) Читатели, навѣрное, сами поймутъ и оцѣнятъ всю силу и важность сего факта по отношенію къ бывшимъ грустнымъ событіямъ, проистекавшимъ, между прочимъ, изъ этого источника—господства Польскаго языка. Пресѣчь этотъ источникъ такъ предусмотрительно и почелъ нужнымъ высокопр. Филаретъ, хотя и не могъ прямо указывать на такое его значеніе, а представилъ основанія съ другой стороны.

знанія къ которому они должны направлять всѣ свои занятія науками вспомогательными». Но изъ всѣхъ этихъ предположеній, представленныхъ на благоразсмотрѣніе Высшаго начальства, получило утвержденіе только одно — о закрытіи класса Польскаго языка. О прочихъ же предписано было войдти въ особыя соображенія и представить ихъ на усмотрѣніе Духовно-учебнаго Управленія, а это равнялось тому, какъ и дѣйствительно оправдалось на дѣлѣ, что сказанные проэкты, хотя и представлены были съ особыми соображеніями, остались, какъ замѣчено въ исторіи Академіи, только лишь проэктами..., хотя по сдѣланнымъ соображеніямъ не требовалось ни увеличенія числа наставниковъ, ни самое распредѣленіе учебнаго времени не нарушалось (1).

Особеннаго же вниманія заслуживаетъ слѣдующее предположеніе высокопр. Филарета. Принявъ во вниманіе цѣль, —говоритъ Авторъ Исторіи,—для которой предназначаются учащіеся въ Академіи, т. е. быть воспитателями и учителями юношества, высокопр. Филаретъ полагалъ прочитывать къ концу курса, по крайней мѣрѣ, *главныя начала Педагогики*. Для этой науки и былъ уже составленъ и планъ, такой, который, говоря словами того же Автора, «есть непрекаемое свидѣтельство, что духовныя Академіи имѣли въ своихъ представителяхъ — ректорахъ настоящихъ, а не номинальныхъ только педагоговъ». Не выписывая въ подробности содержаніе сего плана, чтобы не обременить читателей, мы, по крайней мѣрѣ, укажемъ тѣ особенности, которыя дѣйствительно дѣлаютъ высокую честь составителю плана по иниціативѣ того, кто первый возъимѣлъ мысль о введеніи самой науки. Отличительная главная сторона этихъ особенностей состоитъ въ томъ, что положеніе и правила Педагогики изъ отвлеченной области переведены въ дѣйствительность, изъ науко-образной приложены къ самой жизни, и, наконецъ, все это въ особомъ отдѣлѣ направлено къ цѣли и состояніи духовныхъ дѣтей и воспитанниковъ. «Обученіе духовнаго юношества, (говорится въ сказанномъ особомъ отдѣлѣ), *по нынѣшнему состоянію*, начинается въ

(1) Смотр. Истор. Кіев Акад. стр. 220 и др.

домѣ родительскомъ, продолжается и развивается въ казенныхъ училищахъ, усовершается, до извѣстной степени, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (семинаріяхъ), наконецъ совершенствуется, до возможной степени, въ академіяхъ. Всѣ эти степени обученія изложены подробно съ раздѣленіемъ на частные отдѣлы подъ рубриками: обученіе a) первоначальное въ домѣ, b) приготовительное въ училищѣ; c) семинарское и d) академическое. Особенное вниманіе на всѣхъ этихъ степеняхъ обученія обращено на образъ и порядокъ занятій самихъ учащихся, равно какъ указаны правила и наставленія для наставниковъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, уяснены и опредѣлены методъ и объемъ самыхъ научныхъ предметовъ,—и все это сообразно цѣли и духу образованія *духовнаго юношества*. Въ отдѣлѣ напр *Академическомъ* сказано: «по указаніи цѣли и состава всего акедемическаго курса должно указать не только содержаніе, способъ и направленіе всѣхъ наукъ, но и средство къ дальнѣйшему постепенному развитію и усовершенствованію оныхъ, а также и способъ успѣшнѣйшаго занятія ими какъ со стороны преподающихъ, такъ и слушающихъ. Для сего учащимся должны быть назначаемы практическія занятія, состоящія въ составленіи и чтеніи уроковъ, въ краткомъ изложеніи не большихъ трактатовъ въ формѣ учебниковъ, а также въ изустномъ объясненіи готовыхъ учебниковъ».

Что́ касается и прочихъ отдѣловъ, то начиная съ общихъ понятій и правилъ и оканчивая напр. физическимъ воспитаніемъ, вездѣ видно тоже достоинство въ проэктированномъ планѣ, заключающееся въ особенности въ примѣнимости къ состоянію духовныхъ дѣтей-воспитанниковъ. Такъ правила, относящіяся къ физическому воспитанію, должны быть, говорится въ программѣ, заимствованы изъ медицинскихъ наставленій, но съ примѣненіемъ ихъ къ быту духовенства и устройству самыхъ заведеній и цѣли духовнаго образованія. Такъ же точно правила касательно образованія умственныхъ и нравственныхъ силъ должны быть такія, какъ требуетъ достоинство существа разумно-нравственнаго и званіе Христіанина и особенное назначеніе духовныхъ воспитанниковъ, какъ будущихъ священниковъ. Потому-то въ примѣчаніи сказано: «хорошій и обильный

матеріалъ для сего можно найдти въ недавно изданной книгѣ: «*О воспитаніи дѣтей въ духѣ Христіанскаго благочестія*», съ тѣмъ однако, что правила отвлеченныя должны быть приближены къ дѣйствительной жизни, общія—къ частной цѣли и состоянію духовныхъ воспитанниковъ». Такъ же точно по части Дидактики указаны были разныя лучшія, по тогдашнему времени, пособія и руководства (въ томъ числѣ напр. Нимейеръ; но опять таки сказано было, что особенная часть Дидактики должна быть обработана примѣнительно къ системѣ духовнаго образованія.»

Не знаемъ,—кто, читая одно это краткое извлеченіе, можетъ не признать истинныхъ достоинствъ проектированнаго плана, тѣмъ болѣе что здѣсь очевидна мысль и работа самостоятельная... Не по праву, можетъ быть, это дѣло однимъ лишь тѣмъ, коимъ прежде всего конечно бросается въ глаза то́, что здѣсь видна такая *обособленность науки* въ примѣненіи къ духовно-церковному быту, характеру и пр., — противъ чего, подъ измышленнымъ титломъ касты, въ послѣдніе годы выставлено и развѣвается во всѣхъ слояхъ гласности, какъ бы общепризывное, знамя къ преслѣдованію и уничтоженію ея, какъ будто исконной всегубительной язвы Не подобнымъ ли убѣжденіямъ и преслѣдованіямъ, хотя только въ зародышѣ и въ тайнѣ зачинавшимся въ описываемое время, обязанъ сказанный проэктъ своимъ неосуществленіемъ,—предоставляемъ судить кому и какъ угодно...

Во всякомъ разѣ это дѣло затормозилось собственно въ Духовно-Учебномъ Управленіи (1).—На долю академическихъ воспитателей, само собою, оставалось лишь скорбѣть, что такое истинно-благотворное предпріятіе, какъ говорится, заглохло въ самомъ зародышѣ А такимъ образомъ Академію на столько лѣтъ (по меньшей мѣрѣ на 20-ть) лишили возможности приготовить не десятки, а сотни будущихъ образованныхъ педагоговъ, которые, на мѣстахъ своего слу-

---

(1) Покойный высокопр. Антоній противъ этого выраженія написалъ: «*А почему затормозилось?*! Этотъ вопросъ хорошо бы разъяснить... Да дѣло въ томъ, чтобы *гусей не раздразнить*.»

женія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ чрезъ практическое приложеніе своихъ педагогическихъ познаній, постепенно совершенствуя ихъ и самую науку, поставили бы, конечно, дѣло образованія на такую степень, что миновалась бы и самая потребность въ совершеніи, столь громоздскаго во всѣхъ частяхъ, преобразованія Академій въ 1867—69 г., и къ тому же безъ приготовленныхъ предварительно къ сему дѣлу лицъ образователей-воспитателей... Впрочемъ, не смотря на неосуществившееся путемъ административнымъ введеніе науки—Педагогики въ Кіевской Академіи, мудро и опытно сознавшія ея потребность лица, и во главѣ ихъ высокопр. Филаретъ, не ограничились однимъ бумажно-письменнымъ предположеніемъ. Идея и духъ педагогическій, такъ глубоко воспринятые ими, не остались безъ проявленія и возможнаго осуществленія, или сказать иначе, онѣ воплотились и выразились и въ личномъ характерѣ самихъ наставниковъ, и въ методѣ преподаванія и отразились въ самыхъ даже наукахъ, и наконецъ во взаимныхъ отношеніяхъ и чувствованіяхъ между учащими и учащимися и не только въ аудиторіяхъ, но и въ жилыхъ камерахъ послѣднихъ и въ ученыхъ кабинетахъ первыхъ. Словомъ вся Академія, вмѣсто обыкновенной формально-служебной корпораціи, представляла изъ себя во всемъ составѣ лицъ живой педагогическій складъ и строй во всей жизни и обстановкѣ. И нужно ли договаривать, кто былъ первымъ и главнымъ представителемъ всего этого?! Кто, какъ не тотъ, кто заходилъ напр. въ занятныя комнаты студентовъ, садился на ихъ кровати, не гнушался обонять и запахъ табачный, и вкушать не очень свѣжую рыбу. Въ этихъ и подобныхъ фактахъ была и дѣйствовала именно живая педагогика, и въ нихъ былъ живой примѣръ для всѣхъ прочихъ, чтобы преподавать ее не въ научной только формѣ, но дѣломъ и всею жизнію.

Разбирая въ частности настоящій предметъ, мы могли бы указать напр. на образъ и порядокъ наблюденія за поведеніемъ воспитанниковъ. Строго соблюдая, читаемъ въ исторіи Академіи, то святое начало христіанскаго просвѣщенія, въ основѣ котораго долженъ лежать страхъ Божій, Академическое начальство усилило наблюденіе и вліяніе въ

этомъ отношеніи, назначивъ двухъ постоянныхъ помощниковъ Инспектору, одного изъ монашествующихъ, а другаго изъ свѣтскихъ наличныхъ наставниковъ, а главное,—составило для нихъ такую инструкцію, которая можетъ служить образцовою для нравственнаго воспитанія православно-образуемаго юношества (1). Усиленіе это вызвано было, замѣтимъ, не какими либо обстоятельствими, въ родѣ тѣхъ безпорядковъ, какіе, къ несчастію, не рѣдко бываютъ извѣстны въ высшихъ свѣтскихъ заведеніяхъ, но ревностнымъ желаніемъ болѣе и болѣе развить и утвердить въ питомцахъ свободный сознательный навыкъ и тактъ въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія. Для этого и помощниками опредѣлялись лица особенно достойныя и способныя къ этому и съ должнымъ авторитетомъ, а не со стороны приглашаемыя и принимающія на себя эту обязанность съ малою въ чемъ разностію отъ такъ называемыхъ комнатныхъ надзирателей, или даже по просту старшихъ. Съ этимъ вмѣстѣ, при избраніи лицъ въ помощники инспектора изъ монашествующихъ всегда имѣлось въ виду приготовлять ихъ постепенно къ должности Инспектора, что̀ само собою достигалось съ несомнѣнною пользою для заведенія. Но кромѣ сихъ лицъ изъ наставниковъ, облекаемыхъ особымъ званіемъ, что̀ сказать и о всѣхъ прочихъ по части того же нравственно - вліятельнаго значенія въ духѣ нравственно-педагогическомъ? Наприм. о монашествующихъ наставникахъ мы уже знаемъ изъ приводимыхъ воспоминаній, что они «истинно утѣшали воспитанниковъ возвышенностію своего настроенія и безукоризненною чистотою жизни, какъ истинные по иночеству воспитанники высокопр. Филарета. Понятно, въ чемъ состояло это утѣшеніе, какъ истекало и переливалось оно въ сердца юныхъ воспитанниковъ. Только ложно, или двусмысленно идеализируемое, званіе и состояніе иночества можетъ приводить къ тѣмъ ложнымъ убѣжденіямъ, что для истинно-иноческаго настроенія будто только и мѣсто—что̀ или на столпничествѣ, или въ затворничествѣ, а не въ средѣ общественнаго служенія и, тѣмъ, паче въ питомникахъ духовнаго образованія чрезъ

(1) Смотр. Истор. Кіев. духов. Акад. стр.

проведеніе въ нихъ живыхъ свѣтлыхъ мыслей, чистыхъ воззрѣній, твердыхъ убѣжденій, добытыхъ духовнымъ подвигомъ, и нисходящихъ на эти питомники въ смыслѣ именно росы освѣжающей, одуховляющей сердца юныхъ призванниковъ высшаго вѣдѣнія... Мы представляемъ здѣсь такое состояніе лицъ не ради одной изобразительности, мы могли бы представить, какъ есть съ натуры, многихъ изъ бывшихъ въ Академіи въ описываемую пору наставниковъ, въ лицѣ коихъ всецѣло оправдывалось, что́ сказано выше относительно духа и характера истинно - педагогическаго, какъ въ нравственно-воспитательномъ, такъ и научно-образовательномъ отношеніи, и все это тогда же глубоко слагалось въ сердцахъ видѣвшихъ и воспринимавшихъ, и до днесь сохраняется въ доброй памяти и поучительномъ преданіи. Но видно, такова обычно-скромная доля, въ извѣстной мѣрѣ впрочемъ, зависящая отъ строгой закрытости нашихъ духовныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, сравнительно съ такими же свѣтскими, что имена подобныхъ достославныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и образованія, а также и самые плоды ихъ оставались и остаются какъ бы подъ спудомъ. Если же и появлялись сказанія объ нихъ въ современной литературѣ, то, къ прискорбію, не рѣдко подъ своеобразными взглядами, чтобы не сказать, — предубѣжденіями и даже болѣе того, противъ ихъ истинныхъ достоинствъ, — что́ не безъизвѣстно всякому наприм. изъ произведеній Ростиславскихъ и К°... Впрочемъ мы имѣемъ въ виду еще встрѣтиться съ этими лицами, а теперь, чтобы не разрывать начатой рѣчи собственно объ учебной и педагогической дѣятельности въ Академіи, скажемъ, — какъ именно и въ чемъ выражалась и осуществлялась она въ самомъ образѣ и ходѣ занятій, и въ чемъ и какое было здѣсь личное участіе и вліяніе самого высокопр. Филарета.

Прежде всего обратимся къ достоинству преподаваемыхъ лекцій. Въ этомъ отношеніи достаточно указать напр. на *Сборникъ*, изданный Академіею по случаю *пятидесятилѣтняго* ея Юбилея, (въ 1869 г.), изъ каковаго періода почти половина приходится на время протекторства высокопр. Филарета. При томъ эта половина была самая серединъ-

ная (1) въ пятидесятилѣтнемъ періодѣ, когда и самыя лица-профессоры приходили въ полноту и зрѣлость своего возраста и обладанія наукою, а потому и самыя ихъ лекціи выходили съ особенною отчетливою обработкою; такимъ образомъ (по сказанному въ предисловіи къ составленному Сборнику) «какъ самыя лица могли служить наиболѣе рельефными выразителями науки и просвѣщенія въ Кіевской Академіи, такъ и лекціи ихъ свидѣтельствомъ того же;— отъ чего онѣ и остались наиболѣе памятными для бывшихъ воспитанниковъ, пользовавшихся ими въ запискахъ при репетиціяхъ и отвѣтахъ на экзаменахъ, доколѣ нѣкоторыя изъ этихъ лекцій и записокъ не были изданы, (какъ напр. лекціи Я. К. Амфитеатрова), въ цѣлой системѣ. Читавшіе внимательно этотъ Сборникъ лекцій не могутъ не признать ихъ высокаго достоинства, особливо въ томъ отношеніи, что въ нихъ такъ и дышетъ жизнію, такъ и вѣетъ полнотою чувства; тогда какъ, по общепринятому убѣжденію, та самая область истинъ и познаній, какая въ нихъ содержится, т. е. богословская, философская и церковная,—признается обыкновенно одною изъ самыхъ сухихъ, скучныхъ, безжизненыхъ. Каковы же должны быть эти лекціи въ самыхъ аудиторіяхъ, когда онѣ выходили изъ устъ, выражались живымъ языкомъ, преподавались съ тѣмъ сознаніемъ и одушевленіемъ, какого только можно ожидать отъ ихъ составителей и преподавателей.—Впрочемъ здѣсь разумѣется вовсе не то́, когда наставникъ говоритъ блистательно, увлекается самъ и увлекаетъ слушателей до́ очарованія и восторга и т. п. (что́ мудро и положительно воспрещалось существовавшимъ тогда уставомъ),—а то́, когда уроки излагаются съ тѣмъ, какъ указано въ уставѣ, «чтобы они были приняты и усвоены слушающими и пустили тутъ же, такъ сказать, свой корень въ умъ ихъ.»—«А для сего добрая метода ученія,—указано въ томъ же уставѣ,—состоитъ въ томъ, чтобы способствовать раскрытію собственныхъ силъ и дѣятельности

(1) Весь періодъ пятидесятилѣтній совершился съ 1819 г. по 1869 г.; а Протекторство высокопр. Филарета было съ 1837 г. по 1857 г.

разума въ воспитанникахъ: по сему пространныя изъясненія, гдѣ Профессоры тщатся болѣе показать свой умъ, нежели возбуждать умъ слушающихъ, доброй методѣ противны.»—«И вотъ эти-то разумныя правила Устава, говоритъ Авторъ біографическаго очерка одного изъ академическихъ Профессоровъ, бывшихъ въ описываемую нами пору, можетъ быть, никѣмъ не были такъ хорошо усвоены и выполнены, какъ имъ. Среди своихъ слушателей онъ былъ точно другъ и отецъ среди семейства; все, что́ говорилъ онъ, говорилъ такъ и съ тѣмъ, чтобы студентъ не выходилъ изъ аудиторіи съ головой, набитой однимъ балластомъ громкихъ выраженій, пышныхъ фразъ, и разныхъ, плохо примѣнимыхъ къ дѣлу, сентенцій и пр. Когда по принятому обычаю, студентъ поднимался и выражалъ какое либо недоумѣніе, или несогласіе съ чѣмъ либо изъ сказаннаго, онъ выслушивалъ, потомъ разбиралъ по пунктамъ все возраженіе,—и все это происходило такъ, что даже было весело, точь въ точь какъ бываетъ въ дружеской откровенной бесѣдѣ, и, что́ главнѣе всего, съ сохраненіемъ всего достоинства и вліянія личнаго и съ проведеніемъ самаго значенія истины въ сознаніе и искреннее и полное убѣжденіе не доумѣвавшаго, или не соглашавшагося, а съ нимъ и всѣхъ слушавшихъ[1]». Что́ сей-часъ говорится объ одномъ изъ такихъ наставниковъ, (собственно Я. К. Амфитеатровъ) тоже должно разумѣть,—хотя о каждомъ въ своей мѣрѣ,—и о другихъ, что́ иначе и не могло быть.—Издатели Сборника прекрасно и типически вѣрно выразили это въ біографическихъ запискахъ, предпосланныхъ каждой въ отдѣльности изъ напечатанныхъ лекцій.

Такъ относительно лекцій по Философіи, преподаваемыхъ протоіереемъ И. М. Скворцовымъ, читаемъ, что «образовательное вліяніе его лекцій на умы слушателей, хотя оно и не кидалось въ глаза съ перваго взгляда, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности было столько же глубоко, сколько и благотворно. Чтенія его не увлекали ума и воображенія студентовъ, за то всегда просвѣтляли ихъ умъ, очищали и

---

[1] Біографическій очеркъ Як. К. Амфитеатрова. Соч. Аскоченскаго.

проясняли ихъ понятія, пріучали ихъ къ ясному, отчетливому и основательному мышленію, онѣ не волновали ихъ чувствъ, не приводили ихъ въ возбужденное состояніе, не восхищали,—за то, выслушиваемыя всегда съ полнымъ и ничѣмъ не волнуемымъ вниманіемъ, онѣ и усвоялись ими съ такимъ же яснымъ и полнымъ сознаніемъ, съ какимъ и преподавались. Съ другой стороны Профессоръ Скворцовъ обыкновенно всегда требовалъ отъ студентовъ, чтобы они не только всегда вѣрно и точно съ полнымъ и яснымъ разумѣніемъ могли передавать ему (на репетиціяхъ) то, что отъ него приняли, но и сами отъ себя присоединяли къ воспринятому плоды своего собственнаго размышленія и такимъ образомъ возвращали ему, ввѣренные имъ, таланты умноженными и приращенными. «Вотъ что читаемъ у одного изъ воспоминателей о достоинствѣ лекцій о. Протоіерея Скворцова. «Слушая лекціи Скворцова, мы убѣдились, что не напрасно былъ онъ въ особенномъ благоволеніи не только у нашего Владыки, но и у Московскаго Первосвятителя Филарета, котораго ученикомъ былъ по академіи Петербургской (въ составѣ перваго курса ея студентовъ). Метафизическія лекціи Скворцова содержали въ себѣ сущность всего, доселѣ высказаннаго сею наукой въ подтвержденіе божественныхъ истинъ христіанства. Достоинства незабвеннаго сего Профессора Философіи возвышались для насъ, его слушателей, строго-безупречною и вполнѣ назидательною жизнію, такъ что всѣ мы единодушно признавали и называли протоіерея Скворцова *мудрецомъ христіанскимъ* (1)».

А вотъ что еще читаемъ о лекціяхъ Богословскихъ, стоявшаго во главѣ Профессоровъ Кіевской Академіи, Ректора Архимандрита Димитрія (2). «Не смотря на множество Профессоровъ, лекціями которыхъ мы наслаждались, находясь въ младшемъ курсѣ мы, слыша каждый день отъ старшихъ изъ студентовъ (XIII-го курса) о ихъ восхищеніи

---

(1) Душеполезное Чтеніе. Августа 1886 г. стр. 418.

(2) Смотр. Душеполезное Чтеніе. 1886 г. Августъ. Статья: «О преосвященномъ Димитріѣ, Архіепископѣ Херсонскомъ и Одесскомъ, бывшемъ Ректорѣ и Профессорѣ Кіев. дух. Академіи». Стр. 410—425.

отъ лекцій Ректора о. Димитрія, старали нетерпѣніемъ самолично выслушать его богословскіе уроки. Въ 1847 году явилось въ печати весьма интересное для насъ сочиненіе: *Введеніе въ Православное Богословіе, А. Макарія* (1). Въ сентябрѣ тогоже года начали мы слушать лекціи нашего Профессора Богословія по томуже предмету, т. е. по Основному Богословію, или Энциклопедіи богословскихъ наукъ,—наукѣ, иначе именуемой *Введеніе въ Богословіе*. Несмотря на то, что мы читали книгу Архимандрита Макарія, книгу обстоятельную и многоученую, чтенія нашего о Ректора Димитрія являлись намъ чѣмъ-то новымъ, весьма интереснымъ, такимъ, чего еще мы не знали, и весьма насъ не только интересовали, но и воодушевляли и въ семъ и въ наступившемъ 1848 году. Изъ нашего курса записывали всѣ лекціи Ректора Димитрія два, или три человѣка, отличавшіеся въ скорописи. Прочіе, не обладавшіе искусствомъ скорописанія, боялись, чтобы изъ желанія записать слова́ лекціи не проронить въ ней какихъ - либо мыслей. Самъ же о. Ректоръ не хотѣлъ издавать въ печать свои академическія чтенія по глубокому смиренію своему. Разсказывали, что многократно просилъ его объ отпечатаніи лекцій Кіевскій Митрополитъ Филаретъ. И ради послушанія только ему Ректоръ Димитрій началъ было печатать свои лекціи свои по Каноническому праву въ журналѣ: Воскресное Чтеніе. Но напечаталъ немного. О. Ректоръ Димитрій состоялъ на службѣ при Академіи свыше пятнадцати лѣтъ. Относительно его профессорской здѣсь дѣятельности въ Исторической Запискѣ, читанной на актѣ въ день юбилея Академіи Кіевской 28 Сент. 1869 г., сказано было слѣдующее: «болѣе опредѣлительное въ теоретической сторонѣ богословствованіе Преосвященнаго Димитрія отличалось еще болѣе широкимъ развитіемъ историческаго изученія догматовъ и каноновъ церковныхъ, начатаго въ Академіи Преосвященнымъ Иннокентіемъ. Расширяя область своей богословской науки, Ректоръ – профессоръ, чтобы вмѣстить ее въ предѣлы учебнаго курса, бралъ на себя по шести по-

(1) Впослѣдствіи Митрополита Московскаго.

лутора-часовыхъ лекцій въ недѣлю, давая примѣръ, не охлаждавшейся до послѣдняго дня его ректорства, преданности своему дѣлу. Многостороннее богословское образованіе Ректора Димитрія сказывалось также въ руководственномъ вліяніи на преподавателей другихъ наукъ, какъ богословскихъ, такъ и общеобразовательныхъ.

Тоже самое, только съ извѣстными отличительными частностями, узнаемъ и о другихъ лицахъ, или вѣрнѣе—видимъ въ самомъ содержаніи и изложеніи ихъ лекцій, которыя и изданы по случаю юбилея, по свидѣтельству издателей, «въ выраженіе и сохраненіе признательной памяти о продолжительномъ и столь же благотворномъ вліяніи ихъ въ педагогическо-образовательномъ значеніи, и которыя интересны не какъ только памятникъ прошедшаго времени, но и въ наше время могутъ проложить себѣ путь къ уму и сердцу всѣхъ любителей истиннаго просвѣщенія».—И нужно замѣтить, что, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ издателей, лекціи сіи, по крайней мѣрѣ въ большей части, безъ всякой ихъ передѣлки, всегда были рекомендованы послѣдующими и позднѣйшими преемниками - профессорами студентамъ въ руководство и повтореніе уроковъ для экзаменовъ, какъ произведенія вполнѣ зрѣлыя и благонадежныя,—такъ какъ и сами сіи преемники, въ большинствѣ, были или воспитанниками составителей сихъ лекцій, или, по крайней мѣрѣ, пользовались ими по преемственно изъ курса въ курсъ переходившимъ рукописямъ студенческимъ. Это требовалось, между прочимъ, и благоразными соображеніями въ силу практическихъ приложеній правилъ педагогіи, чтобы съ одной стороны не разрывать связи преподаваемыхъ лекцій по духу и направленію, а съ другой, чтобы не обременять студентовъ работою списыванія лекцій. Такимъ образомъ и безъ введенія преподаванія самой науки Педагогики, планъ которой не былъ утвержденъ, наука эта осуществлялась самымъ практическимъ живымъ и благотворнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ относилось и могло быть приложено собственно къ академическому образованію.

Какое же именно было прямое личное участіе и вліяніе высокопр. Филарета въ разсматриваемомъ образовательно-педагогическомъ дѣлѣ?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, составляющемъ всю суть искомаго, мы должны сдѣлать сначала нѣкоторое отступленіе.—Во первыхъ намъ доводилось слышать лично отъ нѣкоторыхъ возраженія въ родѣ напр. такихъ:—если были таковы истинно-достойные профессоры-педагоги, то всякое вліяніе было бы скорѣе вмѣшательствомъ (въ смыслѣ извѣстной пословицы—«ученаго учить, лишь дѣло портить»).—Во вторыхъ не безъизвѣстно, что самое начало такого развитія наукъ и преподаванія ихъ положено было еще прежде прибытія высокопр. Филарета, и обязано если кому, то извѣстному дѣятелю, руководителю и двигателю—бывшему тогда Ректору и Профессору Иннокентію, таланты и заслуги котораго въ разсматриваемомъ отношеніи навсегда останутся незабвенными для Академіи и даже въ своемъ родѣ не подражаемыми... Скорѣе-де и вѣрнѣе нужно пожалѣть, что Иннокентій оставилъ свою профессорскую каѳедру именно какъ разъ съ началомъ того учебнаго курса, который былъ первый при протекторствѣ высокопр. Филарета, и составилъ, если вѣрить догадкамъ, будто бы вслѣдствіе личныхъ не благопріятныхъ отношеній къ нему послѣдняго, или, вѣрнѣе, взаимныхъ между ними обоими». Безмолвно и терпѣливо приводилось выслушивать подобныя сужденія, прежде чѣмъ могли мы постигнуть всю сущность дѣла путемъ самого безпристрастнаго и глубокаго вниманія и строгаго изслѣдованія всѣхъ данныхъ, сюда относящихся. Къ числу этихъ данныхъ, само собою, относятся и тѣ, которыя по частямъ, болѣе или менѣе, ясно говорятъ уже противъ приводимыхъ сужденій. Но вотъ предъ нами слѣдующія, буквально содержащіяся въ біографическихъ матеріалахъ о высокопреосв. Филаретѣ, свѣдѣнія касательно настоящаго предмета.

Высокопреосв. Филаретъ любилъ бывать всегда на экзаменахъ не только годичныхъ, но и полугодичныхъ, особенно въ первые годы управленія Кіевскою епархіею. Обращался съ воспитанниками такъ, чтобы всячески возбудить, поддержать и поощрить духъ, а не убивать. «Тутъ не умѣстна, говорилъ онъ, строгость и взыскательность; онѣ нужны на репетиціяхъ наставниковъ. Ибо нѣтъ ничего легче, какъ убить духъ и самыхъ умныхъ и знающихъ воспи-

танниковъ сдѣлать безотвѣтными. Что́ же въ этомъ толку (1)»?! Впрочемъ если онъ находилъ въ лекціяхъ что-либо не такъ, то тутъ же замѣчалъ наставнику и поправлялъ ошибки, прямо и ясно высказывая, что́ и какъ надобно— исправить. Далѣе: «внимательность его, при этомъ, къ са-

---

(1) Читающіе, полагаемъ, припомнятъ, при чтеніи настоящаго изложенія объ экзаменахъ, тотъ фактъ (Том. I, стр. 217), когда высокопр. Филаретъ, въ бытность его Ректоромъ въ Московской Академіи, заступился на экзаменѣ за одного студента, на котораго Ревизоръ Филаретъ Московскій, бывшій тогда еще Ректоромъ же С.-Петербургской Академіи, до того вознегодовалъ за его отвѣты, что готовъ былъ тутъ же присудить его къ исключенію и въ солдатчину... Въ настоящемъ мѣстѣ мы представимъ еще, для сопоставленія характеристики обоихъ Первосвятителей въ разсматриваемомъ отношеніи, слѣдующіе факты, о которыхъ засвидѣтельствовалъ самъ испытавшій въ свое время, а впослѣдствіи бывшій Епископъ Енисейскій преосв. Никодимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Филаретѣ Митрополитѣ Московскомъ. Вотъ его подлинное сказаніе. «Во время ученія моего въ Московской Духовной Академіи я два раза былъ спрошенъ Филаретомъ на экзаменахъ. Въ одинъ разъ я былъ спрошенъ по Нравственному Богословію. Профессоръ былъ Инспекторъ и Архимандритъ Евлампій (въ послѣдствіи Архіепископъ Тобольскій). Вопросъ былъ данъ: «О степеняхъ совершенства нравственныхъ дѣйствій христіанскихъ.» Параграфъ, который мнѣ надобно было прочитать въ отвѣтъ, изложенъ періодомъ относительнымъ: — чѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе... Протазисъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, три члена, столько же и апотазисъ этого длиннаго періода. Мало того: каждый протазисъ и каждый апотазисъ имѣлъ свой текстъ, какъ бы въ подтвержденіе свое. У меня не были выписаны тексты сіи (я не считалъ ихъ нужными): потому я прочиталъ періодъ безъ текстовъ. Но меня безпрестанно останавливалъ о. Евлампій, требуя произнесенія текста на каждый членъ періода. Когда я молчалъ, то Евлампій, требуя произносилъ сіи тексты самъ.—Въ это время Филаретъ нетерпѣливо взглядывалъ то на меня, то на Евлампія; потомъ, когда я на силу *протащилъ* періодъ, Филаретъ возбужденно заговорилъ, обращаясь къ Евлампію. «Священнымъ Писаніемъ надобно доказывать полную истину, а не часть ея. Если скажете: «Чѣмъ дѣйствіе чище по намѣренію», и затѣмъ тотчасъ придадите изреченіе Священнаго Писанія, вы сдѣлаете *глупость*; потому что будете доказывать слова́, а не мысль, которая еще не извѣстна. Посему вы напрасно сбивали съ толку монаха (указывая на меня) и навязывали ему вашу *безсмыслицу*: онъ не захотѣлъ ее предлагать; *онъ умнѣе васъ*». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы мнѣ получить посрамленіе за плохое затверживаніе уроковъ, получилъ горькое наставленіе мой учитель. — Затѣмъ Владыка сталъ слушать

мымъ подробнымъ оттѣнкамъ мыслей была удивительная, и не ускользала у него ни малѣйшая ошибка и неточность въ мысляхъ и даже выраженіяхъ, особенно въ наукахъ богословскихъ. Высокопр. Филаретъ любилъ не рѣдко самъ говорить, когда дѣло шло о предметѣ особенно важномъ и назидательномъ въ догматикѣ или практикѣ, и, въ такомъ случаѣ, мысли и замѣчанія его были чрезвычайно глубокія и дѣльныя; этими замѣчаніями онъ вообще ясно и рѣшительно давалъ направленіе наставникамъ въ наукахъ, которые потому весьма много ему обязаны. Въ частности не не любилъ въ лекціяхъ туманности въ изложеніи и иноязычной терминологіи, принятой въ ученой литературѣ; онъ прямо говорилъ, что не понимаетъ такой премудрости, а иногда даже сердился. Не терпѣлъ этого и въ сочиненіяхъ студенческихъ, такъ называемыхъ курсовыхъ[1])... Въ критикѣ и оцѣнкѣ проповѣдей, представляемыхъ для произношенія при его служеніи, которыя онъ всегда выслушивалъ отъ самого сочинителя, былъ такъ же чрезвычайно разборчивъ. Не любилъ высокопарности и заносчивости, но не нравились ему и слишкомъ обыкновенныя, изъ общихъ

другаго читающаго. Михаилъ Россовъ читалъ параграфъ «О единствѣ Закона Моусеева и Закона Евангельскаго.» Владыка далъ прочитать параграфъ, (Россовъ читалъ хорошо и приводилъ всѣ тексты Св. Писанія), потомъ началъ опровергать прочитанное. Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ Моусеева и Евангельскаго единствомъ Законодателя, Сына Божія. Филаретъ на это сказалъ: «Императрица Екатерина написала Соляной Уставъ и Уставъ о Губерніяхъ. Слѣдовательно, Соляной Уставъ и Уставъ о Губерніяхъ суть одинъ и тотъ же законъ». Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ единствомъ цѣли. Филаретъ отвѣчалъ: «Петербургская дорога ведетъ въ Москву, и Дмитровская дорога ведетъ въ Москву же. Слѣдовательно, Петербургская и Дмитровская дороги суть одна дорога». Послѣ того Филаретъ довольно оскорбительно началъ упрекать о. Евлампія въ незнаніи Богословія, въ тусклости и путаницѣ мышленія, въ неумѣніи пользоваться Священнымъ Писаніемъ и извлекать изъ него твердыя истины». (Смотр. Брошюру: «О Филаретѣ Московскомъ моя память». Изданіе Императ. Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Моск. университетѣ. 1877 г. Москва. Стран. 10—12).

([1]) Это признано было наконецъ и строго подтверждено самимъ Св. Синодомъ.

мѣстъ составленныя, проповѣди, какъ безжизненныя. Съ особенною строгостію и чуткостію необычайною не пропускалъ онъ здѣсь ни мысли, ни выраженія, сколько нибудь рѣзкихъ. Любилъ, чтобы вообще проповѣди въ основаніи имѣли догматъ, а въ приложеніи нравоученіе (1)».

Въ однихъ этихъ приведенныхъ свѣдѣніяхъ, при всей ихъ краткости, кажется такъ ясно и полно открывается непосредственное руководственное вліяніе высокопреосв. Филарета и по части содержанія и направленія самыхъ наукъ, и вліянія на самихъ наставниковъ,—и по части образа ихъ преподаванія и наконецъ самыхъ даже требованій ихъ отъ воспитанниковъ во время испытанія.—Но не этимъ только ограничивалось дѣло, т. е. не временными и, такъ сказать, летучими указаніями Протектора и безмолвными выслушиваніями, кого бы онѣ ни касались. Читая въ исторіи Кіевской Академіи, за описываемую пору, представленные краткіе біографическіе очерки особенно представительныхъ Профессоровъ и разборъ ихъ ученыхъ трудовъ, въ томъ числѣ и самыхъ лекцій, — съ удивленіемъ видимъ, что эти - то именно ученыя лица, чѣмъ долѣе трудились, и далѣе и глубже шли и достигали, какъ бы послѣднихъ, предѣловъ и степени обладанія своею наукою, тѣмъ менѣе довѣряли себѣ и не находили полноты и совершенства въ своихъ познаніяхъ и произведеніяхъ, такъ что выпросить и вымолить у нихъ записки, или другія произведенія ихъ пера было дѣломъ большáго труда, а иногда рѣшительной невозможности, и тѣмъ болѣе, чтобы списать ихъ... Для примѣра приведемъ здѣсь свидѣтельство объ о. Θеофанѣ Авсеневѣ.—«Семнадцать лѣтъ онъ постоянно составлялъ записки для своихъ слушателей по Нѣмецкой литературѣ и по разнымъ частямъ Философіи, и съ каждымъ курсомъ всегда исправлялъ ихъ, никогда не находя ихъ доведенными до желаемаго совершенства. Объ изданіи же ихъ въ свѣтъ на всѣ просьбы друзей отвѣчалъ обыкновенно: «*не пришло время*» (2).

---

(1) Смотр. Біографич. записки о высокопр. Филаретѣ листъ 6-й стран. 1 и 2.

(2) Смотри Исторію Кіевской Академіи—стр. 274—275.

Тоже читаемъ напримѣръ и объ *Я. К. Амфитеатровѣ*. Когда онъ составлялъ свои лекціи по Гомилетикѣ, и когда были желавшіе имѣть ихъ у себя для чтенія, какъ напр. упоминаемый прежде двоюродный братъ его (Я. Г. Амфитеатровъ), онъ отвѣчалъ: «онѣ не готовы и вѣроятно не скоро будутъ готовы; если есть въ нихъ что нибудь, *въ чемъ я однако сомнѣваюсь*, то это все пока въ отрывкахъ» (1). Въ этомъ же родѣ свидѣтельствуется и объ *о. Михаилѣ Монастыревѣ*, этомъ истинномъ подвижникѣ христіанской мысли и науки, котораго, по свидѣтельству Автора исторіи, одна энциклопедичность занятій была изумительна, и послѣ котораго во множествѣ остались рукописи, въ которыхъ находятся полные эскизы многихъ наукъ, поражающіе и новизною взгляда и глубокимъ пониманіемъ дѣла и проч. (2). Спрашивается: могли ли имѣть мѣсто и значеніе для этихъ лицъ въ дѣлѣ ихъ ученыхъ трудовъ тѣ замѣчанія и указанія высокопр. Филарета, о коихъ сказано, что онъ ими *ясно и рѣшительно давалъ направленіе наставникамъ въ ихъ наукахъ, которыя потому весьма много ему обязаны?*

Да! ибо не на экзаменахъ только, а и при другихъ случаяхъ по близости самыхъ отношеній, коими пользовались наставники Академіи къ высокопр. Филарету, послѣдній не оставлялъ ихъ особенными наставленіями и духовно-опытными руководствованіями въ дѣлѣ ихъ занятій. Объ о. Ѳеофанѣ мы видѣли уже это; а что́ касается до Я. К. Амфитеатрова, то прежде чѣмъ онъ самъ понялъ задачу своей науки и прежде, чѣмъ даже понялъ и возчувствовалъ свои силы и призваніе къ предмету своихъ занятій, высокопр. Филаретъ предуказалъ и опредѣлилъ ему и то́ и другое. Лишь только Яковъ Козьмичъ кончилъ курсъ Академіи (въ 1829 г.) и оставленъ былъ Баккалавромъ ея, высокопр. Филаретъ писалъ ему изъ Казани, между прочимъ, такъ: «Начинай и продолжай, порученное тебѣ, служеніе предъ очами Господа въ полномъ спокойствіи духа. Мнѣ очень

(1) Тамъ же стр. 251.

(2) Тамъ же стр. 234, 235.

пріятно, что ты займешься церковнымъ краснорѣчіемъ. Для вѣрнаго же въ семъ успѣха совѣтую тебѣ читать и изучать, болѣе всего, творенія Св. Отцевъ Церкви, а наипаче Св. Златоуста. Изъ сихъ только святыхъ источниковъ можно почерпать изобильно воду чистую для напоенія душъ, искупленныхъ кровію Христовою» (1). «И, вотъ, всей душой,— пишетъ Авторъ Исторіи, всей силой своего ума и воли принялъ Амфитеатровъ внушенія мудраго Архипастыря, и каѳедра Церковной Словесности вдругъ ожила и процвѣла небывалою жизнію. Въ аудиторіи послышался голосъ не раболѣпнаго подражателя иностраннымъ образцамъ, несроднаго намъ, западнаго краснорѣчія. Амфитеатровъ сразу ихъ отбросилъ, сразу открылъ глаза своихъ слушателей на прославленныхъ Фенелоновъ, Бурдалу, Массильоновъ, Флешье и прочія знаменитости, обнаружилъ ихъ хвастливую плодовитость, ихъ ложную аффектацію... Онъ положилъ и раскрылъ предъ своими слушателями истинно безсмертныя и безмертно-образцовыя творенія Златоуста, Василія Великаго, Григорія, вмѣстѣ съ слезоточивыми бесѣдами Св. Ефрема Сирина и простою, но полною высшаго помазанія, проповѣдію Св. Димитрія Ростовскаго... «Вотъ гдѣ, восклицалъ онъ, родное наше краснорѣчіе! Вотъ у кого учитесь писать! А французы и нѣмцы намъ не годятся (2)...

Далѣе когда Я. К. Амфитеатровъ составлялъ и приготовлялъ къ изданію полную систему своей науки—Гомилелетики, а это было уже собственно во время высокопр. Филарета, (ибо первое изданіе ея вышло въ 1846 г.),—то извѣстно, что онъ совершалъ этотъ трудъ подъ его непосреднственнымъ руководствомъ. Скажемъ даже болѣе: при составленіи второй части науки и собственно отдѣла о внутреннемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія, онъ бралъ, такъ сказать, живой матеріалъ и образецъ съ лица самого высокопр. Филарета,—напр. особенно относительно помазанія и частнѣйшихъ свойствъ—спасительности, ревности о благочестіи, простоты духовной и умиленія, или сердечности и

(1) Смотр. стр. 249.

(2) Тамъ же стр. 249, 250.

трогательности. Если онъ самъ не цитовалъ имени высокопр. Филарета, на ряду съ именами позднѣйшихъ нашихъ отечественныхъ писателей, то дѣлалъ это по скромности; за то вотъ свидѣтельство объ этомъ, которое читаемъ у Автора воспоминаній, — гдѣ онъ и указываетъ, между прочимъ на самого даже Я. К. Амфитеатрова и другаго наставника о. Михаила (Монастырева). Вотъ его подлинныя слова: «по свидѣтельству незабвенныхъ нашихъ наставниковъ о. Михаила М—ва и Я. К. А—ва, высокопр. Филаретъ особенную любовь имѣлъ къ св. Евангелію, которое и прочитывалъ онъ сполна еженедѣльно. Отъ сего чтенія, конечно, душа Владыки постоянно исполнена была пламенной любви къ Искупителю міра. Имя *Господа Іисуса*, равно какъ и имя Пренепорочной Матери Его, можно сказать, *непрестанно были въ устахъ Святителя, когда онъ и проповѣдовалъ*. Отъ этого же проповѣди его, которыя онъ говорилъ импровизаціей, прямо изъясняя св. Евангеліе, *и имѣли особенную сердечность, трогательность*, словомъ— истинное *Помазанничество*. Мы видѣли не разъ, какъ именитые старцы, посѣдѣлые въ бояхъ брани герои, не стыдясь, плакали, слушая подобныя всегдашнія «проповѣди Святителя Филарета»(1). Для осязательнаго увѣренія въ этомъ раскрываемъ въ самой наукѣ—Гомилетикѣ слѣдующее: «особенная сила спасительности зависитъ отъ того, когда всякое слово церковное *освящено именемъ Господа Іисуса* и все направлено, равно какъ все истекаетъ изъ догмата объ Искупителѣ. Мы должны *знать и знаемъ опыты*, что иногда одно это выраженіе: «*Господь нашъ Іисусъ Христосъ*», *часто повторяемое въ церковной проповѣди даетъ ей преимущественную назидательность и не отразимую трогательность* (2).—Не очевидно ли яснѣйшее тожество между сими словами и словами Автора воспоминаній; и въ частности что̀ означаетъ это выраженіе: *мы должны знать и знаемъ опыты...*, что? какъ не указаніе именно на лице высокопр. Филарета?...

---

(1) Смотр. прежнія указанія.

(2) Гомилетика ч. II,—стр. 19, 20.

Послѣ этого, не знаемъ, нужно ли еще говорить о разсматриваемомъ предметѣ, т е. о дѣйствительности, силѣ и значеніи тѣхъ замѣчаній и указаній, коими высокопр. Филаретъ давалъ, какъ сказано, направленіе наставникамъ въ ихъ наукахъ. Если бы все это направленіе и вліяніе оправдывалось на одномъ лишь лицѣ, каковъ Я. К. А., и на его только наукѣ—Гомилетикѣ, то и въ этомъ свидѣтельствовалось бы такое достоинство, равнаго которому, судя по достоинству науки, едвали можно указать... Лишь только появилась въ свѣтъ эта наука,—Гомилетика, пишетъ Авторъ біографическаго очерка Я К. А., весь ученолитературный міръ, всѣ наши отечественные журналы, рѣдко согласные между собою въ оцѣнкѣ, одинаково встрѣтили, или какъ бы засыпали похвалами и привѣтствіями это превосходное произведеніе—«Гомилетику». А наконецъ что́ сказать объ извѣстномъ уже Авторѣ «Догматическаго Богословія»—Архимандритѣ Антоніи, или точнѣе о всемъ его трудѣ—авторскомъ? Каковы были здѣсь вліяніе и прямое соучастіе того же Протектора Академіи, такъ какъ самое это сочиненіе онъ имѣлъ въ виду не для одной только Семинаріи, но и для Академіи, въ которой дѣйствительно оно и было настольною учебною книгою какъ для самаго преподававшаго, такъ еще болѣе для студентовъ Академіи.—Но содѣйствуя такъ разработкѣ и направленію научно-литературныхъ трудовъ профессорскихъ въ Академіи, высокопр. Филаретъ ограничивалъ и прямо не дозволялъ издавать въ свѣтъ нѣкоторыхъ ученыхъ произведеній. Примѣръ этому видимъ въ отношеніи къ извѣстному сочиненію О. М. Новицкаго «о Духоборцахъ». «Изъ Московскаго цензурнаго Комитета представлена была въ Св. Синодъ рукопись «о Духоборцахъ, посланная туда изъ Кіевской Академіи. Комитетъ не согласился пропустить. Св. Синодъ поручилъ высокопр. Филарету представить свое мнѣніе. И онъ отвѣтилъ: «Я съ своей стороны не могу согласиться на изданіе сего сочиненія. Въ немъ помѣщены секретныя распоряженія Правительства о сей сектѣ, которыя, конечно, не слѣдуетъ публиковать. Да и лжеученіе духоборцевъ, безъ опроверженія его, печатать не совмѣстно. Жаль, что Академія не представила мнѣ о семъ предварительно. Странно, что и покой-

ный предмѣстникъ мой (Митр. Евгеній) задалъ такой предметъ для сочиненія воспитанникамъ. Это дѣло не школьное, а государственное» (1). Сочиненіе Новицкаго, согласно мнѣнію высокопр. Филарета, не было одобрено къ напечатанію Св Синодомъ и возвращено Автору. Тотъ представилъ его свѣтской Кіевской цензурѣ, которая разрѣшила его къ напечатанію, и, такимъ образомъ, это сочиненіе вышло въ свѣтъ.

Что́ касается втораго вышеизложеннаго мнѣнія, что описываемое состояніе Академіи и по составу учащей корпораціи и данному ей педагогическо-образовательному характеру и направленію было еще прежде высокопр Филарета, и, въ особенности по части наукъ, обязано бывшему ея Ректору преосв. Иннокентію, котораго не даромъ и самъ высокопреосв. Филаретъ именовалъ rector rectorum, и въ письмахъ величалъ — Eminentissime!, — отвѣтъ на это мы увидимъ сей часъ.

То́ правда, какъ и свидѣтельствуется въ біографической замѣткѣ, помѣщенной въ помянутомъ выше Сборникѣ, что «время ректуры и профессорства преосв. Иннокентія было временемъ перваго сильнаго проявленія силъ Академіи», и что онъ «самъ, стоя́ во главѣ академической корпораціи, по праву считался образцовымъ преподавателемъ, и даже прежде молва разносила уже славу его таланта». «Слушавшіе его когда либо, какъ знаменитаго Профессора, восторгались его лекціями, и доселѣ отзываются о нихъ съ глубокимъ почтеніемъ и съ «какимъ то благоговѣніемъ какъ къ произведенію великаго таланта». Все это правда, и никто не станетъ отрицать ея, а тѣмъ болѣе, что это значило бы идти противъ такого свидѣтельства, которое выражено голосомъ цѣлой Академіи не въ лицѣ лишь современниковъ, но и преемниковъ до позднѣйшихъ временъ. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, всякій призна́етъ и то́, что это правда и свидѣтельство за нее въ своей мѣрѣ односторонни и не безусловны. А что это такъ, увидимъ далѣе, когда, какъ говорится, перевернемъ медаль; взглянемъ на сторону другую

(1) Смотр. въ письмахъ высокопр. Филарета къ Иннокентію Херсонскому. Кіевъ. 1884 г стр. 21.

болѣе внутреннюю, о которой читаемъ слѣдующее свидѣчельство той же Академіи, столь же достовѣрное, какъ и первое,—помѣщенное въ самомъ же Сборникѣ лекцій. «Лекціи Иннокентія въ свое время слыли лекціями либеральными. Молва объ ихъ свободномъ духѣ распространялись довольно далеко и достигала даже высшихъ сферъ церковной Администраціи, гдѣ производила опасенія за направленіе преподаванія Богословія въ Кіевской Академіи. Опасенія эти, говорится далѣе, хотя не имѣли положительныхъ основаній; но имъ, разъ возбужденнымъ, не легко было разсѣяться, когда лекціи Иннокентія почти не выходили за предѣлы школы и въ сторонникъ кругахъ извѣстны были только по наслышкѣ. Внимательное разсмотрѣніе ихъ уничтожило бы эти опасенія. Лекціи Иннокентія были либеральны въ благородномъ смыслѣ этого слова. Либерализмъ ихъ состоялъ въ свѣжей оригинальной формѣ ихъ, отступающей отъ пробитой колеи, и смѣломъ введеніи въ раскрытіи богословской истины системы философскаго, а иногда поэтическаго элемента. Но этотъ естественный элементъ являлся въ системѣ, посвященной изложенію откровеннаго ученія, отнюдь не для того, чтобы колебать догматъ и возбуждать противъ него недоумѣніе, а для того, чтобы придать разъясненію его больше силы и занимательности». И еще: «лекціи Иннокентія до сихъ поръ окружены какою-то таинственностію. Онѣ были извѣстны только непосредственнымъ его слушателямъ, и отъ нихъ иногда въ рукописяхъ переходили къ другимъ: эти рукописныя лекціи Иннокентія были своего рода рѣдкостію и обращались въ самомъ ограниченномъ кругу читателей» (1).

И такъ—что́ же сказать на все это? Чего здѣсь болѣе—pro или contra въ отношеніи къ достоинству предмета? Что́ значитъ одно то́, что Академія волей неволей должна была высказаться о либеральномъ духѣ и направленіи столь знаменитаго Профессора Богословія и не скрыть при этомъ даже такихъ опасеній, кои имѣлись въ высшихъ сферахъ церковной Администраціи,—самого ли Св. Синода,

(1) Смотр. Сборникъ стр. VI и III.

или бывшей тогда Коммисіи духовныхъ Училищъ, завѣдывавшей ближайшимъ образомъ духовно - учебномъ дѣломъ? Положимъ сила и значеніе этихъ опасеній въ дальнѣйшихъ словахъ свидѣтельства Академіи какъ - бы сглаживаются, или, по крайней мѣрѣ, ослабляются тѣмъ, что это была болѣе молва, распространившаяся,—хотя въ тоже время не легко разсѣеваемая; но вѣдь и о самой славѣ о талантѣ и образцовомъ преподаваніи лекцій преосв. Иннокентіемъ говорится въ томъ же свидѣтельствѣ Академіи, что эту славу разнесла молва: слѣдовательно основанія для признанія и утвержденія первой стороны и послѣдней тожественны и равносильны. По чему же первая молва о достоинствахъ дѣла не превозмогла послѣднюю, и при томъ въ высшихъ сферахъ церковной Администраціи, которая конечно знала и цѣнила то̀ лицо, къ которому она относилась, но тѣмъ не менѣе возъимѣла опасенія за направленіе преподаванія Богословія именно въ Кіевской Академіи?!..

Все это объясняется съ полною достаточностію изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

Подъ высшими сферами церковной Администраціи, само собою, разумѣются какъ Св. Синодъ, такъ, ближайшимъ образомъ, бывшая тогда Коммисія духовныхъ Училищъ. Высокопреосвященный же Филаретъ былъ Членомъ и Св. Синода и Коммиссіи. Это разъ.—Далѣе, когда молва могла болѣе распространиться, чтобы достичь до сказанныхъ высшихъ сферъ,—въ эту пору высокопр. Филаретъ находился лично въ Петербургѣ, слѣдовательно молва, достигавшая до Синода и Коммиссіи, достигала и до его слуха и заставляла его быть не чуждымъ общаго опасенія за духъ и направленіе науки богословской въ Кіевской Академіи. Наконецъ въ эту именно пору Коммиссія духовныхъ Училищъ имѣла особымъ нарочитымъ предметомъ своихъ разсужденій именно то̀, чтобы, «при возрастающемъ образованіи и умноженіи способовъ его, преподаваніе богословскихъ наукъ въ духовныхъ заведеніяхъ возводимо было бо́льшему совершенству, къ систематической правильности и единообразному порядку съ ближайшимъ приспособленіемъ не только къ догматамъ, но и преданіямъ и чиноположеніямъ св. Православно-Каѳолической Восточной Церкви, для чего учрежденъ былъ тогда

при Конференціи С.-Петербургской Академіи особый Комитетъ изъ академическихъ — Ректора и Инспектора, Протоіерея, впослѣдствіи Протопресвитера В. Б. Бажанова и двухъ ректоровъ чередовыхъ подъ предсѣдательствомъ преосв. Венедикта, епископа Ревельскаго. Этому Комитету поручено было разсматриваніе книгъ, употреблявшихся въ богословскомъ ученіи въ качествѣ классическихъ и вспомогательныхъ и другихъ могущихъ быть употребленными, а также и конспектовъ, вытребованныхъ отъ Ректоровъ Академій и Семинарій, по предметамъ богословскаго ученія; а сама Коммиссія взяла на себя все прочее по сему важному предмету, отъ котораго должны зависѣть успѣхи Православнаго образованія въ отечествѣ и твердость вѣры будущихъ поколѣній» (1). Самое совпаденіе, по времени, такихъ особенныхъ занятій въ Коммиссіи по предмету преподаванія богословскихъ наукъ съ доходившею до нея молвою о либеральномъ духѣ и направленіи лекцій преосв. Иннокентія, съ вѣроятностію, показываетъ, что послѣднія имѣлись въ виду и въ разсужденіяхъ Коммиссіи, и даже въ особенности, какъ выходившія болѣе другихъ за предѣлы единообразнаго порядка, и заключавшія въ себѣ элементъ философскій и даже поэтическій, и такъ или иначе либеральный... А наконецъ такъ какъ высокопр. Филаретъ былъ Протекторомъ Кіевской Академіи, то, естественно, если къ кому, то къ нему должны были относиться ближе и болѣе всего и молва, и опасенія касательно преподаванія Богословія въ Кіевской Академіи Иннокентіемъ ли, или кѣмъ бы то ни было... Но игнорировать этого было не возможно. Не безъизвѣстно, что и самъ Митрополитъ Евгеній не былъ чуждъ мнѣнія не въ пользу лекцій Иннокентія, и если бы оставался онъ въ живыхъ, то не остался бы безмолвнымъ, а, можетъ быть, явился бы столь же строгимъ судьею богословскихъ познаній самыхъ студентовъ Кіевской Академіи, какимъ оказался онъ въ отношеніи къ студентамъ С.-Петербургской Акаде-

(1) Смотри Извлеченіе изъ Отчета г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1837 г., стр. 55—56; или въ Исторіи С.-Петерб. дух. Акад. стр. 424—425.

деміи въ 1825 г., когда былъ назначенъ Ревизоромъ этой Академіи Строгость эта была, можно сказать, безпримѣрная и чрезмѣрная. Смотря на списокъ, кончившихъ курсъ въ этомъ году, студентовъ какъ бы глазамъ не вѣришь, что изъ числа всѣхъ студентовъ— 53-хъ нѣтъ ни одного, выпущеннаго со степенью Магистра, а всѣ, начиная съ самыхъ первыхъ студентовъ, въ числѣ коихъ значится подъ № 2-мъ *Іеромонахъ Исидоръ Никольскій* (нынѣшній маститѣйшій Первосвятитель Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ С.-Петербургскій), поставлены въ разрядѣ кандидатовъ,—одна бо́льшая половина—29-ть студентовъ съ званіемъ *старшихъ* кандидатовъ. Между тѣмъ очевидно, что весь составъ этого курса былъ особенно даровитый, такъ какъ изъ числа 53-хъ больше половины были поставлены въ 1-мъ разрядѣ, и наконецъ эти студенты выпущены все таки съ правомъ полученія степени Магистра, но только по выслугѣ двухъ лѣтъ.—Причина же вся заключалась въ томъ, что, ревизовавшій Академію, Кіевскій Митрополитъ Евгеній усмотрѣлъ въ экзаменическомъ сочиненіи студентовъ *неправомыслі́е*. Обращаясь же къ предмету нашего изложенія, мы не можемъ придти къ мысли, что это *неправомыслі́е*, усмотрѣнное въ студентахъ С.-Петербургской Академіи. едва ли не имѣло источникомъ своимъ то́, что́ являлось, такъ или иначе, въ лекціяхъ того же, между прочимъ, Иннокентія. Основанія и данныя на это слѣдующія.

«Возбужденіе обвиненія Иннокентія,—читаемъ въ Біографическомъ очеркѣ его (соч. Буткевича (1), въ *неправомысліи* началось еще съ той поры, когда онъ былъ Инспекторомъ и Профессоромъ въ Академіи С.-Петербургской. Обнаружилось же это и приняло характеръ оффиціальный (хотя и секретный) тогда уже, когда Иннокентій былъ уже Ректоромъ и Профессоромъ Кіевской Академіи. Вотъ что́ писалъ, въ Мартѣ 1834 г., С.-Петербургскій Митрополитъ Серафимъ къ Митрополиту Кіевскому Евгенію: «Вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ (отъ Св. Синода, или Коммиссіи дух. Училищъ, —изъ письма не видно) порученія поспѣшаю отнестись къ Вашему Высокопреосвященству съ просьбою, чтобъ вы, Милостивый

(1) Иннокентій Борисовъ, бывшій Архіепископъ Херсонскій. Соч. (Свящ Т. Буткевича. Спб. 1887 г. стран 58, 59, 60.

Архипастырь, благоволили *секретно* истребовать отъ Ректора Кіевской Академіи Вашей, Архимандрита Иннокентія, слѣдующія на бумагѣ объясненія: 1) дѣйствительно ли были имъ, въ бытность его Инспекторомъ С.-Петербургской духовной Академіи, читаны студентамъ оныя лекціи, отрывки изъ коихъ прилагаются при семъ; 2) самъ ли онъ составилъ ихъ, или онѣ суть уроки только того профессора, у коего онъ, бывши студентомъ, обучался Богословію, и кто таковъ былъ профессоръ тотъ; 3) не читалъ ли онъ лекцій таковыхъ студентамъ Кіевской академіи, или не давалъ ли онъ списывать копій съ нихъ; 4) признаетъ ли онъ лекціи сіи съ ученіемъ Православныя Церкви нашей согласными, или не признаетъ; 5) если не признаетъ, то какъ осмѣлился онъ читать ихъ студентамъ? Какіе же дастъ онъ отвѣты на всѣ эти пункты, оные прошу доставить мнѣ немедленно за собственноручнымъ его подписаніемъ, возвративъ при нихъ и самыя сіи выписки». Когда митрополитъ Евгеній объявилъ Иннокентію содержаніе этого письма и предложилъ ему представить письменное объясненіе по всѣмъ указаннымъ пунктамъ, Иннокентій далъ категорическій отвѣтъ, что «лекцій, изъ коихъ взяты отрывки, имъ, Иннокентіемъ, студентамъ С.-Петербургской Академіи давано никогда не было». 17 Апрѣля Евгеній отправилъ этотъ отвѣтъ Иннокентія въ С.-Петербургъ. Члены св. Синода такого отвѣта никакъ не ожидали, а потому и были даже не мало удивлены имъ, когда Серафимъ представилъ его на ихъ благоусмотрѣніе. «Члены сіи надѣялись, какъ пишетъ Серафимъ Евгенію отъ 22 Мая,—что Архимандритъ Иннокентій учинитъ признаніе, что онъ дѣйствительно преподавалъ студентамъ С.-Петербургской Академіи таковыя лекціи, съ искреннимъ признаніемъ своихъ заблужденій, въ кои впалъ онъ по легкомыслію своему, и съ обѣщаніемъ, что онъ не только сообщать оныхъ кому-либо письменно, или словесно, но и самъ никогда не будетъ держать ихъ, и полагали кончить симъ все дѣло тѣмъ охотнѣе, что имъ извѣстны какъ особенныя Ректора сего дарованія, по коимъ можетъ онъ быть весьма полезнымъ для духовныхъ училищъ, такъ и по его хорошей нравственности. Но какъ онъ на сдѣланные ему вопросы тѣ письменно отвѣтствовалъ, что никогда имъ та-

ковыхъ лекцій студентамъ С.-Петербургской Академіи давано не было, то они за нужное признали привести дѣло сіе въ бо́льшую, безъ всякой впрочемъ огласки, ясность». Что́ было сдѣлано для того, чтобы дѣло это привести въ бо́льшую ясность, можно видѣть изъ препровожденной къ Евгенію особой Сѵнодальной «записки». «6 мая, говорится въ этой «запискѣ», представленъ былъ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту С.-Петербургскому, и имъ съ нѣкоторыми другими Членами Св. Синода разсматриванъ полный текстъ означенныхъ лекцій; и выписки оказались взятыми изъ онаго и съ нимъ сходными, хотя то́ былъ другой и изъ другихъ рукъ взятый экземпляръ, а не тотъ, изъ котораго взяты были выписки въ прошедшемъ году. На этомъ экземплярѣ противъ одного мѣста, гдѣ говорится о свободѣ, рукою неизвѣстнаго читателя этой рукописи, между прочимъ, написано: «*не хотѣлъ ли о. И. сказать о безусловномъ обнаруженіи свободы въ поступкахъ?*» Отсюда Члены св. Синода заключили, что именно Иннокентій былъ авторомъ этихъ лекцій,—авторомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Затѣмъ, —съ тою же самою цѣлію—приведенія дѣла въ бо́льшую ясность—былъ приглашенъ Членами одинъ изъ бывшихъ слушателей Иннокентія, который также положительно объявилъ, что вышеозначенныя лекціи были дѣйствительно преподаны Архимандритомъ Иннокентіемъ устно, что нѣсколько студентовъ записывали его слова́ и что затѣмъ, по взаимному сличенію такихъ записей, составлялся уже полный текстъ лекцій, который и распространялся между слушателями въ спискахъ, изъ которыхъ нѣсколько экземпляровъ, впрочемъ, не въ большомъ количествѣ вращалось въ то время и между извѣстными лицами въ самомъ С.-Петербургѣ. Три экземпляра такихъ лекцій были во владѣніи и у Членовъ св. Синода. Въ виду всего сказаннаго Членами св. Синода было признано необходимымъ сообщить объ оказавшемся Кіевскому Митрополиту Евгенію, «дабы онъ, вновь призвавъ Архимандрита Иннокентія, при архипастырскомъ увѣщаніи, вразумилъ его, что сіе, не оффиціально, а приватно и тайно производимое, дѣло имѣетъ цѣлію не то́, чтобъ подвергнуть Архимандрита Иннокентія отвѣтственности за погрѣшности, но чтобы довести его до откровеннаго изъясне-

нія истины, побудить къ усовершенію своего образа мыслей и тѣмъ предохранить его отъ дальнѣйшихъ погрѣшностей и заблужденій и слѣдующаго за ними вреда и отвѣтственности, и довѣренность къ нему начальства по службѣ возстановить и утвердить». Митрополитъ Серафимъ, въ заключеніе своего письма къ Митрополиту Евгенію, также писалъ слѣдующее: «препровождая ее («записку») къ Вашему Высокопреосвященству, *я увѣряю Васъ, по всей совѣсти моей*, что Члены Св. Синода, копии она сдѣлана, искреннѣйше желаютъ соблюсти о. Архимандрита Иннокентія какъ для собственной пользы его, такъ и для пользы св. Церкви и духовныхъ училищъ, надѣясь несомнѣнно, что Вы, какъ добрый пастырь, употребите всевозможное стараніе, чтобы сіе благое ихъ желаніе чрезъ Васъ, при содѣйствіи благодати Божіей, совершенно было исполнено къ общему нашему и Вашему порадованію». Когда Евгеній сообщилъ обо всемъ этомъ Иннокентію, Иннокентій все-таки стоялъ на своемъ, утверждая, что «лекцій, изъ которыхъ взяты отрывки, (содержавшіе неправославный образъ мыслей), имъ, Иннокентіемъ, студентамъ С.-Петербургской Академіи давано никогда не было».

Но такое запирательство Иннокентія, которое,—какъ очевидно изъ вышеприведеннаго,—Члены Св. Синода вполнѣ понимали и даже были удивлены имъ, обличается, между прочимъ, слѣдующимъ фактомъ, о которомъ читаемъ у того же Автора ([1]).—«Когда дошли до Иннокентія слухи о приписываемомъ ему вольномысліи, онъ былъ слишкомъ смущенъ, тѣмъ болѣе, что ему будто бы даже грозили при этомъ разными ужасами. Находя причину этого слуха въ неточномъ списываніи его лекцій студентами, онъ старался какъ нибудь поправить дѣло. Призвавъ къ себѣ старшаго студента, онъ спросилъ его: почему вы будете готовиться къ экзамену?.. Спрошенный отвѣчалъ: у насъ есть нѣсколько экземпляровъ, записанныхъ въ классѣ, лекцій по Вашему предмету.—«Нѣсколько?! произнесъ онъ вопросительно... Любопытно посмотрѣть, какъ вы записали... Прине-

([2]) Тамъ же—стран. 57, 58,

сите мнѣ! Студентъ принесъ. Не долго разсматривая ихъ, Иннокентій бросилъ ихъ въ топившуюся у него печку, а къ экзамену далъ особенныя записки. Впослѣдствіи Иннокентій старался уже напередъ просматривать и выправлять студенческія записки, хотя такая выправка не всегда была окончательною, не требовавшею новаго просмотра».—Далѣе читаемъ тутъ же.—«Изъ студентовъ VI курса (1833 г.) въ *неправомысліи* заподозрѣнъ былъ, между прочимъ, студентъ Иванъ Петр. Боричевскій. Этого студента, въ теченіи всѣхъ четырехъ курсовыхъ годовъ, писали въ разрядныхъ спискахъ въ числѣ первыхъ, а по нѣкоторымъ предметамъ первымъ студентомъ, и даже отдѣляли иногда чертою отъ прочихъ, (какъ бывало тогда въ обычаѣ), но именно въ курсовомъ сочиненіи этого студента: «*О Церкви управляемой и управляющей благодатію*», *пропущенномъ самимъ Иннокентіемъ*, и найдено было высшими судьями *неправомыслію*: автору дали только степень кандидата, и то во вниманіе лишь къ его прежнимъ постоянно отличнымъ успѣхамъ», Не очевидно-ли, какъ этотъ фактъ совпадаетъ съ тѣмъ, когда всѣ студенты-магистранты въ С.-Петербургской Академіи подвергались этой участи и не удостоены заслуживаемой ими степени *за неправомыслію же*..

Какъ-бы то́ ни было, но указанныя нами, говоритъ Авторъ, обстоятельства были причиною именно того, что въ теченіи почти четырехъ лѣтъ Митрополитъ Евгеній, при всѣхъ своихъ личныхъ симпатіяхъ, относился къ Иннокентію довольно недовѣрчиво (1).

Спрашивается, что́ же оставалось и для высокопр. Филарета когда онъ сдѣлался Митрополитомъ Кіевскимъ и Протекторомъ Академіи,—какъ нужно было ему относиться, на первыхъ особенно порахъ, къ усмотренному уже всѣми, стоящими во главѣ Церковнаго управленія и съ тѣмъ вмѣстѣ духовно-учебнаго,—духу и направленію въ преподаваемыхъ въ Академіи наукахъ—богословскихъ?... Но читающіе уже знаютъ отчасти объ этомъ изъ исторіи составленія Догматическаго Богословія Архимандритомъ Антоніемъ. Если

(1) Тамъ же, стран. 61.

не прямо, то косвенно хотя и мѣтко онъ дѣйствительно выразился, что «*давать такое направленіе* (подобно лекціямъ Иннокентіевскимъ) *значило бы вводить въ духовныя школы религіозную демагогію*, которая опаснѣе политической, — а потому указалъ совершенно иное и тогда же приступилъ къ самому составленію Догматики. Въ самомъ дѣлѣ если поставить, кого угодно, на мѣсто высокопр. Филарета, какъ Протектора Академіи, то и всякій не могъ бы отнестись иначе къ направленію въ преподаваніи Богословія въ Кіевской Академіи. Самая молва, и при томъ столь живая по самому времени, должна была заставить его ради одного увѣренія себя въ ея ложности, или вѣроятности, обратить особенное вниманіе на содержаніе Богословскихъ лекцій на первыхъ же годахъ во время экзаменовъ. И что́-жъ если что либо въ лекціяхъ дѣйствительно отзывалось въ подтвержденіе молвы? А это и было всего естественнѣе, когда мы уже знаемъ о внимательности высокопр. Филарета къ самымъ подробнымъ оттѣнкамъ мысли, когда отъ него не ускользала ни малѣйшая ошибка и неточность въ мысляхъ и даже выраженіяхъ,—и въ особенности въ наукахъ вѣроучительныхъ. А какъ это, по свидѣтельству записокъ, было особенно на первыхъ годахъ, въ теченіи коихъ преосвящ. Иннокентій, будучи Викаріемъ, оставался еще на должности Ректора Академіи и слѣдовательно присутствовалъ на самыхъ экзаменахъ,—то нужно ли договаривать, что́ долженъ былъ онъ чувствовать, когда лекціи по Богословію были его собственныя, и когда замѣчаемыя ошибки и неточности ясно относились къ нимъ?... Что́ оставалось ему—безмолствовать, или говорить? Дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ живые очевидцы, преосв. Иннокентій иногда говорилъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ соглашаться съ высокопр. Филаретомъ и не изъ-за принципа подчиненности, не очень-то бывшей у него въ характерѣ. При этихъ же случаяхъ высокопр. Филаретъ волей не волей выносилъ тѣ чувствованія и убѣжденія относительно преосв. Иннокентія, которыя онъ иногда и не скрывалъ. Всегда высоко цѣня его талантъ и ученость, и прекрасный административный тактъ какъ Ректора Академіи, и называя его не иначе, какъ, «rector rectorum», онъ,

тѣмъ не менѣе, говаривалъ о немъ, что изъ такъ называемой Апостольской лѣствицы не достаетъ у него одной главной ступени,—той, гдѣ сказано: *въ разумѣ воздержаніе т. е. покажите въ вѣрѣ* (2 Петр. 1, 6). Это выраженіе съ обычнымъ простодушіемъ и братскою о Христѣ любовію, высокопр. Филаретъ не стѣснялся употреблять и прямо предъ преосв. Иннокентіемъ, который, по самой свѣтлости своего ума, очень хорошо понималъ его значеніе, чтобы приложить его къ себѣ и отнюдь не въ оскорбительномъ, а въ христіанскомъ чувствѣ, такъ какъ и къ высокопр. Филарету онъ во все время послѣдующей жизни не измѣнялъ добрыхъ отношеній и искренняго почитанія. Что это такъ, т. е. что высокоп. Филаретъ дѣйствительно носилъ въ душѣ такія и не ложныя убѣжденія о. преосв. Иннокентіи относительно его *не воздержанія въ разумѣ* и что самъ Иннокентій сознавалъ въ себѣ это, и разумно уступалъ убѣжденіямъ перваго въ дѣлѣ истиннаго богословствованія, объ этомъ свидѣтельствуютъ факты. Когда преосв. Иннокентій, бывши уже Архіепископомъ Херсонскимъ, прислалъ въ цензурный Комитетъ Кіевской Академіи Бесѣды о *Паденіи Адама*, съ тѣмъ, чтобы ихъ напечатать въ Воскресномъ Чтеніи, и когда Членъ Комитета Ив. Мих. Скворцовъ, читавшій эти Бесѣды, встрѣтилъ нѣкоторыя недоумѣнія, и для разрѣшенія ихъ обратился къ высокопр. Филарету, тогда послѣдній потребовалъ Бесѣды къ себѣ. Прошло очень много времени; Бесѣдъ Владыка не сдавалъ, а между тѣмъ преосвященный Иннокентій желалъ и просилъ ускорить печатаніе. И М. Скворцовъ, чувствуя себя, какъ говорится, между двухъ огней, писалъ между прочимъ къ Ректору—Арх. Антонію (1) «да нельзя ли упросить Владыку, чтобы онъ возвратилъ намъ Херсонскія Бесѣды?—Бѣда намъ будетъ отъ преосв. Иннокентія». И что-жъ?.., когда высокопр. Филарету было, наконецъ, доложено о Бесѣдахъ, онъ отвѣчалъ тѣмъ же обычнымъ выраженіемъ *о невоздержаніи въ разумѣ*. И хотя признавалъ Бесѣды достойными Автора и во многихъ отношеніяхъ назидательными, но не бла-

(1) Записка была писана карандашемъ и сохранилась въ цѣлости въ матеріалахъ при біографіи.

гословилъ ихъ печатать, развѣ только по надлежащемъ ихъ исправленіи, при чемъ указалъ и основанія. Изъ этихъ основаній главное было то, что Самимъ Духомъ Божіимъ, не безъ особеннаго намѣренія премудраго и для человѣковъ спасительнаго, сказано кратко и нѣкоторымъ образомъ прикровенно «*о грѣхопаденіи прародителей*». Какія либо человѣкообразныя изъясненія, основанныя лишь на соображеніяхъ и догадкахъ, если гдѣ, то здѣсь не умѣстны. Грѣхопаденіе мы можемъ и должны уразумѣвать въ самихъ себѣ,—какъ, по слову св. Апостола, *въ насъ похоть зачинши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть*, —и какъ каждый изъ насъ *падаетъ отъ своей похоти влекомъ и прельщаемъ*, по слову того же Апостола». Когда сообщено было объ этомъ преосв. Иннокентію, онъ не могъ не признать истины словъ высокопр. Филарета, и Бесѣды, въ исправленномъ уже видѣ, были напечатаны (1). А вотъ еще другіе факты, которые встрѣчаемъ въ письмахъ высокопр. Филарета къ преосв Иннокентію, когда Филаретъ еще не былъ и Митрополитомъ Кіевскимъ, а находился въ С.-Петербургѣ, бывши Архіепископомъ Ярославскимъ.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ высокопр. Филаретъ писалъ такъ: «А между тѣмъ прими, брате возлюбленне, отъ моего искренняго усердія братолюбивый совѣтъ. Въ числѣ проповѣдей Вашихъ, напечатанныхъ въ 1-мъ томѣ, послѣднее *Слово* въ день Сошествія Св. Духа—*изъ темы: «Духъ Св. бѣ присно, есть и будетъ»*, по моему и другихъ искреннихъ особъ мнѣнію, требуетъ исправленія во второмъ изданіи. *Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что съ продолженіемъ времени Церковь Христова приходитъ въ бо́льшее совершенство*. Это бы значило дѣло Божіе смѣшивать съ дѣлами человѣческими.—Вселенная по сотвореніи явилась предъ очима Творца во всей лѣпотѣ своей—и *се вся добра зѣло*. Подобно и новое твореніе—Церковь Христова въ началѣ явилась во всей духовной лѣпотѣ. *И въ-*

(1) Впослѣдствіи, когда преосв. Иннокентій посылалъ бывшему о. Ректору Архимандриту Антонію свои рѣчи для напечатанія, то напередъ уже писалъ такъ: «Въ рѣчахъ этихъ, если окажется что нужнымъ измѣнить,—перемѣняйте смѣло».

рующимъ бѣ сердце и душа едины. Потому-то всѣ новостей вводители и реформаторы церквей, подъ предлогомъ улучшенія ихъ, суть весьма вредные самозванцы и обманщики. Преуспѣяніе *въ мѣру возраста исполненія Христова* принадлежитъ Церкви торжествующей на небесахъ;— а на землѣ совершенство Церкви зависитъ отъ непоколебимаго храненія преданій Апостоловъ и мужей Апостольскихъ и святыхъ Богомудрыхъ отцевъ (1). Здѣсь, впрочемъ, нѣсколько замѣтенъ намекъ тоже на направленіе въ преподаваніи лекцій самимъ Иннокентіемъ.—Въ слѣдъ за этимъ письмомъ встрѣчаемъ еще слѣдующее: «Получилъ я вчера (письмо отъ 9 Марта 1837 г.) книжку Вашу «Собраніе Словъ Вашихъ на торжественные дни». Два слова уже прочиталъ. Второе превосходное и истинно достойное каѳедры Церковной... Впрочемъ, возлюбленне, прошу Васъ Именемъ Господнимъ, не почитать моихъ замѣчаній непреложною истиною. Я своего образа мыслей никому не навязываю. А какъ знаю и чувствую, искренно всегда говорю, исполняя симъ долгъ христіанскаго общенія и духовной дружбы. Весьма охотно я слушаю, если кто меня поправляетъ и весьма благодаренъ всегда за братскій совѣтъ... Прошу единожды навсегда со мною быть совершенно откровеннымъ».

Послѣ такихъ отзывовъ высокопр. Филарета Кіевскаго интересно привести, для сопоставленія съ ними, отзывы по этому же предмету высокопр. Филарета Московскаго. Свѣдѣнія эти мы беремъ у того же о. Буткевича, который пишетъ такъ.— «Отзывы Митрополита Московскаго Филарета о проповѣдяхъ преосв. Иннокентія были, дѣйствительно, не одобрительны и довольно рѣзки. Такъ въ письмѣ своемъ къ А. Н. Муравьеву (отъ 30-го Декабря 1834 г.), Митрополитъ Филаретъ писалъ: «Смотрите характеръ Кіевскаго Ректора. Онъ умѣетъ и говорить, и печатать, и посылать къ знакомымъ и не знакомымъ *краснословныя, протестантскія,* какъ говорите и вы, проповѣди, а порученіе Св. Синода смѣетъ исполнять небрежно и представлять въ безсмысленномъ ви-

(1) Письмо отъ 25 Февраля 1837 г.

дѣ» (1). Вскорѣ же послѣ этого письма (именно 27 Апрѣля 1835 г.) Митрополитъ Московскій писалъ къ Муравьеву же такъ. «Бесѣды (Иннокентія) «*страстной недѣли*» получилъ до вашего письма, а имъ побужденъ былъ прочитать нѣкоторыя. Отлично много способностей; но какъ Вамъ угодно, а я желалъ бы, чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло. Проповѣдь «Старецъ сказалъ монахамъ. будемъ плакать, и мы будемъ плакать при гробѣ Господнемъ»,— не знаю, понравится ли разсудку, есть–ли не дать себѣ ослѣпиться *поверхностными блесками*. Какъ малъ примѣръ для самаго великаго предмета! Какъ небрежно, не полно, и не вѣрно пересказана проповѣдь Св. Макарія! На Голгоѳѣ не было, видишь, проповѣди! Какъ легко остроуміе убиваетъ истину! Проповѣдь: «*дщери Іерусалимски, не плачетеся о Мнѣ*», и проч. не есть-ли точно проповѣдь, и не могла ли быть ближайшимъ образцемъ разбираемой теперь, нежели изреченіе Св. Макарія? А «*совершишася!*» не есть-ли сіе—величайшая изъ проповѣдей? И сотникъ сказалъ свою проповѣдь: «*воистину Божій Сынъ бѣ сей*». Проповѣдь сія не много короче разбираемой; и развѣ потому только не проповѣдь, что сотникъ *не былъ Докторъ богословія* и произнесъ ее безъ аналогія и каѳедры». По поводу этого отзыва Филарета А. Н. Муравьевъ замѣчаетъ: «Мнѣніе его о проповѣдяхъ преосвященнаго Иннокентія показываетъ всю глубину и проницательность его критическаго взгляда. Мнѣ случалось присутствовать при бесѣдѣ сихъ двухъ геніальныхъ людей, но Иннокентій казался далеко не въ уровень предъ Филаретомъ, и критическій молотъ сего великаго старца разбивалъ въ пухъ всѣ легкія восторженныя сужденія юнаго Епископа».

Наконецъ, что́ касается того, что преосв. Иннокентій оставилъ профессорскую каѳедру какъ разъ въ пору прибытія высокопр. Филарета на Кіевскую митрополію, то это обстоятельство совершенно напрасно было бы принимать, сколько нибудь, въ основаніе того, будто преосв. Иннокен-

(1) Смотр. «Иннокентій Борисовъ, Архіепископъ Херсонскій». Соч. Свящ Буткевича 1887 г., стр. 413 и 215.

тій долженъ былъ сдѣлать это по личнымъ отношеніямъ къ нему высокопр. Филарета. Напротивъ, когда преосв. Иннокентій, спустя два года, сталъ проситься объ увольненіи и отъ ректорства, тогда высокопр. Филаретъ вотъ что́ писалъ ему. «Прошеніе Ваше въ Коммиссію дух. Училищъ не застало уже ее въ живыхъ. А потому и нельзя его представить, а притомъ, кажется, вдругъ, по полученіи Вами Монаршей Милости, отказываться отъ Академіи едва-ли прилично. Мнѣ представляется, что самое небесное Провидѣніе удерживаетъ подъ столь благотворнымъ начальствомъ Вашимъ Академію, по крайней мѣрѣ, до окончанія настоящаго учебнаго курса. Прошу о семъ подумать и мнѣ сообщить Ваши мысли. Три мѣсяца съ не большимъ, кажется, не сдѣлаютъ большо́й разности. А приличіе и польза Академіи будутъ сохранены. «Впрочемъ буду ожидать Вашего увѣдомленія».

Вообще взаимныя отношенія между высокопр. Филаретомъ и преосв. Иннокентіемъ были всегда добрыя и искреннія, это яснѣе и несомнѣннѣе всего доказывается весьма частою перепискою ихъ по весьма важнымъ иногда дѣламъ и даже въ значеніи секретномъ.—Подъ конецъ только жизни высокопр. Филаретъ выражалъ какъ бы не благоволеніе къ преосв. Иннокентію и то́ въ томъ только отношеніи, что не желалъ, чтобы онъ былъ преемникомъ ему на Митрополіи Кіевской,—на что имѣлъ особыя причины и не скрывалъ ихъ; въ частности же почувствовалъ онъ не удовольствіе къ преосв. Иннокентію, когда узналъ, что онъ подписалъ опредѣленіе Св. Синода о переводѣ Библіи на Русскій языкъ (1). Былъ еще единственный разъ въ жизни высокопр. Филарета, что онъ серьезно высказалъ преосв. Иннокентію свое горькое неудовольствіе, когда послѣдній выхлопоталъ у Св. Синода, во время своего въ немъ присутствованія, перемѣщеніе Игумена Кіевскаго Лебедянскаго монастыря въ Одесскій женскій монастырь, а Игумена этого послѣдняго—въ Лебядинскій. Филаретъ, по этому поводу, писалъ Инно-

(1) Объ этомъ читаемъ въ Дневникѣ, веденномъ бывшимъ Намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры Архим Іоакимомъ (впослѣдствіи бывшимъ Архіепископ. Полтавскимъ).

кентію «Представьте себѣ положеніе мое, и настоятельницы, и всей обители Лебедянской. Тамъ никакого и слуха не было о перемѣщеніи. Вдругъ является новая настоятельница и требуетъ себѣ монастырь. Почтенная старица въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, можно сказать безъ преувеличенія, своими попеченіями создавшая монастырь, противъ своего ожиданія принуждена оставить обитель. А что́ сестры, почитающія ее своею матерію? А что́ бѣдныя сироты изъ духовнаго званія, которыхъ нѣсколько десятковъ содержатся на ея попеченій съ помощію моею? Никто не повѣритъ, чтобы такое перемѣщеніе было сдѣлано *безъ моего вѣдома*, ибо всѣ такъ думаютъ, что *я непотребный хотя*, но какой-нибудь пастырь во ввѣренной моему недостоинству паствѣ. Что́ я буду дѣлать съ малолѣтними сиротами?! Онѣ содержались на доброхотныя подаянія, которыя почтенная старица умѣла пріобрѣтать, заслуживши довѣренность благодѣтелей. Суди Богъ между мною и Вашимъ Высокопреосвященствомъ! Не на моей бы старости оказывать Вамъ свою силу и могущество. По полученіи указа изъ Св. Синода у ногъ его Святѣйшества буду просить всесмиреннѣйше защиты... Впрочемъ я всегдашній безпрекословный послушникъ его Святѣйшества.—Самъ же Преосвящ. Иннокентій тоже неизмѣнно питалъ и выражалъ и словомъ и дѣломъ самыя искреннія чувствованія и отношенія къ высокопр. Филарету, что́ мы встрѣчаемъ если не въ прямыхъ письмахъ его къ послѣднему, (за отсутствіемъ у насъ таковыхъ), то въ письмахъ къ племяннику его—бывшему Ректору Кіевской Академіи Архимандриту Антонію.

Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ подлинныхъ выраженій въ этихъ письмахъ преосв. Иннокентія.—«Владыкѣ поклонитесь отъ меня *до ногъ* и просите благословенія». «У Владыки Вашего просите мнѣ отеческаго благословенія и лобызайте за меня его святую́ десницу».—«Владыкѣ—Архистарцу *поклонъ до земли* съ спрашиваніемъ отеческаго его благословенія.»—«Скоро будетъ у насъ большой Именинникъ (т. е. высокопр. Филаретъ); не забудьте привѣтствовать его и отъ меня и поцѣловать за меня святую десницу его. Не пишу къ нему въ подобные дни потому, чтобы не дать ему труда отвѣчать на писанное.»—«О здоровьѣ Владыки вашего я

уже узналъ отъ него самого вѣсть добрую и радуюсь о семъ. Святители, ему подобные, какъ драгоцѣнные *антики*, составляютъ не замѣнимое украшеніе для Церкви Православной.» «Владыкѣ поклонитесь отъ меня *до земли* и просите благословенія. Хотѣлось бы еще повидаться съ нимъ: но какъ и когда?»—Всѣ эти выраженія, кажется, не требуютъ никакихъ объясненій, въ нихъ видно то, чѣмъ остается лишь умиляться, здѣсь все—и чувство глубокаго почитанія и сыновней преданности и утѣшеніе за благоденствіе Архистарца Святителя, и все подобающее чествованіе къ нему, какъ Іерарху, составляющему украшеніе Церкви Православной. И все это не за очно лишь, а съ желаніемъ видѣть лице его и, конечно, не для празднаго свиданія, а для того, чего только желала душа пишущаго, всегда полная высокихъ думъ и возвышенныхъ стремленій... Но какъ это желаніе свиданія не сбылось здѣсь на землѣ,—(письмо было писано отъ 28 Декабря 1856 г., а оба святителя скончались въ слѣдующемъ году—преосв. Инокентій 26 Мая, а высокопр. Филаретъ 21-го Декабря), то, несомнѣнно, души ихъ, *тамъ на земли живыхъ купно во благихъ водворившись*, насыщаются теперь взаимнымъ лицезрѣніемъ, паче же наслаждаясь лицезрѣніемъ Того, Кому послужили здѣсь, яко добли служители Его.—Да умолкнутъ же уста *глаголющихъ суетная*, по своимъ личнымъ и, по немощи общечеловѣческой, лицепріятнымъ сужденіямъ объ отношеніяхъ, будто-бы не добрыхъ, между почившими о Господѣ; да не нарушаютъ покоя ихъ тѣми, или иными толками, и тѣмъ въ самихъ себя и ближнихъ да не возбуждаютъ чувствованій—не мирныхъ... Это будетъ истинною данью почитанія и къ лицу, безъ нужды ими защищаемому, достойнѣйшею его имени и памяти и вожделеннѣйшею для души его!

Въ заключеніе всего нельзя обойти вниманіемъ и той стороны въ чувствахъ и отношеніяхъ преосв. Иннокентія къ высокопр. Филарету, что онъ выражалъ ихъ чрезъ посредство другаго лица. Это одно уже весьма много значитъ. Мы, однако, не о томъ только хотимъ сказать, что преосв. Иннокентій выражалъ этимъ всю неприкровенность своихъ чувствованій и отношеній,—а и то, что онъ вполнѣ пони-

малъ и оцѣнивалъ самыя достоинства лица, котораго дѣлалъ посредникомъ. Въ этомъ разѣ онъ прямо свидѣтельствовалъ, что это лице если поставлено было въ такія ближайшія отношенія къ высокопр. Филарету и занимало такой служебный постъ, то не по личнымъ только и родственнымъ связямъ, какъ думалось многимъ, а по его несомнѣннымъ достоинствамъ. Послѣднія же сколько ясно видѣлъ онъ самъ въ этомъ лицѣ, какъ достойномъ преемникѣ своемъ по управленію Академіей, всегда столь неизмѣнно близкой его сердцу, столько же и потому, что въ самомъ лицѣ высокопр. Филарета онъ всегда сознавалъ и всевозможно цѣнилъ, между прочимъ, именно то́, что послѣдній, какъ Протекторъ Академіи, обладалъ особенною въ высшей степени способностію и тактомъ въ выборѣ лицъ и вообще являлъ себя примѣрнымъ по административной части въ Академіи. Объ этомъ и будетъ наша рѣчь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ГЛАВА VIII.

«Двадцать лѣтъ стоя на высокомъ свѣщникѣ паствы Кіевской, Ты былъ по истинѣ свѣтильникомъ и для высшаго святилища духовнаго просвѣщенія—Академіи какъ въ дѣлѣ научно-воспитательномъ, такъ и во всѣхъ дѣлахъ ея управленія, съ мудрою опытностію избирая для нея достойнѣйшихъ начальниковъ и непосредственно руководствуя ихъ во всѣхъ дѣйствіяхъ» (1). «Плохъ и не надеженъ тотъ улей пчелъ, въ которомъ роятся пчелы, но не выводятся изъ нихъ свои родныя матки» (2)

Что́ мы видѣли въ благопопечительной дѣятельности высокопр. Филарета по учебно-педагогической части, то же напередъ должны засвидѣтельствовать о его мудро-опытной и всегда благотворной дѣятельности, какъ по части внутренняго управленія, собственно касавшагося Академіи, такъ и окружнаго, т е. простиравшагося на всѣ подвѣдомственныя ей семинаріи и училища.

Начнемъ съ выбора и назначенія лицъ служебныхъ въ Академіи.—Скажемъ сначала о Ректорахъ Академіи. За оставленіемъ преосв. Иннокентіемъ должности ректорской, конечно, всего труднѣе было найти достойнаго ему преемника, какъ это всегда бываетъ, когда сходитъ съ какого нибудь поприща особенно замѣчательный дѣятель. Преосв. же Иннокентій былъ, по отзыву самаго высокопр. Филарета, «rector rectorum. Выборъ палъ на Ректора Кіевской Семинаріи Архимандрита Іеремію, (впослѣдствіи епископа Нижегородскаго). Назначеніе это послѣдовало отъ Св. Синода, но

(1) Слова изъ одной надгробной рѣчи.
(2) Собственныя слова высокопр Филарета.

по личному указанію высокопр. Филарета. Это съ одной стороны произошло отъ того, что новоизбранный Ректоръ былъ изъ Баккалавровъ С.-Петербургской Академіи, и какъ тамъ былъ прежде сослуживцемъ преосв. Иннокентію, такъ и здѣсь въ Кіевской Академіи состоялъ при немъ Инспекторомъ и Экстраординарнымъ Профессоромъ въ теченіе почти шести лѣтъ. Слѣдовательно, по самой этой сослужебности, онъ могъ изучить и перенять духъ и образъ дѣйствій своего предшественника, равно, какъ бывши Ректоромъ Семинаріи Кіевской, состоявшей подъ непосредственнымъ начальственнымъ руководствомъ высокопр. Филарета, естественно, могъ пріобрѣсть достойную опытность. Съ другой стороны, если обратимся къ его доистоинствамъ по уму, учености и направленію, а конечно это-то и могло болѣе всего имѣться въ виду всѣми почитателями преосв. Иннокентія,—то и здѣсь вопросъ рѣшается удовлетворительно, и въ нѣкоторомъ отношеніи такъ, какъ нельзя было болѣе желать и требовать. При этомъ нужно знать еще и то́, въ какихъ отношеніяхъ находился о. Архимандритъ Іеремія къ высокопр. Филарету; мы разумѣемъ не оффиціально служебныя только, но внутреннія духовно-общительныя. О послѣднихъ отношеніяхъ самъ о. Архимандритъ Іеремія засвидѣтельствовалъ въ свое время печатно, опредѣливъ значеніе ихъ не иначе, какъ подъ наименованіемъ «*Предуказанія свыше*». Вотъ что́ писалъ онъ, въ ряду прочихъ подобныхъ предуказаній, объ отношеніяхъ собственно къ нему высокопр. Филарета. «Мысль о томъ, куда всегда почти лежитъ путь начальнику и главѣ ученыхъ въ высшемъ заведеніи, для меня была мыслію страшною. Но когда пришло время ей осуществиться, зѣло смятеся душа моя. Чтобы воспрепятствовать исполненію, уже совершившагося, избранія меня въ высшій санъ (Епископскій), я помышлялъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, извѣстнымъ въ священной древности. Но вотъ въ сонномъ видѣніи изволилъ пожаловать ко мнѣ высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ и говоритъ онъ мнѣ: «ну, не отказывайся, не упрямься: бумага о тебѣ уже пошла.—Я пріѣхалъ тебѣ сказать». Въ отвѣтъ на это я надвинулъ свою камилавку, поникнулъ головой и горько заплакалъ.—Точь въ точь сбылось на утро: тотъ же сказанный

пріѣздъ Владыки, та же цѣль, тѣ же слова, то же дѣйствіе» (1)

Ректорство о. Архимандрита Іереміи продолжалось лишь года полтара. Въ 1841 г. 8 Марта Высочайше повелѣно было ему быть Викаріемъ Кіевской Митрополіи, Епископомъ Чигиринскимъ Послѣ него немедленно былъ назначенъ Ректоромъ Академіи Архимандритъ Димитрій (Муретовъ). Онъ былъ изъ воспитанниковъ преосв. Иннокентія, и непосредственно вмѣсто него, не смотря на молодость его и маловременность службы, былъ опредѣленъ главнымъ преподавателемъ Богословскихъ наукъ, съ назначеніемъ ему помощника для облегченія трудовъ. Достоинства его преподаванія не замедлило обозначиться такъ, что онъ былъ возведенъ скоро въ ординарные Профессоры, далеко не въ очередь сравнительно съ старшинствомъ его сослуживцевъ и даже самаго Инспектора Академіи, остававшагося въ званіи экстраординарнаго профессора. Все это предуказывало уже ему право на занятіе и Ректорской должности, не смотря на то, что онъ прослужилъ только пять съ небольшимъ лѣтъ. Что же сказать о всемъ его служеніи ректорскомъ въ продолженіи почти десяти лѣтъ? Больше того, что сказано имъ самимъ въ бытность его на Юбилейномъ празднествѣ Академіи, говорить нѣтъ права и надобности. А онъ вотъ что сказалъ главнымъ образомъ: «Ничего особеннаго не приношу я Академіи въ этотъ замѣчательный ея день, но утѣшаюсь тѣмъ, что *тутъ и моего капля меду есть*. За нашу родную Академію и за всѣхъ прежде почившихъ и живущихъ труженниковъ ея я молюсь и буду молиться не только до гроба, но за гробомъ»'—Рѣчь эта, по выраженію одного изъ представительныхъ участниковъ въ торжествѣ (Графа М. Толстаго), дышала такою дивною глубиною и теплотою чувствъ, что и однихъ приведенныхъ словъ достаточно, чтобы признать все ея глубознаменательное достоинство. Если вся жизнь Академіи такъ характеристически опредѣлена чрезъ сравненіе съ медомъ, и внесшій въ него свою часть

(1) Смотр. Духовную Бесѣду 1866 г. № 43 (Отдѣлъ Литературы) Ст «Предуказанія свыше». Изъ жизни Епископа Іереміи, бывшаго Викарія Кіевскаго.

и вкусившій всю сладость его, не можетъ забыть сей сладости чрезъ столько лѣтъ, и на всю жизнь, и желаетъ перейти съ нею и за гробъ; то возможно ли требовать и желать чего-либо-большаго» (1).

Третьимъ и послѣднимъ Ректоромъ Академіи при жизни высокопр. Филарета былъ о. Архимандритъ Антоній,—(впослѣдствіи Архіепископъ Казанскій). О достоинствахъ этого лица достаточно уже извѣстно изъ прежнаго повѣствованія. Да и самая ученая степень Доктора Богословія давала ему прямое и преимущественное предъ прочими право на званіе Ректора и Профессора Академіи,—тѣмъ болѣе, что, получивши эту степень, онъ прилагалъ, за тѣмъ, труды къ трудамъ по ученой дѣятельности. Наконецъ, тѣ отношенія къ нему самого преосв. Иннокентія, которыя мы видѣли, служатъ яснѣйшимъ свидѣтельствомъ достоинствъ этого лица.

При настоящемъ предметѣ нельзя не остановиться вниманіемъ на томъ, на что, кажется, весьма рѣдко и мало оно обращается, но что, въ сущности дѣла, весьма важно для блага всякаго заведенія. Рѣчь о томъ, что во первыхъ въ *теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ* протекторства высокопр. Филарета было почти что только два Ректора: Архимандритъ Димитрій ректорствовалъ девять лѣтъ, Архимандритъ Антоній восемь лѣтъ. Ректорство же о. Архимандрита Іереміи можно считать за что-то какъ-бы только переходное, по самой кратковременности его служенія. Во вторыхъ оба эти ректоры были изъ питомцовъ той же Кіевской Академіи и изъ служившихъ въ ней, или же въ мѣстной Семинаріи, слѣдовательно во все время, предшествовавшее до ректорства, они находились подъ непосредственнымъ личнымъ руководствомъ самого Протектора. Сколько отсюда прямой и несомнѣннѣйшей пользы для заведенія и ручательства для самого Протектора, а также и всего Высшаго начальства, и, наконецъ, сколько условій благопотребныхъ и полезныхъ для самихъ лицъ, такимъ именно образомъ, поставленныхъ во главѣ управленія? Впрочемъ, не проводя сего порядка въ общій законъ, мы должны сказать, что высокопр.

(1) Смотр. письма изъ Кіева Графа М. Толстаго. Письмо 1-е въ Душополезномъ Чтеніи. Ноябрь 1869 г. отд. II, стр. 53.

Филаретъ строго держался этого порядка, почти, какъ закона. Разсуждая иногда объ этомъ, онъ говаривалъ: «плохъ и не надеженъ тотъ улей, въ которомъ роятся пчелы, но не выводятся изъ нихъ родныя свои матки».

Кромѣ Ректоровъ Академіи такой же порядокъ былъ въ выборѣ и другихъ лицъ служащихъ въ Академіи—инспекторовъ и самыхъ наставниковъ, за самымъ не значительнымъ развѣ исключеніемъ. Выборъ этотъ всегда былъ достойный (1). Случалось, что воспитанникъ весьма достойный, по неимѣнію вакансій въ самую пору окончанія имъ курса, поступалъ въ какую либо Семинарію, но онъ не терялся изъ виду, а при первой возможности былъ опредѣляемъ въ Академію. Въ послѣднемъ разѣ, особенно когда лице служащее находилось въ другомъ округѣ, высокопр. Филаретъ принималъ на себя долгъ личнаго ходатайства предъ Высшимъ начальствомъ. Съ другой стороны кто служилъ въ Академіи, тотъ не иначе могъ быть перемѣщеннымъ куда либо, какъ развѣ съ согласія его же. Такъ дорого цѣнилъ высокопр. Филаретъ достойныхъ дѣятелей—своихъ подчиненныхъ, а въ лицѣ ихъ благо самой Академіи. Для примѣра скажемъ о Профессорѣ по каѳедрѣ Св. писанія о. Михаилѣ (Монастыревѣ). Кончивъ курсъ въ Академіи и тогда же принявъ монашество, онъ былъ сначала опредѣленъ въ Кіевскую Семинарію, за тѣмъ скоро, по распоряженію Св. Синода, былъ назначенъ Инспекторомъ Новгородской Семинаріи; но какъ въ это время открылась вакансія въ Кіевской Академіи по классу Св. Писанія, то высокопр. Филаретъ немедленно вошелъ въ Св. Синодъ съ своимъ ходатайствомъ объ опредѣленіи его въ Академію,—что и исполнилось. Чтобы понять и оцѣнить это ходатайство, довольно сказать, между прочимъ, что о. Михаилъ

(1) Инспекторами Академіи при жизни высокопр. Филарета были трое, (не считая четвертаго весьма на короткое время)—которые впослѣдствіи занимали, а двое и теперь занимаютъ высшія Іерархическія степени первый—*Іоанникій*, бывшій весьма долго Архіепископомъ Варшавскимъ и скончавшійся Архіепископомъ Херсонскимъ; вторый—*Леонтій*—нынѣшній Архіеп. Холмскій и Варшавскій, и третій—*Іоанникій*, нынѣшній высокопреосв. Митрополитъ Московскій.

Монастыревъ, когда представилъ, еще писанное имъ въ студенчествѣ, сочиненіе на степень магистра, и когда прочитано было оно, по существовавшему тогда порядку, высокопр. Митрополитомъ Филаретомъ Московскимъ, то послѣдній прямо указалъ ему, въ своемъ отзывѣ, первое мѣсто между всѣми, кончившими курсъ—магистрами. Сочиненіе же было именно по предмету Св. Писанія: «*толкованіе на посланіе Св. Апостола къ Колоссаемъ*». (1) Понятно, чего можно было ожидать и надѣяться отъ такого дѣятеля науки по каѳедрѣ Св. Писанія, на которую онъ былъ опредѣленъ въ Академіи. Другой примѣръ относительно перемѣщенія лицъ изъ Академіи. Когда бывшій Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іоанникій (покойный архіепископъ Херсонскій), въ 1846 году, былъ назначенъ на должность Ректора въ Ярославскую Семинарію, тогда высокопр. Филаретъ писалъ, между прочимъ, къ Ярославскому Архіепископу Евгенію: «отпуская къ Вамъ Ректора, такъ скорблю, какъ-бы сына лишился; и только тѣмъ утѣшаюсь, что отпускаю къ Архипастырю мнѣ любезнѣйшему». (2)

Не смотря на преимущественную любовь свою къ духовному вѣдомству, высокопр. Филаретъ не стѣснялъ, однако, служащихъ въ переходѣ изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское. Когда открывалась прямая возможность, безъ ущерба для Академіи, къ перемѣщенію кого-либо на другое, соотвѣтствующее достоинству его мѣсто въ Университетѣ, и съ явною пользою для послѣдняго, тогда онъ съ готовностію соглашался на перемѣщенія профессоровъ въ свѣтскія учебныя заведенія. Такъ, въ 1839 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отнесся къ Оберъ-Прокурору Св. Синода графу Протасову о томъ, что Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа представилъ ему объ опредѣленіи Профессоромъ Философіи въ Ришельевскій Лицей Экстра-ординарнаго Профессора Кіевской Академіи Іосифа Михневича, согласно изъявленному имъ на то желанію. Въ слѣдствіе сего, на отношеніе Оберъ-

(1) Смотр. Истор. Кіев. дух. Акад. стран.

(2)—Душеполезное Чтеніе: 1868 г. Декабрь. Отд. 11, стран. 155—156.

Прокурора, высокопр. Филаретъ отвѣчалъ, что такъ какъ къ замѣщенію Михневича по философской каѳедрѣ въ подвѣдомой ему Академіи есть достаточное число весьма способныхъ кандидатовъ изъ наличныхъ наставниковъ и оканчивающихъ курсъ студентовъ, то съ своей стороны онъ не находитъ никакихъ препятствій къ перемѣщенію Михневича (1). Точно такъ-же перемѣстились въ Кіевскій Университетъ Св. Владиміра Профессоры—*Новицкій и Гогоцкій*. Въ подобныхъ случаяхъ высокопр. Филаретъ выражалъ даже особенное удовольствіе, когда возможно было достойными питомцами и наставниками Академіи подѣлиться съ свѣтскими учебными заведеніями. Потому онъ съ готовностію соизволялъ и на временное преподаваніе лекцій нѣкоторыми изъ наставниковъ академическихъ въ Университетѣ; такъ о. *Ѳеофанъ Авсеневъ* преподавалъ тамъ Философію, *Чеховичъ*—Физику и Математику. Вотъ ясное свидѣтельство тому, что и въ прежнія времена существовало живое общеніе и, можно сказать, единеніе между духовными и свѣтскими зеведеніями и самими интересами и успѣхами науки. Замѣчательно только, что первыя послѣднимъ, а не послѣднія первымъ доставляли такую достойную пользу. При подобныхъ перемѣщеніяхъ лицъ высокопр. Филаретъ говаривалъ, однако, съ обычною простотою, а вмѣстѣ и съ христіанскою глубокою сердечностію: «какъ бы только не сбылись въ чемъ-либо надъ ними слова Св. Апостола: «*Они вышли отъ насъ, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы съ нами* и пр.» (1. Іоан. 2, 19). Смыслъ этихъ словъ Св. Апостола понятенъ въ приложеніи къ настоящему предмету. Но эти слова не сбывались, благодаря попечительности Протектора и всему состоянію Академіи и наконецъ тому, что Высокопр. Филаретъ простиралъ свою попечительность и вліяніе и насвѣтскія заведенія, не исключая Университета.

Чѣмъ-же руководился и пользовался высокопр. Филаретъ въ дознаніи и опредѣленіи достоинствъ лицъ при избираніи ихъ на службу? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ слу-

(1) Смотр. Истор. Кіев. Академіи стран. 184.

жатъ именно всѣ отношенія и дѣйствія, которыя сколько сопровождались строгимъ наблюденіемъ высокопр. Филарета, какъ начальника, столько же проникнуты были истинно-отеческою попечительностію и любовію, какъ отца. Въ частности же здѣсь имѣли особенное значеніе какъ курсовыя сочиненія, такъ и тѣ лекціи и опыты упражненій, кои читывались студентами обыкновенно на экзаменахъ. Бывали примѣры, что высокопр. Филаретъ тутъ же прямо предуказывалъ кандидатовъ на ту, или другую каоедру и такъ вѣрно, что и самому начальству въ лицѣ всей Конференціи оставалось лишь слѣдовать этому указанію. Бывали не рѣдкіе примѣры, что въ представляемыхъ ему спискахъ высокопр. Филаретъ дѣлывалъ перемѣны, иныхъ студентовъ повышая, другихъ понижая. Правда въ этомъ нѣкоторые думали видѣть своего-рода произволъ; тѣмъ болѣе, что высокопр. Филаретъ, поставивъ напр. кого-либо изъ студентовъ въ разрядъ магистрантовъ, говаривалъ съ обычнымъ простодушіемъ: «пусть это будетъ мой магистръ». Но при этихъ словахъ и дѣйствіяхъ всега имѣлись у него достаточныя основанія, и *его* магистры оправдали это. Впрочемъ какъ по тогдашнему порядку утвержденіе въ степеняхъ магистерскихъ было не прежде и не иначе, какъ послѣ отзывовъ разныхъ высшихъ лицъ, преимущественно Святителей, и особенно служившихъ прежде въ той, или иной Академіи,—коимъ по распоряженію Самого Св. Синода поручалось чтеніе курсовыхъ сочиненій, и какъ по этимъ отзывамъ нѣкоторые изъ магистрантовъ не были признаваемы достойными степени магистра, а иные на оборотъ получали особенныя похвальныя рекомендаціи (какъ видѣли мы напр. въ отзывѣ высокопр. Митрополита Московскаго Филарета о студентѣ о. Михаилѣ Монастыревѣ); то высокопр. Филаретъ, какъ и всякій Протекторъ, тѣмъ естественнѣе и полноправнѣе могъ опредѣлять достоинство, или не достоинство своихъ питомцевъ на основаніи не только единичныхъ опытовъ курсовыхъ сочиненій, но и всѣхъ другихъ извѣстныхъ ему данныхъ.

Кромѣ избранія и опредѣленія лицъ на службу при Академіи, высокопр. Филаретъ не опускалъ изъ вниманія назначеніе лицъ и въ подвѣдомственныя Семинаріи. Въ этомъ дѣлѣ онъ сколько руководился тѣми же вышеизложенными

данными, столько же старался имѣть предварительныя свѣдѣнія и оттуда, куда слѣдовало назначеніе. Эти свѣдѣнія онъ самъ получалъ конфиденціально отъ мѣстныхъ епархіальныхъ Преосвященныхъ о тѣхъ, или иныхъ нуждахъ Семинаріи, и всегда принималъ во вниманіе съ полнымъ довѣріемъ и тѣ, кои сообщались подобнымъ же образомъ ректорами Академіи. Эти свѣдѣнія самыя точныя и добросовѣстныя онъ старался получать отъ лицъ, посылаемыхъ изъ Академіи на ревизіи. Для этого самыхъ лицъ—ревизоровъ онъ назначалъ съ строгимъ выборомъ, и, кромѣ формально-оффиціальной инструкціи, обыкновенно давалъ отъ себя лично нужныя наставленія и указанія, и требовалъ затѣмъ полнаго отчета. Въ ряду этихъ наставленій первое мѣсто занимало то́, чтобы внимательнѣе наблюсти за духомъ и направленіемъ какъ въ преподаваніи наукъ и во всемъ состояніи заведенія, такъ и за образомъ жизни и дѣйствій начальствующихъ и прочихъ служащихъ и взаимныхъ отношеній ихъ между собою. Особливо поступалъ такъ, когда зналъ о какихъ-либо нестроеніяхъ въ той, или другой Семинаріи. Не рѣдко по этому давалъ конфиденціальныя распоряженія академическому Начальству назначать ревизіи иногда не въ очередь, а также указывалъ, въ случаѣ открывавшихся вакансій, откуда и куда перевесть то, или другое служащее лицо, или же писалъ мѣстному Преосвященному, прося его братски о Господѣ обратить особенное вниманіе на то, или иное лицо, а равно измѣнить бывшія какія-либо личныя неблагопріятныя отношенія и т. п. Однимъ словомъ—если всѣ прежде-бывшія окружныя академическія Правленія имѣли, опредѣленныя Уставомъ, права и дѣйствія въ отношеніи къ семинаріямъ и училищамъ, не по имени только и не были въ родѣ какъ бы передаточной только инстанціи, а оправдывали свое значеніе и вліяніе самымъ дѣломъ,—то Кіевскому окружному академическому Правленію, при сказанномъ личномъ участіи и вліяніи своего Протектора, справедливо приписать такое значеніе въ полной мѣрѣ. Высокопр. Филаретъ въ одномъ лицѣ своемъ могъ имѣть полное право именоваться Попечителемъ округа въ томъ значеніи, въ какомъ существуетъ это званіе въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Самое зва-

ніе его, какъ Члена Св. Синода, и Члена, существовавшей прежде, Коммиссіи духовныхъ Училищъ, имѣло, конечно, здѣсь свое значеніе и вліяніе; равно и личныя его достоинства, а по нимъ всегда искреннія и глубоко-почтительныя отношенія къ нему сослужителей-Святителей тѣхъ Епархій, учебныя заведенія коихъ относились къ Кіевскому академическому Округу, совершенно обусловливали то же. Мало сего: извѣстность, или, можно сказать, слава Кіевской Академіи, а во главѣ ея слава имени Протектора, высокопр. Филарета, простиралась далеко за предѣлы не только Округа, но и нашего отечества, и, притомъ, переходила и въ среду иновѣрныхъ обществъ, привлекая лицъ разныхъ званій и состояній и возрастовъ подъ кровъ сего знаменитѣйшаго издревле Училища.

Свѣдѣнія о сей-часъ - сказанномъ предметѣ будутъ изложенномъ скоро въ своемъ мѣстѣ, и подробно по самой важности ихъ.. Теперь-же докончимъ текущую рѣчь нашу указаніемъ еще на одну, существенно-важную сторону, на которую Высокопр. Филаретъ имѣлъ такъ же прямое свое вліяніе. Это—учено-литературная дѣятельность Академіи.

Авторъ Исторіи Кіевской Академіи замѣчаетъ,—что «литературная дѣятельность Академіи въ настоящую пору (съ 1839 г.) особенно обнаружилась въ «*Воскресномъ Чтеніи*». Ревность сотрудниковъ и, день-ото дня увеличивающаяся, занимательность, помѣщаемыхъ въ немъ, статей была причиною быстраго распространенія сего обще-полезнѣйшаго журнала, такъ что въ концѣ сего академическаго курса имѣлось 2130 подписчиковъ. Не зависимо отъ сего Академія съ радостію видѣла, что достойные служители науки изъ среды ея наставниковъ не утомимо трудятся на благородномъ поприщѣ литературы». Затѣмъ Авторъ исторіи перечисляетъ отдѣльные литературные труды нѣкоторыхъ изъ профессоровъ и другихъ лицъ—питомцевъ Академіи (1). Пора эта, какъ видитъ всякій, падаетъ на первое двухлѣтіе протекторства высокопреосв. Филарета и на время, продолжавшагося еще, ректорства преосв. Иннокентія. А какъ и самая

(1) Тамъ же, стр. 188.

мысль объ изданіи сего журнала съ 1837 г. принадлежитъ, главнымъ образомъ, преосв. Иннокентію, то и честь столь успѣшной дѣятельности должна быть относена преимущественно къ нему. Но, обнаружившаяся съ такою особенностію въ эту пору, успѣшность сего дѣла впослѣдствіи не только не умалялась, но и возрастала. Кто знакомъ съ этимъ журналомъ, тотъ не можетъ не сказать, что, дѣйствительно, первыя два десятилѣтія его отличаются, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, особенною занимательностію и назидательностію. Какое же отношеніе къ сему журналу было со стороны высокопр. Филарета,—видно изъ того, что онъ съ готовностію благословлялъ печатать и свои «Бесѣды толковательныя на Евангеліе», а, главное, строго слѣдилъ за его направленіемъ. Мы знаемъ уже примѣръ, что Бесѣды преосв. Иннокентія о грѣхопаденіи высокопр. Филаретъ не согласился пропустить, дабы тѣмъ не наложить и тѣни на самый журналъ чѣмъ-либо, несоотвѣтствующимъ его духу и назначенію. «Не велемудрость и многоученость, а для всѣхъ доступное изложеніе спасительныхъ истинъ Христовыхъ,—говорилъ онъ,—вотъ что̀ главнымъ и существеннымъ образомъ должно входить въ содержаніе журнала, какъ показываетъ и самое названіе его—«*Воскресное Чтеніе*». Потому-то, когда въ соотвѣтствіе содержанію сего журнала и какъ бы въ видѣ приложенія къ нему, предпринято было въ той же Академіи изданіе въ видѣ Сборника догматическихъ и нравственныхъ разсужденій на всѣ воскресные и праздничные дни,—съ тѣмъ чтобы *доставить простому народу краткія и удобопонятныя наставленія*,—высокопр. Филаретъ писалъ: «Поручаю Именемъ Господнимъ заняться составленіемъ сего Сборника, подъ предсѣдательствомъ о. Ректора Академіи, о. Инспектору Академіи, о. Ректору Семинаріи, протоіерею Скворцову, Профессору Якову Амфитеатрову и, сверхъ того, пастырскимъ словомъ приглашаю и прочихъ наставниковъ Академіи и Семинаріи принять участіе въ семъ Богоугодномъ и весьма-нужномъ и полезномъ для Св. Православной Церкви подвигѣ». «Слово любимѣйшаго Архипастыря,—замѣчаетъ Авторъ исторіи Академіи,—было всегда закономъ для чадъ его дѣлателей въ вертоградѣ духовнаго просвѣщенія. Академія тотчасъ же приступила къ

исполненію Богоугоднаго намѣренія Владыки и въ скоромъ времени представила первый томъ Сборника» (1). Дальнѣйшее-же исполненіе относится уже къ позднѣйшему времени и усовершенствовано въ ректорство о. Архимандрита Антонія, который совмѣстно съ этимъ, по одобренію высокопр. Филарета, приготовлялъ и другой Сборникъ «Поученій»— именно на каждый день. О достоинствѣ этихъ трудовъ свидѣтельствуетъ уже самое дѣло; но приведемъ здѣсь, между прочимъ, свидѣтельство, или, лучше сказать, истинное сочувствіе компетентнаго знатока и цѣнителя этого дѣла— преосв. Иннокентія. Вотъ что́ писалъ онъ къ Ректору Архимандриту Антонію (отъ 11 Января 1857 г.): «Искреннѣйше благодарю васъ, о. Ректоръ, за вашу дружелюбную память о моемъ недостоинствѣ, и прошу быть увѣренными въ моемъ душевномъ сочувствіи ко всѣмъ полезнымъ начинаніямъ и трудамъ вашимъ. Книга «Поученій» несомнѣнно найдетъ себѣ употребленіе и принесетъ плодъ; только позвольте сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній. Зачѣмъ вы печатаете ее шрифтомъ мелкимъ, да еще въ двѣ колонны? Вѣдь это не журналъ какой и не листокъ, а книга для чтенія въ Храмѣ, гдѣ чтецы не очень острозрительны... Желалось бы также, чтобы поученія на праздники избирались похарактернѣе и поодушевленнѣе: иные какъ-то мертвы... Я тотчасъ же велѣлъ выписать втораго тома столько же, сколько выписано перваго... Поученія на каждый день собирайте: это очень полезно, и, мнѣ кажется, въ составъ ихъ можно взять все, что́ есть лучшаго въ давнемъ Синодскомъ сборникѣ на сей же предметъ».

Вообще говоря, въ исторіи Кіевской Академіи, (доведенной впрочемъ только до 1851 г.) встрѣчаются, послѣ многихъ учебныхъ курсовъ за описываемый періодъ, свидѣтельства о подобной литературной дѣятельности Академіи, съ перечисленіемъ разныхъ трудовъ, или помѣщаемыхъ въ журналѣ, или выходившихъ отдѣльными изданіями. Изъ этой же Исторіи видно, что такіе труды и усердіе не оставались безъ должнаго вниманія и достойнаго награжденія и вообще

(1) Тамъ же, стр. 201, 202.

безъ поощренія со стороны главнаго Протектора. Но, не входя въ подробное исчисленіе сихъ трудовъ, мы укажемъ собственно на тѣ, въ которыхъ высокопр. Филаретъ принималъ прямое личное участіе, и которые имѣли особенное значеніе, именно, какъ учебныя и вообще практическія руководства и для учащихся и для пастырей

Часть указываемыхъ трудовъ, особенно капитальныхъ, уже извѣстна читателямъ:—это Догматическое Богословіе Архимандрита Антонія и Гомилетика Я. К. Амфитеатрова. Но оба эти лица, какъ мы замѣтили о первомъ изъ нихъ прежде, не ограничились сказанными только трудами Такъ о. Архимандритъ Антоній, лишь только успѣлъ окончить составленіе Догматическаго Богословія, приступилъ уже къ другимъ столь-же капитальнымъ трудамъ, — составленію двухъ системъ Богословія — Нравственнаго и Пастырскаго. Что-же касается до участія высокопр. Филарета въ этихъ трудахъ и самого достоинства ихъ (хотя они и не были доведены до конца), то во первыхъ самъ высокопр. Филаретъ въ представленіи своемъ въ Св. Синодъ съ испрашиваніемъ благословенія на напечатаніе, прямо писалъ, что рукописи были имъ лично разсмотрѣны и по его указанію исправлены Авторомъ. Во вторыхъ самымъ начинаніемъ сихъ трудовъ Авторъ обязанъ прямому желанію и порученію высокопр. Филарета. Въ этомъ же родѣ явился и еще трудъ о. Архимандрита Антонія, совмѣстно съ Я. К. Амфитеатровымъ,—это «*Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ*». Эти Бесѣды составляютъ очевидное практическое приложеніе къ Догматическому и Нравственному Богословію и Церковной Гомилетикѣ. О достоинствѣ и обще-полезномъ употребленіи этихъ Бесѣдъ, и безъ приведенія многихъ отзывовъ Святителей, достаточно свидѣтельствуетъ уже то́, что ихъ вышло одно за другимъ нѣсколько изданій. Наконецъ, что́ сказать о *Бесѣдахъ* того-же Я. К. Амфитеатрова—«*Объ отношеніи Церкви къ Христіанамъ*». Выпишемъ здѣсь слѣдующія строки, въ которыхъ какъ нельзя болѣе достойно и вѣрно изображены и направленіе Автора, и значеніе самаго произведенія. «Зная по опыту всю важность и благотворность единственно-вѣрнаго и спасительнаго руководства Св. Церкви въ жизни вѣрующихъ, Я. К. положилъ

въ благомъ желаніи и намѣреніи своемъ изобразить ее, какъ любвеобильную Матерь, съ нѣжностію пекущуюся о чадахъ, и научить христіанъ,—какъ въ святыхъ ея уставахъ и учрежденіяхъ обрѣтать наставленіе и утѣшеніе, отраду и всякую благопотребную помощь. Плодомъ этой благочестивой рѣшимости и были «*Бесѣды объ отношеніи Церкви къ Христіанамъ*», помѣщавшіяся сперва въ «Воскресномъ Чтеніи» и потомъ напечатанныя отдѣльно въ 1847 г. Требованія на эту книгу были такъ велики, что въ самое не продолжительное время понадобилось второе изданіе, потомъ третіе, четвертое,—и все это не болѣе, какъ въ восемь лѣтъ. Вся Православная Русь съ восторгомъ встрѣтила это новое произведеніе высокаго творчески-христіанскаго ума. Знаменитые Іерархи нашей Церкви привѣтсвовали Автора благодарностію, испрашивая на него благословеніе Бога Вышняго» (1). Если-же такъ отнеслись всѣ къ сему сочиненію, и многіе Святители призывали Божіе благословеніе на Автора, то что̀ сказать о самомъ высокопр. Филаретѣ въ этомъ отношеніи?! Кому ближе и глубже было чувствовать утѣшеніе при появленіи этого сочиненія, предметъ и содержаніе котораго многимъ-ли, какъ ему, были такъ сродны и сладостны ? Если говорится объ Авторѣ, что онъ зналъ по опыту всю важность и благотворность того, что̀ изобразилъ въ своемъ произведеніи,—то, можно сказать не обинуясь, что этотъ опытъ почерпалъ онъ изъ устъ и изъ подъ руководства самого-же высокопр. Филарета.—Самое сочиненіе это есть данъ и даръ благодарности Автора за всю родственную любовь и, болѣе всего, за то духовно-мудрое руководство, которымъ онъ пользовался, начиная еще со скамьи семинарской, отъ высокопр. Филарета,—какъ читавшіе видѣли это въ письмахъ послѣдняго не разъ и подробно. Судя по предмету и содержанію Бесѣдъ, онѣ, кромѣ общеназидательной цѣли, составляютъ въ своемъ родѣ приложеніе и къ наукѣ—Гомилетикѣ, а потому имѣли употребленіе и въ учебно-классическомъ отношеніи.

---

(1) Смотр. Истор. Кіев. дух. Акад., стр. 260.

Сверхъ указанныхъ произведеній не замедлили являться, время-отъ времени, и другія съ подобнымъ же учебнымъ назначеніемъ. Въ этихъ произведеніяхъ высокопр. Филаретъ, если и не имѣлъ особеннаго участія, какъ въ вышеизложенныхъ, за то, какъ главный Протекторъ, относился къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ, такъ какъ постоянною его мыслію и желаніемъ было, по возможности, облегчить учащихся отъ трудовъ списыванія лекцій, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, привести послѣднія, по возможности, по всѣмъ учебнымъ предметамъ къ единообразію, по крайней мѣрѣ, въ подвѣдомственномъ ему Округѣ. Такимъ образомъ служащими въ Академіи и въ семинаріяхъ Кіевскаго Округа, были составлены и изданы учебники для Семинарій: а) по *Церковному Законовѣдѣнію записки*, соч. Протоіерея *Скворцова*; б) по *Логикѣ*—учителя Кіевской Семинаріи *Гошкевича*; в) по *Литургикѣ*—учителя той же Семинаріи *Смолодовича*, г) по *Гомилетикѣ*—Профессора Кіевской Академіи (нынѣ заслуженнаго Профессора Богословія, въ Кіевскомъ Университетѣ) и Доктора Богословія, Протоіерея Ѳаворова. Значитъ, считая съ прежними—Догматическимъ, Пастырскимъ и Нравственнымъ Богословіями, составлены были въ Кіевѣ учебники по *шести* наукамъ, содержащимъ главные спеціальные предметы семинарскаго образованія. Нужно замѣтить, что, хотя нѣкоторые изъ этихъ учебниковъ и не были введены во всеобщее употребленіе, тѣмъ не менѣе, они всѣ расходились по заведеніямъ, не только Кіевскаго, но и другихъ округовъ. И все это—плоды именно того истинно-педагогическаго духа и характера академическаго образованія, которое, съ самыхъ первыхъ поръ своего протекторства, желалъ особенно усилить высокопр. Филаретъ, когда ходатайствовалъ объ открытіи *особой* даже *каѳедры* въ Академіи *по Педагогикѣ*, и когда, по плану этой науки въ отдѣлѣ *объ академическомъ образованіи*, поставлены были на главномъ видѣ *практическія упражненія учащихся въ составленіи и чтеніи уроковъ въ формѣ учебниковъ* .. Какія изъ другихъ Академій въ описываемое время, и вообще въ минувшій пятидесятилѣтній періодъ, по первомъ преобразованіи всѣхъ Академій, (1809—1819 г.) могутъ похвалиться такими же плодами по части учебной?—Самое имя до-

стойнѣйшаго въ этомъ отношеніи, представителя духовной науки—преосв. Макарія должно быть причислено къ Кіевской же Академіи. Онъ—воспитанникъ самаго перваго курса (1837—41 г.), бывшаго при протекторствѣ высокопр. Филарета, былъ сначала опредѣленъ Баккалавромъ въ этой же Академіи. Да и самый первый опытъ его литературной дѣятельности начался съ сочиненія—Исторіи Кіевской Академіи, которой,—какъ своей Almae matri,—онъ принесъ этимъ *начатки плодовъ* своихъ отъ полученнаго въ ней такого благотворнаго образованія, съ обильнымъ задаткомъ котораго онъ и явился готовымъ для послѣдующихъ громадныхъ трудовъ его на поприщѣ духовной науки.—А сколько другихъ, хотя и не стяжавшихъ громкой извѣстности, но, тѣмъ не менѣе, не безплодно потрудившихся на подобномъ же поприщѣ, лицъ изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи за время протекторства высокопреосв. Филарета? И не они ли почитаютъ для себя особенною честію и счастіемъ, что были питомцами его времени и самое имя его содержатъ въ благоговѣйной памяти, о чемъ свидѣтельствуютъ не малочисленныя, вышедшія и въ печати, воспоминанія? Не безъ основанія замѣчаетъ и Авторъ исторіи Академіи, что «пересчитывая семинаріи, высылавшія въ Кіевъ своихъ воспитанниковъ, нельзя не видѣть, что Академія здѣшняя, курсъ отъ курса, (именно послѣ перваго, называемаго—*Филаретовскаго выпуска*), болѣе и болѣе видѣла въ своихъ аудиторіяхъ питомцевъ изъ заведеній, не входящихъ въ ея учебный Округъ, и даже изъ урожденцевъ глубокаго сѣвера» (1). Значитъ было многое, что̀ влекло и призывало юныхъ питомцевъ въ эти именно аудиторіи и именно во дни протекторства высокопр. Филарета.

Впрочемъ, если не мимо идетъ въ подобныхъ случаяхъ истина, изреченная Господомъ Спасителемъ, что *нѣсть чести пророку въ отечествіи его*, т. е. если имя и заслуга высокопр. Филарета, какъ Протектора Кіевской Академіи, представлялись и, теперь можетъ быть, представляются кому-либо изъ современныхъ цѣнителей науки и образованія не

(1) Стр. 192

въ такихъ достоинствахъ, какъ свидѣтельствуютъ всѣ изложенныя данныя, и если, вообще, у насъ своему отечественному въ разсматриваемомъ отношеніи какъ-то мало дается цѣны, то обратимся къ даннымъ и свидѣтельствамъ чужестранныхъ, о которыхъ мы уже отчасти говорили выше.

ГЛАВА IX.

«Благодаря истинно зиждительнымъ началамъ, положеннымъ въ основаніе духовнаго просвѣщенія, Академія Кіевская въ настоящее время, по преимуществу, явилась благодатнымъ пріютомъ для сосѣдственныхъ сопленменныхъ и единовѣрныхъ намъ народовъ, жаждующихъ Православнаго ученія» (1).

«Такъ, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, въ Твоей паствѣ и во Твоей Академіи изучилъ я обширную науку Вѣры православной, И все, что могъ познать и могъ видѣть,—все понесу въ мою любезную родину и все постараюсь обратить въ животворное назиданіе себѣ и моимъ соотечественникамъ» (2)

Извѣстность Кіевской духовной Академіи, а во главѣ ея—имени высокопр. Филарета, не ограничивалась предѣлами нашего отечества, а простиралась далѣе, и не по слуху только, а самымъ дѣломъ привлекала питомцевъ такъ, что иными оставлялись и Парижскіе и Германскіе университеты; а другіе, съ поступленіемъ въ Академію, оставляли и иновѣріе, присоединяясь къ Православію. А что́ главнѣе,—принимая къ себѣ этихъ питомцевъ, Академія и отпускала ихъ съ такими высокими достоинствами, представителями коихъ служатъ напр. теперешніе главные Іерархи двухъ единовѣрныхъ церквей—Сербской и Молдавской.

---

(1) Смотр. въ Исторіи Кіевской дух. Академіи.

(2) Слова изъ рѣчи, произнесенной на публичномъ экзаменѣ, къ высокопр. Филарету питомцемъ Кіевской Академіи, урожденцемъ Молдавіи, Василіемъ Попе́ску-Скрибанъ (впослѣдствіи Филаретъ—Митрополитъ Молдавіи).

Молдавія выслала первая и почти въ самомъ началѣ протекторства высокопр. Филарета (въ 1840 г) одного изъ своихъ лучшихъ воспитанниковъ Ясской Семинаріи. Мы указываемъ здѣсь на имя высокопр. Филарета собственно потому, что главнымъ побужденіемъ и основаніемъ къ сему дѣлу послужило для тогдашняго Митрополита Молдавіи—Веніамина именно извѣстность ему высокопр Филарета, и, въ частности, какъ знаменитаго Протектора Академіи. Достойный вполнѣ историческаго значенія, документъ должна составлять самая переписка, по этому предмету, между двумя маститыми Первосвятителями Православной Церкви. Переписка ведена была ими на латинскомъ языкѣ; но, для доступности къ общему пониманію, содержаніе сихъ писемъ изложимъ въ переводѣ на Русскомъ языкѣ.

Высокопр. Веніаминъ, Митрополитъ Молдавскій писалъ. —«Свѣдавъ, что Богословскія науки процвѣтаютъ подъ архипастырскимъ надзоромъ Вашего Высокопреосвященства и предлагаются на основаніи и на ученіи нашихъ святѣйшихъ догматовъ, мы, при посредствѣ Императорскаго Россійскаго Консульства, были обнадежены, что молодой человѣкъ, кандидатъ Богословія, окончившій курсъ философскихъ наукъ дворянинъ (nobilis), Василій Попéску-Скрибанъ будетъ принятъ въ оную Кіевскую духов. Академію, съ цѣлію образовать себя въ наукахъ богословскихъ съ тѣмъ, чтобы со временемъ преподавать оныя въ здѣшней Семинаріи, основанной для лучшаго воспитанія духовенства (clericorum).—Сердечно радуемся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ надѣемся, что благодѣяніе, которое чрезъ Кіевское свято-освященное училище пойдетъ и въ наше отечество, будетъ продолженіемъ того же содѣйствія, которымъ пользовалась наша страна еще въ XVII вѣкѣ, когда выкокопр. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила, нашъ ученѣйшій соотечественникъ, присылалъ сюда изъ Кіева наставниковъ, какъ отличныхъ своею ученостію, такъ и нравственостію, которые исполненіемъ своей обязанности много способствовали воспитанію и образованію нашего юношества. Полагаясь на Архипастырскую заботливость и вниманіе, съ кортоыми Ваше Высокопреосвященство относитесь къ увеличенію успѣховъ въ наукахъ, устрояющихъ спасеніе Вашей христіанской паствы, усерднѣйше и всепокорнѣйше

просимъ Ваше Высокопреосвященство, съ свойственнымъ Вамъ благоволеніемъ, принять вышесказаннаго молодаго человѣка подъ личную свою протекцію и опредѣлить его на соотвѣтственное по познаніямъ мѣсто и не лишить его своихъ попеченій и расположенности. За что кромѣ чувства нашей глубочайшей благодарности будемъ всегда прославлять имя и престолъ Вашего Высокопреосвященства, благоговѣйно сохраняя оные въ нашей памяти; а паче не престанемъ молить Всемогущаго Бога, да пошлетъ Онъ Вамъ свыше, ради славы и спасенія паствы, ввѣренной Вамъ Духомъ Святымъ, жизнь долгую, безмятежную, счастливую »

На это письмо высокопр. Филаретъ отвѣчалъ (тоже на латинскомъ языкѣ): — «Высокопреосвященный Митрополитъ, высокопочтеннѣйшій братъ во Христѣ Спасителѣ нашемъ! Письмо Ваше съ великимъ удовольствіемъ и особеннымъ почтеніемъ я получилъ и прочиталъ оное, свидѣтельствуя Вамъ мою душевную благодарность за таковыя и толикія доказательства Вашего дружелюбія, коимъ Вы меня почтили. Препровожденный Вами въ Кіевъ, для прочнаго образованія въ нашей духовной Академіи, Василій Попéску—Скрибанъ, прибылъ въ нашъ городъ и вслѣдствіе Указа Всероссійскаго Синода, причисленъ къ студентамъ Богословія, вмѣстѣ съ тѣмъ для постояннаго жительства помѣщенъ въ въ академическомъ домѣ на полномъ казенномъ содержаніи. Съ своей стороны я обласкалъ молодаго человѣка и надѣюсь, что если онъ употребитъ особенное стараніе, то принесетъ обильные и пріятные плоды, которыми уже пользуются пастыри нашей Церкви, во славу Тріединаго Бога, дабы такимъ образомъ удовлетворить и желанію Вашей Святыни и послужить со временемъ, при помощи Божіей, и воспитанію Вашего юношества. *Профессоры Академіи*, которой я Протекторомъ, *по моему точному и вѣрному убѣжденію, весьма способны къ образованію умственной и нравственной стороны питомцевъ*. Желаю Вамъ всѣхъ благъ, а наипаче тѣхъ, которыя служатъ ко спасенію души, и да исполнится желаніе Ваше въ томъ предметѣ, о которомъ мы сей часъ вели рѣчь».

Что́ сказать объ этой перепискѣ двухъ маститыхъ Первосвятителей? Чѣмъ оправдались желаніе и просьба од-

ного, и обѣщаніе и исполненіе со стороны другаго? Отвѣтомъ на это служитъ то́, съ чѣмъ вышелъ изъ Академіи и кѣмъ сталъ впослѣдствіи самый воспитанникъ. Во 1-хъ, онъ кончилъ курсъ со степенью магистра. Во 2-хъ, вотъ что́ говорилъ онъ самъ въ рѣчи своей на окончательномъ экзаменѣ при выходѣ изъ Кіевской Академіи предъ лицемъ Протектора и всѣхъ присутствующихъ·

«Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отсюда и языкъ у насъ иной. Но здѣсь, въ этой колыбели—Вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ Монархіи, я принятъ, какъ свой, и можетъ быть болѣе, чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь подъ Твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ, меня окружающихъ,—и эти два года почитаю лучшими въ моей жизни. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію къ сему Святилищу науки и особенно Твоимъ, Милостивѣйшій Архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви? Мои товарищи по наукѣ, братья по вѣрѣ, други по душѣ и юношеской пріязни, оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ: «вы свои, вы имѣете право на благодѣянія, на благодарности; предоставьте же мнѣ—страннику послѣднюю минуту и послѣднее слово благодаренія для изліянія чувствій души глубокопризнательной. Они предоставили, и я почитию себя вполнѣ счастливымъ, что могу изречь предъ Тобою, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, тѣ чувствованія, съ которыми оставляю сіе, незабвенное для меня, мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной мудрости христіанской и православнаго ученія Вѣры, которыхъ не находилъ нигдѣ. Если возвращусь на мою родину, и мое отечество спроситъ меня: позналъ-ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское? Я скажу ему: не только познавалъ, но и видѣлъ ихъ,—и укажу на Тебя, Іерархъ благочестивый. Если сосѣдній мосму отечеству гордый, мусульманинъ спросить у меня:—чѣмъ твоя вѣра лучше другихъ? я скажу ему: христіанскою безкорыстною любовію,—и укажу на Тебя, Іерархъ Христолюбивый, на великодушіе и гостепріимство великаго народа Русскаго, воспитаннаго въ Вѣрѣ Православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышня-

го Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ со мною въ состязаніе, я скажу ему: можетъ—быть вы и много знаете, но вы не видали Православной Церкви, въ древней чистотѣ ея и благолѣпіи, а я между вами не видалъ особъ Православныхъ.. Такъ, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, въ твоей паствѣ и въ Твоей Академіи изучалъ я обширную науку вѣры Православной; здѣсь видѣлъ чинъ и устройство истинной Церкви Христовой; видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красотѣ и чистотѣ древней; при твоемъ священно-служеніи молился въ древнѣйшихъ храмахъ Руси Православной, и все, что́ могъ познать, могъ видѣть,—все понесу въ мою любезную родину и все постараюсь обратить въ животворное назиданіе себѣ и моимъ соотечественникамъ. Это мой святой обѣтъ, и кромѣ исполненія сего обѣта мнѣ не чѣмъ возблагодарить Тебя, Милостивѣйшій Архипастырь.— И у меня есть Владыка, старецъ благоговѣйный и маститый: о какъ будетъ радоваться духъ его, когда я приду къ нему и принесу ему Твою любовь и Твое христіанское лобзаніе! Какъ вожделенно будетъ и для моего отечества, когда принесу плоды христіанскаго просвѣщенія изъ того самого вертограда, который насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, столь—извѣстный своею ревностію по вѣрѣ Православной. Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ! освяти мой обѣтъ и мои желанія Твоимъ святительскимъ благословеніемъ»!

Авторъ Исторіи Академіи замѣчаетъ объ этой рѣчи: «не лесть, не вымыселъ, а чистая правда двигала сердцемъ и водила языкомъ говорившаго. И кто слышалъ эту рѣчь, тотъ не забудетъ и того впечатлѣнія, какое произвела она на его душу».—Да и теперь—скажемъ и мы,—при чтеніи сей рѣчи, кто можетъ быть чуждъ того-же впечатлѣнія, равно какъ и полнаго признанія истинности и искренности чувствъ говорившаго. Послѣднее тѣмъ несомнѣннѣе, что сказанное въ рѣчи оправдалось гораздо больше, нежели какъ полагалъ говорившій рѣчь предъ лицемъ Протектора своего, когда просилъ его освятить желанія и обѣты свои святительскимъ благословеніемъ.—Возвратившись на родину, питомецъ христіанской науки вскорѣ возжелалъ посвятить себя той-же наукѣ въ высшемъ духовно-подвижническомъ значеніи, при чемъ въ не изгладимую память и знакъ благо-

дарности принялъ и самое имя того, въ лицѣ коего онъ видѣлъ и почерпалъ живые уроки и мудрости и благочестія. Онъ принялъ монашество съ именемъ *Филарета*. А наконецъ давно-уже онъ и самъ достигъ высше-іерархической степени—сана Митрополита. Въ этомъ же званіи своемъ, понятно, на сколько онъ въ состояніи возвысить и усугубить все то́, что́ вынесъ отсюда и обѣщалъ обратить тамъ во благо своего отечества. Не отсюда-ли, между прочимъ, плоды того, болѣе и болѣе проявляющагося, живаго братскаго единенія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ племенъ Славянскихъ съ нами, и нашего съ ними? .

Впрочемъ, если въ лицѣ Первосвятителя Молдавскаго *Филарета* мы не можемъ указать на это прямыхъ непосредственныхъ данныхъ, — то кто не знастъ и другаго подобнаго первосвятителя — *Михаила Митрополита Сербскаго*. Онъ и въ прежнее свое путешествіе по Россіи произвелъ своимъ появленіемъ живое впечатлѣніе, и встрѣтилъ всюду и отъ всѣхъ сочувствіе а въ послѣдніе годы своего страдальчества едва-ли еще не болѣе.—А онъ тоже —питомецъ той-же Кіевской Академіи и именно во дни же протекторства высокоп. Филарета, отъ котораго пользовался тѣмъ-же, чѣмъ и первый, а отъ мѣста своего воспитанія, онъ воспріялъ еще болѣе залоговъ, чѣмъ первосвятитель Молдавскій. Онъ принялъ и самое монашество здѣсь-же, во время воспитанія, отъ руки своего непосредственнаго начальника и наставника (бывшаго тогда ректора Академіи, Архимандрита Антонія). Принятіе-же имъ монашества знаменательно особенно и по нареченію его именемъ *Михаила*,— перваго Митрополита на Русской землѣ и по мѣсту. Постриженіе его было совершено въ Великой Церкви Кіево-Печерской Лавры (гдѣ почиваютъ и св. мощи Святителя Михаила). А какъ всѣ постриженники сей Лавры навсегда вносятся въ синодикъ, какъ духовныя дѣти ея, и числятся навсегда принадлежащими къ братіи ея,—значитъ, высокопр. *Михаилъ* вступилъ въ сугубое родство съ Православною Россіей—и какъ воспитанникъ древнѣйшаго ея вертограда наукъ, и какъ постриженникъ древнѣйшей Святой Обители.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратимся къ самымъ основаніямъ и побужденіямъ, по коимъ состоялось первоначальное

распоряженіе Сербскаго Правительства, чтобы посылать молодыхъ людей для высшаго образованія въ Россію, мы невольно встрѣчаемся съ вопросомъ:—отчего мѣсто для сего образованія избрано не въ свѣтскихъ высшихъ заведеніяхъ, напр. университетахъ, хотя-бы-то въ Кіевскомъ, а именно въ духовныхъ академіяхъ? Имѣлась-ли здѣсь въ виду спеціальность образованія собственно богословскаго и вообще духовнаго? Но этого не видно, до сего времени изъ Сербіи молодые люди отправлялись для высшаго образованія въ заграничные университеты европейскіе. Вотъ какъ гласитъ объ этомъ подлинный документъ.—«25 Февраля 1850 г., въ собраніи членовъ Кіевскаго академическаго окружнаго Правленія было докладываемо, между прочимъ, что Управляющій генеральнымъ Консульствомъ нашимъ въ Сербіи, Генералъ-Маіоръ Левшинъ донесъ Государственному Канцлеру, что тамошнее Правительство, постоянно содержавшее нѣсколько молодыхъ Сербовъ въ университетахъ парижскихъ и германскихъ, прекратило нынѣ отправленіе ихъ туда, *дабы Сербское юношество не заражалось господствующими въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ идеями*, и что Князь Карагеоргіевичъ приказалъ впредь посылать молодыхъ Сербовъ, для высшаго образованія, въ одну только Россію» (1). Значитъ, Правительство Сербское, заботясь о доставленіи своему юношеству высшаго образованія, въ то же время строго отличало истинное образованіе отъ всякого другаго, когда предпочло славной ученостію Европѣ, скромную въ этомъ отношеніи, Россію, и въ сей послѣдней избрало духовную Академію. Почему выборъ палъ на Кіевскую Академію? Это съ одной стороны, положимъ, зависѣло отъ ближайшей сопредѣльности мѣста и отъ климатическихъ условій; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не указать здѣсь на свидѣтельство Автора Исторіи Кіевской Академіи по поводу собственно этого предмета. Онъ говоритъ: «*благодаря истинно-зиждительнымъ началамъ*, положеннымъ въ основаніе духовнаго просвѣщенія, Академія Кіевская въ *настоящее время по преимуществу* явилась благодатнымъ пріютомъ для со-

(1) Смотр. Истор. Кіев. Академіи, стран. 269.

сѣдственныхъ и соплеменныхъ народовъ, жаждущихъ Православнаго ученія» (1) Дѣйствительно, хотя подобные питомцы бывали и въ другихъ академіяхъ, но преимущество оставалось за Академіей Кіевской, и особливо, какъ указываетъ Авторъ, въ настоящее время, т. е во дни протекторства высокопр. Филарета. Къ самому послѣднему времени его жизни (1856—1857 г.) явилось особенно значительное число ихъ и тутъ находились не только юноши, но и священники и іеромонахи и одинъ даже съ званіемъ Протосинкелла; причемъ Академическое Начальство, не стѣсняя и не оскорбляя ихъ любознательности, нашло полезнымъ многихъ изъ нихъ предварительно помѣщать въ мѣстную Семинарію для лучшей подготовки къ вышему академическому образованію. Такое усиленное движеніе, само собою, становится понятнымъ, когда въ эту пору самъ, достойнѣйшій первенецъ изъ питомцевъ Кіевской Академіи, *преосв. Михаилъ*, стоялъ уже во главѣ іерархическаго управленія—былъ Митрополитомъ Сербіи. Кромѣ авторитета и власти его, одинъ примѣръ и образецъ въ лицѣ его должны были служить для всѣхъ въ его отечествѣ свидѣтельствомъ въ пользу, воспитавшей его, Русской духовной Академіи Кіевской. Личныя-же достойнства его-самого, Первосвятителя Сербіи, вся Россія теперь знаетъ.

Наконецъ, кромѣ питомцевъ Молдавіи и Сербіи, Кіевская Академія имѣла питомцевъ и изъ Болгаріи. Послѣдніе поступали въ нее въ разныя времена и по разнымъ назначеніямъ своего начальства, и въ числѣ ихъ были тоже-какъ юноши, такъ и лица другихъ состояній, какъ напр., въ послѣднее время жизни высокопр. Филарета, Архидіаконъ и бывшій начальникъ одного изъ училищъ своего отечества, извѣстный тамъ даже по своему авторству. Не имѣя данныхъ, чтобы входить въ подробности относительно этихъ лицъ, мы должны сказать только одно, что какъ при первомъ выпускѣ (въ 1841 г.) воспитанниковъ *Филаретовскихъ* говорилъ рѣчь одинъ изъ чужеземцевъ — уроженецъ Молдавіи Попѣску - Скрибанъ,—такъ и при послѣднемъ (въ 1857 г.)

(1) Тамъ же.

выпалъ, между прочимъ, жребій на чужеземца-же воспитанника изъ Болгаръ—*Стоянова*. Къ сожалѣнію мы не можемъ привести въ подлинномъ текстѣ сей послѣдней рѣчи, но, бывъ лично слушателями ея и очевидцами произведеннаго ею впечатлѣнія на всѣхъ присутствовавшихъ, мы, кажется, сказали-бы мало, если бы сравнили и содержаніе рѣчи и силу впечатлѣнія съ тѣмъ, что́ сказано о рѣчи воспитанника Попе́ску-Скрибана. Говоря буквально, катившіяся изъ очей всѣхъ слезы, начиная съ самого высокопр. Филарета, могли быть только достойною оцѣнкою всего сказаннаго въ этой рѣчи. Чтобы повѣрить этому, нужно знать, что во 1-хъ, самъ высокопр. Филаретъ только-что предъ этою рѣчью, выразивъ всю свою радость и удовольствіе за успѣхи воспитанниковъ, какъ провидѣцъ сказалъ, что онъ видитъ и слышитъ все это *въ послѣдній разъ*... что́ и сбылось. Во 2-хъ,—говорившій рѣчь такъ задушевно и мѣтко выразился о состояніи своей родины и Церкви именно въ эту пору, т. е. послѣ только-что утихнувшаго Восточнаго вопроса, разрѣшившагося, между прочимъ, въ предѣлахъ Болгарскихъ и оставившаго по себѣ извѣстные слѣды... Въ частности-же онъ такъ живо изобразилъ свое собственное положеніе на мѣстѣ будущаго своего служенія на родинѣ, —служеніе тѣмъ болѣе трудное, что не только, говорилъ онъ,—изувѣрные властители—поклонники Магомета будутъ смотрѣть на него съ сугубою непріязнію, но и изъ самыхъ соотчичей, можетъ быть, иные отнесутся тоже съ недовѣріемъ къ нему, и, по этому одному, не захотятъ оцѣнить какъ до́лжно, тѣ плоды образованія, какіе принесетъ онъ, а съ ними и себя готовъ принести въ жертву ради блага отечества и Церкви. Когда выразилъ все это въ рѣчи своей г. Стоя́новъ, то видимо было, какъ онъ отъ полноты чувствъ какъ-бы рвался въ объятія и бросался къ стопамъ Маститаго Первосвятителя, прося и моля его, чтобы не только напутствовалъ его, но самъ, какъ ангелъ, невидимо сопутствовалъ ему во всемъ его будущемъ, руководя и одушевляя тѣмъ-же духомъ и силою любви къ Вѣрѣ, Церкви, какими постоянно напаявалась душа его отъ такого обильнаго источника, истекавшаго изъ самаго воспитанія и живоструившагося изъ отеческой любви и благочестія того, къ

кому была обращена его рѣчь... Съ едва сдерживаемымъ рыданіемъ, заливаясь слезами, говорившій рѣчь вмѣсто заключенія ея словами, палъ къ стопамъ Святителя-Отца, а сей послѣдній при восклоненіи его обнялъ и облобызалъ въ главу, сказавъ, что, если обрящетъ милость и дерзновеніе у Господа, то молитва его не престанетъ и тамъ о благѣ единовѣрной Христовой Церкви—Болгарской.

Сей-часъ сказанный питомецъ,—Стояновъ началъ образованіе свое съ Семинаріи Кіевской и окончилъ курсъ въ Академіи со степенью магистра. На родинѣ, сколько извѣстно онъ не замедлилъ оправдать достоинство своего образованія такъ, что скоро почтенъ былъ званіемъ *Θеолога*, что̀ равняется, по тамошнему, нашей степени Доктора-Богословія. Имя его также извѣстно и въ туземной литературѣ, какъ поборника Православной Вѣры и Церкви противъ пропагандистическихъ стремленій Запада. Да и могло-ли быть иначе, благодаря,—скажемъ опять словами Автора Исторіи,—тѣмъ истинно-зиждительнымъ началамъ, какія положены въ основаніе духовнаго просвѣщенія, и такъ глубоко и дѣйственно проводились и въ науку, и въ преподаваніе и въ жизнь питомцевъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, сопровождались повсюду живыми примѣрами и столь-благотворнымъ вліяніемъ, начиная съ перваго Протектора Академіи.—Въ самомъ дѣлѣ, кто не видитъ, что въ изложенныхъ свѣдѣніяхъ всюду встрѣчается на первомъ планѣ имя высокопр. Филарета. Не къ нему-ли всецѣло обращены и торжественно выражены истинно-умиляющія чувства самихъ питомцемъ—чужеземцевъ, какія рѣдко можно встрѣтить и въ своихъ... И чѣмъ объяснить все это? – Тѣмъ, что какъ не лесть, или что-либо подобное было въ сердцѣ и устахъ питомцевъ, выражавшихъ такія свои чувствованія, такъ и въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ нимъ высокопр. Филарета нельзя допустить и тѣни чего-нибудь, похожаго на снисхожденіе и поблажку. Напротивъ, высокопр. Филаретъ не снисходилъ даже и къ тоту, что̀ обусловливалось въ состояніи иноземныхъ питомцевъ мѣстными ихъ обычаями.—Такъ укажемъ напр. на слѣдующіе факты. Оказывалось, между прочимъ, что, находившіяся въ числѣ воспитанниковъ, лица въ духовномъ санѣ,—священники и іеромонахи иногда не очень-то ревностны бывали къ посѣ-

щенію Богослуженія, а также къ участію и въ самомъ священно-служеніи. Высокоп. Филаретъ не оставлялъ этого безъ вниманія и настоянія, чрезъ кого слѣдуетъ, объ исполненіи сего святаго долга. Иные проводили было такія мысли, что участвовать въ соборномъ служеніи можно и безъ приготовленія къ пріобщенію св. Таинъ, кромѣ главнаго священнодѣйствующаго лица; но при высокопр. Филаретѣ этого и быть не могло. Еще—нѣкоторые изъ монашествующихъ помышляли-было пользоваться своимъ мѣстнымъ обычаемъ употреблять мясную пищу. Но само академическое Начальство не смѣло и помыслить о допущеніи этого, такъ какъ и для больныхъ даже воспитанниковъ трудно было разрѣшить употребленіе въ посты пищи скоромной по строгости въ этомъ отношеніи высокопр. Филарета (1).

Казалось-бы подобный образъ дѣйствованія, какъ строгій и отчасти стѣснительный въ отношеніи къ обычаямъ и самой совѣсти питомцевъ, могъ дѣйствовать не выгодно на расположеніе ихъ къ самому мѣсту воспитанія; но выходило напротивъ. Не только единовѣрные воспитанники отнюдь не стѣснялись такими дѣйствіями, но и тѣ, кои поступали изъ среды иновѣрныхъ. Эта строгость въ отношеніи точнаго соблюденія правилъ и положеній св. Церкви скорѣе служила особеннымъ основаніемъ и побужденіемъ какъ для самыхъ Правительствъ—присылать молодыхъ людей въ Кіевскую Академію, такъ и для нѣкоторыхъ частныхъ лицъ,—добровольно поступать въ нее съ оставленіемъ даже прежняго своего вѣроисповѣданія.—Обратимся къ этимъ послѣднимъ.

Въ Исторіи Академіи читаемъ, что «дѣйствуя всегда въ духѣ любви христіанской и чуждаясь фанатической вражды противъ бывшихъ нѣкогда враговъ своихъ, Академія Кіевская съ готовностію простерла открытыя объятія свои и тѣмъ, которые, удалясь изъ подъ материнской сѣни Православной Церкви, все еще оставались ея дѣтьми, хотя и отшедшими на сторону далече. Такъ въ 1839 г., Октября 2, г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода писалъ къ высокопр. Филарету, что «Предсѣдательствующій въ Правительственной

(1) Подробности объ этомъ изложены въ Біографіи высокопр. Антонія.

Коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія царства Польскаго, Генералъ-Адьютантъ Шиповъ, относился къ нему (Оберъ-Прокурору) о предположеніи своемъ, согласно съ волею Намѣстника Царства Польскаго, отправлять чрезъ каждые два года двухъ воспитанниковъ изъ края въ Кіевскую духовную Академію для окончанія въ ней курса Богословскихъ наукъ». По воспослѣдовавшемъ на это согласіи г. Оберъ-Прокурора, тотъ-же Генералъ-Адьютантъ Шиповъ отнесся къ преосвященному Шумборскому, Холмскому учено-унитскому епископу, объ избраніи двухъ воспитанниковъ изъ тамошней Холмской семинаріи для немедленнаго отправленія въ Кіевъ. (1) Если избрана мѣстомъ образованія для Греко-унитскихъ воспитанниковъ Кіевская Академія, то здѣсь опять имѣлось особенно въ виду самое лицо высокопр. Филарета, какъ сдѣлавшагося уже извѣстнымъ въ средѣ даже самого Греко-унитскаго духовенства.—Это и не замедлилось оправдаться въ примѣрахъ частныхъ—лицъ духовныхъ.

Такъ въ томъ-же—1839 году (10 Ноября), викарій Бугскаго прихода, священникъ—*Эдмундъ Гонтковскій*, лично явившись къ высокопр. Филарету и предъявивъ ему свои документы, просилъ его о присоединеніи къ Церкви Православной и о включеніи въ число воспитанниковъ Академіи для изученія Русскаго языка и догматовъ Православной Вѣры. Тогда же, по предложенію высокопр. Филарета, онъ и былъ допущенъ къ слушанію Богословскихъ уроковъ. Такъ же точно въ слѣдующемъ—1840 г. (13 Іюня)—поступилъ въ Академію *ксендзъ* реформатскаго ордена *Николай Трембицкій*, изъявившій также желаніе присоединиться къ Православной Церкви и принять даже монашество (2). Какими внутренними побужденіями водились эти лица въ настоящемъ дѣлѣ, не намъ опредѣлять, но за искренность ихъ ручается уже то́, что они обращеніе свое въ нѣдра Православной Церкви соединили съ предварительнымъ образованіемъ себя въ Православномъ учебномъ заведеніи. Примѣръ замѣчательный и достойный служить руководствомъ при дру-

(1) Смотр. Истор. Кіев. Акад., стран. 192, 193.
(2) Тамъ же, стр. 193.

гихъ подобныхъ фактахъ. Сколько здѣсь условій самыхъ раціональныхъ и для самыхъ лицъ обращающихся, и для пользы будущаго ихъ служенія на соотвѣтственномъ ихъ званію поприщѣ. Кромѣ научнаго образованія здѣсь много значитъ и время и образъ жизни въ Академіи, въ значеніи своего-рода *искуса*. Въ глазахъ даже тѣхъ, изъ среды коихъ выходятъ переходящіе въ Православіе, подобный образъ и порядокъ дѣйствій много говоритъ въ пользу послѣднихъ. Здѣсь очевидно проявленіе силы и искренность убѣжденія, тогда какъ въ случаѣ поспѣшности обращеній остается мысль о какомъ-то увлеченіи, или даже прямыхъ видахъ и расчетахъ, какъ со стороны ихъ, такъ и со стороны принимающихъ... И нѣтъ сомнѣнія, что если выше-сказанныя лица поступили такъ, а не иначе, то таково было воззрѣніе на дѣло и истинное сочувствіе къ нимъ со стороны того, къ кому они обращались съ своими заявленіями. Доказательство на это мы знаемъ лично въ другомъ примѣрѣ изъ устъ самого поступившаго такимъ образомъ. Этотъ человѣкъ былъ римско-католическаго исповѣданія, кончилъ курсъ въ Кіевскомъ Университетѣ, имѣлъ уже степень магистра-Философіи и состоялъ значительное время на должности начальника одного заведенія. И, вотъ, онъ возъимѣлъ желаніе принять Православіе и даже монашество; и когда, познакомившись сначала съ о. Ректоромъ Академіи, Архимандритомъ Антоніемъ, чрезъ посредство послѣдняго, открылъ желаніе свое предъ высокопр. Филаретомъ,—то получилъ отъ него прямой благожелательный совѣтъ поступить—такъ: «вмѣстѣ съ принятіемъ Православія выслушать и курсъ Богословскихъ наукъ въ Академіи,—и затѣмъ поступить въ монашество». Причемъ, какъ самъ желавшій присоединенія стѣснялся поступить въ Кіевскую Академію собственно потому, что тутъ и прежнее мѣсто его воспитанія, и ближнее мѣсто его родины,— такъ и руководившій его выкокопр. Филаретъ вполнѣ согласился съ этимъ, и указалъ ему на Московскую Академію. Въ послѣдней, бывъ принятъ прямо въ бывшее Богословское отдѣленіе, онъ кончилъ курсъ со степенью Магистра; принялъ монашество съ именемъ Епифанія, опредѣленъ былъ Инспекторомъ Виѳанской Семинаріи, затѣмъ Инспекторомъ С.-Петербургской Академіи; а нако-

нець, по особенному его личному призванію, былъ назначенъ въ начальники Миссіи въ Сибири, гдѣ и скончался.— Вообще Кіевская Академія, хотя и всегда, какъ и всѣ прочія духовныя академіи, по самому уставу, была открыта для всѣхъ желавшихъ поступить въ нее, но за время протекторства высокопреосв. Филарета—по преимуществу. Перелистывая списки студентовъ съ обозначеніемъ,—кто откуда и изъ какого званія поступилъ, встрѣчаемъ между ними переходившихъ и изъ университетовъ, и при томъ такого напр., каковъ Дерптскій. Явленіе—одно изъ рѣдкихъ и утѣшительныхъ, когда извѣстно наоборотъ, что изъ духовныхъ академій бывали не рѣдкіе примѣры перехода въ университеты. Указываемъ на послѣднее явленіе не въ томъ смыслѣ, чтобы переходъ духовныхъ воспитанниковъ въ университеты—почитать дѣломъ прямо не одобрительнымъ, но разумѣемъ тѣ грустные опыты, когда подобные переходы совершаются вслѣдствіе недовольства и нерасположенія, вызванныхъ тѣми, или иными обстоятельствами и условіями, коихъ виною бываютъ или сами воспитанники, или-же не раздѣльно съ тѣмъ и самое заведеніе, ими оставляемое.

Такое явленіе дѣйствительно и не замедлило оказаться въ стѣнахъ-же Кіевской Академіи, и не болѣе какъ года черезъ полтора по кончинѣ высокопр. Филарета,—при чемъ главнѣйшія причины заключались именно въ нарушеніи того порядка, какого мудро держался высокопр. Филаретъ въ выборѣ и опредѣленіи лицъ, начальствующихъ въ Академіи, и котораго держаться тѣмъ болѣе слѣдовало въ описываемое время. Въ самомъ дѣлѣ, не достаточно-ли представить только, что вдругъ въ одинъ годъ не стало въ Академіи изъ прежнихъ начальниковъ—ни Ректора, ни Инспектора, и на мѣсто двухъ послѣднихъ назначены Ректоръ изъ-за Кавказскихъ горъ, а Инспекторъ съ береговъ Невы, и при-томъ—первый застарѣвшій уже на службѣ семинарской, а послѣдній и молодой по лѣтамъ, и неопытный, и, наконецъ, столь-мало еще утвердившійся въ духѣ иноческомъ, что показалъ на себѣ впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ грустныхъ примѣровъ—рѣшился снять съ себя и санъ священноиноческій...не достаточно-ли,—говоримъ,—одного этого, чтобы ожидать, почти неминуемо, какихъ либо нестроеній въ Ака-

демін. Благо, впрочемъ, что это нестроеніе при самомъ возникновеніи его было умирено и прекращено, и при томъ обязано этимъ исходомъ собственно прежнему-же духу и вліянію, съ какимъ отнесся и воздѣйствовалъ на воспитанниковъ, только-что бывшій предъ симъ о. Ректоръ Академіи, состоявшій тогда Викаріемъ Кіевскимъ,—преосв. Антоній. Послѣдній достигъ этого по преимуществу тѣмъ, что ясно и внушительно представилъ воспитанникамъ ту грустную и мрачную сторону ихъ дѣйствій, что ими нарушается и оскорбляется память и духъ, такъ-еще-недавно жившаго, высокаго Покровителя Академіи высокопреосв. Филарета. Значитъ, вотъ каковы были силы и вліяніе всего духа и образа дѣйствованія прежняго начальства въ Академіи, исходившаго, главнымъ образомъ, отъ Протектора ея. Да если бы оставался онъ въ живыхъ, то никогда не возникло бы какого-либо нестроенія со стороны воспитанниковъ, окончившагося выбытіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ самыхъ даровитѣйшихъ, и не запятналась бы Академія и тѣмъ крайне грустнымъ фактомъ въ лицѣ бывшаго Инспектора, доведшаго себя до сказаннаго жалкаго состоянія, по преимуществу вслѣдствіе недостатка духовно-нравственнаго руководительства и вліянія. Наконецъ—высокопр. Филаретъ ни-какъ и не допустилъ бы и самого назначенія такихъ начальниковъ, взятыхъ изъ двухъ противоположныхъ окраинъ и представлявшихъ въ себѣ такой контрастъ въ личныхъ ихъ состояніяхъ.—И это тѣмъ несомнѣннѣе, что въ самой Академіи были на лицо достойнѣйшіе кандидаты, именно бывшій о. Инспекторъ Архимандритъ Іоанникій (нынѣшній высокопр. Митрополитъ Московскій) и помощникъ его—Соборный Іеромонахъ Меѳодій, которые оба, чрезъ какіе-нибудь два года, дѣйствительно и были опредѣлены на эти должности—первый Ректорскую, а вторый—Инспекторскую по личному представленію бывшаго тогда Первосвятителя Кіевскаго, высокопр. Исидора, нынѣшняго—С.-Петербургскаго.

Въ заключеніе всего мы могли-бы указать здѣсь на бывшее торжество пятидесяти-лѣтняго Юбилея Кіевской Академіи, и привести слова Высочайшаго Рескрипта, даннаго на имя ея, и на свидѣтельства и отзывы многихъ представительныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ торже-

ствѣ, въ которыхъ хотя и не упоминалось прямо имя высокопр. Филарета, но содержаніе и значеніе ихъ вполнѣ понятны въ приложеніи именно къ нему, такъ какъ въ ряду всѣхъ, бывшихъ въ этотъ періодъ Митрополитовъ—Протекторовъ Академіи, одно изъ достойнѣйшихъ мѣстъ должно принадлежать высокопр. Филарету сколько по самой долговременности его протекторства, равняющейся почти половинѣ всего пятидесятилѣтняго періода и, притомъ, занимающей самую средину его, столько и по качеству самыхъ достоинствъ и заслугъ Академіи. Вотъ что́ напр. говорилось въ одномъ изъ сихъ привѣтствій (М. П. Погодина). «Многія и великія службы сослужила Кіевская Академія въ продолженіи истекшаго пятидесятилѣтія ея, и помоги ей Богъ и впредь, за молитвами Печерскихъ угодниковъ и подъ руководствомъ, какое она имѣла въ лицѣ высоко-просвѣщенныхъ и мудроопытныхъ Первосвятителей и Попечителей ея,—утвердить окончательно Русское начало во всѣхъ здѣшнихъ и сосѣднихъ странахъ, столь-долго подвергавшихся чуждому вліянію, и очистить наши древнія свято-русскія поля отъ всякихъ плевелъ, *ихъ-же врагъ человѣкъ насади*... и пр. И кто-же изъ слушавшихъ эти слова болѣе всѣхъ могъ вспоминать при этомъ изъ глубины души имя высокопр. Филарета, какъ не самъ бывшій въ эту пору Первосвятитель и Протекторъ Академіи—высокопреосв. Арсеній?! Не онъ-ли въ приводимой прежде рѣчи его, сказанной на могилѣ почившаго своего предмѣстника, высокопр. Филарета, обращался къ нему съ сыновне-молитвенными чувствованіями и прошеніями о томъ, чтобы наслѣдовать отъ него тотъ *духъ сугубъ, иже въ немъ*, какъ особенно-нужный и благопотребный и по обстоятельствамъ и духу текущаго времени и по всеобщему настроенію умовъ къ перемѣнамъ не извѣданнымъ и пр., и чтобы съ симъ духомъ возобновлять во всемъ свѣтлыя стези его на разныхъ поприщахъ его высокаго служенія, въ томъ числѣ и по званію Протектора Академіи?..»

Впрочемъ, если въ приведенныхъ свидѣтельствахъ не встрѣчаемъ собственнаго имени высокопр. Филарета и прямыхъ указаній на личныя достоинства и заслуги его, какъ Протектора Академіи, (а это, нужно согласиться, не могло быть иначе по самому значенію торжества), за-то сугубо

воспомянуто все это въ рѣчи предъ панихидою, ежегодно совершающеюся въ Академіи—31 Декабря, въ поминовеніе всѣхъ бывшихъ Начальниковъ, гдѣ все содержаніе ея заключается въ изображеніи собственно того значенія, какое имѣлъ и оставилъ по себѣ высокопр. Филаретъ по отношенію къ Академіи, и не только къ ней одной, но и вообще ко всѣмъ подвѣдомымъ его смотрѣнію духовнымъ учебнымъ заведеніямъ.—Выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ этой рѣчи.

«Нѣтъ болѣе Архипастыря нашего. Нельзя сказать, чтобы время отшествія его настало внезапно, непредвидѣнно: онъ самъ приготовлялъ насъ къ этому времени и пріучалъ къ мысли о скорой разлукѣ съ собою; однакожъ намъ трудно и теперь еще привыкнуть къ этой мысли. Образъ его такъ живъ и ясенъ предъ нами, что это—образъ не усопшаго, а живаго лица. И дай Богъ, чтобы свѣтлый образъ его не только на долго, но и навсегда напечатлѣлся въ сердцахъ нашихъ: потому что онъ есть образъ благости, мудрости и любви Христіанской.

«Ничего такъ не искалъ онъ и въ пасомыхъ, какъ воспитанія духа Христова. Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ его любовью, радостію, упованіемъ,—и тѣ-же чувства, ту-же вѣру старался онъ насадить и возрастить словомъ и дѣломъ, наставленіями и примѣромъ, во всѣхъ своихъ пасомыхъ, особенно-же въ питомцахъ духовнаго образованія, которыхъ главное назначеніе—быть самимъ пастырями по духу Христову. Потому-то, наблюдая за ходомъ просвѣщенія въ не посредственно подвѣдомыхъ ему училищныхъ заведеніяхъ, онъ по преимуществу вникалъ въ успѣхи собственно духовнаго образованія, смотрѣлъ, какъ принимается въ нихъ сѣмя вѣры и познанія Христа Спасителя, какъ усвояются начала Евангельскаго ученія, и утѣшался болѣе всего тѣмъ, если видѣлъ доброе Христіанское направленіе въ воспитателяхъ и въ воспитанникахъ. Любилъ онъ всякое знаніе и поощрялъ къ пріобрѣтенію всякихъ полезныхъ свѣдѣній; но, зная всему вѣрную цѣну, онъ съ мудрою разсудительностію то совѣтами, то замѣчаніями, а иногда и однимъ видомъ предостерегалъ отъ пристрастія къ не существенному вѣдѣнію. Всегда просто было слово его, но это—простота, можно сказать, Евангельская, это—простота мудрости, ко-

торая глубоко знаетъ, что́ говоритъ: «*вѣмы, еже глаголемъ*» — и которой нельзя было противоотвѣщать, развѣ по духу противленія. Казалось, онъ говорилъ большею частію то́, что́ не могло быть не извѣстнымъ всякому изъ насъ; но въ устахъ его каждое слово имѣло такую жизнь и значеніе, что не новое для слуха — было ново для сердца и давно принятое разумомъ и памятію — какъ-бы въ первый разъ дѣлалось понятнымъ по внутреннему смыслу. Подобными наставниками и руководителями могутъ быть только люди, созрѣвшіе умомъ и сердцемъ для неба, и потому ихъ не много на землѣ.

«Тѣмъ счастливѣе были мы, руководимые такимъ *пѣстуномъ о Христѣ*, и руководимые съ особенною внимательностью и любовію. Ни заботы по управленію обширною паствою, ни тѣлесныя немощи, свойственныя глубокой старости, не лишали его ревности и терпѣнія въ отеческомъ смотрѣніи за ввѣренными ему разсадниками духовнаго образованія. Все, что́ возможно было сдѣлать для насъ, онъ дѣлалъ, и если относительно какихъ-либо предметовъ не всегда исполнялось то́, чего желала для насъ его отеческая любовь и благопопечительность; то это, первѣе всего, огорчало его-же душу и затѣмъ уже не столь огорчительнымъ казалось для насъ. Мы имѣемъ вѣрное свидѣтельство, что въ самые послѣдніе часы жизни своей онъ не забывалъ о насъ и, преподавая намъ святительское благословеніе свое, заботился о будущемъ благосостояніи училищъ нашихъ.

«Да будетъ-же память незабвеннаго Архипастыря нашего не изгладимою въ сердцахъ нашихъ! И нынѣ, и всегда благословимъ имя его, какъ чада отца своего, и всякое воспоминаніе о немъ да будетъ вмѣстѣ молитвенно-благодарственнымъ гласомъ о немъ и за него къ Отцу небесному!»

Въ заключеніе всего изложеннаго отдѣла объ отношеніяхъ высокопр. Филарета къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, какъ непосредственнаго Главнаго Начальника ихъ, въ сей-часъ-слѣдующей главѣ скажемъ объ отношеніяхъ его, какъ мѣстнаго Архипастыря, къ заведеніямъ свѣтскимъ, находящимся въ Кіевѣ,—къ Университету, котораго онъ былъ Почетнымъ Членомъ, къ Кадетскому Корпусу и Институту благородныхъ дѣвицъ.

ГЛАВА X.

«Я—Почетный Членъ Вашего Университета· позвольте мнѣ сказать Вамъ, что предъ нами не прилично говорить такую рѣчь Мы сей-часъ отъ Алтаря Господня, гдѣ мы приносили Божественную Безкровную Жертву, а Вы говорите намъ въ рѣчи Вашей о *конъкубинатѣ* и проч Къ тому же здѣсь находятся и молодые люди — Извините, что я Вамъ это замѣчаю — Я Вашъ Пастырь и долженъ Васъ учить» (1)

Въ послѣднихъ дняхъ жизни высокопр. Филарета (2) читаемъ: «Христіанское Просвѣщеніе и просвѣщенное вниманіе въ бозѣ почившаго Архипастыря къ духовному и народному образованію, ознаменованное дѣятельнымъ покровительствомъ всего, содѣйствующаго успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія, обращали на него вниманіе ученыхъ Россійскихъ обществъ, которыя считали за честь украшаться именемъ и пользоваться покровительствомъ истинно просвѣщеннаго Святителя. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ былъ почетнымъ членомъ: Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей,— Россійскихъ духовныхъ Академій—Кіевской, С.-Петербургской, Московской, Казанской, и Императорскихъ университетовъ—Кіевскаго Св. Владиміра, Московскаго и Казанскаго».

---

(1) Слова, сказанныя на публичномъ актѣ въ Университетѣ Св. Владиміра въ 1841 г., обращенныя къ читавшему рѣчь на этомъ актѣ Профессору Иванищину.

(2) Смотр. «Послѣдніе дни жизни въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета Митр. Кіевскаго». Кіевъ. 1858 г. Стр. 53 и 54.

—Всѣ эти званія Почетнаго Члена высокопр. Филаретомъ получены были при Дипломахъ (1) отъ сказанныхъ обществъ въ продолженіи его первосвятительскаго служенія въ Кіевѣ. Само-собою понятно, что носить эти званія отъ свѣтскихъ ученыхъ обществъ не номинально только, а въ дѣйствительности высокопр. Филатетъ могъ собственно по отношенію къ мѣстному Университету Св. Владимира Отношенія эти отъ части уже видѣли читающіе, именно въ томъ, когда высокопр. Филаретъ, съ полнымъ участіемъ къ успѣхамъ христіанскаго, разумнаго, научнаго образованія, избиралъ изъ среды Кіевской дух. Академіи достойнѣйшихъ Профессоровъ и для временнаго преподаванія, и для поступленія въ него навсегда,—а равно и въ томъ, что онъ слѣдилъ за содержаніемъ и направленіемъ самыхъ лекцій, читанныхъ временными преподавателями, какъ напр. за лекціями А. Θеофана Авсенева. Но есть данныя, что высокопр. Филаретъ слѣдилъ вообще за состояніемъ и направленіемъ этого университета Вотъ что́ напр. писалъ онъ изъ С.-Петербурга къ преосв. Иннокентію, бывшему тогда его Викарію. «Съ Университетомъ Св. Владиміра случилось, кажется, большѳе искушеніе. Слышно, что онъ закрытъ на два года... Впрочемъ сердце мое,—какъ знаете,—это предчувствовало... Теперь озаботятся преобразованіемъ его по-русски... Такъ и должно» (2). Впрочемъ съ достаточною ясностію и точностію можно всякому опредѣлить качество и значеніе указываемыхъ отношеній высокопр. Филарета, какъ Почетнаго Члена и какъ мѣстнаго Архипастыря, къ Университету Св. Владиміра по слѣдующему одному факту (3).

«Въ 1841 году Совѣтъ Университета поручилъ экстро-орд. Профессору по каѳедрѣ законовъ Государственнаго благоуст-

(1) Подлинные Дипломы имѣются у насъ въ числѣ біографическихъ матеріаловъ.

(2) Письмо отъ 31-го Января 1839 г

(3) Указываемый фактъ былъ разсказанъ намъ, въ бытность въ Кіевѣ на Юбилеѣ Университета (1884 г,) однимъ изъ гг. Профессоровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ явился тогда же и въ печати (въ Кіевлянинѣ № 185), какъ замѣчательное въ своемъ родѣ событіе въ Пятидесятилѣтней Исторіи Кіевскаго Университета.

ройства Николаю Дмитріевичу Иванишеву произнесть рѣчь на торжественномъ актѣ 15-го Іюля того года. Темой рѣчи Иванишевъ избралъ: «Идея личности въ древнемъ правѣ Богемскомъ и Скандинавскомъ». Рѣчь эта впослѣдствіи напечатана въ 1842 г. въ журналѣ Министерства Нар. Просв. Въ своей рѣчи, говоря о правахъ женщины, Иванишевъ необходимо долженъ былъ коснуться вопроса о многоженствѣ, о наложничествѣ (concubinatus) и т. п. Рѣчь предварительно была прочитана въ Совѣтѣ и факультетѣ и одобрена. Наступилъ день акта. Попечителя не было. Округомъ управлялъ, за его отсутствіемъ, К. А. Неволинъ, бывшій тогда Ректоромъ. Въ числѣ приглашенныхъ находился Митрополитъ Филаретъ и другія духовныя лица.—Среди общаго вниманія Иванишевъ читалъ свою рѣчь; но едва успѣлъ онъ коснуться конкубината, какъ вдругъ раздался голосъ Митрополита Филарета, который прервалъ оратора слѣдующими словами: «Я—почетный Членъ Вашего Университета; позвольте мнѣ сказать Вамъ, что предъ нами не прилично говорить такую рѣчь. Мы сейчасъ отъ Алтаря Господня, гдѣ мы приносили Божественную Безкровную Жертву, а Вы говорите намъ въ рѣчи Вашей о конкубинатѣ и пр... Къ тому же здѣсь находятся и молодые люди. Извините меня, что я Вамъ это замѣчаю; я Вашъ пастырь и долженъ Васъ учить»... Чтобы какъ нибудь замять это происшествіе, Неволинъ приказалъ Иванишеву прекратить чтеніе рѣчи и велѣлъ пѣть «Боже Царя Храни», а потомъ началось чтеніе отчета по Университету и раздача медалей. Обо всемъ этомъ происшествіи Неволинъ немедленно донесъ Министру, стараясь уяснить дѣло. Министра Уварова въ то время не было въ Петербургѣ, а управлявшій Министерствомъ Графъ Протасовъ и Директоръ Департамента Князь Ширинскій-Шихматовъ представили все дѣло въ 1-е Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи въ такомъ видѣ, что Иванишеву слѣдовало бы для торжественнаго акта выбрать предметъ не столь сухой, а болѣе религіозный, болѣе отечественный; такая тема болѣе бы подобала для торжественнаго случая какъ актъ, какъ день св. Владиміра, въ присутствіи православнаго духовенства и т. п. Государь призналъ замѣчаніе Министерства справедливымъ и повелѣлъ: «Поставить на

видь Ректору Университета св Владимира, что онъ, въ отсутствіи Попечителя, былъ обязанъ отстранить все не приличное, прежде чѣмъ допускать до подобнаго не пріятнаго случая, что падаетъ на его отвѣтственность». Такой исходъ дѣла не понравился Уварову, и желая хоть немного поправить дѣло, онъ приказалъ напечатать рѣчь въ журналѣ Министерства въ томъ видѣ, въ какомъ она была одобрена Совѣтомъ Въ свое время много говорили въ обществѣ объ этомъ случаѣ, истолковывая его различно .. Самъ Неволинъ передавалъ предположеніе, ходившее тогда по городу, что Митр. Филаретъ былъ будто не доволенъ, что рѣчь не была ему дана предварительно для просмотра, но едва-ли это предположеніе справедливо... Во всякомъ случаѣ происшествіе это на долго оставило послѣ себя не пріятное впечатлѣніе въ Университетѣ...

Но если такъ серьезно-строго относился высокопр. Филаретъ къ Университету, хотя, очевидно по значенію изложеннаго факта, заслуживавшему такія отношенія, то другое видимъ въ отношеніяхъ его—какъ Архипастыря—къ Кіевскому Владимірскому не ранжированному Кадетскому Корпусу.—Въ послѣднемъ онъ не рѣдко бывалъ на экзаменахъ по Закону Божію —Послѣ одного изъ этихъ экзаменовъ (въ 1853 г) высокопр. Филаретъ почелъ долгомъ представить свой отзывъ объ успѣхахъ Кадетовъ при письмѣ Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, въ Высочайшемъ вѣдѣніи Котораго состоятъ всѣ военно-учебныя заведенія. Его Высочество съ своей стороны, въ Своемъ письмѣ, изволилъ выразить Свою Августѣйшую благодарность высокопр. Филарету. Вотъ, отъ слова до слова, подлинное содержаніе этого письма отъ 24 Іюня 1853 г.

«Высокопреосвященнѣйшій
Митрополитъ Филаретъ!

«Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ Я изъ письма Вашего Высокопреосвященства и изъ донесенія, завѣдывающаго неранжированнымъ Владимірскимъ Кіевскимъ Кадетскимъ Корпусомъ, полковника Вольскаго, что Вы удостоили своимъ посѣщеніемъ экзаменъ воспитанниковъ означеннаго заведенія изъ Закона Божія.

«Весьма пріятно было мнѣ прочитать лестный отзывъ

Вашъ объ успѣхахъ воспитанниковъ Долгомъ считаю изъявить Вашему Высокопреосвященству искреннюю Мою благодарность за попеченія Ваши о малолѣтней Вашей паствѣ. Вполнѣ уповаю, что, любовію проникнутая, пастырская заботливость Ваша возраститъ въ сердцахъ юношей плоды благочестія и христіанскихъ добродѣтелей.

Поручая себя молитвамъ Вашего Высокопреосвященства, съ отличнымъ уваженіемъ пребываю Вамъ искренно доброжелательный

«АЛЕКСАНДРЪ».

Наконецъ, не смотря на немощи свои и не болѣе, какъ за три мѣсяца съ не большимъ до своей кончины, высокопр. Филаретъ, по особенному расположенію къ этому заведенію, совершилъ самъ освященіе храма (30 Августа 1857 года) въ новоустроенномъ для Кадетскаго Корпуса зданіи. Послѣ освященія храма и совершенія въ немъ Божественной Литургіи, онъ, преподавъ въ благословеніе Кадетамъ Икону Успенія Божіей Матери, обычнымъ для него экспромптомъ, сказалъ имъ слѣдующее поученіе.

«Дѣти! вотъ вамъ отъ меня на благословеніе св. икона Успенія Божіей Матери; молитесь Ей! Матерь Божія да будетъ и для васъ Матерію. Милосердая Заступница всего рода человѣческаго, надежная Помощница всѣмъ христіанамъ, — Она не оставитъ и васъ, какъ дѣтей, своею милостію, утѣшитъ васъ въ скорбяхъ вашихъ, поможетъ въ нуждахъ, благословитъ въ радостяхъ.—Только вотъ что́ Матерь Божія милосердая, человѣколюбивая есть вмѣстѣ и строгая и правосудная надъ нами небесная Царица и Владычица; отъ любимыхъ дѣтей своихъ Она требуетъ, чтобы они хранили паче всего невинность дѣтскую. Приснодѣва, Пречистая, Пренепорочная,—Она желаетъ, чтобы и мы вели жизнь дѣвственную, цѣломудренную и благочестивую. Кто хочетъ быть подъ Ея святымъ покровомъ, кто желаетъ удостоиться Ея материнихъ благословеній, тотъ долженъ жить богобоязненно и добродѣтельно. А кто живетъ иначе, отъ тѣхъ Она отвращаетъ Лице Свое; людямъ порочнымъ, развратнымъ и нечестивцамъ нѣтъ Ея материняго благословенія. Храните дѣти паче всего невинность дѣтскую; будьте добры, богобоязненны, кротки, скромны, послушны; будьте прилежны,

трудолюбивы, любите ученіе, но паче всего преуспѣвайте въ страхѣ Божіемъ и благочестіи. Блюдите, какъ зѣницу ока, чистоту ума вашего и чистоту тѣла.—Какимъ образомъ?—Чистоту ума—утвержденіемъ его въ святыхъ истинахъ Вѣры Православной, подчиненіемъ его Закону Божію, покореніемъ его Христову Евангелію —Слышите дѣти?! (слышимъ, отвѣчали кадеты). Чистоту сердца—ревностнымъ исполненіемъ Заповѣдей Божіихъ, жизнію добродѣтельною. Слышите дѣти?! (слышимъ, слышимъ). Чистоту тѣла—поведеніемъ цѣломудреннымъ, дѣвственнымъ, удаленіемъ себя отъ всякой нечистоты и скверны плотской —Въ нечистомъ тѣлѣ не обитаетъ Духъ Святый. Слышите?! (слышимъ, слышимъ) —Такъ и исполняйте то́, что́ слышите. Опять повторяю вамъ: дѣвство свое берегите дороже жизни своей. Живите дѣвственно, цѣломудренно, богобоязненно. Тогда и Матерь Божія будетъ любить васъ, и утѣшать во всю жизнь вашу. А безъ того,—безъ вѣры, безъ чистоты сердца, безъ цѣломудрія тѣла, безъ жизни благочестивой, и все ученіе ваше, какъ бы вы ни успѣвали, никуда не годится, безполезно и безплодно для васъ самихъ и для другихъ.—Слышите?! (слышимъ—былъ опять отвѣтъ дѣтей). Да помните это! Безъ чистоты душевной и тѣлесной всѣ ваши знанія ничто. Вотъ я сказалъ вамъ, какъ пастырь вашъ, какъ передъ Богомъ... А вы не забудьте этихъ словъ. Напечатлѣйте ихъ въ сердцахъ вашихъ и старайтесь по возможности исполнять ихъ... Да будетъ надъ вами благословеніе самой Матери Божіей,—да сбудется и надъ вами милосердое о дѣтяхъ слово Самаго Господа нашего Іисуса Христа: «*Оставите дѣтей и не возбраняйте имъ приходити ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царствіе Божіе!.. Аминь бо глаголю вамъ: иже аще не пріиметъ царствія Божія, якоже отроча и аще не обратитеся и не будете, яко дѣти, не внидите въ царствіе Небесное,* вѣщаетъ всѣмъ намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.—Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.»

Былъ также высокопр. Филаретъ на экзаменахъ и въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь обращалъ онъ преимущественное вниманіе на религіозное состояніе воспитанницъ. Съ обычною простотою и кротостію онъ обращался къ воспитанницамъ съ вопросами, относящимися къ этому со-

стоянію. Такъ, напр при отвѣтахъ о молитвѣ Господней, онъ спрашивалъ самыя молитвы, какія кто знаетъ и дома читаетъ; спрашивалъ:—есть ли у каждой воспитанницы икона,—даже крестикъ на шеѣ.—Потому привозилъ съ собою не мало и молитвенниковъ, и иконокъ, и крестиковъ и раздавалъ въ благословеніе воспитанницамъ.—Однажды, разсматривая сочиненія воспитанницъ на разныя темы, сказалъ. а, вотъ, я дамъ вамъ тему: «что́ полезнѣе—воспитывать ли матерямъ своихъ дѣтей своимъ материнмъ млекомъ, или поручать кормилицамъ?»... Для сего указалъ тутъ же и на св. Димитрія Ростовскаго: какъ онъ разсуждаетъ и поучаетъ о семъ предметѣ—и рекомендовалъ непремѣнно прочитать(1) Вообще же по отношенію къ этому заведенію высокопр. Филаретъ имѣлъ постоянную заботливость о томъ, чтобы законоучитель и священникъ, служащій въ Институтѣ, и духовникъ были лица съ высокими нравственными достоинствами Когда же случалось, что эти духовныя лица сами, по какимъ-либо своимъ обстоятельствамъ, просили себѣ увольненіе, и когда бывало при этомъ, что Начальница и другія, состоящія въ Институтѣ, служебныя авторитетныя лица обращались къ высокопр. Филарету съ словесными, или письменными представленіями о кандидатахъ изъ извѣстныхъ имъ лицъ духовныхъ на ту или другую, оказывавшуюся вакантною, должность, то онъ тутъ особенно былъ разборчивъ и слишкомъ не сговорчивъ, чтобы удовлетворить сказаннымъ представленіямъ и, тѣмъ болѣе, когда видѣлъ усиленныя ходатайства за какого-либо избраннаго кандидата, описываемаго съ разными хвалебными объ немъ отзывами. «Хорошъ-то онъ, положимъ, хорошъ, это я самъ знаю,—да ужъ не такъ же, какъ вы больно расхвалили его;—а съ тѣмъ вмѣстѣ вотъ что́ я скажу: пусть онъ хорошъ, да къ вашему-то заведенію не совсѣмъ пригожъ!!»—Такую рѣчь велъ однажды дядя—Владыка,—разсказывалъ мнѣ высокопр. Антоній,—съ Начальницею Института N., пріѣхавшею къ нему съ предварительнымъ заявленіемъ и просьбою, чтобы онъ благословилъ войдти къ нему съ формальнымъ представленіемъ отъ

(1) Смотр. Дневникъ.

Совѣта, или даже Попечителя Округа, который съ своей стороны вполнѣ признаетъ достойнымъ кандидатомъ то́ лицо, о которомъ она высказывалась предъ Владыкой съ особенными похвалами.—Когда же, послѣ сказанныхъ Владыкою словъ, Начальница отчасти и конфузилась, и отчасти какъ бы и оскорблялась, видя сразу, что Владыка, вѣроятнѣе всего, не удовлетворитъ ея просьбы, а, съ тѣмъ, вмѣстѣ, стала еще доказывать и объяснять предъ нимъ свои основанія..., въ эту пору Владыка обратился къ ней полушуточно и серьезно съ такими словами: «да вы (имя рекъ), какъ видно, больно хорошо знаете мое епархіальное, по крайней мѣрѣ, здѣшнее городское духовенство..; а я напротивъ вашихъ-то господъ служащихъ въ Институтѣ, право же не знаю, да, какъ знаете сами, никогда и не интересовался спрашивать даже васъ самихъ: кто у васъ тамъ и какія классныя дамы, надзирательницы и другія должностныя лица... Я только увѣренъ, что вы сами же ихъ избирали по личному вашему усмотрѣнію, такъ что, полагательно, и самый Совѣтъ, конечно, предоставлялъ вамъ въ этомъ дѣлѣ самое главное и почти исключительное право, какъ Начальницѣ и какъ женщинѣ, могущей знать личныя качества и достоинства кандидатокъ—женщинъ на ту, или иную должность.—Не могу я сказать ничего опредѣленнаго о служащихъ въ вашемъ Институтѣ и мужчинахъ—преподавателяхъ, которыхъ избраніе зависитъ отъ Совѣта и утвержденія Попечителя.—Я знаю и долженъ знать только то́, что воспитанницы ваши составляютъ мою же паству—юную, что онѣ, по самому своему званію благородному, у меня въ понятіи особенномъ—какъ истинно добрыя, нѣжныя, невинныя овечки въ средѣ всего взрослаго моего стада, ввѣреннаго моему пастырскому смотрѣнію и назиданію во спасеніе. Потому-то и приставника пастыря въ оградѣ ихъ нужно избирать мнѣ самому, а не по указанію и назначенію чьему-либо со стороны, хотя бы и вашей, какъ Начальницы. Я одобряю ваше усердіе и попечительность, чтобы избрано было лице достойное во всѣхъ отношеніяхъ, но не одобряю вашего желанія, чтобы непремѣнно былъ избранъ тотъ, котораго вы предъизбрали и хотите, чтобы онъ непремѣнно и былъ въ вашемъ заведеніи. Я прошу васъ и

даю пастырскій совѣтъ вамъ и прочимъ, въ управленіи заведеніемъ поставленнымъ, лицамъ, чтобы вы всѣ отнеслись съ подобающимъ вниманіемъ и почитаніемъ къ тому пастырю, котораго я самъ изберу и назначу, и за котораго наперед ручаюсь, что онъ оправдаетъ и мое и ваше желаніе, общее со всѣми, для блага вашего заведенія».

Былъ еще случай, который переданъ намъ самимъ тѣмъ достопочтеннымъ о. Протоіереемъ NN, который испытывалъ явное къ нему не расположеніе со стороны во главѣ управленія поставленныхъ лицъ и приготовившихся уже совсѣмъ просить высопр. Филарета замѣнить его другимъ. При этомъ говорилъ о. Протоіерей, я думалъ что это такъ и сбудется, потому что прошенъ былъ принять посредничество въ этомъ дѣлѣ и о. Ректоръ Академіи А. А... Во всякомъ случаѣ я рѣшился явиться къ Владыкѣ и объяснить ему все, что́ только почиталъ должнымъ и справедливымъ. Оказалось, что Владыка уже зналъ объ этомъ дѣлѣ. Не давши мнѣ и высказать всего, онъ вдругъ спросилъ меня. да ты, отецъ, вѣдь мною былъ избранъ и опредѣленъ туда?! «Вами, Владыка святый,—былъ мой отвѣтъ,—вотъ тогда-то»...—Ну, спасибо, что указалъ ты и на время твоего опредѣленія. Выходитъ, что ты тамъ служишь уже столько-то лѣтъ—болѣе десяти... А получалъ-ли ты какія-либо награды за тамошнюю службу?!—«Никакой никогда».—Такъ вотъ что́ я напередъ тебѣ скажу, и ты только никому не говори, что въ первый же предстоящій срокъ я представлю тебя къ особенной наградѣ собственно за отлично-усердную твою службу при Институтѣ. О. Протоіерей, сказавъ это, тутъ же указалъ мнѣ на бывшій на груди у него золотой наперстный крестъ, пожалованный изъ Кабинета Его Величества по представленію Владыки-Митрополита. И послѣ этого всякое не расположеніе къ нему въ Институтѣ миновалось, и онъ оставался на службѣ.

Когда прочитанъ былъ мною, изъ моихъ мемуаровъ, сей часъ сказанный фактъ покойному высокопр. Антонію, безъ указанія имени о. Протоіерея, онъ сказалъ: «да я знаю, о комъ ты здѣсь говоришь... Это—Протоіерей Н. Ф. Д-чъ.—Такъ знай же, что меня, дѣйствительно, просили высказать предварительно предъ Владыкою о предположен-

номъ въ Институтѣ представленіи о замѣнѣ о. Протоіерея Д-ча другимъ, и, между прочимъ, потому, что онъ, какъ пустой хохолъ, держалъ себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не деликатно въ обращеніи съ тамошними лицами и выражался своимъ обычнымъ малороссійскимъ говоромъ тоже не статно, употребляя иногда слова, рѣзавшія слухъ, или понимаемыя ими своеобразно. За это не довольны были на него и Начальница и особенно классныя дамы и надзирательницы а воспитанницы ничего,—онѣ его даже любили за простоту отеческую... Это-то все я и высказалъ Владыкѣ.—Владыка сначала—проговорилъ какъ-бы шутками. «Экой, вѣдь, этотъ людъ женскій—капризный и прихотливый... Вотъ изволь ты для нихъ хоть переродиться... Не нравится, видишь, имъ говоръ малороссійскій... какой же имъ, больно хотѣлось бы слышать... небось лучшебы нравился имъ, пожалуй, въ родѣ польскаго *пршипршиканья*, какъ мѣтко выражается Ипатьичъ... (т. е. Викт. Ипат. Аскоченскій). Напротивъ, языкъ-то малороссійскій во многомъ близокъ къ церковно-славянскому, да и въ выраженіяхъ онъ сжатый, но многосодержательный». Затѣмъ вдругъ обратился Владыка ко мнѣ: «да ты-то, однако, съ чего взялъ говорить мнѣ объ этомъ?.. Ужъ не просили-ли тебя быть посредникомъ-ходатаемъ». Ну смотри, того, угадываю-ли я это, или нѣтъ,. все равно... только знай ты впередъ и навсегда и на всю жизнь твою прими за правило, особливо, когда, дастъ Богъ, будешь епархіальнымъ архіереемъ... Грѣха и вреда ты тутъ и не оберешься, коли будешь сколько-нибудь неосторожнымъ, чтобы поддаваться на подобныя просительства подобныхъ лицъ... А это я самъ уразумѣлъ особенно здѣсь—среди разныхъ элементовъ народностей... католицизмъ такъ и готовъ задавить бы Православіе, полонизмъ—вытѣснить русскую или малороссійскую національность, - папство и шляхетство—заѣсть заживо все крестьянство... Все это достаточно зорко выслѣдилъ здѣсь я по дѣламъ епархіальнымъ; да вижу ясно и въ другихъ слояхъ общества, не исключая и учебныхъ заведеній. Вотъ давно ли былъ закрытъ и Университетъ здѣшній, а изъ-за чего выходило дѣло, понятно... Благо, что скоро уразумѣли тамъ *вверху* и рѣшились поставить его на Русскій ладъ. Это

было при мнѣ, когда я былъ въ Петербургѣ... (1). Я побаивался сначала и за нашу-то Академію, въ которой тоже воспитанники есть и изъ уніятовъ, и изъ полуполяковъ и малороссовъ, и чистыхъ—Русскихъ... Такъ и ты храни-ка тщательно свой дворъ овчій, а въ ограду другихъ тебѣ нечего входить, да и не статно»...

Этимъ заканчиваемъ мы весь изложенный отдѣлъ объ отношеніяхъ высокопр. Филарета ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и духовнымъ, и свѣтскимъ, и военнымъ, и женскимъ.—Слѣдующій отдѣлъ будетъ объ управленіи его св. Кіево-Печерскою Лаврою.

(1) Объ этомъ читающіе видѣли въ письмѣ высокопр. Филарета къ преосв. Викарію Иннокентію.

ОТДѢЛЪ IV.

ГЛАВА XI

«Всеобщею любовію ко мнѣ здѣшнихъ (въ С.-Петербургѣ) хотя я и утѣшаюсь въ моемъ странничествѣ, но сердце мое все выну въ святой Чудотворной Кіево-Печерской Лаврѣ —Тамъ въ ней я и молюсь, тамъ и живу духомъ» (1).

«Мнѣ отрадно витать въ этихъ покояхъ, устроенныхъ приснопамятнымъ Владыкою Филаретомъ, и молиться въ его моленной, гдѣ онъ такъ усердно маливался, потому пріятно мнѣ сохранять и все, что при немъ здѣсь было и теперь такъ живо его напоминаетъ» (2)

Высокопр. Филаретъ, по прибытіи на Кіевскую митрополію, избралъ постояннымъ мѣстопребываніемъ своимъ не Софійскій митрополичій домъ, въ которомъ жили ближайшіе его предмѣстники, а св Кіево-Печерскую Лавру. Это, по видимому, мало значущее обстоятельство имѣло, между тѣмъ, великое и важное значеніе въ отношеніи характера, хода и образа дѣйствій въ Бозѣ почившаго по всѣмъ частямъ его мѣстнаго управленія и служенія на пользу Церкви и Отечества. Особливо обозначилось это, когда онъ возвратился въ послѣдній разъ изъ С.-Петербурга навсегда. Если бы

(1) Слова изъ письма высокопр. Филарета, писаннаго имъ изъ С. Петербурга.

(2) Слова, сказанныя высокопр Филоѳеемъ Митрополитомъ Кіевскимъ при воспоминаніяхъ о высокопр. Филаретѣ.

прежде высокопр. Филаретъ не избралъ себѣ постояннаго мѣстожительства въ св. Лаврѣ, то въ эту пору все особенно звало, влекло и заставляло его поселиться именно здѣсь, т. е. въ такомъ мѣстѣ, которое бы могло послужить необуреваемымъ пристанищемъ послѣ того странничества, о которомъ, еще за годъ предъ этимъ, писалъ онъ изъ С. Петербурга, между прочимъ, такъ: «всеобщею любовію ко мнѣ здѣшнихъ хотя я и утѣшаюсь *въ моемъ странничествѣ*, но сердце мое все выну въ святой Чудотворной Лаврѣ. Тамъ я и молюсь, тамъ и живу духомъ.»(1)

Какъ съ самаго перваго времени по прибытіи въ Кіевъ, такъ и по возвращеніи изъ С. Петербурга, высокопр. Филаретъ помѣстился на постоянное жительство въ настоятельскихъ покояхъ въ св. Лаврѣ. Но такъ какъ эти покои, сколько отъ давности времени, въ теченіе котораго прежніе Митрополиты не имѣли въ нихъ постояннаго жительства, столько же отъ не удобства въ расположеніи ихъ, требовали нѣкоторыхъ капитальныхъ перестроекъ и исправленій, то, на первыхъ же порахъ, и было сдѣлано имъ распоряженіе объ этихъ исправленіяхъ. Впрочемъ, эта потребность въ исправленіяхъ была признана имъ не ради, такъ называемой, комфортабельности и парадности въ помѣщеніяхъ. Всего этого слишкомъ былъ чуждъ въ Бозѣ почившій. Такъ, когда, еще прежде прибытія его въ Кіевъ, экономъ Софійскаго митрополичьяго дома,—протоіерей Кириллъ Ботвиновскій въ тѣхъ предположеніяхъ, что высокопр. Филаретъ будетъ имѣть пребываніе, по примѣру его предшественниковъ, въ Софійскомъ домѣ, репортовалъ ему въ Петербургъ «о необходимости перекрыть комнаты колерами» и пр., то высокопр. Филаретъ на репортѣ его написалъ резолюцію. «Новаго ничего на затѣвать. По-барски комнатъ не убирать, а содержать прилично нашему монашескому званію. Правило сіе во всѣхъ случаяхъ о. эконому соблюдать, поступая всегда съ должною бережливостію. Впрочемъ, что́ уже сдѣ-

---

1) Письмо было—къ бывшему Инспектору Кіевской Духовной Семинаріи, (Архіепископу Казанскому) Антонію,—отъ 17 Сентября 1841 г.

лано. тому такъ и быть» (1). По поводу перестройки въ митрополичьемъ же домѣ ради помѣщенія Софійскаго училища, высокопр. Филаретъ писалъ изъ С.-Пбурга Викарному преосв Иннокентію: «Не бѣда если не успѣемъ скоро кончить. . мнѣ жить есть гдѣ—въ Лаврѣ, гдѣ и нужнѣе пребываніе мое... А для меня и одной кельи довольно.»

Этого правила и порядка держался въ Бозѣ почившій съ такою непзмѣнностію, что, когда (что́ увидимъ впослѣдствіи) разсуждалъ онъ по временамъ о томъ, кто-то будетъ его преемникомъ, то выражалъ, между прочимъ, такое молитвенное благожеланіе братіи Лаврской: «желаю вамъ настоятеля—архіерея не роскошнаго, не затѣйливаго(2). Если же сознялъ онъ необходимость въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ и перестройкахъ въ настоятелскихъ покояхъ, то, собственно, ради бо́льшей удобности въ устроеніи домовой церкви, для которой и было отдѣлено значительное пространство отъ прежнихъ настоятельскихъ помѣщеній, именно вся *главная пріемная зала*. Правда, домовая церковь была и прежде этого, но, справедливо сказать, мѣсто ея нахожденія не соотвѣтствовало ей ни по назначенію, ни по значенію, и, видно по всему, она устроена была такъ, а не иначе ради того, чтобы не стѣснять самихъ помѣщеній настоятельскихъ. Она находилась въ нижнемъ этажѣ, въ удаленіи отъ главнаго входа въ какомъ-то углу и, по пространству

---

1) Смотр. журналъ исходящ. бумагъ съ прописаніемъ всѣхъ резолюцій. 1837 г. Мая 22. № 41.

2) Смотр. въ дневникѣ Намѣстника Архим. Іоанна. NB Въ воспоминаніяхъ о высокопр. Митрополитѣ Кіевскомъ Филоѳеѣ (Думаш. Чтен. 1883 г. стр. 188—189) читаемъ слѣдующія свѣдѣнія Въ 1880 г. въ Августѣ прибылъ въ Лавру—Архіеп. Леонтій Варшавскій и преосв Павелъ—бывшій Викарій Казанскій Былъ разговоръ между хозяиномъ и прибывшими гостями, между прочимъ, о въ Бозѣ почившихъ митрополитахъ Кіевскихъ Филаретѣ и Арсеніи; и высокопреосв. Леонтій очень удивлялся, что послѣ нихъ въ покояхъ митрополитскихъ не нашелъ никакой перемѣны, и даже швейцаръ тотъ же самый старецъ, начавшій службу свою еще при митрополитѣ Филаретѣ. «Да, отвѣчалъ высокопр. Филоѳей, мнѣ отрадно витать въ этихъ покояхъ, построенныхъ присно-памятнымъ владыкою Филаретомъ, и молиться въ его моленной, гдѣ онъ такъ усердно молился; почему пріятно мнѣ сохранять и все то,

своему, черезчуръ была тѣсна и низка(1). При одномъ первомъ взглядѣ, кого угодно, на такое помѣщеніе церкви должна была родиться невольная мысль о неумѣстности сего помѣщенія; но что̀ сказать въ этомъ отношеніи о въ Бозѣ почившемъ, къ которому справедливо могутъ быть приложимы слова Псалмопѣвца: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе Дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.. Единo просихъ отъ Господа, то̀ взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его.*

И, дѣйствительно, очевидцы—приближенные въ Бозѣ почившаго свидѣтельствовали, что онъ послѣ перваго же посѣщенія, бывшей прежде, домовой, церкви и по осмотрѣ всѣхъ покоевъ, выразилъ слишкомъ грустное чувство и немедленно же самъ собственноручно начертилъ планъ всего верхняго этажа, и назначилъ для устройства церкви мѣсто прежней пріемной для гостей залы, а въ сію послѣднюю обратилъ бывшую домашнюю столовую. Смотря на теперешнее устройство церкви, всякій несомнѣнно убѣдится и въ приличной умѣстности ея и удобности какъ для самихъ, живущихъ въ домѣ, архипастырей, такъ и для приходящихъ молящихся, такъ какъ и самая, непосредственно примыкающая къ церкви, при входѣ въ нее, передняя– (швейцарская) по своей обширности служитъ для нея, такъ называемою обыкновенно въ церквахъ, папертью. Эта передняя по всѣмъ стѣнамъ украшена святыми иконами, хотя, само собою, это послѣднее украшеніе весьма идетъ и вообще къ жилищу святительскому, особливо же находящемуся въ

что̀ при немъ здѣсь было и теперь живо его напоминаетъ, и вотъ, по счастью, доселѣ сохранился еще на своемъ посту и швейцаръ его –старикъ, пережившій уже третьяго владыку, да, пожалуй, имѣющій пережить и меня; ибо хотя и старъ онъ, но довольно еще крѣпокъ на ногахъ, и если бы не ревматизмъ, то, пожалуй, и совсѣмъ былъ бы еще молодцомъ».

(1) Мѣсто нахожденія бывшей церкви можетъ всякій видѣть и теперь; она обращена въ келлію, гдѣ, на мѣстѣ бывшаго св. Престола, и теперь стоитъ четвероугольный не подвижный большой налой, на которомъ у благочестиваго теперешняго старца—іеромонаха расположены св. иконы и теплится неугасимая лампадка.

такомъ мѣстѣ, какова св. Чудотворная Кіево-Печерская Лавра. Церковь эта освящена во имя новоявленнаго св Угодника Святителя Митрофана Воронежскаго, къ которому, какъ мы видѣли, высокопр. Филаретъ питалъ особеннѣйшее почитаніе со времени личнаго посѣщенія имъ св. мощей сего Угодника въ Апрѣлѣ 1836 г

Вскорѣ же затѣмъ, и въ томъ же духѣ и значеніи, высокопр Филаретъ сдѣлалъ еще слѣдующее измѣненіе въ принадлежащихъ къ настоятельскимъ его покоямъ помѣщеніяхъ. Въ нижнемъ этажѣ, по лѣвую сторону отъ главнаго входа къ востоку, издавна находилась огромная столовая, имѣвшая назначеніе для праздничныхъ обѣдовъ, устроявшихся собственно для гостей свѣтскихъ и вообще лицъ знатныхъ. Нѣкоторые изъ старцевъ(1) по преданію сообщили намъ, что въ этой столовой давались весьма богатые и пышные обѣды; и такъ какъ окна ея выходили на обѣ стороны зданія, то во время обѣдовъ съ одной стороны, что̀ внутрь Лавры, находились пѣвчіе, а съ другой, что̀ выходятъ въ садъ, музыканты; и тѣ и другіе попеременно пѣли и играли концерты и пр. Для помѣщенія пѣвчихъ и музыкантовъ были устроены подъ окнами наружныя возвышенія— платформы. Уцѣлѣвшіе остатки одной изъ нихъ, съ садовой стороны, и теперь еще имѣются. Сказаніе о сей часъ переданномъ обычаѣ относится не ко временамъ ближайшихъ предмѣстниковъ высокопр. Филарета, а дальнѣйшихъ, (2) но, тѣмъ не менѣе, сказанная столовая оставалась при своемъ значеніи. Чуждый и всегда всякой роскоши и затѣй, подобныхъ описаннымъ сей часъ обѣдамъ, а тѣмъ болѣе въ св.

(1) Разсказы отъ этихъ старцевъ слышаны были мною въ 1857—58 г.г, когда я былъ еще студентомъ, а затѣмъ и въ 1867 г., когда я былъ въ Кіевѣ спеціально для собранія біографическихъ матеріаловъ.

(2) Устройство этой столовой и обычай давать въ ней обѣды для знатныхъ лицъ съ пѣніями и музыкою относится, по началу своему, къ тѣмъ временамъ, когда Лавра была еще Ставропигіею и состояла подъ управленіемъ Архимандритовъ, избиравшихся вольными голосами братіи. Это продолжалось до 1786 г, когда митрополитамъ Кіевскимъ дано Высочайшимъ указомъ право и званіе быть Священно-архимандритами Лавры.

Лаврѣ, высокопр. Филаретъ поспѣшилъ, сколько возможно скорѣе, изгладить и самую память о назначеніи бывшей столовой. Въ этомъ самомъ помѣщеніи онъ устроилъ теплую церковь во имя св. Михаила, перваго митрополита Кіевскаго. Потребность въ этой церкви оказалась особенно настоятельною. Извѣстно, что высокопр. Филаретъ имѣлъ вообще усердіе совершать богослуженіе во всѣ воскресные и праздничные дни, а особенно неопустительно совершалъ въ теченіе всего великаго поста по средамъ и пятницамъ—Преждеосвященную литургію; а какъ Соборная Церковь Успенія, называемая Великая,—холодная, то, по состоянію своего здоровья, онъ затруднялся иногда служить въ ней, равно какъ въ верхней домовой церкви архіерейское служеніе было не удобно по тѣснотѣ ея. Новоустроенная же теплая церковь и помѣстительностію своею и тѣмъ, что ходъ въ нее изъ покоевъ ближайшій и внутри самаго корпуса, представляла всѣ удобства. Въ ней-то онъ и совершалъ постоянно литургіи Преждеосвященныя, и, не рѣдко, также и самый чинъ умовенія ногъ въ Великій Четвертокъ, когда страстная седмица приходилась въ раннюю почти зимнюю пору. Во все же время года въ ней опредѣлено было, по общему распредѣленію Лаврскихъ службъ, совершать раннія литургіи, и также и бдѣнія съ вечера, когда не бываетъ службы, за отсутствіемъ Митрополита, въ верхней домовой церкви. Порядокъ этотъ до днесь соблюдается неизмѣнно. Впрочемъ, какъ перестройки въ собственныхъ покояхъ высокопр. Филаретъ произвелъ не ради комфорта и роскоши, — такъ поступалъ онъ и въ устройствѣ церкви,—совершенно вопреки тѣмъ обычнымъ сужденіямъ и толкамъ, что живущіе въ нынѣшнихъ монастыряхъ, или, вѣрнѣе, настоятельствующіе въ нихъ, кажется, въ томъ по преимуществу и поставляютъ всю задачу и заслугу своей начальнической дѣятельности, чтобы устроять возможно больше зданій въ видѣ корпусовъ и созидать новые храмы съ возможными удобствами и украшеніями,—словомъ всѣ заботы и капиталы, какіе есть, употребляютъ только на внѣшнее; а о внутреннемъ состояніи, о святоподвижнической жизни, о созиданіи храмовъ духовныхъ въ монашествующихъ братіяхъ едва ли по крайней мѣрѣ не многіе помышляютъ!!... Мысль объ этомъ

вызвалась у насъ собственно потому, что какъ разъ оказалось подъ руками письмо высокопр. Филарета къ Архіепископу Рязанскому Гавріилу по поводу одного предмета, совершенно сходственнаго съ настоящимъ.—Вотъ что́ сказано, между прочимъ, въ этомъ письмѣ. «Хорошо строить и великолѣпные храмы въ обителяхъ, но паче всего нужно устроять внутренніе храмы въ обителяхъ попеченіемъ настоятелей объ иноческой по Бозѣ жизни, въ которой ощущается великое оскудѣніе въ наше время» (1). Эти-то собственныя слова высокопр Филарета достойно и праведно признать, такъ называемымъ, *девизомъ* всей его архипастырской—настоятельской дѣятельности по управленію св. Кіевскою Лаврою и всѣми обителями, какъ непосредственно подвѣдомыми самой Лаврѣ, такъ и вообще находящимися въ въ Кіевской Епархіи.

Начнемъ же наше повѣствованіе именно о томъ,—въ чемъ и какъ постоянно проявлялась дѣятельность высокопр. Филарета, какъ Священно-архимандрита св. Кіево-Печерской Лавры по части наставленія, руководства и утвержденія братій въ иноческой по Бозѣ жизни. Въ повѣствованіи объ этомъ мы обратимся, во 1-хъ, къ архивнымъ документамъ, содержащимъ въ себѣ письменныя распоряженія, дѣлаемыя Лаврскому духовному Собору, или нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ въ Лаврѣ; во 2-хъ, изложимъ письменныя и въ устномъ преданіи сохранившіяся свѣдѣнія о тѣхъ личныхъ духовно-нравственныхъ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ, какія постоянно имѣлъ и выражалъ высокопр. Филаретъ ко всей Лаврской братіи, и взаимно—послѣдняя къ нему, и въ 3-хъ, наконецъ, скажемъ о собственной его святоподвижнической жизни.

Въ изложеніи сей часъ сказанныхъ письменныхъ распоряженій и личныхъ дѣйствій мы будемъ слѣдовать какъ порядку хронологическому, такъ и сводить ихъ по роду и характеру содержанія. Съ этимъ вмѣстѣ каждое изъ рас-

(1) Письмо отъ 4 Апрѣля 1844 г. NB Архіеп. Рязанскимъ Гавріиломъ всѣ письма высокопр. Филарета, писанныя къ нему, были доставлены покойному Владыкѣ Антонію, какъ біографическіе матеріалы.

поряженій мы станемъ излагать съ указаніемъ, по возможности, на обстоятельства, такъ, или иначе послужившія основаніемъ и побужденіемъ къ тому, или иному распоряженію,—при чемъ читатели увидятъ и соотвѣтственные симъ распоряженіямъ выводы и заключенія о достоинствѣ ихъ какъ по отношенію къ самымъ предметамъ и содержанію сообразно состоянію и потребностямъ братіи и всей Лавры, такъ и по силѣ, и вліянію ихъ. Въ послѣднемъ отношеніи мы должны напередъ отмѣтить ту особенную и господствующую черту, что высокопр. Филаретъ въ своихъ оффиціальныхъ распоряженіяхъ являлъ себя не столько *яко власть имѣяй*, но какъ ревностный и неуклонный послѣдователь, или, вѣрнѣе, какъ смиренный послушникъ всѣмъ уставамъ, правиламъ, обычаямъ и преданіямъ св. Отецъ Печерскихъ.

ГЛАВА XII.

«Въ управленіи высокопр. Филарета, какъ Священно-архимандрита Кіево-Печерской Лавры была та особенная господствующая черта, что онъ во всѣхъ распоряженіяхъ своихъ являлъ себя не яко власть имѣющій, но какъ неуклонный и ревностный послѣдователь или, вѣрнѣе, смиренный послушникъ всѣмъ уставамъ, правиламъ, обычаямъ и преданіямъ Св. Отцевъ Печерскихъ,—почему и въ оффиціальныхъ предложеніяхъ именовалъ самъ себя однимъ изъ непотребныхъ служекъ»(1).

Имѣя подъ руками дѣла Лаврскаго архива, мы прослѣдили, сколько находили нужнымъ для полноты нашей задачи, распорядительныя дѣйствія и прежнихъ ближайшихъ предмѣстниковъ въ Бозѣ почившаго. На основаніи этихъ подлинныхъ данныхъ мы должны сказать, отнюдь не уменьшая этимъ значенія прежде бывшихъ распоряженій, что разность представляется весьма ощутительная. Сравнительно напр. съ распорядительными дѣйствіями непосредственнаго предмѣстника—высокопр. Митрополита Евгенія, дѣйствія высокопр. Филарета представляются отчасти скудными по количеству, за то по качеству онѣ преимуществуютъ въ весьма многомъ. Отличительною и господствующею характеристикою послѣднихъ служитъ духъ свято-отеческій,—именно въ отношеніи къ потребностямъ духовно-иноческаго житія, словомъ всетó, какъ обыкновенно и выражался въ своихъ письменныхъ распоряженіяхъ высокопр. Филаретъ, чтó *Первоначальницы святыя Чудотворныя Кіево-Печерскія Лавры, Духомъ Святымъ просвѣщенные, заповѣдали братіямъ*; тогда

(1) Слова эти въ самомъ повѣствованіи.

какъ въ первыхъ, въ большóмъ множествѣ, заключаются распоряженія экономическаго содержанія, внѣшне-дисциплинарнаго характера, и т. п.

Указываемая разность представляется съ перваго же шага въ дѣйствіяхъ высокоп. Филарета. Содержаніе самаго перваго его распоряженія было относительно экономически—матеріяльной стороны—именно противъ нея. Высокопр. Филаретъ, менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по вступленіи своемъ на Митрополію, въ предложеніи своемъ Лаврскому духовному Собору писалъ: «Божіею милостію, предстательствомъ Пресвятыя Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и молитвами преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашимъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ Чудотворцевъ Печерскихъ, святая Чудотворная, небеси подобная, Кіево-Печерская Лавра доселѣ процвѣтала и безъ хлѣбопашества. *Кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ есть, въ томъ и да пребываетъ предъ Господомъ*,—научаетъ св. Апостолъ Павелъ. Премудрымъ устроеніемъ Промысла Божія производить хлѣбопашество и пользоваться выгодами онаго предоставлено хлѣбопашцамъ. Монашествующимъ же, облекающимся въ Ангельскій образъ служенія Господу Богу, подобаетъ воздѣлывать ниву сердца своего постническими и молитвенными подвигами въ безмолвіи духа. Деннонощное славословіе, безпрестанная молитва сердца и рукодѣліе, не нарушающее безмолвія духа, составляли ежедневное упражненіе преподобныхъ Отецъ нашихъ. Въ святой Кіево-Печерской Лаврѣ, по обширнымъ ея заведеніямъ, и безъ хлѣбопашества довольно труда для монашествующихъ и для послушниковъ»(1).

Судя по тому одному, что настоящее предложеніе дано было на самыхъ первыхъ порахъ, оно должно было имѣть особенное значеніе. Поводомъ къ этому распоряженію было слѣдующее. Высокопр. Филаретъ прибылъ въ такую лѣтнюю пору, когда занятія по хлѣбопашеству, по Кіевской мѣстности, должны были уже начаться и по жатвѣ хлѣба, и,

(1) Предложеніе Лавр. духовн. Собору отъ 20-го Іюля 1837 г. Смотр. особую книгу, составляющую собраніе положеній, принятыхъ къ руководству при настоятельствѣ высокопр. Митроп. Филарета.

одновременно съ тѣмъ, по сѣнокосу и, потому, значительная часть лаврской братіи должна была находиться при этихъ полевыхъ работахъ. Это отсутствіе братіи и должно было сразу представиться глазамъ новоприбывшаго Архипастыря—Настоятеля, и, какъ оно ни могло казаться уважительнымъ, должно было глубоко отозваться монахолюбивому его чувству. «И безъ хлѣбопашества довольно труда для монашествующихъ и послушниковъ,»—сказано въ предложеніи и, очевидно, не безъ причины и не безъ основаній, притомъ такихъ, которыя сознавались и въ средѣ самой братіи вообще, а въ частности, до кого касалось дѣло, были весьма чувствительны. Изъ разсмотрѣнія другихъ данныхъ открывается, что при описываемомъ порядкѣ вещей и состояніи занимавшихся многотрудными работами была забыта истина ветхозавѣтнаго закона, упоминаемая и св. Апостоломъ: *да не заградиши устенъ вола молотяща... яко о надеждѣ долженъ есть оряй орати и молотяй съ надеждою своего упованія причащатися* (I. Кор. IX. 9—10).(1) Выходило, что труды трудившихся не вознаграждались даже и самымъ насущнымъ удовлетвореніемъ—достаточнымъ содержаніемъ ихъ по части пищи. Значитъ,—дѣло походило на барщину; а отсюда, естественно, рождались и недовольство, и ропотъ на свое состояніе и тѣмъ болѣе, что каждому видѣлось, что подобные труды назначались не какъ подвигъ иноческаго послушанія, а какъ одинъ лишь заработокъ къ пріумноженію житницъ...

Другой фактъ, тоже экономическаго свойства, встрѣчается на самыхъ первыхъ же порахъ. Лаврскій духовный Соборъ представилъ протоколъ о томъ, чтобы отпускать на трапезу сельдей и для всѣхъ послушниковъ Лавры, тогда какъ это прежде было только для братій старшихъ... Высокопреосвященный написалъ на семъ протоколѣ: «исполнить и всегда исполнять не нарушимо, ибо всѣ мы братія еси мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (2). Ясно, какъ высокопреосв. Филаретъ

(1) По Русскому переводу: «Не заграждай рта вола молотящаго... ибо кто пашетъ, долженъ пахать съ надеждою, и кто молотитъ, (тотъ молотитъ) съ надеждою получить ожидаемое (т. е. соотвѣтственно труду).

(2) Смотр. исходящ. журналъ съ прописаніемъ резолюціи отъ 7 Іюля 1837 г. № 253.

во всемъ открывалъ и проводилъ одну и единственно—главную мысль, столь свойственную духу и характеру иноческвующихъ. Ему докладываютъ о сельдяхъ, а онъ обращаетъ вниманіе и указываетъ всѣмъ на духъ и чувства единобратства. Такъ же точно, спустя нѣсколько времени, Лаврской духовный Соборъ представилъ докладъ объ улучшеніи трапезы вообще для Лаврской обители: и что же отвѣчаетъ Высокопреосвященный? Онъ написалъ. «на улучшеніе братской трапезы изъявляю совершенное и особенное мое согласіе въ надеждѣ, что братія будетъ преуспѣвать и въ подвигахъ жизни благочестивой, цѣломудренной и святой, сообразно монашескимъ обѣтамъ» (1).

Что подобныя резолюціи не были только, какъ говорится, формулированы на бумагѣ, и не были въ родѣ, такъ называемыхъ—pia desideria,—а выражали въ себѣ истинный и точный смыслъ, осуществленія котораго желалъ, надѣялся и требовалъ высокопр. Филаретъ на самомъ дѣлѣ,—этому доказательство находимъ въ данномъ имъ впослѣдствіи предложеніи Лаврскому духовному Собору такого содержанія.—«Въ пастырской заботливости о сохраненіи правилъ монашескаго житія, установленнаго Преподобными и Богоносными Отцами нашими Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими, поручаю духовному Собору предъ очами Божіими наблюдать безъ всякаго уклоненія, чтобы въ братской трапезѣ при собраніи братіи для принятія пищи, сохраняема была совершенная тишина и безмолвіе. Ибо *монашеская трапеза есть священнодѣйствіе* Всѣ вообще, начиная съ соборныхъ старцевъ, которые обязаны подавать собою примѣръ строгаго соблюденія порядка прочимъ, должны въ молчаніи слушать чтеніе священ. книгъ, отнюдь ни съ кѣмъ не разговаривать и пр.» (2).

Такимъ образомъ, начиная съ внѣшнихъ занятій братіи, продолжая насущными вещественными предметами жизни и возводя тѣ и другіе въ высшій духовный смыслъ и значеніе, высокопр. Филаретъ постепенно приводилъ состояніе всѣхъ

(1) Смотр. тамъ же отъ 10 Сентября 1837 г. подъ № 1087.

(2) Смотр преждеупомян. книгу положеній, листъ 83-й.

и каждаго къ тому, «что́ *первоначальницы святыя Чудотворныя Кіево-Печерскія Лавры, Духомъ святымъ просвѣщенные, установили и заповѣдали.* Всякій понимаетъ, что такой образъ дѣйствія, самъ по себѣ, уже составлялъ одно изъ условій для самаго вѣрнаго и благотворнаго вліянія на всѣхъ, кому вѣдать и исполнять надлежало. Съ другой стороны всякій видитъ, что, дѣлая самъ отъ себя, или утверждая, представленныя ему отъ Собора, распоряженія, высокопр. Филаретъ поступалъ не такъ, чтобы, какъ говорится, дѣлать, напередъ разчитанную, ломку прежде существовавшаго порядка, и тѣмъ выставить свою личность, тѣмъ болѣе видитъ всякій, что здѣсь не было и тѣни какого либо насилія убѣжденіямъ и вообще состоянію братіи. Напротивъ, въ послѣднемъ-то собственно отношеніи, вся братія должна была отозваться на все съ полнѣйшимъ радушіемъ, а если гдѣ послѣдняго и не доставало, то, само собою, одно сознаніе такого духовноиноческаго духа, образа и направленія въ распоряженіяхъ должно было постепенно приводить кождаго благомыслящаго къ вожделенному убѣжденію и состоянію Даже тѣ самые изъ братій, въ которыхъ такъ, или иначе образовалась привычка и приверженность къ прежнимъ порядкамъ, не могли находить здѣсь повода къ недовольству или предубѣжденію противъ настоящихъ распоряженій Никто не могъ упрекнуть и мысленно, а тѣмъ паче словомъ, или фактически, будто въ своихъ распоряженіяхъ новый Архипастырь—Настоятель идетъ прямо и рѣзко къ намѣренному измѣненію распоряженій своего предшественника. Въ свидѣтельство и доказательство сей часъ сказаннаго мы имѣемъ такого рода документъ, гдѣ открывается именно то, что высокопр. Филаретъ и самъ съ своей стороны ясно понималъ и предвидѣлъ возможность подобныхъ предубѣжденій и возраженій, и потому писалъ въ одномъ изъ своихъ предложеній духовному Собору такъ: «Находя, данную блаженныя памяти Преосвященнѣйшимъ Евгеніемъ, митрополитомъ Кіевскимъ Благочинному Лавры, инструкцію совершенно сообразною съ церковными законоположеніями, нужнымъ считаю сдѣлать къ оной дополненія ([1]).

([1]) Смотр. туже книгу положеній, листъ 22—23.

Не выписывая здѣсь буквальнаго текста всѣхъ дополненій, заключающихся въ одинадцати пунктахъ, мы должны сказать, что содержаніе и значеніе ихъ таковы, что какова бы ни была прежде данная инструкція, безъ этихъ дополненій она должна была представляться, на чей угодно здравый и безпристрастный взглядъ, имѣвшею большой пробѣлъ по части самыхъ важнѣйшихъ сторонъ и условій въ жизни и состояніи иночествующихъ. Въ большинствѣ пунктовъ содержаніе новоданныхъ правилъ направлено противъ нѣкоторыхъ не одобрительныхъ и не позволительныхъ сторонъ въ жизни и отношеніяхъ Лаврской братіи къ людямъ мірскимъ, каковыя стороны легко могли вкрасться отъ простодушной неосторожности и не строгаго самонаблюденія за дѣйствіями и послѣдствіями ихъ. Къ числу сихъ послѣднихъ относится напримѣръ то́, чтобы не допускать входа женщинамъ въ келліи братскія, а ночлега для нихъ не позволять не только въ сѣняхъ, но и въ задворкахъ; самимъ же монашествующимъ и послушникамъ въ гостинницы Лаврскія отнюдь не входить, по крайней мѣрѣ, безъ дозволенія Благочиннаго; смотрѣть строжайше, чтобы не входили въ Лавру и не находились близь входовъ въ пещеры женщины, торгующія припасами съѣстными, иконками и пр. Сюда же должно отнести и внушеніе монашествующимъ и послушникамъ, чтобы они всемѣрно остерегались употреблять горячіе напитки. Послѣднюю слабость нельзя, къ несчастію, скрывать между иночествующими нашего времени. Въ Кіевской же мѣстности, какъ видѣли читающіе въ своемъ мѣстѣ, эта слабость въ особенности обща и вошла какъ бы въ натуру тамошней населенности и въ частности въ средѣ духовнаго сословія и отчасти монашества ([1]). Но дававшій

([1]) Въ дневникѣ о Намѣстника Лавры читаемъ слѣдующій фактъ: «Св. Владыка служилъ.—Послѣ обѣдни въ своихъ покояхъ, куда собрались на чай служившія лица, бывшему тутъ же одному Архимандриту—старику сказалъ: «чайку, сколько угодно, кушай; а о водочкѣ твоей любимой, теперь и не помышляй,—грѣхъ въ эти дни (великаго поста),—надо потерпѣть».—Старикъ по старинѣ имѣлъ смѣлость замѣтить, что хорошо иногда подкрѣпиться»; но Владыка сказалъ: «если на чтеніе страстей придешь подкрѣпясь, то велю выслать... А между тѣмъ разсказалъ ему при всѣхъ вотъ какой случай: «Къ преосв. Митрополиту

сіе правило имѣлъ особенное къ тому основаніе и цѣль. Чрезъ возможное всемѣрное остереженіе себя отъ горячихъ напитковъ онъ внушалъ всякому храненіе дѣвственной чистоты, а потому онъ буквально выразилъ это правило такъ. внушать, чтобы всемѣрно остерегались употреблять горячіе напитки, не въ предотвращеніе только слабости обыкновенной, но какъ *не совмѣстные съ дѣвственною жизнію* Въ этомъ же отношеніи и смыслѣ дано было и то́ правило, которое проникнуто особенною духовною опытностію, сколько и ревностію въ разсужденіи чистоты цѣломудрія и выражено буквально такъ: «за сохраненіемъ чистоты душевной и тѣлесной малолѣтнихъ канонарховъ имѣть бдительное смотрѣніе. А кромѣ канонарховъ, менѣе шестнадцатилѣтняго возраста, никому не дозволять имѣть пребываніе въ Лаврѣ и въ другихъ, принадлежащихъ ей, монастыряхъ». Это правило, справедливо сказать, одно изъ самыхъ рѣдкихъ, встрѣчаемыхъ развѣ только у величайшихъ, и то не многихъ, подвижниковъ христіанской древности, какъ напр. у св. Евѳимія Великаго; но съ тѣмъ вмѣстѣ оно было основано на святыхъ примѣрахъ подобнаго блюденія *малыхъ сихъ* въ лицѣ двухъ святыхъ отроковъ, сподобившихся нетлѣнно почивать въ св. Пещерахъ, именно канонарховъ—Леонтія и Геронтія.

Вообще объ этой сторонѣ нравственности высокопреосв. Филаретъ имѣлъ постоянное и особенное попеченіе. Это свидѣтельствуется многообразными его отеческими внушеніями и наставленіями его братіямъ при разныхъ случаяхъ,—о чемъ

Платону нѣкогда явился одинъ приходскій священникъ и съ безпокойствомъ душевнымъ говоритъ: прости Владыко святый! Буди твоя воля, чтобы ни было, но я долженъ сказать вину свою.—Въ прошлое Воскресенье я служилъ обѣдню и въ это время, по не досмотру, вбѣжала въ церковь собака, къ крайнему моему и всѣхъ православныхъ смущенію... Что мнѣ дѣлать? Виноватъ.—«Да, сказалъ Архипастырь, это не хорошо, не осторожно; впредь надобно затворять церковныя двери... Но скажи мнѣ, отецъ, по совѣсти, какъ предъ Богомъ: не случалось ли тебѣ входить въ Св. Алтарь выпивши, по немощи человѣческой, и притомъ не въ мѣру».—«Не могу утаить,—случалось къ стыду моему и на грѣхъ мнѣ»...—«Ну такъ впредь остерегайся этого еще болѣе... Знай, что войдя во Св. Алтарь въ нетрезвомъ видѣ, ты гораздо хуже того пса, который вбѣжалъ въ церковь»... (Дневникъ. 1857 г. стр. 13).

сохранились свѣдѣнія и въ запискахъ и въ устныхъ преданіяхъ, а также и въ неоднократныхъ формальныхъ предложеніяхъ. Подобнаго рода предложенія онъ всегда начиналъ не иначе, какъ слѣдующими вступленіями: «*въ пастырскомъ попеченіи о сохраненіи въ трезвости, въ цѣломудріи и святыни монашескаго житія братіи, вмѣненной мнѣ отъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же долженъ есмь дать отвѣтъ на праведномъ судѣ Его, святымъ Его именемъ заповѣдую духовному Собору*»...

Приводя подобныя распоряженія, мы должны указать какъ на замѣчательную особенность, ту черту въ лицѣ и дѣйствіяхъ высокопр Филарета, что ни въ одномъ положительно документѣ не встрѣтите вы той формы изложенія и выраженій, въ какой любятъ многіе изъ начальствующихъ давать свои письменныя распоряженія,—т. е. въ родѣ напр. слѣдующихъ: «мною замѣчено,—мнѣ стало извѣстно,—до свѣдѣнія моего дошло, и т. п. и затѣмъ начинается выставленіе на видъ разныхъ недостатковъ, неисправностей, опущеній и пр., а наконецъ излагаются положительныя правила, наставленія, внушенія, требованія»... А какъ много значитъ тотъ, или другой образъ, сей-часъ сказанныхъ, дѣйствій и отношеній начальствующихъ не только для подчиненныхъ, но и для сторонникъ, понятно всякому. Въ послѣднемъ разѣ все какъ-то невольно ложится на сердцѣ и тяжело отзывается, тогда какъ въ первомъ чувствуется свободное призваніе, расположеніе и стремленіе къ тому, что внушается, или предписывается. Отсюда же въ послѣднемъ случаѣ холодность, или натянутость отношеній между лицами начальствующими и подчиненными и взаимно между послѣдними,—а въ первомъ теплота и искренность чувствъ, взаимная любовь, сыновность, братственность. А это все въ приложеніи къ управленію свято-обительскому, къ состоянію иночествующихъ, гдѣ нѣтъ другихъ названій между лицами, какъ имя отца, чада, или брата, понятно, какую имѣетъ особенную силу и степень вліянія. Здѣсь, строго говоря, нѣтъ мѣста для такъ называемой администраціи, какъ и дѣйствительно никогда и не бывало ея въ древнихъ св. обителяхъ, подобно какъ и въ святой Кіево-Печерской Лаврѣ. Свято-отеческія заповѣди и наставленія св. преподобныхъ Отецъ

Антонія и Ѳеодосія и ихъ достойныхъ преемниковъ по настоятельству составляли весь никогда неизмѣнный и всегда полный по содержанію, значенію и приложенію къ жизни и практикѣ, кодексъ, заключенный не въ письменахъ, но запечатлѣнный на всѣ времена и на всѣ состоянія послѣдующихъ братій въ духѣ и образѣ жизни, столь же неизмѣнный, и не старѣющійся, сколько нетлѣнны самыя тѣлеса, жившихъ и скончавшихъ по правиламъ его земное теченіе свое, св. Угодниковъ Божихъ. Въ разсматриваемыхъ распоряженіяхъ высокопр. Филарета мы и находимъ, во всей полнотѣ, послѣдованіе этому духу какъ по содержанію самыхъ предметовъ его распоряженій, такъ и по личному собственному его состоянію, чувству и характеру въ отношеніи ко всѣмъ уставамъ и преданіямъ св. Кіево-Печерской Лавры. Анализируя не съ холоднымъ вниманіемъ разсудка, а слагая въ сердцѣ все то, что содержится въ его письменныхъ распоряженіяхъ, и какъ оно выражается,—какъ бы забываешь, что имѣешь дѣло съ документами XIX вѣка, а скорѣе какъ бы вращаешь свитки временъ *Несторовскихъ* и ближайшихъ, такъ и вѣетъ отъ нихъ духомъ святоотечественности древней...

Таковъ, въ особенности, слѣдующій напр. документъ, который по формѣ тоже относится къ разряду обыкновенныхъ, даваемыхъ духовному Лаврскому Собору, предложеній, но по содержанію и духу заключаетъ въ себѣ именно то, что сей-часъ нами сказано. Самъ писавшій буквально даже наименовалъ свои распоряженія не иначе, какъ *наставленіями*, а при этомъ себя самого наименовалъ однимъ *изъ непотребныхъ служекъ*. Выписываемъ отъ слова до слова это достоподражательное предложеніе, какъ утѣшительное свидѣтельство, что и въ наши, хотя видимо оскудѣвающія преподобническою жизнію, времена есть еще, благодареніе Господу, истинные ревнители ея, и словомъ, и дѣломъ, и примѣромъ своимъ наставляющіе и приводящіе къ ней и другихъ избранныхъ.

«Преподобные и Богоносные Отцы наши—Антоній и Ѳеодосій, Первоначальницы св. Чудотворныя Кіево-Печескія Лавры, Духомъ Божимъ просвѣщенные, заповѣдали братіямъ и послушникамъ сея св. Обители *вся творить по*

благословенію старѣйшихъ, а безъ благословенія по своей волѣ намъ ничто же дѣлати. По долгу Настоятеля Лавры, *желая сохранить сію спасительную для душъ нашихъ заповѣдь въ назиданіе иноческаго по Бозѣ жительства, по совѣщанію съ духовнымъ Соборомъ*, именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятыя Богородицы поручаю всему о Христѣ братству Лавры соблюдать слѣдующія *наставленія.*

I. «Всѣмъ монашествующимъ и послушникамъ имѣть у себя *сокращенныя правила монашескаго житія*, присемъ прилагаемыя, которыя какъ теперь выдать каждому изъ типографіи по одному экземпляру, такъ и на будущее время, при поступленіи въ Лавру, выдавать тогда же безвозмездно и въ Соборѣ внушить о непремѣнномъ оныхъ исполненіи.

II. Правила сіи предъ очами Божіими по совѣсти всемѣрно стараться исполнять и прочитывать, сколько можно, чаще.

III. Безграмотнымъ въ разумѣніи сихъ правилъ оказывать братскую помощь живущимъ съ ними грамотнымъ, прочитывая съ ними сію книжицу.

IV. Всѣмъ монашествующимъ стараться пріобрѣсть для себя покупкою Новый Завѣтъ, или одно св. Евангеліе и Псалтирь, и на келейномъ правилѣ ежедневно прочитывать по нѣскольку главъ и псалмовъ съ благоговѣніемъ по силѣ и возможности. Весьма полезно сіе и послушникамъ, кто изъ нихъ можетъ имѣть сіи святыя книги.

V. Безъ благословенія начальствующихъ никому изъ Лавры въ городъ Кіевъ не отлучаться, а для исправленія надобностей испрашивать позволеніе каждому по своему вѣдомству по прилагаемому у сего росписанію.

VI. По исправленіи надобностей своихъ каждый долженъ являться къ начальствующему.

VII. Начальствующимъ поручается внушить находящимся въ ихъ вѣдомствахъ, чтобы они вели себя въ совершенной трезвости, цѣломудріи, въ смиреніи, старшимъ оказывали почтеніе и поступали во всемъ и вездѣ, какъ добрымъ инокамъ благопристойно. Маловажные проступки ихъ *исправлять наставленіями въ духѣ отеческомъ и назначеніемъ поста и молитвы.* А о требующихъ наказанія

давать знать благочинному для донесенія Настоятелю.

VIII Намѣстнику, какъ старшему по Настоятелѣ *брату*, поручается имѣть наблюденіе за исполненіемъ какъ сихъ, такъ и другихъ постановленій Лавры, и посѣщать всѣ келліи монашествующихъ и послушниковъ, по крайней мѣрѣ, единожды въ мѣсяцъ, ежели не можетъ чаще. При посѣщеніи келлій смотрѣть, исполняютъ ли братія монашескіе обѣты *и дѣлать наставленія изъ Божественнаго Писанія и свято-отеческихъ книгъ о иноческомъ по Бозѣ жительствѣ*

IX. Всѣмъ начальствующимъ *единодушно и единомысленно въ духѣ Евангельскаго единенія помогать другъ другу совѣтами* въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей, и *яко истиннымъ сынамъ единыя святыя обители всемѣрно пещись* о благоустройствѣ и духовныхъ пользахъ ея,—и, *что̀ усмотрятъ нужное и полезное*, представлять Настоятелю и духовному Собору. По заповѣди Господа нашего Іисуса Христа *возложенныя на нихъ должности проходить со смиреніемъ*; ибо Начальница сея святыя и Чудотворныя Лавры есть Пресвятая Богородица Заступница наша, а *мы всѣ не потребные служки Владычицы нашея*» (1).

Таково, отъ слова до слова, содержаніе настоящаго документа. И что же?—Если бы этотъ документъ былъ единственный изъ всѣхъ сохранившихся свѣдѣній о духѣ, характерѣ и образѣ настоятельствованія высокопр. Филарета въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ, и тогда бы болѣе, чѣмъ достаточно для всякаго воспроизвести вѣрную и полную картину всего состоянія и положенія, въ какихъ находилось въ средѣ братій святоиноческое по Бозѣ жительство, о которомъ столько заботился и ревновалъ высокопр. Филаретъ, по долгу своего званія, яко Настоятель и старшій братъ, въ ряду собратій и яко одинъ изъ служекъ Начальницы св. Лавры—Небесной Владычицы.

Для большей ясности дѣла мы готовы были бы обратить вниманіе читающихъ на содержаніе тѣхъ сокращенныхъ правилъ монашескаго житія, которыя заповѣдывалось имѣть

(1) Смотр. въ той-же книгѣ положеній лист. 39—40.

всѣмъ монашествующимъ и послушникамъ, какъ непремѣнную принадлежность; но ограничимся однимъ указаніемъ, что при всей своей чрезвычайной краткости (собственно по отношенію къ пунктамъ, которыхъ—130-ть), онѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ, обнимаютъ все внутреннее и внѣшнее состояніе и положеніе иночествующаго въ званіи ли старца и въ санѣ священника, или новоначальнаго послушника, и притомъ не въ родѣ какихъ либо высшихъ аскетическихъ требованій, а какъ наставительныя руководства и средства *монаху къ достиженію святости по мѣрѣ силъ при человѣческой немощи*, какъ и выражено это буквально въ одномъ изъ оглавленій.

Кромѣ изложенныхъ доселѣ распорядительныхъ дѣйствій, имѣющихъ содержаніемъ своимъ относящееся вообще къ состоянію и образу иноческой жизни всей братіи Лавры,—высокопр. Филаретъ, по мѣрѣ надобности, обращалъ строгое вниманіе и на многія другія стороны и предлагалъ къ свѣдѣнію и исполненію разныя распоряженія. Эти послѣднія распоряженія относились или къ нѣкоторымъ частнымъ предметамъ иноческихъ обязанностей, въ ряду обыкновенныхъ, такъ называемыхъ, *послушаній*, или же къ случайнымъ явленіямъ. Но у него и здѣсь во всемъ проникалъ одинъ и тотъ же духъ ревности о сохраненіи всѣхъ порядковъ, правилъ, обычаевъ, соблюдавшихся съиздревле въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ. Если и измѣнялось что̀ изъ существовавшихъ въ предпослѣднее время обычаевъ и порядковъ Лаврскихъ, то по единственнымъ побужденіямъ и цѣлямъ, чтобы возстановить и возвести ихъ въ первобытный видъ, образъ и характеръ.

Къ разряду подобныхъ распоряженій должно отнести слѣдующее предложеніе касательно церковнаго пѣнія.—«Издревле св. Кіево-Печерская Лавра сопровождала Богослуженіе благоговѣйнымъ пѣніемъ, приводящимъ въ умиленіе богомольцевъ. Имѣя долгъ и отъ всего сердца желая сохранить во всей полнотѣ и точности древнее сея св. Обители пѣніе безъ малѣйшей перемѣны, поручаю имѣть особенное о семъ попеченіе Намѣстнику Лавры и Екклесіарху, и всемѣрно стараться избирать способныхъ къ пѣнію монашествующихъ и послушниковъ въ клирошаны Великой Церкви

Успенія Божіей Матери. При пѣніи клирошане должны стоять съ благоговѣніемъ въ *небеси подобной* Церкви, подражая Ангеламъ на небесахъ, съ трепетомъ воспѣвающимъ величество Божіе. Клирошанъ, замѣченныхъ въ малѣйшемъ не благочиніи, какъ-то—въ разговорахъ, безчинномъ взираніи назадъ и по сторонамъ и пр. исправлять неослабно духовными наказаніями, и о не исправляющихся доносить Настоятелю для исключенія изъ числа клирошанъ и изъ Лавры. Уставщикамъ праваго и лѣваго клироса предписать, чтобы они всемѣрное употребляли стараніе къ сохраненію пѣнія въ древнемъ его совершенствѣ, и клирошанъ обучали какъ сами, такъ и посредствомъ другихъ клирошанъ въ простомъ церковномъ пѣніи, отнюдь не допуская на клиросахъ никому пѣть, кромѣ клирошанъ и канонарховъ» (1). Кто бывалъ въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ и слышалъ тамошнее пѣніе, и, тѣмъ болѣе, кто имѣетъ сколько нибудь спеціальнаго знанія по части церковнаго пѣнія, каждый вполнѣ пойметъ и оцѣнитъ значеніе, сей часъ изложеннаго, предложенія. Можно отъ лица всякаго сказать, что отнимите это пѣніе, какое собственно бываетъ въ великой небеси-подобной Церкви, и вы съ тѣмъ вмѣстѣ едва ли не отнимите и отъ самой Церкви это досточудное наименованіе ея—*небеси подобной*,—или, во всякомъ случаѣ, вы не будете себя чувствовать такъ, какъ при настоящемъ, собственно ей принадлежащемъ, пѣніи. Вотъ напр. какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ именно пѣніи авторъ статьи: «Великіе дни Богослуженія въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

«Боже мой! что это за пѣніе? Слышалъ я много хоровъ церковныхъ на св. Руси; самъ съ любовію изучалъ нашу церковную музыку; понимаю ее на столько, на сколько силъ моихъ есть: но подобнаго пѣнія выразить и перевести на ноты не могу, да и не умѣю... Кажись тутъ нѣтъ никакого порядка; кажись, здѣсь все—дѣло чистаго произвола: а между тѣмъ какъ жалкими и блѣдными представляются всѣ композиціи велихъ мастеровъ церковной музыки передъ этими потрясающими звуками, не подсказанными наукою, а выне-

(1) Смотр. въ книгѣ положеній лист. 33).

сенными прямо изъ души, насквозь проникнутой тѣмъ чувствомъ, съ которымъ должно славословить Господа Строгіе контрапунктисты должны бросить свои теоріи и руководства предъ этимъ пѣніемъ, въ прахъ повергающимъ всякое человѣческое искуство... И замѣчательно, что Лаврское пѣніе не вдругъ можетъ предстать во всемъ величіи явившемуся слушателю; испытующій дилетантъ музыки, пожалуй, даже заподозритъ человѣка, наговорившаго ему объ этомъ, въ пристрастіи и не пониманіи дѣла. Но такъ оно и должно быть: Лаврское пѣніе—дѣло святое, чистое, небесное, а ко всему этому мы, по несчастному настроенію нашей растлѣнной природы, какъ-то глухи, тупы и не пріимчивы. Для пониманія вещей духовныхъ заповѣдуется намъ просвѣтлить духовное зрѣніе наше; точно также и для пониманія музыки, подобной Лаврскому пѣнію, надобно очистить внутреній слухъ нашъ, выкинуть изъ него всѣ пустопорожнія свѣтскія мелодіи, забыть даже, если возможно, что вы слушаете музыку, а научиться возноситься духомъ въ молитвенномъ воздыханіи, выраженіемъ котораго Церковь Православная достойно и праведно признала не бездушные органы, а живой голосъ живаго человѣка. Тогда только можно постигнуть и обнять душою это пѣніе, подобнаго которому, говорю твердо и рѣшительно, нѣтъ во всей Руси» (1).

Съ такою заботливостію высокопр. Филарета о сохраненіи Лаврскаго пѣнія во всей его неизмѣнной древности и о совершеніи его съ подобающимъ благоговѣніемъ вполнѣ согласно еще и то́ его распоряженіе, чтобы хожденіе Лаврскихъ клириковъ въ праздники по мірскимъ домамъ было прекращено на всегда. Это распоряженіе, естественно, вытекаетъ изъ перваго. Понятно, что́ съ одной стороны и самое пѣніе, при подобныхъ случаяхъ, могло такъ, или иначе видоизмѣняться, а съ другой,—что́ всего главнѣе,—самое состояніе и настроеніе поющихъ, ходящихъ изъ дома въ домъ, могло подвергнуться не благопріятнымъ послѣдствіямъ, и, такимъ обра-

(1) Смотр. Брошюру: «Великіе дни Богослуженія въ Кіево-Печерской Лаврѣ». Спб. 1859 г. стр. 43—46.

зомъ, все то́, что́ собственно въ Лаврѣ въ небеси подобной церкви могло производиться достойнымъ своего значенія образомъ, въ послѣднемъ случаѣ легко могло какъ бы профанироваться и парализоваться въ глазахъ самыхъ даже мірскихъ людей. Излишне скрывать тѣ явленія, коими не рѣдко сопровождаются вообще хожденія пѣвчихъ съ праздничными концертами какъ со стороны принимающихъ въ свои домы, такъ и приходящихъ для пѣнія. О послѣднемъ обстоятельствѣ тоже сказано было въ особомъ предложеніи. «Подтверждаю сіе постановленіе къ точному и непремѣнному исполненію на всѣ времена, такъ какъ посѣщеніе мірскихъ домовъ не рѣдко сопровождается не благоприличіемъ и предосудительными въ монашескомъ чинѣ поступками» (1).

Воспрещалось, между прочимъ, и хожденіе Лаврскихъ клириковъ въ праздникъ Богоявленія со святою водою.—Основаніе къ этому указано собственно въ томъ, что это дѣло относится къ приходскимъ причтамъ, какъ опредѣленнымъ для всѣхъ требоисправленій въ мірскихъ домахъ. А это основаніе, въ чемъ согласиться долженъ всякій, вполнѣ резонное и мудропрактическое. Оно прямо пресѣкаетъ тѣ недовольства и со стороны приходскихъ причтовъ, которыя невольно возникаютъ, когда напр. случается, что Лаврскую клирошанскую братію принимаютъ прихожане, а своему причту отказываютъ, или первымъ предлагаютъ благодарность гораздо бо́льшую, чѣмъ послѣднему, тогда какъ тѣ не имѣютъ вовсе такой нужды, какую ощущаетъ причтъ приходскій. Такимъ образомъ въ отношеніи къ клирошанамъ, какъ инокамъ, здѣсь исполнялась заповѣдь о нестяжательности, а съ тѣмъ вмѣстѣ, этимъ—попрошайничествомъ своего рода не компроментировалась честь самой Лавры, всегда имѣющей свои достаточныя средства и источники доходовъ отъ усердныхъ дателей,—а въ отношеніи къ приходскимъ причтамъ ограждалась заповѣдь св. Апостола: *служащіи олтарю, со олтаремъ и дѣлятся*. И такъ какъ разсматриваемое предложеніе высокопр. Филарета было въ настоящій

(1) Смотр. въ книгѣ положеній.

разъ, подтвердительное, [1]) слѣдовательно были къ тому особенныя причины и поводы,—то значеніе его еще болѣе усугубляется. Ясно, что заботливость его была здѣсь не случайная, не временная, не для виду только, а вытекала изъ наблюденія и глубокаго сознанія не малаго вреда и зла для тѣхъ, къ лицу и состоянію коихъ относилось распоряженіе.

Сказавъ сей часъ о пресѣченіи повода къ стяжательности въ смыслѣ *прибытчества*, мы не можемъ не указать и на другое распоряженіе въ этомъ же родѣ, съ тою именно цѣлію, чтобы дать понять и убѣдиться всякому, какъ заботливо вникалъ высокопр. Филаретъ во все, по видимому малое и незначущее, но пресѣкалъ въ этомъ самомъ, могущее быть, великое зло, которое особенно способно гнѣздиться и возникать тамъ, гдѣ дѣло касается удовлетворенія за труды. Нужно знать, что въ Лаврѣ, кромѣ общаго раздѣла братскихъ доходовъ, есть частный, бывающій за отправленіе наемныхъ отъ богомольцевъ молебновъ, паннихидъ, литургій и пр. За каждое отправленіе этихъ служеній, какъ не входящихъ въ чередовый порядокъ, кружечные приставники и записчики обязаны выдѣлять служащимъ извѣстную часть не въ счетъ общаго раздѣла. И вотъ здѣсь-то открывался, подъ часъ, обильный источникъ къ сказанному злу. Іеромонахи и іеродіаконы, какъ старшіе, обыкновенно считали себя въ правѣ на бо́льшее вознагражденіе, чѣмъ послушники. Между тѣмъ какъ всякому, знающему сколько нибудь порядокъ службъ церковныхъ, очевидно, что труда для послушниковъ поющихъ и читающихъ приходится не сравненно болѣе, чѣмъ іеромонаху и еще болѣе, чѣмъ іеродіакону. По этой причинѣ могли происходить не пріятныя столкновенія между исполнителями частныхъ служеній, и самыя служенія отправлялись съ принужденностію и нерачительностію со стороны не довольныхъ вознагражденіемъ за труды; а это, само собою, сколько подвергало ихъ тяжкой и страшной

([1]) Въ предложеніи, отъ 5 Января 1856 г. № 46-мъ сказано такъ: «Еще въ Декабрѣ 1846 г. было постановлено, чтобы хожденіе Лаврскихъ клирошанъ по мірскимъ домамъ прекратить навсегда и пр... (Смотр. лист. 102—103).

ответственности предъ судомъ Божіимъ по слову Писанія: *проклятъ всякъ творяй* дѣло Божіе съ небреженіемъ, столько же соблазняло и молящихся, оскорбляло религіозное ихъ чувство и ослабляло усердіе къ молитвѣ и почитаніе къ самому мѣсту святыни.—Вникая въ это съ глубокою духовною мудростію и опытностію, высокопр. Филаретъ не замедлилъ предложить духовному Собору составить росписаніе для соотвѣтственной каждому, по мѣрѣ трудовъ, платы за отправленіе сказанныхъ служеній. И Соборъ составилъ дѣйствительно такое росписаніе, (1) въ которомъ былъ принятъ во вниманіе собственно трудъ, а не званіе только совершающихъ служеніе, такъ что за бо́льшую часть службъ напр. за панихиду, молебенъ, водосвятіе самые послушники получали равную съ іеромонахами плату.

Вообще слѣдуя святой истинѣ и правилу Божеств. Апостола: *достоинъ дѣлатель мзды своея*, высокопр. Филаретъ со всею тщательностію и отеческою любовію наблюдалъ, чтобы никто изъ трудящихся, при всякомъ родѣ и степени монастырскаго послушанія, не лишался подобающей ему мзды. Значеніе этихъ дѣйствій понятно всякому, особливо въ наши времена, когда такъ укорительно указываютъ на развившійся будто бы въ нашихъ обителяхъ духъ властительства, а въ слѣдствіе этого на разныя злоупотребленія между братіями, такъ что если кто не успѣетъ взойти на какую нибудь степень монастырской іерархіи, то положеніе его едва ли лучше, чѣмъ закабаленнаго работника, или бывшаго крѣпостника. Сей часъ указываемыя нами, дѣйствія высокопр. Филарета должны далеко устранить подобныя правыя, или не правыя укоризны на состояніе Кіево-Печерской Лавры. Онъ равно цѣнилъ труды и понималъ потребности и нужды какъ высшихъ начальствующихъ лицъ изъ братіи, такъ и послушниковъ. Таковы напр. распоряженія его были касательно трудящихся и въ просфорнѣ, и въ хлѣбнѣ, и въ поварнѣ, гдѣ, дѣйствительно, занятія трудящихся весьма тяжелыя. Не даромъ всѣхъ новоначальныхъ посылаютъ на

(1) Смотр. въ книгѣ положеній листъ 59. У насъ имѣется точная копія съ самаго росписанія дѣлежа указываемыхъ расходовъ.

послушанія и труды подобнаго рода съ цѣлію, такъ называемаго, *искуса*. Въ одной изъ резолюцій по этому предмету, между прочимъ, писалъ высокопр. Филаретъ: «Смотрителю просфорни прибавить жалованья по 10 р. сер., а прочимъ трудящимся по 6-ти р. Такъ же: «О. Келарю поручить, чтобы онъ усердныхъ къ своему дѣлу и своими трудами заслуживающихъ представлялъ чрезъ каждое полугодіе къ награжденію» (1).

Вообще высокопр. Филаретъ питалъ и выражалъ самымъ дѣломъ всяческое участіе къ состоянію низшихъ братій, чтобы облегчить ихъ житейское положеніе, и, чрезъ это, болѣе дать имъ свободнаго расположенія и стремленія къ духовнымъ потребностямъ и подвигамъ. Иначе, какъ извѣстно, тяготъ внѣшняя не рѣдко воспящаетъ и самыя пламенныя и высокія стремленія духа. Въ этихъ видахъ былъ возстановленъ имъ прежній обычай, существовавшій до 1821 г., но почему-то съ тѣхъ поръ отмѣненный,— обычай—выдавать частію въ пособіе, частію же и болѣе всего *въ благословеніе отъ Лавры* готовящимся къ постриженію въ монашество по 50 р. асс. (2)—Обычай этотъ совершенно достойный возстановленія не только какъ дѣло, освященное временами, но какъ заключающее въ себѣ много знаменательнаго и духовноблаготворнаго. Дѣло, очевидно, здѣсь не въ деньгахъ, какъ пособіи матеріальномъ, а въ томъ, что оно имѣло значеніе «*благословенія св. Лавры*». Самое пособіе дѣлалось и дѣлается даже не всегда деньгами, а вещами, составляющими потребное при постриженіи облаченіе. Здѣсь достигалась во первыхъ та мудрая цѣль, что иной изъ постриженниковъ готовъ былъ бы, судя по собственнымъ его средствамъ, устроить себѣ облаченіе по собственному вкусу и желанію, не рѣдко отзывающемуся прихотливостію, тогда какъ при настоящемъ обычаѣ онъ волей не волей отсѣкалъ уже свои хотѣнія и свободу, и съ тѣмъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, видя себя облеченнымъ, *яко же и вси прочіи*, въ одѣяніе однообразное

(1) Резолюція отъ 6-го Октября 1847 г. Смотр. листъ 69.

(2) Резолюція отъ 7-го Мая 1846 г. лист. 66-й.

и простое по самому матеріалу, долженъ былъ забывать свое прежнее состояніе, которымъ онъ отличался, можетъ быть, далеко и высоко отъ прочихъ своихъ собратій. Кто имѣлъ случай видѣть, хотя разъ, новопостриженныхъ иноковъ, отличающихся рѣзко, между прочимъ, формою клобука, который имѣетъ видъ пнаковый—въ формѣ округленной сверху шлемообразной фигуры, и покрытъ не крепомъ, а простою власяно-суконною матеріею, равно имѣющихъ и прочее одѣяніе и принадлежности самаго простаго вида и качества,—тотъ не можетъ не раздѣлить тѣхъ чувствованій и убѣжденій, что подобный внѣшній видъ инока внушаетъ что-то особенное, и, при взглядѣ на него, невольно зрится и соотвѣтствующее внѣшнему внутреннее духовное и, во всякомъ случаѣ, отображаетъ древне-иноческій видъ и характеръ Впрочемъ въ описанномъ облаченіи новопостриженные являются въ средѣ братіи только въ теченіе извѣстнаго положеннаго срока, а затѣмъ для однообразія облекаются въ обыкновенную одежду. Иные самое это первоначальное облаченіе, именно какъ *благословеніе св Лавры,* сохраняютъ на всю жизнь и почитаютъ для себя однимъ изъ священныхъ желаній, чтобы при исходѣ изъ сей жизни облечься въ это же самое одѣяніе Впрочемъ къ чести Кіево-Печерской Лавры слѣдуетъ сказать, что на братію ея не могутъ падать тѣ укоризны, которыя не рѣдко можно слышать относительно неумѣстной изысканности въ одеждѣ иночествующихъ. Скромность, судя по цѣнности матерій, и, требуемое самымъ званіемъ нѣкоторыхъ изъ должностныхъ лицъ, приличіе,—вотъ все, что́ можетъ всякій и всегда увидѣть по части одѣянія Лаврской братіи А наконецъ, по искреннему свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ братій, и настоящее одѣяніе многіе желали бы упростить. Мнѣ нищущему самому желалось въ одно время получить изъ Лавры простой власянистой матеріи, такъ называемой мухояръ, на рясу и подрясникъ, о чемъ и писалъ я къ одному изъ старцевъ—начальственныхъ въ Лаврѣ лицъ На это было отвѣчено такъ: «мухояру нѣтъ въ нашей Лаврѣ, ибо мы, какъ кажется, въ силу какого-то нелѣпаго прогресса, большею частію начали нынѣ платье носить изъ фабричныхъ, а не изъ самодѣльныхъ мате-

рій» (1). Употребленное здѣсь выраженіе: «начали нынѣ носить», очевидно, показываетъ, что большее, или меньшее отступленіе отъ древне-обычнаго одѣянія было дѣло позднѣйшее; это же показываетъ и самый терминъ «прогрессъ», который не давно сталъ обаять и кружить головы нашего общества своимъ не осмысленнымъ пресловутымъ значеніемъ. Остается заключить, что во дни жизни высокопр. Филарета подобныхъ увлеченій въ средѣ Лаврской братіи еще не было. Во всякомъ случаѣ возстановленіе, сей часъ описаннаго, древняго обычая, въ раскрытомъ нами значеніи его, должно было послужить огражденіемъ отъ поводовъ къ послѣдованію за прогрессомъ въ изысканности одеждѣ

Къ распоряженіямъ по части облегченія низшихъ братій въ средствахъ къ удовлетворенію ихъ житейскихъ потребностей должно отнести наконецъ и то, что высокопр. Филаретъ въ одномъ изъ предложеній своихъ приказалъ, чтобы деньги за шитье и мытье бѣлья и другаго платья для послушниковъ, по недостаточности ихъ, были уплачиваемы изъ неокладной Лаврской суммы безъ вычета изъ ихъ доходовъ [2]).

Но радѣя такъ о состояніи и положеніи низшихъ братій, высокопр. Филаретъ не оставлялъ безъ вниманія и участія, въ этомъ отношеніи, и лицъ старѣйшихъ и по своему служебному положенію могшихъ имѣть достаточное обезпеченіе. Кто не знаетъ, къ прискорбію, ходящихъ въ обществѣ, мнѣній и толковъ, что монашествующіе въ нашихъ обителяхъ, особливо въ такихъ, каковы Лавры, т. е. богатыхъ средствами и доходами преизобилуютъ во всемъ до пресыщенія, и отъ избытковъ своихъ составляютъ значительные капиталы. Не отрицая совершенно подобныхъ явленій, какъ

---

(1) Письмо отъ бывшаго о. Благочиннаго Лавры Игумена Іоны— отъ 15-го Декабря 1869 г.

(2) Въ этомъ распоряженіи Владыки разумѣлась,—какъ объяснилъ мнѣ одинъ старецъ духовный,—не матеріальная только цѣль, а еще то, чтобы не давать послушникамъ повода относиться къ прачкамъ и швеямъ въ городѣ и заводить, чрезъ это, невольное знакомство и подъ предлогомъ той, или другой надобности шляться часто изъ Лавры. Объясненіе старца, кажется, самое вѣрное, на сколько онъ помнитъ духъ своего Аввы—Первосвятителя.

исключеній, примѣры и опыты которыхъ видимъ и въ древнихъ свято-отеческихъ писаніяхъ въ лицѣ нѣкоторыхъ великихъ, подпадавшихъ этому искушенію, подвижниковъ, и считая неумѣстнымъ входить здѣсь въ апологетику по настоящему предмету, мы представляемъ только тѣ данныя, какія имѣемъ подъ нашими руками, и которыя относятся къ предмету нашей рѣчи Выводы и заключенія предоставляемъ благоразсужденію каждаго.

Судя по вышеизложеннымъ людскимъ мнѣніямъ и толкамъ, естественнѣе бы всего полагать, что если кто изъ братіи могъ бы избыточествовать въ средствахъ къ жизни, то это—высшее изъ всѣхъ послѣ Митрополита лице-Намѣстникъ Лавры. Но вотъ что читаемъ, между прочимъ, въ запискахъ. Высокопр. Филаретъ, разсуждая однажды о получаемыхъ имъ самимъ денежныхъ средствахъ и находя ихъ дѣйствительно большими, особенно послѣ увеличенія жалованья по возсоединеніи бывшихъ унятовъ, говорилъ такъ: «вотъ казначей принесъ мнѣ нынѣ (9 Декабря) жалованье—все пятачки, гривенники, двугривенники; до праздника (Р. Х.) разойдутся всѣ (Расходъ этотъ обыкновенно былъ на раздачу нищимъ). Да, продолжалъ онъ рѣчь свою,—Кіевскому Митрополиту можно .. (т. е. имѣть достаточно на этотъ предметъ средствъ). А, вотъ, Намѣстнику жалованья не много .. да не много! Намѣстникъ же долженъ быть обезпеченъ въ средствахъ. Здѣсь такое мѣсто; со всѣхъ сторонъ обращаются, отказывать же и трудно и не хорошо. Вотъ я назначилъ съ своей стороны. Преемникъ, вѣрно, не захочетъ измѣнить, постыдится, да было бы и не справедливо: трудовъ много и расходовъ много. Можетъ быть и изъ братской кружки что нибудь нужно прибавить». . (1) Упоминаемое здѣсь, *назначеніе со стороны высокопр. Филарета* состояло въ томъ, что онъ сдѣлалъ формальное распоряженіе, чтобы изъ доходовъ, причитающихся на его долю, выдѣлять и выдавать Намѣстнику Лавры извѣстную часть, составляющую весьма значительную сумму. Правда, досужимъ на всякія подозрѣнія и кривотолки людямъ ду-

(1) Смотр. въ дневникѣ о Намѣстника Лавры.—(Тетрадь 17).

малось, что это дѣло было личнымъ лишь благоволеніемъ высокопр. Филарета къ бывшему о. Намѣстнику, какъ его родственнику; но дѣло въ томъ, что, какъ бы въ исполненіе завѣщанія высокопр. Филарета, выдача денегъ Намѣстнику совершается

Другихъ многихъ, подобнаго рода, фактовъ въ отношеніи къ братіи Лаврской мы здѣсь не приводимъ на томъ собственно основаніи, что они не подходятъ подъ категорію, представленныхъ нами здѣсь, дѣйствій, какъ имѣвшихъ значеніе распоряженій оффиціальныхъ. Да и вообще трудно ихъ сортировать, такъ какъ подобныя дѣйствія были многочастны и многообразны и истекали изъ такихъ движеній души совершавшаго ихъ, что и сами, сообщавшіе объ этихъ фактахъ, и притомъ лично къ нимъ иногда относившихся, отрицались невозможностію выразить словами, а скорѣе одними лишь умилительными воспоминаніями о тѣхъ чувствахъ и состояніяхъ, какія испытывали они при тѣхъ, или иныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ нимъ незабвеннѣйшаго милостивца, благодѣтеля и любвеобильнѣйшаго Отца своего въ Бозѣ почившаго Владыки. Укажемъ, впрочемъ, на одинъ изъ подобныхъ фактовъ, имѣвшій отчасти видъ оффиціальнаго распоряженія, относившагося къ старѣйшимъ въ Лаврѣ брятіямъ.

Кто имѣлъ случай бывать на чаѣ у самого-ли Митрополита, или Намѣстника, или же у кого либо изъ начальствующихъ лицъ и, такъ называемыхъ, соборныхъ старцевъ, тотъ съ несомнѣннымъ пріятнѣйшимъ удовольствіемъ вкушалъ, подаваемый къ чаю, бѣлый хлѣбъ прекраснаго печенья и безукоризненной чистоты. Но напрасно вы питали бы желаніе и простирали свои виды достать себѣ подобнаго хлѣба гдѣ либо кромѣ указанныхъ лицъ. Этотъ хлѣбъ отпускается по извѣстному положенію и въ извѣстномъ количествѣ только тѣмъ, кому назначено; его нельзя пріобрѣсть и покупкою, такъ какъ и приготовляется онъ въ опредѣленномъ только количествѣ и по числу, и по вѣсу. Отпускается онъ изъ просфорной пекарни и приготовляется изъ просфорнаго же тѣста. Такое учрежденіе имѣетъ слѣдующее основаніе и значеніе. Не станемъ скрывать, что прежде, чѣмъ оно было установлено, были своего рода зло-

употребленія какъ въ полученіи подобнаго хлѣба, такъ и его назначенія сколько въ ущербъ экономіи, столько же и не безъ обиды для нѣкоторыхъ изъ братій. Значеніе же этого хлѣба, какъ отдѣляемаго отъ хлѣба просфорнаго, имѣло для всѣхъ свою особенную достодолжную цѣну по чувству каждаго въ смыслѣ того *утѣшенія*, какъ это слово обыкновенно употребляется въ древнѣйшихъ св. уставахъ обительскихъ. Это стало извѣстно высокопр. Филарету, равно какъ и то, что при чаѣ употреблялись нѣкоторыми и самыя просфоры, хотя бы и не проскомидныя, но, во всякомъ случаѣ, освященныя уже самымъ назначеніемъ и имѣвшія на себѣ изображеніе св. печати съ Именемъ Господа Іисуса Христа. Это послѣднее оказывалось иногда соблазнительнымъ для нѣкоторыхъ изъ приходившихъ богомольцевъ, питающихъ особеннѣйшее почитаніе къ св. просфорамъ, получаемымъ въ св. Лаврѣ. И вотъ, въ пресѣченіе всѣхъ злоупотребленій, и, въ то же время, въ утѣшеніе и въ смыслѣ особеннаго благословенія отъ св. Лавры старѣйшимъ изъ братій постановлено было,—выдавать по извѣстному количеству и на извѣстное время описываемый хлѣбъ для келейнаго употребленія и на случай позволительныхъ пріемовъ достойныхъ посѣтителей. Этимъ самымъ достигалась и та цѣль, чтобы избавить отъ заботъ, иногда сопровождающихся излишнею хлопотливостію и изысканностію въ видѣ разныхъ печеній для предложенія посѣтителямъ, для пріобрѣтенія коихъ нужно было бы обращаться въ городскія пекарни и такъ называемыя кондитерскія, или же покупать у разносчиковъ и разносчицъ, являвшихся прежде даже и въ ограду самой Лавры.

Кстати мы должны сказать и о сей часъ указанныхъ лицахъ и о предметахъ ихъ торговли. Высокопр. Филаретъ не однократно дѣлалъ формальныя распоряженія, чтобы отнюдь не позволять торговли съѣстными припасами и другими предметами, какъ-то: крестиками, иконками, чѣтками и въ томъ числѣ просфорами не только въ дворѣ св. Лавры, но и въ другихъ мѣстахъ напр. вблизи св. Пещеръ. Обратилъ же онъ на это вниманіе еще въ самомъ началѣ своего служенія, и притомъ такъ, что не ограничился только внутренними распоряженіями и мѣрами, но тогда же

сдѣлалъ отношеніе (1) къ Г. Кіевскому Коменданту такого содержанія.—«Замѣчено мною, что при ближнихъ и дальнихъ св. Пещерахъ женщинами производится продажа съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей, не приличная симъ св. мѣстамъ. Сообщая о семъ Вашему Превосходительству, покорнѣйше прошу о воспрещеніи помянутой продажи сдѣлать начальственное Ваше распоряженіе и меня о послѣдующемъ увѣдомить». На это г. Комендантъ отвѣчалъ: «Я предписалъ по принадлежности принять *рѣшительныя* мѣры къ прекращенію торговли, не оставлю между прочимъ и самъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ къ водворенію порядка во всемъ, согласно желанію Вашего Высокопреосвященства». Изъ этого распоряженія очевидно, что безпорядки и неприличія по части описываемой продажи были слишкомъ значительны и сознавались самими свѣтскими начальственными лицами, а слѣдовательно могли отзываться не малымъ соблазномъ для богомольцевъ и таковымъ же вредомъ вообще для братіи. Потому ревностная и настоятельная заботливость высокопр. Филарета была здѣсь на столько умѣстна, что по справедливости должно приложить къ ней въ извѣстной мѣрѣ и степени дѣйствія и слова Господа Спасителя при изгнаніи торжниковъ изъ храма Іерусалимскаго...

Къ распоряженіямъ сего же рода относится и слѣдующее предложеніе высокопр. Филарета: «По завѣщанію Преподобнаго Отца нашего Ѳеодосія и по древнему обычаю симъ поручается Духовному Собору наблюдать какъ теперь, такъ *и на всѣ будущія времена*, чтобы внутрь ограды св. Кіево-Печерскія Лавры *отнюдь не были* впущаемы *экипажи* и повозки на лошадяхъ кромѣ необходимыхъ потребностей для обители» для чего имѣются особыя экономическія ворота и такой же особый дворъ житный (2). Распоряженіе это кромѣ того, что оно основывалось на завѣщаніи Св. Препод. Ѳеодосія, вполнѣ достойное. Нужно знать, что высокопр. Фи-

---

(1) Отношеніе было, отъ 4 Августа 1840 г. за № 1303-мъ, на имя Коменданта крѣпости А—дра Лавр—ча Г. Пенхержевскаго.

(2) Предложеніе отъ 5 Августа 1841 г. за № 3817-мъ смотр. въ книгѣ положеній листъ 25.

ларетъ самъ первый, не смотря на свое званіе и старость свою, никогда не позволялъ подавать карету къ крыльцу своихъ покоевъ, но выходилъ пѣшкомъ за св. ворота, и тамъ же всегда останавлялся, когда пріѣзжалъ. Поступалъ же онъ такъ собственно по чувству благоговѣйнаго почитанія къ святости Лавры, которая достойно именуется Чудотворною. Да и странно, сколько и оскорбительно для боголюбиваго чувства видѣть разъѣзжающихъ тамъ, гдѣ не только всякая дорожка и тропинка, но и буквально всякая пядь земли освящены стопами великихъ Угодниковъ Божіихъ и явленіемъ чудодѣйственныхъ знаменій, о коихъ извѣстно всякому, знающему исторію св. Лавры.—Странно и грустно для души тѣмъ болѣе, когда видишь, какъ колѣнопреклоняются и слезами умиленія орошаютъ и самую землю въ священной оградѣ Лавры многіе изъ набожныхъ богомольцевъ, прежде чѣмъ войдутъ въ св. небеси подобную Церковь... И что-жъ? если на мѣстѣ сихъ колѣнопреклоненій окажутся слѣды стоянія и нечистотъ, наносимыхъ экипажами и конями»...—А наконецъ, по свидѣтельству знающихъ, въѣздъ на экипажахъ оказывается опаснымъ въ томъ отношеніи, что во многихъ мѣстахъ есть подземныя пустоты, (образовавшіяся, надобно полагать, между прочимъ, отъ множества могилъ), которыя отъ тяжести и потрясенія могутъ угрожать провалами, признаки коихъ и оказывались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ да пребудутъ для всѣхъ достоподражательнѣйшимъ образцомъ къ соблюденію древлесвященнаго завѣщанія дѣйствія самыхъ Боговѣнчанныхъ и вообще Августѣйшихъ Посѣтителей святыя Кіево-Печерскія Лавры, которые всѣ всегда вступаютъ въ дворъ ея, оставляя экипажи за оградою и притомъ безъ особенныхъ свитскихъ сопровожденій, и тѣмъ самымъ буквально исполняютъ въ лицѣ своемъ то́, что́ повѣствуетъ св. Лѣтописецъ Несторъ, и на что, между прочимъ, указываетъ въ вышеприведенномъ предложеніи своемъ высокопр. Филаретъ: «Пріѣде по обычаю въ Печерскій монастырь Христолюбивый Князь Изяславъ съ малымъ отрокомъ: егда бо хотяше ѣхати къ преподобному, тогда распущаше всѣхъ бояръ. Пріѣхавъ убо сѣде съ коня: николи бо на конѣ въѣзжалъ

въ монастырь; таже приступи ко вратомъ, и толкнувъ повелѣ отверзти» (1).

Еще къ распоряженіямъ подобнаго же рода не можемъ не призовокупить слѣдующаго, которое дано было благочинному Лавры (о. Іеромонаху Варлааму). «Къ живущему въ Лаврѣ, бывшему Ангорскому Митрополиту Іерофею, приносится мясная пища,—о чемъ извѣстно о. Благочинному.—А какъ сіе противно правиламъ Святыя Обители: то предписываю вамъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы отнюдь не вносима была мясная пища ни подъ какимъ предлогомъ и не взирая ни на какія лица. Имѣйте вы исполнять сіе предъ очами Всевидящаго Бога подъ страхомъ Его суда за нарушеніе» (2). Предписаніе это съ одной стороны отзывается рѣзкостію, какъ бы не свойственною духу и характеру высокопр. Филарета; но съ другой стороны понятно, что дѣло здѣсь касалось не личности гостя-святителя, и тѣмъ болѣе, что высокопр. Филарету не безъизвѣстно было, что на Востокѣ епископствующія и монашествующія лица на вкушеніе мясной пищи не имѣютъ, положительно воспрещающихъ, правилъ устава, но относилось собственно къ тому, чтобы чрезъ подобный фактъ не нарушить святости собственнаго устава и, тѣмъ паче, не подать невѣдущимъ и немощнымъ изъ братій повода къ соблазну, а также и самымъ стороннимъ посѣтителямъ. Ибо коль скоро послѣднимъ стало бы быть извѣстнымъ, что вотъ-де такой-то Митрополитъ Православный употребляетъ мясную пищу, тогда, чего добраго, могла бы произойти огласка въ укоръ уставамъ и обычаямъ и всей Восточной Православной Церкви. Такимъ образомъ настоящее распоряженіе, данное по частному случаю, имѣло благотворное значеніе и пользу общую. Проживавшій Святитель долженъ былъ не только не оскорбляться сдѣланнымъ ограниченіемъ для него, но быть

---

(1) Смотр. жит. препод отецъ св. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, въ отдѣльной книжкѣ, изд. Типогр. Кіевопечер. Лавры 1864 г. лист. 39 на обор.

(2) Предписаніе дано было 24 Іюля 1855 г. Смотр. въ книгѣ полож. листъ 96.

благодарнымъ за то, что здѣсь ограждалась честь его собственная и честь Церкви. А что высокопр. Филаретъ не показалъ здѣсь снисходительности и уступчивости, хотя бы—то на правахъ гостепріимства, это совершенно согласно съ духомъ его ревности о всемъ, что относилось къ долгу послушанія св. уставамъ Церкви и въ частности св. Кіево-Печерской Лавры. Поэтому-то достойно и праведно настоящій документъ включенъ по распоряженію Духовнаго Собора въ книгу положеній, которыя на веегда должны служить руководственными правилами въ дѣлахъ управленія и свято-иноческой жизни и практики.

Въ заключеніе всѣхъ распоряженій мы не можемъ не указать и еще на одно, какъ свидѣтельство того, какъ безпристрастно и всецѣло обнимала всѣхъ любвеобильная попечительность высокопр. Филарета. Когда говоримъ здѣсь *всѣхъ*, то разумѣемъ не только всѣхъ, находящихся въ живыхъ, но и отшедшихъ уже изъ сей жизни. Распоряженіе это высокопр. Филаретъ самъ охарактеризовалъ по духу и значенію его такими словами, которыми и начато имъ писанное предложеніе Духовному Лаврскому Собору: «Въ день памяти Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго, *по духу братолюбія свойственнаго инокамъ*, пастырскимъ долгомъ моимъ почитаю преподать духовному Собору для всегдашняго и непреложнаго соблюденія на будущее время слѣдующія правила. Не выписывая здѣсь въ подлинникѣ сіи правила, коихъ числомъ *девять* пунктовъ, мы сдѣлаемъ только указаніе на ихъ главное содержаніе. Дѣло въ томъ, что каждому изъ почившихъ братій постановлено отдавать послѣдній долгъ съ подобающимъ чествованіемъ, начиная съ старѣйшихъ по званію до самыхъ послѣднихъ послушниковъ. При этомъ распредѣлено, въ какой церкви отпѣвать, сколькимъ быть служащимъ лицамъ, какъ совершать самый выносъ, т. е. напр. со звономъ и непремѣнно до такого-то мѣста сопровождать столькимъ-то іеромонахамъ, іеродіаконамъ и клирошанамъ, и наконецъ -гдѣ кого погребать, и какъ совершатъ самую встрѣчу приносимыхъ на мѣсто погребенія.—Какъ угодно, но. читая это распоряженіе, невольно чувствуешь столько назидающаго и умиляющаго душу. . Какъ здѣсь явственно представляется

истина слова Божія: *Аще живемъ, аще ли умираемъ, Господни есмы,* и какъ эта истина свойственна особенно иноческому состоянію и духу братолюбія! Нужно замѣтить, что правила по этому предмету существовали тѣ, или иныя и прежде, такъ какъ въ одномъ пунктѣ (7-мъ) сказано погребеніе такихъ-то совершать по прежнему. Но, очевидно, тѣ правила или были не опредѣленны, или не вполнѣ соотвѣтствовали духу братолюбія, свойственнаго инокамъ,—или же съ тѣмъ вмѣстѣ исполняемы были не точно и не съ подобающимъ усердіемъ.

Заканчивая здѣсь выписку и, сдѣланный нами, посильный обзоръ почти всѣхъ, по крайней мѣрѣ главныхъ, распорядительныхъ дѣйствій высокопр. Филарета за все время его двадцатилѣтняго настоятельства въ Кіево-Печерской Лаврѣ, что́ мы должны сказать объ нихъ по отношенію къ предметамъ и содержанію ихъ, къ духу и направленію, къ значенію и вліянію? Отвѣтъ не сомнѣнный и безпристрастный, кажется, одинъ, что многія, весьма многія правила, наставленія, порядки и обычаи перейдутъ достойно и праведно въ роды родовъ подъ именованіемъ «Филаретовскихъ.» Послѣднее говоримъ не въ смыслѣ какой либо канонизаціи, но въ значеніи живаго преданія, которое дѣйствительно и успѣло уже сложиться и утвердиться въ средѣ братіи, какъ достосвященное. Приведемъ на это нѣсколько словъ, записанныхъ нами въ нашихъ мемуарахъ съ личныхъ свидѣтельствъ и подлинныхъ выраженій старцевъ св. Лавры. Старцы въ одинъ голосъ повторяли, что въ Бозѣ почившій Владыка-Филаретъ былъ для нихъ не Митрополитъ и даже какъ бы не Настоятель, а паче всего отецъ, старшій собратъ, словомъ—Авва, какъ разумѣлось и почиталось это наименованіе у древнихъ подвижниковъ иночества. Потому каждое его слово, всякая мысль, всякое желаніе были для всѣхъ насъ закономъ. Потому-то и ко всѣмъ его распоряженіямъ, которыя и теперь, слава Богу, остаются въ своей силѣ, какъ прежде, такъ и до днесь чувствуется особенное послушаніе.—Удивительное дѣло, говорилъ, между прочимъ, одинъ изъ братій—распорядителей по хозяйственной части въ Лаврѣ, что «все у насъ бывало какъ-то спорилось, не смотря на то, что все употреблялось съ изобиліемъ особенно

напр. по части хлѣбной и провизіонной вообще». Одинъ же изъ старцевъ—іеросхимонахъ А-ій, къ кому мы обращались не рѣдко за совѣтами для объясненія нѣкоторыхъ свѣдѣній и для разрѣшенія, встрѣчаемыхъ въ нихъ иногда недоступныхъ для нашего разумѣнія, духовныхъ явленій, вотъ что̀ высказалъ въ одной изъ нашихъ бесѣдъ съ нимъ. «Не дивитесь, батюшка мой, что приводится вамъ слышать, большею частію, можетъ быть, одинаковые и какъ бы неопредѣленные отзывы о дѣйствіяхъ приснопамятнаго нашего Владыки. Это не составляетъ недостатка, а свидѣтельствуетъ, на противъ, о полнотѣ того, что̀ было въ дѣйствительности. При этой-то полнотѣ и умъ не доумѣетъ и языкъ нѣмотствуетъ, и тѣмъ паче, что все, что̀ видѣлось и вѣдалось кѣмъ изъ насъ-братій, принималось въ простотѣ сердца и проникало въ глубину души... Я увѣренъ, продолжалъ духовномудренный собесѣдникъ нашъ, что и разбирая письменныя дѣда въ архивѣ нашего духовнаго Собора, вы не найдете обилія матеріаловъ, разумѣю въ отношеніи бумажно-письменномъ, но за то и въ немногомъ, что̀ есть, усмотрите и почерпнете весьма многое. Помоги только вамъ Господь вникнуть во все, какъ должно, войти въ духъ и характеръ всего, что̀ вы тамъ встрѣтите, и что̀, по милости Господней, вошло и въ наши скудныя благодати сердца̀ и служило для насъ живымъ закономъ».

Отъ чего же зависѣли и въ чемъ, по преимуществу, состояли тѣ личныя духовновліятельныя отношенія высокопр. Филарета къ братіямъ св. Лавры, по силѣ коихъ всѣ его дѣйствія, слова и желанія становились для нихъ, по собственнымъ ихъ выраженіямъ, живымъ закономъ?. Зависѣло все это первымъ и ближайшимъ образомъ именно отъ того, что высокопр. Филаретъ водворился въ Лаврѣ, гдѣ, естественнѣе и удобнѣе всего, онъ могъ произвесть особенное на всѣхъ впечатлѣніе и пріобрѣсть вліяніе, и вообще поставить себя ко всѣмъ и всѣхъ къ себѣ въ тѣ отношенія, о которыхъ и будетъ наша дальнѣйшая рѣчь.

ГЛАВА XIII.

«Вамъ въ Лавру Богъ послалъ Архипастыря, отличающагося, сверхъ прочихъ Духа Святаго даровъ, Боголюбезнымъ смиреніемъ. Его Святымъ примѣромъ и наставленіемъ и руководствуйтесь. Сему свѣтильнику имѣю сильное стремленіе и я грубую выю свою подклонить, но по недостоинству моему лишенъ сего дара» (1).

Особенное благоговѣйное почитаніе, любовь и преданность Лаврской братіи къ высокопр. Фарету не замедлили съ первыхъ же поръ проявиться во всей силѣ и полнотѣ. Равно и самъ онъ питалъ и выражалъ взаимныя чувства въ духѣ истинно-братственнаго общенія. Ожидать чего либо иного едвали было и возможно. Довольно только припомнить напр. время служенія высокопр. Филарета въ бытность его Епископомъ въ Калугѣ, гдѣ онъ, живя и вдали отъ основаннаго имъ Скита при Оптиной пустынѣ, ознаменовалъ свои отношенія къ тамошней братіи такимъ *монахолюбіемъ*, что этотъ терминъ остался вмѣстѣ съ его именемъ увѣковѣченнымъ въ исторіи сей обители. А это наименованіе не могло не быть извѣстнымъ и въ самой Лаврѣ, и не по постороннимъ только слухамъ, а по свидѣтельству очевидцевъ—нѣкоторыхъ изъ братій же, такъ какъ по временамъ переходили въ Лавру нѣкоторые изъ скитскихъ Оптинскихъ иноковъ, такихъ, которые, какъ увидимъ впослѣдствіи, извѣстны особенною духовноподвижническою жиз-

(1) Слова изъ письма въ Бозѣ почившаго Святителя Антонія, бывшаго Архіепископа Воронежскаго къ старцу-іеросхимонаху Парѳенію.

нію. Само собою разумѣется, что, сей часъ сказанное, монахолюбіе новоприбывшаго Архипастыря-Настоятеля не всѣми вдругъ и не одинаково были познаны и поняты. Этого и требовать не возможно, особливо въ столь многочисленной братіи, какова въ Кіевѣ-Печерской Лаврѣ. Но то́ несомнѣнно, что самое первое и самое близкое отношеніе духовнаго общенія возъимѣлъ высокопр. Филаретъ съ тѣми изъ братій, которые дѣйствительно имѣли сами истинную ревность къ святоподвижничеству и стояли уже на высокой степени послѣдняго. А въ этомъ случаѣ и одно лицо достойно служить свидѣтельствомъ за всѣхъ прочихъ. Къ этому-то одному мы обратимъ и нашу рѣчь—именно къ старцу—Іеросхимонаху Парѳенію, явившему въ лицѣ своемъ и въ наше время образъ житія, подобнаго древнимъ великимъ подвижникамъ.

Составитель жизнеописанія старца Іеросхимонаха Парѳенія,—только двумя годами съ половиною упередившаго высокопр. Филарета блаженною кончиною своею,—кратко, но, какъ нельзя болѣе, глубоко вѣрно изобразилъ духовныя отношенія ихъ въ слѣдующихъ назидательнѣйшихъ чертахъ.—«Велика была любовь Святителя къ старцу, но безпредѣльна и преданность старца къ Святителю; и этотъ духовный союзъ, только на время прерванный смертію послѣдняго, составлялъ для обоихъ утѣшеніе въ ихъ подвижническомъ странствіи въ житіи семъ. Душа Архипастыря, утомлявшаяся не рѣдко многотрудными занятіями своего сана, отдыхала въ бесѣдѣ просвѣщеннаго духомъ, но младенчествующаго понятіями о всемъ земномъ, старца; а душа старца съ безусловнымъ довѣріемъ опиралась о мудрость Архипастыря» (1). А какъ эти взаимно-назидательныя отношенія начались между ними съ самаго перваго времени, какъ только поступилъ на митрополію высокопр. Филаретъ, и продолжались въ теченіи почти восьмнадцати лѣтъ, то

(1) Смотр. «Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Кіево-Печерской Лавры Іеросхимонаха Парѳенія», составленное бывшимъ Ректоромъ Кіевской Академіи Архимандритомъ Антоніемъ—впослѣдствіи Архіепископомъ Казанскимъ. Изд. 1856 г. Кіевъ.

сколько перелилось, такъ сказать, этихъ духовно-спасительныхъ струй изъ души въ душу духовныхъ сподвижниковъ, и могли ли эти струи не изливаться и на прочихъ избранныхъ братій?!»

Имя и добродѣтельная жизнь о. Пафнутія, (прежнее его монашеское имя до принятія схимы), еще прежде прибытія высокопреосв. Филарета, были уже досточтимы какъ въ средѣ братіи, такъ и между всѣми, знавшими его. Но, при самомъ поступленіи высокопр. Филарета, о. Пафнутій возжелалъ, какъ выражено было имъ въ собственноручномъ прошеніи, «великаго ангельскаго схимническаго образа на себя пріятія». Можно понять, съ какимъ чувствомъ отнесся къ такому желанію просителя высокопр. Филаретъ, какъ истый монахолюбецъ и пламенный ревнитель святоподвижничества,—особливо же, когда, къ прискорбію своему, не нашелъ во всей своей Лаврской братіи ни одного схимника въ описываемую пору. Это послѣднее обстоятельство приводило и самого, возжелавшаго схимничества, о. Пафнутія въ сомнѣніе, чтобы воспослѣдовало соизволеніе Начальства. Только свышнее, въ сонномъ видѣніи данное ему, откровеніе обратило сомнѣніе его въ живое упованіе. «Однажды, говорится въ его жизнеописаніи, о. Пафнутій, занятый сею мыслію, (т. е. воспослѣдуетъ ли соизволеніе Начальства на его прошеніе) въ саду, прилежащемъ къ его келліи, задремалъ и видитъ, будто идетъ Святитель въ полномъ облаченіи и, приблизясь къ нему, говоритъ: «Пафнутій, не сомнѣвайся; желаніе твое исполнится». Кто же ты Архіерей Божій? спрашиваетъ онъ въ недоумѣніи. Я—Парѳеній, Епископъ Лампсакійскій». (1)

И, вотъ, что̀ предузрѣлъ онъ въ сонномъ видѣніи въ лицѣ Святителя Лампсакійскаго, то̀ обрѣлъ въ дѣйствительности въ лицѣ новоприбывшаго Святителя своего. Прошеніе подано было въ Духовный Соборъ Лавры. Сей послѣдній, какъ видно отчасти изъ самаго же жизнеописанія, былъ близокъ къ тому, чтобы отказать просителю, а именно на томъ основаніи, которое сознавалъ и самъ проситель,

(1) Смотр. тамъ же стр. 34.

т. е. что не было дотолѣ примѣра, чтобы кто либо въ Лаврѣ въ такія, еще не преклонныя, лѣта принималъ на себя великій подвигъ схимничества. Но «высокопр. Филаретъ, говорится въ жизнеописаніи, прибывши на Кіевскую каѳедру, самъ разсмотрѣлъ прошеніе о. Пафнутія и, по бесѣдѣ съ нимъ, *уразумѣлъ духомъ благодать, сущую въ немъ*, самъ облекъ его въ схиму въ пещерахъ Преподобнаго Антонія и наименовалъ его Парѳеніемъ». (1)

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ фактъ сталъ тогда же извѣстенъ всей братіи Лаврской и произвелъ свое глубоконравственное вліяніе и дѣйствіе. Вышесказанное выраженіе, что высокопр. Филаретъ послѣ бесѣды съ желавшимъ схимничества о. Пафнутіемъ *уразумѣвъ духомъ благодать, сущую въ немъ*, и, не смотря на казавшуюся для другихъ не зрѣлость его по возрасту, облекъ его въ схиму, — выраженіе это, говоримъ, слишкомъ знаменательно въ отношеніи къ его лицу и положенію на настоящемъ мѣстѣ. Вся братія Лаврская и особенно избранные не могли не уразумѣть, что̀ долженъ значить подобный опытъ духовнаго вѣдѣнія въ лицѣ Настоятеля — Архипастыря. Духовныя чувства ихъ невольно встрепенулись и окрылились и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе и явственнѣе, время отъ времени, оправдывался этотъ опытъ въ святоподвижнической жизни новаго схимника о. Парѳенія и чѣмъ тѣснѣе скрѣплялся духовный союзъ съ нимъ самого Настоятеля-Архипастыря, не замедлившаго избрать его себѣ въ духовнаго отца.

Первымъ и ближайшимъ плодотворнымъ слѣдствіемъ сего было то̀, что вскорѣ нашлись избранные, чтобы соревновать и послѣдовать примѣру о. Парѳенія. «Со времени принятія схимничества о. Парѳеніемъ, говоритъ его жизнеописатель, и доселѣ никогда не оскудѣваютъ въ св. Лаврѣ старцы, подвизавшіеся въ схимѣ, и всегда бываетъ ихъ до семи и болѣе». (2) А съ тѣмъ вмѣстѣ, хотя оставалось до кончины высокопр. Филарета тайною, не вѣдомою ни для кого, кромѣ его духовнаго отца о. Парѳенія, что и самъ

(1) Смотр. тамъ же стр. 35.

(2) — тамъ же стр. 35.

высокопр. Филаретъ вскорѣ же воспринялъ на себя тотъ же великій иноческій образъ, но въ этой тайнѣ оставался лишь самый фактъ, а все прочее явно давало разумѣть, что по жизни и подвигамъ своимъ онъ принадлежалъ уже къ лику подобныхъ избранниковъ. Впрочемъ и нельзя было, хотя было гадательно, не проразумѣвать новопринятаго высокопр. Филаретомъ высшаго святоподвижническаго званія. Это можно было видѣть вообще изъ всѣхъ отношеній его къ старцамъ-схимникамъ, и въ особенности къ о. Парѳенію. Въ этомъ разѣ одна Голосѣева пустыня составляла въ глазахъ всѣхъ одно изъ самыхъ живыхъ и осязательныхъ свидѣтельствъ.—Здѣсь даже трудно рѣшить, кто кому болѣе обязанъ въ возбужденіи взаимнаго соревнованія на поприщѣ пустынножительнаго подвижничества,—высокопр. ли Филаретъ о Парѳенію, или послѣдній первому? По крайней мѣрѣ многое изъ того, что̀ мы должны будемъ сказать о жизни высокопр. Филарета въ пустынѣ Голосѣевой, можетъ показаться знающимъ жизнь о. Парѳенія какъ бы повтореніемъ, или живымъ снимкомъ съ образа жизни послѣдняго. Впрочемъ въ такомъ отожествленіи жизни обоихъ пустынолюбцевъ—подвижниковъ читатели сами, и безъ нашихъ указаній, обрѣтутъ для себя вожделенное убѣжденіе въ истинности повѣствуемаго. Къ тому же нужно замѣтить, что составитель жизнеописанія старца о. Парѳенія, хотя и касался лица высокопр. Филарета и взаимныхъ отношеній соподвижничества между имъ и старцемъ Парѳеніемъ, но, естественно, при жизни еще перваго, долженъ былъ о многомъ умалчивать и относить все къ единоличному состоянію послѣдняго.

Такъ напр. объ обыкновенномъ весеннемъ и лѣтнемъ пребываніи о. Парѳенія въ Голосѣевой Пустыни жизнеописатель его говоритъ, что «о. Парѳеній отправлялся туда вмѣстѣ съ Архипастыремъ, и съ нимъ же потомъ возвращался на праздники въ Лавру. Тамъ, въ самомъ уединенномъ углу пустыни, среди глубокой чащи сада, была его келлія. По совершеніи ранней литургіи въ домовой церкви Архипастыря, онъ удалялся въ лѣсъ и тамъ единъ съ Единымъ совершалъ въ проходкѣ свое молитвенное правило,

прочитывая дорогою всю Псалтирь». (1) Это же самое и гораздо большее должно сказать и о высокопр. Филаретѣ. Въ воспоминаніяхъ одного свидѣтеля—очевидца, сообщенныхъ уже въ печати, вотъ что́ говорится объ этомъ: «Особенную приверженность имѣлъ высокопреосв. Митрополитъ къ свящ. Псалтири, которую онъ зналъ всю наизусть и прочитывалъ ее даже среди самыхъ прогулокъ своихъ. Пишущему строки сіи довелось въ 1846 г. быть въ Китаевой пустынѣ. Былъ Іюнь мѣсяцъ,—время роскоши цвѣтовъ. Въ 9-ть часовъ утра пришелъ въ эту Пустыню изъ сосѣдней съ нею Голосѣевой пустыни старецъ—Митрополитъ, въ сопровожденіи духовника своего отца Парѳенія. Подошедъ къ одной изъ келліи и, отворивъ дверь, Владыка обратился съ вопросомъ къ обитателю ея: «гуляли ли вы нынѣ, отецъ?» Поспѣшно вышедшій на встрѣчу дорогому гостю, пустынникъ, принявъ благословеніе Владыки, отвѣтилъ ему: «еще не выходилъ, Ваше Высокопреосвященство». Пойдемъ-те же съ нами,—сказалъ Митрополитъ, и прибавилъ: «а мы уже довольно прошлись нынѣ, такъ что мой старецъ, (указывая на о. Парѳенія) прочелъ мнѣ въ слухъ на память почти всю Псалтирь во время прогулки нашей. Китаевскій пустынникъ пошелъ, по зову Владыки, сопровождать его къ Голосѣевой пустынѣ, и, когда возвращался назадъ, набралъ съ цвѣтущей поляны букетъ цвѣтовъ.—Что-то, думалось мнѣ, сдѣлаетъ старецъ изъ этихъ цвѣтовъ... «По нашему мірскому обычаю, конечно, поставитъ въ водѣ на окнахъ келліи... Но, въ 10-ть часовъ вечера, проходя мимо келліи того же пустынника, замѣтилъ я, что его утренніе цвѣты не на окнахъ, а на аналогіи предъ св. иконами и Распятіемъ, среди же цвѣтовъ горитъ восковая свѣча. Вотъ у старца Троицынъ день, подумалъ я. Какъ бы въ отвѣтъ на эту думу до моего слуха донеслись слова изъ раствореннаго окна келліи: «Покланяюся Тебѣ, Пресвятая Троице, единосущная, животворящая, нераздѣльная, Отче и Сыне и Душе святый; вѣрую въ Тя и исповѣдую, славлю, благодарю, хвалю, почитаю и превозношу Тя, и молю: по-

(1) Смотр. тамъ же, стр. 54—55.

милуй мя непотребнаго раба Твоего». Колѣнопреклоненный старецъ оканчивалъ свое вечернее правило, а державшій очередь стража, братъ обители медленными ударами въ било повѣщалъ часъ ночнаго упокоенія братіи, весьма тамъ не продолжительнаго: ровно въ 12-ть часовъ возстаютъ отъ сна Китаевцы на пѣніе полунощницы и, непосредственно за нею, утрени.—Не даромъ любитъ васъ, св. иноки, Владыка—Митрополитъ,—подумалъ я тогда». (1)

Далѣе мы могли бы привести и многіе другіе примѣры изъ святоподвижническої жизни старца іеросхимонаха Парѳенія и сопоставить ихъ съ таковыми же дѣйствіями высокопр. Филарета; но читавшіе и знающіе жизнь перваго увидятъ сами изъ послѣдующаго повѣствованія, на сколько были и тотъ и другой единонравны и соревновательны другъ другу на проходимомъ ими поприщѣ духовнаго дѣланія, и, тѣмъ самымъ, представляли въ себѣ достоподражательные образцы для прочихъ избранныхъ. Для свидѣтельства же и доказательства той истины, что въ жизни и дѣйствіяхъ высокопр. Филарета и самъ о. Парѳеній и прочіе избранные изъ братій св. Лавры видѣли для себя истинный образецъ и почерпали мудрыя руководственныя правила и наставленія, мы должны указать, между прочимъ, на такой фактъ, который въ глазахъ истинныхъ благочестивыхъ почитателей святоподвижничества долженъ имѣть особенный авторитетъ.

Кто не знаетъ имени и не чтитъ памяти въ Бозѣ почившаго Святителя Воронежскаго Антонія? И, вотъ, когда однажды старецъ іеросхимонахъ Парѳеній, питавшій особенную любовь и преданность къ сему Святителю, принимавшему, въ бытность его еще Намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры, особенное участіе въ первоначальныхъ подвигахъ, его (Парѳенія) обратился къ нему письменно съ однимъ духовнымъ вопросомъ и именно, между прочимъ, о томъ: «гдѣ ему полезнѣе жить—въ Лаврѣ, или въ Голосѣевой»? тогда Святитель Воронежскій прислалъ ему такой отвѣтъ: «Вамъ

(1) Смотр. «Душеполезное чтеніе» 1865 г. Октябрь, Извѣстія и замѣтки. Стр. 70—77.

Богъ послалъ великаго Архипастыря, отличающагося, сверхъ прочихъ Духа Святаго даровъ, Боголюбезнымъ смиреніемъ. Его святымъ примѣромъ и наставленіемъ и руководствуйтесь. Какое мѣсто къ прожитію и послушанію назначитъ вамъ: тамъ и пребывайте. Сему свѣтильнику имѣю сильное стремленіе и я грубую выю свою подклонить, но по недостоинству моему лишенъ сего дара». (1) Переписка эта, была еще въ первыхъ годахъ схимничества о. Парѳенія, такъ какъ и самый главный вопросъ, составлявшій предметъ письма, былъ тотъ: «что́ такое схима»? Судя по этому времени и принимая во вниманіе, что о. Парѳеній вообще любилъ дѣлиться съ братіями св. Лавры всѣми духовными назиданіями, и особливо поступалъ такъ по званію и долгу духовника, само собою, и приведенныя слова изъ этой переписки сдѣлались вѣдомыми въ средѣ избранныхъ братій.

А какъ имя и жизнь Святителя Воронежскаго Антонія были свято чтимы по не слишкомъ давней порѣ его наместничества въ Кіево-Печерской Лаврѣ, то излишне объяснять, какое значеніе имѣло его свидѣтельство для всѣхъ братій въ отношеніи къ лицу своего Настоятеля-Архипастыря. Вопрошая старцевъ тогдашняго времени, мы имѣли душевное утѣшеніе и назиданіе постоянно видѣть въ большинствѣ изъ нихъ,—(особливо когда они узнавали о составляемомъ жизнеописаніи),—какъ они, наперерывъ одинъ предъ другимъ, спѣшили или сообщить что либо изъ своихъ свѣдѣній, какъ завѣтную святыню, или, по крайней мѣрѣ, выразить свои чувства благоговѣнія къ имени и памяти незабвеннѣйшаго своего Отца-Владыки. И замѣчательно, что сообщаемыя свѣдѣнія были передаваемы не столько въ подробныхъ разсказахъ, сколько въ молитвенно-умилительныхъ воспоминаніяхъ, или даже въ однихъ указаніяхъ на что́ либо особенно замѣчательное и назидательное, со-

(1) Смотр. Сказаніе о жизни старца Іеросхимонаха Парѳенія, стр. 44—45. Почему такъ зналъ Святитель Воронежскій Антоній высокопр. Филарета, читающіе видѣли объ этомъ въ описаніи ихъ личнаго свиданія въ Воронежѣ въ 1836 г.

провождаемыхъ при томъ сквозь-слезными выраженіями и воздыханіями. Всѣ эти сказанія оставалось лишь слагать въ сердцѣ, и вовсе какъ бы забывать о хартіи и трости скорописца. При этомъ и намъ не вольно твердилось то же, что̀ выразилъ такъ вѣрно и задушевно упомянутый выше свидѣтель-очевидецъ,—именно: «Не даромъ любилъ васъ, св. иноки, въ Бозѣ почившій Владыка, когда вы и до днесь преисполнены къ нему такими глубокими чувствованіями, что не можете ихъ и выразить словами». И вотъ почему, при всемъ обиліи данныхъ подобнаго рода, читатели съ сожалѣніемъ, можетъ быть, не найдутъ въ нашемъ повѣствованіи тѣхъ разнообразныхъ и подробныхъ разсказовъ, въ смыслѣ, такъ называемыхъ, анекдотовъ, которые не рѣдко и по преимуществу такъ интересуютъ многихъ, (позволимъ себѣ замѣтить), охотливыхъ и досужихъ до подобныхъ свѣдѣній, какъ удовлетворяющихъ ихъ, болѣе всего, любопытство, но слишкомъ мало возбуждающихъ истинное сочувствіе къ ихъ внутреннему содержанію и духовно-назидательному значенію.

Самъ въ Бозѣ почившій высокопр. Филаретъ не любилъ и не позволялъ выставлять и выражать что либо въ этомъ родѣ, какъ говорится, такъ-себѣ, или ради разговорной занимательности и т. п. Онъ всему давалъ значеніе положительности въ дѣлѣ-ли то̀, или словѣ. Онъ старался все растворять, по слову Евангелія, *солію*, и всячески остерегался, чтобы сія соль не *обуевала* и не заслуживала, чтобы быть высыпанною вонъ и попираемой. Этимъ-то и объясняется, отъ чего такъ глубоко и неизгладимо внѣдрялись въ сердца всѣхъ братій его слова, составляющія теперь предметъ умилительныхъ и назидательныхъ воспоминаній. Если бы нужно было свести все это въ одно цѣлое, то мы получили бы полную картину, представляющую одну изъ эпохъ жизни и быта Лаврской братіи за все время двадцатилѣтняго настоятельства высокопр. Филарета въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ,—такую изъ эпохъ, какія обыкновенно отмѣчаются въ исторіяхъ обителей именами великихъ Аввъ—Наставниковъ. Говоримъ это, не какъ наши только мысли; мы даже и не рѣшились бы, можетъ быть, выразить ихъ здѣсь, если бы не встрѣтили совершенное тожество въ пред-

смертномъ свидѣтельствѣ одного изъ благочестивыхъ старцевъ, переданномъ намъ его духовнымъ другомъ, упоминаемымъ нами прежде о. Іеросхимонахомъ А. «Вы знали лично, и, какъ мнѣ извѣстно, пользовались духовною отеческою любовію бывшаго нашего о. Екклесіарха Архимандрита Мелетія. Я же имѣлъ утѣшеніе быть съ нимъ въ особенной духовной дружбѣ съ первыхъ дней нашего иноческаго сожительства».—Такъ началъ однажды свою бесѣду сей часъ сказанный духовномудренный старецъ—Іеросхимонахъ и продолжалъ: «И, вотъ, когда я находился при немъ неотлучно предъ самою его кончиною, и когда видимо было, что онъ готовился уже на вѣки сомкнуть свои очи,-то желая преподать мнѣ послѣднее братское утѣшеніе и укрѣпленіе въ земномъ странствіи, сказалъ, вдругъ, сіи слова: «Ахъ! слава и благодареніе Господу, въ какихъ мѣстахъ и въ какія благодатныя времена судилъ намъ Господь проходить свое земное поприще. Видѣли мы по истинѣ великихъ свѣтильниковъ благочестія—о. Леонида, о. Макарія о. Моисея (Оптинскихъ), о. Парѳенія (іеросхимонаха лаврскаго),—а въ особенности нашего Отца Владыку, приснопамятнаго Филарета, высокопр. Митрополита. При послѣднемъ имени скончавшійся особенно умилился душою и взоромъ и, послѣ полминутнаго молчанія, сказалъ: да! Если Господь сподобитъ меня свѣтлостей райскихъ, то я узрю его и всѣхъ съ нимъ.»

Разсматриваемыя духовновліятельныя отношенія высокопр. Филарета къ Лаврской братіи не ограничивались, впрочемъ, стѣнами только сей св. обители, но одинаково простирались и на другихъ иночествующихъ, или только еще чувствовавшихъ призваніе къ иночеству. Авторъ воспоминаній, въ бытность его студентомъ Академіи,—о высокопр. Филаретѣ говоритъ, между прочимъ: «Мы знали его, какъ доблестнѣйшаго подвижника, умѣвшаго притомъ и воспитывать подвижниковъ. Не говоря о ближайшей къ отеческому надзору и вліянію его Лаврѣ, которая украшалась въ его время многими истинными монахами, насъ истинно утѣшали возвышенностію своего настроенія и безукоризненною чистотою жизни ближайшіе къ намъ воспитанники Филарета—наши начальники и наставники изъ монашествующихъ.—Подлинно Владыка столько любилъ мо-

нашество, что, казалось, и насъ всѣхъ студентовъ Академіи желалъ бы онъ видѣть монахами. Во всякомъ случаѣ съ особенною любовію благословлялъ онъ на сей св. путь, избиравшихъ его себѣ, студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ относился къ нимъ при своихъ посѣщеніяхъ Академіи.»(1) При разборѣ архивныхъ дѣлъ касательно студентовъ, изъявлявшихъ желаніе поступить въ монашество, мы всюду находили такія и подобныя имъ резолюціи высокопр. Филарета на докладахъ Академическаго Правленія съ испрашиваніемъ его благословенія и ходатайства предъ Св. Сунодомъ.— «Съ пастырскимъ удовольствіемъ пріемлю на себя ходатайство.» Да и нужно замѣтить, что во время архипастырства высокопр. Филарета монашествующихъ изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи было всегда весьма значительное число сравнительно съ предшествующимъ и послѣдующимъ временемъ, и сравнительно съ другими Академіями. Такъ если взять напр. время за первые семь курсовъ воспитанниковъ (съ 1837 по 1851 г.) (2), то оказывается, что поступило изъ нихъ въ монашество 57-мь, слѣдовательно въ каждый курсъ среднимъ числомъ по 8-ми, тогда какъ отъ начала открытія Академіи (съ 1819 по 1835 г. т. е. въ теченіе 7-ми курсовъ) было поступившихъ въ монашество 32 человѣка, значитъ среднимъ числомъ по 4—5 —Къ тому же нужно принять во вниманіе, что въ числѣ послѣднихъ поступали въ монашество большая часть, уже впослѣдствіи времени, послѣ вдовства наприм. во священствѣ; тогда какъ въ первомъ случаѣ самое большее число поступившихъ было еще при самомъ воспитаніи въ Академіи. Само собою это уже одно свидѣтельствуетъ о силѣ и значеніи того вліянія, которое исходило, по преимуществу, отъ личныхъ отношеній высокопр. Филарета къ Академіи. Въ

---

(1) Смотр. Душеполезное чтеніе. Октябрь 1865 г. Извѣстія и замѣтки, стр. 70—77.

(2) Мы представляемъ свѣдѣнія за эти только годы, потому что только до этого (1851 г.) года приведены онѣ въ Исторіи Кіевской Академіи;—собрать же свѣдѣній за остальное время мы не улучили времени и возможности.

чемъ состояло и какъ выражалось это вліяніе, мы уже отчасти видѣли, но увидимъ еще въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же обратимся опять къ нашей текущей рѣчи.

Мы говорили выше, съ какою благоговѣйною безпредѣльною преданностію отнеслись съ перваго же раза къ высокопр. Филарету всѣ избранные изъ среды братій; но само собою понятно, что не всѣ были таковы. Есть пословица, что въ семьѣ не безъ урода, и что не рѣдко одна недоброкачественная овца цѣлое стадо портитъ. Въ приведенныхъ оффиціальныхъ распоряженіяхъ читатели отчасти видѣли уже, что предметомъ и содержаніемъ ихъ служили, по временамъ, не малые и по качеству и по количеству тѣ, или другіе недостатки. Все это бралось не изъ теоріи, и излагались не въ смыслѣ отвлеченныхъ понятій, а вызывалось потребностію по мѣрѣ случаевъ и примѣровъ; и хотя не указывалось въ нихъ на личности, но эти лица были и, само собою, онѣ-то первыя требовали непосредственнаго на нихъ вліянія къ ихъ исправленію и предохраненію другихъ, Какъ же поступалъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ высокопр. Филаретъ? Лучшимъ и вѣрнѣйшимъ отвѣтомъ на это, кажется, нельзя признать, какъ слѣдующія слова, открыто предъ всѣми сказанныя въ церковномъ словѣ при поминовеніи въ Бозѣ почившаго не болѣе, какъ спустя десять дней послѣ его кончины. —Вотъ эти слова.—«Жезлъ Архипастыря и начальника былъ въ рукахъ его только знакомъ, Богомъ врученной ему, духовной власти, но никогда онъ не обращался въ орудіе властительства и тѣмъ паче въ знаменіе прещенія, или кары. Его всегдашнее обращеніе, его бесѣды, наставленія, самыя замѣчанія и предостереженія,—все было исполнено духомъ любви, выражавшейся въ кротости, терпѣливости, снисхожденіи. Онъ не внушалъ никому боязни, или недовѣрчивости къ себѣ; а напротивъ всѣ располагались и стремились къ нему съ радостію, съ задушевною откровенностію. Недальновидные, будучи свидѣтелями такого обращенія, могли бы ошибочно заключать, что онъ поступалъ такъ даже съ ущербомъ своей власти и вліянія на управляемыхъ; но мы имѣли счастіе опытомъ дознать при этомъ ту благотворную истину, что духъ подлинно христіанской любви сильнѣе всякаго строгаго

выраженія власти и дѣйствительнѣе всякой самой точной взыскательности.»

Да, нельзя скрывать, что и намъ случалось встрѣчаться, между прочимъ, съ сей часъ указанными *не дальновидными*. Благо, что когда мы просили подобныхъ собесѣдниковъ объяснить тотъ, или другой фактъ во всей его обстоятельности, то всегда оказывалась явная несостоятельность въ ихъ доводахъ и убѣжденіяхъ, и они сами тутъ же измѣняли свои чувства и мысли. И, что́ замѣчательно, когда мы обращались съ вопросомъ:—зналъ ли самъ высокопр. Филаретъ о такихъ ихъ мнѣніяхъ, и чѣмъ отвѣчалъ на нихъ,—тогда одинъ этотъ вопросъ обезоруживалъ ихъ. Объ этомъ читаемъ и въ запискахъ о. Намѣстника.—«По случаю непріятности, и даже грубой и дерзкой, со стороны кого либо даже изъ облагодѣтельственныхъ Владыкою, Владыка, бывало, какъ бы ничего не видитъ, и не слышитъ, и говоритъ только: «молчаніе безотвѣтное и не вниманіе къ дерзостямъ и грубостямъ людей злорѣчивыхъ есть самое большо́е и тягостное для нихъ наказаніе,—и съ тѣмъ вмѣстѣ пресѣкаетъ поводъ къ бо́льшему раздраженію и ожесточенію.»—А не одинъ былъ такой человѣкъ, изъ-за которыхъ страдало имя его... Владыка всѣхъ таковыхъ вводилъ въ порядокъ одною любвеобильною кротостію. Такъ многоплодно и дѣйственно было въ сердцѣ его слово Господа Спасителя: «воззрите на Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.»(1)

Поступая такъ въ отношеніи себя, высокопр. Филаретъ отнюдь не довѣрялъ слухамъ и даже доносамъ о другихъ, щадя не только честь и репутацію обносимыхъ, но возможно покрывая и то́, что́ похоже было на дѣйствительность. Если же выходили подобныя дѣйствія изъ-за личностей какихъ либо, изъ вражды, или же изъ характера и склонности кого либо къ интригамъ и т. п., то онъ самъ являлся посредникомъ къ умиротворенію и къ отеческому увѣщанію и исправленію. Безъименныхъ же письменныхъ доносовъ вовсе

(1) Смотр. I-ю тетрадь записокъ, веденныхъ о. Намѣстникомъ Лавры съ конца 1853 г.

не принималъ и, во всякомъ случаѣ, не давалъ имъ никакого значенія, признавая ихъ всегда не свободными отъ коварства и неблагонамѣренности. Въ предостереженіе же тѣхъ, кого касалось дѣло, не рѣдко объявлялъ имъ объ этомъ, успокоивая тутъ же отъ естественнаго смущенія и не оставляя безъ назиданія, особливо же, чтобы подвергшійся доносу не питалъ злопомнѣнія къ доносителю, хотя бы онъ былъ совершенно не извѣстенъ.—О подобныхъ дѣлахъ онъ не открывалъ даже и самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицамъ, какъ бы опасаясь, чтобы не услышать что либо въ подтвержденіе доноса безъименнаго. Если же случалось слышать что либо отъ кого подобное, то онъ говаривалъ: «ну, подпишись за безъименнаго доносчика,— тогда я приму доносъ, какъ отъ тебя».

Но, вообще не любивши принимать свѣдѣній отъ лицъ приближенныхъ въ дѣлахъ, не касавшихся ихъ участія, онъ въ тоже время искренно просилъ и приказывалъ непремѣнно сказывать ему, если бы оказалось, что онъ не удовлетворилъ кого либо по какой нибудь просьбѣ, какъ должно, или, тѣмъ болѣе, положилъ наказаніе не въ мѣру виновности, и, увѣрившись въ истинности объявленнаго ему, тотчасъ же измѣнялъ дѣло. О подобныхъ дѣйствіяхъ много фактовъ сообщилъ намъ со всею искренностію, бывшій довольное время домашнимъ секретаремъ у высокопр. Филарета, впослѣдствіи казначей Лавры іеромонахъ Е-гій. «Когда же случалось, что прежде, чѣмъ онъ самъ дастъ рѣшеніе, ему начнутъ высказывать мнѣнія, или какъ бы совѣты и указанія и тѣмъ болѣе не въ пользу тому лицу, о комъ дѣло, то хотя бы мнѣнія и были правдивы,—онъ не слѣдовалъ имъ онъ не рѣдко останавливалъ такихъ совѣтчиковъ, а иногда при зывалъ тѣхъ лицъ, коихъ касалось дѣло, и осторожно выспрашивалъ ихъ объ отношеніяхъ къ нему поименутыхъ совѣтчиковъ. Наконецъ и самъ, послѣ сдѣланнаго какого либо распоряженія, размышляя о виновности и положеніи подвергнутаго имъ такому, или иному взысканію, измѣнялъ свои опредѣленія. Въ этомъ отношеніи Владыка паче всего стремился, чтобы не быть жестокимъ. Объ одномъ напр. послушникѣ (пишется въ запискахъ о. Намѣстника) далъ вчера мнѣ Владыка строгую резолюцію, но нынѣ пишетъ ко мнѣ:

«жаль мнѣ П...; дайте ему билетъ, а мою резолюцію оставьте безъ исполненія и вовсе вычистите». Что подобныя дѣйствія высокопр. Филарета несомнѣнны, на это мы считаемъ излишнимъ еще приводить примѣры, при всемъ имѣющемся у насъ ихъ обилии. Мы хотимъ и должны сказать скорѣе о томъ,—какъ здѣсь въ лицѣ и состояніи высокопр. Филарета оправдывалась истина: *самъ бывъ искушенъ, и искушаемымъ можетъ помощи*. Не онъ ли перешелъ самъ горнило страшныхъ испытаній, и собственно по тѣмъ причинамъ и обстоятельствамъ, что непосредственные и посредственные высшіе начальники его позволяли себѣ руководиться именно такими правилами и порядками, коихъ онъ теперь боялся и остерегался, яко *ляда змѣина*... Довольно вспомнить только про дѣйствія и отношенія къ нему преосвященныхъ Досиѳея и Августина и отчасти самого Митрополита Амвросія. Отсюда-то понятно становится то, отъ чего онъ такъ часто вспоминалъ въ бесѣдахъ своихъ съ приближенными о сей часъ сказанныхъ тяжкихъ испытаніяхъ въ своей жизни. Повтореніе этихъ разсказовъ встрѣчается и въ самыхъ запискахъ о Намѣстника, и, при томъ, съ такими присовокупленіями со стороны Владыки: «другимъ это не говорите, а вамъ, (разумѣя своихъ приближенныхъ), это нужно знать».—Какъ разумѣли эти слова слышавшіе и самъ вносившій ихъ въ записки,— мы за подлинное не знаемъ; но позволяемъ высказать, что смыслъ былъ именно тотъ, чтобы дать приближеннымъ урокъ, какъ нужно осторожно пользоваться отношеніями приближенности и правами довѣренности къ себѣ, чтобы чѣмъ нибудь не ввести довѣряющееся начальственное лице въ какую либо несправедливость противу подчиненныхъ,—а съ другой стороны вообще размягчать и располагать ихъ сердца къ тому же любвеобилію, живые и столь достоподражательные образцы коего были всегда предъ ихъ очами.

Въ этомъ именно отношеніи мы имѣемъ въ виду еще другіе факты, въ коихъ открывается, что высокопр. Филаретъ на столько былъ преисполненъ истинныхъ гуманныхъ чувствъ, что желалъ бы, такъ сказать, перелить ихъ не только въ приближенныхъ начальственныхъ, но и во всѣхъ, подобныхъ имъ по состоянію, лицъ, и не въ отношеніи толь-

ко лицъ своихъ Лаврскихъ, но и иныхъ. Въ его настоятельство переходили въ Кіево-Печерскую Лавру многіе изъ братій другихъ обителей. И что́ же оказывалось? то́, что желавшіе переходить, при увольненіи ихъ изъ прежнихъ обителей, бывали рекомендованы не съ вполнѣ одобрительной стороны. Была ли тутъ правда, или произволъ только рекомендовавшихъ, водившихся какими либо побужденіями и пр.; во всякомъ случаѣ здѣсь были явныя препятствія къ принятію ихъ въ Лавру,—тѣмъ болѣе, что Лаврская братія, нужно замѣтить, не очень-то привѣтливо смотрѣла на всѣхъ пришельцевъ, хотя бы и рекомендуемыхъ хорошо,—особливо же на приходившихъ изъ внутреннихъ Русскихъ губерній по какой-то затаенной родовой исторической несочувственности малороссовъ къ великороссамъ. Что́ было дѣлать? Конечно высокопр. Филаретъ могъ дѣлать, и по своей волѣ, какъ ему хотѣлось. Онъ могъ брать все на свою отвѣтственность. Но нужно было сообразоваться и съ настроеніемъ братіи, чтобы не внести повода къ неудовольствамъ, соблазнамъ и положительнымъ нестроеніямъ. И вотъ здѣсь-то являлась истина, *что искушенный можетъ и искушаемымъ помощи́*, и именно *помощи́* во имя любви снисходящей и сострадающей къ немощамъ и не достаткамъ братій и вообще ближнихъ о Господѣ. «Если, говаривалъ Владыка для вѣдома недовольныхъ, не принимать приходящихъ въ Лавру братіи, не съ вполнѣ одобрительными рекомендаціями,—то нужно изгнать меня перваго, по одному слуху и преданію о томъ, какъ я бывалъ рекомендованъ, бывши уже Архимандритомъ»... «Я знаю, что всѣ смотрятъ на бѣлый клобукъ и судятъ по нему; а я взираю на черный. Первый-то надѣли на меня и безъ моего спроса, а послѣдній я самъ просилъ. Бѣлый не спасетъ, а только обличитъ и обвинитъ на судѣ, если первый не представишь непорушно, въ чемъ и какъ должно. А кто знаетъ у кого черный-то клобукъ окажется чище,—у Митрополита ли, или у того, кого мы не захотѣли бы принять по неодобрительной оттестаціи»... «Ахъ! благодарю Тя Господи, яко Твоимъ всеблагимъ и неисповѣдимымъ Промысломъ вчинилъ еси мя грѣшнаго и недостойнаго въ ликъ иноческій святыя Чудотворныя Кіево-

Печерскія Лавры, ея же Настоятельница есть Сама Пречистая, преблагословенная пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія. (Эти послѣднія слова буквально выражены имъ въ духовномъ завѣщаніи)... Такъ, вотъ кто Настоятельница Лавры,—а если она насъ не достойныхъ не отринула принять, то какъ же мы, *непотребные служки* Ея, будемъ вольничать,—однихъ принимать, другихъ нѣтъ». «Наша св. Лавра не даромъ именуется Чудотворною. она чудодѣйственнымъ образомъ и худыхъ можетъ сотворить хорошими. Горе, если приходящіе къ намъ хорошіе сдѣлаются худыми отъ насъ же самихъ»...

Такими и другими подобными разсужденіями и бесѣдами высокопр. Филаретъ, естественно, могъ умирять и успокоивать смущавшихся и недовольныхъ принятіемъ новопоступавшихъ братій. Такія успокоенія тѣмъ болѣе были естественны для Лаврской братіи, что поступавшіе изъ другихъ монастырей монашествующіе и съ неодобрительными рекомендаціями отъ прежнихъ ихъ настоятелей скоро оправдывали себя въ глазахъ всѣхъ своимъ добрымъ иноческимъ житіемъ. Съ своей же стороны основываясь на такихъ многократныхъ примѣрахъ, высокопрѣосвященный Филаретъ возревновалъ, можно сказать, о состояніи подвергавшихся сказаннымъ не одобреніямъ до того, что не удержался выразить эту ревность предъ однимъ изъ Архипастырей, изъ епархіи котораго не разъ и не малое число монашествующихъ переходили въ Лавру съ не одобрительными аттестаціями. «Да, Бога ради, (писалъ онъ въ одномъ письмѣ), не черните поведенія смиренныхъ старцевъ разными продѣлками настоятелей. Поступавшіе въ Лавру отъ васъ, монахи очень благонравны. А ежели бы что и случилось, покрывайте милосердіемъ Спасителя нашего.»(1) Что такая просьба милосердствующей любви за беззащитныхъ иноковъ имѣла дѣйствительную силу и вліяніе, въ этомъ увѣряетъ слѣдующій фактъ, относящійся къ роду же разсматриваемыхъ. Одинъ изъ Архипастырей, къ которому обращался письмомъ

(1) Смотр. письмо, къ бывшему Рязанскому Архіепископу Гавріилу отъ 6-го Ноября 1851 г.

высокопр. Филаретъ съ одною просьбою, до того былъ проникнуть и тронутъ содержаніемъ письма, что прочитавши его и помѣтивши время полученія его (1843 г. Мая 12 дня) написалъ тутъ же слѣдующія строки: «Экой дивный старецъ Божій,—заставилъ меня плакать отъ глубокаго чувства смиренія, съ какимъ написалъ ко мнѣ письмо свое.»(1) Самъ высокопр. Филаретъ никогда не чернилъ поведенія не только старцевъ, но и послушниковъ, хотя бы и заслуживавшихъ того. Мы видѣли свидѣтельство напр. въ прежде приведенномъ фактѣ, записанномъ, между прочимъ, въ дневникѣ о. Намѣстника. Но еще большимъ ручательствомъ сего служитъ то́, что напрасно стали бы мы искать въ документахъ оффиціальныхъ чего либо подобнаго. Напротивъ если мы видѣли въ прежде изложенныхъ документахъ распоряженія такого рода, чтобы доносить объ оказавшихся неисправными и не исправимыми, то опять не иначе, какъ путемъ конфиденціальнымъ лично ему же самому, а не духовному Собору, который иначе не могъ разсуждать и дѣйствовать какъ оффиціально-письменно, а, чрезъ это самое, лицо, иногда легко и скоро исправимое, оставалось все-таки подъ замѣчаніемъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ съ явнымъ прискорбіемъ и недовольствомъ относился и къ настоятелямъ обителей и не оставлялъ ихъ безъ внушеній иногда и строгихъ, хотя отнюдь не формальнымъ образомъ, а въ своихъ частныхъ собственноручныхъ письмахъ. На этотъ разъ мы можемъ представить для примѣра слѣдующія два-три письма, вполнѣ характеристичныя.(2)

«Руководствуйте Господа ради ввѣренную вамъ братію въ доброй жизни, не на немощь свою смотря, но на Него—Господа силъ уповая. *Сила бо Его въ немощахъ совершается.*—Не дивитесь. что они слабы и противорѣчатъ истинному ихъ исправленію—таково есть растлѣнное грѣ-

(1) Письмо къ преосв. Евлампію, бывшему Епископу Орловскому, впослѣдствіи Архіепископу Тобольскому, сконч. въ 1862 г. на покоѣ въ Свіяж. монастырѣ Каз. епархіи.

(2) Письма эти напечатаны въ Полтавскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

хомъ естество наше. Ежели кто изъ насъ имѣетъ что либо доброе, это не наше, а даръ Его милосердія. А ежели Онъ отниметъ Свою руку, помогающую намъ, то мы тотчасъ сдѣлаемся хуже всѣхъ. А всемогущая любовь Его можетъ самаго жестокаго грѣшника смягчить огнемъ Своимъ божественнымъ. Потому не унывайте и не отчаевайтесь никогда, хотя бы вы видѣли труды ваши безполезными во многомъ. Божіе дѣло есть возращать, а наше трудиться, насаждать и напаять виноградъ Его предъ всевидящими милосердыми Его очами. Строгость вашу всегда растворяйте отеческою любовію, или, паче, всякая строгость должна происходить изъ единаго источника любви искренней и равной ко всѣмъ, всегда постоянной. Господь видитъ все, и никогда работающихъ Ему истинно не оставитъ. P. S. Ежели Ѳерапонтъ истинно раскаялся, и показалъ плоды исправленія своей жизни, то къ Свѣтлому Празднику я разрѣшаю ему священнодѣйствіе. Да и ради Христа Спасителя объявите ему, что я рѣшительно его прощаю и разрѣшаю, въ надеждѣ, что онъ, возчувствуя милость Божію, будетъ хранить себя отъ навѣтовъ діавола, и искушеній плоти. А ко мнѣ пришлите репортъ, что онъ по моему письменному приказанію разрѣшенъ. *Простимъ вся воскресеніемъ!*

А вотъ и другое письмо къ начальнику одной Пустыни (подвѣдомой Лаврскому духовному Собору).—«Преподобный отецъ! къ крайнему прискорбію моей старости, видно, врагъ всякаго добра позавидовалъ тому порядку и устройству пустыни, въ которомъ она находилась доселѣ. Церковнымъ благолѣпіемъ и согласнымъ пѣніемъ умилялись души братій и посѣтителей сей обители. Конечно надлежитъ еще возводить сію обитель къ возможному въ нынѣшнія времена преуспѣянію въ иноческой жизни,—но это подобаетъ дѣлать постепенно, а не вдругъ. Но твое преподобіе самое доброе дѣло началъ не добрѣ. Добро есть ревность, но по разуму. Во первыхъ надлежало тебѣ испросить на сіе благословеніе настоятеля Лавры по правиламъ иноческаго устроенія. Ибо только сѣяй о благословеніи, о благословеніи пожнетъ, по словамъ св. Апостола Павла и преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго. Но какъ ты началъ безъ благословенія: то дѣло сіе, само по себѣ доброе, но недобрѣ на-

чатое, само собою и разрушилось. Надобно начать съ совѣтомъ и разсужденіемъ: тогда при помощи Божіей и успѣха будемъ ожидать въ свое время. Во вторыхъ тебѣ ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало принуждать послушниковъ давать клятву предъ св. крестомъ и Евангеліемъ не употреблять водки во всю жизнь,—ибо этимъ можно довесть до клятвопреступленія по немощи человѣческой. Надлежитъ довольствоваться словеснымъ обѣщаніемъ стараться сохранить воздержаніе,—а въ случаѣ несохраненія увольнять изъ монастыря. Ты прочитай слова Іисуса Христа: *не клятися всяко—буди же вамъ ей ей, ни ни—лишше же сею отъ непріязни есть.* Видишь, до чего тебя довела ревность не по разуму—до нарушенія слова Божія. Въ третьихъ,—тебѣ не слѣдовало самовольно, безъ разрѣшенія настоятеля Лавры, по уставу оныя, высылать изъ пустыни послушниковъ. Симъ неразсуднымъ поступкомъ ты самъ подалъ соблазнъ и зловредный примѣръ своевольства и непослушанія. Съ пастырскою кротостію и въ отеческомъ попеченіи о спасеніи души твоей даю тебѣ, брате, сіе наставленіе, дабы ты исправилъ свои важныя погрѣшности, ежели хочешь быть сыномъ святыя Лавры и продолжать начальство пустыни въ полномъ послушаніи настоятелю Лавры, не предпринимая ничего безъ его благословенія. А ежели не желаешь: то можешь просить увольненія, и немедленно получишь. Но въ такомъ случаѣ тебѣ надобно будетъ очистить начальничьи кельи для новаго начальника, и перемѣститься въ Лавру, или въ Китаевскую пустынь на іеромонашескій окладъ. Клирошане возвращаются по приказанію моему въ пустынь для отправленія богослуженія, давши мнѣ обѣщаніе не употреблять водки. Примите ихъ подъ свой надзоръ и попеченіе.

Призываю на тебя и на ввѣренную попеченію твоему обитель благословеніе Божіе, надѣясь на твое послушаніе, какъ основаніе всей монашеской жизни.

Приведемъ еще одно письмо, касающееся самого Намѣстника Лавры. Письмо это было къ преосв. Викарію Іереміи.—«Покорнѣйше прошу Васъ не оставить благими Вашими совѣтами и наставленіями о. Намѣстника Лавры, въ которой встрѣчаются нѣкоторыя нестроенія въ слабой бра-

тіи. Онъ очень добръ—но иногда слишкомъ снисходителенъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ требуется спасительная строгость. Вышелъ у него нѣкій разладъ съ Благочиннымъ Лавры за избалованныхъ намѣстническихъ келейниковъ. Сдѣлайте милость, примите на себя трудъ дать имъ наставленіе въ томъ, т. е. и Намѣстнику и Благочинному, чтобы единодушно дѣйствовали къ благоустройству Лавры. Я писалъ къ Намѣстнику, чтобы онъ въ подобныхъ случаяхъ и во всѣхъ своихъ недоразумѣніяхъ обращался къ Вашему Преосвященству въ полномъ упованіи на правоту и благоразуміе Ваше.—Самъ о. Намѣстникъ совершенно напрасно думаетъ, что онъ потерялъ мою довѣренность. Я къ нему такъ же расположенъ совершенно, какъ и прежде всегда. А я только необходимымъ нашелъ дополнить что́, чего у него не доставало т. е законной строгости къ неисправимымъ, безъ которой нельзя обойтись въ такомъ большомъ и разнородномъ семействѣ. Впрочемъ я поставилъ Благочиннаго въ предѣлы его обязанности». (1)

Обращаемся къ другимъ даннымъ оффиціальнымъ, въ которыхъ очевидны прямыя требованія высокопр. Филарета отъ всѣхъ начальственныхъ лицъ въ Лаврѣ строжайшаго нравственнаго надзора за поведеніемъ братій. Предъ нами напр. слѣдующій документъ.—По поводу одного доклада Духовнаго Собора, высокопр. Филаретъ написалъ на немъ слѣдующую резолюцію: «Предписать всѣмъ начальствующимъ лицамъ, чтобы они за поведеніемъ, состоящихъ въ ихъ вѣдомствахъ, монашествующихъ и послушниковъ строжайшій нравственный имѣли надзоръ и о замѣченныхъ несвойственныхъ монашескому званію поступкахъ не опустительно доносили.—Духовному же Собору, въ присутствіи всевидящаго Бога, поручаю при опредѣленіи въ число послушниковъ, а паче при представленіи къ поступленію въ монашество со всею строгостію и опасностію испытывать истинное расположеніе къ иноческой о Бозѣ жизни и честное поведеніе ихъ, дабы въ св. Лаврѣ отнюдь не было людей,

---

1) Письмо къ преосв. Іереміи отъ 23 Января 1842 г.—Разумѣемый здѣсь Намѣстникъ былъ о. Архимандритъ Лаврентій.

преданныхъ пьянству, не воздержанію и не цѣломудренныхъ. А кто изъ начальствующихъ будетъ представлять людей, не имущихъ качествъ, требуемыхъ иноческимъ житіемъ,—тѣхъ азъ предаю суду Божію». (1) Содержаніе и значеніе этой резолюціи даетъ, повидимому, основаніе и мѣсто нѣкоему недоумѣнію.—Здѣсь высокопр. Филаретъ обязываетъ начальственныхъ лицъ имѣть строжайшій надзоръ и доносить неопустительно о замѣченныхъ проступкахъ и угрожаетъ судомъ Божіимъ за неисполненіе предписаннаго, а самъ, въ тоже время, поступалъ до крайней снисходительности и даже настаивалъ почти, какъ мы это уже видѣли, чтобы и другіе поступали такъ же, какъ и онъ. По видимому, здѣсь какая-то раздвоенность въ однихъ и тѣхъ же мысляхъ и дѣйствіяхъ. Да, по видимому такъ; но если взглянемъ не навидимое только, или даже и на самое видимое, но съ иной—правильной стороны, то съ совершенною ясностію откроется другое.

Прежде и главнѣе всего здѣсь нужно принять во вниманіе то, когда именно дана вышеписанная резолюція. Это было еще въ 1839-мъ г., слѣдовательно въ самомъ началѣ настоятельства высокопр. Филарета. Такое распоряженіе требовалось, значитъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ и условіямъ, по коимъ мы указывали уже разность между оффиціальными распоряженіями высокопр. Филарета и его предмѣстника. Оказывалось, что, водясь почти исключительно внѣшнею формальностію въ исполненіи своихъ обязанностей, начальствующіе изъ братій смотрѣли за поведеніемъ подвѣдомыхъ имъ и рекомендовали ихъ при потребныхъ случаяхъ, не вникая съ надлежащею строгостію и вникательностью во внутреннее ихъ состояніе. Выходило, что и самъ Духовный Соборъ ограничивался не болѣе, какъ подобными же формальными данными. А Настоятель-Митрополитъ, не имѣвши возможности самъ лично и непосредственно входить въ ближайшія отношенія къ братіи, по самому мѣстожительству своему внѣ Лавры, само собою, утверждалъ тѣ,

---

1) Смотр. исходящій журналъ съ прописаніемъ резолюцій за 1839 г. Марта 18-го № 610.

или иныя представленія о братіяхъ, опираясь на мнѣнія Собора и вообще на письменную процедуру дѣла. Однимъ награда и милость, другимъ судъ и наказаніе опредѣлялись собственно однимъ формальнымъ путемъ и порядкомъ. Но, вотъ дѣла принимаютъ другой характеръ. Собору Духовному внушается и поручается дѣйствовать въ присутствіи всевидящаго Бога, и самому строго и опасно испытывать истинное расположеніе братій къ иноческой о Бозѣ жизни и, такимъ же образомъ, дознавать и честное ихъ поведеніе, при этомъ и начальственнымъ, по разнымъ частямъ управленія, лицамъ возвѣщается отвѣтственность предъ судомъ Божіимъ, а не предъ властію лишь начальственною. Въ этомъ отношеніи чѣмъ было выше лицо и, по этому самому, было поставлено въ ближайшія отношенія и пользовалось особою довѣренностію, тѣмъ болѣе должно было принимать и чувствовать указываемыя внушенія. У о. Намѣстника не разъ встрѣчаемъ въ его замѣткахъ въ дневникѣ подобнаго рода факты.—«Испрашивалось,—пишетъ онъ—по докладу Собора благословеніе архипастырское на отпечатаніе книжицы «Благодарственное страстей Христовыхъ воспоминаніе»; при этомъ лично высказано было мною самое побужденіе и цѣль печатанія ради молитвеннаго употребленія и пр. Владыка сказалъ мнѣ при этомъ: «да-да!» «Но отцу-то Намѣстнику надобно бы выучить первому эту книжицу на изусть возможно тверже и глубже».—«Утромъ нынѣ былъ я у Владыки—пишетъ тотъ же Намѣстникъ.—Увидавъ меня и благословивъ, Владыка сказалъ мнѣ: «отецъ Намѣстникъ, вотъ я читаю: *наше отечество на небесѣхъ и пр.* по Апостолу (книга была предъ глазами Владыки). А мы съ тобой уготовляемъ ли путь къ этому отечеству... Ты вѣдь—Намѣстникъ мой: такъ смотри, чтобы намъ другъ друга, а вмѣстѣ съ собою и другихъ не увесть въ другое отечество. А, вѣдь, это какъ легко и не мудрено можетъ статься съ нашей стороны, особливо когда будемъ направлять на путь-дорогу не всегда однимъ образомъ, паче же водясь не духомъ... Эхма, эхма!»—И, дѣйствительно, въ прямое соотвѣтствіе съ приведенными келейными разсужденіями Настоятеля—Архипастыря, мы читаемъ въ одномъ изъ предложеній его Собору, гдѣ указано во первыхъ, какъ

каждый изъ начальственныхъ лицъ уполномочивается дѣйствовать на подчиненныхъ въ кругѣ своего вѣдомства, и во вторыхъ,—какъ всѣмъ имъ дѣйствовать сообща въ единомыслiи. «Всѣмъ начальствующимъ внушается—сказано въ предложенiи—единомысленно въ духѣ Евангельскаго единенiя помогать другъ другу совѣтами въ исполненiи возложенныхъ на нихъ обязанностей и яко истиннымъ сынамъ единыя святыя обители всемѣрно стараться о благоустройствѣ и пользахъ ея, и что̀ усмотрятъ нужное и полезное, представлять Настоятелю». Ясно, что, вопреки опасенiю за стѣсненiе правъ и ослабленiе вліянiя начальственныхъ лицъ, дана имъ такая свобода разсужденiй и дѣйствiй, какая возможна только подъ тѣмъ условiемъ, что самъ дающiй обладалъ ею въ возможной полнотѣ въ духѣ Евангельскаго единенiя со всѣми, яко братiями единой семьи св. обители и почиталъ и являлъ себя *яко служкою*.

Остается вопросъ: доставало ли, въ комъ слѣдовало ожидать, и всегда ли и во всемъ достойнаго соревнованiя, чтобы, по слову Апостола, быть *тожде мудрствующими, тужде любовь имущими, единодушными, единомудренными, и такимъ* образомъ *не своихъ-си,* но и *дружнихъ смотряющими,*—или же бывало и противное, и въ какой мѣрѣ и степени, и какъ поступалъ въ послѣднемъ случаѣ высокопр. Филаретъ?—

На первую половину вопроса не беремся отвѣчать. Это значило бы съ одной стороны доискиваться и требовать отъ всѣхъ такого равенства, которое тождественно совершенству; а съ другой для этого слѣдовало бы прослѣдить не менѣе, какъ біографически, личные характеры и состоянiя всѣхъ бывшихъ начальствующихъ. Что̀ же касается второй половины вопроса, то рѣшенiе его видно отчасти изъ изложеннаго повѣствованiя, а еще болѣе уяснится изъ дальнѣйшаго изложенiя фактовъ.

ГЛАВА XIV.

«Если что особенно не терпимо было для святаго Владыки въ монахѣ, это—непослушаніе, самочиніе, своеволіе съ строптивостію и противленіемъ установленному порядку и Начальству». (1)

«Такой человѣкъ (келейникъ о. Назарій) нуженъ, подобно какъ вѣрный, хотя сердитый песъ на дворѣ хозяина».(2)

«Бывало, какъ посмотришь только на Владыку, то тутъ же и опомнишься.» (3)

Факты, о которыхъ будетъ сей часъ рѣчь, не имѣли содержанія и характера не только оффиціальнаго, но и такого, чтобы относить ихъ ко всѣмъ въ Лаврѣ; они въ свое время дѣлались и извѣстными только тѣмъ, которымъ вѣдать надлежало, или которые были не праздными зрителями, или слышателями тѣхъ, или иныхъ изъ этихъ фактовъ. Но тѣмъ не менѣе значеніе и вліяніе указываемыхъ фактовъ проявлялись благотворнымъ образомъ въ многихъ отношеніяхъ и видахъ, и, при этомъ, не въ средѣ лишь одной монашествующей братіи, но въ средѣ иныхъ, принадлежащихъ, впрочемъ къ вѣдомству Лавры, а на конецъ и въ средѣ мірскихъ лицъ начиная отъ простыхъ (напр. даже самыхъ нищихъ,) и до высшихъ знатныхъ.—И все это, при всей келейности и какъ бы прикровенности дѣйствій, не замедляло скоро же переходить въ извѣстность и дѣлалось впослѣдствіи до самыхъ послѣднихъ поръ живо

---

1) Смотр. въ дневникѣ о. Намѣстника.

2) Слова высокопр. Филарета.

3) Изъ разсказовъ лицъ, служившихъ при высокопр. Филаретѣ.

сохраняемымъ преданьемъ въ устныхъ сказаніяхъ и, частію, въ письменныхъ и печатныхъ. Когда намъ приводилось выслушивать многіе разсказы и съ тѣмъ вмѣстѣ иногда и провѣрять ихъ, то выходило такъ, что отъ кого казалось бы менѣе всего можно было ожидать большей, или меньшей извѣстности фактовъ, эти самые люди отнюдь не менѣе сообщили нѣкоторыя подробности, и что́ замѣчательно, въ такихъ чувствахъ, какъ будто они сами были очевидцами и даже участниками, хотя, по ихъ же словамъ, имъ пришлось узнать то́, или другое свѣдѣніе, дошедшее до нихъ преемственно чрезъ нѣсколько устъ. Наконецъ все передаваемое, хотя иногда и разнообразно, въ частностяхъ, было такъ характеристично и типично, что непремѣнно все, само собою, шло и прилагалось именно къ лицу въ Бозѣ почившаго... судя по всему его обычному образу дѣйствій пріемовъ, выраженій и т. п. —Обращаемся къ изложенію указываемыхъ данныхъ.

Видя въ высокопр. Филаретѣ преизбыточествующую любовь и снисхожденіе къ немощамъ и слабостямъ братій, нѣкоторые изъ начальственныхъ лицъ, и самъ даже о. Намѣстникъ, а иногда и цѣлый Соборъ Духовный обращались иногда съ такими докладами, въ которыхъ разчитывали воспользоваться этими свойствами ради пощады иныхъ провинившихся. Но здѣсь-то, къ изумленію и съ тѣмъ вмѣстѣ назиданію такъ дѣйствовавшихъ, всегда выходилъ результатъ иной. Приведемъ на это нѣкоторые примѣры. «Одинъ братъ провинился, (пишетъ о. Намѣстникъ въ своемъ дневникѣ); была масляница, наступали дни прощанія. Я не доумѣвалъ, какъ Владыка приметъ докладъ по сему дѣлу Выслушавъ спокойно докладъ, Владыка далъ резолюцію строгую: «съ іеродіакона снять рясу и камилавку, устранить отъ священнодѣйствія и послать въ хлѣбную на труды на всю четыредесятницу.» (1) Въ чемъ состояло недоумѣніе о. Намѣстника, понятно изъ другаго подобнаго же факта, гдѣ на слова докладывавшаго: «не благоволите ли простить, св. Владыка, и не избавите ли отъ наказанія по—случаю великаго поста,»—высокопр Филаретъ отвѣчалъ: «Лично я

1) Смотр. дневникъ тетрадь IV.

прощаю, но виновный требуетъ наказанія для его душевной пользы—для исправленія въ духѣ и чувствѣ покаянія.»— «Случалось, (читаемъ въ дневникѣ о. Намѣстника), при докладахъ (его и другихъ начальствующихъ) о нѣкоторыхъ братіяхъ говорить въ нѣкое извиненіе, что тотъ, или другой напр. изъ нихъ трезвъ, воздержанъ и т. п. Но Владыка всегда съ особенною силою замѣчалъ: «да что въ этомъ?!. И діаволъ трезвъ, не пьетъ и не ѣстъ... Не сносно ослушаніе.» И тутъ же въ дневникѣ замѣчено: «если что особенно не терпимо было для св. Владыки въ монахѣ,—это— не послушаніе, самочиніе, своемысліе съ строптивостію и противленіемъ установленному порядку и начальству.» (1)

Эти и многіе другіе подобные факты, какъ мы уже замѣтили, естественно, приводили видѣвшихъ въ недоумѣніе и даже въ удивленіе, но въ то же время служили живыми примѣрами для назиданія и руководства прочимъ начальствующимъ Такое значеніе приписываемъ мы этимъ фактамъ собственно потому, что они оправдывались до степени, иногда явной, прозорливости; вообще же они были не отразимо вліятельны и дѣйственны. Бывало, начальственныя изъ братій лица, а иногда и цѣлый Соборъ составятъ какое-то не выгодное понятіе о комъ нибудь, или пожалуй найдутъ причины, видимо основательныя, чтобы обойти этого человѣка напр. въ повышеніи саномъ священства; и высокопр. Филаретъ дѣйствовалъ, въ подобныхъ случаяхъ, истинно какъ бы по откровенію. Былъ Іеродіаконъ N. при Великой Церкви. Съ виду, а пожалуй и дѣйствительно, онъ былъ болѣзненный съ признаками чахотки. Духовный Соборъ при представленіяхъ кандидатовъ на іеромонашество нѣсколько разъ обходилъ его. Самъ о. Іеродіаконъ отнюдь не ропталъ на это, а благодушно и смиренно относилъ все къ своему недостоинству и по болѣзненности не признавалъ себя надежнымъ къ долгой жизни. Но вотъ однажды этотъ іеродіаконъ участвовалъ въ чередовомъ служеніи при Литургіи, совершаемой высокопр. Филаретомъ. Въ это служеніе назначили его не безъ цѣли,—именно той, чтобы Владыка Самъ

---

1) Тамъ же.

наконецъ лично увѣрился въ не способности его къ служенію. Когда, въ концѣ Херувимской пѣсни, Владыка долженъ былъ возложить, по чину на плечо этого іеродіакона воздухъ, то спросилъ его: «ты готовился къ пріобщенію?, и получивъ отвѣтъ: «такъ точно,»—возложилъ воздухъ, вмѣсто плеча, на его главу, какъ на рукополагаемаго въ священство. За тѣмъ по великомъ входѣ совершилъ надъ нимъ іерейскую хиротонію. Излишне говорить, какъ подѣйствовалъ этотъ фактъ на всѣхъ... Самое же это лице впослѣдствіи долго благополучно здравствовало и занимало одно изъ почетнѣйшихъ начальственныхъ мѣстъ въ св. Лаврѣ. Это былъ Благочинный Лавры о. Игуменъ Іона, который самъ лично разсказалъ мнѣ все это съ истиннымъ благоговѣніемъ къ путямъ Божіимъ, а не раздѣльно къ имени и памяти въ Бозѣ почившаго Владыки. Выслушавъ это, я съ своей стороны тутъ же сообщилъ разсказчику что, вѣдь, и самъ высокопр. Филаретъ былъ такъ же произведенъ изъ іеродіаконовъ въ іермонахи» т. е. безъ всякаго объ этомъ предваренія.—«Да пусть такъ... но, вѣдь, онъ вполнѣ былъ, всеконечно, достоинъ этого по своимъ заслугамъ,—говорилъ мой собесѣдникъ,—а я-то что былъ?! Какъ есть самый негодящій изъ всѣхъ іеродіаконовъ...

Бывали примѣры и наоборотъ такіе, что высокопр. Филаретъ являлъ себя какъ бы суровымъ и не умолимымъ къ снисхожденію. Такъ, прибылъ въ Кіевъ одинъ о. Архимандритъ изъ ученыхъ, которому, за увольненіемъ отъ должности ректорской, назначено было, по опредѣленію Св. Сунода, жить въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей. Явился онъ ко Владыкѣ; но онъ его не принялъ. Когда въ тотъ же день вечеромъ зашла рѣчь объ этомъ Архимандритѣ, Владыка началъ говорить: «Начало паденія человѣка—гордыня; а глубина паденія нечистота жизни особенно для лица въ духовномъ званіи... Такихъ трудно покрывать. Пока Богъ не обличаетъ и соблазнъ не такъ очевиденъ, есть еще мѣсто нѣкоторому снисхожденію. Но когда грѣхъ открытъ для всѣхъ и соблазнъ общій, тогда не должно прекать суду Божію, и судъ долженъ быть строгій. Тогда надобно смирять человѣка, чтобы привести его въ чувство покаянія, а не усыплять его не умѣстною снисходительностію. Я боялся

много, что его (архимандрита) поставятъ, пожалуй, еще повыше, а потомъ возведутъ и въ архіереи... Но Богъ не попустилъ... Человѣкъ этотъ, (замѣчено въ запискахъ о. Намѣстника) помѣшался и потерялъ вовсе разумъ». По поводу послѣдняго факта нужно замѣтить, что въ Кіево-Печерской Лаврѣ не рѣдко и не малое число лицъ съ высшимъ саномъ (напр. архимандритскимъ и епископскимъ) проживало на покоѣ, и съ ними-то нужно было особенно умѣть обходиться. Считая себя на особыхъ правахъ и въ особыхъ условіяхъ жизни въ отношеніи къ общимъ лаврскимъ порядкамъ и образу поведенія, они, само собою, позволяли иногда себѣ многое во вредъ братіи, и въ личное безпокойство и непріятность самому Владыкѣ. Но, (пишетъ въ своихъ запискахъ о. Намѣстникъ) «успокоивать безпокойныхъ тихостію и незлобіемъ, и ничѣмъ не довольныхъ и ни къ чему непризнательныхъ умирять новыми милостями было однимъ изъ правилъ, которыя свято исполнялъ св. Владыка, и притомъ съ тою именно цѣлію, чтобы успокоить и всѣхъ прочихъ своихъ братій. Еще не давно былъ напр. такой безпокойный гость въ Лаврѣ,—греческій... (сана и имени его мы не выставляемъ, хотя они и означены въ запискахъ). И что́ жъ?. съ какою кротостію обходился съ нимъ Владыка!. Можно бы, вѣдь, изыскать другой способъ и другія средства успокоить гостя, который впрочемъ ни въ чемъ не нуждался, хотя не по совѣсти представлялъ себя бѣднякомъ.—Владыка могъ бы прямо приказать,—что́ сдѣлать и и на какой счетъ. Но онъ удѣлилъ первый изъ своей части, чтобы братія, видя этотъ примѣръ, не скорбѣла и за свою долю. Такъ же точно когда одинъ о. Архимандритъ оказался не въ состояніи проходить священнослуженіе, а между тѣмъ требовалъ доходовъ,—Владыка по христіанскому братолюбію приказалъ выдавать ему изъ своей настоятельской части ежегодно извѣстную сумму, чтобы не смутить братію, изъ кружки которой такъ же предложилъ выдавать часть тому же Архимандриту.» Когда же Владыка замѣчалъ въ подобныхъ лицахъ какія либо слабости вредныя для нихъ самихъ, и могущія служить соблазномъ для братіи,-то, съ свойственною ему любвеобильностію, старался исправлять, иногда прямо, а иногда поучительными разсказами. Наконецъ не

оставлялъ онъ таковыхъ, когда они по обстоятельствамъ перемѣщались въ другія мѣста, безъ своего искреннѣйшаго участія и наставленій въ видахъ исправленія и направленія на путь истинный спасительный. Мы приведемъ здѣсь одно изъ писемъ этого рода, писанныхъ къ одному изъ ученыхъ лицъ монашествующихъ. «Возлюбленный о Господѣ брате!. Благодарю васъ искренно за письмо ваше ко мнѣ. Жалѣю сердечно, что вы оставили подвигъ служенія, къ которому руководствовалъ васъ Промыслъ Божій. Искуситель, духъ злобы, врагъ душъ нашихъ причинилъ вамъ недуги, заставившіе благодѣтельнаго архипастыря удалить васъ отъ занимаемыхъ вами должностей. Но не отчаявайся, брате, въ милосердіи Спасителя и врача душъ и тѣлесъ нашихъ. Есть средство и—только единое, возвратить вамъ счастіе ваше. Обратитесь ко Господу отъ всего сердца вашего. Приносите предъ Нимъ всемогущимъ и всеблагимъ глубокое раскаяніе въ слабостяхъ вашихъ. Берегитесь паче всего слагать на другихъ вину несчастій вашихъ. Это внушеніе гордости нашей самое опаснѣйшее. Смиритесь предъ Господомъ Богомъ въ глубокомъ сознаніи своей бѣдности и растлѣнія, въ безпрерывной сердечной къ Нему молитвѣ, въ пощеніи и умерщвленіи всѣхъ страстей, воюющихъ на душу,—и возставитъ васъ Господь Спаситель. И Промыслъ Его укажетъ вамъ путь къ служенію Церкви. А безъ того ни Москва, ни Петербургъ, ничто и никто вамъ не поможетъ. Корень злополучія вашего внутрь васъ,—истребите его смиреннымъ призываніемъ всемогущей благодати Божіей, и вы, безъ сомнѣнія, возвратите тогда же истинное ваше благополучіе. Для сего читайте безпрерывно святое Писаніе съ благоговѣніемъ и молитвою, и всевозможно старайтесь исполнять Его заповѣди. Повѣрьте мнѣ, сколько нибудь опытному, въ слѣдующихъ наставленіяхъ: оставьте всякое желаніе честей, выгодъ, и всякое занятіе своею ученостію. Я разумѣю:—не только высоко, но ни сколько не мыслите о вашей учености. Ищите единаго на потребу, т. е. водворенія въ духѣ вашемъ благодатнаго царствія Іисуса Христа. Съ симъ вся приложатся вамъ. Начальство взыщетъ васъ благовременнѣ къ служенію Церкви, гдѣ бы вы ни были. *Востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и освѣтитъ*

тя Христосъ! Молю о васъ Бога со слезами. Пишите ко мнѣ не обинуяся. Я съ духовною радостію буду вамъ отвѣчать и по возможности наставлять васъ въ пути обращенія къ Богу. Не скрывайте предо мною вашихъ трудностей, печалей и недоумѣній. Увѣдомляйте меня о вашихъ занятіяхъ. Будущую вашу участь предоставьте единому Промыслу Божію.»—Вашъ искренній слуга и пр.

Мы могли бы привести много и другихъ подобныхъ фактовъ, которые имѣемъ въ доставленныхъ намъ запискахъ и устныхъ разсказахъ отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя или на себѣ испытывали, или были свидѣтелями разныхъ благовлятельныхъ дѣйствій высокопр. Филарета. Но полагаемъ и увѣрены за читателей, что они вполнѣ раздѣляютъ истину выраженія,—дѣло не въ количествѣ, а качествѣ.—Переходимъ къ другимъ фактамъ собственно домашнимъ келейнымъ.

Трудно иногда начальнику умѣть управиться съ лицами, болѣе, или менѣе важными по своему званію и служебному мѣсту и значенію, въ случаѣ какихъ либо несогласій во взглядахъ, характерахъ, словомъ личныхъ не благопріятныхъ отношеній со стороны послѣднихъ. Но всякій согласится, что не менѣе трудности умѣть поставить, какъ должно, лицъ низшихъ подчиненныхъ и въ частности тѣхъ, которые, по роду своего служенія, числятся, какъ свои домашніе. Не даромъ св. Апостолъ изрекъ. *враги—домашніе его...* Правда, эти лица иногда бываютъ домашними врагами вовсе не по враждѣ и даже безнамѣренно, но тѣмъ не менѣе, происходящее отъ нихъ, зло бываетъ иногда велико и для лица начальствующаго, которому они служатъ, и для другихъ. Не будемъ скрываться, что такъ называемые келейники, докладчики о просителяхъ, домашніе письмоводители,—словомъ вся домашняя прислуга, или свита, если гдѣ и у кого, то въ монастыряхъ у настоятелей, или у Преосвященныхъ пользуется, къ прискорбію, такою извѣстностію, что не многіе согласятся даже и выслушать, когда бы рѣчь зашла въ ихъ защиту, или оправданіе. Сами даже настоятели и святители не рѣдко готовы, какъ говорится, махнуть рукою съ глубокимъ вздохомъ. Въ этихъ называемыхъ свитахъ какъ будто какая особая господствующая

стихія! Не даромъ еще въ Регламентѣ временъ Петровскихъ охарактеризована она извѣстнымъ образомъ. Въ частности же, касательно собственно нѣкоторыхъ лицъ изъ этой категоріи, пользующихся особенными правами приближенности, существуетъ даже указное сѵнодальное предостереженіе, т. е. чтобы напр. въ случаѣ перемѣщенія настоятеля, или Епископа подобны, лица не переѣзжали съ ними на новыя мѣста служенія;—хотя, само собою, это предостереженіе не безусловное. Но должно ли судить собственно этихъ только лицъ? не дѣлаются ли они такими болѣе и чаще всего страдательно?. Не виновны ли сами держащіе ихъ, когда бываютъ или чрезъ чуръ довѣрчивы и снисходительны и вообще фамиліарны къ нимъ,—или же просто не обращаютъ на нихъ почти никакого вниманія.? Наконецъ не болѣе ли виновны и всѣ тѣ, которые или въ простотѣ сердца приписываютъ описываемымъ лицамъ много значенія и силы предъ начальниками, или же, прямо изъ нечистыхъ видовъ и цѣлей, ублажаютъ ихъ до раболѣпства, не щадя своего званія и достоинства, а иногда даже заставляютъ ихъ дѣйствовать такъ, а не иначе извѣстнаго рода своими благодарностями?!.. Во всякомъ случаѣ пресѣченіе всего, истекающаго отсюда, зла и вреда лежитъ, очевидно, на обязанности главнаго начальника, съ отвѣтственностію за самое зло и вредъ, и за самыхъ лицъ близкихъ домашнихъ... Такъ и у Пророка—Прозорливца и Чудотворца Елиссея былъ; слуга Гіэзій, злоупотребившій его авторитетомъ и довѣренностію; но онъ же и не былъ оставленъ безъ вразумленія и исправленія. Былъ у Апостола Павла слугою Онисимъ, бѣжавшій отъ своего прежняго господина, который, какъ видно, и не заботился разыскивать его для возвращенія къ себѣ, какъ непотребнаго; —но этотъ непотребный и бѣглецъ, находясь въ услуженіи св. Апостолу, сдѣлался такимъ, что самъ св. Апостолъ, возвращая его къ прежнему господину, свидѣтельствовалъ о немъ такъ: «Молю тя о моемъ чадѣ... Онъ былъ нѣкогда не годенъ для тебя, а теперь годенъ тебѣ и мнѣ; я возвращаю его. Ты же прими его, какъ мою утробу. Я хотѣлъ бы удержать его, дабы онъ вмѣсто тебя послужилъ мнѣ во узахъ за благовѣствованіе, но безъ твоего согласія я не хотѣлъ этого сдѣлать... Не какъ уже раба

прими его, по выше раба, какъ брата возлюбленнаго особенно мнѣ, а тѣмъ болѣе тебѣ и по плоти и въ Господѣ. (Филимон. 10—16). Понятно, отъ чего зависѣла и произошла такая перемѣна въ описываемомъ слугѣ, что онъ сталъ для самого Апостола его чадомъ, его утробою, братомъ возлюбленнымъ, и не только для него (Апостола), но и для прежняго господина, предъ которымъ былъ не годенъ. Объ отношеніяхъ и вліяніи состороны высокопр. Филарета на лицъ приближенныхъ—довѣренныхъ и на домашнихъ его келейныхъ и будетъ наша слѣдующая рѣчь.

Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о лицахъ, приближенныхъ и довѣренныхъ не въ смыслѣ отношеній только личныхъ, но такихъ, которыя, естественно, могли имѣть вліятельное значеніе по части управленія и не только дѣлами лаврскими, но и обще-епархіальными. Не скрываемъ, что при всѣхъ достовѣрныхъ данныхъ, имѣющихся у насъ подъ руками, мы все-таки, кажется, не рѣшились бы коснуться настоящаго предмета по самому нашему званію и состоянію иноческому, чтобы не быть выставителями и судіями дѣяній святительскихъ въ разсматриваемомъ родѣ и значеніи.—Но завѣса эта отчасти уже приподнята. «Авторъ-издатель извѣстныхъ «свѣдѣній изъ архіерейской жизни», спеціально занявшійся очерками этого рода, не преминулъ представить нѣсколько картинъ и изъ жизни высокопр. Филарета. И вотъ предъ нами, какъ разъ, стоятъ вопросы, которыми задался авторъ, совершенно тожественные съ нашими.—«Какъ же онъ—высокопр. Филаретъ», вопрошаетъ авторъ, «съ такимъ характеромъ, (преисполненнымъ доброты и простоты) и въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ могъ править такою первоклассною епархіею, какъ Кіевская? Полагаютъ, что его, вѣроятно, обманывали какіе нибудь свои «*гаврилки*» и вообще приближенные и, пользуясь его добротою, подъ его руку вершили кривду надъ правдою... Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не терпѣлъ при себѣ ни одного «гаврилки» и имъ никто не правилъ, кромѣ его собственнаго сердца. Ветхій и немощный Филаретъ имѣлъ прекрасныхъ Викаріевъ и замѣчательнаго Намѣстника Іоанна, и еще племянника—Ректора Академіи; всѣ эти лица много сотрудничали маститому Владыкѣ, но отнюдь не верховодили имъ.

Во всѣхъ дѣлахъ, требовавшихъ отъ него самостоятельности, онъ дѣйствовалъ самостоятельно и, до конца жизни, правилъ самъ, и вездѣ его доставало. Даже, гдѣ нужна была строгость и наибольшая энергія, онъ и тутъ не устранялся отъ дѣла, а только всегда боялся быть жестокимъ» (1) «Но возможенъ все-таки вопросъ», продолжаетъ Авторъ: «гдѣ же доказательство, что добрякъ Филаретъ не портилъ служебнаго дѣла своею младенческою простотою и правилъ епархіею не хуже самыхъ мудрыхъ? Доказательство есть, хотя ихъ надо взять не изъ сухихъ цифръ оффиціальнаго отчета, а изъ живыхъ сравненій, какъ говорится, «отъ противнаго». Что́ напр. оставилъ Митрополитъ Филаретъ въ наслѣдіе своимъ наступникамъ? Оставилъ сплоченное, одновѣрное населеніе, самымъ трогательнымъ образомъ любившее своего Архипастыря—«*старенькаго дидусю*» и обитель, въ которой истинно набожные люди осязали духъ схимника Парѳенія, этого дивнаго человѣка, тихая слава котораго была равна его смиренію, даже превосходившему смиреніе своего Первосвятителя—*схимника же*... Наконецъ Митрополитъ Филаретъ-Амфитеатровъ оставилъ для Церкви «*дитя своего сердца*» (племянника) преосв. Антонія Амфитеатрова—Архіепископа Казанскаго, который не даромъ былъ однимъ изъ приближенныхъ довѣренныхъ у дяди своего—Первосвятителя Филарета до послѣдней минуты жизни. Посему можно думать, что и вся Русь справедливо судитъ о церковномъ правленіи Митрополита Филарета Амфитеатрова правильно: она не можетъ не держаться въ этомъ истины своего Божественнаго Учителя: «дерево узнается по плодамъ». (2)

Начнемъ рѣчь собственно о домашнихъ келейныхъ лицахъ.

У высокопр. Филарета былъ келейный, одинъ изъ самыхъ долговременныхъ и довѣренныхъ, о. Назарій. Взятъ онъ былъ изъ простыхъ послушниковъ Свято-Троицкой Сергіевской Лавры, когда высокопр. Филаретъ былъ Ректоромъ Московской Академіи. Это лицо, впрочемъ отчасти уже извѣстно

---

1) Лѣсковъ. Мелочи Архіерейской жизни 1879 г. Стр. 87 и 88.
2) Лѣсковъ. Мелочи Архіерейской жизни 1879 г. Стр. 94 и 96.

читателямъ,—именно изъ тѣхъ случаевъ, когда мы говорили, что за щедродательность свою высокопр. Филаретъ часто терпѣлъ упреки отъ своего келейнаго. Кого бы ни спросили вы изъ знающихъ домашнюю жизнь высокопр. Филарета въ Калугѣ ли, Рязани, Казани, С.-Петербургѣ и Кіевѣ, вамъ непремѣнно выскажутъ хотя нѣсколько отзывовъ о личности о. Назарія, съ указаніемъ на то, что высокопр. Филаретъ очень часто и очень много терпѣлъ отъ о. Назарія Такіе отзывы, очевидно, сколько не въ пользу одного, столько же и другаго. Не въ пользу высокопр. Филарета здѣсь то, что будто бы онъ не имѣлъ надлежащаго вліянія на своего подчиненнаго, такъ что долженъ былъ самъ терпѣть отъ него очень часто и очень многое.—Но при всей кажущейся очевидности подобныхъ представленій и заключеній, мы получимъ еще бо́льшую и не кажущуюся, а дѣйствительную очевидность совершенно противныхъ основаній, когда вникнемъ въ самое дѣло и въ значеніе даже самыхъ вышеприведенныхъ отзывовъ. Говоря о послѣднихъ, должно принять во вниманіе, что это было въ родѣ той же самой не дальновидности, о которой было говорено уже нами прежде,—а съ другой это значитъ, какъ говорится, судить о другихъ по своей мѣркѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ видахъ непщеванія вины о своихъ грѣсѣхъ,—своихъ заслуженныхъ непріятностяхъ со стороны о. Назарія, или вообще личныхъ съ нимъ столкновеніяхъ. А что́ касается собственнаго состоянія высокопр. Филарета, изъ котораго хотя и видно, что ему приводилось терпѣть, то оно было совершенно иного характера и значенія, во всякомъ случаѣ не отнимавшаго у него права и силы всецѣлаго и дѣйствительнаго вліянія и на самого о. Назарія. Приведемъ, записанныя нами вкратцѣ, слова одного изъ келейниковъ же, служившаго вмѣстѣ съ о. Назаріемъ и, впослѣдствіи, занявшаго его мѣсто, въ значеніи самаго довѣреннаго лица, о. Іеромонаха Сергія, и оставшагося на этомъ мѣстѣ до самой кончины высокопр. Филарета «О. Назарій былъ человѣкъ такой, что, какъ говорится, не давалъ никому спуску. Можно сказать рѣшительно, что всѣ болѣе, или менѣе были не довольны и тяготились имъ. Самому Владыкѣ онъ часто дѣлалъ прямыя непріятности. Случалось же и мнѣ и другимъ имѣть

смѣлость заводить рѣчь объ немъ предъ Владыкой. Но Владыка, бывало, говоритъ: «человѣкъ такой нуженъ, какъ вѣрный, хотя и суровый стражъ и приставникъ (сердитый песъ) на дворѣ хозяина». Въ другую же пору, бывало, скажетъ только: «ну, Господь да проститъ его; я же самъ, слава Богу, никогда не гнѣваюсь и не чувствую побужденія гнѣваться на него». Или же обратится, бывало, къ намъ же съ такими словами: А что? кто скажетъ изъ насъ по совѣсти, что не заслуживаетъ подъ часъ брани и укоризны?. Значитъ, нужно пользоваться этимъ, чтобы смиряться и пещись о самоисправленіи». «А нужно сказать истинную правду и отдать честь покойному о. Назарію, говорилъ со всею искренностію нашъ разсказчикъ,—что онъ былъ примѣрно преданъ Владыкѣ. Когда Владыка не взялъ его въ послѣдній разъ съ собою въ С.-Петербургъ, то онъ такъ скорбѣлъ и грустилъ по разлукѣ, что эта тоска, можно думать, послужила къ ускоренію его кончины».

Полагаемъ, что совершенно довольно этихъ не притворныхъ и безпристрастныхъ словъ, чтобы получить истинное понятіе о личности о. Назарія и отношеніяхъ къ нему высокопр. Филарета. Но нужно принять во вниманіе здѣсь еще другую внутреннюю духовную сторону подобныхъ отношеній высокопр. Филарета. Она собственно касается характера аскетическаго, и видна уже отъ части въ вышеприведенныхъ словахъ келейнаго. Это—наложеніе на себя добровольнаго креста для самоиспытанія и самоисправленія и вообще для большаго созрѣванія и преуспѣянія въ духовной жизни. Въ этомъ отношеніи личность и поступки о. Назарія какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ личностію и поступками преосвящ. Августина въ извѣстную пору жизни. А объ этой порѣ самъ высокопр. Филаретъ засвидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ много-много созрѣлъ въ жизни духовной—именно среди бывшихъ тогда для него скорбей. Разница здѣсь лишь въ томъ, что прежде приводилось ему терпѣть невольно отъ лица высшаго властнаго, а теперь произвольно отъ подчиненнаго низшаго. Совпаденіе это тѣмъ нагляднѣе, если обратимъ вниманіе хотя на нѣкоторыя непріятности со стороны о. Назарія. Напр. замѣчая, что у высокопр. Филарета очень часто изчезаютъ изъ его комода разныя вещи, напр. пояса,

платки, и узнавъ, что онъ ихъ раздаетъ то въ благословеніе, то иногда даже въ милостыню, за не имѣніемъ въ рукахъ своихъ денегъ,—о. Назарій не давалъ ему поясовъ: и однажды заставилъ его такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ носить старый кожаный поясъ. То же дѣлалъ онъ и относительно носовыхъ шелковыхъ платковъ, не давая ему кромѣ простыхъ старенькихъ, такъ какъ высокопреосв. Филаретъ не рѣдко отдавалъ платки хорошіе новые приходившимъ нищимъ. И такъ—этотъ старый поясъ и старенькіе платки не живо ли должны были напоминать ему про тѣ дырявыя туфли, въ коихъ онъ долженъ былъ ходить даже и въ классъ, а также про то изношенное бѣлье, кромѣ котораго у него ничего не оказалось изъ имущества, когда онъ подвергнутъ былъ, по распоряженію преосв. Августина, конфискованію своего имущества. Далѣе, какъ мы уже знаемъ, преосв. Августинъ часто бранилъ и поносилъ публично въ Консисторіи и въ классахъ при ученикахъ бывшаго ректора Филарета, выставляя въ извѣстномъ превратномъ видѣ и значеніи разныя его добрыя дѣйствія и всю подвижническую жизнь и преслѣдуя его за общее объ немъ прекрасное мнѣніе и любовь къ нему,—въ этомъ же родѣ поступалъ съ нимъ не рѣдко и о. Назарій.

Кромѣ помянутаго келейнаго о Сергія и другіе очевидцы свидѣтели сообщали намъ, какъ не сомнѣннѣйшіе факты,—что о. Назарій не рѣдко при другихъ просто кричалъ, бывало, на Владыку такими напр. словами: «Смотри,—удивишь ты всѣхъ своею щедростію!!—Вотъ такъ и прозовутъ тебя всѣ Филаретомъ милостивымъ... Какъ же? Надѣйся и жди!. Послушай-ка, что толкуютъ иные о тебѣ, какъ только отойдутъ отъ крыльца .. Ты-то незнаешь, а я знаю, и своими ушами часто слышу, какъ тебя иногда укоряютъ и пр. и пр.» И надобно было видѣть, говорилъ упоминаемый выше келейникъ о. Сергій, съ какими ангельскими чувствами выслушивалъ, бывало, все это Владыка. Смотря на него, и самъ умиляешься, бывало, до слезъ... Иногда скажетъ онъ о. Назарію: «да ты вѣрно скупишься, когда надѣляешь просящихъ; отъ того они и бываютъ не довольны»... Тутъ-то о. Назарій разразится, бывало, еще пуще... «Какъ же? Такъ и стану сыпать по твоему всякому; иной, вѣдь,

приходитъ въ одинъ день по нѣскольку разъ. А случись кому дѣйствительная нужда, ему-то и не достанетъ и т. п » И дѣйствительно самъ высокопреосв. Филаретъ говаривалъ, что о. Назарій не разъ выручалъ его при такихъ обстоятельствахъ, когда вдругъ открывалась надобность оказать кому нибудь значительную помощь,—а денегъ не оказывалось. Бывало и призадумаешься». Но о. Назарій вдругъ является и говоритъ: «А что? Гдѣ теперь возмешь денегъ-то?» И за тѣмъ приноситъ значительную сумму: на вотъ твои же деньги, я ихъ сберегъ на нужды, бери, сколько надо»...

Наконецъ обратимся ли еще и къ самому личному характеру о. Назарія, мы и здѣсь усмотримъ сходство его съ преосв. Августиномъ. Послѣдній самъ свидѣтельствовалъ о себѣ предъ знакомцемъ своимъ купцемъ Костылевымъ при разговорѣ объ отношеніяхъ своихъ къ бывшему ректору Филарету: «да, я много обижалъ его. Что дѣлать? Характеръ таковъ у меня». Не сомнѣннымъ оказывается, что и о. Назарій поступалъ такъ, а не иначе именно потому, что у него былъ такой характеръ. Онъ не былъ подобенъ тѣмъ келейнымъ и вообще домашнимъ лицамъ, которые относятся черезчуръ свободно къ своимъ начальникамъ и горделиво-дерзко ко всѣмъ прочимъ потому только, что, какъ говорится, зазнаются, и потому дозволяютъ себѣ многое до глупости, и съ неизбѣжными злоупотребленіями; нѣтъ,—это былъ человѣкъ вѣрный лишь своему природному характеру, дѣйствовавшій прямо и *спроста*, (какъ выражено буквально въ свидѣтельствѣ очевидца), и съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ сказано, примѣрно преданный тому, у кого находился въ услуженіи. Не сомнѣнно подтверждается и то, что онъ не давалъ никому спуску, и что были имъ не довольны и тяготились;—но, замѣчательно, никто не выражалъ къ нему какой либо злопамятности. При многообразныхъ воспоминаніяхъ объ его поступкахъ нѣкоторые при самыхъ разсказахъ, не вольно и явственно безъ всякихъ словъ, давали разумѣть, что у нихъ не оставалось на душѣ ничего не пріятнаго и злопамятнаго; напротивъ и въ тонѣ ихъ рѣчи слышалось какъ бы нѣчто шутливо-пріятное, и въ лицахъ выражалась какая-то улыбка при самыхъ, видимо непріятныхъ, вспомнившихся обстоятельствахъ. Самъ высокопр.

Филаретъ не даромъ же свидѣтельствовалъ о себѣ и въ примѣръ другимъ, что онъ никогда не гнѣвался и не имѣлъ побужденія гнѣваться на о. Назарія за его непріятности. Напослѣдокъ всего довольно знать, что и самъ о. Назарій приблизился ускоренно къ своей смерти именно отъ тоски и грусти по разлукѣ съ высокопр. Филаретомъ, который невзялъ его съ собою (въ 1841 г.) въ Петербургъ. Такое состояніе, ясно, говоритъ въ пользу о. Назарія, а равно и въ доказательство того, что высокопр. Филаретъ, при всей характерности о. Назарія, имѣлъ на него самое глубокое вліяніе, а чрезъ него и на многихъ другихъ, находившихся съ нимъ въ одинаковыхъ келейническихъ и вообще домашнихъ отношеніяхъ.

Значеніе сей часъ сказаннаго вліянія очевидно уже изъ прежде приводимыхъ словъ, съ которыми самъ высокопр. Филаретъ обращался, бывало, къ прочимъ изъ домашнихъ своихъ, когда они заводили рѣчь объ о. Назаріи въ смыслѣ иногда какъ бы жалобы на его суровыя и непріятныя для нихъ дѣйствія. Это—тѣ слова: А что? Кто скажетъ *изъ насъ* по чистой совѣсти, что не заслуживаетъ подъ часъ брани и укоризны. Значитъ, нужно пользоваться этимъ, что-бы намъ смиряться и пещись о самоисправленіи». Имѣло ли все это успѣхъ?. На это отвѣтъ мы уже видѣли: «Смотря на Владыку, и самъ, бывало, умиляешься до слезъ», говорилъ вышеупоминаемый келейный о. Сергій. А это не было лишь временнымъ впечатлѣніемъ, но переходило въ урокъ и правила практическія.

Такъ тотъ же келейный Сергій свидѣтельствовалъ о себѣ самомъ напр. слѣдующее.—«Случалось мнѣ не рѣдко бывать въ искушеніяхъ и приходить по малодушію въ смущеніе отъ исполненія нѣкоторыхъ своихъ келейническихъ обязанностей. Особливо бывало это по случаю раздачи пособій нуждающимся и милостыни нищимъ. Раздаешь, бывало, въ временное подаяніе по 10, 20, 50 коп. а другимъ—въ мѣсячное по 1, 2, 3, 5 руб. Тогда первые, видя не равенство въ раздачѣ, начинаютъ тутъ же и довольно нагло укорять меня: «вотъ-де въ чепчикахъ-то барынямъ и кто помоложе раздаетъ бумажками, а намъ мелкими монетами», не зная того, что послѣднія приходятъ получать подаяніе за опре-

дѣленное время. Однажды смутило это меня до крайности. Владыка тотчасъ замѣтилъ, или какъ бы прозорливо узналъ мое смущеніе, и послѣ объясненія мною причины сказалъ: «отъ чего же ты смутился? Надобно радоваться, когда за добрыя дѣла поносятъ. Это вѣрный и лучшій урокъ и средство отъ Господа, чтобы не дать войдти въ душу мысли горделивой о добрыхъ дѣлахъ».

Вообще нужно замѣтить, что если келейные высокопр. Филарета могли имѣть камень преткновенія и соблазна для себя и такъ, или иначе быть не исправными и, пожалуй, дурно поступавшими въ чемъ либо, то это главнѣйшимъ образомъ могло происходить отъ неразумѣнія ими личнаго духовно-аскетическаго образа жизни самого Владыки. По обыкновеннымъ понятіямъ о личности Митрополита имъ представлялось многое страннымъ, не приличнымъ и какъ бы для нихъ самихъ конфузливымъ предъ другими. Предохранить ихъ отъ подобныхъ взглядовъ и чувствъ требовалось, конечно, много опытности и силы вліянія. Самая даже, какъ бы семейно-братская, довѣренность и откровенность, хотя отнюдь не въ смыслѣ такъ называемой фамиліарности, со стороны высокопр. Филарета, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣчто въ родѣ обаянія и ублаженія со стороны разныхъ лицъ, и при томъ весьма знатныхъ, могли, какъ угодно, волей неволей поселять иногда въ келейныхъ чувства и стремленія такого рода, что доводилось имъ прихрамывать *на обѣ плесни*... Прекрасно, чистосердечно и назидательно живописали намъ изъ собственныхъ опытовъ тѣ самыя лица, которыя проходили свое служеніе при высокопр. Филаретѣ—кто въ званіи келейника, кто расходчика, кто письмоводителя. Мы не приводимъ здѣсь всѣхъ ихъ подлинныхъ разсказовъ, такъ какъ не ручаемся воспроизвести ихъ въ собственномъ буквальномъ текстѣ, а записать ихъ при самыхъ разсказахъ не могли, чтобы не стѣснить разсказчиковъ и не нарушить ихъ скромности. Значеніе разсказанныхъ ими опытовъ именно то́, что при всемъ поползновеніи, свойственномъ человѣческимъ немощамъ, отъ одного вразумительнаго и внушительнаго слова высокопр. Филарета далеко убѣгали не добрыя мысли и направленія, и мѣсто ихъ заступали тѣ истины и правила, которыя, дай Господи, говорили разсказчики, сохранить въ сердцѣ и жизни

на всегда. Ясно, что здѣсь именно оправдывалась та истина, которую мы уже замѣтили прежде относительно силы и значенія вліянія высокопр. Филарета, т. е. что всякое слово въ подобныхъ случаяхъ было растворено *солію* и что изъ *устъ его*, по видимому въ словахъ и предметахъ простыхъ, *исходила благодать*... Приведемъ нѣкоторые примѣры, записанные нами по памяти послѣ бесѣдъ съ представляемыми здѣсь лицами.

«Не скрою своего грѣха, говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, что если тягостно, смутительно и конфузливо предъ другими бывало иногда мое келейное послушаніе, то именно по отношенію къ нищимъ и просителямъ. Повѣрьте, что изо дня въ день и въ передней, и въ сѣняхъ, и на крыльцѣ столько ихъ столпилялось, что и проходу нѣтъ прочимъ посѣтителямъ. Естественно, что отъ нихъ накоплялось довольно нечистоты и самый воздухъ становился тяжелымъ и весьма непріятнымъ. Стыдно, бывало, встрѣчать и провожать пріѣзжавшихъ знатныхъ посѣтителей. Мало сего, которые изъ этихъ посѣтителей были познакомѣе, тѣ прямо-таки укоряли и меня и самого Владыку. И вотъ однажды эти знакомые просили меня отъ лица даже ихъ доложить Владыкѣ подъ добрый часъ, чтобы онъ приказалъ распорядиться какъ нибудь на счетъ нищихъ, дабы было поприличнѣе... Признаюся, я обрадовался этому случаю, и доложилъ Владыкѣ. Онъ отвѣчалъ съ своею обычною простодушностію: «Ахъ они не разумные! Да эти-то самые, отъ которыхъ они видятъ не чистоту и слышатъ непріятный запахъ, почище всѣхъ насъ, и отъ нихъ-то благоухаетъ благодатію Христовою. Если въ числѣ ихъ изъ большаго множества и не всѣ они одинаковы, за то, несомнѣнно, въ лицѣ ихъ Самъ Господь Христосъ. А въ прочихъ-то приходящихъ посѣтителяхъ-гостяхъ есть ли это?.. Нѣтъ! Передай-ка ты имъ при случаѣ, что я во вѣкъ не соглашусь съ ихъ желаніемъ, чтобы промѣнять присутствіе нищихъ братій на ихъ праздничныя и подъ часъ праздныя посѣщенія. А тебѣ спасибо, что ты передалъ мнѣ это; ты мнѣ напомянулъ этимъ объ одномъ давнемъ моемъ желаніи, о которомъ и передай, чтобы было исполнено. Для того, чтобы бѣднымъ нищимъ-то не было холодно ожидать иногда по долгу милостыни, нужно непремѣнно устроить

внизу печь. И обогрѣть зябнущаго вѣдь тоже милостыня. Получить иной, можетъ быть, мало, за-то обогрѣется, и это для него—слава Богу». Съ той самой поры, признаюсь вамъ, меня совершенно оттолкнуло отъ знатныхъ особъ, тогда какъ прежде что-то влекло къ нимъ, и льстило самолюбію, что вотъ-де такіе и такіе мнѣ знакомы, и подаютъ мнѣ руку подружески. Говорю это не потому, чтобы я охуждалъ ихъ и отвращался ихъ: изъ нихъ много людей истинно добрыхъ; но чувствуется какое-то особенное самоспокойствіе, когда уклоняешься отъ ихъ вниманія и ласки... Ахъ!.. говорить ли вамъ?! Но простите Господа ради за откровенность.. Вѣдь на моемъ мѣстѣ можно бы, какъ говорится, *озолотиться* не то, чтобы отъ какихъ либо взятокъ, такъ какъ этого и не было, слава Богу, и въ помышленіи у меня,—а просто на просто отъ однихъ подарковъ отъ лицъ знатныхъ. Любя и уважая Владыку, многіе, бывало, такъ и суютъ то деньги, то матеріи, то какія либо вещи... Но, бывало, какъ посмотришь на св. Владыку, то тутъ же и опомнишься И слава Богу, что и пришло, то скоро съ рукъ сошло. Раздавая, бывало, отъ Владыки милостыню и пособія, стараешься тутъ же по немножку сбывать и свое. Правда нѣкоторые думаютъ, что у меня и теперь есть запасецъ порядочный,—но это не бѣда, что такъ думаютъ и говорятъ».

Приведемъ еще, записанный нами разсказъ. Бывшій прежде при высокопр. Филаретѣ домашнимъ письмоводителемъ (впослѣдствіи Казначей Лавры) говорилъ о себѣ съ чувствомъ искреннѣйшаго умиленія.—«Ахъ, какъ былъ внимателенъ, или вѣрнѣе сказать, какъ духовно прозиралъ Владыка въ наши всѣ состоянія... Случалось, что начинаешь читать для Владыки какое либо слѣдственное по епархіи дѣло—(ибо Владыка отъ утомленія заставлялъ, бывало, читать ему вслухъ), и вдругъ, по видимому на съ того, ни съ сего онъ приказываетъ или совершенно прекратить чтеніе, и скажетъ: «довольно... ты, замѣтно усталъ»,—или же: «погоди, объ этомъ дѣлѣ послѣ выслушаю, а теперь возьми прочти другое.»— Признаюсь, это приводило меня въ недоумѣніе, а иногда щекотило мое самолюбіе: вѣрно, думалъ я, въ этомъ дѣлѣ есть секретъ, и я не заслужилъ довѣрія и т. п. Но оказалось, что онъ остановлялъ меня на чтеніи

такихъ дѣлъ и такихъ пунктовъ, въ которыхъ заключались предметы скандалезные. Я же былъ тогда еще довольно молодъ...

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ дѣлать какой либо особый выводъ излишне. Укажемъ впрочемъ на то, что мы изъ многихъ подобныхъ примѣровъ привели здѣсь эти, а не другіе потому, что въ нихъ, какъ видятъ читатели, изображаются въ лицахъ тѣ самыя состоянія, которыя въ домашнихъ прислужникахъ у лицъ высшихъ начальственныхъ, болѣе всего бываютъ естественны, и составляютъ главные ихъ недостатки, или какъ бы неизбѣжный недугъ... Это склонность къ знакомству съ лицами знатными, когда удостоенный подачи руки послѣдними готовъ бываетъ на угодничества для нихъ въ ущербъ своихъ прямыхъ обязанностей, — далѣ опасность увлеченія тѣмъ, что̀ называется *озолотиться*, или наконецъ желаніе и притязаніе быть посвященнымъ во всѣ секреты управленія, если не въ видахъ злоупотребленія, то ради самолюбія и пр.—Но всѣ эти состоянія, по свидѣтельству самихъ испытавшихъ ихъ, были уврачеваны въ нихъ силою и дѣйствіемъ высокопр. Филарета, такъ что избавившіеся отъ нихъ не только чувствуютъ и сознаютъ себя чуждыми ихъ, но, очевидно, и свидѣтельствуютъ объ нихъ съ цѣлію и желаніемъ послужить на пользу другимъ. Эти лица достигли впослѣдствіи высшихъ степеней при двухъ послѣдующихъ преемникахъ высокопр. Филарета, которые, очевидно, нашли въ нихъ достойныхъ послушниковъ и учениковъ бывшаго великаго своего наставника и отца,—каковымъ именемъ смиреннѣйше всегда чтили оба сіи Іерарха своего предмѣстника высокопр. Филарета. Къ сказаннымъ примѣрамъ мы должны бы присовокупить свѣдѣнія иного рода, объ одномъ бывшемъ письмоводителѣ. Но этотъ исключительный, впрочемъ, примѣръ доказывать только то̀, что высокопр. Филаретъ не былъ изъ тѣхъ, чтобы, какъ говорится, махнуть рукой... Когда лицами довѣренными было сообщено и самимъ имъ дознано о не одобрительныхъ дѣйствіяхъ сего письмоводителя,—и когда сей послѣдній оказался не надежнымъ въ самоисправленіи, то онъ былъ уволенъ съ надлежащимъ вразумленіемъ и

служилъ секретаремъ въ одной изъ консисторій, «но умеръ не хорошо» (1)

Говоря объ такихъ отношеніяхъ къ домашнимъ прислужникамъ, какъ непосредственно находившимся при высокопр. Филаретѣ, не можемъ пройти молчаніемъ и о такихъ лицахъ, о коихъ иные, на мѣстѣ его, и знать-то не хотятъ, какъ они существуютъ... Намъ приводилось не только безнамѣренно и какъ нибудь случайно, а по собственному желанію этихъ самыхъ лицъ и по вызову ихъ выслушивать нѣкоторые разсказы изъ воспоминаній о высокопр. Филаретѣ. Это уже одно, т. е. свободное желаніе и вызовъ ихъ, служитъ ручательствомъ ихъ искренности и дѣйствительности фактовъ. Мы разумѣемъ лицъ изъ прислуги низшей, какъ-то: поваровъ, возницъ, садовниковъ, старостъ надъ рабочими. Конечно, въ разсказахъ подобныхъ лицъ можно встрѣчать свѣдѣнія въ смыслѣ сказаній, чуть не легендарныхъ и болѣе, или менѣе съ прибавками своего рода, и давать имъ вѣру не безопасно для достоинства самаго жизнеописуемаго лица. Но мы имѣемъ и должны имѣть въ виду ту собственно характеристическую черту, какую выслѣдили еще съ отроческихъ лѣтъ высокопр. Филарета. Эта-та черта, которую мы видѣли въ отношеніяхъ его напр. къ работникамъ въ домѣ родителя своего, и къ своему хозяину квартиры во время училищнаго воспитанія, съ которымъ онъ возилъ снопы съ поля. Если же самъ высокопр. Филаретъ, сдѣлавшись уже Митрополитомъ, и, проѣзжая чрезъ Орелъ, не только вспомнилъ про своего хозяина, но торжественно высказалъ свои бывшія къ нему отношенія и подтвердилъ ихъ самымъ дѣломъ, посѣтивши домъ его и проведя въ бесѣдахъ съ нимъ часа два,—то намъ нечего было стѣснятьсся сказаннымъ мнѣніемъ о неумѣстности обращаться къ такимъ лицамъ и источникамъ біографическихъ свѣдѣній. Въ частности же здѣсь-то и является во всей полнотѣ, ясности и не поддѣльности вѣрность высокопр. Филарета во всю его жизнь одному изъ главныхъ отличительныхъ свойствъ

(1) Эта замѣтка «но умеръ не хорошо» сдѣлана собственноручно высокопр Антоніемъ при чтеніи нашей рукописи.

его души,—простотѣ, общительности и доступности въ отношеніи ко всѣмъ ближнимъ до самаго низшаго званія и состоянія. И, что всего главнѣе, это свойство выражалось у него не въ смыслѣ пресловутой гуманности и не въ видахъ разсчитанной популярности, а истекало изъ единственнаго источника христіанской любви и направлялось къ единой цѣли—духовному назиданію и было всегда дѣйственно и благоплодно по силѣ своего вліянія.

Не приводя здѣсь многихъ фактовъ, сообщеннымъ намъ разными разсказчиками, мы укажемъ, для примѣра хотя на одинъ, дѣйствительность котораго засвидѣтельствована была намъ многими изъ лицъ начальственныхъ въ Лаврѣ.

Въ праздникъ св. Преподобнаго Антонія (10 Іюля) высокопр. Филаретъ возвращался вечеромъ—поздновато изъ Лавры во Голосѣеву пустынь. Оказалось, что кучеръ, форейторъ и самый лакей были не трезвы, такъ что, выѣхавши за городъ, сбились вовсе съ дороги. Владыка, естественно, сначала не замѣтилъ ихъ плутанья по полю. Когда же смерклось совсѣмъ, и судя по времени, должно бы быть давно дома, онъ понялъ, что дѣло не ладно, и понялъ,—въ чемъ причина. Ѣхавшіе кружили туда и сюда около лѣса, а наконецъ и совсѣмъ остановились. Владыка все время хранилъ молчаніе. Съ разсвѣтомъ же, когда оказалось, что кучера и лакей заснули, онъ вышелъ изъ кареты и, зная мѣстность, отправился пѣшкомъ въ пустынь. На пути, встрѣтивши ѣхавшаго крестьянина, попросилъ его довести себя нѣсколько; затѣмъ поблагодаривши его деньгами, онъ разсказалъ ему мѣсто, гдѣ остановилась его карета, и просилъ ѣхать туда, разбудить спавшихъ и сказать имъ, чтобы они поспѣшали догнать его. Легко представить, каково было состояніе провинившихся. Но Владыка не показалъ и тѣни гнѣва, а только съ простодушіемъ сказалъ: «вотъ вѣрна поговорка: не загадывай впередъ, а какъ Богъ приведетъ. Думали быть дома вчера, а пріѣзжаемъ сего дня.»—Когда этотъ проступокъ сталъ извѣстенъ, кому слѣдуетъ, и по тогдашнему обыкновенію хотѣли наказать виновныхъ, высокопр. Филаретъ воспретилъ, и велѣлъ предать вину совершенному забвенію. Виновные же, не свободные прежде отъ слабости по части хмѣльнаго, сдѣлались съ той поры примѣрно воздержными и исправными.

Этотъ фактъ кромѣ того значенія, какое онъ имѣетъ самъ по себѣ, указываетъ еще на другое, ради котораго, между прочимъ, мы и привели его изъ ряда прочихъ. Знающіе житіе св Преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго не могутъ не припомнить того повѣствованія, когда «хотящу св Ѳеодосію отъити отъ посѣщеннаго имъ Христолюбиваго Князя въ свою обитель нощнаго ради упокоенія, повелѣ Князь на колесницѣ отвезти его. Егда же на пути бѣ, видѣвъ его везый отрокъ въ худѣй одеждѣ, не мняше, яко Игуменъ есть. тѣмъ же глагола ему: Черноризче, ты по вся дни праздненъ еси, азъ же въ трудѣхъ присно, и нынѣ не могу на конѣ ѣхати: се убо азъ да почію на колесницѣ, ты же могій на конѣ ѣхати, всяди на коня. Преподобный же абіе со всякимъ смиреніемъ вставъ всѣде на коня, и возлегшаго на колесницѣ отрока везяше путемъ, радуяся и славя Бога. Таже озаряющу уже дню, Преподобный глагола отроку: се уже, чадо, день есть, востани и всяди на коня своего. Отрокъ же видѣвъ, яко вси на пути покланяхуся Преподобному, ужасеся сердцемъ и трепетенъ бѣ... Таже приспѣша къ монастырю: и се изшедше вся братія, поклонишася Преподобному до земли,—отрокъ же паче ужасеся. Но Преподобный вземъ его за руку, введе въ трапезу и повелѣ дати ясти ему и пити, послѣди же и одаривъ, отпусти его». Сходство между описаннымъ фактомъ и настоящимъ повѣствованіемъ какъ по нѣкоторымъ дѣйствіямъ, такъ, всего болѣе и главнѣе, по внутреннему состоянію очевидно. Для полноты же и ясности слѣдуетъ только присовокупить, что высокопр. Филаретъ былъ въ это время уже въ схимонашествѣ и носилъ самое имя Преподобнаго Ѳеодосія. Не естественнѣе ли всего и было здѣсь то, что *по имени его*, скажемъ выражаясь словами св. церковной пѣсни, *тако было* и все состояніе и образъ дѣйствій его? Съ другой стороны какъ св. лѣтописецъ, описатель житія св. Преподобнаго Ѳеодосія, послѣ изложеннаго повѣствованія, присовокупилъ: «Сія исповѣда братіи самъ той отрокъ, Преподобный же никому же яви, но сице во вся дни учаше братію,» т. е. такими и подобными дѣйствіями не себя желалъ выставлять въ образѣ смиренія, но чтобы чрезъ это назидать братію свою;—такъ же точно остается заклю-

чить и о высокопр. Филаретѣ. Братія, такъ или иначе узнавшая о поступкѣ своего Архипастыря—Настоятеля, не сомнѣнно, должна была почерпнуть для себя великій и многознаменательный урокъ, и тѣмъ болѣе, когда внушено было, кому слѣдовало, вопреки намѣренію наказать виновныхъ, простить ихъ совершенно и поступокъ ихъ предать забвенію. Въ соотвѣтствіе этому факту въ томъ именно значеніи, что высокопр. Филаретъ въ случаѣ проступковъ иногда слишкомъ рѣзкихъ и грубыхъ руководился болѣе всего духомъ и чувствомъ всепрощенія, или всегда боялся, чтобы не быть въ подобныхъ случаяхъ жестокимъ,—мы приведемъ здѣсь, въ видѣ какъ бы эпилога, слѣдующіе факты, изложенные у извѣстнаго уже читателямъ Автора—г. Лѣскова. Первый изъ указываемыхъ фактовъ озаглавленъ у него: «*Судъ Владычній.*»

«Былъ одинъ изъ грустныхъ случаевъ, который устроилъ высокопр. Филарету, бывшій *парадный* іеродіаконъ Лаврскій Ан—ій. Богатырь, красавецъ и жуиръ, діаконъ этотъ пользовался большими льготами въ Лаврѣ, гдѣ дорожили его громоподобнымъ голосомъ и спускали ему многое, чего, можетъ быть, не слѣдовало-бы спускать. Разъ, лѣтнею ночью въ нетрезвомъ видѣ вышелъ онъ изъ кельи на житный дворъ, гдѣ на ту пору стояли волы пріѣхавшихъ съ вечера мужиковъ. Ему пришла дикая мысль сѣсть на вола верхомъ и начать разъѣзжать на немъ по монастырю. Не привычный къ верховой ѣздѣ быкъ—началъ ревѣть, прыгать и метаться, а богатырь-діаконъ сидитъ на немъ, какъ клещъ на жужелицѣ и жаря его каблуками въ ребра, кричитъ: «врешь, не уйдешь». Сонъ мирной обители нарушенъ; спавшіе по всему двору странники въ переполохѣ мятутся, думаютъ, что видятъ бѣса. Словомъ, смятеніе произошло ужасное. Нынѣшней газетной гласности, питающейся отъ скандаловъ, при тогдашней тѣснотѣ печати еще не было; но слухъ, которымъ земля полнится, на другой же день распространился изъ монастыря и дошелъ до мірянъ. Послѣ этого не должно показаться удивительнымъ, что вѣсть о ночномъ путешествіи іеродіакона верхомъ на быкѣ казалась занятною и многихъ интересовало: какія это будетъ имѣть для него послѣдствія? Происшествіе не оста-

лось безъизвѣстнымъ и Владыкѣ; да это было и не возможно, такъ какъ разгоряченный волъ занесъ наѣздника къ самымъ митрополичьимъ покоямъ. Какъ инокъ строгой жизни, Владыка, разумѣется, былъ сильно возмущенъ и разгнѣванъ произведеннымъ безпорядкомъ и собирался быть такъ строгъ, что даже опасался, какъ бы не дойти до жестокости. Его успокоивали, говоря, что виновный стóитъ сильнаго наказанія.—Да, стóитъ онъ дуракъ, стóитъ, но я боюсь, что я буду уже очень жестокъ—а? твердилъ Митрополитъ. Ничего, Ваше Высокопреосвященство, онъ снесетъ. Снесетъ-то, снесетъ, но вѣдь это не хорошо, что я буду очень жестокъ. Насталъ часъ суда Владычняго, впрочемъ суда келейнаго, происходившаго только въ присутствіи двухъ-трехъ почетныхъ старцевъ. «Жестокій судья для внушенія страха приналупился, завертѣлъ въ рукахъ свои бѣленькія костяныя чотки съ голубою бисерною кисточкою и зашевелилъ беззвучно губами. Богъ его знаетъ,—изливалъ ли онъ въ этомъ беззвучномъ шопотѣ самыя жестокія слова, которыя намѣревался сказать виновному, или молился о себѣ и, можетъ быть, о немъ же. Послѣднее вѣрнѣе. Но вотъ онъ примѣрился, говоритъ вслухъ и произнесъ протяжно: «Ишь кавалеристъ! Діаконъ упалъ на колѣни. Филаретъ привсталъ съ мѣста и строго хлопнувъ рукою по столу, зашибъ палецъ, долго дулъ, какъ дитя, на свой палецъ и, получивъ облегченіе, продолжалъ живѣе: «Что́ кавалеристъ?!» Виновный упалъ ницъ и зарыдалъ... Митрополитъ изнемогъ отъ своей жестокости, опять подулъ на палецъ, повелъ вокругъ глазами и, опустясь на мѣсто, закончилъ своимъ добрымъ протяжнымъ голоскомъ: «пошелъ вонъ кавалеристъ! Судъ былъ конченъ. Владыка находилъ, что онъ «былъ жестокъ» и когда его въ этомъ разувѣряли, то онъ даже тихонько сердился и отвѣчалъ: «Ну, какъ же я не жестокъ: а отчего же онъ, бѣдный плакалъ?! Атлетъ-черноризецъ, котораго терпѣлъ и о которомъ такъ соболѣзновалъ «добрый дидýся», однако погибъ. По его собственнымъ словамъ онъ «за свои грѣхи пережилъ своего благодѣтеля», но не пережилъ своей слабости. За то и при одномъ имени покойнаго Филарета онъ весь, бывало, съежится и, стукнувъ себя своимъ могучимъ кулачищемъ въ са-

мое темя, закричитъ: подлецъ я, подлецъ! я огорчалъ его, моего *батьку!* и съ этимъ такъ ужасно зарыдаетъ,... но здѣсь *плакала въ немъ уже не одна водка»*... (1)

Другой фактъ читаемъ у этого же Автора слѣдующій:

«Разъ, говорилъ Гудовскій (2),—мы работали лѣтомъ, внизу подъ митрополичьими покоями, и тамъ послѣ обѣда и отдыхали. Отецъ Иринархъ (3), бывало, пообѣдавши, остается уснуть въ своей кельѣ, а мы—ребятишки—находили, что намъ лучше тутъ, потому здѣсь было прохладнѣе, да и присмотра за нами не было; а самое главное,—что отсюда изъ оконъ можно было лазить въ митрополичій садъ, гдѣ насъ соблазняли большія, сочныя груши, называемыя въ Кіевѣ «принцъ-мадамы» ,которыя мы имѣли сильное желаніе отрясти».

«Послѣ долгихъ между собою совѣтовъ и обсужденія всѣхъ сторонъ, задуманнаго нами, предпріятія полакомиться митрополичьими принцъ-мадамами, мы пришли къ убѣжденію, что это сладкое дѣло хотя и трудно, но не невозможно. Надежно огороженный, садъ никто не караулилъ, а единственный посѣтитель его былъ самъ Митрополитъ, который въ жаркіе часы туда не выходилъ. Стало быть, надо было только обезпечить себя отъ зоркаго глаза отца Иринарха. И вотъ мы спустились потихоньку въ угольное окно, выходящее въ темное, тѣнистое мѣсто у стѣны, и, какъ хищные хорьки, поползли за кустами къ самымъ лучшимъ деревьямъ».

«Все шло хорошо; работа кипѣла, и пазухи нашихъ блузъ нависали. Но вдругъ *кто-то* крикнулъ: Отецъ Иринархъ идетъ! мы ударились бѣжать, разсыпая по дорогѣ значительную долю наворованныхъ принцъ-мадамъ. И столпившись кучею у окна, чрезъ которое спускались, смялись. Каждому хотѣлось спастись поскорѣе, чтобы не попасться

---

(1) Лѣсковъ Мелочи Арх. жизни 1879 г. Стр. 89—92.

(2) Въ дѣтствѣ обучавшійся иконописи въ Кіево Печерской Лаврѣ,—а впослѣдствіи бывшій извѣстный художникъ С.-Петербургской Академіи художествъ.

(3) Былъ начальникомъ иконописной школы въ Лаврѣ.

отцу Иринарху. А *гдѣ-то*, сверху надъ нами, *кто-то* весело смѣялся спокойнымъ и добрымъ старческимъ смѣхомъ. Это мы всѣ замѣтили, но въ суетахъ не обратили на это вниманія».

Ночью, поѣвъ всѣ накраденныя груши, мы было рѣшили больше не воровать; но на—завтра же снова выступили въ садъ. «Не успѣли мы, говорилъ Гудовскій, приняться за работу, какъ приставленный караульный крикнулъ: Отецъ Иринархъ идетъ! Всѣ мы, услыхавъ это, какъ пули попадали сверху на землѣ и... не поднимались съ нея... Но мы опять услыхали голосъ, котораго уже не могли не узнать.—Этотъ голосъ былъ тотъ самый, который насъ вчера предупреждалъ на счетъ приближенія Иринарха, но нынче онъ не пугалъ насъ, а успокоивалъ.—Слова, услышанныя всѣми, были: «Не правда, рвите себѣ, Иринархъ еще не идетъ!» Это былъ голосъ Митрополита Филарета, котораго дѣти узнали и, приподнявъ изъ травы свои испуганныя головенки, оцѣпенѣли... И какъ иначе?! они увидѣли самого его, Владыку Кіевскаго и Галицкаго, стоявшаго для нихъ на стражѣ у косячка своего окошечка и весело любовавшагося, какъ они обворовываютъ его садъ»..

И что́ же? Какъ приняли эти дурновоспитанныя дѣти такое странное и, можетъ-быть, съ точки зрѣнія всякаго сухаго педагога, конечно, очень неодобрительное отношеніе къ ихъ шалости?!

«Мы, говорилъ Гудовскій, потеряли всѣ чувства отъ стыда; мы всѣ какъ бы окаменѣли и не могли двинуться, пока Митрополитъ снова произнесъ дѣйствительно:—«Ну, теперь бѣгите, дурачки,—теперь Иринархъ идетъ!—Тутъ мы всѣ брызнули...

«Прошелъ день, два, три,—мы всѣ были въ страхѣ: не призоветъ-ли Митрополитъ о. Иринарха и не откроетъ-ли ему, какіе мы негодяи? Но ничего подобнаго не было, хотя, «милый дидýся», очевидно, объ насъ думалъ и, догадываясь, что мы безпокоимся, захотѣлъ насъ обрадовать.

«На четвертый день послѣ происшествія, вдругъ намъ принесли цѣлыя ночвы разныхъ плодовъ и большýю деревянную чашу меду и сказали, что это намъ Владыка прислалъ.

«По какому-же это случаю? допытывались мы, радостно и робко принимая щедрый подарокъ. Но *случая* никакого не было, кромѣ того, о которомъ мы одни знали и крѣпко о немъ помалчивали.

«Посланный сообщилъ только, что Владыка просто сказалъ: «Сошлите живописцамъ-мальчишкамъ медку и всякихъ яблочекъ... Дурачки вѣдь они, имъ хочется... Пусть поточатъ».

«Мы эти его груши и сливы,—честное слово говорю,—со слезами ѣли и потомъ, какъ онъ первый разъ послѣ этого служилъ,—окружили его и не только его руки, а и ряску-то его расцѣловали, пока насъ дьяконы по затылкамъ не растолкали»...

«Такъ-то онъ наказалъ насъ, и, прибавлю,—наказаніе его было столь памятно, что лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого, когда Гудовскій жилъ въ домѣ, выходившемъ на Софійскую улицу, тогда уже пожилой художникъ, бывало, ни разу не пропуститъ мимо митрополичьей кареты, чтобы не крикнуть вслѣдъ съ дѣтскою радостью: «здоровъ будь, милый дидýсю!»

«И болѣе того:—этотъ человѣкъ (Гудовскій), вращавшійся въ свое время въ различныхъ кружкахъ Петербурга, не сохранилъ всей вѣры и относился критически и даже враждебно къ духовенству вообще, и къ черному въ особенности; но на предложенный ему однажды вопросъ: гдѣ же, однако, въ какой церкви лучшее духовенство? отвѣчалъ:—«Въ русской, бо изъ него выйшовъ нашъ старый дидуся Филаретъ, дуже добрый».

«И Богъ вѣсть, когда пала въ эту художественную душу любовь къ «дуже доброму дидусѣ».—Но вѣрно тогда, когда праведный старецъ покрывалъ своею превосходною добротою *ребячье баловство*, которое любой педагогъ и моралистъ не усумнились-бы теперь назвать и не знай—чѣмъ, а какой нибудь либеральный перевертень съ прокурорскаго кресла потребовалъ бы за все это самой строгой кары... Но, къ счастью, не такъ смотритъ на вещи истинная добродѣтель, однимъ изъ прекрасныхъ представителей которой можетъ быть названъ Митрополитъ Филаретъ (Амфитеатровъ), такъ что и всякая мелочь изъ воспоминаній о

немъ наполняетъ душу пріятнѣйшею теплотою настоящаго добра, которое какъ будто съ нимъ родилось,—жило съ нимъ, и... съ нимъ умерло... По крайней мѣрѣ, для людей, знавшихъ Филарета Кіевскаго, долго-долго будетъ казаться, что, органически ему присущее, добро умерло съ нимъ въ томъ отношеніи, что ихъ глазъ нигдѣ не находитъ другаго такого человѣка, который былъ бы такъ подчиненъ кроткому добротолюбію, не по теоріи, не въ силу морали воспитанія, и еще болѣе, не въ силу сухой и не стоющей морали направленія, а именно подчинялся этому требованію самымъ сильнымъ и полнымъ образомъ *органически*. Онъ такъ и родился съ своею добротою, какъ фіалка съ своимъ запахомъ, и она была его природою». [1])

Заканчивая здѣсь повѣствованіе о бывшихъ начальственныхъ и вообще служебныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ высокопреосв. Филарета ко всѣмъ братіямъ и всѣмъ живущимъ въ Св. Лаврѣ, не исключая даже и низшей прислуги и малыхъ, естественно склонныхъ къ баловству, ребятъ, и о силѣ и значеніи всего вліянія, простиравшагося на всѣхъ и каждаго,—мы обратимся къ послѣднему предмету нашего изложенія—къ собственной святоподвижнической жизни высокопр. Филарета.

[1]) Лѣсковъ стран. 91—94.

ГЛАВА XV.

«Мы не можемъ изобразить здѣсь всѣ труды и подвиги духовные въ Бозѣ почившаго: внутренняя жизнь его, подобно жизни истинныхъ, великихъ ревнителей благочестія, запечатлѣна глубокою сокровенностію. Знаемъ и скажемъ только, что рвеніе къ духовнымъ подвигамъ, однажды возжегшись въ душѣ его, во все время его жизни не угасало никогда, а по временамъ разгаралось такимъ яркимъ свѣтоноснымъ пламенемъ, который не могъ не быть примѣтенъ и для другихъ при всемъ его смиреніи и сокровенности его святоподвижнической жизни.»(1)

«Плачьте иноки Господни, воспріявшіе на себя благое иго Христово.! Нѣтъ болѣе съ нами духомудраго руководителя въ подвижническомъ теченіи нашемъ;—не узримъ мы болѣе въ святой жизни его свѣтообразнаго зерцала ангелоподобнаго житія иноческаго.»(2)

При изложеніи повѣствованія о собственной святоподвижнической жизни въ Бозѣ почившаго Первосвятителя—Схимника, мы должны прежде всего напомнить себѣ и читающимъ объ особенной и неизбѣжной трудности, заключающейся въ самомъ существѣ, значеніи и свойствѣ истиннаго духовно-христіанскаго аскетизма. Святоподвижническая жизнь есть жизнь въ Богѣ сокровенная, и, какъ духовная, только *духовнымъ востязуется*. Коренное же и отличительное свойство ея есть смиреніе въ сокровен-

(1, 2) Изъ надгробнаго слова, сказаннаго бывшимъ Инспекторомъ Кіевской дух. Академіи Архимандритомъ Іоанникіемъ, нынѣшнимъ высокопреосв. Митрополитомъ Московскимъ.

ности, по коему живущій сею жизнію всячески утаеваетъ ее не только отъ взора другихъ, но и отъ своего собственнаго. На эту-то черту, несомнѣнно, указывалъ и Святитель Воронежскій, когда именовалъ высокопр. Филарета «великимъ Архипастыремъ, отличающимся, сверхъ прочихъ Духа Святаго даровъ, боголюбезнымъ смиреніемъ». И, дѣйствительно, черта эта въ лицѣ и жизни высокопр Филарета очевидна для всякаго, ознакомившагося уже достаточно съ его біографіею. Потому скажемъ словами изъ надгробнаго слова,—«мы не можемъ изобразить здѣсь всѣ труды и подвиги духовные въ Бозѣ почившаго: внутренняя жизнь его, подобно жизни всѣхъ ревнителей благочестія, запечатлѣна глубокою сокровенностію. Знаемъ и скажемъ только, что рвеніе къ духовнымъ подвигамъ, однажды возжегшись въ душѣ его, во все время его жизни, не угасало никогда, а по временамъ разгаралось такимъ яркимъ свѣтоноснымъ пламенемъ, который не могъ не быть примѣтенъ и для другихъ, при всемъ его смиреніи и сокровенности святоподвижнической его жизни.» Впрочемъ мы не станемъ здѣсь излагать во всей полнотѣ и подробности и то́, что́ хотя относилось бы къ настоящему мѣсту и предмету рѣчи,—но отчасти уже вошло въ составъ прежняго повѣствованія въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ сходственнымъ обстоятельствамъ.

Въ основаніе настоящаго повѣствованія мы возмемъ то́, что болѣе всего извѣстно и частію уже засвидѣтельствовано печатно о духовноподвижнической жизни въ Бозѣ почившаго Іерарха, явившаго въ лицѣ и жизни своей одинъ изъ рѣдчайшихъ примѣровъ ревности по Бозѣ,—именно—принятый имъ втайнѣ за 17-ть лѣтъ до кончины своей, великій ангельскій образъ—*схиму*.—Вотъ что́ было засвидѣтельствовано тотчасъ же по кончинѣ его.—«При точномъ и ревностномъ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ званіемъ и долгомъ общественнаго служенія, высокопр. Филаретъ съ истинною высокоподвижническою строгостію исполнялъ всѣ уставы и правила иноческаго житія, по примѣру и заповѣди св. подвижниковъ Аѳонскихъ и Печерскихъ, пребывая всегда въ воздержаніи и трудахъ, содержа свой умъ въ богомысліи и устремляясь всѣмъ сердцемъ къ сладчайшей любви

Распявшагося за насъ Знавшіе близко Архипастыря давно уже примѣчали въ немъ напряженное усиленіе молитвеннаго подвига, стремленіе и ненасытную жажду тѣснѣйшаго общенія со Христомъ Спасителемъ, которое онъ возгрѣвалъ и укрѣплялъ частымъ, а въ послѣднее время ежедневнымъ принятіемъ Тѣла и Крови Его; но только по блаженной кончинѣ, избѣгавшаго славы мірской, Святителя-подвижника открылась завѣтная тайна души его, обручившей себя Христу сугубымъ обѣтомъ иночества.»(1) Такимъ образомъ въ этомъ свидѣтельствѣ хотя кратко, но точно и полно, выражаются и истина, и предметъ предлежащаго намъ повѣствованія.

Въ сей часъ приведенномъ свидѣтельствѣ сказано, что высокопр. Филаретъ съ истинно-подвижническою строгостію исполнялъ уставы и правила иноческаго житія, по примѣру и заповѣди св. подвижниковъ Аѳонскихъ и Печерскихъ. По суду и взгляду людей міра вообще, и въ частности нашего времени, подобное состояніе и дѣйствія въ лицѣ и жизни человѣка, поставленнаго на высокомъ общественно-служебномъ степени покажутся, пожалуй, или не естественными въ смыслѣ неудобоисполнимости, или неумѣстными: одно изъ двухъ,—или быть строгимъ примѣрнымъ монахомъ—подвижникомъ, или хорошимъ исправнымъ общественнымъ дѣятелемъ,—вотъ ихъ почти аксіомы. Но, къ истиннѣйшему христіанскому утѣшенію, не такъ бываетъ на дѣлѣ. Св. Православная Церковь представляетъ благочестивому чувству и взору чадъ своихъ цѣлый сонмъ великихъ Іерарховъ, которыхъ чтитъ и величаетъ *яко монаховъ украшеніе, яко мудрыхъ наставниковъ иноковъ*, такъ что, какъ бы въ отвѣтъ и обличеніе сказаннымъ мірскимъ сужденіямъ, выражается объ ихъ состояніи слѣдующими напр. словами: «*Витіи многовѣщанныя яко рыбы безгласныя видимъ о Тебѣ, Святителю: не доумѣваютъ бо, еже како и отшельникомъ денно-нощною молитвою примѣръ подаваеши и паству Твою примѣрно управляеши* (2). Замѣтимъ, что св. Цер-

(1) Смотр. послѣдніе дни жизни высокопр. Филарета стран. 56—57.

(2) Смотр. въ Акаѳистѣ Святителю Гурію Казанскому.

ковь ублажаетъ такъ Святителей не изъ древнѣйшихъ только временъ, когда званіе святительское преимущественно было характера аскетическаго, и когда ихъ служеніе не было связано столь многообразными обязанностями и административно-формальными условіями и отношеніями къ паствѣ своей и обществу,—но представляетъ таковыми Святителей позднѣйшихъ, почти нашихъ временъ, каковы наприм. Богопрославленные Святители—св. Димитрій Ростовскій, св. Митрофанъ Воронежскій, св. Тихонъ Задонскій. Такимъ образомъ изъ одного ревностнаго подраженія симъ Святителямъ, каждый и въ наше время поставленный на степени сего званія и служенія, естественно и преимущественно предъ другими, можетъ возгрѣвать въ себѣ какъ собственное желаніе сердца и какъ особенный *даръ Божій*, чтобы жительствовать по примѣру и образу жизни Богопрославленныхъ уже Святителей, а съ тѣмъ вмѣстѣ являть и свой особый видъ и образъ святоподвижничества.

Мы уже знаемъ, что высокопр. Филаретъ имѣлъ пламенное и примѣрное усердіе къ Богослуженію вообще, такъ что съ ранняго дѣтства своего старался всячески бывать не опустительно при церковныхъ службахъ. Въ частности же эта сторона его духовнаго состоянія отразилась напр. въ томъ, что онъ со времени посвященія своего въ санъ святительскій поставилъ самъ себѣ обѣтомъ, или завѣтомъ, чтобы во всю Св. Четыредесятницу неопустительно совершать Литургіи Преждеосвященныхъ даровъ. Этотъ послѣдній подвигъ, очевидно, составляетъ особенную черту и плодъ его духовнаго развитія и настроенія. Еще же частнѣе и особеннѣе открывается это святоподвижничество его въ томъ, что въ теченіе сорока слишкомъ мѣсяцевъ, послѣднихъ въ его жизни, онъ ежедневно неопустительно сподоблялся пріобщаться Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Положимъ, что побужденіемъ къ сему послѣднему подвигу, какъ самъ онъ объяснялъ, была ревность его любви къ отечеству, именно—онъ желалъ усилить свои молитвы объ отечествѣ своемъ—Россіи среди бывшихъ тяжкихъ для насъ военныхъ обстоятельствъ (въ Крымскую войну); но во 1-хъ это самое свидѣтельствуетъ о новой, высшей и примѣрной чертѣ святоподвижничества,—а во 2-хъ, какъ онъ самъ же объяснялъ,

это обратилось въ его необходимую духовную потребность, а съ тѣмъ вмѣстѣ поддерживало и укрѣпляло его нравственныя и физическія силы. «Когда Архипастырь нашъ, (говорилъ одинъ изъ проповѣдниковъ при его гробѣ), былъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ и когда физическія силы его замѣтно уже слабѣли, а особенно въ послѣдніе годы его жизни, мы сами были свидѣтелями, какъ среди крайняго изнеможенія и истощенія силъ онъ вдругъ обновлялся, яко *орля, юностію*... Мы не доумѣвали, гдѣ источникъ такой крѣпости и бодрости. Предъ отшествіемъ же своимъ онъ самъ повѣдалъ, что тайна сей крѣпости заключается въ молитвенныхъ трудахъ, что только въ молитвѣ онъ и находитъ себѣ успокоеніе, и что за ней и время идетъ для него, не видно какъ, и усталости онъ не ощущаетъ, и при безсонницѣ ему не тяжело». «Встанешь по утру, говорилъ онъ самъ, и чрезъ силу движешься, но возмешься за молитву, и оживѣешь, станешь бодрѣе и сильнѣе. Прежде вставалъ я въ четыре часа, потомъ въ три, потомъ въ два, а теперь встаю уже въ часъ и ранѣе. Шесть часовъ моего утра (т. е. часы проводимые въ молитвѣ келейной и потомъ на Литургіи) такъ отрадны мнѣ, что я не промѣняю ихъ ни на какое царство». [1]) Всѣ эти святоподвижническія дѣйствія и, тѣмъ болѣе, объяснительныя на нихъ разсужденія не оставались безвѣдомыми, кому надлежало. Тѣмъ болѣе это не сомнѣнно, что онъ или въ личныхъ бесѣдахъ со старцами, или въ заочныхъ объ нихъ братски попечительныхъ воспоминаніяхъ говаривалъ такъ: «Не понимаю, какъ старики вообще, а особенно монахи, проводятъ жизнь свою, если не пріобрѣли навыка и вкуса къ молитвѣ! Это должно быть для нихъ ужасно тяжело и скучно, ибо занятій какихъ нибудь у нихъ нѣтъ, да и не возможны и прискучатъ. По этому, ахъ, какъ нужно и необходимо заранѣе всѣмъ, желающимъ въ старости проводить жизнь не безотрадную, привыкать къ молитвѣ». [2]) А наконецъ не оставалось безъизвѣстнымъ и его домашнее по-

[1]) Смотр. въ послѣднихъ дняхъ и въ запискахъ.

[2]) Смотр. записки лист. 4. стран. 2.

стоянное молитвенное правило. Вотъ это правило, которое, какъ значится въ запискахъ, [1]) совершалъ въ Бозѣ почившій ежедневно съ давнихъ поръ его жизни:

Вечернее правило: 1) Повечеріе и, въ слѣдъ за нимъ, 2) Поклоненіе Св. Троицѣ, 3) Поклоненіе Іисусу Христу (изъ твореній Св. Димитрія Ростовскаго) и 4) молитва Преподоб. Евстратія изъ полунощницы субботней; потомъ 5) Акаѳистъ Іисусу Сладчайшему (одни икосы и кондаки), 7) Поклоненіе Пресвятой Богородицѣ (Св. Димитрія Ростовскаго и 8) Акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ (Благовѣщенскій); за тѣмъ 9) Благодарственныя страстей Христовыхъ воспоминанія (изъ Св. Димитрія Ростовскаго); 10) его же богомысленное размышленіе; далѣе 11) молитвы на сонъ грядущимъ и 12) въ заключеніе всего цѣлованіе ранъ Господа нашего Іисуса Христа.

Утреннее правило: 1) Молитвы утреннія, вслѣдъ за тѣмъ 2) Поклоненіе Св. Троицѣ и 3) Поклоненіе Іисусу Христу. Потомъ 4) Акаѳистъ Сладчайшему Іисусу, 5) Поклоненіе Пресвятой Богородицѣ и 6) Акаѳистъ Ей же; далѣе благодарственныя страстей Христовыхъ воспоминанія; 7) Канонъ ко Св. Причащенію. За тѣмъ 8) Акаѳистъ ко Св. Причащенію; 9) молитвы ко Св. Причащенію Послѣ того 10) Богомысленное размышленіе и 11) въ заключеніе цѣлованіе ранъ Христовыхъ и наконецъ 12) слушаніе Литургіи, которой никогда не опускалъ, и на которой въ послѣдніе три слишкомъ года, какъ сказано выше, пріобщался ежедневно Св. Таинъ [2]).

Смотря на одну только перечень молитвословій, понятно, сколько потребно было времени на ихъ благоговѣйное прочтеніе. Въ запискахъ напр. значится, что вечернее правило продолжалось около трехъ часовъ. Само собою не менѣе требовалось и для правила утренняго. Такимъ образомъ пять-шесть часовъ ночи проходили въ молитвѣ. Если же присовокупимъ сюда еще всенощную, которая постоянно от-

---

[1]) Тамъ-же лист. 3. стр. 3—4.

[2]) Пріобщался обыкновенно въ алтарѣ въ мантіи и маломъ омофорѣ, приложившись предъ тѣмъ къ многимъ иконамъ въ своей моленной съ глубокимъ благоговѣніемъ. (Смотр. записк. Лист 3. стр. 4).

правлялась въ его домовой церкви въ послѣднее время съ вечера, а прежде утромъ въ четыре часа, вечеромъ же отправлялась вечерня, то спрашивается,—каковъ былъ весь подвигъ молитвенный, судя по одному количеству времени?.. О таковыхъ подвигахъ можно читать только въ житіяхъ великихъ подвижниковъ Печерскихъ и Аѳонскихъ... А каково было состояніе молившагося?. Упоминаемый прежде, келейный Іеромонахъ Сергій передалъ намъ слѣдующее.—«Сталъ замѣчать я, что Владыка видимо слабѣетъ ногами. Оказалось, что ноги его по временамъ опухали, а на колѣнахъ часто образовывались наросты, какъ бы на ранахъ. Я догадался, что это вѣрно отъ долгаго на молитвѣ колѣнопреклоненія. Потому осмѣлился, не вѣдомо для него, класть не большую тоненькую подушечку на его коврикъ, на которомъ онъ бывало молился. Оказалось, что Владыка не отвергалъ употребленія подушечки; когда же подушечка окажется, бывало, истершеюся, я замѣнялъ ее другою. Такихъ подушечекъ у меня накопилось довольно. Я ихъ раздавалъ желавшимъ, и особенно послѣ его кончины». (Объ одной изъ этихъ подушечекъ мы будемъ имѣть случай сказать въ своемъ мѣстѣ). Эготъ же келейный, и еще въ особенности другой, тоже Іеромонахъ N. говорилъ намъ: «Когда Владыка жилъ лѣтомъ въ Голосѣевой пустынѣ, то келейное свое правило совершалъ обыкновенно въ самомъ алтарѣ домовой церкви,—совершенно смежномъ съ его моленною. И вотъ, когда, бывало, встанешь утромъ рано, или съ вечера бываешь въ проходкѣ довольно долго, и проходишь мимо оконъ алтаря,—то не вольно заглянешь и увидишь Владыку молящагося непремѣнно въ сильныхъ слезахъ; иногда же мимо идя, слышишь его плачъ и рыданія истинно какъ безутѣшнаго ребенка». Послѣднее свидѣтельство болѣе чѣмъ не сомнѣнно, если принять во вниманіе только то́, что въ алтарѣ сей домовой церкви потаенно хранился, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, гробъ и въ немъ погребальное схимническое облаченіе. Понятно, что самое непосредственное предъ очами молившагося нахожденіе этихъ предметовъ, естественнѣе всего, возбуждало и не удержимо вызывало слезы и рыданія; здѣсь самымъ дѣломъ совершалось то́, что́ выражается въ одной изъ священныхъ молитвенныхъ пѣсней

церковныхъ: «*Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть*»... или: «*Зряще мя безгласна и бездыханна во гробѣ предлежащь, восплачите о мнѣ* и проч.» [1]).

---

[1]) Эти погребальныя пѣснопѣнія въ Бозѣ почившій любилъ пѣть самъ про себя во время прогулокъ по саду, или прохаживаясь по комнатамъ.—Одна изъ этихъ пѣсней—именно. «*Зряще мя безгласна*», была переложена превосходными стихами въ умилительнѣйшихъ чувствованіяхъ, именно въ память о въ Бозѣ почившемъ. Стихотвореніе это мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ.

(ПЕРЕЛОЖЕНІЕ СЪ СЛАВЯНСКАГО).

Памяти высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Филарета.

Итакъ, вы видите меня
Безъ чувствъ, безъ звука, безъ дыханья.
О, братья, сродники, друзья,
Пролейте скорбныя рыданья....
Еще вчера я видѣлъ васъ,
Еще вчера велъ съ вами рѣчи,
И вдругъ насталъ мой смертный часъ
И прекратилъ былыя встрѣчи!
Прійдите-жъ, добрые мои,
Меня почтите предъ прощаньемъ
Послѣднимъ знаменьемъ любви—
Послѣднимъ братскимъ цѣлованьемъ.
Уже я съ вами не сойдусь,
Не перемолвлю больше слова,
На судъ ко Господу стремлюсь,
Гдѣ нѣтъ пристрастія земнова.
Тамъ и слуга и властелинъ,
Богачъ и нищій, царь и воинъ—
Тамъ всѣ равны, тамъ судъ одинъ,
И каждый ждетъ, чего достоинъ.
Дѣла, дѣла одни тогда
Намъ участь вѣчную устроютъ:
Или прославятъ навсегда,

Но этими келейными правилами не ограничивался молитвенный подвигъ въ Бозѣ почившаго. Любя въ свободное время прогуливаться пѣшкомъ, или въ экипажѣ по лѣсу, окружающему Голосѣевскую пустынь, высокопр. Филаретъ и здѣсь продолжалъ свой молитвенный подвигъ. Такъ при всей сокровенности его подобныхъ дѣйствій, было извѣстно, что онъ становился въ лѣсу на молитву. Однимъ изъ обычныхъ, между прочимъ, мѣстъ его моленія былъ пригорокъ на окраинѣ Голосѣевскаго лѣса, откуда открывается взору посѣтителя весь городъ Кіевъ, и въ частности Св. Кіево-Печерская Лавра. Здѣсь-то часто видѣли его стоящимъ на колѣнахъ и молящимся. Впрочемъ достаточно только вспомнить, какъ совершались въ Бозѣ почившимъ подобныя же потаенныя моленія съ одной стороны еще въ дѣтскіе годы, то въ опушкѣ лѣса во время полевыхъ работъ, то въ огородѣ, или въ конопляникѣ, а съ другой стороны въ бытность его Ректоромъ Московской Академіи въ лѣсу на Корбухѣ на мѣстѣ нынѣшняго Геѳсиманскаго Скита.

Кромѣ этихъ молитвенныхъ подвиговъ, или вѣрнѣе сказать, въ составъ сихъ подвиговъ входило еще, какъ правило, или потребность духовная, возможно постоянное чтеніе Слова Божія. Читателямъ уже извѣстно, что еще съ издавна высокопр. Филаретъ зналъ наизустъ часть св. Евангелія и всю Псалтирь; равно какъ извѣстно, что чтеніе послѣдней онъ употреблялъ и въ прогулкахъ со старцами. Это же чтеніе не отходило отъ устъ его и во всякое время

Или стыдомъ на вѣкъ покроютъ.
О! я прошу васъ и молю,
Друзья и братія, внемлите:
За душу грѣшную мою
Христа Спасителя молите,
Да не осудитъ по грѣхамъ
Меня во адъ не неугасимый,
Но да вчинитъ меня Онъ тамъ,
Гдѣ жизнь, гдѣ свѣтъ незаходимый!...

(Напечатано въ Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1865 г. № 11.

уединенія. Такъ въ запискахъ о. Намѣстника читаемъ, и многіе изъ свидѣтелей сообщали намъ, что въ Бозѣ почившій, прогуливаясь пѣшкомъ, или проѣзжая въ экипажѣ по Голосѣевскому лѣсу и другимъ монастырскимъ дачамъ, имѣлъ въ рукахъ Святое Евангеліе. А наконецъ, что читать Св. Евангеліе и Апостолъ было ежедневнымъ его правиломъ между обычными дневными занятіями, объ этомъ самъ онъ не скрывалъ, хотя самыя-то упражненія въ чтеніи старался совершать возможно потаенно. О первомъ напр. читаемъ слѣдующія слова въ самыхъ послѣднихъ дняхъ его жизни: «Я обыкновенно ежедневно читаю Евангеліе, говорилъ онъ,—потому и во снѣ даже часто вижу предъ собою Евангеліе,—читаю будто и, окончивъ чтеніе, хочу поцѣловать самыя слова Св. Евангелія, гдѣ Имя Іисуса Христа, или другое изъ именъ Божественныхъ; но только-что стану наклоняться,—тотчасъ просыпаюсь, и смотрю—Евангелія нѣтъ. Такъ-то: что́ душа любитъ на яву, тѣмъ занята бываетъ и во снѣ». (1) Относительно же потаенности подобныхъ занятій келейный его Іеромонахъ Сергій говорилъ, что «иногда, бывало, Владыка прикажетъ мнѣ притворить дверь въ его кабинетъ, или спальню и скажетъ, что онъ хочетъ прилечь и отдохнуть немножко. Когда же, по прошествіи назначеннаго времени, станешь отворять двери, то его самого застанешь предъ столикомъ съ раскрытымъ Евангеліемъ, а на постели и признаковъ нѣтъ, чтобы онъ ложился отдыхать». Кому не понятно,—каково должно было быть вообще его душевное настроеніе, а отсюда каковъ образъ жизни и все преуспѣяніе его въ благочестіи и добродѣтели. Первое состояніе на языкѣ святоподвижническомъ называется *умнымъ дѣланіемъ*, обыкновенно же извѣстно подъ именемъ Богомыслія. Что дѣйствительно высокопр. Филаретъ обладалъ этимъ духовнымъ достояніемъ, припомнимъ только то́, что́ засвидѣтельствовано было объ немъ еще во дни о́ны, когда онъ былъ еще Архіепископомъ въ Казани. Приведемъ здѣсь подлинныя слова сего свидѣтельства: «Достаточно было только посмотрѣть на него, чтобы вынести глубокопоучительный урокъ на всю жизнь.

---

1) Смотр. послѣдніе дни стран. 16.

Евангельская кротость, смиреніе, простота обрисовывали его лице, просвѣтленное чистотою души; взоръ проникнутый, чело полное глубокой думы ясно свидѣтельствовали, что умъ его постоянно былъ занятъ инымъ—невидимымъ; пребывая видимо съ людьми, онъ постоянно внутренно пребывалъ съ Богомъ. Только имѣющіе понятіе *объ умномъ дѣланіи* могли видѣть, что онъ постоянно совершаетъ молитву въ умѣ и сердцѣ». Да, этого типически вѣрнаго изображенія не подтвердитъ ли и всякій, кто хотя разъ видѣлъ лицемъ къ лицу въ Бозѣ почившаго. Даже, прибавимъ, достаточно для этого и теперь взглянуть на его портретныя изображенія, гдѣ обыкновенно представляется онъ съ книгою въ рукахъ. Не приводя здѣсь многихъ болѣе, или менѣе общихъ отзывовъ и воспоминаній, какъ при жизни, такъ и по кончинѣ, о высокопр. Филаретѣ, въ разсматриваемомъ отношеніи, укажемъ для примѣра на одинъ, значущійся, между прочимъ, въ запискахъ о Намѣстника подъ заглавіемъ: «Замѣтка 83-хъ лѣтняго схимника изъ-за границы—изъ Молдавскихъ монастырей, бывшаго на поклоненіи въ Кіево-Печерской Лаврѣ: «я знаю пять митрополитовъ, говорилъ старецъ, но такого не видалъ... Онъ *святой* и *великій молитвенникъ* за міръ. Это разсказано мнѣ въ соборѣ отъ старцевъ». [1])

Если таково было постоянное молитвенное правило въ Бозѣ почившаго, что на выполненіе сего правила требовалось по нѣскольку часовъ съ вечера до поздней ночи, и съ самаго ранняго утра —почти съ полуночи до извѣстнаго времени, то что́ же сказать о другихъ сторонахъ святоподвижнеческой его жизни,—о бдѣніи и пощеніи?.. Первое не очевидно ли уже изъ самой долговременности молитвеннаго правила совершавшагося при томъ въ такую пору, когда обыкновенно и естественно спятъ.—Такъ же точно, чтобы неослабно совершать такой молитвенно-бдѣдный подвигъ, возможно ли допустить, по простому понятію и представленію, чтобы этотъ подвигъ могъ быть безъ нераздѣльнаго съ нимъ подвига пощенія, хотя бы то́ въ смыслѣ строгой умѣренности и воздержанія? Дѣйствительно, если мы не можемъ сказать, чтобы

[1]) Смотр. тетр. V. стран. 17—18.

высокопр. Филаретъ былъ постникомъ въ строжайшемъ отшельническомъ смыслѣ,—напр. въ постоянномъ сухоядѣніи, или въ долговременномъ не ядѣніи,—за то несомнѣнно, что во первыхъ онъ проводилъ дни первой и послѣдней седмицы Великаго Поста такъ, что вкушалъ пищу не болѣе, какъ черезъ два дня; во вторыхъ въ самомъ родѣ пищи, разумѣемъ по отношенію вообще къ уставу церковному о постахъ и, въ частности, по отношенію къ уставу иноческому, соблюдалъ примѣрную строгость. Въ этомъ разѣ онъ не позволялъ себѣ разрѣшать на что нибудь даже и во время болѣзней. Впрочемъ замѣтимъ опять, что все это,—и молитва, и бдѣніе, и пощеніе было у него не временно, но простиралось на всю его жизнь съ самаго дѣтства. Не онъ ли, бывши еще отрокомъ въ домѣ родителя, не рѣдко оставлялъ обычную пищу, удаляясь на молитву, такъ что нужно было отыскивать его ко времени обѣда; и не онъ ли въ то время, когда ночью спали всѣ домашніе, тихонько вставалъ на молитву?! Но что́ тогда было какъ бы по одному влеченью сердечному, это самое въ послѣдующее время образовалось и перешло у него въ духовную потребу.

Если же потребны были въ этомъ отношеніи примѣры для подражанія, и для возгрѣванія въ себѣ духа святоподвижническаго, то, само собою, въ нихъ не было недостатка. Высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, питалъ постоянное и пламенное усердіе къ почивающимъ въ Лаврѣ Св. Угодникамъ. У него было постояннымъ правиломъ каждонедѣльно неопустительно бывать въ пещерахъ на поклоненіи Угодникамъ. Въ послѣднее же время онъ удалялся въ пещеры не рѣдко на цѣлые дни и ночи; даже дѣлалъ это въ такіе дни, когда бы требовалось, по принятому обычаю и по искреннѣйшему желанію и усердію всѣхъ, провести время среди близкихъ и знаемыхъ. Мы разумѣемъ дни его именинъ. Объ этомъ напр. въ запискахъ о. Намѣстника значится слѣдующее: «Святый Владыка 60-й разъ празднуетъ своему Ангелу-соименнику въ монашествѣ—Филарету. Какъ день былъ воскресный, то всѣ желали, чтобы онъ служилъ въ Лаврѣ и потомъ дозволилъ желающимъ явиться и принять его благословеніе въ его покояхъ. Но Владыка рѣшилъ: нѣтъ, я всегда проводилъ этотъ день въ мо-

литвенномъ уединеніи; не для чего перемѣнять стараго обычая и теперь. *Съ преподобнымъ преподобенъ будеши*; такъ празднуйте одни вы, а я, по старому, останусь на весь день у Преподобныхъ. Такъ и сдѣлалъ. Служилъ обѣдню въ Пещерной церкви Св. Преподобнаго Антонія, а послѣ обѣдни ходилъ по обѣимъ пещерамъ и поклонялся Св. Угодникамъ. Возвратился въ Лавру уже ко всенощной и былъ совершенно доволенъ своимъ уединеніемъ. Радость духа видна была на лицѣ его и на всемъ». (1)

Послѣ всѣхъ этихъ внутреннихъ святоподвижническихъ качествъ и дѣйствій что́ сказать о прочемъ состояніи въ Бозѣ почившаго и о дѣлахъ его благочестія,—напр. о его не стяжательности, щедродательности въ пользу не имущихъ и вообще о сострадательности и сердоболіи къ бѣднымъ и несчастнымъ? Въ этомъ отношеніи имя въ Бозѣ почившаго во всеобщемъ признаніи и памяти останется, кажется, образцемъ сихъ добродѣтелей. Свидѣтельствъ и доказательствъ на это мы уже видѣли великое множество въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Здѣсь же мы укажемъ только на особенные образы и свойства сихъ добродѣтелей. То̀ правда, что раздача милостыни нищимъ, или выдача пособій нуждающимся, когда тѣ и другіе сами являются, и какъ бы требуютъ удовлетворенія себѣ, есть какъ бы дѣло обычнаго порядка. Кому, какъ не подобнымъ лицамъ-митрополитамъ и вообще архіереямъ свойственнѣе всего раздавать милостыню; этого требуетъ самое ихъ званіе и долгъ, чтобы этимъ самымъ подавать примѣръ и другимъ. Впрочемъ не безъизвѣстно, что это бываетъ такъ, что самое лице, отъ котораго идетъ подаяніе, остается нѣкоторымъ образомъ какъ бы безучастно собственнымъ личнымъ сочувствіемъ къ нуждающимся. Иногда раздача милостыни поручается извѣстному человѣку, для чего напередъ назначается опредѣленное количество денегъ на извѣстное время. Но не такъ совершалось это со стороны высокопр. Филарета; онъ не имѣлъ никогда и ключей отъ денегъ... «Подавай, подавай, болѣе подавай, твердилъ, быва-

---

1) Смотр. тетр. VI, стр. 25 на обор.

ло, Владыка своему келейному: не забывай этого такъ же, какъ подливать масло въ лампадки и даже болѣе. Вообще же, по словамъ свидѣтельствующихъ, нужно было видѣть Владыку, въ какомъ онъ былъ особенномъ веселомъ расположеніи духа, когда видѣлъ, что много приходило нищихъ и просящихъ, и, наоборотъ, замѣтно печалился, когда почему либо было ихъ мало». «За столъ, бывало, отнюдь не сядетъ прежде, какъ приказавъ удовлетворить всѣхъ, приходившихъ за подаяніемъ. «Не рѣдко за столомъ спрашивалъ: а что? не пришелъ еще кто? Иногда недовѣрялъ даже, и самъ выходилъ посмотрѣть, нѣтъ ли кого.:. Но этого мало. Какъ намъ самимъ приводилось слышать за достовѣрное, такъ и въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ уже въ недавнихъ годахъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, значится слѣдующее.—

«Намъ изъ разсказовъ наставниковъ нашихъ извѣстно было, пишетъ Авторъ сей часъ помянутыхъ воспоминаній, [1]) что нашъ Владыка Филаретъ ночью выѣзжалъ съ келейнымъ своимъ монахомъ очень часто, чтобы въ окна тѣхъ домовъ, гдѣ,—какъ узнавалъ онъ,—водворялась нищета и не разлучныя съ ними страданія,—класть не скудныя милостыни. Еще свидѣтельствуютъ многочисленныя письменныя данныя, что онъ никогда не отказывалъ даже и тѣмъ, о коихъ совершенно не зналъ и не слышалъ ни отъ кого. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени эти факты.—Къ высокопр. Филарету очень часто присылались письма, или прошенія изъ разныхъ мѣстъ и сторонъ такого рода и содержанія, что какъ будто онъ былъ поставленъ опекуномъ надъ ними, или завѣдывалъ кассою какого нибудь Попечительства. При подобныхъ письмахъ, или прошеніяхъ прилагались свидѣтельства о состояніи нуждающихся и не рѣдко обозначалась сумма, потребная на вспомоществованіе. И то́ не сомнѣнно, что высокопр. Филаретъ никогда не оставлялъ подобныхъ прошеній безъ удовлетворенія, что видно изъ помѣтокъ, дѣланныхъ отсылателями денегъ, на самыхъ бумагахъ. По

([1]) Смотр. Владимірскія Епарх. Вѣдомости 1865 г. № 18 и Душеполезное Чтеніе 1865 г Октябрь.

нѣсколькимъ же изъ оставшихся писемъ и прошеній, какъ намъ за подлинное извѣстно, сдѣлано было удовлетвореніе даже и послѣ его кончины. Спрашивается: что же служило основаніемъ къ этому со стороны обращавшихся съ такими просьбами, и почему самъ въ Бозѣ почившій не отрицалъ ихъ? Отвѣтъ на послѣдній вопросъ находимъ, между прочимъ, въ послѣднихъ дняхъ жизни въ Бозѣ почившаго. Когда высокопр. Филаретъ повторялъ, бывало, частовременно обычные свои возгласы: «Ахъ! не удерживайте меня, отпустите меня... Храмина тѣла моего разрушается... Возмите себѣ землю, а дайте мнѣ небо... На что я вамъ? Кому нуженъ? и т. п., и когда замѣтили ему однажды, что жизнь его еще нужна и драгоцѣнна для многихъ, особенно для бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ,—онъ отвѣчалъ: «Да, да, правда,—многіе кричатъ за меня, особенно бѣдные. Заболѣю, они начинаютъ молиться. Видно, вопль этотъ доступенъ къ Богу и имѣетъ силу. Видно Господь слышитъ этотъ вопль. Когда я выхожу и они видятъ, что я едва двигаюсь, то начинаютъ кричать: Поддержи тебя Господи! Продли твою жизнь Господи!»—Видно было, что душа его чувствовала живѣйшую отраду въ творимой имъ ежедневно милостынѣ и еще здѣсь предвкушала то блаженство, которое обѣщано въ Евангеліи милостивымъ.» (1)

Кромѣ этихъ чувствъ и дѣлъ милосердія, являемыхъ лично, или письменно обращавшимся къ въ Бозѣ почившему и никогда имъ не оставляемымъ безъ живѣйшаго участія и удовлетворенія, намъ сообщили факты и такого рода, въ которыхъ явны были знаменія благодатнаго дара отъ Господа, какія видимъ и исповѣдуемъ мы въ лицѣ избранныхъ Угодниковъ и при жизни ихъ, и по кончинѣ. Фактовъ въ этомъ родѣ и значеніи мы имѣли утѣшеніе слышать довольно много, но приведемъ здѣсь только нѣкоторые, именно тѣ, достовѣрность которыхъ засвидѣтельствована несомнѣнно.

«Одна, дотолѣ совершенно безъизвѣстная высокопр. Филарету, вдова жена капитана П., обремененная многочисленнымъ малолѣтнимъ семействомъ—пятью сыновьями и одною

(1) Смотр. въ послѣднихъ дняхъ стран. 15—16.

дочерью, находилась въ самомъ крайнемъ положеніи по части средствъ къ жизни вообще и въ частности, чтобы куда нибудь пристроить дѣтей своихъ. Не имѣя и не видя никакихъ надеждъ, она поставила себѣ за правило читать ежедневно акаѳистъ Божіей Матери, прося Ее, чтобы Она указала и послала ей человѣка, который бы помогъ ей въ ея дѣлѣ. Акаѳистъ она выучила даже наизустъ отъ усерднаго и постояннаго чтенія. И вотъ однажды—въ субботу великую на Свѣтлое Христово Воскресеніе, прочитавши акаѳистъ, она прилегла на нѣсколько времени до заутрени. Видитъ во снѣ, что Пресвятая Богородица говоритъ ей: «Иди въ Лавру,—Митрополитъ тебѣ поможетъ и все твое положеніе устроитъ.» Она вскорѣ въ одинъ изъ дней Пасхи отправилась со всѣми своими дѣтьми въ Лаврскую церковь. Послѣ обѣдни, при выходѣ изъ церкви, Владыка, сопровождаемый множествомъ людей, вдругъ остановилъ вниманіе на вдовѣ, и, сказалъ, указывая на дѣтей: «это—всѣ твои! Погоди же нѣсколько времени».—Проводивши посѣтителей, Владыка сказалъ келейному І. С., сообщившему намъ буквально этотъ разсказъ» (1) «пойди-ка, позови ко мнѣ, стоящую вонъ тамъ, вдову съ дѣтьми!» Келейный съ трудомъ отыскалъ ее въ толпѣ нищихъ и ввелъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ покои. Владыка, распросивши вдову объ ея положеніи и подавши тутъ же потребную денежную помощь, сказалъ: «Ну! утѣшься: дастъ Господь, все устроится хорошо». И, дѣйствительно, высокопреосвѣщенный Филаретъ принялъ такое живое и рѣшительное участіе въ положеніи этой вдовы и ея дѣтей, что, при нѣкоторыхъ встрѣтившихся препятствіяхъ къ опредѣленію дѣтей въ Кадетскій Корпусъ, онъ имѣлъ дерзновеніе обратиться съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ къ самому Государю; въ слѣдствіе чего и было Высочайшее повелѣніе принять дѣтей немедленно даже сверхъ штатныхъ вакансій. Когда главный виновникъ сказанныхъ препятствій, не оставшійся безъ надлежащаго внушенія за его дѣйствіе, изви-

(1) Этотъ самый разсказъ вполнѣ подтвердилъ и самъ высокопр. Антоній (Архіеп. Казанскій) «хотя въ рукописи нашей написалъ на полѣ: «Это было не въ Пасху, а спустя нѣсколько времени, и помнится въ недѣлю св. женъ Мироносицъ.»

нялся предъ Владыкою,—онъ отвѣчалъ: «Я ничего не сдѣлалъ, а только то́, что́ мнѣ надлежало сдѣлать.» Дѣти же вполнѣ оправдали своими успѣхами такое о нихъ благопопеченіе высокопр. Филарета, или, что́ тоже, указанную и ниспосланную имъ въ лицѣ его отъ самаго Господа милость. Не сомнѣнна истина, что милосердіе и благотвореніе ближнимъ являлись въ лицѣ и дѣйствіяхъ въ Бозѣ почившаго, не какъ только долгъ и добродѣтель, но какъ стяжанный имъ даръ отъ Господа, который исповѣдуетъ и чтитъ въ избранныхъ Угодникахъ Божіихъ, и по преимуществу въ Святителяхъ, сама Св. Церковь, величая ихъ—*нищихъ питателями, сирыхъ кормителями, вдовъ заступниками, несчастныхъ утѣшителями*—и вообще *скорыми помощниками въ скорбяхъ и болѣзняхъ* .. Да не смутится, впрочемъ, кто либо изъ читающихъ, что здѣсь восписуется такая честь въ Бозѣ почившему, что онъ ставится въ ряду святыхъ. Всѣ святые не на небѣ дѣлаются святыми; они тамъ только уже прославляются за святость, стяжанную ими здѣсь на землѣ. Бывъ въ настоящей жизни *въ маломъ вѣрны*, они въ будущей *надъ многими поставляются*.

Приведемъ еще слѣдующіе факты.—«Былъ высокопр. Филаретъ въ одномъ домѣ, гдѣ принимавшіе его жили въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ почти подвальномъ жильѣ квартировало другое бѣдное семейство, въ которомъ была, страдавшая долговременною тяжкою болѣзнію, хозяйка квартиры—мать большаго семейства. Между прочими разговорами зашла рѣчь и объ этой больной. По окончаніи этой рѣчи, Владыка вдругъ не ожиданно сталъ собираться домой. Но, выходя изъ дома, онъ остановился на лѣстницѣ и спросилъ: а гдѣ-же у васъ живетъ больная-то? Ему отвѣчали, что вонъ—тамъ... но туда трудно будетъ пройти Вамъ, Владыка, да и ходъ довольно не чистый... Онъ сказалъ: ну, какъ нибудь проберемся, а замараемся,—не бѣда, и просилъ провести себя туда. Вошедши къ больной, онъ благословилъ ее и въ нѣсколькихъ словахъ утѣшивши больную и присутствовавшихъ, сказалъ: «ну, Именемъ Господнимъ приходи въ здравіе!» Выходя же, успѣлъ подать, что́ съ нимъ случилось изъ денегъ. Оказалось, что съ той самой минуты больная, вовсе дотолѣ безнадежная, почувствовала себя луч-

ше и весьма скоро выздоровѣла, не употребляя рѣшительно никакихъ медицинскихъ пособій, для которыхъ не имѣла къ тому же и средствъ. (1)—Былъ такъ же высокопр. Филаретъ въ одномъ домѣ и къ нему подвели, между прочимъ, на благословеніе одну дѣвочку, нѣмую отъ рожденія Не зная сего и не бывъ предупрежденъ отъ подводившихъ о ея нѣмотѣ, онъ благословивъ ее и положивъ благоловляющую руку на ея голову, съ обычною ласкою спросилъ ее: «а какъ тебя зовутъ, доброе дитя?» Къ изумленію всѣхъ дѣвочка вдругъ твердымъ и яснымъ говоромъ отвѣтила: *Машей!* и съ той минуты стала говорить на всегда. (2)

Въ этихъ фактахъ на взглядъ и судъ людей нынѣшняго времени, пожалуй, покажется не болѣе, какъ нѣкая случайность; но, само собою, не для таковыхъ они и приводятся здѣсь, а для тѣхъ, кои скорѣе воспріимутъ то убѣжденіе, что заводившіе рѣчь о больной и подводившіе нѣмотствующую дѣвочку дѣлали это, скорѣе и вѣрнѣе всего, съ тѣмъ намѣреніемъ и чувствомъ вѣры, чтобы получить желаемое. А что такія убѣжденія, а равно и самыя обращенія къ высокопр. Филарету бывали дѣйствительно, объ этомъ свидѣтельствуютъ тоже несомнѣнные факты. Такъ напр. пишется въ запискахъ о. Намѣстника: (3) «Прибылъ къ Владыкѣ болящій чиновникъ С...въ за благословеніемъ, или прямо, какъ оказалось изъ его словъ и дѣйствій, за исцѣленіемъ отъ своей болѣзни. Случилось, что за отсутствіемъ келейнаго, доложилъ объ этомъ болящемъ чиновникѣ Владыкѣ о. Инспекторъ Академіи... Пришедшій немедленно былъ принятъ Владыкою, и вдругъ палъ предъ Владыкою на колѣнахъ и обливался слезами и началъ выражать свои чувства... Владыка сказалъ: «вѣруй въ Господа, и получишь исцѣленіе, а я что могу... и благословивъ больнаго иконою, отпустилъ его съ миромъ.» (4)

Наконецъ обращались къ въ Бозѣ почившему и заочно и именно въ чувствѣ молитвенномъ и съ вѣрою въ его

(1 и 2) Смотр. въ записи матеріаловъ.

(3) Смотр. въ запискахъ о. Намѣстника. Тетр. 2 стр. II и на оборотѣ.

(4) Болящій чиновникъ, какъ оказалось, по словамъ высокопр. Антонія, былъ отчасти не вѣрующимъ въ Бога... Но болѣзнь вразумила его во спасеніе.

благодатную помощь. Такъ напр. въ Іюлѣ 1867 г., за нѣсколько дней предъ пріѣздомъ моимъ въ Кіевъ для собиранія біографическихъ матеріаловъ, былъ слѣдующій фактъ, сообщенный мнѣ многими, и, главнѣе всего, самимъ очевидцемъ и участникомъ его,—чередовымъ іеромонахомъ П. «Одна женщина купеческаго званія изъ г. Казани попросила чередоваго на ближнихъ пещерахъ, (сей часъ названнаго іеромонаха),—отслужить паннихиду на могилѣ высокопр. Филарета. Во все время паннихиды она стояла на колѣнахъ и слезно молилась Видя это, о. іеромонахъ П. полюбопытствовалъ узнать и спросилъ молившуюся: не родственница ли она въ Бозѣ почившему Владыкѣ, что пожелала отслужить паннихиду по немъ и, главное, такъ слезно молилась? «Ахъ, батюшка! отвѣчала спрошенная, если бы вы знали, какъ мы чтили и чтимъ этого святителя Божія съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ еще у насъ въ Казани Архіепископомъ Вѣдь еще при жизни его у насъ многіе считали его прямо *святымъ* и прибѣгали къ нему за молитвами и помощію въ разныхъ случаяхъ—въ болѣзняхъ, въ несчастіяхъ, и получали просимое. Въ самомъ нашемъ семействѣ были такіе случаи, которые съ тѣхъ поръ я твердо всегда помнила. И, вотъ, въ прошлую зиму я сама сдѣлалась сильно больна; надежды не оставалось почти никакой. Но разъ вижу я во снѣ Владыку, и тутъ же припомнила живо всѣ прежніе случаи. Увидѣла его я въ церкви за какой-то службой, и стала просить его, что бы онъ помолился за меня, дабы Господь даровалъ мнѣ исцѣленіе. Онъ мнѣ такъ ласково отвѣтилъ: «ну, ладно! только молись хорошенько Богу, и побывай въ Кіевѣ у меня». Проснувшись, я тотчасъ же почувствовала облегченіе въ болѣзни, а вскорѣ и совершенно выздоровѣла. Стараясь исполнить его волю—побывать въ Кіевѣ, я вознамѣрилась, по особенному обѣщанію, отправиться сюда пѣшкомъ. И вотъ почему я просила отслужить паннихиду по Святомъ Владыкѣ на его могилѣ. Я вѣрую, что истинно по его молитвамъ Господь даровалъ мнѣ исцѣленіе отъ болѣзни; иначе, можетъ быть, мнѣ давно уже быть бы въ могилѣ. При сихъ словахъ она снова залилась слезами, и пала на колѣна и

ницъ на могилу въ Бозѣ почившаго». Весь этотъ разсказъ повторялъ намъ еще одинъ изъ клирошанъ послушниковъ М..., пѣвшій паннихиду. Вообще этотъ фактъ скоро сталъ извѣстенъ въ Лаврѣ многимъ старцамъ и лицамъ начальственнымъ, о которомъ они разсказывали и намъ въ большей, или меньшей подробности, а главное съ присовокупленіемъ: да! всеконечно это такъ. Ибо кто же и могъ бы сомнѣваться, что Владыка Филаретъ угодникъ Божій. (1)

Приведемъ еще одинъ изъ фактовъ, значущійся въ дневникѣ о. Намѣстника.—«Нѣжинскій Протоіерей и Законоучитель Лицея Иванъ Ѳеодоровичъ Мерцаловъ былъ нѣкогда въ Московской Академіи ученикомъ покойнаго Владыки.—При воспоминаніи о Св. Владыкѣ, вотъ что́ разсказалъ: Одиннадцать лѣтъ тому назадъ я былъ смертельно боленъ; ревматизмъ, которымъ за нѣсколько прежде страдалъ, возобновясь съ силою, перешелъ на грудь, меня душилъ жесточайшій кашель, доктора́ искусные видѣли неизлечимую и быструю чахотку и приговорили умереть... и меня уже напутствовали Елеосвященіемъ и Св. Тайнами. Но 4-го Января вечеромъ, часовъ въ 11-ть, я какъ будто былъ въ дремотѣ. Домашніе въ другой комнатѣ, я одинъ. Слышу какъ будто шумъ шаговъ и постукиваніе палкой, какъ хаживалъ обыкновенно Владыка, бывъ Ректоромъ Академіи. Растворилась дверь,—вижу, ко мнѣ приблизился самъ Владыка, въ черной рясѣ и митрополичьемъ клобукѣ.—Положивъ руки на голову мою, потомъ перекрестивъ до трехъ разъ, сказалъ: «ты тяжело боленъ и еще пострадешь... но потерпи, не бойся, Богъ пошлетъ тебѣ свою милость, и ты будешь здоровъ. Сказавъ это, Владыка еще благословилъ меня, я поцѣловалъ его обѣ руки, и онъ пошелъ назадъ... Дверь стукнула, и я никого уже не видѣлъ и сталъ звать своихъ. На зовъ пришла жена.—Я сталъ говорить, что меня не берегутъ, оставляютъ одного, дверь въ комнатѣ не запираютъ и всѣ ко мнѣ идутъ... Жена увѣряла, что никто ко мнѣ не приходилъ... Я разсказалъ, кто былъ и что́ говорилъ... Жена не вполнѣ вѣрила, ду-

(1) Смотр. въ записи матеріаловъ біографическихъ.

мая, что я въ бреду... Когда же я опомнился, и снова повторилъ, жена сказала, чтобы я непремѣнно писалъ къ Владыкѣ и просилъ молитвъ его. Писать я не могъ. Позвали сына, я диктовалъ, онъ писалъ. Не знаю, дошло ли письмо до Владыки; но слова, слышанныя мною отъ него въ полусоніи, сбылись... Страданія мои продлились еще нѣсколько недѣль, а потомъ я выздоровѣлъ. Было нѣчто подобное и четыре года назадъ тому. Я тяжело былъ боленъ.—Тоже вечеромъ входилъ ко мнѣ будто Владыка. Не говоря ни слова, возложилъ на мою голову руки свои, и потомъ нѣсколько разъ благословилъ и удалился.—И это явленіе Святителя было для меня тоже предвѣстіемъ милости Божіей; я скоро же тогда выздоровѣлъ. (1)

Можно бы привести и другіе подобные факты, которые мы впрочемъ не всѣ записывали по однородности ихъ съ другими, или по неопредѣленности свѣдѣній, а наконецъ и потому, что самыя лица, ихъ видѣвшія, желали сохранить ихъ болѣе въ сердцѣ и въ тайнѣ и сообщали объ нихъ только намеками, или тѣми чувствованіями благоговѣйнаго почитанія къ въ Бозѣ почившему, которыя видны были въ глубокихъ и иногда слезныхъ воздыханіяхъ при одномъ имени его. Однимъ изъ очевиднѣйшихъ и живыхъ доказательствъ на это напр. можетъ служить то,—въ скольких церковныхъ синодикахъ и въ частныхъ помянникахъ можно встрѣтить имя Митрополита Кіевскаго Филарета, какъ прежде о здравіи, такъ теперь объ упокоеніи его,—и сколько чтущихъ и молитвенно вспоминающихъ день его Ангела и день кончины... Спрашивается: какой смыслъ и значеніе имѣютъ эти молитвенныя поминовенія и какими чувствованіями они возбуждаются и сопровождаются? Молитвы ли это о помилованіи грѣшника, или иныя? Сказать ли, что это только по силѣ и значенію авторитета его—какъ первостепеннаго Святителя и его іерархическихъ заслугъ и т. п.? Но вмѣсто всякихъ своеобразныхъ нашихъ разрѣшеній этого вопроса, послушаемъ лучше, какъ разсуждалъ объ этомъ самъ въ Бозѣ почившій.—Въ запискахъ о. Намѣстника по-

---

1) Дневн. 1857 г. стр. 59—61.

мѣщенъ разсказъ, подъ заглавіемъ: «Разсказъ Владыкою притчи». Сказана была эта притча въ слѣдъ за тѣмъ, когда Владыка однажды выслушалъ для повѣрки чтеніе своего собственнаго формулярнаго списка. «А что? пропустятъ съ такимъ аттестатомъ въ Царствіе-то Небесное? спросилъ Владыка, по окончаніи сказаннаго чтенія. За тѣмъ сказавъ— да! здѣсь для людей это довольно, а какъ тамъ-то предъ Богомъ?!—началъ слѣдующій разсказъ. «Къ Апостолу Петру, въ одно время, пришло много простыхъ незнатныхъ и бѣдныхъ, но богоугодныхъ, и молили они его отворить имъ дверь Царствія. Но Св Апостолъ повелѣваетъ имъ подождать. Просьба по нѣкоторомъ времени повторяется, но отъ Апостола опять отказъ. Чрезъ нѣсколько времени убогіе опять умоляютъ пустить ихъ. Но Апостолъ тоже заповѣдуетъ ждать.—Но вотъ вдругъ послышался говоръ: Архіерей идетъ. Тогда Апостолъ встрѣтилъ его и спѣшилъ отворить двери Царствія, а простецамъ снова сказалъ—отступить въ сторону и еще ждать. Тогда простецы сказали: вотъ мы думали, что только на землѣ такъ, и надѣялись, что по крайней мѣрѣ на небѣ будутъ къ намъ справедливѣе и милостивѣе. Но видимъ и тутъ тоже. Тогда Св. Апостолъ, успокоивая ихъ, сказалъ: «какъ неправильно вы судите. Вѣдь васъ каждый день мнѣ приходится принимать и провожать къ Царю небесному во множествѣ; а архіерея-то когда— когда придется встрѣтить изъ всего ихъ множества».— Это, конечно, притча, замѣчено въ запискахъ о. Намѣстника, но подъ ней скрывается много истины». [1])

Какую именно истину разумѣлъ подъ этой притчей собственно Авторъ записокъ, онъ не выразилъ; но эта притча должна служить подтвержденіемъ того, что́ мы выразили о личной святоподвижнической жизни высокопр. Филарета, а именно,—«что коренное и отличительное свойство ея, каковымъ и отличался въ Бозѣ почившій, есть глубокое смиреніе и сокровенность, по коимъ живущіе сею жизнію всячески уменьшаютъ ея достоинства и намѣренно скрываютъ отъ

[1]) Смотр. записки, тетр. 2 стр. 20 и тетр. 3 стр. 21 на обор.

взоровъ другихъ. Это-то самое, какъ нельзя болѣе, яркими и высокими до неподражаемости чертами открылось, наконецъ, въ томъ сокровеннѣйшемъ состояніи въ Бозѣ почившаго, о которомъ впервые возвѣщено было въ проповѣди при гробѣ его. «Только въ послѣднее время, когда наступало уже время отшествія его, нѣсколько приподнялась завѣса сей сокровенности, а по отшествіи его это открылось во всемъ свѣтѣ, а именно.— За 17-ть еще лѣтъ до кончины своей въ Бозѣ почившій Архипастырь нашъ, недовольствуясь общими иноческими обѣтами, далъ предъ лицемъ Всевышняго Бога, (по сокровенному и неизглаголанному влеченію сердца своего,—какъ буквально выражено самимъ въ Бозѣ почившимъ въ его духовномъ завѣщаніи), сугубые обѣты благоугождать Ему высокими подвигами благочестія, воспринявши на себя великій иноческій образъ—*схиму*. Новое имя Св. Преподобнаго *Θеодосія*, принятое имъ въ схимничествѣ, возбудило его и къ новымъ подвигамъ смиренія и самоуничиженія. Дивились видѣвшіе Архипастыря—старца носившимъ собственными руками кирпичъ при созиданіи церкви въ пустынѣ Голосѣевской и недоумѣвали, что̀ это значитъ... Это было живое проявленіе всецѣлаго подражанія его новому своему тезоименитому Св. Преподобному Θеодосію, который «ношаше иногда воду, иногда дрова изъ лѣсу, иногда же братіямъ почивающимъ вземъ раздѣленное жито, коегождо ихъ часть измеливаше». [1]).

Сказавъ сей-часъ о новомъ— великоподвижническомъ званіи высокопр. Филарета,—*въ схимонашествѣ Θеодосія*, мы хотя должны были бы остановиться на немъ съ особеннымъ вниманіемъ и изслѣдованіемъ, но такъ какъ это составляетъ предметъ замѣчательнѣйшей важности не въ личномъ и біографическомъ только отношеніи, а вообще въ каноническо-историческомъ, то мы имѣемъ въ виду другое для сего мѣсто,—именно предъ самымъ временемъ его блаженной кончины, когда собственно и открылось это сокро-

[1]) Смотри въ словѣ, сказанномъ Инспекторомъ Кіевской Академіи Архимандритомъ Іоанникіемъ, нынѣшнимъ высокопр. Митрополитомъ Московскимъ.

венное его званіе.—Съ настоящаго же мѣста, по самой связи рѣчи по поводу построенія храма въ Голосѣевской Пустынѣ, мы начнемъ новый отдѣлъ нашего изложенія, именно—о попеченіяхъ и трудахъ въ Бозѣ почившаго по части храмоздательства въ св. Лаврѣ и вообще въ Кіевѣ.

ОТДѢЛЪ V.

ГЛАВА XVI.

«Все это стоило большихъ трудовъ, а паче—скорби» (1)

Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли разсужденія высокопр Филарета о значеніи строенія храмовъ въ обителяхъ, выраженныя имъ въ одномъ письмѣ къ Архіепископу Рязанскому Гавріилу.—«Хорошо строить,—писано было въ письмѣ,—и великолѣпные храмы въ обителяхъ, но еще нужнѣе устроять внутренніе храмы въ обителяхъ попеченіемъ настоятелей объ иноческой по Бозѣ жизни, въ которой ощущается великое оскудѣніе въ наше время.» И что́жъ? Изъ всѣхъ, изложенныхъ нами, свѣдѣній и фактовъ кто не видитъ, что высокопр. Филаретъ имѣлъ, по слову Апостола, *добру совѣсть*, чтобы выразить сказанную истину такъ, чтобы *проповѣдуя другимъ*, не быть самому въ этомъ отношеніи, по выраженію того же Апостола,—*неключимымъ*... По званію и долгу Настоятеля Лавры не онъ ли всѣми своими и оффиціальными распоряженіями, и личными дѣйствіями, и отношеніями къ братіи, и словомъ, и примѣромъ, и всею своею истинноподвижническою жизнію являлъ

(1) Слова изъ записокъ, писанныхъ со словъ высокопр. Филарета.

примѣрно—ревностное святоотеческое попеченіе, первѣе и паче всего, именно объ устроеніи внутреннихъ храмовъ въ духѣ истинной иноческой по Бозѣ жизни въ средѣ всѣхъ собратій отъ высшихъ до низшихъ и послѣднѣйшихъ?—Не это ли попеченіе его было несомнѣнно вліятельно и благотворно такъ, что и сами преемники его, одинъ за другимъ, съ полною готовностію до послушанія засвидѣтельствовали свою ревность, чтобы, по выраженію одного изъ нихъ, «поучаться симъ его добродѣтелямъ и ходить по свѣтлымъ стезямъ его, дабы стяжать тотъ великій духъ, съ которымъ такъ благоуспѣшно и благоплодно дѣйствовалъ онъ во всемъ его домостроительствѣ въ Великой святой обители,» Ея же Настоятельница есть, по благоговѣйному выраженію въ Бозѣ почившаго, Сама Преблагословенная Пречистая Богородица.

Еще при самомъ первоначальномъ устройствѣ первыхъ двухъ домовыхъ храмовъ было замѣчено, что это дѣло не было чѣмъ-то въ родѣ затѣйливости, или желанія оставить память о своемъ строительствѣ, но совершалось соотвѣтственно духовнымъ потребностямъ, живущихъ въ Лаврѣ, братій и всѣхъ приходящихъ въ нее богомольцевъ; тоже должно напередъ сказать и о всѣхъ другихъ дѣйствіяхъ его въ этомъ родѣ. О послѣднихъ слѣдуетъ еще присовокупить то, о чемъ, при всемъ своемъ смиреніи, терпѣніи и благодушіи, самъ въ Бозѣ почившій по поводу нѣкоторыхъ построекъ; засвидѣтельствовалъ: «*Это стоило большихъ трудовъ, и паче скорби,*» (1) вслѣдствіе разнообразныхъ препятствій и интригъ со стороны нѣкоторыхъ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, что̀ увидимъ подробно въ своемъ мѣстѣ.

Почти одновременно съ домовыми церквами, значитъ на первыхъ же порахъ по прибытіи своемъ въ Кіевъ, высокопр. Филаретъ обратилъ вниманіе и созналъ необходимость построить церковь на ближнихъ пещерахъ во имя всѣхъ Св. Преподобныхъ Печерскихъ Угодниковъ. Тамъ съиздавна—съ 1700 г., существовала одна церковь во имя Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня. Но эта церковь

(1) Смотр. въ запискахъ, писанныхъ со словъ самого высокопр. Филарета—листъ 3, стр. 2.

была холодная. Ясно, что это какъ для богомольцевъ, такъ и для братій, совершающихъ чередовое Богослуженіе и приходящихъ на молитву, составляло одно изъ не легкихъ не удобствъ въ зимнюю пору. Сдѣлать же Воздвиженскую церковь теплою не оказывалось возможности по самому ея устройству и мѣстоположенію. Между тѣмъ отсутствіе церкви во имя и честь всѣхъ Угодниковъ Печерскихъ на самомъ мѣстѣ покоища ихъ св. мощей, очевидно, составляло ощутительный недостатокъ. Этотъ недостатокъ, дѣйствительно, сознавался и прежде; но, какъ сообщилъ намъ одинъ изъ участниковъ въ проэктированіи, описываемаго теперь, храма (о. Архимандритъ В.), дѣло не предпринималось, между прочимъ, за крайнею неудобностію самой мѣстности. Значитъ, только пламенная любовь и благочестивая ревность высокопр. Филарета сильны были преодолѣть всѣ препятствія и трудности. Описываемая церковь, оконченная постройкою въ 1839 г., находится въ концѣ галлереи, ведущей къ ближнимъ пещерамъ. (1)

Одновременно же съ этимъ начато было, хотя и продолжилось на слишкомъ значительное время, слѣдующее *великое*, (какъ назвалъ его самъ высокопр. Филаретъ въ одной изъ своихъ резолюцій), *дѣло*. Это—возобновленіе и росписаніе въ Великой *небеси подобной* соборной Церкви стѣнною иконописію. Дѣло это, какъ значится въ архивныхъ документахъ, началось съ репорта о. Екклесіарха, представленнаго имъ по приказанію самого же высокопр. Филарета, что въ 4–хъ куполахъ на хорахъ настоитъ надобность поправить штукатурку и побѣлить, и окрасить заново. Высокопр. Филаретъ на докладномъ журналѣ Духовнаго Собора написалъ: «Разсмотрѣть Духовному Собору съ особеннымъ вниманіемъ и тщаніемъ,—не лучше ли росписать на маслѣ для прочности и благолѣпія, приличнаго Великой церкви. (2) Какъ резолюція эта значится данною 3 Августа

---

(1) Смотр. указатель святынь и достопамятностей Кіева 1853 г. стр. 44.

(2) Смотр. 17-ю суязку 1837 г. № 344.

1837 г., стало быть чрезъ какой нибудь мѣсяцъ по прибытіи высокопр. Филарета на Митрополію,—то, очевидно, она была прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ впечатлѣній и чувствованій, какія естественно было вынести при самыхъ первыхъ посѣщеніяхъ Великой церкви. Порча штукатурки и мрачность закоптѣлыхъ и запылившихся стѣнъ, само собою, слишкомъ дисгармонировали съ душевнымъ настроеніемъ такого любителя храмовъ и ревнителя о ихъ благолѣпіи, каковъ былъ высокопреосв. Филаретъ. Старцы-члены Собора вполнѣ раздѣляли это благочестивое чувство своего Настоятеля. Дѣйствительно, вскорѣ составленъ былъ въ Соборѣ проэктъ относительно работъ согласно данной резолюціи,—а именно, чтобы росписать на маслѣ всѣ стѣны и своды въ Великой Церкви, а также на хорахъ и въ куполахъ изображеніями святыхъ, чего прежде не имѣлось, а гдѣ таковыя изображенія находились, ихъ подновить, не измѣняя отнюдь ничего.—Чтобы работы эти произвести возможно приличнымъ образомъ, положено было отнестись въ Москву къ извѣстнымъ мастерамъ и художникамъ. Но какъ высокопр. Филаретъ, въ первые годы своего служенія въ Кіевѣ, каждогодно отправлялся въ Петербургъ, а къ тому же и цѣны Московскими мастерами были запрашиваемы слишкомъ высокія,—такъ напр. явившійся, по рекомендаціи извѣстнаго Московскаго почетнаго гражданина А. И. Лобкова, Московскій иконописецъ Н. Щепетовъ запросилъ сто тысячъ асс.,— то проэктированное дѣло не начиналось долго. Такъ даже въ 1840 г. 27-го Іюня высокопр Филаретъ написалъ, между прочимъ, въ своей резолюціи: «Сто тысячъ — сумма огромная. Подождать, не откроется ли иныхъ способовъ къ совершенію сего великаго дѣла». (1) Способы эти, однако, скоро открылись. Прибылъ въ Лавру изъ Свѣнскаго монастыря, по предварительному съ нимъ сношенію,— іеродіаконъ Иринархъ, извѣстный своимъ искусствомъ по иконописанію, и изъявилъ готовность и усердіе производить проэктированныя работы съ тѣмъ, чтобы опредѣлены были въ его распоряженіе лица, находящіяся въ Лаврѣ,

(1) Смотр. тамъ же.

изъ знающихъ иконописное малярное искусство. (1) Узнавъ о семъ, высокопр Филаретъ писалъ Духовному Собору: «Именемъ Господнимъ благословляю допустить къ производству стѣннаго росписанія въ Великой церкви Успенія Божіей Матери іеродіакона Иринарха, какъ человѣка искуснаго въ семъ дѣлѣ, съ порученіемъ въ его распоряженіе, находящихся въ Лаврѣ, иконописцевъ. Всѣ матеріалы, для сего потребные, покупая на не окладную сумму, отпускать въ его же распоряженіе. Работу сію производить подъ непосредственнымъ надзоромъ о. Намѣстника Лавры и Екклесіарха». (2) О. Иринархъ, совершенно принятый въ число братіи Лаврской и въ поощреніе его усердія вскорѣ посвященный въ іеромонахи, былъ посылаемъ, по распоряженію Собора, въ Москву для закупки матеріаловъ,—золота, красокъ кистей и пр. Наконецъ начато было уже производство работъ; оставалось желать и надѣяться только хорошаго успѣха. Но тутъ-то и воспослѣдовало то́, о чемъ привели мы выше замѣтку изъ записокъ самого высокопр. Филарета, т. е. что ему привелось здѣсь перенести *большіе труды и скорби*... Замѣтка эта, какъ сей-часъ увидимъ, не случайная, но имѣвшая такое значеніе, что, по поводу настоящихъ трудовъ и скорбей, высокопр. Филаретъ едва было не исполнилъ, и безъ того являвшагося по временамъ въ душѣ его, своего намѣренія—просить себѣ увольненія на покой. Только духовно-аскетическая твердость его духа въ вѣрѣ и упованіи и ревность о благѣ св. Церкви Христовой дали ему силу и крѣпость стать лицемъ къ лицу и устоять противъ всѣхъ непріязней и козней, угрожавшихъ ему даже личною опасностію подвергнуться немилости самого Государя Императора. Мы не уклонимся отъ предмета нашего повѣствованія, если изложимъ по возможности подробно всѣ обстоятельства этого дѣла, въ которыхъ заключается не личный біографическій только интересъ, но и историческій по отношенію къ тогдашнему духу времени и характеру, и образу дѣйствованія въ дѣлахъ подобнаго рода.—

(1) Смотр. тамъ же.

(2) — тамъ же.

Нужно замѣтить, что, дѣйствительно, отчасти была ошибка, и даже какъ бы вина со стороны самого высокопр. Филарета, что онъ, предположивъ произвести означенныя работы въ такой достопримѣчательнѣйшей по своей святынѣ и древности церкви, какова Лаврская, не довелъ о семъ до свѣдѣнія Св. Синода. Хотя само собою понятно, что, находясь почти постоянно въ то время въ С.-Петербургѣ, онъ не скрывалъ ни отъ кого своихъ предпріятій. Впрочемъ, такъ, или иначе было это,—только дѣло возникло уже тогда, когда высокопр. Филаретъ навсегда уволился отъ личнаго присутствованія въ Св. Синодѣ. Значитъ, со стороны желавшихъ нанести скорби высокопр. Филарету было намѣренное выжиданіе времени выѣзда его изъ столицы навсегда. Съ чьей же именно стороны? Въ отвѣтъ на это довольно только припомнить, въ какихъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ лицамъ находился высокопр. Филаретъ, когда оставлялъ С.-Петербургъ. А съ другой стороны нужно знать, каковы были отношенія къ нему лицъ, составлявшихъ высшую администрацію въ самомъ Кіевѣ, и дѣйствовавшихъ, къ тому же, не безъ вліянія на нихъ оттуда же—съ береговъ Невы. Потребность ясности и полноты дѣла и долгъ безпристрастной истины и правды заставляютъ насъ невольно приподнять нѣсколько ту личинную завѣсу, подъ которою дѣйствовать во дни оны было какъ-то особенно свободно и удобно,—чтобы не сказать, было дѣломъ обычной системы. Говоря это, мы разумѣемъ не тѣхъ лицъ, силою и властію коихъ ведено было описываемое дѣло, а собственно подручныхъ заправителей, у которыхъ сказанная система была совершенно въ духѣ и въ крови, какъ вышедшихъ изъ школы, по крайней мѣрѣ, полулойоловской, изъ коихъ одинъ былъ Правителемъ Канцеляріи Кіевскаго Генералъ-Губернатора, а другой—чиновникомъ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ. А что заставляло сихъ лицъ дѣйствовать такъ, а не иначе и собственно противъ высокопр. Филарета,—то довольно только знать, каковымъ дѣятелемъ былъ высокопр. Филаретъ по возсоединеніи уніятовъ, и какъ, за тѣмъ, онъ продолжалъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи въ своей Епархіи, гдѣ доселѣ извѣстно, какъ великъ элементъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, пропаганда като-

лицизма и уніятизма, къ которымъ по крови и по духу принадлежали и упомянутыя лица. Къ тому же несомнѣнно извѣстно и то́, что одинъ изъ этихъ питалъ личныя неудовольствія къ высокопр. Филарету за то, что послѣдній не у́довлетворилъ его желаніямъ, само собою напередъ расчитаннымъ въ успѣхѣ на основаніи своего вліянія, по одному епархіальному дѣлу въ одномъ приходскомъ селѣ, составлявшемъ его родовое имѣніе. Эти-то, выражаясь словами Св. Бытописанія, *господіе стрѣляній* (Быт. XCIX, 23) тѣмъ усерднѣе и смѣлѣе дѣйствовали, что ясно понимали и видѣли всѣ натянутость отношеній къ высокопр. Филарету въ лицѣ главныхъ своихъ начальниковъ, и чрезъ это, конечно, старались сколько выслужиться предъ ними своимъ угодничествомъ, столько же усилить эти личныя непріязненныя отношенія. Въ этомъ разѣ, по преимуществу, нужно указать на лица мѣстной администраціи. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что Главный Начальникъ края и города Кіева и своимъ характеромъ, и образомъ своей жизни не рѣдко вызывалъ высокопр. Филарета, дѣйствовать на него въ духѣ ревности Архипастырской. А наконецъ привзошло сюда и еще одно обстоятельство, поставившее высокопр. Филарета и Главнаго Начальника въ взаимныя столкновенія: это—дѣло о построеніи памятника Св. Великому Князю Владиміру въ Кіевѣ. Къ утѣшенію, все это миновалось впослѣдствіи и умиротворилось; но, пока дѣйствовали страсти и интриги со стороны упомянутыхъ лицъ, дѣло о начатыхъ работахъ въ Великой Соборной Лаврской Церкви находилось въ слѣдующемъ положеніи.

Вдругъ, совершенно нежданно для высокопр. Филарета, послѣдовалъ на имя его указъ изъ Св. Синода, въ которомъ заключалось,—«что, по увѣдомленію Г. Министра Императорскаго Двора, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: для осмотра стѣнной иконописи въ Соборной Церкви Кіево-Печерской Лавры и составленія предположенія объ исправленіи этой иконописи, или же о совершенно новомъ росписаніи той Церкви командировать Академика Солнцева». (1) Не нужно было, конечно, особенной про-

(1) Указъ былъ отъ 31 Мая 1843 г. за № 6810-мъ (Смотр. въ той же 17-й связкѣ).

нищательности, чтобы уразумѣть, откуда произошла инициатива этого дѣла и какъ она состоялась. Трудно только рѣшить, какая сторона—тамошняя ли—въ Петербургѣ, или мѣстная—въ Кіевѣ, прежде и болѣе всего, приняла такое участіе въ этомъ дѣлѣ Впрочемъ въ подобныхъ явленіяхъ всегда бываетъ такъ, что, какъ говорится, не отыщешь ни начала, ни конца; главное все въ томъ, чтобы достигнуть только цѣли. Цѣль же эта была расчитана и направлена слишкомъ далеко, именно, чтобы представить высокопр. Филарета въ глазахъ Самого Государя Императора въ невыгодномъ для него свѣтѣ, и тѣмъ какъ бы подтвердить все то, въ слѣдствіе чего какъ высокопр. Филаретъ Кіевскій, такъ и Московскій получили одновременное на всегда увольненіе отъ личнаго присутствованія въ Св. Синодѣ. Цѣль эта и была достигнута. Знавшимъ это дѣло, (1) на сколько возможно близко, было извѣстно, что Императоръ Николай Павловичъ приведенъ былъ въ сильное смущеніе и личное неудовольствіе на высокопр. Филарета за его будто бы самоуправство и не позволительное нарушеніе памятниковъ древности.—Это, впрочемъ, совершено доказывается тѣмъ, что сверхъ вышеупомянутаго указа, въ тоже время послѣдовалъ циркулярный указъ изъ Св. Синода такого содержанія: «Государь Императоръ,—по дошедшему до Его Величества свѣдѣнію, что въ нѣкоторыхъ древнихъ Соборахъ древняя живопись на стѣнахъ замѣняется новою, и вообще не сохраняется, какъ слѣдуетъ,—Высочайше повелѣть соизволилъ,—принять надлежащія мѣры, чтобы вообще древній, какъ наружный, такъ внутренній, видъ церквей былъ сохраняемъ тщательно, и не было дозволяемо никакихъ произвольныхъ поправокъ и перемѣнъ безъ вѣдома Высшей духовной Власти». (2) Изъ одного того, что этотъ указъ

---

(1) Мнѣ пишущему сообщилъ объ этомъ покойный высокопр. Казанскій Антоній, который при чтеніи рукописи сдѣлалъ на это собственно-ручную замѣтку въ такихъ словахъ. «Было отношеніе отъ Графа Протасова къ Владыкѣ, гдѣ объявлялось ему крайнее сожалѣніе и неудовольствіе, выраженныя лично Государемъ Императоромъ, по дѣлу начатаго обновленія иконописи».

(2) Смотр. въ той же 17-й связкѣ.

послѣдовалъ такъ поспѣшно, т. е. прежде чѣмъ получены были свѣдѣнія отъ командированнаго Академика Солнцева, —а изъ этихъ свѣдѣній могло оказаться, какъ и оказалось дѣйствительно, дѣло не въ томъ видѣ, какъ представлено было со стороны доносившихъ объ немъ, — изъ одного этого, говоримъ, очевидно, что Государь Императоръ принялъ глубоко и горячо, доведенный до Него, поступокъ высокопр. Филарета,—и что этимъ настроеніемъ Государя всячески постарались и поспѣшили воспользоваться, чтобы нанести ударъ прямо въ лице и сердце высокопр. Филарета. Правда, въ циркулярномъ указѣ не упомянуто прямо лице высокопр. Филарета и не указано на мѣсто, — но слухомъ земля полнится; а что̀ касается собственно епархіи и въ частности самой Лавры, то, само собою, было понятно всякому отъ перваго до послѣдняго, въ чемъ дѣло... Но этимъ ударомъ, нанесеннымъ лицу и чести маститаго Первосвятителя, не ограничились заправлявшіе дѣломъ. Да этотъ ударъ и не былъ бы столь чувствителенъ для высокопр. Филарета, если бы не присоединенъ былъ къ этому другой ударъ, направленный прямо въ его цареволюбивое сердце.— Сколь ни удачно была достигнута цѣль привести Государя Императора въ заочное неудовольствіе противъ высокопр. Филарета, но оставалось еще впереди опасеніе, дабы, при личномъ свиданіи, или даже при посредствѣ другихъ безпристрастныхъ и благонамѣренныхъ лицъ, дѣло не раскрылось во всей истинѣ и не возвратилось прежнее благоволеніе Государя къ Митрополиту. Отсюда-то и произошелъ слѣдующій фактъ.

Въ промежутокъ описываемаго дѣла, Государь Императоръ Николай Павловичъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ отправился въ путешествіе. Путь лежалъ на Кіевъ, такъ что Государь былъ уже въ Нѣжинѣ (въ 140 вер. отъ Кіева). Въ Кіевѣ ожидали всѣ Высочайшихъ Путешественниковъ; но, вдругъ, изволилъ прибыть одинъ только Великій Князь. Государь же Императоръ изволилъ перемѣнить маршрутъ и отправился прямо изъ Нѣжина на Черниговскій трактъ. Если кому, то высокопр. Филарету слишкомъ было понятно, что причиною къ этому послужило личное неблаговоленіе къ нему Государя Императора. «Вотъ, говорилъ онъ въ кругу близкихъ, судилъ Господь мнѣ подъ

старость лѣтъ понести и этотъ крестъ—подпасть подъ немилость Помазанника Господня! Что-жъ? По грѣхамъ моимъ я этого достоинъ. Но мнѣ тяжело—слезно тяжело не за себя самого—а за святой градъ Кіевъ говорилъ онъ. Чѣмъ виноватъ градъ, чтобы изъ-за меня не достойнаго лишаться утѣхи зрѣть возлюбленнѣйшаго Монарха. О Господи, не поставь вины тѣмъ, кто такъ не страшится вводить въ обманъ Государя Императора!»—Высокопр. Филаретъ утѣшался, однако, тѣмъ, что удостоится, по крайней мѣрѣ, видѣть Великаго Князя Михаила Павловича, въ надеждѣ объяснить ему все дѣло. Но и этой надежды, едва было, онъ не лишился. Великій Князь, видно было по всему, не имѣлъ намѣренія посѣтить высокопр. Филарета. Только когда адъютантъ его N., по порученію родительницы своей, глубоко почитавшей и почти обожавшей высокопр. Филарета, посѣтилъ послѣдняго, и здѣсь при разговорѣ услышалъ вполнѣ откровенное правдивѣйшее изложеніе всего дѣла и понялъ самое состояніе высокопр. Филарета, и доложилъ объ этомъ Великому Князю,—тогда уже Его Высочество соизволилъ на посѣщеніе покоевъ Митрополита. И здѣсь-то на единѣ высокопр. Филаретъ успѣлъ сообщить Великому Князю, что̀ надлежало.—«Теперь я спокоенъ, говорилъ впослѣдствіи высокопр. Филаретъ:—что̀ сказано мною Брату Цареву, то̀ не отрекусь повторить и на страшномъ судѣ Христовомъ»... Дѣйствительно, это свиданіе и бесѣда высокопр. Филарета съ Великимъ Княземъ возъимѣла свою силу и успѣхъ вопреки расчетамъ устранившихъ личное свиданіе его съ самимъ Государемъ Императоромъ.

Вообще же, что всячески потреблялось стараніе не дать возможности высокопр. Филарету войти въ личное объясненіе съ кѣмъ либо изъ имѣвшихъ вліяніе на ходъ дѣла, доказательство очевиднѣйшее напр. въ слѣдующемъ.—Когда, согласно прежде помянутому указу Св. Сѵнода, командированный по Высочайшему повелѣнію, Академикъ г. Солнцевъ, долженъ былъ прибыть въ Кіевъ и приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія,—то ему, былъ сдѣланъ наказъ словесный, чтобы не имѣть личныхъ отношеній къ высокопр. Филарету. Но какъ вообще въ подобныхъ случаяхъ

сбывается слово истины: *солга неправди себь*, такъ въ частности здѣсь сбылись слова самого высокопр. Филарета, которыя онъ, какъ постоянное правило, приводилъ себѣ и повторялъ другимъ: «Часто случалось быть мнѣ въ большой тѣснотѣ: и сверху давятъ, и снизу не благопріятствуютъ и со сторонъ тѣснятъ,—а я всегда держался прямаго пути и такъ разсуждалъ: какъ люди ни хитрятъ и ни усиливаются, а Богъ всѣхъ перемудритъ и пересилитъ».

Да, нужно было непремѣнно слышать изъ собственныхъ устъ Ѳ. Г. Солнцева весь, на сколько было возможно, подробный и искренній разсказъ, чтобы понять вполнѣ все, происходившее по настоящему дѣлу. По общеизвѣстнымъ при подобныхъ случаяхъ причинамъ мы, само собою, не можемъ привести здѣсь этого разсказа во всей подлинности, какъ заключавшаго отчасти такія откровенности, каковыя не выдаются, а слагаются лишь въ сердцѣ... [1]) Скажемъ только, что личный авторитетъ, непосредственное участіе въ дѣлѣ и, выше всякаго сомнѣнія, безпристрастная правдивость разсказчика послужили для насъ окончательною опорою и утвержденіемъ всего, что́ было уже намъ достаточно извѣстно изъ другихъ источниковъ. Скажемъ и то́, что кто бы ни былъ на мѣстѣ Ѳеодора Григорьевича, явно, долженъ былъ чувствовать себя, какъ говорится, между двухъ огней. Всего болѣе смущалъ его и стѣснялъ, данный ему, наказъ—не входить въ личныя сношенія съ высокопр. Филаретомъ. «Не скрываюсь, говорилъ онъ, что меня сначала страшила мысль, что я найду на самомъ дѣлѣ произведеннымъ то́, въ чемъ взводилось обвиненіе на высокопр. Филарета. Потому-то какъ я обрадовался и возблагодарилъ Господа, когда, при самомъ первомъ взглядѣ на работы, я

([1]) Слышать этотъ разсказъ Ѳ. Г. Солнцева мнѣ—пишущему привелось, какъ разъ, въ самый праздникъ Успенія Божіей Матери въ Кіево-Печерской Лаврѣ... Въ этой, повидимому, случайности невольно признавалось обоими нами что-то знаменательное и выражено было другъ предъ другомъ съ взаимною искреннею откровенностію и благоговѣніемъ къ путямъ Промысла Божія.—Это было въ 1867 г., когда я собиралъ матеріалы біографическіе, а Ѳ. Г. Солнцевъ пріѣзжалъ помолиться въ Лаврскій великій праздникъ Успенія.

увидѣлъ совсѣмъ иное. Это первое мое обозрѣніе работъ,— говорилъ Ѳ. Г., я имѣлъ, дѣйствительно, прежде всякаго свиданія съ высокопр. Филаретомъ,—и явился въ Лавру совершенно инкогнито. Къ тому же, вопреки расчетамъ недоброжелателей, случилось такъ, что въ самый пріѣздъ мой всѣ они, какъ нарочно, были въ отсутствіи, такъ что мнѣ и явиться было не къ кому, тогда какъ въ наказѣ велѣно было непремѣнно предварительно быть у нихъ. Не извѣстно, что̀ и какъ было бы въ послѣднемъ случаѣ,—но ободренный уже тѣмъ, что̀ показало съ разу самое дѣло, я уже нисколько не стѣснялся и личныхъ отношеній къ высокопр. Филарету. Случай какъ разъ и открылся къ этому. Только-что я успѣлъ инкогнито осмотрѣть хорошенько работы, высокопр. Филаретъ самъ явился по обыкновенію на работы и совершенно не думанно не гаданно встрѣтилъ меня тутъ. Послѣ краткой бесѣды я тогда же отправился посѣтить Владыку въ его покояхъ.

И что̀-жъ, чѣмъ кончилось все порученіе, возложенное на Г. Солнцева?. Какъ знаменитый художникъ—Академикъ, онъ, само собою, усмотрѣлъ нѣкоторые недостатки въ самой работѣ по части искусства, но не болѣе. Во всякомъ же разѣ онъ не могъ открыть ничего такого, въ чемъ обвинялся высокопр. Филаретъ, какъ истребитель и нарушитель, будто бы, драгоцѣнныхъ достопамятностей древности. Да этихъ древнихъ достопамятностей собственно и не было. Извѣстно, что вообще соборный храмъ Успенія Божіей Матери послѣ многократныхъ бѣдствій, въ теченіи разныхъ временъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ, не разъ измѣнялся въ своемъ наружномъ и внѣшнемъ видѣ; въ частности же послѣ пожара въ 1718 г. онъ былъ тоже отдѣланъ заново и освященъ въ 1722-мъ г. (1). Слѣдовательно все, что̀ было древняго, восходило по времени за какіе нибудь 110 лѣтъ. Къ тому же, что̀ оставалось въ достаточной цѣлости, все это не уничтожилось, а сохранилось съ необходимою только очисткою и поновленіемъ. Ясно, что желавшими нанести

(1) Смотр. Указатель святынь и достопримѣчательностей Кіевскихъ; изд. 1853 г., стр. 18.

непріятности высокопр. Филарету имѣлось въ виду не самое дѣло, не интересъ его, а лишь бы достичь своей злонамѣренной цѣли. Что же касается самыхъ недостатковъ, усмотрѣнныхъ Θ. Г. Солнцевымъ, они состояли въ слѣдующемъ,— какъ значится въ указѣ Св. Синода, отъ 21 Іюля 1843 г. 1) Всю новую живопись сдѣлать темнѣе; на всѣхъ образахъ золотыя украшенія исполнить тщательнѣе; перспективу и и пейзажи сдѣлать легче и не такъ рѣзкими, равно и фигуры въ дальнихъ планахъ облегчить. 2) Орнаменты, вмѣсто бѣлыхъ, написать желтыми, букеты цвѣтовъ между ними совершенно уничтожить. 3) Оставшуюся старую живопись, портреты Царей, великихъ Князей и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить и 4) Раку съ мощами святыхъ на аршинъ отодвинуть отъ стѣны, или перенести въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ, чрезъ что откроется надгробный монументъ Князя Константина Острожскаго, уцѣлѣвшій отъ пожара 1718 г. и самый памятникъ очистить отъ пыли —Генералъ Адъютантъ Министръ Императорскаго Двора Князь Волконскій, сказано въ указѣ, присовокупилъ въ сообщеніи своемъ Оберъ-Прокурору Св. Синода, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе предположеній Г. Солнцева по тремъ первымъ пунктамъ; на счетъ же четвертаго пункта Высочайше повелѣлъ сообщить Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода для предложенія на разсужденіе Св. Синода: можно ли будетъ означенную раку передвинуть съ настоящаго мѣста, или перенести въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ?—Въ слѣдствіе сего Св. Синодъ предписалъ указомъ высокопр. Филарету «немедленно распорядиться объ исполненіи предположенія Г. Солнцева по тремъ первымъ пунктамъ, и объ исполненіи донести въ свое время;—а относительно предположенія Г. Солнцева по пункту четвертому представить немедлено Св. Синоду мѣстныя свѣдѣнія съ мнѣніемъ: можно ли будетъ раку съ мощами передвинуть съ настоящаго мѣста на другое, и давно ли она находится на настоящемъ мѣстѣ и кѣмъ поставлена?»

На этотъ указъ высокопр. Филаретъ донесъ Св. Синоду, отъ 7 Августа 1843 г., что распоряженіе объ исполненіи предписаннаго имъ сдѣлано, но что раку съ св.

мощами, сдѣланную въ 1824 г. и поставленную на настоящемъ мѣстѣ въ 1825 г., онъ находитъ не удобнымъ переносить въ какой либо изъ боковыхъ придѣловъ, ибо народъ привыкъ видѣть здѣсь сію святыню и чествовать; да и въ боковыхъ придѣлахъ нѣтъ для нея приличнаго мѣста. Можно развѣ отодвинуть раку на одинъ аршинъ отъ стѣны, гдѣ надгробный памятникъ Константина Острожскаго, чѣмъ откроется удобный проходъ для желающихъ видѣть оный.» А за тѣмъ наконецъ, отъ 19 Октября того же года, высокопр. Филаретъ донесъ св. Синоду, что стѣнная живопись, по Высочайше одобреннымъ предположеніямъ Г. Солнцева, подъ личнымъ руководствомъ его исправлена. Правда, Государь Императоръ не ограничился вышеприписаннымъ повелѣніемъ. Имѣвши въ виду быть въ томъ же 1843 г. въ Кіевѣ, Онъ повелѣлъ отправиться туда и Г. Солнцеву и явиться къ Нему тамъ лично; но особенныхъ послѣдствій отсюда никакихъ небыло, кромѣ развѣ того, что Г. Солнцевъ долженъ былъ лично надзирать за работами и руководить производившихъ. На этомъ-то основаніи и было присовокупленно въ донесеніи высокопр. Филарета Св. Синоду, что всѣ работы исполнены подъ личнымъ руководствомъ Г. Солнцева, а это, само собою, послужило лучшимъ огражденіемъ въ случаѣ какихъ либо послѣдствій.

Послѣ такихъ личныхъ непріятностей и душевныхъ смущеній, у многихъ, если не у всякаго, едвали ли достало бы желанія и рѣшимости предпринимать что либо изъ дѣлъ подобнаго же рода. Скорѣе можно полагать, что всякій, руководясь принятымъ правиломъ житейской мудрости, почелъ бы за лучшее уклоняться на будущее время и отъ менѣе опасныхъ случаевъ, лишь бы сохранить свое спокойствіе и, тѣмъ болѣе, не войти въ какое либо столкновеніе съ лицами вліятельными, коль скоро раздражаютъ ихъ и благія дѣла и дѣйствія. Но не такимъ правиломъ руководился высокопр. Филаретъ; онъ разсуждалъ и дѣйствовалъ, твердо вѣдая и свято исполняя слово св. Апостола: *аще бых человѣкомъ угождалъ, не бых убо былъ рабъ Христовъ*. И если когда, то въ описываемую пору его жизни, въ которую онъ уже воспринялъ на себя сугубые обѣты служенія Господу, когда уже всѣ почести и всѣ виды

на почести временнаго земнаго служенія были сокрыты имъ на себѣ подъ кровомъ смиренной схимы,—въ это, говоримъ, время тѣмъ болѣе не возможно было, чтобы онъ вступилъ въ какія либо, человѣко-угодническія для другихъ и ради своего благополучія, сдѣлки и уступки. Эту истину и самое значеніе, по отношенію къ ней, схимническаго званія, воспринятаго высокопр. Филаретомъ, мы увидимъ еще въ своемъ мѣстѣ. Теперь же продолжимъ изложеніе самыхъ фактовъ, изъ коихъ откроется, что дѣйствительно самому Промыслу Божественному угодно было избрать въ особенное орудіе такое состояніе Святителя—схимника, чтобы ревность и попеченіе его обращены были на всѣ святыни, какъ находящіяся въ Св. Чудотворной Кіево-Печерской Лаврѣ, такъ и въ самомъ городѣ Кіевѣ, и чтобы отъ сугубо-преподобныхъ рукъ его эти святыни воспріяли подобающее имъ возобновленіе и благолѣпіе. Все это такъ и совершилось, какъ увидимъ подробно и обстоятельно въ предлежащемъ сей часъ повѣствованіи.—Начнемъ съ устройства новаго иконостаса въ Великой Лаврской Соборной церкви.

Дѣло началось, какъ значится по документамъ архива, съ того, что, извѣстная своею безпримѣрною благотворительностію въ пользу св. храмовъ и обителей, покойная Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская отнеслась къ высокопр. Филарету письмомъ такого содержанія: «Высокопресвященнѣйшій Владыко! Милостивый Архипастырь! По чувству благоговѣнія моего къ Святому Соборному храму Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы въ Кіево-Печерской Лаврѣ, положила я въ сердцѣ своемъ священный обѣтъ и непремѣнное намѣреніе построить собственнымъ моимъ иждивеніемъ бронзовый иконостасъ вмѣсто теперешняго деревяннаго, отъ времени приходящаго въ ветхость. Желаніе мое есть устроить иконостасъ совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ теперь состоитъ, безъ всякаго отступленія отъ плана, фасада и рисунка онаго, съ тѣмъ притомъ, чтобы всѣ Св. Иконы оставались прежнія безъ всякой перемѣны. Построеніе иконостаса собственнымъ моимъ иждивеніемъ поручаю я Вашему Высокопреосвященству съ Духовнымъ Соборомъ Кіево-Печерскія Лавры, съ тѣмъ чтобы для устроенія онаго изъ бронзы съ позолотою

чрезъ огонь вызваны были лучшіе мастера.—Испрашивая на сіе мое намѣреніе Архипастырскаго благословенія Вашего и святыхъ молитвъ, съ глубочайшимъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.—Графиня А. А. назначила на устройство иконостаса *милліонъ* рублей ассигн.

Но такое начало дѣла было только въ смыслѣ формально-оффиціальнаго заявленія. Внутреннее же начинаніе его было иное. Вопросъ: кто возбудилъ такое чувство и усердіе въ сердцѣ жертвовательницы, и благословилъ ея обѣтъ? Отвѣтъ на это можетъ быть тотъ,—что вліяніе на Графиню въ этомъ дѣлѣ принадлежало или о. іеросхимонаху Парѳенію, какъ духовному отцу ея, или же самому высокопр. Филарету. Дѣйствительно къ первому Графиня такъ благоговѣла и усердствовала, что «однажды, какъ пишется въ жизнеописаніи о. Парѳенія, растроганная его глубокопазидательною бесѣдою, преклонивъ предъ нимъ колѣна, говорила ему: Отецъ мой, скажи мнѣ,—чѣмъ я могу тебя утѣшить? Я не пожалѣю для тебя и милліона»... (1) Могло быть, что дѣйствительно этотъ-то милліонъ и получилъ то́ назначеніе, о которомъ идетъ рѣчь. Это тѣмъ естественнѣе, если принять во вниманіе отвѣтъ, данный о. Парѳеніемъ на сдѣланное ему предложеніе. «Вотъ нашла, чѣмъ утѣшить,—отвѣчалъ онъ,—на что мнѣ этотъ навозъ?! Единое мнѣ утѣшеніе: не мѣшай мнѣ никто пребывать съ Богомъ и со Всеутѣхою моею—Пресвятою Богородицею.» (2) Естественно, говоримъ, что въ этомъ отвѣтѣ благочестивая жертвовательница какъ бы прочитала указаніе на то́, куда ей употребить предложенное—было въ личное утѣшеніе старцу; вмѣсто сего утѣшенія она и принесла обѣщанную сумму въ жертву во имя и славу Той, Которую онъ именовалъ *Всеутѣхою*.—Что́ же касается личныхъ отношеній Графини къ высокопр. Филарету, то сколько извѣстно, отношенія эти были не менѣе глубоки и благоговѣйны, какъ и къ о. Парѳенію, столько же, вѣрнѣе сказать, едва ли и

(1) Смотр. сказаніе о жизни о іеросхимонаха Парѳенія. Стран. 49—50.

(2) Тамъ же.

можно было отдѣлять и различать въ чемъ нибудь эти отношенія къ тому и другому, когда у нихъ, не обинуясь можно сказать, *бѣ сердце и душа едина*. Во всякомъ разѣ желаніе Графини не могло не быть предварительно извѣстно высокопр, Филарету, какъ Архипастырю и Настоятелю Лавры. Мало сего,—въ вышеприведенномъ письмѣ своемъ Графиня прямо выразила, что «построеніе иконостаса собственнымъ ея иждивеніемъ поручала лично Его Высокопреосвященству съ Духовнымъ Соборомъ Лавры,» слѣдовательно уполномочивала его во всемъ.

Впрочемъ, говоря все это, мы вовсе не имѣемъ въ виду выставлять собственно личное участіе и вліяніе того, или другаго лица, и тѣмъ вписывать имъ особенную честь и заслугу Напротивъ, признавая съ одной стороны всю дѣйствительность и умѣстность сего участія и вліянія, въ то же время мы хотимъ представить въ этомъ фактѣ живое свидѣтельство противъ того, не мало распространеннаго въ свое время, мнѣнія, что будто бы блаженной памяти Графиня со всѣмъ ея огромнѣйшимъ богатствомъ была именно жертвою чрезмѣрныхъ на нее вліяній подобнаго рода. Какъ о. іеросхимонахъ Парѳеній отвергнулъ предлагаемый ему милліонъ съ личнымъ даже укореніемъ предлагавшей, такъ и высокопр. Филаретъ не сомнѣнно поступилъ бы не иначе, еслибы дѣло относилось къ нему собственно, ибо какъ первый назвалъ деньги *навозомъ*, такъ и послѣдній назвалъ ихъ *червями*... о чемъ увидимъ въ собственноручной его запискѣ, оставленной въ его шкатулкѣ Наконецъ увидимъ ниже и то, какъ онъ отвергнулъ предложеніе огромной суммы той же Графини А. А. на устройство водопровода изъ Днѣпра въ Лавру.—Если же въ Бозѣ почившій принялъ теперь, жертвуемую Графинею, сумму, то во первыхъ потому, что она жертвовала по священному обѣту и на такой предметъ, въ которомъ онъ сознавалъ благопотребность, а во вторыхъ отнюдь не приписывая здѣсь ничего ни своему ни чьему либо человѣческому вліянію, а относя прямо къ дѣйствію Самого Божественнаго Промысла, какъ и выразился онъ буквально въ своемъ донесеніи Св. Синоду. Здѣсь онъ видѣлъ и исповѣдывалъ не что иное, какъ тоже самое, что́ совершалось во дни о́ны, когда на первоначальное

устроеніе и украшеніе сего *небеси подобнаго* и Чудотворнаго храма явились всѣ матеріальныя средства не силою и дѣйствіемъ человѣческими, а изволеніемъ и дивнымъ устроеніемъ Самой Той, во имя и честь Коей храмъ сей долженъ былъ воздвигнуться и быть такъ благолѣпно украшеннымъ.— Въ донесеніи своемъ Св. Синоду высокопр. Филаретъ выразился, между прочимъ, буквально такъ: «Святая Кіево-Печерская Лавра пріемлетъ сіе богоугодное намѣреніе благочестивой жертвовательницы *залогомъ благословенія* Божіей Матери къ Ея святому Дому и пр.» Въ другомъ же случаѣ, когда таже самая Графиня, какъ сказано выше, предлагала было свои услуги и средства на то, чтобы сдѣлать водопроводъ изъ Днѣпра въ Лавру и устроить фонтаны въ разныхъ мѣстахъ для облегченія добыванія воды для братіи,— то высокопр. Филаретъ, тогда же, отклонивъ Графиню отъ ея намѣренія и усердія, сказалъ, что Св. Преподобный Ѳеодосій самъ носилъ на своихъ плечахъ и не для себя только, а и для другихъ воду,—а потому и намъ не нужны ни водопроводы, ни никакіе фонтаны... Вѣдь фонтаны то орошаютъ, освѣжаютъ и услаждаютъ плоть, а намъ потребны для души такіе же фонтаны слезные и потовые отъ трудовъ во изнуреніе плоти, дабы послѣдняя не была госпожей надъ нами, а рабыней покорной на служеніе душевному спасенію.»

Принявъ предложенную жертву отъ Графини Анны Алексѣевны, высокопр. Филаретъ далъ на подлинномъ письмѣ ея такую резолюцію (отъ 4 Сентября 1845 г.). «Изготовить въ Св. Синодъ доношеніе съ приложеніемъ копіи съ сего письма, а подлинное хранить Духовному Собору Лавры въ ризницѣ.» Доношеніе это, (1) изготовленное имъ самимъ, было слѣдующаго содержанія: «Устроенный въ 1720 г. послѣ пожара, иконостасъ Соборной Божія Матери церкви въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ теченіе свыше ста двадцати лѣтъ отъ времени, приходитъ въ ветхость, какъ составленный изъ дерева.—Позолота и рѣзьба онаго хотя и возобновлены были въ 1810 и 1811 годахъ, но очень потемнѣли отъ великаго

(1) Отъ 8 Сентября 1845 г. за № 3469-мъ.

стеченія народа и отъ множества горящихъ свѣчъ. Для возобновленія иконостаса позолотою и рѣзьбою потребовалась бы значительная сумма, но за всѣмъ тѣмъ, какъ деревянный, онъ не обѣщаетъ долговременной прочности, а притомъ и опять можетъ подвергнуться разрушительному дѣйствію огня.

«Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Фрейлина, Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, движимая благочестивымъ усердіемъ къ Дому Божіей Матери, изъявила мнѣ письменно непремѣнное желаніе свое, собственнымъ своимъ иждивеніемъ построить вмѣсто деревяннаго бронзовый иконостасъ съ позолотою чрезъ огонь совершенно въ томъ же великолѣпномъ видѣ безъ всякаго измѣненія, въ какомъ теперь состоитъ, съ тѣмъ притомъ, чтобы и святыя иконы оставались въ прежнемъ видѣ безъ всякой перемѣны.

«Святая Кіево-Печерскія Лавра, хранительница отечественной святыни, пріемля сіе богоугодное намѣреніе благочестивой Графини Орловой-Чесменской *залогомъ благословенія Божіей Матери къ Ея Святому Дому*, молитъ Господа Бога, да совершитъ Онъ Промысломъ Своимъ сіе богоугодное дѣло. Построеніе изъ бронзы съ позолотою чрезъ огонь иконостаса упрочитъ существованіе онаго въ прежнемъ великолѣпномъ видѣ на многія столѣтія.

«Донося о семъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, съ приложеніемъ копіи съ отношенія ко мнѣ Графини Орловой-Чесменской, смиреннѣйше прошу на сіе богоугодное дѣло испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.»

Казалось бы, судя по такому началу и ходу дѣла, ничего не оставалось ожидать, какъ благопріятнаго разрѣшенія и скораго начинанія работъ и безпрепятственнаго ихъ совершенія. Но всякому легко можетъ представиться противное изъ одного напр. уже того факта, что отвѣтный указъ на доношеніе высокопр. Филарета (отъ 8 Сентября 1845 г.) послѣдовалъ изъ Св. Синода не ранѣе, какъ отъ 2 Октября 1846 г.—слѣдовательно болѣе, чѣмъ черезъ годъ, а къ самымъ работамъ приступлено было лишь въ Маѣ 1848 г... Что же было причиною такой медлительности? Въ содержаніи самаго указа трудно прямо указать на что

нибудь такое, что́ требовало бы столь продолжительнаго времени для разсужденія и какихъ либо многосложныхъ соображеній. Св. Синодъ сказаннымъ указомъ далъ знать высокопр. Филарету только слѣдущее,—«что, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Г. Оберъ-Прокурора Государю Императору, Его Величеству благоугодно было отозваться, что какъ нынѣшній иконостасъ устроенъ не въ древности и не соотвѣтствуетъ стилю храма, то, если Графиня Анна Алексѣевна непремѣнно желаетъ устроить иконостасъ, для сего необходимо будетъ поручить Архитектору Тону сочиненіе проэкта, который бы вполнѣ согласенъ былъ съ византійскимъ зодчествомъ сей древней Церкви.»—Но если трудно указать на причину медлительности въ самомъ существѣ дѣла, то безъ труда открывается она изъ обстоятельствъ другаго дѣла, о которомъ мы уже предупомянули отчасти, и которое, какъ разъ, совпало, по времени и по сходству въ содержаніи, съ настоящимъ, и отъ котораго произошли столкновенія между Главнымъ Начальникомъ края и высокопр. Филаретомъ. Мы разумѣемъ здѣсь дѣло о сооруженіи памятника Св. Равноапостольному Князю Владиміру. Будемъ же имѣть эти обстоятельства пока только въ виду, и продолжимъ повѣствованіе о начатомъ дѣлѣ.

Не станемъ останавливаться на томъ, что́ всякому изъ читателей можетъ представиться очевиднымъ, а именно. Не оказывается ли въ сказанномъ указѣ, что въ чемъ прежде обвиняемъ былъ высокопр. Филаретъ, то́ самое теперь принимается въ обратномъ видѣ и значеніи. Когда начато было исправленіе и возобновленіе прежней иконописи на стѣнахъ, написанной послѣ пожара 1718 г., тогда возстали за нарушеніе и уничтоженіе древности; а когда теперь положено устроить иконостасъ въ томъ же самомъ не измѣненномъ видѣ, въ какомъ онъ устроенъ былъ послѣ того же пожара 1718 г.,—то иконостасъ этотъ признанъ не соотвѣтствующимъ, такъ что изъ-за этого остановлено дѣло и могло быть даже и вовсе оставлено безъ исполненія въ томъ случаѣ, если бы жертвовательница по чему либо могла принять, предложенное ей, распоряженіе за ограниченіе ея желанія и усердія.—Въ тоже время замѣтимъ, что когда, составленный Г. Топомъ, проэктъ, хотя уже и одобренный

Государемъ Императоромъ, оказался не исполнимымъ на дѣлѣ,—то разрѣшено было построить въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ прежній иконостасъ,—слѣдовательно этотъ послѣдній опять оказался уже соотвѣтствующимъ византійскому стилю.—Все это, говоримъ, очевидно для всякаго. Но главное дѣло въ томъ, что благоговѣйное чувство и священный обѣтъ жертвовательницы устроить не иной иконостасъ, какъ бронзовый, и самое ходатайство высокопр. Филарета, вполнѣ признававшаго необходимость и полезность устройства иконостаса именно бронзоваго, остались не удовлетворенными. Сей часъ увидимъ, что разрѣшено было устроить по прежнему деревянный. Дѣло было такъ:

Когда, составленный Г. Тономъ, планъ Государь Императоръ удостоилъ своимъ одобреніемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣть соизволилъ, чтобы планъ сей предварительно былъ препровожденъ на разсмотреніе Св. Синода въ томъ отношеніи: «согласенъ ли онъ съ правилами и существующимъ порядкомъ?»—Св. Синодъ опредѣлилъ: «препроводивъ, составленный Г. Тономъ, планъ къ преосвященному Митрополиту Кіевскому Филарету, предписать: сообразивъ сей планъ съ мѣстностію церкви и размѣрами существующаго иконостаса, представить, за тѣмъ, Св. Синоду соображенія относительно приведенія того плана въ исполненіе, приложивъ, снятый съ натуры, рисунокъ существующаго иконостаса, и возвративъ препровождаемый планъ».—Высокопр. Филаретъ на семъ указѣ далъ резолюцію: «Духовный Соборъ Лавры имѣетъ поручить епархіальному архитектору Г. Спарро сообразить, прилагаемый при семъ, планъ иконостаса съ мѣстностію Великой Церкви и размѣрами существующаго иконостаса и, снявъ съ натуры рисунокъ, представить мнѣ обстоятельное по сему донесеніе».

Архитекторъ Спарро нашелъ неудобства къ приведенію въ исполненіе плана, составленнаго Г. Тономъ въ разныхъ отношеніяхъ,—а главное то, что 1, фундаментъ для новаго бронзоваго иконостаса будетъ весьма малымъ, и слѣдуетъ сдѣлать новый гораздо глубже, а назади иконостаса нужно будетъ выгнать новую каменную стѣну до половины арки; при устройствѣ же новаго иконостаса будутъ препятствовать гробницы древнихъ архимандритовъ и братіи,

открытыя имъ при испытаніи фундамента, которыя нужно будетъ тронуть съ мѣста. 2, Боковыя верхнія части иконостаса по размѣру, показанному на чертежѣ, не могутъ въ прямомъ положеніи быть поставлены въ Соборѣ, потому что сводъ, находящійся между подкупольными столбами и хорами, тому препятствуетъ, а придется ихъ наклонить сильно впередъ, что̀ можетъ обезобразить общую форму иконостаса и пр.

Высокопр. Филаретъ, не зависимо отъ сего сказаннаго порученія Архитектору, и самъ лично со всѣмъ искреннѣйшимъ участіемъ и вниманіемъ изслѣдовавши дѣло, и, главное, совершенно понимая, къ чему клонится исходъ его,—сколь ни тяжело было для его сердца и для благочестиваго усердія и обѣта жертвователь̀ницы,—предрѣшилъ произвести все дѣло иначе, на что предрасположилъ, конечно, и самую жертвователь̀ницу, имѣя въ виду по крайней мѣрѣ то̀, что прекратится проволочка времени и великая Соборная Церковь благоукрасится если не бронзовымъ, то соотвѣтствующимъ ея благолѣпію новымъ деревяннымъ иконостасомъ. Потому, въ слѣдствіе указа, препровождая все требованное отъ него и прилагая донесеніе мѣстнаго епархіальнаго Архитектора, онъ писалъ Св. Синоду, между прочимъ, слѣдующее.—(Донесеніе это составлено было имъ собственноручно) «Разсмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ донесеніе епархіальнаго Архитектора, я нахожу съ своей стороны важное препятствіе къ приведенію въ исполненіе, составленнаго Г. Тономъ, плана иконостаса въ томъ, что для сдѣланія новаго фундамента подъ иконостасомъ и устроенія каменной стѣны и для надлежащей высушки оной необходимо будетъ прекратить на долгое время Богослуженіе въ Соборной Церкви Успенія Божіей Матери, въ которую безпрерывно стекается множество богомольцевъ изъ всѣхъ странъ Россіи. Сіе можетъ подать поводъ къ охлажденію ихъ благочестиваго усердія къ особенной святынѣ сей Церкви, въ которой никогда Богослуженіе не прекращается. За тѣмъ сказавъ о прочемъ, въ согласность съ донесеніемъ архитекторскимъ, онъ, въ заключеніе своего представленія Св. Синоду, опять выразилъ туже мысль и просьбу, дабы возобновить иконостасъ въ теперешнемъ его видѣ, къ которо-

му *издавна многочисленные богомольцы* привыкли благоговѣть, какъ къ святынѣ».

Св. Синодъ утвердилъ во всемъ представленіе высокопр. Филарета и, по воспослѣдовавшемъ на сіе Высочайшемъ соизволеніи, предписалъ указомъ приступить къ устройству новаго деревяннаго иконостаса въ существующемъ видѣ по благочестивому усердію Графини А. А. Орловой. Высокопр. Филаретъ, отвѣчая на это, репортовалъ Св. Синоду, что дѣло имѣетъ быть начато въ свое время, и съ тѣмъ вмѣстѣ донесъ, что Графиня Анна Алексѣевна, не смотря на то, что ея благочестивое усердіе не осуществилось, пожертвовала навсегда въ неотъемлемую собственность Кіево-Печерской Лавры, внесенный ею еще прежде (отъ 10-го Декабря 1845 г.) въ Государственный банкъ, капиталъ въ количествѣ милліона руб. асс. (285,715 р. сер.) съ учиненнымъ ею распредѣленіемъ процентовъ съ онаго на разныя церковныя потребности. При семъ донесеніи препровождена была и копія съ самаго отношенія жертвовательницы по этому предмету. За тѣмъ на накопившуюся уже, въ достаточномъ количествѣ, съ сказаннаго капитала процентную сумму высокопр. Филаретъ распорядился приготовлять все потребное къ работамъ и приступить къ сооруженію ихъ. Въ этомъ послѣднемъ распоряженіи, выраженномъ въ предложеніи Духовному Собору, замѣчательно, между прочимъ, то́, что работы должны были производиться по возможности лицами, служащими въ Лаврѣ,—послушниками и испытанными въ честности жизни служителями. Само собою, здѣсь могло имѣться въ виду и сокращеніе излишнихъ расходовъ; но главнѣйшимъ образомъ, какъ буквально выражено въ предложеніи, это распоряженіе сдѣлано было «*для соблюденія благочинія въ святой Великой Чудотворной церкви*», такъ что, если придется и нанимать,—сказано въ предложеніи,—постороннихъ мастеровъ, то не иначе, какъ по избранію и представленію главнаго распорядителя работъ, начальника лаврскихъ иконописцевъ іеромонаха Иринарха, (того самаго, который прежде производилъ работы по части стѣнной иконописи въ сей же церкви). Наконецъ въ этомъ же распоряженіи сказано, чтобы производство работъ было устроено и ведено такъ, чтобы

Богослуженіе въ Великой Церкви совершаемо было ежедневно безъ препятствія. Что́ здѣсь замѣчательно,—понятно всякому,—это неизмѣнная вѣрность высокопр. Филарета одному и единственному духовно-религіозному началу и духу святоотечественности даже въ такихъ дѣйствіяхъ, гдѣ, по видимому, менѣе всего это возможно. Въ самомъ дѣлѣ, при вниканіи въ сказанное распоряженіе, въ самыя даже выраженія его, кто не видитъ и не чувствуетъ, какъ живо отражается здѣсь какъ бы вся исторія первоначальнаго сооруженія сей Великой Чудотворной *небеси подобной* Церкви?! Довольно представить, кто и каковы были первоначальные строители ея, и каковы были, значитъ, чувствованія и все настроеніе ихъ!... А въ то же время достаточно принять во вниманіе,—какъ, между прочимъ, и кѣмъ совершаются нынѣ подобныя сооруженія, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить всю силу и значеніе разсматриваемыхъ распоряженій, какъ проявленія духа ревности,—*да не коснется къ сему Чудотворному храму, какъ древнему Киоту святыни, рука не подобающихъ дѣлателей* и да не огласятся своды и стѣны его какимъ-либо не приличнымъ гласомъ, или гнилымъ словомъ. Потому-то, когда воспослѣдовало отъ Св. Синода разрѣшеніе въ совершенную согласность распоряженіямъ высокопр. Филарета, послѣдній умирился духомъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ этому дѣлу, тогда какъ на оборотъ новыя *скорби* въ тоже самое время были для него по другому дѣлу—по сооруженію памятника Св. Благовѣрному Равноапостольному Князю Владиміру, а наконецъ, вскорѣ затѣмъ, и по проэкту о сооруженіи храма сему Просвѣтителю Россіи христіанскою Вѣрою.

ГЛАВА XV.

«Аще и не возмогълъ еси (достигнуть извѣстной благой цѣли), обаче явивъ крѣпость духа въ безтрепетномъ возвѣщеніи дѣла и истины, оставилъ еси вѣкомъ примѣръ святой ревности, съ яковою глаголалъ еси истину предъ Царемъ». (1)

Мысль о сооруженіи въ Кіевѣ памятника Св. Равноапостольному Великому Князю Владиміру, какъ значится въ дѣлѣ, (2) зародилась еще давно, именно въ 1832 г., и хотя была одобряема и Самимъ Государемъ Императоромъ, но осталась почему-то въ одномъ только предположеніи. Въ бытность же свою въ С.-Петербургѣ въ половинѣ 1842 г.,

(1) Слова изъ послѣдующаго повѣствованія.

(2) Всю переписку по этому дѣлу я имѣлъ подъ руками въ Канцеляріи г. Кіевскаго Генералъ-Губернатора г. Безака, въ бытность мою въ Кіевѣ для собиранія біографическихъ матеріаловъ въ 1867 г. Все настоящее изложеніе дѣла есть самое точное извлеченіе изъ подлинныхъ документовъ. (Дѣло по хозяйственной части, № 317 по архивной описи. Началось 2 Іюля 1842 года, кончилось 31 Марта 1851 г.). Добыть эти документы въ Канцеляріи Генералъ-Губернаторской намъ стоило особенныхъ трудовъ по той причинѣ, что въ эту пору между высокопр. Митрополитомъ Арсеніемъ и Ген.-Губернаторомъ Безакомъ были тоже весьма серьезныя личныя и оффиціальныя столкновенія.—Самъ Владыка Арсеній никакъ не надѣялся и потому отказалъ мнѣ на отрѣзъ въ своемъ посредничествѣ по этому дѣлу... Только случайное, при посредствѣ Ѳ. Г. Солнцева, мое личное знакомство съ NN чиновникомъ въ вѣдомствѣ г. Генералъ-Губернатора помогло мнѣ воспользоваться указываемымъ матеріаломъ, на что, впрочемъ, и самъ Генералъ-Губернаторъ г. Безакъ, при личномъ моемъ къ нему обращеніи, изъявилъ совершенное согласіе.

(когда, замѣтимъ, только что выбылъ изъ Петербурга на всегда высокопр. Филаретъ), тогдашній Кіевскій Генералъ-Губернаторъ г. Бибиковъ вдругъ отнесся къ Министру Императорскаго Двора Свѣтлѣйшему Князю Волконскому письмомъ такого содержанія: «Нынѣ, когда уничтоженіе Уніи и католическаго преобладанія, введеніе Русскихъ законовъ, Русскаго языка, преобразованіе учебныхъ заведеній обратили Западный край къ Святому Православію и Русской жизни, казалось бы весьма приличнымъ ознаменовать эту замѣчательную эпоху царствованія Его Императорскаго Величества сооруженіемъ монумента Великому Просвѣтителю Россіи». При этомъ присовокупилъ г. Бибиковъ, что Государь Императоръ, одобряя такое предположеніе, Высочайше повелѣть соизволилъ представить о семъ Вашей Свѣтлости для открытія въ Академіи художествъ конкурренціи на составленіе проэкта сказаннаго монумента.—Дѣло получило ходъ; проэктъ былъ составленъ г. Тономъ и Государемъ Императоромъ былъ одобренъ. Но, предварительно Государь, Императоръ Высочайше повелѣлъ сообразить: не слишкомъ ли дорого будетъ стоить отдѣлка горы, на которой предположено поставить памятникъ?—

Пока дѣло такъ шло въ теченіе трехъ лѣтъ, вдругъ Г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сунода Графъ Протасовъ сообщилъ конфиденціальнымъ письмомъ на имя Димитрія Гавриловича Бибикова, отъ 21 Сентября 1845 г., слѣдующее.—«Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ препроводилъ ко мнѣ по Высочайшей волѣ, для внесенія въ Св. Сунодъ на разсмотрѣніе, полученное имъ отъ Митрополита Кіевскаго, (при семъ конфиденціально сообщаемое въ выпискѣ), письмо. (Письмо это приведемъ мы ниже въ подлинникѣ). При этомъ Графъ Протасовъ просилъ доставить ему рисунокъ памятника и сообщить ему по этому предмету соображенія.—

Г. Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ не замедлилъ отвѣтомъ на это. Отъ 16-го Октября онъ писалъ: «Памятникъ въ ознаменованіе великаго событія крещенія Русскаго народа надъ мѣстомъ, прославленнымъ симъ дѣйствіемъ Благодати Божіей, предположено устроить въ видѣ часовни съ изваяніемъ на верху оной изображенія Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. Блистательную эпоху просвѣщенія Россіи

свѣтомъ Христіанства, мнѣ кажется, весьма прилично и достойно ознаменовать памятникомъ виновнику сего событія, давшему Россіи новую жизнь и силу. Сооруженіе сего монумента никогда не было приличнѣе, какъ въ настоящее благословенное царствованіе, когда по волѣ Всемилостивѣйшаго Государя Императора уничтоженіе уніи и католическаго преобладанія, введеніе въ краѣ Русскихъ законовъ, Русскаго языка, Русскаго просвѣщенія *освѣтили* (такъ въ подлинникѣ) вновь Западный край свѣтомъ Православія и Русской жизни. Собственно же на счетъ изваянія честь имѣю присовокупить, что если можно было изваяніями Апостоловъ, Ангеловъ и Воскресенія Спасителя украсить Казанскій и Исакіевскій соборы, то нѣтъ, кажется, препятствія украсить подобнымъ же изваяніемъ, сооружаемую въ память крещенія Русскаго народа, часовню. Къ тому же проэктъ сего сооруженія Высочайше утвержденъ».—

Посмотримъ теперь на самое письмо, писанное высокопр. Филаретомъ, противъ котораго отвѣчалъ такою автоапологіею Г. Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ. Вотъ подлинное содержаніе этого письма, посланнаго на имя Генералъ-Адъютанта Графа Орлова отъ 18 Августа 1845 г.

«Недавно случилось мнѣ видѣть рисунокъ памятника, сооружаемаго въ Кіевѣ Св. Равноапостольному Князю Владиміру. По рисунку предполагается на верху памятника поставить во весь ростъ статую Св. Владиміра съ Крестомъ въ рукахъ.

«Православною Церковію нашею, съ самыхъ древнихъ временъ до селѣ, не принято воздвигать таковые памятники Святымъ внѣ храмовъ Божіихъ, безъ сомнѣнія, по весьма важнымъ причинамъ. По сему и нѣтъ въ Уставѣ церковномъ чиноположенія на заложеніе и освященіе оныхъ.

«По духу Вѣры Православной и по древнему благочестивому обычаю въ память Святыхъ сооружаются храмы, посвящаемые ихъ имени, въ которыхъ вѣрующіе испрашиваютъ ихъ ходатайства предъ Богомъ.

«Такъ блаженной памяти Императрицею Елизаветою Петровною сооруженъ въ Кіевѣ храмъ во имя Св. Апостола Андрея Первозваннаго на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ водруженъ былъ св. крестъ. Во имя св. Великой Княгини Ольги недавно освященъ мною каменнаго зданія храмъ, сооруженный

усердіемъ доброхотныхъ дателей. Св. Равноапостольному Князю Владиміру доселѣ нѣтъ въ Кіевѣ приличнаго храма. Построенная же давно во имя его, деревянная церковь клонится къ разрушенію.

«По долгу званія моего сообщая о семъ Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу доложить Государю Императору, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, въ память достославнаго царствованія Его, ознаменованнаго благословенными успѣхами Православія, повелѣть соорудить въ Кіевѣ соборный храмъ во имя Св. Владиміра, какъ монументъ достойный Равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи Православною Вѣрою».

Чтобы понять сразу всю силу и значеніе настоящаго дѣла, послужившаго, между прочимъ, и весьма много, причиною и поводомъ къ разнымъ непріятностямъ и препятствіямъ въ предпріятіяхъ высокопр. Филарета по части возобновленія сначала стѣнной иконописи, а потомъ иконостаса въ Лаврской Соборной церкви, достаточно только принять во вниманіе самыя цифры времени. Совпаденіе дѣлъ по времени особенно очевидно въ послѣднемъ случаѣ. Высокопр. Филаретъ сдѣлалъ самое первое представленіе о постройкѣ бронзоваго иконостаса, какъ мы видѣли, отъ 8 Сентября 1845 г., а сей часъ изложенное письмо относительно памятника Св. Владиміру послано имъ отъ 18 Августа того же года. Не трудно понять, кому угодно, съ перваго же раза, чего слѣдовало ожидать для хода дѣла, представленнаго послѣ только-что посланнаго письма, заключавшаго явный своего рода протестъ противъ такого дѣла, въ которомъ очевидно принято было такое сочувственное участіе со стороны самого напр. Г. Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода, и проэктъ котораго былъ уже одобренъ Самимъ Государемъ Императоромъ. Сверхъ сего нужно не забывать и того, что и прежде бывшія отношенія и дѣйствія со стороны тѣхъ же лицъ, теперь снова затронутыхъ, едва,—или вѣрнѣе—едва-ли еще измѣнились вполнѣ на благопріятныя для высокопр. Филарета. Потому-то невольно является здѣсь мысль, которую намъ и приводилось слышать отъ нѣкоторыхъ, принимавшихъ серьезное участіе въ разсужденіи этого дѣла,—мысль такая: «не было ли здѣсь доли неосторожности со стороны

высокопр. Филарета. Зачѣмъ было, не въ пору и не въ мѣру, растравлять прежнія болячки и порождать новыя?. Съ другой стороны не проявилось ли въ немъ самомъ здѣсь нѣчто въ родѣ, такъ называемой, ревности не по разуму, когда онъ вступился въ дѣло, по видимому какъ бы стороннее, или во всякомъ разѣ веденное помимо его,—и притомъ вступился тогда, когда видимо было уже поздно?!. Если же онъ хотѣлъ исполнить здѣсь свой долгъ, то, само собою, долженъ былъ бы заявить свой протестъ въ свое время при первомъ начинаніи дѣла, заявленномъ, какъ мы видѣли, еще въ Іюнѣ 1842 г.»

Правда, что своимъ заявленіемъ противъ сооруженія памятника и, особливо, вышеприведеннымъ письмомъ высокопр. Филаретъ, естественно, какъ говорится, задѣлъ личности и, судя по самому времени, съ одной стороны возбудилъ противъ себя еще не совсѣмъ умирившіяся прежнія отношенія, а съ другой вызвалъ препятствія къ только-что́ начинаемому имъ самимъ дѣлу о возобновленіи иконостаса. Но понятно, что все зависѣло здѣсь не отъ случайныхъ причинъ и условій, а заключалось въ сущности самаго дѣла, въ предметѣ его, а также и въ духѣ и образѣ его веденія. А въ этомъ отношеніи всѣ данныя, и de jure и de facto и по самому личному состоянію высокопр. Филарета, несомнѣнно, были на его сторонѣ, такъ что онъ тогда бы подлежалъ обвиненію, когда бы остался безмолвнымъ. Такъ, никто не станетъ отрицать, что со стороны виновника этого дѣла начато и ведено было оно не согласно съ законными правилами и установленнымъ порядкомъ, не говоря уже о томъ, что здѣсь скрывались и другія стороны и условія, какими начавшій дѣло успѣлъ воспользоваться. Мы разумѣемъ то́, о чемъ замѣтили уже прежде, т. е. Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ началъ дѣло именно тогда, когда только-что высокопр. Филаретъ уволился на всегда отъ личнаго присутствованія въ Св. Сунодѣ и выбылъ изъ столицы, подъ вліяніемъ, извѣстныхъ не благопріятныхъ для него, обстоятельствъ и отношеній. Не законность эта очевидна уже изъ того, что въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ высокопр. Филаретъ, какъ мѣстный епархіальный Начальникъ, оставался въ совершенномъ невѣдѣніи, въ смыслѣ формальнаго сообщенія, о совершив-

шемся дѣлѣ, предметъ котораго, по прямому значенію своему, очевидно, относился къ его вѣдомству и власти. Самыя начальныя слова въ письмѣ высокопр. Филарета—«Недавно случилось мнѣ видѣть рисунокъ памятника, сооружаемаго въ Кіевѣ Св. Равноапостольному Князю Владиміру» слишкомъ выразительны, чтобы не уразумѣть и не восчувствовать въ нихъ всей силы голоса правды и истины и святительской ревности, само собою, вопіявшихъ противъ нарушенія долга и правъ, принадлежавшихъ ему, какъ мѣстному епархіальному Начальнику. Допустить здѣсь, какъ исключеніе, то, что дѣло-де началось и совершилось въ сферѣ высшихъ лицъ, болѣе чѣмъ не позволительно. Въ высшихъ сферахъ тѣмъ болѣе потребна и умѣстна всякая вѣрность и точность въ разсматриваемомъ отношеніи, чтобы служить образцомъ для низшихъ. При видѣ же такого произвольнаго нарушенія законнаго порядка, высокопреосвящ. Филарету приводилось бы стать лишь на степень невольнаго нарушителя, и, притомъ, въ смыслѣ раболѣпства и человѣко-угодничества, такъ явныхъ на взглядъ всѣхъ его подчиненныхъ.

Впрочемъ изъ самаго письма очевидно, что высокопр. Филаретъ дѣлалъ заявленіе собственно противъ рисунка памятника, какъ не согласнаго съ духомъ и преданіемъ Православной Церкви. А что на его сторонѣ была и всегда останется истина, это излишне и объяснять... Иначе ужели должно согласиться, что, изложенное въ письмѣ Г. Генералъ-Губернатора въ отвѣтъ на письмо Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, объясненіе, гдѣ онъ указываетъ на изваянія Св. Апостоловъ и пр. въ Соборахъ Казанскомъ и Исаакіевскомъ, въ конецъ опровергло голосъ истины, заявленный маститымъ Первосвятителемъ Русской Церкви и Членомъ Св. Синода?.. Всякій видитъ, что это объясненіе слишкомъ обличаетъ само себя въ своей несостоятельности даже въ простомъ логическомъ смыслѣ и въ обыкновенномъ пониманіи дѣла. Болѣе, чѣмъ несомнѣнно, что высокопр. Филаретъ зналъ про эти изваянія и имѣлъ ихъ въ виду, а потому выразился въ письмѣ такъ, а не иначе, т. е. «Православною Церковію нашею съ самыхъ древнихъ временъ доселѣ не принято воздвигать таковые памятники Святымъ *внѣ*

храмовъ Божіихъ,—почему и нѣтъ въ Уставѣ церковномъ чиноположенія на заложеніе и освященіе оныхъ.» Ясно, что изваянія въ Соборахъ Казанскомъ и Исаакіевскомъ *не вни храмовъ*, *не отдѣльно отъ нихъ*, (какъ напр. памятники, стоящіе при Казанскомъ Соборѣ, Кутузову и Барклаю), а относятся къ нимъ какъ части къ цѣлому, какъ украшенія храмовъ священными изображеніями; а сооруженіе памятника Св. Князю Владиміру совершенно на отдѣльномъ одинокомъ, вдали отъ храмовъ, мѣстѣ—дѣло со всѣмъ иное, Наконецъ хотя Г. Генералъ-Губернаторъ старался подвести дѣло подъ характеръ и значеніе религіозно—церковное, а потому въ объяснительномъ письмѣ своемъ вмѣсто прежняго термина «монументъ» употребилъ теперь названіе «часовни»; но какъ по рисунку такъ и въ натурѣ видитъ всякій, что здѣсь часовеннаго ничего не бывало; нижняя часть памятника, на которой стоитъ изваяніе, въ огромный ростъ, Св. Князя Владиміра съ крестомъ въ рукахъ, есть ни болѣе, ни мѣніе, какъ пьедесталъ. А потому высокопреосв. Филаретъ совершенно справедливо въ письмѣ своемъ назвалъ это изваяніе *статуею*. Мало сего, какъ не сомнѣнно извѣстно, высокопр. Филаретъ, прежде чѣмъ увидѣлъ при упомянутомъ имъ случаѣ самый рисунокъ, а слышалъ только объ немъ стороною по разсказамъ, онъ, не обинуясь, выражался такими словами: «Св. Равноапостольный Князь Владиміръ разрушалъ идоловъ, и воздвигалъ св. храмы, а въ честь его хотятъ воздвигнуть статую—почти что-то идолообразное же... Кто же будетъ освящать такое сооруженіе?!. По крайней мѣрѣ, я не соглашусь во вѣки»... Замѣтимъ, что онъ сдержалъ это свое, исполненное правды и ревности, слово, такъ что памятникъ, строго говоря, остался навсегда безъ освященія. Можно почесть за освященіе его развѣ только то, что со времени учрежденія торжественнаго крестнаго хода 15 Іюля (съ 1860 г.) церковная процесія, между прочимъ, совершаетъ свое шествіе около этого памятника съ отправленіемъ на этомъ мѣстѣ краткой литіи.

Наконецъ, при разсужденіи объ этомъ дѣлѣ, нужно не забывать и того, что если памятникъ воздвигался въ ознаменованіе особенной эпохи, предметъ и значеніе которой, главнѣйшимъ образомъ, составляло возсоединеніе Уніятовъ и

уничтоженіе католическаго преобладанія, какъ выразился самъ виновникъ этого начинанія, то здѣсь-то и требовалась особенная осторожность, чтобы памятникомъ такого рода и характера, каковъ былъ проэктированный, не показать противнаго. Памятникъ своею статуеобразную формою, очевидно, подходилъ болѣе подъ характеръ и духъ католицизма, чѣмъ Православія... При одной же этой мысли, кто не согласится, кому болѣе близко и дорого было значеніе и ознаменованіе достойнымъ памятникомъ такой эпохи—высокопр. Филарету, бывшему главному участнику возсоединенія Уніятовъ, или Г. Генералъ-Губернатору?! Послѣдній, не вѣрнѣе ли и скорѣе, былъ здѣсь уловленъ и увлеченъ въ искусно разставленныя сѣти другими дѣятелями, питавшими извѣстныя чувства и отношенія какъ къ совершившемуся возсоединенію и уничтоженію католическаго преобладанія въ Кіевскомъ краѣ, такъ въ отдѣльности и къ лицу высокопр. Филарета,—о чемъ мы уже знаемъ изъ прежнихъ фактовъ. Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ, можетъ быть, и не замѣчалъ и даже вовсе не подозрѣвалъ этого, а увѣренъ былъ, что дѣйствуетъ съ истинно-благими намѣреніями;—но со стороны было виднѣе и понятнѣе, и тѣмъ болѣе высокопр. Филарету. Потому-то послѣдній и рѣшился употребить, какъ послѣднюю, зависящую отъ него, мѣру—написать сказанное письмо въ чаяніи, не воспослѣдуетъ ли замѣны памятника другимъ достойнѣйшимъ памятникомъ—сооруженіемъ Соборнаго храма во имя Св. Князя Владиміра. Дѣйствуя въ этихъ именно чувствахъ и видахъ, высокопр. Филаретъ, само собою, не наносилъ никакихъ личныхъ непріятностей Г. Бибикову, а пользуясь его чувствами ревности на пользу Церкви и Отечества, желалъ дать имъ осуществленіе болѣе благое и истинное.—Къ этому же призывало его все—и долгъ, и званіе, и чувство, свойственной ему, святительской ревности, о которой достойно и праведно засвидѣтельствовать словами изъ священноцерковной службы въ честь одного изъ Богопрославленныхъ нашихъ Русскихъ же Святителей, ревнителей по правдѣ: «*Аще и не возмогль еси* (достигнуть извѣстной благой цѣли) *обаче явивъ крѣпость* духа *въ безтрепетномъ возвѣщеніи* дѣла и истины, *оставилъ*

еси вѣкомъ примѣръ святой ревности, съ каковою глаголалъ еси истину предъ Царемъ»... (1)

Впрочемъ нужно сказать, что эта ревность высокопреосв. Филарета не увѣнчалась успѣхомъ лишь только на время. Когда миновались первыя впечатлѣнія и когда удовлетворилось самолюбіе желавшихъ, во что бы ни стало, исполнить начатое сооруженіе памятника, тогда же признана была вполнѣ достойною осуществленія мысль и о сооруженіи храма во имя Св. Князя Владиміра. Самъ Государь Императоръ, какъ увидимъ сей часъ, вполнѣ соизволилъ на это дѣло съ открытіемъ подписки на пожертвованіе по всей Имперіи. И Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и во всемъ примирившійся лично съ высокопр. Филаретомъ, оказалъ полное, зависящее отъ него, содѣйствіе по предмету сооруженія храма, не смотря на то, что высокопр. Филаретъ остался не поколебимо вѣрнымъ въ своемъ словѣ,— не освящалъ Памятника ни при закладкѣ его, ни по постановкѣ на мѣстѣ. Эта, достойнѣйшая истиннаго святительства, черта въ лицѣ высокопр Филарета тѣмъ свѣтлѣе и доблественнѣе является здѣсь, что, казалось бы по человѣчески, можно было сдѣлать нѣкое снисхожденіе, потому собственно, что онъ видѣлъ себя удовлетвореннымъ въ своемъ дѣлѣ. Ибо памятникъ оконченъ былъ тогда, когда дѣло о сооруженіи храма было вполнѣ разрѣшено и было уже въ ходу. Свѣдѣнія о ходѣ сего дѣла весьма отчетливо можно увидѣть всякому изъ слѣдующаго донесенія высокопр. Филарета Св. Синоду отъ 25 Сентября 1851 года, слѣдо-

---

(1) См. службу Св. Герману, Святителю Казанскому и Свіяжскому. Канон. пѣснь VII. Этотъ Святитель, когда былъ назначенъ изъ Архіепископовъ Казанскихъ въ Митрополиты Московскіе, по низверженіи Царемъ Іоанномъ Грознымъ Митрополита Св. Филиппа, и когда долженъ былъ участвовать на судѣ надъ неповиннымъ—Филиппомъ, то тутъ-то и явилъ онъ всю *крѣпость духа, съ яковою глаголалъ истину предъ Царемъ;* за что и былъ вскорѣ же низверженъ и присужденъ къ заключенію, въ которомъ и скончался. Св. Мощи его были перенесены впослѣдствіи въ г. Свіяжскъ, гдѣ и почиваетъ Святитель Божій въ открытой ракѣ.

вательно, ровно черезъ шесть лѣтъ послѣ самаго перваго почина его. «Въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ-Святой колыбели Православныя Вѣры и Равноапостольнаго Князя Владиміра—Просвѣтителя Россіи доселѣ нѣтъ храма Божія, приличнаго имени сего Святаго. Хотя и существуетъ съ нѣкотораго времени приходская церковь во имя Св. Владиміра, но она деревяннаго зданія и притомъ встхая, стоитъ въ низменномъ мѣстѣ близь оврага, котораго берегъ ежегодно обваливается и держится только слабымъ укрѣпленіемъ. Между тѣмъ настоитъ необходимость въ тепломъ Соборѣ для архіерейскаго служенія и параднаго собранія въ зимнее время въ праздничные высокоторжественные дни. По симъ уважительнымъ причинамъ по долгу званія моего я просилъ Г. Генералъ-Адъютанта Графа Адлерберга, во время Высочайшаго посѣщенія Государемъ Императоромъ города Кіева въ семъ мѣсяцѣ, доложить Его Величеству, не благоугодно ли будетъ повелѣть на приличномъ мѣстѣ соорудить теплый Соборъ во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра древнимъ Византійскимъ зодчествомъ, который былъ бы достойнымъ памятникомъ Просвѣтителя Россіи Христіанскою Вѣрою и благословеннаго царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, а для собранія потребной на сіе Богоугодное дѣло суммы открыть по всему государству подписку въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Генералъ-Адъютантъ Графъ Адлербергъ объявилъ мнѣ Высочайшее повелѣніе войдти о семъ представленіемъ въ Св. Синодъ.— О чемъ Святѣйшему Синоду и имѣю честь представить» (1)

Въ слѣдствіе сего представленія и, сдѣланнаго за тѣмъ, всеподданнѣйшаго доклада 1852 г. 12 іюля, (какъ значится въ хронологической перечени достопамятнѣйшихъ церковныхъ событій въ г. Кіевѣ), послѣдовало Высочайшее соизволеніе на сооруженіе въ Кіевѣ теплаго соборнаго храма во имя Просвѣтителя Россіи Св. Вѣрою, Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра и на приглашеніе благочестивыхъ ревнителей Св. Православныя Вѣры къ Христолюби-

(1) Смотр дѣло въ Кіевской Духовной Консисторіи.

вымъ приношеніямъ для сего храма. (1) Замѣчательно, что, по этому случаю, тогда же совершено было особенное торжественное молебствіе въ Кіево-Печерской Лаврѣ самимъ высокопр. Филаретомъ, и тогда же послѣдовало открытіе въ Лаврѣ Комитета, учрежденнаго для сооруженія означеннаго храма при личномъ присутствіи Его Высокопреосвященства, и, въ ознаменованіе важности этого дѣла, все это внесено въ сказанную хронологическую перечень достопамятнѣйшихъ церковныхъ событій,—изъ коей и взято нами сей часъ изложенное свѣдѣніе. (2) Замѣчательно это особенно въ томъ отношеніи, что придана такая знаменательность и торжественность настоящему дѣлу въ совершенную противоположность совершившемуся дѣлу о сооруженіи памятника. Сооруженіе памятника, такимъ образомъ, какъ бы обречено было и кануло въ какую-то безвѣстность, тогда какъ, напр. по случаю заложенія даже цѣпнаго моста чрезъ Днѣпръ въ 1848 г. былъ тоже совершенъ торжественный крестный ходъ изъ Кіево-Печерской Лавры и за тѣмъ молебствіе самимъ же высокопр. Филаретомъ въ присутствіи всего Градоначальства и знатнѣйшихъ чиновъ и при многочисленномъ стеченіи Кіевскихъ жителей и богомольцевъ. Потомъ то́ же было совершено при открытіи моста въ присутствіи Великаго Князя Николая Николаевича. (3) Во всякомъ разѣ здѣсь очевидно, какъ высокопр. Филаретъ всегда и во всемъ готовъ былъ сочувствовать и соревновать всему истинно благому на пользу и славу Церкви и Отечества и всему давать высшее и священное значеніе, тогда какъ онъ же оставался не преклоннымъ, коль скоро видѣлъ что либо противное.

Послѣ открытія помянутаго Комитета на сооруженіе Владимірскаго Собора хотя протекло пять лѣтъ, пока оставался въ живыхъ высокопр. Филаретъ, но онъ не имѣлъ утѣшенія увидѣть даже и заложенія сего храма. Дѣло, ко-

---

(1) Смотр. Указатель святынь и священныхъ достопамятностей г. Кіева. Изд. 1857 г. стр. 209.

(2) Тамъ же стр. 209—210.

(3) Тамъ же стр. 208—209.

нечно, прежде всего зависѣло отъ того, что не скоро могли быть собраны достаточныя денежныя средства; а съ другой стороны возникъ довольно спорный вопросъ относительно избранія мѣста для сооружаемаго храма. Для него назначались разныя мѣста, которыя всѣ были не по мысли высокопр. Филарета, чѣмъ едва было не вызваны были новыя, подобныя прежнимъ, столкновенія. Его первая и желанная мысль была построить сей храмъ не въ другомъ мѣстѣ, какъ на площади, находящейся между крѣпостію и Александровскимъ садомъ. (1) Мысль эта, дѣйствительно, была весьма резонна и справедлива. На этомъ мѣстѣ храмъ былъ бы на самомъ главномъ пути для богомольцевъ, постоянно и въ многочисленности вращающихся между главными пунктами святынь Кіевскихъ—между Св. Лаврою и между Софійскимъ Соборомъ и Михайловскимъ Монастыремъ. Отъ этихъ-то постоянныхъ посѣщеній храмъ вскорѣ сдѣлался бы предметомъ, достойнаго по его значенію, почитанія и обогащался бы отъ приношеній для своего благолѣпія, да и имѣлъ бы самое видное мѣсто и украшалъ бы собою эту часть города, иначе кажущуюся какою-то пустырью, не безопасною даже иногда для странниковъ богомольцевъ, въ позднюю пору возвращающихся отъ всенощной изъ Лавры. Мѣстность эта, какъ намъ сообщали люди свѣдущіе, будто и по плану города, утвержденному Императрицею Екатериною II, назначена, между прочимъ, для храма; но въ отмѣну сего представлены были, между прочимъ, тѣ причины, что близко къ крѣпости не возможно строить каменныхъ большаго размѣра зданій и въ томъ числѣ храмовъ изъ опасенія, чтобы въ случаѣ стрѣльбы изъ крѣпости не потрясти и не разрушить ихъ.— Такимъ образомъ все, что̀ успѣлъ сдѣлать при своей жизни высокопр. Филаретъ по настоящему предмету, можно выразить словами, значущимися въ запискахъ, писанныхъ съ его словъ: «Послѣднимъ дѣломъ, если не совершеннымъ, то предпринятымъ по его мысли, было построеніе Владимірскаго Собора; для сего испрошено Высочайшее разрѣшеніе, и планъ составленъ и утвержденъ и денегъ собрано до *вось-*

(1) Именно на этой площади, гдѣ теперь находится Дворецъ.

мидесяти тысячъ». (1) Само собою, здѣсь нельзя не дать вѣры въ тѣ слова, которыя передавали намъ за подлинныя, и не разъ и не безъ скорби повторяемыя, будто бы высокопр. Филаретомъ, когда рѣчь заходила о собираемыхъ на Владимірскій храмъ деньгахъ. «Вотъ сколько употребили казенныхъ денегъ па памятникъ собственно, да и не на памятникъ, а цѣлую половиiу на обдѣлку одной лишь горы... А если бы эти деньги ассигновать на храмъ, тогда съ собранными уже теперь можно бы пожалуй и всю постройку его покончить». Въ дѣлѣ о сооруженіи памятника значится, что Главноуправляющій путями сообщеній и публичными зданіями Графъ Клейнмихель (отъ 10-го Февраля 1850 г за № 685-мъ) сообщилъ Г. Генералъ-Губернатору Бибикову, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ,—потребную на сооруженіе памятника, сумму *шестьдесятъ четыре тысячи руб. сер.*, отпустить изъ Государственнаго Казначейства въ теченіи четырехъ лѣтъ. Изъ этой же суммы по смѣтѣ назначалось на отдѣлку только горы *32,576 р. 97 к. сер.*—При этихъ цифровыхъ данныхъ, въ самомъ дѣлѣ, трудно не дать вѣры въ передаваемыя отъ лица высокопр. Филарета слова, и въ вѣрность его вычисленій по отношенію въ суммѣ, могшей покрыть достаточно дефицитъ въ денежныхъ средствахъ для сооруженія храма.

Но если высокопр. Филаретъ не имѣлъ утѣшенія увидѣть созданія новаго Собора въ г. Кіевѣ, за-то не лишенъ онъ былъ другаго утѣшенія въ этомъ родѣ. Мы имѣемъ сказать о возобновленіи Кіево-Софійскаго Собора,—древнѣйшаго изъ всѣхъ каѳедральныхъ соборовъ въ Россіи, и составлявшаго во всѣ времена предмѣтъ святыни, а равно и главнѣйшій памятникъ древности. Это событіе внесено уже въ лѣтописи современной исторіи, а съ нимъ увѣковѣчено и имя высокопр. Филарета, какъ главнодѣятеля въ немъ. Вотъ что̀ читаемъ объэтомъ въ печатныхъ современныхъ извѣстіяхъ.

«Промыслу Божію угодно было подать случай и побужденіе къ обновленію древнѣйшаго Собора Кіевскаго въ то время, когда весь Кіевъ, нѣкогда славная столица Великихъ

(1) Смотр. Записки, лист. 3, стр. 3.

Князей нашихъ, по Высочайшей волѣ, началъ обновляться въ величіи, достойномъ своей древней славы. Издавна были примѣтны въ одномъ изъ боковыхъ отдѣленій Собора на сторонѣ южной, на сводѣ, древнія изображенія Ангеловъ, Серафимовъ и Херувимовъ, и можно было, присмотрѣвшись пристально, прочитать здѣсь греческія надписи, но никто до 1843 г. не подозрѣвалъ, что эта часть только 8-ми вѣковыхъ фресковъ, которыхъ должно искать на всѣхъ стѣнахъ Собора. Уже въ этомъ году, когда въ Алтарѣ придѣла Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, послѣ случайнаго отпаденія штукатурки, оказались слѣды фресковыхъ изображеній, бывшій, по поводу обновленія иконописи Лаврской Церкви въ Кіевѣ, (1) Академикъ Солнцевъ возъимѣлъ мысль о существованіи подобныхъ изображеній по всему Ярославову храму. Мысль эта и подтвердилась, когда пробовали въ разныхъ мѣстахъ очищать побѣлку и покраску позднѣйшую. Такимъ образомъ дѣло это представилось заслуживающимъ вниманія Высочайшаго, доложено было Государю, и Его Величество изволилъ указать Св. Синоду изыскать средства, какъ для открытія, такъ и возобновленія древнихъ фресковъ на всѣхъ стѣнахъ и столбахъ Кіево-Софійскаго Собора. Вслѣдствіе того составленъ былъ Комитетъ о возобновленіи сего Собора по всѣмъ частямъ его; причемъ, согласно съ Высочайшею волею, часть живописная вся поручена главному надзору Академика Солнцева.

«Возобновленіе фресковъ, послѣ разныхъ приготовленій, начавшееся собственно 1848 г. поручено было первоначально иконописцу Пешехонову, но оказалось не прочнымъ; потомъ поручено (1850 года) Соборному старцу Кіево-Печерской Лавры Иринарху, а по увольненіи его по болѣзни (1852 года), Священнику Іосифу Желтоножскому, которые, подъ руководствомъ Академика Солнцева, (каждый годъ въ лѣтнее время посѣщавшаго Кіевъ), возобновили всѣ открытыя фрески, а также написали новыя изображенія, гдѣ

---

(1) Дѣло это извѣстно читателямъ, а именно по случаю возобновленія Великой Соборной Церкви Лаврской, начатой высокопр. Филаретомъ.

было нужно. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ были въ древности фрески, но изгладились совершенно, написаны новыя по примѣру древнихъ, и въ немногихъ только мѣстахъ, гдѣ нужны были цѣлыя картины многоличныя, употреблено искусство новѣйшее. При этомъ, такъ какъ наибольшая часть фресковыхъ образовъ найдена безъ означенія именъ святыхъ, по соображенію съ такъ называемымъ *подлинникомъ*, написано по отвѣсной чертѣ, по примѣру древнему, каждому изъ лицъ приличное имя. Гдѣ же со всѣмъ не было фресковъ, или онѣ изчезли съ древними стѣнами и сводами, тамъ обновлена, большею частію, прежняя живопись, украшавшая Соборъ до открытія фресковъ; и только изображенія четырехъ Соборовъ 4, 5, 6 и 7, такъ какъ на мѣстѣ ихъ найдены фрески, перенесены на сводъ въ западной галлереи при самыхъ дверяхъ. Обновлены и частію вновь написаны лики Апостоловъ, Святителей и Преподобныхъ на сводахъ, а также Пророки съ знаменіями, указывающими на Богоматерь,—на хорахъ. Возобновленіе всѣхъ священныхъ изображеній, какъ и всего Собора, производилось подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ и по главному распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Филарета Митрополита Кіевскаго.»

«Въ 1851 году, когда весь почти Соборъ облекся въ новое благолѣпіе, по мысли того же Архипастыря Кіевскаго, вся колокольня была не только обновлена, но и возвышена четвертымъ ярусомъ и новымъ большимъ куполомъ—до 35 саженъ. Впрочемъ, при обновленіи, удержаны всѣ прежнія украшенія на ней, и орлы ея вызолочены. Такимъ образомъ эта тріумфальная колокольня, и прежде имѣвшая значеніе не только органа славы Господней, но и провозвѣстницы славы Отечества нашего, теперь, съ увеличеніемъ высоты и благолѣпія своего, еще болѣе соотвѣтствуетъ этому назначенію и весьма прилична періоду славнаго царствованія НИКОЛАЯ I.

«На возобновленіе фресковъ и всѣхъ частей Собора, а вмѣстѣ на достройку колокольни употреблено всего 114,734 руб. 29½ коп. сер. Въ томъ числѣ 27,000 р. изъ суммъ Св. Синода, 8,128 р. отъ Собора, 7,225 руб. 57 коп. *пожертвованныхъ самимъ* Высокопреосвященнымъ Митропо-

литомъ Кіевскимъ Филаретомъ, 50,000 р. отъ Графини А. А. Орловой-Чесменской; прочія деньги пожертвованы были отъ разныхъ лицъ, и болѣе 9,000 руб. пріобрѣтено и употреблено процентовъ; накопившихся на собраныя суммы въ Комерческомъ Банкѣ.»

Изъ этого описанія очевидно для всякаго, каково было участіе высокопр. Филарета въ этихъ дѣлахъ. Но какъ описаніе это было составлено еще при жизни его, то, само собою, не все могло быть включено въ него, сколько по общеизвѣстной въ этихъ случаяхъ скромности, столько же по неизвѣстности въ то время нѣкоторыхъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, такихъ, въ коихъ заключались большія подробности и нужныя объясненія. Такъ въ описаніи напр. сказано: «бывшій по нѣкоторому дѣлу въ Кіевѣ, Академикъ Солнцевъ возъимѣлъ мысль объ осуществленіи и пр.» Но дѣло, по поводу котораго былъ Солнцевъ, было именно то́ самое, когда производилось возобновленіе стѣнной иконописи въ Лаврской Соборной Церкви, начатое по мысли высокопр. Филарета. Такую же мысль о реставрированіи фресковъ и въ Софійскомъ Соборѣ высказалъ и настаивалъ на ея осуществленіи опять самъ же высокопр. Филаретъ, такъ какъ эта мысль не сразу была признана, но встрѣчена была весьма не малыми возраженіями. Далѣе же, когда было уже разрѣшено производить работы въ Софійскомъ Соборѣ, то едвали кто отнесся къ этому дѣлу съ такимъ жаромъ усердія и рвенія, какъ высокопр. Филаретъ. Въ бесѣдахъ своихъ со мною Ѳеодоръ Григорьевичъ Солнцевъ истинно не находилъ словъ выразить то́, что́ видѣлъ онъ своими глазами въ дѣйствіяхъ высокопр. Филарета. Говоримъ это, какъ святую истину отъ лица его. «Нужно было, говорилъ онъ, не только удивляться, но изумляться, въ полномъ смыслѣ этого слова, и потому даже нерѣдко предостерегать и прямо удерживать за руку высокопр. Филарета, когда онъ, при всей его старости, взбирался по лѣсамъ на самый верхъ и тамъ пробирался часто по самымъ узкимъ доскамъ... (1) Въ то же время надобно было ви-

(1) Покойный Владыка Антоній сказывалъ, что высокопр. Филаретъ, для бо́льшаго удобства при хожденіи по разнымъ подмосткамъ, устроилъ для себя особый костюмъ, такъ что полы рясы и подрясника и самыя рукава рясы подбирались на снуркахъ.

дѣть, какъ относился онъ ко всѣмъ работавшимъ. Поощряя ихъ всячески къ усердію и аккуратности, онъ каждый разъ выдавалъ имъ изъ собственнаго кошелька по нѣскольку рублей, не менѣе десяти; а сверхъ того, какъ только возвращался въ Лавру, то первыми приказаніями было отправить рабочимъ то хлѣбовъ, то лаврскаго пива, или меду, и все это отправлялось буквально возами».—Такъ же точно, если не доставало чего либо изъ матеріаловъ строительныхъ и т. п., высокопр. Филаретъ всячески изыскивалъ средства удовлетворить нужды. Сверхъ рабочихъ наемныхъ были назначаемы и послушники, чтобы послужить святому дѣлу въ тѣхъ же видахъ, какъ мы видѣли въ распоряженіяхъ его по устройству иконостаса въ Великой Соборной Лаврской Церкви, т. е. для соблюденія благочинія, подобающаго мѣсту и дѣлу святыни.—На этомъ же основаніи, между прочимъ, и по прямой мысли высокопр. Филарета, былъ замѣненъ прежній заправитель дѣла—иконописецъ Пешехоновъ (1) Соборнымъ старцемъ Іеромонахомъ Иринархомъ. Наконецъ, когда о. Іеромонахъ Иринархъ не могъ продолжать работъ по болѣзни, тогда, (какъ сказано въ приведенномъ нами описаніи), поручено было продолжать дѣло Священнику Іосифу Желтоножскому. Но нужно знать, какъ это все произошло, и произошло собственно по мысли и дѣйствію высокопр. Филарета. Желтоножскій прежде, чѣмъ избранъ былъ на настоящее дѣло, былъ изъ мѣщанъ и находился прежде въ числѣ учениковъ о. Иринарха. И, вотъ, когда высокопр. Филаретъ узналъ о его способностяхъ и искусствѣ по части иконописи въ томъ характерѣ, какой требовался въ настоящемъ дѣлѣ, онъ предложилъ ему поступить въ духовное званіе, и вскорѣ за тѣмъ произвелъ его въ санъ священнослужительскій, собственно въ тѣхъ благочестивыхъ видахъ, какихъ требовало значеніе дѣла. Для обезпеченія же и поощренія его и, съ тѣмъ вмѣстѣ,

(1) Пешехоновъ оказался во первыхъ не вполнѣ понимавшимъ дѣло, а во вторыхъ открылось, что онъ отчасти придерживался раскола, въ чемъ онъ самъ себя обличилъ, написавши, между прочимъ, одну икону, изображавшую Господа Спасителя съ крестомъ въ рукѣ,—съ крестомъ осмиконечнымъ.—Это сказывалъ мнѣ высокопр. Антоній.

для распространенія его столь полезнаго искусства въ средѣ духовнаго сословія, онъ назначилъ его впослѣдствіи учителемъ иконописанія въ Кіевской Духовной Семинаріи съ оставленіемъ священникомъ при приходской церкви. И о. Іосифъ вполнѣ оправдалъ всѣ благія ожиданія высокопр. Филарета, даже превзошелъ ихъ, потому что имя его сдѣлалось извѣстнымъ, какъ имя знаменитаго художника-реставратора.

И такъ, если сказано въ выше приведенномъ описаніи, что все возобновленіе Софійскаго Собора производилось подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ и по главному распоряженію высокопр. Филарета, то, очевидно, это смотрѣніе и распоряженіе принадлежало ему не номинально только по его званію и власти его, а осуществилось во всѣхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ такъ, что возобновленіе Собора было почти буквально дѣломъ рукъ его, не исключая даже и самыхъ денежныхъ средствъ, изъ коихъ цѣлая половина доставлена имъ. Ибо, не говоря уже о 7,225 р. 57 коп. сер. пожертвованныхъ, какъ выше сказано, высокопр. Филаретомъ, и 50,000 руб. сер., пожертвованы были Графинею Анною Алексѣевною собственно по его вліянію, или, точнѣе сказать, просьбѣ, такъ какъ онъ ясно видѣлъ, что безъ этой суммы невозможно было и помышлять совершить дѣло вполнѣ достойнымъ образомъ. А что оно совершено вполнѣ достойно величія и славы этого истинно знаменитѣйшаго памятника благочестія и древности, въ этомъ отдана уже и будетъ всегда отдаваема достойная честь всѣми, какъ истинными знатоками и цѣнителями искусствъ и древностей, такъ и благочестивыми почитателями святыни, съ нераздѣльнымъ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ имени того, кто такъ ревностно трудился въ семъ дѣлѣ.

Доскажемъ, наконецъ, еще объ одномъ священноцерковномъ памятникѣ, новосооруженномъ въ смыслѣ нѣкотораго возсозданія,—храмѣ Св. Владиміра, именуемомъ Десятинною церковію. Начало сооруженія этого храма относится еще къ 1824 г., когда высокопр. Митрополитъ Кіевскій Евгеній внушилъ благочестивую мысль объ этомъ одному изъ Курскихъ помѣщиковъ Г. Анненкову, и, по воспослѣдовавшему на то Высочайшему соизволенію, начали разры-

вать его обширныя развалины. Въ 1828 г. развалины эти, вмѣстѣ съ построенною Митрополитомъ Петромъ Могилою церковію, были разобраны до основанія, и на ихъ-то мѣстѣ, въ меньшимъ однако видѣ, заложена была нынѣшняя Десятинная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Но, по обстоятельствамъ, дѣло затянулось такъ, что можно было опасаться за неосуществимость его со стороны строителя. Высокопр. Филаретъ, съ поступленіемъ на митрополію, обратилъ тщательное вниманіе на это, и только его стараніемъ и употребленными при семъ особенными мѣрами, сколько побудительными въ отношеніи къ самому строителю, столько и содѣйственными по части изысканія строительныхъ средствъ, храмъ сей наконецъ приведенъ былъ къ окончанію. Ко дню освященія храма (19 Іюля 1842 г.) Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ присланы были богатыя священныя облаченія, какъ для священнослужителей, такъ и на престолъ, жертвенникъ и аналогіи, —всѣ изъ одной матеріи, украшенныя бордюрами изъ Владимірской орденской ленты. А высокопр. Филаретъ внесъ сюда частицы св. мощей Преподобныхъ угодниковъ Печерскихъ, кои сохраняются въ особомъ ковчегѣ. (1) Вообще, если говорить о предметахъ и событіяхъ, съ которыхъ, по выраженію описанія святынь и достопримѣчательностей, «началъ весь Кіевъ,—иногда славная первостолица Россійскихъ Князей, обновляться въ величіи, достойномъ своей древней славы,» то справедливо сказать, что всѣ главные изъ нихъ ознаменованы именемъ и памятію высокопр. Филарета.—Вотъ какія именно встрѣчаемъ мы въ хронологическомъ перечнѣ въ самомъ описаніи I. Сей часъ сказанное сооруженіе и освященіе Десятинной Церкви. II. Торжественное переложеніе св. мощей великомученицы Варвары въ новую великолѣпную раку, устроенную Графинею А. А. Орловою-Чесменскою. III. Освященіе церкви во имя Св. Великой Княгини Ольги. IV. Совершенное высокопр. Филаретомъ, торжественное, по церковному чиноположенію, зало-

(1) Смотр. Указатель Святынь и пр. г. Кіева. Изд. 1853 г. стр. 132—133.

женіе Кіевскаго Университета Св. Владиміра. V. Освященіе храма въ Кадетскомъ корпусѣ и всего зданія; затѣмъ присоединимъ сюда прежде упоминаемыя событія—а именно: VI. крестный ходъ для заложенія цѣпнаго моста, VII. торжественное освященіе Софійскаго Собора; VIII. освященіе мѣста для сооруженія храма Св. Владиміра и IX. наконецъ, возобновленіе Великой церкви въ самой Лаврѣ.

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ участіе и значеніе этого участія со стороны высокопр. Филарета, само собою, было не одинаковое по самой ихъ разнообразности. Но здѣсь нельзя не видѣть, съ особеннымъ значеніемъ, ту характеристическую черту нашей исторіи, или вѣрнѣе, церковно-народной жизни, что всѣ церковные и общественные, освящаемые Церковію, событія и предметы всегда вносились въ лѣтописи, какъ особенно знаменательные, и въ описаніи ихъ всегда вписывалась особенная честь, во главѣ управленія стоявшимъ, лицамъ, какъ-то. Князьямъ, Царямъ и Святителямъ, и имена ихъ доставляли особенное достоинство самымъ предметамъ и событіямъ, равно какъ, и обратно, эти событія оставались на всегда памятниками благочестивой жизни и дѣяній виновниковъ ихъ во славу Божію и во благо потомства. Одна только, навѣваемая духомъ нашего времени, холодность ко всѣмъ подобнымъ явленіямъ, совершающимся въ наши дни, можетъ изобрѣтать какія нибудь сомнѣнія и возраженія противъ этой исторической столь поучительной истины!!

Но обратимся опять къ Св. Лаврѣ и продолжимъ рѣчь о строительныхъ дѣйствіяхъ высокопр. Филарета, относящихся къ самой Лаврѣ и другимъ мѣстамъ.

ГЛАВА XVIII.

«Твердыни ли, устроенныя теперь, будутъ охранять собою здѣшнія Святыни, или отъ этихъ Святынь будетъ зависѣть самая крѣпость твердынь?!» (1)

Настоящее повѣствованіе начнемъ съ устройства каменной стѣны вокругъ Св. Пещеръ, которое началъ высокопр. Филаретъ въ самый первый годъ по вступленіи своемъ на паствую Кіевскую—именно въ Октябрѣ 1837 г. 2) Вотъ что́ писалъ онъ (собственноручно вчернѣ) Строителю Кіевской Крѣпости Генералъ-Маіору Фреймону.—«Для сохраненія благочинія, приличнаго Святости мѣста, занимаемаго Св. Пещерами здѣшней Лавры, нужнымъ нахожу я устроить каменную ограду по прилагаемому у сего плану, составленному Командиромъ Кіевской инженерной команды. О таковомъ предположеніи сообщая Вашему Превосходительству, покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., почтить меня увѣдомленіемъ, не откроется ли со стороны Вашей къ приведенію онаго въ исполненіе какого либо препятствія». 3).

Но какая-то особенная судьба тяготѣла надъ всѣми подобными начинаніями высокопр. Филарета. Какъ мы видѣли уже прежде не однократно, что лишь начнется переписка

---

(1) Слова высокопр. Филарета предъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

(2) По описи дѣлъ внутренней экономіи въ Кіевской Лаврѣ част. I. Связка 59-я. № 439.

(3) Тамъ-же,—отъ 12 Октября 1837 г. за № 2420-мъ.

по дѣлу, то и пойдетъ не минуемая проволочка съ разными возраженіями, препятствіями и пр.;—такъ точно и теперь. Прежде, чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ на вышеприписанное отношеніе высокопр. Филарета къ Г. Фрейману, протекло времени едва не полтора года. А приступить къ самой постройкѣ оказалось возможнымъ не ранѣе 1843 г., слѣдовательно почти чрезъ шесть лѣтъ.—Положимъ, что вообще таковъ отличительный характеръ нашей административной процедуры дѣлъ, и особливо когда начинается отъ низшихъ, или среднихъ инстанцій и должно восходить въ высшія, и, тѣмъ болѣе, когда войдутъ въ соприкосновеніе по начавшемуся дѣлу разныя вѣдомства, и, едва ли не болѣе всего, когда одно изъ этихъ вѣдомствъ духовное, и, наконецъ, еще сказать частнѣе,—когда дѣло касается денежныхъ интересовъ. За то нельзя не признать въ подобныхъ случаяхъ особеннаго свойства духа и характера въ лицѣ и дѣйствіяхъ высокопр. Филарета. Онъ обыкновенно не терялъ энергіи, оставался вѣрнымъ и стойкимъ въ своихъ начинаніяхъ и обстаивалъ интересъ дѣла.

Дѣло, съ самаго начала, затянулось почти на полтора года потому, что Строитель Кіевской крѣпости Г. Фрейманъ препроводилъ планъ предположенной стѣны на разсмотрѣніе въ Инженерный Департаментъ. Разрѣшеніе послѣдовало лишь въ началѣ 1839 г., и состояло въ томъ, что Департаментъ сообщилъ,—«чтобы стѣна была построена въ видѣ военной—оборонительной, и чтобы, по этому, работы производились не иначе, какъ подъ наблюденіемъ инженернаго офицера».—Понятно, чѣмъ отзывалось такое рѣшеніе. Прежде всего, само собою, являлся вопросъ: на какой же счетъ произвести постройку такой стѣны, когда она получила назначеніе внѣ потребностей Лавры, и, само собою, требовала несравненно бо́льшихъ издержекъ; а за тѣмъ при такомъ назначеніи ея и самая мѣстность, занимаемая ею, могла отойдти отъ Лавры, бывши до селѣ ея собственностію.—Потому-то высокопр. Филаретъ не медленно же отписалъ тому же Г. Фрейману слѣдующее: «Я предполагалъ устроить ограду не болѣе двухъ кирпичей въ ширину и не болѣе четырехъ аршинъ въ вышину; но, сверхъ чаянія моего, Инженерный Департаментъ положилъ устроить ограду въ оборонитель-

номъ видѣ. Для приведенія въ исполненіе такого предположенія, какъ дѣла Государственнаго, одна только казна можетъ покрывать и потребные расходы. Почему долгомъ моимъ поставляю просить Ваше Превосходительство, не благоугодно ли будетъ Вамъ отнестись предварительно въ Инженерный Департаментъ и испросить его согласіе на устройство означенной ограды на счетъ казны,—съ такимъ притомъ условіемъ, чтобы мѣста, имѣющія остаться внѣ предполагаемой ограды, съ давнихъ вѣковъ принадлежащія Лаврѣ, гдѣ находится фруктовый садъ и разныя вѣковыя деревья, и гдѣ имѣются странноприимницы и гостинницы для необходимаго пристанища усердствующихъ богомольцевъ, оставались на всегда не отъемлемою собственностію Лавры, по древности своей въ глазахъ народа сдѣлавшіяся какъ бы святынными и составляющія украшенія Св Пещерамъ». [1])

Отвѣтъ на это отношеніе послѣдовалъ почти ровно *чрезъ четыре года*. Ясно, что дѣло должно было переиспытать много мытарствъ, и чѣмъ же наконецъ кончилось? Инженерный Департаментъ, отъ 29 Мая 1843 г., сообщилъ высокопр. Филарету, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: «Въ счетъ общей суммы, потребной на возведеніе ограды въ оборонительномъ видѣ, отнести на суммы Кіево-Печерской Лавры 29,937 руб. сер. т. е. то́ количество ея, какое по первоначально одобренному Вашимъ Высокопреосвященствомъ чертежу понадобилось бы на устройство той же ограды въ необоронительномъ видѣ; а остальныя за симъ 27,999 руб. сер. внести въ смѣту Инженернаго Департамента, по экстреннымъ постройкамъ, на 1844-й г.» Въ послѣдствіи, впрочемъ, оказалось, что, назначеннаго изъ Лаврскихъ суммъ, количества денегъ не достало на покрытіе расходовъ; потребовалось дополнительной суммы 2,078 руб. 26 коп. Такимъ образомъ, устройство ограды для Лавры собственно стоило—32,015 р. 26 коп. сер. Само собою, предположеніе высокопреосв. Филарета увѣнчалось, такъ или иначе, самымъ дѣломъ, но сохранилось, сообщенное намъ за достовѣрное, одно изреченіе высокопр. Филарета, касательно этого дѣла, по слѣдующему поводу.—Когда, послѣ устрой-

([1]) Тамъ-же,—отъ 27 Іюля 1839 г. за № 1140-мъ.

ства всѣхъ крѣпостныхъ стѣнъ и укрѣпленій, Государь Императоръ Николай Павловичъ изволилъ прибыть въ Кіевъ, и, удостоивъ своимъ посѣщеніемъ высокопр. Филарета, сказалъ ему между прочимъ: «Вотъ, Преосвященный, какія для охраненія Вашей Лавры устроены теперь укрѣпленія!..—высокопр. Филаретъ съ обычнымъ смиренномудріемъ отвѣчалъ: «Такъ точно, Ваше Величество,—но дерзаю высказать предъ Вашимъ Величествомъ, что́ и какъ чувствую: эти ли, устроенныя теперь, твердыни будутъ охранять собою здѣшнія Святыни, или отъ этихъ Святынь будетъ зависѣть самая крѣпость твердынь?! »—

Этимъ и кончились всѣ подобныя дѣла, т. е. по поводу коихъ, волей-неволей, приводилось высокопр. Филарету входить въ тѣ, или иныя столкновенія, а отсюда не избѣжно, какъ выражено въ его запискахъ, приходилось ему переносить *большіе труды и скорби*. Обратимся теперь къ такимъ его дѣяніямъ, гдѣ онъ могъ утѣшаться и, такъ сказать, отдыхать духомъ, видя во всемъ безпрепятственный и благой успѣхъ. Отмѣтимъ, впрочемъ, здѣсь еще одну, отличительную и вполнѣ достойную дѣйствующаго лица, черту, которая, вѣроятно, уже усмотрѣна и каждымъ изъ внимательныхъ читателей.—Это-строгая, при всей одновременности и разнообразности начинаній, разграниченность и послѣдовательность въ нихъ, соединенная съ глубокимъ и самымъ вѣрнымъ опредѣленіемъ важности и потребности предметовъ и съ соблюденіемъ внутренней взаимной между ними связи и съ прямымъ направленіемъ къ одной цѣли—главной и единственной,—чтобы внѣшнее служило на пользу внутренняго, и чтобы то и другое не выходило изъ предѣловъ, установленныхъ Св. Отцами Печерскими. Такъ напр. при видѣ устроявшейся ограды тамъ, гдѣ ея прежде не было, можно бы подумать, что высокопр. Филаретъ хотѣлъ этимъ, какъ говорится, совершенно изолировать, или еще болѣе привесть всю Лавру въ рѣшительно замкнутое со всѣхъ сторонъ положеніе, не безстѣснительное для свободнаго прихода усердствующихъ богомольцевъ. Но если это и такъ въ извѣстной степени, то съ перваго же раза ясно, что это сдѣлано ради сохраненія благочинія, приличнаго святости мѣста, занимаемаго Св. Пещерами; слѣдовательно была опасность,

и, можетъ быть, бывали и дѣйствительные факты нарушенія благочинія и святости мѣста. Такимъ образомъ здѣсь не было стѣсненія для истинно усердствующихъ богомольцевъ, а развѣ для праздно странствующихъ, свободнымъ и неумѣстнымъ хожденіемъ коихъ могли наоборотъ стѣснятьсяся первые, видя отъ нихъ нарушеніе своего благочестиваго настроенія, и не рѣдко молитвеннаго излянія чувствъ гдѣ либо на утесѣ, или подъ наклономъ горы, или подъ какимъ либо вѣковымъ деревомъ, и вообще въ закрытьѣ отъ взора и движенія людскаго, какъ бы въ подражаніе безмолвію, спасавшихся здѣсь, Св. Угодниковъ Печерскихъ. Это-то и разумѣлъ и такъ прекрасно выразилъ высокопр. Филаретъ, когда писалъ второе вышепрописанное отношеніе, чтобы мѣста, имѣющія остаться внѣ предполагаемой ограды, на всегда остались собственностію Лавры, такъ какъ по древности своей опѣ сдѣлались въ глазахъ народа какъ бы святынными и составляютъ украшеніе Св. Пещерамъ. Одно, въ чемъ дѣйствительно заключалось нѣкотораго рода не соотвѣтствіе устроенной ограды взору, или, болѣе всего, внутреннему настроенію усердствующихъ богомольцевъ, это самый видъ и высота стѣнъ ограды. Здѣсь, само собою, съ перваго же раза представлялось взору и чувствовалось что-то не обычайное, такъ какъ вмѣсто мирной *благоотшной* обители и вмѣсто слезно-поклоннаго настроенія не вольно западало въ душу грозно-воинственное, громобойное, (1) и т. п. и глав-

(1) По искреннимъ отзывамъ многихъ такое чувство проявляется во первыхъ при-видѣ, какъ разъ находящагося противъ самыхъ святыхъ вратъ (Святой Брамы), и передовыхъ стѣнъ Лавры, росписанныхъ священными иконными изображеніями, громаднѣйшаго корпуса арсенальнаго,—вокругъ котораго по всѣмъ тротуарамъ насыпаны въ пирамидальной формѣ груды ядеръ и разставлены пушки.—Во вторыхъ съ другой, сѣверной стороны, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Лаврской стѣны находятся пороховые погреба. Относительно послѣднихъ позволяемъ здѣсь высказать то, чего были мы непосредственнымъ слышателемъ изъ устъ самаго Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Платона—и изъ устъ многихъ изъ начальственныхъ лицъ въ Лаврѣ въ Августѣ 1884 г.—Когда было пропечатано во всѣхъ газетахъ извѣстіе, что 2-го Августа 1884 года произошелъ страшный взрывъ на пороховомъ заводѣ въ г. Казани, и и когда получено было мною письмо отъ Казначея, управляемаго мною,

ное тамъ, гдѣ ничего подобнаго никогда не было. Съ другой стороны высота стѣнъ скрывала много изъ тѣхъ живописностей, какими такъ богата мѣстность Св. Лавры, и которыхъ всегда какъ бы инкстинтивно жаждетъ и ищетъ взоръ и чувство всякаго приходящаго въ Лавру. Но все это не только не зависѣло отъ высокопр. Филарета, а, напротивъ, совершилось вопреки его желанію и настоянію.—И въ этомъ-то разѣ особенно понятнымъ становится смыслъ его изреченія, равно какъ не сомнѣнно вѣрится въ истинность факта, по поводу коего оно сказано такъ правдиво и дерзновенно предъ лицемъ Самого Государя Императора,—разумѣемъ изреченіе—о сопоставленіи Святынь и твердынь...

Теперь наша рѣчь будетъ объ устройствѣ при Лаврѣ гостинницы, странноприимницы и странно-пріимной лечебницы. Кто не знаетъ нынѣшнихъ пустовелерѣчивыхъ глашатаевъ пресловутаго прогресса, которые, во имя гуманныхъ началъ и тенденцій, какъ бы требуютъ Правительственныхъ распоряженій, чтобы наши иноческія обители непремѣннымъ условіемъ своего существованія имѣли тѣ, или другія благотворительныя учрежденія на пользу народно-общественную... Но что же?. Не все ли это было по слову Премудраго, *еще во дньхъ онъхъ* и велось съискони временъ именно въ нашихъ отечественныхъ обителяхъ... Разность

Зилантова Монастыря въ г. Казани, что нашъ Монастырь, хотя находящійся на разстояніи версты отъ пороховаго завода и притомъ, на другой сторонѣ рѣки Казанки, былъ страшно потрясенъ отъ пороховаго взрыва, такъ что не осталось ни одного стекла ни въ храмахъ, ни въ жилыхъ зданіяхъ, и даже вырваны были многія рамы двойныя въ окнахъ и наконецъ повреждены были даже и двери, и когда мною было передано это Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Платону и нѣкоторымъ изъ другихъ,—тогда-то сильно потревожились всѣ и на счетъ сказанныхъ пороховыхъ погребовъ близь самой Лавры... Его Высокопреосвященство тогда же высказалъ, что онъ признаетъ необходимымъ войдти въ разсужденіе по этому предмету, съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы перенести пороховые погреба въ другое, возможно отдаленное отъ Лавры, мѣсто. А такъ какъ тогда же къ 9-му числу Августа ожидали прибытія въ Кіевъ Великаго Князя Михаила Николаевича, то Высокопреосвященнѣйшій Владыка Митрополитъ высказывалъ свое намѣреніе—лично доложить по этому предмету Его Императорскому Высочеству.

только въ томъ существенномъ отношеніи, что тогда все это, само собою, истекало изъ духа и началъ Свято-Евангельскихъ, изъ чувствъ истинно христіанской любви и въ частности изъ характера и значенія самыхъ обителей и отношеній къ нимъ народа и общества,—а ихъ къ тому и другому; а теперь выходитъ это, какъ бы по заказу, едва не въ смыслѣ какой-то общественной повинности; потому-то и обители, обязанныя заводить подобныя учрежденія, получаютъ, чрезъ это, какъ бы выкупное свидѣтельство на право своего существованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самыхъ учрежденій. Съ другой стороны совершенно не справедливо сталъ бы кто нибудь указывать, что въ прежнія и въ нынѣшнія времена обители устрояли благотворительныя заведенія отъ того только, что чрезъ чуръ изобиловали средствами отъ приношеній. Если бы даже и не отрицать совершенно возможности и дѣйствительности этого, то и въ этомъ нѣтъ, собственно говоря, ничего укоризненнаго. Сей часъ, предлежащее намъ, повѣствованіе покажетъ,—въ чемъ дѣло и истина.

Самое мѣсто, на которомъ устроены теперешнія гостинницы и пр , освящено было уже подобнымъ же благочестивымъ учрежденіемъ еще самимъ Св. Преподобнымъ Ѳеодосіемъ. Вмѣсто собственныхъ нашихъ словъ приведемъ здѣсь описаніе этихъ учрежденій, какъ значится оно уже въ печатныхъ извѣстіяхъ. Вотъ, что напечатано было, между прочимъ, по случаю освященія храма, устроеннаго при больницѣ странноприимнаго дома Кіево-Печерской Лавры. (1) «Тихое торжество это можетъ служить живымъ напоминаніемъ, что старѣйшая обитель Русская и до селѣ остается вѣрною священному завѣту своихъ основателей—Св. Преподобныхъ Отецъ Печерскихъ, съ подвигами иночества соединявшихъ и подвиги человѣколюбія христіанскаго,—которые являлись какъ потребность и плодъ первыхъ, а не какъ, что-либо совнѣ, условное и обязательное. На томъ

(1) Смотр. «Домашнюю Бесѣду» 1867 г. выпускъ 9-й стр. 302—303. И еще—Указатель Святынь и священныхъ достопамятностей Кіева, изд. 1853 г. стран. 71—73.

мѣстѣ, гдѣ находится странноприимница Лавры, построенъ былъ *дворъ для бѣдныхъ* Св. Преп. Ѳеодосіемъ, разрушенный во время татарскаго погрома. Но мѣсто свято не бываетъ пусто. По нѣкоторомъ успокоеніи края, Обитель стала устроиваться и наполняться иноками. Архимандритъ Елисей Плетенецкій (1599—1624 г.), не ограничиваясь обычными подаяніями отъ Лавры нищимъ—хлѣбомъ и варевомъ, устроилъ особую трапезу на старомъ мѣстѣ благодѣтельнаго дома Ѳеодосіева Позже построена была здѣсь деревянная гостинница для пристанища приходящимъ, особенно бѣднымъ богомольцамъ. Съ 1839 года, въ новомъ видѣ и большихъ размѣрахъ, устроена здѣсь при высокопреосв. Митрополитѣ Филаретѣ странноприимная трапеза для бѣдныхъ, а послѣ постройки новаго громаднаго корпуса для гостинницы, прежній въ 1842 г. обращенъ, главнѣйшимъ образомъ, въ странноприимную больницу съ отдѣленіями мужскимъ и женскимъ. Какъ ни значительными могутъ казаться средства Лавры, наслѣдованныя ею по завѣщаніямъ отъ прежнихъ жертвователей на дѣла странноприимства и благотворительности, и дополненныя текущими доброхотными приношеніями странноприимницѣ, однако общая сумма этихъ средствъ далеко ниже суммы, жертвуемой самою Лаврою на дѣла странноприимства и благотворительности.

Такъ въ теченіе каждаго года призрѣвается до 80-ти тысячъ и болѣе разныхъ богомольцевъ. Каждый изъ богомольцевъ проживаетъ не менѣе 4-хъ дней, но большая часть и долѣе.

Доброхотныхъ пожертвованій въ теченіе года поступаетъ въ странноприимницы около 4,000 р.; да процентовъ съ пожертвованныхъ въ разное время благотворителями капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ 3,174 руб. 84 коп. Итого 7,174 р. 84 к.

Лавра отпускаетъ на содержаніе бомогольцевъ въ теченіе года:

1. Разной провизіи на 8,234 р, 54 к. и болѣе.

2. Наличными деньгами до 3,110 р. и болѣе (въ томъ числѣ собственно для больницы болѣе 1,200 р.)

3. На ремонтъ странноприимницы съ больницею разными матеріалами, до 3,500 р.

4. При странноприимницѣ и больницѣ находится прислуги до 60 человѣкъ послушниковъ. Содержаніе каждаго стоитъ Лаврѣ не менѣе 45 р., слѣдовательно въ годъ на всѣхъ—2,700 р.

Такимъ образомъ, всего расходуетъ Лавра на странноприимство въ годъ 17,534 руб. сер. и болѣе. Вычтя же изъ нихъ годовой съ процентами приходъ 7,174 р. 84 к. составитъ жертву Лавры по странноприимницѣ съ больницею, въ годъ до 10,359 руб. сер. Да на устройство странноприимницы употреблено капитала, по оцѣнкѣ самой раскладочной коммиссіи 64,000 р. сер.

Итакъ цифры эти, основанныя на самомъ подробномъ и документальномъ показаніи всѣхъ статей дохода и расхода странноприимницы, говорятъ сами за себя. Но здѣсь не можетъ быть, конечно, показано цифрами то́, что́ не считается и не мѣрится. Это напр. даровой пріютъ бѣднымъ страннымъ на время пребыванія ихъ на богомольѣ, не рѣдко затягивающагося надолго, по обстоятельствамъ нужды и болѣзни; а при этомъ даровая врачебная помощь и всѣ услуги, оказываемыя больнымъ учеными врачами, находящимися въ средѣ Лаврскаго иночества, также фельдшерами, сидѣльцами, сидѣлками, живущими здѣсь на послушаніи, или по обѣту служить страждущимъ ближнимъ; а наконецъ,—проявленія нравственнаго, личнаго участія къ нуждающимся и страждущимъ со стороны завѣдывающихъ домомъ странноприимства и призрѣнія въ Лаврѣ,—проявленія знакомыя, конечно, тѣмъ, которые ихъ испытывали». (1)

Такъ изъ этихъ свѣдѣній ясно, что все, что́ и какъ существуетъ теперь изъ числа сказанныхъ учрежденій, устроено было еще при высокопр. Филаретѣ, исключая храма, сооруженнаго при больницѣ странноприимнаго дома, по поводу освященія котораго (храма,) 18 Декабря 1866 г. и вышло въ печати вышеизложенное извѣстіе. Отсюда же

(1) До-сюда подлинный текстъ указанной статьи въ Домашней Бесѣдѣ.

очевидно и то́, что первое начало устройства сихъ учрежденій было положено еще съ 1839 года, значитъ вскорѣ послѣ предположенія о постройкѣ преждеописанной ограды, а приведено въ исполненіе еще прежде, чѣмъ явилась послѣдняя. Такова была истинно не усыпная попечительность въ Бозѣ почившаго и всегда неизмѣнная твердость и вѣрность своимъ благимъ начинаніямъ, и благоуспѣшность въ приведеніи ихъ въ исполненіе,—коль скоро не встрѣчалось внѣшнихъ препятствій. Что́ же касается прочихъ не беззатруднительныхъ условій, каковы напр. денежныя средства, то высокопр. Филаретъ предъ ними никогда не останавливался; при чемъ отнюдь, впрочемъ, онъ не доводилъ лаврскія средства до истощанія и тѣмъ не вводилъ Лавру въ долги.—Такъ, если сказано въ приведенномъ извѣстіи, что цифры—*шестьдесятъ четыре тысячи руб. сер.*, употребленныхъ на устройство страннопріимницы и пр., говорятъ сами за себя,—то нужно принять во вниманіе, была ли и могла ли быть на готовѣ такая сумма, и гдѣ было ее взять, и притомъ тогда, когда имѣлось въ виду проэктированное уже дѣло о постройкѣ ограды, стоимость которой, по предварительной смѣтѣ простиралось до *тридцати тысячъ* руб. сер.?! Отвѣтъ на это указанъ въ томъ же извѣстіи, т. е. все дѣлалось на пожертвованія благотворителей и вообще доброхотныя приношенія. Но дѣло опять въ томъ: пожертвованія не хранятся въ готовой сокровищницѣ, какъ въ собственной кладовой. И въ этомъ-то разѣ самое непосредственное участіе принадлежитъ преимущественно высокопр. Филарету. О лицахъ, сдѣлавшихъ весьма значительныя пожертвованія, дѣйствительно, значится въ описаніи учрежденій; но во первыхъ, сколько извѣстно, эти лица подвиглись принести сіи жертвы не безъ личнаго вліянія на нихъ самого же высокопр. Филарета; а во вторыхъ въ томъ же описаніи читаемъ, что «есть многіе другіе благотворители, которые принесли и теперь приносятъ, (нужно знать, что это относится ко времени до 1853 г.), значительныя пожертвованія въ пользу Лаврской страннопріимницы съ лечебницею, но по христіанской скромности утаеваютъ имена свои отъ свѣта» (1)

(1) Смотр. Указатель Святынь и пр. стр. 73—74.

Кто же эти благотворители? Составитель описанія, быть можетъ, въ ту пору и самъ не зналъ ихъ заподлинно, или, при самой жизни ихъ, не могъ открыть имена ихъ; но несомнѣнно, что въ числѣ этихъ-то жертвователей находился самъ высокопр. Филаретъ, или лично отъ себя дѣлавшій приношенія, или отъ другихъ принимавшій жертвуемое собственно на его имя; а также и о. Іеромонахъ Парѳеній, такъ какъ у нихъ, по слову Писанія, *бѣ сердце и душа едина*... Такъ въ жизнеописаніи послѣдняго сказано, что, «завѣщанныя ему по духовной Графини А. А. Орловой, *пятнадцать тысячъ* руб. сер. онъ отдалъ для препитанія странныхъ въ гостинницѣ». (1) Что же касается до пожертвованій самого высокопр. Филарета на настоящій предметъ, то кто позволилъ бы себѣ и подумать сомнѣваться въ этомъ. Потому, не представляя здѣсь ни фактовъ, ни свидѣтельствъ на это, мы не можемъ не указать однако на слѣдующее.—Отъ 7-го Сентября 1843 года (2) высокопр. Филаретъ писалъ Духовному Собору Лавры: «Пожертвованныя на имя мое отъ одной благочестивой особы, скрывшей свое имя по христіанской скромности, 24,410 р. 67 коп. ассигн. на богоугодныя заведенія при Кіево-Печерской Лаврѣ, препровождаются при семъ для храненія въ Лаврскомъ казнохранилищѣ впредь до особаго о сей суммѣ распоряженія.» Богоугодныя заведенія разумѣлись здѣсь именно тѣ, о коихъ идетъ рѣчь. Не скрываемъ, хотя и не выдаемъ за рѣшительное, переданное намъ свѣдѣніе, что будто эта сумма была пожертвована самимъ высокопр. Филаретомъ, но представлена только подъ именененемъ одной особы.—Далѣе значится въ запискахъ, писанныхъ со словъ высокопр. Филарета, что имъ завѣщаны въ пользу сихъ заведеній алмазные знаки Ордена Св. Андрея Первозваннаго. (3) Эти знаки Всемилостивѣйше пожалованы были ему въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ (въ 1856 г.) Они были отосланы высокопр. Филаретомъ, вскорѣ по по-

(1) Смотр. жизнеописаніе стр. 50.

(2) За № 2,686-мъ.

(3) Смотр. записки листъ 3. стран. 2.

лученіи, въ Кабинетъ Его Величества съ тѣмъ, чтобы вмѣсто ихъ доставлена была сумма по ихъ стоимости, простиравшаяся до 9,000 руб. сер. Эта-то сумма и поступила въ пользу странноприимницы и лечебницы по завѣщанію высокопр. Филарета еще при жизни его.—

Но, радѣя съ такою попечительностію о чужихъ странныхъ пришельцахъ, могъ ли высокопр. Филаретъ оставить безъ отеческаго попеченія присныхъ своихъ братій, недугующихъ и требующихъ врачебной помощи. Хотя и до него существовалъ въ Лаврѣ, такъ называемый «больничный» монастырь, основаніе которому положено было еще Княземъ Св. Николою Святошею, при которомъ онъ и самъ провелъ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни, воздѣлывая малый садъ, имъ же разведенный и прислуживая болящимъ,—но «съ 1842 г. попеченіемъ высокопр. Митроп. Филарета построена здѣсь двухъ-этажная каменная больница и при ней заведена своя домашняя монастырская аптека.»(1)

Далѣе если бы въ подробности изчислять всѣ подобныя дѣйствія высокопр. Филарета, то на вѣрное не осталось бы почти ни одного мѣста и предмета, на которые не было бы обращено его благопопечительное вниманіе. Одно было исправлено, другое обновлено, иное вновь устроено, или дополнено, улучшено и т. п., хотя, само собою, разумѣется, что все это не такъ было увѣковѣчено, чтобы не требовало еще новыхъ исправленій и улучшеній, кои дѣйствительно и бывали уже въ послѣдующее время.

Укажемъ еще на нѣкоторыя изъ дѣйствій высокопр. Филарета, которыя значатся и въ самыхъ его запискахъ.— Такъ,—при немъ надстроенъ второй этажъ въ одномъ лаврскомъ братскомъ корпусѣ, а также на ближнихъ пещерахъ. Увеличены помѣщенія въ Типографіи и сдѣланы многія улучшенія по части шрифта и самаго производства печатанія. Умножено число изданій разныхъ молитвенниковъ и назидательныхъ книжекъ. При этомъ замѣчательно строгое воспрещеніе его печатать молитвенники гражданскими буква-

(1) Смотр. указатель святынь и священныхъ достопамятностей Кіева стран. 40—41.

ми.—Улучшено устройство помѣщеній для печенія просфоръ и для самой ихъ продажи.—Далѣе—умножена ризница. Здѣсь нужно указать, что нѣкоторыя вещи пожертвованы были въ ризницу самимъ высокопр. Филаретомъ, какъ напр. двѣ панагіи, украшенныя драгоцѣнными камнями, два саккоса съ полнымъ прочимъ облаченіемъ архіерейскимъ; алмазный и брилліантовый кресты, носимые на клобукѣ, Высочайше ему пожалованные; золотая медаль въ память совершившатося возсоединенія Уніятовъ и другія вещи,—какъ напр. два креста съ клобуковъ съ обыкновенными камнями, и разныя матеріи парчевыя и шелковыя и бархатныя для употребленія на ближнихъ и дальнихъ пещерахъ при святыхъ мощахъ. (1) Наконецъ въ пещерахъ для всѣхъ св. мощей устроены были кипарисныя раки. (2) При этомъ невольно чувствуется и вѣрится, что не тогда ли изъ остатковъ отъ сего кипариса устроилъ и себѣ высокопр. Филаретъ гробъ, который секретно, въ теченіе многихъ лѣтъ, сохранялся имъ въ алтарѣ Голосѣевской домовой церкви, гдѣ онъ, по преимуществу среди безмолвія, совершалъ свои обычныя молитвенныя правила во время лѣтняго пребыванія своего въ Голосѣевой пустынѣ!.. Объ этой-то Пустынѣ мы и скажемъ теперь подробно, въ заключеніе всего настоящаго повѣствованія о жизни и дѣятельности высокопр. Филаретъ, какъ Священно-Архимандрита и, въ частности, какъ строителя.—

Кто бывалъ на поклоненіи святынямъ Кіевскимъ, тотъ, вѣроятнѣе всего, непремѣнно побывалъ и въ Голосѣевской пустынѣ, (отстоящей отъ Лавры верстъ на семь) и, тѣмъ болѣе, если кто желалъ, (а кто этого не желалъ??), принять благословеніе Первосвятителя Кіевскаго. Въ лѣтнюю пору высокопр. Филаретъ каждый годъ перемѣщался на житье въ эту пустынь, пріѣзжая изъ нея лишь для богослуженія въ праздники и нѣкоторые воскресные дни въ Лаврѣ, или же въ другихъ церквахъ.—Въ противномъ случаѣ могло сбы-

(1) Смотр. въ запискахъ, а также въ завѣщаніи высокопр. Филарета и въ описи лаврской ризницы.

(2) Смотри въ запискахъ листъ 3 стр. 3.

ваться надъ всякимъ извѣстное изреченіе: «быть въ Римѣ и не видать папы»...

Голосѣева пустынь, сама по себѣ, не представляетъ ни мѣстностію своею по части какихъ либо живописныхъ видовъ, ни внѣшнимъ устройствомъ своимъ чего либо особеннаго; напротивъ она—именно пустынь, устроенная на тѣсной полянѣ между двухъ враговъ, закрытая на глухо со всѣхъ сторонъ, какъ окружающимъ ее лѣсомъ, такъ и самою низменностію мѣстоположенія. Съ одной только сѣверной стороны на окраинѣ лѣса съ значительно возвышеннаго пригорка открывается, дѣйствительно, прекрасный видъ на г. Кіевъ и, въ частности, на Лавру, гдѣ, какъ мы замѣчали, любилъ обыкновенно высокопр. Филаретъ предаваться своимъ молитвеннымъ подвигамъ;—но это, очевидно, не придаетъ живописности самой пустынѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ былъ на этомъ мѣстѣ хозяйственный хуторъ Лавры; но, блаженной памяти, бывшій Митрополитъ Кіевскій, Петръ Могила, соорудилъ здѣсь деревянную церковь во имя одного изъ св. мучениковъ родственной ему Молдавіи, Іоана Сочавскаго, и построилъ для себя здѣсь небольшой домъ, развелъ садъ, и учредилъ монашеское общежитіе. Впослѣдствіи это монашеское общежитіе было упразднено, и пустынь Голосѣевская обращена была опять въ свое первобытное экономическое заведеніе, (1) остатки котораго и теперь находятся, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что и до селѣ существуютъ два-три крестьянскихъ дома, въ коихъ жили лаврскіе служители, назначаемые для хозяйственныхъ работъ въ бывшемъ заведеніи. Изъ этого послѣдняго назначенія обратилъ ее опять въ монашеское общежитіе только высокопр. Филаретъ; потому все, что̀ видитъ теперь въ ней всякій посѣтитель, исключая одной лишь древней, но обновленной, деревянной церкви во имя Живоноснаго Источника, сдѣлано имъ. Такимъ образомъ, если прежняя Пустынь могла именоваться Могилянскою, то теперь она достойно и праведно должна носить названіе *Филаретовской*, или совмѣстно—*Филарето-Парѳеніевской*, каковою она и начинаетъ уже

(1) Смотр. указатель святынь и пр. стр. 171.

слыть въ памяти и преданіи Кіевлянъ и богомольцевъ. И самъ высокопр. Филаретъ обыкновенно говаривалъ: «я здѣсь въ Голосѣевой-то и есть собственно Настоятель, а тамъ, въ св. Лаврѣ, я—послушникъ, ибо Настоятельница—Игуменія Лавры есть Сама Пресвятая Богородица.»

Что́ же побудило и расположило высокопр. Филарета къ избранію и устроенію этой пустыни для своего жительства, когда она, судя по вышесказанному описанію, не представляла ни мѣстностію, ни чѣмъ либо инымъ замѣчательнаго и привлекательнаго? Въ отвѣтъ на это, кажется, не требуется и словъ... Скитъ Оптинскій, Раиѳская пустынь сильнѣе словъ свидѣтельствуютъ, какихъ желалъ и искалъ въ Бозѣ почившій удобствъ, когда предполагалъ устроить и дѣйствительно устроялъ помѣщеніе не для временнаго, но всегдашняго жительства. А что онъ и, сдѣлавшись Митрополитомъ, не измѣнился въ этомъ отношеніи, доказательство опять на лицо. Собственно для себя, для такъ называемаго комфорта, и въ постоянномъ мѣстожительствѣ въ Лаврѣ онъ буквально не устроилъ ничего, кромѣ только домовой церкви и чрезъ это уменьшилъ просторность своихъ же покоевъ. Что́ касается и до расхода денегъ лаврскихъ на устройство Голосѣевской пустыни, то и здѣсь высокопр. Филаретъ явилъ въ себѣ примѣръ, достойный его имени. Въ запискахъ читаемъ: «все устройство Голосѣевой состояло въ томъ, что построенъ былъ для пріѣзда и житья собственно Владыки домъ съ домовою церковію во имя Іоанна Многострадальнаго, и нѣсколько отдѣльныхъ келлій. Потомъ устроена каменная церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы съ двумя придѣлами, и все это почти на собственный счетъ Владыки въ *воспоминаніе рожденія его при церкви Покрова*. Самъ Владыка носилъ кирпичъ для кладки ея.—Далѣе на сумму, пожертвованною Графинею А. А. Орловою, построена каменная ограда вокругъ всей пустыни, такъ что вышелъ совершенный монастырёкъ. Здѣсь Владыка и проводилъ большую часть лѣта съ о. Парѳеніемъ, который имѣлъ тамъ для себя особенный домикъ, и тамъ же погребенъ въ прежней деревянной церкви, предъ тѣмъ возобновленной». (1) Самая же

(1) Смотр. записки листъ 3, етр. 1—2.

мѣстность, закрытая со всѣхъ сторонъ, и даже самое неудобство сообщенія съ пустынею, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали и благопріятствовали желанію и цѣли, обитавшихъ тамъ, пустынолюбцевъ. Въ этомъ отношеніи въ запискахъ о. Намѣстника значится такая, между прочимъ, замѣтка.—«Была особенная озабоченность Владыки, какъ бы, по кончинѣ его, Лавра не настроила при Голосѣевской пустыни чего либо въ родѣ гостинничныхъ дворовъ, или дачъ... Конечно, говаривалъ онъ, быть можетъ,—прибыль-то будетъ отъ жильцовъ,—да для пустыни-то будетъ опустѣніе»... (1) Дѣйствительно это опасеніе едва было не стало осуществляться, хотя не со стороны Лавры, а частныхъ людей, которые начали-было, по кончинѣ высокопреосв. Филарета, устроять не вдалекѣ отъ пустыни въ пролѣскахъ простенькіе домики и отдавать ихъ въ наемъ на лѣтнее житье для желающихъ изъ горожанъ. Но, по распоряженію высокопр. Арсенія, все это прекращено и уничтожено до послѣдняго остатка, такъ какъ дѣйствительно для Пустыни оказывалась опасность опустѣнія, разумѣется, не вещественнаго экономическаго, а духовно-нравственнаго.

Сказанная озабоченность высокопр. Филарета простиралась до того, что нигдѣ даже, около Пустыни, не было никакой и временной торговли съѣстными припасами и другими вещами и, тѣмъ болѣе, не позволялось оставаться на ночлегъ гдѣ либо и вблизи ограды.—Всѣхъ приходящихъ вы начинаете видѣть съ ранняго лѣтняго утра, и послѣ вечерни почти не встрѣтите никого; даже и до этой поры остается развѣ нѣсколько человѣкъ; прочіе же всѣ, отслушавши обѣдню и получивши благословеніе у Владыки, а нуждающіеся—подаяніе—(для чего преимущественно, бывало, и приходятъ сюда), возвращаются или въ городъ, или поспѣшаютъ зайдти въ недалекѣ находящуюся пустынь Китаевскую. Такимъ образомъ вся братія могла здѣсь располагаться свободно, такъ сказать, по патріархальному, *кійждо* находясь если *не подъ смоковницею своею*, то въ своемъ спокойномъ уголкѣ, въ полисадничкѣ предъ келлія-

(1) Тетрадь 11 стран. 17 на обор.

ми, или же въ саду, кто съ псалтырью, кто съ Евангеліемъ въ рукахъ, а кто и безъ нихъ съ изустнымъ повтореніемъ ихъ. Если же приводилось кому выходить и за ограду, то въ непосредственно окружающемъ густомъ лѣсу такъ же не было опасенія за нарушеніе ихъ богомысленнаго занятія. Впрочемъ, говоря такъ о братіяхъ, мы прежде всѣхъ и преимущественно разумѣемъ здѣсь самого высокопр. Филарета, который, дѣйствительно, и по внѣшнему своему одѣянію не отличался здѣсь почти ни чѣмъ отъ прочихъ своихъ собратій. При видѣ его въ обычной его шапочкѣ, въ простой рясѣ, съ старческимъ костылькомъ въ одной рукѣ, а въ другой съ Евангеліемъ, или Апостоломъ,—скорѣе и легче всего было всякому, не знавшему твердо его въ лице, почесть его за обыкновеннаго скитскаго старца... За это онъ, едва было, не поплатился однажды—большою непріятностію и даже серьезною опасностію. Это—былъ слѣдующій случай.

Когда высокопр. Филаретъ, однажды, совершая свою обычную проходку, забрелъ одинъ далеконько по тропинкамъ въ лѣсу Голосѣевой пустыни, его вдругъ остановилъ, вышедшій изъ-за кустовъ, человѣкъ. Владыка сначала осѣнилъ его благословіемъ, но тотъ прямо къ своей цѣли: «давай, что у тебя есть!...» Влад. Филаретъ преспокойно вынулъ кошелекъ и, отдавая, сказалъ: «ну, братъ, жалко мнѣ тебя, что тутъ должно быть мало». Но когда, вынимая кошелекъ, Влад. Филаретъ распахнулъ полу, незнакомецъ увидѣлъ на немъ часы съ цѣпочкою, и потому тутъ же, принимая кошелекъ, сказалъ: «ну, если тутъ больно мало, такъ давай-ка въ добавокъ и часы твои». Владыка преспокойно исполнилъ требованіе. Взглянувъ на часы и цѣпочку, незнакомецъ сказалъ: «да они, кажется, золотые».—«Да, отвѣчалъ Владыка: —такъ чтожъ? тебѣ же, братъ, выгоднѣе». «Эге! сказалъ тотъ: — «ты монахъ, а у тебя какъ же это часы-то такіе?... или ты не изъ простыхъ?.. можетъ быть, ты—Казначей, или кто-нибудь?...»—«Нѣтъ, я не Казначей». «Да кто же?»—«Меня-то, коли хочешь знать правду, зовутъ здѣсь Митрополитомъ»... Тотъ остолбенѣлъ...—«Ну, что же ты, любезный, такъ переполошился?!.. Господь съ тобой!»—Тотъ въ ноги...—«Ну, братъ,

встань-ка, да проводи меня и не бойся, пожалуйста, ничего».—Когда подошли уже оба они къ Пустынѣ, Владыка Филаретъ обратился къ несчастному:—«вотъ—что, братъ, ты отдай-ка мнѣ часы-то назадъ; это для тебя же лучше; иначе попадешься ты, пожалуй, съ ними въ бѣду, коли станешь продавать .. А здѣсь постой немножко, я тебя позову сію же минуту къ себѣ, какъ странника, да и дамъ тебѣ, сколько и на что тебѣ нужно».—Тотъ отдалъ часы. Владыка на крыльцѣ же приказалъ келейному—о. Сергію, идти скорѣе къ воротамъ и позвать странника, который такой добрый, что проводилъ его.—Келейный пошелъ, но уже и слѣдъ простылъ незнакомца. «Экой недобрый!... Ну Господь съ нимъ!»

Мы сказали, что въ Голосѣевской пустынѣ образъ жизни отзывался патріархальностію въ духѣ иноческо-преподобническомъ. Чтобы опредѣлить значеніе этого выраженія точнѣе и полнѣе, употребимъ лучше слова одного изъ братій, неразлучнаго спутника высокопр. Филарета. Онъ, любя болѣе другихъ удаляться въ лѣсъ, и тамъ, (какъ прекрасно выразился жизнеописатель его), *пребывая единъ съ Единымъ*, и совершая въ проходкѣ свое молитвенное правило и пр., такъ свидѣтельствовалъ о своемъ состояніи, въ которое приходилъ преимущественно, когда проводилъ время въ Голосѣевской пустынѣ: «Здѣсь носится духъ преподобныхъ Отецъ нашихъ Печерскихъ; и если есть на землѣ утѣшеніе и радость, то это въ пустынномъ безмолвіи. Люди отлучаютъ насъ отъ Бога, а пустыня приближаетъ къ нему». (1) Это—слова о. Іеросхимонаха Парѳенія, а, слѣдовательно, можно сказать, и слова самого высокопр. Филарета по извѣстной ихъ духовной единомысленности. Но, вотъ, впрочемъ, свидѣтельство подобное же и со стороны самого высокопр. Филарета. Настоятель Раиѳской пустыни, что́ близь Казани, какъ-то, въ письмѣ своемъ къ высокопр. Филарету, напомянулъ ему объ устроенномъ имъ въ той пустынѣ помѣщеніи, гдѣ онъ желалъ поселиться, по выходѣ на покой. Напоминаніе это, очевидно, основывалось

(1) Смотр. сказаніе о жизни о. Іоросхим. Парѳенія стр. 55.

на томъ, что высокопр. Филаретъ многократно, какъ извѣстно, намѣревался и совершенно было рѣшился проситься на покой, и объ этомъ не скрывалъ въ своей перепискѣ съ помянутымъ о. Настоятелемъ. Въ письмѣ этомъ о. Настоятель, какъ видно, отъ всей души свидѣтельствовалъ о всѣхъ удобствахъ помѣщенія, съ устроенною при немъ особенною церковію; но высокопр. Филаретъ, благодаря искренно за все, отвѣчалъ: «нѣтъ, изъ Святой Лавры и въ частности разумѣя—изъ Голосѣевской пустыни, если можно пожелать перемѣститься куда на жилище, то только развѣ въ Царствіе Небесное». Сюда же можно отнести и слѣдующій фактъ Когда высокопр. Филаретъ получилъ назначеніе и приглашеніе быть въ Москвѣ на Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1856 году, то онъ, при всей своей готовности по безпримѣрно—царелюбивому своему чувству, не могъ, однако, рѣшиться предпринять столь дальнее путешествіе по старости лѣтъ и чувствуемой въ это время особенной слабости силъ, какъ значится въ оффиціальной перепискѣ по этому предмету,—и о чемъ мы приведемъ подробныя свѣдѣнія въ своемъ мѣстѣ. Но, сверхъ этой дѣйствительной причины въ физическомъ отношеніи, была и другая сторона ея—внутренняя. Въ запискахъ о. Намѣстника значится по этому предмету двѣ слѣдующія замѣтки,—одна предъ временемъ Коронаціи, а другая послѣ совершенія ея. Въ первой, подъ 15-мъ числомъ Іюля 1856 г., читаемъ: «Владыка въ Голосѣевѣ: куда мнѣ на Коронацію? Лучше я здѣсь помолюсь; да я и теперь о Нихъ молюсь, крѣпко молюсь». А тамъ когда и молиться-то?!» (1) Во второй, подъ 9-мъ Сентября: «За столомъ у Владыки, (гдѣ находился о. Намѣстникъ, только что прибывшій изъ путешествія на Коронацію): «Ну, какъ мнѣ было ѣхать на Коронацію? Ты сколько разъ служилъ въ Москвѣ? Однажды,—(былъ отвѣтъ о. Намѣстника). Ну вотъ! вѣдь это безъ смерти смерть».(1)

При такихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ истинно-преподобническомъ состояніи избранныхъ пустынолюбцевъ

---

(1) Смотр записк. тетр II, стр. 17 на обор.

Голосѣевцевъ, и во главѣ ихъ самого жизнеописуемаго, что́ оставалось бы сознавать и чувствовать, какъ не одно отраднѣйшее явленіе, доказывающее, что, слава и благодареніе Господу,—не смотря на то, что въ наши дни, по выраженію Св. Царепророка, *оскудѣ преподобный*, и оскудѣ потому, *что умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ*,—духъ истиннаго преподобничества живетъ и дѣйствуетъ въ избранныхъ, такъ что они обрѣтаютъ и осязаютъ его тамъ, гдѣ духъ міра и образъ вѣка сего, если не успѣваютъ водворять свою обычную суетность, за то мнятъ успѣвать въ своихъ сужденіяхъ и толкахъ относительно и самаго устройства подобныхъ обиталищъ и состоянія обитающихъ.

Да, мы не можемъ скрыть здѣсь, ходившихъ въ самое время устройства Голосѣевской пустыни,—мнѣній и даже открытыхъ толковъ такого рода, «что-де высокопр. Филаретъ Кіевскій, равно какъ въ тоже время и Московскій, оба разомъ взялись устроять себѣ скиты съ цѣлію удалиться въ нихъ на всегда,—и это-де вслѣдствіе извѣстныхъ, постигшихъ ихъ, невзгодъ въ С.-Петербургѣ, откуда они одновременно были уволены въ 1842 г.—на всегда...» Смыслъ этихъ мнѣній и толкованій—разнообразный: одни разумѣли здѣсь не болѣе, какъ дѣйствіе оскорбленнаго самолюбія и униженнаго авторитета; другіе приписывали это какъ бы разочарованію своимъ положеніемъ... иные же, наконецъ, разсуждали такъ, какъ и что́ находили правдоподобнымъ по своимъ соображеніямъ на основаніи тѣхъ, или иныхъ личныхъ отношеній къ Первосвятителямъ... Касательно Московскаго Митрополита Филарета читатели припомнятъ подобныя сужденія бывшаго Намѣстника Лавры о. Антонія по поводу устроенія Геѳсиманскаго скита. Въ настоящемъ же мѣстѣ мы встрѣчаемся съ подобнымъ сужденіемъ такого лица, о которомъ, говоря по истинѣ и по чувству глубокаго почитанія къ нему, мы и не повѣрили бы, если бы не слышали изъ собственныхъ его устъ указываемаго сужденія.—Мы разумѣемъ о. Протоіерея Ивана Михайлова Скворцова. Впрочемъ подобное же сужденіе, хотя выраженное въ краткихъ сло-

---

(1) Тамъ же стр. 18 на обор.

вахъ и какъ бы въ намекахъ, находится и въ одномъ изъ его писемъ къ высокопр. Иннокентію Архіеп. Херсонскому, гдѣ Иванъ Михайловичъ высказался въ этомъ смыслѣ объ обоихъ Первосвятителяхъ Филаретахъ—и Кіевскомъ, и Московскомъ... (1)

Но что́ сказать на все это?!. Если даже и допустить здѣсь, въ силу авторитета высказавшихъ свои сужденія, какую либо долю правды, то и это послѣднее должно носить иной характеръ. Дѣйствительно, высокопр. Филаретъ неоднократно собирался просить себѣ совершеннаго увольненія, и могло быть, что въ этихъ, между прочимъ, видахъ онъ и началъ устроять Голосѣевскую пустынь. Но онъ не исполнилъ этого своего намѣренія, а почему именно? Вотъ здѣсь-то и должны умолкнуть всѣ вышеизложенныя и подобныя имъ мнѣнія и толкованія, которыя, быть можетъ, доходили и до слуха высокопр. Филарета. Послушаемъ же, какъ онъ самъ разсуждалъ объ этомъ. «Тяжело, говаривалъ онъ, до крайности посить мнѣ бремя службы. Такъ мнѣ все наскучило. Отраднаго такъ мало во всемъ Какъ бы хорошо совсѣмъ удалиться въ Голосѣево, и посвятить себя Единому Христу Спасителю. Вкусивъ сладости общенія съ Нимъ, крайне горько отрываться отъ Него какими-бы то ни было житейскими дѣлами. Я вступилъ уже на этотъ путь; сходить съ него не могу, да и не захочу ни за какія блага»... «Нѣтъ, говорилъ онъ въ другіе разы, видно уже до конца висѣть мнѣ на крестѣ. И Христу Спасителю говорили: *сниди со креста*, но Онъ не сошелъ... Такъ и я часто слышу эти слова: сниди со креста,—вопіютъ иногда дѣла, а иногда собственное нетерпѣніе... Но я положилъ уже висѣть дотолѣ, пока снятъ буду... (2) И такъ, вотъ, въ чемъ было единственное побужденіе и всецѣлое стремленіе у въ Бозѣ почившаго и устроить Голосѣеву пустынь и по временамъ водворяться въ ней. Хотя онъ и ссылается на бремя самой службы по званію и обязанностямъ Митрополита,—но въ этомъ самомъ зритъ прямое призваніе къ тому *игу и бремени*, которое

(1) Смотр. Христ. чтеніе 1886 г.

(2) Смотр. послѣдніе дни жизни высокопр. Филарета, стр. 7—8.

состоитъ во внутреннемъ крестоношеніи, подъ которымъ человѣкъ чѣмъ болѣе чувствуетъ видимую его тягость, тѣмъ бо́льшую вкушаетъ сладость, и эту послѣднюю почерпаетъ отъ Десницы Того, Кто Единъ посылаетъ и налагаетъ и самые кресты на своихъ достойныхъ избранныхъ. Что́ это за сладость въ ношеніи креста и въ чемъ она ощущается, и какъ ниспосылается,—это для самихъ Св. подвижниковъ, по свидѣтельству ихъ же, не рѣдко остается на долго не довѣдомымъ,—доколѣ Самому Господу благоугодно открыть имъ въ видѣніяхъ, или знаменіяхъ. Такъ дѣйствительно и было съ высокопр. Филаретомъ. Въ календарѣ за 1844-й годъ на 16-е число Ноября собственноручно записано имъ на Латинскомъ языкѣ, представляемое нами въ переводѣ на русскій, слѣдующее: «Вижу во снѣ голубя бѣлаго, сходящаго на грѣшную главу мою. Радуюсь и хочу поймать его. Голубь сѣлъ на главѣ моей и произнесъ сіи слова: «изливаю на тебя дары мои. Отпущаются грѣхи твои». Съ радостнымъ сердцемъ проснулся я и всталъ на молитву.» Далѣе въ запискахъ значится: «возьми себѣ (говорилъ высокопр. Филаретъ бывшему тогда Ректору Кіевской Академіи, покойному высокопр. Архіепископу Казанскому Антонію) икону Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя, что́ на стѣнѣ въ кабинетѣ. Я давно уже предъ нею молюсь, и не разъ зрѣлъ ее сіяющею такимъ чуднымъ свѣтомъ». (1)

Смотря на эти только два факта, (а были и другіе) и при всемъ незнакомствѣ съ подобными духовноблагодатными явленіями, возможно ли не признать, и даже какъ бы ощутить и всякому, хотя въ нѣкоей долѣ, то́ состояніе, достигшіе котораго не желаютъ промѣнять его ни на какія блага въ жизни, хотя оно и достигается тяжкими крестоносными испытаніями.—Для насъ же, теперь ознакомившихся почти уже со всѣмъ поприщемъ жизни въ Бозѣ почившаго, значеніе вышесказанныхъ явленій не можетъ не быть особенно знаменательнымъ. Сравнивая эти явленія съ тѣмъ первоначальнымъ, гдѣ было возвѣщено: «*не бойся, судьбы Архимандрита Филарета въ рукахъ Божіихъ*»,

(1) Смотр. записки лист 5, стр. 4

кто не видитъ, что въ этомъ послѣднемъ ниспосылалось благодатное ободреніе и укрѣпленіе только еще на предстоявшіе испытательные подвиги, а теперь здѣсь возвѣщается и даруется какъ-бы плодъ и вѣнецъ этихъ подвиговъ. Припомнимъ,—какъ самъ высокопр. Филаретъ свидѣтельствовалъ о себѣ, что послѣ извѣстнаго, особеннаго тяжкаго, испытанія, среди котораго онъ и сподобился перваго видѣнія,—онъ *много-много созрѣлъ въ жизни духовной*; теперь же ясно открывалось ему, что созрѣваніе его достигло такой вожделеннѣйшей мѣры и степени, какой достигнуть значитъ приходить, по слову св. Апостола, *въ мѣру возраста исполненія Христова*. Такъ было выражено объ этомъ и въ надгробномъ словѣ:—«Вмѣстѣ съ преуспѣяніемъ тѣлеснаго возраста въ Бозѣ почившій преуспѣвалъ и въ подвигахъ духовныхъ; восходя по степенямъ Іерархическимъ выше и выше, онъ, въ тоже время, слагалъ въ сердцѣ своемъ и духовныя восхожденія къ Богу, пока изъ сихъ степеней не составилась полная лѣствица, возведшая его отъ земли къ небеси». (1) И все это, и по человѣческимъ соображеніямъ, естественнѣе всего могло довершиться именно на настоящемъ мѣстѣ служенія и подъ конецъ его маститой жизни. Потому-то ни Площанской обители, ни Оптинскому скиту, ни Раиѳской пустынѣ не суждено было принять на всегдашнее жительство къ себѣ того, кто самъ, между тѣмъ, такъ пламенно и усердно желалъ водвориться въ нихъ; а жребій этотъ выпалъ для пустыни Голосѣевской, не раздѣльно съ св Кіево-Печерскою Лаврою, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для самой первопрестольной Кіевской паствы, на древнѣйшей каѳедрѣ которой возсѣдало столько великихъ богоугодныхъ подвигами Святителей не подъ бѣлыми клобуками съ сіяніями драгоцѣнныхъ крестовъ, а подъ смиренными древними куколями,—въ образъ чего и въ Бозѣ почившій, хотя и въ тайнѣ, невѣдомой другимъ, воспринялъ на себя такой же куколь схимническій. А такъ какъ обѣты святиническіе, по значенію своему, составляютъ повтореніе данныхъ

(1) Смотр. Слово, сказанное Инспекторомъ Кіевской Академіи Архимандритомъ Іоанникіемъ, нынѣшнимъ Митрополитомъ Московскимъ.

при св. Крещеніи, то можно ли почитать однимъ только случайнымъ совпаденіемъ, — что какъ въ Бозѣ почившій воспріялъ святое Крещеніе при церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, такъ и теперь—совершалъ всѣ свои подвиги въ силу сугубыхъ обѣтовъ схимническихъ подъ кровомъ той же Покрово-Богородицкой Церкви. Продолжимъ теперь нашу рѣчь въ частности объ устройствѣ этой Голосѣевской Покровской Церкви.

Въ предложеніи своемъ Духовному Собору (1) вотъ что́ писалъ высокопр. Филаретъ: «По усердію моему положилъ я въ душѣ моей твердое намѣреніе построить въ Голосѣевой пустынѣ каменнымъ зданіемъ храмъ во Имя Покрова Пресвятыя Богородицы по утвержденному мною плану и фасаду, при семъ приложенному, *собственнымъ моимъ иждивеніемъ*. Поручаю Духовному Собору изготовить для сего особую книгу для записи расхода изъ принадлежащей мнѣ суммы, хранящейся въ казнохранилищѣ Лавры, и поручить, кому слѣдуетъ, приготовить въ теперешнее удобное время матеріалы, дабы при открытіи слѣдующей весны приступить къ построенію храма». Такое усердіе и попечительное распоряженіе о заблаговременномъ приготовленіи нужныхъ матеріаловъ увѣнчалось желаннымъ скорымъ успѣхомъ. Церковь довольно значительныхъ размѣровъ о трехъ престолахъ окончена была совершенно постройкой съ малымъ чѣмъ въ годъ. Начатая съ весны 1845 г., въ Іюлѣ 1846 г. была уже освящена со всѣми придѣлами. Такая скорость, само собою, зависѣла и отъ того, что работы происходили не только на глазахъ самого высокопр. Филарета, но и при его даже собственноручномъ сотрудничествѣ. Мы уже упоминали, что онъ самъ носилъ кирпичъ при постройкѣ этой Покровской церкви. Не говоря о внутреннемъ духовномъ значеніи сего труда, какъ подвига и образа смиренія въ подражаніе своему новотезоименнику Св. Преподобному Ѳеодосію Печерскому, именемъ коего онъ нареченъ былъ при принятіи схимы, этотъ примѣръ, конечно,

---

(1) Отъ 6-го Декабря 1844 года за № 2585. Смотр. опись дѣлъ Екклесіаршескихъ; связка 19-я 1845 г. № 425 и особую опись № 23.

служилъ однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій къ усердію со стороны и всѣхъ работавшихъ. Главный престолъ былъ освященъ 28 Іюля 1846 г. самимъ высокопр. Филаретомъ, а въ правомъ придѣлѣ во имя трехъ Святителей о. Намѣстникомъ Лавры Архимандр. Лаврентіемъ, въ лѣвомъ же во имя св. мученика Іоанна Сочавскаго бывшимъ тогда о. Ректоромъ Кіевской Дух. Семинаріи Архим Антоніемъ (покойнымъ Архіеп. Казанскимъ). Имя послѣдняго Угодника Іоанна Сочавскаго удержано собственно потому, что самый первый храмъ, при самомъ начальномъ основаніи пустыни Митрополитомъ Петромъ Могилою, былъ посвященъ имени его, какъ родственнаго Митрополиту Могилѣ покровителя по землѣ Молдавской. Въ этотъ же придѣлъ перенесена и часть св. мощей сего мученика, которая находилась прежде въ старой деревянной церкви во имя Живоноснаго Источника. Эта часть мощей принесена была изъ Молдавіи въ Кіевъ тѣмъ же Митрополитомъ Петромъ Могилою. (1)

Стоимость всего храма въ постройкѣ и со всѣми расходами при освященіи его составила сумму *въ 36,307 р. 94 коп. асс.* Въ итогѣ этой суммы значится, что Архитектору заплачено за труды *500 р.* асс., пѣвчимъ при освященіи дано *200 р.*, Протодіакону *100 р.* и на всѣ расходы по случаю празднества освященія употреблено *350 р.* Такимъ образомъ высокопр. Филаретъ поступилъ здѣсь въ полномъ смыслѣ какъ хозяинъ-храмоздатель; иначе, очевидно, дѣло могло бы обойдтись безъ этихъ послѣднихъ расходовъ, не исключая даже и платы Архитектору, такъ какъ онъ былъ епархіальнаго вѣдомства. Впрочемъ въ составъ вышесказанной суммы вошли нѣкоторыя деньги, пожертвованныя отъ доброхотныхъ дателей. И замѣчательно, отъ какихъ?! Изъ среды же своихъ иночествующихъ собратій. Такъ тогдашній начальникъ Голосѣевской пустыни о. Игуменъ Григорій вошелъ къ высокопр. Филарету, отъ 20 Января 1845 г., прошеніемъ такого содержанія: «Господь Богъ, вся творяй и претворяй воблаго, вложилъ въ сердце Ваше къ славѣ Пресвятаго Имени Своего построить въ Голосѣевской пустынѣ вновь каменный храмъ на

(1) Смотр. Указатель святынь Кіевскихъ стр. 171—172.

собственную сумму Вашу. Я, ревнуя и сорадуясь богоугодному Вашего Высокопреосвященства желанію и начинанію, прошу на оный храмъ и отъ меня,—яко отъ убогой вдовицы Христосъ Господь пріялъ двѣ лѣпты,—принять ассигнаціями *двѣсти* руб.»(1) Такъ точно іеромонахъ Китаевской, не вдалекѣ отъ Голосѣевской пустыни, о. Іоаннъ писалъ, отъ 5 Февраля того же 1845 г., въ Духовный Соборъ: «Услышалъ я, что въ имѣющую выстроиться въ Голосѣевой пустынѣ каменную Церковь во имя Покрова Преблагословенныя Владычицы нашея, собственнымъ нашего Высокопреосвященнѣйшаго Владыки иждивеніемъ, пріемлются и малыя посильныя пожертвованія отъ братіи; и я сему случаю весьма радъ. Ибо въ сей день изволеніемъ Божіимъ я сподобился получить монашество; а по сему самому на сей же предметъ жертвую и отъ себя *двадцать* Россійскихъ полуимперіаловъ, которые при семъ и представляю, и молю Бога и Пречистѣйшую Его Матерь о нашемъ Высокопреосвященнѣшемъ Архипастырѣ, да не будетъ отвергнуто сіе мое усердное малое по своему значенію приношеніе.»

Эти послѣдніе факты, кромѣ обыкновеннаго значенія, какъ вещественнаго пожертвованія по личному усердію къ благолѣпію храма вообще, ясно свидѣтельствуетъ и о другомъ ихъ значеніи собственно по отношенію къ Голосѣевской пустынѣ. Это значеніе опредѣлилъ, между прочимъ, одинъ изъ братій—старцевъ, къ которому, послѣ извлеченія сказанныхъ фактовъ изъ дѣлъ архива обратился я съ такими, между прочимъ, вопросами: «живы ли эти лица—жертвователи, и кромѣ ихъ были ли и кто другія, и кто именна?» Послѣ отвѣта на эти вопросы, старецъ продолжалъ: «Да! вотъ сами судите о тѣхъ толкахъ, какіе приводилось, бывало, слышать со стороны иныхъ на счетъ устроенія Пустыни въ Бозѣ почившимъ Владыкою нашимъ. Не чего сказать, досталось ему отъ этихъ толковъ, а изъ-за него и другимъ кое-кому... Судили и рядили, конечно, какъ кому думалось и хотѣлось думать. Ужъ таковъ судъ мір-

(1) Смотр. въ вышесказанной описи Екклесіарш. дѣлъ.

(2) Смотр. въ той же описи.

ской... Говорили, что устройство-де Голосѣевой пустыни есть только исполненіе прихоти и настоянія о. іеросхимонаха Парѳенія, которому Владыка ни въ чемъ не отказывалъ; (такъ напр. позволилъ ему устроить даже въ собственныхъ его келліяхъ домовую церковь),(1) другіе присовокупляли къ этому, что-де и Самъ Владыка сдѣлалъ это, чтобы ознаменовать свое имя и время служенія чѣмъ либо и пр... Но да проститъ ихъ всѣхъ Господь за такія праздныя и легкомысленныя ихъ разглагольствія, да и меня грѣшнаго, вызывающаго въ памяти и вамъ передающаго все это!.. Судите же сами, продолжалъ собесѣдникъ, и пусть посудятъ будущіе читатели благовнимательные: такъ ли происходило и таково ли было все дѣло... Пожалуй, можно соблазниться, нѣкоторымъ образомъ, и пожертвованіями Голосѣевскаго о. Игумена Григорія и Китаевскаго о. іеромонаха Іоанна, т. е. будто-бы они изъ пристрастія, или изъ желанія выставиться предъ Владыкою принесли свои пожертвованія... но Господи спаси и помилуй!—да гдѣ же послѣ этого мѣсто чувству вѣры, что *Господь есть дѣйствуяй въ насъ, еже хотѣти и дѣяти во благоволеніи?* Гдѣ мѣсто какимъ нибудь нашимъ добрымъ дѣламъ, да и гдѣ вѣра въ насъ самихъ, въ наши благія чувствованія, состоянія!? А вотъ еще примѣръ, который вы вѣрно уже знаете по дѣламъ; я разумѣю о. Галактіона, монаха Голосѣевской же пустыни. Что́ сказать объ немъ? Вѣдь онъ заявилъ свое усердіе не по отношенію къ церкви, собственно строившейся Владыкою, а при самомъ еще началѣ устройства Пустыни!!»—Дѣйствительно, сей часъ упомянутый фактъ имѣлся уже въ моихъ выпискахъ изъ дѣлъ архивныхъ,—а именно.—«Еще въ 1838 г. (отъ 4 Августа за № 1365-мъ) Духовный Соборъ Лавры доносилъ въ докладѣ своемъ высокопр. Филарету, что «монахъ Голосѣевской пустыни Галактіонъ словесно просилъ о. Екклесіарха о выдачѣ изъ Лаврской ризницы въ Голосѣевскую (домовую) церковь серебрянаго потира съ дискосомъ и звѣздицею единственно для удовлетворенія его желанія, заключающа-

(1) Смотр. въ жизнеописаніи о. Парѳенія стр.

гося въ томъ, чтобы оныхъ церковныхъ сосудовъ въ сей церкви находилось двѣ пары, и можно было употреблять для священнослуженія одни въ праздничные и воскресные, а другіе въ простые дни, за что онъ, монахъ Галактіонъ, жертвуетъ въ Лаврскую церковную сумму серебренными цѣлковыми *сто* рублей, по ассигнаціонному курсу 360 р.»(1) Высокопр. Филаретъ написалъ на докладѣ: «Намѣреніе монаха Галактіона благословляю.» Изъ этого послѣдняго факта о пожертвованіи монахомъ Галактіономъ священныхъ сосудовъ открывается и то́, какъ не затѣйливо, значитъ, было самое первоначальное устройство Голосѣевой Пустыни, и слѣдовательно какъ отнюдь не истощалась здѣсь сокровищница Лавры, когда изъ ея же ризницы, извѣстной по богатству хранящейся въ ней разнаго рода церковной утвари, не было взято даже и того, что́ казалось нужно и такъ удобно было взять... Былъ одинъ предметъ, по видимому, составлявшій собою нѣкоторый видъ излишества: это часы на колокольнѣ, устроенные въ 1853 г. не только съ часовымъ и четвертнымъ, но даже ежеминутнымъ боемъ. Эти часы устроены были однимъ изъ Лаврскихъ же типографскихъ послушниковъ Ѳеодоромъ Сѣтухою, по особенному личному его желанію и усердію. Иначе, говорили намъ старцы, Владыка не согласился бы устроять ихъ,—какъ вещь въ своемъ родѣ затѣйливую. — Впрочемъ, какой смыслъ придавалъ этимъ часамъ съ ежеминутнымъ боемъ самъ высокопреосвящ. Филаретъ, мы увидимъ вскорѣ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же докончимъ рѣчь объ образѣ жизни и вообще о состояніи въ Бозѣ почившаго во время его пребываній въ Голосѣевой Пустынѣ.

Онъ самъ говаривалъ: «я здѣсь—въ Голосѣевой—не Митрополитъ, а Настоятель; ну, а если этого я не сто́ю, то могу сказать, что я все-таки здѣсь какъ глава въ родной семьѣ, или какъ хозяинъ въ средѣ соживущихъ...» Когда же, наконецъ, устроена была Покровская церковь, то онъ приговаривалъ: «Вотъ, я теперь все равно́, что батюшка мой незабвенный въ селѣ Высокомъ... Не даромъ и онъ, покой-

(1) Смотр. въ той же описи.

никъ, дай Богъ царство ему небесное, еще въ бытность у меня въ Калугѣ не задолго до своей кончины, (1) когда я всячески просилъ было его остаться при мнѣ на всегда,— отвѣчалъ мнѣ: «нѣтъ, нѣтъ, родимый—Владыка, не могу; какъ мнѣ разстаться-то съ своимъ роднымъ селомъ Высокимъ и съ своею Церковью Покровскою, и со всѣмъ нашимъ домохозяйствомъ, гдѣ я все-таки, какъ говорится, хоть гдѣ гвоздь нужный вколочу, или за чѣмъ нибудь въ работахъ присмотрю, съ которыми я такъ свыкся съ издѣтства...» Изъ сообщенныхъ намъ свѣдѣній, дѣйствительно, оказывается, что какъ высказывалъ высокопр. Филаретъ о состояніи своего роднаго отца, такъ же точно чувствовалъ и проявлялъ и самъ себя, живя въ Голосѣевой пустынѣ. Видимо было для всѣхъ въ его состояніи и дѣйствіяхъ домашне-житейскихъ полное отображеніе бывшаго дѣтскаго и юношескаго состоянія такъ, что въ его маститой старости, по слову Псалмопѣвца, обновлялась, *яко орля юность его*... Вся обстановка въ его здѣшней жизни представляла ему во всемъ наглядно и осязательно родинное его село Высокое, начиная съ Покровской Церкви и продолжая тѣмъ, что на каждомъ шагу могъ находить онъ для себя съ избыткомъ все то, чѣмъ и для чего служили ему во дни

(1) Скончался 12 Октября 1822 г. Приводимъ здѣсь письмо высокопреосв. Филарета, посланное имъ, по этому случаю, въ Оптинскій Скитъ на имя отца Игумена Даніила.—«Преподобный Отецъ Игуменъ Даніилъ, любезный о Господѣ братъ!—Сего Ноября 11-го числа получилъ я печальное для сердца моего извѣстіе о кончинѣ любезнѣйшаго, почтеннѣйшаго родителя моего семидесяти семи лѣтняго старца Іерея Георгія. Исполняя долгъ сына, не престану проливать теплыя молитвы мои у Престола милосердія Господа нашего Іисуса Христа о упокоеніи души преставившагося въ селеніяхъ праведныхъ. Покорнѣйше прошу и Ваше Преподобіе и всѣхъ боголюбезныхъ братій ввѣренной вамъ обители помолиться о покойномъ родителѣ моемъ. Усердно молю васъ отслужить соборнѣ паннихиду и литургію, и отправлять годовое поминовеніе по приложенной при семъ запискѣ родныхъ моихъ. Родитель мой скончался, напутствованный всѣми христіанскими таинствами, 12 Октября сего года.

Пустынножительныхъ братій отцевъ боголюбивыхъ попросите отъ меня о поминовеніи въ молитвахъ покойнаго родителя моего и родныхъ.

Призывая на всѣхъ васъ благословеніе Божіе, съ пастырскою къ вамъ любовію имѣю навсегда пребыть Вашего Преподобія усердный богомолецъ Филаретъ Епископъ Калужскій. 1822 года, Ноября 15 дня.

дѣтства и конопляникъ, и пасѣка, и сарай сѣновальный, и прилѣсокъ смежный съ полевыми работами, на которыхъ онъ находился съ своими родными и наемными работниками, или же впослѣдствіи возилъ снопы съ своимъ добрымъ хозяиномъ на квартирѣ училищной, которому, какъ не грамотному, передавалъ онъ свои посильныя свѣдѣнія, паче же всего Богоспасительныя истины. Относительно послѣдняго рода дѣйствій высокопреосв. Филарета значится, между прочимъ, особая замѣтка въ извѣстныхъ запискахъ о немъ:— «Проживая лѣтомъ въ Голосѣевѣ, высокопр. Филаретъ любилъ посѣщать, близъ лежащій, хуторъ Софійскій и наблюдать за хозяйствомъ и сельскими работами. Пріѣзжая туда, каждый разъ надѣлялъ онъ собиравшихся къ нему дѣтей служительскихъ серебряными пятачками, и спрашивалъ ихъ о молитвахъ, и, объѣзжая кругомъ засѣянныя поля, радовался хорошему ихъ состоянію». (1) Нужно сказать, что эти посѣщенія полей и работъ и самое утѣшеніе отъ ихъ хорошаго состоянія были не въ родѣ только праздныхъ прогулокъ и, къ слову только выражаемыхъ, одобреній при видѣ чужихъ потовыхъ трудовъ; но тѣ и другіе происходили съ полезнымъ наблюденіемъ и, можно сказать, съ спеціальнымъ знаніемъ дѣла. Мы встрѣчали въ дѣлахъ архива доклады эконома Софійскаго дома о хозяйственныхъ разныхъ предметахъ и работахъ, а на этихъ докладахъ видѣли собственноручныя надписи высокопр. Филарета, изъ которыхъ и приводимъ здѣсь нѣкоторыя,—касающіяся именно полевыхъ работъ. «Хлѣбъ сжатый не пора ли перевозить?! «Сдѣлать бы пробный умолотъ, чтобы видѣть, каково зерно на видъ и на вѣсъ,—да и смолоть бы на пробу же, чтобы опредѣлить качество муки».—«Сѣно въ рядахъ, кажется, долго продерживается; сѣно можетъ быть черезчуръ пересохшимъ и мало питательнымъ». «О лошадяхъ рабочихъ на поляхъ нужно заботиться, чтобы въ пойлѣ онѣ не нуждались особливо въ слишкомъ жаркіе дни».—и пр.

Но что встрѣчали мы въ бумагахъ, тоже самое имѣли случай видѣть и на опытѣ по части наблюдательности высокопр. Филарета за хозяйственными предметами и дѣй-

(1) Смотр. записки лист. 5-й стр. 2.

ствіями въ садахъ и огородахъ, находящихся при самой Голосѣевой пустыни. Въ одно изъ посѣщеній моихъ Пустыни (въ Августѣ 1857 г.) я прогостилъ тамъ болѣе сутокъ почти не отлучно при Владыкѣ Филаретѣ, такъ какъ онъ со мною—землякомъ по Уфѣ—особенно оживленно высказывалъ свои воспоминанія о своемъ тамошнемъ житьѣ-бытьѣ... И вотъ, между прочимъ, онъ взялъ меня съ собой въ обычную свою проходку, хотя и велъ меня нарочито по разнымъ мѣстамъ, начиная съ своего сада. «Видишь, землякъ, какая у насъ благодать и въ самыхъ-то растеніяхъ и въ плодахъ разныхъ.—Вѣдь этого въ Уфѣ-то и во снѣ не увидать... Правда и тамъ есть много особенно ягодъ, хотя больше лѣсныхъ и полевыхъ. Помню особенно много клубники, смородины черной, ежевики, а въ лѣсахъ малины, калины и рябины. Я разводилъ тамъ и въ монастырѣ много этихъ сортовъ; насадилъ много и яблоней, хотя тамъ не могутъ рости хорошей породы... Изъ сада прошелъ Владыка особыми дверцами къ огородамъ, гдѣ уже были зрѣлые овощи. Вотъ и этого-то въ Уфѣ нѣтъ. Видишь, какіе здѣсь у насъ и кавуны и дыни разныхъ сортовъ, а тамъ, бывало, привозили ихъ какъ рѣдкость изъ Оренбурга, или изъ Бузулука и почти изъ подъ самой Самары. А вонъ тутъ у насъ прекрасная пасѣка; да теперь идти-то туда опасно; не давно дѣлали первые подрѣзы сотовъ,—такъ, пожалуй, пчелки-то теперь не больно ласковы. Проходя далѣе, онъ указывалъ то туда, то сюда: вонъ тамъ-то у насъ конный дворикъ, а тамъ коровушки, тамъ сѣновалы, а здѣсь дровяники... Видишь, мы не плохіе хозяева-то, хоть хозяйство и не въ большихъ размѣрахъ,—и устройство тоже не затѣйливое, не панское. Впрочемъ я это-то и люблю..., и наблюдать за хозяйствомъ охотникъ съ издѣтства и, не въ похвальбу сказать, разумѣю дѣло не хуже другихъ... Да вотъ теперь-то уже не могу, видишь, какъ я ковыляю, а не *кувалаю*, (1) какъ татары говорятъ... Ну однако *айда* теперь дальше... я поведу тебя, куда обыкновенно я люблю дѣлать свою обычную проходку.

(1) *Кувалать* по простому употребительному переводу значитъ *погонять* напр. лошадь во время ѣзды.

Настала не большая пауза... прерванная, за тѣмъ, какими-то тихими, про себя сказанными Аристарцемъ, молитвенными воздыхательными словами... Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ объ Уфѣ же и о Казани(1) мы дошли до окраины Голосѣевскаго лѣса, къ самой оградѣ изъ частокола, гдѣ въ сторонкѣ находилась простая скамейка, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, тутъ же открылся самый великолѣпный видъ на Кіевъ и въ особенности на Св. Лавру. Я сообразилъ было, что вотъ-вотъ Архистарецъ присядетъ тотчасъ, чтобы перевздохнуть отъ естественной для него усталости... и я хотѣлъ было только что воспользоватся чудною понорамою... Но, вмѣсто всего этого, мой взоръ моментально вперился и приковался всецѣло къ тому, что́ было предо мною... въ лицѣ и во всемъ положеніи предстоящаго предвожатая. Я узрѣлъ его тутъ какъ бы преобразившимся... Безмолвно протянувъ ко мнѣ свою клюшку для принятія отъ него, онъ возвелъ очи горѣ и слегка воздѣлъ молитвенно свои руки... За тѣмъ постепенно склоняя главу свою и опуская обѣ руки и весь преклоняясь долу, не сгибая однако колѣнъ, былъ въ этомъ состояніи, доколѣ руками не докоснулся до земли,(1) и пока, потóмъ, опять восклонился такъ же тихопостепенно, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, а наконецъ осѣнилъ архіерейскимъ благословеніемъ—обѣими руками—и Св. Лавру и весь городъ, видѣнные предъ нами какъ на ладони.—При этихъ осѣненіяхъ поклонился и я молитвенно до земли по направленію къ Св. Чудотворной Лаврѣ,—и, при обращеніи ко мнѣ Архисвятителя, преклонился подъ его благословеніе, для котораго онъ самъ же наносилъ уже свою благословляющую десницу... Тутъ-то взглянувъ, я увидѣлъ, что, изъ очей его изливавшіяся, благодатныя слезы, оропали его даже и браду и капельки скатились и на грудь его—на рясу.., именно какъ бы

(1) Мы напоминаемъ здѣсь читателямъ, что эти разговоры были именно о миссіонерскихъ дѣлахъ въ Казанской, Симбирской и Оренбургской епархіяхъ; о чемъ изложено нами во второмъ томѣ,—о служеніи высокопр. Филарета въ Казани.

(1) Образъ такихъ молитвенныхъ поклоненій встрѣчается въ святоподвижническихъ сказаніяхъ.

по словамъ Псалмопѣвца.. *яко роса Аермонская, сходящая на горы Сіонскія* — или даже *яко мѵро* на главѣ сходящее *на браду—браду Аароню и на ометы одежды его.*—Но въ лицѣ и взорѣ его и въ самыхъ звукахъ голоса, когда онъ тутъ же сказалъ, чтобы подать ему его клюшку, отобразилась вся обычная его простодушность и какая-то особенная веселость духовная... «Ну, такъ вотъ что̀, землякъ, здѣсь намъ хорошо и посидѣть, а для тебя, думаю, особенно пріятно и полюбоваться отсюда видами, дѣйствительно прекрасными, и на городъ весь и на Св. Чудотворную Лавру Богоматернюю Успенскую, которая воистинну *яко Гѳѳсиманія*, какъ и воспѣвается въ стихирахъ на Успеніе: «*Гѳѳсиманіе радуйся, Богородичень Доме!*» Слова эти Архистарецъ какъ бы полупропѣлъ по Лаврскому напѣву.—«Правда по части видовъ-то и Уфа, можно сказать, рѣдко замѣчательна особливо своими горáми съ ихъ страшными обрывами, такъ что, бывало, и голова закружится, если смотрѣть пристально до самаго низу... А это, вѣдь, какъ разъ у самаго Монастыря и особенно у называемаго *чертова городбища*; хотя и наши-то Кіевскія горы тоже славятся высотою для не видавшихъ, конечно, другихъ горъ—бóльшихъ.—А я то проѣхалъ сквозь весь и Уральскій хребетъ, проѣздомъ въ Тобольскъ и обратно». Послѣ моихъ вполнѣ подтвердительныхъ словъ и объ Уфимскихъ горахъ и видахъ, и о Кіевскихъ съ присовокупленіемъ, что послѣднія производятъ особенное впечатлѣніе и вызываютъ какія-то иныя чувствованія... Владыка, въ какомъ-то опять полураздумьѣ, сказалъ: «да, землякъ, и скажи—слава Богу, что чувствуется такъ. А подумай-ка, отъ чего бы это?...» Давши мнѣ высказаться только нѣсколько, онъ самъ заговорилъ: «все это правда и прекрасно, но эти мысли и чувствованія только наши одноличныя,—а у меня вотъ опять мысли зароились о томъ же, о чемъ мы, идучи сюда, толковали... и зароились-то, какъ говорится, по ассоціаціи.—Кіевскія-то горы и виды, правда, какъ ты сказалъ, производятъ особенное впечатлѣніе на душу святынностію всего, что̀ на нихъ явилось съ первыхъ дней Св. Крещенія Руси,—и это возвѣстилъ еще Св. Апостолъ Андрей Первозванный своимъ сопутни-

камъ-ученикамъ: «видите ли горы сія... яко на нихъ возсіяетъ благодать Божія и имать Господь воздвигнути церкви многи, вмѣсто бывшихъ перуновскихъ и другихъ поганоязыческихъ капищъ и идоловъ... Вотъ мысли-то, говорю, вдругъ и зароились у меня такія:—«О! когда же возсіяетъ та же благодать Божія и имать Господь всюду воздвигнути церкви многи и на горахъ Уральскихъ и Уфимскихъ и Жигулевскихъ, Симбирскихъ, да и Казанскихъ Услонскихъ и во всѣхъ котловинахъ Казанскихъ же... (1) Послѣ нѣкоторыхъ еще разговоровъ Владыка сказалъ: «ну теперь пора и до двора и до хаты... И пошелъ другою тропинкою, которая, какъ оказалось, скоро привела насъ къ самымъ стѣнамъ Пустыни на такомъ разстояніи, что слышенъ сталъ минутный бой на часахъ, что́ на колокольнѣ... «Вотъ слышишь, землякъ, заговорилъ Архипастырь обычно спокойнымъ задушевнымъ говоромъ,—какъ я давича тебѣ правду сказалъ,—что время мое къ исходу близъ есть... «Сразу не понявъ этихъ словъ, я промолчалъ... Онъ же продолжалъ: «да вотъ этотъ-то минутный бой часовъ теперь мнѣ и потребенъ... пора-пора мнѣ исчислять остатокъ (2) дней моихъ, не по днямъ и часамъ, а именно по минутамъ... О! когда бы Господь, по неизреченному милосердію Своему, даровалъ мнѣ и при этомъ минутномъ счетѣ не продремать, подобно юродивымъ дѣвамъ, онаго вожделѣннѣйшаго Гласа: «Се Женихъ грядетъ!!»

Вошли мы уже и въ ограду... Встрѣтилъ Владыку, ожидавшій тутъ, его келейный.—Онъ къ нему: «ну, рабе Божій, отче Сергіе,... вотъ такъ находился я сегодня съ землякомъ-то Уфимскимъ... за-то, вмѣсто Уфимскаго татарскаго *кувала* едва едва я *доковылялъ* обратно-то... Айда-ко веди меня и я немножко отдохну до обѣда, а ты, землякъ, зайди-ка пока вотъ въ ту келлію къ одному старцу-

---

(1) Эти самыя слова были приведены нами въ разговорѣ, о которомъ напомянули мы выше.

(2) Отъ описываемаго времени дѣйствительно оставалось только четыре мѣсяца съ половиной..; кончина его послѣдовала 21 Декабря 1857 года.

Іеросхимонаху М.; скажи, что я тебя послалъ къ нему;— онъ приметъ,—а бесѣдовать-то онъ больно любитъ... какъ и я... (1) Только ты не смущайся, что онъ въ рѣчахъ-то своихъ суроватъ... Къ обѣду-то приходи.»

Среди бесѣды о. Іеросхимонахъ М. показалъ мнѣ, между прочимъ, гробъ, находившійся у него въ отдѣльной маленькой комнаткѣ,—что́ тогда меня, естественно, поразило.., а онъ мнѣ проговорилъ: «такъ знай же, вотъ гдѣ вся ученость и мудрость, коли мы научимся во всю свою жизнь пройти сквозь эти тѣсныя врата въ широту блаженной вѣчности... Возвратившись отъ старца, я услышалъ отъ келейнаго о. Сергія первыя слова: «Владыка приказалъ вамъ идти прямо къ нему». Владыка встрѣтилъ меня словами: «вотъ что́, землякъ, хотя ты, быть можетъ, и не усталъ при молодости твоей, а все-таки тебѣ хорошо пооблегчиться,—подика ты вотъ съ Сергіемъ-то и тамъ переодѣнься .. онъ дастъ тебѣ свой подрясникъ; по росту его онъ придется и къ твоему,—такъ и будемъ обѣдать...» Во время обѣда я, между разговоромъ, высказалъ, что у о. Іеросхимонаха видѣлъ гробъ... «Да, сказалъ Владыка, спасибо ему: онъ и насъ поучаетъ этимъ примѣромъ. При видѣ гроба-то невольно запоешь самъ для себя и о себѣ: «Плачу и рыдаю, его помышляю смерть и вижду брата, предлежаща во гробѣ... и также: зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братіе и друзи»... (2) А кому-ко-

---

(1) Объ этомъ посѣщеніи мною старца—Іеросхимонаха Моисея и о проч. довольно подробно сказано въ Біографіи высокопр. Антонія, Архіеп. Казанскаго, такъ какъ и содержаніе самаго разговора со старцемъ касалось собственно его лица,—и мною было передано ему еще въ свое же время, (въ 1857 г.) когда онъ былъ Ректоромъ Кіевской Академіи, а я только что поступалъ тогда въ студенты Академіи.

(2) Мы помѣстили прежде стихотворное переложеніе этой надгробной пѣсни съ Славянскаго языка; но здѣсь для точнѣйшаго сопоставленія этого переложенія съ текстомъ Славянскимъ, приводимъ послѣдній въ подлинникѣ «Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапу найде на мя страшный часъ смертный:

му, какъ не мнѣ больно больно это потребно... Вонъ чуешь, какъ и бой минутный на часахъ колокольныхъ твердитъ мнѣ объ этомъ-же... А, вѣдь, иные, пожалуй, самое устройство такихъ часовъ готовы почитать за причудливость только...

Послѣ обѣда Владыка сказалъ мнѣ: «вотъ что́ землякъ... подрясникъ-то больно къ тебѣ идетъ... Тебѣ, говорилъ ты, уже скоро двадцать восемь годовъ, да еще поучишься въ Академіи два года, значитъ, возрастъ твой будетъ, какъ разъ такой, когда и Самъ Господь Спаситель нашъ благоизволилъ воспринять Святое Крещеніе. Да ты и учиться-то будешь только Богословскимъ наукамъ, а не прочимъ философскимъ и вообще мірскимъ, которыя преподаются въ Академическомъ первомъ курсѣ и безъ которыхъ можно обойтись... Пусть-ка этотъ подрясникъ и будетъ предзнаменованіемъ, что ты и впрямь перемѣнишь, дастъ Господь, твою-ту куцую одежду съ свѣтлыми пуговицами на нашинскую... Молись-ка усердно Богу и проси Угодниковъ Печерскихъ объ этомъ... Тогда-то ты будешь сугубымъ истиннымъ землякомъ и мнѣ. . Не даромъ Господь привелъ тебя изъ дальней Уфы не въ другую какую Академію, а именно въ нашу Кіевскую... Да и Ректоръ-то Антоній тебѣ чистый землякъ, и онъ хорошій вышелъ монахъ, и тебя не оставитъ въ руководствѣ. Я самъ скоро перемѣщусь въ Лавру, тамъ близко и тебѣ бывать у меня, пока еще поживу, хотя и не долго. *Сіе глаголю тебѣ нынѣ, а егда будетъ,* помяни мое слово и поминай меня въ молитвахъ». Что́ чувствовалось и что́ отвѣчено мною, объ

но пріидите всѣ любящіи мя и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ: не ктому бо съ вами похожду, или собесѣдую прочее. Къ Судіи бо отхожду, идѣже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатый и убогій въ равномъ достоинствѣ: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится. Но прошу всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитеся Христу Богу, да не изведенъ буду по грѣхо́мъ моимъ на мѣсто мученія: но да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный».

этомъ *удобьѣ любити молчаніе*... Ровно чрезъ два года, по окончаніи курса въ Академіи, я впервые открылъ бывшему тогда Викаріемъ Кіевскимъ преосв. Антонію о своемъ желаніи принять монашество, которое и сподобился принять отъ руки его же 28-го Сентября 1859 г. въ пещерной церкви Св. Преподобнаго Антонія.

Когда я собирался ѣхать изъ Голосѣевой, то при разговорѣ съ келейнымъ о. Іеромонахомъ Сергіемъ я сообщилъ ему, что видѣлъ у старца Іеросхимонаха М. гробъ и что Владыка сказалъ объ этомъ такъ и такъ... Выслушавши меня, о. Сергій умиленно вздохнулъ и промолвилъ: «да, господинъ, хорошо намъ всѣмъ, что есть съ кого брать примѣры... а вѣдь самъ-то о. Іеросхимонахъ М. дѣйствительно сдѣлалъ это по примѣру не кого иного, какъ самого же нашего Владыки,—у котораго—хотя, Бога ради, между нами,—вотъ уже семнадцатый годъ хранится въ потаенномъ мѣстѣ въ алтарѣ нашей здѣшней моленной церкви гробъ.. и еще то́... о чемъ я не могу вамъ теперь повѣдать, хотя эта сущая святая правда...

Что́ скрывалось здѣсь подъ завѣсою тайны, объ этомъ было уже нами отчасти высказано прежде. Мы разумѣемъ принятіе въ Бозѣ почившимъ *схимничество*,—о чемъ и будетъ рѣчь въ сей часъ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XIX.

«Не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть.—Могій вмѣстити да вмѣститъ». (Матѳ. XIX, 11—12).

Въ двухъ собственноручныхъ приложеніяхъ къ завѣщанію въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета читаемъ слѣдующее.—Въ *первомъ*: «Прошу и смиренно молю Епархіальное и Лаврское начальство, по кончинѣ моей совершить погребеніе въ Соборной Кіево-Печерской Лаврской церкви Успенія Божіей Матери и предать землѣ бренное и грѣшное тѣло мое на ближнихъ Св. Пещерахъ въ Крестовоздвиженской Церкви, на правой сторонѣ у стѣны противъ Чудотворной Казанской иконы Божіей Матери. Тѣло мое прошу положить въ приготовленномъ мною гробѣ, который хранится въ домовой Церкви св. преподобнаго Іоанна многострадальнаго въ Голосѣевой Пустынѣ.—Во *второмъ* приложеніи: «По сокровенному и не изглаголанному желанію и влеченію моего сердца данъ мною предъ Господомъ Богомъ обѣтъ воспринять на себя великій ангельскій образъ—святую схиму.—Обѣтъ сей исполненъ мною предъ Всевидящими Очами Господа Бога и Спасителя моего Іисуса Христа, съ нареченіемъ имяни (такъ въ подлинникѣ) Св. Преподобнаго Отца нашего Ѳеодосія Печерскаго. Посему прошу и молю Духовный Соборъ святыя Кіево-Печерскія Лавры, по кончинѣ моей, облечь грѣшное мое тѣло въ святую схиму, хранящуюся въ келліи моей въ особомъ ящикѣ, (1) которую и возложить сверхъ

(1) Въ описаніи послѣднихъ дней жизни въ Бозѣ почившаго сказано: «По кончинѣ Архипастыря—*схимника* нашли у него въ особомъ

одежды новой, (разумѣется архіерейское облаченіе), приготовленной на погребеніе мое. Паки и паки прошу и молю и завѣщаю имянемъ (такъ въ подлинникѣ) Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа исполнить сіе смиренное желаніе сердца моего неизмѣнно.» — Въ завѣщаніяхъ этихъ не сказано прямо, когда именно устроенъ былъ гробъ и когда исполнено сокровенное и вожделѣнное желаніе—принятіе схимы, но это открылось предъ самою его кончиною. «*За семнадцать лѣтъ* предъ симъ,—возвѣщено было въ надгробномъ словѣ— (1), въ Бозѣ почившій нашъ Архипастырь, не довольствуясь общими иноческими обѣтами, принялъ предъ лицемъ всевидящаго Бога сугубые обѣты благоугождать Ему высшими подвигами благочестія, воспринявши на себя великій ангельскій образъ—святую схиму—съ принятіемъ новаго имени св. Преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, въ живое неизмѣнное подражаніе сему Тезоименнику въ свято-иноческомъ житіи». Отсюда-то вполнѣ можетъ быть понятно тó, отчего высокопр. Филаретъ во всѣхъ своихъ, по званію Настоятеля Лавры, предложеніяхъ Собору и въ дугихъ распоряженіяхъ начиналъ первыя свои строки и слова не иначе, какъ такими выраженіями: Первоначальницы святыя и Чудотворныя Кіево-печерскія Лавры, Духомъ Святымъ просвѣщенные установили и заповѣдали, а съ тѣмъ вмѣстѣ и себя самого почиталъ и именовалъ въ ряду *служекъ* и пр. Быть можетъ самимъ тѣмъ, которые читали предложенія, эти выраженія представлялись въ свое время чѣмъ нибудь въ родѣ

ящикѣ еще три схимы старыхъ и довольно поношенныхъ. Вѣрно, онъ употреблялъ ихъ, возложа на себя каждый вечеръ и утро, когда совершалъ свое келейное молитвенное правило; для чего онъ завсегда затворялся и никто, въ то время, входить къ нему не осмѣливался». Стран. 48—49.—NB. Ящикъ этотъ былъ тоже потаенный, что̀ оказалось впослѣдствіи, именно по поводу тяжко-грустнаго факта, подвергавшагося разслѣдованію и оглашеннаго даже въ печати, по кончинѣ въ Бозѣ почившаго высокопр. Митроп. Кіевскаго Филоѳея; въ этотъ самомъ будто бы ящикѣ, находившемся у высокопр. Филарета въ молитвенномъ аналоѣ, оказались извѣстныя деньги—тридцать тысячъ, о коихъ производилоось разслѣдованіе.

(1) Слово сказанное бывшимъ тогда Инспекторомъ Академіи Арх. Іоанникіемъ, нынѣшнимъ высокопр. Митрополитомъ Московскимъ.

лишь обычной его формулы; за то въ послѣдствіи, несомнѣнно, сталъ очевиденъ и осязателенъ и для нихъ подлинный смыслъ истины и дѣла. Ясно стало, что по имени того, чье воспріялъ онъ,—*было тако и житіе его* во всѣхъ проявленіяхъ дѣйствій и отношеній какъ начальственныхъ, такъ и частныхъ, личныхъ. Отсюда же и для всѣхъ насъ, читающихъ, становится окончательно яснѣе дня вся неосновательность тѣхъ сужденій и толковъ, что будто высокопр. Филаретъ предпринялъ самое устройство Голосѣевской пустыни въ силу тѣхъ причинъ и побужденій, какія мы видѣли прежде. Не самое ли время свидѣтельствуетъ, въ чемъ заключались всѣ эти причины и побужденія?.. Очевидно, что принятіе въ Бозѣ почившимъ схимы,—за 17-ть лѣтъ до его кончины,—падаетъ на 1840-й годъ (1); слѣдовательно оно совершилось до той еще поры, когда онъ, въ бытность въ С.-Петербургѣ, могъ испытать тѣ, или другія неблагопріятныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ въ 1842 г., наконецъ, онъ уволился на всегда отъ личнаго присутствованія въ Св. Сунодѣ.—Такъ, *нѣсть тайна, яже не откроется* и *нѣсть не правда, яже не обличится*.., какъ сплетеніе суетныхъ помышленій, досужихъ гаданій и праздныхъ разглагольствій... Остается помыслить,—что́ было бы, если бы принятіе схимы высокопр. Филаретомъ не было сохранено въ такой сокровенной тайнѣ, въ какой оставалось оно въ теченіи столькихъ лѣтъ?! Сколько бы могло породиться подобныхъ, и большихъ даже помышленій, гаданій и разглагольствій въ смыслѣ тѣхъ же сплененій (по общепринятому выраженію—*сплетней*)?!. Но оставляя въ сторонѣ эту суетную область явленій, мы не можемъ обойти настоящаго вопроса съ другой серьезной стороны, такъ какъ вопросъ этотъ,—о чемъ и было уже нами замѣчено прежде,—имѣетъ характеръ и значеніе особенной и великой важности не въ біографическомъ только, но въ историческомъ и каноническомъ отношеніи. Въ сущности дѣла этотъ

(1) Въ послѣдствіи мы встрѣтимъ одинъ документъ, по содержанію котораго можно полагать за вѣрное, что принятіе схимы высокопр. Филаретомъ было именно въ этомъ 1840 г.

вопросъ можетъ быть выраженъ такъ:—«какъ это,—высокопр. Филаретъ принялъ схиму, а съ тѣмъ вмѣстѣ все—таки не переставалъ быть, до самой кончины его, при всѣхъ правахъ и должностяхъ по его святительскому званію и служенію?!.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ смотрѣть на это явленіе, которое справедливо назвать если не безпримѣрнымъ, то однимъ изъ самыхъ рѣдчайшихъ въ Исторіи Церковной? Установить вѣрный взглядъ на этотъ фактъ во всякомъ случаѣ требуется въ отношеніи значенія *схимничества*. Шло ли оно къ оффиціально-служебному положенію высокопр. Филарета,—къ его высокому Іерархическому званію и сану—Митрополичьему.? Не было ли первое въ ущербъ послѣднему?. Не показывалъ ли это, или иначе не это ли и показывалъ самъ высокопр. Филаретъ, когда часто временно выражался, какъ мы видѣли, такими напр. словами: «тяжело до крайности носить мнѣ бремя службы... Такъ мнѣ все наскучило... Какъ бы хорошо совсѣмъ удалиться въ Голосѣево и пр»... И не отъ того ли онъ не рѣдко приходилъ къ мысли просить себѣ увольненія на покой? Не лучше ли, не справедливѣе ли было бы исполнить послѣднее?. Наконецъ—и главнѣе всего,—законно ли это было даже по правиламъ канонически—церковнымъ, и не сознавалъ ли этого какъ бы и самъ высокопр. Филаретъ эту незаконность, когда принялъ схиму не иначе, какъ тайно, и сохранилъ эту тайну до гроба? На всѣ эти вопросы, само собою, не мѣсто здѣсь отвѣчать во всей подробности, но и обойти ихъ совершенно мы не можемъ по самой задачѣ нашей, какъ біографа. Въ частности же отвѣтъ на это вызывается и тѣмъ, что въ недавнее же время,—а по кончинѣ въ Бозѣ почившаго чрезъ какіе нибудь 4—5 лѣтъ,—былъ поднятъ весьма крупный въ обществѣ и литературѣ вопросъ: *о монашествѣ*, или *не монашествѣ Епископовъ*.... (1) Же-

(1) Сочиненіе подъ этимъ заглавіемъ принадлежитъ бывшему Ректору Казанской духовной Академіи Архимандриту Іоанну—впослѣдствіи Епископу Смоленскому.—Напечатано оно было въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1863-й годъ.—Экземпляръ этого сочиненія, какъ замѣ-

лающихъ и требующихъ самаго полнаго изслѣдованія о настоящемъ пердметѣ мы и отсылаемъ къ сему сочиненію. Въ настоящемъ же мѣстѣ сколько для полноты и цѣльности нашего повѣствованія, столько же и потому, что изъ раскрытія нѣкоторыхъ сторонъ разсматриваемаго предмета только и могутъ быть надлежащимъ образомъ уяснены и поняты многія дѣйствія высокопр. Филарета, какъ въ мѣстномъ епархіальномъ, такъ и въ общеіерархическомъ его служеніи,— мы представимъ хотя краткіе отвѣты на вышесказанные вопросы.

Самый главный вопросъ: «законно ли, или не законно поступилъ высокопр. Филаретъ, что, принявъ *схиму*,— какъ сугубый обѣтъ и подвигъ иночества, продолжалъ оставаться на каѳедрѣ святительской»,—на основаніи историческо-каноническихъ данныхъ разрѣшается и *за* и—*противъ*, но преимущественно *за*. Въ вышеуказанномъ сочиненіи «*о монашествѣ Епископовъ*» онъ раскрытъ и уясненъ самымъ отчетливымъ и яснымъ образомъ, и выводъ изъ всего остается тотъ, что незаконности здѣсь нѣтъ, а развѣ только то́, что принятіе на себя, (будемъ говорить собственно *о схимничествѣ*) сугубыхъ обѣтовъ и великихъ подвиговъ иночества, каковыхъ требуетъ *схимничество*, какъ напр. безмолвіе, самоуничиженіе, затворничество въ своей мѣрѣ и проч.; представляется не удобоисполнимымъ и, съ тѣмъ какъ бы вмѣстѣ, не сообразнымъ съ величіемъ, властію и общественною дѣятельностію Архіерейства; значитъ здѣсь отрицается собственно не внутренняя, существенная сторона схимническаго званія и состоянія, а только внѣшняя, формальная... Но речено въ словѣ Божіемъ: «*не вси вмѣщаютъ словесе сего* и самаго исполненія его, *но имъ же дано* есть. *Могій же вмѣстити да вмѣститъ*». Схимничество, во всякомъ разѣ, не унижаетъ и не посрамляетъ самаго Архіерейства; благодать, свойственная сей высшей степени свя-

---

чено было въ своемъ мѣстѣ въ концѣ перваго тома,—былъ мною выпрошенъ и полученъ отъ преосв. Іоанна съ нарочитою цѣлію, чтобы воспользоваться содержаніемъ его въ разрѣшеніи, излагаемаго теперь, предмета.

щенства не только не умаляется, *ниже восплящается*, по слову Апостола, но еще *возгрѣвается*. Съ своей стороны замѣтимъ, если канонически установлено, чтобы посвящаемый во Епископа, хотя бы напр даже изъ Протоіереевъ, принималъ предварительно монашество вообще, то возвышеніе сей степени монашества въ высшую степень—схимничества оказывается на столько естественнымъ и законнымъ, на сколько должно быть признано таковымъ всякое преуспѣяніе въ нравственно-духовной жизни. Равно замѣтимъ и то́, что самое, существующее теперь, различіе между степенью и званіемъ *обыкновеннаго монашества* и *схимничества* произошло болѣе отъ времени и условій, а не заключается въ самомъ понятіи о существѣ дѣла. Великіе древніе Аввы—подвижники, пустынники и наши св. Кіево-Печерскіе подвижники, затворники—кто были?—Обыкновенные ли только *монахи*, или *схимники?* Судя по ихъ святоподвижнической жизни и по настоящимъ понятіямъ нашимъ, они должны быть признаны схимниками, а не простыми только монахами. (1)—Но на чемъ основать это различеніе названій и степеней?. Утверждать это, по нашему мнѣнію, возможно на томъ, что на Аѳонѣ всегда и до-днесь схимничество признавалось безотличнымъ отъ нашего монашества. Что́ же касается собственно того, совмѣстимо ли это званіе съ саномъ епископскимъ, то видимъ именно такой примѣръ изъ Исторіи нашей отечественной Церкви: Тобольскій Митрополитъ Филоѳей (Лещинскій)—(1702—21 г.), извѣстный просвѣтитель Сибирскихъ инородцевъ, по отреченіи отъ каѳедры, принялъ *схиму;* но потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, былъ опять призванъ на ту же Митрополію». (2) Ясно, что

(1) Самыя изображенія Святыхъ Угодниковъ Печерскихъ, въ какихъ мы видимъ ихъ на иконахъ и литографическихъ снимкахъ, кажется, должны подтверждать это мнѣніе, такъ какъ они изображаются обыкновенно въ одѣяніи и въ частности въ клобукахъ, или древнихъ куколяхъ такихъ, каковые носятъ и нынѣшніе схимники, именно съ разными крестообразными и другими изображеніями. Въ такомъ именно схимническомъ облаченіи положенъ былъ въ гробъ и высокопр. Филаретъ, что́ тогда же было снято живописью.

(2) Смотри въ Исторіи Русской Церкви Архіепископа Филарета томъ IV, и въ жизнеописаніи сего Святителя Филоѳея—нареченнаго *въ схимѣ* Ѳеодора. Еще душеполезное чтеніе 1886 г.

схимническое званіе не воспрепятствовало Митрополиту Филоѳею быть на каѳедрѣ и управлять Епархіею. Сюда же можно отнести и примѣръ изъ жизни—святителя богопрославленнаго Архіепископа Воронежскаго Митрофана, въ схимонашествѣ *Макарія*. Положимъ, онъ возжелалъ облечься въ схиму предъ самою св. кончиною своею; но если бы Господь благоволилъ возставить его отъ одра смертнаго,—то остался ли бы онъ мѣстнымъ архипастыремъ, или нѣтъ? Несомнѣнно остался бы, если бы только самъ добровольно не возжелалъ оставить сего служенія.

Наконецъ мы позволяемъ себѣ обосновывать мысль о свойственности и, въ своей мѣрѣ, законности схимническаго званія и состоянія собственно въ отношеніи къ высокопр. Филарету на слѣдующемъ.—Если наши Первосвятители–Митрополиты носятъ, присвоенное имъ канонически-церковнымъ и Правительственнымъ статутомъ, наименованіе—Священно-Архимандритовъ Лавръ—Кіево-Печерской, Александро-Невской, Троице-Сергіевой, и при томъ такъ, что эти наименованія употребляются и при священно-служеніяхъ,—то это Священно-архимандритство не вводитъ ли ихъ, такъ сказать, въ положеніе, особенно сближающее ихъ, при всей высокости ихъ Первосвятительскаго сана, со сферою иночества и именно въ высшей степени?. А это все если гдѣ, то, естественнѣе и соотвѣтственнѣе всего, именно въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Послѣднее мы хотимъ указать въ томъ, что въ Кіево-Печерской Лаврѣ существуетъ до днесь уставный церковно-обительскій порядокъ такого рода, что Митрополитъ является въ храмѣ болѣе какъ Архимандритъ, или по древнему Игуменъ, нежели какъ Первосвятитель Это бываетъ въ особенные великіе праздники—собственно Лаврскіе напр. въ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы во время всенощнаго бдѣнія. Митрополитъ, послѣ встрѣчи, при входѣ въ храмъ не входитъ въ Олтарь, а отходитъ на мѣсто свое Настоятельское, которое и существуетъ съискони подъ этимъ названіемъ и находится не посреди храма, какъ обыкновенно архіерейская каѳедра,—а при стѣнѣ съ правой стороны. (1) Здѣсь онъ и

(1) Въ Лаврахъ—Александро-Невской и Троице-Сергіевой этого Настоятельскаго мѣста нѣтъ,—а въ Кіево-Печерской Лаврѣ оно по-

находится во все время Богослуженія; тутъ отъ него принимаютъ и благословеніе всѣ служащіе и начальники (головщики) пѣвцовъ на обоихъ клиросахъ, и чтецы чередовые. Сюда же выносятъ ему и все облаченіе на литію и на поліелейное величаніе. Все же это совершается именно по чинопослѣдованію, какое было установлено и исполняемо первоначальниками Лавры—Игуменами Ѳеодосіемъ, Никономъ и всѣми преемниками. Не значитъ ли одно это, что Митрополитъ здѣсь перестаетъ

стоянно находится, и убирается только при посѣщеніи Августѣйшихъ Лицъ, такъ какъ на этомъ мѣстѣ Они обыкновенно изволятъ становиться.

NB. Кромѣ описаннаго Настоятельскаго мѣста находится въ Великой Лаврской Церкви еще и другое такое же въ алтарѣ придѣльномъ, съ правой стороны примыкающемъ къ алтарю главному. Мѣсто это теперь называется Намѣстническимъ, но оно, по первоначальному назначенію, было Настоятельское. Самъ высокопр. Филаретъ, въ первые годы постоянно посѣщая Богослуженіе собственно въ Великой Церкви, обыкновенно становился на этомъ именно мѣстѣ, какъ Настоятельскомъ. Но онъ же, что̀ намъ извѣстно изъ достовѣрнѣйшаго разсказа въ 1867 г. о. Іеросхимонаха Антонія, нашелъ это мѣсто поставленнымъ не совсѣмъ удобно въ томъ именно отношеніи, что стоящему на немъ не видно совершеніе самаго Богослуженія, совершаемаго ежедневно въ главномъ алтарѣ. Послѣ нѣсколькихъ, на самыхъ первыхъ порахъ, стояній своихъ на этомъ мѣстѣ высокопр. Филаретъ призналъ удобнѣйшимъ переставить это мѣсто (оно подвижное) съ правой стороны придѣльнаго алтаря на лѣвую, какъ разъ вблизи самаго пролета, ведущаго въ главный алтарь, чтобы видѣть все совершеніе Богослуженій.— Эту мысль онъ передалъ о. Намѣстнику и Екклесіарху, указавъ тутъ же, какъ установить это мѣсто. Придя въ слѣдующій за этимъ разъ къ Богослуженію и видя, что перестановка мѣста еще не была сдѣлана, Владыка подумалъ, что не успѣли еще этого сдѣлать и тѣмъ успокоился. Послѣ окончанія Богослуженія онъ, однако, напомнилъ тому же о. Намѣстнику съ Екклесіархомъ о прежнемъ своемъ распо-

какъ бы быть имъ, а является истымъ представителемъ Игуменства, и слѣдовательно и всего того состоянія, какое подобаетъ быть въ этомъ послѣднемъ званіи и служеніи.— Для всецѣлой полноты соотвѣтствія оставалось бы лишь одно — вмѣсто бѣлаго клобука съ драгоцѣннымъ крестомъ надѣть ему клобукъ или, точнѣе, черный куколь и вмѣсто мантіи, архіерейской цвѣтной съ вышитыми золотомъ скрижалями яркокраснаго бархата и съ цвѣтными же лентообразными, такъ

ряженіи; они отвѣтили смиренно: «слухаемъ, Владыко Святый»... Когда же и въ слѣдующій, за этимъ, приходъ въ церковь Владыка увидѣлъ, что мѣсто находится по прежнему, онъ смутился и, по окончаніи службы, какъ говорилъ разсказчикъ, не множко погорячился, что не исполняютъ его личныхъ распоряженій; и, потому, при себѣ же немедленно велѣлъ переставить мѣсто по его указанію,— что́ и было исполнено. Но когда явился онъ къ слѣдующему Богослуженію, то изумился, что опять стои́тъ мѣсто по прежнему. По окончаніи Богослуженія, Владыка обратился къ тѣмъ же лицамъ—Намѣстнику и Екклесіарху съ выраженіемъ своего недоумѣнія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, чувства недовольства на нихъ... Въ эту самую минуту подошли къ нему подъ благословеніе два старца не позванію только, но по дѣйствительной ихъ глубокой маститости. Благословивши ихъ, Владыка только—что хотѣлъ продолжать свою рѣчь съ явнымъ тревожнымъ состояніемъ, стоявшіе предъ нимъ старцы (изъ истыхъ хохловъ) начали чуть не въ одинъ голосъ: «А що такэ зробылось, Владыко Святый, зъ Вамы, що Вы, якъ здается, дуже чимъ-то недовольны?!..» Владыка высказалъ порывисто,—въ чемъ было дѣло... Старцы опять: «А що жъ, Владыко, хиба (развѣ) твоя думка такъ и до́бра и розумна, щобъ се исполныты... Ни, кажемо тобы́, це не треба, и ни якъ не можно. .»—Какъ не возможно, отвѣтилъ Владыка, когда при мнѣ же лично сдѣлана была перестановка, и вышло весьма удобно быть тамъ этому мѣсту... —А мы кажемо тоби́, Владыко, опьять, що це ни якъ не можно... ни намъ, ни тоби́, ни усе́и (всей) самой Лаври... —Владыка, видимо, всталъ въ тупикъ... Намѣстникъ и

называемыми, струями, или источниками, облечься въ власяничную мантію... И что́ жъ? Если это послѣднее не возможно осуществить самымъ дѣломъ, то не почившій ли въ Бозѣ самъ лично и открыто разсуждалъ, что́ значитъ черный клобукъ монашескій, который онъ самъ просилъ и принялъ съ обѣтами, а бѣлый съ блистающимъ крестомъ ему пожаловали и носить повелѣли, и что на будущемъ Судѣ Христовомъ бѣлый-то клобукъ въ той мѣрѣ будетъ чистымъ, въ какой черный окажется не замараннымъ, не издырявленнымъ... А, наконецъ, не онъ ли засвидѣтельствовалъ это самое въ

Екклесіархъ хранили молчаніе... Старцы же продолжали: «Да мы вже (уже) бачылы и выда́лы, що Намѝстникъ и Екклесіархъ зробылы по твоему,—но мы и имъ казалы, що и тоби, и воны согласовалысь, що робыты сего ни якъ не можно. Не хай воно якъ стояло изъ-вика, такъ и будэ стояты здись до вика.»—Но я, сказалъ Владыка, имѣю право распорядиться этимъ, какъ Настоятель и какъ Митрополитъ...—Ни, Владыко, крый тебэ Боже! Колы ты сдвыгнешь сэе мисто, такъ и тебэ самого двыгне Сама Пречыста Богородыца. Бачь же сэе и помны твирдо, и стой, гди стоялы перши́и отъ вика Настоятелы, а не Мытрополыты, ихъ бо здись и не було́...» Содержаніе этого факта, изложеннаго нами, со всею буквальною точностію, со словъ разказчика—глубокочтимаго всѣми, теперь уже покойнаго, о. Іеросхимонаха, сколько ни представляется, повидимому, наивнымъ, особливо при изложеніи его подлиннымъ малороссійскимъ говоромъ въ устахъ двухъ старцевъ, но въ сущности дѣла онъ вполнѣ доказываетъ сказанное нами, что, «именно, если гдѣ, то въ Кіево-Печерской Лаврѣ существуетъ и свято ненарушимо соблюдается доднесь уставный церковно-обительскій порядокъ такого рода, что Митрополитъ является въ храмѣ, да и вообще въ отношеніяхъ своихъ къ Лаврѣ, болѣе всего какъ Настоятель-Архимандритъ, или точнѣе Игуменъ, нежели какъ Первосвятитель» и что, слѣдовательно, принятое высокопр. Филаретомъ, схимничество вполнѣ соотвѣтствовало личному и служебному состоянію его собственно въ Лаврѣ.

своемъ духовномъ завѣщаніи, въ которомъ просилъ и молилъ Духовный Соборъ Лавры «исполнить его смиренное желаніе, чтобы, по кончинѣ его, облечь его грѣшное тѣло въ Святую схиму, которую и возложить на него сверхъ всего прочаго архіерейскаго облаченія?! И дѣйствительно, нужно было быть только личнымъ очевидцемъ въ Бозѣ почившаго, предлежащаго во гробѣ, (а я—нищущій имѣлъ это, незабвенное для меня на всю жизнь и преисполненное благоговѣнія, утѣшеніе, предстоявши во время отпѣванія въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ гроба),—чтобы, взирая на предлежавшаго во гробѣ, видѣть воистинну только священно-схимника, и почти забывать о его Митрополитствѣ, которое со всѣми своими отличіями сокрывалось подъ схимническимъ облаченіемъ... Такое впечатлѣніе и чувство тѣмъ болѣе было естественно, конечно, и для всякаго, что это званіе и состояніе въ Бозѣ почившаго открылось только тутъ впервы́е, равно какъ впервы́е же было услышано всѣми и самое его имя—*въ схимонаспхъ Θеодосія*, которое произносилось во всѣхъ эктеніяхъ и молитвахъ церковныхъ вмѣстѣ съ именемъ Митрополита Филарета. Напослѣдокъ всего нужно досказать, что самое это явленіе сколько, положимъ, поражало своею необычайностію, столько и паче всего отзывалось въ самой глубинѣ души необычайнымъ чувствомъ умиленія и благоговѣйной отрады для сердца, въ той всецѣлой увѣренности, что воистинну по обоимъ именамъ въ Бозѣ почившаго *было тако и житіе его* и какъ Іерарха великаго, и какъ великаго подвижника-схимника... Все это несомнѣнно чувствуется и вѣруется и теперь при самомъ мѣстѣ его покоища, надъ которымъ находится, прикрѣпленная къ стѣнѣ, бронзовая доска, на которой вылиты рельефно изображенія, вверху надписи, такія:—посреди митра, а по сторонамъ ея—клобукъ митрополичій съ крестомъ и смиренный куколь схимническій.

Но отъ чего же высокопр. Филаретъ принялъ схиму тайно, если это новое состояніе и званіе его не противорѣчили и не препятствовали быть ему и Митрополитомъ? Отвѣтъ на это во 1-хъ видѣнъ въ самыхъ начальныхъ словахъ того приложенія къ завѣщанію, гдѣ онъ открылъ эту свою тайну. Онъ выразился такъ: «по *сокровенному*

и не изглаголанному желанію и влеченію сердца моего данъ мною обѣтъ и пр...» Понятно, что, по силѣ самаго такого душевнаго настроенія, онъ не могъ даже поступить иначе, такъ какъ и назвалъ онъ это настроеніе *сокровеннымъ и не изглаголанным*... Во 2-хъ въ этомъ самомъ актѣ и условіи сокровенности заключалась особенная высокая сторона подвига. Въ самомъ дѣлѣ, чего стоило, судя по человѣчески, сохранить такъ строго, неизмѣнно самую эту тайну?... Сколько здѣсь требовалось,—мудрой осторожности, умѣнья выдерживать себя въ смыслѣ прикровенія своего состоянія и своихъ дѣйствій, и это—въ *теченіи семнадцати лѣтъ?!* Наконецъ въ 3-хъ отнюдь излишне скрывать и другія, собственно человѣческія, причины и побужденія. Такъ напр., если бы онъ заявилъ открыто о принятіи схимничества, то, нѣтъ сомнѣнія, это подняло бы во всякомъ разѣ вопросъ въ церковной высшеправительственной сферѣ. А съ другой стороны, этотъ вопросъ сдѣлался бы тѣмъ крупнѣе и шумнѣе потому, что высокопр. Филаретъ, какъ видѣли читающіе, не разъ находился въ неблагопріятныхъ для него отношеніяхъ со стороны лицъ высшеправительственныхъ. По разсужденіи объ этомъ вопросѣ, вѣроятно, результатомъ было бы увольненіе его отъ каѳедры. Но онъ, очевидно, не желалъ этого; онъ желалъ служить до гроба, хотя и называлъ это служеніе не иначе какъ *висѣніемъ на крестѣ*,—такъ какъ, собственно для укрѣпленія себя въ этомъ крестномъ подвигѣ, и возродилось въ немъ это желаніе облечь себя въ *схиму*. Поставивъ себя на эту высшую степень сугубаго подвижничества, онъ какъ бы подъ двойною бронею смиренія и терпѣнія не чувствовалъ уже трудовъ, ни слабости старческихъ силъ, ни какихъ либо даже непріятностей, до какой бы мѣры послѣднія ни доходили.—Если же онъ, и по принятіи схимы, выражался такъ:—«ахъ какъ бы хорошо совсѣмъ удалиться въ Голосѣеву Пустынь и пр.,»—то что жъ? И св. Царь Пророкъ Давидъ взывалъ: «*кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ и полещу и почію*»,—и еще: «*се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури*»... но оставался и пребылъ до гроба на царственномъ престолѣ. Здѣсь очевидно только

то́ состояніе, по силѣ котораго всегда естественны именно такіе порывы и паренія духа; умѣрить же ихъ въ себѣ, пожертвовать ими и есть самый высшій подвигъ, въ полномъ смыслѣ Христоподражательный, какъ дѣйствительно и выражалъ это самъ же высокопр. Филаретъ. Въ слѣдъ за сказанными порывами желаній удалиться на покой, онъ непосредственно говорилъ: «Нѣтъ! И Христу Спасителю говорили: *сиди со креста*, но Онъ не сошелъ, а оставался на немъ... такъ и я... и пр.»

Впрочемъ, разрѣшая разсматриваемый вопросъ такимъ образомъ, т. е. изъ личнаго только состоянія и характера высокопр. Филарета, мы ограничивались бы только одною стороною дѣла. Сущность же дѣла хотя условливается этою стороною, но главное коренное основаніе должно лежать далеко глубже. Въ этомъ, кажется, совершенно убѣдится всякій, если только вникнетъ,—какой духъ, какая идея вообще выражается въ томъ, что Церковь приняла вмѣстѣ съ саномъ Епископства соединять званіе и состояніе монашества на обыкновенной ли степени, или степени схимничества. А можно утвердительно, хотя приблизительно, сказать, что этотъ-то духъ, эта идея и осуществились, въ поспльной полнотѣ, въ лицѣ и состояніи высокопр. Филарета, какъ схимника, но не преставшаго быть и Святителемъ, дѣйствующимъ на поприщѣ іерархическаго служенія. Соотвѣтственно, въ полномъ смыслѣ достойнѣйшему, раскрытію и уясненію сей истины въ помянутомъ выше сочиненіи «*о монашествѣ Епископовъ*», мы позволяемъ себѣ не обинуясь выразить по этому предмету такое съ своей стороны положеніе,—«что если съ саномъ Епископства необходимо, по самому духу и идеѣ сего званія, соединеніе монашества, то это послѣднее въ лицѣ всякаго Епископа должно быть *непремѣнно* не иное, какъ на степени *схимничества*. Положимъ, этого не бываетъ на практикѣ, но по самому догматическому понятію о Епископствѣ должно бы быть такъ. Скажемъ даже болѣе: Епископство въ этомъ разѣ самою силою и дѣйствіемъ благодати, даруемой лицу, пріемлющему сей высшій степень Священства, какъ бы не зависимо отъ обрядовой стороны принятія схимничества,

освящаетъ и возводитъ обыкновенное монашество на сію высшую степень въ соотвѣтствіе высотѣ и значенію Епископскаго званія и состоянія. При—этомъ можно указать даже и на то́, что какъ само Слово Божіе именуетъ Епископовъ *Ангелами Церквей* (Апокал.), такъ и *схимничество* по преимуществу, или даже только оно въ строгомъ смыслѣ, имѣетъ значеніе *великаго образа ангельскаго*. Въ этомъ болѣе чѣмъ убѣдится всякій, и скорѣе, чѣмъ думалъ бы, если только устранитъ всякое представленіе о Епископѣ, какъ лишь администраторѣ и вообще о томъ, какъ мы привыкли теперь смотрѣть на званіе и служеніе Епископское и на всѣ условія и отношенія его житейскія, начиная съ цвѣтнаго одѣянія и каретнаго выѣзда, и оканчивая разною парадною обстановкою и пр. т. п.,—а взглянетъ на Епископа такъ, какъ представляетъ его и опредѣляетъ его лично духовно-нравственное состояніе сама Св. Церковь. Такъ, кто не видѣлъ въ четьи-минеяхъ и святцахъ, что Епископы именуются не раздѣльно и св. преподобными отцами; печатается обыкновенно такъ: «*житіе* или *память св. Преподобнаго отца нашего Парѳенія, Епископа* Лампсакійскаго,—*Преподобнаго отца Льва, Епископа* Катанскаго,—*Преподобнаго отца Спиридона, Епископа* Тримиѳійскаго и мн. др. Что́ же это значитъ?! Значитъ, Церковь состоянія иноческаго не только не исключаетъ изъ Епископскаго, но даже предпоставляетъ первое послѣднему. Прослѣдите и службы въ память и честь этихъ святыхъ лицъ,—вы такъ же увидите, что святоиноческіе подвиги полагаются въ первооснову служенія святительскаго, и это послѣднее во всемъ его прохожденіи проникается и благоспѣшается первыми. Раскройте самыя житія Святителей и вы такъ же во всѣхъ ихъ прочтете однѣ и тѣже свидѣтельства и выраженія, о ихъ св. преподничествѣ въ родѣ напр. слѣдующихъ: *За премногую свою добродѣтель и преподобническое житіе поставленъ бысть* (такой-то) *Епископъ Граду* (такому-то)... *И пріемъ* (онъ) *то великое Церкве правленіе, нача болѣе подвизатися, труды къ трудомъ прилагая*... (здѣсь тоже разумѣются подвиги и труды въ смыслѣ иноческомъ)... *И вси радовахуся и прославляху Бога, даровавшаго такого свѣтильника и мудраго строителя и*

правителя Церкве». —А въ службахъ церковныхъ такъ выражается эта истина: «*Отъ младенчества возложилъ еси себе самого всѣхъ Владыку, и умервщленіемъ сластей живая Сего былъ еси жертва, закалая себе безъ крове преподобне?..*» *И еще:* «*возшедъ на высоту добродѣтелей, преподобне, помазаніе святительства пріялъ еси.*»

Намъ скажутъ, что такъ опредѣлялись личныя достоинства Епископовъ въ древнія времена, когда образъ и всѣ условія Епископскаго служенія были другія, чѣмъ теперь, когда требуется многое иное, какъ напр. извѣстная степень образованія, бо́льшая, или меньшая практичность и способность къ административной дѣятельности и т. п. Но прочтите любую изъ тѣхъ рѣчей, которыя обыкновенно произносятся избранными и утвержденными кандидатами на Епископство при совершеніи нареченія ихъ въ сей санъ;—что́ вы встрѣтите въ нихъ?! При большей, или меньшей разности въ нѣкоторыхъ частностяхъ, не всѣ ли эти рѣчи сходятся до тожества въ одной и той же главной существенной истинѣ, составляющей ихъ тему,—а именно: не всѣ ли эти лица вмѣняютъ какъ бы въ ничто всѣ прочія свои достоинства, начиная съ своего образованія, а сосредоточиваются на одномъ, чего всего менѣе находятъ въ себѣ, и, по сознаніи сего недостатка, свидѣтельствуютъ торжественно о недостоинствѣ своемъ принять санъ святительства?!. А что́ же это такое недостающее, какъ не подвиги и добродѣтели, которые потребны къ вступленію на сіе служеніе и которые должны быть усугубляемы постоянно въ послѣдствіи?!... А какъ произносящіе такія рѣчи въ большинствѣ изъ лицъ, прежде уже иночествовавшихъ, и, во всякомъ разѣ, вступающихъ предъ Епископствомъ въ иночество, то, очевидно, эти подвиги и добродѣтели суть иноческіе; а если говорящіе рѣчи сознаютъ въ себѣ недостатокъ именно въ указываемыхъ подвигахъ и выражаютъ ревность о непремѣнномъ усугубленіи ихъ,—то ясно, что въ этомъ они не желаютъ и не предполагаютъ видѣть ущербъ для благоуспѣшнаго прохожденія служенія Епископскаго, хотя бы-то и въ нынѣшнія времена при всей разнообразности и многосложности административныхъ положеній, условій и всякихъ отношеній...

И такъ, чѣмъ болѣе разсматривать вопросъ о схимническомъ званіи высокопр. Филарета, принявъ которое, онъ не переставалъ быть и на каѳедрѣ Первосвятительской, тѣмъ очевиднѣе и несомнѣннѣе становится, что это состояніе, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало истинному духу и идеѣ, какіе заключаются въ истинномъ строжайшемъ понятіи о Епископствѣ. И теперь, по кончинѣ его, достойно и праведно возглашать, какъ и возглашаютъ при молитвенныхъ церковныхъ поминовеніяхъ имя его такъ: «о упокоеніи *Митрополита Филарета—въ схимонискѣ Ѳеодосія*» Это совершенно соотвѣтствуетъ тому, какъ сама св. Церковь именуетъ святыхъ прославленныхъ Святителей двойственнымъ титломъ—*Преподобнаго отца—Епископа* (имя рекъ) Соотвѣтствіе здѣсь не по имени только и титлу, а по самому духу и образу того святоподвижничества, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ біографическія данныя, а именно: высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, еще *отъ младенчества*, по выраженію Церкви, *возложилъ себе самого всѣхъ Владыцѣ Господу* и пр., *и пріявъ помазаніе святительства, и пріемъ Церкви Божіей правленіе, начи паче подвизатися, труды къ трудомъ прилагая*, и возведя, такимъ образомъ, *общее иноческое* званіе на высшую степень—*схимничества*, воспріявъ которое тайно, онъ тѣмъ самымъ явилъ въ себѣ новый подвигъ, или иначе—новое свидѣтельство высшаго подвижничества. Въ самомъ сохраненіи тайны этого новаго своего званія онъ явилъ истинный образецъ смиренномудрія, дабы этимъ самымъ предуставить всякую молву, сколько въ смыслѣ обыкновенной славы человѣческой, столько же въ смыслѣ тѣхъ мнѣній и толкованій, по поводу которыхъ мы и сочли необходимымъ остановить вниманіе читателей для уясненія истины и дѣла. А для тѣхъ, которые склонны и досужи до сказанныхъ мнѣній и толкованій, мы отвѣтимъ самыми характеристичными, идущими къ ихъ состоянію, словами св. Церкви, которая именуетъ подобныхъ лицъ *витіями многовѣщанными* на словахъ, но по отношенію къ сущности и значенію дѣла *яко рыбами безгласными: недоумѣваютъ бо глаголати и разумѣти,—еже како и отшельникамъ дѣлопомощною молитвою* и разными подвигами возможно и

должно Епископу *примѣръ подавати*, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, *и паству свою примѣрно управлять*. (1)

Это-то богомудренное свидѣтельство самой св. Церкви и дерзаемъ приложить къ лицу въ Бозѣ почившаго, и какъ *схимника*, и какъ *Святителя*, съ упованіемъ и увѣренностію, что насколько достойно и праведно должно быть признано, на основаніи всѣхъ изложенныхъ данныхъ, его истинное святоподвижническое состояніе, на столько достойно примѣрно было и все святительское служеніе его на всѣхъ, бывшихъ преемственно въ его управленіи, паствахъ—Калужской, Рязанской, Казанской и Кіевской,—а равно и служеніе его, какъ Члена Св. Сѵнода,—въ которомъ онъ занималъ одно изъ первостарѣйшихъ мѣстъ въ ряду современныхъ ему Первосвятителей Русской Церкви. Впрочемъ это не наше только выраженіе упованія и увѣренности; — свидѣтельство объ этомъ было возвѣщено открыто предъ лицемъ всѣхъ при самомъ гробѣ въ Бозѣ почившаго.

«Плачьте,—говорилъ проповѣдникъ,—иноки Господни, воспріявшіе на себя благое иго Христово! Нѣтъ болѣе съ нами опытнаго руководителя въ подвижническомъ теченіи нашемъ, не услышимъ мы болѣе благодатнаго слова изъ устъ его о томъ, какъ нести незазорно *благое иго* и *легкое бремя*, воспріятое нами, и какъ *тещи*, *не яко безвѣстно*, и *подвизатися*, *не яко воздухъ бія* (1 Кор. 9, 26); не узримъ мы болѣе въ св. жизни его свѣтозарнаго зерцала ангелоподобнаго житія иноческаго.—

«Плачьте, іереи Господни и всѣ служащіе алтарю Господню! Нѣтъ болѣе съ нами Архипастыря нашего; не услышимъ болѣе изъ устъ его вдохновеннаго слова о высокомъ значеніи св. служенія нашего и о томъ, *како подобаетъ въ дому Божію жити* и *право правити слово истины*, чтобы въ свое время явиться непостыдно на нелицепріятномъ судѣ Божіемъ.

«Плачь, и вся осиротѣвшая паства Кіевская! Нѣтъ болѣе съ тобою кроткаго и благосердаго и Богомудраго Архипастыря твоего.

---

(1) Смотр. напр. въ Акаѳистѣ Св. Гурію Казанскому.

«Да отзовется скорбь наша и по всѣмъ градамъ и весямъ Православнаго отечества нашего, отъ сѣвера до юга и отъ востока до запада. Восплачетъ вмѣстѣ съ нами, когда услышитъ о нашей неоцѣненной потерѣ, и вся Церковь Православная: ибо кто и гдѣ не зналъ, или не слышалъ, и не чтилъ имени почившаго въ Бозѣ Архипастыря нашего, *двадцать лѣтъ* стоявшаго на высокомъ свѣщникѣ святительскаго служенія на старѣйшей каѳедрѣ Православной Церкви Россійской, и какъ *мужа совѣта*, почтеннаго правомъ участія въ высшемъ управленіи дѣлами Церкви Всероссійской, и примѣрно ревновавшаго о благѣ Ея и принимавшаго, во многіе годы, личное самое живое и дѣятельное участіе въ Ея преспѣяніи». (1)

Отъ настоящаго мѣста нашего повѣствованія, изъ тихой уединенной Пустыни Голосѣевской мы переносимъ нашу рѣчь, а съ нею и читателей въ Царственную Столицу, въ которую въ Бозѣ почившій совершалъ, по особому Высочайшему призванію, не однократныя поѣздки для непосредственнаго участія въ дѣлахъ Св. Сѵнода по званію своему, какъ Членъ Сѵнода.

(1) Слово, сказанное бывшимъ Инспекторомъ Кіевской Академіи Архимандритомъ Іоанникіемъ, нынѣшнимъ высокопр Митрополитомъ Московскимъ.

ОТДѢЛЪ VI.

ГЛАВА XX.

«Долгомъ считаю, при семъ случаѣ, изъявить душевное прискорбіе мое, что состояніе здоровья Вашего заставляетъ Васъ, Милостивый Архипастырь, отказаться отъ прибытія нынѣшней зимою въ Столицу, гдѣ, при опытности и усердіи Вашемъ ко Святой Православной Церкви, присутствіе Ваше въ Святѣйшемъ Сунодѣ принесло бы особенную пользу подобно тому, какъ и бывшее до селѣ непосредственное участіе Ваше въ дѣлахъ его уже приноситъ желаемые плоды; чему Ваше Высокопреосвященство не перестаете и нынѣ содѣйствовать» (1)

Личное участіе высокопр. Филарета въ дѣлахъ Св. Сунода началось еще съ 1836 г., когда онъ былъ вызванъ, въ бытность его Архіепископомъ Казанскимъ, и тогда же былъ Высочайше пожалованъ Членомъ Св. Сунода.—Черезъ годъ, возведенный въ санъ Митрополита Кіевскаго (17 Апрѣля 1837 г.), онъ, съ этой поры, ежегодно былъ вызываемъ по Высочайшему повелѣнію для личнаго присутствованія въ Св. Сунодѣ до 1842 года, когда, какъ извѣстно, онъ, по прошенію его, уволенъ былъ отъ этого навсегда. Подобные вызовы Членовъ Св. Сунода, въ особенности же старѣйшихъ послѣ Первенствующаго Члена, каковы Митрополиты Кіевскій и Московскій, бывали и бываютъ до днесь вообще по заведенному порядку.—Но мы видимъ живые примѣры въ

(1) Слова изъ собственноручнаго письма Оберъ-Прокурора Св. Сунода Графа Протасова на имя высокопр Филарета отъ 30-го Октября 1840 года.

лицѣ этихъ же самыхъ Первосвятителей—Кіевскаго и Московскаго—Филаретовъ, что первый изъ нихъ не былъ вызываемъ для личнаго участія въ дѣлахъ Св. Сунода въ теченіи пятнадцати лѣтъ до самой его кончины, т. е. съ 1842 года по 1857 г., а второй въ теченіи двадцати пяти лѣтъ,—съ этого же 1842 г. по 1867-й г., въ которомъ онъ скончался.—Впрочемъ, причины и обстоятельства этого послѣдняго явленія были особенныя, извѣстныя уже читающимъ. Обращаясь же къ указываемому теперь времени съ 1836 г. по 1842-й, мы встрѣчаемъ совершенно иное. Такъ, въ приведенныхъ нами въ эпиграфѣ словахъ изъ письма Оберъ-Прокурора Св. Сунода Графа Протасова очевидно для всякаго, что, когда высокопр. Филаретъ (Кіевскій) просилъ освободить его, по состоянію его здоровья, отъ прибытія въ Св. Сунодъ на зимнее время въ 1840 г., самъ Оберъ Прокуроръ выразилъ душевное свое прискорбіе объ этомъ, хотя и сообщилъ ему, какъ читаемъ въ самомъ началѣ этого же письма, что, по всеподданнѣйшему докладу его, воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на отсрочку пріѣзда высокопр. Филарета въ С.-Петербургъ; въ концѣ же письма присовокупилъ: «Остаюсь, впрочемъ, въ надеждѣ, что милость Божія предстательствомъ святыхъ Угодниковъ Кіевскихъ подкрѣпитъ силы Ваши и доставитъ возможность возобновить Ваше личное участіе въ дѣлахъ Святѣйшаго Сунода.»—А что эти выраженія душевнаго прискорбія и надежды не были въ родѣ выраженій лишь вѣжливости и т. п., это свидѣтельствуется словами самого же писавшаго, а именно,—«что личное присутствіе Вашего Высокопреосвященства въ Св. Сунодѣ, при Вашей опытности и усердію къ Св. Православной Церкви принесло бы особенную пользу, подобно тому, какъ и бывшее доселѣ (разумѣется съ 1836 г. по 1840 г.), непосредственное участіе Ваше въ дѣлахъ Св. Сунода уже приноситъ желаемые плоды, чему Ваше Высокопреосвященство не престаете и нынѣ содѣйствовать,—какъ напр. по случаю настоящаго преобразованія учебной части въ духовныхъ Семинаріяхъ.» (1)

(1) См. прежде цитованное письмо отъ 30-го Октября 1840 г. По поводу этого письма и оффиціальнаго сообщенія Оберъ-Прокурора Графа

Изъ содержанія одного этого письма, безъ сомнѣнія, всякому понятно и ясно, что высокопр. Филаретъ былъ Членомъ Св. Сѵнода не по одному только пожалованному ему титулу, когда и случайное одновременное его отсутствіе принималось въ очевидный ущербъ общей пользѣ и успѣху въ дѣлахъ Синодальнаго Управленія. Нужно принять, конечно, здѣсь во вниманіе, что свидѣтельство о

Протасова объ отсрочкѣ прибытія высокопр. Филарета для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ, самъ высокопр Филаретъ послалъ къ Оберъ-Прокурору два отношенія, которыя имѣются у насъ въ автографическихъ его черневыхъ отпускахъ. Приводимъ здѣсь содержаніе обоихъ этихъ отношеній съ подлинниковъ.—Первое отношеніе было такое.—

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 29 минувшаго Октября за № 6321-мъ, коимъ объявлено мнѣ, что Его Императорскому Величеству благоугодно было разрѣшить, испрашиваемую мнѣ, отсрочку по 1-е Сентября будущаго 1841 года, въ случаѣ, если состояніе моего здоровья не можетъ мнѣ нынѣ дозволить предпринять поѣздку въ Столицу, я имѣлъ честь получить. А какъ теперешнее состояніе здоровья моего, по благости Божіей, дозволяетъ мнѣ предпринять поѣздку въ С.-Петербургъ, то, дабы во всей точности исполнить Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, которая всегда есть и будетъ для меня священнымъ закономъ, призвавъ Господа Бога въ помощь, завтра же, 10-го числа сего Ноября, я отправляюсь въ путь.

Поспѣшая о семъ извѣстить Васъ, Милостивый Государь, съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью имѣю честь быть и пр. 9-го Ноября 1840 года № 3432-й.

Но въ слѣдъ же за этимъ отношеніемъ было написано другое слѣдующее.—

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Человѣкъ яко трава, дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ. Сію Божественную истину я нынѣ испыталъ на себѣ.—Отношеніемъ моимъ отъ 9-го сего Ноября за № 3432-мъ имѣлъ я честь извѣстить Ваше Сіятель-

такомъ значеніи личнаго участія высокопр. Филарета въ дѣлахъ Св. Сунода, какое видимъ въ письмѣ Оберъ-Прокурора, было не его только одноличное, но раздѣлялось и всѣми лицами въ составѣ Св. Сунода. Сказать возможно и больше: такое свидѣтельство выражалось даже и со стороны лицъ, хотя не участвовавшихъ въ дѣлахъ Сунода, но имѣвшихъ къ нимъ отношенія и даже, можно сказать, вліяніе на нихъ.... Мы разумѣемъ здѣсь напр. извѣстнаго о. Архимандрита Фотія Юрьевскаго, который вотъ что́ писалъ преосв. Иннокентію (Херсонскому), который былъ еще тогда Викаріемъ Кіевскимъ, когда высокопр. Филаретъ только что́

ство, что теперешнее состояніе моего здоровья дозволяетъ мнѣ предпринять поѣздку въ Столицу.—10-го числа въ воскресный день, совершивши Божественную Литургію въ Кіево-Печерской Лаврѣ, я отправился въ путь.—И дорога, хотя весьма грязная, представлялась сносною; но въ ночи на 11-е число, послѣ продолжительныхъ дождей, послѣдовалъ морозъ; отъ сгустившейся грязи проѣздъ въ моихъ экипажахъ сдѣлался совершенно невозможнымъ. Съ величайшею трудностію, въ теченіе почти сутокъ, едва могли мы доѣхать до города Козельца Черниговской губерніи. На семидесяти верстахъ я уже почувствовалъ, что состояніе моего здоровья не можетъ дозволить мнѣ нынѣ продолжать поѣздку въ Столицу. Почему съ крайнимъ прискорбіемъ я принужденъ былъ возвратиться въ Кіевъ. Извѣщая о семъ Васъ, М. Г., съ совершеннымъ почитаніемъ и пр. 12-го Ноября 1840 г. № 3444-й.

Покойный высокопр. Антоній по поводу этой переписки объяснялъ, что самое первое желаніе и просьба дяди—Владыки освободиться отъ поѣздки въ С.-Петербургъ происходили, какъ было замѣтно, не собственно отъ слабости его здоровья тѣлеснаго, а отъ особеннаго душевнаго настроенія. Потому-то остается заключить, что въ незадолгое время предъ полученіемъ имъ Высочайшаго вызова для присутствованія въ Св. Сунодѣ, имъ была принята *схима*. На этомъ-то основаніи и мы выше замѣтили, что принятіе высокопр. Филаретомъ *схимы* падаетъ на 1840 г. При этомъ новомъ состояніи естественнѣе всего было тяжело для него перемѣщаться въ шумную Столицу, хотя и были порывы исполнить Высочайшую волю.

былъ назначенъ Митрополитомъ Кіевскимъ, и находился уже въ Сунодѣ цѣлый годъ (1836—1837). «О радости Кіева и твоей, Владыко Святый, я поздно уже тебѣ пишу: за двѣ недѣли я видѣлъ видѣніе во снѣ, что Филаретъ тотъ сдѣлалъ въ Кіевъ, который уже и сдѣланъ; не хотѣлъ вѣровать и жалѣлъ даже на время малое въ Кіевѣ ему числиться—Ибо мню, что не будетъ онъ до конца въ Кіевѣ. Но уже теперь за вѣрное онъ въ Кіевѣ... По вотъ что тебѣ скажу *по секрету:* не мани его къ себѣ подъ разными видами: Епархія всегда имѣла своего Владыку на лицо. *Ему надо быть въ Сунодѣ*, и будетъ: а почему пиши ему, что все Богъ устрояетъ и устроитъ. И болѣе пиши умненько, дабы онъ не спѣшилъ посѣщать свою паству новую, такъ какъ *нужды болше въ немъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ свѣтитъ*». (1)

Впрочемъ не станемъ придавать, по крайней мѣрѣ заранѣе, особеннаго важнаго значенія приведеннымъ свидѣтельствамъ двухъ лицъ, хотя бы и авторитетныхъ, въ особенности Оберъ-Прокурора. Обратимся къ самымъ дѣламъ, въ которыхъ «личное непосредственное участіе высокопр. Филарета, по отзыву Оберъ-Прокурора, принесло и приноситъ особенную пользу и желаемые плоды». Прежде всего вопросъ о томъ:—какія это были дѣла и какой важности именно въ описываемую пору? Разумѣя подъ этою порою не 1840-й годъ только, къ которому относится письмо Оберъ-Прокурора, а весь *шестилѣтній* періодъ съ 1836 по 1842 г., въ теченіи котораго высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, принималъ личное дѣятельное участіе въ дѣлахъ Св. Сунода,—мы должны сказать, что все это время было, говоря старинно-литературною фразою, *чревато* такими и столькими задачами и дѣяніями въ области Высшаго Церковнаго Управленія, что нельзя указать подобнаго періода ни въ прежнее время, ни въ послѣдующее, особливо, если принять здѣсь во вниманіе, что все это совершилось въ теченіи не болѣе шести лѣтъ... Представимъ предваритель-

(1) Смотр. Христ. Чтеніе 1887 г. Ноябрь и Декабрь «Письма А Фотія къ преосв. Иннокентію Херсонскому».

ную перечень: 1) Великое, въ полномъ смыслѣ слова, въ Исторіи нашей Православной Церкви событіе—Возсоединеніе Уніятовъ; II. Радикальная перемѣна въ управленіи учебною и хозяйственною частію при Св. Сунодѣ,—именно упраздненіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и учрежденіе вмѣсто нея—двухъ отдѣльныхъ управленій—Духовно-Учебнаго и Хозяйственнаго; III. Преобразованіе Канцеляріи Святѣйшаго Сунода; IV. Преобразованіе учебной части въ Семинаріяхъ; V. Начинавшаяся—было перемѣна самыхъ уставовъ и Академическаго и Семинарскаго и Училищнаго; VI. Открытіе новой Духовной Академіи въ г. Казани. VII. Дѣло о переводѣ Библіи на Русскій языкъ, надѣлавшее, какъ извѣстно уже читающимъ, столько безпокойствъ Св. Суноду, или въ частности Членамъ Св. Сунода,—и, VIII. самая перемѣна Оберъ-Прокурора Св. Сунода—именно увольненіе, бывшаго прежде до начала 1836 г., Оберъ-Прокурора Нечаева, и избраніе и опредѣленіе на мѣсто его—Графа Николая Александровича Протасова, при которомъ и начались и совершились всѣ, указанныя въ перечени, дѣйствія въ самыхъ первыхъ годахъ его оберъ-прокурорства, именно съ 1836 г. по 1842-й годъ.

Изъ представленной перечени мы поставимъ на первомъ мѣстѣ дѣло объ избраніи и назначеніи новаго Оберъ-Прокурора Графа Протасова какъ по хронологическому порядку, такъ и потому, что, какъ сказано, всѣ дѣйствія исходили по его иниціативѣ и, во всякомъ случаѣ, совершались при его прямомъ вліятельномъ участіи, или, по крайней мѣрѣ, все это въ свое время приписывалось ему.— И дѣйствительно, всѣ свѣдѣнія, которыя увидятъ сей часъ читатели, представляютъ и характеризуютъ Оберъ-Прокурора Графа Протасова именно съ этой стороны, т. е. какъ главнаго иниціатора и какъ всевластнаго дѣйствователя, такъ что «Святѣйшій Сунодъ, говоря буквальными словами статьи, (1) изъ которой мы беремъ настоящія свѣдѣнія, ока-

(1) Статья эта подъ заглавіемъ: «Филаретъ Дроздовъ, Митрополитъ Московскій», составленная по матеріаламъ, собраннымъ Редакціею «Русской Старины» 1782—1867 г. Смотр. «Русскую Старину» 1885 г. том. XLVI, Іюнь, Іюль, Октябрь, Декабрь.

зывался только пассивнымъ участникомъ и выполнителемъ». Такая характеристика Оберъ-Прокурорства Графа Протасова представлена въ цитуемой нами статьѣ въ возможной полнотѣ и рельефности; и хотя все содержаніе ея относится къ лицу того, именемъ кого она озаглавлена т. е. высокопр. Филарета (Дроздова) Митрополита Московскаго, но, почти нисколько не менѣе, это содержаніе идетъ и къ лицу высокопр. Филарета Кіевскаго, и собственно по отношенію къ описываемому нами времени, когда оба эти Первосвятители не разлучно засѣдали, какъ старѣйшіе Члены, въ Св. Сѵнодѣ, такъ что и разлучены были при одновременномъ увольненіи ихъ изъ Св. Сѵнода на всегда. Вотъ что́ читаемъ въ этой статьѣ о поставленномъ нами на первомъ мѣстѣ дѣлѣ избранія и опредѣленія Графа Н. А. Протасова Оберъ-Прокуроромъ Св. Сѵнода вмѣсто, бывшаго предъ этимъ, Оберъ-Прокурора Нечаева.—

«Члены Св. Сѵнода, всѣ безъ исключенія, крайне тяготились деспотизмомъ Оберъ-Прокурора Нечаева, который, кромѣ деспотизма, по словамъ Н. С. Л—скова, имѣлъ еще слабость—по просту былъ любителемъ крѣпкихъ словъ.— Нуженъ былъ только удобный случай и Члены Сѵнода готовы были взяться за дѣло сверженія съ себя ига Нечаева. Случай представился. Въ началѣ 1836 г. С. Д. Нечаевъ долженъ былъ взять продолжительный отпускъ для поѣздки въ Крымъ. Во время отсутствія Нечаева, должность Оберъ-Прокурора исправлялъ Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Графъ Н. А. Протасовъ. Члены Сѵнода и воспользовались продолжительнымъ отсутствіемъ Оберъ-Прокурора для его удаленія; но за то страшно ошиблись въ выборѣ ему преемника. Члены Сѵнода упросили Первенствующаго Митрополита Серафима съѣздить къ Государю съ докладомъ о замѣнѣ Оберъ-Прокурора, и при этомъ, по совѣту одного Сѵнодскаго чиновника, извѣстнаго духовнаго писателя, А. Н. Муравьева, Государю указано было, какъ на самое подходящее лицо для занятія Оберъ-Прокурорской должности, на Гусарскаго Полковника Графа Н. А. Протасова. Государь уважилъ ходатайство Митрополита Серафима и назначилъ Протасова Сѵнодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ. Протасову много помогло выиграть во мнѣніи Сѵнодальныхъ Владыкъ

его іезуитское воспитаніе, благодаря которому онъ, напримѣръ, отлично умѣлъ притворяться, когда угодно и чѣмъ угодно, лишь бы только достигалась заранѣе поставленная цѣль. При нерѣдкихъ оффиціальныхъ обѣдахъ въ покояхъ Петербургскаго Митрополита онъ казался простымъ, добрымъ, внимательнымъ, даже предупредительнымъ человѣкомъ. Вотъ, подобнаго рода іезуитскій образъ дѣйствій Гусарскаго Полковника и ввелъ въ заблужденіе довѣрчивыхъ Членовъ Сѵнода.

«Какъ по характеру воспитанія, такъ и по характеру общественной дѣятельности новый Оберъ-Прокуроръ положительно не отвѣчалъ своему высокому назначенію. Протасовъ принадлежалъ къ знатной фамиліи съ большимъ значеніемъ при Дворѣ по своей матери и тещѣ, бывшихъ Статсъ-дамами при Государѣ Александрѣ I; онъ былъ лично любимъ Императрицей, какъ отличный танцоръ. Главный недостатокъ новаго Оберъ-Прокурора скрывался въ характерѣ полученнаго имъ воспитанія. Извѣстно, что воспитаніемъ Графа Протасова завѣдывалъ іезуитъ. Вліяніе хитраго іезуита отразилось на всемъ его характерѣ и на характерѣ его дѣятельности какъ Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора. Назначеніе Протасова, извѣстнаго свѣтскаго человѣка и танцора, человѣка безъ всякой научной подготовки и образовательнаго ценза Оберъ-Прокуроромъ—изумило всю Столицу. До того времени рѣшительно не допускали, чтобы онъ когда нибудь могъ сдѣлаться Оберъ-Прокуроромъ Сѵнода. Но, къ удивленію, дѣло это совершилось.—Графъ Протасовъ съ восторгомъ принялъ извѣстіе о своемъ назначеніи на высокій постъ Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора. Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ своего назначенія въ Оберъ-Прокуроры, онъ пріѣхалъ къ одному своему близко знакомому, Генералъ-Адъютанту Чичерину и, съ восторгомъ сообщая ему о своемъ назначеніи, говорилъ ему: «поздравь меня, я Министръ, я Архіерей, я ч..тъ знаетъ что». «Одно послѣднее справедливо,» замѣтилъ печально Кіевскій Митрополитъ Филаретъ, когда переданныя слова Графа Протасова распространились по городу и дошли до престарѣлаго Кіевскаго Владыки.

«Какъ воспитанникъ іезуита, Протасовъ, по тому уже самому, не могъ быть хорошимъ радѣтелемъ интересовъ Православной Русской Церкви. Но его положеніе въ данномъ

случаѣ было такого рода, которое въ силу необходимости заставляло его, хотя бы то во имя приличія, казаться вѣрнымъ сыномъ Православной Церкви И онъ, дѣйствительно, казался такимъ и постарался обставить себя, какъ можно рельефнѣе и виднѣе, декораціею православно вѣрующаго. Въ этихъ цѣляхъ онъ устроилъ у себя домовую церковь. Само собою понятно, если бы устройство церкви исходило изъ однихъ только религіозныхъ побужденій, то она могла явиться у него гораздо ранѣе его Оберъ-Прокурорства, однако не явилась, просто потому, что тогда эта декорація представлялась не нужною. Обставивъ себя съ внѣшней стороны, какъ подобаетъ истинному ревнителю Православной Церкви, Протасовъ тѣмъ самымъ обезопасилъ себя отъ крайне щекотливаго для него въ его положеніи обвиненія въ нерасположеніи къ Православію и въ симпатіяхъ къ католичеству, которыя все таки проскальзывали во всей его дѣятельности. Графъ Протасовъ не столько обладалъ большимъ умомъ, сколько твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, но еще болѣе онъ отличался аристократическою заносчивостію и крайнимъ высокомѣріемъ. Противъ него, какъ избранника самого Сѵнода, Члены Сѵнода не могли ничего сдѣлать. Жалоба на него Государю не могла имѣть мѣста, да и самъ Государь, конечно, не обратилъ бы на нее вниманія. Однимъ словомъ, Сѵнодъ самъ заперъ для себя послѣдній выходъ изъ своего стѣсненнаго положенія».(1)

При этомъ-то положеніи, которое, естественно, почувствовалось и сознавалось сразу всѣми, высокопр. Филаретъ Кіевскій и сказалъ тѣ слова, которыя мы уже приводили въ своемъ мѣстѣ: «Вотъ *не чаяли* мы, какъ сбыть Нечаева, но теперь выходитъ,—Протасовъ-то насъ *протасуетъ* по своему... и, какъ *шаркунъ* со шпорами, пожалуй и *шаркнетъ* насъ, когда кого захочетъ»... Эти слова, какъ бы пророчественныя, и незамедлили оправдаться самымъ дѣломъ. То, что Графъ Протасовъ *шаркнулъ*, кого было ему нужно, сбылось, какъ извѣстно читателямъ, надъ самимъ же предсказавшимъ—высокопр. Филаретомъ и нераздѣльно надъ

(1) «Русская Старина» 1885 г. Октябрь, стран. 152—155.

Митрополитомъ Московскимъ въ 1842 г.; а о *протасовкѣ* читаемъ въ цитуемой нами статьѣ слѣдующее.—

«Графъ Протасовъ тотчасъ-же по вступленіи своемъ въ должность Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода предпринялъ широкую реформу прежде всего во всемъ Сѵнодальномъ управленіи. Цѣль всей реформы была одна—это возвышеніе Оберъ-Прокурора на одинъ уровень его съ постомъ Министра съ одной стороны, и лишеніе Сѵнода всякой самостоятельности—съ другой. Прежде всего Протасовъ добился уничтоженія Коммиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали Члены Сѵнода. Вмѣсто нея создано было Духовно-Учебное Управленіе, на подобіе министерскаго Департамента. Директоромъ Духовно-Учебнаго Управленія назначили свѣтскаго человѣка, А. И. Карасевскаго. Для финансовой части учредили отдѣльное Хозяйственное Управленіе, тоже съ особымъ Директоромъ; самый Сѵнодъ являлся какъ бы третьимъ Департаментомъ. Но этого показалось мало. Такъ какъ при Министрѣ полагается Канцелярія, то и Протасовъ, въ погонѣ за министерскими прерогативами, въ Канцелярію Оберъ-Прокурора переименовалъ отдѣленіе духовныхъ дѣлъ Православнаго Исповѣданія и Директоромъ этой своей Канцеляріи назначилъ своего любимца К. С. Сербиновича. При Сѵнодѣ существовала до графа Протасова своя Канцелярія, находившаяся подъ его непосредственнымъ распоряженіемъ и составляла съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое. Чтобы изолировать Сѵнодъ отъ его-же Канцеляріи, учреждена была должность Директора Сѵнодальной Канцеляріи, находившагося въ полномъ распоряженіи Оберъ-Прокурора. Такимъ образомъ самый Сѵнодъ остался изолированнымъ отовсюду. Единственное лицо, чрезъ которое онъ сносился съ внѣшнимъ міромъ, былъ Оберъ-Прокуроръ, который далеко не всегда дѣйствовалъ въ интересахъ Сѵнода и Православной Церкви. Наконецъ, что́ еще болѣе возвысило положеніе Графа Протасова, какъ Оберъ-Прокурора, такъ это, достигнутое имъ, право личнаго доклада дѣлъ у Государя. Затѣмъ Оберъ-Прокуроръ сталъ дѣйствовать, какъ полный властелинъ Церкви. Созданная Протасовымъ, армія Сѵнодскихъ чиновниковъ представляла изъ себя послушное орудіе для всѣхъ его деспотическихъ плановъ и затѣй. Отсюда, помимо Оберъ-

Прокурора, самое чиновничество получило громадное вліяніе на ходъ и рѣшеніе Сѵнодальныхъ дѣлъ. Директоры разныхъ, подвѣдомственныхъ Оберъ-Прокурору, учрежденій держали себя гордо даже предъ Членами Сѵнода, не говоря объ остальныхъ епархіальныхъ Архіереяхъ. Графъ Протасовъ, въ видахъ усилія собственнаго, а не со стороны Сѵнода, надзора надъ епархіальными Архіереями, возвысилъ значеніе должности Секретарей Консисторій и предоставилъ имъ право доносить прямо Оберъ-Прокурору о всемъ, что́ ни дѣлается въ Епархіи. Епархіальные Архіереи, такимъ образомъ, оказывались въ положеніи поднадзорныхъ лицъ. (1)

Послѣ всей такой реформы, или, по мѣткому выраженію высокопр. Филарета, *протасовки* во всемъ составѣ Сѵнодальнаго Управленія, произведенной, какъ говорится, какъ бы магическимъ жезломъ новаго Оберъ-Прокурора, не удивительно, что, какъ выше сказано, онъ явился всюду иниціаторомъ и всевластнымъ дѣйствователемъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и дѣйствіяхъ Св. Сѵнода, и что даже то́, въ чемъ не могло и быть его участія по самому времени, приписывалось его же имени... Въ этомъ именно послѣднемъ отношеніи мы разумѣемъ, великое въ Исторіи нашей Церкви и Отечества, событіе.—«Возсоединеніе Уніятовъ.» Объ этомъ мы читаемъ такое изложеніе въ цитованной нами статьѣ «Русской Старины».

«Въ великую заслугу Графу Протасову ставятъ «Возсоединеніе Уніятовъ съ Православною Церковію», совершившееся въ Мартѣ 1839-го года. Дѣйствительно, судя по оффиціальнымъ документамъ, какіе сочинялись въ Канцеляріи Оберъ-Прокурора подъ диктовку хитраго ея директора К. С. Сербиновича, можно подумать, что Оберъ-Прокуроръ и его этотъ наперсникъ всею душею преданы были дѣлу возсоединенія Уніятовъ; но этого на самомъ дѣлѣ не было. Въ данномъ случаѣ злой рокъ жестоко посмѣялся надъ симпатіями Протасова и Сербиновича къ римско-католической церкви и заставилъ ихъ работать какъ разъ, во вредъ и сильный ущербъ той церкви, къ которой тяготѣли ихъ серд-

(1) Смотр. тамъ же стран. 156—158.

ца. Почти все уніятское дѣло вынесъ на своихъ плечахъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Д. Н. Блудовъ. Только въ Январѣ 1837 года явился Высочайшій Указъ о завѣдываніи всѣми дѣлами Греко-унитскаго исповѣданія Оберъ-Прокурору Св. Сунода, тогда какъ до этого времени оно находилось въ вѣдѣніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Благодаря этому распоряженію, Блудовъ теперь сходилъ со сцены, а на его мѣсто выступалъ графъ Протасовъ.—«Мы достовѣрно знаемъ, говоритъ извѣстный историкъ и спеціалистъ уніятскаго дѣла, покойный о. М. Я. Морошкинъ, что Блудовъ съ грустію и даже скорбію передавалъ дѣло Унитское въ руки Протасова: онъ почиталъ себя организаторомъ этого дѣла, счастливымъ вождемъ его, ему хотѣлось бы быть и вершителемъ его судебъ; но вотъ теперь, когда оно уже такъ счастливо приближалось къ концу, другому счастливцу, не сѣявшему и не жавшему, предоставляется собирать плоды, возращенные и взлелѣянные постороннею рукою. Блудовъ, въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ изъ довѣренныхъ ему лицъ, сравнивалъ себя по этому случаю съ Кутузовымъ послѣ Смоленскаго сраженія «Со мною поступили, любезнѣйшій А. С., говорилъ онъ, такъ, какъ если-бы у Кутузова отобрали и отняли званіе главнокомандующаго Русскими войсками послѣ Смоленскаго сраженія и, какъ бы въ наказаніе за ту побѣду, которую онъ одержалъ надъ французскими войсками въ этомъ сраженіи». Дѣйствительно, ему тяжело было быть зрителемъ конца того дѣла, которое совершалось, двигалось и пришло къ концу его усиліями. Онъ думалъ, что останется дѣятелемъ и главою этого дѣла до самаго конца его, будетъ принимать главное участіе въ немъ и послѣ введенія его въ кругъ совѣщаній духовныхъ лицъ; но съ 1837 года роль Блудова въ унитскомъ дѣлѣ дѣлается второстепенною; все значеніе переходить къ Протасову, хотя послѣдній входилъ въ чужой трудъ, былъ простымъ механическимъ работникомъ въ этомъ дѣлѣ. Значеніе Протасова въ Унитскомъ дѣлѣ создалось помимо его намѣреній, само собою, самымъ по́стомъ Протасова и церковнымъ характеромъ Унитскаго дѣла». (1)

(1) «Вѣстникъ Европы» 1872 г., Августъ, 537—538. Возсоединеніе уніи, М. Я. Морошкина.

«Графъ Протасовъ, поднося Государю докладъ Св. Синода о принятіи Греко-унитской церкви въ нѣдра Православія, предпослалъ ему свой (сочиненный К. С. Сербиновичемъ) всеподданнѣйшій докладъ.

«За особенное счастіе поставляю,—писалъ онъ здѣсь отъ своего имени, хотя и выражался буквально словами творенія Сербиновича,—представить при семъ Вашему Императорскому Величеству докладъ Св. Синода и Синодальное постановленіе о принятіи Греко-унитской церкви подъ сѣнь Православія. Унія въ Россіи существовала въ продолженіи 243 лѣтъ: началась въ 1596 г. соборнымъ актомъ Брестскимъ и кончилась въ 1839 г. актомъ Полоцкимъ.

«Такимъ образомъ милосердый Богъ, благодѣющій Россіи и вложившій въ сердце Вашего Величества великую мысль о возвращеніи на лоно истинной Церкви и отечества дѣтей ихъ, нѣкогда отторженныхъ насиліемъ, вѣнчаетъ нынѣ полнымъ успѣхомъ сіе исполинское предпріятіе, столь-же важное въ политическомъ, сколько и въ религіозномъ смыслѣ, которое займетъ блестящую страницу въ лѣтописяхъ исторіи и въ исторіи славнаго и по истинѣ Русскаго царствованія Вашего Императорскаго Величества.

«Примите, Всемилостивѣйшій Государь, съ свойственною Вамъ милостію, въ избыткѣ радости, излившіяся изъ сердца строки сіи, какъ изъявленіе вѣрноподданническаго чувства, которое при семъ событіи должно одушевлять каждаго сына отечества и которое при имени Вашего Величества отзовется громкимъ отголоскомъ въ благословеніяхъ позднѣйшаго потомства». (1)

Восхваляя въ такихъ высокопарныхъ выраженіяхъ, совершившееся безъ его дѣйствительнаго участія, дѣло воссоединенія, Графъ Протасовъ, конечно, дѣйствовалъ здѣсь не безъ задней цѣли: по случаю уничтоженія Уніи онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени.

«Въ дѣлѣ возсоединенія уніятовъ наравнѣ съ другими Членами Синода принималъ дѣятельное участіе и Московскій

(1) Въ бумагахъ Редакціи «Русской Старины» имѣется черновой набросокъ этого документа, писанный рукою К. С. Сербиновича.

Митрополитъ Филаретъ. Начало этой дѣятельности Митрополита Московскаго по Уніятскому дѣлу восходитъ къ довольно раннему времени,—когда былъ учрежденъ Секретный Комитетъ, имѣвшій спеціальною цѣлію обращенія Уніятовъ въ Православіе. По случаю же совершившагося «возсоединенія Уніятовъ» Митрополитъ Филаретъ Московскій получилъ Орденъ Св. Владиміра первой степени.»(1)

Вслѣдъ за этими свѣдѣніями, обнародованными въ печати Редакціею Русской Старины на основаніи, какъ гласитъ самое заглавіе статьи, «матеріяловъ, собранныхъ самою Редакціею»,—намъ предлежитъ рѣчь о томъ,—«каковы были участіе и дѣятельность въ этомъ же дѣлѣ «возсоединенія Уніятовъ» со стороны высокопр. Филарета Кіевскаго...» Прежде всего мы обращаемся къ только—что сказаннымъ выше свидѣтельствамъ Редакціи Русской Старины о высокопр. Филаретѣ Московскомъ,—а именно,—что онъ въ дѣлѣ «возсоединенія Уніятовъ» *на равнѣ съ другими Членами Синода* принималъ дѣятельное участіе,—второе, что *начало* этой его дѣятельности *восходитъ къ довольно раннему* времени, и третіе,—что онъ—Митрополитъ Московскій, по случаю совершившагося «возсоединенія Уніятовъ», *получилъ Орденъ* св. Владиміра первой степени.—Но мы отнюдь не умалимъ значенія этого свидѣтельства о высокопр. Филаретѣ Московскомъ, если скажемъ, что это же самое свидѣтельство совершенно тожественно и почти даже буквально по всему праву, фактически идетъ именно и къ лицу высокопреосв. Филарета Кіевскаго. Мало этого: такое именно свидѣтельство объ участіи и дѣятельности высокопр. Филарета по возсоединенію Уніятовъ нами было уже представлено еще прежде (2), когда была рѣчь о присутствованіи его въ Синодѣ въ 1836—1837 г.—Мы увѣрены, что̀ читатели не посѣтуютъ, если мы, не по недовѣрію къ ихъ памяти, а для облегченія припоминанія, приведемъ здѣсь вкороткѣ сказан-

(1) «Русская Старина» 1885 г. Декабрь, стран. 489—491.

(2) Смотр. во второмъ томѣ Біографіи въ послѣдней главѣ, гдѣ была рѣчь о вызовѣ высокопр. Филарета изъ Казани для присутствованія въ Св. Синодѣ въ 1836—1837-мъ г.

ное прежде, и притомъ въ прямое соотвѣтствіе съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ о. высокопр. Филаретѣ Московскомъ.—«Личное дѣятельное участіе высокопр. Филарета (Кіевскаго, бывшаго тогда еще Архіепископа Казанскаго) на столько было несомнѣнно, насколько несомнѣнны его собственныя слова, буквально выраженныя въ его запискахъ,—именно: «*въ дѣлѣ возсоединенія Уніятовъ принималъ самое дѣятельное участіе*». (1) Слѣдовательно это участіе отнюдь не мѣнѣе того, какое принималъ, какъ сказано выше, *наравнѣ съ Членами Св. Сѵнода*, высокопр Митрополитъ Московскій. Второе,—нами были приведены, прежде же, свѣдѣнія, что высокопр. Филаретъ (Кіевскій) еще въ бытность его Архіепископомъ Рязанскимъ и присутствующимъ въ Св. Сѵнодѣ въ 1826—1828 г. принималъ уже участіе въ дѣлѣ возсоединенія Уніятовъ, тогда только еще начинавшагося, и за тѣмъ въ 1836—1837 г., когда это дѣло подвигалось уже къ близкому окончанію, и что при этомъ, какъ было нами замѣчено, онъ пользовался особенно близкими и расположительными личными отношеніями къ нему, бывшаго самаго главнаго виновника возсоединенія Уніятовъ, Грекоуніпскаго Митрополита Іоасафа Булгака, котораго онъ и засталъ еще въ живыхъ въ 1836—37 г., и который былъ по прежнему Президентомъ Грекоунитской Коллегіи въ С.-Петербургѣ. Значитъ начало дѣятельности высокопр. Филарета (Кіевскаго) *восходило тоже къ довольно давнему времени*, какъ и Митрополита Филарета Московскаго,—о чемъ засвидѣтельствовала Редакція Русской Старины.—Третіе, если, по свидѣтельству же послѣдней, по случаю совершившагося возсоединенія Уніятовъ, Митрополитъ Московскій получилъ Орденъ Св. Владиміра первой степени, то и Митрополитъ Кіевскій былъ пожалованъ Орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Далѣе если мы обратимся и къ тѣмъ свѣдѣніямъ, приведеннымъ нами выше изъ Русской Старины, гдѣ сказано, что Графъ Протасовъ, извѣстнымъ путемъ и образомъ восхитилъ и приписалъ себѣ честь всего совершившагося

(1) Смотр. записки листа 3 стран. 1

возсоединенія Уніятовъ, по всему праву принадлежавшую Д. Н. Блудову и пр., то и эти свѣдѣнія были предуказаны нами прежде же. Мы приводили слова Андрея Ник. Муравьева—слѣдующія: «Надобно было именно видѣть и знать все лично въ свое время, что́ и какъ происходило въ дѣлѣ возсоединенія Уніятовъ, именно предъ самымъ его завершеніемъ, со стороны *нашихъ*, (1) дѣйствовавшихъ по званію своему *яко бы во главѣ*, а въ сущности ухватившихся только *за хвостъ*... но, тѣмъ не менѣе, восписывавшихъ и, къ удивленію, дѣйствительно успѣвшихъ вписать себѣ чуть не всю честь... и ни Бога не убоявшихся, ни людей не устыдившихся, чтобы свидѣтельствовать при этомъ о своихъ личныхъ и чувствахъ, и дѣйствіяхъ, и успѣхахъ предъ лицемъ Самого Государя... и пр.» И что-жъ?. Въ этихъ словахъ А. Н. Муравьева кто не узнаетъ именно тѣхъ самыхъ лицъ, о которыхъ Редакція Русской Старины засвидѣтельствовала такъ: «судя по оффиціальнымъ документамъ, какія сочинялись въ канцеляріи Оберъ-Прокурора подъ диктову хитраго ея Директора К. С. Сербиновича, можно подумать, что Оберъ-Прокуроръ и его наперсникъ всею душею преданы были дѣлу возсоединенія Уніятовъ..., но этого на самомъ дѣлѣ не было...»

Наконецъ, что́ касается до того свѣдѣнія въ Редакціи Русской Старины, что «почти все дѣло Уніятское вынесъ на своихъ плечахъ бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Д. Н. Блудовъ, который, между тѣмъ, при самомъ завершеніи и увѣнчаніи этого дѣла успѣхомъ, былъ сведенъ со сцены...»—то нужно знать, что едва ли между кѣмъ, какъ между высокопр. Филаретомъ и Д. Н. Блудовымъ были такія всеискреннѣйшія, въ христіанскомъ духѣ и значеніи,

---

(1) Подъ *нашими* здѣсь разумѣлись дѣятели въ Сунодѣ, въ частности свѣтскіе, такъ какъ и самъ А. Н. Муравьевъ принадлежалъ къ нимъ же, бывши въ это время чиновникомъ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ... Въ Редакціи Русской Старины самому А. Н. Муравьеву приписано даже то, что самый выборъ членами Сунода въ Оберъ-Прокуроры не кого иного, какъ Графа Протасова совершился именно по совѣту А. Н. Муравьева.—Смотр. «Русск. Старина» 1885 г. Октябрь. стран. 152.

взаимныя чувствованія и отношенія, какъ въ описываемое время, такъ и во все послѣдующее, такъ что, по разсказамъ покойнаго высокопр. Антонія, когда тотъ же Д. Н. Блудовъ, а съ нимъ и Я. И Ростовцевъ были одними ихъ главнѣйшихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу,—то высокопр. Филаретъ не находилъ словъ, какъ и выразиться объ нихъ по силѣ того всеглубочайшаго сочуствія и пламеннаго молитвеннаго желанія, чтобы это великое изъ великихъ дѣлъ совершилось и увѣнчалось вожделѣннѣйшимъ и Богу угоднымъ успѣхомъ...» Объ этомъ, впрочемъ, мы уже отчасти говорили и скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе своей, самой оживленной отъ полноты сочувствія къ воспоминаемому дѣлу о возсоединеніи Уніятовъ, бесѣды со мною А. Н. Муравьевъ выразился даже такъ: «на вашемъ мѣстѣ я не обинуясь бы сказалъ въ Біографіи въ Бозѣ почившаго Владыки Филарета, что онъ на столько принималъ самое живое дѣятельное участіе, что онъ олицетворялъ здѣсь собою извѣстнаго доблестнѣйшаго поборника Православія—Архіепископа Георгія Конисскаго. (1) Но мы не беремъ на себя этого, не имѣя столько достаточныхъ и уполномочивающихъ насъ данныхъ.—За то мы должны, по всему праву, сказать, что въ ряду всѣхъ современныхъ участниковъ—дѣятелей по возсоединенію Уніятовъ изъ среды высшихъ лицъ Церковнаго Управленія, выпалъ высокій жребій самаго совершенія торжества возсоединенія Уніятовъ на мѣстѣ самаго пребыванія возсоединенныхъ никому иному, какъ высокопр. Филарету (Кіевскому). На это было особое Высочайшее изволеніе Самого Блаженной Памяти Императора Николая Павловича. За тѣмъ, когда высокопр. Филаретъ сообщилъ (отъ 16-го Мая 1839 г. за № 1001-мъ) Оберъ-Прокурору Графу Протасову подробное описаніе всего, совершеннаго имъ, торжества въ древлеправославномъ Витебскомъ Соборѣ и въ одной изъ тамошнихъ возсоединенныхъ церквей съ духовенствомъ и Православнымъ и возсоединеннымъ, то Оберъ-Прокуроръ въ отношеніи своемъ, (отъ 1-го Іюня 1839 г.

(1) Смотр. II томъ настоящей Біографіи въ послѣдней главѣ.—

за № 1272-й) принося высокопр. Филарету искреннѣйшую отъ себя благодарность, присовокупилъ: «Я имѣлъ счастіе Ваше, сообщенное мнѣ, описаніе съ прочими документами въ подлинникѣ докладывать Государю Императору, и Его Величество Высочайше изволилъ отозваться, что «Ему утѣшительно было читать ихъ».

Прежде всего торжественный актъ «возсоединенія Уніятовъ» былъ въ Св. Сунодѣ. «25-го Марта (1839 г.) въ день Спасительнаго чрезъ Ангела Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Богоматери и на канунѣ величайшаго изъ празднествъ и торжествъ Церкви—Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, на подлинномъ докладѣ Св. Сунода Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано было тако: «Благодарю Бога и пріемлю». (1)—Это Высочайшее соизволеніе слушано 30-го Марта въ полномъ Собраніи Св. Сунода, куда, по особо сдѣланному тогда же постановленію, введенъ былъ для засѣданія и Преосвященный Литовскій Іосифъ (Сѣмашко), возведенный уже Высочайшею волею въ санъ Архіепископа, которому тутъ же Первенствующимъ Членомъ Св. Сунода Митрополитомъ Серафимомъ вручена была Сунодальная Граммата къ возсоединеннымъ Епископамъ и всему духовенству. Преосвященный Іосифъ принесъ съ своей стороны Святѣйшему Суноду благодареніе отъ лица всѣхъ возсоединенныхъ; и, за тѣмъ по взаимномъ цѣлованіи, всѣ совокупно отправились въ Сунодальную церковь, гдѣ немедленно было совершено всѣми благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Боговѣнчанному Защитнику Всероссійской Право-

(1) Въ память этого событія, по волѣ Государя Императора, тогда же была выбита большая серебряная медаль, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ Нерукотвореннаго Образа Спасителя; вверху и по сторонамъ надпись: «*Такова имамы Первосвященника* (Евр. VIII, I); внизу: *отторнутые насиліемъ* (1696) *возсоединены любовію* (1839 г.) На оборотной сторонѣ, представленъ крестъ въ сіяніи, а по сторонамъ его надпись:» *Торжество Православія. 25 Марта 1839 г.* Для лицъ высшихъ выбиты были эти медали золотыя, весьма массивныя. Такая медаль была выдана и высокопр Филарету Кіевскому, которую онъ завѣщалъ и передалъ при жизни въ Лаврскую Ризницу.

славной Церкви—Государю Императору, Ея Соборному Правительству и Православнымъ Вселенскимъ Патріархамъ».

«Послѣ этого было постановлено, чтобы было совершено особое торжество возсоединенія Уніятовъ въ средѣ самаго пребыванія нововозсоединенныхъ изъ разныхъ епархій—Полотской, и Могилевской и частью Минской и др. именно въ г. Витебскѣ,—что́ и было поручено высокопр. Филарету Митрополиту Кіевскому.»

Мы приведемъ здѣсь описаніе этого торжества и тѣмъ съ бо́льшимъ для насъ отраднымъ чувствомъ, что, во время службы въ г. Витебскѣ въ 1862—65 г., когда исполнилось въ 1864 г. *двадцатипятилѣтіе* этого событія—«возсоединенія Уніятовъ» нами была напечатана особенная статья (1) При составленіи этой статьи мы воспользовались какъ первоначальнымъ описаніемъ торжества возсоединенія въ 1839 г., такъ и другими позднѣйшими, и равно и живыми разсказами нѣкоторыхъ достовѣрныхъ старожиловъ-очевидцевъ,—и во главѣ всѣхъ—самого, бывшаго тогда, Архіепископа Полотскаго и Витебскаго Василія (Лужинскаго).

«Высокопреосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ прибылъ въ Витебскъ 12-го Мая предъ праздникомъ Св. Троицы. Квартиру онъ имѣлъ не въ городѣ, а въ Марковомъ монастырѣ, (2) отстоящемъ отъ города на три съ небольшимъ версты Это обстоятельство, сколько, повидимому, ни случайно, но въ то же время нельзя не видѣть въ немъ особаго значенія. Марковъ монастырь былъ издревле и всегда неизмѣнно оставался Православнымъ и составлялъ собою, въ мѣстномъ краѣ, едва ли не единственное прибѣжище и оплотъ для преслѣдуемыхъ со стороны господствовавшаго иновѣрія и чуждой народности. И вотъ, когда надлежало восторжествовать Православію, то Маркову монастырю вполнѣ принадлежала и честь, и право, чтобы, прибывшій для со-

---

(1) Статья эта была напечатана въ «Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1864 г. и издана была въ брошюрахъ.

(2) Историческое описаніе Маркова Витебскаго первокласнаго монастыря было составлено мною въ 1864—65 г. и напечатано въ Памятной Книгѣ Витебской губерніи за 1885 г. и издано было въ отдѣльныхъ книжкахъ.—Авт.

вершенія торжества Православія, Первосвятитель Кіевскій явился, первѣе всего, подъ кровъ сей обители и отсюда исшелъ возвѣстить о совершившемся дѣлѣ «возсоединенія» жителямъ города—и во храмахъ, и на стогнахъ... 14 Мая, въ самый день праздника Св. Троицы, въ 10-ть часовъ утра, Митрополитъ прибылъ изъ Маркова монастыря, при колокольномъ звонѣ и среди многочисленнаго собранія народа, въ Православный Витебскій-Успенскій соборъ, (1) гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ двухъ епархій (Полотской и Могилевской), а также Генералъ-Губернаторомъ и всѣми военными и гражданскими чинами въ парадныхъ мундирахъ Божественную литургію совершалъ Митрополитъ, въ сослуженіи двухъ Епископовъ: Исидора Полотскаго (нынѣшняго высокопр. Митрополита С.-Петербургскаго) и Василія Оршанскаго (въ послѣдствіи Архіепископа Полотскаго и Витебскаго), и съ восемью священниками обѣихъ епархій, (изъ каждой по четыре). Народа во храмѣ находилось, по словамъ одного писателя-очевидца, до 1,500 человѣкъ, и всѣ, стекшіеся на сіе духовное празднество, замѣчаетъ другой современный писатель, молились съ усердіемъ и великимъ вниманіемъ къ невиданному ими священнодѣйствію. Во время великаго входа дискосъ принималъ Митрополитъ, а потиръ Епископъ Оршанскій; при чемъ были поминаемы вслѣдъ за Св. Сѵнодомъ Всероссійскимъ и Православные Вселенскіе Патріархи: Константинопольскій, Іерусалимскій, Антіохійскій и Александрійскій,—чтобы доказать неразрывное наше общеніе и единеніе съ первенствующею Восточною Церковію и опровергнуть тѣмъ лжетолкованія римскаго духовенства, будто бы Россійская Церковь отдѣлилась отъ Восточной и соста-

(1) Этотъ храмъ принадлежалъ прежде Базиліанамъ, которые имѣли тутъ же свой монастырь и именно,—въ зданіи, занимаемомъ теперь Духовною Семинаріею. Указомъ Императора Павла I, отъ 18 Іюля 1799 г., повелѣно было обратить Успенскую церковь въ Православный соборъ. Построенъ-же былъ этотъ храмъ вмѣсто бывшей *Успенской же* (иначе Пречистенской) церкви, при которой было совершено, въ 1623 году 12 Ноября, убійство, извѣстнаго своею ревностію о папизмѣ, уніятскаго Архіепископа *Іосафата Кунцевича*.

вила изъ себя расколъ. По окончаніи литургіи и послѣ извѣстныхъ колѣнопреклонныхъ молитвъ, положенныхъ по уставу Св. Церкви, на бывающей, непосредственно послѣ литургіи, въ день Св. Троицы вечернѣ, былъ прочтенъ съ амвона Соборнымъ Протоіереемъ указъ Св. Сѵнода о возсоединеніи, заключенный, прежде упомянутыми нами, достойными самаго умилительнаго благоговѣнія, словами Помазанника Божія, Монарха Николая 1: «Благодарю Бога и принимаю». Въ сіе время, Митрополитъ, стоя на амвонѣ между Архіереевъ обѣихъ епархій, возгласилъ велегласно къ Богу: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» и подъ сводами храма на долго раздавалась хвалебная пѣснь: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе». Въ заключеніе всего было возглашено многолѣтіе Государю Императору и всей Августѣйшей Фамиліи, Святѣйшему Сѵноду, Восточнымъ вселенскимъ православнымъ Патріархамъ, всему освященному клиру, Правительствующему Синклиту, христолюбивому воинству и пр. Послѣ литургіи Митрополитъ и оба Епископа изволили отправиться, по предварительному приглашенію Г. Губернскаго Предводителя Дворянства, въ дворянскій домъ, куда прибыло и все бывшее въ городѣ духовенство. Тутъ представлялись Митрополиту всѣ чиновники, безъ различія исповѣданій, а градское общество, по русскому обычаю, поднесло хлѣбъ и соль. Вообще успѣхъ сего служенія въ Успенскомъ соборѣ и польза, которую оно принесло, превзошли всякое ожиданіе. Митрополитъ еще долго оставался въ соборѣ для благословенія народа. Этотъ истинно-отрадный отзывъ мы готовы раздѣлять отъ всей души, тѣмъ болѣе, что онъ взятъ изъ словъ современнаго писателя-очевидца. Но въ то же время мы не можемъ не быть на сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя сообщили намъ подлинныя и на столько безпристрастныя свѣдѣнія, что не отдать имъ должной и самой естественной справедливости, было бы въ ущербъ правдѣ и истинѣ. По крайней мѣрѣ, если оправдался результатъ, согласно вышепредставленному отзыву, то это было на слѣдующій день. Митрополитъ, скажемъ словами самаго достовѣрнѣйшаго въ этомъ дѣлѣ свидѣтеля-очевидца, участника и главнѣйшаго винов-

ника описываемаго торжества, (1) былъ почти смущенъ, что изъ многочисленнаго собранія народа мало нашлось подходившихъ къ его благословенію. Это самое обстоятельство и послужило къ тому, что на завтрешній день, въ который Св. Православная Церковь совершаетъ празднество въ честь сошествія Св. Духа, Митрополитъ, по предварительному предложенію Епископа Оршанскаго Василія и единодушному желанію гражданъ, принадлежащихъ къ возсоединенной епархіи, былъ приглашенъ служить литургію въ церкви Св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, какъ обширнѣйшей изъ всѣхъ мѣстныхъ приходскихъ.

«Въ этотъ день вторичнаго служенія Митрополита, съ тѣми же Епископами, не только храмъ былъ полонъ, но и вокругъ него находилось до 3,000 человѣкъ, частію пришедшихъ по слухамъ, изъ селъ и деревень. Генералъ-Губернаторъ и чиновники опять всѣ въ мундирахъ прибыли въ церковь, по собственному желанію. Пріѣхавшій къ литургіи, Митрополитъ едва вышелъ изъ кареты, какъ народъ бросился къ нему за благословеніемъ. У крыльца встрѣтили его, говоритъ писатель-очевидецъ, по какому-то старинному обычаю, почетные граждане, съ горящими свѣчами, (2) а потомъ и духовенство. Литургія и молебенъ совершились въ этотъ день такимъ же порядкомъ, какъ и на канунѣ въ Успенскомъ соборѣ, только къ молебну собралось болѣе противъ прежняго священниковъ, какъ городскихъ, такъ и прибывшихъ изъ ближайшихъ окрестныхъ селеній Бѣлорусской епархіи. По окончаніи всего, Городскій Голова, прихожанинъ и староста Петро-Павловской церкви, Е. П. Катковъ, просилъ Митрополита, Епископовъ и прочее духовенство, равно

---

(1) Это былъ самъ высокопр. Василій Архіеп. Полотскій и Витебскій, который, читая мою рукопись, предложилъ мнѣ помѣстить эти его слова; это самое сказано и имъ самимъ въ его Запискахъ, завѣщанныхъ Казанской Дух. Академіи и изданныхъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1886—1887 г.

(2) Это были члены-братчики приходской Петропавловской церкви, которые, какъ извѣстно, имѣли свои братчинскія свѣчи, возжигаемыя ими за литургіею; эти свѣчи, естественно, употреблены были ими и при настоящемъ торжественно-церковномъ празднествѣ. Авт.

какъ и гражданскихъ начальственныхъ лицъ къ себѣ въ домъ. Домъ этотъ существуетъ и доселѣ, онъ отстоитъ отъ церкви въ разстояніи менѣе 150 саженъ и находится на самомъ берегу Двины, на углу переулка, по которому идетъ теперь телеграфная линія. Почтенный хозяинъ дома скончался уже года три. Сколько по недальности перехода, а еще болѣе по многочисленному стеченію народа, съ неимовѣрнымъ усердіемъ подходившаго подъ благословеніе, всѣ три Святителя, въ мантіяхъ и съ архипастырскими жезлами, шествовали въ домъ пригласившаго ихъ Градскаго Головы. Картина была истинно торжественная и умилительная, вполнѣ соотвѣтствовавшая значенію совершившагося событія, при которомъ невольно изливаются изъ глубины души пишущаго и всякаго благосочувствующаго слова священной пѣсни, въ честь сошествія Св. Духа: «Егда снишедъ языки слія, раздѣляше языки Вышній; егда же огненныя языки раздаяше, въ соединеніе вся призва, и согласно славимъ Всесвятаго Духа». Митрополитъ, лишь только вошелъ въ домъ, благословилъ градское общество иконою Спасителя, что́ было принято всѣми съ такими чувствами, что многихъ видѣли въ слезахъ... Послѣ того, какъ духовенство и всѣ высшія гражданскія лица разъѣхались, граждане, оставшись одни, просили пѣвчихъ пѣть и съ ними сами пѣли разныя священныя пѣсни, многолѣтіе Государю, народный гимнъ: Боже, Царя храни и пр., а потомъ возникъ у нихъ жаркій споръ, кто долженъ владѣть благословенною Митрополитомъ иконою и кто имѣетъ право и честь украсить ее приличнымъ окладомъ. Кажется, всѣ единогласно рѣшили поставить эту икону въ Градской Думѣ, съ надлежащею надписью и украшеніемъ. (1) Послѣ обѣда и римское духовенство, увлеченное общимъ стремленіемъ, явилось къ Митрополиту за благословеніемъ; были въ томъ числѣ и монахини-марьявитки. По случаю же бывающей, съ давнихъ поръ, маленькой яр-

(1) По личной справкѣ оказалось, что эта икона находится въ самой церкви Петропавловской и стоитъ на самомъ жертвенникѣ. Вѣроятно, по памяти объ Епископѣ Исидорѣ, какъ бывшемъ Епархіальномъ Архіереѣ, икона эта называется благословленною имъ, хотя надписи на ней никакой не имѣется. Авт.

марки (по мѣстному названію кирмашъ), около Маркова монастыря (1), народъ весь вечеръ ликовалъ тамъ съ сельскими жителями.

Такъ совершилось первоначальное торжество «возсоединеніе Уніятовъ» въ городѣ Витебскѣ Полотской Епархіи. По чему же избранъ былъ главнымъ мѣстомъ для этого торжества г. Витебскъ,—это зависѣло отъ того, что самый «Соборный Актъ, какъ читаемъ въ указѣ Св. Сѵнода на имя высокопр. Филарета, (2) былъ составленъ Уніятскими Епископами, во главѣ которыхъ былъ Іосифъ (Сѣмашко), въ г. Полотскѣ, (3) гдѣ онъ и былъ подписанъ всѣмъ прочимъ, подвѣдомымъ этимъ Епископамъ, духовенствомъ, и здѣсь же составленно было всеподданнѣйшее прошеніе о дозволеніи имъ присоединиться къ ихъ Прародительской Православной Каѳолической Церкви, при чемъ собраны были и приложены къ самому Акту и прошенію собственноручныя объявленія, въ доказательство общаго на присоединеніе согласія, 1305-ти священниковъ и монашествующихъ.»

Одновременно почти съ этимъ совершившимся возсоединеніемъ Уніятовъ, относившимся собственно къ Сѣверо-западному и, въ частности,—Бѣлорусскому краю, послѣдовали во 1-хъ особый Указъ Св. Сѵнода на имя высокопр. Филарета и во 2-хъ особое отношеніе,—съ надписью· «по Высочайшему повелѣнію,» Оберъ-Прокурора Графа Протасова, (4) содержа-

---

(1) Марковъ монастырь, по разряду первоклассный, носитъ названіе Свято-Троицкаго, такъ какъ и главный храмъ въ немъ во имя Св. Троицы; храмовый же праздникъ до днесь бываетъ въ этомъ монастырѣ на второй день праздника Троицы,—въ Духовъ день;—отъ этого Монастырь болѣе всего извѣстенъ подъ именованіемъ—Свято-Духовскій, или по простонародному—Духовскій. Авт.

(2) Указъ Св. Сѵнода былъ отъ 14-го Апрѣля 1839 г. за № 3931.

(3) По городу Полотску, какъ самому древнѣйшему и бывшему столицею Князей Полотскихъ,—изъ рода которыхъ извѣстна Святая Евфросинія Княжна Полотская, и самая Епархія называлась тогда Полотскою, хотя резиденція Православнаго Епископа находилась въ городѣ Витебскѣ.

(4) Самый Указъ Св. Сѵнода былъ препровожденъ при отношеніи Оберъ-Прокурора отъ 30-го Апрѣля за № 551,—а отношеніе по Высочайшему повелѣнію за № 557-мъ. Указъ Св. Сѵнода воспрещено было оглашать и сдавать даже въ Консисторію.

ніе которыхъ состояло въ томъ,—какъ дѣйствовать вообще и въ частности высокопр. Филарету въ Кіевской Епархіи, въ которой тоже находились Грекоуніяты. Въ послѣднемъ отношеніи сказано именно такъ: «Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы восприсоединенному духовенству и народу оказано было снисхожденіе касательно, не противныхъ сущности Православія, мѣстныхъ обычаевъ, которые отъ долговременной къ нимъ привычки не могутъ быть въ скоромъ времени измѣнены безъ важныхъ не удобствъ,—каковы: нынѣшнее *не служебное* одѣяніе возсоединеннаго духовенства, не рощеніе бороды, употребляемыя во время постовъ пищи и нѣкоторыя молитвенныя обыкновенія, не нарушающія Догматовъ Православной Вѣры.»—Въ заключеніе же своего отношенія Графъ Протасовъ писалъ такъ.—«Отличающія Ваше Высокопреосвященство, свойства христіанской любви и кротости служатъ надежнымъ ручательствомъ, что при столь важномъ совершившемся торжествѣ Святыя Православныя Церкви, Вы вполнѣ совершите ожиданіе Правительства, преподавъ ввѣренному Вамъ духовенству такія личныя наставленія, кои послужатъ къ братолюбивому общенію его съ возсоединеннымъ духовенствомъ и къ полному водворенію между ними взаимнаго не нарушимаго согласія и духовнаго единства.»—А эти слова, какъ свидѣтельствуетъ содержаніе всего отношенія, были не его личныя, а Того, по *Высочайшему повелѣнію* Кого было сдѣлано самое отношеніе,—которое и означено было такою именно надписью.

Въ чемъ и какъ оправдалъ высокопр. Филаретъ, сей часъ сказанныя, ожиданія, само собою, мы не можемъ здѣсь изложить въ какихъ либо подробностяхъ. Мы приведемъ лишь слѣдующія свидѣтельства объ этомъ, относящіяся главнѣйшимъ образомъ къ настоящему изложенію по самому времени. Въ письмѣ своемъ къ Викарію преосв. Иннокентію высокопр. Филаретъ писалъ: «Дѣло возсоединенія Уніятовъ по своему существу, естественно, должно было обдѣлываться не вдругъ, а постепенно... Можетъ быть, причисленіе возсоединенныхъ церквей къ Кіевскому Епархіальному Начальству не замедлитъ,—а дотолѣ слѣдуетъ принимать просящихся съ Апостольскимъ снисхожденіемъ. Конечно должно испыты-

вать въ чтеніи и въ способности и умѣніи отправлять Священнодѣйствія по нашему, а оказавшихся не умѣющими учить и совѣтовать, а гдѣ нужно, и требовать, чтобы они отъ своихъ, не сообразныхъ съ нашими, обычаевъ, отставали и все приводили бы въ единообразіе съ нашими.» Въ другомъ же письмѣ его къ Викарію преосв. Іереміи читаемъ: «Препровождая при семъ письмо присоединеннаго къ Православію, прошу, разсмотрѣвъ оное, рѣшить по Вашему разсужденію, заслуживаетъ ли онъ просимаго своею искренностью и поведеніемъ, какъ священнослужитель... Ежели заслуживаетъ, то извольте получить отъ о. Намѣстника Лавры изъ моихъ денегъ 300 руб. и вручить ему отъ меня на благословеніе ради его нуждъ безъ возврата.» (1)

Обращаемся къ другому изъ многихъ, указанныхъ нами въ прежней перечени, дѣлъ, бывшихъ въ Св. Сунодѣ въ описываемую пору, и обязанныхъ собственно личной иниціативѣ Оберъ-Прокурора Графа Протасова. Это—дѣло о преобразованіи учебной части въ духовныхъ Семинаріяхъ. Обратимся и здѣсь сначала къ Редакціи Русской Старины. Она говоритъ: «Графъ Протасовъ задумалъ реформу духовно-учебныхъ заведеній. Въ этихъ цѣляхъ, онъ вмѣсто, бывшей до него, Коммиссіи духовныхъ училищъ учредилъ Духовно-Учебное Управленіе, которое должно было находиться въ исключительной зависимости отъ Оберъ-Прокурора внѣ подчиненія самому Суноду. Однако Филаретъ Московскій помѣшалъ вполнѣ осуществиться планамъ Оберъ-Прокурора; онъ съумѣлъ отстоять право контроля Св. Сунода надъ распоряженіями Духовно-Учебнаго Управленія. Точно такъ же, благодаря противодѣйствію Московскаго Митрополита, задуманная Об.-Прокуроромъ, реформа всѣхъ дух.-учебныхъ заведеній коснулась только, главнымъ образомъ, однихъ Семинарій.» (2) Не говоря о томъ, что Редакція слишкомъ мало сказала о настоящемъ дѣлѣ, которое, между тѣмъ, было весьма важное и крупное и по процедурѣ своей весьма сложное,—всякій видитъ, что и все, сказанное Редакціею,

(1) Письмо изъ С.-Петербурга отъ 10-го Февраля 1841 г.
(2) Русская Старина 1885 г. Декабрь стр. 492—493.

отнесено исключительно къ одному лицу—высокопр. Филарету Московскому. Но не то́ покажетъ намъ самое дѣло, которое сей часъ увидимъ; хотя съ своей стороны мы должны сказать, въ сообразность съ свѣдѣніями Редакціи Русской Старины, что, дѣйствительно, если кого, то Митрополита Московскаго задуманная и происходившая реформа должна была затронуть болѣе всего; такъ какъ онъ въ свое время былъ главнымъ дѣятелемъ въ составленіи и уставовъ и учебныхъ программъ и всего прочаго во всѣхъ духовныхъ заведеніяхъ—и въ Академіяхъ, и Семинаріяхъ и Училищахъ, въ которыхъ задумано было произвести теперь реформу. Въ этомъ отношеніи Авторъ свѣдѣній, которыя мы приведемъ, прямо говоритъ: «когда я сообщилъ Митрополиту Московскому, между прочимъ, что меня посадили сочинять новый Уставъ,—*Митрополитъ Московскій едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду, почитая эту затѣю—сочиненіе новаго Устава для духовно-учебныхъ заведеній личною себѣ обидою потому, что прежніе Уставы и Академій и Семинарій и Училищъ написалъ онъ.*»

Впрочемъ, не входя болѣе ни въ какія объясненія по излагаемому предмету, послушаемъ, что́ говоритъ сей часъ помянутый, Авторъ, статья котораго озаглавлена такъ: «О Филаретѣ Митрополитѣ Московскомъ моя память.» Все изложенное въ этой статьѣ не должно подлежать никакому сомнѣнію въ первыхъ потому, что самъ Авторъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ, (чуть не болѣе, чѣмъ Члены Св. Сѵнода), дѣятелемъ въ разсматриваемомъ дѣлѣ и притомъ избраннымъ лично и довѣреннымъ со стороны самого Оберъ-Прокурора; во вторыхъ самое изложеніе у него въ родѣ дневника, и наконецъ составилъ онъ, съ цѣлью изданія, свою статью уже въ санѣ Епископа.([1]) Вообще содержаніе этой статьи отличается примѣрною искренностью, откровенностью и безлицепріятностью, словомъ—какъ свойственно и подобаетъ

([1]) Статья эта напечатана и издана отдѣльными книжками Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1877 года, Москва.—Авторомъ же она подписана такъ: «Красноярскъ, 21-го Октября 1868 г. Епископъ Никодимъ (т. е. Енисейскій и Красноярскій).

лицу святительскому. Составитель предисловія и примѣчаній къ этой статьѣ замѣчаетъ однако,—«что не смотря на преданность своему благодѣтелю—Филарету Московскому, Авторъ позволялъ себѣ изрѣдка неосторожные отзывы объ немъ, подъ предлогомъ, конечно, безпристрастія и свободы въ сужденіяхъ.» Приведемъ съ подлинника содержаніе изъ этой статьи, хотя по мѣстамъ и въ сокращеніи, дабы представить собственно то́, что́ существенно относится къ излагаемому теперь дѣлу.

«Оберъ-Прокуроръ Св. Сунода Графъ Николай Александровичъ Протасовъ замыслилъ преобразовать нашу Духовную ученость. Въ душѣ его, можетъ быть, была нѣкоторая искра чистой ревности и желаніе Русскому Духовенству добра: но онъ не умѣлъ, а по гордости и не хотѣлъ порядочно уразумѣть, что́ есть и чѣмъ быть должно Русское Православное Духовенство. Воспитанный Іезуитами въ Католичествѣ, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на Православіе (меня увѣрялъ совоспитанникъ его, что Графъ въ душѣ былъ Католикъ, а Православнымъ объявлялъ себя изъ земныхъ видовъ).

«Преобразованіе нашихъ школъ Графъ Протасовъ замыслилъ выполнить *нашими* же руками, а началъ это дѣло издалека: онъ предложилъ Св. Суноду дать предписанія всѣмъ Ректорамъ Семинарій, дабы они *свободно* изложили, какъ они понимаютъ Богословію, и какія улучшенія полагали бы внести въ нее, противъ настоящаго ея положенія. Св. Сунодъ согласился. Даны такія предписанія всѣмъ Ректорамъ Семинарій въ Маѣ 1837 года. Въ числѣ прочихъ, и я (1) получилъ такое предписаніе. Намъ дано сроку по 1-е Генваря слѣдующаго 1838 года. Написалъ и я свой Богословскій конспектъ. Прокуроръ поручилъ своимъ чиновникамъ перечитать всѣ сіи конспекты и отмѣтить изъ нихъ особенные, выдающіеся изъ числа другихъ. Мой конспектъ найденъ особеннымъ отъ всѣхъ; онъ заинтересовалъ и Директора Дух.-Учебнаго Управленія Александра Ивановича Карасевскаго, и самого Графа Протасова. Однако же, Оберъ-Прокуроръ, не

(1) Авторъ былъ въ это́ время Ректоромъ Вятской духовной Семинаріи

довѣряя своимъ богословскимъ познаніямъ, поручилъ Карасевскому попросить Митрополита Московскаго прочитать наши конспекты и указать наилучшій изъ нихъ, и въ особенности просили они сказать мнѣніе Митрополита о моемъ конспектѣ. Филаретъ изложилъ мнѣніе о моемъ конспектѣ одобрительное и поставилъ мой конспектъ выше всѣхъ прочихъ, и въ особенности потому, что—какъ онъ выразился, «въ немъ есть зерно мысли». Получивши совершенно одобрительную аттестацію о моемъ конспектѣ отъ Митрополита Филарета, Прокуроръ, *не спрося у Сѵнода*, испросилъ у Государя Николая Павловича дозволеніе вызвать меня въ Петербургъ *въ личныя его*, Протасова, *распоряженія*.

«Я пріѣхалъ въ Петербургъ 15-го Іюня 1838 г. Дня чрезъ три представлялся Оберъ-Прокурору Графу Николаю Александровичу Протасову. Графъ заговорилъ: «Мы васъ позвали на работу. Прошу потрудиться. Вашъ конспектъ отличный. Онъ доказалъ, что вы съ талантами: намъ такіе люди нужны. Прошу знать меня, и еще никого: я вашъ заступникъ. Храните въ тайнѣ все, что̀ будемъ поручать вамъ. Будьте искренны. Говорите со мною смѣло, о чемъ буду васъ спрашивать. Я самъ буду говорить такъ, какъ самъ разумѣю». «Вашъ конспектъ, продолжалъ Графъ, подвергся пререканіямъ. Его ужасно разбранилъ Кіевскій (Митрополитъ Филаретъ), Московскій (Митрополитъ Филаретъ), напротивъ, весьма хвалитъ. Какъ бы ни было, мы васъ оградимъ и утѣшимъ... Конспектъ вашъ будетъ напечатанъ. Васъ ожидаетъ Докторство Богословіи... Пусть пріѣдетъ Московскій: вы тогда съ нимъ посовѣтуетесь, и кое что исправите: *надобно же потѣшить и Кіевскаго!* Объ этомъ подробно разскажетъ вамъ Карасевскій: спросите его. Я только говорю: не бойтесь никого, нижѐ вашихъ Архіереевъ: знайте меня!..» Въ заключеніе Графъ мнѣ подалъ конспектъ Богословіи Каменецъ-Подольскаго Ректора Наѳанаила и сказалъ: «Прочтите этотъ конспектъ и скажите ваши о немъ мысли. Правду сказать, говорятъ, да и я, *кажется*, вижу, что тутъ учености не много: но онъ для насъ интересенъ. Послушаемъ, что̀ вы скажете.»—

«Чрезъ нѣсколько дней я пришелъ къ Графу съ конспектомъ Наѳанаила.—Графъ: «Прочитали?. Каковъ кон-

спектъ?»—Я.—«Не бойкій, странный, фальшивый. Лишняго и не нужнаго много, а дѣльнаго мало». Графъ улыбался, и давалъ мнѣ просторъ говорить, что́ хочу. Я говорилъ много. Потомъ завязался разговоръ о нашемъ духовномъ образованіи, по видимому кстати, а въ самомъ дѣлѣ онъ приготовленъ былъ намѣренно. Мнѣ стали присылать разные проэкты, безъимянные, въ коихъ осуждалось то́, или другое, въ нашихъ школахъ. Не помню содержанія ихъ, но помню, что онѣ бранчивы, язвительны, насмѣшливы, намѣренно ложны и часто весьма мелочны. Грустно мнѣ было послѣ узнать, что нѣкоторыя тетради и статьи противъ *нашихъ* порядковъ написаны *предательски нашими же!*

«Я позванъ былъ опять къ Графу. Вотъ его рѣчи: «Подумайте хорошенько, и мнѣ скажите: что́ нужно измѣнить въ Семинаріяхъ? Какъ упростить существующія науки? Не нужно ли ввести новыя, и какія именно? Не надобно ли иныя науки сократить, а другія и вовсе выгнать? На что такая напр. огромная Богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему Философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства? Прочтите еще хорошенько Семинарскій Уставъ, и скажите, что́ вы находите въ немъ нужнымъ исправить, измѣнить, отмѣнить, или дополнить». Подобнаго рода рѣчи и декламаціи я выслушивалъ цѣлый мѣсяцъ (до 15-го Іюля) и отъ самого Оберъ-Прокурора и отъ его ассистента—Александра Ив. Карасевскаго. Меня и ласкали, мнѣ и грозили, меня вызывали на диспуты. Съ грустію я выслушивалъ крайне не уважительныя сужденія о великомъ Филаретѣ Московскомъ, еще чаще о другихъ Святителяхъ. Съ своей стороны я говорилъ много, защищалъ въ частности почти всякую науку, существующую въ Семинаріяхъ. Особенно ограждалъ Богословію, и требовалъ даже расширенія ея. Я долго препира́лся и защищалъ и Философію. Съ 15-го Іюля меня посадили сочинять Уставъ. Я долго стоялъ на томъ, что новаго Устава писать не нужно; что существующій Уставъ признается добрымъ. Меня не уважили.

«Въ концѣ Сентября 1838 года пріѣхалъ Митрополитъ Филаретъ (Московскій) въ С.-Петербургъ. Я тотчасъ явил-

ся къ нему, (1) и разсказалъ, что́ я здѣсь дѣлалъ и дѣлаю, не умолчавъ, что меня посадили сочинять новый Уставъ.—Митрополитъ едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду, почитая затѣю сочиненія новаго Устава для духовныхъ школъ личною себѣ обидою, потому что прежніе Уставы Академій, Семинарій и Училищъ написалъ онъ. Скажу однако: Уставъ, мною составленный, замеръ въ Сунодѣ. Онъ, конечно, теперь въ Архивѣ. Кто и что́ задержало его въ Сунодѣ, осталось для меня доселѣ не извѣстнымъ. Сдѣлано значительное преобразованіе въ учебной только части: но сіе принялъ на себя самъ Св. Сунодъ.

«Изъ-за меня, т. е. изъ за моего конспекта вошли было въ размолвку два Митрополита, оба Филарета, Московскій и Кіевскій. Вотъ случай: Когда зашла рѣчь въ Св. Сунодѣ обо мнѣ и о моемъ конспектѣ (его хотѣли напечатать и разослать по Семинаріямъ въ руководство и для образца), Филаретъ Кіевскій сказалъ: «Я не читалъ конспекта Вятскаго Ректора: дайте мнѣ прочитать». Ему подали мой конспектъ Филаретъ читалъ его цѣлый мѣсяцъ, и надѣлалъ множество примѣчаній, которыя всѣ составляютъ охужденіе, опроверженіе, укоризну... По прочтеніи, онъ сдѣлалъ на первомъ листѣ его слѣдующую надпись: «Въ сочинителѣ замѣтны способности, а особенно начитанность новѣйшихъ, такъ называемыхъ, Германскихъ Богослововъ, но не достаетъ въ немъ зрѣлости и вѣрности сужденія... Конспектъ его ни для Духовныхъ Семинарій, ни для Духовныхъ Академій.» «Филаретъ Митрополитъ Кіевскій». За тѣмъ Филаретъ возвратилъ мой конспектъ. Такимъ образомъ я сдѣлался яблокомъ раздора между двумя великими Филаретами. Въ это же время пробѣжала странная молва, будто мой конспектъ вовсе не принадлежитъ мнѣ; будто онъ есть произведеніе самого Филарета Московскаго, а я—я только переписчикъ. «И кто-де такой Никодимъ Вятскій? Семь лѣтъ назадъ кончившій въ Академіи курсъ и ни въ Академіи, ни

(1) Нужно замѣтить, что Авторъ былъ извѣстенъ Владыкѣ Московскому съиздавна и хорошо, потому то въ отношеніяхъ между ними видна особенная близкость и откровенность.

въ службѣ въ Семинаріяхъ вовсе не извѣстный ничѣмъ особенно.—А Филарету-де, Московскому, очень желающему блистать Богословіею, хотѣлось выказать себя самого».

«Когда Филаретъ Кіевскій прибылъ въ Петербургъ въ Октябрѣ 1838 года, я, вмѣстѣ съ другими, былъ у него на поклонѣ. Онъ занялся мною. Старался казаться осторожнымъ. Говорилъ со мною вы, а не ты. Спросилъ меня «Чей я родомъ, гдѣ учился, давно ли кончилъ курсъ, гдѣ служилъ?» Потомъ осторожно спрашивалъ о томъ, что я дѣлаю? Я разсказалъ ему, что я писалъ новый Уставъ для Семинарій и Училищъ и уже сдалъ Обереръ-Прокурору. (Я могъ ему не говорить сего: но я не хотѣлъ показаться ослушникомъ предъ такимъ Отцемъ). Въ подробностяхъ Филаретъ нѣсколько разъ меня перерывалъ вопросами: «это вамъ велѣлъ Московскій? т. е. Филаретъ. Объ этомъ вы спрашивали у Московскаго?» И такъ мой конспектъ обѣщали напечатать, а мнѣ дать Докторство, и даже мѣтили въ Ректоры С-Петербургской Академіи. Но похуленіе моего конспекта Митрополитомъ Кіевскимъ испортило все дѣло. Филаретъ Московскій придумалъ, однако же, способъ, которымъ и меня отчасти можно было утѣшить, и Филарета Кіевскаго не огорчить. Съ согласія Графа Протасова, Филаретъ Московскій приказалъ мнѣ тщательно пересмотрѣть мой конспектъ и сдѣлать изъ него извлеченіе, такимъ образомъ, чтобы выпустить всѣ тѣ мѣста, надъ которыми сдѣлано рѣзкое и рѣшительное отрицаніе Филарета Кіевскаго. Владыка Московскій столь былъ милостивъ и внимателень ко мнѣ и къ дѣлу, что рѣшился быть руководителемъ и цензоромъ моимъ въ семъ дѣлѣ. Дѣло это однако не получило желаннаго конца. Затерлось—и кончилось ничѣмъ. Можетъ быть и самъ Митрополитъ Московскій находилъ принятую мѣру не безопасною: можно было опасаться изъ за меня важной размолвки Митрополита Кіевскаго съ Московскимъ. Между тѣмъ Протасовъ, видимо, охладѣлъ ко мнѣ. Должно сказать и то, что Св. Сунодъ самъ возсталъ противъ проэктовъ Графа, и ему было уже не до меня; а затѣмъ и Филарету Московскому охорашивать меня было не благовременно. Многократно же входя въ разсужденія, гдѣ поминался и Филаретъ Кіевскій, Митрополитъ Московскій никог-

да не дозволялъ себѣ ниже намека похуленія Кіевскому. Однажды же сказалъ: «Что дѣлать? *Надобно уважить старшаго!*» —Еще: «Мы съ Кіевскимъ Владыкою учились по старымъ книгамъ: вы, молодые, стали учиться по новымъ».

«Дѣло о наукахъ въ Семинаріи по новому Уставу перешло наконецъ въ Сунодъ. Митрополитъ Серафимъ положился на двухъ Филаретовъ, а сіи вошли въ соглашеніе и написали.

«Но,—читаемъ далѣе у Автора,-то, что написали оба Митрополита въ своихъ проэктахъ, каждый въ отдѣльномъ своемъ, Директоръ Духовно-Учебнаго Управленія А. И. Карасевскій, по распоряженію всекопечно Оберъ-Прокурора, вручилъ мнѣ оба эти проэкта и съ тѣмъ вмѣстѣ и свой (т. е. Карасевскаго.) Мнѣ было поручено раздѣлить всѣ предметы по классамъ въ недѣлю и назначить въ каждое отдѣленіе Семинаріи число наставниковъ.—(И такъ проэкты Митрополитовъ отдаютъ на пересмотръ Архимандриту!! восклицаетъ съ удивленіемъ Авторъ.)—Я былъ тотчасъ же у Митрополита Московскаго и повѣдалъ ему о данномъ мнѣ порученіи. При этомъ я не удержался высказать мою жалобу ему объ исключеніи Философіи и о наполненіи, на оборотъ, Семинарскаго образованія науками излишними и безполезными, разумѣя—Сельское хозяйство, Естественную Исторію и Медицину. Владыка сказалъ: «Надобно же въ чемъ нибудь уступить и имъ (свѣтскимъ), чтобы отъ нетерпеливости не перепортили всего...»

Это послѣднее свѣдѣніе относится, впрочемъ, къ тому времени, (свѣдѣніе обозначено подъ 24—26-мъ числами Апрѣля 1840 г.,), когда высокопр. Филаретъ не могъ пріѣхать для присутствованія въ Св. Сунодѣ по извѣстнымъ для читателей причинамъ.—Что было бы со стороны послѣдняго, если бы онъ находился лично, само собою, трудно опредѣлить. За то мы знаемъ изъ другаго живаго вѣрнаго источника, что высокопр. Филаретъ при первомъ извѣстіи о вводимыхъ въ Семинарію новыхъ наукахъ —Сельскомъ Хозяйствѣ, Естественной Исторіи и Медицины отозвался съ глубокою скорбію, и отнюдь не такъ, чтобы раздѣлять мнѣніе высокопр. Филарета Московскаго вышеприведенное, т. е. что «надобно въ чемъ нибудь и имъ (свѣтскимъ)

уступить, чтобы отъ нетерпѣливости не испортила всего.»—Этотъ живой вѣрный источникъ мы разумѣемъ въ лицѣ въ Бозѣ почившаго высокопр. Антонія Архіепископа Казанскаго. Этотъ достойнѣйшій послѣдователь во всемъ дядѣ своему—высокопр. Филарету, Святитель,—насколько извѣстно читавшимъ, составленную нами, Біографію его,(1) въ первые же годы своего служенія въ Смоленской Епархіи выступилъ съ своимъ собственнымъ проэктомъ по преобразованію Семинарій и духовныхъ училищъ въ замѣнъ того, которое было совершено въ Семинаріяхъ именно въ 1840 году —Въ этомъ проэктѣ высокопр. Антоній съ особенною силою указывалъ на преобразованіе Семинарій въ 1840 г. сравнительно съ прежнимъ положеніемъ, существовавшимъ съ 1808 г. «Если, писалъ онъ, не измѣнили этого послѣдняго въ концѣ, то чрезвычайно разшатали и сдвинули его съ главнаго направленія и, такимъ образомъ, лишили наше духовно-учебное образованіе прежняго классическаго характера и достоинства. Въ новомъ преобразованіи (1840 года), какъ видно, думали сдѣлать что-то полезное, но при этомъ кажущемся полезнымъ, на дѣлѣ произошло «гораздо болѣе безполезнаго и прямо вреднаго». Въ частности же относительно нововведенныхъ въ 1840 г. наукъ—Сельскаго хозяйства, Естественной исторіи и Медицины онъ писалъ такъ: «Грустное, тяжелое впечатлѣніе, помню я, производило часто во мнѣ, въ бытность мою Ректоромъ Семинаріи (Кіевской), посѣщеніе высшаго класса (богословскаго), когда, бывало,—послѣ уроковъ въ оном о Пресвятой Троицѣ, или Таинствѣ воплощенія Господа Спасителя, или о другомъ подобномъ предметѣ,—приходилось въ томъ же классѣ слышать вдругъ урокъ (по Сельскому хозяйству), о различныхъ матеріалахъ и способахъ для удобренія земли, или (по Медицинѣ) о разныхъ отправленіяхъ человѣческаго организма, или объ иномъ чемъ, еще болѣе не гармонирующемъ съ первыми уроками, до крайности развлекающемъ вниманіе учениковъ и лишающемъ ихъ душевнаго сосредоточенія, въ особенности требующагося

(1) Издана была въ 1885 г въ двухъ томахъ. Описываемыя свѣдѣнія содержатся въ 1-мъ томѣ, глава XV, стр. 369—386.

для воспринятія истинъ спасительнаго вѣроученія и христіанскаго нравоученія. Между тѣмъ, ради этихъ новыхъ, совершенно не идущихъ ни къ мѣсту, ни къ дѣлу, наукъ, составители преобразованія неосновательно исключили большую часть философскихъ наукъ Далѣе—языки: Еврейскій, Французскій и Нѣмецкій сдѣланы необязательными, чѣмъ совершенно ослаблено занятіе ими, а языки Латинскій и Греческій, знаніе которыхъ такъ процвѣтало въ прежніе годы, рѣшительно пали, и въ самыхъ училищахъ (преобразованныхъ въ 1852 году), эти послѣдніе языки окончательно подорваны, и потому самое занятіе ими, не болѣе, какъ жалкое, и, первоначально пріобрѣтаемое здѣсь, знаніе ихъ и, продолжаемое какъ бы только для вида, въ Семинаріяхъ и потому къ концу семинарскаго курса почти вовсе забываемое и теряемое, очевидно, не имѣетъ никакой цѣны и цѣли Однимъ словомъ, результаты въ такомъ видѣ совершенныхъ (въ 1840 г. и 1852 г.) преобразованій, естественно не могли быть иные, какъ весьма неблагопріятные».

Въ своемъ проэктѣ высокопр. Антоній писалъ, между прочимъ, буквально такъ: «Службу мою я началъ годъ-въ-годъ со введеніемъ преобразованія Семинарій въ 1840 году, и, потому, я имѣлъ прямую возможность въ теченіи *двадцати пяти* лѣтъ видѣть своими глазами и повѣрить опытомъ и наблюденіемъ то́,—какія неблагопріятныя послѣдствія имѣло преобразованіе 1840 г.» Но то́ несомнѣнно, что высокопр. Антоній еще въ самое время, происходившаго въ 1840 г., преобразованія ознакомился съ характеромъ и значеніемъ этого преобразованія изъ разсказовъ и сужденій своего дяди. Несомнѣнность этого доказывалась тѣмъ, что покойный Владыка. Антоній повторялъ, бывало, самъ многое со словъ высокопр. Филарета. Самое то́, какія впечатлѣнія выносилъ онъ послѣ слушанія уроковъ по нововведеннымъ наукамъ Сельскому Хозяйству и Медицинѣ, было наперед понято и высказывалось въ этомъ же родѣ его дядею, который никакъ не хотѣлъ и не могъ примириться съ этими затѣями. «Такъ, по словамъ самого высокопр. Антонія, высокопр. Филаретъ разсказывалъ напр. о томъ, откуда и какъ возникла первая мысль о введеніи этихъ, совершенно не идущихъ къ состоянію духовныхъ воспитанниковъ

и будущихъ священниковъ, наукъ. Въ описываемое время только-что было учреждено новое Министерство Государственныхъ Имуществъ. Первый Министръ-новичекъ Графъ Киселевъ, подобно какъ и нашъ министерствующій Оберъ-Прокуроръ, и выдумалъ эту затѣю, т. е. чтобы въ селеніяхъ его Вѣдомства имѣть особо приготовленныхъ священниковъ въ родѣ агропомовъ, которые бы проводили и въ народъ свои эти познанія и пр. У Министра была даже мысль, чтобы завести въ своемъ Вѣдомствѣ особаго устройства Семинаріи для приготовленія такихъ священниковъ, которые бы научно знали и Сельское хозяйство, и Естественную Исторію, и Медицину, собственно народную и еще землемѣріе. Сколько по короткому знакомству, столько и для того, чтобы отличиться такими небывалыми новоучрежденіями, оба Графа, какъ говорится, и спѣлись въ одну дудку... Я, когда лично тамъ въ Петербургѣ зналъ все это, хотя и не выступалъ открыто, но сколько возможно и нужно было, высказывался напрямки противъ этого нововведенія; но не видѣлъ прямой поддержки ни со стороны Первенствующаго, ни даже со стороны Московскаго... Но, вотъ, это дѣло, вкривь и вкось веденное, наконецъ осуществилось... Я указывалъ, между прочимъ, даже и на то, что въ Семинаріяхъ нѣтъ рѣшительно лицъ, спеціально приготовленныхъ для преподованія этихъ нововводимыхъ наукъ, и нѣтъ учебниковъ никакихъ, да и самую программу трудно было опредѣлить, чтобы втиснуть эти три-четыре науки въ общій составъ духовнаго образованія, безъ крайняго стѣсненія послѣдняго. Но вѣрна пословица: «одинъ въ полѣ—не воинъ». Высказывалъ я и тѣ свои сужденія, что и для будущихъ священниковъ будетъ одна лишь тягость и, пожалуй, даже горе и опасность заниматься напр. леченіемъ. И теперь бѣда для нихъ, когда являются для напутствованія больныхъ такъ, что едва могутъ успѣвать иногда исполнить это Святое дѣло, а тогда, пожалуй, прихожане будутъ винить священниковъ, что не подалъ въ свое-де время помощи медицинской,—а если случится, что больной, послѣ поданной помощи, вскорѣ умретъ, то прихожане станутъ еще приписывать самое ускореніе смерти лекарству, данному священникомъ, а тутъ какъ разъ могутъ послѣдовать придѣпки

полицейско-медицинскія. (1) Само собою, все это долго не продержится, и во всякомъ случаѣ не дольше, какъ минуется вся нынѣшняя тяжко-горестная система, или, прямо сказать, взбаломошная пертурбація во всѣхъ частяхъ управленія нашими дѣлами церковно-духовными... А вотъ видишь, что еще придумали, какъ бы въ опроверженіе моей прежней мысли,—что у насъ нѣтъ на лицо спеціальныхъ преподавателей... Открыли какую-то Земледѣльческую Школу въ какомъ-то мѣстечкѣ Горы-Горкахъ, да и потянули туда нашихъ же семинарскихъ воспитанниковъ, и непремѣнно лучшихъ, какъ будто въ какую Академію,—и это съ тою именно цѣлію, чтобы Семинаріи имѣли своихъ спеціальныхъ учителей и по Сельскому хозяйству и Естественной Исторіи. А наконецъ вздумали же и вотъ теперь уже рѣшили открыть еще новую Духовную Академію въ Казани, и опять таки въ новомъ видѣ съ спеціальнымъ отдѣленіемъ для изученія инородческихъ языковъ и съ цѣлію образованія миссіонерскаго... Я былъ мнѣнія тоже не на сторону этого спеціальнаго образованія; да и открытія особой Академіи для какихъ нибудь трехъ четырехъ восточно-сибирскихъ семинарій и поволжскихъ не болѣе двухъ-трехъ, начиная съ Астрахани, я находилъ почти излишнимъ, или, по крайней мѣрѣ, рановременнымъ. Но дѣло сдѣлано такъ, что лишь только я и Московскій едва убрались со двора изъ Питера, какъ и дѣло явилось на столѣ, и тотчасъ же получило окончательное рѣшеніе и Высочайшее утвержденіе.—Между тѣмъ бѣдный Казанскій Преосвященный Владиміръ сколько писалъ объ этомъ и формально и частнымъ

---

(1) Замѣчательное сходство въ разсужденіяхъ и даже отчасти въ выраженіяхъ объ этомъ предметѣ встрѣчаемъ у преосв. Никодима въ его статьѣ: «о Митрополитѣ Филаретѣ Московскомъ, моя память» «Владыка,—пишетъ онъ,—о Медицинѣ говорилъ такъ: «Поверхностное знаніе семинаристами Медицины безполезно, даже вредно. Вмѣсто излеченія могутъ увеличить болѣзнь. И смертная болѣзнь начинается легкими припадками. Затѣмъ болѣзнь растетъ, усиливается, не уступаетъ лекарствамъ; человѣкъ умираетъ... Тогда родные скажутъ: вотъ больной заболѣлъ легко и, можетъ быть, выздоровѣлъ бы; но батюшка далъ ему лекарство... и онъ умеръ...»

образомъ,—писалъ онъ лично и мнѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не спѣшить этимъ дѣломъ... Но формально-то написанное клали подъ сукно..., а на оборотъ усиливали только поспѣшность... Напр. когда еще не было и похожаго на рѣшеніе открыть Академію, Казанскому Преосвященному было послано уже распоряженіе, хотя и помимо Сунода, чтобы онъ нашелъ помѣщеніе и заключилъ контрактъ на наемъ его... Наконецъ, когда произошелъ страшный пожаръ въ Казани и какъ разъ въ ту пору, въ концѣ Августа, когда уже съѣхались и новоназначенные студенты и лица служащія и помѣститься не было возможности нигдѣ.., то и тутъ не угомонились... Преосвященный Казанскій писалъ мнѣ уже сюда въ Кіевъ и писалъ именно слезами, а не чернилами обо всемъ этомъ, и даже самъ о себѣ сообщалъ, что онъ готовъ лучше уволиться на покой..., но я уже уговорилъ его въ своемъ письмѣ, чтобы онъ пребывалъ *претерпѣвшимъ до конца*..., какъ приводилось и мнѣ самому быть таковымъ въ Петербургѣ до Мая 1842 г.

Высокопр. Антоній передавалъ эти послѣднія свѣдѣнія изъ устъ высокопр. Филарета открыто предъ всѣми, когда поступилъ въ Казанскую Епархію, и когда въ первый же годъ здѣшняго его служенія (въ 1867 г.) совершилось празднованіе двадцатипятилѣтія Казанской Академіи (1842—1867—г.). (1) Эти свѣдѣнія тѣмъ болѣе вызывались у него въ памяти и выражались открыто, что въ Исторической запискѣ за 25-ти лѣтній періодъ Академіи эти же свѣдѣнія изложены почти буквально на основаніи документовъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько изъ этихъ свѣдѣній, какія изложены въ Исторической запискѣ.

«Кромѣ обширности новооткрываемаго Казанскаго духовно-учебнаго Округа, въ немъ находится самое разнообразное народонаселеніе. Здѣсь, кромѣ господствующаго Славянскаго племени, находятся а) изъ племени *Финскаго*: черемисы, чуваши, мордва и пр., б) изъ племени *Татарскаго*: кромѣ татаръ разныхъ наименованій, ногайцы, башкирцы, киргисъ-кайсаки и др., в) изъ племени *Монголь-*

(1) Объ этомъ сказано подробно въ Біографіи высокопр. Антонія

скаго. собственно монголы, буряты и калмыки. Почти всѣ эти и другія племена или вовсе не озарены свѣтомъ Евангелія, или къ нимъ проникли только слабые лучи этого свѣта. По этому, для обращенія ихъ въ христіанство, необходимо нужно предварительно, между прочимъ, приготовить для проповѣдническаго между ними служенія такихъ людей, кои бы могли передавать имъ истины Евангелія на ихъ языкахъ. А для этого нужно напередъ изучить ихъ языки. Въ Московской д. Академіи не совсѣмъ было удобно ввести преподаваніе этихъ языковъ.

«Такимъ образомъ, сколько по вниманію къ неудобствамъ управленія этимъ обширнымъ Казанскимъ духовно-учебнымъ Округомъ, бывшимъ доселѣ въ Московской духовной Академіи, а еще болѣе по вниманію къ особеннымъ духовнымъ потребностямъ того народонаселенія, которое разсѣяно по обширному пространству этого Округа, Св. Сунодъ 25-го Мая 1842 г. поставилъ: 1) Съ началомъ наступающаго 1842—43 учебнаго года открыть Академію въ г. Казани, помѣстивъ ее на первый разъ въ наемномъ домѣ, съ назначеніемъ ежегоднаго отпуска потребной на сіе суммы изъ духовно-учебныхъ капиталовъ. 2) Число воспитанниковъ въ Казанской Академіи ограничить на первый разъ 60-ю въ обоихъ отдѣленіяхъ, полагая 30 въ высшемъ и 30 въ низшемъ отдѣленіи. 3) Какъ сверхъ предметовъ, назначенныхъ общимъ уставомъ для духовныхъ Академій, въ Казанской Академіи представляется нужнымъ учредить со временемъ особыя каѳедры для преподаванія языковъ, употребляемыхъ языческими народами въ сибирскихъ и другихъ Епархіяхъ Казанскаго округа: то разсмотрѣніе сего обстоятельства поручить Правленію вновь учреждаемой Академіи, съ тѣмъ, чтобы оно представило подробное соображеніе о томъ, какіе именно языки и въ какомъ объемѣ нужно будетъ преподавать въ Академіи, сообразно съ мѣстными потребностями Семинарій подвѣдомственнаго ему Округа.

«Это постановленіе Святѣйшаго Сунода объ учрежденіи въ Казани Академіи, равно и штатъ ея, г. Сунодальный Оберъ-Прокуроръ Графъ Протасовъ повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе. Его Вели-

чество указомъ, въ 6-й день Іюня 1842-го года Святѣйшему Суноду даннымъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: «означенныя предположенія привести въ исполненіе и слѣдующую на содержаніе Академіи сумму отпускать, по штату, изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.»

«Г. Сунодальный Оберъ-Прокуроръ въ теченіи Іюля, съ своей стороны, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія о назначеніи лицъ на профессорскія должности и, вытребовавъ въ С.-Петербургъ вновь опредѣленныхъ *Ректора и Инспектора* Казанской Академіи, далъ имъ наставленіе касательно управленія Академіею и Округомъ въ благотворныхъ видахъ Правительства. (1)

«Но еще прежде, именно въ послѣднихъ числахъ Апрѣля, тотъ же г. Сунодальный Оберъ-Прокуроръ, для устраненія всѣхъ препятствій, кои могли бы задержать открытіе Академіи въ Казани, конфиденціально просилъ Преосвященнѣйшаго Владимира Архіепископа Казанскаго о приисканіи приличнаго и удобнаго помѣщенія для предполагаемой къ открытію Академіи, и также просилъ Казанскаго Военнаго Губернатора, Генералъ-Адъютанта С. П. Шипова объ оказаніи его Высокопреосвященству содѣйствія по этому дѣлу.

«Маститый Архипастырь послѣ многосложной переписки, которую онъ велъ собственноручно съ разными домохозяевами, послѣ многихъ словесныхъ объясненій съ ними, послѣ осмотра многихъ домовъ, выбралъ наконецъ помѣстительный и удобный, находившійся вблизи Петропавловскаго собора, домъ для будущей Академіи. Въ тоже время, по ходатайству его Высокопреосвященства, назначено было и мѣсто подъ зданія для Академіи на площади арскаго поля. Въ началѣ Іюля препровождены были къ г. Сунодальному Оберъ-Прокурору планы какъ этого мѣста, такъ и приторгованнаго дома съ главными условіями его найма.

«Въ Августѣ дѣло о наймѣ дома приходило уже къ концу, — оставалось только заключить формальный контрактъ; ассигнована была и сумма въ уплату за годичный наемъ

(1) Читающіе, само собою, не незамѣтятъ въ этихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ Оберъ-Прокурора проявленіе его полновластія, а еще болѣе въ нижеслѣдующихъ распоряженіяхъ.

дома, на устройство не отдѣланныхъ въ домѣ комнатъ, на обзаведеніе дома всѣми принадлежностями, нужными для первоначальнаго помѣщенія въ немъ Академіи, а также и на содержаніе Академіи были уже приготовляемы и вещи, необходимыя для пріема студентовъ,—и вдругъ несчастіе, постигшее Казань въ 24-й день Августа 1842 г., по видимому, разстроило всѣ, готовые уже къ осуществленію, планы касательно открытія Академіи въ Казани.—Въ этотъ день лучшая часть г. Казани, въ томъ числѣ и домъ г. Теренина, нанятый для Академіи, были истреблены пожаромъ.

«Преосвященный Владиміръ, тотчасъ послѣ пожара, доносилъ Святѣйшему Сѵноду и сообщалъ г. Сѵнодальному Оберъ-Прокурору, что съ разрушеніемъ нанятаго дома, а также почти всѣхъ лучшихъ домовъ города отъ пожара, нѣтъ почти никакой надежды найти приличное и удобное помѣщеніе для Академіи, а потому заключалъ,—не лучше ли отложить открытіе Академіи года на четыре, до возведенія новыхъ для нея зданій. Но Святѣйшій Сѵнодъ, въ указѣ отъ 6-го Сентября, изъяснилъ: «поелику на учрежденіе духовной Академіи въ г. Казани послѣдовала особенная Высочайшая воля, которая и должна быть непремѣнно приведена въ дѣйствіе: то для безотложнаго исполненія оной остается лишь примѣнить къ настоящему случаю, уже сдѣланныя въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, распоряженія Святѣйшаго Сѵнода. Почему поручилъ его Высокопреосвященству принять, между прочимъ, слѣдующія мѣры: Казанскую Академію со всѣми принадлежащими къ ней лицами—начальствующими, учащими и учащимися помѣстить до времени въ Зилантовомъ, или, если это окажется неудобнымъ, въ Свіяжскомъ монастырѣ, или въ другой какой-либо обители, съ употребленіемъ на содержаніе Академіи штатной суммы, уже ассигнованной; сумму же, назначенную на отдѣлку, не оконченныхъ въ предположенномъ къ найму домѣ, комнатъ употребить на устройство для Академіи комнатъ въ зданіяхъ того монастыря, въ которомъ временно она будетъ помѣщена».

«По полученіи означеннаго указа преосв. Владиміръ, принявъ во вниманіе, что въ Казань прибыли уже воспи-

танники семинарій, назначенные въ составъ перваго курса Академіи, и Ректоръ, и Инспекторъ и нѣкоторые изъ профессоровъ, сообщилъ г. Сѵнодальному Оберъ-Прокурору, что ни въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей, кромѣ Спасскаго, нѣтъ ни малѣйшей возможности помѣщать Академію, даже и по частямъ ея, и что, помѣстивъ воспитанниковъ въ Спасскомъ монастырѣ, онъ не смѣетъ ручаться за безопасность ихъ здоровья и самой жизни, по причинѣ крайней тѣсноты и мелкоты ихъ спаленъ и классовъ, по неимѣнію въ монастырѣ мѣста, гдѣ бы они могли освѣжиться чистымъ воздухомъ, и по отсутствію всякой возможности найти тамъ помѣщеніе для Академической больницы и проч.

«Въ отвѣтъ на означенное отношеніе г. Сѵнодальный Оберъ-Прокуроръ сообщилъ Его Высокопреосвященству, что Главное духовно-училищное Начальство,(1) для вѣрноподданническаго выполненія Монаршей воли касательно открытія Академіи въ Казани въ настоящее время, готово употребить всѣ, зависящія отъ него, мѣры, чтобы доставить, необходимо нужные для того, денежные способы, какъ бы они велики ни были... и что Св. Сѵнодъ, въ отстраненіе затрудненій, встрѣчаемыхъ наставниками Академіи при наймѣ квартиръ, назначилъ имъ отпускать изъ духовно-учебныхъ капиталовъ квартирныя деньги, каждому по 200 руб. сер. въ годъ, въ видѣ единовременной чрезвычайной мѣры».

И такъ, по прочтеніи этихъ документальныхъ свѣдѣній о ходѣ дѣла объ учрежденіи Казанской Духовной Академіи съ сопоставленіемъ ихъ съ тѣми, какія высказаны были высокопр. Филаретомъ, не сомнѣнно остается одно заключеніе: *правда и истина срѣтостьѕ*... А что касается того, насколько оправдалось мнѣніе и слово высокопр. Филарета, что «изъ спеціальнаго образованія въ Академіи по части миссіонерства не выйдетъ толку,» объ этомъ было говорено нами по частямъ довольно; въ отдѣльности же о состояніи Казанской Духовной Академіи, за первое двадцатипятилѣтіе ея существованія, желающіе могутъ видѣть въ Біографіи высокопр. Антонія Архіепископа Казанскаго. (2)

(1) Остается разумѣть,—какое...
(2) Смотр. Томъ II.

Наконецъ намъ слѣдовало бы, по порядку дѣлъ, означенныхъ въ прежней перечени, говорить теперь о дѣлахъ, производившихся въ Св. Сунодѣ относительно переводовъ Ветхаго Завѣта на Русскій языкъ, составленныхъ Протоіереемъ Г. П. Павскимъ и Алтайскимъ, Миссіонеромъ Архимандритомъ Макаріемъ (Глухаревымъ); но объ нихъ въ полнотѣ и въ подробности сказано нами въ своемъ мѣстѣ. (1) Здѣсь же припомнимъ только то́, что́ было выражено нами и въ самой перечни объ этихъ переводахъ, а именно,—что они надѣлали столько безпокойствъ Св. Суноду и лично Членамъ Св. Сунода, что результатомъ ихъ было увольненіе обоихъ главныхъ, по преимуществу, дѣятелей—Первосвятителей Кіевскаго и Московскаго отъ личнаго присутствованія въ Св. Сунодѣ, хотя и по прошеніямъ ихъ ..—Какъ совершилось все это, читателямъ уже извѣстно; но особенно интересно знать, въ какихъ чувствахъ и мысляхъ и побужденіяхъ писано было самое прошеніе высокопр. Филаретомъ (Кіевскимъ). Въ самое время подачи прошенія онъ писалъ въ письмѣ къ преосв. Іереміи: «Извѣщаю Васъ, что въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы подано было мною прошеніе Государю Императору объ увольненіи меня отъ присутствованія въ Св. Сунодѣ и объ отбытіи въ Кіевъ для всегдашняго пребыванія въ паствѣ и окончанія въ ней послѣднихъ дней моей жизни. Помолитесь, Владыко Святый, да возглаголетъ Господь Богъ въ Сердцѣ Царевомъ благая о моемъ недостоинствѣ. Истинно нѣтъ силъ и возможности далѣе продолжать раззорительныя и безплодныя для Св. Церкви разъѣзды въ Столицу. Въ нынѣшній пріѣздъ почти половину времени не былъ въ Сунодѣ,—то по болѣзни, то за лѣнью, то ..; да и теперь не очень здоровъ.» (Письмо отъ 31-го Марта 1842 г.)—Но эти чувства и разсужденія были, какъ сей часъ увидимъ, не временныя только подъ вліяніемъ текущихъ обстоятельствъ... Черезъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ и за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины читаемъ въ дневникѣ (подъ 11-мъ числомъ Января 1857 г.) слѣдующее

(1) Смотр въ настоящей Біографіи въ томѣ I о времени служенія высокопр. Филарета въ Калугѣ.

по этому же самому предмету.—«Святый Владыка и среди страданій болѣзненныхъ не забывалъ своего долга обычной ему благотворительности и благосерднаго попеченія о ближнихъ,—вспоминалъ о дѣтскихъ пріютахъ Кіева, о тюремныхъ арестантахъ и спѣшилъ приказать изготовить отношенія для отсылки денегъ въ эти мѣста. Боюсь, говорилъ, остаться въ долгу. На тюремныхъ я имѣлъ обычай посылать въ день Благовѣщенія, но до того долго и, быть можетъ, не доживу. А почему на день Благовѣщенія, объ этомъ, пожалуй, я теперь скажу.—Бывши въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, я крайне желалъ распроститься съ нимъ навсегда. Я никогда не любилъ его: это просто тюрьма и болѣе того...,—особенно я боялся умереть въ немъ. Потому, дождавшись праздника Благовѣщенія, я возжелалъ непремѣнно просить себѣ отпуска навсегда. Такъ и сдѣлалъ. На праздникъ Благовѣщенія отслужа обѣдню, я подалъ прошеніе Государю. Государь изъявилъ милостивое соизволеніе, и съ тѣхъ поръ за освобожденіе меня изъ этой *тюрьмы* я каждогодно посылаю въ день Благовѣщенія на тюремный замокъ по сту руб. Но теперь нечего ждать, прибавилъ Владыка, и я незнаю, что́ еще меня удерживаетъ здѣсь съ вами... А что́ *тамъ*-то, откуда Господь избавилъ меня вотъ уже пятнадцать лѣтъ, творилось и творится до-днесь,—мнѣ уже оставалось бы теперь и не вспоминать,—но не могъ и не могу не прилагать къ сердцу... да и самый долгъ священный и по совѣсти, и по званію призываетъ къ этому. А что все это такъ, а не иначе, видно, мы много согрѣшили... Мы, правда, слагали прежде вину всю на блаженной памяти Архистарца Первенствующаго Серафима, (1) но вышло на правду не то́... И при послѣдующихъ двухъ его преемникахъ (2) въ теченіи цѣлыхъ тринадцати лѣтъ постоянно продолжалась какая-то кутерьма, которой, само собою, и ожидать слѣдовало, пока во все это время былъ все тотъ-же, направлявшій вѣтрила на кораблѣ туда, куда никогда попутнаго добраго

(1) Высокопр. Митрополитъ С.-Петербургскій скончался въ Январѣ 1843 г. 90-та лѣтъ отъ роду.

(2) Преемниками высокопр. Митрополита Серафима были Митрополитъ Антоній и Митрополитъ Никаноръ. Объ нихъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

вѣтра не было, а все на перекосы и вообще по своему (1); а сидящіе-то у кормила какъ бы и не вѣдали, куда и къ какому берегу ихъ вынесетъ... Да, истинно, сказать, мнѣ бы слѣдовало теперь положить, какъ печать на уста мои, словеса Псалмопѣвца: *да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ*, но я и не разумѣю этихъ дѣлъ человѣческихъ, *а яже суть Божія* и намъ отъ Бога врученныя... Вотъ и новый-то Первенствующій куда пошелъ, лишь только чуть успѣлъ присѣсть къ кормилу...» И отселѣ рѣчь,— говоритъ составитель дневника, склонилась опять къ переводу Св. Писанія на Русскій языкъ. Владыка съ особенною озабоченностію повторялъ свои прежнія убѣжденія... «Если они (Члены Св. Сѵнода и въ особенности Митрополитъ Московскій и Петербургскій Григорій), больно уже желаютъ этого, и согласились,—то для меня никакъ это невозможно и пр.»

Чего не могъ не прилагать къ своему сердцу, по священному долгу Святительской совѣсти и высокослужебнаго своего званія по отношенію къ дѣламъ Высшаго Управленія, высокопр. Филаретъ, хотя и не имѣлъ личнаго непосредственнаго въ нихъ участія, а тѣмъ не менѣе слѣдилъ за ними и, по долгу служебнаго призванія, участвовалъ въ нихъ заочно, какъ всегдашній, одинъ изъ старѣйшихъ, Членъ Св. Сѵнода,—къ этому обратимъ и мы послѣднее наше сказаніе.—

Сколь ни кратки свѣдѣнія, приведенныя нами изъ письма и изъ дневника о томъ, что́ чувствовалъ и какъ разсуждалъ въ Бозѣ почившій о всемъ совершавшемся въ Св. Сѵнодѣ до послѣднихъ дней его жизни, начиная отъ времени выбытія его изъ Столицы, но въ сущности онѣ съ замѣчательною точностію обрисовываютъ весь status quo..., какой находимъ мы въ позднѣйшихъ, опубликованныхъ уже, свѣдѣніяхъ о положеніи Сѵнодальнаго Управленія за все время Оберъ-Прокурорства Графа Протасова.— Мы будемъ гово-

(1) Разумѣется Оберъ-Прокуроръ Графъ Протасовъ, который умеръ въ 1855 г. и пробылъ такимъ образомъ цѣлыхъ 19-ть лѣтъ Оберъ-Прокуроромъ.

рить обо всемъ, исключительно, подлиннымъ текстомъ этихъ свѣдѣній; хотя не можемъ не сказать напередъ, что слишкомъ тяжело падаетъ на душу этотъ снимокъ съ подлиннаго изображенія всей, по прежде сказанному выраженію высокопр. Филарета (Кіевскаго), взбаломошной пертурбаціи, виновникомъ которой былъ Графъ Протасовъ, о которомъ какъ бы пророчественно выразился самъ же высокопр. Филаретъ, «что онъ—Протасовъ *протасуетъ* все и всѣхъ.»

«Послѣ удаленія Митрополитовъ Кіевскаго и Московскаго (обоихъ Филаретовъ), говоритъ Редакція Русской Старины, (1) изъ Сѵнода, Графъ Протасовъ сталъ полнымъ распорядителемъ Православной Церкви въ Россіи. Митрополитъ Серафимъ, по отзыву нѣкоторыхъ современниковъ, не имѣлъ ровно никакого значенія. О немъ прямо выражались, что онъ нуль для Сѵнода, тогда какъ Протасова называли патріархомъ въ солдатскомъ мундирѣ... Одинъ изъ засѣдавшихъ въ то время Архіереевъ сдѣлалъ слѣдующій отзывъ о своемъ положеніи: «Протасовъ насъ забралъ въ руки по военному, сразу, и такъ забралъ, такъ забралъ, что просто го́лоса поднимать не смѣли; какъ былъ гусаръ, такъ и остался, и сонмомъ архіерейскимъ, какъ эскадрономъ на ученьѣ, командовалъ, а за глаза поносилъ всѣхъ предъ своими чиновниками самыми *кавалерскими* словами. Онъ зналъ, что онъ избранникъ самого Сѵнода и какъ, бывало, разозлится, то и кричитъ про насъ заочно: «пусть-ка сунутся на меня жаловаться, я имъ клобуки-то намну́!» Да никто и не думалъ на него жаловаться, потому что нельзя:—сами выбрали, да признаться—духу ни у кого не доставало,—крѣпко ужь забралъ...» Другой современникъ, извѣстный ученый Филаретъ (Гумилевскій), (2) бывшій въ сороковыхъ годахъ на чредѣ священнослуженія въ Петербургѣ, обрисовываетъ хотя въ болѣе спокойномъ тонѣ, но за-то еще болѣе мрачныхъ чертахъ забитое положеніе Сѵнодальныхъ Членовъ въ оберъ-прокурорство Протасова. «Вы пишете съ сожалѣніемъ,—такъ выра-

(1) Смотр. Русская Старина 1885 г. Декабрь стр. 498—500.

(2) Филаретъ (Гумильскій) скончался, бывши Архіепископомъ Черниговскимъ въ Августѣ 1866 г

жался Филаретъ въ одномъ изъ своихъ писемъ другу своему А. В Горскому,—о молчаніи *нашихъ генераловъ*, т. е. Членовъ Сѵнода.. Ахъ, другъ мой! Если бы вы посмотрѣли здѣсь на положеніе нашихъ генераловъ, вы бы пролили слезы о нихъ, таково положеніе ихъ! Дѣла́ въ такомъ положеніи, что едва можно бываетъ по временамъ дѣлать отраженіе натисковъ. Иначе приходится встрѣчать только пули въ бокъ и лобъ и стоять не морщась... Да, точно таковы дѣла! О вылазкахъ, или наступательныхъ дѣйствіяхъ и думать нельзя... Вамъ извѣстны мои прежнія мысли и чувствованія; извѣстно, какъ иногда терзалась душа моя не разсудительными мыслями о бездѣйствіи *генераловъ*.. Теперь вижу, что надобно молить Господа, дабы далъ имъ твердость и рѣшимость выдерживать осаду. Силы истощены, средства отобраны; осталось одно—упованіе на Господа Іисуса. Когда бы Господь, благоволившій пострадать за насъ, не лишилъ за наши грѣхи и той милости, чтобы сохранялась твердость оставаться въ оборонительномъ положніи, когда нападенія столько жестоки и столько часты, а средствъ нѣтъ.» (1)

«Графъ Протасовъ обращался къ Сѵноду и намѣренно указывалъ на его авторитетъ тогда, когда хотѣлъ обдѣлать какое нибудь не законное дѣло... Онъ не рѣдко свои не законныя дѣйствія прикрывалъ авторитетомъ Сѵнода, чѣмъ еще болѣе ронялъ его въ общественномъ мнѣніи. Одинъ изъ служащихъ въ Сѵнодѣ при Протасовѣ чиновниковъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «если по какому нибудь дѣлу, зависящему въ рѣшеніи отъ Оберъ-Прокурора, или его Департаментовъ, хотѣли поступить въ ущербъ правдѣ, то такое дѣло предлагалось на разрѣшеніе Св. Сѵноду, на случай—не удастся ли исторгнуть у него резолюцію, согласно своему желанію, а самимъ стать правыми; если же не удавалось, то, приготовленное по противной резолюціи, опредѣленіе останавливалось Директоромъ Сѵнодальной Канцеляріи надолго, чтобы Члены Сѵнода, данную имъ, резолюцію забыли, и тогда уже составлялся протоколъ вновь, съ резолюціею по желанію, который Члены, запамятовавъ прежнюю свою резо-

(1) Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ 1883 г., кн. 1,255.

люцію, безпрекословно подписывали. (1) Что эта іезуитская манера была въ употребленіи читаемъ и у преосв. Никодима, бывшаго Епископа Енисейскаго и Красноярскаго, слѣдующее: «Преосв. Кирпллъ (Архіепископъ Каменецъ-Подольскій), возвратившись однажды изъ Сунода, говорилъ: «Ну, братъ, я сегодня былъ въ Сунодѣ и Сунода не узналъ.» Бывало мы съ Митрополитомъ Іоною (Грузинскимъ) сидимъ въ присутствіи часъ и болѣе даромъ. Дѣлъ никто никакихъ не подаетъ, свѣтскіе то войдутъ въ присутствіе, то выйдутъ, прогуливаются какъ на бульварѣ и изрѣдка заводятъ съ нами рѣчи и почти всегда о пустякахъ. Митрополитъ Филаретъ самъ мнѣ сказалъ однажды. Свѣтскіе въ Сунодѣ вольничаютъ. Даже отмѣняютъ данныя Сунодомъ рѣшенія. Тутъ онъ разсказалъ какое то дѣло о церкви въ Нижегородской епархіи. Сунодъ его рѣшилъ—да, а въ журналѣ написано—нѣтъ. (2)

Но сколь ни тяжко-грустно читать, начатыя нами, свѣдѣнія, для полноты и ясности изображенія, продолжимъ ихъ до конца.

«Созданный Оберъ-Прокуроромъ новый порядокъ церковнаго управленія, которымъ всѣ нити Церковной администраціи сходились и исходили отъ него—Оберъ-Прокурора, самъ по себѣ, открывалъ для него полное господство надъ Сунодальными дѣлами. Но Оберъ-Прокуроръ для того, чтобы не встрѣчать себѣ никакого противодѣйствія со стороны Членовъ Сунода, всегда старался выбирать изъ нихъ самыхъ слабохарактерныхъ,—тогда какъ Архіереевъ, отличавшихся стойкимъ характеромъ и твердою волею, онъ путемъ самыхъ разнообразныхъ интригъ навсегда удалялъ изъ Сунода, а ихъ мѣста предоставлялъ людямъ болѣе покладистаго характера.

«По свидѣтельству записокъ современниковъ, Графъ Протасовъ болѣе, или менѣе снисходительно относился къ одному только Первенствующему Члену Сунода, Петер-

---

(1) «Странникъ» 1883 г. Апрѣль. 721 стр. Воспоминанія Ф. Ф. Исмайлова.

(2) О Филаретѣ Митрополитѣ Московскомъ моя память. Стр. 68 и 69. (1877 г.)

бургскому Митрополиту Серафиму, благодаря ходатайству котораго онъ и получилъ оберъ-прокурорство. Но и тутъ грубый солдатскій нравъ Гусарскаго Полковника не всегда удерживался въ границахъ умѣренности. Одинъ изъ засѣдавшихъ въ Сѵнодѣ при Графѣ Протасовѣ Архіереевъ передалъ слѣдующій отзывъ объ отношеніяхъ его къ Митрополиту Серафиму. — «Владыку Серафима, разсказывалъ въ свое время этотъ Епископъ, Протасовъ меньше всего обижалъ, но, однажды, не знаю, — что́ такое ему въ голову вступило, такой оскорбительный для чести старца намекъ сдѣлалъ, что тотъ только посмотрѣлъ на него... и когда ярый Протасовъ отвернулся, то Владыка благословилъ его издалека и, вздохнувъ, сталъ подписывать бумаги. Все это происходило при чиновникахъ, которые держались одного Протасова, а на насъ совсѣмъ озвѣрѣли; но тутъ, при этомъ случаѣ, одинъ даже изъ Чиновниковъ, который подписи пескомъ засыпалъ, окончивъ свою обязанность, припалъ и поцѣловалъ у Митрополита руку, какъ бы со слезами.»

«Вообще въ оберъ-прокурорство Графа Протасова Митрополитъ Серафимъ, отчасти подъ вліяніемъ крутыхъ дѣйствій Оберъ-Прокурора, и отчасти по старости и дряхлости, не пользовался большимъ вліяніемъ на рѣшеніе дѣлъ въ Сѵнодѣ. А изъ другихъ постоянныхъ Членовъ Сѵнода — Филаретъ, Митрополитъ Московскій, и Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій, на лѣто обыкновенно уѣзжали въ свои епархіи и, значитъ, не участвовали въ дѣлахъ Сѵнода; въ отсутствіе ихъ Оберъ-Прокуроръ что́ хотѣлъ, то́ и дѣлалъ. Однако Протасову сильно не нравилось и то, что оба Филарета, но особенно московскій, не хотѣли быть безгласными Членами Сѵнода, а по возможности отстаивали свои права. Протасовъ повелъ противъ обоихъ Филаретовъ, но особенно противъ московскаго, продолжительную интригу, которая, къ сожалѣнію, спустя пять лѣтъ, увѣнчалась успѣхомъ. Оберъ-Прокуроръ отъ гусаръ не даромъ воспитывался у іезуита, у котораго онъ научился вести всевозможнаго рода интриги на основаніи извѣстнаго классическаго правила іезуитовъ: цѣль оправдываетъ средства. Съ Членами Сѵнода, — Архіереями, вызывавшимися изъ епархій, Оберъ-Прокуроръ, если только они имѣли несчастіе попасть къ нему

въ немилость, распоряжался очень скоро и безъ особенныхъ хлопотъ и затрудненій. По интригѣ создавалось какое нибудь дѣло, касающееся епархіи этого архіерея, которое потомъ раздувалось до послѣдней степени; а если не попадалось готоваго дѣла, за которое можно бы было ухватиться, то назначалась ревизія епархіи, которая обыкновенно производилась чрезъ довѣреннаго оберъ-прокурорскаго чиновника (большею частію чрезъ А. И. Войцеховича) (1);—и бѣднаго Архіерея въ концѣ концовъ отправляли въ епархію, а тамъ, немного спустя, сдвигали на новую худшую епархію, а не то́, смотря по милости Оберъ-Прокурорской, и совсѣмъ лишали епархіи, и ссылали на покой въ такіе монастыри, гдѣ жизнь была, по выраженію Н. С. Лѣскова, хуже настоящей ссылки.

«Болѣе хлопотъ представляли для Оберъ-Прокурора Члены Сѵнода изъ бѣлаго духовенства—это Императорскій Духовникъ и Главный Священникъ арміи и флотовъ. Не смотря на ихъ низшую іерархическую степень, этихъ лицъ чрезвычайно трудно было удалить изъ Сѵнода, если они уже разъ туда попадали. Какъ постоянные жители Столицы, для которыхъ, значитъ, не имѣло никакого значенія удаленіе въ епархію «для пользы службы», и какъ люди болѣе, или менѣе близкіе и извѣстные Самому Государю, они составляли предметъ постояннаго безпокойства для Оберъ-Прокурора. Помимо того, эти лица, во время продолжительнаго пребыванія въ Столицѣ, составляли для себя большія связи при Дворѣ, благодаря которымъ, имъ не страшенъ казался и гусарскій Полковникъ, засѣдавшій въ Сѵнодѣ. Но что́ болѣе всего вооружало Протасова противъ Членовъ Сѵнода изъ бѣлаго духовенства, такъ это то́, что они, особенно, напримѣръ, Императорскій Духовникъ, имѣли непосредственный доступъ къ Государю, которымъ, конечно, легко могли вос-

(1) Ф. Ф. Исмайловъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣлаетъ характеристику Войцеховича, въ которой онъ рисуетъ его, какъ человѣка искательнаго, вкрадчиваго, и своекорыстнаго и хотя не изъ іезуитовъ, но «не меньше ихъ хитраго и сомнительной честности,» «Странникъ» 1882, Сентябрь, 82 стр.

пользоваться для противодѣйствія слишкомъ уже зазнавшагося Полковника отъ гусаръ.

«Много хлопотъ, и также къ счастію понапрасну употребилъ Оберъ-Прокуроръ графъ Протасовъ на то, чтобы не допустить въ Члены Сѵнода и недавно умершаго Императорскаго Духовника, Протопресвитера В. Б. Бажанова». Зная благорасположеніе ко мнѣ всей Императорской Фамиліи, такъ разсказываетъ объ этомъ самъ покойный Протопресвитеръ въ своей автобіографіи, графъ Протасовъ опасался того, что въ случаѣ смерти Духовника Государя Протопресвитера Музовскаго, мѣсто его будетъ представлено мнѣ, а слѣдовательно я буду Членомъ Сѵнода, вотъ—этого-то ему никакъ и не хотѣлось... По неограниченному властолюбію, Графъ Протасовъ желалъ безпрекословно управлять Сѵнодомъ и сдѣлать его безгласнымъ и, пользуясь болѣзнію и преклонными лѣтами Первенствующаго Члена, Митрополита Серафима, онъ достигъ этой цѣли, выславъ изъ Сѵнода, происками, Кіевскаго Филарета и Московскаго Филарета. Со мною Графъ Протасовъ имѣлъ также нѣсколько столкновеній, изъ которыхъ онъ увидѣлъ, что я безгласнымъ Членомъ Сѵнода не могу быть, и вотъ онъ, пользуясь связями съ высокопоставленными и близкими къ Государю лицами, старался при удобномъ случаѣ распространять между ними понятіе обо мнѣ, какъ о человѣкѣ неуживчивомъ и самоуправномъ(1).

«Въ Январѣ 1843 г. умеръ Митрополитъ Серафимъ. Оберъ-Прокуроръ задался цѣлію возвести на его мѣсто такого человѣка, который не могъ мѣшать его деспотизму. И онъ достигъ своей цѣли вполнѣ. Преемникомъ Серафима назначенъ былъ Архіепископъ Варшавскій Антоній (Рафальскій), ничѣмъ не заслужившій такой чести сравнительно со многими другими, современными ему, Іерархами Русской Церкви. Антоній происходилъ изъ вдовыхъ священниковъ, не имѣлъ академическаго образованія, изъ намѣстниковъ Почаевской Лавры въ 1834 г. былъ хиротонисанъ въ Епископа Варшавскаго, а въ 1840 году получилъ Архіепископ-

(1) Автобіографіи Бажанова. «Истор. Вѣстникъ», 1883 г., Декабрь, 563.

ство. Когда Графъ Протасовъ объявилъ въ Сѵнодѣ Высочайшее повелѣніе о назначеніи Антонія С.-Петербургскимъ Митрополитомъ, Члены Сѵнода крайне изумились, не смотря на то, что они при Протасовѣ вообще были пріучены ко всякаго рода неожиданностямъ. Антоній былъ человѣкъ больной, что́ дѣлало его совершенно безгласнымъ Членомъ Сѵнода. Подъ вліяніемъ внушеній Оберъ-Прокурора, Митрополитъ Антоній крайне грубо и безтактно отнесся къ Московскому Митрополиту Филарету.—При вступленіи Антонія на С.-Петербургскую Митрополію, Филаретъ Московскій послалъ ему братское привѣтственное письмо, но Антоній не отвѣчалъ ему, такъ же, какъ и на всѣ другія его письма (1).

«Митрополитъ Антоній умеръ 16 Ноября 1848 г. Преемникъ Антонія, Митрополитъ Никаноръ (Клементьевскій), бывшій ученикомъ и подчиненнымъ Митрополита Филарета, какъ Первенствующій Членъ Сѵнода, также не обладалъ достаточною силою воли и твердостью голоса предъ энергическимъ Оберъ-Прокуроромъ, а, равнымъ образомъ, онъ не отличался и административными способностями. Митрополитъ Никаноръ былъ послушнымъ орудіемъ Протасова, подъ вліяніемъ котораго онъ поставилъ себя, особенно въ первые годы своего Митрополитства, въ натянутыя отношенія къ Митрополиту Филарету.—На привѣтственное письмо Филарета Никаноръ долгое время не отвѣчалъ, но потомъ одумался и написалъ отвѣтъ». (2)

«Само собою понятно, что, при враждебно-настроенныхъ Первенствующихъ Членахъ Сѵнода и Оберъ-Прокурорѣ, Митрополиту Филарету трудно было не только проводить свои взгляды въ Сѵнодѣ, но для него нерѣдко встрѣчались затрудненія даже по епархіальному управленію» (3).

---

(1) Письма Митрополита Филарета Московскаго къ Архимандриту Антонію, ч. II, 112—113.

(2) Письма Митрополита Филарета Московскаго къ Муравьеву, 294. Письма Митрополита Филарета Московскаго къ Архимандриту Антонію, часть III, № 845 стр. 123.

(3) Всѣ, доселѣ изложенныя свѣдѣнія, взяты нами изъ подлиннаго текста Русской Старины, 1885 Октябрь. Стр. 163. 164. 165. 166. и Декабрь стр. 501. 502.

Послѣ прочтенія этихъ, опубликованныхъ въ послѣднее время, свѣдѣній, приведенныхъ нами въ подлинномъ текстѣ Русской Старины, не сомнѣнно, всякій видитъ, насколько все содержаніе ихъ совпадаетъ съ тѣмъ, что́ сказано было нами со словъ высокопр. Филарета относительно положенія и хода дѣлъ въ Сѵнодальномъ Управленіи за весь послѣдующій періодъ Оберъ-Прокурорства Графа Протасова. Правда, мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, въ какихъ отношеніяхъ находились къ высокопр. Филарету Первенствующіе Члены Сѵнода Митрополиты Антоній и Никаноръ; но, само собою, нельзя представлять ихъ особенно расположительными, коль скоро и тотъ и другой относились такъ, какъ мы видѣли, и къ высокопр. Филарету Московскому; а главное въ томъ, что все это зависѣло отъ того, кто заправлялъ, по выраженію высокопр. Филарета, *вѣтрилами*... Что́-же касается послѣднихъ строкъ въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ относительно высокопр. Митрополита Московскаго, что «ему трудно было не только проводить свои взгляды въ Сѵнодѣ, (разумѣется за-очно письменно), но для него не рѣдко встрѣчались затрудненія даже по епархіальному управленію»,—то мы во первыхъ уже видѣли, что и высокопр. Филарету Кіевскому приводилось испытывать эти же затрудненія по разнымъ предметамъ и даже быть въ опасности подвергнуться не благоволенію Государя..., что́, само собою, происходило какъ со стороны мѣстныхъ властей, такъ и вышнихъ столичныхъ... во главѣ Оберъ-Прокурора и его клевретовъ.—А чтобы проводить свои взгляды, подобно высокопр. Филарету Московскому, въ значеніи какихъ либо *передовыхъ*, Владыка Кіевскій былъ далекъ отъ этого .. Мы вполнѣ раздѣляемъ ту характеристику въ этомъ отношеніи, которую встрѣтили у прежде цитованнаго нами Автора. «Покойный Митрополитъ Филаретъ Кіевскій являлся, по преимуществу, представителемъ *консерватизма*. Занимая высокій постъ Іерарха на старѣйшей въ ряду каѳедръ въ Россійской Церкви, онъ тщательно слѣдилъ за всѣмъ теченіемъ Церковной жизни и управленія. Бывая лично присутствующимъ въ Св. Сѵнодѣ, онъ принималъ всегда живое, полное участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, какіе поднимались въ это время по разнымъ частямъ церков-

наго управленія, равно какъ и за очно;—но онъ въ рѣшеніяхъ своихъ былъ всегда крайне остороженъ... Даже сказать болѣе,—онъ не выказывалъ особой любви къ церковнымъ нововведеніямъ и, въ большинствѣ случаевъ, являлся защитникомъ прежнихъ порядковъ. Всякій разъ, какъ только полагалось начало какой либо церковной реформѣ, онъ какъ бы съ нѣкоторою долею боязни относился къ ней и только тогда открыто заявлялъ свое сочувствіе, когда сознавалъ очевидную ея пользу; въ противномъ же случаѣ готовъ былъ умѣрять и сдерживать желающихъ произвесть ломку установившемуся церковному строю. Особенно же недовѣрчиво смотрѣлъ Филаретъ на тѣ мѣропріятія, которыя считалъ слишкомъ важными по своему значенію для духовенства и Церкви вообще; извѣдывать и провѣрять на опытѣ подобныя новшества онъ отнюдь не рѣшался. Понятно, при такомъ настроеніи ума, онъ не былъ двигателемъ реформъ, да и не могъ быть имъ. Но было бы большою ошибкою признавать въ Филаретѣ *крайняго консерватора*, который благоговѣетъ лишь предъ стариною и робѣетъ предъ всякою новизною. Нѣтъ, онъ мирился и съ новыми предначертаніями, если польза ихъ была настолько очевидна, что смѣло можно было ручаться за благопріятный исходъ дѣла. Уважая окрѣпшіе обычаи въ сферѣ церковной жизни, онъ не прочь былъ и отъ ея обновленія, но только къ такому дѣлу важному приступалъ всегда съ строгою осмотрительностію и безъ всякой поспѣшности, предварительно всесторонне обсудивъ его».

Дѣйствительно, насколько всякій изъ читающихъ настоящую Біографію могъ достаточно и безпристрастно ознакомиться съ личностію въ Бозѣ почившаго, тотъ вполнѣ признаётъ, сей часъ сказанную, отличительную характеристику вѣрною и свидѣтельствующею о вполнѣ опытно-мудрой тактикѣ въ его сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, всегда и во всемъ клонившихся къ утвержденію порядка и мирнаго направленія въ дѣлахъ серьезныхъ и важныхъ, каковы всѣ, безъ изъятія и по преимуществу, должны быть дѣла по управленію Церковію. Такъ напр. по дѣлу о переводѣ Библіи на Русскій языкъ, начавшемся при самомъ концѣ его жизни въ 1856—57 г. по иниціативѣ Высокопр. Филарета Мос-

ковскаго и ревностнаго споборника въ этомъ начинаніи высокопр. Григорія, въ это самое время сдѣлавшагося Первенствующимъ Членомъ Св. Сунода, мы встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ словахъ дневника, а всего болѣе въ объясненіяхъ высокопр. Антонія на эти слова такія свѣдѣнія.— Разсуждая объ этомъ дѣлѣ, высокопр. Филаретъ выражался такъ.— «Справедлива пословица, что бываетъ иногда и худо не безъ добра». И за тѣмъ объяснилъ, что онъ разумѣетъ эту пословицу въ приложеніи къ Оберъ-Прокурорству Графа Протасова.—«Не умри бы онъ, тогда бы, не боясь, и дѣло о переводѣ не возникнуло бы и, во всякомъ случаѣ, не подняли бы его на всѣ паруса съ такою ревностью и рьяностію, какъ теперь... И меня-то, вотъ при самыхъ дверяхъ гроба, вызвали и заставили высказать имъ, конечно, очень не угодное и не въ пользу ихъ предпріятія.— Они могутъ меня и осуждать за это, но и объ нихъ, кажется, справедливо бы сказать, что сами *не вѣдятъ, что творятъ*, а *узрятъ по сихъ*... если доживутъ... Мнѣ жалко и Графа А. П. Толстаго, что ему, на первыхъ же самыхъ порахъ, пришлось встрѣтить такое возникшее дѣло... За его личныя убѣжденія въ этомъ дѣлѣ я увѣренъ, и онъ отъ нихъ никогда не отречется; о чемъ онъ и писалъ мнѣ какъ на духу́... но нужно бы здѣсь въ своей мѣрѣ и та воля и рѣшимость, разумѣется добрая и во благо, каковы были у покойнаго Графа Протасова... Правда, послѣдній употреблялъ свою волю и не по праву, и не по долгу, и даже не по своему убѣжденію, а иныхъ *лукавнующихъ*... Но да проститъ ихъ всѣхъ Господь!... А намъ-то больно нужно твердить себѣ слова Св. Апостола: *блюдите, како опасно ходите, не яко не мудри, но яко же премудри, искупующе время, якъ дніе лукави суть*... А отъ чего и *дніе-то лукави*... конечно—отъ насъ самихъ... Потому-то Св. Матерь Церковь влагаетъ намъ, какъ дѣтямъ, и во уши и въ душу слова молитвенныя: и въ *вечеръ, и заутра и полудне молимъ Тя, Владыко всѣхъ,—не уклони сердецъ нашихъ въ словеса, или въ помышленія лукавства: но избави насъ отъ всѣхъ, ловящихъ души наша, яко къ Тебѣ, Господи, Господи, очи наши, и на Тя упова-*

хомъ,—не посрами насъ, Боже нашъ». (1) Да! Господь, всеконечно, не посрамитъ всѣхъ, истинно уповающихъ на Него, и разсоритъ всѣ совѣты лукавнующихъ и ловящихъ души наши, если мы сами не будемъ отдавать себя въ ловитву ихъ, а для этого не будемъ уклоняться въ словеса и помышленія лукавства собственнаго, хотя бы оно и представлялось намъ самимъ и не лукавствомъ, а чѣмъ-то въ родѣ мудрости житейской, или многоученыхъ воззрѣній»... Передавая эти и другія разсужденія, высокопр. Антоній замѣтилъ, что у дяди-Владыки, вообще въ послѣдніе дни его жизни, было почти постоянною темою для собесѣдованія дѣло о переводѣ Библіи, а при этомъ не раздѣльно и воспоминанія о прежде бывавшихъ дѣлахъ, относящихся къ разнымъ предметамъ Церковнымъ, къ которымъ онъ относился, какъ извѣстно, съ самою строгою разсудительностію, а, потому, такъ вѣрно и характеризовалъ всегда подобныя дѣла и самыхъ дѣятелей, не поступаясь ни въ чемъ своими воззрѣніями и убѣжденіями, которыя, дѣйствительно, оказывались иногда, по видимому, простоватыми, но глубоко исчерпывавшими и опредѣлявшими самую сущность предмета и дѣла. Такимъ образомъ было всегда чему у него поучиться и въ чемъ назидаться!...»

Этими успокоительными свидѣтельствами мы и заканчиваемъ и, съ этимъ вмѣстѣ, закрываемъ всю ту мрачно-грустную панораму, въ которой видѣли, волей не волей, всю происходившую пертурбацію во дни оны, какъ въ бытность высокопр. Филарета лично присутствующимъ въ Св. Сунодѣ, такъ и совершавшуюся тамъ же по разнообразнымъ дѣламъ Сунодальнаго Управленія во все время Оберъ-Прокурорства Графа Протасова.—Въ сей часъ слѣдующемъ изложеніи мы обратимся не надолго еще къ личному пребыванію высокопр. Филарета въ С.-Петербургѣ, чтобы сказать о его положеніи, внѣ служебныхъ дѣлъ, въ средѣ тамошняго общества, и объ отношеніяхъ его къ Лицамъ Августѣйшимъ.

(1) Молитва на входѣ во время Вечерни.

ГЛАВА XXI.

«Всеобщею ко мнѣ любовію здѣшнихъ (въ С.-Петербургѣ) хотя я и утѣшаюсь въ странничествѣ моемъ; но сердце мое все выну въ Святой Чудотворной Лаврѣ» (1)

«Quem volebam, Papam videbam» (2)

«По кончинѣ моей напишите Государю, что, если обрящу тамъ дерзновеніе предъ Господомъ Богомъ, то первая моя молитва будетъ за Его Императорское Величество, за Его Августѣйшую Супругу, за Чадъ и Братьевъ Его и за весь Царствующій Домъ и за всю Россію» (3).

Объ образѣ жизни и объ отношеніяхъ высокопр. Филарета къ лицамъ столичнаго общества читающіе припомнятъ то́, что́ было сказано нами еще за время перваго его пребыванія въ С.-Петербургѣ, куда онъ былъ вызываемъ еще въ 1827 г. изъ Рязани для временнаго присутствованія въ Св. Сунодѣ. По свидѣтельству, бывшаго при немъ тогда эконома, о. Павла, впослѣдствіи Архимандрита, «Владыка держалъ себя во всемъ и предъ всѣми по-просту, а не побарски, какъ, можетъ быть, другіе Архіереи..., за что его особенно уважали знатныя столичныя лица и цѣлыя

(1) Слова изъ письма высокопр. Филарета къ племяннику—бывшему Инспектору Кіевской Семинаріи,—впослѣдствіи Архіепископу Казанскому Антонію. 1841 г. 17-го Сентября.

(2) Слова въ послѣдующемъ повѣствованіи.—По переводу на Русскій эти слова значатъ: «Видѣлъ я Папу, котораго желалъ (видѣть).»

(3) Слова высокопр. Филарета Князю Васильчикову Генералъ-Губернатору Кіевскому.

семейства, которыя любили посѣщать и его архіерейскія служенія на подворьѣ и пр.» Всего естественнѣе, это такъ было и во всѣ послѣдующія пребыванія высокопр. Филарета, начиная съ 1836 г. и оканчивая послѣднимъ въ 1842 г. Слова, поставленныя нами въ эпиграфѣ: «Всеобщею ко мнѣ любовію здѣшнихъ хотя я и утѣшаюсь, но сердце мое все вы́ну въ святой Чудотворной Лаврѣ»,—само собою, должны служить свидѣтельствомъ о вѣрности словъ о. Павла. Но, съ этимъ вмѣстѣ, самое выраженіе писавшаго о себѣ къ своему племяннику о *любви всеобщей и его утѣшавшей*, дастъ разумѣть, что отношенія лицъ избраннаго столичнаго общества къ нему были еще въ бо́льшей степени, сравнительно съ прежнимъ, а это́, всего естественнѣе, происходило какъ отъ личнаго его званія—Первосвятителя св. града Кіева, такъ и отъ долговременности его пребыванія въ Столицѣ.—Я самъ—(пишущій), начавши бывать въ С.-Петербургѣ съ 1857 года и бывавши тамъ болѣе десяти разовъ, имѣлъ не рѣдкіе случаи слышать, при воспоминаніяхъ о въ Бозѣ почившемъ, самые утѣшительные и назидательные разсказы отъ лицъ высокопоставленныхъ и, главное, отличающихся истинною религіозностію.—Разсказы эти, какъ видно было, были общеизвѣстны и перешли какъ бы въ преданіе, доселѣ сохраняемое вмѣстѣ съ высокочтимымъ именемъ въ Бозѣ почившаго. Самъ покойный высокопр. Антоній передавалъ мнѣ, что и онъ, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ на чредѣ служенія въ санѣ Архимандрита (1849 г.), имѣлъ утѣшеніе не только слышать такіе же разсказы, но и пользоваться особеннымъ вниманіемъ высокихъ лицъ, когда только послѣдніе узнавали, что онъ родной племянникъ Владыки Кіевскаго Филарета. При разсказахъ своихъ объ этомъ онъ упоминалъ многихъ лицъ, какъ напр. Графа Д. Н. Блудова, Я. И. Ростовцева, Т. Б. Потемкину и другихъ, которыхъ и самъ высокопр. Филаретъ во всю свою жизнь глубоко почиталъ и поминалъ, какъ самыхъ искреннѣйшихъ своихъ знаемыхъ и съ которыми переписывался; а нѣкоторые бывали у него и въ Кіевѣ по чувству неизмѣннаго къ нему почитанія и расположенія. Не приводя какихъ либо частныхъ, указываемыхъ нами, свѣдѣній, мы ограничимся однимъ, уже печатнымъ, характеристично представляющимъ

личность высокопр. Филарета въ описываемомъ теперь его положеніи въ средѣ общества. «Былъ у N. не большой званый обѣдъ, на которомъ находился и Владыка Филаретъ Кіевскій; былъ и я. Митрополитъ въ обращеніи со всѣми былъ простъ, добродушенъ, не возносителенъ.—Всѣ его бесѣды обнаруживали въ немъ глубокую истинную набожность въ духѣ аскетическомъ. Съ особеннымъ увлекательнымъ восторгомъ говорилъ онъ о Кіевѣ и о Святыняхъ Кіевскихъ, называя его Русскимъ Іерусалимомъ. За столомъ кушалъ безцеремонно и довольно, и себя великимъ постникомъ не выказывалъ, любитъ, замѣтно, хорошій чай и даже защищалъ его употребленіе противъ нѣкоторыхъ возражавшихъ... Былъ я и при его богослуженіи; служитъ довольно просто и не продолжительно, но съ глубокою набожностію и въ духѣ смиренія. Однимъ словомъ я вынесъ отъ лицезрѣнія этого Первосвятителя, о которомъ наслышанъ былъ и прежде много, такое впечатлѣніе, которое и отмѣтилъ тогда же въ моемъ дневникѣ: «Quem volebam, Patrem videbam.» И съ той поры я глубоко чту имя и память его «въ чувствѣ христіанскомъ.»

Да, одинъ этотъ, столь искренній, какъ несомнѣнно чувствуетъ и всякій, разсказъ, кажется, достаточенъ, чтобы замѣнить многіе... И это тѣмъ болѣе, что и въ надгробномъ словѣ мы слышали въ этомъ отношеніи такое свидѣтельство: «Мужи именитые, почтенные величіемъ и славою и знатные въ своемъ общественномъ положеніи! Поучитесь изъ жизни въ Бозѣ почившаго Отца нашего, кто только зналъ и видѣлъ его,—стоявшаго на свѣщникѣ высокаго Святительскаго служенія,—какъ можно и на высокихъ степеняхъ знатности не забывать о своемъ высшемъ званіи христіанина и ходить, достойно сего званія, во всѣхъ путяхъ и отношеніяхъ... А мы дерзаемъ сказать,—кто и гдѣ не зналъ, или не слышалъ и не чтилъ имени почившаго въ Бозѣ Архипастыря нашего...» (1).

Но какъ бы ни были утѣшительны для высокопр. Филарета, по его собственному свидѣтельству, чувства любви

(1) Слово, сказанное бывшимъ Инспекторомъ Кіевской Академіи Архимандритомъ Іоанникіемъ, нынѣшнимъ высокопр. Митрополитомъ Московскимъ.

и отношенія къ нему лицъ столичнаго общества, онъ находилъ преизбыточествующее утѣшеніе въ томъ, что и самъ въ душѣ своей питалъ чувства, можно сказать въ полномъ смыслѣ, безпредѣльной Цареволюбивости, и имѣлъ счастіе видѣть выраженіе благоволенія къ нему Августѣйшихъ Лицъ. Свои чувства пламенной любви онъ выражалъ особенно въ послѣдніе дни и даже часы предъ своею кончиною и перенесъ ихъ въ своей душѣ и въ вѣчность. «Прошу по кончинѣ моей написать Государю Императору, говорилъ онъ, менѣе чѣмъ за день до кончины, Князю Васильчикову, бывшему Генералъ-Губернатору Кіевскому, что если обрящу тамъ дерзновеніе предъ Господомъ Богомъ, то первая моя молитва будетъ за Его Императорское Величество, за Его Августѣйшую Супругу, за Чадъ, Братьевъ Его и за весь Царствующій Домъ и за всю Россію. «Такъ точно и Государь и Государыня изволили повелѣть доставлять Имъ ежедневно депеши о состояніи больнаго Архипастыря.»

Указываемыя выраженія особеннаго Благоволенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и многихъ Августѣйшихъ Лицъ къ высокопр. Филарету начались со времени его пребыванія въ С.-Петербургѣ. Первое объ этомъ свѣдѣніе читаемъ въ письмѣ самого высокопр. Филарета къ бывшему Кіевскому его Викарію преосв. Іереміи, (отъ 31 Августа 1841 г.). «По благости Божіей подъ Матернимъ покровомъ Пресвятыя Богородицы и по молитвамъ св. Преподобныхъ Отецъ нашихъ Печерскихъ весьма благополучно совершили мы путь свой до Столицы; въ два часа по полуночи, 29-го числа сего Августа прибыли на мѣсто свое. Въ торжественный день, 30-го числа въ Невской Лаврѣ Господь помогъ мнѣ совершить Божественную Литургію въ присутствіи Государя Наслѣдника (1) и Супруги Его, и Великихъ Князей Константина Николаевича и Михаила Павловича при обыкновенномъ блистательномъ и многочисленномъ собраніи всѣхъ сословій. Великій старецъ нашъ и Владыка (2) хотя зѣло слабъ отъ старости, однако-жъ срѣтилъ Царственныхъ Особъ

(1) Александра Николаевича.

(2) Митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ.

при входѣ въ соборъ,—а всѣ прочіе Архіереи срѣтили у воротъ по обычаю. Простоялъ въ алтарѣ всю Литургію и послѣ шествовалъ въ свои покои, предшествуя Августѣйшимъ Гостямъ, которые изволили посѣтить его. Всѣ очень были довольны моимъ прибытіемъ къ сему дню, а Государь Наслѣдникъ изявилъ особенное свое удовольствіе, какъ Именинникъ. Здоровье мое, благодареніе Господу, отъ пути не только не пострадало, но кажется еще лучше отъ хорошей погоды во время благопріятнаго путешествія нашего »

Другое свѣдѣніе встрѣчаемъ въ запискахъ, писанныхъ со словъ высокопр. Филарета, такое: «Было назначено мнѣ совершить Литургію въ Придворномъ Соборѣ въ зимнемъ Дворцѣ»; и только.—Покойный высокопр. Антоній, писавшій эти записки, объяснялъ, по припоминанію, что это было въ Апрѣлѣ въ св. Пасху и, кажется, въ день Рожденія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича (17-го Апрѣля). Къ этому же высокопр. Антоній присовокупилъ такое еще свѣдѣніе.—Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, удостоившая Владыку своего личнаго собесѣдованія, почувствовала неудовольствіе къ нему, такъ что, обратившись въ сторону къ бывшимъ тутъ лицамъ, выразила, въ полголоса на нѣмецкомъ языкѣ, это чувство по отношенью къ Владыкѣ.—Выраженіе это въ переводѣ на русскій языкъ значило: «какой-де онъ не деликатный, или точнѣе угловатый, или даже мужиковатый». Вина же Владыки состояла въ томъ, что, бывши спрошенъ лично Ея Величествомъ о чемъ-то въ видахъ полученія отъ него отвѣта утвердительнаго, или, по крайней мѣрѣ, полусогласительнаго,—онъ отвѣчалъ на прямки по своему убѣжденію, и при томъ, употребивши оборотъ, въ своей отвѣтной рѣчи, не статный. Онъ началъ отвѣтъ, какъ говорится, ab rupto... «Нѣтъ Ваше Величество... и проч.».

На долго ли оставалось въ душѣ Государыни такое понятіе о высокопр. Филаретѣ, не извѣстно; только съ самыхъ же первыхъ дней по кончинѣ Государя Николая Павловича, Ея Величество соизволила удостоивать принятія писемъ къ Ней высокопр. Филарета и Своихъ отвѣтовъ ему. Мы приводимъ три Рескрипта Ея Величества, изъ подлин-

наго содержанія которыхъ ясны самыя обстоятельства и предметы дѣла.

Вотъ самый первый Высочайшій Рескриптъ Ея Величества:

Преосвященный Митрополитъ Филаретъ!

Въ глубокой неизъяснимой скорби о потерѣ незабвеннаго Супруга Моего, по неисповѣдимымъ Судьбамъ Всевышняго преждевременно, среди неустанныхъ попеченій о благѣ любезной Ему Россіи, воззваннаго къ жизни вѣчной, ваше Пастырское посланіе послужило мнѣ истиннымъ сердечнымъ утѣшеніемъ. Съ христіанскимъ смиреніемъ покоряясь волѣ Божіей, Я съ особенною признательностію приняла, доставленное Мнѣ вами изъ Кіево-Печерской Лавры, святое Евангеліе, Которое одно можетъ даровать растерзанному горестію сердцу духовное врачеваніе и небесную отраду.

Изъявляя вамъ за сіе приношеніе искреннюю Мою благодарность и поручая Себя Пастырскимъ молитвамъ вашимъ и ввѣренной вамъ Богохранимой обители, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонною

«Александра».

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 18-го дня 1855 г.

Вторый рескриптъ Ея Величества.

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ!

Сочувствуя Моей радости по случаю предстоящаго бракосочетанія Любезнѣйшаго Сына Моего Великаго Князя Николая Николаевича съ обрученною Невѣстою Его Великою Княгинею Александрою Петровною, вы, при утѣшительномъ посланіи вашемъ, доставили Мнѣ Крестъ и два золотыхъ кольца отъ мощей св. Великомученицы Варвары. Принявъ сей священный даръ, какъ залогъ благословенія Свыше, съ чувствомъ особеннаго сердечнаго утѣшенія, Я пріятнымъ для Себя долгомъ поставляю изъявить Вамъ искреннюю Мою признательность за усердное ваше приношеніе и за ваши благожеланія.

Уповая, что Всевышній осѣнитъ юную Чету небеснымъ Своимъ покровомъ, поручаю Себя и Дѣтей моихъ вашимъ Пастырскимъ молитвамъ.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонною.

«Александра».

Въ С.-Петербургѣ
19 го Января 1856 г.

Третій Рескриптъ Ея Величества Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ!

Получивъ при письмѣ вашего Преосвященства два кольца отъ святыхъ мощей великомученицы Варвары для любезнѣйшаго Сына Моего Государя Великаго Князя Михаила Николаевича и Невѣсты Его, вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ изъявить вамъ искреннюю Мою благодарность.

Препровождая ко Мнѣ даръ сей вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, призываете на Ихъ Высочества благословеніе свыше: да услышитъ Богъ молитву вашу; и Я вѣрую, зная святость подвижнической жизни вашей, что Онъ ее услышитъ, что Онъ осѣнитъ союзъ Ихъ Своею благодатію къ утѣшенію Материнскаго Моего сердца.

Напутствуйте и Меня, Архипастырь достойно чтимый, молитвами вашими въ предстоящемъ Мнѣ путешествіи для возстановленія здоровья. Я же, постоянно сохраняя къ вамъ душевное уваженіе, пребуду на всегда благосклонною

«Александра».

Въ Москвѣ
10-го Сентября 1856 г.

Въ слѣдъ за этими Рескриптами Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны обращаемся къ Рескриптамъ Государыни Императрицы Маріи Александровны, начиная съ Рескрипта въ бытность Ея еще Цесаревною.—Изъ подлиннаго содержанія этихъ Рескриптовъ ясны самыя обстоятельства и предметы, по коимъ они писаны.

I.

Преосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ!

Наталья Петровна Кочубей доставила ко Мнѣ отъ имени вашего Преосвященства слѣдующія книги: Бесѣды на Евангеліе, Собраніе поученій на дни воскресные, празднич-

ные и Святыя Четыредесятницы и Указатель священнымъ достопамятностямъ Кіева. Принося вашему Преосвященству живѣйшую мою благодарность за присылку этихъ книгъ, чтеніе которыхъ будетъ для меня столь поучительно, Я поручаю Себя, Любезнѣйшаго Супруга и дѣтей Нашихъ Архипастырскимъ вашимъ молитвамъ и пребываю навсегда искренно вамъ доброжелательная

«Марія».

Въ С.-Петербургѣ.
7-го Марта 1854 года (1).

---

(1) На этотъ Рескриптъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны высокопр. Филаретъ имѣлъ счастіе писать отъ себя письмо слѣдующаго содержанія.—

Ваше Императорское Высочество
Благовѣрная Государыня!

Рескриптъ, которымъ Ваше Императорское Высочество изволили почтить меня, отъ 7-го Марта сего года, я имѣлъ счастіе и живѣйшую радость получить. Священнѣйшимъ долгомъ поставляю изъяснить Вашему Императорскому Высочеству чувствованія благоговѣйной и глубочайшей признательности за оный и вмѣстѣ за благосклонное вниманіе, котораго Вы удостоили посланныя мною книги. Отъ всего сердца желаю, чтобы чтеніе бесѣдъ и поученій принесло истинную пользу благочестивой душѣ Вашей, а Указатель Святыни Кіевской предварительно ознакомилъ Ваше Императорское Высочество съ священными достопамятностями Кіева. Видѣть сію Колыбель Православной Вѣры въ нашемъ отечествѣ и поклониться, хранящейся здѣсь, святынѣ, столь драгоцѣнной для всякаго истиннаго сына Православной Церкви и Отечества нашего,—давно уже стремится боголюбивая душа Ваша: да устроитъ же Господь своимъ Промысломъ исполненіе сего благочестиваго желанія Вашего Императорскаго Высочества къ истинной радости и утѣшенію богоспасаемаго града нашего и наипаче Обители Кіевопечерской.

«Въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ политическихъ паче всего потребна молитва ко Господу силъ и

II.

Преосвященный Митрополитъ Филаретъ!

Благоговѣйно вѣруя въ силу ходатайства Святыхъ предъ Престоломъ Всевышняго, Я желала бы, для душевной пользы Себѣ и Дѣтямъ Моимъ, имѣть части Святыхъ Мощей Угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Кіевѣ. Если вы найдете это желаніе удобоисполнимымъ, прошу сдѣлать распоряженіе о доставленіи Мнѣ Святыхъ Мощей Велико—

Подателю всѣхъ благъ. И конечно вся благословенная Россія повсюду возноситъ самыя пламенныя молитвы о Благочестивѣйшемъ Монархѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, да Господь, въ руцѣ Коего сердце Царево, умудритъ и укрѣпитъ Своею Благодатію свыше Его Императорское Величество въ настоящихъ обстоятельствахъ. По долгу пастырскому и я отъ всей души молюсь, да благословитъ Господь оружіе Христолюбиваго воинства нашего, подъятое во имя Божіе противъ нечестивыхъ враговъ Креста и Вѣры Христовой и ихъ союзниковъ—враговъ Церкви Православной и увѣнчаетъ оное вожделѣнными побѣдами во славу Августѣйшаго Монарха и возлюбленнаго Отечества нашего и въ полное торжество Вѣры Христовой и Церкви православной, столь давно и тяжко угнѣтаемой на Востокѣ у единовѣрныхъ намъ Грековъ и единоплеменныхъ съ нами Славянскихъ народовъ.

«Благословеніе Святой Обители Кіевопечерской отъ Преблагословенной Матери Божіей, особенно возлюбившей издревле сію обитель, и отъ Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ Антонія, Ѳеодосія и прочихъ Чудотворцевъ Печерскихъ, подвизавшихся и нетлѣнно почивающихъ здѣсь, призывая на Ваше Императорское Высочество, Августѣйшаго Супруга Вашего Его Императорское Высочество Благовѣрнаго Государя Цесаревича и возлюбленныхъ Чадъ Вашихъ съ чувствованіями глубочайшаго благоговѣнія и вѣрноподданической преданности имѣю счастіе быть

Вашего Императорскаго Высочества—

мученицы Варвары, Святителя Макарія и другихъ, по усмотрѣнію вашему.

При семъ пользуюсь случаемъ выразить Мое искреннее прискорбіе о болѣзни постигшей васъ и усердное желаніе, чтобы Господь укрѣпилъ ваши силы для дальнѣйшаго благотворнаго служенія Церкви и Отечеству. Для Россіи всегда, а особенно въ настоящее время многоцѣнно вліяніе Пастырей, которые, подобно вамъ, съ личнымъ благочестіемъ соединяютъ ревностную заботливость о благочестіи другихъ и всегдашнею правотою слова и дѣла внушаютъ къ себѣ общее и полное довѣріе.

Поручая себя святительскимъ молитвамъ вашимъ и испрашивая Архипастырскаго благословенія, пребываю навсегдо искренно вамъ доброжелательная—

«Марія».

С.-Петербургъ.
4-го Декабря, 1855 года.

III.

Преосвященный Митрополитъ Филаретъ!

Съ чувствомъ благоговѣнія къ Святынѣ принявъ частицы Святыхъ Мощей Кіево-Печерскихъ Угодниковъ, присланныя вашимъ Преосвященствомъ съ крестниками для Государя Императора, Меня и Дѣтей Нашихъ, приношу вамъ душевную признательность за таковое удовлетвореніе давняго желанія Моего приблизиться къ нетлѣннымъ останкамъ, почивающимъ въ Лаврскихъ Пещерахъ. Получивъ этотъ священный даръ наканунѣ обновленія года, Я пріемлю оный, какъ небесное предзнаменованіе грядущихъ утѣшеній, какъ отрадный залогъ временъ лучшихъ, послѣ тяжкой утраты и испытаній. Усердныя Архипастырскія ваши молитвы да соединятся съ Моими о здравіи и благоденствіи Августѣйшаго Моего Супруга, о счастіи любезной Намъ Россіи. Да пошлетъ Господь и вамъ, Преосвященный Архипастырь, исцѣленіе отъ посѣтившаго васъ недуга и укрѣпитъ ваши силы еще на многіе годы на полезное служеніе Церкви и Отечеству.

Съ сердечнымъ этимъ упованіемъ пребываю къ вамъ навсегда искренно доброжелательная

«Марія».

Въ С-Петербургѣ.
Января 3 дня, 1856 года.

IV.

Преосвященный Митрополитъ Филаретъ!

Приношу сердечную благодарность вашему Преосвященству за Икону Пресвятой Богородицы, полученную мною при письмѣ вашемъ отъ 18-го числа. Этотъ вѣрный списокъ съ Чудотворнаго Лика, составляющаго одну изъ древнѣйшихъ святынь Кіева, послужитъ Мнѣ живымъ воспоминаніемъ краткаго пребыванія Моего въ древнемъ градѣ, и посѣщеніе котораго столь обильное глубокими ощущеніями, доставило Мнѣ такъ много душевной отрады.

Съ прискорбіемъ узнала Я о болѣзни, постигшей васъ вскорѣ послѣ Нашего отъѣзда. Надѣюсь, что кратковременный недугъ не будетъ имѣть послѣдствій, и молю Бога, да сохранитъ Онъ дни ваши, украшенные столь многолѣтними заслугами.

Поручая всѣхъ Насъ усерднымъ вашимъ молитвамъ, пребываю навсегда искренно вамъ доброжелательная

«Марія.»

Октября 30 дня, 1857 года.
Въ Царскомъ Селѣ.

Обращаемся, наконецъ, къ Высочайшимъ Рескриптамъ Государя Императора Александра Николаевича, которые относятся ко времени возшествія Его Величества на Прародительскій Царственный Престолъ и къ Торжеству Священнаго Коронованія и потомъ къ посѣщенію Государемъ Императоромъ вмѣстѣ съ Государынею Императрицею г. Кіева и, въ частности, Кіево-Печерской Лавры.

Представляемъ эти Высочайшіе Рескрипты, въ подлинномъ полномъ ихъ содержаніи по порядку времени и самыхъ событій, съ изложеніемъ, относящихся къ послѣднимъ, надлежащихъ свѣдѣній.

Первый Высочайшій Рескриптъ былъ такого содержанія:

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ!

Присланное мнѣ вами отъ Богоспасаемой Кіево-Печерской Лавры, изображеніе Святой Иконы Честнаго Успенія Божіей Матери принялъ Я съ умиленіемъ сердца, твердо уповающаго на покровительство Небесной Заступницы. Святыня древняго Кіева драгоцѣнна памятію перваго озаренія земли Русской спасительною Вѣрою Христовою, питая въ сердцахъ благочестіе. Да пребудетъ она всегда залогомъ милости и всесильной помощи Божіей Православному нашему отечеству.

Вмѣняю Себѣ въ особенное удовольствіе изъявить вамъ искреннюю Мою благодарность за духовное приношеніе ваше, сопровожденное выраженіями вѣрноподданническихъ вашихъ чувствъ ко Мнѣ.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда вамъ благосклонный

«Александръ».

Въ С.-Петербургѣ
23-го Марта 1855 года.

Этотъ Высочайшій Рескриптъ воспослѣдовалъ потому, что, въ первые же дни по восшествіи Государя Императора на Престолъ (19-го Февраля 1855 г.) высокопр. Филаретъ представилъ Его Величеству всеподданническое письмо слѣдующаго содержанія:

Благочестивѣйшій Государь!

Богоспасаемый градъ Кіевъ — колыбель Вѣры Православной въ Царствѣ Русскомъ и Святая обитель Кіевопечерская—сокровищница древнѣйшей и драгоцѣннѣйшей въ отечествѣ нашемъ Святыни—привѣтствуютъ Ваше Императорское Величество съ восшествіемъ на Прародительскій Престолъ Имперіи Всероссійской. Пресвятая Матерь Божія, издревле избравшая Чудотворную Лавру Кіевопечерскую особенно любимымъ мѣстомъ селенія Своего, святый Равноапостольный Князь Владиміръ, великій Просвѣтитель Россіи Вѣрою Православною, сонмъ преподобныхъ Угодниковъ Божіихъ, подвизавшихся здѣсь и нетлѣнно почивающихъ въ святыхъ пещерахъ, свыше благословляютъ, Благочестивѣй-

ший Государь, вступленіе Ваше въ великое служеніе Царское въ настоящихъ, столь важныхъ и трудныхъ, обстоятельствахъ Отечества нашего и молятъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ даровать Вашему Императорскому Величеству, вмѣстѣ съ Царскою порфирою Незабвеннаго Вашего Родителя, яко съ милотію Иліиною, сугубый духъ благодати на одолѣніе и побѣжденіе, возставшихъ на насъ, злобныхъ враговъ, водвореніе вожделѣннаго мира въ предѣлахъ нашихъ и возведеніе Россіи на высшій степень славы и могущества, да тако Россія, лишившаяся возлюбленнаго, великаго Монарха своего, Незабвеннаго Родителя Вашего, вполнѣ утѣшена будетъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Вознося вмѣстѣ съ милліонами вѣрноподданныхъ сыновъ Россіи пламенныя молитвы о здравіи и благоденствіи Вашемъ, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ представляю Вашему Императорскому Величеству отъ Кіевопечерской Лавры, въ залогъ благословенія ея, святую Икону,—списокъ съ чудотворнаго образа Успенія Пресвятыя Богородицы, и съ безпредѣльною вѣрноподданническою преданностію повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашимъ, имѣю счастіе быть

Вашего Императорскаго Величества.

По отношенію къ Торжеству Священнаго Коронованія читаемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1856 г. исправлявшій должность Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора А. Н. Карасевскій, въ отношеніи своемъ писалъ къ высокопр. Филарету.

Государю Императору благоугодно, чтобы, по случаю предстоящаго Коронованія Его Величества, Ваше Высокопреосвященство прибыли къ сему Священному Торжеству въ Москву, если состояніе здоровья Вашего позволитъ.

Сообщая о таковой Высочайшей волѣ Вамъ, Милостивый Государь и Архипастырь, долгомъ почитаю присовокупить, что о времени, къ которому должно прибыть въ Москву, Ваше Высокопреосвященство изволите получить увѣдомленіе особо. Между тѣмъ обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь и Архипастырь, съ покорнѣйшею просьбою почтить меня, въ непродолжительномъ времени, увѣдомленіемъ, изволите ли

Вы найдти возможнымъ предпринять сей путь по состоянію Вашего здоровья.

На это отношеніе высокопр. Филаретъ отвѣчалъ (отъ 11-го Мая). Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ Вашего Превосходительства, отъ 28-го Апрѣля сего года за № 2713-мъ, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, повергнуть Его Императорскому Величеству мою глубочайшую вѣрноподданническую благодарность за Всемилостивѣйшее соизволеніе, дабы я прибылъ въ Москву къ Священному Торжеству предстоящаго Коронованія Его Величества, и вмѣстѣ доложить, что, при всемъ моемъ желаніи и вѣрноподданнической покорности исполнить сію священную для меня Высочайшую волю, я, къ крайнему сожалѣнію моему, по глубокой старости и болѣзненному состоянію нахожу не возможнымъ предпринять сей трудный и далекій путь. Лишаясь счастія присутствовать при семъ свѣтломъ Торжествѣ Отечества, остается мнѣ утѣшеніе, что и здѣсь въ древнемъ Престольномъ градѣ Великихъ Князей Россійскихъ, въ святой колыбели Православной Вѣры нашей, въ Чудотворномъ храмѣ Пресвятыя Богородицы при честныхъ мощахъ Преподобныхъ Отецъ Печерскихъ, небесныхъ молитвенниковъ о Россіи—земномъ отечествѣ ихъ, буду возносить денно и нощно и мои теплыя молитвы ко Всевышнему Царю царствующихъ, да изліетъ Онъ преизобильно благодать Всесвятаго Духа Своего на Ихъ Величества въ день Священнѣйшаго Муропомазанія.

Послѣ этого высокопр. Филаретъ, назначивъ къ присутствованію на Торжествѣ Священнаго Коронованія двухъ представителей отъ Кіевопечерской Лавры — Намѣстника Архимандрита и отъ Кіевской Епархіи—Каѳедральнаго Протоіерея, представилъ отъ себя вѣрноподданнѣйшее письмо на имя Государя Императора.

Благочестивѣйшій Государь!

«Всерадостное для отечества Торжество Священнѣйшаго Муропомазанія и Вѣнчанія на Царство Вашего Императорскаго Величества и Супруги Вашей, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны обращаетъ нынѣ мысли и сердца милліоновъ вѣрныхъ сыновъ Россіи,

со всѣхъ концевъ ея, къ сердцу царства Русскаго, къ древнему Престольному граду Царей нашихъ съ вѣрноподданнѣйшими чувствованіями живѣйшей радости, всеусерднѣйшаго привѣтствія Вашему Императорскому Величеству и съ пламенными молитвами о Васъ къ Царю царствующихъ.

«И древнѣйшій градъ Владимира Равноапостольнаго, колыбель Святыя Вѣры въ Отечествѣ нашемъ — Богоспасаемый Кіевъ, святая Кіевопечерская Лавра и вся паства Кіевская, и я, смиренный пастырь оной, преисполнены сихъ самыхъ вѣрноподданническихъ чувствованій. Въ чудотворномъ храмѣ Пресвятыя Богородицы, при святыхъ Мощахъ Преподобныхъ Отецъ нашихъ Печерскихъ, мы возносимъ пламенныя молитвы къ Престолу Всевышняго, да изліетъ Онъ свыше на Царственную Главу Вашу въ Священнѣйшемъ Муропомазаніи всѣ дары благодати Своея, и да будетъ, при помощи Ея, благополучно, долгоденственно и достославно Царствованіе Ваше.

«Вѣрую несомнѣнно, что Пресвятая Матерь Божія, св. Владиміръ Равноапостольный и всѣ Святые Угодники Божіи, здѣсь нетлѣнно почивающіе, споспѣшествуютъ нашимъ общимъ молитвамъ своими мощными моленіями о Вашемъ Императорскомъ Величествѣ и, призирая свыше на Священное Торжество Вѣнчанія Вашего, осѣняютъ Васъ своими благословеніями.

«При семъ я дерзаю всеподданнѣйше поднести Вашему Императорскому Величеству отъ Святыни Кіевской Св. Евангеліе, какъ Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. *Имъ же Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду*, и также поднести святыя Иконы».

Съ безпредѣльною вѣрноподданническою преданностію повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашимъ, имѣю счастіе быть

Вашего Императорскаго Величества. (1)

На это вѣрноподданническое письмо воспослѣдовалъ слѣдующій Высочайшій Рескриптъ Государя Императора.

---

(1) Письмо 19-го Іюля 1856 г.

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ!

Письмо вашего Преосвященства, отъ 19-го Іюля, съ препровожденіемъ Евангелія и святыхъ Иконъ, Я имѣлъ удовольствіе получить.

Первое, какъ выраженіе чувствъ и благихъ желаній, одушевляющихъ васъ и ввѣренную вамъ Кіевскую паству, при мысли о приближеніи дня Моего Коронованія, принялъ Я съ искреннею признательностію, вторыя—съ благоговѣніемъ, подобающимъ Святынѣ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени, вмѣстѣ съ Любезнѣйшею Супругою Моею, Государынею Императрицею Маріею Александровною, Я надѣюсь посѣтить древній Богоспасаемый Кіевъ—Іерусалимъ земли Русской, поклониться святымъ Угодникамъ Печерскимъ и лично принять ваше Архипастырское благословеніе.

Да продлитъ Господь Богъ еще на долго тихій вечеръ благочестивой, назидательной и полезной Отечеству вашей жизни.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю на всегда къ вамъ благосклоннымъ

«Александръ».

Въ селѣ Останкинѣ близъ Москвы
21-го Августа 1856 г.

По полученіи этого Высочайшаго Рескрипта надобно было видѣть, говорилъ покойный преосв Антоній, что происходило съ Владыкой-дядей въ тѣ самыя минуты, когда онъ читалъ и еще снова перечитывалъ про себя этотъ Рескриптъ Государя Императора. Я сначала было подумалъ,—нѣтъ ли чего въ родѣ какого либо несчастія..., такъ какъ у Владыки заструились слезы, какъ у дитяти... Потомъ онъ, вдругъ просіявши, какъ дитя, необычайною улыбкою радости и перекрестившись молитвенно предъ св. Иконами, восторженно сказалъ: «ну а что?! не правду ли я сказалъ, что не умру ни за что... пока не узрю Царственныхъ Помазанниковъ здѣсь въ Кіевѣ .. На-ко прочитай мнѣ еще въ слухъ хорошенько... я, право же, и глазамъ моимъ не вѣрю въ такой моей радости»... Послѣ прочтенія мною Рескрипта, онъ присовокупилъ. «Ну, хоть и не въ самомъ

продолжительномъ времени Они пожалуютъ сюда, потому что скоро осень, да и не извѣстно еще, какова-то будетъ погода,—а я теперь еще скажу, что и годъ прожду и не умру»...

Слова высокопр. Филарета, что Ихъ Величества, можетъ быть, и не пожалуютъ въ Кіевъ въ самомъ непродолжительномъ времени, дѣйствительно, сбылись. Графъ Адлербергъ отношеніемъ, отъ 13-го Сентября, извѣстилъ высокопреосв. Филарета: «По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопреосвященство, что предполагавшееся путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кіевъ, по случаю утомленія Государыни Императрицы Маріи Александровны и по причинѣ дурной погоды, отмѣняется».—Одновременно же съ этимъ получено было высокопр. Филаретомъ отношеніе, отъ 14-го Сентября, Графа Олсуфьева, который по личному повелѣнію Государыни Императрицы увѣдомилъ, что Ихъ Императорскія Величества, къ крайнему сожалѣнію Ихъ, не могутъ въ настоящее время посѣтить городъ Кіевъ.

Въ слѣдствіе этого послѣдняго сообщенія Графа Олсуфьева высокопр. Филаретъ немедленно же писалъ графу: «Сіятельнѣйшій Графъ! Отношеніемъ Вашимъ, отъ 14-го Сентября, Ваше Сіятельство сообщили мнѣ по повелѣнію Государыни Императрицы Маріи Александровны, что Ихъ Императорскія Величества, къ крайнему сожалѣнію Ихъ, не могутъ въ настоящее время посѣтить городъ Кіевъ.

«Долгомъ почитая отвѣтствовать на сіе прямо Ея Императорскому Величеству; я имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству мое письмо на Имя Государыни Императрицы и покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, представить сіе письмо Ея Императорскому Величеству».

Подлинный текстъ письма высокопр. Филарета слѣдующій.

Благочестивѣйшая Государыня!

«Состоящій при Особѣ Вашего Императорскаго Величества, Графъ Олсуфьевъ, по повелѣнію Вашему, сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ и Ваше Императорское Величество,

къ крайнему сожалѣнію Вашему, не можете въ настоящее время посѣтить Кіева.

«Посѣщеніе Богоспасаемаго града Кіева Государемъ Императоромъ и Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ столь важное и знаменательное время—послѣ Священнѣйшаго Муропомазанія и Коронованія, было бы, конечно, самымъ свѣтлымъ и радостнымъ торжествомъ не только для Кіева и для святыхъ мѣстъ его, но и для всей Россіи, и въ особенности для святой Православной Церкви Русской, какъ свидѣтельство высокаго благочестія и пламенной любви и благоговѣнія къ отечественной святынѣ Государя Императора и Вашего Императорскаго Величества.

«Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я утѣшаю себя мыслію, что, вѣрно, такъ Господу угодно было, дабы преднамѣренное Ваше путешествіе отложено было до времени болѣе благопріятнаго для Васъ, ибо здоровье Государя Императора и Вашего Величества безцѣнно для отечества, а путешествіе въ столь позднее осеннее время могло бы быть не благопріятно для него.

«Между тѣмъ я увѣренъ, что Пресвятая Матерь Божія и Святые Угодники Кіевскіе пріемлютъ съ любовію и одно благоговѣйное желаніе Ваше поклониться имъ въ Кіевѣ, какъ пріяли бы самое исполненіе онаго, и не сомнѣваюсь, что они молитвами своими благоноспѣшатъ Вамъ въ будущемъ году, въ наиболѣе благопріятное время, совершить благочестивый обѣтъ Боголюбиваго сердца Вашего, о чемъ и я буду молить пламенно Господа Бога, желая отъ всего сердца, чтобы и мои дни, уже склоняющіеся къ западу, продлились, пока буду имѣть счастіе узрѣть Благочестивѣйшаго Государя Императора и Ваше Императорское Величество».

Вашего Императорскаго Величества.

Но вскорѣ же послѣ этого именно, 2-го Октября, прибылъ въ Кіевъ Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Побужденіе и цѣль посѣщенія Его Высочествомъ Кіева, а въ частности и главнѣе всего Кіевопечерской Лавры заключались въ слѣдующемъ,—какъ читаемъ въ имѣющемся въ Лаврѣ особомъ по этому дѣлу документѣ.

«Прибывъ въ Кіевъ 2-го Октября въ 10-мъ часу утра, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ

Николаевичъ, въ тотъ же день послѣ отдыха, изволилъ посѣтить Св. Лавру въ часъ по полудни и, встрѣченный у св вратъ Лавры Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ Филаретомъ, шествовалъ въ Великую Лаврскую Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. Какъ извѣстно уже было Высокопреосвященному Митрополиту, что Благовѣрный Князь имѣлъ порученіе отъ Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Александровны доставить Царственный даръ Ихъ Величествъ ко гробу Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, то, по входѣ въ церковь, начато было молебное пѣніе Св. Равноапостольному Князю Владиміру и, по совершеніи онаго, провозглашено многолѣтіе Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и всему Августѣйшему Дому. Въ слѣдъ за тѣмъ Великій Князь съ глубокимъ благоговѣніемъ покланялся и лобызалъ Св. Чудотворную Икону Успенія Пресвятыя Богородицы и, въ предшествіи Архипастыря, приблизился къ ракѣ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. Здѣсь представленъ былъ Великимъ Княземъ Архипастырю даръ Ихъ Величествъ—золотая лампада съ таковою же цѣпочкою и драгоцѣнною бриллантовою кистью. Лампада сдѣлана въ древнемъ вкусѣ и кругомъ ея изображена вязью славянскими буквами надпись». «Сія лампада устроена усердіемъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича и Супруги Его Государыни Императрицы Маріи Александровны ко гробу Равноапостольнаго Князя Владиміра въ лѣто 1856 г.» Архипастырь окропилъ лампаду св. водою, а Великій Князь возложилъ ее на гробъ Равноапостольнаго и облобызавъ Св. Главу его, хранящуюся въ ракѣ, и обошелъ съ поклоненіемъ Св. Мощи, находящіяся въ Великой Церкви. Между тѣмъ, по приказанію Архипастыря, Высочайше дарованная лампада тогда же была повѣшена предъ ракою Равноапостольнаго и возжена. Напуствуя Великаго Князя, при выходѣ Его изъ Церкви, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ поднесъ Ему икону Богоматери, выразивъ при томъ благожеланіе, да Пресвятая Дѣва Богородица благословитъ вступленіе Его въ предстоящій бракъ съ избранною Имъ Августѣйшею Невѣстою; потомъ, подведши В. Князя къ ракѣ Равноапостольнаго, указалъ на горящую уже Высочайше дарованную лампаду и просилъ всеподданнѣйше донести Ихъ

Императорскимъ Величествамъ, что она всегда неугасимо будетъ горѣть здѣсь, какъ свидѣтельство пламеннаго усердія и глубокаго благоговѣнія къ святымъ Государя Имератора и Августѣйшей Супруги Его.

5-го числа Его Императорское Величество пожелалъ вторично посѣтить Лавру, быть въ Св Пещерахъ и слушать тамъ Божественную Литургію. По желанію Великаго Князя на Литургіи послѣ малаго входа хоръ пѣлъ: «Со святыми упокой» возглашена въ свое время и заупокойная эктенія, а по заамвонной молитвѣ совершена и обычная литія съ провозглашеніемъ вѣчной памяти въ Бозѣ почившему Государю Императору Николаю Павловичу. По окончаніи Литургіи Благовѣрный Государь, въ предшествіи Высокопреосвященнаго Митрополита, изволилъ обойти всѣ ближнія пещеры и благоговѣйно поклонялся святымъ мощамъ всѣхъ Преподобныхъ Отцевъ, тамъ почивающихъ. Изъ пещеръ Августѣйшій Богомолецъ отправился въ Лавру, и здѣсь, встрѣченный въ великой Церкви Архипастыремъ, отслушавъ краткое молебствіе съ эктеніею и молитвою на путь шествующимъ, опять обошелъ съ поклоненіемъ Святынѣ и, напутствованный честнымъ крестомъ и благословеніемъ Архипастыря, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Церкви и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ его кельи.

Въ слѣдъ за посѣщеніемъ Великаго Князя Михаила Николаевича высокопр. Филаретъ обратился къ Государю Императору письмомъ слѣдующаго содержанія.

Благочестивѣйшій Государь!

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, прибывъ въ Богоспасаемый Кіевъ и посѣтивъ Кіевопечерскую Лавру, доставилъ отъ Вашего Императорскаго Величества и Августѣйшей Супруги Вашей, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны драгоцѣнную лампаду на гробъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра.

Священнѣйшимъ долгомъ поставляю изъяснить Вашему Императорскому Величеству, что сей даръ благочестія и благоговѣнія Вашего къ Святынѣ Кіевской принятъ святою обителію Кіевопечерскою съ живѣйшей радостію, и вѣрую,

что онъ вполнѣ благопріятенъ Тому, Кому принесенъ—Равноапостольному заступнику земли Русской и благочестивѣйшихъ Царей ея, и, конечно, онъ не престаетъ и не престанетъ выну вопіять ко Господу о здравіи и благоденствіи Вашего Императорскаго Величества, Благочестивѣйшей Супруги Вашей и всего Августѣйшаго Дома, и своими молитвами споспѣшествовать Вамъ къ мирному и вмѣстѣ славному долголѣтнему царствованію.

Ваше Императорское Величество имѣли сердечное желаніе вмѣстѣ съ Благочестивѣйшею Государынею Императрицею Маріею Александровною посѣтить въ нынѣшнюю осень Кіевъ, дабы поклониться Святынѣ Кіевской. Хотя обстоятельства не дозволили исполнить сіе: но не сомнѣваюсь, что Пресвятая Матерь Божія и Святые Угодники Кіевскіе пріемлютъ съ любовію и одинъ обѣтъ сей боголюбиваго сердца Вашего, какъ бы самое дѣло, и, если Господу угодно, молитвами своими благоспѣшатъ Вамъ въ будущемъ году, въ наиболѣе благопріятное время, совершить сей обѣтъ, о чемъ и я буду молить отъ всей души Господа Бога. Дни мои уже видимо склоняются къ западу, но я желалъ бы, чтобы они продлились, пока буду имѣть счастіе узрѣть въ Кіевѣ Ваше Императорское Величество и Августѣйшую Супругу Вашу Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Марію Александровну.

Вашего Императорскаго Величества.

По объясненію покойнаго высокопр. Антонія, это письмо было отправлено съ Кіевскимъ Генералъ-Губернаторомъ Княземъ Илар. Илар. Васильчиковымъ, отправлявшимся въ С.-Петербургъ. Съ нимъ же препроводилъ Владыка еще для поднесенія Государю Императору Святое Евангеліе съ назначеніемъ послѣдняго собственно для Августѣйшихъ Дѣтей Государя Императора.

За это приношеніе Государь Императоръ изволилъ удостоить высокопр. Филарета слѣдующимъ своимъ Высочайшимъ Рескриптомъ, въ которомъ изволилъ также высказать и относительно посѣщенія Кіева.

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ!

Присланное вашимъ Преосвященствомъ отъ имени Лавры для Дѣтей Моихъ, Святое Евангеліе Я имѣлъ удовольствіе получить. Вы, конечно, не могли сдѣлать Имъ лучшаго приношенія. Да озаряетъ и согрѣваетъ юныя сердца Ихъ благотворный свѣтъ Евангельскій и слово Божіе да руководствуетъ Ихъ во всѣхъ путяхъ жизни.

Крайне сожалѣю, что позднее время года и состояніе здоровья Любезнѣйшей Супруги Моей, Государыни Императрицы Маріи Александровны воспрепятствовали Намъ исполнить сердечное желаніе Наше посѣтить Кіевъ, для поклоненія святымъ его Угодникамъ; но Мы приняли твердое намѣреніе, если Господу Богу угодно будетъ благословить оное, совершить путешествіе это въ будущемъ году.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю на всегда къ вамъ благосклонный

«Александръ».

Въ Гатчинѣ.
19-го Октября, 1856 года

По полученіи этого Высочайшаго Рескрипта высокопр. Филаретъ, по разсказамъ покойнаго преосв. Антонія, опять проговорилъ прежнія слова, т. е. что «не умретъ прежде, чѣмъ узритъ Государя и Государыню въ Кіевѣ; дай только Господи Имъ-то Самимъ и всѣмъ Ихъ Чадамъ здравія и благополучія во всемъ и душевнаго спасенія». И тутъ же высказалъ еще: «А ужъ больно мнѣ хочется повидѣть-то Ихъ: вѣдь я видѣлъ Ихъ назадъ тому четырнадцать лѣтъ, когда Они были еще молоденькіе. Теперь же, вотъ, у Нихъ, слава Богу, и дѣтокъ пятеро,—значитъ Государь-то *Самъ-сёмъ*, а это—называется «*красная—благословенная семья*».

Далѣе, говорилъ преосв. Антоній, надобно было видѣть, какова была у Владыки радость до восторга и умиленія, когда, совершенно неожиданно, присланы были ему при письмѣ графа Олсуфьева, по личному повелѣнію Государыни Императрицы, портреты Государя, Государыни и всѣхъ Ихъ

пятерыхъ Дѣтей (1). Владыка - дядя былъ въ эту пору не здоровъ—даже очень; но, при этой радости, онъ какъ бы стряхнулъ съ себя бо́льшую половину болѣзни. — Объ этомъ фактѣ читаемъ и въ запискахъ о. Намѣстника. «Какъ много утѣшенъ и умиленъ былъ Владыка вниманіемъ Государыни Императрицы, получивъ отъ Нея портреты. По болѣзни своей поручая приготовить по сему случаю отношеніе къ графу Олсуфьеву, Владыка сказалъ о. Антонію (бывшему тогда Ректору Академіи) «непремѣнно вырази, вотъ, эту главную мысль отъ глубины всей души моей я всегда молился и молюсь о здравіи и спасеніи Благочестивѣйшаго Государя Императора и Государыни Императрицы и Ихъ Чадъ, а теперь, когда буду видѣть Ихъ портреты, я еще усугублю мои молитвы о всѣхъ Ихъ при всѣхъ, постигающихъ меня, недугахъ, до самыхъ послѣднихъ минутъ моего житія. А когда сподоблюсь предстать Лицу Божію въ Царствіи Небесномъ, то и тамъ первая моя молитва будетъ объ Ихъ Величествахъ, Ихъ Чадахъ и о всемъ Царствующемъ Родѣ».

Наконецъ въ ряду Высочайшихъ Рескриптовъ Государя Императора, относящихся собственно къ Коронаціи, именно къ самому дню этого Священнаго Торжества, былъ тотъ, въ которомъ Государь Императоръ изволилъ выразить Свое Царское вниманіе къ заслугамъ высокопр. Филарета съ пожалованіемъ ему алмазныхъ знаковъ св. Апостола Андрея Первозваннаго (2).

---

(1) Царскія дѣти тогда были. сыновья — покойный Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай,—Александръ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ,—Владиміръ и Алексѣй,—и дочь Марія.

(2) Орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго высокопр Филаретъ получилъ, какъ извѣстно читающимъ, еще въ 1839-мъ, по случаю торжества Возсоединенія Унятовъ; за тѣмъ онъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденомъ первой степени св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра большаго Креста въ 1850 г. въ день св. Пасхи 21-го Апрѣля Это пожалованіе, какъ видитъ всякій, послѣдовало спустя *одиннадцать лѣтъ*... А отъ чего?! Объяснять это, кажется, излишне достаточно припомнить только тѣ неблагопріятныя обстоятельства и тѣ отношенія *къ высшимъ*, въ которыхъ находился высокопр. Филаретъ, когда ему угрожала даже опасность подвергнуться не благоволенію Государя Императора Николая Павловича, которое и было ему отчасти выражено именно по поводу обновленія Великой Лаврской Церкви.

Подлинный текстъ этого Высочайшаго Рескрипта слѣдующій.

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ!

Ваше многолѣтнее архипастырское служеніе всегда отличалось неуклонною приверженностью къ древнимъ уставамъ Вселенской Церкви, живымъ усердіемъ къ Престолу и Отечеству и назидательнымъ примѣромъ христіанскаго благочестія. И нынѣ, въ маститой старости, одушевляясь тѣми же священными чувствами, которыми руководились въ продолженіе всего вашего духовнаго поприща, вы пріобрѣли право на особенное Мое къ вамъ уваженіе. Въ ознаменованіе онаго Всемилостивѣйше жалую вамъ, препровождаемые при семъ, алмазные знаки Ордена Св. Апостола Андрея Превозваннаго съ усерднымъ желаніемъ, да пріобрѣтаете свыше новыя силы въ духовныхъ подвигахъ вашей неугасимой ревности по Бозѣ.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный

«Александръ».

Въ Москвѣ.
26-го Августа 1856 г.

Прежде, чѣмъ полученъ былъ этотъ Высочайшій Рескриптъ, командированные въ Москву на Священномъ Коронованіи, о. Намѣстникъ Лавры Архимандритъ Іоаннъ и Каѳедральный Протоіерей Иванъ Михайловичъ Скворцовъ прислали высокопр. Филарету поздравительное письмо, въ смыслѣ, такъ называемаго, адреса, слѣдующаго содержанія.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Благостнѣйшій Отецъ и Архипастырь!

Узнавъ достовѣрно, что Благочестивѣйшій Государь Императоръ, по случаю Священнѣйшаго Вѣнчанія Своего Царскаго, увѣнчиваетъ и пастырскія добродѣтели Вашего Высокопреосвященства, украшая Васъ брилліантовыми знаками Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, мы спѣшимъ принесть усерднѣйшее поздравленіе Вашему Высокопреосвященству съ сею Высочайшею Монаршею Милостію. Знаемъ,

великій Архипастырь, что духъ Твой, живущій небеснымъ, въ высотѣ смиренія своего, превыше всѣхъ наградъ земныхъ; но увѣрены и въ томъ, что эту Милость Царскую къ Тебѣ вся духовная паства Твоя и всѣ, благоговѣйно чтущіе Тебя, почтутъ милостію къ нимъ самимъ и возрадуются, и награда, излиянная на Тебя, будетъ избычествовать въ нихъ многими благодареніями Господу,—что, конечно, возвеселитъ и Твое Архипастырское сердце

Молимъ Отца Свѣтовъ, отъ Негоже исходитъ всякое благо и всякъ даръ совершенный, да съ новою Милостію Помазанника Его, излѣетъ Онъ на духъ и тѣло Твое новыя силы благодати Своей во благо Св. Церкви, на вящшую радость Боговѣнчанному Монарху и во утѣшеніе всей паствы Твоей.

Москва,
27-го Августа 1856 г.

По прочтеніи этого письма, разсказывалъ покойный высокопр. Антоній, Владыка сказалъ: «Спасибо имъ, что такъ разумно разсуждаютъ; дай Богъ и имъ самимъ, да и всякому,—(при этомъ дядя зорко взглянулъ на меня), прилагать къ себѣ такія мысли, а не вдаваться въ суетныя помышленія о наградахъ. Награды-то, конечно, имѣютъ свое, можно сказать, великое значеніе для дѣйствующихъ на поприщѣ общественнаго и государственнаго служенія,(1) но получающіе-то ихъ придаютъ имъ не надлежащій смыслъ.—Довольно сказать, что мало ли такихъ, которые даже домогаются наградъ, и, получивши ихъ, мнятъ, что они чрезъ это становятся выше въ своемъ достоинствѣ;—тогда какъ на оборотъ... и со стороны-то стыдно за таковыхъ.—Ты знаешь ли пословицу латинскую: simia est simia, etiamsi gestet aurea insignia. Эта пословица есть, впрочемъ, и у Премудраго Сираха, хотя она приложена у него къ лицамъ женскаго пола—злонравнымъ. Она выражена такъ: *якоже усерязь (серьги) въ ноздрехъ свиніи, тако и жена злонравная лѣпота.* А латинская-то риѳмованая пословица

(1) Объ этомъ предметѣ мы представимъ еще довольно пространныя разсужденія высокопр. Филарета, равно какъ и о значеніи чиновъ.

прекрасно переводится на нашъ языкъ тоже рифмованною пословицею: «*пень—все будетъ пень, хоть золоты украшенья (на него) надѣть*». А эти-то *они* такъ и лезутъ, если не въ верхъ, потому что не могутъ, то въ ширь и тутъ-то заминаютъ на пути общественнаго служенія истинно достойныхъ дѣятелей, да еще принижаютъ, придавляютъ ихъ... Охма, охма! Навидался я, грѣшный, многаго подобнаго. . Конечно, Дарующій награды и таковымъ не виновенъ ни предъ Богомъ, ни предъ людьми; за-то подставляющіе таковыхъ сугубый отвѣтъ имутъ отдать, и тѣмъ паче, что, въ большинствѣ, это дѣлается ими въ своихъ собственныхъ видахъ, чтобы въ этихъ лицахъ имѣть для себя всяческія орудія на все по духу и образу чисто Лойоловскому... (1). Но sapienti sat..! Ты же затверди себѣ, чадо, на всю жизнь тотъ, мною тебѣ и прежде высказываемый, мой совѣтъ, или точнѣе, завѣтъ: «Иди всегда прямымъ путемъ... Это было моимъ всегдашнимъ неизмѣннымъ правиломъ и было хорошо. Охъ! часто и больно приводилось мнѣ въ жизни быть въ большихъ и тяжкихъ тѣснотахъ среди разныхъ обстоятельствъ служебныхъ, а также происходившихъ и отъ личныхъ неблагопріятныхъ отношеній со стороны сей-часъ сказанныхъ мною Лойоловцевъ и вообще именуемыхъ въ Писаніи, *господій стрѣляній*... И сверху-то, бывало, давятъ, и со сторонъ тѣснятъ, да и снизу—то не благопріятствуютъ... А я все держался одного своего прямаго пути и всегда такъ разсуждалъ: какъ люди ни хитрятъ и сколько ни усиливаются, а Богъ всѣхъ перемудритъ и все пересилитъ» (2).

Когда же были получены Высочайшій Рескриптъ и самый Орденъ, украшенный алмазами, и Владыка совершилъ Божественную Литургію, съ возложеніемъ на себя этого новопожалованнаго Ордена, и когда, послѣ служенія, собрались къ нему въ покои всѣ начальственныя лица для при-

---

(1) Высокопр. Антоній объяснялъ, что въ послѣднихъ разсужденіяхъ ясны были намеки на лицъ въ мѣстной администраціи и *тамошней*—Оберъ-Прокурорской.

(2) Эти слова значатся въ запискахъ покойнаго высокопр. Антонія и въ Біографіи его. Томъ II, стр. 431.

несенія поздравленія, то Владыка, говорилъ преосв. Антоній, велѣлъ предупредить, чтобы отнюдь не было говорено никакихъ *рацéй*... Между тѣмъ все-таки, нѣкоторые, естественно, стали высказывать свои чувствованія въ смыслѣ поздравленій, благожелапій и т. п. Владыка, слушая, не слушая, сказалъ: «а, вотъ, Иванъ Михайлычъ (1) (Скворцевъ) и о. Намѣстникъ не такъ разсуждаютъ .. Спасибо имъ,—они своими разсужденіями въ письмѣ и мнѣ изрекли своего рода поученіе... или, во всякомъ случаѣ, какъ бы прочитали въ моей душѣ, что̀ я мыслю и чувствую... Этимъ и были кончены всѣ поздравительныя и благожелательныя выраженія, и тѣмъ болѣе, что нужно было всѣмъ отправиться въ трапезу на приготовленный въ этотъ день праздничный нарочитый обѣдъ (2).

Вскорѣ послѣ этого, разсказывалъ высокопр. Антоній (3), именно послѣ посѣщенія Великаго Князя Михаила Николаевича, Владыка сталъ жаловаться на нездоровье. Мы приписывали это, главнымъ образомъ, естественной его усталости отъ того напряженія, съ какимъ онъ совершалъ пріемъ Августѣйшаго Гостя, котораго онъ сопровождалъ всюду,—дважды въ великой Церкви и дважды въ Св. Пещерахъ, гдѣ была съ тѣмъ вмѣстѣ, и Литургія, и наконецъ принималъ Великаго Князя въ своихъ покояхъ. Но была, какъ нами замѣчалось, и внутренняя причина этого нездоровья. «Радъ-то, я радъ, говорилъ Владыка, посѣщенію Великаго Князя и принесенію священнаго дара (драгоцѣнной лампады къ ракѣ св. Князя Владимира) Ихъ Величествами;—но душа скор-

---

(1) Высокопр. Филареть всегда и вездѣ называлъ его такъ—безъ всякихъ титуловъ, т. е. безъ названія: о. Протоіерей .

(2) Въ дневникѣ о. Намѣстника подъ 22-мъ Сентября 1856 г. сказано. «Служеніе Владыки въ Великой Церкви, поздравленіе его съ Монаршею милостію и торжественный праздничный обѣдъ въ трапезѣ, устроенный отъ Лавры.

(3) Все дальнѣйшее наше изложеніе весьма многихъ разсказовъ о разнообразныхъ дѣйствіяхъ и разговорахъ высокопр. Филарета будетъ почти исключительно отъ лица высокопр. Антонія съ указаніемъ лишь на нѣкоторыя свѣдѣнія, находящіяся въ дневникѣ о. Намѣстника и въ другихъ не многихъ данныхъ.

битъ, что Они Сами не пожаловали». Поэтому-то Владыка и благословился написать всеподданнѣйшее письмо Государю и Государынѣ, молитвенно желая, чтобы Господь благословилъ совершить Имъ Свой обѣтъ хотя въ будущемъ году. Но какъ отвѣта довольно долго не было, то дядя даже поговаривалъ съ грустію, что ладно ли онъ сдѣлалъ, что онъ желаетъ зрѣть Ихъ Величества какъ бы собственно для себя (1). Однимъ словомъ, Владыка чувствовалъ довольно не спокойное душевное состояніе. Но когда полученъ былъ Высочайшій Рескриптъ Государя съ обѣщаніемъ посѣтить Кіевъ непремѣнно въ будущемъ году,—Владыка какъ бы позабылъ про свою болѣзнь, и въ немъ возобновились самыя живыя чувствованія утѣшенія, какъ будто обѣщанное чрезъ годъ было для него впереди чрезъ нѣсколько дней... Подъ вліяніемъ такого оживляющаго и воодушевляющаго настроенія, онъ даже пожелалъ сдѣлать нарочитый домашній обѣдъ, чтобы раздѣлить свои чувствованія въ искреннихъ бесѣдахъ съ близкими избранными. Содержаніе этихъ бесѣдъ было чрезвычайно интересно и по предметамъ, и по взглядамъ, и по разсужденіямъ собственно Владыки. А особенно замѣчательно въ этихъ бесѣдахъ то, что Владыка высказывался обо всемъ въ видѣ и смыслѣ личныхъ его соображеній и предположеній, осуществленіе которыхъ, дѣйствительно, было бы весьма желательно. Я самъ былъ тогда сильно заинтересованъ разсужденіями дяди, и доселѣ вполнѣ раздѣляю ихъ. Предметы и явленія, о которыхъ разсуждалъ онъ, по видимому, самые простые; но въ нихъ раскрывались такія стороны и въ такомъ значеніи, что въ нынѣшнее время все это, пожалуй, не замедлило бы сдѣлаться предметомъ литературныхъ и даже административныхъ сужденій. Все это высказывалось Владыкою въ этотъ именно разъ только впервые; но нельзя было не примѣчать и въ тонѣ, и въ послѣдовательности его разговоровъ, что онъ и прежде размышлялъ объ этихъ предметахъ. Сужденія Владыки были: о наградахъ духовныхъ лицъ орденами, о чинахъ гражданскихъ, о званіи Протопресвитеровъ, о мит-

(1) Содержаніе этихъ писемъ въ указываемомъ значеніи извѣстно читающимъ.

рахъ архимандричьихъ, Епископскихъ, Архіепископскихъ и Митрополичьихъ сравнительно съ Кіевскими, о преимуществахъ Митрополитовъ Кіевскихъ при Богослуженіяхъ и о нѣкоторыхъ еще предметахъ, въ ряду которыхъ, ближайшимъ образомъ, было разсужденіе дяди о пожалованныхъ ему алмазныхъ знакахъ Ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Всѣ эти сужденія самъ покойный Владыка Антоній высказывалъ съ замѣчательною подробностію, свидѣтельствовавшею, что онъ, дѣйствительно, самъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ. Впрочемъ, не мало такихъ же сужденій мы встрѣчали и въ дневникѣ о. Намѣстника, а о нѣкоторыхъ слышали отъ другихъ достовѣрныхъ лицъ. Но чтобы не распространять здѣсь нашей рѣчи и этимъ не прерывать нити текущаго повѣствованія, изложеніе указываемыхъ свѣдѣній мы отлагаемъ къ другому мѣсту.—Теперь же приведемъ только разсужденіе высокопр. Филарета относительно, пожалованныхъ ему, алмазныхъ орденскихъ знаковъ и, вообще, объ образѣ ношенія и времени надѣванія Орденовъ. Разсужденіе это было высказано, по словамъ высокопр. Антонія, въ самомъ концѣ всѣхъ разговоровъ Владыки, потому-то онъ и самъ тогда же замѣтилъ: «Ну, вотъ, какъ мы нынѣче запроэктировались и зарепортовались!.. (1) такъ что, какъ говорится, «не слушай матушка-хоромина». А въ итогѣ-то чуть ли не выходитъ, по пословицѣ: «чужія дѣла, какъ пальцы на рукахъ, легко развожу, а для своего иного дѣла ума не нахожу».

«На обѣдѣ были только Лаврскія начальствующія лица, такъ какъ Владыка желалъ этимъ обѣдомъ своимъ отплатить за обѣдъ, данный въ честь его прежде Лаврой.—Кромѣ своихъ Владыка пожелалъ пригласить только Ивана Михайловича Скворцова и собственно потому, что онъ былъ, вмѣстѣ съ Намѣстникомъ, представителемъ отъ лица Кіевской Паствы на Коронаціи. Владыка такъ и привѣтствовалъ ихъ обоихъ: «ну, вотъ вы для насъ всѣ еще бывшіе Московскіе Царскіе гости, просимъ же нашего хлѣба-соли покушать.., а вы намъ

(1) Въ дневникѣ есть замѣтка: «Владыка былъ чрезвычайно словоохотливъ; не есть ли это *лебединая пѣснь*, понимаемая въ извѣстномъ смыслѣ,—какъ предзнаменованіе близкой кончины».

еще хорошенько повѣдайте все, что́ видали, что́ слыхали тамъ, у кого побывали, а, главнѣе всего,—гдѣ молились и сколько разъ вы служили въ бытность въ Москвѣ»?...— «Однажды всего», былъ отвѣтъ.—«Ну, судите же, какъ мнѣ было ѣхать туда на Коронацію!... Вѣдь это безъ смерти смерть» (1). Владыка, тутъ же, еще вспомнилъ, что высокопр. Филаретъ Московскій поручилъ Ивану Михайловичу передать Владыкѣ поклонъ *во всей точности—земной*. «Вседушевно благодарилъ и благодарю Владыку Московскаго. Но, улыбаясь, сказалъ, «я предъ тобою-то, братъ, не буду отвѣчать такимъ же поклономъ; когда бы Московскій Владыка прислалъ своего Московскаго Успенскаго Протопресвитера, предъ нимъ бы я поклонился».. (2) При словѣ о Протопресвитерѣ Московскомъ, когда сѣли уже за обѣдъ, Владыка и началъ первый разговоръ о Протопресвитерствѣ, высказавши свою мысль, что достойно и праведно было бы присвоить именованіе Протопресвитера и Каѳедральнымъ Протоіереямъ Кіевскаго Софійскаго Собора.—Потомъ, послѣ уже всѣхъ выше указанныхъ предметовъ разговоровъ, именно, въ слѣдъ за сказанною Владыкою пословицею: «для своего иного дѣла ума не нахожу»,—была начата имъ слѣдующая продолжительная рѣчь (3). «Вотъ я, получивши отъ Батюшки Государя драгоцѣнные

---

(1) Эти слова буквально значатся и въ дневникѣ о. Намѣстника. Стр. 18.

(2) Такія же слова были сказаны высокопр. Филаретомъ и о. Намѣстнику, тоже передавшему еще прежде поклонъ земной отъ Московскаго Филарета.—Въ дневникѣ, стр. 19.

(3) Покойный Владыка Антоній при своихъ разсказахъ какъ о настоящемъ предметѣ, такъ и о всѣхъ прочихъ замѣтилъ мнѣ, хотя я передаю теперь тебѣ содержаніе всѣхъ разговоровъ дяди-Владыки исключительно отъ лица его одного, но на самомъ дѣлѣ рѣчь ведена была діалогически,—въ чемъ принималъ особенное участіе Ив. Михайловичъ, къ которому Владыка любилъ всегда обращаться даже напр. и на экзаменахъ въ Академіи;—участвовалъ и я, и другіе, не говоря уже объ Аскоченскомъ, хотя онъ не разъ былъ обрываемъ Владыкою серьезнымъ образомъ при его, неумѣстныхъ на этотъ разъ, краснобайствахъ... А почему онъ-то былъ тутъ, это и тебѣ, конечно, извѣстно т. е. что Аскоченскій въ послѣдніе два года при жизни Владыки, *состоялъ*, какъ говорится, *на его хлѣбахъ*...

знаки, подумываю, что́ сдѣлать бы мнѣ изъ нихъ... Ему-то, (было указаніе на отца Іоанна-Намѣстника), я уже высказывалъ эту свою думу.. (1). И теперь я думаю и желаю поступить такъ: надѣвавши, вотъ уже три раза, пожалованные мнѣ, драгоцѣнные знаки, надѣну еще, можетъ быть, разокъ другой, да и спрячу ихъ навсегда, на вѣки въ сокровищницу,—ту самую, *идѣже ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкапываютъ, ни крадутъ* (Мато. VI. 20.) Какъ я говорилъ уже тебѣ, о. Намѣстникъ, такъ и сдѣлаемъ. Нужно будетъ отправить новопожалованные знаки обратно въ Кабинетъ Его Величества, чтобы вмѣсто ихъ была доставлена денежная сумма по ихъ стоимости; и эту-то сумму я и передамъ немедленно же въ пользу странноприимницы и лечебницы для простыхъ нуждающихся богомольцевъ (2). Да, продолжалъ Владыка-дядя, бриллианты больно красиво и пріятно блестятъ и въ этихъ драгоцѣнныхъ камняхъ, говорятъ, блескъ происходитъ отъ такъ называемой воды въ нихъ (3), если они не поддѣльные,—хотя я по части минералогіи и химіи нисколько не смыслю. Но то́ несомнѣннѣе всего, что слезы благодаренія и умиленія бѣдныхъ нуждающихся еще ярче заблестятъ предъ Очами Божіими, а въ слезахъ-то, дѣйствительно, уже вода, истекающая изъ глубины души и струящаяся изъ благодатныхъ чувствованій (4). Кто плакивалъ такими слеза-

---

(1) Въ дневникѣ о. Намѣстника подъ 22-мъ числомъ Сентября 1856 г, дѣйствительно, записано: «заботливость Владыки,—куда дѣвать пожалованные алмазные знаки». Мысль у него остановилась, кажется, рѣшительная на странноприимницѣ лаврской съ лечебницею для богомольцевъ.—Стр. 19.

(2) Алмазные знаки, дѣйствительно, были отосланы и деньги 9-ть тысячъ пожертвованы были на странноприимницу. Смотр. прежде на стр. 434.

(3) (4) Высокопр. Филаретъ митр Московскій въ извѣстномъ замѣчательнѣйшемъ словѣ своемъ изъ текста: «*И о одежди что́ печется*», такъ выразился объ этомъ «Чистое золото, *драгоцѣнные камни*, нѣжныя ткани и проч. какъ все сіе мало и недостойно, чтобы озаботить того, кто хоть мало размышляетъ... *То́, что́ называютъ лучшею*, (составляющею высшую цѣнность) *водою въ камняхъ, не есть ли*

ми (1), тотъ, не сомнѣнно, скажетъ еще больше моего... И замѣчательно, что слезы, особливо глубокія, душевныя, истекаютъ изъ глазъ каплями, которыя и скатываются по лицу каплями, и какъ бы сыплются въ родѣ именно блестящихъ зернышковъ, какъ есть будто бы брилліантовыхъ камешковъ... И я не знаю, кто найдется такой, кто, и не плакавши такъ самъ, но видѣвши такія слезы, могъ бы не возчувствовать всей неизъяснимой сладости сердечныхъ чувствованій .. И, вотъ, съ Царскими-то брилліантами я и желаю поступить именно такъ, чтобы вмѣсто ихъ, возлагаемыхъ на перси, вложить внутрь сердца своего оные духовные благодатные брилліанты... Да и вы (было обращеніе къ Ивану Михайловичу и Намѣстнику), какъ пельзя болѣе статно выразили въ письмѣ вашемъ ко мнѣ: «съ новою милостію Помазанника Божія да излитъ Господь на духъ и тѣло мои новыя силы благодати Своей во благо св. Церкви и *ни вящшую радость Боговѣнчанному Монарху*». И я вѣрую, что во истину этимъ-то и сотворю Государю Батюшкѣ радость вящшую духовную, благодатную, когда вещественные драгоцѣнные знаки, Имъ мнѣ пожалованные, я обращу въ духовные, и, такимъ образомъ, даръ отъ Него—Царя земнаго перенесу и представлю Царю Небесному Господу нашему Іисусу Христу по реченному Имъ Самимъ: «*Странень бѣхъ, и ввсдосте Мене; взалкахся, и дасте Ми ясти; вождахся, и напоисте Мя; боленъ бѣхъ, и посѣтисте Мене.* (Мато. XXV, 35—36). А у насъ, по милости Божіей, есть именно странноприимница, въ которую, странные вводятся и въ ней они: яко алчущіе питаются, яко жаждущіе напаяются, а въ лечебницѣ при ней заболѣвающіе посѣщаются и врачуются... Иначе, я истинно не знаю, куда и дѣвать драгоцѣнные знаки... Отдать, конечно, нужно бы въ ризницу Лаврскую,—да что пользы: будутъ тамъ смотрѣть на нихъ

слезы тѣхъ несчастныхъ, (разумѣются рудокопы-каторжники), которые вжившѣ, глубже мертвыхъ. погребаются въ мрачномъ чревѣ горъ для извлеченія оттуда сихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ. Издан. 2-е. Часть I. 1848 г. стр 95.

(1) Читающіе припомнятъ, какъ именно самъ говорившій это плакивалъ въ собственномъ смыслѣ такими слезами въ извѣстные годы его жизни въ Уфѣ.

посѣтители, любоваться блескомъ камней, и-только... Нѣтъ, этого я не желаю. Въ ризницѣ и безъ того (1) весьма много разныхъ драгоцѣнностей; да и вообще храненію подобныхъ вещей трудно придать безусловное вѣрное значеніе... А что́ касается того, что иные Архіереи и Митрополиты передаютъ вмѣстѣ съ имуществомъ подобныя драгоцѣнности родственникамъ (2), то слѣдовало бы, кажется, указомъ запретить это... Да куда и дѣваютъ ихъ наслѣдники?! Само собою, продаютъ же ихъ ювелирамъ и иногда за полуцѣпокъ,—а деньги нерѣдко прожпвутъ, не знать-какъ... По моему это даже оскорбительно по самому понятію о Высочайшихъ пожалованіяхъ и о томъ, что эти предметы—панагіи, кресты, орденскіе знаки были уже освящены при ихъ ношеніи при священнослуженіяхъ;—а они, между тѣмъ, могутъ попасть въ руки ювелировъ-жидовъ и т п. и быть употреблены, за тѣмъ, на какія либо женскія украшенія, въ которыхъ онѣ и будутъ щеголять на бальныхъ плясаньяхъ .. Нужно, по моему, поставить бы

---

(1) Въ завѣщаніи высокопр Филарета увидимъ, что имъ самимъ были уже назначены въ ризницу 1) алмазный крестъ на клобукѣ, пожалованный ему еще въ бытность Архіепископомъ Казанскимъ; 2) двѣ панагіи съ драгоцѣнными камнями, 3) четыре панагіи и два креста на клобукѣ изъ камней весьма цѣнныхъ и 4) брилліантовый крестъ, пожалованный ему на клобукъ при назначеніи его Митрополитомъ Кіевскимъ, который онъ при жизни своей принесъ въ даръ къ Чудотворной иконѣ Успенія Божіей Матери, съ тѣмъ, чтобы онъ на вѣки тутъ находился.

(2) Въ завѣщаніи высокопр. Филарета сказано въ пунктѣ 12-мъ «Сродникамъ моимъ по плоти никакого наслѣдства не оставляю». Да и буквально ничего не осталось. Въ дневникѣ о. Намѣстника подъ 17-мъ числомъ Сентября 1857 г. стр. 21 читаемъ: «Желаніе св. Владыки, чтобы по кончинѣ его не было составляемо никакой описи. Я желаю, чтобы по смерти моей не оставалось рѣшительно ни одной вещи. Да у меня, слава Богу, и теперь, кажется, почти нѣтъ ничего. Нѣсколько кусковъ матеріи я нынѣ же отдалъ Екклесіарху для покрововъ на раки св. Угодниковъ. Ряски и подрясники роздать послѣ смерти моей немедленно же тѣмъ, кто будетъ участвовать при моемъ погребеніи. При мнѣ останется пусть только то одѣяніе, которое приготовлено мною для облаченія меня по смерти, и еще одна панагія—даръ *Московскаго* (разумѣется Митроп. Филаретъ), когда я былъ еще Ректоромъ Московской Академіи и Архимандритомъ Новоіерусалимскимъ.—«Эту-то панагію непремѣнно и возложпть на меня по смерти».

закономъ, чтобы всѣ подобныя вещи причислять, какъ собственность, къ каѳедрамъ и давать имъ употребленіе, по обращеніи въ деньги, собственно на спеціальныя потребности,— напр. въ пользу богадѣленъ епархіальныхъ, или неизцѣльно-больныхъ духовныхъ, или до крайности пострадавшихъ отъ пожаровъ, или еще въ пользу дѣвицъ-невѣстъ въ бѣдныхъ сиротствующихъ семействахъ духовныхъ...

«И такъ, ты отецъ Намѣстникъ, пожалуйста, не давай мнѣ ни отдыху, ни сроку, чтобы намъ съ тобою исполнить поскорѣе то́, что́ я теперь окончательно сказалъ на счетъ употребленія, пожалованныхъ мнѣ, алмазныхъ знаковъ.—Впрочемъ, ты мнѣ говорилъ недавно,—обратился Владыка ко мнѣ (т. е. Антонію), что лучше бы сдѣлать это послѣ того, когда изволятъ посѣтить Кіевъ Государь и Государыня; иначе какъ бы не представилось Государю что нибудь, когда Онъ не увидитъ на мнѣ пожалованныхъ алмазныхъ знаковъ...—На твои эти слова я тогда промолчалъ; а теперь скажу, вотъ, что́: «Если Господу угодно,—въ чемъ я крѣпко на-крѣпко уповаю и о чемъ столько же молюсь,—чтобы я дожилъ до этого, чаемаго мною, послѣдняго утѣшенія для меня на землѣ, то я не менѣе твердо увѣренъ, что Государь-Батюшка не прогнѣвается и не осудитъ меня за отсутствіе на мнѣ, пожалованныхъ Имъ, знаковъ. А если бы и случилось, что Онъ обратилъ бы на это Свое вниманіе и почувствовалъ что либо, то не бѣда и провиниться въ подобномъ дѣлѣ предъ Самимъ Государемъ. Да этого и быть не можетъ... *Сердце Царево въ Руцѣ Божіей*... а потому и милости Его Царскія суть милости Божіи. Речено: «*воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови*; но это, вѣдь, не значитъ, что между *Кесаревымъ* и *Божіимъ* должна находиться «*пропасть велика*», не дающая и самой возможности совмѣщенія и даже мысли о послѣднемъ... Напротивъ—и служеніе, и воздаяніе *Кесареви* должны быть приносимы въ жертву служенія и воздаянія *Богови*... Не даромъ же самыя награды Царскія—ордена́ введены у насъ не въ видѣ только медалей, или какихъ либо другихъ фигурныхъ знаковъ, хотя бы и разукрашенныхъ драгоцѣнными камнями, а всѣ они суть кресты и съ изображеніями Святыхъ, именами коихъ они и называются... Эти наши Русскіе Православные орденскіе кресты и надѣ-

вать-то слѣдуетъ не иначе, какъ перекрестившись и поцѣловавши, какъ святой крестъ и святую икону. Вѣдь, это-то кресты орденскіе, когда иподіаконы облачаютъ насъ—Архіереевъ среди церкви, они вмѣстѣ съ панагіею и наперснымъ крестомъ, какъ всякій видитъ, подаютъ намъ каждый орденъ отдѣльно для цѣлованія съ крестнымъ знаменіемъ и потомъ уже надѣваютъ (1). Другое дѣло—кресты иностранные, изъ которыхъ иные и названія-то имѣютъ какія-то крайне нелѣпыя, ни съ чѣмъ не суразныя, напр. орденъ «*подвязки*» и даже, если не ошибаюсь, орденъ «*бани*»... Орденъ-то *подвязки* я и не знаю, какъ носятъ, на шеѣ ли, или пониже колѣнки. . да и вообще ни отъ кого не слыхалъ,—какой формы оба эти орденá и чтó на нихъ изображено. Сказать-то по правдѣ, я не понимаю и того, когда и отъ чего наши Русскіе Православные первостепенные орденскіе кресты лица военныя и свѣтскія носятъ на лентѣ чрезъ плечо, а самый-то крестъ спускаютъ ниже пояса къ самому бедру.... Истинно говорю,—рѣшительно я не могу объяснить себѣ этого обычая и даже, какъ очевидно, узаконеннаго установленія.—При этихъ словахъ началъ было Аскоченскій что-то высказывать въ родѣ своего обычнаго краснаго словца, но Владыка тутъ же самымъ серьезнымъ образомъ остановилъ его... и продолжалъ: «мнѣ кажется, да и всякому, думаю, такъ представляется,—что подобало бы носить первостепенные орденскіе кресты такъ, чтобы самый бантъ на концѣ ленты, надѣтой черезъ плечо, и, на этомъ бантѣ прикрѣпленный, орденскій крестъ приходились прямо къ срединѣ груди... Тогда было бы самое подобающее мѣсто для св. креста съ иконнымъ изображеніемъ, и самый бантъ и вся лента получили бы лучшій видъ, и всякій первостепенный орденскій крестъ соединялся

---

(1) Таково было, дѣйствительно, прежнее церковное и правительственное законное установленіе, о чемъ и въ Высочайшихъ Грамматахъ и Рескриптахъ всегда выражалось это въ такихъ буквальныхъ словахъ. «Препровождаемые при семъ, знаки Ордена (такого-то) повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить *по установленію*». Но въ недавнее время (въ 1885 г.) это прежнее установленіе о надѣваніи орденовъ при Богослуженіи Высочайшимъ повелѣніемъ отмѣнено.

бы на груди со всѣми другими меньшестепенными. Да и эти кресты (послѣдніе), я твердо помню, носили прежде не такъ, чтобы подтягивать ихъ на шеѣ подъ самое горло къ самому галстуку..., а спускали ленту отъ шеи не менѣе на четверть,—да и духовныя лица носили ордена такъ же, а не по нынѣшнему, опуская ихъ уже слишкомъ низко. Да ты, Иванъ Михайлычъ, я думаю, тоже помнишь это»...

«А еще:—заговорилъ Владыка,—я не знаю хорошенько и того, съ какой именно поры и на какомъ основаніи сперва нѣкоторые Архіереи, а нынѣ уже всѣ вообще стали носить ордена́, и собственно высше-степенные—Анны 1-й степени, Владиміра 2-й степени и др. при Богослуженіи не иначе, какъ надѣвая ихъ сверхъ омофора, а панагію и крестъ архіерейскіе надѣваютъ на шею подъ омофоромъ; тогда какъ послѣдніе должны надѣваться послѣ орденовъ, т. е. поверхъ ихъ... Если же орденъ высшій, а иногда и два, надѣваются сверхъ омофора, то, тѣмъ паче, слѣдовало бы надѣвать сверхъ омофора и сверхъ орденовъ и панагію и крестъ, у которыхъ, не даромъ, и цѣпочки всегда дѣлаются весьма длинныя.—А какъ послѣднее не дѣлается, то, значитъ, нѣтъ никакого основанія и навѣшивать ленты орденскія сверхъ омофора, который собственно и составляетъ самую существенную принадлежность и выражаетъ все значеніе высшаго сана Святительскаго. Къ тому же, что́ особенно бросается въ глаза всякому, когда предъ чтеніемъ Апостола снимается съ Архіерея омофоръ, тогда и бывшая распущенная на немъ во всю длину орденская лента подтягивается на шеѣ же въ уровень съ панагіею и крестомъ. Да, что́ ни говорить, а это представляется просто на просто *вычурою* и больно-больно не статною... Справедливѣе допустить то́, что́ вы (было указаніе на меня и Намѣстника) Архимандриты и ты Иванъ Михайлычъ, имѣющіе ордена́ Анны 2-й ст. и Владиміра 3-й ст., имѣете право надѣвать ихъ, равно какъ и кресты наперсные, распуская ленты и цѣпочки поверхъ ризы, такъ какъ и Архіереи надѣваютъ поверхъ саккоса, который есть тоже самое по значенію своему, какъ и риза священническая, называемая по церковному — фелонь; всѣ древніе Архіереи, какъ и наши Русскіе облачались въ фелони же, что́ и видитъ всякій на

св. Иконахъ.—Да и нынѣ всякій Архіерей не сдѣлалъ бы никакого преступленія ни противъ каноническихъ правилъ, ни противъ государственнаго законоположенія, если бы онъ облачился въ фелонь, вмѣсто саккоса, и на фелонь же возложилъ омофоръ. О Митрополитѣ Платонѣ Московскомъ есть вѣрное сказаніе, что онъ служивалъ иногда Литургію въ домовой церкви именно въ фелони съ омофоромъ (1), а также достовѣрно и то́, что онъ служивалъ даже одинъ просто по священнически въ фелони, но только не надѣвалъ уже при этомъ омофора.—А, наконецъ, ужъ если говорить, такъ лучше договаривать все .. а именно. Нѣкоторые изъ нашей братіи – Святителей, ужъ больно чрезчуръ, любятъ носить ордена́, такъ что не совершаютъ безъ нихъ ни одного Богослуженія, не исключая даже и великихъ послѣднихъ дней страстной седмицы—какъ наприм. и въ великій четвертокъ, нѣкоторые и на совершеніе даже «*умовеніе ногъ*», выходятъ въ орденахъ же, которые, при словахъ Протодіакона изъ св. Евангелія—«*Воставъ* (Іисусъ) *отъ вечери и положи ризы Своя*», снимаютъ и кладутъ ордена́ вмѣстѣ съ прочими облаченіями... Здѣсь-то уже, рѣшительно, верхъ всякой нестатности, такъ какъ Архіерей представляетъ здѣсь Господа Спасителя, пріемшаго зракъ и самое дѣло раба. Мнѣ всегда думалось такъ, что должно бы сдѣлать положительное законное церковное и государственное постановленіе,—когда именно подобаетъ совершать Богослуженіе Архіереямъ и прочимъ священнослужителямъ съ возложеніемъ орденскихъ крестовъ. И, по моему, постановить бы такъ: возлагать ихъ 1) во всѣ великіе, такъ называемые, двунадесятые праздники и во всѣ, мѣстно совершаемыя, церковныя празднества, а, всего непремѣннѣе, въ день Св Пасхи и день Рождества Христова, такъ какъ въ эти послѣдніе дни и всѣ свѣтскіе—гражданскіе и военные тоже обязательно являются въ полной формѣ и во всѣхъ

(1) Здѣсь въ Казани, какъ достовѣрный фактъ, передаютъ то́, что бывшій (1856—1866 г.) Казанскій Архіепископъ Аѳанасій однажды служилъ Литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ въ фелони, именно принадлежавшей самому св. Гурію и хранящейся до сего времени въ особомъ стекляномъ футлярѣ, находящемся при самой его св. ракѣ.

орденахъ. 2) Во всѣ высокоторжественные Царскіе дни; 3) при всѣхъ торжественныхъ крестныхъ ходахъ; 4) при всѣхъ встрѣчахъ Августѣйшихъ лицъ, 5) во всѣ кавалерственные дни, смотря по тому, кто какой имѣетъ орденъ (1). При всѣхъ этихъ Богослуженіяхъ, дѣйствительно, выражалось бы во всей полнотѣ какъ значеніе самыхъ Орденовъ нашихъ Православно-Русскихъ, какъ изображеній священныхъ, такъ и самое совмѣщеніе воздаянія, *яже Кесареви—Кесареви, и яже Божія—Богови*, такъ какъ и читается на всѣхъ Царскихъ молебнахъ и Св. Евангеліе именно объ этомъ, а равно и въ Апостольскомъ чтеніи слышатъ всѣ единую нераздѣльную святую заповѣдь,—*творити молитвы, моленія, прошенія и благодаренія за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть*,—во власти ли церковно-духовной, или во власти государственно - общественной,—*сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ*. Да и вообще св. Церковь освящаетъ равно всѣ власти и значеніе ихъ, что̀ видитъ всякій особенно наприм. на Великомъ Выходѣ, гдѣ возглашается: *Да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ:* Благочестивѣйшаго Го-

---

(1) Самъ Владыка, говорилъ высокопр. Антоній, дѣйствительно, рѣдко надѣвалъ Ордена̀ и держался, какъ видно, такого распредѣленія, которое теперь было имъ высказано. Онъ и Докторскій крестъ надѣвалъ рѣдко и, замѣтно было, съ особеннымъ значеніемъ. Если въ послѣднее время (въ 1885 г.) совершенно отмѣнено надѣваніе Орденовъ при Богослуженіи, то, высказываемыя за *тридцать* лѣтъ предъ симъ, мысли высокопр Филарета, во всякомъ случаѣ, нельзя не признавать вполнѣ основательными и потребными для ихъ осуществленія въ тогдашнее время на самомъ дѣлѣ... Основательность ихъ представляется особенно раціональною и вѣскою по самой *идеѣ совмѣщенія* служенія и воздаянія, *яже Кесареви—Кесареви* и *яже Божія—Богови*.., при которомъ (совмѣщеній) первое, очевидно, получаетъ отъ втораго силу и значеніе освященія. Равно потребность осуществленія мыслей и самого распредѣленія во времени и въ образѣ надѣванія орденовъ при Богослуженіи, высказываемыхъ высокопр. Филаретомъ, если вызывалась и тогда само собою, то, тѣмъ болѣе, для послѣдующихъ временъ, въ которыя, дѣйствительно, постепенно развивались и до крайности усилились любовь и манера, кстати и не кстати, надѣвать ордена̀ такъ, что даже и ордена̀ низшихъ степеній напр орд. 3-й ст. Анны, обыкновенно носимый на рясѣ на петлицѣ, лица духовныя при Богослуженіи надѣвали на шею.

сударя и Государыню и Наслѣдника Цесаревича и весь Царствующій Домъ, и Святѣйшій Правительствующій Синодъ и всѣхъ Православныхъ Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ и Архимандритовъ, и Протоіереевъ, и Іереевъ и весь причетъ церковный, а нераздѣльно и Правительствующій Синклитъ, и Военачальниковъ, Градоначальниковъ и всѣхъ, *иже во власти суть*, и Христолюбивое воинство и, всѣхъ до единаго, Православныхъ христіанъ».

«Такъ, вотъ, примолвилъ Владыка, какія бывали, по временамъ, у меня желательныя мысли относительно значенія и употребленія орденскихъ крестовъ нашихъ Православно-Русскихъ. А что́ касается до драгоцѣнныхъ украшеній этихъ орденскихъ крестовъ, то это есть собственно благоволеніе Государя Императора,—и, всеконечно, выражаемое во Имя Того, въ *Руцѣ Коего сердце Царево* и отъ Котораго *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше исходяй* на пользу и благоуспѣніе духовное во спасеніе,—какъ и благоизволилъ Благочестивѣйшій Государь выразить это въ Всемилостивѣйшемъ ко мнѣ грѣшному, недостойному Своемъ Рескриптѣ, а именно,—«дабы я *и въ послѣдней маститой моей старости одушевляясь тѣми же священными чувствами, какими* сподобилъ меня Господь *руководиться въ продолженіе всего моего поприща служенія,—пріобрѣталъ свыше новыя силы въ духовныхъ подвигахъ не угасимой ревности по Бозѣ* (1). А потому-то, чтобы сподобиться до послѣднихъ дней моей жизни, благожелаемаго Государемъ, воодушевленія священными чувствами и укрѣпленія, *свыше даруемыми*, новыми силами для духовныхъ и служебныхъ подвиговъ, я и желаю самые-то драгоцѣнные знаки сего Государева благоволенія принести Тому, Кто *есть дѣйствуяй въ насъ, еже хотѣти и дѣяти во благоволеніи*.

«Такъ-то, еще повторяю тебѣ, о. Намѣстникъ, сказалъ Владыка,—постараемся исполнить это святое желаніе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я и прежде вседушевно радовался, когда сподобился исполнить свое желаніе—принести въ даръ къ Чудотворной

(1) Эти слова буквально выражены въ Высочайшемъ Рескриптѣ.

Иконѣ Успенія Пречистой Богородицы брилліантовый крестъ, пожалованный мнѣ на клобукъ при возведеніи меня въ санъ Митрополита Кіевскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ находился тутъ на вѣки, и отнюдь не былъ положенъ на храненіе въ Лаврской ризницѣ. Да это самое приношеніе я возжелалъ въ свое время (1) сдѣлать именно въ тѣхъ чувствахъ, чтобы Сама Пресвятая Царица Небесная пріяла сей даръ не яко отъ меня токмо, но и отъ Пожаловавшаго его мнѣ—Блаженной памяти Государя Николая Павловича, который, сколько я знаю, глубочайше свято чтилъ эту Святую Чудотворную Икону, равно какъ и Государь нынѣшній и Государыня, хотя Она и не зрѣла ее еще ни разу. Отъ того-то Они и пламенѣютъ теперь желаніемъ, чтобы, при первой возможности, прибыть на поклоненіе сей Святынѣ и всѣмъ Угодникамъ Кіево-Печерскимъ,—о чемъ и я имѣлъ дерзновеніе выразить предъ Ихъ Величествами вседушевное молитвенное мое благожеланіе въ моихъ двухъ письмахъ, отдѣльно—и Государю и Государынѣ, и самъ,—теперь удостоился отраднѣйшаго утѣшенія, что, хотя бы и чрезъ годъ, буду лицезрѣть Ихъ Порфироносныхъ, но смиренно благовѣйныхъ Поклонниковъ древнѣйшимъ Святынямъ града Кіева, наименованнаго и Самимъ Государемъ *Іерусалимомъ земли Русской* (2). И я, отъ сего времени, буду немолчно, и предлагаю и завѣщеваю и вамъ всѣмъ, отцы и братія, *единѣми усты и единѣмъ сердцемъ глаголати и воспѣвати* избранные Псалмы Царя-Пророка о всѣхъ Царяхъ-Помазанникахъ Господнихъ, которые Сама Св. Церковь, по особенному глубокому знаменованію, установила въ чинопослѣдованіи читать ежедневно и въ самомъ началѣ утренняго Богослуженія (3). И, тутъ же, Владыка самъ повторилъ, такъ называемымъ, речитативомъ всѣ тѣ стихи изъ этихъ Псалмовъ, которые, по содержанію и

---

(1) Это пожертвованіе брилліантоваго креста сдѣлано было высокопреосв. Филаретомъ не позже 1851 г., такъ какъ объ немъ сказано уже было въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ 17-го Ноября 1851 г.

(2) Это наименованіе буквальное въ Высочайшемъ Рескриптѣ Государя Императора отъ 21-го Августа 1856 г.

(3) Это—псалмы 19 и 20.

значенію своему, ближайшимъ и точнѣйшимъ образомъ выражали и его собственныя чувствованія и относились къ предмету его рѣчи, именно о желаніи и непремѣнномъ намѣреніи Ихъ Величествъ посѣтить Кіевъ,—совмѣстно же и объ Ихъ, недавно бывшемъ, пожертвованіи драгоцѣнной лампады къ ракѣ св. Князя Владиміра. Владыка такъ и началъ именно со стиха: «*Помянетъ всяку жертву Твою*... и далѣе: «*Дастъ Ти Господь по сердцу Твоему и вѣсь совѣтъ Твой исполнитъ*... *Услышитъ Его Господь съ небесе святаго Своего. Яко предварилъ еси, Господи, Его благословеніемъ благостыннымъ и положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камене честна*... *Яко даси Ему благословеніе во вѣкъ вѣка и везвеселиши Его радостію съ лицемъ Твоимъ*... *Яко Царь уповаетъ на Господа и милостію Вышняго не подвижится*... *Да обрящется Рука Твоя, Господи, всѣмъ врагомъ Его*... *И иже уклониша на Него злая и помыслиша совѣты на Него, да не возмогутъ составити*... *И да будетъ велія слава Его спасеніемъ Твоимъ*... *Силою Твоею да возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло*... *О Господи! Спаси Царя и услыши ны, въ онь же аще день призовемъ Тя*»... Всѣ эти стихи,—говорилъ высокопр. Антоній,—отъ части перифразированные, были полураспѣвомъ произнесены Владыкою, (а нами—присутствовавшими въ полголоса подпѣваемы), какъ бы скомпозитированные имъ экспромптомъ, но, оказалось, они составляли для него постоянную его собственно-личную молитву (1).

---

(1) Молитва эта, говорилъ преосв. Антоній, по свидѣтельству келейныхъ, слышалась весьма часто въ устахъ Владыки въ полголоса или, какъ говорится, про себя при всякихъ его глубокихъ раздумьяхъ и воздыханіяхъ сердечныхъ. И это было собственно въ самые послѣдніе годы, именно во все время Крымской войны. А это доказывается тѣмъ достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніемъ, что Владыка, дѣйствительно, (какъ это и указано мною въ послѣднихъ дняхъ его жизни) въ продолженіе Крымской войны принялъ на себя особенный подвигъ—ежедневно пріобщаться Св. Христовыхъ Таинъ. Въ буквальномъ изложеніи объ этомъ въ «*послѣднихъ дняхъ*» сказано. «Побужденіемъ къ принятію на себя этого подвига была его ревность,—чтобы въ тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ усилить свои молитвы за Царя и Отечество; за тѣмъ

«Вмѣстѣ съ послѣдними словами: «*Господи, спаси Царя и услыши ны, въ онь же аще день призовемъ Тя*,— Владыка всталъ и благословилъ всѣмъ, приготовленные уже, бокалы и, за возглашеніемъ заздравицы Государю и Государынѣ и Чадамъ Ихъ и всему Царствующему Дому, самъ же первый запѣлъ, дрожащимъ отъ умиленія съ показавшимися въ очахъ его слезами, старческимъ голосомъ: «многая лѣта». Наконецъ, тутъ же за столомъ, Владыка приказалъ подать Высочайшій Рескриптъ, въ которомъ Государь изволилъ выразить Свое твердое намѣреніе и обѣщаніе совершить вмѣстѣ съ Государынею путешествіе въ будущемъ 1857-мъ году.—По прочтеніи этого Рескрипта о. Іоанномъ-Намѣстникомъ въ слухъ всѣхъ, Владыка сказалъ: «Да вотъ, Господь даруетъ мнѣ еще прожить годокъ, чтобы дождаться лицезрѣнія Дражайшихъ Царственныхъ Гостей; а иначе пора—пора до вѣчнаго двора... За-то когда ужъ я наслаждусь этимъ лицезрѣніемъ, тогда уже никто и ничто не удержитъ меня на землѣ... Обаче буди во всемъ вселагая воля Господня, Ей же и сами себе, и другъ дру́га, и весь животъ нашъ предадимъ.—На сію-то вселагую Волю Господню я и уповаю, что доживу до обѣщаннаго посѣщенія Ихъ Величествъ».

«Такое упованіе, читаемъ въ «Послѣднихъ дняхъ жизни высокопр. Филарета»,—дѣйствительно по слову Апостола, *не посрамило его*, но оправдалось во всей полнотѣ, соотвѣтственно его чувствованіямъ и ожиданіямъ. — Правда, новый 1857-й годъ Владыка встрѣтилъ на болѣзненномъ одрѣ, и, чаще прежняго, повторялъ, что этотъ годъ, вѣрно, уже послѣдній для него. Недуги его, въ самомъ дѣлѣ, чаще повторялись и силы все болѣе и болѣе ослабѣвали. Не чувствовалъ онъ, обычнаго прежде, оживленія ихъ и въ Голосѣевой Пустыни весною и лѣтомъ. Рѣдко могъ совершать тамъ и прежнія прогулки; все казалось ему, что проводитъ тамъ послѣднее лѣто, и говорилъ, что души его уже не занимаетъ ничто и въ этомъ, столь любимомъ,

---

это сдѣлалось необходимою духовною потребностію его до самыхъ послѣднихъ дней и часовъ его жизни». Смотр. Послѣдніе дни. стр. 57.

мѣстѣ. Сильно озабочивала его только мысль объ обѣщанномъ въ семъ году посѣщеніи Кіева Ихъ Императорскими Величествами, и онъ высказывалъ живѣйшее желаніе дожить до этого времени и принять, какъ можно лучше, вожделѣнныхъ Гостей. Желаніе это исполнилось. Съ какимъ нетерпѣніемъ и заботливостію онъ ожидалъ Царственныхъ Поклонниковъ, съ такою же, потомъ, радостію и пламеннымъ усердіемъ встрѣтилъ Ихъ, и, съ удивительною по лѣтамъ его и состоянію здоровья, бодростію и неутомимостію руководилъ по святымъ мѣстамъ Лавры и Кіева. А по отбытіи Высочайшихъ Гостей, долго самымъ пріятнѣйшимъ предметомъ бесѣдъ его было воспоминаніе о Нихъ. Съ живѣйшимъ восторгомъ всегда говорилъ онъ о глубокомъ благочестіи Царственныхъ Богомольцевъ, какое явили Они во время пребыванія въ Кіевѣ, и радовалась душа его при мысли,—какой прекрасный примѣръ въ этомъ поданъ Ими всей Православной Руси, и какъ благословлять будетъ Ихъ за сіе благочестивый народъ Русскій. Утѣшался онъ и мыслію о чрезвычайной благости и вниманіи, какихъ удостоивался самъ онъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. «Больно хотѣлось, говорилъ онъ, непремѣнно дождаться и видѣть въ Кіевѣ Ихъ Величества, и, вотъ, это исполнилось».

Какъ же это и когда именно исполнилось,—объ этомъ и будетъ наша рѣчь.

«Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили благополучно прибыть въ Кіевъ 3-го числа Октября—въ четвергъ, въ 3½ часа по полудни, и, немедленно же, прибыли въ Лавру на поклоненіе Святынямъ, находящимся въ Великой Церкви и, во главѣ ихъ,—св. Чудотворной Иконѣ Успенія Божіей Матери. Это немедленное же посѣщеніе сдѣлано было, какъ говорили тогда за достовѣрное, потому, что Государыня Императрица во весь этотъ день не вкушала ничего въ дорогѣ и желала, впервые еще въ Ея жизни, поклониться и облобызать Святыни непремѣнно въ состояніи говѣнія... Торжественную встрѣчу Ихъ Величествъ совершилъ самъ высокопр. Владыка Филаретъ; онъ же, по обычаю, подводилъ Ихъ къ каждой Святынѣ. При поклоненіи Ихъ Величествъ предъ ракою Св. В. К. Владиміра, онъ сказалъ тѣ же самыя слова, что́ и Великому Князю Михаилу Ни-

колаевичу, именно,— что Ихъ священный даръ—лампада будетъ неугасимою навсегда. Ихъ Величества, по выходѣ изъ Великой Церкви, Сами изволили выразить желаніе посѣтить высокопр. Филарета, хотя только на самое краткое время,— гдѣ Государь изволилъ ему высказать,—сколько Они намѣрены пробыть въ Кіевѣ и когда и гдѣ быть; Государыня же изволила выразить желаніе—быть вмѣстѣ съ Государемъ же 5-го числа—въ Субботу—въ Пещерахъ, для поклоненія святымъ мощамъ, а предварительно выслушать и раннюю Литургію въ 8-мь часовъ въ одной изъ церквей надъ Пещерами.—Государь изволилъ, между тѣмъ, высказать высокопр. Филарету, чтобы онъ не утруждалъ себя являться для встрѣчи Ихъ въ Софійскомъ Соборѣ и въ Михайловскомъ Монастырѣ; но высокопреосв. Филаретъ, напротивъ, имѣлъ дерзновеніе испросить себѣ соизволеніе на это; — и на слѣдующій день, дѣйствительно, онъ встрѣчалъ Ихъ Величества въ обоихъ храмахъ.—Затѣмъ 5-го числа, въ Субботу въ предназначенное время, высокопреосв. Филаретъ встрѣтивъ Государя и Государыню на паперти, безъ всякой, «по Ихъ личному желанію», оффиціальной церковной церемоніи, сопроводилъ Ихъ въ церковь надъ ближними Пещерами и оставался на Литургіи въ алтарѣ. — Послѣ же Литургіи онъ сопровождалъ Ихъ Величества на всемъ шествіи Ихъ по ближнимъ и дальнимъ Пещерамъ для поклоненія св. Мощамъ Угодниковъ Печерскихъ, произнося самъ въ слухъ Ихъ имя и званіе каждаго Угодника.—На всемъ этомъ шествіи находились при высокопр. Филаретѣ, въ качествѣ прислужниковъ, Архимандритъ Антоній, бывшій тогда Ректоромъ Академіи и Намѣстникъ Лавры—Архимандритъ Іоаннъ, который и совершалъ раннюю Литургію въ присутствіи Ихъ Величествъ.—По окончаніи поклоненія св. Мощамъ Ихъ Величества изволили выразить высокопр. Филарету, что Они теперь же посѣтятъ его въ его келліяхъ.

«Высокопр. Антоній, какъ бывшій непосредственнымъ личнымъ очевидцемъ и участникомъ всего описываемаго, разсказывалъ нѣкоторые частныя подробныя свѣдѣнія, а именно.—«Когда Владыка Филаретъ, провождая Государя и Государыню по св. Пещерамъ, по старческой своей немощи и въ слѣдствіе очевидной усталости, возъимѣлъ нужду въ

помощи въ поддержкѣ его подъ руку, чтобы взойти на возвышенность въ одномъ мѣстѣ въ Пещерахъ, вдругъ обратился ко мнѣ: «ну-ка, чадо Антоніе, пособи мнѣ взойти-то... И, остановясь для передышки, сказалъ предъ Ихъ Величествами: «да, вотъ, старый—что малый... Я его-то нянчилъ самъ, когда онъ былъ еще малюткой;—за то теперь онъ пусть нянчится со мною» (1). Затѣмъ о самомъ посѣ-

(1) Смыслъ этихъ словъ, само собою, былъ понятъ Ихъ Величествами касательно родственныхъ отношеній между Митр. Филаретомъ и Ректоромъ Антоніемъ. Съ другой стороны, и по самому служебному своему положенію, преосв. Антоній имѣлъ счастіе обратить личное на себя благовниманіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Намъ, студентамъ, самимъ привелось,—насколько возможно было,—знать это тогда же.—Такъ, Государыня Императрица изволила изъявить свое желаніе быть въ Братскомъ Академическомъ Соборѣ на Литургіи 6-го Октября (въ воскресенье), что и было Ею объявлено лично бывшему у Нея Ректору Антонію. Но, затѣмъ, мы видѣли сами же, что пріѣзжала въ Ректору одна Фрейлина съ объясненіемъ отъ лица Ея Величества, что желаніе Свое Она находитъ по чему-то неудобоисполнимымъ. Затѣмъ 6-го же числа Ихъ Величества удостоли Ректора (преосв. Антонія) своего принятія; причемъ онъ имѣлъ счастіе поднести отъ Монастыря Икону, а отъ Академіи нѣсколько сочиненій.—Тутъ же, наконецъ, Ихъ Величества изволили объявить ему, что во всякомъ случаѣ завтра, т. е. 7-го числа, Они, на пути при отъѣздѣ изъ Кіева, непремѣнно заѣдутъ въ Братскій Академическій Монастырь,—гдѣ, именно въ Соборѣ,—утромъ 7-го числа Октября и имѣли счастіе всѣ академическія учащія лица быть представлены Ректоромъ Ихъ Величествамъ, равно какъ и всѣ студенты осчастливлены были лицезрѣніемъ Ихъ Величествъ и нѣсколькими словами объ нихъ, обращенными къ Ректору,—именно: «Ея Величество, смотря на насъ—студентовъ, изволила выразить, что изъ числа многихъ нѣкоторые высматриваютъ слишкомъ юными».

При открывшейся вскорѣ за этимъ,—въ Январѣ 1858 г.,—вакансіи викаріатства въ Кіевѣ, по смерти уже и самого Филарета (сконч. 21-го Декабря 1857 г., слѣдовательно чрезъ два мѣсяца съ половиною послѣ посѣщенія Ихъ Величествъ)—Государю Императору благоугодно было собственнолично указать бывшему тогда г. Оберъ Прокурору св. Сѵнода кандидата на викаріатство прямо Ректора Академіи Антонія Объ этомъ тогда же писалъ ему, особо въ частномъ письмѣ, бывшій г. Оберъ-Прокуроръ Графъ А. П. Толстой съ выраженіемъ своей особенной радости. такъ какъ Графъ прекрасно былъ знакомъ съ преосв. Антоніемъ еще ранѣе по Кіеву и особенно глубоко до святости почиталъ и Митроп. Филарета.

щеніи Государемъ и Государынею Владыки Филарета въ его келліяхъ высокопр. Антоній подробно разсказалъ слѣдующее,—что помѣщено мною и въ его біографіи (1). «Ихъ Императорскія Величества, непосредственно послѣ поклоненія св. Мощамъ въ Пещерахъ, благоизволили посѣтить Владыку Филарета за-просто, чтобы откушать чаю въ его покояхъ. Но Владыка Филаретъ предварительно еще приказалъ, чтобы, въ извѣстныя минуты, былъ вынесенъ ему подносъ съ бокалами шампанскаго. Когда же это было исполнено, то Владыка самъ взялъ въ руки подносъ и, обратившись къ Ихъ Величествамъ, сталъ говорить самымъ задушевнымъ старческимъ тономъ. . «Ваши Величества! Сегодня у всѣхъ насъ на святой Руси, а тѣмъ паче у Васъ въ Вашей святой семьѣ, праздникъ... Въ этотъ моментъ Ихъ Величества замѣтно переглянулись... Владыка продолжалъ:—Да, вотъ сегодня день благословеннаго рожденія Вашей возлюбленной Дщери Маріи Александровны... Итакъ, за благословеніемъ Господнимъ,—(Владыка сдѣлалъ обращеніе къ св. иконамъ) благоволите Ваши Величества принять всерадостнѣйшее поздравленіе и выкушать за здоровье Виновницы нынѣшняго празднества въ чувствахъ Вашей благочестивородительской радости о Вашей единственной Дщери!..» Принявъ бокалъ, Государыня Императрица держа одною рукою свой бокалъ, другою изволила перенять изъ рукъ Владыки самый подносъ, и обратила къ нему самому третій бокалъ и сказала: «примите же и вы, преосвященный Владыка, участіе въ нашей радости»! Владыка съ преклоненіемъ принявъ въ руки бокалъ, возгласилъ тостъ; затѣмъ продолжалъ: «да, вотъ теперь Ея Высочество еще больно махонькая у Васъ (2); но за то, вѣдь, въ этихъ-то годахъ и дороги дѣтки сердцу родительскому, особливо материнскому... А какъ она у Вашихъ Величествъ единственная дочка, то, и тѣмъ болѣе, Вы конечно радуетесь не на-

(1) Томъ II. стр. 428, 429 и 430.

(2) Ея Императорское Высочество В. К Марія Александровна родилась 5 Октября 1853 г., слѣдов. Ей исполнилось въ этотъ день только еще четыре года.

радуетесь, глядя на нее... А вотъ дай-ко Богъ Вамъ вырастить ее и потомъ еще болѣе порадоваться, когда Господь пошлетъ хорошаго добраго женишка». Второй тостъ предложилъ Владыка за Ихъ Величества... и тутъ же сказалъ: «Вотъ истинно слава, хвала и благодареніе Господу, что я таки дождался, чтобы удостоиться здѣсь лицезрѣнія Вашего здѣсь на землѣ... да иначе я и не хотѣлъ умереть безъ этого счастія». . Государь Императоръ изволилъ напомянуть Владыкѣ, что дѣйствительно онъ писалъ прежде еще въ прошедшемъ году о своемъ намѣреніи быть въ Кіевѣ,—и что отложено было это до нынѣшняго, и что Онъ радъ, что это, наконецъ, исполнилось по молитвамъ Владыки...—Съ этими словами Государь Императоръ изволилъ выразить, съ новымъ тостомъ за здоровье Владыки, свои желанія и надежды, чтобы и еще скоро же увидѣть его... Государыня же Императрица изволила присовокупить, что у Нея, дѣйствительно, есть желаніе пріѣхать въ Кіевъ весной и со всѣми дѣтьми на слѣдующій же годъ... Владыка Филаретъ, благоговѣйно преклонясь предъ Ихъ Величествами и воззрѣвши на св. иконы, сказалъ: «Нѣтъ ужъ довольно и этой преизбыточествующей милости Божіей, что я сподобился дожить и до настоящаго счастія. Пожить въ Кіевѣ подольше и помолиться съ Вашими дѣтками, обратился онъ Государынѣ Императрицѣ,—дай Господи Вамъ въ будущее, или иное лѣто; нужно только бы для этого имѣть здѣсь собственно Императорскій Дворецъ;—а воля и желаніе Ваши, хотя и царственныя, да подчинятся волѣ Царицы Небесной... Проводивши Васъ, я уже одно и одно долженъ буду сугубо твердить себѣ: «*Нынѣ отпущаеши Владыко съ миромъ*»...—Когда же еще въ послѣдній разъ Ихъ Величества удостоили своимъ посѣщеніемъ Владыку Филарета и когда онъ сталъ провожать Ихъ изъ своихъ покоевъ,—то предъ самымъ выходомъ, почти предъ порогомъ, вдругъ остановилъ Ихъ словами: «Ваши Величества! Еще и еще разочекъ дайте мнѣ взглянуть на Васъ и въ эти минуты заструились слезы по сѣдинамъ его... Государыня Императрица изволила сказать: «Я буду стараться писать вамъ часто... только вы будьте здоровы»...

И, дѣйствительно, Государыня Императрица въ Рескриптѣ Своемъ, изъ Царскаго Села, отъ 30-го того же

Октября,—изволила писать Митроп. Филарету такъ: «Приношу сердечную благодарность вашему Преосвященству за икону Пресвятой Богоматери. Этотъ вѣрный списокъ съ чудотворнаго Лика, составляющаго одну изъ древнѣйшихъ святынь Кіева, послужитъ Мнѣ живымъ воспоминаніемъ краткаго пребыванія Моего въ древнемъ градѣ, посѣщеніе котораго, столь обильное глубокими ощущеніями, доставило Мнѣ такъ много душевной отрады.

«Съ прискорбіемъ узнала Я о болѣзни, постигшей васъ вскорѣ послѣ Нашего отъѣзда: надѣюсь, что кратковременный недугъ не будетъ имѣть послѣдствій, и молю Бога, да сохранитъ Онъ дни ваши, украшенные столь многолѣтними заслугами.

«Поручая всѣхъ Насъ усерднымъ вашимъ молитвамъ, пребываю навсегда искренно вамъ доброжелательная

«Марія».

«Въ это же почти время,—говорится въ дневникѣ о. Памѣстника, какъ Владыка имѣлъ утѣшеніе получить Рескриптъ Государыни Императрицы, было прислано письмо отъ Татьяны Борисовны Потемкиной къ духовнику ея—Лаврскому Іеросхимонаху Антонію, въ которомъ, между прочимъ, она пишетъ: «Государыня Императрица осталась очень довольна своей поѣздкой въ Кіевъ и много мнѣ говорила объ удовольствіи Своемъ, что познакомилась съ Митрополитомъ». — Въ это же время Фрейлина Тат. Алекс. Муханова изъ Москвы писала къ Владыкѣ: «Нынѣшній разъ лично я удостоилась слышать отъ Государыни Императрицы слѣдующія изреченія, сказанныя Ею съ пріятнымъ выраженіемъ: «Во время краткаго пребыванія Нашего въ Кіевѣ, какъ погода благопріятствовала и съ какимъ радушіемъ насъ приняли!!. Преосвященный Митрополитъ былъ *«трогателенъ»*,—а Государь Императоръ прибавилъ: *«и по своимъ лѣтамъ, удивителенъ, а вообще поучителенъ»* (1).

«Далѣе, читаемъ въ «послѣднихъ дняхъ», 1-го Декабря, въ день Ангела Владыки Филарета, прислана была телеграмма отъ Государыни Императрицы съ поздравленіемъ и вопросомъ о состояніи его здоровья. Наконецъ, когда бо-

(1) Дневникъ 1857 г. 8-го Ноября стран. 23.

лѣзнь его сдѣлалась явственно предсмертною и когда стало извѣстно объ этомъ Ихъ Величествамъ, то Имъ угодно было повелѣть, чтобы на телеграфной станціи въ Кіевѣ ежедневно были получаемы свѣдѣнія о ходѣ болѣзни и ежедневно же были доставляемы депеши въ кабинетъ Его Величества». И когда съ этого времени, со дня на день, болѣзненное состояніе Владыки Филарета усиливалось и, въ предпослѣдніе дни, сталъ посѣщать его ежедневно самъ Г. Генералъ-Губернаторъ Князь Васильчиковъ, чтобы лично узнавать о ходѣ болѣзни и доставлять отъ своего имени депеши въ Кабинетъ Его Величества,—то Владыка самъ продиктовалъ ему одну депешу въ такихъ словахъ: «надежды нѣтъ никакой, и болящій готовъ къ смерти и умретъ съ пламеннѣйшею молитвою въ душѣ о Благочестивѣйшемъ Государѣ, Государынѣ и о всемъ Августѣйшемъ Ихъ Домѣ и по смерти будетъ молиться о Нихъ».

Всѣ, доселѣ изложенныя, истинно умилительныя для сердца всякаго, свѣдѣнія о столь великомъ благовниманіи и, справедливо сказать, истинномъ благорасположеніи Государя и Государыни къ достойно заслужившему это въ Бозѣ почившему Первосвятителю, а равно и о его столько пламенной и безпредѣльной любви и всепреданности Имъ, закончимъ словами одной изъ надгробной рѣчи: «Твое, незабвенный Архипастырь нашъ, благочестіе преимущественно обращало и на градъ нашъ особенное благовниманіе самихъ Вѣнценосцевъ, столь явственно для всѣхъ выразившееся и въ недавнемъ посѣщеніи Ими града и въ личныхъ отношеніяхъ Ихъ къ Тебѣ. — И, вотъ, хотя Ты отъ маститой преутружденной старости и спутниковъ ея—недуговъ, посѣщавшихъ Тебя не рѣдко сильно, начиналъ видимо склоняться ко гробу, но мы надѣялись, что вожделѣннѣйшее для всѣхъ, особенно для Тебя, всегда любившаго безпредѣльною любовію Царственный Домъ, недавнее посѣщеніе Ихъ Величествъ укрѣпитъ Тебя еще на долго... И, казалось, Ты укрѣпился и обновился юностію орлею... Но, увы! это были послѣднія ярко - вспыхнувшія искры жизненныхъ силъ Твоихъ!»... (1).

(1) Надгробная рѣчь, сказан Каѳедр. Прот. Ив. Мих. Скворцовымъ

По порядку времени и по содержанію повѣствованія намъ слѣдовало бы теперь же начать рѣчь о послѣднихъ дняхъ жизни, о блаженной кончинѣ и погребеніи въ Бозѣ почившаго; но мы не желаемъ допустить въ нашемъ повѣствованіи пробѣла, не представивши еще нѣкоторыхъ, имѣющихся у насъ, біографическихъ данныхъ. Это — во первыхъ объ отношеніяхъ, въ какихъ находился высокопр. Филаретъ къ Іерархическимъ лицамъ Православнаго Востока,— и послѣдніе взаимно къ нему, хотя эти свѣдѣнія,— о чемъ мы напередъ должны сказать,—представлены будутъ весьма кратко; и во вторыхъ тѣ данныя, содержаніе которыхъ составляютъ сказанія и записи (по преимуществу въ дневникѣ о. Намѣстника) о разныхъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ высокопр. Филарета, которыя не могли войдти въ цѣлостное повѣствованіе по ихъ разнообразному содержанію и по тому, что онѣ проявлялись и выражались отрывочно по поводу разныхъ случаевъ и въ видѣ, такъ называемыхъ, афоризмовъ; но эти данныя весьма характеристичны и полны глубокаго значенія (1). Изложеніе всего этого будетъ въ сей часъ слѣдующей главѣ; а въ настоящей выскажемъ еще одно свѣдѣніе,—относящееся собственно къ вышеописанному посѣщенію города Кіева Государемъ и Государынею.

Наканунѣ отъѣзда изъ Кіева Ихъ Императорскихъ Величествъ, 6-го числа Октября въ воскресенье, Кіевское Дворянство и представители города имѣли счастіе дать Ихъ Величествамъ балъ, который продолжался до половины перваго часа ночи.—Когда высокопр. Филарету сообщили объ этомъ его приближенные, онъ, по разсказамъ высокопреосв. Антонія, выслушалъ это сообщеніе съ особеннымъ удовольствіемъ и, по этому поводу, разговорился тогда же очень много... «Ну, вотъ и прекрасно и пріятно это слышать!.. Только одно здѣсь не ладно и не вѣрно, какъ вы передаете мнѣ, что-де данъ былъ *балъ*... Нѣтъ, это, по моему, вовсе

(1) Объ изложеніи подобныхъ свѣдѣній нами было уже предуказано въ своемъ мѣстѣ, гдѣ преднамѣчено и самое содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Смотр. стран. 561—562. Впрочемъ предуказываемыя свѣдѣнія, въ большинствѣ, относятся къ предпослѣднимъ днямъ жизни высокопр. Филарета и потому здѣсь умѣстны.

не балъ, какъ понимается обыкновенно это самое названіе и какъ совершаются самые балы и банкеты вообще... Это — Царско-народная радостно-семейная *вечеря* .. гдѣ Царь и Царица являются и какъ Дражайшіе Гости, и какъ Главные Хозяева, и еще болѣе, какъ Отецъ и Мать въ кругу Своихъ чадъ—Своихъ вѣрноподданныхъ и именно такъ, какъ и Св. Церковь молитъ о семъ: «*Сотвори Его—Царя-Отца о чадѣхъ веселящася*» (1), а сами, окружающіе ихъ тутъ, вѣрноподданные должны чувствовать и выражать отъ глубины души тóже, чтò и древніе Израильтяне къ возлюбленному своему Царю Давиду: *сé кости Твоя и плоть Твоя мы есмы* (2).—Да именно такъ... И я когда, бывало, слыхивалъ подробные разсказы отъ лицъ высокихъ, имѣвшихъ счастіе обыкновенно присутствовать на Царскихъ этихъ вечеряхъ, или даже когда прочитывалъ въ газетахъ подробныя описанія, то всегда сердечно чувствовалъ и представлялъ такъ, а не иначе... И, дѣйствительно, по всѣмъ разсказамъ и описаніямъ какъ все происходитъ тутъ именно *по чину и благообразно*, и какъ и Государь и Государыня Своими личными обращеніями ко всѣмъ и ко многимъ въ частности, привѣтливо-ласковыми привлекаютъ сердца всѣхъ и восторгаютъ, и располагаютъ всѣхъ къ взаимному и общему сочувствію, и расположенію, да и самыя-то удовольствія, хотябы танцы, оказываются здѣсь совсѣмъ иными, нежели на другихъ, хотя бы и дворянскихъ и обще-

---

(1) Это буквальное выраженіе въ молитвѣ, читаемой на молебнахъ въ день Восшествія на Престолъ и Коронованія.

(2) 1 книга Паралипоменонъ гл. XI. ст. 1.—Высокопр. Антоній говорилъ, что Владыка-дядя, произнося эти слова, сказалъ: «Какія глубоко-знаменательныя эти изреченія по заключающейся въ нихъ идеѣ объ отношеніяхъ вѣрноподданнаго народа къ Царю... и Царя къ народу. Хорошо бы ты сдѣлалъ, если бы написалъ проповѣдь на Восшествіе на Престолъ, или на Коронацію Государя, взявши тему и все содержаніе изъ этихъ двухъ изреченій. Эта была бы проповѣдь самая глубоко-содержательная по значенію истинъ, до которыхъ не додумаются никакіе историко-политики и публицисты и самые философы; а, между тѣмъ, въ словѣ-то Божіемъ и въ ученіи Церкви какъ эти истины и высоки и глубоки, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, понятны и входятъ прямо въ душу всякаго благомыслящаго, и не велемудрствующаго ..

ственныхъ танцевальныхъ и пиршественныхъ собраніяхъ— или балахъ, гдѣ, подъ часъ, кто какъ и во что гораздъ..., а потому и толковня всякая на всѣ голоса, и плясня чуть не до упаду, и игры картежныя, и угощеніе съ возліяніями и, наконецъ, все это, начатое съ извѣстныхъ часовъ вечера, длится до той поры, когда въ церквахъ Божіихъ не только бываетъ благовѣстъ къ утрени, но и отпустъ послѣдней... А, вотъ, какъ и здѣсь, такъ и всегда всѣ Царскія вечери оканчиваются не позже часа ночи... А наконецъ и то́ самое, какъ вы говорите, что огромнѣйшія и многочисленныя толпы все время окружали домъ и въ средѣ ихъ, то и дѣло, раздавались радостные восторженные клики въ честь Дражайшихъ Гостей, и была иллюминація самая блистательная,—то, право же, не грѣхъ назвать это, въ своемъ родѣ, какъ бы всенощнымъ бдѣніемъ, а, судя по освѣщенію, почти какъ бы пасхальнымъ... и гдѣ, несомнѣнно, были и старъ и младъ, и цѣлыми семьями... да и всѣ будутъ долго - долго толковать о всемъ видѣнномъ во все время пребыванія Ихъ Величествъ въ нашемъ городѣ, такъ какъ тѣже многочисленныя толпы непрестанно и повсюду слѣдовали и бѣгали за Ними, или предупреждали Ихъ прибытіе во всѣхъ мѣстахъ, особливо при посѣщеніи Ими св. храмовъ. И дивно, въ самомъ дѣлѣ, какъ у Нихъ все совершается истинно по Царски и чисто по христіански. Вотъ, и побывавши вчера на праздникѣ ночью, Они уже раннимъ утромъ сегодня изволили прибыть опять въ Храмъ Божій, откуда, напутствованные молитвою, и отправились въ путешествіе... Да и вообще кто не знаетъ по газетнымъ частымъ описаніямъ, какъ у Нихъ всегда и во всемъ строго и точно расчислены и время, и дѣйствія особенно по части напр. парадовъ и смотровъ, и маневровъ военныхъ. Иногда съ самыхъ раннихъ часовъ уже Самъ Государь и другія Царственныя Лица, какъ есть, всѣ на мѣстѣ и бываютъ тамъ по нѣсколько часовъ..., а затѣмъ опять въ тотъ же день читаешь еще о посѣщеніяхъ Ими тѣхъ, или иныхъ мѣстъ и все въ опредѣленный точный срокъ времени... Да, отцы и братія,—не знаю, какъ вы, а я всегда въ подобныхъ случаяхъ говорю самъ себѣ: «о когда бы и мнѣ лѣнивому мо-

наху поревновать и подражать всему этому въ исполненіи своихъ правилъ въ такой же точности и исправности... А напослѣдокъ всего, что́ сказать о томъ состояніи Государей, какое недавно пережито Ими во время послѣдней войны... Если справедливо сколько нибудь сказаніе древне-историческое о «Дамоклесовомъ мечѣ», то, конечно, оно идетъ сюда для опредѣленія этого состоянія; но за то я знаю достовѣрнѣйшее свидѣтельство,—какъ блаженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ не подъ висѣніемъ Дамоклесова меча, а подъ ниспосланнымъ Ему отъ Господа Крестомъ испытанія и страданія, въ концѣ особенно Крымской войны, иногда почти цѣлыя ночи проводилъ въ подвигахъ молитвы, прочитывая, какъ мнѣ передавали за святую правду, почти всѣ акаѳисты; а если Самъ не могъ успѣвать прочитывать ихъ, то заставлялъ по—перемѣнно и даже днемъ прочитывать ихъ въ полголоса, вблизи Его кабинета находившихся при Немъ, любимыхъ Имъ, служакъ-ветерановъ... Да и Сама Государыня Александра Ѳеодоровна и нынѣшняя Марія Александровна тоже неустанно молились, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Своими Царственными руками приготовляли корпію и бинты, чувствуя, все—конечно, при этомъ, какъ истинныя Матери Отечества, всю страшную тяжесть страданій, проливавшихъ кровь, вѣрныхъ сыновъ Россіи на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество... По этому, столь высокому Царственному, примѣру занимались этими же трудами и высшестепенныя придворныя Дамы, — а наконецъ, какъ извѣстно, это же дѣлали и по городамъ почти всѣ барыни. Но, о когда бы эти же самыя барыни возревновали подражать примѣру Царственныхъ Лицъ и въ образѣ веденія себя и всѣхъ дѣйствій и на такъ называемыхъ балахъ, чтобы не увлекаться имъ,—иногда уже и очень не молодымъ и вообще замужнимъ и имѣющимъ дѣтей, плясами и проч., едвали, иногда, не болѣе и не хуже самыхъ дѣтей и, такимъ образомъ, не подавать примѣра послѣднимъ... Да и господамъ - то барамъ мужьямъ и отцамъ, инымъ уже сѣдымъ и беззубымъ..., охъ! пора бы пора тоже перестать *примѣтатися* въ домахъ и бальныхъ, и клубныхъ и не коротать своихъ старческихъ

дней ночными и заполночными тамъ засиживаньями и пр. Иначе же остается на ихъ долю только горькая пословица: «каковъ отъ колыбелки, таковъ и въ могилку»... Охма! охма! А, вѣдь, хоть стыдно сказать, но и грѣхъ утаить правды предъ собою,... что и мы - то *иночествующіе* не рѣдко тоже коротаемъ, только *инымъ* образомъ, дни житія нашего... *Женихъ же сѐ грядетъ въ полунощи... и... блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же, его же обрящетъ унывающа*»... — Послѣ этой, видимо, законченной уже совсѣмъ рѣчи Владыки, Аскоченскій сказалъ: «Ваше В—ство я знаю за подлинное, что Государыня Императрица не изволила вчера танцовать». Владыка умиленно перекрестился и сказалъ: «Ну, вотъ, этой-то еще радости мнѣ только и недоставало... Ты, вѣдь, помнишь,— (было обращеніе къ Намѣстнику), что̀ я тебѣ говорилъ»... (Въ дневникѣ о. Намѣстника дѣйствительно значится подъ 21-мъ Сентября стр. 22): «Взглядъ Владыки на балъ, предназначенный Государынѣ (какъ въ первый еще разъ явившейся въ Кіевѣ—Гостьѣ): «Владыка говорилъ: «Государыня ѣдетъ Богу молиться, а они (т. е. предназначающіе балъ) хотятъ развлекать ее... Я или самъ рѣшусь, или попрошу, кого нужно, доложить Ей и просить Ее, чтобы Она не танцовала». — Такъ вотъ, значитъ, и сбылось не по моему только, конечно, а по Божьему... Да я, впрочемъ, такъ и былъ увѣренъ въ этомъ, особливо когда имѣлъ счастіе въ Субботу удостоиться рѣчей Ея со мною... Ужъ такъ Она—Матушка казалась мнѣ благоговѣйною, что я и выразить-то не могу; да и одно то́, что Она Сама изволила назначить Литургію въ день рожденія Ея, любимѣйшей несомнѣнно, какъ единственной, Дочки, чтобы усердно помолиться объ Ней,—меня истинно умилило, потому-то и я возжелалъ приготовить у себя поздравительное для Ихъ Величествъ *учрежденіе* (1), которое Они и изволили принять съ истинно-родительскимъ чувствомъ, какого въ другихъ я и

(1) Терминъ, употребляемый въ монастыряхъ въ значеніи *угощенія*. или иначе *утѣшенія братіи*.

не видывалъ, особливо въ барыняхъ матеряхъ, изъ которыхъ многія и не помыслятъ, чтобы помолиться въ подобныхъ случаяхъ о своихъ дѣткахъ, а скорѣе накупятъ только имъ какихъ либо гостинцовъ-бездѣлушекъ, или устроятъ дѣтскій вечеръ, чтобы самимъ-то имѣть случай повертопрашничать»... По расказамъ высокопр. Антонія, разговоръ на эту тему объ образѣ поведенія житейскаго лицъ свѣтскихъ—женщинъ и мужчинъ, Владыка продолжалъ еще, представляя при этомъ опять въ образцовый примѣръ Государыню же Императрицу въ разныхъ Ея дѣйствіяхъ и отношеніяхъ; но мы отлагаемъ содержаніе этого разговора къ слѣдующей главѣ, въ которой преднамѣчено уже нами изложеніе всѣхъ подобныхъ разсужденій высокопр. Филарета о многообразныхъ предметахъ.

ОТДѢЛЪ VII.

ГЛАВА XXII.

«На доблестнаго Архипастыря нашего съ благоговѣніемъ взирали Святители и Цареграда, и Іерусалима, и Дамаска и Александріи Его щедротами вспомоществовались и укрѣплялись и мудростію его поучались пастыри и чада Церкви Греческой и племенъ Славянскихъ. — Его подвигамъ, его правдѣ и кротости дивились и, созрѣвшіе въ подвигахъ благочестія, дивные старцы Аѳонскіе» (1).

«Въ личныхъ бесѣдахъ съ Тобою и мудрые умудрялись, и въ частныхъ изреченіяхъ Твоихъ почерпали всѣ, могущіе уразумѣвать, глубокое вѣдѣніе; видѣли мы въ Тебѣ истинно-духовный вкусъ и взглядъ на все въ предметахъ и явленіяхъ далѣе, повидимому, простыхъ и обиходныхъ;— вѣдали Твою во многомъ великую прозорливость» (2)

Выше было сказано, что свѣдѣнія объ отношеніяхъ высокопр. Филарета къ Іерархическимъ Лицамъ Православнаго Востока и послѣднихъ взаимно къ нему будутъ изложены кратко. Это мы должны сдѣлать,—volentes-nolentes, собственно потому, что хотя у насъ и имѣется весьма значительная коллекція подлинныхъ посланій и писемъ отъ Іерарховъ и другихъ духовныхъ лицъ Православнаго Востока, а равно и Греческихъ и Славянскихъ, и хотя онѣ переведены на Русскій языкъ, но дѣло въ томъ, что содержаніе отвѣтныхъ посланій и писемъ самого высокопр. Филарета не извѣстно; такъ какъ онѣ, по словамъ высокопр. Антонія, не сохранились, или, какъ нибудь, не попали къ

(1) (2) Слова изъ рѣчи, сказанной при отпѣваніи высокопр. Филарета Ректоромъ Кіевской дух. Семинаріи Архимандритомъ Петромъ, впослѣдствіи Викаріемъ Кишиневскимъ.

нему при разборѣ бумагъ, часть которыхъ взялъ себѣ о. Іоаннъ—(бывшій тогда Намѣстникъ). Въ силу этого очевидно само собою, что мы и не можемъ излагать содержаніе сказанныхъ подлинныхъ документовъ съ необходимыми при семъ комментаріями.—Приведемъ, между прочимъ, здѣсь сказанное нами въ біографіи высокопр. Антонія относительно самаго происхожденія бывшихъ сношеній между высокопр. Филаретомъ и Восточными и другими Іерархами и разными лицами, въ слѣдствіе которыхъ и самъ высокопр. Антоній сталъ, преемственно, быть извѣстнымъ на Востокѣ и имѣлъ, по временамъ, свою переписку съ такими же лицами,—такъ что наконецъ пріобрѣлъ столь почетную извѣстность, что, при первомъ извѣстіи (по телеграфу) о кончинѣ его, въ Іерусалимѣ была совершена архіерейскимъ служеніемъ заупокойная Литургія и Митрополитомъ паннихида по немъ на самой Голгоѳѣ, и имя его внесено въ Диптихи на вѣчное поминовеніе. Прочтемъ нѣсколько строкъ изъ біографіи высокопр. Антонія, взятыхъ нами изъ его же личныхъ разсказовъ.

«Владыка - дядя хотя и самъ очень хорошо зналъ по Гречески, но не могъ и по слабости зрѣнія, и по самому почерку подлинниковъ, въ большинствѣ очень вычурному, прочитывать ихъ, и, потому, тогда же поручалъ мнѣ не только переводить, хотя и не дословно, но иногда и отвѣчать за него отъ лица его за собственнымъ моимъ подписомъ. Нѣкоторыя лица, пріѣзжавшія изъ св. мѣстъ Востока и бывавшія въ Кіевѣ у Владыки, тоже знали лично и меня, и, затѣмъ, писали иногда прямо на мое имя, если что̀ нужно было сообщить Владыкѣ. Равно и наши Кіево-печерскіе старцы, когда отправлялись, по временамъ, и на Аѳонъ, и въ Іерусалимъ, то чрезъ нихъ я тоже входилъ въ нѣкоторыя сношенія и дѣлалъ посылки туда и отъ Владыки, и отъ своего лица. Такимъ – то путемъ и образовались мои сношенія и переписка съ нѣкоторыми старцами на Аѳонѣ и лицами святительскими на Востокѣ».

«Самъ же Владыка-дядя, говорилъ высокопр. Антоній, сколько я зналъ изъ всей его подлинной переписки съ Восточными Іерархическими лицами, имѣлъ самую почетную извѣстность,—о чемъ прекрасно и вполнѣ правдиво выска-

залъ въ своей надгробной рѣчи бывшій Ректоръ Кіевской Семинаріи Архимандритъ Петръ. А онъ имѣлъ особенное право свидѣтельствовать объ этомъ, собственно, потому, что самъ долгое время путешествовалъ по Востоку и лично слышалъ отзывы тамошнихъ Іерархическихъ лицъ о Владыкѣ.—Указываемое въ рѣчи, свидѣтельство заключалось именно въ тѣхъ словахъ, которыя поставлены нами въ эпиграфѣ.—«На доблестнаго въ Бозѣ почившаго Архипастыря нашего съ благоговѣніемъ взирали Святители и Цареграда, и Іерусалима, и Александріи и Дамаска. Его щедротами вспомоществовались и укрѣплялись, и мудростію его поучались и пастыри, и чада Церкви Греческой и племенъ Славянскихъ. Его подвигамъ, его правдѣ и кротости дивились и, созрѣвшіе въ подвигахъ благочестія, дивные старцы Аѳонскіе... Такимъ образомъ, и настоящую скорбь духовнаго сиротства нашего понесетъ не одна паства его—Кіевская, но глубоко и болѣзненно воспріимутъ ее и чада, страждущей за Православіе, Церкви Восточной и Вселенской» (1). Что, дѣйствительно, въ такихъ чувствахъ и выраженіяхъ глубокаго и благоговѣйнаго почитанія относились къ высок. Филарету указываемыя Іерархическія лица, начиная съ самыхъ Патріарховъ, для свидѣтельства объ этомъ, мы привидемъ здѣсь выписки изъ нѣкоторыхъ подлинныхъ писемъ, частію переводныхъ, частію писанныхъ на Русскомъ языкѣ.

Еще въ 1839 году Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій писалъ къ высокопреосв. Филарету, между прочимъ, такъ: (2) «Высокопреосвященнѣйшій и Пречестнѣйшій Митрополите Кіевскій, во Христѣ прелюбезный и превожделѣнный брате и сослужебниче нашея Мѣрности, Кyръ Филарете! Пречестное Ваше Высокопреосвященство отъ глубины сердца братски цѣлуя, прерадостно привѣтствуемъ. И, первѣе

(1) Слова изъ надгробной рѣчи Архимандрита Петра.

(2) Мы выписываемъ нѣсколько строкъ не къ ряду, а на выдержку въ переводѣ съ Греческаго съ удержаніемъ характера витіевости Восточнаго языка и съ употребленіемъ, при этомъ Славянскихъ, вмѣсто Русскихъ выраженій. Авт.

по слуху узнавъ свѣтлыя и рѣдкія добродѣтели священноначальническія особы Вашего Высокопреосвященства, дивились и чтили и благославнымъ языкомъ возносили мы хвалебное и досточестное Ваше имя, и яко на звѣзду ярко сіяющую на тверди Православныя Греко-Россійскія Церкве взирали, радующеся о Вашемъ Высокопреосвященствѣ.

«Когда же еще отъ живаго гласа во Христѣ любезнаго брата нашего, Священнѣйшаго Архіепископа Ѳаворскаго Кѵръ Іероѳея обстоятельно о нихъ провозглашавшаго намъ и хвалебно повѣдавшаго о Васъ, мы услышали похвалы цѣлой плѣницы высокихъ добродѣтелей пречестныя Вашея особы... и пр., то не возможно стало, пречестный священно-начальниче и прелюбезный Брате! выразить по долгу, коликія радости быхомъ причастницы, коликую глубокую признательность воспріяхомъ къ Божественной Особѣ Вашей и колико глубокихъ благодареній возслали мы къ Богу, спасающему Васъ въ здравіи и путеводствѣ Своею благодатію и пр... И если искать образца добродѣтелей, то не обрящешь инаго совершеннѣе, чѣмъ Ваше Высокопреосвященство.—Достойно, убо, повсюду благослывется и гремитъ Священное Ваше имя. Достойнымъ и мы долгомъ судили принести настоящимъ братскимъ нашимъ посланіемъ и вседушевныя благодаренія за братолюбныя чувствованія священной Вашей души, и вѣнецъ похвалъ досточтимымъ Вашимъ добродѣтелямъ, каковый и возлагаемъ на Вѣнечную Вашу Главу съ поданіемъ во Святомъ Духѣ братскаго и Святаго цѣлованія, а оныя просимъ принять яко воздаяніе за благодѣянія къ намъ и за любочестное радѣніе къ Пресвятому Гробу Спаса нашего. Но какъ побужденіе на послѣдующія заступленія и благотворенія, коихъ непрерываемо надѣемся отъ Вашего Высокопреосвященства, приносимъ Вамъ Крестъ Честный украшенный и частицу носящій подлиннаго Честнаго Древа Животворящаго Креста Господа нашего, да носите оный на лонѣ Вашемъ яко орудіе на всякую належащую силу, приводя непрестанно на священную Вашу память страданія Православной Церкви Іерусалимской, и да предстательствуете дѣлу и пользѣ ея, когда присутствуете въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ и собственнымъ примѣромъ поощряя и въ другихъ Честныхъ Членахъ любоче-

стіе къ заступленію всечтимыхъ мѣстъ Іерусалимскихъ, сохраненіе коихъ и отъ тяжкихъ долговъ свобожденіе ожидается отъ благороднаго предстательства Богопрославленной Россійской Державы, тако Божію предопредѣливши Промыслу. Въ братской любви оканчиваемъ. Преосвященныя же Ваши лѣта да изобилуютъ съ небесе должайша, всесчастна и всеблагодушна!

Пречестнаго Вашего Высокопреосвященства во Христѣ братъ любящій и усердный

† Іерусалимскій Аѳанасій.

«1839-года Іюлія 17-го дня».

Писалъ посланіе къ высокопр. Филарету и Патріархъ Антіохійскій Меѳодій. Посланіе это приводимъ во всемъ подлинникѣ (въ переводѣ съ Греческаго) потому, что, по содержанію своему, оно невольно вызываетъ и глубокія мысли и чувства сострадания къ тяжко-страдательному состоянію Православныхъ Сирійцевъ.

«Ваше Богодарованное и досточтимое нами Высокопреосвященство! Любезно обнимая Васъ совершеннѣйшею любовію, братски о Господѣ привѣтствуемъ. Неизреченною духовною радостію исполнилось унывающее сердце наше, когда мы извѣстились отъ пребывающаго въ Москвѣ нашего Архіерея Илюпольскаго и горы Ливана—Неофита объ очевиднѣйшихъ доказательствахъ пламеннаго усердія, дѣломъ и словомъ оказываемаго Вашимъ Высокопреосвященствомъ въ великомъ и священномъ дѣлѣ вспомоществованія, искушаемому всякими нуждами, несчастному Антіохійскому Престолу и нравственной пользѣ пасомыхъ его — многострадальныхъ бѣдствующихъ Православныхъ Христіанъ Сиріи. То истинно, что добро всегда добро, когда и какимъ бы образомъ оно ни совершалось: но несомнѣнно и то, что въ семъ случаѣ бываютъ исключенія; наприм. не все одно— одѣть нагаго, накормить алчущаго, и сдѣлать то же самое не нуждающимся въ таковой помощи. Угнетенные обстоятельствами, Православные Сиріяне принадлежатъ къ чину первыхъ; почему и милость къ нимъ есть дѣло сколько самое справедливое, столько же и необходимое; и опять—

сколько оно необходимо, столько и благодарность за него есть наичувствительная и незабвенная. Божіе Всемогущество, какъ безпредѣльное по Своей Природѣ, безъ сомнѣнія, могло надѣлить всѣхъ людей равнымъ достаткомъ: но, по Божественному смотрѣнію, Оно благоволило допустить неравенство съ тою цѣлію, дабы одни щедрою общительностію, а другіе благодушнымъ терпѣніемъ и благодарностію стяжали себѣ въ награду спасеніе; или же по другой равно весьма важной причинѣ—дабы сохранялась между тѣми и другими должная братская любовь, какъ главнѣйшее между прочими условіе спасенія во Христѣ, безъ Котораго невозможно приблизиться къ Неприступному и получить спасеніе души, по богодухновеннымъ несомнѣннымъ словамъ Божественныхъ Писаній.

«Итакъ, если все сіе справедливо и нужды наши такъ очевидны: то прежде всего приложимъ Вашему Высокопреосвященству глубочайшую признательность за благожелательство и благорасположеніе Вами къ намъ и усердную готовность вспомоществовать намъ, проистекающую первѣе всего изъ сердца Вашего, отъ природы братолюбиваго и любообщительнаго.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ усердно и братски молимъ Васъ, да благая сія ревность Ваша пріумножится, возбуждая къ тому же и благочестивыхъ Сановниковъ въ Вашей духовной Паствѣ и народѣ; молимъ, дабы Вы, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ Членовъ Православной Россійской Церкви, украшенный добродѣтелію и мудростію дѣломъ и именемъ, что всюду громко проповѣдуетъ истинная слава о Васъ,—особенно же какъ Членъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, объясняли другимъ, обстоящую нашъ Антіохійскій Престолъ, крайнюю бѣдность и тяжкія бѣдствія, нравственно и политически страждущихъ, чадъ его, представляя всѣмъ, что старѣйшая Церковь Антіохійская, уже утомленная многолѣтними страданіями, вопіетъ къ возлюбленной Сестрѣ своей—Церкви Россійской, прося ее, да подастъ помощь и простретъ ей братскую руку свою.

«Итакъ въ ожиданіи отъ извѣстной всюду великой и пламенной ревности Вашей вящшаго и бо́льшаго, чѣмъ сколько мы просимъ въ настоящемъ краткомъ посланіи, и

испрашивая Вамъ у Бога здравія и долгоденствія и благополучія по внутреннему и внѣшнему человѣку, пребываемъ на всю жизнь нашу —

Вашего Высокопреосвященства возлюбленный во Христѣ Бозѣ братъ Патріархъ Антіохійскій Меѳодій.

1844-го года Августа 16-го дня въ Дамаскѣ.

Приводимъ еще краткую выписку изъ переводнаго (съ Греческаго языка) писанія къ высокопр. Филарету отъ «всѣхъ, иже на святѣй горѣ Аѳонѣ въ священной Царской и Патріаршей и Ставропигіальной Киновіи — Есфигменѣ подвизающихся смиренныхъ отцевъ».

«Изъ письма Преподобнѣйшаго Архимандрита нашего Отца Господина Агаѳангела извѣстились мы, что среди минувшаго Ноября мѣсяца ходилъ онъ принять Преосвященныя Ваши молитвы и благословенія и путеводствоваться отъ Вашего Высокопреосвященства мудрыми Его совѣтами и полезными свѣдѣніями, какъ отъ имѣющаго обширныя вѣдѣнія и порядки разныхъ вещей и дѣлъ и какъ отъ знающаго удобнѣйшіе способы къ исходу успѣшнаго ихъ конца и совершенства, чтобы, симъ будучи пользованъ, усмотрѣлъ онъ интересъ бѣднаго монастыря нашего.

«И когда сіе было тако, то и мы, смиренные и наималые рабы Вашего Высокопреосвященства, спѣшимъ просить Васъ теплѣ, да не оставите насъ лишенныхъ мудрыми Вашими совѣтами и полезными водительствами, при намѣреніи нашемъ обновить и исправить одну часть монастыря нашего, такъ какъ это нужно и неизбѣжно. Но не только все, что́ мы сказали просительно, да подадите намъ, но и священный монастырь нашъ, яко собственный Вашъ, да почтете и самого себя яко сего монастыря Киновіатомъ и новымъ Ктиторомъ да положите и насъ яко чадъ и рабовъ Его да считаете (ибо по Бозѣ надежду нашу имѣемъ мы на Ваше Высокопреосвященство) и да поможете намъ и инымъ всякимъ образомъ, дабы возможно было въ такой великой нуждѣ уготовленіе монастыря, чтобы не быть ему посмѣяніемъ видящимъ его...

«Извѣщается при семъ Ваше Высокопреосвященство, что Церковь Преподобнаго Отца нашего Святаго Антонія Печерскаго свершена и въ 5-й день минувшаго Іюля мѣсяца бдѣніемъ и совершенною Божественною Литургіею обновлена и на послѣдующее всякое время будемъ поминать Васъ Владыку Святаго Кіевскаго, яко сокиновіата. Съ поклоненіемъ кончаемъ. Да будутъ отъ Бога Вамъ лѣта честна, множайша, благополучна и всесчастна; душамъ же нашимъ Преосвященныя Ваши Богоугодныя молитвы и благословенія да будутъ спасительнымъ средствомъ.—Писано во святѣй Горѣ Аѳонѣ. 27-го Іануарія 1851 г.

Всѣ, пже въ Священной Царской и Патріаршей и Ставропигіальной Киновіи—Есфигменѣ, подвизающіеся смиренные отцы,—Вашего святочтимаго нами Высокопреосвященства дѣти покорныя и рабы смиренные.

Представимъ еще письмо, писанное собственноручно на Русскомъ языкѣ, отъ Патріарха Константинопольскаго Константія I-го (1).

Ваше Высокопреосвященство

Милостивый во Христѣ братъ!

«отъ архимандрита Екатериногреческаго монастыря Кирилла узнавши, что Вы благоволите имѣть одинъ экзембляръ съ описанія Египта, то есть изслѣдованіе объ Географіи отъ Нубіи до Средиземнаго моря, о древностяхъ на обѣихъ береговъ славной рѣки Нила, о Гіероглифовъ. надписахъ, религіи и исторіи отъ фараоновъ до Александра Македонскаго и Его послѣ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ отправляю одинъ экзембляръ, и вмѣстѣ съ нимъ препровождаю и другой моего подробнаго описанія константинополя какъ древняго, тоже и новаго.

«знаяже что отпускъ книгъ за границу печатанныхъ не позволительнымъ, просилъ я Его превосходительства посланика и полномочнаго министра при отоманскои портѣ

(1) Письмо это приводимъ во всей подлинности съ удержаніемъ и орѳографіи и конструкціи.

Владимира Павловича Титова, который съ удовольствіемъ приложитъ стараніе отправить и доставить оба къ Вашему Высокопреосвященству въ незапечатанномъ пакетѣ.

«примите сіе изявленіе моего чистосердечнаго уваженія, коимъ исполнено мое сердце.

Вашего Высокопреосвященства во Христѣ братъ и покорный слуга Патріархъ Константій I-й.

1845-го года января 20-го дня Константинополъ.

Что же касается до переписки между Святителями Славянскихъ земель и высокопр. Филаретомъ, то читающіе уже видѣли одно изъ писемъ къ нему Митрополита Молдавскаго Веніамина по поводу назначенія и присылки одного изъ воспитанниковъ Молдавскихъ—Василія Попеску-Скрибана для образованія въ Кіевской духовной Академіи (1).

---

(1) Смотр. Том. III. стр. 238—239. Къ этому присовокупляемъ еще письмо изъ Валахіи по подобному же предмету, собственноручно писанное высокопр. Филарету Консуломъ—Барономъ Ѳ. Бюлеромъ. Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь! Въ Маѣ мѣсяцѣ сего года пріялъ я смѣлость привести себя на память у Вашего Высокопреосвященства, причемъ имѣлъ честь ходатайствовать объ опредѣленіи въ Кіевскую Семинарію Булгарскаго урожденца Якова Топалова.— Съ тѣхъ поръ я былъ осчастливленъ извѣстіемъ, что усердная просьба моя принята была во уваженіе. Нынѣ я снова вынужденнымъ нахожусь утруждать снисходительное вниманіе Вашего Высокопреосвященства. Проживающій здѣсь родомъ изъ Булгаръ же, Іорданъ Ивановичъ Деблевъ убѣдительно проситъ меня изъяснить Вамъ, благодѣтельный Архипастырь, живѣйшее желаніе его, дабы, находящійся нынѣ въ Кіевѣ, сынъ его, 16-ти лѣтъ, *Иванъ Деблевъ* удостоенъ былъ опредѣленія въ тамошнюю Семинарію, на казенное изживеніе, на основаніи, состоявшагося въ 1847 году для Булгаръ, разрѣшенія Св. Сѵнода.—Мнѣ тѣмъ труднѣе отказать въ рекомендаціи и искреннемъ участіи сыну г. Деблева, что сей послѣдній постоянно полезенъ Генеральному Консульству и ежедневно выполняетъ порученія онаго, столь же ревностно, какъ и успѣшно. Лаская себя надеждою, что строки сіи будутъ приняты милостиво, осмѣливаюсь испрашивать Архипастырьскаго благословенія и Святыхъ молитвъ Вашихъ и имѣю честь быть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностью, Милостивый Государь, Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою Баронъ Ѳ. Бюлеръ. Княжества Валахскаго столичный городъ Букарестъ, $\frac{23\text{ Октября}}{4\text{ Ноября}}$ 1853 г.

Въ числѣ многихъ, разсматриваемыхъ теперь, писемъ представимъ еще одно письмо, ставшаго въ послѣднее время столь извѣстнымъ и возбуждающимъ самое высокое уваженіе и живое сочувствіе къ нему въ нашей Россіи,— Іерарха Сербскаго—Митрополита Михаила. Письмо это писано было имъ къ высокопреосв. Филарету отъ 2-го Декабря 1854 г., когда онъ только-что былъ, на родинѣ, посвященъ въ Епископа Шабацкой епархіи. Вотъ что́ писано было имъ отъ слова до слова.

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ и дивнымъ дѣламъ Его Святаго Промысла, мнѣ суждено, еще неопытному въ дѣлахъ духовныхъ, стать на высоту духовнаго правленія святой нашей Церкви. Дивно мнѣ сіе тѣмъ болѣе, что я не думалъ о семъ, ни искалъ сего, а всячески удалялся отъ столь трудной и не по силамъ моимъ обязанности. Уповая на силу Божію, въ немощахъ являющуюся, принялъ столь тяжелое для меня бремя единственно потому, что не смѣлъ прекословить убѣжденіямъ моего Владыки и желаніямъ Правительства. Надѣюсь и прошу св. молитвъ Вашихъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко и Отецъ, чтобы сіе мое новое служеніе, для котораго истинно христіанское и отеческое стараніе Вашей любви къ св. нашей Церкви подготовило меня, было на спасеніе моей паствы и мое. Какъ постриженецъ Вашей св. Лавры, прошу общенія молитвенной любви ея для труднаго моего не малаго подвига въ управленіи Епархіею, въ которую уже я, по милости Божіей, пріѣхалъ и которою началъ управлять.

Съ истинно душевнымъ уваженіемъ и сердечною преданностію на всегда пребываю

Вашего Высокопреосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря признательный воспитанникъ Епископъ Шабацкій Михаилъ.

Вообще же по отношенію къ Славянскимъ единовѣрнымъ народамъ высокопр. Филаретъ питалъ и выражалъ самыя глубокія скорбно-молитвенныя чувства, особливо когда еще только приготовлялась и начиналась и продолжалась война—1853—1856 г. Объ этомъ встрѣчаются не рѣдкія замѣтки въ дневникѣ о. Намѣстника. «Владыка святый разсуждалъ: (говорится въ дневникѣ) Ахъ! какъ тяжко страждутъ наши бѣдные единоплеменные и единовѣрные Христіане, особенно Болгары... тяжело даже и читать въ извѣстіяхъ .. Но такова доля всѣхъ сыновъ Христовой Церкви, какъ и самой Церкви на землѣ, воинствующей подъ Крестомъ Христовымъ среди всякихъ напастей отъ міра и духа злобы... Но все препобѣждается терпѣніемъ и молитвою... Да, крѣпко на крѣпко нужно намъ теперь молиться»... (1). «Военныя обстоятельства,—(сказано въ дневникѣ) возбудили Владыку къ особенно-усиленной молитвѣ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ возжелалъ было, какъ нѣкогда св. Патріархъ Цареградскій Тарасій, служить каждодневно; но какъ этотъ подвигъ былъ совершенно неудобоисполнимъ, по его годамъ и немощамъ, то онъ сталъ служить, какъ можно, чаще, а пріобщаться Св. Таинъ ежедневно» (2). «Разсуждая часто о состояніи Государя во время Крымской войны,—Владыка однажды сказалъ: «Да Онъ — Государь теперь, какъ агнецъ посредѣ волковъ... Въ Варшавѣ, говорятъ, былъ Онъ особенно грустенъ. о судъ Божій близъ есть и не закоснитъ... Пусть мечтаетъ Наполеонъ, что онъ восторжествуетъ и будетъ верховствовать надъ всѣми и пусть мечтаютъ, до поры до времени, и всѣ клевреты его... водворить равновѣсіе и миръ во всѣхъ государствахъ... Нѣтъ и нѣтъ!.. *Егда рекутъ: миръ и утвержденіе—тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство* (I Сол. V. 3). Я не давно разсуждалъ объ этомъ съ Графомъ»,—(разумѣется,—Ал. Петр. Толстымъ, находившимся въ Кіевѣ съ своимъ ополченіемъ) (3).

Наконецъ по отношенію къ заграничнымъ—Восточнымъ дѣламъ мы изложимъ здѣсь фактъ, состоявшій въ учрежде-

---

(1) (2) (3) Смотр. въ дневникѣ—стран. 13, 17, 14.

нiи, съ Высочайшаго утвержденія, по опредѣленію Св. Синода, Епископской каѳедры при нашей Іерусалимской миссіи. Еще при самомъ начинаніи этого дѣла, (читаемъ въ дневникѣ) Владыка сказалъ: «совершенно напрасно это... ни пользы, ни толку даже никакого изъ этого не выйдетъ»... И въ другомъ мѣстѣ: «Св. Владыка въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ замѣтилъ, какъ не хорошо сдѣлалъ, новопосвященный въ Іерусалимскую миссію, Епископъ Кириллъ, что отправился въ Іерусалимъ, не заѣхавши въ Кіевъ—свой отечественный Іерусалимъ» (1) Въ подробности же свѣдѣнія объ этомъ фактѣ помѣщены были нами въ біографіи высокопр. Антонія, такъ какъ съ преосв. Кирилломъ онъ имѣлъ близкія знакомственныя отношенія (2).

«Преосвященный Кириллъ, какъ только посвященъ былъ въ Епископы, писалъ мнѣ,—говорилъ высокопр. Антоній,—въ Маѣ мѣсяцѣ 1857 г., что онъ скоро прибудетъ въ Кіевъ, и чтобы я къ его пріѣзду въ Кіевъ, на пути въ Іерусалимъ, озаботился подыскать особенно благонадежныхъ лицъ изъ студентовъ нашей Академіи, желающихъ поступить въ его миссіонерскую свиту. Все это тотчасъ же было сообщено мною и Владыкѣ Филарету. Но нужно знать, что Владыка, еще при самыхъ первыхъ извѣстіяхъ о новомъ составѣ Іерусалимской миссіи подъ главенствомъ Епископа Кирилла, относился къ этому дѣлу весьма не сочувственно. Относительно этого онъ высказывался такъ: «Ужъ коли приспѣло время и открывалась бы дѣйствительная надобность въ образованіи такой миссіи-епископальной, то нужно бы прежде и крѣпче всего подумать о лицѣ, избираемомъ на такой постъ. Тамъ потребенъ не Докторъ, а тѣмъ паче человѣкъ не такихъ лѣтъ и не таковой опытности, каковъ преосв. Кириллъ. Мнѣ даже напередъ его жаль; и вотъ, когда

---

(1) Смотр. дневникъ 17-го Ноября 1857 г. стр. 24 на оборотѣ.

(2) Высокопр. Антоній и преосв. Кириллъ (Наумовъ) были земляки по Калугѣ; отцы ихъ и служили при одной церкви—Михаило-Архангельской,—отецъ Антонія—былъ Протоіереемъ, а отецъ Кирилла—Діакономъ.—Въ особенности же они сблизились въ С.-Петербургѣ, когда преосв. Антоній (въ 1849-мъ г.) былъ на чредѣ, а Кириллъ служилъ въ Академіи.

дастъ Богъ увидѣть его лично въ проѣздъ чрезъ Кіевъ, я потолкую съ нимъ о многомъ, какъ должно. Его бы—Кирилла всего лучше и полезнѣе оставить при Академіи и для науки и для службы ректорской, къ которой онъ какъ разъ теперь подготовился, и къ тому же онъ свой доморощенный въ тамошней Академіи». Но вдругъ пронесся слухъ, а вскорѣ и вѣрное дошло извѣстіе, что преосв. Кириллъ направитъ свой путь помимо Кіева прямо изъ Харькова на Одессу. Сильно поскорбѣлъ я объ этомъ и еще сильнѣе напередъ смущался, что Влад. Филаретъ взглянетъ на это извѣстіе не просто, а крутенько. Предчувствіе мое сбылось даже въ большей мѣрѣ. Съ первыхъ моихъ словъ Влад. Филаретъ напустился было прямо на меня:—«ты смотри у меня, чадо мое... ты не услужился ли, по добротѣ твоей и откровенности, сообщить ему *велико - спѣсивому* - то епископу Іерусалимскому что нибудь изъ моихъ прежнихъ разсужденій и отзывовъ... Эта услуга, братъ, не больно статна». Получивъ же увѣреніе въ совершенно отрицательномъ, онъ сказалъ: «Ну этого-то только и не доставало, чтобы убѣдиться мнѣ окончательно, что не будетъ ни проку въ новосоставленной миссіи, ни добра и самому главѣ ея. Помяни мое слово, а коли хочешь, это даже напиши ему—Кириллу, чтобы онъ зналъ и твердо помнилъ... Посуди самъ,—слыханное ли дѣло даже и между мірскими благоразсудливыми людьми, чтобы, отправляясь въ дальній древній Іерусалимъ, не побывать прежде въ своемъ отечественномъ Іерусалимѣ и не принять напутствіе отъ Сіона подъ благодатною сѣнію здѣшнихъ святынь; а онъ-то, Епископъ, вотъ что́ учинилъ, бывши отсюда не за горами и морями. Истинно говорю, *не узритъ онъ благая тамъ въ Іерусалимѣ!* Не бось ему,—Кириллу, и самому-то лестно было выйдти въ такихъ молодыхъ годахъ въ архіереи... куда бы то ни было,—но не даромъ есть стариковская пословица: «больно рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла». Къ тому же если онъ писалъ и къ тебѣ, чтобы ты подобралъ ему лицъ не болѣе, какъ изъ студентовъ, то навѣрное и тамъ набралъ онъ, или насовали ему тоже стрыгановъ и разныхъ любителей путешествій заграничныхъ... По моему отъ этихъ-то всѣхъ свитниковъ прежде всего и

придется ему жутко... Конечно, здѣсь виноваты не ваши молодыя ученыя головушки, а тѣ, кои должны бы тутъ гораздо-гораздо сообразить все съ умомъ-разумомъ и съ значеніемъ самаго дѣла; а у нихъ, видно, вышло все какъ бы по щучьему велѣнью... тяпъ – ляпъ... да и вышелъ корабль».

По отношенію собственно къ преосв. Кириллу такъ и сбылось; онъ не только *не узрѣлъ блага въ Іерусалимѣ*, подвергшись тамъ разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ по дѣламъ миссіи и личному своему положенію; но и здѣсь въ отечествѣ, уволенный отъ миссіи, онъ былъ назначенъ на жительство въ Казань безъ всякихъ опредѣленныхъ правъ, гдѣ и скончался въ Спасскомъ монастырѣ 10 Февраля 1866 года, за 10 мѣсяцевъ до назначенія на Казанскую каѳедру преосв. Антонія своего земляка по Калугѣ. Такъ же сбылись буквально, предреченныя высокопр. Филаретомъ, слова относительно и самой миссіи съ Епископомъ во главѣ, т. е. что «въ этомъ новоучрежденіи не будетъ по́льзы, да и толку не выйдетъ никакого»... По удаленіи преосв. Кирилла, (по какимъ бы-то ни было причинамъ, которыя остались тогда прикровенными)—изъ Миссіи, не только никто, вмѣсто его, не былъ назначенъ въ Іерусалимѣ на Епископство, но какъ съ нимъ оно началось, такъ съ нимъ же и окончилось... Въ теченіи, вотъ уже, двадцати пяти лѣтъ не возникало, сколько извѣстно, даже и вопроса объ этомъ; тогда какъ въ теченіи этого времени учреждены епископства въ миссіяхъ Японской и Американской въ Сан-Франциско, а по послѣднимъ извѣстіямъ предполагается назначить Епископа изъ Русскихъ Православныхъ даже въ Абиссинію.

Переходимъ къ другаго рода свѣдѣніямъ, намѣченнымъ нами еще прежде для изложенія въ настоящей главѣ (1). Мы разумѣемъ взгляды и сужденія высокопр. Филарета, высказыванныя имъ иногда при общихъ бесѣдахъ довольно подробно, или при случайныхъ разговорахъ, и даже въ краткихъ выраженіяхъ, въ родѣ афоризмовъ. Начнемъ именно съ тѣхъ бесѣдъ,—которыя прерваны были нами въ из-

(1) Смотр. стр. 583.

вѣстномъ мѣстѣ (1), и предметы которыхъ были уже нами обозначены,—а именно: о наградахъ лицъ духовныхъ орденами, о чинахъ гражданскихъ вообще, о званіи Протопресвитеровъ, о митраxъ Архимандритскихъ, Епископскихъ, Архіепископскихъ и Митрополитскихъ сравнительно съ Кіевскими, о преимуществахъ Митрополитовъ Кіевскихъ при Богослуженіяхъ.

О наградахъ духовныхъ лицъ орденами и о чинахъ гражданскихъ хотя передавалъ намъ высокопр. Антоній въ связи съ прочими предметами, о которыхъ бесѣдовалъ высокопр. Филаретъ во время преждеописаннаго обѣда; но мы встрѣтили и въ дневникѣ о. Намѣстника тожественную запись объ этомъ предметѣ,—а потому и воспользуемся изложеніемъ въ послѣднемъ,—гдѣ упоминается и высокопр Антоній, какъ соучастникъ въ бесѣдѣ (2).

«Въ разговорахъ о томъ, о семъ перешли къ орденамъ и чинамъ Владыка спросилъ: что?! въ Лаврѣ есть кого представить?..—«Не кого, отвѣчалъ я, (т. е. Намѣстникъ) да и не нужно много занимать этимъ монаховъ, чтобы не возбуждать въ нихъ тщеславія и суетной гордости; да въ Лаврѣ это особенно, кажется, не на пользу и не нужно... Пусть лучше будутъ монахами, и украшаютъ себя смиреніемъ».— «Такъ-то такъ, сказалъ Владыка—но что́ дѣлать,—для человѣческой немощи есть и въ этомъ своего рода опора».. «Чинобѣсіе этимъ возбуждается... сказалъ о. Антоній»...—«Да, сказалъ Владыка, это слово любилъ употреблять покойный Митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ. Но однажды Намѣстникъ его Архимандритъ Палладій, когда былъ еще въ силѣ, сказалъ Митрополиту: «да, Владыка,—чинобѣсіе... хорошо тебѣ такъ говорить, когда ты все уже получилъ... какія тебѣ еще награды?!—А вотъ ихъ-то,—указывая на находившихся при этомъ ученыхъ молодыхъ монаховъ,—нужно чѣмъ нибудь поощрять и награждать за труды. Когда вы были въ ихъ лѣтахъ, конечно, такъ же объ этомъ думали». «Разъ мы были вмѣстѣ, продолжалъ

(1) Смотр. стран. 561—562.

(2) Смотр. Дневникъ 1857 г. стран. 26—27.

св. Владыка,—Серафимъ покойный, Московскій и я, разговорились такъ же объ орденахъ. — Laqueus diaboli—петля на шею, сказалъ Серафимъ,—эти ордена, но такъ затянута, что снять ее трудно и думать»... И это правда, отчасти, сказалъ Владыка,—но только отчасти. Награжденный иной можетъ и тщеславиться,—за то и обойденный невольно скорбитъ... но отмѣнить ордена и вообще награды и для духовныхъ, по моему, не слѣдуетъ»...

«Говорятъ, что думаютъ отмѣнить чины, сказалъ о. Антоній; будутъ одни должности, какъ у Американцевъ».—Какъ же это... замѣтилъ Владыка; нѣтъ, этого не должно быть и не возможно. Америка не примѣръ,—да развѣ тамъ хорошо? Чины и на небѣ, въ мірѣ духовъ, и тамъ—Престолы, Господствія, Начала, Власти и проч. И вообще чинъ, порядокъ, постепенность во всемъ мірозданіи.—На низшей степени бездушные камни, прозябающія растенія, потомъ животныя на землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ, потомъ человѣкъ, затѣмъ Ангелы.—И въ Церковной Іерархіи, по образу небесному, также чины и степени: сперва Діаконъ, потомъ Пресвитеръ, потомъ Епископъ. И Апостолъ говорилъ: вся вамъ благообразно и по чину да бываютъ; такъ въ церкви, такъ въ обществѣ. Вездѣ должны быть власти, начальства и подчиненные; и въ семействѣ глава—отецъ, или и мать, дѣти, и старшіе и младшіе и прислуга. Одни повелѣваютъ, другіе исполняютъ; одни учатъ, другіе слушаютъ; одни приказываютъ, другіе повинуются.—Безъ этого невозможно, на этомъ основываются и самыя чувства уваженія и всѣ подобающія взаимныя отношенія».

Но кромѣ, записаннаго въ дневникѣ, разсужденія высокопр. Филарета о наградахъ духовныхъ лицъ и въ ряду ихъ монашествующихъ, состоящихъ на должностяхъ служебныхъ, высокопр. Антоній передавалъ еще слѣдующее. «Награды орденами, говорилъ Владыка, нельзя не признавать нужными и для лицъ духовныхъ, коль скоро орденамъ присвоено извѣстное значеніе по статуту Правительственному и по рангу служебному въ средѣ лицъ свѣтскихъ и военныхъ. Св. Апостолъ говоритъ: «*Прилежащіи же добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же служащіи въ словѣ и ученіи* (1 Тим. V, 17).—Но

какую же *сугубую честь* можно воздать лицамъ духовнымъ и при томъ такую, которая бы имѣла значеніе въ общемъ служебномъ рангѣ и была бы наглядно вѣдома и для всѣхъ, дабы послѣдніе могли и обязаны были воздавать, какъ говорится, честь честью не въ отношеніи только къ церковно-служебному званію лица, и не въ средѣ только духовнаго сословія, но и въ ряду всѣхъ служащихъ чиновниковъ.— А ордена́, дѣйствительно, только и могутъ имѣть это значеніе, которое на практикѣ весьма важно и полезно именно въ отношеніи къ положенію лицъ духовныхъ въ обществѣ. Если съ изстари временъ и до днесь еще остается извѣстная кличка духовенству—«*кутья*», или, въ послѣднее время, почитаютъ духовное сословіе—«*кастою*» и хорошо еще, если *жреческою*, а то, просто, на-просто, почти *плебейскою*,—да и самое служеніе его относятъ только какъ бы къ *колокольному звону*,... то понятно, что священникъ и протоіерей, или архимандритъ и самый Архіерей, коль скоро являются, гдѣ должно, съ Государственно-Правительственными знаками чести и достоинства, въ орденахъ на равнѣ со всѣми, начиная отъ Членовъ Правительствующаго Синклита до Исправника и Городничаго и т. п.—должны быть почитаемы и по самому значенію, имѣющихся на нихъ, орденовъ въ уровень со всѣми прочими, къ какому бы сословію и служебному вѣдомству послѣдніе ни принадлежали. На это я знаю достовѣрные факты изъ быта духовенства въ уѣздахъ, когда напр. священникъ, или протоіерей, или благочинный является въ средѣ общества, или даже по дѣламъ службы, наприм. при слѣдствіяхъ, и когда тутъ же бываютъ и уѣздные чиновники—Исправникъ, или кто нибудь, и при этомъ духовное лицо имѣетъ напр. орденъ 3-й ст. Анны, а Исправникъ Станислава 3-й ст., а иной чиновникъ и во все не имѣетъ,—то какая разница во всѣхъ ихъ отношеніяхъ взаимныхъ и со стороны другихъ присутствующихъ... Иначе будь духовное лицо хоть бы въ камилавкѣ и даже съ наперснымъ крестомъ,—тогда опять другое; награды собственно духовнаго вѣдомства не имѣютъ почти вовсе вѣса въ глазахъ свѣтскихъ лицъ. Да, вотъ, наприм. ты, Иванъ Михайлычъ, получилъ въ Коронацію митру, ну что́ же? Ты въ ней только въ Церкви,

или гдѣ нибудь при Богослуженіяхъ;—кто видѣлъ тебя въ ней при Богослуженіяхъ, тотъ знаетъ, а кто не видѣлъ, для того ты тотъ же Протоіерей въ камилавкѣ; а будь ты пожалованъ орденомъ 1-й степени Анны, и явись, гдѣ хочешь, хотя и безъ ордена, а съ одною звѣздою, тогда не бось,... тутъ же тебѣ особый достойный *почетъ*.—Да въ этомъ отношеніи можетъ, кажется, служить примѣромъ и Св. Апостолъ Павелъ, который, когда являлся и дѣйствовалъ на сонмищахъ и всюду, какъ христіанинъ и какъ Апостолъ, то его нѣсколько разъ били и *помощами*, а когда онъ же въ извѣстномъ случаѣ, т. е. когда *повелѣ тысящникъ отвести его въ полкъ, рекъ, ранами истязати его*... и когда уже *протягоша его вервіе*... св. Апостолъ Павелъ только что заявилъ, что онъ «*Римлянинъ есть*» *абіе убо отступиша отъ него хотящіи его истязати, и тысящникъ же убояся, уразумѣвъ, яко Римлянинъ есть, и яко бѣ его связалъ, и разрѣшіи его отъ узъ*... (Дѣян. XXII. 24—30). Такимъ образомъ, если Св. Апостолъ воспользовался по закону правами государственными Римскаго статута, по которому наименованіе «Romanus civis sum» означало то́ же, что́, по нашему, столбово̀й потомственный дворянинъ, то, значитъ, и духовному лицу по закону же должно пользоваться своими правами, такъ какъ, дѣйствительно, съ пожалованіемъ ордена извѣстной степени даруется и духовнымъ дворянство потомственное, переходящее и на дѣтей родителей духовныхъ...

А что̀, вотъ, вы-то,—(Владыка обратился ко мнѣ (Антонію) и къ отцу Іоанну — Намѣстнику) толкуете, т. е. будто награды вообще порождаютъ тщеславіе и гордость, или что ордена́, по выраженію Митрополита Серафима, составляютъ «laqueus diaboli», то *нѣсте ли чли николи же*, что́ вѣщаетъ св Апостолъ о подобныхъ *возгордѣніяхъ* и о самой—laqueus (петлѣ)... Подобаетъ быти Епископу, учитъ св. Апостолъ, не новокрещенну... и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ,—и далѣе что же?.. *да не возгордѣвся* въ поношеніе впадетъ и *въ сѣть діаволю*... (I Тим. III. 6. 7). А такъ какъ въ подлинникѣ Греческомъ слова́—*въ сѣть діаволю* читаются εἰς παγίδα τοῦ διαβόλου, а слово παγίς—*сѣть* означаетъ, точь въ точь, *и петлю*, то и

выходятъ здѣсь буквальныя слова, сказанныя Митропол. Серафимомъ объ орденахъ,—названныхъ имъ laqueus diaboli. Значитъ, не одни ордена могутъ быть *сѣтью* или *петлею* діавольскою,... а даже и званіе Епископское, аще кто безумно имъ *возгордится*, или недостойно пріиметъ, а, пожалуй, и по такъ называемой *симоніи*. . — или пріиметъ того только ради, чтобы быть, по изреченію Апостола Петра, *яко обладающимъ надъ причтомъ*, а не быть *образомъ стаду*... и *пасти стадо* ради *неправедныхъ прибытковъ* (I Петр. V. 3. 2). Да и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, всѣ дни земной Своей жизни проведшій въ самоуничиженіи и претерпѣвшій всѣ поношенія отъ всѣхъ и предъ всѣми, благоволилъ, однако, явить Себя Царемъ во входѣ Своемъ въ Іерусалимъ и воспріять всѣ почести Царскія и не умолкаемыя возглашенія «*Осанна Сыну Давидову!!*; тогда какъ на оборотъ; когда Ап. Петръ *началъ прекословати Ему*... *не имать быти Тебѣ сіе*, т. е и страданіе и убіеніе (Матѳ. XVI. 22...), Онъ же — Господь Спаситель наименовалъ Петра *сатаною*, представлявшимъ Ему *соблазнъ* т е. ту же *петлю* подобо-сатанинскую...

«Да, вотъ такъ-то я понимаю и смотрю по своему на значеніе орденовъ Православныхъ—Русскихъ... и не согласенъ именовать ихъ laqueus diaboli... А если и бываетъ тутъ подобная петля, то это уже отъ насъ самихъ... А въ частности, пожалуй, укажу еще на то́, въ чемъ, дѣйствительно, заключается по крайней мѣрѣ *петелка*...; это— титулованіе насъ духовныхъ и въ особенности Архіереевъ *Кавалерами* и даже Кавалерами *разныхъ орденовъ*... И эта-то петелка образовалась даже прямо вопреки статуту. Всѣмъ извѣстно и преизвѣстно, что въ Высочайшихъ грамматахъ буквально во всей подлинности выражается пожалованіе намъ орденовъ такими словами: «Мы сопричислили васъ такого-то къ ордену такому-то такой-то степени», тогда какъ при пожалованіи свѣтскихъ лицъ выражается это иначе, именно, что они *жалуются Кавалерами такого-то Ордена*... а потому и употребляется и во всѣхъ документахъ и вообще дѣловыхъ бумагахъ титло «*Кавалеръ*». Вотъ эту-то петелку и слѣдовало бы намъ отринуть и не позволять писать и въ прошеніяхъ и репортахъ въ титулѣ нашемъ слово—«Кавалеру...

Правда, это писалось прежде даже и въ указахъ св. Сѵнода не только Архіереямъ, но и Архимандритамъ (1) Протопресвитеромъ и Оберъ Священникамъ; но въ послѣднее время это уже прекращено... Пора, значитъ, и намъ прекратить и въ епархіальныхъ дѣлопроизводствахъ... А-то, вѣдь, было даже и такъ, что и при Богослуженіяхъ, напр. на многолѣтствованіяхъ, возглашаемо было: «Господину нашему Преосвященнѣйшему (такому-то) и «*Кавалеру*» или «*разныхъ орденовъ Кавалеру*».

Послѣ этого заведена была рѣчь о митрахъ. Владыка началъ именно съ того, что обратился къ Ив. Михайловичу, какъ бы съ недоумѣніемъ: «а что́,—у тебя пожалованная-то митра, вѣдь, безъ креста на ней?!. Да, былъ отвѣтъ.— «А здѣсь-то у насъ всѣ Архимандриты, даже и третьекласные и, не въ обиду будь сказано, иные слишкомъ мало ученые, носятъ митры съ крестомъ на верху ея... Такимъ образомъ, можетъ быть, и тебѣ нужно бы подпариться,... хо́тя, строго говоря, этого никакъ не должно быть... Да я, впрочемъ, и не знаю хорошенько,—откуда и какъ произошло, что Архимандритскія митры здѣсь съ крестами... Хорошо было бы это изслѣдовать... А мнѣ кажется, что не лишне было бы измѣнить это... Вѣдь самые Архіереи всѣ—Великорусскіе, да, наконецъ, и самые Митрополиты и Петербургскій и Московскій (2) не имѣютъ креста на своихъ митрахъ... Правда, я, страхъ, не люблю проэтировать что либо,—но, признаюсь, не разъ подумывалъ на счетъ этого порядка. *По моему выходило* бы такъ, чтобы Архимандритамъ нашимъ вовсе воспретить имѣть крестъ на митрѣ, а всѣмъ Архіереямъ дать право имѣть крестъ на митрѣ, что́ и составляло бы прямое и су-

---

(1) Что Архимандритамъ писались указы св. Сѵнода съ титуломъ «Кавалера»,—это вѣрно; вотъ у насъ теперь же въ рукахъ, для справки, указъ св. Сѵнода отъ 29-го Мая 1819 г. за № 396-мъ, послѣдовавшій на имя въ Бозѣ почившаго, о бытіи ему Епископомъ Калужскимъ съ такимъ именно титуломъ: «Стовропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, Монастыря Архимандриту и *Кавалеру* Филарету».

(2) Высокопреосв. Митрополитъ Московскій Филаретъ получилъ, впослѣдствіи по случаю 50-ти лѣтняго служенія въ санѣ Епископскомъ (1817—1867 г.), право ношенія митры съ крестомъ; равно и высо-

щественное отличіе отъ митръ архимандричьихъ. Кресты эти собственно Епископскіе должны бы быть серебренные вызолоченные, и, пожалуй, и золотые гладкіе; кресты же для Архіепископовъ могли бы быть, въ отличіе отъ Епископскихъ, хотя бы тоже металлическіе, но фигурные, или, пожалуй, изъ камней, но опредѣленнаго цвѣта наприм. зеленаго подъ цвѣтъ изумруда,—а, наконецъ, кресты для Митрополитовъ изъ алмазныхъ камней,—какіе и теперь имъ жалуются. Да и на клобукахъ Архіепископамъ статно было бы, въ отличіе ихъ сана, дать право ношенія крестовъ изъ камней того же изумруднаго цвѣта одинаковаго съ крестомъ на митрѣ. Наконецъ для всѣхъ Митрополитовъ, разумѣю штатныхъ, а не пожалованныхъ только титуломъ Митрополита, каковъ наприм. былъ Митрополитъ Іона, бывшій Экзархъ Грузіи,—почему бы не присвоить права тѣже самыя, что и Митрополиту Кіевскому, т. е. чтобы при Богослуженіи надѣвать двѣ панагіи и чтобы, при входѣ въ храмъ, былъ предносимъ имъ крестъ... Говорятъ, что это принадлежности, или привиллегіи Патріаршескія; да, вѣдь, и Митрополиты Кіевскіе—не Патріархи... Скажутъ: Кіевскимъ Митрополитамъ даны-де эти привиллегіи Патріархомъ... Да, вѣдь, и у насъ Св. Сунодъ равенъ Патріарху; если же Патріархъ чужестранный имѣлъ право даровать эти привиллегіи Митрополитамъ Кіевскимъ, то и Св. Сунодъ такъ же полноправно можетъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о дарованіи этихъ самыхъ іераршескихъ привиллегій обоимъ Митрополитамъ С. - Петербургскому и Московскому, какъ Первосвятителямъ столичнымъ и непремѣннымъ Членамъ Св. Сунода. И это, кажется, не было бы отнюдь новшествомъ... а дѣло состояло бы лишь въ томъ: что теперь жалуется Государемъ, какъ награда, это самое перешло бы

копр. Митрополитъ С. - Петербургскій Исидоръ, по случаю такого же юбилея (1834—1884 г.), получилъ тоже право; вмѣстѣ же съ этимъ оба Первосвятители получили право ношенія двухъ панагій подобно Митрополитамъ Кіевскимъ, — и наконецъ и тому и другому, въ это же время, даровано право, чтобы предъ входомъ ихъ на служеніе былъ предносимъ большой крестъ особеннаго устройства, по подобію же Кіевскому.

въ обычный порядокъ, въ церковно-іерархическій статутъ (1). Иначе случись бы такъ, что прибылъ бы сюда Митрополитъ—или Петербургскій, или Московскій и сталъ бы служить въ Лаврской ли Церкви, или въ Софійскомъ Соборѣ. И что́ же подумалъ бы народъ и даже лица образованныя, когда бы увидѣли, что имъ и креста не предносятъ, и

---

(1) Высокопр. Антоній особенно вспоминалъ эти разсужденія Владыки-дяди, когда въ 1867 г. пожалованы были Государемъ Императоромъ всѣ Кіевскія—преимущества,—именно—и крестъ на митру и двѣ панагіи и крестъ предносимый при входѣ на Богослуженіе.—«Вотъ бы тутъ-то и воспользоваться св. Суноду, чтобы ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, чтобы сказанное пожалованіе Митрополиту Филарету Московскому присвоено было навсегда и всѣмъ Преемникамъ; а въ уровень съ Московскими Митрополитами, само собою, вполнѣ приличествовало бы присвоить это и Митрополитамъ С.-Петербургскимъ, какъ первенствующимъ Членамъ Св Сунода.—Вообще высокопр. Антоній вполнѣ сочувственно и съ полнымъ убѣжденіемъ раздѣлялъ всѣ вышепреведенныя разсужденія своего дяди. Относительно же Архимандритскихъ—Кіевскихъ митръ съ крестами онъ и самъ всегда удивлялся, что этотъ обычай не уничтоженъ; такъ какъ, по его убѣжденію,—этотъ обычай совершенно произвольный. . По моему должно полагать, говорилъ онъ,—что если Патріархомъ было пожаловано право носить митру съ крестомъ и Архимандриту въ Лаврѣ, то это несомнѣнно—относилось только къ лицу Архимандритовъ, какъ бывшихъ тогда *самостоятельными* Настоятелями Лавры, которые перестали быть съ тѣхъ поръ, какъ Священно-Архимандритами стали быть Митрополиты Кіевскіе,—а бывшіе настоятельствовавшіе Архимандриты переименованы въ Намѣстниковъ. Слѣдоват. если и оставалось бы право носить митру съ крестомъ, то собственно только для Намѣстниковъ,—и болѣе ни для кого, такъ какъ теперешнія Архимандритствующія лица—Казначей, Екклисіархъ и иные не имѣютъ обыкновенно званія Настоятелей монастырей, а возводятся въ этотъ санъ только титулярно ради, положимъ, особыхъ ихъ заслугъ, или просто ради того, чтобы Богослуженіе въ извѣстные Праздники въ Лаврѣ совершалось торжественнѣе».—При этихъ объясненіяхъ высокопр. Антонія я поставилъ ему вопросы—«Во 1-хъ насколько же возможно допустить тотъ порядокъ, что, пріѣзжающіе на богомолье, или почему либо, Архимандриты и Архіереи изъ Великорусскихъ епархій, когда желаютъ служить въ Лаврѣ, но не имѣютъ, привезенныхъ съ собою, митръ (которыя у нихъ, само собою, безъ крестовъ), надѣваютъ митры съ крестами, которыя обыкновенно выдаются имъ изъ Лаврской ризницы?!! «Строго говоря, отвѣтилъ Владыка, этотъ порядокъ не долженъ бы быть, хотя и въ лицѣ Архіерея, а тѣмъ паче по отношенію къ Архимандритамъ».—Во вторыхъ спросилъ я вообще объ архимандритскихъ

панагію надѣваютъ на нихъ одну, и на митрѣ-то у нихъ нѣтъ креста?! Очевидно, вышли бы недоумѣнія, или какія либо толкованія на разные лады...—Или случись бы еще такъ, что я сталъ бы служить вмѣстѣ съ Митрополитомъ нашимъ. Петербургскимъ; встрѣча при входѣ въ храмъ, конечно, должна бы быть намъ обоимъ общая,—спрашивается: былъ ли бы тутъ предносимъ крестъ?.. Далѣе,—когда бы мы облачались среди Церкви, на меня надѣли бы двѣ панагіи и митру съ крестомъ, а на Петербургскаго нѣтъ... Опять тоже была бы молва и тѣмъ болѣе, что Митрополитъ Петербургскій, какъ Первенствующій Членъ Св. Сѵнода, по праву первенствовалъ бы и въ Священнослуженіи. — Обо

митрахъ, — и съ крестомъ, и безъ креста· — «Могутъ ли эти митры, когда совершаютъ Богослуженіе Архимандриты, быть полагаемы на св. Престолѣ въ извѣстныя времена, когда онѣ снимаются съ головы, подобно тому, какъ митры Архіерейскія всегда полагаются на Св. Престолѣ?! —«А откуда у тебя взялся этотъ самый вопросъ»,—сказалъ Владыка. «Онъ у меня на умѣ слишкомъ давно, — даже прежде чѣмъ я принялъ монашество; а когда я получилъ Архимандритство, то этотъ вопросъ сталъ для меня не на умѣ только, а на душѣ... и я рѣшилъ его по своему убѣжденію въ самое же первое мое служеніе Литургіи въ санѣ Архимандрита»... «Ну, а какъ же именно ты рѣшилъ»?.. «Очень коротко и просто; когда, служившій со мною, Іеродіаконъ, твердо знающій общепринятый порядокъ при Архимандритскомъ служеніи, протянулъ свои руки, чтобы снять съ головы моей митру, я отклонилъ это; снявши же самъ митру, я положилъ ее на аналогіи, на которомъ обыкновенно полагается служебникъ... Правда, Іеродіаконъ и, сослужащіе со мною, двое Іеромонаховъ переглянулись при этомъ между собою въ понятномъ смыслѣ, т. е. что я-де, какъ служащій въ санѣ Архимандрита въ первый еще разъ, не знаю уставнаго порядка .;—но этимъ дѣло и кончилось и для нихъ, когда они увидѣли, что я, и впослѣдствіи завсегда, снималъ самъ митру и полагалъ ее на аналогіи»... «Отъ чего же, однако, ты такъ рѣшилъ и поступилъ, — спросилъ Владыка какъ бы въ раздумьѣ»..,—«Отъ того, что митра, присвоенная Архимандритамъ вмѣстѣ съ саномъ, не имѣетъ вовсе церковно - каноническаго значенія и, тѣмъ паче, въ смыслѣ хиротоніи, какъ дѣйствія, относящагося къ Таинству Священства. Это митра есть не болѣе, какъ принадлежность къ сану и лицу въ смыслѣ награды, подобно какъ камилавка Протоіерейская.. И исторически это такъ; митры пожалованы были Архимандритамъ, извѣстно когда; а до этой поры Архимандриты ихъ не имѣли; равно и теперь жалуются Государемъ митры Протоіереямъ... Архіерейскія митры имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, именно хиротоническое,

всемъ этомъ, помнится, у меня былъ разговоръ и съ Графомъ А. П. Толстымъ (разумѣется въ Крымскую войну). Коли бы знатьé, что онъ будетъ Оберъ-Прокуроромъ Св Синода, то можно бы тогда же разсудить съ нимъ и гораздо посерьезнѣе.—Правда, онъ былъ однихъ со мною мнѣній, и благо бы, если бы онъ самъ все воспроизвелъ, что́ было говорено мною и имъ; а напоминать мнѣ, конечно, не подъстать; да уже и не объ этомъ теперь мои помышленія. Вотъ, развѣ ты, Иванъ Михайлычъ, какъ великій знатокъ Церковной Каноники и вообще Церковной Исторіи, поразмыслилъ бы объ этомъ хорошенько и написалъ что нибудь... «Да и я готовъ съ удовольствіемъ, вызвался Аскоченскій... «Ну, братъ, тебѣ и не кстати, какъ мірскому человѣку; а съ тѣмъ вмѣстѣ ты, вѣдь, не утерпишь, чтобы не покраснобайничать и не поострить... да, пожалуй, набрешишь на свою же голову и другихъ втянешь, подобно какъ твоею недавнею статьею объ Университетѣ..; а тогда ужъ тебя потянутъ не въ гауптвахту въ здѣшней крѣпости, а засадятъ въ Суздальскій Спасо-Ефимовъ монастырь (1).

и потому онѣ и полагаются на св. Престолѣ, и даже выносятся по чину на великомъ выходѣ,—а наконецъ и употребляются иначе, а именно—Архіереи не снимаютъ митры во время чтенія св. Евангелія, а также и во время возгласовъ «*поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще*» и «*Примите, ядите и пр...*, тогда какъ Архимандриты въ это время должны снимать свои митры» —Владыка, какъ бы конфузясь не многко, сказалъ: «да, хотя я и самъ, бывши Архимандритомъ, держался общепринятаго порядка, но теперь вполнѣ вижу, что ты право разсудилъ а право поступаешь. . Хорошо бы эту мысль провести и другимъ... а прямо мнѣ напр. объявить это не приводится; пожалуй, молва выйдетъ со стороны не понимающихъ»...

(1) Объ указанномъ высокопр. Филаретомъ фактѣ по поводу статьи Аскоченскаго о Кіевскомъ Университетѣ было изложено нами въ Біографіи высокопр. Антонія (Том. II. стр. 456—457). Приводимъ и здѣсь это изложеніе, такъ какъ этотъ самый фактъ относился лично и къ высокопр. Филарету.—«Былъ случай, что Аскоченскій чуть было не посадилъ Владыку въ просакъ, да и меня (Антонія) тутъ же по части своей авторской публицистики; по крайней

Съ своей же стороны, высокопр. Антоній, закончивши всю, нами изложенную съ его разсказовъ, бесѣду высокопр. Филарета, присовокупилъ. «Да, и я, какъ теперь помню, въ Смоленскѣ, когда у меня прожилъ всю первую недѣлю великаго поста Князь Сергій Николаевичъ Урусовъ, бывшій тогда Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, имѣлъ разговоръ съ нимъ обо всемъ, что̀ говорилъ Владыка-дядя; Князь тоже былъ во всемъ согласенъ.—Потому-то не лишне будетъ и тебѣ (мнѣ—пишущему) помѣстить, хотя

мѣрѣ, бывшаго тогда Викарія, преосв. Аполлинарія онъ положительно втянулъ было въ весьма непріятную серьезную исторію... Благо, что тогда былъ Генералъ-Губернаторъ такой (Князь Илар. Илар. Васильчиковъ), предъ которымъ достаточно было одного слова Владыки Филарета, чтобы не давать формальнаго значенія этому факту; хотя Владыка, въ тоже время, охотно согласился съ Княземъ, что нужно-де все-таки проучить борзописца... посадить его подъ арестъ въ крѣпость .., куда, впрочемъ, Владыка приказалъ посылать ему отъ себя столъ обѣденный». Указываемая здѣсь, исторія относится къ 1856—57 гг. Вкороткѣ сказать, она состояла въ слѣдующемъ.—«Аскоченскій составилъ огромную статью съ описаніемъ въ ней status quo Кіевскаго Университета съ очень неодобрительной стороны на основаніи бывшихъ, доступныхъ его вѣдѣнію, подлинныхъ фактовъ .. Рукопись его пошла по рукамъ разнымъ,—попала и въ Академію, и къ студентамъ, гдѣ, по его же желанію секретному, она была переписана въ нѣсколькихъ экземплярахъ... Подлинную же рукопись давалъ онъ читать и Владыкѣ Филарету и преосв. Антонію; тотъ и другой находили ее, въ извѣстной степени, имѣющею значеніе правды. Преосвящ. же Викарій Аполлинарій до того увлекся содержаніемъ этой (подлинной) рукописи, что на ней же самой написалъ свой, хотя и краткій, отзывъ въ похвалу автору... Этотъ отзывъ тоже пошелъ по рукамъ, и вотъ, наконецъ, мѣстное Начальство накрыло эту исторію.., какъ говорится, съ поличнымъ... и тогда-то Аскоченскаго притянули куда слѣдовало... и въ заключеніе всего, посадили на гауптвахту въ крѣпость... Что̀ же ка-

вкороткѣ, эту бесѣду Владыки въ его Біографіи, равно какъ и другія, которыя я тебѣ, по временамъ, передавалъ съ этою именно цѣлію, чтобы ты, съ одной стороны, возможно хорошенько изучалъ вообще духъ и характеръ Владыки-дяди, а съ другой — уразумѣвалъ и самые его взгляды и сужденія, которые сколько были, отчасти, какъ бы простодушны, столько же, безъ лести сказать, весьма назидательны даже въ самыхъ частностяхъ, или почти въ мелочахъ.— И замѣчательно:—скажи это же самое другой кто нибудь, вышло бы, пожалуй, ни такъ, ни сякъ...—а у него на оборотъ... Это замѣчали и чувствовали, бывало, всѣ даже и на экзаменахъ въ Академіи, или въ Семинаріи, да и всѣ кто только имѣлъ случай слышать его подобныя бесѣды»... Эти слова высокопр. Антонія, дѣйствительно, совершенно тождественны съ тѣми, которыя поставлены нами во второмъ эпиграфѣ въ настоящей главѣ,—взятыя изъ надгробной рѣчи, а именно: «Въ личныхъ бесѣдахъ съ Тобою, нашъ незабвенный Архипастырь, и мудрые умудрялись, и въ частныхъ изреченіяхъ Твоихъ почерпали всѣ, могущіе уразумѣвать, глубокое вѣдѣніе; видѣли мы въ Тебѣ истинно-духовный вкусъ и взглядъ на все въ предметахъ и въ явленіяхъ, повидимому, простыхъ и обиходныхъ; вѣдали Твою во многомъ великую прозорливость» (1).

Обращаемся же къ указываемымъ даннымъ, и, въ ряду ихъ, прежде всего къ прерванному нами на время раз-

---

салось до доставляемаго обѣда Викт. Ипатьевичу во время его заключенія, то противъ этого выразилъ-было свою претензію Комендантъ крѣпости. Владыка Филаретъ, услышавши подобныя слова отъ претендовавшаго, сказалъ ему въ отвѣтъ: «*Въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте...* такъ рекъ Господь. Если бы и ваше высокородіе попали въ заключеніе..,—будущее одинъ Господь вѣдаетъ..,—тогда бы и къ вамъ отнесся я такъ же, какъ къ теперешнему заключенику...» Впослѣдствіи говорили, что слово архистарца Владыки будто бы не прошло даромъ для претендовавшаго...

(1) Слова изъ надгробной рѣчи Архимандрита Петра, бывшаго Ректора Кіевской дух. Академіи.

говору высокопр. Филарета о религіозно-нравственномъ и вообще житейскомъ состояніи лицъ въ образованномъ обществѣ (1). Разговоръ этотъ былъ переданъ въ подробности высокопр. Антоніемъ; но главныя положенія сужденій высокопр. Филарета мы встрѣчаемъ и въ дневникѣ о. Намѣстника (2). Такъ въ дневникѣ подъ заглавіемъ — «Взглядъ Владыки нашего на состояніе человѣчества», и въ частности общества въ средѣ нашихъ Русскихъ», читаемъ слѣдующее. «Чего ожидать въ настоящее время въ отношеніи къ Религіи и христіанской жизни вообще?.. Если самое Христіанство оказывается какъ бы безсильнымъ, чтобы сдѣлать людей лучшими, то кто же и что́ ихъ исправитъ?! Ахъ! какъ скорбно, какъ больно видѣть и слышать, до какой степени все портится, все опускается, небрежется (развращается...) въ отношеніи и спасительной Вѣры, и жизни Христіанской!!! Хвалятся наприм. нынѣ филантропіей... Но что́ въ этой филантропіи?! Это—служеніе не столько Богу, даже вовсе не Богу, а сатанѣ, т. е. если не прямо ему, то своимъ похотямъ,... которыя суть порожденія сатанинскія... Самымъ даже счастіемъ мы не умѣемъ пользоваться... Благословляетъ насъ Господь Богъ миромъ,—а мы вдаемся въ роскошь... въ распущенность нравственную... (распутство...) А что́ сказать о христіанскихъ обязанностяхъ—о постѣ, о молитвѣ? Поститься, говорятъ открыто, мы-де не можемъ.., а молиться намъ-де некогда. .»

Прочитавъ, вмѣстѣ со мною, эту запись въ дневникѣ высокопр. Антоній, сказалъ, что эти же разсужденія были высказаны дядею и въ его извѣстномъ разговорѣ. — Онъ, помню, говоря, что самое Христіанство оказывается какъ бы безсильнымъ, чтобы сдѣлать людей лучшими, выразилъ это словами изъ великаго канона св. Андрея Критскаго: «*За-*

---

(1) Смотр. выше стр. 588.

(2) Считаемъ нужнымъ сказать предъ читателями, что всѣ дальнѣйшіе разговоры высокопр. Филарета будутъ приводимы нами совмѣстно и изъ устныхъ разсказовъ высокопр. Антонія и изъ дневника о. Намѣстника; причемъ записи въ послѣднемъ будутъ приводимы не въ порядкѣ времени, а судя по содержанію ихъ.

конъ Божій изнеможе, Евангеліе празднуетъ, Писаніе же все въ тебѣ, о душе́, небрежено бысть».. (1) А что́ касается словъ его: «Самымъ счастіемъ мы не умѣемъ пользоваться... Богъ благословилъ насъ миромъ, а мы вда́емся въ роскошь, въ распущенность нравственную... «(Буквально было сказано: «*въ распутство*» — и это выраженіе,—прибавилъ высокопр. Антоній, — намъ слушавшимъ было понятно даже и въ томъ,—къ кому оно намекательно относилось...) Изъ этихъ - то словъ—«Богъ благословилъ насъ миромъ, а мы вдаемся въ роскошь и пр.»—Владыка и началъ развивать всѣ свои взгляды и сужденія о современномъ религіозно-нравственномъ и вообще житейскомъ состояніи общества, указывая съ удивительною мѣткостію на многообразныя стороны мірской свѣтской жизни—общественной и семейной (2), представляя при этомъ, не разъ, примѣрный образецъ въ лицѣ Государыни Императрицы,—о Которой, главнымъ образомъ, и была ведена имъ рѣчь подъ вліяніемъ, съ благоговѣніемъ воспринятыхъ имъ, впечатлѣній и чувствованій при бывшемъ посѣщеніи Ихъ Величествъ.

«Да, говорилъ Владыка, вотъ Богъ благословляетъ насъ миромъ... и что́ жъ сто́имъ ли мы сей милости мира?! Во время войны-то будто было что-то похоже на всеобщее вра-

---

(1) Канонъ великій св. Андрея Критскаго, пѣснь IX, троп. 3-й, въ понедѣльникъ первой седмицы NB. Выраженіе «*Евангеліе празднуетъ*» въ Славянскомъ текстѣ представляется отчасти не понятнымъ и даже, какъ бы, страннымъ.., Въ Греческомъ подлинномъ текстѣ глаголъ *празднуетъ* стоитъ ἀργεῖ—который означаетъ... бездѣйствуетъ и оказывается недѣйственнымъ.. Вообще, приведенныя по Славянскому тексту, выраженія на Русскомъ языкѣ переводномъ съ подлинника должны читаться такъ: «Законъ Божій сдѣланъ безсильнымъ, Евангеліе стало недѣйственнымъ, и всякое писаніе (душеспасительное) тобою, душа моя, пренебрежено, какъ безполезное.. » и пр.

(2) Отдавая всю несомнѣнную достодолжную вѣру въ справедливость, передаваемыхъ высокопр Антоніемъ, разговоровъ своего дяди, мы не можемъ, однако, не допустить, что передававшій высказывалъ при этомъ и свои взгляды и сужденія, которыя, дѣйствительно, бывали вообще у него сходственно-характеристичны съ дядею и слагались и самолично такъ же.

зумленіе и нѣкое остепененіе... И лично я слышалъ и въ газетахъ-то печатали, что вотъ-де наши барыни даютъ себѣ зарокъ, чтобы не носить платьевъ и всякихъ нарядовъ роскошныхъ,—а тѣмъ болѣе не покупать матерій и проч. заграничныхъ и, въ особенности, французскихъ; а мужчины-де отрекаются покупать и пить вина заграничныя и курить сигары заграничныя и пр... А что жъ?.. Спроси ихъ теперь объ этомъ,... навѣрное, и изъ памяти уже вышло все,—а иные, пожалуй, еще сами же насмѣются надъ тѣмъ, что́ было говорено и печатано... Не хотѣли также въ нашихъ великосвѣтскихъ семьяхъ и нанимать гувернёровъ и гувернантокъ французскихъ и англійскихъ и др.; и даже, помнитъ, думаю, каждый изъ васъ (присутствовавшихъ) тотъ, пропечатанный въ газетахъ, фактъ,—какъ въ двухъ семействахъ великосвѣтскихъ оказались гувернерами—одинъ изъ бѣжавшихъ съ галеръ, а другой, говоря по нашему, битый кнутомъ на торговой площади... (1). Хотѣли тогда же бросить и танцы подъ разными названіями французскими,—и даже не учить дѣтей французскому языку,—а замѣнить это обученіе языку Новогреческому..., который даже расхваливался было и за самый его говоръ нѣжный и пріятный по звуковыраженіямъ... И я, было, порадовался этому въ особенности потому, что чрезъ этотъ языкъ, если бы, дѣйствительно, стали обучать этому языку съиздѣтства, какъ доселѣ французскому, то, несомнѣнно, вмѣстѣ съ нимъ входило бы, по самому коренному сродству, весьма большóе ознакомленіе и съ языкомъ славянскимъ,—котораго чураются, какъ чумы... Но все это, если и было, за то вдругъ какъ будто ливнемъ смыло... И что́ же послѣ всего этого остается, какъ развѣ приложить къ намъ словá Св. Пророка Исаіи: «*Увы, языкъ грѣшный, людіе исполненніи грѣховъ, сѣмя лукавое,—отвратистеся вспять отъ Святаго Израилева... Чтò убо еще уязвляетеся, прилагающе беззаконіе*»?! А, вѣдь, эти-то послѣднія слова означаютъ по нашему выраженію: «Во что́ бить еще васъ, про-

(1) Въ газетахъ было, дѣйствительно, объ этомъ печатано, именно во время Крымской войны.

должающихъ такое свое отступленіе и упорство?!. (Исаіи гл. I. ст. 4. 5) (1). — Правда Господь, по неизрѣченному милосердію Своему, билъ насъ въ недавнюю войну не больно, не такъ, какъ въ двѣнадцатомъ году, — а сказать-то по истинѣ, едвали мы не заслуживали бы того же... По крайней мѣрѣ не мы ли, или точнѣе—Сама Св. Матерь Церковь, и доднесь ежегодно молимся тою же молитвою покаянною, какою молились наши дѣды и отцы въ оную страшную войну... и притомъ такъ, что исповѣдуемъ и теперь сами же о себѣ: «и мы вѣдѣхомъ и вѣдаемъ, яко прiиде оное страшное посѣщеніе на отцы наша по беззаконіямъ ихъ,—обаче (однако) онаго посѣщенія Твоего, Господи, не убоявшеся и о милосердіи Твоемъ вознерадивше, и мы оставихомъ, (яко же и отцы), путь правды Твоя, и, еще же отеческія преданія ни во что же вмѣнивше, прогнѣвахомъ Тя... Сего ради тако и насъ объятъ лютое обстояніе»... И, что замѣчательно, это лютое, какъ прежнее, такъ и недавнее обстояніе произошло именно отъ тѣхъ, какъ изречено буквально въ молитвѣ, *и о ихъ же ревновахомъ наставленіихъ, сихъ*-то именно *враговъ и имѣяхомъ—буiихъ и звѣроправныхъ*... т. е. тѣ-то и французы и англичане, которымъ мы до ослѣпленія и обезумленія ревнуемъ во всемъ подражать, были и въ послѣднюю войну *буiими и звѣроправными врагами*... А наконецъ, что относится къ *отечественнымъ преданіямъ* и роднымъ Русскимъ обычаямъ, то ихъ-то не только *ни во что же мы вмѣнихомъ*, но какъ бы въ посмѣшище обратихомъ и собственно ради того, чтобы не отстать отъ *оныхъ наставленій буiихъ и звѣроправныхъ*... и при томъ въ такой степени, что иные,—это я знаю по опыту,—даже выражаютъ недовольство и чуть не негодованіе на то, что такія—дескать грубыя выраженія употребляются до днесь при торжественномъ молебствіи... Значитъ,—вонъ куда пошло... т. е. что и молитвы-то церков-

(1) Въ Русскомъ переводѣ Библіи, изданномъ по благословенію Св. Сунода въ 1872 г. славянскія слова: «*Что еще уязвляетеся, прилагающе беззаконіе*... переведены буквально такъ же,—т. е. во что васъ бить еще, продолжающіе свое упорство?!.

ныя нужно измѣнить (1)... и ради кого же, — ради тѣхъ, кои никогда и не молятся..., и въ Церкви лба не перекрестятъ, а для преклоненія колѣнъ, даже и на молебнѣ, и ноги-то у иныхъ, какъ бы слоновьи, вовсе не сгибаются... А, вотъ, повидѣли бы хоть разочикъ и поучились, какъ и Государь и Государыня и крестное знаменіе творятъ и какъ усердно покланяются; да еще и то приняли бы въ умъ разумъ, что́ Они же принесли и приношеніе—драгоцѣнную

---

(1) О чемъ разсуждалъ въ свое время высокопр. Филаретъ, какъ о дѣлѣ, по его понятію и убѣжденію, конечно, не сбыточномъ,—это самое, спустя *двадцать* лѣтъ, на оборотъ *сбылось*... Но при этомъ особенно замѣчательно то́, что едва ли не одно и *единственное* лицо—покойный высокопр. Антоній Архіеп. Казанскій возревновалъ, подобно дядѣ своему, что бы поступить *такъ, какъ* онъ, дѣйствительно, поступилъ въ настоящемъ дѣлѣ. Выписываемъ здѣсь отъ слова до слова сказанное нами въ біографіи высокопр. Антонія по этому дѣлу. «Когда послѣдовало *распоряженіе*, чтобы молитву, читаемую на молебнѣ въ день Рождества Христова, *изъять изъ употребленія*, съ отобраніемъ даже у церковныхъ причтовъ самыхъ книжекъ прежняго изданія, и замѣнить эту молитву какою-то видоизмѣненною съ сокращеніемъ и, главное, съ выпусками самыхъ характеристичныхъ свойствъ и чертъ «*враговъ, ратовавшихъ и хотѣвшихъ сокрушить Россію*», тогда высокопр. Антоній такъ разсуждалъ объ этомъ.—« А почему вышло такое роспоряженіе?!. Потому, что многія-де слова и изреченія въ прежней молитвѣ слишкомъ рѣзки, не гуманны, обидны для образованныхъ представительныхъ націй... Ужъ если такъ разсуждать, —то нужно исключить и чтеніе паремій изъ Пророка Исаіи, гдѣ гордость и славолюбіе тогдашняго ненасытнаго завоевателя всемірнаго приуравнены къ тому, *кто рекъ: на небо взыду, выше звѣздъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ вышнему*,—т. е. къ *самому сатанѣ*... Однако, эта паремія читается и теперь.—Мнѣ кажется, что поступать такъ, значило бы нарушить смыслъ фактовъ историческихъ и насиловать самое чувство народно-историче-

лампаду къ св. Главѣ Великаго Князя Владиміра; а Государыня еще и въ прошломъ году, вскорѣ же послѣ Коронаціи, принесла и возложила драгоцѣнный покровъ на св мощи Св Преподобнаго Сергія Радонежскаго; и этотъ покровъ, кромѣ вещественныхъ драгоцѣнностей, особенно драгоцѣненъ тѣмъ, что Она – Матушка Сама вышивала его по особенному на это Своему обѣту... А нынѣшнимъ-то боярамъ и боярынямъ придетъ-ли это и на мысль, или хоть бы во снѣ пригрезилось... О Государынѣ-то за достовѣрное свидѣтельствуютъ, что Она вообще занимается какимъ нибудь рукодѣліемъ, находясь не только въ Своихъ покояхъ, но и въ средѣ семейныхъ и приближенныхъ.—Наконецъ и еще я знаю лично отъ достовѣрнѣйшихъ лицъ придворныхъ, что у Государыни Императрицы есть отдѣльная моленная комната, въ которой нѣсколько кіотей съ великимъ множествомъ св. Иконъ всякаго вида, и предъ ними денноночныя лампадки горятъ... А у нашихъ-то боярынь что?! Столько же за достовѣрное знаю я, что и всѣ Августѣйшіе Дѣти не отходятъ ко сну и не являются утромъ къ Своимъ Родителямъ иначе, какъ получивши благословеніе Ихъ осѣненіемъ

ское, особливо въ лицѣ тѣхъ, кто были современниками и переживали сами ту страшную годину и, быть можетъ, встрѣчали, лицемъ къ лицу въ побоищахъ, *оныхъ буйныхъ звѣронравныхъ* (какъ выражено въ молитвѣ) *враговъ* нашего отечества, а паче всего Вѣры и Церкви, и потому буквально *звѣрски* старавшихся осквернять храмы и всѣ святыни и все, что́ драгоцѣнно болѣе самой жизни для всякаго истинно Православнаго, для его вѣрующаго сердца и народнаго духа. Въ Казани, какъ извѣстно всѣмъ, преосв. Антоній, дѣйствительно, всегда читалъ на молебствіи въ день Р. Х. молитву прежняго составленія; онъ не сдѣлалъ (кажется), и настоятельнаго распоряженія объ отобраніи книжекъ прежняго изданія. Онъ почему-то былъ увѣренъ (и высказывался), что, послѣдовавшее по этому предмету, распоряженіе обязано своимъ происхожденіемъ не самому св. Синоду, да и сообщено оно было не въ формѣ указа св.Синода, а только отношенія за подписомъ Оберъ-Секретаря». .

крестнаго знаменія надъ главою .. Вотъ гдѣ бы поучиться мужьямъ-отцамъ и женамъ-матерямъ въ нынѣшнемъ свѣтскомъ родѣ всему истинно-христіанскому Православному правилу домашней семейной жизни!!. Но, впрочемъ, что́ я говорю,—когда нынѣ вчастую́ встрѣчаешь мужа Православнаго, а жену или лютеранку или католичку, и на оборотъ... Чего же тутъ и ожидать и въ отношеніи къ нимъ самимъ, и къ самымъ дѣтямъ, хотя послѣднія и должны воспитываться по Православному» ..

Относительно этихъ разновѣрныхъ супружествъ и вообще о лютеранствѣ и католичествѣ, и папствѣ у Владыки бывали, говорилъ высокопр. Антоній, не рѣдкія разсужденія съ самыми лицами, его посѣщавшими, изъ которыхъ по преимуществу бывали жены лютеранки; равно какъ онъ же не опускалъ всякаго удобнаго случая заводить рѣчь съ посѣтителями изъ образованныхъ относительно молитвы, крестнаго знаменія и посѣщенія Богослуженія и говѣнія.—Въ дневникѣ о. Намѣстника дѣйствительно имѣются многія записи этого рода, изъ коихъ нѣкоторыя мы здѣсь и приведемъ въ подлинникѣ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ дополненій, или объясненій, дѣланныхъ высокопреосв. Антоніемъ.

«Явился Жандармскій Полковникъ Рыбновскій. Я имѣю особенную вѣру къ Владыкѣ; могу ли принять его благословеніе? Я доложилъ; Владыка изволилъ сказать: пусть придетъ.—Я ввелъ Полковника. Благословляя съ полнымъ священнымъ благоприличіемъ, Владыка сказалъ: Здравствуйте... Полковникъ, поклонясь низко, поцѣловалъ руку.—Садитесь, посидите со мной.—Полковникъ сѣлъ у головы Архипастыря, а онъ продолжалъ: Я отхожу въ жизнь вѣчную, а вы поживите; желаю вамъ здоровья, благополучія временнаго и блаженства вѣчнаго... Да помните Бога, не ограничивайте вашихъ желаній, вашей службы одними временными видами; а старайтесь получить и царство небесное. Вотъ я прожилъ восемьдесятъ лѣтъ и говорю по опыту: жизнь наша ограничивается однимъ настоящимъ, временнымъ, ничтожна и одна пустая безполезная суета... Но когда живешь и употребляешь жизнь для блаженства вѣчнаго, это совсѣмъ другое дѣло.—Такъ и вы живите по хри-

стіански и съ женою и семействомъ.—«Нѣтъ я только съ сестрою».—Ну хорошо, такъ живите и съ сестрою, любите и оберегайте другъ друга. Скажите и ей мое благословеніе и передайте мои слова, и чтобы Богу молилась хорошенько и исполняла и постъ и говѣніе... (1).

«Привѣтъ и ласки молюткѣ — кадету (сыну Маіора Павловскаго) отъ Владыки за то, что онъ хорошо стоялъ во время Божественной Литургіи и правильно и усердно дѣлалъ на себѣ крестное знаменіе... А какъ тутъ же въ гостинной находились многіе отцы и матери, то Владыка всѣмъ внушалъ, чтобы они своимъ родительскимъ примѣромъ старались научать дѣтей своихъ совершать крестное знаменіе и въ церкви, и при домашнихъ молитвахъ съ полнымъ благоговѣніемъ, а не безсмысленнымъ маханіемъ руки,—и въ подтвержденіе своихъ внушеній ссылался на слово Св. Златоуста, читанное въ этотъ день въ Церкви за Литургіею» (2).

«Супруга Генералъ-Лейтенанта Тучкова была у обѣдни и у Владыки,—при чемъ о мужѣ своемъ сказала, что онъ очень жалѣетъ, что не могъ быть въ Церкви по множеству занятій.—Владыка замѣтилъ: «ну этому-то я не повѣрю;—можно дѣлать дѣло и быть въ церкви, и такой порядокъ лучше; помолясь, всегда и самое дѣло сдѣлаешь и скорѣе и спѣшнѣе. Вотъ Генералъ, (указывая на Главнокомандующаго Панютина) нашелъ же время. Такъ и супругъ вашъ могъ бы быть въ церкви, и потомъ успѣть дѣлать дѣло. Такъ и скажите ему отъ меня» (3).

«Генеральша Т... говѣла вмѣстѣ съ дѣтьми и, желая пріобщиться Св. Таинъ въ Пещерной церкви св. Преподобнаго Антонія, просила меня (Намѣстника), чтобы, по ея немощи, обѣдня была въ 9-ть часовъ (вмѣсто обычнаго времени въ 7-мь ч.). На мой докладъ о семъ Владыка сказалъ: «Если бы и въ 10-ть часовъ, — Богъ да благословитъ... Да, надобно вообще оказывать всякое снисхожденіе

---

(1) Дневникъ, 1857 г. 19 Декабря, стр. 42 на обор. 43 и на обор.

(2) Дневникъ 1857 г. 10 Марта стран. 14.

(3) Днев. 1856 г. 29 Янв. стр. 15 на обор.

къ немощамъ немощныхъ въ духовныхъ ихъ нуждахъ» (1). «Да слава Богу, что исполняютъ этотъ святѣйшій долгъ; и при немощахъ есть усердіе поговѣть... А то инымъ изъ подобныхъ лицъ никоимъ образомъ не втолкуешь въ голову: когда здоровы-то какъ будто не имѣютъ надобности поговѣть... и даже еще что̀ приводилось мнѣ отъ нѣкоторыхъ слышать по искреннему ихъ признанію..; они стыдятся и боятся даже говѣть и пріобщаться, когда здоровы и когда не великій постъ... что̀ де подумаютъ и скажутъ другіе объ ихъ говѣніи не во́время... А когда дѣйствительно заболѣютъ, то опять ссылаются на самыя немощи болѣзненныя, по которымъ-де не въ состояніи ни говѣть, ни молиться... И выходитъ, что врагъ-то діаволъ то рогами, то хвостомъ такъ и запинаетъ души христіанскія на пути спасенія» (2).

«Директоръ Коммерческаго Банка прибылъ съ своею женою и объяснилъ, между прочимъ, что жена его Лютеранскаго исповѣданія, но она учится Православному закону и желаетъ принять Православіе. Владыка сказалъ: «Богъ васъ благословитъ, и совѣтую тебѣ (женѣ) исполнить это. Такъ и должно... Между мужемъ и женою не должно быть ни въ чемъ раздѣленія, тѣмъ паче въ дѣлѣ Вѣры... Имъ должно единомысленно держаться одного благочестія, чтобы вмѣстѣ и здѣсь содѣвать спасеніе и вмѣстѣ, предстать и предъ Господа въ Царствіи небесномъ.—У васъ есть дѣти?—Нѣтъ.—Такъ будутъ, когда ты, жена, присоединишься къ Св. Православной Церкви, а я это не только совѣтую тебѣ, но и приказываю,—исполни непремѣнно... Жаль, что это не могло совершиться при мнѣ; но Богъ устроитъ и безъ меня (3).

«Бывали и другіе факты этого же рода, говорилъ высокопр. Антоній; и Владыка-дядя съ особенною готовностію разсуждалъ съ подобными лицами, разновѣрно - брачными; при этомъ онъ указывалъ какъ на примѣрные образцы въ нашемъ Царственномъ Родѣ, начиная съ самаго Великаго

---

(1) Дневникъ 1856 г. 30-го Ноября.

(2) Слова, переданныя высокопр. Антоніемъ въ дополненіе къ записи въ дневникѣ.

(3) Дневникъ 1857 г. 8-го Ноября.

Князя Св. Владиміра, который хотя былъ самый закоренѣлый и рьяный идолопоклонникъ, принялъ, однако, Христіанскую Вѣру вмѣстѣ съ рукою и законнымъ бракомъ съ Греческою Царевною,—и принялъ именно Вѣру Православную. ., иначе, Боже упаси, что̀ было бы съ нашимъ Отечествомъ и всѣмъ Русскимъ народомъ, если бы онъ принялъ Католическую—Папскую вѣру... Примѣръ не далекій на глазахъ—бѣдная жалкая Польша. Да если бы была тогда и Лютеранская вѣра, и онъ принялъ бы ее,—и тогда не легче... При подобныхъ разсужденіяхъ о Лютеранствѣ и Папствѣ Владыка выражался иногда слишкомъ рѣзко и, можно сказать, безпощадно въ силу его безпредѣльной ревности о Православной Христовой Вѣрѣ и Церкви»...—Дѣйствительно, и въ дневникѣ находятся многократныя записи указываемыхъ разсужденій именно въ самомъ рѣзкомъ духѣ и значеніи и о Лютеранствѣ и еще болѣе о Католицизмѣ и въ частности о Папствѣ... «Православная Христова Вѣра только и есть единый и единственный *Царскій* путь ко спасенію и временному и вѣчному,—говорится въ одной записи въ дневникѣ,—а лютеранство что?!. Это—во все и не христіанство, а *антихристіанство*»... (1). По разсказамъ высокопр. Антонія, высокопреосв. Филаретъ и на экзаменахъ выражался такъ, и не соглашался на самое названіе «Лютеранская *церковь*»... Какая тутъ церковь?! Церковь Божія истинная единственная есть та, юже Господь Іисусъ Христосъ стяжа честною Своею Кровію и которой Онъ есть Глава, а Церковь Его тѣло... А если и называется Лютеранство церковью, то это одна кличка, или, пожалуй, церковь, но въ томъ же значеніи, въ какомъ именуется и въ словѣ Божіемъ *церковь лукавнующихъ*, т. е. собраніе, сборище,—или *языческая неплодящая церковь*, какъ выражается это въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. .—По моему,—да такъ и должно быть, *лютеранство* еще осуждено Св. Апостоломъ въ Посланіи къ Коринѳянамъ: «Кійждо (изъ) васъ глаголетъ: азъ убо есмь *Павловъ*, азъ же—*Аполлосовъ*, азъ же—*Кифинъ*, азъ же—*Христовъ*... Но

(1) Дневникъ 1857 г. 24 Октября.

еда́ раздѣлися Христосъ? еда́ Павелъ разпятся по васъ, или во имя Павлово крестистеся?! (I Кор. гл. I. ст. 12 13). Не эти ли же самыя изреченія св. Апостола приложимы во всей силѣ значенія и къ нынѣшнимъ Нѣмцамъ и другимъ.., которыя тоже буквально глаголютъ: азъ *лютеровъ*, азъ *кальвиновъ*, азъ *цвингліевъ*, азъ же и не знай чей.. а просто—*протестантовскій*... И что́ же?... не значитъ ли, что у нихъ Христосъ раздѣлися, и не только раздѣлися, но вовсе упразднися... А Лютеръ - то, или Кальвинъ значитъ за нихъ и распялись,—да и крестились—то они кто во имя Лютера, кто во имя Кальвина, а иной просто во имя К°... А наконецъ кто ихъ и крестилъ, когда они не признаютъ самаго Таинства Священства, т. е. когда у нихъ нѣтъ и священниковъ, какъ единственныхъ по благодати Христовой совершителей всѣхъ Таинствъ... А пасторы ихъ—кто,—да и самые суперъ, или генералъ-суперъ—интенденты?! Не обижу, если скажу, что первые тоже, что́ старшины въ сферѣ религіознаго вѣдомства, а вторые окружные управляющіе... И замѣчательно даже, что въ литературѣ ли, въ разговорѣ ли эти лица обыкновенно именуются «вѣроисповѣданія лютеранскаго, или протестантскаго»—и только... но безъ слова—христіанскаго»... А не такъ ли и пишется, и говорится о татарахъ—«вѣроисповѣданія *«магометанскаго»* такого то́лку *суннитскаго*, или *шіитскаго»*... И такъ какая же разница въ наименованіяхъ и у первыхъ исповѣдниковъ, и у вторыхъ?!.—Да напослѣдокъ всего сказать:—я не могу даже и понять,—какъ это люди, по преимуществу именуемые образованными и философствующими..., не уразумѣваютъ дѣла и истины, чтобы увидѣть и разоблачить предъ самими собою своихъ заблужденій... Не довольно ли для этого даже одной исторіи самаго происхожденія лютеранства въ лицѣ и дѣйствіяхъ самого перваго коновода—Лютера?! Такъ нѣтъ! толкуютъ они себѣ одно, да и наши-то отчасти историки и, пожалуй, богословики подлыгаютъ тоже;—что Лютеръ-де былъ правъ и что онъ избавилъ-де свою націю отъ папства, какъ зла и пагубы кромѣшной... Но не выходитъ ли, въ сущности дѣла, что избавивши отъ огня, Лютеръ перетащилъ своихъ послѣдователей въ по́ломя... А потому и чи-

тая трактаты о Папизмѣ и Лютеранизмѣ, являющіеся въ послѣднее время, такъ и видишь одно, что хотятъ грязь вычистить грязью»... Да, говорилъ высокопр. Антоній, для дяди бывало это самое больное мѣсто, когда заходила рѣчь о лютеранизмѣ и папскомъ католицизмѣ... и при этомъ если не было пощады первому, то еще болѣе второму; высказываться же такъ Владыка не стѣснялся отнюдь и предъ лицами, принадлежащими къ тому и другому вѣроисповѣданію».

Въ самомъ дѣлѣ о Католицизмѣ и въ частности о папизмѣ, разумѣя собственно Папу и все духовенство, высокопр. Филаретъ разсуждалъ и чаще и рѣзче. Это доказывается самыми записями въ дневникѣ о. Намѣстника. Впрочемъ послѣднее объясняется тѣмъ, что самыя разсужденія высокопр. Филарета были во время Крымской войны, въ которой католическій элементъ, въ лицѣ враговъ воюющихъ, былъ самый главный, да и вообще изъ папско-католичества исходили постоянно пропагандическія стремленія въ отношеніи къ Россіи и въ особенности къ юго-западному краю,—каковыя видѣлъ и противъ которыхъ долженъ былъ дѣйствовать и самъ высокопр. Филаретъ,—о чемъ читающіе знаютъ изъ многихъ фактовъ.

Относительно пропаганды и даже болѣе со стороны Папы мы встрѣчаемъ сужденія высокопр. Филарета, между прочимъ, и въ одномъ изъ писемъ его къ высокопр. Иннокентію—Херсонскому (отъ 16-го Декабря 1852 г.). Высокопр. Филаретъ писалъ: «Усерднѣйше приношу Вашему Высокопреосвященству благодарность за сообщеніе мнѣ любопытной книжки, которую прочитавъ, возвращаю къ Вамъ. Надивиться нельзя дерзости, гордынѣ и безстыдству, съ какими «Pontifex» располагаетъ городами Русскими и жалуетъ имъ титулы епископскихъ каѳедръ,—какъ напр. Вашему Херсону... Немудрено, что эта «*Вавилонская блудница*», согласившаяся «*со звѣремъ*», сдѣлавшимся властителемъ французовъ, великія бѣды причиняетъ Православію и всему христіанству...»

Въ дневникѣ же читаемъ.—«Мысль Владыки при разговорѣ съ Генераломъ Парканелли «*о духѣ Папства*».—Говоривши многое, Владыка заключилъ: «Духъ Папства ничѣмъ нельзя точнѣе опредѣлить и выразить, какъ слова-

ми св. Евангелія: «*Сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися*... (Матѳ. IV. 9)(1). И еще. «У кровати Владыки, гдѣ былъ и о. Антоній,—была рѣчь о замѣчательномъ признаніи убійцы Сабурова, что всему злу въ католичествѣ причиной безженство священниковъ. Это точно, прибавилъ Владыка, самое страшное зло въ Римской церкви. Кто повѣритъ цѣломудренной чистотѣ ихъ священниковъ?. Они и сами не обращаютъ на это вниманія и преступленій противъ цѣломудрія у нихъ не судятъ и никогда по такимъ случаямъ не заводятъ дѣлъ. Епископы тогда только возстаютъ всею силою власти на священниковъ, когда послѣдніе нанесутъ имъ какую личную обиду, а все прочее позволительно у нихъ. Между тѣмъ какъ и тѣлесная чистота—одно изъ существенныхъ требованій въ священствѣ. *Самъ сатана только могъ измыслить безженство священниковъ*, и все это для одной политики. Папы сильно боятся умаленія своей власти надъ католичествомъ при брачномъ священствѣ, и, потому, никогда и не согласятся отмѣнить зловредный обычай. А Православная Вселенская церковь какъ премудро поступила въ семъ дѣлѣ; одно это ея правило о брачности Православныхъ священниковъ служитъ самымъ яснымъ и непререкаемымъ свидѣтельствомъ, что она точно состоитъ подъ благодатнымъ руководствомъ Самого Духа Божія, наставляющаго ее на всякую истину и преисполняющаго ее всѣми спасительными дарованіями и соотвѣтствующими постановленіями въ св. Церкви для всѣхъ членовъ ея» (2).

По поводу приведенныхъ и другихъ записей высокопр. Антоній, какъ лично знавшій содержаніе ихъ, вспоминалъ и живо воспроизводилъ многое и другое изъ разсужденій Владыки относительно папизма.—«Владыка, говорилъ онъ, при рѣчи о безженствѣ католическихъ священниковъ серьезно разсуждалъ и о томъ, что, повидимому, дѣло совершенно внѣшнее, а именно—о стрижкѣ волосъ и въ особенности о бритьѣ на-голо, т. е. безъ оставленія и бакенбар-

(1) Дневникъ. 1857 г. 9-го Іюля стр. 17 на обор.

(2) Дневникъ 1857 г. Январь.

довъ, и даже усовъ... Этому обычаю, введенному у католиковъ въ церковную канонику, Владыка придавалъ большое значеніе въ связи именно съ безженствомъ... О самыхъ Папахъ, тоже стригущихся и брѣющихся на-голо, Владыка разсуждалъ однажды, почти до забавности... «Дивлюсь, не надивлюсь я этимъ Папамъ; вѣдь, они, въ самомъ большинствѣ, восходятъ на свой, именуемый ими, Христонамѣстническій престолъ уже въ далеко не молодыхъ годахъ, а доживаютъ на нихъ свой вѣкъ, какъ есть старыми хрычами .., а потому тутъ ли бы еще стричься и *голиться*?! (1). А главное еще здѣсь и не попятное то, что если они—Папы суть намѣстники Христа, то, вѣдь, Христосъ Господь не былъ стриженнымъ и бритымъ... да и Апостолы если были, хотя и не всѣ, съ стриженными волосами, то уже отнюдь не бритыми... И на иконахъ ихнихъ же—католическихъ Господь Спаситель изображается такъ же, какъ и у насъ.—Значитъ для поддержанія даже значенія своего намѣстничества нужно бы Папамъ придти къ мысли не стричься и не брриться... Но нѣтъ видно, по пословицѣ, «папа свое, а бѣсъ свое .. и послѣдній настоялъ на своемъ. А если и не онъ самъ—настоялъ, то тѣ, о которыхъ говорится, что «гдѣ и въ чемъ самъ бѣсъ иногда не успѣетъ, тамъ непремѣнно успѣютъ послѣднія»... (2). Да, *срамно есть*, по слову св. Апостола, *и глаголати* бы о семъ,—по исторіи не скроешь и совѣсти не подкупишь .., а что будетъ тамъ и тогда, *егда прійдетъ Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечныя*?! (Кор. IV, 5). Говоря все это хотя и спокойнымъ тономъ, но съ чувствомъ совсѣмъ иным..., Владыка-дядя

---

(1) Это слово, очевидно, употреблено высокопр. Филаретомъ изъ малороссійскаго языка; Малороссы дѣйствительно говорятъ «*оголиться*» вмѣсто «*обриться*».

(2) Есть вѣрное сказаніе, что высокопр. Филаретъ однажды на экзаменѣ въ Академіи студенту, отвѣчавшему изъ трактата историческаго о Папизмѣ, задалъ вопросъ. а скажи-ко ты, съ какой поры и отъ чего Папы стали стричься и бриться? Спрошенный замялся.. Владыка сказалъ: ну, коли не знаешь, такъ и не знай пока..,—а если послѣ узнаешь, то разсудишь самъ здраво...

потому - то такъ рѣзко и выразился о самомъ безженствѣ католическаго духовенства, т. е. что *самъ сатана только* могъ измыслить папскій законъ о безженствѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о *женоподобности* и *моложавости* въ лицахъ... «Вотъ бы на кого, примолвилъ Владыка, напустить нашихъ рьяныхъ раскольниковъ..., а то нашихъ священниковъ они укоряютъ и преслѣдуютъ даже и за то, если увидятъ, что и усы только нѣсколько подрѣзаны;—и не токмо раскольники закоренѣлые, но и самые единовѣрцы тоже».

Къ слову объ единовѣрцахъ мы встрѣтили въ дневникѣ такое сужденіе высокопр. Филарета, которое, такъ или иначе, представляется выдающимся противъ общепринятаго взгляда и понятія о значеніи единовѣрія ..—«Этою мѣрою, (сказано буквально въ записи) расколъ только задерживается и увѣковѣчивается... Я много видѣлъ и знаю раскольниковъ, переходившихъ въ единовѣріе... Ихнее единовѣріе—одно лицемѣріе... и добра ожидать нельзя и, по крайней мѣрѣ, трудно... Быть можетъ, безъ этой уступки со стороны Православной Церкви, они пришли бы когда нибудь и скорѣе въ раздумье и, искренно сознавъ свое заблужденіе, присоединились бы безусловно къ Православной Церкви» (1). «Говорю и готовъ утверждать это на основаніи тѣхъ опытовъ, что и сами раскольники такъ разсуждаютъ и благомыслящіе изъ нихъ всегда рѣшаются если присоединиться, то не къ единовѣрію, а прямо къ Православію. Да опыты же показываютъ, что вступившіе въ единовѣріе больше тяготѣютъ къ прежнему раскольническому состоянію, чѣмъ къ Православному, въ которомъ, наоборотъ, всегда стараются подъискивать что нибудь до *процѣживанія комаровъ*» (2).—

---

(1) Дневникъ 1857 г. 11-го Ноября.

(2) Слова эти дополнены высокопр. Антоніемъ, который и самъ былъ убѣжденій, почти тожественныхъ съ высокопр. Филаретомъ.—Онъ наприм. дивился тому, что единовѣрцы принимаютъ священниковъ, поставленныхъ Православными Архіереями, а самихъ Архіереевъ не допускаютъ совершать въ ихъ храмахъ Богослуженіе. Да и священниковъ то стараются избирать изъ среды Православныхъ, самою большею частью, такихъ, которые были бы изъ мало-ученыхъ, дабы не получать отъ нихъ наставленій вѣроучительныхъ и пр. а чтобы, наоборотъ, ими

Вообще относительно раскольниковъ Владыка былъ иныхъ понятій, нежели какъ въ большинствѣ смотрятъ на это... «Уступка а тѣмъ паче—поблажка въ отношеніи къ раскольникамъ опасна и можетъ отозваться послѣдствіями горькими, какихъ не предвидитъ и нашъ Сѵнодъ и Правительство.—Зло и горе, между прочимъ, отъ того, что свѣтскія мѣстныя власти много мирволятъ имъ и прикрываютъ ихъ иногда явно; а въ тоже время свѣтскіе же по преимуществу подаютъ имъ соблазнъ дѣйствительный своимъ образомъ жизни и дѣйствій, начиная отъ крайняго небреженія къ уставамъ церковнымъ и къ духовенству и оканчивая тѣмъ..., что́ у самихъ же раскольниковъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ ихъ сектахъ, признается за не-грѣхъ и входитъ почти въ кругъ ихъ богомольственныхъ дѣйствій... грубочувственныхъ и самаго развратнаго свойства. Видя подобное въ средѣ нашихъ Православныхъ, каковы наприм. дома терпимости, а въ сущности омерзительнѣйшей отвратительности,—раскольники, естественно, сколько злорадствуютъ, столько же находятъ въ этомъ опору и для своихъ дѣйствій... А что́ сказать о прикровенныхъ,—хотя шила въ мѣшкѣ не утаишь...,—подобныхъ дѣйствіяхъ и гдѣ же и въ комъ?! Увы!—тамъ и въ тѣхъ, кои поставлены бываютъ на всей высотѣ представительной мѣстной власти»,—и такого образа жизни которыхъ нельзя не вѣдать и намъ—Архипастырямъ,—и молчаніе о которыхъ означало бы покрывательство... противъ и чувства совѣсти, и святительскаго званія .. отъ чего избави Господи»!..

Это послѣднее разсужденіе, какъ объяснялъ высокопр Антоній, высказывалось Владыкою не разъ, и, между прочимъ, тогда,—что́ припомнятъ и читающіе,— когда высокопр. Филаретъ высказывалъ мысль о распущенности (и развратѣ...) и гдѣ было замѣчено самимъ же высокопреосв. Антоніемъ, что это выраженіе (въ скобкахъ поставленное) было понятно для слушавшихъ... ([1]). И дѣйствительно, мнѣ—

же заправлять и руководить по своему и по преимуществу въ духѣ и образѣ подобо-раскольническомъ..;—таковыхъ-то священниковъ они особенно и жалуютъ и выхваляютъ и предъ Начальствомъ.

([1]) Смотр. выше стр. 616.

пишущему приводилось слышать, еще въ бытность студентомъ въ Кіевской Академіи, а затѣмъ и въ послѣдствіи, а наконецъ услышать и отъ высокопр. Антонія тотъ фактъ,— какъ высокопр. Филаретъ однажды въ своей бесѣдѣ на воскресное Евангеліе *«о званныхъ на вечерю* (Лук. XIV. 16—24) особенно остановился на изъясненіи словъ: «*И другій рече: жену поихъ — имѣй отреченна* (ст. 20). Изъясняя эти слова, высокопр. Филаретъ особенно-выразительнымъ тономъ и съ прямымъ обращеніемъ взора своего на предстоящихъ именно представительныхъ лицъ, съ самымъ высшимъ во главѣ..., говорилъ: «Какъ же это такъ?! Человѣкъ былъ позванъ на вечерю въ тотъ день, когда онъ только-что *жену поялъ*—и, конечно, законную... и потому, естественно, имѣлъ и законную и, во всякомъ случаѣ, уважительную причину, чтобы сказать посланному звавшему на вечерю,—*имѣй мя отреченна*... А между тѣмъ что же вышло?! Когда и объ немъ на ряду съ другими, отказавшимися отъ вечери, *повѣда* посланный *господину своему, —тогда разгнѣвався дому владыка* и на него, какъ и на всѣхъ, а потому *и рече:* «*глаголю вамъ, яко ни одинъ* (изъ) *тѣхъ мужей* (лицъ) *званныхъ вкуситъ моея вечери*... О Господи, Господи! Не Ты ли милосердъ и премилосердъ еси;—но почто же и сего мужа не пощадилъ еси ради его законной и благословенной причины, а подвергъ одинаковому осужденію?! Но, предстоящіе слушатели, судъ Господень всегда праведный и неумытный. Помыслимъ убо, каковъ же судъ ожидаетъ тѣхъ, кои поемлютъ не только законную жену, но, имѣя законную, поемлютъ еще другую?! . Изъ таковыхъ если бы кто и не отрекся явиться на званную вечерю,—то что ожидало бы его?! Всеконечно то, что речено въ другой притчѣ Господа Спасителя о званныхъ *на бракъ царскій*: «*И видѣ Царь* въ числѣ возлежавшихъ *человѣка, не облечена во одѣяніе брачно... и рече: како вшелъ еси сѣмо?!. и глагола слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его и вверзите во тму кромѣшнюю*... (Матѳ. XXII. 11—13)...—Сказавъ эти обличительныя слова, Владыка вдругъ тутъ же и закончилъ свою бесѣду изреченіемъ: «*Имѣяй уши, да слышитъ и имѣяй сердце разумѣти, да разумѣетъ*»!?—Объ этомъ

фактѣ разсказывалъ намъ очевидецъ, одинъ изъ здѣшнихъ Казанскихъ помѣщиковъ, служившій тогда въ Кіевѣ полковымъ адъютантомъ, который, по близкому знакомству съ высокопр. Антоніемъ (1), вспоминалъ не разъ это же при бесѣдахъ съ послѣднимъ; а равно вспоминалъ и о томъ, что Владыка Филаретъ особенно любилъ и приближалъ къ себѣ изъ всѣхъ свѣтскихъ, если кого, то преимущественно военныхъ, — которыхъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ принималъ послѣ обѣдни на чай и завтраки.

Касательно личныхъ отношеній высокопр. Филарета къ лицамъ военнымъ и вообще къ военному вѣдомству имѣются и въ дневникѣ многія записи и, преимущественно, во время продолжавшейся Крымской войны.—Это, естественно, проистекало изъ чувствъ патріотизма вообще и изъ самыхъ понятій о званіи и служеніи воиновъ, о которыхъ высокопр. Филаретъ говаривалъ буквально: «Это — Христовы мученики»—а потому и св. Церковь именуетъ воинство *Христолюбивымъ* и многолѣтствуетъ ихъ и совершаетъ объ нихъ, «на полѣ брани животъ свой положившихъ», особыя по уставу Церкви заупокойныя Литургіи и паннихиды общественно-торжественныя.—Съ своей стороны и сами военные, начиная отъ высшихъ Генераловъ, истинно до благоговѣнія почитали Владыку и преданы были ему съ сердечною сыновнею любовію.—«Генералъ-Квартирмейстеръ Князь Н. С. Голицынъ, сказано въ дневникѣ (2), былъ у Владыки на бесѣдѣ.—Благоговѣніе и любовь его къ Владыкѣ; онъ не находилъ, кажется, словъ, чтобы и высказаться..., за то у него имѣлись слезы во свидѣтельство его чувствъ о Господѣ; а смотря на такого мужа, также чувствуешь: есть еще, значитъ, добродѣтельные люди на свѣтѣ и въ средѣ свѣтскихъ великознатныхъ»...

Выписываемъ далѣе слѣдующія отрывочныя записи въ дневникѣ о. Намѣстника (3). «Скорбь Владыки, что болѣзнь

---

(1) Это лицо—помѣщикъ—Подполковникъ Н. С. Есиповъ.

(2) Дневникъ. 1855 г. 14 Октября.

(3) См. въ дневникѣ записи 1855 г.—15-го и 23-го Сентября; 19-го и 25-го Октября; 14-го Декабря.

не позволяла ему самому служить молебенъ по случаю взятія Карса».—«Озабоченность душевная Владыки, что не можетъ встрѣчать самъ Московскія дружины... Лежитъ въ болѣзни тяжкой, а все спрашиваетъ еще: а мнѣ нельзя встрѣчать ополченцовъ»?!—«Нижегородское ополченіе въ Лаврѣ принимаетъ въ благословеніе отъ Владыки Икону Божіей Матери и Евангеліе, которыя приняты самими ополченцами подъ управленіемъ ихъ офицеровъ. Пѣніе при этомъ молитвъ, какъ-то: Достойно есть, Заступнице усердная; Помилуй насъ Господи;—Царю Небесный; Спаси Господи люди Твоя; Тебе Бога хвалимъ и пр. Владыка по болѣзненности своей съ трудомъ не вышелъ самъ благословить ополченцевъ, неожиданно къ нему пришедшихъ.—Этою встрѣчею съ ними онъ былъ особенно доволенъ; а бывшіе тутъ не разъ трогались до слезъ».—«По порученію Владыки, при письмѣ его, доставлено мной къ Начальнику Нижегородскаго ополченія Графу Толстому 300 р. с., Архипастыремъ пожертвованные на угощеніе ратниковъ».—«Ополченцы принимаютъ благословеніе Владыки. Онъ имъ говоритъ о нынѣшней войнѣ... Въ заключеніе даетъ наставленіе: «Служите Царю и Отечеству вѣрою и правдою. Всѣ ваши тяжкіе труды, лишенія, кровь, проливаемая вами,—все есть святая, пріятная Богу жертва, по мѣрѣ вашей христіанской вѣры и любви ко Господу. Смотрите же—подвизайтесь на святой брани мужественно, *а звѣрю* не покланяйтесь... Тяжело, но *агнецъ звѣря* побѣдитъ»...

Сдѣласмъ еще выписки изъ дневника о разнообразныхъ изреченіяхъ и дѣйствіяхъ высокопр. Филарета, относящихся къ религіозно-нравственнымъ и практическимъ предметамъ и наставленіямъ.

«Владыка хотя съ великимъ трудомъ, но имѣетъ силы совершить Божественную Литургію. Пѣніе Господи помилуй и Херувимской пѣсни собственно—Лаврскимъ напѣвомъ приводило его въ слезное умиленіе... Бесѣда объ этомъ пѣніи въ гостинной при посѣтителяхъ (1); и вообще было разсуж-

(1) Намъ приводилось слышать за достовѣрное, что сколько высокопр. Филаретъ восхвалялъ Лаврскій напѣвъ, столько не любилъ, такъ

деніе, говорилъ высокопр. Антоній, объ органной музыкѣ въ костелахъ католическихъ и въ киркахъ лютеранскихъ; «это, говорилъ Владыка, почти-что безсловесіе»...

«Замѣчаніе двумъ Іеродіаконамъ, служившимъ на Литургіи со Владыкою. «Мнѣ-то вы ужъ больно усердно кадили по трижды три раза и низко покланялись, а святымъ-то иконамъ и по три только раза совершали кажденіе и поклоненіе не ахти-то... Впредь внемлите сему».—«На молебнѣ предъ ракою св. Михаила митрополита, Владыка вдругъ беретъ своими руками у Архидіакона Антонія его камилавку... Камилавка была на немъ крайне безобразна отъ ветхости»...—«У Владыки послѣ обѣдни одинъ Архимандритъ, говоря о своихъ обидчикахъ, примолвилъ:—«ну на томъ свѣтѣ за все отвѣтъ, и я скажу тогда: вотъ вы мои обидчики...,—а св. Владыка сказалъ: «зачѣмъ, отецъ, отлагать такъ на долго до того свѣта,—ты прости ихъ теперь же здѣсь—и дѣлу конецъ»...—Вразумленіе Владыки молодому монаху, явившемуся прямо къ нему съ просьбою о позволеніи поѣхать въ село по приглашенію родственника больнаго:—«если желаешь быть монахомъ, не ѣзди; а если не желаешь, — ступай». Монахъ не поѣхалъ». — «Чтобы умѣть начальствовать, надобно прежде хорошо научиться послушанію, и умѣть, и быть исправнымъ подчиненнымъ».— «Слова́ Архіерея, хотя бы онъ былъ и не хорошій, какъ человѣкъ, нужно выслушивать со вниманіемъ

называемый, партесный, общепринятый въ хорахъ, и собственно тотъ, гдѣ слишкомъ много высокихъ нотъ и отсюда ужасно громкихъ криковъ... Послѣ одной Литургіи, когда пѣли хоромъ особенно громкое: Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ и пр. Владыка говорилъ регенту: «Вѣдь эта самая пѣснь есть та, о которой и въ молитвѣ читаемъ мы священнодѣйствующіе такъ. «Благодаримъ Тя, Господи, и о службѣ сей, юже отъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ еси, аще и предстоятъ Тебѣ тысящи Архангеловъ и тмы Ангеловъ, Херувими и Серафими..., побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще· Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ и проч. Значитъ, эта пѣснь есть истинно Архангельская, Херувимская и Серафимская... И что́ же—уже ли и они—тамъ на небесахъ предъ Престоломъ Вседержителя Господа Саваоѳа такъ же громко поютъ, какъ вы здѣсь кричите до потрясенія даже нервовъ... Воспрещается навсегда подобное пѣніе и тѣмъ болѣе, что оно вообще мало соотвѣтствуетъ церковному напѣву и религіозному чувству.

и исполнять, что́ повелѣваетъ... Архіерей иногда говоритъ и приказываетъ *не свое* и *не отъ себя*».—«Служеніе Владыки въ Флоровскомъ женскомъ Монастырѣ и обѣдъ у Игумении.. Одна старица обратилась ко Владыкѣ съ скорбнымъ вопросомъ: «что-де дѣлать на случай опасности отъ нашествія на Кіевъ враговъ?.. (это было 22-го Октября 1854 г.). Прежде, чѣмъ Владыка успѣлъ что либо сказать,—Игумения сказала вопрошавшей: «куда, мать, убѣжишь отъ Господа?!. Владыка же замѣтилъ: «не то́, что не куда бѣжать, — да и слѣдуетъ не бѣжать отъ Господа, а нужно прибѣгать и припадать къ Нему Единому,—тогда убѣжишь отъ всякихъ враговъ и напастей... да и тѣ и другіе сами убѣгутъ»...—«Въ гостинной при посѣтителяхъ. Была рѣчь о госпожѣ..., что она совершенно ослабѣла зрѣніемъ, почти ослѣпла, и проситъ молитвъ Владыки. Владыка сказалъ: глаза ея довольно, или пожалуй слишкомъ много видѣли суеты земной, пусть теперь поучится зрѣть сердцемъ къ небесному... а молиться я буду за нее».—«Келарь допустилъ одну оплошность, повидимому, незначительную; случайно узналъ Владыка... и особенно, чего не бывало, сильно погнѣвался на него и пожурилъ его... Келарь признался впослѣдствіи, что если оплошность его дѣйствительно была не маловажная, за то онъ сознавалъ себя виновнымъ въ другомъ,—неизвѣстномъ никому, проступкѣ,—а потому и чувствовалъ въ душѣ, что гнѣвъ и журеніе Владыки были именно за послѣднюю вину, а не за первую..., а потому онъ особенно глубоко и принялъ въ сердце слова Владыки...—Проступокъ Келаря состоялъ въ томъ, что онъ поскупился особенно почему-то выдачею разныхъ припасовъ для Лаврской страннопріимницы по случаю предстоящаго праздника св. Пасхи». «Замѣчаніе Частному Приставу и полицейскимъ, отстранявшимъ и даже, буквально, отталкивавшимъ народъ, тѣснившійся для принятія благословенія Владыки;—«Вмѣсто порядка вы производите только безпорядокъ; сами то ни одинъ и не перекреститесь въ Церкви и не принимаете благословенія, и другихъ лишаете. Впредь чтобы этого не было»! — Вообще Владыка, говорилъ высокопр. Антоній, не любилъ и положительно не одобрялъ, находя неумѣстнымъ существовавшій въ о́но время, порядокъ

что въ Высокоторжественные дни являлись и становились строемъ около каѳедры и далѣе къ солеѣ жандармы и полицейскіе... «Это производитъ не хорошее впечатлѣніе при Богослуженіи; въ храмѣ,—и будто подъ конвоемъ .. такъ какъ жандармы обыкновенно съ саблями.. Если же это нужно бы для тишины и благочинія, то, пожалуй, только въ средѣ стоящихъ въ самыхъ *первыхъ рядахъ*, гдѣ, дѣйствительно, происходятъ и разговоры, и неумѣренныя движенія при взаимныхъ обращеніяхъ, какъ будто онѣ вѣкъ не видѣлись... Замѣчалъ я уже это не разъ, но все имъ неймется... Для нихъ нуженъ «кажется, швейцаръ съ булавой, какъ въ костелахъ»...

«Обычай Владыки праздновать день своего Ангела (1-го Декабря) въ совершенномъ уединеніи. Онъ всегда на цѣлый день удалялся на ближнія Пещеры и возвращался уже послѣ вечерни»... «Владыка считаетъ себя всѣхъ старше и по монашеству и по священству... Вотъ уже безъ году шестьдесятъ лѣтъ... и во всей Россіи-то такихъ много ли найдется, а въ Кіевѣ и во всей епархіи нѣтъ».—«Извините, Владыка святый, подхватилъ В. И. Аскоченскій,—Вы ошибаетесь. Кіево – Подольскій Успенскій Протопопъ старше Васъ... по годамъ... «Нѣтъ, братъ, я не ошибся, а отца-то Протопопа только я въ счетъ не клалъ потому, что онъ и самъ-то потерялъ уже счетъ своимъ годамъ, заѣвши давно, какъ говорится, чей-то чужой вѣкъ... А мнѣ-то онъ, пожалуй, дорогу загораживаетъ... Передай-ка ты ему, чтобы хорошенько усердно молился, да и съ миромъ ко Господу; ужъ за нимъ-то и мнѣ откроется прямой и скорый исходъ»... Этотъ о. Протоіерей (Максимовичъ), дѣйствительно, вскорѣ скончался (1).

«Взглядъ Владыки на собственную болѣзнь. «Я смотрю на собственную болѣзнь, какъ на особую милость Божію, и готовъ терпѣть и терплю. Передъ смертію за годъ, за два хорошо поболѣть;—тѣло похудѣетъ и освободится отъ излишнихъ соковъ, а душа очистится и заблаговременно от-

(1) Смотр. въ біографіи высокопр. Антонія—Архіеп. Казанскаго. Том. II стр. 471.

рѣшится отъ земныхъ привязанностей. Такъ и всегда умирали добрые старички. Я боялся и боюсь умереть слишкомъ скоро и нечаянно, а поболѣть готовъ; это значитъ и умереть на крестѣ, — и я готовъ. Видно такъ нужно на очищеніе дѣлъ моихъ. Буди воля Божія» (1).

«Разсужденія о званіи докторовъ и о леченіи. Доктора-медики нужны, и ихъ нужно почитать за совѣты и дѣйствія лечебныя. И въ Писаніи сказано: «почти врача»?! И лечиться нужно, и самыя вещества лекарственныя отъ природы, Богомъ сотворенной на всякую потребу и пользу.. И св Апостолъ Павелъ лечилъ св. Тимоѳея, Златоустъ и Василій Великій лечились».

«Слова, сказанныя докторамъ. «Ваше служеніе—великое,—оно, въ нѣкоторомъ значеніи и отношеніи, какъ бы священнодѣйствіе..; за то всякій врачъ долженъ быть глубоко вѣрующій и благочестивый; тогда несомнѣнно и Богъ благословляетъ и даруетъ силу и дѣйствіе и научнымъ познаніямъ и дѣйствіямъ врача и самымъ лекарствамъ. Смерти я не боюсь и теперь бы желалъ отойти ко Господу, но когда сталъ уже лечиться, то я долженъ быть вашимъ послушникомъ. Что́ знаете и находите потребнымъ,—прописывайте; я согласенъ принимать все; и самое горькое, и противное для меня не противно и сладко». «Владыка разсудилъ полезнымъ для него побывать въ банькѣ... Доктора отрицали... А онъ: ну, ужъ какъ хотите и что́ вы ни толкуйте, а я побываю въ банькѣ... Какъ же не понѣжить и свое тѣло... И въ Писаніи сказано: «*никто же когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю*... Потому-то я погрѣю и понѣжу плоть свою за то, что она столько лѣтъ мнѣ послужила и теперь еще служитъ...— Послѣдствій, дѣйствительно, не было вредныхъ, а на оборотъ—облегченіе».—«Владыка разсказывалъ мнѣ съ о. Антоніемъ, и потомъ повторилъ и докторамъ. «Вотъ я часто по ночамъ вижу не то во снѣ, не то въ дремотѣ, что будто читаю св. Евангеліе, или Акаѳисты по книгѣ»... Это, отвѣтилъ одинъ докторъ, — воображеніе, или даже просто

(1) Дневникъ. 1854. 10 Декабря. стр. 3.

бредъ».—«Ну далъ бы Господь и во всю жизнь такъ бредить» сказалъ Владыка (1).

«Сны Владыки. «Видится ему нива, или поле зрѣлой густой пшеницы. Владыку радуетъ этотъ видъ; онъ идетъ по этому полю и слышитъ голосъ: «ступай, ступай съ Богомъ»! Куда же это идти, спрашиваетъ онъ, неужели въ житницу Божію, или пришло уже время?!? Не получивъ отвѣта, проснулся» (2).—«Видѣлъ во снѣ покойнаго старца о. Іеросхимонаха Парсенія, который будто бы служилъ вмѣстѣ съ нимъ Литургію. Когда же старецъ подошелъ къ Престолу и Владыка, держа св. Чашу, полную св. Крови Христовой, причастилъ его, то онъ сказалъ ему: «потерпи, Владыко святый, и тебя Господь скоро возметъ къ Себѣ» (3). «Сонъ этотъ,—сказано въ дневникѣ,—имѣлъ то значеніе для Владыки, что онъ приготовилъ было прошеніе къ Государю объ увольненіи его на покой. Но въ слѣдствіе этого сновидѣнія Владыка отложилъ посылать прошеніе. «Можетъ бытъ, говорилъ онъ и въ самомъ дѣлѣ исходъ мой не далеко. Да жаль теперь и безпокоить Государя, безъ того много озабоченнаго .. Другимъ, прибавилъ Владыка, объ этомъ не говорите, а вамъ-то (мнѣ и о. Антонію) нужно знать (4). Въ послѣдствіи же Владыка говаривалъ: «ну, вѣрно, тамъ на небѣ-то время не такъ исчисляется, какъ здѣсь на землѣ: Батюшка Парѳеній сказалъ, что скоро, а выходитъ не скоро».—Въ числѣ бумагъ сохранилось подлинное собственноручное прошеніе, написанное вчернѣ безъ всякихъ поправокъ самимъ высокопр. Филаретомъ. Приводимъ его здѣсь отъ слова до слова.

---

(1) Дневникъ. 1857 г. 14-го Ноября.

(2) Дневникъ. 1854 г. 17-го Ноября.

(3) 1855 г. Ноября 20-го числа. — Этотъ сонъ записанъ высокопр. Филаретомъ собственноручно въ кимидорѣ.

(4) Еще былъ видѣнъ въ Бозѣ почившимъ знаменательный сонъ, предуказывавшій ему дѣйствительно скорое отшествіе въ вѣчность. Этотъ сонъ былъ 12-го Декабря 1857 г. слѣдов. за 9-ть только дней до его кончины; мы приведемъ его въ своемъ мѣстѣ.

Благочестивѣйшій Самодержавнѣйшій Государь!

Свыше пятидесяти лѣтъ прохожу я въ духѣ послушанія посильное служеніе Святой Православной Церкви и Отечеству. Нынѣ въ глубокой старости моей, при истощеніи силъ и разстроенномъ на службѣ здоровьѣ, чувствую себя не въ состояніи исполнять, возложенныя на меня, обязанности.

Почему всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество уволить меня отъ управленія Кіевскою Епархіею и Кіевопечерскою Лаврою, и дозволить мнѣ пребываніе въ принадлежащей Лаврѣ уединенной Голосѣевой Пустынѣ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Не отвержи мене во время старости моей —Не отрини смиреннаго желанія сердца моего—малѣйшій остатокъ дней моихъ окончить въ молитвенномъ безмолвіи по данному мною предъ Богомъ обѣту.

Впрочемъ къ окончательной рѣшимости не посылать прошенія, говорилъ высокопр. Антоній, послужило для дяди и еще то́, о чемъ онъ вспоминалъ особенно въ это же самое время... Это именно письмо высокопр. Антонія, бывшаго Архіепископа Воронежскаго... Были отчасти намеки, что онъ, должно быть, видѣлъ и его во снѣ; по крайней мѣрѣ съ этой поры Владыка сталъ особенно часто повторять и самое выраженіе о *нисхожденіи со креста*, доколѣ сниметъ самъ Господь...,—каковое выраженіе буквально выражено въ изложеніи сновидѣнія, сообщеннаго при письмѣ Святителя Воронежскаго Владыкѣ (1). Послѣ же этой рѣшимости оставаться до конца жизни на крестѣ и не помышлять уже объ увольненіи на покой, Владыка, какъ это видно и по многимъ записямъ въ дневникѣ, сталъ особенно озабочиваться мыслію о томъ, кто-то будетъ ему преемникомъ. Объ этомъ было уже сказано нами въ своемъ мѣс-

(1) Сновидѣніе это извѣстно читателямъ. Оно изложено было во всей подлинности, когда была рѣчь о свиданіи высокопр. Филарета съ Архіеп. Антоніемъ Воронежскимъ, въ Апрѣлѣ 1836 г., на пути въ С.-Петербургъ.

тѣ (1), именно кого онъ желалъ и предназначалъ, и кого нѣтъ, и какъ это сбылось въ дѣйствительности. Но здѣсь дополнимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія —Такъ въ дневникѣ (1-го Ноября 1856 г. вечеръ) записано: «Желаніе Владыки для Лавры. — Желаю и молюсь, чтобы Господь даровалъ Лаврѣ Архіерея благочестиваго, благоговѣйнаго, который бы управлялъ св. Лаврою по правиламъ св. Отецъ и сохранялъ свято древніе обычаи и преданія отеческія, а не позволялъ бы себѣ измѣненій и нововведеній и вообще не былъ бы роскошнымъ и затѣйливымъ. Я писалъ уже Преосвященному Исидору, что молю Бога, чтобы ему быть моимъ преемникомъ... *А Иннокентія не дай Богъ*»!! Иннокентій здѣсь разумѣлся Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Почему было такое рѣшительное отрицаніе по отношенію къ этому Святителю, хотя, дѣйствительно, могшему имѣть, такъ называемые, шансы и, можно сказать, заслуженныя права на занятіе митрополитской каѳедры Кіевской,—высокопр. Филаретомъ не было высказано ничего, по крайней мѣрѣ нѣтъ и въ дневникѣ ни слова, ни намека объ этомъ. За-то сохранился разсказъ достовѣрный, помѣщенный нами и въ біографіи высокопр. Антонія (2), слѣдующаго содержанія. «Когда была получена телеграмма о кончинѣ Иннокентія и прочитана Филарету, онъ перекрестился и сказалъ: «ну, слава Богу! и я теперь умру спокойно». Видѣвшіе и слышавшіе это недоумѣвали. Онъ же проговорилъ: «Я вѣдь часто думалъ и боялся, какъ бы онъ послѣ меня не былъ митрополитомъ Кіевскимъ». Это вызвало новое удивленіе... а онъ продолжалъ: «да! тогда бы досталось, не бось, всему—даже и святымъ пещерамъ и самимъ-то св. Угодникамъ. Я знаю, какъ онъ и мнѣ однажды планировалъ, что́ и что́ нужно бы сдѣлать въ пещерахъ, какіе устроить разные но-

---

(1) Смотр. Том. III. стр. 5.

(2) Смотр. Том III стр. 140.

(3) Высокопр Иннокентій скончался 26-го мая 1857 г. слѣд за семь мѣсяцевъ до кончины высокопр. Филарета. Приводимый разсказъ сдѣлался извѣстнымъ въ свое же время даже и между нами—студентами.

вые входы и выходы, трубы, вентиляціи и пр. пр. И чтожъ?! Случись бы быть ему здѣсь Митрополитомъ, не бось, онъ напланировалъ бы и еще, не знай чего... Я помню, и тогда на силу урезонилъ его и даже въ глаза ему посердился на него за такіе не умѣстные его проэкты и просто-на-просто фантазіи; въ концѣ же концовъ сказалъ я: «станемъ, Преосвященный, лучше помнить пословицу, что «*бодливой коровѣ не даромъ и Богъ не даетъ рогъ*». Была еще рѣчь о переводѣ. Владыка говорилъ: «да, прежде-то и самъ Графъ былъ близокъ къ мысли о необходимости перевода, и ссылался на доводы *Московскаго*... но затѣмъ вскорѣ же онъ совершенно убѣдился иначе. Наконецъ вотъ и письмо его, послѣднее по этому предмету, убѣдило и утѣшаетъ меня болѣе, чѣмъ даже я думалъ... Впрочемъ надобно бы еще ему написать .. Избави Богъ, если отъ перевода Библіи дойдутъ и до перевода Богослужебныхъ книгъ..., содержаніе которыхъ, между тѣмъ, на Славянскомъ-то языкѣ по преимуществу и является преисполненнымъ и наставленія, и благодатнаго одушевленія... На эту тему вообще было говорено весьма много... И Владыка сказалъ и намъ: вотъ и вы принимайте эти слова справедливыми не потому только, что я ихъ вамъ говорю; хотя я говорю ихъ именно, какъ послѣднее мое предсмертное завѣщаніе всякому, а потому и вы говорите это, съ кѣмъ будете имѣть случай.. (1). Въ частности, по словамъ высокопр. Антонія, была рѣчь о Псалтири. «Возьмите хоть напр. Псалтирь, которую, какъ извѣстно, нашъ Русскій Православный народъ особенно чтитъ и любитъ, и многіе знаютъ ее твердо, а иные псалмы совершенно наизустъ... Ну что́ жъ если они услышатъ чтеніе каѳизмъ на Русскомъ языкѣ въ самыхъ храмахъ?! Это, просто, какъ говорится, ударитъ ихъ по ушамъ... А сказать еще болѣе: что́,—если любящіе читать Псалтирь и дома, возмутъ Русскую Псалтирь, и, какъ знающіе твердо Славянскую, будутъ встрѣчать въ первой многія и большія, по мѣстамъ, измѣненія и отступленія и въ выраженіи-

(1) Дневникъ 1856 г. 10-го Декабря стр. 13. 14.

яхъ, и въ мысляхъ, и въ самыхъ истинахъ?!. А это все, естественно и неизбѣжно, будетъ... Тогда-то что?!. Да... будетъ то́, чего избави Господи!.. Тогда уже не расколъ только, а въ родѣ лютеранства, и разпаго сектанства... Читывали и вы, конечно, Псалтирь-то на Русскомъ языкѣ,— и что́ же... развѣ не встрѣчали вы разности весьма важной и въ богословскомъ отношеніи?! Да, вотъ ты, отецъ Намѣстникъ, самъ, вѣдь, знаешь, что хотя у насъ и имѣются Псалтири на Русскомъ языкѣ,—а много ли ихъ продано?.. И я, сказать по правдѣ, подумывалъ сказать тебѣ, чтобы Русскія Псалтири вовсе исключить изъ лавочной продажи, если не изъ самыхъ каталоговъ... «Была высказана мною, говорилъ высокопр. Антоній, мысль,—что́ не лучше ли было бы, чтобы издавать Псалтирь въ два столбца—въ обоихъ текстахъ—Славянскомъ и Русскомъ, чтобы читающіе по Славянски и встрѣчающіе, по мѣстамъ, неудобопонятныя выраженія и, не ясно уразумѣваемыя, истины могли тутъ же обращаться къ выраженіямъ Русскимъ»... «И добро ты говоришь, и худо, сказалъ на это Владыка... Въ чемъ здѣсь худо-то, я уже сказалъ, т. е. при такомъ образѣ печатанія двухъ текстовъ, гдѣ будутъ совершенно наглядны и рѣзки разности въ выраженіяхъ и въ самомъ ихъ смыслѣ, и произойдетъ то́, чего Боже упаси... А что́ касается того, чтобы неудопонятныя слова и выраженія дѣлать болѣе понимаемыми, то и въ моемъ мнѣніи прямо сказано, что для этого нужно или на поляхъ, или внизу подъ чертою печатать славянскими же буквами слова и выраженія болѣе понятныя, и только»...

Всѣ эти мысли высокопр. Филарета относительно Псалтири, именно что при сравнительномъ и притомъ особенно вникательномъ чтеніи двухъ текстовъ ея—Славянскаго и Русскаго непремѣнно будутъ прямо бросаться въ глаза многія и рѣзкія разности, могущія приводить къ недоумѣніямъ по части самаго содержанія истинъ,—эти мысли, мы хотимъ сказать, представились намъ особенно знаменательными по поводу слѣдующаго факта. Фактъ этотъ подлинный документальный. Въ бытность мою въ 1884 и 1887 гг., въ Кіевѣ я имѣлъ случай узнать объ изда-

ніи (1) въ Лаврской Типографіи — Псалтири точь-въ точь въ томъ видѣ, какъ сказано было выше, т. е. *въ два столбца, въ двухъ текстахъ*—Славянскомъ и Русскомъ, новопереводномъ—именно томъ самомъ, на которомъ издана вся Библія въ Русскомъ переводѣ по благословенію Святѣйшаго Сѵнода въ 1872-мъ году. Изданіе это заинтересовало меня въ высшей степени въ виду, имѣвшихся уже у меня, вышеприведенныхъ данныхъ; мнѣ подумалось, что вотъ-де мысль, высказанная высокопр. Антоніемъ Владыкѣ Филарету, хотя прямо не одобренная послѣднимъ, все-таки оправдалась и осуществилась на самомъ дѣлѣ... и, полагать должно, въ томъ же именно значеніи и цѣли, чтобы дать читающимъ непосредственно свѣрять выраженія и уразумѣвать смыслъ чего либо неудобопонятнаго въ Славянскомъ текстѣ по тексту Русско-переводному. Немедленно же я постарался узнать, гдѣ и отъ кого слѣдуетъ, о самомъ происхожденіи этого изданія. Но тутъ-то и оказалось, что хотя Псалтирь въ указываемомъ видѣ и была напечатана въ Лаврской Типографіи назадъ тому болѣе года (въ 1883 г.), но выпуска этого изданія не сдѣлано было... Это меня заинтересовало еще болѣе, — такъ какъ у меня родились другія уже мысли, именно: не значитъ ли, что здѣсь оправдывались вполнѣ слова высокопр. Филарета, рѣшительно отрицавшаго подобное изданіе Псалтири... Это-то послѣднее, дѣйствительно, и оказалось. По просьбѣ моей мнѣ позволено было прочитать подлинное дѣлопроизводство по настоящему предмету, имѣющемуся въ Архивѣ Лаврскаго духовнаго Собора, гдѣ оно числится, однако, невполнѣ еще оконченнымъ за неполученіемъ опредѣленнаго, или точнѣе сказать, никакого рѣшенія *оттуда, куда* объ немъ давно уже было представлено—именно отъ Святѣйшаго Сѵнода. Между тѣмъ по рѣшенію Лаврскаго духовнаго Собора, утвержденному

(1) Изданіе это въ бумажномъ переплетѣ. На заглавномъ листѣ Русскимъ шрифтомъ напечатано такъ: «Псалтирь (у Евреевъ книга хвалений). На Славянскомъ и Русскомъ нарѣчіи. Изданіе первое. Кіевъ. Въ Типографіи Кіево-Печерской Успенской Лавры. 1883 г. На оборотѣ же этого заглавнаго листа напечатано Русскимъ же шрифтомъ: «По благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ—Платономъ, все изданіе Псалтири (въ количествѣ 1200 экз.) воспрещено къ выпуску и хранится въ кладовой запечатаннымъ,—а съ бывшаго Начальника Типографіи положено взыскать деньги по стоимости всего изданія.—Значитъ результатъ тотъ, что этого изданія какъ бы и не было... и, вѣроятнѣе всего, оно и не будетъ выпущено никогда... Не имѣвши права, да и въ силу личной моей скромности и осторожности, я даже и не просилъ себѣ позволенія сдѣлать выписку изъ дѣлопроизводства, хотя мною отъ слова до слова прочитаннаго въ Канцеляріи Собора;—не рѣшился просить себѣ и экземпляра изданной Псалтири, какъ находящейся подъ запрещеніемъ;—но, тѣмъ не менѣе, я имѣлъ возможность восполнить все это изъ устныхъ сообщеній отъ многихъ достовѣрнѣйшихъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторые,—что для меня было особенно важно и дорого,—передавая, во всей подробности, о ходѣ дѣла объ изданіи Славянско-Русской Псалтири, припоминали и то, что извѣстно было имъ,—инымъ лично, а другимъ по преданію, относительно разсужденій высокопр. Филарета,—именно тѣхъ самыхъ, какія приведены нами выше. Не указывая поименно на многихъ другихъ лицъ, состоящихъ Членами—самаго Лаврскаго духовнаго Собора, и, слѣдовательно, участвовавшихъ во всемъ дѣлопроизводствѣ и рѣшеніи по этому предмету, я позволяю себѣ и нахожу болѣе и авторитетнымъ, и увѣрительнымъ для меня самого сообщеніе моего бывшаго духовнаго отца, всѣми глубоко чтимаго въ св. Лаврѣ Игумена-схимника отца Агапита, пользовавшагося еще и при жизни высокопр. Филарета его благорасположеніемъ духовнымъ. «У меня есть, говорилъ мнѣ сей духовный старецъ, и самая эта Псалтирь... и я начиналъ было ее читать, но не возъимѣлъ желанія прочитать всю,—а только по мѣстамъ... Эту Псалтырьку я вамъ, батюшка, сей часъ и отдамъ... Доставши книжку, онъ примолвилъ,—вотъ можете и сами увѣриться, что какъ мало я ее читалъ; гораздо болѣе половины листовъ въ ней остаются и теперь не разрѣзанными... Человѣкъ-то я не ученый и судить, и говорить что либо особенное я не могу, какъ другіе, отъ которыхъ мнѣ приходилось слышать кос-что объ этой Псалтирки, которая, по этому, и была воспрещена для выпуска.

Скажу только, что, напечатанная по Русскому-то переводу, она сбиваетъ какъ будто съ мыслей должныхъ, какія наоборотъ прямо идутъ къ душѣ, когда читаешь тотъ же самый псаломъ, или стихи отдѣльные по Славянскому тексту... Раскрывши Псалтирь на удачу между не разрѣзанными и, слѣдовательно, не читанными еще имъ самимъ, страницами, именно на Псалмѣ LXXVI.—Старецъ, какъ бы съ изумленіемъ, увидѣлъ въ стихѣ 4-мъ слова по Славянски читаемыя такъ: «*Помянухъ Бога и возвеселихся*... а въ Русскомъ: «*Вспоминаю о Богѣ и трепещу*... и еще въ стихѣ 6-мъ: по Славянски: *Помыслихъ дни первыя и лѣта вѣчная помянухъ, и поучахся*...,—а по Русски: «*Размышляю о дняхъ древнихъ, о лѣтахъ вѣковъ минувшихъ*... Ну, вотъ, сами видите вы, батюшка мой,—какова́ тутъ разница... По славянски читая, я чувствую,—что я *возвеселихся*,—а читая по *Русски*—долженъ чувствовать я же—что *я трепещу*...;—и еще—по Славянски сказано: *помянухъ лѣта вѣчная и поучахся*..., ну значитъ, я дѣйствительно и долженъ поучаться отъ воспоминаемыхъ лѣтъ вѣчныхъ, а не временныхъ только и суетныхъ..., а по Русски-то и помину нѣтъ, чтобы я поучался..., и о вѣчныхъ-то временахъ нѣтъ и намёку...—Такъ вотъ, значитъ, я истинную правду вамъ сказалъ, что по Русскому-то переводу очень многія слова́ сбиваютъ съ мыслей и чувствованій должныхъ, а не идутъ къ душѣ такъ, какъ въ Славянской Псалтири... Такъ, Богъ же съ ней, этой Псалтырькой;—возмите ее себѣ навсегда, и, пожалуй, повѣрьте и меня,—правду ли я говорю... Да, не даромъ и приснопамятный блаженный нашъ бывшій Владыка Филаретъ, сколько я знаю несомнѣнно, больно не одобрялъ Русскій-то переводъ Псалтири, которая была и при немъ у насъ въ изданіяхъ и въ продажѣ, только въ отдѣльныхъ книжкахъ безъ Славянскаго текста.—Владыка-то Филаретъ даже и самую-то гражданскую печать не позволялъ употреблять напр. въ молитвенникахъ, или въ краткихъ житіяхъ св. Угодниковъ, которыя начали было печатать отдѣльными книжечками гражданскою печатью...—И будь бы онъ живъ, избави Богъ, и подумать, чтобы издать такую-то Псалтирь, какъ вотъ эта. Да, впрочемъ, и эта-то теперешняя Псалтырька, кажется, такъ и

истлѣетъ въ кладовой, гдѣ все изданіе ея даже запечатано... Ее напечатали-то на обоихъ языкахъ потому, что и вся Библія въ послѣднее время издана по благословенію Сунода въ Русскомъ переводѣ; значитъ оставалось только перепечатать Псалтирь Русскую въ одной книжкѣ съ Славянскою, но вышло иначе... Сначала здѣсь возникли недоумѣнія и несогласія на счетъ того, имѣетъ ли-де право здѣшняя Типографія и самый духовный Соборъ дѣлать такое изданіе; а потомъ Владыка Митрополитъ входилъ объ этомъ съ представленіемъ въ Св. Сунодъ, и самъ-то лично, тамъ бывши, докладывалъ,—но дѣло доднесь осталось не разрѣшеннымъ, и, вѣрно, никогда не разрѣшатъ изданія такой Псалтырьки..., да и Богъ бы съ ней... Не даромъ же и блаженной памяти Владыка Филаретъ былъ противъ изданія Библіи на Русскомъ языкѣ,—о чемъ много-много толковали всѣ въ свое время,—да и теперь по поводу этой новоизданной Псалтырьки, тоже всѣ, кто знаетъ,—толкуютъ одно, что-де сбывается слово Владыки Филарета, который даже далъ объ этомъ будто бы особое завѣщаніе,—о чемъ, конечно, вы знаете, если это было дѣйствительно такъ»...—Послѣ этого собственно-устнаго сказанія старца—Игумена-схимника, не сомнѣнно, никто не потребуетъ еще какихъ либо разъясненій, чтобы окончательно убѣдиться, на сколько былъ правъ въ Бозѣ почившій Владыка Филаретъ въ своемъ мнѣніи относительно и ненадобности, и неумѣстности, и даже, въ своей мѣрѣ, небезвредности, предначатаго при немъ, дѣла о переводѣ всей Библіи на Русскій языкъ.—Закончимъ всю эту исторію слѣдующими словами дневника: «Чувство душевнаго успокоенія Владыки послѣ того, какъ подписалъ онъ свое мнѣніе, (посланное на имя Оберъ-Прокурора Графа А. П. Толстаго), о переводѣ св. Писанія. Владыка перекрестился и сказалъ: «Слава Богу! Теперь я исполнилъ свой долгъ; болѣе за мною ничего не останется. Какъ бы хорошо теперь и умереть... прибавилъ онъ;—это бы еще больше дало вѣсу слову истины». (Дневникъ. 1856 г. 22-го Декабря стр. 23 на оборотѣ).

Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о другомъ дѣлѣ, которое появлялось тогда, какъ замѣчено выше, только еще на зарѣ, и относительно котораго высокопр. Филаретъ пла-

менѣлъ вседушевнымъ сочувствіемъ и молитвеннымъ благожеланіемъ: «Дай Богъ, чтобы это дѣло,—читаемъ его слова въ дневникѣ о. Намѣстника,—какъ нибудь только бы скорѣе сдѣлано было...; а ошибки нѣкоторыя, при этомъ неизбѣжныя, исправитъ время» (1). Указываемое дѣло мы разумѣемъ «объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ». Изъ вышеприведенныхъ словъ (изъ дневника), очевидно, что, хотя это дѣло совершалось въ особенномъ секретѣ и совершилось окончательно спустя уже четыре года, высокопр. Филаретъ зналъ о ходѣ его, а потому и желалъ, и ожидалъ скораго исполненія... Откуда же и какъ онъ могъ знать и увѣряться въ этомъ, объ этомъ было сказано нами еще прежде, когда была рѣчь о «Возсоединеніи Уніятовъ» (2), а именно.—Такъ какъ, извѣстный главнѣйшій дѣятель по возсоединенію Уніятовъ, Графъ Д. Н. Блудовъ и высокопр. Филаретъ были въ самыхъ всеискреннѣйшихъ, въ христіанскомъ духѣ и значеніи, взаимныхъ чувствованіяхъ и отношеніяхъ, и такъ какъ этотъ же Графъ Блудовъ, а съ нимъ и Я. И. Ростовцевъ были въ числѣ главнѣйшихъ же дѣятелей по крестьянскому вопросу, то отъ нихъ—особливо отъ перваго, — бывшаго Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая Павловича, высокопр. Филаретъ и вѣдалъ, въ возможной для тогдашняго времени вѣрности, о ходѣ этого дѣла еще при жизни Императора Николая Павловича (3), а не

---

(1) Дневникъ. 1857 г. 8-го Декабря стр. 31 на оборотѣ.

(2) Смотр. Том. III стран. 493—494.

(3) Въ самое именно время изложенія нашего о настоящемъ предметѣ мы, съ величайшею радостію какъ драгоцѣнной находкѣ, встрѣтили самыя интересныя, сколько и достовѣрныя, свѣдѣнія, напечатанныя въ одной изъ книжекъ «Русскаго Архива» (изд. въ 1887 г.) вышедшія изъподъ пера Генералъ-Адъютанта А. Е. Тимашева, участвовавшаго въ Секретномъ Комитетѣ, учрежденномъ въ 1857 г., и знавшаго всю Исторію этого дѣла и за время царствованія Императора Николая Павловича. Выписываемъ здѣсь самыя интересныя строки изъ этихъ опубликованныхъ свѣ-

только уже по воцареніи Императора Александра Николаевича, хотя онъ открыто выражалъ свои молитвенныя сочувствованія и благожелательствованія собственно послѣднему, какъ имѣвшему увѣнчать это великое изъ великихъ дѣлъ полнымъ успѣхомъ, преднарекая Ему, отъ преизбытка чувствъ патріотизма и Цареволюбивости, даже Имя «*Преблагословеннаго*»—о чемъ увидимъ сей часъ же.

дѣній, высказать которыя вызванъ былъ А. Е. Тимашевъ статьею Ѳ. П: Еленева: «Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ»—напечатанною въ Русскомъ же Архивѣ въ 1886 г.—На вопросъ именно г. Еленева: «Откуда явилась у Императора Александра Втораго мысль (разумѣется рѣшительная) освободить крестьянъ,—А. Е. Тимашевъ отвѣчаетъ: «Мысль эта унаслѣдована отъ Его Державнаго Родителя, который, во все время Своего царствованія, имѣлъ постоянно въ виду упраздненіе крѣпостнаго права. Императоръ Николай своимъ свѣтлымъ умомъ сознавалъ всю громадность этой реформы и, потому, считалъ необходимымъ соблюденіе постепенности, доказательствомъ чему служатъ многія принятыя мѣры: ограниченіе права помѣщиковъ въ продажѣ отдѣльныхъ членовъ семействъ, положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ, введеніе инвентарей и другія. Всѣмъ извѣстно, что Императоръ Александръ Второй, до своего воцаренія, былъ не на сторонѣ освобожденія крестьянъ. Перемѣна воззрѣнія на этотъ предметъ находитъ свое объясненіе лишь въ томъ, что́ произошло въ послѣднія минуты жизни Императора Николая». «Императоръ Александръ II всѣмъ сердцемъ принялъ завѣтъ Своего Отца. Дѣло освобожденія крестьянъ стало его личнымъ дѣломъ и онъ поразительно твердо провелъ его, не останавливаясь передъ множествомъ препятствій, отговариваній, устраненій. Секретный Комитетъ откладывалъ было развязку дѣла на десятки лѣтъ. «Сколько мнѣ помнится,—говоритъ генералъ Тимашевъ,—на тридцать два года. Предполагалось раздѣлить работы на три періода. 32-лѣтній срокъ предполагалось значительно сократить въ томъ случаѣ, если дѣло пойдетъ успѣшно... Преобладающая мысль (Комитета) за-

Какъ, дѣйствительно, пламенѣла душа въ Бозѣ почившаго молитвенными чувствованіями и благожеланіями по отношенію къ дѣлу объ освобожденіи крестьянъ, доказательствомъ служитъ одно уже то, что менѣе, чѣмъ за день до своей кончины, онъ не только вспоминалъ, но и возжелалъ узнать о ходѣ этого дѣла по самымъ послѣднимъ извѣстіямъ. Прибылъ ко Владыкѣ, читаемъ въ дневникѣ—подъ 20-мъ числомъ Декабря—Г. П. Галаганъ съ женою для при-

---

ключалась въ томъ, что вопросъ подобной важности не долженъ быть разрѣшенъ почеркомъ пера и съ торопливостью Въ то время господствовала мысль, что въ случаѣ успѣшнаго хода дѣла, первоначально назначенные, сроки сократить будетъ легко; исправленіе же ошибокъ, возможныхъ при торопливости, представитъ не только трудности, но и опасности».—«Издатель «Архива», съ своей стороны, къ показаніямъ Генерала Тимашева присоединяетъ такое замѣчаніе: «По свидѣтельству многихъ лицъ, близкихъ къ Императору Николаю Павловичу, завѣтною его мыслью, во все царствованіе, было раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ съ землею. Польскій мятежъ 1830 года помѣшалъ обнародованію приготовленнаго уже Манифеста. Необходимость быть на стражѣ противъ революціонныхъ движеній, начавшихся съ 1846 года, остановила Правительственныя работы, относившіяся къ этому предмету и возобновленныя съ наступленіемъ спокойствія. Эти работы велись дѣятельно передъ Крымскою войною. «Три раза начиналъ я это дѣло,—говорилъ Государь Графу Киселеву въ 1854 году,—и три раза не могъ продолжать: видно,—это Перстъ Божій»! Покойный Князь А. И. Васильчиковъ неоднократно и многимъ передавалъ, что отцу его, бывшему Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, приходилось сдерживать нетерпѣливость Государя въ разработкѣ этого дѣла. Еще въ Январѣ 1855 г., т. е. за мѣсяцъ до кончины, Николай Павловичъ, въ бесѣдѣ съ другимъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, *Графомъ Блудовымъ*, выражался, что не желалъ бы умереть, не покончивъ великаго начинанія, но что отнюдь не допуститъ увольненія крестьянъ безъ земли. «Это для бла-

нятія послѣдняго благословенія. Рескрипта же Государя о крестьянствѣ онъ не привезъ съ собою, потому что не получилъ моей (Намѣстника) записки, въ которой я просилъ его объ этомъ.—Но когда только прибывшіе приняли благословеніе Владыки, онъ самъ началъ: «Хотя временнымъ и не должно уже мнѣ теперь заниматься, однако я желалъ бы слышать, какъ идетъ дѣло о крестьянахъ».—Г. П. Галаганъ началъ разсказывать содержаніе предложеній, изъясненныхъ въ Рескриптѣ Государя и въ Циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ; но Владыка все-таки сказалъ. «Нельзя ли доставить мнѣ самыя эти бумаги?.. Хотѣлъ бы прочитать я, пока еще дышу... я буду молиться и тамъ предъ Господомъ о благоуспѣшномъ совершеніи этого дѣла»... О! поистинѣ какое великое дѣло совершитъ Государь! Тогда Онъ прославитъ Себя паче всѣхъ,—будетъ не только Благословеннымъ, какъ Императоръ Александръ Павловичъ, но *Преблагословеннымъ*»... (1). Нельзя не замѣтить объ этомъ изреченіи въ Бозѣ почившаго, что оно, хотя было келейное при немногихъ, трехъ-четырехъ, лицахъ, перешло, между тѣмъ, во всеобщую извѣстность—литературную и притомъ въ самомъ вѣскомъ значеніи. Въ такомъ именно значеніи оно употреблено въ статьѣ извѣстнаго современнаго писателя, хотя изъ духовныхъ лицъ, но отличающагося своими взглядами и сужденіями и въ области публицистики, достоинство которыхъ признается за нимъ безспорно. Этотъ Авторъ въ своей статьѣ «по вопросу о духовенствѣ—въ частности «о

га помѣщиковъ,—прибавлялъ онъ;—потому что я знаю простой народъ и его склонность къ бродяжничеству: помѣщики останутся безъ рабочихъ». Нѣтъ сомнѣнія, что Николай Павловичъ приготовилъ Россію къ мысли объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, и безпристрастная исторія должна воздать ему эту славу. Своему Преемнику, Великому Разрѣшителю, завѣщалъ онъ и облегчилъ исполненіе задачи и, тѣмъ самымъ, до такой степени обезпечилъ ему благословенія подданныхъ».

(1) Смотр. Дневникъ 1857 г. 20-го Декабря и «послѣдніе дни жизни» стран. 36.

положеніи и пристройствѣ дѣтей духовнаго происхожденія», коснувшись статьи г. Щебальскаго (Русск. Вѣсти Сентябрь 1869 г.), сказалъ: «Странно читать въ этой статьѣ г. Автора (Щебальскаго), вообще злоупотребляющаго фактами ради своихъ цѣлей..., «что духовенство, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, *блистало своимъ отсутствіемъ и безучастіемъ*»... Но мы думаемъ и утверждаемъ, говоритъ достопочтенный Авторъ—Протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, что для опроверженія такого мнѣнія Г. Щебальскаго вполнѣ достаточно и того предсмертнаго слова Кіевскаго Первосвятителя Филарета (Амфитеатрова), которое, въ свое же время, облетѣло всю Россію,—слово,—что «Александръ II будетъ «*Преблагословенный*», когда уничтожитъ крѣпостное состояніе» (1).

Настоящее сказаніе относилось, какъ выше замѣчено, къ самому послѣднему времени жизни въ Бозѣ почившаго; переходимъ и мы къ повѣствованію объ этомъ времени.

(1) Смотр., между прочимъ, Биржевыя Вѣдомости (вечернее изданіе) 5-го Февраля 1870 г.—Замѣчательно, что сужденіе о. Протоіерея Иванцова-Платонова о духовенствѣ въ отношеніи къ крестьянству, бывшему въ закрѣпощеніи, сходственны до удивленія съ сужденіями и самыми дѣйствіями высокопр. Филарета въ разсматриваемомъ о. Протоіереемъ отношеніи. Чтобы показать это предъ читающими, конечно, помнящими наше изложеніе о дѣйствіяхъ высокопр. Филарета и въ частности о его мнѣніи (Том. III Отдѣлъ II. Глава III) мы предлагаемъ прочитать слѣдующія напр. строки изъ указываемой статьи: «Свидѣтели злоупотребленій Администраціи и крѣпостнаго права,—служители Церкви не могли свободно возвышать свой голосъ; ибо всякое смѣлое прямое слово обличенія, всякая энергическая дѣятельность выдавались за бунтъ, и преслѣдовались какъ бунтъ. Администрація гражданская хотѣла видѣть въ духовенствѣ только орудіе своей власти, и если же не встрѣчала этого, то любила наполнять свои донесенія жалобами на духовенство и на него сваливать то, что происходило отъ злоупотребленій ея агентовъ. Такимъ образомъ, «отъ крѣпостнаго права духовенство страдало почти столько же, какъ и крестьяне».

ОТДѢЛЪ VIII.

ГЛАВА XXIII.

«Послѣ весьма тяжкой болѣзни, постигшей высокопреосвященнаго Владыку Филарета въ самомъ концѣ 1855 г онъ видимо сталъ изнемогать, подвергаться частымъ недугамъ, которые и встрѣчалъ каждый разъ, какъ предвѣстниковъ своей кончины, но переносилъ ихъ съ изумительнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ и радовался всегда при мысли, что они приближаютъ, вожделѣнный для него, часъ преселенія въ жизнь вѣчную! Какъ зрѣлый плодъ самъ собою спадаетъ съ дерева, готовый для житницы, такъ и душа Архипастыря, созрѣвшая въ подвигахъ вѣры и благочестія, естественно, стремилась въ житницу небесную»... (1).

Въ повѣствованіи нашемъ о послѣднихъ дняхъ жизни, о кончинѣ и погребеніи въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета мы, главнѣйшимъ образомъ, воспользуемся содержаніемъ, изложеннымъ въ отдѣльной книжкѣ, составленной и изданной въ самые же первые мѣсяцы послѣ его кончины. Съ нашей стороны будетъ восполнено только то́, что́ не могло войти въ содержаніе указываемой книжки сколько по самой скорости составленія и изданія ея, столько и потому, что нѣкоторыя данныя открывались уже впослѣдствіи постепенно до настоящаго времени

---

(1) Слова изъ «Послѣднихъ дней жизни», стр. 3.

(2) «Послѣдніе дни жизни, почившаго въ Бозѣ, Высокопреосвященнаго Филарета Митрополита съ прибавленіемъ некролога, духовнаго его завѣщанія и словъ, и рѣчи, произнесенныхъ при гробѣ его и погребеніи» —Подъ этимъ заглавіемъ составлена и издана была, бывшимъ

Въ описаніи «послѣднихъ дней жизни» высокопр Филарета читаемъ слѣдующее.

«Имѣвъ отъ природы крѣпкое тѣлосложеніе и сохранивъ свои физическія силы отъ всякаго преждевременнаго разстройства и истощенія строгою, воздержною и правильною жизнію, какую всегда велъ отъ самаго ранняго дѣтства, въ Бозѣ почивший незабвенный Архипастырь Кіева—Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ, въ схимонашествѣ Ѳеодосій (Амфитеатровъ) и въ глубокой старости былъ не утомимъ какъ въ трудахъ Святительскаго служенія, такъ и въ подвигахъ иноческой жизни, и выносилъ эти труды и подвиги съ удивительною бодростію, укрѣпляемый помощію свыше и необычайною силою духа въ немощахъ плоти, изнуренной преклонностію лѣтъ Только съ 1853 года, и въ особенности послѣ весьма тяжкой болѣзни, постигшей его въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1855 года, онъ видимо сталъ изнемогать, подвергаться частымъ недугамъ, которые каждый разъ встрѣчалъ какъ предвѣстниковъ кончины, но переносилъ съ изумительнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, и радовался при мысли, что они приближаютъ вожделѣнный для него часъ переселенія въ жизнь вѣчную. Какъ зрѣлый плодъ самъ собою спадаетъ съ дерева, готовый для житницы: такъ и душа Архипастыря, созрѣвшая въ подвигахъ вѣры и благочестія, естественно стремилась въ житницу небесную, подобно душѣ Псалмопѣвца, который говоритъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Когда приду и явлюся лицу Божію* (Псал. 41, 2 3)? или душѣ великаго Апостола, который писалъ: *желаю разрѣшитися и со Христомъ быти. Мнѣ еже жити—Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Филип. 1, 21. 23). «Кто это держитъ меня здѣсь»?—говорилъ часто Архипастырь въ постигавшихъ его недугахъ; или же обращался къ приближеннымъ сво-

---

тогда Ректоромъ Кіевской Духовной Академіи Архимандритомъ Антоніемъ, впослѣдствіи Архіепископомъ Казанскимъ, отдѣльная книжка въ первые же мѣсяцы по блаженной кончинѣ высокопр. Филарета. 1858 г. стр. 134. Кіевъ. Въ Университетской Типографіи.

имъ съ такими словами: «не держите меня, отпустите меня; вѣдь я совсѣмъ уже приготовился отойти ко Христу Спасителю. Я не хочу умирать, а хочу вѣчно жить. Храмина тѣла моего видимо разрушается. Вотъ и ноги отказываются ходить и руки дѣлать, и голова работать, а душа радуется, и желала бы хоть сей часъ разрѣшиться. Слава Богу за все! Довольно было съ меня пожить. Уповаю на милость Его, что тамъ будетъ мнѣ хорошо. Духъ мой стремится изъ узъ плоти, и все земное для меня уже чуждо; отъ того и тѣло мое такъ утончилось и исхудало. Какъ женихъ съ нетерпѣніемъ ждетъ брачнаго дня для соединенія съ невѣстою, такъ и я жду и желаю разрѣшиться отъ этой жизни. Я также поступилъ бы съ смертію, какъ Игнатій Богоносецъ, который, бывъ приговоренъ къ снѣденію звѣрями, говорилъ: если звѣри пощадятъ меня, я нарочно раздражу ихъ».

«Впрочемъ, при столь пламенномъ желаніи разрѣшиться отъ узъ плоти, преданный вполнѣ въ волю Господню, въ рукахъ Коего жребій нашъ и у Коего исчислены мѣсяцы и дни жизни нашей, Архипастырь былъ готовъ и еще нести тяжкое для него бремя сей временной жизни, если то Господу угодно, и, потому, никогда не отвергалъ медицинскихъ пособій, но принималъ всѣ средства, предписываемыя ему въ болѣзни врачами съ совершенною покорностію. «Вы дѣлайте свое дѣло, говорилъ онъ имъ, и я готовъ, и буду все исполнять. Душа моя жаждетъ разрѣшенія, и никто мнѣ не воспретитъ сего: но я готовъ и жить еще—изъ послушанія, если то Господу Богу угодно». Сила духа его, подкрѣпляемая благодатною молитвою и причащеніемъ св. Таинъ, съ 1-го Августа 1854 года ежедневнымъ (1), все еще торжествовала надъ немощію плоти, возстановляла его здоровье, и онъ снова старался по прежнему и дѣлами заниматься неопустительно, и часто служить, и не оставлять своего обычнаго келейнаго правила. Какъ укрѣпляли и придавали

(1) Побужденіемъ къ принятію на себя этого подвига была ревность—въ тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ Отечества усилить свои молитвы за него; въ послѣдствіи это сдѣлалось необходимою духовною потребностію его.

ему жизни молитва и причащеніе св. Таинъ, это самъ онъ высказывалъ приближеннымъ съ особеннымъ чувствомъ умиленія. «Меня поддерживаетъ теперь, говорилъ онъ, и въ физическихъ силахъ только молитва. Встанешь поутру и чрезъ силу движешься; но возмешься за молитву, и оживешь, станешь бодрѣе и сильнѣе. Прежде я вставалъ въ четыре часа, потомъ въ три, въ два, а теперь встаю уже въ часъ Нѣтъ сна; но за то я имѣю занятіе самое пріятнѣйшее для меня,—молитвенное правило мое, которое продолжается три часа. Послѣ него утомившись, я отдохну нѣсколько предъ обѣднею, а тамъ обѣдня и причащеніе св. Таинъ. Эти часы такъ отрадны мнѣ, что я не промѣняю ихъ ни на какое царство. И скуки нѣтъ для меня въ безсонницу. За тѣмъ пойдутъ уже, тяжелые для меня, часы земныхъ занятій и суеты«. »Вотъ что поддерживаетъ мой духъ: это причащеніе божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. О, какое это дивное руководство къ Богословію, къ истинному уразумѣнію истинъ вѣры и спасенія! Можно о всемъ читать, доходить до познанія истины размышленіемъ: но это все не то... Божественныя Тайны очищаютъ, освящаютъ и просвѣтляютъ душу; въ нихъ тайна спасенія самымъ дѣломъ совершается и какъ бы воплощается (1). Вотъ, слава Богу, я уже сорокъ мѣсяцевъ

---

(1) По словамъ высокопр. Антонія и другихъ лицъ изъ Профессоровъ Академіи, высокопр. Филаретъ однажды раскрывалъ эту мысль на экзаменѣ по Богословію Догматическому и рѣшительно удивилъ и поразилъ всѣхъ, слушавшихъ его, глубиною мыслей, едва ли для кого иного удобопостижимою... Въ заключеніе же Владыка сказалъ: «Да, что я теперь говорю только *по скудоумію моему*,—это самое можетъ лучше всего увѣдать всякій изъ состоянія двухъ *учениковъ шедшихъ въ Еммаусъ*... Не они ли оба бесѣдовали и совопрошались между собою, какъ говорится, со всѣмъ жаромъ и о крестной смерти, и погребеніи, и имѣвшемъ быть воскресеніи своего Божественнаго Учителя,—но что же? Когда предъ ними былъ и Самъ Воскресшій... они и тутъ продолжали только *спязатися* и споритъ даже съ Нимъ Самимъ .. утверждая по своимъ основаніямъ и раз-

дознаю это ежедневнымъ опытомъ. Это жизнь души; а безъ этого я не знаю, какъ бы и жить въ такія лѣта». Опасаясь, чтобы, по немощи его, не было какого опущенія въ дѣлахъ епаріальнаго управленія,—хотя до послѣднихъ дней онъ всегда твердо держалъ ихъ въ рукахъ,—онъ иногда приходилъ къ мысли просить увольненія на покой. «Тяжело, говаривалъ онъ, до крайности носить мнѣ бремя службы. Такъ мнѣ все наскучило. Оградиаго такъ мало во всемъ. Какъ бы хорошо совсѣмъ удалиться въ Голосѣево и посвятить себя единому Христу Спасителю! Вкусивъ сладости общенія съ Нимъ, крайне горько отрываться отъ Него какими бы то ни было житейскими дѣлами. Я вступилъ уже на этотъ путь; сходить съ него уже не могу, да и не захочу ни за какія блага». Не разъ приготовлялъ онъ и прошеніе объ увольненіи на покой. Но сперва тяжкія обстоятельства Отечества съ 1853 по 1856 годъ, а потомъ—увѣренность, что и безъ того Господь позоветъ его скоро на вѣчный по-

---

сужденіямъ..., что воскресеніе не совершилось...; значитъ основанія и разсужденія ихъ такъ были ограниченны, узки, или словомъ—*не смысленны*,—какъ дѣйствительно и Самъ Господь Воскресшій наименовалъ ихъ: «*о несмысленные и косные сердцемъ*... Но и еще: и послѣ того, когда Воскресшій Господь *сказаше имъ* Самъ *отъ всѣхъ Писаній, яже о Немъ, начемъ отъ Моисея и отъ всѣхъ Пророковъ*... и тутъ все-таки *очи ихъ* (мысленныя) *держастѣся* и *они* Его не *познавали*... Но когда же Господь *пріемъ хлѣбъ, благослови и преломивъ даяше имъ*... вотъ тутъ-то, и безъ всякихъ уже сказаній и изъясненій, вдругъ отверзостѣся ихъ очи *и познаста Его*..., и какъ *познаста*?! не умомъ, не разсужденіемъ, а сердцемъ... *Не сердце ли горя́ бѣ въ насъ*... а потому и свидѣтельствовали и предъ всѣми Апостолами, *яко познася имъ* Воскресшій Спаситель въ чемъ же? не въ сказаніяхъ Писаній, а собственно въ *преломленіи хлѣба*... въ Таинствѣ Божественной Евхаристіи... Здѣсь-то и для насъ всѣхъ, и самыхъ богослововъ, и докторовъ, только и заключается истиннѣйшій и всеполнѣйшій источникъ Богоспасительнаго вѣдѣнія».

кой, удерживали его отъ исполненія сего намѣренія «Нѣтъ, говорилъ онъ, видно уже до конца висѣть мнѣ на крестѣ. И Христу Спасителю говорили: сниди со креста, но Онъ не сошелъ, а оставался на немъ, пока Его сняли. Такъ и я часто слышу эти слова: сниди со креста — вопіютъ иногда дѣла, а иногда собственное нетерпѣніе. Но я положилъ уже висѣть, пока снятъ буду. Теперь уже не къ чему; быть можетъ не долго. Я вижу, Господь скоро позоветъ меня къ Себѣ» (1).

Такая увѣренность Архипастыря не обманула его. Насталъ 1857 годъ. Онъ встрѣтилъ его на болѣзненномъ одрѣ, и чаще прежняго повторялъ, что этотъ годъ вѣрно уже послѣдній для него. Недуги его, въ самомъ дѣлѣ, чаще повторялись, и силы, все болѣе и болѣе, ослабѣвали. Не чувствовалъ онъ обычнаго прежде оживленія ихъ и въ Голосѣевой Пустынѣ весною и лѣтомъ. Рѣдко могъ совершать тамъ и прежнія прогулки; все казалось ему, что проводитъ тамъ послѣднее лѣто (2); говорилъ, что душу его уже не занимаетъ ничто и въ этомъ, столь любимомъ, мѣстѣ.—Сильно озабочивала его только мысль объ обѣщанномъ въ семъ году посѣщеніи Кіева Ихъ Императорскими Величествами, и онъ высказывалъ живѣйшее желаніе дожить до этого времени и принять, какъ можно лучше вожделѣнныхъ, Гостей. Желаніе это исполнилось. Съ какимъ нетерпѣніемъ и заботливостію онъ ожидалъ Царственныхъ Поклонниковъ, съ такою же, потомъ, радостію и пламеннымъ усердіемъ встрѣтилъ Ихъ и съ удивительною, по лѣтамъ его и состоянію

---

(1) Въ кабинетномъ календарѣ его за 1855 годъ противъ 20 числа Ноября написано его рукою: «Получилъ радостную вѣсть объ отшествіи моемъ ко Христу въ жизнь вѣчную». Въ послѣдствіи онъ сказывалъ, что въ ночь того числа видѣлъ во снѣ покойнаго старца о. Парѳенія, который будто бы служилъ вмѣстѣ съ нимъ Литургію. Когда же старецъ подошелъ къ Престолу и Архипастырь, держа чашу, полную св. Крови, причастилъ его, то сказалъ ему: «потерпи, Владыко святый, и тебя Господь скоро возметъ къ Себѣ».

(2) Пріѣзжай завтра на служеніе въ пустынь,—писалъ онъ отъ 17 Августа къ .....; можетъ быть въ послѣдній разъ, а навѣрное въ нынѣшнемъ году.

здоровья, бодростію и неутомимостію руководилъ по святымъ мѣстамъ Лавры и Кіева. А по отбытіи Высочайшихъ Гостей, долго самымъ пріятнѣйшимъ предметомъ бесѣдъ его было воспоминаніе о Нихъ. Съ живѣйшимъ восторгомъ всегда говорилъ онъ о глубокомъ благочестіи Царственныхъ Богомольцевъ, какое явили Они во время пребыванія въ Кіевѣ, и радовалась душа его при мысли,—какой прекрасный примѣръ въ этомъ поданъ Ими всей Православной Руси, и какъ благословлять будетъ Ихъ за сіе благочестивый народъ Русскій. Утѣшался онъ и мыслію о чрезвычайной благости и вниманіи, какихъ удостоивался самъ онъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. «Хотѣлось, говорилъ онъ, непремѣнно дождаться и видѣть въ Кіевѣ Ихъ Величества: это и исполнилось. Теперь можно бы и «Нынѣ отпущаеши» пропѣть мнѣ». Такъ и совершилось! Трудъ, подъятый во время сіе Архипастыремъ, и изумительная бодрость, съ какою онъ понесъ сей трудъ, были напряженіемъ послѣднихъ жизненныхъ силъ его, послѣ котораго насталъ совершенный упадокъ ихъ. Въ томъ же мѣсяцѣ заболѣлъ онъ, и хотя скоро оправился, но такъ сдѣлался воспріимчивъ къ самымъ малымъ перемѣнамъ воздуха, что выѣздъ изъ дома, на самое краткое время и при всѣхъ предосторожностяхъ, подвергалъ его простудѣ. Потому онъ, до самой уже кончины, не выѣзжалъ никуда рѣшительно. Впрочемъ во всѣ воскресные дни и праздники служилъ неопустительно въ теплой церкви.

Въ такомъ положеніи Архипастыря наступило 1-е Декабря—день Филарета Милостиваго, его ангела. Издавна онъ имѣлъ обычай проводить день сей въ молитвенномъ безмолвіи, уединяясь почти каждый годъ въ Голосѣеву Пустынь и уклоняясь отъ всѣхъ привѣтствій и пріемовъ. Теперь не могъ онъ отправиться туда; притомъ день былъ воскресный. Предложено было ему общее желаніе видѣть и привѣтствовать его въ этотъ день всѣмъ. Но онъ не согласился. «Буду, говорилъ, праздновать день своего Ангела по прежнему обычаю, въ совершенномъ уединеніи, и для сего удаляюсь на весь день на ближнія пещеры къ св. Преподобнымъ: это лучше,—ибо сказано: «*съ преподобнымъ преподобенъ будеши*». Такъ и было: отслуживъ въ св. Пещерахъ

въ церкви св. Преподобнаго Антонія, а потомъ поклонившись св. Угодникамъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ, онъ провелъ остальное время дня до вечера въ келліяхъ покойнаго старца іеросхимонаха Парѳенія, и только къ вечерней службѣ возвратился въ Лавру въ свои покои. Послѣ службы, когда, ближайшія къ нему, лица привѣтствовали его со днемъ ангела и изъявляли обычныя желанія, чтобы Господь далъ паствѣ Кіевской еще впредь праздновать день сей,—онъ отвѣчалъ:—«Нѣтъ, благодарю за такое желаніе. Не хочу, чтобы оно исполнилось. Вѣдь это въ 60-й уже разъ я праздную нынѣшній день. Можетъ быть въ цѣлой Россіи нѣтъ такого монаха, который бы сравнялся со мною лѣтами въ монашествѣ. Нѣтъ, этотъ день уже не повторится для меня. Да признаться, выходя изъ святыхъ пещеръ, я, припавъ ко гробу св. преподобнаго Антонія, такъ усердно помолился ему, чтобы онъ принялъ меня къ себѣ въ небесныя обители, что, думаю, онъ услышалъ и исполнитъ мою молитву». Въ самомъ дѣлѣ, въ это время, по всей вѣроятности, положено было начало въ немъ той болѣзни, которая въ послѣдствіи оказалась смертельною, хотя и не вдругъ обнаружилась въ своей силѣ. И самъ онъ чувствовалъ это и высказывалъ, что точно 1-го числа получилъ болѣзнь, и ее послали ему св. преподобные Отцы. Утромъ на другой день вручена была Архипастырю телеграфическая депеша съ поздравленіемъ ко дню Ангела отъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Александровны, и съ вопросомъ о состояніи здоровья (1). Съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности за такое Высочайшее благоволеніе, прочиталъ онъ депешу и сказалъ при этомъ: «чудное дѣло! я и во снѣ видѣлъ, что получилъ депешу и былъ радъ. Какое сочувствіе! Но я же и молюсь много за Государя, Государыню и Чадъ Ихъ». Тогда же надиктована была имъ и отправлена отвѣтная депеша, съ изъявленіемъ всеподданнѣйшей благодарности и

(1) Телеграмма получена 1-го вечеромъ въ 9 часовъ, когда Архипастырь уже затворился для совершенія своего вечерняго молитвеннаго правила и сна, потому и не могла быть подана ему тогда же.

присовокупленіемъ, что и послѣднія силы посвящаетъ служенію, священнодѣйствію, молитвѣ, службѣ.

6-го числа, въ день святителя Николая и Тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Архипастырь въ послѣдній разъ совершалъ божественную Литургію въ теплой церкви. Послѣ нея, по обычаю, принималъ посѣтителей, и никакой особенной перемѣны въ состояніи его здоровья не было замѣтно. Но 7-го числа, съ самаго утра, онъ почувствовалъ простуду, жаловался на кашель, головную боль и ознобъ, и слегъ въ постель. Въ прежнія болѣзни свои сдѣлавъ уже различныя распоряженія благотворительныя, онъ и теперь, первѣе всего, занятъ былъ мыслію: чтобы еще сдѣлать добраго. «Хочу, говорилъ онъ, тысячу рублей серебромъ передать Лаврѣ съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были раздаваемы всегда нищимъ въ день моей кончины. Думаю, что это будетъ хорошо. Кто получитъ хоть малую частицу изъ этого, все перекрестится и скажетъ: дай Богъ ему вѣчную память! Упокой душу его»! Распоряженіе сіе было немедленно исполнено.

8-го числа, въ воскресенье, не могъ служить, и послѣ ночи, проведенной безъ сна, продолжалъ быть въ постели, но не оставилъ обычнаго своего молитвеннаго правила, хотя и не самъ читалъ оное, а слушалъ отъ іеромонаха; къ ранней же литургіи выходилъ самъ въ церковь для причащенія св. Таинъ. Приглашенные врачи нашли, что у него катарръ и прописали нужныя средства. Болѣзнь уступила имъ и здоровье Архипастыря видимо возстановлялось, хотя предчувствіе, что конецъ его близокъ, не оставляло его и становилось сильнѣе и сильнѣе. Чаще прежняго повторялъ онъ слова: «храмина тѣла моего разрушается... Не удерживайте меня, отпустите меня... Возьмите себѣ землю и дайте мнѣ небо. На что я вамъ? Кому нуженъ»? Когда замѣтили ему, что жизнь его еще нужна и драгоцѣнна для многихъ, особенно для бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ,— онъ отвѣчалъ: «Да, правда, многіе кричатъ за меня, особенно бѣдные. Заболю,—начинаютъ молиться. Видно, вопль этотъ доступенъ къ Богу и имѣетъ онъ силу. Видно, Господь слышитъ этотъ вопль... Когда я выхожу, и они ви-

дятъ, что я едва двигаюсь, то начинаютъ кричать поддержи тебя, Господи! Продли твою жизнь, Господи! Вотъ я взялъ къ празднику жалованье, все пятачками, гривенниками, четвертаками, полтинниками,—до праздника всѣ разойдутся». Видно было, что душа его чувствовала живѣйшую отраду въ творимой имъ ежедневно милостынѣ, и еще здѣсь предвкушала то блаженство, которое обѣщано въ Евангеліи милостивымъ. Занятый мыслію объ отшествіи, онъ высказывалъ тогда же различныя распоряженія на случай своей кончины. Имѣвъ правиломъ ежедневно читать св. Евангеліе и отдыхать душею на семъ чтеніи между обычными занятіями дневными (1). Архипастырь и въ болѣзненномъ, полусонномъ забытьи видѣлъ себя за этимъ, любимымъ для него, занятіемъ. «Я обыкновенно читаю Евангеліе, говорилъ онъ; теперь и во снѣ часто будто вижу предъ собой Евангеліе, читаю будто и, окончивъ чтеніе, хочу поцѣловать слова св. Евангелія, гдѣ имя Іисуса Христа, или другое изъ Именъ Божественныхъ. Но только что стану наклоняться, тотчасъ просыпаюсь, и смотрю—Евангелія нѣтъ. Иногда представляю, будто служу, молюсь». Такъ—что душа любитъ наяву, тѣмъ занята бываетъ и во снѣ.

12-го числа Архипастырь былъ уже въ состояніи самъ совершить келейное правило свое, а 13-го и 14-го утромъ занимался дѣлами обычными, принималъ съ докладами, подписывалъ бумаги и чувствовалъ, что болѣзнь его какъ будто совсѣмъ прошла.

Но—это былъ не конецъ болѣзни, а краткое время, на которое она уступила остаткамъ жизненныхъ силъ, еще бывшихъ въ его организмѣ, и дала имъ вспыхнуть въ послѣдній разъ, при помощи принятыхъ благовременно медицинскихъ пособій. Скоро вслѣдъ за тѣмъ она возобновилась со всею силою и сдѣлалась смертельною, продолжавшись ровно семь дней. И это была истинная *страстная седмица* Архипастыря, въ которую онъ,—любя во всю жизнь ежедневно и ежеощно воспоминать молитвенно спаситель-

(1) Для сей цѣли въ кабинетѣ Архипастыря находилось на особомъ столикѣ раскрытое Евангеліе.

ныя страсти Христовы,—ближайшимъ и прискреннѣйшимъ образомъ пріобщился оныхъ и, по собственному выраженію его, какъ жилъ всегда на крестѣ, такъ и умеръ на крестѣ (1). И изумительны были его терпѣніе, благодушіе, младенческая кротость и безропотность, съ какими онъ переносилъ предсмертныя страданія до послѣдней ихъ минуты, не обнаруживъ ни тѣни какого либо неудовольствія, или ропота на кого либо, или на что либо; поразительна была и сила духа его, сила вѣры и упованія, съ которыми онъ безтрепетно встрѣчалъ смерть лицемъ къ лицу и, не смотря на всю болѣзненность ея, ждалъ ее, какъ ангела-утѣшителя. Нельзя было не удивляться также и тому, какъ сохранилась у него до послѣдняго часа вся сила сознанія, самаго яснаго и бодрственнаго, и даже цѣлость чувствъ зрѣнія и слуха, при всемъ томъ болѣзненномъ сотрясеніи, какому подвергся организмъ его въ семъ тяжкомъ недугѣ.

Того же 14 числа вечеромъ Архипастырь подвергся сильнѣйшему припадку болѣзни: онъ вдругъ почувствовалъ крайнее стѣсненіе въ груди, кашель, боль въ желудкѣ, сильный жаръ во всемъ тѣлѣ до того, что былъ весь въ огнѣ и по временамъ забывался,—спрашивалъ: «не былъ я нынѣ въ пещерахъ»? воображалъ утро, тогда какъ былъ вечеръ. Но и при этомъ забытьѣ, не смотря на тяжкія страданія, помнилъ существенное: когда прибывшіе врачи предлагали принять лекарство, онъ долго отказывался, говоря: «не стану; вотъ пріобщусь, тогда стану принимать лекарства». И только тогда, какъ увѣрили его, что еще вечеръ, а не утро, и лекарства не помѣшаютъ причаститься, принялъ оныя. Ночь проведена безъ сна и тяжело, хотя медицинскія пособія, оказавшія вскорѣ свои дѣйствія, и облегчили нѣсколько болѣзнь. Впрочемъ послѣ полуночи выслушано имъ правило ко святому Причащенію, а утромъ 15-го числа въ обычный часъ (7-й) онъ одѣлся и вышелъ съ великимъ усиліемъ къ Литургіи, и причастился, по обы-

(1) О многихъ и тяжкихъ скорбяхъ своихъ, какія испыталъ въ жизни, упоминаетъ Архипастырь и въ духовномъ завѣщаніи своемъ, благодаря Бога, что помогъ ему перенесть ихъ.

чаю, въ маломъ архіерейскомъ облаченіи, въ олтарѣ. Послѣ Литургіи чувствовалъ себя нѣсколько лучше, но, потомъ во весь день, былъ очень слабъ и пищи не принималъ никакой, требуя только питья для утоленія, палившей его, жажды. Съ приходившими для посѣщенія его почти не могъ говорить и только повторялъ: «человѣкъ яко трава... Отпустите меня... кто меня удерживаетъ?!.. Желалъ бы скорѣе пропѣть: Нынѣ отпущаеши .. Душа стремится... Но—воля Божія»! А ближайшимъ домашнимъ своимъ говорилъ: «готовьте меня къ погребенію; я отойду отъ васъ». Къ вечеру того дня жаръ, повидимому, уменьшился; но всю ночь на 16 число провелъ безъ сна; послѣ полуночи опять слушалъ правило ко Причащенію, а утромъ опять для Причащенія св. Таинъ выходилъ на Литургіи и причащался въ олтарѣ въ полуоблаченіи. Прибывшіе вскорѣ, врачи нашли, что болѣзнь усилилась и внутренній жаръ сталъ сильнѣе: оказались признаки воспаленія въ правомъ легкомъ. Были прописаны и употреблены немедленно надлежащія средства, а между тѣмъ видя, что напряженныя движенія больнаго для слушанія Литургіи и причащенія, а также то, что съ 12-го часа ночи, готовясь ко причащенію, онъ не принималъ не только лекарствъ, но никакого питья, ни даже простой воды для утоленія палящаго его жара, врачи просили его поберечь себя всячески отъ малѣйшаго движенія съ постели и утолять жажду послѣ полуночи хотя святою водою. Тяжелы были душѣ Архипастыря эти требованія, но первому онъ покорился, чувствуя и самъ, что не въ состояніи уже ходить въ церковь для причащенія и рѣшился причащаться съ сихъ поръ во внутреннихъ своихъ покояхъ. Впрочемъ съ заботливостію душевною говорилъ: «какъ же это мнѣ причащаться здѣсь на постели?! Быть можетъ, хотя въ кабинетѣ, гдѣ занимаюсь. Меня могутъ перенесть туда на кровати». Когда замѣчено было ему, что Господь готовъ всюду, во всякомъ мѣстѣ посѣщать болящихъ, даже въ темницахъ,—онъ сказалъ: «Да, посѣтить больнаго, гдѣ бы онъ ни былъ,—это любимое дѣло Спасителя». А на второе требованіе рѣшительно не согласился; изъявилъ только желаніе, чтобы Литургія, вмѣсто 6-ти часовъ, начиналась ранѣе, въ 5-ть, дабы сократилось хотя нѣсколько время, ко-

торое онъ томился жаждою безъ утоленія ея. Принятыя лекарства оказали нѣкоторое дѣйствіе, но, по прежнему, больной сна не имѣлъ ни днемъ, ни ночью, и пищи не принималъ, и предчувствіе близкой кончины переходило у него въ рѣшительное убѣжденіе. «Зачѣмъ они будутъ безпокоиться? говорилъ онъ о врачахъ. Вѣдь не помогутъ; пожалуй еще помѣшаютъ, а въ нашемъ званіи это не хорошо. Не перестать ли принимать лекарства? Буду питаться одними св. Тайнами: это одно и нужно мнѣ теперь». Продолжалъ и распоряженія дѣлать касательно погребенія. «Положить на меня во гробъ, говорилъ, панагію Московскаго Митрополита (1). При погребеніи и поминовеніи устроить все, какъ прилично».

Ночь на 17-е число Архипастырь провелъ безъ сна и тяжелѣе прежнихъ ночей. Впрочемъ правило обычное выслушалъ; для причащенія же не выходилъ къ Литургіи, а благословилъ Намѣстнику принести св. Дары въ кабинетъ. Предъ окончаніемъ Литургіи онъ одѣлся, облачился въ мантію, малый омофоръ и эпитрахиль и съ великимъ трудомъ переведенъ былъ въ кабинетъ и посаженъ въ кресло. Когда принесены были св. Дары и поставлены предъ иконами на особомъ столикѣ, Архипастырь, поддерживаемый иподіаконами, палъ предъ ними на колѣна и въ такомъ положеніи, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, принялъ отдѣльно Тѣло, а потомъ Кровь Христову. Отдохнувъ нѣсколько послѣ сего и выслушавъ благодарственныя молитвы, онъ отведенъ въ постель, и хотя душею утѣшенъ и укрѣпленъ былъ принятіемъ св. Таинъ, которыхъ не чаялъ дождаться, но тѣломъ крайне изнемогъ. Видя съ часу на часъ усиливающуюся слабость его, предложили ему, не благословитъ ли завтра совершить надъ собою Елеосвященіе. «Хорошо, отвѣчалъ онъ, распорядитесь. Пригласите преосвященнаго Стефана, архимандритовъ, старцевъ. Сперва пріобщусь, а потомъ Елеосвященіе». Принесена была почта; прослушалъ нѣкоторыя

(1) Это панагія, подаренная ему еще въ 1818 г, въ бытность его Ректоромъ Московской духовной Академіи и архимандритомъ Воскресенскаго, именуемаго Новый Іерусалимъ, Монастыря.

письма и потомъ спросилъ: «что въ газетахъ? Нѣтъ ли чего особеннаго? Каково—Англичане въ Индіи». Ему отвѣчали согласно съ содержаніемъ газетъ. Но говорить ему было трудно. По временамъ онъ какъ бы забывался для сна; потомъ тяжело кашлялъ; иногда приказывалъ себя поднять и посадить на нѣсколько минутъ въ кресла; но сна настоящаго не было, и пищи тоже не принималъ. Послѣ всенощной, которую, во всѣ эти дни и послѣ до кончины, совершали въ кабинетѣ его, а онъ слушалъ оную съ постели, или же сидя близъ нея въ креслахъ, Архипастырь чувствовалъ себя нѣсколько легче, дыханіе было свободнѣе и кашель легче. Только сильно жаловался на боль въ правомъ боку, и жаръ внутренній по прежнему палилъ его. Врачи, не скрывавшіе опасности положенія больнаго, еще не теряли впрочемъ надежды и просили его продолжать прежнія средства, и, въ особенности, не тревожить себя ничѣмъ. Вслѣдствіе этого предложено было ему: не отложить ли Елеосвященіе? «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, отлагать не слѣдуетъ».

Въ ночь съ 17-го на 18-е число, проведенную какъ прежде, безъ сна, Архипастыря озаботила мысль, что въ завѣщаніи его, написанномъ еще въ 1851-мъ году, есть обращеніе къ почившему въ Бозѣ Государю Императору Николаю Павловичу, и при чтеніи онаго и новомъ подписѣ въ послѣдній разъ, въ настоящемъ году, онъ оставилъ это мѣсто безъ перемѣны. Призвавъ Намѣстника и Екклесіарха, онъ говорилъ имъ: «не переписать ли вновь завѣщаніе»? Но когда ему замѣтили, что теперь трудно будетъ ему подписать его, и при томъ для Лавры дорого особенно завѣщаніе, писанное собственною рукою его, а Государь Императоръ слова, обращенныя къ Его Августѣйшему Родителю, конечно, приметъ, какъ бы сказанныя къ Нему Самому, то онъ успокоился и, принесенный уже, пакетъ съ завѣщаніемъ велѣлъ опять отнесть въ ризницу. Между тѣмъ о своемъ положеніи говорилъ: «плохо мое здоровье; перемѣны нѣтъ никакой на лучшее: грудь и бокъ крѣпко болятъ. Хотя врачи усердно заботятся о мнѣ, но какъ они дадутъ мнѣ то, чего сами не имѣютъ? Одинъ Іисусъ Христосъ есть жизнь наша: но если Онъ ничего не дѣлаетъ, то что они сдѣлаютъ? Да и смерти я не страшусь. Это можетъ казаться

для иныхъ страннымъ; но таково настроеніе души моей. Желаю отъити ко Господу. Боюсь одного, какъ бы не остаться еще въ живыхъ. Врачи дѣлаютъ свое дѣло. Нужно было отдать честь наукѣ и ихъ искуству и усердію, и удовлетворить желанію паствы и Лавры, а теперь пора предаться въ волю Божію. Попрошу ихъ оставить меня безъ лекарствъ».

Время приближалось къ утру, и Архипастырь, выслушавъ правило, ожидалъ Литургіи. Къ причащенію не могъ самъ уже идти даже въ кабинетъ, но не захотѣлъ и въ постели причащаться, а его вынесли въ креслахъ въ кабинетъ, и, облачившись въ мантію, онъ, какъ и вчера, причастился, павъ на колѣна предъ принесенными св. Дарами. Перенесенный опять въ постель, онъ просилъ ускорить совершеніемъ Елеосвященія, и оно совершено было въ девятомъ часу Преосвященнымъ Епископомъ Стефаномъ (1) и собранными архимандритами и іеромонахами Лавры. Архипастырь, во время священнодѣйствія, былъ въ постели, въ лѣвой рукѣ держалъ свѣчу, а правою часто полагалъ на себѣ крестное знаменіе. Зрѣлище было глубоко трогательное и умилительное... Лице больнаго было спокойно и свѣтло, какъ бы совершалось надъ нимъ что либо торжественное и радостное; но на лицахъ предстоящихъ были слезы, и они едва удерживали рыданіе... По совершеніи таинства, больной всѣмъ присутствовавшимъ преподалъ прощеніе и благословеніе, и у всѣхъ взаимно просилъ себѣ прощенія и молитвъ. «Простите меня, говорилъ, и молитесь за меня. Намѣренно я никого не оскорбилъ, но, по должности и службѣ, быть можетъ, кто и оскорбленъ мною. Поручаю васъ Божіей Матери и св. угодникамъ. Желаю, чтобы Господь далъ вамъ послѣ меня пастыря добраго и учительнаго».

---

(1) Преосв. Стефанъ (*Ковачевичъ*) Епископъ изъ Болгаріи, прибывшій,—или точнѣе бѣжавшій оттуда во время Крымской войны и проживавшій, съ Высочайшаго соизволенія, въ описываемую пору въ Кіево-Печерской Лаврѣ совершенно приватно. Отъ Правительства Русскаго ему отпускалась на содержаніе довольно значительная сумма.— Викарный же преосв. Аполлинарій былъ въ это время боленъ и не могъ быть приглашенъ къ совершенію Елеосвященію.

Долго продолжалось прощаніе; ибо Архипастырь приказалъ всѣхъ допускать и никому не воспрещать приходить къ одру его, и всѣхъ благословлялъ, кто желалъ принять благословеніе. И потому, пока принялъ онъ всѣхъ приходившихъ, чрезвычайно утомился и былъ въ крайнемъ изнеможеніи. Послѣ нѣкотораго отдыха опять продолжалъ принимать приходившихъ за благословеніемъ Прибылъ посѣтить его г. Кіевскій Военный Губернаторъ, Князь Васильчиковъ (1). На вопросъ его о здоровьи Архипастырь сказалъ: «какое мое здоровье? время моего отшествія наста», и потомъ просилъ его написать по его кончинѣ Государю Императору, что «если обрящу тамъ дерзновеніе предъ Господомъ Богомъ, то первая молитва моя будетъ за Его Императорское Величество, Его Августѣйшую Супругу, Чадъ, Братьевъ, и весь Царствующій Домъ и за всю Россію. Буду молиться и за васъ, и за семейство ваше». Вечеромъ, послѣ всенощной, прибывшіе врачи нашли, что болѣзнь идетъ впередъ и надежды осталось менѣе; впрочемъ прописали еще лекарства, и больной согласился еще принимать ихъ, хотя и просилъ, въ началѣ, оставить его безъ лекарствъ. Когда они въ ближайшей комнатѣ совѣтовались съ собою и довольно долго разговаривали, онъ сказалъ окружавшимъ его: «доктора́ думаютъ долгую думу, но не помогутъ; это я чувствую; пришло мое время. Нынѣ вы ходили около меня въ бѣленькихъ (т. е. ризахъ при Елеосвященіи), походите скоро и въ черненькихъ... Готовьте меня къ погребенію». А врачей отпуская сказалъ: «простите и благословите; быть можетъ не увидимся». Послѣ того, оставаясь по прежнему безъ сна и пищи, продолжалъ дѣлать еще послѣднія распоряженія, сказывалъ, кому что́ дать на память о немъ, и кого чѣмъ наградить за службу ему, кому быть при погребеніи его, изъявивъ желаніе, чтобы, ради болѣзни преосвя-

(1) Князь, во все время болѣзни Архипастыря и послѣ, принималъ самое живое сыновнее участіе въ его положеніи и представлялъ въ себѣ примѣръ истинно благочестиваго и преданнаго сына Церкви. Впрочемъ и всѣ сословія Кіева съ представителями своими, и изъ нихъ даже нѣкоторые иновѣрцы, съ глубокимъ благоговѣніемъ чтятъ память Святителя и живо чувствуютъ общую потерю въ кончинѣ его.

щеннаго Викарія, приглашенъ былъ Преосвященный Подольскій Евсевій и проч. (1).

Выслушавъ молитвы къ св. причащенію рано утромъ 19-го числа, Архипастырь, чувствуя, что не можетъ уже и въ кабинетъ перенесенъ быть для причащенія, говорилъ: «какъ же это причаститься мнѣ»? «Благословите, отвѣчали

---

(1) Объ этихъ распоряженіяхъ читаемъ въ дневникѣ о. Намѣстника слѣдующее: — «По отходѣ Докторовъ, я и о. Антоній оставались до-позда со Владыкой, и онъ изъявилъ и нѣсколько разъ подтвердилъ свою волю: чтобы изъ кружки какая будетъ слѣдовать ему за истекающую половину 1857 г., тысяча руб. отосланы были въ Кіевскую Консисторію *«на чиновниковъ оной»*; 1500 руб. были выданы о. Антонію на бѣдныхъ родственниковъ и, чтобы къ назначенной для погребенія суммѣ, прибавить еще 500 руб., и изъ нихъ, между прочимъ, выдать Преосв. Стефану 300 р., Докторамъ, по крайней мѣрѣ, по 100 руб., служащимъ при немъ,— Іеромонаху Сергію, монаху Евтропію, Тихону сшить по рясѣ и по подряснику; Іеродіакону Агапиту, кромѣ рясы и подрясника, дать 50 р., и Евтропію 30 руб. Прочими вещами, о которыхъ не сдѣлано было распоряженія въ завѣщаніи, распорядиться по усмотрѣнію, роздавъ ихъ немедленно же на благословеніе.—При этомъ же вспомнилъ Владыка о пономарѣ при церкви, что̀ на покояхъ, Никонѣ и о Голосѣевскомъ пономарѣ Ѳеофанѣ и сказалъ: «Когда только будете представлять другихъ къ монашеству, то ихъ непремѣнно представить,—они сто́ятъ». Все это Владыка приказалъ мнѣ замѣтить тутъ же на бумагѣ для памяти мнѣ. «Было еще повторено распоряженіе о приглашеніи на погребеніе Каменецъ-Подольскаго Преосвященнаго Евсевія.— Я сказалъ:—почему же не Варшавскаго Арсенія?.. Въ разстояніи разность не больша́я, и сообщеніе удобнѣе; тутъ телеграфъ и шоссе... Да и Владыка Арсеній, по глубокому уваженію къ Вамъ, не затруднится прибыть съ готовностью».—«Пожалуй, хорошо бы пригласить и его»... Но... нѣтъ!.. Онъ помолится обо мнѣ, когда, со временемъ, будетъ здѣсь моимъ преемникомъ»...

ему, съ однимъ св. Потиромъ придти къ вамъ, къ постели. «Хорошо, сказалъ онъ; меня здѣсь посадятъ въ кресла, и я буду ждать. Да какъ бы поскорѣе? Поспѣшите начать обѣдню. Теперь всякая минута величайшее для меня благодѣяніе». Обѣдня начата въ началѣ пятаго часа, а въ началѣ шестаго принесены св. Дары.—Больной, облачившись, какъ прежде въ мантію, сидя въ креслахъ близъ самой постели, прочелъ предъ св. Потиромъ «Вѣрую Господи» и пріобщенъ лжицею; но потомъ, обнявъ руками своими Потиръ, пріобщился изъ него самъ до трехъ разъ Пречистой Крови, и, цѣлуя его, въ живѣйшемъ душевномъ восторгѣ произнесъ: «о жизне моя! о свѣте мой! о надежде моя»! Когда послѣ сего онъ нѣсколько отдохнулъ и успокоился отъ сдѣланнаго имъ напряженнаго движенія при облаченіи и потомъ разоблаченіи его, на вопросъ: «вамъ какъ будто легче теперь»,—отвѣчалъ: «Нѣтъ! это вотъ радуютъ меня св. Тайны и разливаютъ жизнь по всему тѣлу; отъ того я чувствую себя въ это время нѣсколько легче». Прибывшіе врачи нашли, что болѣзнь въ прежнемъ положеніи, но онъ видимо слабѣетъ болѣе и болѣе. Не смотря на то, приказано было имъ допускать всѣхъ, приходившихъ за благословеніемъ, и, принимая ихъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, онъ бесѣдовалъ съ ними и отпускалъ, благословляя малыми иконами; а инымъ преподавалъ и приличное ихъ званію и состоянію наставленіе. Такъ говорилъ онъ одному посѣтителю: «Я отхожу въ жизнь вѣчную, а вы поживите. Желаю вамъ здоровья и благополучія временнаго и блаженства вѣчнаго. Да помните Бога и не ограничивайте своихъ желаній и своей службы одними временными видами, а старайтесь получить Царствіе небесное. Вотъ я прожилъ восемьдесятъ лѣтъ и говорю по опыту, что жизнь наша,—если ограничиваться однимъ настоящимъ, временнымъ,—крайне жалка и ничтожна и одна совершенная пустота, и суета, и не стоило бы жить изъ за этого. Но когда живемъ и употребляемъ жизнь для блаженства вѣчнаго,—это совсѣмъ другое дѣло. Такъ и вы живите». Врачи, кромѣ прежнихъ лекарствъ, просили было его принять пластырь на грудь; но онъ, вспомнивъ, что подобный пластырь, когда то употребленный имъ, крѣпко наскучилъ ему, не согласился при-

нять, просилъ оставить его, хотя на этотъ день, и безъ прочихъ лекарствъ. «Что они мнѣ помогутъ?—говорилъ онъ. Только помѣшаютъ природѣ производить свой процессъ... Оставьте ей довершить свое дѣло, т. е. отдѣлить душу отъ тѣла. На что мнѣ теперь лекарства?—Мое лекарство—Іисусъ Христосъ» «Слава Богу, продолжалъ онъ, перекрестившись при этомъ, что дождался пріобщиться св. Таинъ! Вотъ моя пища... Все другое мнѣ не свойственно». «Но мы еще ожидаемъ кризиса вашей болѣзни»—возразилъ врачъ. «Какого кризиса?—отвѣчалъ онъ, я ожидаю разрѣшенія отъ тѣла: вотъ мой кризисъ».

Въ двѣнадцатомъ часу дня явился офицеръ съ телеграфической станціи съ вопросомъ о состояніи здоровья Архипастыря, для доставленія депеши о семъ въ кабинетъ Его Императорскаго Величества по особому оттолѣ повелѣнію, и съ прошеніемъ ежедневно для сей цѣли присылать на станцію нужныя свѣденія. Узнавъ о семъ, больной надиктовалъ самъ отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «здоровье преосвященнаго митрополита очень слабо, и онъ спокойно готовится къ отшествію изъ жизни временной въ вѣчную». Прибылъ проститься съ нимъ преосвященный Викарій, самъ тоже больной и доживавшій послѣдніе дни. Видя его тяжелое положеніе и увѣренный, что скоро встрѣтится съ нимъ за гробомъ, Архипастырь скоро отпустилъ его (1). Входили и

---

(1) Въ біографіи высокопр. Антонія (Том. I. стр. 262) было сказано объ этомъ подробно, а именно: «Владыка Филаретъ, узнавши о болѣзненномъ состояніи Викарія, начавшемся еще ранѣе его собственной болѣзни,—(Викарій заболѣлъ, во время поѣздки, въ Сентябрѣ 1857 г., по епархіи, какою-то злокачественною лихорадкою), сталъ поговаривать: «ну, вотъ, когда и я скоро заболю, то и будемъ вмѣстѣ приближаться ко гробу». Во время же начавшейся уже болѣзни митр. Филарета (съ начала Декабря), когда Викарій, перенемогаясь, все-таки посѣтилъ его, то первый сказалъ: «а что Преосвященный?! вѣрно будетъ такъ, что вмѣстѣ служили здѣсь, вмѣстѣ и туда перейдемъ; только чуръ я прежде, по старѣйшинству, а потомъ уже вы соби-

многія лица за благословеніемъ, и всѣ были принимаемы до самой всенощной, послѣ которой съ особенною заботливостію повторялъ часто: «далъ бы Богъ завтра дождаться причащенія св. Таинъ»! На вопросъ: не прикажетъ ли начать обѣдню еще раньше,—отвѣчалъ: «чѣмъ раньше, тѣмъ лучше». А о положеніи своемъ говорилъ: «тяжелое, ужасное, мучительное томленіе! Много испыталъ я болѣзней, и тяжелыхъ: но такой еще не бывало у меня. Да, правда, я какъ жилъ на крестѣ, такъ, видно, и умереть мнѣ надо на крестѣ». По временамъ впадалъ въ дремоту на нѣсколько минутъ, но потомъ опять тяжело откашливался; жаръ внутренній палилъ его по прежнему. «Это природа совершаетъ свой процессъ, говорилъ онъ; переплавливаетъ и претворяетъ мое тѣло». Однажды, послѣ минутной дремоты, до четырехъ разъ перекрестился съ молитвою, и потомъ сказалъ: «какъ имя Священномученика, котораго завтра память совершается? Хочу вспомнить, и никакъ не вспомню. Да вотъ, какъ Архіерей Кавказскій»?—Игнатій, сказали ему. «Да Священномученикъ Игнатій, великій угодникъ! И начало предпразднества Рождества Христова. А праздникъ, Богъ дастъ, я тамъ буду праздновать»! Прибыли нѣкоторыя ли-

---

райтесь». Такимъ рѣчамъ, правда, не придавалось особеннаго значенія, а признавались онѣ скорѣе за обычныя простодушныя выраженія. Но когда 17-го Декабря (за три дня до кончины) высокопр. Филаретъ пожелалъ, чтобы надъ нимъ было совершено Таинство Елеосвященія архіерейскимъ служеніемъ, и когда ему сказали, что Преосвященный Викарій не можетъ по своей болѣзни явиться,—онъ проговорилъ: «да, теперь вѣрно, что онъ не отстанетъ отъ меня на долго». Дѣйствительно по кончинѣ высокопреосвященнаго Филарета къ выносу его тѣла изъ покоевъ въ великую Церковь, Преосвященный Викарій, къ изумленію всѣхъ, явился хоть чрезъ силу и совершилъ это перенесеніе; но это пересиленіе себя и, стоявшая тогда, сильно холодная погода были причиною, что онъ слегъ окончательно и не могъ уже вставать; а 10-го числа Января, ровно въ 20-й день по кончинѣ высокопр. Филарета, и самъ перешелъ во слѣдъ его на вѣки».

ца съ семействами принять благословеніе. Дозволилъ войти, и на привѣтствіе ихъ сказалъ; «время отшествія моего приблизилось; и я ничего не желаю на землѣ, а желаю только разрѣшиться и со Христомъ быть». «Ваша жизнь въ рукахъ Божіихъ, сказали ему, и какъ Богу угодно».—Конечно, какъ Богу угодно, отвѣчалъ онъ, но желать позволительно и должно». Благословляя, всѣмъ далъ по иконкѣ и прибавилъ: «желаю вамъ благополучія временнаго, а въ жизни вѣчной Царствія небеснаго. Наипаче будьте благочестивы, преданы св. Православной Церкви и вѣрны Царю». Бывшіе въ тотъ же вечеръ, врачи нашли, что въ мѣстномъ пораженіи легкихъ у больнаго нѣтъ перемѣны, но больной, видимо, слабѣетъ, и надежды весьма мало. «Развѣ одинъ Творецъ Всесильный,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—совершитъ какую либо необыкновенную перемѣну»!

Ночью на 20-е число Архипастырь, какъ и прежде, не имѣлъ сна, а только по временамъ легко забывался на нѣсколько минутъ; принялъ еще нѣкоторыя лекарства. Душа его, видимо, была занята мыслію о предстоящей ему скорой кончинѣ и жизни загробной. «Я помышляю, какъ буду лежать во гробѣ»,—проговорилъ онъ однажды окружавшимъ его, принявъ на постели точно такое положеніе, какое обыкновенно даютъ усопшимъ,—и видно было, что это помышленіе не тяжело и болѣзненно, а радостно и отрадно было для него. Потомъ, около полуночи, вдругъ запѣлъ тихимъ и прерывающимся, но еще довольно внятнымъ голосомъ пѣснь: «*зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща*», и пропѣвъ ее всю до конца, сказалъ: «вотъ вамъ послѣдняя моя пѣснь. Какая прекрасная пѣснь»! Вслѣдъ за тѣмъ прочиталъ также въ слухъ всю до конца молитву изъ субботной полунощницы: «Величая величаю Тя, Господи, яко призрѣлъ еси на смиреніе мое, и нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражіихъ» (1). Спустя нѣсколько времени сказалъ: «чувствую себя нѣсколько легче во всемъ тѣлѣ, и жаръ уменьшился, и грудь и бокъ какъ будто не такъ болятъ,

(1) Эта молитва входила въ ежедневное вечернее молитвенное правило почившаго.

и мокрота не такъ давитъ. Не приготовляетъ ли это мнѣ перехода въ другую жизнь»? Хотя такимъ образомъ душа его постоянно занята была горнимъ отечествомъ, въ которое стремилась и уже готова была воспарить, но, при этомъ, съ живѣйшимъ сочувствіемъ обращалась еще и къ дольнему отечеству и озабочивалась мыслію о предстоящихъ ему судьбахъ. До болѣзни не случилось ему читать, только-что вышедшаго, Высочайшаго Рескрипта Дворянству нѣкоторыхъ губерній Западнаго края и отношенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ касательно новаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Теперь онъ вспомнилъ объ этомъ. «Нельзя ли достать тѣхъ бумагъ?—сказалъ онъ; хотѣлъ бы прочитать, пока дышу. О! какое великое дѣло сдѣлаетъ Государь! далъ бы ему Господь успѣшно совершить этотъ подвигъ! Тогда и Россія вступитъ въ новую эпоху... Тогда и Государь Александръ Николаевичъ прославитъ Себя паче всѣхъ; будетъ не только Благословеннымъ, какъ Государь Александръ Павловичъ, но «*Преблагословеннымъ*».

Вскорѣ послѣ полуночи Владыка слушалъ обычное правило ко св. Причащенію и благословилъ Іеромонаха, читавшаго оное всегда во время болѣзни, иконою.—Предъ обѣднею на вопросъ,—какъ ему угодно причаститься,—сказалъ «Придти съ однимъ св. Потиромъ. Послѣ непродолжительнаго спокойствія во всемъ тѣлѣ, опять у меня мучительное страданіе». Обѣдня начата въ пятомъ часу. Для причащенія, облачившись по обычному, онъ посаженъ въ кресла около постели. Св. Дары, какъ и вчера, преподаны лжицею, но послѣ того онъ опять, обнявъ св. Чашу, еще трижды причастился Пречистой Крови, и, отслушавъ молитвы благодарственныя, часто повторялъ: «слава Богу, что сподобился и нынѣ принять св. Тайны! Не зналъ, какъ дождаться сего блаженнаго времени». Прибывшіе въ 10-мъ часу, врачи нашли, что хотя ночь проведена немного спокойнѣе, но больной очень ослабѣлъ, и дыханіе сдѣлалось труднѣе, и, потому опасность возрастаетъ съ каждымъ часомъ. Нужно было отправить депешу на телеграфическую станцію для доставленія въ Императорскій Кабинетъ. Это самое и написано было, съ присовокупленіемъ, что врачи мало подаютъ надежды. Онъ прослушалъ и сказалъ: «написать не

такъ, а что надежды нѣтъ никакой». Отпустивъ врачей, онъ объявилъ, что хотя они и прописали ему еще лекарства, но онъ принимать ихъ не станетъ; будетъ утолять только жажду тѣмъ питьемъ, какое они указали, и только. Между тѣмъ, окружавшимъ опять сказалъ: «приготовляйте меня къ погребенію. Вотъ тамъ шкатулка со сх имою, приготовленною мнѣ во гробъ. Пожалуй, ее можно и посмотрѣть теперь Не послать ли теперь же и за гробомъ»? Отперли шкатулку и нашли тамъ новую схиму. По собственному указанію его, собрали и другія принадлежности къ погребенію новую власяницу, подрясникъ простенькій, поясъ и все прочее, и положили вмѣстѣ съ схимою въ шкатулку.—Пришли вновь многіе за благословеніемъ. Принималъ всѣхъ, не смотря на тяжкія страданія и крайнюю слабость, съ любовію и радушіемъ благословлялъ всѣхъ иконками и преподавалъ почти каждому краткія, но приличныя и назидательныя пастырскія наставленія, и всѣ, въ послѣдній разъ цѣлуя руку его, отходили со слезами и долго не могли осушить ихъ. У всѣхъ видна была искренняя и глубокая скорбь о Святителѣ, у всѣхъ усердное желаніе, чтобы Господь продлилъ еще драгоцѣнную жизнь его, и никому не хотѣлось вѣрить, что послѣдній часъ его близокъ. «Посылайте поклонъ о. Парѳенію,—сказалъ онъ однимъ, бывшимъ ближайшимъ духовнымъ дѣтямъ сего старца;—я скоро тамъ увижусъ съ нимъ». Съ особенною живостію говорилъ онъ съ однимъ господиномъ объ устройствѣ въ сельскихъ приходахъ казеннаго вѣдомства, сколько возможно болѣе, благолѣпныхъ храмовъ,—чего требуетъ какъ вообще святость священнодѣйствій, совершаемыхъ въ нихъ, такъ въ особенности мѣстныя обстоятельства сего края. Одной женѣ лютеранкѣ, пришедшей съ мужемъ Православнаго исповѣданія, сильно внушалъ принять Православіе. «Богъ да благословитъ, говорилъ онъ, исполнить тебѣ это. Я непремѣнно совѣтую, и даже приказываю. Между мужемъ и женою не должно быть ни въ чемъ раздѣленія, тѣмъ паче въ вѣрѣ, чтобы и здѣсь вмѣстѣ исполнять всѣ обязанности христіанскія, и тамъ предстать предъ Господомъ въ Царствіи небесномъ». Принесена была почта. Онъ прослушалъ нѣкоторыя письма. Когда сказали ему, что въ Пчелѣ, въ одномъ изъ послѣднихъ №№

напечатано извѣстіе о Высочайшемъ посѣщеніи Кіева, онъ радъ былъ сему и приказалъ прочитать эту статью. Выслушавъ ее всю до конца, сказалъ: «вотъ этой-то славы дай Имъ Богъ болѣе! Всякой другой славы у Нихъ много, а слава благочестія особенно и всего болѣе нужна Имъ (разумѣя Ихъ Императорскія Величества). Это всякому Русскому пріятно будетъ прочесть». Выслушавъ также со вниманіемъ Рескриптъ Государя Императора и циркуляръ Министра касательно крестьянъ, и повторивъ при этомъ желаніе, чтобы далъ Господь успѣшно совершиться сему великому дѣлу, обѣщался, что это будетъ и тамъ предметомъ усердной его молитвы предъ Богомъ. Въ полдень посѣтилъ его опять Князь Васильчиковъ. Бесѣдуя съ нимъ, онъ опять просилъ его написать Государю Императору, что умираетъ съ пламенною молитвою въ душѣ о Немъ и о всемъ Августѣйшемъ Домѣ, и по смерти молиться будетъ о Нихъ. «Я жилъ на крестѣ, и умру на крестѣ,—между прочимъ говорилъ онъ Князю. Много я получилъ, правда, и отличій, и почестей, но все это мало меня занимало. Вездѣ мнѣ много было скорбей. Но благодарю за все Господа»! Потомъ просилъ Князя продолжать свое доброе расположеніе къ Лаврѣ, къ Академіи и ко всей паствѣ. Прощаясь съ нимъ, благословилъ его иконами и изъявилъ желаніе видѣть дѣтей его. Вслѣдствіе сего Князь вновь посѣтилъ Владыку съ дѣтьми своими вечеромъ, и Владыка еще довольно побесѣдовалъ съ нимъ, и, благословивъ дѣтей иконами съ приличными благожеланіями и пастырскими наставленіями имъ (1), простился съ Княземъ въ послѣдній разъ.

(1) Въ дневникѣ о. Намѣстника сказано: «Благословляя сына Кн. Васильчикова—Сергія Владыка сказалъ «Желаю тебѣ на все и во всемъ Божія благословенія; слушайся папеньки и маменьки; расти и будь Княземъ Русскимъ и вѣрнымъ слугою Государю; а дочери сказалъ: желаю тебѣ добраго счастія временнаго и наслѣдія Царствія небеснаго».

ГЛАВА XXIV.

«Съ часа шестаго до девятаго длилось его страдательное состояніе... Съ чтеніемъ первыхъ тропарей молебнаго канона Богоматери онъ успокоился, благоговѣйно слушалъ и непрестанно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, а изъ померкавшихъ уже и полузакрывшихся очей струились слезы... При чтеніи тропарей хвалитныхъ движеніе рукою прекратилось и дыханіе становилось рѣдкое. Въ руку его дана была зажженная свѣча, на грудь положенъ крестъ; движенія не было замѣтно, но свѣча въ рукѣ держалась.., а изъ очей, уже совсѣмъ закрывшихся, продолжали струиться слезы .. При начатомъ послѣднемъ чтеніи кафизмы: *блаженни непорочніи въ пути ходящіи*... исходили уже послѣднія дыханія и, наконецъ, блаженная душа Святителя воспарила ко Господу, оставивъ на лицѣ почившаго совершенное спокойствіе Праведника» (1).

Послѣдніе часы жизни, видимо для всѣхъ, приближались... Въ обычное, впрочемъ, время была совершена и выслушана умиравшимъ всенощная. Врачи прибыли еще и составили такую депешу: «больной не принималъ пищи; дыханіе затрудняется и становится болѣе поверхностнымъ. Силы еще упали. Сознаніе полное. Надежды нѣтъ». Прослушавъ сію депешу, Владыка велѣлъ поправить такъ: «больной не принималъ пищи и лекарствъ». Отпуская врачей, онъ благодарилъ ихъ за усердіе и заботы о немъ, простился съ ними и просилъ не безпокоиться болѣе посѣщать его, сказавъ, что вѣрно завтра уже не увидится съ ними.— Между тѣмъ, еще прежде всенощной, онъ сдѣлался такъ слабъ, что можно было опасаться каждую минуту,—не на-

(1) Слова изъ дальнѣйшаго повѣствованія.

стасть ли послѣдній часъ его. «Простите, отцы и братія, сказалъ онъ однажды приближеннымъ своимъ, стоявшимъ около болѣзненнаго одра его; я уже отхожу отъ васъ». «Но прежде благословите насъ», отвѣчали ему, и онъ, приказавъ подать св. иконы, благословилъ каждаго особою иконою. Дано было знать начальствующимъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Лаврѣ и въ другихъ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ. Вечеромъ явились и они къ одру умирающаго и всѣ приняли послѣднее благословеніе и одарены иконами, которыя онъ самъ выбиралъ и указывалъ каждому. Ночь проведена въ крайне мучительномъ томленіи отъ внутренняго жара и стѣсненія въ груди. Около полуночи Архипастырь просилъ, чтобы принесены были запасные Дары, на случай, если смертный часъ настанетъ ранѣе обѣдни, и, выслушавъ правило въ два часа, безпрестанно спрашивалъ: который часъ и скоро ли обѣдня, и повторялъ: «о, какъ бы дождаться мнѣ причащенія св. Таинъ»! Обѣдня начата въ три часа. Онъ опять спрашивалъ постоянно: «что́ поютъ, скоро ли кончится»? Къ причащенію онъ не могъ уже подняться съ постели, чтобы сѣсть въ кресло по прежнему, однакоже, и оставаясь въ постели, одѣлся и облачился по обычаю, и, поддерживаемый иподіаконами, ожидалъ св. Даровъ. Они принесены въ началѣ пятаго часа. Какъ и прежде, съ пламенною любовію и благоговѣніемъ принялъ онъ св. Тайны сперва ложицею, потомъ, обнявъ Чашу, еще причастился Крови и долго не выпускалъ Чашу изъ рукъ, многократно ее лобызая... Выслушавъ молитвы и снявъ облаченіе, онъ непрестанно повторялъ: «*Нынѣ отпущаеши раба Твоего Владыко! Господи, пріими духъ мой*»! и, какъ бы имѣвъ какое либо обѣтованіе свыше, ожидалъ конца своего съ совершенною увѣренностію, что онъ насталъ.

«По Господу угодно было къ прежнимъ болѣзнямъ его еще приложить болѣзнь, и еще очистить и болѣе усовершить избранника своего, продолживъ нѣсколькими часами предсмертныя страданія его, достигшія, между тѣмъ, высшей своей степени. Успокоившись нѣсколько послѣ Причащенія, онъ приказалъ позвать духовника своего, и когда онъ явился, побесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько, выслушалъ отъ него правило къ исповѣданію и исповѣдался, и отпуская его благо-

словилъ Евангеліемъ, и потомъ приказалъ подать еще икону — Трехъ Радостей. Когда домашніе затруднялись найти ее, онъ самъ сказалъ, гдѣ она стоитъ въ молитвенной его комнатѣ. Простился еще съ нѣкоторыми лицами, келейными своими монахами, послушниками и служителями, и тоже всѣхъ благословилъ иконами, а нѣкоторымъ и преподалъ наставленіе. За тѣмъ начались самыя тяжкія страданія Архипастыря. Это была послѣдняя борьба жизни со смертію, силы духа съ немощію плоти. Съ шестаго часа до девятаго длилось его страдательное состояніе... Онъ былъ весь какъ въ огнѣ и остатки жизни догорали въ немъ съ чрезвычайною силою; внутренній жаръ такъ былъ великъ, что пульсъ его дѣлалъ до 130 ударовъ въ минуту; дыханіе съ трудомъ исходило изъ груди его. «Чтожъ это такое?—говорилъ онъ много разъ самымъ болѣзненнымъ голосомъ; много перенесъ я болѣзней, но такого мученія еще не испытывалъ. Но, видно, такъ угодно Богу, послать мнѣ такую трудную кончину, видно, до конца надобно претерпѣть! Буди воля Божія». Думая облегчить страданія, онъ то перемѣнялъ непрестанно положеніе свое, приказывая себя или поднять, или положить на бокъ; то раскрывался и снималъ съ себя платье и приказывалъ открыть трубы въ комнатѣ и окна; то опять одѣвался и закрывался, часто требовалъ питья для утоленія палившей его жажды.

«При тѣлесныхъ тяжкихъ страданіяхъ, видимо, болѣла и душа его; онъ какъ будто чувствовалъ, что Господь какъ бы оставилъ его, и что чаяніе вѣры и упованія его какъ бы не сбывается... Это точно были тяжкія минуты того *оставленія на мало время* отъ Бога, которому подвергаетъ Онъ самыхъ избранныхъ Своихъ, дабы послѣ того вскорѣ *съ милостію великою помиловать ихъ* (Исаіи 54, 7), и которое испыталъ на крестѣ и Самъ Божественный Страдалецъ... Великимъ испытаніемъ были эти минуты и для окружавшихъ одръ умирающаго Святителя, и, по ихъ неопытности въ жизни духовной, душа страдальца не могла обрѣсти въ нихъ для себя достаточной опоры. Наконецъ, Господь вразумилъ ихъ, что теперь суетно спасеніе человѣческое, и настало время призвать къ одру болящаго единую помощь отъ другаго міра. Предложили страдальцу прочитать

у одра его молебный канонъ Богоматери (1). «Хорошо, сказалъ онъ болѣзненно; вы дѣйствуете, какъ чувствуете». Зажжены были свѣчи предъ иконами близъ одра его и начатъ канонъ. Съ чтеніемъ первыхъ тропарей страданія утихли, онъ успокоился, благоговѣйно слушалъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ каждый разъ, когда читавшій произносилъ: «Пресвятая Богородице спаси насъ», а изъ померкавшихъ уже и полузакрытыхъ очей постоянно струились слезы... При чтеніи тропарей хвалитныхъ движеніе рукой прекратилось и дыханіе стало рѣдкое, показывались уже ясные признаки скорой кончины. По окончаніи канона Богоматери начали читать канонъ на исходъ души. Въ руку умирающаго, уже почти охладѣвшую, дана была зажженная свѣча, на грудь положенъ крестъ. Движенія не было замѣтно, но свѣча въ рукахъ держалась твердо, а изъ закрывшихся очей продолжали струиться слезы... Къ одру собралась братія Лавры и собирались извѣщенныя уже другія чада паствы. Оконченъ канонъ; дыханіе, хотя все рѣже и рѣже становилось, но продолжалось. Стали читать 17-ю каѳизму: *блажени непорочніи*. Жизнь еще не угасла и тихо, безъ замѣтныхъ уже страданій, догорала. Прочитали 17-ю и начали читать 18-ю каѳизму— пѣсни степеней. При чтеніи исторгались послѣднія, уже очень рѣдкія, дыханія, и наконецъ съ послѣднимъ, тяжелымъ вздохомъ, въ первую четверть девятаго часа блаженная душа Святителя воспарила ко Господу, оставивъ на лицѣ совершенное спокойствіе Праведника...

«Большой колоколъ Лаврскій возвѣстилъ Кіеву, что любимаго Пастыря его уже не стало. Съ трепетомъ ожидали извѣстія о семъ въ городѣ, и потому народъ, при первомъ ударѣ колокола, спѣшилъ въ Лавру поклониться останкамъ Почившаго; страдальческое же тѣло его облечено въ новое, имъ самимъ назначенное, одѣяніе. Когда собралась къ почившему осиротѣвшая паства: г. Военный Губернаторъ съ свитою, Члены Консисторіи, Начальники заведеній учебныхъ и многіе другіе изъ духовенства и свѣтскихъ сановниковъ,—

(1) «Многими содержимъ напастьми».

принесенъ былъ пакетъ съ духовнымъ завѣщаніемъ, хранившійся въ ризницѣ. На немъ собственною рукою усопшаго было написано, чтобы прочитать завѣщаніе, прежде всякаго другаго дѣйствія. Въ слѣдствіе сего оно и прочитано было тогда же съ двумя приложеніями къ нему, и тогда только сдѣлалось извѣстнымъ Кіевской паствѣ, что ея Пастырь подъ святительскими ризами скрывалъ великоиноческую схиму, и былъ молитвенникомъ за нее и какъ Первосвятитель, и какъ еще Схимонахъ. Между тѣмъ въ кабинетѣ приготовлена была архіерейская каѳедра со всѣми другими принадлежностями архіерейскаго служенія и полнымъ соборомъ лицъ, обычныхъ при семъ служеніи. Почившаго Архипастыря вынесли со смертнаго одра, посадили на каѳедру, и ѵподіаконы, по чину, съ обычнымъ возглашеніемъ: «да возрадуется душа твоя о Господѣ» и пѣніемъ, облачили его въ архіерейское облаченіе, приготовленное также имъ самимъ заранѣе, а потомъ, сверхъ малаго омофора возложена была на него, согласно съ завѣщаніемъ его, св. схима, новая, но давно уже хранившаяся у него въ тайнѣ (1). Въ семъ видѣ Ар-

(1) По кончинѣ Архипастыря-схимника нашли у него въ особомъ ящикѣ еще три схимы старыхъ и довольно поношенныхъ. Вѣрно, онъ употреблялъ ихъ, возлагая на себя каждый вечеръ и утро, когда совершалъ свое молитвенное келейное правило; для чего онъ всегда затворялся, и никто въ то время входить къ нему не осмѣливался. Вмѣстѣ съ этимъ ящикомъ съ хранившимися въ немъ схимническими облаченіями оказалась особая шкатулка,—не запертая на ключъ. При вскрытіи послѣдней на самомъ верху, имѣвшихся въ ней, бывшихъ до селѣ неизвѣстными, вещей оказалась собственно-ручная записка на четверкѣ листа такого буквальнаго содержанія: «Въ сей шкатулкѣ хранится сокровище Царскихъ къ моему не достоинству Милостей. А денегъ нѣтъ ни копѣйки. Ибо сихъ червей я не сохранялъ у себя. Филаретъ М. Кіевскій. (Времени написанія не обозначено. Съ этой записки сдѣланы были, въ свое же время, литографическіе снимки; экземпляръ этого снимка имѣется у меня—пишущаго).

хинастырь-схимникъ вынесенъ былъ въ пріемный залъ и положенъ на столѣ съ крестомъ въ рукахъ и Евангеліемъ на груди, также имъ самимъ приготовленными, и покрытъ, вмѣсто обыкновеннаго покрова, архіерейскою мантіею. Въ слѣдъ за тѣмъ совершена Преосвященнымъ Стефаномъ съ соборомъ сослужащихъ первая торжественная паннихида по усопшемъ и начато чтеніе Евангелія. 22 числа вечеромъ въ 4-мъ часу останки почившаго положены во гробъ, приготовленный тоже имъ самимъ еще за 17 лѣтъ предъ симъ, сдѣланный изъ кипариса и хранившійся дотолѣ въ Голосѣевой пустынѣ, въ домовой церкви, въ олтарѣ въ особомъ ящикѣ. Тогда же сдѣланъ и выносъ гроба изъ покоевъ въ великую Лаврскую церковь,—для чего, собравъ послѣднія силы, прибылъ и Преосвященный Викарій, чтобы отслужить послѣднюю службу Архипастырю, которому болѣе двѣнадцати лѣтъ помогалъ нести крестъ Первосвятительскаго служенія, и чтобы, потомъ, и самому пойти въ слѣдъ за нимъ въ жизнь вѣчную. Великимъ утѣшеніемъ для себя всегда считалъ почившій Архипастырь служить въ большой Успенской, *небеси подобной* церкви Лаврской, и потому особо завѣщалъ и просилъ совершить чинъ погребенія его въ сей именно церкви; и вотъ *семь дней* почивали тамъ останки его къ радости и утѣшенію блаженной души его, бывшей уже въ руцѣ Божіей, но конечно еще сочувствовавшей живо всему; что совершалось съ храпимою ея земною, которая только-что оставлена ею.

«Неисповѣдимый въ судьбахъ Своихъ Промыслъ, судивший г. Кіеву радость свѣтлыхъ дней Рождества Спасителя міра растворить скорбію о кончинѣ глубоко-почитаемаго и любимаго Архипастыря, не лишилъ утѣшенія видѣть еще въ сіи дни честные останки Почившаго, и въ самыхъ останкахъ имѣть утѣшеніе вѣры и надежды христіанской. Сквозь слезы скорби и печали, у гроба почившаго Архипастыря, во дни явленія въ мірѣ Источника жизни, очамъ нашимъ ясно представлялось знаменіе не тщетнаго упованія въ блаженное безсмертіе, дарованное намъ о Христѣ Іисусѣ. Эти дни радости и, вмѣстѣ, печали, были поистиннѣ для Кіева торжествомъ Вѣры христіанской. Во все время, отъ 22 до 29 Декабря, Лаврская Церковь и дворъ день и ночь наполнялись народомъ. Люди всѣхъ сословій и состояній, не только жи-

вущіе въ Кіевѣ, но и пріѣзжавшіе изъ окрестныхъ весей спѣшили воздать послѣднее цѣлованіе Почившему; стѣны великолѣпнаго дома Царицы Небесной были оглашаемы почти непрерывнымъ пѣніемъ паннихидъ за упокой Архипастыря, которыя совершались соборомъ два раза—въ 12 часу дня и въ 7 часовъ вечера, и кромѣ того во всякое время по усердію и просьбѣ посѣтителей непрерывно.

О послѣдовавшей кончинѣ въ Бозѣ Почившаго немедленно же посланы были телеграммы—а именно въ Кабинетъ Его Величества, и въ Св. Сунодъ и Митрополиту Московскому Филарету и многимъ другимъ. Не имѣя свѣдѣній,—въ какомъ буквальномъ содержаніи были посланы всѣ телеграммы и какія были отвѣтныя, мы обратимся лишь къ одной изъ послѣднихъ—къ телеграммѣ отъ высокопр. Филарета Митрополита Московскаго. Онъ въ тотъ же день (1) отвѣтилъ телеграммою такого содержанія: «Раздѣляю печаль не только Кіевской паствы но и Россійской Церкви, а потомъ и Вашу. Припадите къ стопамъ въ Бозѣ почившаго Владыки съ мыслію о мнѣ и съ послѣднимъ на земли отъ меня цѣлованіемъ благоговѣнія и любви, да помолится, да иду по немъ въ мирѣ—Филаретъ М. Московскій». Затѣмъ А. Антоній немедленно, по переносѣ тѣла въ Бозѣ почившаго въ великую Лаврскую церковь, отправилъ къ тому же Московскому Митроп. Филарету письмо слѣдующаго (буквально) содержанія (2).

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!—Настаетъ всерадостный Праздникъ Святыя Церкви — Воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, принесшаго спасительное обновленіе человѣческому роду и всему міру. Съ сыновнимъ дерзновеніемъ поставляю себя мысленно предъ Святительское лицо Ваше и вмѣстѣ съ бли-

---

(1) Телеграмма въ Москвѣ подана была—21 Дек. 3 ч. по полудни, въ Кіевѣ получена 3 ч. 35 мин. по полудни. Эта телеграмма отвѣтная—отъ Филарета Митроп. Москов. сохранилась *подлинная* у меня.

(2) Съ этого письма имѣется самая точная копія, полученная мною отъ бывшаго о. Намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Архим. Антонія, пожелавшаго снять эту копію для себя съ подлиннаго письма, даннаго ему для прочтенія самимъ высокопр. Митроп. Филаретомъ.

жайшими и присными чадами Вашими, присущими Вамъ, приношу Вашему Высокопреосвященству всеусерднѣйшее поздравленіе и вмѣстѣ благожеланіе, да Господь, воплотившійся насъ ради, подастъ Вамъ отъ непстощимаго сокровища благодати Своея вся потребная къ временной и вѣчной жизни и обновитъ Ваши силы въ наступающемъ новомъ году къ новымъ трудамъ и подвигамъ на пользу всей Святой Церкви.

«Живѣйшую благодарность приношу Вашему Высокопреосвященству, что подали скорое утѣшеніе намъ, сирымъ, въ постигшей насъ печали, которая и наступающій свѣтлый Праздникъ превращаетъ для насъ въ жалость Земной поклонъ Вашъ я передалъ гробу Почившаго въ Бозѣ, передалъ и желаніе Ваше,—но признаюсь,—съ прибавленіемъ своего собственнаго желанія, чтобы Ваше желаніе еще долго не исполнилось,—да свѣтитъ намъ, и да радуетъ насъ свѣтомъ своимъ хотя Московскій Свѣтильникъ, когда Кіевскій уже погасъ. Послужите подольше хотя Вы, Святый Владыко, когда нашъ Владыка оставилъ и осиротилъ всѣхъ насъ! Сего желалъ Вамъ и Почившій, который, во время послѣдней болѣзни своей, среди тяжкихъ страданій своихъ, часто обращался мыслію своею къ Вамъ и высказывалъ свою глубокую преданность и живѣйшее сочувствіе къ Вашему Высокопреосвященству и тѣсный духовный союзъ души своей съ Вашею. Онъ разсказывалъ мнѣ и поручилъ написать Вамъ, по своей кончинѣ, свой сонъ, видѣнный имъ въ самомъ началѣ болѣзни (1). «Видѣлъ я, говорилъ онъ, будто я прихожу въ покои Московскаго Владыки; въ рукахъ у меня Казанская Икона Богоматери, вся сіяющая лучами. Выходитъ ко мнѣ Владыка, и я встрѣчаю его умоляющимъ тономъ произнесенными словами: «Владыко Святый, помолись Господу Богу, чтобы принялъ духъ мой съ миромъ». Вслѣдъ за симъ Владыка (Московскій) будто бы бросился ко мнѣ, заплакалъ съ горькимъ рыданіемъ, и я проснулся».—«Вѣрно,—прибавлялъ онъ,—это послѣдняя моя болѣзнь, и мнѣ больше не встать».—Такъ и исполнилось.—Не задолго предъ

(1) Объ этомъ-то именно снѣ и было предъуказано нами въ своемъ мѣстѣ.

кончиною онъ досталъ панагію, подаренную ему Вами, еще въ бытность его Ректоромъ Московской Академіи, когда Вы пріѣзжали ревизовать эту Академію. Панагію сію онъ приказалъ положить съ собою въ гробъ, что́ и исполнено. Заболѣлъ онъ 7-го Декабря катарромъ. Но поправился въ началѣ, такъ что 14-го занимался уже дѣлами, а вечеромъ вдругъ страшно заболѣлъ и едва пережилъ ночь. Медицинскія пособія ему помогли нѣсколько. Воспаленіе, поразившее у него правое легкое, было не по его уже лѣтамъ. Ровно недѣлю страдалъ онъ тяжко и во всѣ дни причащался литургійными Дарами, облачаясь самъ въ малое облаченіе и оставаясь сперва въ Церкви, а потомъ въ спальнѣ въ креслахъ и только послѣдній разъ причастился на постели, но все-же въ облаченіи. Надобно было видѣть, какъ обнялъ онъ принесенную ему св. Чашу, какъ цѣловалъ ее и прильнулъ къ ней устами. Страданія его еще продолжались послѣ того, «*отъ шестаго часа до девятаго*». Но при воспоминаніи обо всемъ этомъ у меня нѣтъ силъ писать.,. Завѣщаніе его дало намъ знать, что онъ давно уже принялъ схиму и нареченъ въ ней «*Ѳеодосіемъ*». Облачивъ его сперва въ архіерейское облаченіе, мы, согласно волѣ его, сверхъ облаченія возложили на него схиму; 22-го вынесли въ Церковь, а 26-го или 27-го (1) думаемъ совершить погребеніе, ожидая для сего Преосвященнаго Подольскаго.—Съ глубочайшимъ сыновнимъ смиреніемъ и преданностію повергаю себя къ стопамъ Вашимъ и лобызаю Вашу десницу.—Вашего Высокопреосвященства нижайшій послушникъ Ректоръ Кіевской Академіи Архимандритъ Антоній».

«Въ день погребенія, 29 Декабря, заупокойная литургія началась 8 часовъ утра. Ее совершали Преосвященный Евсевій, Епископъ Каменецъ – Подольскій и Брацлавскій и Преосвященный Епископъ Стефанъ, съ 8 архимандритами. 2 протоіереями и 2 іеромонахами. Предъ окончаніемъ Литургіи

(1) Погребеніе было совершено въ десятый день - 29 Декабря, по случаю замедленія преосвященнаго Евсевія, Епископа Каменецъ Подольскаго.

произнесено надгробное слово (1). Отпѣваніе тѣла по чину священническому совершено тѣми же Преосвященными, при сослуженіи всего духовенства градскаго и лаврскаго. По прочтеніи Евангелій предъ канономъ произнесена надгробная рѣчь, послѣ канона—другая. Предъ начатіемъ послѣдняго цѣлованія намѣстникомъ Лавры прочитано трогательное и назидательное духовное Завѣщаніе въ Бозѣ Почившаго. По окончаніи отпѣванія, въ 3-мъ часу по полудни, послѣдовалъ выносъ тѣла на ближнія пещеры, гдѣ—въ надпещерной церкви Воздвиженія Креста Господня, – самъ Высокопреосвященный назначилъ своимъ останкамъ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Погребальное шествіе совершалось изъ церкви, святыми лаврскими воротами, чрезъ крѣпость, по предварительно составленному для сего церемоніалу. Гробъ, содержавшій въ себѣ тѣло Архипастыря, несенъ былъ архимандритами, протоіереями и іеромонахами, въ предшествіи градскаго и лаврскаго духовенства, въ сопутствіи властей города военныхъ и гражданскихъ и несмѣтнаго множества жителей всѣхъ званій и состояній, при пѣніи митрополичьими пѣвчими и лаврскими клирошанами сначала выноснаго канона (Помощникъ и Покровитель), а потомъ «святый Боже», и при печальномъ звонѣ какъ на лаврской колокольнѣ, такъ и при всѣхъ градскихъ церквахъ. Во время шествія отъ святыхъ воротъ до церкви Воскресенской останкамъ Усопшаго отдана была воинская часть отрядами войскъ, разставленными въ линію по всему означенному пространству. По внесеніи гроба въ надпещерную церковь Воздвиженія Креста Господня, отпѣта литія; въ заключеніи ея произнесены двѣ прощальныя рѣчи. Затѣмъ гробъ снесенъ въ могилу, при пѣніи обоими клирами пѣвчихъ и всѣмъ духовенствомъ «вѣчная память».

«Такъ скончалъ незабвенный Архипастырь Кіева свое долголѣтнее теченіе, ознаменованное добрымъ подвигомъ и важными заслугами Церкви и Отечеству! Такъ онъ соблюлъ,

(1) Слово было произнесено бывшимъ тогда Инспекторомъ Кіевской дух. Академіи Архимандритомъ Іоанникіемъ, нынѣшнимъ высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ.

возрастилъ и плодоносну показалъ въ себѣ, въ скончаніи житія своего, святую Вѣру Христову! Всеконечно, соблюденъ для него и свѣтлый *вѣнецъ правды, егоже воздастъ ему Господь въ день онъ* (2 Том. 4, 7. 8) въ небесномъ Царствіи Своемъ. Но и здѣсь—*не отъидетъ память его и имя его поживетъ въ роды родовъ, и хвалу его исповѣстъ Церковь и память его во благословеніихъ*!.. (Сир. 39, 12. 13. 45, 1).»

Послѣ этого изложенія, взятаго нами изъ книжки, изданной подъ заглавіемъ: «Послѣдніе дни и пр.» и по мѣстамъ дополненнаго, слѣдуютъ по порядку: во первыхъ рѣчь, сказанная о. Намѣстникомъ Лавры предъ чтеніемъ Духовнаго Завѣщанія въ Бозѣ Почившаго,—за тѣмъ самое Завѣщаніе съ двумя приложеніями; потомъ надгробное слово, сказанное во время Литургіи и всѣ прочія рѣчи—въ *числѣ* пяти (¹) и наконецъ Церемоніалъ выноса и погребенія.—Мы не помѣщаемъ ни здѣсь, ни въ особомъ приложеніи сей часъ сказанныхъ рѣчей, такъ какъ существенное и болѣе всего характеристичное содержаніе ихъ было изложено нами по мѣстамъ, гдѣ подобало. Приведемъ здѣсь одну лишь рѣчь (и то́ въ сокращеніи) о. Намѣстника, сказанную имъ предъ чтеніемъ Духовнаго Завѣщанія,—а за тѣмъ во всей буквальной подлинности и самое Завѣщаніе съ двумя приложеніями.

Впрочемъ, предварительно этому изложенію, мы не можемъ не удѣлить нѣсколько строкъ для выраженія тѣхъ чувствованій, которыя преисполняли нашу душу при личномъ предстояніи гробу въ Бозѣ Почившаго во время Литургіи и отпѣванія. «Мы—студенты Академіи стояли въ рядахъ, примыкая буквально къ самому гробу (съ лѣвой стороны), а я—пишущій, благодаря своему, выше всѣхъ, росту

(¹) Пять рѣчей были произнесены слѣдующими лицами: I) Каѳедральнымъ Протоіереемъ И. М. Скворцевымъ; II) Ректоромъ Кіев. дух. Семинаріи Архимандритомъ Петромъ; III) Баккалавромъ Академіи Архимандритомъ Филаретомъ,—впослѣдствіи Ректоромъ Кіев. дух. Академіи и наконецъ Епископомъ Рижскимъ); IV) Ключаремъ Кіево-Софійскаго Собора Протоіереемъ Крамаревымъ, и V) Смотрителемъ Кіево-Софійскаго дух. Училища Протоіереемъ Н. Оглоблинымъ.

стоялъ во главѣ самаго перваго ряда. — Умилительны до глубины души были иные моменты, особливо подъ вліяніемъ Лаврскаго погребальнаго пѣнія... Въ особенности таково было пѣніе Антифоновъ и пѣсни «*Покой Спасе нашъ съ праведными*»... Довольно сказать только, что пѣніе этой пѣсни прерывалось нѣсколько разъ отъ того, что буквально всѣ служащіе, пѣвшіе ее вмѣстѣ съ пѣвчими, пѣли не столько голосомъ, сколько рыданіемъ, отъ порывовъ котораго и не могли ее съ разу продолжать. . Столько же трогательно было и самое послѣднее цѣлованіе... Наконецъ не могу я, въ частности, умолчать здѣсь и о томъ, что́ сказано было мною и въ Біографіи высокопр. Антонія,—а именно.—«Бывшій тогда Ректоромъ Академіи А. Антоній, по понятному для всякаго его личному родственному чувству, предъ самымъ уже выносомъ гроба позволилъ себѣ приподнять воздухъ, лежавшій на лицѣ въ Бозѣ Почившаго, чтобы воззрѣть на него въ послѣдній разъ... и тутъ-то и я, какъ стоявшій ближе всѣхъ, имѣлъ, отраднѣйшее и на вѣки не забвеннѣйшее для меня, утѣшеніе узрѣть ликъ Святителя Божія..., сохранившійся во всей полнотѣ спокойствія и свѣтлости, какъ ликъ Праведника...—Объ этомъ не разъ приводилось мнѣ, впослѣдствіи, съ душевнымъ услажденіемъ воспоминать вмѣстѣ съ высокопреосв. Антоніемъ, высказывавшимъ съ своей стороны свои личныя самыя глубокія чувствованія и назиданія»... (1).

Обращаемся къ указанной выше рѣчи и Завѣщанію,—заимствуя изложеніе изъ «Послѣднихъ дней».

«По окончаніи чина погребенія, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ Усопшаго, Намѣстникъ Лавры приблизился ко гробу и, держа свитокъ, въ коемъ начертано было Завѣщаніе, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Вотъ и насталъ для Тебя, дражайшій нашъ Отецъ и Архипастырь, давно желанный Тобою, часъ Твоего отшествія ко Господу. Моленія сердца Твоего услышаны. Господь принялъ духъ Твой. Гробъ, который *семнадцать лѣтъ* таилъ Ты отъ насъ, какъ нѣкую драгоцѣнность и святыню, и у

(1) Смотр. Том. II. стр. 536.

котораго, въ часы богомысленнаго уединенія, любилъ Ты поучаться памяти смертной, упокоилъ наконецъ въ своихъ нѣдрахъ крестоносное тѣло Твое, такъ долго и неутомимо потрудившееся ради Господа,—тѣло, преукрашенное столькими подвигами Первосвятительства и, въ духѣ древнихъ временъ, иноческаго по Бозѣ труженичества;—тѣло, освященное столькими постами, цѣломудріемъ, денно-нощными молитвенными воздыханіями, слезами, бдѣніемъ, предстояніемъ, колѣнопреклоненіями, священнодѣйственнымъ рукъ воздѣяніемъ, милостыни подаяніемъ, повседневнымъ благоговѣйнымъ чтеніемъ и слышаніемъ слова Божія, и—наипаче—ежедневнымъ въ теченіи многихъ лѣтъ, живымъ и дѣйственнымъ общеніемъ съ самимъ Источникомъ жизни и святыни въ пречистыхъ и животворящихъ Тайнахъ Христовыхъ.

«И какое глубоко-трогательное и вмѣстѣ глубоко-отрадное видѣніе денно-нощно видимъ мы, вотъ девятый уже день, въ семъ *небеси подобномъ*, такъ много любимомъ Тобою, храмѣ! Онъ денно-нощно полонъ былъ во всѣ дни сіи вѣрными чадами паствы Твоея, спѣшившими отдать послѣдній долгъ своему любимому Пастырю. У насъ теперь скорбь, но—она растворена радостію; мы льемъ слезы, но эти слезы наши не горьки.—И теперь понятно намъ, почему такъ часто Ты напередъ утѣшалъ себя и насъ этою любимою Твоею мыслію:—какъ будешь лежать Ты во гробѣ... Понятно и то́ необычайное спокойствіе, тотъ дивный восторгъ, котораго, еще за два дни до блаженной кончины Твоей, полна была душа Твоя, когда въ часъ полуночный, послѣ долгаго молчанія, Ты неожиданно проговоривъ намъ: «я помышляю, какъ буду лежать во гробѣ», чрезъ нѣсколько минутъ, среди глубокаго безмолвія, тихимъ и прерывающимся; но еще вполнѣ внятнымъ, глубоко растроганнымъ и умиляющимъ голосомъ пропѣлъ, къ удивленію, всю до конца надгробную пѣснь: «*зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братіе и друзи*... и сказалъ: «вотъ вамъ и послѣдняя пѣснь!—Какая прекрасная пѣснь, — самая лучшая, кажется, изъ всѣхъ пѣсней»!

Но вотъ,—эту предсмертную, издавна любимую, пѣснь Твою возгласитъ надъ Тобой сама святая Церковь, и мы отдадимъ Тебѣ послѣднее цѣлованіе. Земля, соблюдшая во глубинѣ пещерной святые гробы Богоносныхъ Отцевъ нашихъ, житію которыхъ поревновалъ Ты, готова хранить и Твои драгоцѣнные для насъ останки на мѣстѣ, которое Ты самъ избралъ еще за двадцать лѣтъ до блаженной кончины Твоей. Чтожъ еще оставляешь, въ залогъ любви Твоей, богоспасаемой паствѣ Твоей, и, столько возлюбленной Тобою, Лаврѣ и всѣмъ предстоящимъ Твоему гробу? Какое отъ Тебя еще намъ наслѣдство? Какое послѣднее Твое къ намъ слово?

Велико-иноческая святая схима, семнадцать лѣтъ уже Тобою втайнѣ носимая, и нынѣ, вмѣстѣ съ святительскими одеждами, покрывающая тѣло Твое, явила уже намъ одну изъ завѣтныхъ таинъ Твоего святоподвижническаго по Бозѣ житія. Благослови же, Владыко святый, исполнить намъ и послѣдній завѣтъ Твой:—открыть всѣмъ послѣднюю Твою волю, Твое послѣднее предсмертное къ намъ завѣщаніе! Внемлемъ братіе и отцы».

Въ слѣдъ за симъ прочитано было самое завѣщаніе съ двумя особыми къ нему приложеніями.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

«Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. На всякъ день благословлю Тя и восхвалю имя Твое во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Господи Боже мой, яко благъ и человѣколюбецъ, многія милости сотворилъ еси со мною, яже не чаяхъ видѣти. И что воздамъ Твоей благости, Господи мой, Господи! Благодарю Твое многопѣтое имя! Благодарю Твое неисповѣдимое на мнѣ благоутробіе! Благодарю безприкладное Твое долготерпѣніе.

«Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко сподобилъ мя еси родитися и воспитатися въ нѣдрахъ святыя, Православныя, Соборныя и Апостольскія Церкве, и даже до днесь со-

хранилъ мя еси благодатію Твоею отъ всякаго самомалѣйшаго уклоненія отъ Православной Вѣры отцевъ нашихъ.

«Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко неизреченнымъ милосердіемъ Твоимъ покрылъ еси грѣхи юности моея, и Самъ благодатію Своею вложилъ еси въ бѣдное сердце мое еще въ отрочествѣ избрати житіе иноческое.

«Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко ниспослалъ еси всесильную помощь Твою съ терпѣніемъ понести многія скорби во днехъ житія моего. Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко сподобилъ мя еси быти служителемъ святыя Православныя Церкве Твоея, и неисповѣдимымъ Твоимъ Промысломъ меня грѣшнаго и недостойнаго вчинилъ еси въ ликъ иноческій святыя чудотворныя Кіевопечерскія Лавры, ея же Настоятельница есть сама Пречистая, Преблагословенная, Пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія. Подъ Материнмъ Ея святымъ покровомъ, родившись отъ благочестивыхъ родителей—іерея Георгія и Анастасіи 17 Апрѣля 1779 г. и оканчивая семдесятъ третій годъ житія моего, оставляю сіе духовное завѣщаніе мое, составленное мною предъ Всевидячими Очами Божіими и написанное собственною моею рукою въ здравомъ смыслѣ:

1) Древней и знаменитой паствѣ Кіевской, отъ нея же возсіялъ свѣтъ христіанскія Вѣры во всѣ страны Россіи, любезнаго отечества нашего, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, завѣщаю первѣе всего и паче всего хранить твердо и непоколебимо святую Православную Вѣру, яко камень краеугольный, на которомъ зиждется благоденствіе и вѣчное спасеніе наше, яко неоцѣненное наслѣдіе отцевъ нашихъ и священный залогъ наслѣдія Царствія небеснаго. Завѣщаю именемъ Господа нашего Іисуса Христа хранить непоколебимую вѣрность Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Императору Николаю Павловичу и всему Его Богомъ благословленному Потомству.

2) Пастырямъ и священнослужителямъ Церкве Христовой завѣщаю проповѣдывать ревностно слово Божіе; наставлять на путь спасенія ввѣренныя попеченію ихъ души, искупленныя кровію Христовою, и ученіемъ и примѣромъ благочестивыя и добродѣтельныя жизни.

3) Возлюбленной мнѣ братіи святыя Кіевопечерскія Лавры Пресвятыя Богородицы завѣщаю и молю соблюдать иноческіе обѣты: цѣломудрія, послушанія, смиренія, воздержанія и нестяжательности въ чистотѣ совѣсти предъ Всевидящими очами Божіими, да не лишатся наслѣдія Царствія небеснаго, но да сподобятся получить вѣчную жизнь и спасеніе съ Преподобными отцами Антоніемъ и Ѳеодосіемъ и всѣми преподобными Печерскими, ихже молитвамъ и Матернему заступленію Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы вручаю святую Обитель сію, воистину чудотворную.

4) Начальникамъ и наставникамъ всѣхъ училищъ, а особенно духовныхъ, завѣщаю воспитывать дѣтей, ввѣренныхъ попеченію ихъ, въ страхѣ Божіи и всякомъ благочестіи, соблюдать тщательно ихъ цѣломудріе и чистоту, вкоренять въ сердцахъ ихъ Православную Вѣру и благочестіе отцевъ нашихъ, питать души ихъ словомъ Божіимъ, остерегать отъ заблужденій иновѣрныхъ, да будутъ они просвѣщены истиннымъ свѣтомъ Христовымъ и руководимы Духомъ Божіимъ, утверждать ихъ въ разумѣніи слова Божія, по изъясненію онаго святыми Отцами и Учителями вселенскія—Православныя Церкве.

5) Всѣмъ сословіямъ Кіевскія богоспасаемыя паствы оставляю миръ Божій и благословеніе Отца небеснаго во Христѣ Іисусѣ Господѣ и Богѣ и Спасителѣ нашемъ и благодать Святаго Духа.

6) Аще кого по немощи человѣческой оскорбилъ чѣмъ либо, или согрѣшилъ предъ кѣмъ, смиренно прошу прощенія, и всѣхъ отъ всего пастырскаго сердца прощаю во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ,—и поручаю себя молитвамъ всей любимой мнѣ досточтимой паствы. Аминь.

Отъ юности моей не былъ я любостяжателенъ.—Точію по нуждѣ и по приличію званія моего принадлежащее мнѣ, имущество завѣщаю употребить слѣдующимъ образомъ:

1) Святыя иконы, какія обрѣтаются въ келліяхъ, мною занимаемыхъ, оставить на своихъ мѣстахъ.

2) Бриліантовый крестъ, Высочайше пожалованный на клобукъ, при назначеніи меня Кіевскимъ Митрополитомъ,

отдапъ мною къ чудотворной Иконѣ Успенія Божіей Матери, при жизни моей. Прошу оставить оный навсегда при св. Иконѣ.

3) Алмазный крестъ на клобукъ, Высочайше пожалованный мнѣ въ званіи Казанскаго Архіепископа, а также и всю бѣлую крепу отдать въ ризницу Кіево-Софійскаго Собора, для употребленія преемниками моими.

4) Двѣ панагіи съ драгоцѣнными камнями отданы мною въ ризницу Кіевопечерскія лавры при жизни моей, которыя и должны навсегда оставаться въ оной.

5) Четыре панагіи и два креста на клобукъ-съ простыми камнями, отдать въ ризницу Кіевопечерскія Лавры (1).

6) Бархатныя и шелковыя рясы и подрясники, а также и матеріи завѣщаю отдать на ближнія и дальнія пещеры, для употребленія при святыхъ Мощахъ.

7) Библіотеку, мнѣ принадлежащую, завѣщаю Кіевской Духовной Семинаріи (2).

8) Ковры, столовые приборы, мнѣ принадлежащіе, всѣ безъ изъятіи предоставляю Кіевопечерской Лаврѣ.

9) Двое часовъ золотыхъ, а также шубы, пояса, бѣлье и одѣяла прошу отдать Кіевской Духовной Академіи Ректору, Архимандриту Антонію.

10) Всѣ прочія сребряныя вещи, какія останутся по смерти моей, а также и бронзовыя предоставляю Кіевской Лаврѣ (3).

11) Изъ денегъ, какія останутся по кончинѣ моей, тысячу рублей серебромъ употребить на погребеніе мое, изъ нихъ третью часть на нищихъ,—остальные за тѣмъ раздѣлить по ровной части на Кіевское Попечительство о бѣд-

---

(1) Собственною рукою покойнаго Митрополита отмѣчено такъ: панагіи три розданы мною, а одну остальную положить на меня.

(2) Рукою покойнаго отмѣчено: «Библіотека передана при жизни моей по принадлежности».

(3) Рукою его же отмѣчено: «Вещей сребряныхъ никакихъ не осталось, а также и бронзовыхъ».

ныхъ духовнаго званія и на содержаніе бѣдныхъ учениковъ Кіево-Софійскихъ духовныхъ Училищъ и отдать въ кредитное учрежденіе на вѣчное время.

12) За симъ сродникамъ моимъ по плоти никакого наслѣдства по кончинѣ моей не оставляю.

Сіе духовное завѣщаніе составилъ, собственною рукою написалъ и по листамъ скрѣпилъ и къ оному руку приложилъ Филаретъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Кіево-печерскія Лавры Священно-Архимандритъ.

17 Ноября 1847 года.
Кіевъ (1).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЗАВѢЩАНІЮ 1-е.

«16-го Апрѣля 1847 года. Прошу и смиренно умоляю Епархіальное и Лаврское начальство, по кончинѣ моей, совершить погребеніе въ соборной Кіевопечерской Лавры церкви Успенія Божіей Матери и предать бренное и грѣшное тѣло мое на ближнихъ св. пещерахъ, въ Крестовоздвиженской церкви, на правой сторонѣ у стѣны, противъ чудотворной Казанской иконы Божіей Матери. Памятника прошу не дѣлать, а только въ стѣнѣ утвердить доску съ приличною надписью. Тѣло мое прошу положить въ приготовленномъ мною гробѣ, который хранится въ домовой церкви преподобнаго Іоанна многострадальнаго въ Голосѣевой Пустыни. Смиренный Филаретъ, недостойный Митрополитъ Кіевскій соб-

(1) На подлинномъ завѣщаніи подпись такова: «Что сіе духовное завѣщаніе составлено и написано собственною рукою его Высокопреосвященства Филарета, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Кіевопечерской Лавры Священно-Архимандрита, въ томъ собственноручно свидѣтельствуемъ 20 Ноября 1851 года: Аполлинарій, Епископъ Чигиринскій, Викарій Кіевской епархіи. Намѣстникъ Лавры, Архимандритъ Лаврентій, Семинаріи Кіевской Ректоръ Архимандритъ Нектарій. Кіевопечерскія Лавры духовникъ, Іеросхимонахъ Парѳеній».

Подъ симъ засвидѣтельствованіемъ рукою покойнаго Митрополита подписано: «духовное завѣщаніе сіе утверждаю во всей силѣ» 28 Сентября 1857 года

ственноручно подписуюсь и имянемъ Господа нашего Іисуса Христа прошу и молю исполнить сіе мое завѣщаніе».

Тоже повторяю 17 Ноября 1851 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЗАВѢЩАНІЮ 2-е.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь.

«По сокровенному и неизглаголанному желанію и влеченію сердца моего данъ мною предъ Господомъ Богомъ обѣтъ воспріять на себя великій ангельскій образъ—святую схиму.—Обѣтъ сей исполненъ мною предъ всевидящими очами Господа Бога и Спасителя моего Іисуса Христа, съ нареченіемъ имяни преподобнаго отца нашего *Θеодосія* Печерскаго. Посему прошу и молю Духовный Соборъ святыя Кіевопечерскія Лавры, по кончинѣ моей, облечь грѣшное мое тѣло въ святую схиму, хранящуюся въ келліи моей, въ особомъ ящикѣ, которую и возложить сверхъ одежды новой, приготовленной на погребеніе мое. Паки и паки прошу и молю и завѣщаю имянемъ Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа исполнить сіе смиренное желаніе сердца моего неизмѣнно. Смиренный Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій».

28 Сентября 1857 года
Въ день памяти Преподобныхъ Отецъ нашихъ Печерскихъ.

Окончивъ чтеніе, читавшій заключилъ оное слѣдующими словами: «Святителю Божій,—Архипастырю и Отче нашъ!—слышимъ слухомъ сердца драгоцѣнные, отеческіе завѣты Твои, съ любовію пріемлемъ и лобызаемъ ихъ, и, Богу содѣйствующу, будемъ свято хранить ихъ.—Этимъ только и можемъ мы достойно почтить навсегда драгоцѣнную для насъ память Твою».

ГЛАВА XXV.

«Въ Бозѣ Почившій Архипастырь нашъ завѣщалъ не ставить никакого памятника надъ его могилою. Но, принадлежа къ числу тѣхъ, коихъ «*память во благословенiихъ*», онъ всею своею жизнію оставилъ неизгладимую память въ сердцахъ всѣхъ и каждаго, кто только видѣлъ его и вѣдалъ объ немъ.—Эта память будетъ, несомнѣнно, жива въ потомствѣ *вмѣстѣ съ памятiю о тѣхъ, близъ которыхъ* въ Бозѣ Почившій избралъ для себя и самое мѣсто посмертнаго покоища» (1).

«При сей благознаменательной усыпальницѣ въ Бозѣ Почившаго достоблаженнаго Святителя и Отца нашего, не нужно наше скудное слово. Для души и сердца эта усыпальница сама говоритъ и много, и поучительно. Буди же благословенъ, Учителю благій! Ты наставляешь насъ на путь истины и спасенія и по успеніи Твоемъ» (2).

Въ Завѣщаніи въ Бозѣ Почившаго читающіе видѣли, выраженныя имъ, смиренное желаніе и прошеніе: «предать бренное и грѣшное тѣло мое на ближнихъ св. пещерахъ, въ Крестовоздвиженской Церкви на правой сторонѣ у стѣны противъ св. Чудотворной Казанской иконы Божіей Матери; памятника же не дѣлать, а только въ стѣнѣ утвердить доску съ приличною надписью». Избраніе въ Бозѣ Почившимъ этого именно, а не инаго мѣста для своего покоища, скажемъ словами одного изъ Преемниковъ его,—«краснорѣчивѣе и дѣйственнѣе всякаго слова вѣщаетъ намъ—всѣмъ и каждому столько глубокознаменательнаго и поучительнаго, что́ возможно только болѣе воспринять сердцемъ и чувствовать, нежели разсуждать и выражать словами.—Да! Если онъ самъ—Почившій и здѣ нынѣ предлежащій безмолвствуетъ, — то одно присутствіе гроба его

(1) Слова изъ «Послѣднихъ дней» —Стр. 62.

(2) Слова изъ рѣчи, сказанной Высокопреосвященнѣйшимъ Исидоромъ, въ бытность его Митрополитомъ Кіевскимъ, послѣ заупокойной Литургіи и панихиды на могилѣ высокопр. Филарета въ день ангела его—1-го Декабря 1858 года.

именно при самомъ входѣ въ пещерныя виталища мужей Праведныхъ, нетлѣнно и чудодѣйственно почивающихъ (1), болѣе внятно и выразительно, нежели членораздѣльные звуки человѣческаго голоса, говоритъ всѣмъ и каждому, переступающему чрезъ сей священный прагъ: *пріидите и видите...* и пр ».

Избраніе высокопр. Филаретомъ описываемаго мѣста для своего погребенія, дѣйствительно, кромѣ духовно-назидательнаго значенія, замѣчательно и въ томъ отношеніи, что до сего времени никто изъ Первосвятителей Кіевскихъ не былъ погребенъ вообще въ Лаврѣ;—равно какъ никто изъ нихъ не имѣлъ и постояннаго жительства въ Лаврѣ. Въ лицѣ высокопр. Филарета положено, такимъ образомъ, самое первое начало и тому и другому.—Но замѣчательно, что всѣ одинъ за другимъ Преемники его послѣдовали этому примѣру неизмѣнно; высокопреосвященные Митрополиты — Исидоръ, Арсеній, Филоѳей имѣли постоянное жительство въ Лаврѣ, равно какъ тутъ же постоянно жительствуетъ и нынѣшній высокопреосв. Митрополитъ Платонъ.—Наконецъ двое изъ почившихъ Преемниковъ—Митрополиты—Арсеній и Филоѳей избрали себѣ и мѣста для своего погребенія, по примѣру же высокопр. Филарета, нигдѣ, какъ совмѣстно съ его могилою;—равно какъ и самыя могилы ихъ, подобно какъ и могила перваго, тоже не имѣютъ никакихъ памятниковъ, а надъ каждой изъ нихъ въ стѣнѣ утверждены только металлическія не большія доски съ надписями, подобныя доскѣ надъ могилою высокопр. Филарета. Представимъ самое описаніе послѣдней.

Доска, утвержденная въ стѣнѣ надъ могилою высокопр. Филарета, довольно значительной толщины, мѣдная позолоченная. Длина ея (поперегъ стѣны) двѣнадцать вершковъ, а ширина (сверху внизъ) девять вершковъ. Въ верхней части этой доски сдѣланы рельефныя изображенія слѣдующія: на самой срединѣ—митра съ крестомъ; съ правой стороны ея

(1) Прямо противъ мѣста погребенія высокопр Филарета находится дверь въ св Пещеры, въ которую обыкновенно проводятся всѣ для поклоненія св. Мощамъ Угодниковъ.

клобукъ Митрополитскій, а съ лѣвой — куколь Схимническій. Нѣсколько повыше этихъ предметовъ рельефно же изображены по обѣимъ сторонамъ — съ правой — рипида и трикирій, съ лѣвой — рипида и дикирій. Подъ этими же изображеніями сдѣлана вырѣзная крупными буквами надпись слѣдующаго содержанія:

«Здѣсь покоятся останки Синодальнаго Члена Высокопреосвященѣйшаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Священно-Архимандрита Кіево-Печерскія Лавры Филарета, въ схимонасѣхъ Ѳеодосія. Родился 17-го Апрѣля 1770-го года; постриженъ въ монашество 7-го Ноября 1798-го года; рукоположенъ во Епископа 1-го Іюня 1819-го года; Митрополитомъ Кіевскимъ и Священно-Архимандритомъ Кіево-Печерскія Лавры пожалованъ 18-го Апрѣля 1837-го года; принялъ схиму 13-го Августа 1841-го года. Скончался 21-го, погребенъ 29-го Декабря 1857 года».

Доска съ надписью укрѣплена въ стѣнѣ въ разстояніи отъ пола на два аршина съ четвертью. Надъ этою же доскою,—выше на три четверти аршина,—находится кіоть, устроеная въ видѣ равноконечнаго креста, въ которой размѣщены *пять* иконъ, кои всѣ одинаковаго размѣра—въ вышину девять вершковъ, а въ ширину семь вершковъ. Иконы эти слѣдующія и расположены въ крестообразной кіоти въ такомъ порядкѣ: въ самой срединѣ—икона Покрова Пресвятыя Богородицы; въ рядъ съ нею—съ правой стороны—Икона св. Священномученика Симеона Епископа Персидскаго,—а съ лѣвой—Св. Преподобнаго Ѳеодора Сикеота; на верху же надъ иконою Покрова—Икона св. Праведнаго Филарета милостиваго, а въ низу—Икона св. Преподобнаго

Θеодосія Кіево-Печерскаго.—Относительно устройства этой кіоти съ иконами, сколько намъ извѣстно за несомнѣнное, не было никакого распоряженія и даже намека со стороны самого высокопр. Филарета. Мысль объ устройствѣ ея возникла уже впослѣдствіи и собственно въ томъ значеніи, чтобы всѣми этими иконами изобразительно представить слѣдующее: Иконою Покрова Пресвятыя Богородицы то́, что въ Бозѣ Почившій родился при церкви во имя Покрова и питалъ, какъ извѣстно читателямъ, особеннѣйшія чувствованія вѣры къ Покрову Пресвятыя Богородицы;—иконою же—Священомученика Симеона—то́, что онъ родился въ день памяти сего Святаго—17 Апрѣля;—иконою же третьею,—что онъ нареченъ былъ при св. Крещеніи *Θеодоромъ*;—иконою св. праведнаго Филарета милостиваго—обозначить имя его, принятое въ монашествѣ,—а наконецъ послѣднею иконою — имя его въ схимничествѣ. Всѣ поименованныя иконы одного письма и простой работы, равно какъ и кіоть сдѣлана простая безъ всякой рѣзьбы и украшеній. Внутренность же самой могилы устроена такъ, что въ нее есть сходъ до самаго нижняго уровня ея, а въ ней на правую сторону къ самой стѣнѣ сдѣлана, такъ называемая, ниша на высотѣ отъ самаго низу на аршинъ съ четвертью, длиною же и шириною въ размѣрѣ самаго гроба, поставленнаго въ этой нишѣ ([1]). Закровъ надъ всею могилою сдѣланъ изъ обыкновенныхъ досокъ и наложенъ совершенно въ уровень съ поломъ церковнымъ; онъ покрытъ обыкновенно бываетъ простымъ ковромъ, на которомъ находится постоянно аналойный столикъ не высокій, а на немъ значительной величины крестъ на не большомъ пьедесталѣ. Предъ этимъ ана-

([1]) Въ бытность въ Кіевѣ въ 1867 году, слѣдовательно ровно черезъ десять лѣтъ послѣ блаженной кончины въ Бозѣ Почившаго, я—пишущій, съ благословенія, бывшаго тогда, Митрополита высокопр. Арсенія, имѣлъ утѣшеніе быть внутри самой могилы, вмѣстѣ съ бывшимъ тогда о. Благочиннымъ Лавры Игуменомъ Іоною,—гдѣ и видѣлъ все устройство могилы и сподобился не только зрѣть, но и осязать самый гробъ въ Бозѣ Почивающаго, съ обоняніемъ, Богу свидѣтельствующу, исходящаго отъ гроба, благоуханія; о чемъ, впрочемъ, засвидѣтельствовалъ мнѣ тогда же и самъ о. Благочинный, бывшій многажды во внутренности могилы,—засвидѣтельствовалъ не только отъ лица своего, но и отъ другихъ, водимыхъ имъ туда, лицъ.

лойнымъ крестомъ и совершаются обыкновенно паннихиды, какъ соборныя, назначенныя въ извѣстныя времена по опредѣленію Лаврскаго Начальства, такъ и всѣ, которыя совершать просятъ усердствующіе.—При одномъ взглядѣ на всю эту обстановку мѣста покоища въ Бозѣ почившаго Іерарха, отличающуюся такою смиренною простотою, такъ и чувствуется и зрится то́ же самое, что́ и *тамъ, куда* прямо отъ сего мѣста ведетъ открытый входъ,—т. е. «въ пещерныхъ виталищахъ нетлѣнно и чудотворно почивающихъ святыхъ Божіихъ Угодниковъ»... Потому-то, и предъ входомъ для благоговѣйнаго святаго поклоненія послѣднимъ и по выходѣ отъ нихъ, такъ и влечется и взоръ, и сердце для отданія долга молитвенной памяти съ подобающимъ поклоненіемъ и на мѣстѣ покоища перваго...

И, дѣйствительно, нужно быть только личнымъ не праздномысленнымъ очевидцемъ, чтобы признать и убѣдиться въ истинности и искренности всего, что́ бываетъ, въ средѣ вообще богомольцевъ и всѣхъ приходящихъ, на описываемомъ мѣстѣ покоища въ Бозѣ почивающаго Іерарха-Схимника Филарета—Ѳеодосія!... При видѣ же всего этого, такъ и вливаются въ самую глубину души тѣ мысли и истины, которыя выражены были, между прочимъ, въ одной изъ надгробныхъ рѣчей.—«Приникнемъ, братіе, благоговѣйною мыслію въ святилища таинъ Всевышняго и увидимъ, что предѣлъ жизни земной для *избранныхъ Его* не есть предѣлъ служенія послѣднихъ, но начало новаго и вящшаго молитвенно-ходатайственнаго за всѣхъ земнородныхъ... Такъ, и нашъ Архипастырь, яко истинно *избранный*, если оставилъ насъ здѣсь, то въ сердцѣ своемъ онъ перенесъ насъ всѣхъ туда..., дабы тамъ еще сосредоточеннѣе молить о насъ Отца Небеснаго яко о присныхъ чадахъ своихъ и ближе у самаго Престола Его выну ходатайствовать о сугубыхъ дарахъ всеспасительной благодати въ укрѣпленіе насъ при немощахъ нашихъ и въ преуспѣяніе во всемъ томъ, въ чемъ и чѣмъ онъ самъ подвизался и преуспѣвалъ вседѣйственною благодатію Божіею, *вземъ яремъ Господень отъ самой ранней юности своея* и *не озираясь вспять, дондеже управленъ былъ въ Царствіе Небесное.* — О! Пастырю нашъ благій! укрѣпи же насъ Твоимъ послѣднимъ благо-

словеніемъ въ сихъ утѣшительнѣйшихъ и священныхъ чувствованіяхъ вѣрованія и упованія нашего, и сохрани, и возрасти во многоплодіи все, посѣянное Тобою въ паствѣ твоей и въ сердцахъ всѣхъ вѣдавшихъ Тебя и *послушавшихъ слово истины* изъ устъ Твоихъ, всегда спасительное, живое и дѣйственное для всѣхъ и каждаго»!—А кто же—эти вѣдавшіе и послушавшіе!.. Отвѣтъ на это мы встрѣчаемъ въ другомъ надгробномъ словѣ (1)—отвѣтъ, къ которому приклонитъ слухъ свой, всеконечно, и всякій не только лично вѣдавшій и послушавшій, но,—позволимъ себѣ сказать,—и прочитавшій все настоящее наше посильное повѣствованіе, въ которомъ фактически изображено все то́, что́ выражено въ нижеслѣдующихъ поучительнѣйшихъ словахъ церковнаго проповѣдника.

«Отцы и матери семействъ! напечатлѣйте неизгладимо въ сердцахъ своихъ, что стремленіе къ доброму подвигу въ первый разъ возникло въ сердцѣ Почившаго Архипастыря нашего при чтеніи глубокознаменательныхъ повѣствованій о жизни Святыхъ Божіихъ. Не забывайте, что онъ, съ радостію сердечною вспоминая объ этомъ, съ болѣзнію сердца отзывался о теперешнемъ обычаѣ—учить дѣтей всему, и полезному и безполезному, кромѣ только единаго на потребу, такъ что дитя, выучившись всему, не только не знаетъ, но часто не умѣетъ и читать книгъ церковныхъ.

«Мужи именитые, почтенные величіемъ и славою! Поучитесь изъ жизни Почившаго, стоявшаго на свѣщницѣ святительскаго служенія старѣйшей каѳедры Церкви Россійской,—какъ можно и на высокихъ степеняхъ славы и величія не забывать о высшемъ званіи христіанина и ходить достойно сего званія.

«Мужи богатые, надѣленные отъ Господа въ изобиліи всѣми благами міра! Научитесь изъ примѣра Почившаго,—какъ во спасеніе свое употреблять избытки достатковъ своихъ».

«Юноши, крѣпкіе силами тѣлесными, не растратившіе и даровъ духовныхъ! Смотрите,—какое еще здѣсь на землѣ

---

(2) Слово, сказанное бывшимъ Инспекторомъ Кіевской дух. Академіи, нынѣшнимъ Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополит. Московскимъ.

благо для человѣка въ лѣтахъ зрѣлыхъ, а особенно въ лѣтахъ преклонной старости, если онъ отъ юности своея неуклонно слѣдуетъ заповѣдямъ Божіимъ; что́ же будетъ тамъ—на небѣ»?

«А для всѣхъ же вообще мнѣ слышится,—и да услышится каждымъ,—отъ гроба сего такое наставленіе: «Блюдите вѣру Православную, яко зѣницу ока; неуклонно держитесь св. Церкви, какъ спасительнаго Ковчега Божія; стяжите память смертную, какъ охраненіе отъ всѣхъ искушеній и соблазновъ грѣха; старайтесь воспитать въ сердцѣ любовь къ Сладчайшему Господу Іисусу Христу, сколь можно чаще соединялсь съ Нимъ въ св. Тайнахъ Его; стяжите терпѣніе и благодушіе въ скорбяхъ и напастяхъ, преданность въ волю Божію во всѣхъ житейскихъ обстояніяхъ. Если исполните сіе, не далече будете остоять отъ царствія Божія».

Впрочемъ, если бы кто помыслилъ, что въ приведенныхъ словахъ проповѣдывавшихъ могла быть принесена, такъ, или иначе, дань, такъ называемаго, панигиризма и самыя проповѣдывавшія лица были, болѣе или менѣе, не независимы отъ общихъ и своихъ личныхъ впечатлѣній и чувствованій, по причинѣ самой поразительности факта и трогательности всѣхъ дѣйствій при отданіи послѣдняго церковно-молитвеннаго долга въ Бозѣ Почившему Архипастырю,—то развернемъ два другихъ свитка, въ которыхъ содержатся вѣщанія тѣхъ, которые предстали гробу въ Бозѣ Почившаго спустя долгое время,—одинъ черезъ годъ, а другой черезъ три и предстояли предъ нимъ, какъ высшедостойнѣйшіе Іерархи и Преемники его Первосвятительскаго служенія. И что́ жъ услышимъ мы въ этихъ вѣщаніяхъ самихъ Первосвятителей?! Услышимъ то́, чему труднѣе всего можетъ вѣрить нашъ маловѣрный вѣкъ, способный и готовый, скорѣе и болѣе всего, по изреченію св. Апостола, *влаяться всякимъ вѣтромъ ученія, навѣваемаго*, по выраженію одного изъ упоминаемыхъ теперь нами Первосвятителей, *духомъ времени*, излишне прихотливаго, своенравнаго, *мудрствующаго паче, неже подобаетъ мудрствовати* и не о томъ, о чемъ подобаетъ»... Да! мы услышимъ въ вѣщаніяхъ обоихъ Первосвятителей, или точнѣе—увидимъ въ лицѣ и соб-

ственномъ состояніи ихъ то́, что́ свойственно только истинно *смиренномудрствующимъ о Господѣ*!! Въ самомъ дѣлѣ трудно опредѣлить,—при всемъ вожделеннѣйшемъ вниканіи въ содержаніе двухъ этихъ рѣчей, сказанныхъ Первосвятителями на мѣстѣ самаго покоища въ Бозѣ Почивающаго ихъ Предмѣстника,—желали ли они поучать здѣсь своихъ пасомыхъ и всѣхъ предстоявшихъ, или, болѣе всего, чувствовали и сознавали духовную потребность въ поученіяхъ для самихъ себя, и не въ поученіяхъ только, но и въ самомъ воспріятіи,—какъ изрекъ одинъ изъ нихъ,—«того великаго и высокаго духа и той благодатной силы, съ которыми такъ благоуспѣшно и благоплодно управлялъ ихъ Предмѣстникъ бывшею его паствою и имъ теперь, преемственно, ввѣренною отъ Господа».

Представляемъ благовниманію читающихъ подлинное содержаніе указываемыхъ рѣчей (1), изъ коихъ первая была сказана, бывшимъ непосредственнымъ Преемникомъ высокопр. Филарета,—Высокопреосвященнѣйшимъ Исидоромъ, назначеннымъ изъ Екзарховъ Грузіи на Кіевскую Митрополію въ 1858 г., а вторая—Высокопр. Арсеніемъ, поступившимъ на Кіевскую Митрополію изъ Архіепископовъ Варшавскихъ въ 1860-мъ году. Обѣ эти рѣчи были произнесены послѣ служенія Литургіи и паннихиды въ день ангела въ Бозѣ Почившаго—1-го Декабря на мѣстѣ самой его могилы.

Рѣчь Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Исидора, нынѣшняго Порвосвятителя С.-Петербургскаго.

«Вѣчная память Тебѣ, достоблаженный Святитель и Отецъ нашъ! Она не умретъ во устахъ и въ сердцахъ нашихъ. Отдаленные роды будутъ воспоминать имя Твое съ благоговѣніемъ.

«При сей благознаменательной усыпальницѣ въ Бозѣ Почившаго, не нужно наше скудное слово. Для души и сердца она сама говоритъ и много и поучительно.

«Не будемъ нарушать его покоя суетными похвалами. Смиренномудрый не искалъ ихъ въ жизни,—не требуетъ и по смерти.—Его похвала у Бога и слава въ Бозѣ!

---

(1) Представляемъ съ нѣкоторыми сокращеніями содержанія рѣчи высокопр. Арсенія, которая очень пространна.

«Преклонивъ главу свою подъ сѣнію св. образа Христа Спасителя и Царицы Небесной, Обители Коей посвящены были многолѣтніе труды его, Святитель какъ бы говоритъ намъ: «вотъ мое упованіе и покровъ! Въ милосердіи Господа и заступленіи Матери Его и вы обрящете и утѣшеніе въ скорбѣхъ, и силу въ немощѣхъ, и врачеваніе недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ».

«Сколько назидательныхъ мыслей внушаетъ самое мѣсто, избранное имъ для упокоенія бреннаго тѣлесе своего. Благочестивая душа, любившая уединяться въ сіи св. Пещеры и молитвенно бесѣдовать съ *друзьями Божіими*, въ глубокомъ смиреніи избрала себѣ жребій *какъ бы привратника* у входа въ сей чертогъ Праведниковъ, богатно украшенный сокровищами духовными и славою нетлѣнныхъ Мощей ихъ. Не внятно ли для сердца это смиреніе говоритъ намъ: «сюда—сюда обращайте ваши мысли и желанія.—Возмите свои свѣтильники вѣры и любви, и идите за мною;—я вамъ повѣдаю дѣла Угодниковъ Божіихъ, и они дадутъ вамъ духъ умиленія, согрѣютъ сердце любовію ко Господу, вдохнутъ соревнованіе къ подвигамъ благочестія. «Буди же благословенъ, Учителю благій! Ты наставляешь насъ на путь истины и спасенія и по успеніи Твоемъ. «Вѣчная память Тебѣ, Пастырю Добрый! Помяни насъ въ молитвахъ Твоихъ» (1).

Рѣчь Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, бывшаго Митрополита Кіевскаго.

«И такъ сбылось Твое слово предвѣщательное, Іерархъ приснопамятный, и совершилось желаніе Твое давнее... Я, по судьбамъ Божіимъ, здѣсь—на томъ самомъ мѣстѣ, которое, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, Ты самъ лично указалъ мнѣ, какъ мѣсто своего посмертнаго покоища до дне великаго и просвѣщеннаго... Я въ Твоей любимой Обители, о которой Ты, въ продолженіи всего своего пребыванія въ ней, такъ усердно и ревностно заботился,—на той самой Каѳедрѣ, на которой столько лѣтъ возсѣдалъ Ты съ толикою славою. Но гдѣ тотъ великій и высокій духъ и та благо-

(1) Смотр. Воскресное Чтеніе. 1858 г. № 42.

годатная сила, съ которыми Ты такъ благоуспѣшно и благоплодно управлялъ ввѣренною Тебѣ паствою? Почто Ты не оставилъ ихъ своимъ Преемникамъ?! Для чего, по крайней мѣрѣ, меня немощнаго и духомъ и тѣломъ не предварилъ Ты, подобно Иліи, о времени Твоего отшествія изъ сей юдоли земной, дабы и я, подобно Елисею, могъ испросить у Тебя *милоть* Твою и съ нею *духъ сугубый, иже въ Тебѣ*, столь нужный и благопотребный и по обстоятельствамъ настоящаго времени, излишне прихотливаго и своенравнаго, и по всеобщему настроенію умовъ къ перемѣнамъ неизвѣданнымъ, къ нововведеніямъ не всегда безопаснымъ?.. И ты по любви своей къ благу человѣчества, вѣрно, не отказалъ бы мнѣ.

«Но нѣтъ отвѣта на наши воззванія; нѣтъ гласа послушанія на наши вопрошенія: безмолвно почиваетъ Тотъ, который не любилъ молчать, когда призывали его къ слову благо Церкви и польза ближнихъ;—неумолимая смерть на вѣки сомкнула уста его благоглаголивыя.

«Сомкнула,—безпорно; но только для насъ, а не для Бога. Тамъ онъ и нынѣ, какъ прежде, вопіетъ ко Господу объ насъ и о нашемъ спасеніи; и мы вѣруемъ, что молитвенный вопль его и по ту сторону гроба не останется безплоднымъ.

«Онъ безмолствуетъ,—но его безмолвіе не громче ли и не краснорѣчивѣе ли всякаго другаго слова, взываетъ къ намъ: «сюда, сюда—къ подножію Спасителя, при которомъ мнѣ нынѣ такъ отрадно и радостно въ чаяніи жизни вѣчноблаженныя покоиться,—сюда придите вси *труждающіися и обремененіи* грѣхми и скорбми многими, и въ немъ обрящете покой душамъ вашимъ; оставьте суету мірскую и кладенцы міра сокрушенные, не могущіе содержати воды спасительныя...

«Онъ—Архипастырь и отецъ нашъ безмолвствуетъ,—но присутствіе гроба его при самомъ входѣ въ пещерныя виталища мужей Праведныхъ, нетлѣнно и чудодѣйственно здѣ почивающихъ, развѣ менѣе внятно и выразительно, нежели членораздѣльный звукъ человѣческаго голоса, говоритъ всѣмъ и каждому, переступающему чрезъ сей священный прагъ: «пріидите и видите, коль благъ и милостивъ Господь ко всѣмъ воистину любящимъ Его и соблюдающимъ

заповѣди и оправданія Его, въ самомъ тлѣніи украшая и увѣнчавая ихъ нетлѣніемъ и въ смерти безсмертіемъ, *ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте ихъ вѣрѣ*»?

«Утѣшимся убо, возлюбленные братія, въ утратѣ нашей и возблагодаримъ въ Бозѣ Почившаго Святителя и Отца нашего за дарованіе намъ столь великаго утѣшенія въ самомъ избраніи имъ для себя покоища на семъ мѣстѣ, въ сей оградѣ благоухающей святыни .. Будемъ отъ времени до времени приходить сюда и при его гробѣ поучаться его добродѣтелямъ; возобновляя въ памяти свѣтлыя стези его на разныхъ поприщахъ его высокаго служенія; будемъ пріучать себя ходить по нимъ съ такою же непоколебимою вѣрою въ Бога и любовію къ ближнимъ, съ такимъ же благодушіемъ и терпѣніемъ въ скорбяхъ и напастяхъ, съ какими онъ прошелъ весь свой многолѣтній путь жизни отъ начала до конца, и вмѣстѣ молиться объ немъ, да сопричтетъ его Господь къ сонму *Избранныхъ Своихъ*, съ которыми онъ любилъ молитвенно бесѣдовать при жизни и жаждалъ вѣрою упокоиться купно съ ними и по смерти, а потому и возжелалъ возлечь въ мертвенныхъ своихъ останкахъ не гдѣ либо, какъ при самомъ входѣ въ нихъ, благоухающія святынею, виталища».

И такъ, если для кого либо *не довлѣло бы свидѣтельство*, приведенныхъ выше, словъ въ надгробныхъ рѣчахъ, то *при двою сихъ свидѣтелѣхъ*—самихъ Преемникахъ въ Бозѣ Почившаго—Первосвятителяхъ Россійской Церкви, да *станетъ глаголъ* истины, изреченной Премудрымъ;—«*Не отъидетъ память Его*—въ Бозѣ Почившаго,—*и имя его поживетъ въ роды родовъ. Премудрость его повѣдятъ людіе; и хвалу его исповѣсть Церковь*» (Сирах. XXXIX. 12—13). Потому-то и мы поставили въ самомъ началѣ нашего труда (1) это изреченіе, какъ оправдавшееся во всемъ житіи и дѣяніяхъ въ Бозѣ Почившаго.

Этими отраднѣйшими и поучительнѣйшими мыслями и истинами мы и готовы были бы закончить все наше повѣ-

(1) Смотр. третій эпиграфъ на первой страницѣ.

ствованіе, въ томъ вожделѣнномъ и несомнѣнномъ убѣжденіи и упованіи, что и всѣ, со вниманіемъ прочитавшіе его, признаютъ эти мысли и истины во всемъ ихъ значеніи.— Но за нами остается еще не досказанное слово—именно о томъ, что́ выражено нами; въ слѣдъ же за вышеприведеннымъ изреченіемъ Премудраго, въ слѣдующихъ словахъ:

«*Сто слишкомъ лѣтъ протекло отъ рожденія и тридцать—уже послѣ блаженной кончины Высокопреосвященнаго Филарета, бывшаго Митрополита Кіевскаго; но доселѣ не явилось въ нашей литературѣ цѣльнаго и полнаго жизнеописанія этого Святителя Божія, бывшаго, истинно, свѣтильникомъ и украшеніемъ не для Кіевской только паствы, но и для всей Православной Русской Церкви*» (1).

Эти слова не наши только, какъ собственныя; мы встрѣчали ихъ, хотя и не въ тожественныхъ выраженіяхъ, и на страницахъ современной литературы. Нашими же признаемъ мы ихъ въ томъ смыслѣ и въ той мѣрѣ, насколько, естественнѣе всего, должны были быть присущи намъ самыя мысли и намѣренія и желанія, когда только мы благословлялись предпринять свой трудъ составленія Біографіи въ Бозѣ Почившаго Первосвятителя. Скажемъ болѣе,—эти слова были выражаемы и самимъ тѣмъ, кто благословлялъ насъ на сей трудъ и наконецъ завѣщалъ выполнить его.—Мы разумѣемъ въ Бозѣ почившаго высокопр. Антонія, бывшаго Архіепископа Казанскаго, который,—о чемъ сказано было нами въ предисловіи къ его Біографіи,—сильно озабочивался этимъ дѣломъ и положительно укорялъ себя, что прошло столько уже лѣтъ по кончинѣ его дяди, завѣщавшаго лично ему составленіе своей Біографіи, а онъ не могъ собраться и приступить къ этому... и что, пожалуй, дѣло выйдетъ слишкомъ опоздалымъ и, такимъ образомъ, и самая память о въ Бозѣ Почившемъ можетъ значительно ослабиться... Такія и подобныя мысли и чувствованія высокопр. Антоній высказывалъ въ особенности по поводу двухъ фактовъ: во первыхъ—когда скончался (19-го Ноября 1867 г.) высокопр.

(1) Смотр. послѣдній эпиграфъ тамъ же.

Митрополитъ Московскій Филаретъ, и во вторыхъ, — когда исполнилось, въ 1879-мъ году 17-го Апрѣля, *столѣтіе* со дня рожденія высокопр. Филарета Кіевскаго. Въ первомъ разѣ высокопр. Антоній, какъ бы въ чувствѣ ревности въ отношеніи къ своему дядѣ, высказывался такъ: «вотъ, видишь, какъ торжественно совершено погребеніе Московскаго Владыки,—сколько собралось Святителей и въ томъ числѣ изъ Членовъ Св. Сѵнода... и Св. Сѵнодъ не замедлилъ распорядиться о повсемѣстномъ во всей Россіи совершеніи заупокойныхъ моленій и о поминовеніи Усопшаго въ теченіи цѣлаго года».—За тѣмъ же,—какъ только вышла, немедленно по кончинѣ высокопр. Митрополита Московскаго Филарета, книга г. Сушкова,—Владыка Антоній еще болѣе приложилъ это къ сердцу.—«Вотъ видишь, говорилъ онъ, какіе добрые люди нашлись, что смертные останки Московскаго Владыки не успѣли еще, какъ говорится, и остыть, а уже объ немъ издана такая огромная книга, какъ есть—почти цѣлая біографія..., и, нѣтъ сомнѣнія, съ какимъ особенно живымъ сочувствіемъ она будетъ прочитана всѣми и всюду»... Наконецъ, въ самый же день исполнившагося *столѣтія* своего дяди-Владыки Филарета, высокопр. Антоній всего болѣе возчувствовалъ всю свою виновность... «Ахъ! какъ бы вотъ было особенно благовременно изданіе Біографіи Владыкиной—«къ нынѣшнему дню столѣтія его!! Но, увы! я теперь вижу ясно, что и самъ-то первый не доживу, чтобы увидѣть исполненіе, возложеннаго на меня, дядею долга по его завѣщанію... (Высокопр. Антоній, спустя семь мѣсяцевъ послѣ этого, скончался).—При этомъ же выражено было высокопр. Антоніемъ и то чувство прискорбія, что самый день *столѣтія* дяди его остался какъ бы никѣмъ не замѣченнымъ!! О! какъ бы Господь благословилъ и благоспѣшилъ хотя тебѣ исполнить твой трудъ, который я тебѣ теперь окончательно завѣщеваю...; ты этимъ снимешь и съ меня хоть половину виновности моей предъ Владыкою-дядей».—Да, вотъ почему вышеприведенныя слова мы и признаемъ, и по праву и по долгу, *нашими*, такъ какъ и самыя мысли, и чувствованія высокопр. Антонія были и обращены прямо лично къ намъ.

Впрочемъ, прилагая къ себѣ, выраженныя лично высокопр. Антоніемъ, мысли и чувствованія, мы, тѣмъ не менѣе, позволяемъ себѣ сказать, что раздѣляемъ ихъ не всѣ и вообще не во всей полнотѣ и точности ихъ значенія. И въ свое время мы разумѣли эти мысли и чувствованія не иначе, или, по крайней мѣрѣ, болѣе всего въ томъ отношеніи и смыслѣ, что онѣ были совершенно естественны въ приложеніи къ личному состоянію выражавшаго ихъ, какъ ближайшаго родственника и по плоти и по духу... почему онѣ и отзывались, какъ замѣчено нами, похожими и на ревность и самоукореніе. . Правда, намъ приводилось слышать не разъ и отъ довольно многихъ лицъ, въ родѣ и смыслѣ такихъ же разсужденій относительно напр., оставшагося совершенно неизвѣстнымъ, дня *столѣтія* высокопр. Филарета Кіевскаго, особливо когда совершилось особенно торжественно во всей Имперіи празднованіе *дня столѣтія* высокопр. Филарета Митрополита Московскаго (26-го Декабря 1882 г.), и, отчасти, относительно торжественности погребенія послѣдняго и повсемѣстнаго поминовенія его; таковыя же бывали разсужденія и относительно того, что о высокопр. Филаретѣ Кіевскомъ почти-что нигдѣ и ничего особеннаго не напечатано..., и что имя и память его, такимъ образомъ, съ разу сокрыты какъ бы подъ спудомъ... А впрочемъ, присовокупляли нѣкоторые,—и писать-то о Митрополитѣ Кіевскомъ Филаретѣ можно и должно развѣ только одно,—что онъ былъ-де, дѣйствительно, истинный монахъ и великій подвижникъ, а отъ того-то онъ принялъ даже и схиму, хотя и потаенную».

Всѣ эти мысли и разсужденія, начиная съ выраженныхъ покойнымъ высокопр Антоніемъ, конечно, имѣютъ подъ собою своего рода и въ своей мѣрѣ почву и основанія. На нѣкоторыя изъ этихъ мыслей есть указанія даже и въ литературѣ. Такъ наприм. относительно мнѣнія о высокопр Филаретѣ, какъ исключительно о монахѣ-аскетѣ, читатели припомнятъ, конечно, приводимыя нами въ своемъ мѣстѣ (1), такія буквальныя слова,—взятыя со страницъ

(1) Смотр настоящій Том. III. стр. 41 и 71.

Историческаго Вѣстника: «Не безъизвѣстно, что высокопр. Филарета Митрополита Кіевскаго обыкновенно считали и считаютъ исключительно монахомъ-аскетомъ и по убѣжденіямъ, и по жизни и, потому, какъ бы чуждымъ совершенно всякихъ земныхъ дѣлъ и проч.;—между тѣмъ какъ эти дѣла́, (о которыхъ сказано въ указанномъ мѣстѣ) изображаютъ и освѣщаютъ личность его съ такой стороны, о которой меньше всего извѣстно и въ печати, и даже для лицъ, достаточно знавшихъ его, именно со стороны и его дальновидности, и житейской мудрости, и опытности и проч.» (1). Такъ точно и другой Авторъ, нами прежде упоминавшійся, разсуждаетъ, въ этомъ же отношеніи о высокопр. Филаретѣ, такъ:—«Какъ высоко стоялъ высокопр Филаретъ Митрополитъ Кіевскій въ общественномъ мнѣніи, какимъ почетомъ окружено было его имя,—это можно видѣть изъ тѣхъ, хотя и не многихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, какія можно встрѣтить въ разныхъ духовныхъ журналахъ. Всѣ съ глубокимъ уваженіемъ относились къ нему, пока онъ жилъ и дѣйствовалъ; когда же его не стало, повсюду скорбѣли о немъ. Между тѣмъ должно сказать, что доселѣ онъ не возбудилъ еще къ себѣ и своимъ трудамъ должной внимательности. Доселѣ не только не имѣется въ печати хотя бы и краткаго, но цѣльнаго жизнеописанія его, не сдѣлано и оцѣнки его дѣятельности административной и въ прочихъ отношеніяхъ; нѣтъ даже отрывочныхъ, болѣе или менѣе полныхъ и подробныхъ, біографическихъ о немъ свѣдѣній. Его скорѣе и болѣе всего считаютъ только за аскета и консерватора»...

Что же касается тѣхъ мыслей и чувствованій, которыя по преимуществу выражалъ высокопр. Антоній по ревности о чести и славѣ своего дяди, т. е. что и къ кончинѣ и погребенію его относились какъ бы безучастно Святители Русской Церкви, и что самый день столѣтія въ Бозѣ Почившаго прошелъ совершенно не замѣченнымъ, то отвѣ-

(1) Смотр Историческій Вѣстникъ 1885 г, Сентябрь. Приведенныя слова принадлежатъ Профессору Кіев дух. Академіи г Петрову, обнародовавшему въ этомъ Вѣстникѣ извѣстные документы о дѣйствіяхъ высокопр. Филарета ..

томъ на это да послужитъ и намъ самимъ, и всѣмъ, истинно почитающимъ имъ и память въ Бозѣ Почившаго, истинно богомудренныя слова Того, Кто наименовавъ его «*достоблаженнымъ Святителемъ и Отцемъ своимъ и нашимъ*» рекъ: «Не будемъ нарушать его блаженнаго покоя земными похвалами!.. Онъ—Смиренномудрый не искалъ ихъ въ жизни своей,—не требуетъ и по смерти. Его похвала у Бога и слава вся въ Бозѣ»... (1).

Наконецъ, что̀ сказать о томъ, о чемъ такъ сильно сокрушался и въ чемъ самъ себя укорялъ и винилъ покойный же Владыка Антоній, когда только представлялъ себѣ, что на слишкомъ долгое время задлилось составленіе Біографіи его Дяди?! Употребить ли въ отвѣтъ на это обыкновенное выраженіе «хотя и поздно, но лучше чѣмъ никогда,—или повторить слова Премудраго: «*всему свое время*»... или, что̀ всего точнѣе и справедливѣе, признать здѣсь истину, изреченную тѣмъ же Премудрымъ: «*Въ Руцѣ Господни власть земли, и потребнаго (мужа) Онъ воздвигаетъ во время на ней*»; (Сирах. X. 4) и слѣдовательно, остается доказать,—Онъ же Самъ Единый *во время же благопотребное* воззываетъ и являетъ на землѣ и имя, и память, и житіе, и дѣянія всѣхъ *таковыхъ мужей*, по реченному: «*Блаженни умирающіи о Господѣ. Ей, глаголютъ Духъ: да почіютъ отъ трудовъ своихъ;—дѣла бо ихъ во слѣдъ ихъ грядутъ*» (Апок.). И не такъ ли поступаетъ и сама Исторія, разумѣемая во всей строгой точности ея значенія, какъ, по выраженію самаго слова Божія,—*книга бытія человѣка* (Быт. V. I.)? Исторія не спѣшитъ вносить въ свои вѣковѣчныя скрижали и имена, и дѣянія лицъ, и самыя событія и факты, какъ говорится, по горячимъ слѣдамъ, а собираетъ ихъ *до времени* только на страницахъ своихъ лѣтописей, предоставляя и право, и задачу окончательнаго суда и оцѣнки потомству и вообще *самому времени*. Время же, разумѣемое историческое, и есть лучшій и *пробирщикъ* и *оцѣнщикъ*... даже самыхъ

(1) Слова въ рѣчи Высокопреосвященнѣйшаго Исидора Митрополита С.-Петербургскаго.

историческихъ сказаній и, въ особенности, тѣхъ въ нихъ взглядовъ, какіе установляются по ближайшимъ только соображеніямъ и съ одной феноменальной стороны, а не въ цѣльной, такъ сказать, панорамѣ всѣхъ, и предшествующихъ и послѣдствующихъ, данныхъ, болѣе или менѣе непосредственно относящихся къ самымъ предметамъ повѣствованія, какъ неотъемлемыхъ, такъ называемыхъ, аттрибутовъ и аксессуаровъ, личныхъ ли, или фактическихъ; — однимъ словомъ — когда установляются указываемые взгляды *внѣ времени* — въ значеніи его духа и status — quo и, притомъ, простирающихся на цѣлый, болѣе или менѣе, цѣлостно сложившійся и опредѣлившійся, въ своемъ характерѣ и значеніи, періодъ, повременно переживаемаго, «*бытія человѣка*» (Быт. V. I). И, вотъ, въ силу этого-то, такъ сказать, аксіоматически-историческаго требованія, мы и вели свой трудъ не иначе, какъ въ указываемомъ смыслѣ и видѣ, — а потому и озаглавили наше біографическое повѣствованіе такъ:

«Высокопреосвященный Филаретъ, въ схимонашествѣ Ѳеодосій (Амфитеатровъ), Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, *и его время.*»

Благословившись издать въ свѣтъ настоящій свой посильный трудъ, мы питаемъ одно всеискреннѣйшее чувство желанія и упованія, «дабы, — скажемъ поучительнѣйшими, прежде приводимыми, словами нашего, знаменательно *долгоденствующаго* Маститѣйшаго Первосвятителя Царственнаго града, — въ Бозѣ почившій *достоблаженный Святитель и Отецъ нашъ*, какъ во всемъ житіи своемъ оправдалъ на себѣ слово Господне — «*Иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ Царствіи небесномъ*» (Матѳ. V. 19) (1), поучая житіемъ своимъ, такъ *и по блаженномъ успеніи своемъ, да наставляетъ на путь истины и спасенія* всѣхъ, ревнующихъ шествовать по благимъ стезямъ житія и всѣхъ дѣяній его, какія кто узритъ и найдетъ при-

---

(1) Слова эти поставлены нами во второмъ эпиграфѣ на первой страницѣ.

ложимыми и благоисполнимыми для себя и по званію, и состоянію своему въ предлагаемомъ для назиданія подробномъ жизнеописанія его.—Въ этихъ собственно, Богу свидѣтельствующу, чуствахъ и помышленіяхъ, и цѣляхъ, былъ принятъ на себя и выполненъ нами настоящій трудъ нашъ, весь посильный успѣхъ въ которомъ мы приписываемъ, по вѣрѣ нашей, благословенію и молитвамъ самого же *достоблаженнаго* въ Бозѣ Почившаго Первосвятителя, предстательствомъ и ходатайствомъ котораго предъ Престоломъ Всевышняго да управится *и прочее время живота нашего* по стезямъ его, столько назидательнымъ и богоспасительнымъ, на сколько могли мы чувствовать и воспринять это въ глубинѣ души нашей во все продолженіе труда нашего. Сего молитвенно братски о Господѣ благожелаемъ и всѣмъ читающимъ!

„Аще кто изъ чтущихъ кая либо къ писанїихъ нашихъ писательская, или иная погрѣшенїя и неисправленїя обрящетъ, любовїю ея да покрыетъ, могїй же исправити да исправитъ (1).

Конецъ и Богу слава.

Авторъ-Архимандритъ Сергій.

Казань.
Зилантовъ Успенскій
Монастырь

---

(1) Слова изъ Предисловія Святителя Христова св. Димитрія Ростовскаго къ изданію «Житій Святыхъ».

ОПЕЧАТКИ.

(ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ТОМѢ)

Стран.	*Строка.*	*Напечатано*	*Слѣд читать*
4	21 сверху	настоящей	настоящій
13	въ эпиграфѣ	оппозиціи	оппозицію
14	15 снизу	не рѣдкій	не рѣдкія
21	2 сверху	умѣетъ	съумѣетъ
28	16 сверху	устраняемы	устроямы
57	8 снизу	Толстову	Толстому.
58	5 снизу	удвоились	удвоилось
59	18 сверху	прежней	прежній
62	26 сверху	грамотѣ,	грамоты,
62	5 снизу	заключалось	заключалась
64	10 сверху	соглашались	соглашалась
64	12 снизу	поручанія	поруганія
98	8 сверху	проходитъ	проходить
107	21 сверху	Благословію	Богословію
107	24 сверху	преподобному	преподанному
109	6 сверху	дль	для
112	14 сверху	глубокомъ	глубокимъ
133	13 сверху	бомбардирскѣ,	бомбардировкѣ,
140	2 снизу	тесть,	шесть,
144	7 сверху	не могли	не могла
161	2 сверху	срсдоточенію	сосредоточенію
165	5 снизу	объясненій	объясненіе
167	5 снизу	богословскій	богословской
172	2 снизу	крусъ	курсъ
183	3 снизу	состояніи	состоянію
194	19 сверху	составилъ,	оставилъ,
196	10 сверху	не	онъ
203	5 сверху	распространялись	распространялась
204	5 снизу	бо̀льшему	къ бо̀льшему
222	3 снизу	глубознаменательное	глубокознаменательное
229	15-16 сверху	из-ложномъ	из-ложены
238	3 снизу	съ кортоыми	съ которыми
241	5 снизу	спросить	спроситъ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣд. читать.*
286	2 снизу	всѣихъ	великихъ
288	6 снизу	компроментировалось	компрометтировалось
314	14 сверху	излагались	излагалось
334	7 сверху	подобны,	подобныя
336	9 сверху	Доказательство	доказательства
345	6 снизу	доказывать	доказываетъ
363	3 снизу	не неугасимый,	неугасимый.
388	10 снизу	потреблялось	употреблялось
400	15 снизу	епархіальнаго	епархіальнаго
403		глава XV	глава XVII
409	18 сверху	мѣніе	менѣе
454	2 сверху	Аристарцемъ	Архистарцемъ
457	23 сверху	его	егда
459	22 сверху	принятіе	принятое
462	10 снизу	сплененій	сплетеній
473	8 снизу	преподничествѣ	преподобничествѣ
489	6—7 снизу	перехо-дить	перехо-дитъ
511	1 сверху	не шпортила	не испортила
527	2 снизу	но изъ іезуитовъ,	не изъ іезуитовъ
553	5 сверху	Величество	Высочество
601	18 сверху	отрицательномъ	отрицательномъ смыслѣ
612	11 снизу	а право	и право
619	20 сверху	обученіе	обученіемъ